ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР И КБНЦ РАН

ИСТОРИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В ТРУДАХ Г. А. КОКИЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ И ДОКУМЕНТОВ

Выявление, археография, составление,
вступительная статья Г. Х. Мамбетов

Нальчик • ГП КБР «Республиканский
полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»
Издательский центр «Эль-Фа» • 2005

.э-;

Ь ИГИ КБР,
2005

) Г. Х. Мамбетов. Составление,
предисловие, 2005

Тjг И 0503020900-079
Т 43(03)-2005 без объявл –

) ГП КБР «Республиканский
полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский
центр «Эль-Фа», 2005

ISBN 5-88195-671-0 ,, .

Г. А. КОКИЕВ - ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ КАБАРДЫ

Георгий (Батока) Александрович Кокиев родился 4 апреля 1896 г. в сел. Христианском (ныне Дигора) Северной Осетии в семье народного сказителя Фацбая (Александра).

В 1915 г. при содействии известного деятеля осетинской культуры Х. Уруймагова Г. А. Кокиев, занимавшийся самообразованием, сдал при Ардонской духовной семинарии экзамены на звание учителя начальной школы. Как видно из первой записи в его трудовой книжке, в сентябре 1917 г. он был назначен учителем начальных училищ Балкарии и Северной Осетии. В годы Гражданской войны на Тереке (1918—1919) в составе краснопартизанских отрядов сражался против деникинской армии.

В 1920 г. Г. А. Кокиев поступил в Московский археологический институт и окончил его в 1923 г. Одновременно он преподавал историю в средних школах № 24 и № 39 Краснопресненского района г. Москвы. В 1925-1929 гг. учился в аспирантуре Научно-исследовательского института народов Востока Российской ассоциации НИИ общественных наук (РАНИИОН) и окончил его по специальности «История и этнография»[1]. В 1926 г. Г. А. Кокиев опубликовал первую работу «Очерки истории Осетии». С 1929 г. он вел активную преподавательскую работу. В 1930 г. его пригласили на должность доцента Московского университета, где читал курс истории Кавказа. В 1931-1939 гг., будучи действительным членом Центрального музея СССР, заведовал его сектором Кавказа. В 1934 г. профессор Г. А. Кокиев был приглашен в Московский институт истории, языка и литературы (МИФЛИ). В 1939 г. после защиты диссертации доктора исторических наук по теме «Крестьянская реформа в Северной Осетии» он стал признанным кавказоведом. С началом Великой Отечественной войны Г. А. Кокиев эвакуировался в г. Алма-Ату, где работал до 1943 г. зав. кафедрой истории СССР Казахского госпединститута им. Абая, а также читал курс истории СССР на высших партийных курсах при ЦК ВКП(б).

В ноябре 1943 г. Г. А. Кокиева перевели в Москву, где он работал старшим научным сотрудником и руководителем сектора истории XX в. и советского периода Института истории АН СССР. Одновременно он был профессором кафедры истории СССР исторического факультета МГУ, читал курс по истории народов Кавказа. Здесь раскрылись талант и мастерство педагога-лектора.

Как вспоминал профессор В. К. Гарданов, лекции Г. А. Кокиева вызывали большой интерес, и послушать его приходили студенты других факультетов и вузов. Им подготовлено большое количество учителей истории, научных работников. Работая в Институте истории АН СССР, заведовал аспирантурой в Институте этнографии АН СССР.

Его всегда отличала высокая культура и эрудиция; Кокиев был этнографом, фольклористом, ученым с широким диапазоном научных интересов. Но наибольший интерес он проявлял к истории Кабарды. Первые статьи, написанные им в 1929 г. («К вопросу об аталычестве», «Борьба кабардинских феодалов в XVIII в.»), опубликованные в журнале «Революция и горец», были посвящены ей. Он часто приезжал в Кабарду. Владея кабардинским языком, собирал полевой материал, работал в Центральном государственном архиве Кабарды. С 1944-го по 1949 г. работал по совместительству в Кабардинском научно-исследовательском институте (КНИИ) заместителем директора по научной работе, заведующим сектором истории.

Г. А. Кокиев глубоко изучил архивные материалы Москвы, Санкт-Петербурга, Владикавказа, Нальчика и других городов. В 1930 г. профессор МГУ Ю. В. Готье отмечал, что Г. А. Кокиев «вполне владеет методом работы над источниками. Совершенно овладел разработкой архивных источников, как самых тяжелых источников вообще, и с этой точки зрения может считаться способным, вполне сформировавшимся научным работником». Он является первооткрывателем многих, ранее неизвестных источников по истории народов Терека.

Значительное место в трудах Георгия Александровича занимают проблемы взаимоотношений России с народами Северного Кавказа в XI-XIX вв. Ученый хорошо показывает сущность и методы колониальной политики царизма. А в связи с этим он исследует причины усиления национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля.

Вместе с тем ученый показывает и прогрессивные последствия присоединения горских народов к России. При этом он с научных позиций вскрывает экономические, социальные и политические причины сближения Грузии, Осетии, Кабарды и других народов с Россией. Работы, посвященные этим проблемам, не потеряли своей значимости и по сей день.

Продолжительное время Георгий Александрович изучал устное народное творчество горских народов, в частности нартский эпос. По его мнению, нартский эпос является интернациональным достоянием горских народов. Схожесть многих сюжетов и героев он объяснял схожестью исторических условий жизни. Как отмечал ученый, эпос наиболее полно сохранился у осетин и кабардинцев и является общим для этих народов [2].

Интересные и глубокие исследования по самым различным вопросам истории кабардинского народа, несомненно, свидетельствуют о большом интересе автора к этому народу. Как полагает М. С. Тотоев, «по всей вероятности, этому обстоятельству в немалой степени способствовало его близкое и непосредственное знакомство с жизнью и бытом, нравами и обычаями кабардинского народа. Владея кабардинским языком, он познакомился с устным творчеством кабардинского народа, узнал близко его думы и чаяния» [3].

Г. А. Кокиевым издано более 30 работ по истории кабардинского народа, среди которых такие крупные, как «Некоторые сведения из древней истории кабардинского народа», «Краткий исторический очерк Кабарды», «Крестьянская реформа в Кабарде 1867 г. (сборник документов)», «Шора Бекмурзович Ногмов», «Аграрная реформа в Кабарде в 1913 г.», «Борьба кабардинской бедноты за советскую власть». Им же в 1947 г. впервые в XX в. была издана «История адыгского народа» Ш. Б. Ногмова с содержательным введением, ценными примечаниями и комментариями, а также множество статей.

Прав Т. Х. Кумыков, который характеризует Г. А. Кокиева как незаурядного историка, впитавшего в себя самые лучшие качества исследователя - любовь к специальности, народам Кавказа, в частности к кабардинцам и балкарцам, чьи истории он так «добросовестно и с увлечением разрабатывал и делал достоянием народа» [4].

Развитию исторической науки в республике Георгий Александрович способствовал и своим активным участием в ежегодных научных сессиях КНИИ с 1946 г. На I научной сессии, посвященной 25-летию автономии Кабардинской АССР, доклад Г. А. Кокиева «Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв.» вызвал большой интерес. На II сессии в 1947 г. он выступил с докладом «О малокабардинских поселениях в XVI-XVIII вв.». На III сессии - «Темрюк Идарович - выдающийся государственный деятель Кабарды XVI в.». К работе сессий он привлекал и других историков-кавказоведов. Обсуждение докладов выливалось в научную дискуссию. К ней можно отнести обсуждение доклада А. В. Букаловой «К вопросу о феодализме в Кабарде» и содоклад В. М. Букаловой «К вопросу о социально-экономическом строе Кабарды перед реформой 1867 г.».

На этой же сессии были заслушаны и обсуждены также доклады Е. И. Крупнова «Скифская стадия истории Кабарды», И. В. Давыдова «Из истории борьбы трудящихся Кабарды в годы Великой Отечественной войны», В. П. Пожидаева «Из истории коневодства в Кабарде», Н. А. Смирнова «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI-XVIII вв.».

Как видно, весьма широким был круг научных интересов профессора Г. А. Кокиева, значителен и ценен его вклад в науку.

Исследовательская работа Г. А. Кокиева была положительно оценена ведущими историками страны (академиками Е. Н. Ярославским, М. Б. Митиным, И. И. Минцем). Так, академик И. И. Минц в своем отзыве писал: «Профессор Г. А. Кокиев является виднейшим специалистом по истории народов Кавказа. Свыше двадцати лет Кокиев систематически занимается изучением истории народов Кавказа. За это время он дал по своей специальности свыше 7 работ, получивших в исторической литературе вполне положительную оценку. Во всех вузовских учебниках по истории СССР многие разделы, посвященные Кавказу, написаны профессором Кокиевым. Он же автор «Исторических очерков осетинского народа» в Большой советской энциклопедии»[5].

Среди научных работников и общественности Кабардино-Балкарии Георгий Александрович пользовался большим авторитетом и уважением. Правительство высоко оценило его долголетнюю научно-педагогическую деятельность, наградив его орденом «Знак Почета» (1946), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1946).

Г. А. Кокиев мечтал о создании правдивой и глубокой истории Кабарды и для этого проделал огромную подготовительную работу. Но не суждено было ему дожить до ее осуществления. В апреле 1949 г. в расцвете творческих сил, накануне новых серьезных научных исследований и обобщающих работ Г. А. Кокиев в результате клеветнических доносов был арестован. Но даже в условиях тюрьмы он не прекращал научной работы. Именно в тюрьме он написал одну из самых ценных работ - «Крестьянская реформа в Кабарде в 1867 г.»[6].

По предположению Т. Х. Кумыкова и М. Б. Нагоева эта работа была написана Г. А. Кокиевым еще до ареста. «Г. А. Кокиев,- пишут они,- планировал издание отдельного исследования о крестьянской реформе в Кабарде. С этой целью им был подготовлен вариант рукописи, который в настоящее время хранится в архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Однако арест и репрессии помешали ему осуществить эту благородную мечту»[7].

На самом деле эта статья объемом 4 п. л. была написана в заключении, и в конце статьи автор пометил ее завершение датой: 1953 г., что не оставляет никаких сомнений в том, что работа была написана после ареста на основе сборника документов по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1967 г. Статья Г. А. Кокиева, написанная в тюрьме, была передана автору этих строк еще в 1978 г. супругой ученого Дзарасой Мусаевной через профессора КБГУ Ю. П. Хапачева. В архиве КБИГИ она зарегистрирована под номером 2247 и впервые публикуется в этом сборнике.

Как правильно отмечал У. А. Улигов, на любой работе Г. А. Кокиева лежит печать пытливого ума объективного исследователя, с любовью относящегося к своему труду. Конечно, в работах Георгия Александровича имеются и некоторые недостатки. Но несомненным является тот факт, что он во многом обогатил историческую науку о Кабарде. Его труды обязывают будущих исследователей к дальнейшему изучению, переосмыслению ряда проблем истории Кабарды. Это и понятно. За последние годы историческая наука шагнула далеко вперед, освобождаясь от конъюктурщины. Так, на наш взгляд, требует уточнения интерпретация Г. А. Кокиевым начального периода сближения Кабарды с русским государством. В своих статьях «Русско-кабардинские отношения в IX—XIII в.», «Русско-кабардинские отношения в XVI в.» и других автор допустил некоторые неточности. Он, например, писал, что адыгское посольство 1552 г. в Москву к русскому царю Ивану IV во главе с Машуко Канукоевым, Иваном Езбазлуевым и Танашуком было направлено кабардинскими князьями. На деле Кабарда не имела никакого отношения к этому посольству, и князья были западно-адыгскими. В первом томе «Истории Кабардино-Балкарской АССР» это посольство дается как адыго-кабардинское, что тоже не соответствовало действительности. Цель этого посольства сводилась к тому, чтобы «при помощи московского царя добиться освобождения от гнета крымского хана». Темрюко Идаров не имел отношения к этому посольству. В документах посольства он вообще не упоминается. Повторяется ошибка и о том, что Кабарда находилась под гнетом крымских ханов. Первое кабардинское посольство в Москву было направлено из Малой Кабарды князем Темрюко Идаровым в 1557 г. Оно просило военной помощи, но не против крымского хана, а против шамхала Тарковского, владение которого находилось в непосредственном соседстве с Малой Кабардой, подвергавшейся систематическим и опустошительным набегам с его стороны. Как видно, и этот вопрос нуждается в серьезном дополнительном исследовании.

При этом сам Г. А. Кокиев приводит любопытный факт. Темрюко Идаров в челобитной посольства 1557 г. просил царя Ивана IV жаловать его так, как он пожаловал участника посольства 1552 г. князя Машуко. Это говорит о том, что посольства 1552 и 1557 гг. были независимы друг от друга, и что они были посланы от разных лиц и из разных мест.

Эту неточность Г. А. Кокиев повторил и в статье «Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв.». Здесь же он писал, что в 1552 г. Темрюк Идаров будто бы просил Ивана IV «принять кабардинский народ в свое подданство и построить на кабардинской земле военные укрепления против турецко-крымских насильников». Это утверждение Г. А. Кокиева не подтверждается документами.

Следует также заметить, что первыми крещение приняли дети не кабардинских князей, а западно-адыгских[8]. И все это подтверждает необходимость дальнейшего изучения и уточнения некоторых вопросов истории кабардинцев.

В статье «Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв.» Г. А. Кокиев допускает еще одну ошибку, утверждая, что уже в первой половине XVII в. Кабарда формально признала себя «вотчиной Московского государства». Буквально через страницу Г. А. Кокиев писал: «...таким образом, 1588 г. является знаменательной датой для истории Кабарды: кабардинская земля с этого времени стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Федор Иванович стал титуловаться «государем Иверской грузинских царей и кабардинской земли черкесских и горских князей».

Так какая же дата правильная? Известно также, что по Белградскому мирному трактату 1739 г. Россия и Турция признали Кабарду независимой.

«Однако,- писал Г. А. Кокиев,- существование независимой Кабарды в непосредственном соседстве с Россией политически невыгодно для последней. Поэтому дальнейшая политика России на Северном Кавказе в отношении Кабарды была направлена к ликвидации Белградского мирного трактата 1739 г. и к безусловному овладению Кабардой». Официальной датой окончательного разрешения кабардинского вопроса в русско-турецких отношениях и политического присоединения Кабарды к России следует считать 1774 г., когда Россия получила свободу действий на Северном Кавказе. Но у Г. А. Кокиева есть еще одна дата — 1822 г., когда Кабарда, по существу, была подчинена России и вошла в ее состав.

Видимо, нельзя считать обоснованными утверждения Г. А. Кокиева, что «в результате двух кабардинских посольств 1552-1554 гг., и ответного посольства Московского государства в 1553 г. в Кабарду русско-кабардинские отношения сблизились настолько, что Иван IV имел основания «считать Кабарду вотчиной Московского государства». В 1554 г. Иван IV, жалуя гребенских казаков вольною рекою Тереком, «велел им здесь служити свою службу государю и беречь новую свою кабардинскую вотчину». О том, что Кабарда «являлась новой вотчиной Московского царя» также было видно из посольского наказа Вокшерина, отправленного в 1554 г. к польскому королю Сигизмунду Августу[9].

Эти положения не имеют необходимого основания. Во-первых, посольства адыгов в Москву в 1552 и 1554 гг. не исходили от кабардинцев. Кабардинские посольства датируются только с 1557 г.

..... Во-вторых, ни западные адыги, ни кабардинцы не могли считаться вотчинниками русского царя с 1552 г. Они не стали вотчинниками даже в XVII в. Кабарда, например, вотчиной русского царя стала со второй половины XVIII в., с Кучук-Кайнарджийского мира. Да и сам Г. А. Кокиев писал, что завоевание Кабарды Россией завершилось только в 1822 г., а территория западных адыгов вошла в состав Российской империи только после Русско-Кавказской войны, т. е. после 1864 г.

В-третьих, русский посол Андрей Щепотьев вернулся в Москву с многочисленным черкесским посольством из 150 человек не в 1554 г., а в августе 1555 г.

В-четвертых, сам Г. А. Кокиев писал, что в 1552 г. кабардинский народ формально принял подданство Московского государства, что тоже, конечно, не соответствует действительности. Не кабардинцы приняли подданство, а западные адыги. Если подданство было формальным, то о какой вотчине может идти речь?

В-пятых, Г. А. Кокиев не прав, утверждая, что посольство 1552 г. было послано из Большой Кабарды, а в 1557 г.- из Малой. Как уже отмечали, к посольствам 1552 и 1555 гг. кабардинцы отношения не имели.

В статье Г. А. Кокиева «Краткий исторический очерк Кабарды» имеется утверждение, что «внешним признаком подчиненного положения Кабарды было то, что в Кабарде постоянно находился один из сыновей крымского хана в качестве наместника, который считался главнокомандующим вооруженными силами страны»[10].

Данное утверждение, по нашему мнению, является недостаточно обоснованным, и ни одним исследователем кабардино-турецко-крымских отношений оно не подтверждается.

Из этой статьи Г. А. Кокиева создается впечатление, что Кабарда была подданной Турции и Крыма, но это подданство не было добровольным актом. Это, полагает автор, подтверждается тем, что Кабарда неоднократно обращалась к Московскому государству с просьбой о ее принятии в подданство и защите от турецко-крымских насильников. Этот факт, писал он, совершенно снимает вопрос «о добровольном подданстве Кабарды Крыму и Турции». Об этом, мол, свидетельствуют и походы крымских ханов против Кабарды в 1570, 1705, 1720 гг. «Кабарда была подчинена Турции и Крыму силой оружия»,- пишет Кокиев. И далее он продолжает: «Многовековая борьба против Турции и Крыма за свое освобождение служит тому доказательством».

По его словам, Россия не оставалась безучастной к многочисленным обращениям Кабарды об оказании помощи и защите против турецко-крымских агрессоров. Она, мол, оказывала возможную помощь, выражавшуюся в дипломатических переговорах с Турцией и Крымом по кабардинскому вопросу,

в устройстве военных укреплений на территории Кабарды против турецко-крымских насильников, наконец, в посылке вооруженной силы»[11].

Если мы посмотрим «Историю Кабардино-Балкарской АССР» (М., 1967. Т. 1), то и здесь утверждается, что Кабарда с 1557 г. после заключения военно-политического союза с Московским государством постоянно находилась под его покровительством.

Следует также заметить, что, по словам Г. А. Кокиева, «набеги крымских войск были продолжительными. Так, например, войска крымского хана Саадат-Гирея с 1720 г. находились в Кабарде два года, и он основательно пограбил и опустошил ее». В таком случае, где тогда была Россия в течение двух лет?

Нуждается также в доработке или переработке такая серьезная проблема, как кабардино-балкаро-турецко-крымские отношения в XVI-XVIII вв. Дело в том, что Г. А. Кокиев в своих работах отмечал, что Кабарда на протяжении столетий находилась под гнетом Турции и Крымского ханства. Он 27 ноября 1940 г. на страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии» опубликовал статью под названием «Кабарда под гнетом султанской Турции и ее вассала Крымского ханства». Ссылаясь на данные газеты «Терские ведомости» за 1894 г. № 97, он отмечал, что этот гнет продолжался столетиями. А в статье «Краткий исторический очерк Кабарды», опубликованной в 1946 г., Г. А. Кокиев утверждает, что гнет султанской Турции и Крымского ханства продолжается начиная с XVI в. и кончая первой половиной XVIII в.

Эти утверждения Г. А. Кокиева представляются недостаточно обоснованными. Во-первых, такое положение не могло иметь место после заключения русско-кабардинского военно-политического союза 1557 г., который преподносился до недавнего времени как добровольное присоединение Кабарды к России. Во-вторых, «История Кабардино-Балкарской АССР», по существу, умалчивает о таком двухсотлетнем иге. В-третьих, если этот факт имел место, то почему исследователи Т. Х. Кумыков, В. К. Гарданов, Е. Н. Кушева, И. А. Смирнов, Б. М. Моков, К. Ф. Дзамихов, Б. К. Мальбахов не останавливались на такой важной странице истории Кабарды? И самое интересное состоит в том, что работа И. А. Смирнова «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв.» (Нальчик, 1948) вышла под редакцией Г. А. Кокиева, но такого утверждения там нет. Вообще взаимоотношения Кабарды с Россией, Турцией и Крымским ханством в XVI-XVIII вв. были сложными и напряженными, и нам думается, что они тоже нуждаются в дальнейшем изучении.

Причиной слабости Кабарды и тех бедствий, которые сопровождали ее народ, являлась феодальная раздробленность, постоянная борьба между феодальными группировками. Доктор философских наук, профессор Карачаево-Черкесского технологического института Мухамед Шенкао утверждает, что «князья и

дворяне являлись носителями лучших адыгских обычаев и традиций, князья и дворяне учили подрастающее поколение любви и преданности к родине, они служили объединяющей силой народа». На деле в XVI-XVIII вв. они являлись виновниками многих бед адыгского народа, они боролись друг с другом за землю, власть, крепостных. Их борьба привела адыгов, в частности кабардинцев, к катастрофе, и об этом с болью писал Ш. Б. Ногмов.

Необходимость объединения, сплочения хорошо понимал выдающийся кабардинский князь Темрюко Идаров. Г. А. Кокиев в ряде работ дал высокую оценку деятельности этого князя, правившего в 50-60 гг. XVI в. Он характеризовал его как выдающегося человека, чья общественно-политическая деятельность протекала в очень напряженный и ответственный период истории кабардинского народа, когда турецко-крымские захватчики огнем и мечом стремились установить свое господство над Кабардой. Это были годы, когда феодально-раздробленная Кабарда катилась к политической и экономической катастрофе, когда, по словам Ш. Б. Ногмова, «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы политическая самобытность Кабарды».

Будучи крупным политическим деятелем, обладавшим большой силой воли и тонким политическим чутьем, Темрюко Идаров поставил перед собой большую и сложную задачу — добиться политической независимости Кабарды. Для этого он решил объединить кабардинских феодалов в единое централизованное княжество и вести непримиримую вооруженную борьбу против крымско-турецких агрессоров и реакционной части местных феодалов, которые в своих личных интересах ориентировались на иноземных врагов кабардинской земли. Кабардинские феодалы были связаны с турецкими султанами и крымскими ханами аталыческими, аманатскими и родственными связями, что, несомненно, затрудняло борьбу за объединение Кабарды.

Для осуществления своей задачи Темрюко Идаров отстранил кабардинских князей от политического управления своими уделами. Он заставил их служить слагавшейся центральной княжеской власти за жалованье. Эта важная мера кабардинского князя и высказанная Г. А. Кокиевым интересная мысль остались не только не изученными, но и вовсе незамеченными последующими исследователями.

В конкретных условиях Кабарды середины XVI в. эта мера главного князя Кабарды являлась прогрессивным фактором. Внутренняя политика Темрюко Идарова ущемляла экономические и политические права местных феодалов. Реакционная часть последних, отстаивая свои вотчинные привилегии, стала искать поддержку у турецко-крымских агрессоров, которые охотно оказывали им эту помощь. Удельные князья совместными усилиями начали борьбу против наметившейся централизации княжеской власти. Эта борьба, конечно, не привела к политическому

объединению, наоборот, привела к распаду Кабарды на Большую и Малую.

Г. А. Кокиев также отмечал прогрессивную деятельность Темрюко Идарова по сближению с русским государством, как необходимое условие сохранения независимости Кабарды.

По данным Г. А. Кокиева, в XVI в. при Темрюко Идарове в кабардинском обществе были введены первые третейские суды, состоявшие «из благонадежных узденей и депутатов со стороны народа, ежегодно им избираемых с утверждением самим князем, который и руководил ими». Вопросы, касавшиеся всего кабардинского народа, разбирались в так называемом верховном суде, или Хе, заседания которого происходили под председательством удельного князя.

Г. А. Кокиев не прав, утверждая, что по просьбе Темрюко Идарова в 1563 г. на берегу реки Терек была построена крепость под названием Терки. Она была построена в 1567 г.[12] Эта неточность повторяется во многих его работах.

В 1555 г. с А. Щепотьевым в Москву приехали не представители Большой Кабарды, как писал Г. А. Кокиев в своей статье «Русско-кабардинские отношения в XVI в.», а те же жанеевские князья, которые просили помощи в борьбе с Турцией и Крымским ханством. За это адыгские послы (у Кокиева - кабардинские) обещали Ивану IV платить дань в тысячу аргамаков, отправлять на военную службу для участия в военных походах России 20 тыс. ратных людей [13]. Однако ни разу адыги не поставляли тысячу аргамаков и 20 тыс. воинов русскому государству.

В свете работ Г. А. Кокиева более внимательного изучения требует и вопрос о передвижении кабардинцев на восток, на современную территорию, на Центральный Кавказ.

Конечно, Г. А. Кокиев не прав, утверждая, что колониально-завоевательная политика царизма на Кавказе начинается с 1774 г., т. е. с Кучук-Кайнарджийского договора. Она началась значительно раньше, со строительства Терского города, имевшего значительный гарнизон, основания Кизляра, Моздока, Прохладной и т. д.

Г. А. Кокиев отмечал, что народы Северного Кавказа находились на разных ступенях социально-экономического развития. «Кабардинское же общество,— писал он,— накануне завоевания царизмом находилось на стадии завершенного феодализма с некоторыми даже элементами разложения»[14]. Но это представляется несколько преувеличенным [утверждением].

Однако эти и некоторые другие недостатки в работах Г. А. Кокиева нисколько не умаляют значения его научных трудов. Каждая из его работ являлась новым словом в истории кабардинского народа.

Большой вклад Г. А. Кокиев внес в изучение творчества выдающегося адыгского ученого и просветителя Ш. Б. Ногмова. Он

был организатором научной сессии, посвященной 100-летию со дня смерти адыгского историка и филолога. Им были опубликованы в местной печати статьи «Ногмов - ученый и просветитель», «Ногмов как историк Кабарды», отдельным изданием он опубликовал работу под названием «Ш. Б. Ногмов: выдающийся кабардинский ученый и просветитель».

В работах Г. А. Кокиева имеются и очень оригинальные мысли, которые остались не замеченными последующими исследователями. Г. А. Кокиев уделил большое внимание изучению формирования феодальных отношений в Кабарде. Он утверждал, что кабардинский феодализм достиг довольно высокого уровня. В своих статьях по этой проблеме, выступлении на III научной сессии КНИИ в августе 1948 г. убедительно доказал, что в Кабарде феодальные отношения были довольно развитыми, и межфеодальная борьба сопутствовала всей истории Кабарды в XVI - первой половине XIX в. Она являлась основной причиной слабости Кабарды, и ею пользовались и Турция, и Крымское ханство, и царизм.

Уделяя большое внимание отмене крепостного права в Кабарде в 1867 г., Г. А. Кокиев внимательно изучил архивы Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и опубликовал в 1947 г. ценный сборник документов по истории освобождения зависимых сословий в указанном году. Он снабдил этот сборник введением, примечаниями, указателями этнических и географических названий, а также личных имен. К сожалению, исследователи недостаточно использовали этот сборник. Даже Т. Х. Кумыков, специалист, занимавшийся этой проблемой, сослался на него всего 2-3 раза.

На свой сборник Г. А. Кокиев в 1953 г. написал обобщающую статью. При этом надо заметить, что нельзя согласиться с его утверждением, что главным объектом феодальной эксплуатации в Кабарде были домашние рабы (унауты). На самом деле таковыми являлись обрядные крестьяне - лагунопыты, которые составляли основную массу крестьян. Об этом же писал и Ш. Б. Ногмов в предисловии своей «Истории адыгского народа». Да и сам Г. А. Кокиев свидетельствует о том в сборнике об освобождении крестьян.

Г. А. Кокиев в основном правильно объяснял причины отмены крепостного права в Кабарде и Балкарии. Он их видел в развитии капиталистических отношений в самой России, в строительстве фабрик и заводов, которые нуждались в источниках сырья и рынках сбыта товаров развивающейся промышленности. «Освобождение крестьян,- писал он,- было навязано дореформенной Кабарде царской Россией, колониальные интересы которой требовали установления в покоренной стране своего собственного способа производства». «Следует также иметь в виду и то,- продолжал он далее,- что угроза самоосвобождения крепостных крестьян на основе разгоревшейся классовой борь-

бы в Кабарде была совершенно реальной. Перепуганная кавказская администрация вынуждена была констатировать, что «в глубине гор тлеет горючий материал и от времени до времени вспыхивает в виде насильственного отбирания общинниками земли у частных владельцев». Наместник Кавказа великий князь Михаил в ноябре 1866 г. писал военному министру, что «вопрос об освобождении зависимых сословий горцев стал в такое положение, что было бы неблагоразумно и неосторожно откладывать его разрешение».

Интересно отметить, что освобождение крепостных крестьян в Кабарде происходило на основе народных обычаев, путем добровольного соглашения между крепостными и их владельцами, которые фактически были составлены феодалами и максимально защищали их интересы. Но на этот факт не обратили должного внимания ни Г. А. Кокиев, ни другие исследователи. Они лишь ограничились замечанием, что это было грабежом крестьян. В данном первом издании работ Г. А. Кокиева мы сознательно ограничили комментирование публикуемых работ. Каждый читатель будет иметь возможность составить свое понимание событий и самому судить о вкладе в науку выдающегося исследователя истории Кабарды. В 1955 г. было восстановлено доброе имя профессора Г. А. Кокиева. Он был полностью реабилитирован. Но за год до этого, по данным ФСБ КБР, 28 марта 1954 г. он скоропостижно скончался в лагере в Ярославской области. Преждевременная смерть ученого была большой потерей для науки и культуры народов Северного Кавказа.

В предлагаемый сборник включены почти все статьи по истории Кабарды и Балкарии, опубликованные Г. А. Кокиевым за все годы его жизни и научной деятельности. При этом мы руководствовались списком научных трудов, составленным самим Георгием Александровичем в сентябре 1946 г., который хранится в архиве КБИГИ. К этому списку мы добавили статью «Роль Темрюка в сближении Кабарды с Москвой», введение, примечания, указатели к изданной в 1947 г. книге Ш. Б. Ногмова «История адыгского народа» и статью «Кабардинский временный суд», подготовленую им в качестве лекции.

Большинство работ данного сборника после репрессии было изъято из библиотек, вырезано из сборников и фактически стало недоступно для исследователей, а некоторые невозможно найти и сегодня. По этой причине мы, возможно, пропустили отдельные из них.

Работы Г. А. Кокиева публикуются с сохранением орфографических и стилистических особенностей подлинника.

Г. Х. Мамбетов,
доктор ист. наук, проф.

Выражаю глубокую благодарность старшему научному сотруднику отдела этнологии кандидату исторических наук Л. Х. Сабанчиевой за помощь в подготовке рукописи к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ), ф. 46, л. 19, 20; *ТотоевМ. С.* Выдающийся ученый-кавказовед // Ученые записки Северо-Осетйнского госпединститута. Орджоникидзе, 1967. Вып. 1. Т. 27. С. 238; *Улигов У. А.* Исследователь истории Кабардино-Балкарии профессор Г. А. Кокиев // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 19о». Вып. 1. С. 192-195.

[2] *Тотоев М. С.* Выдающийся ученый-кавказовед // Ученые записки СОГПИ. Орджоникидзе, 1967. Вып. 1. Т. 27. С. 242.

[3] Там же. С. 244.

[4] *Кумыков Т. Х., Нагоев М. Б.* Кокиев - выдающийся историк-кабардиновед // Вестник КБГИИ. Нальчик, 2001. Вып. 8. С 90.

[5] *Тотоев М.* С. Указ. раб. С. 246.

[6] Архив КБИГИ, ф. 1. оп. 5, д. 66.

[7] *Кумыков Т. Х.. Нагоев М. Б.* Указ. раб. С. 89.

[8] КРО. Т. 1. С. 4; Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. 27 ноября.

[9] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Т. 1. С. *6.*

[10] Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940, 27 ноября.

[11] Там нее.

[12] КРО. Т. 1. С. 14.

[13] Краткий исторический очерк Кабарды. Нальчик, 1946. С. 44.

[14] Там же. С. 33.

ТРУДЫ Г. А. КОКИЕВА
ПО ИСТОРИИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

К ВОПРОСУ ОБ АТАЛЫЧЕСТВЕ

Прав известный исследователь осетинского обычного права М. М. Ковалевский, когда говорит, что «едва ли какой другой горский обычай так известен в России, как аталычество». «Пир, устраиваемый отцом при отдаче сына в чужие руки, военное воспитание, даваемое аталыком, который у осетин обыкновенно известен под названием «емчека» или «амчека», своему питомцу, устройство будущей судьбы последнего, приискание ему невесты, праздник, даваемый отцом в день возвращения сына домой, торжественный въезд последнего в родительский двор на богато убранной лошади в сопровождении своего аталыка, щедро одаряемого обрадованным родителем,- все это не только описано несколько раз путешественниками по Осетии, но и воспето стихами лучших наших поэтов»[1]. Но тем не менее, нельзя сказать, что те многочисленные авторы, добросовестно описавшие бытовую сторону аталычества, вскрыли причины, вызвавшие к жизни этот оригинальный обычай.

Аталычество известно почти всем кавказским горцам, причем ребенок, бравшийся на воспитание, у каждого народа имеет свое название. Так, например, у осетин-иронцев и у кабардинцев он называется «dan», у осетин-дигорцев, балкарцев и карачаевцев называется «emceg», наконец, у черкесов Западного Кавказа известен под именем «phur». Как «dan», так и «emceg» являются тюркскими словами, причем первое означает «кровь», а второе - «сосец, грудь матери», но самого обычая аталычества у тюркских народов нет. В этом отношении исключение составляют тюрки Западного Кавказа — балкарцы и карачаевцы, которые, по-видимому, тоже переняли этот обычай у своих соседей.

Возникновение аталычества в обществе кавказских горцев в науке объясняют тем, что, во-первых, горец, избегая всего того, что изнежит душу ребенка, не воспитывает своих детей у себя дома, а отдает их на воспитание ближайшим друзьям[2], во-вторых, аталычество ставится в тесную связь с обычаем кровомщения как одно из наиболее обычных средств прекращения мести и примирения убийцы с родом убитого, так как «родство», установлявшееся путем аталычества убийцей и семьей кровомстителя, являлось одним из главных способов примирения враждующих родов и прекращения кровомщения[3]; и, наконец, в-третьих, в условиях отсутствия у кавказских горцев государственного устройства, при беспрерывной вражде между родами аталычество явилось цементирующим началом между враждующими и разобщенными родами[4]. Наиболее убеди-

тельным из приведенных объяснений аталычества, очевидно, надо признать второе и третье. Так как родство, устанавливавшееся через аталычество, считалось священнее природного[6], и, следовательно, являлось иногда средством к примирению убийцы с родственниками убитого, то убийца или его род подчас даже воровали из рода кровомстителя ребенка, чтобы воспитать его, как собственное дитя до совершеннолетнего возраста, а потом, снабдив его богатым одеянием, хорошим полным вооружением, лучшей верховой лошадью с принадлежностями к ней отправить к отцу его вместе с подарком ему. Отец, принимая своего сына, не мог не принять и присланных с ним подарков, как знаков совершенной покорности убийцы, испрашивающего у него прощения, и из «явления к нему дружбы и уважения покровительствующего убийцу и воспитавшего его сына. Отец прощал убийцу, посылал взаимно достойный подарок покровителю и воспитателю своего сына и делался с ним тесным другом, считаясь с этого времени как бы единокровным с ним родственником»[6].

Известно, что в исторические времена осетинский феодальный род Кубатиевых, живший в сел. Фаснал, враждовал с другим феодальным родом Кануковых, жившим в Донифарсе в местности «Lagon khubus». Феодал Тазрет Кубатиев грозил Айдаруку Канукову: «Qalinma Ranugti Ajdarugi afsan durai ma sauloz baxan sunbar cafxti nissadzonuadamanu xucau, maramara», т. е.: «До тех пор, пока из кованой двери Кайдарука Канукова не сделаю четыре подковы для своего коня саулоховской породы, до тех пор не дай мне бог смерти». Однажды ночью, говорит дигорское предание, открылись ворота неба, что знаменовало рождение необыкновенного ребенка в Дигории. Айдарук Кануков вздрогнул в своей постели и стал молиться, чтобы новорожденный был фамилии Кануковых, а не Кубатиевых, а сам немедленно на поиски новорожденного послал своего «незаконного» сына Талиона Тулабега. Оказалось, к великому огорчению Айдарука Канукова, что в ту ночь родился мальчик именно у Тазрета Кубатиева. Талион Тулабег еще узнал, что новорожденного ребенка берет на воспитание Налук Николов. Айдарук Кануков приказал своему «незаконному» сыну украсть во что бы то ни стало мальчика, иначе его седой голове и всему роду Кануковых грозит большая опасность от Кубатиевых. Талион Тулабег караулил по ущелью неделю, а когда Николовы возвращались с ребенком домой, Тулабег похитил у них ребенка. Николовы погнались за ним, но Кануковы до прибытия погони успели накормить ребенка грудью кормилицы. Мальчик остался у Кануковых в «емчеках». Таким образом, два феодальных рода - Кануковы и Кубатиевы - помирились и молочное родство после этого не нарушалось между ними.

Вышеприведенный пример взят из осетинского быта. Много подобных примеров можно также привести и из жизни других кавказских горцев. Но сколько бы аналогичных примеров мы ни приводили, они, при наличии других сложнейших обрядов, специально связанных с примирением кровников, не дадут нам никаких оснований утверждать об аталычестве, что сие есть единственное средство к примирению с родственниками убитого[7]. Также нет достаточных оснований полагать, что аталычество вызвано к жизни исключительно отсутствием у горцев государственного устройства и необходимости связи отдельных разобщенных, подчас враждебных между собою родов. Не приходится возражать против того, что «аталычество тесно связывало семейства и роды между собою, а связь семейств и родов повела, естественно, к соединению между собою союзами небольших враждующих родов[8]. Тем не менее, мне кажется, что кавказские горцы аталычеством, как средством связи между феодальными родами, воспользовались лишь впоследствии. Существовал ведь целый ряд других способов, которыми кавказские горцы пользовались как для самозащиты, так и для связи одного рода с другим. Например, известно, что менее сильные роды поручали себя более сильному, но за оказываемое покровительство принято было платить дань, которая у осетин известна под именем «khus galon», т. е. «дань от чашки». Она заключалась в том, что подзащитный род платил своему покровителю известную часть от всего того, что им производилось, вплоть до чашки пива, которую опекаемый подносил себе ко рту. Отсюда и само название «дань от чашки». Другой, не менее распространенный, способ самозащиты у кавказских горцев,— это оборонительный союз, который заключался между отдельными мелкими родами, через искусственное родство. Роды, соединенные искусственным родством в военно-оборонительный союз, в нужный момент выступали против общего врага в защиту хозяйства и своего физического существования.

В военно-оборонительные союзы вступали все роды на равных правах без какой бы то ни было экономической или правовой зависимости одного рода от другого. Оборонительный союз, заключавшийся навсегда, считался священным и нерушимым. В горной Осетии, в сел. Даргавсе некогда был заключен такой союз (arvad) между родами Кодзоевых, Тамбиевых, Токаевых и Боциевых, который и до сих пор ими не нарушен.

Такой же военно-оборонительный союз заключали отдельные роды в Осетии через устройство коллективных поминок по умершим. Этот обычай, совершенно не отмеченный в научной литературе, известен в Осетии под именем «ammadalon xist». Роды, желавшие объединиться между собою, устраивали коллективные поминки по умершим, и этот акт связывал роды в священный союз, имевший такую же силу, как и союз через побратимство.

Само собой понятно, что как вышеприведенные искусственные способы объединения отдельных родов в мощные кол-

лективные организации, так и аталычество могли возникнуть в условиях родового строя. Однако, надо полагать, что, если союзы, возникавшие между родами через искусственное побратимство, коллективные поминки и прочее, обязаны своим происхождением условиям военной обстановки и необходимости обороны, а иногда - и нападения, то аталычество, мне думается, возникло на почве взаимной между аталыком и родом воспитанника экономической заинтересованности. На почве этой же материальной заинтересованности существовало большое соперничество между охотниками взять сына влиятельного и состоятельного рода на воспитание.

И в данном случае многие авторы совершенно не правы, когда говорят, что князь отдавал своего сына на воспитание ближайшим своим друзьям. Во-первых, князь не отдавал, а у него брали, а если будущий аталык был не совсем уверен в успехе своего намерения, тем более при наличии целого ряда соперников, то нередко и воровал ребенка, и, во-вторых, не обязательно, чтобы аталык был ближайшим другом отца ребенка. Наоборот, иногда бывали и злейшими врагами, как это мы видели на примере осетинских родов Кануковых и Кубатиевых. Но в этом, последнем случае инстинкт самосохранения превалировал над материальными соображениями.

Однако какие у нас основания полагать, что в основе аталычества лежит взаимная материальная заинтересованность?

Выгодность аталычества для рода, у которого брали детей на воспитание до совершеннолетнего возраста, очевидна. Но вот несколько фактов из жизни осетин, говорящих о несомненной материальной заинтересованности другой стороны, т. е. аталыка.

Когда-то в древности род Гуриевых из сел. Барзи-Кау, Куртатинского ущелья, был аталыком известной кабардинской фамилии Анзоровых. К сожалению, нам неизвестно, как щедро Анзоровы наградили своего аталыка Гуриева, но известно, что лет приблизительно 45 тому назад один из потомков аталыка -Цопан Ахметов, сын Гуриева, умерший в глубокой старости, лишь в 1922 г., ездил в Кабарду к Анзоровым с тем, чтобы они оказали ему, как своему аталыку, возможную помощь. Анзоровы подарили Цопану Гуриеву 100 баранов, 9 лошадей известной сайлоховской (шолоховской) породы и много других мелких подарков.

Одинокая вдова из сел. Уакац (в Дигории) Хадзихан Хадаева была аталычкой богатого и влиятельного рода Кабановых из Фараскатда. По истечении нескольких лет Хадзихан Хадаева вернула Кабановым емчека Хазби, и за это она была не только щедро награждена Кабановыми, но после этого и постоянно пользовалась материальной поддержкой и покровительством последних. В этой же Дигории, в сел. Дзинага, Кургок Туганов, предок привилегированного феодального рода в Дигории, воспитал сына известного кабардинского князя Векмурзы Наурузова-Кургока. Наурузовы наградили своего аталыка Кургока Туганова породистыми кобылицами, от которых потом пошли известные конские заводы Тугановых.

Но любопытнее всего то, что часто аталык награждался не только деньгами и скотом, но и крестьянами[9], и землей. Так, например, род Рамоновых из Даргавса, бывший в аталычестве с Базровыми из Хуссар-Хинцаг, получил от Базровых участок земли около Ханцаг, который у осетин известен под именем «skhadty komy galvanday». Далее в Дигории, в сел. Махческ Нагуда Екаева, дочь Цаллаевь1х (Цаллаон), приблизительно лет 90-100 тому назад воспитала сына Хаджи-Абисалова-Минболата, одного из предков известных осетинских баделят Абисаловых, и за это аталычка от Абисаловых получила два участка земли под покос в местностях Далдзагадта и Ногти и два участка под пашню в Кабагаваране и Фараскадте. Впоследствии весьма состоятельный род Икаевых перечисленными участками пользовался вплоть до Октябрьской революции. Наконец, Казгери Кариаев и Тотраз Кануков - предки привилегированных и крупных землевладельческих родов Кануковых и Кариаевых - получили свои земли в Кобанском ущелье от кабардинских феодалов Ахловых, с которыми Кануковы и Кариаевы были в аталычестве.

Можно было бы еще привести несколько десятков аналогичных примеров и из жизни других народов Северного Кавказа, так как Осетия в данном случае не составляет исключения, но думаю, что и приведенных достаточно, для того чтобы убедиться, что, во-первых, аталычество возникло, прежде всего, на почве взаимной материальной заинтересованности и, во-вторых, что оно способствовало развитию феодализма в обществе кавказских горцев.

Революция и горец.
Март 1929 г. № 3 (5). С. 49-52.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон. Т. 1. С. 313.
[2] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавк. горцев. Одесса, 1882. Т. 1. С. 163.
[3] Там же. С. 364.
[4] Там же. С. 165.
[3] Там же. Т. 2. С. 252.
[6] Там же. Т. 1. 140 и след.
[7] Исторические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским / Пер. с фр. Шишкевич. СПб., 1810. С. 21.
[8] *Леонтович.* Указ. соч. Т. 1. С. 165.
[9] Там же. С. 164.

ВОЕННО-КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА КАВКАЗЕ

Период с конца XVIII в. и до половины приблизительно XIX в. истории русской колонизации на юге и на Кавказе можно назвать оборонческо-колонизационным периодом. Оборона границ и одновременно выдвижение военной линии по неприятельской территории, а параллельно с этим — зеселение вновь занимаемых у горцев земель казачьим населением - вот что характерно для этого периода. Этот период нельзя назвать войной между двумя народами с ясно выраженными мотивами покорения, скорее, он был полосой непрерывных разбоев, набегов и грабежей, не всегда переходивших в военные столкновения. И только после Севастопольской кампании русская политика становится на новые рельсы - окончательного покорения Кавказа и его полной колонизации Россией.

В связи с новыми целями русской политики черноморское казачество было слито с частью линейного войска и все вместе составили в 60-х гг. одно Кубанское казачье войско.

После Крымской войны по ходатайству главнокомандующего войсками на Кавказе кн. Барятинского войска, действовавшие в Крыму, были оставлены в полном своем составе и вооружении на Кавказе для окончательного покорения горцев, т. к. «пятидесятилетний опыт убедил нас, что никакой мир невозможен с народом, который не имеет правительства и в котором не существует даже понятия о предосудительности воровства и грабежа»[1].

Военно-наступательные действия русских заставляли горцев искать внешней поддержки и опоры и прежде всего у турок. Турки сначала на обращение горцев реагировали очень слабо, не придавая особенного значения господству над ними. Вся забота турок о горцах сводилась не к реальной помощи им, а в усилении проповеди ислама среди них через проповедников; эти же проповедники убеждали горцев в необходимости сопротивления русским.

Наконец, в кавказский вопрос вмешались европейские державы - Англия и Франция.

Влияние западно-европейских держав в Турции, в особенности Англии и Франции, конечно, и раньше было весьма сильное, но активно они вступили в Крымскую войну в союзе с Турцией против России. Покровский прямо указывает, что в николаевскую эпоху делами Турции руководило «либеральное» западническое министерство и что влияние английского посла Стратфорда Коннинга в Турции было всемогущим[2].

Англия сначала указывала Турции на необходимость поддержки воинственных горцев для ослабления России, а потом непосредственно и сама приняла участие в этой войне под видом защиты прав кавказских горцев за независимость.

По Адрианопольскому миру в 1829 г. Турция уступила России Анапу, Сухум и Поти и, следовательно, все свои права на Кавказский берег Черного моря. Англия - не признала за Турцией права на такую уступку, а за Россией на Черноморский берег и указанные крепости. Однако протест Англии Россией был оставлен без внимания. Россия категорически запретила английским судам появляться на Черноморском побережье, а горцам — вести торговлю с англичанами. Побережье охранялось русскими военными судами, крейсировавшими постоянно вдоль берега. Было тогда схвачено русскими английское судно «Vixen», которое шло под купеческим флагом. В нем прибыл эмиссар Британского правительства Белл, который жил у горцев Западного Кавказа три года и организовал их для единодушного выступления против России. Хотя английским судам и было запрещено появляться на Черноморском побережье, но Англия все же не переставала помогать горцам: она ухитрялась отправлять значительными партиями вооружение и боевые припасы на турецких судах.

Не осталась безучастной к вопросу о Западном Кавказе и Черноморском побережье и Франция. Она свою политику проводила под знаком сочувствия национальной независимости горцев. Для ослабления России Франция стремилась к восстановлению Польши на западе и освобождению горцев Кавказа из-под влияния России путем признания за горцами прав на самоопределение. Под этими «демократическими» обещаниями у Франции были, конечно, свои скрытые цели. Ни англичане, ни французы этой независимости горцам дать не могли, и это горцы знали из опыта: когда к горцам как раз в это время прибыли английские и французские дипломаты, последние ни слова не проронили горцам об их независимости и самоопределении, а разговор все время был вокруг вопроса об их подчинении Британскому правительству или Франции. Но на это горцы дали достойный ответ, а именно, что горцы воюют с русскими только потому, что они отнимают у них земли, и если французы или англичане так же будут поступать с ними, горцы будут также воевать с ними с еще большей ожесточенностью[3].

Из всего сказанного ясно, что Западный Кавказ у Черного моря, населенный враждебными России горскими племенами, становился ареной политической борьбы между Россией, с одной стороны, Англией, Турцией и Францией - с другой. Поэтому Россией был поставлен вопрос в 60-х гг. девятнадцатого столетия о завоевании во что бы то ни стало Западного Кавказа.

Новый проект завоевания Кавказа был составлен по поручению кн. Барятинского начальником Главного Штаба войск отдельного Кавказского корпуса ген. Милютиным.

Однако этому проекту кн. Барятинского М. Н. Покровский не придает почти никакого значения в деле покорения Восточного Кавказа, т. к. этот план, заключающийся в том, чтобы подвигаться вперед медленно и постепенно, шаг за шагом, вырубая леса и прокладывая дороги, был не нов. Этого метода, по словам Покровского, держался еще Ермолов. Покровский объясняет поражение Шамиля тем, что демократическая Чечня отошла от него, т. к. мюридизм Шамиля «стремился стереть не только горизонтальные, но и вертикальные общественные перегородки решительной рукой, водворяя на место пестрого местного обычая (адата) однообразное мусульманское право (шариат), власть которого над Чечней имела характер форменного иноземного господства, и чеченцам оставалось выбирать, что лучше: быть под влиянием русских или под игом лезгин»[4].

По этой причине в 1858 г. Чечня, являвшаяся житницей всего Дагестана и экономической базой для движения Шамиля, покорилась России, а через год было подавлено и все движение мюридизма. Большую роль сыграло, конечно, и то, что как раз перед этим русская армия на Кавказе была перевооружена нарезным оружием.

Причины, указанные М. Н. Покровским, являются, конечно, актуальными, но, мне кажется, он преуменьшает и недооценивает значения новой системы Барятинского. Новая система Барятинского заключалась в массовом переселении казачества целыми станицами на передовые линии; она ускоряла самый темп колонизации края и навсегда обеспечивала занимаемую территорию за русским государством: не было ни одного случая, чтобы местность, раз занятая русским населением, вновь уступалась горцам. Это важный момент в общей системе завоевания края в ряду общих причин, обусловивших окончательное покорение Кавказа. Особенно ощутительные результаты система Барятинского дала на Западном Кавказе. Причем надо сказать, что новая система Барятинского отличается от старой системы существенными чертами: заселение края по старой системе происходило путем вызова охотников, добровольцев и жеребьевки, а новая система предусматривала массовое передвижение казачьего населения государственными мерами целыми станицами. Казаки новых станиц ставились в такие условия, что их личный интерес совпадал с государственным интересом: казаки, защищая свои станицы, свое хозяйство от горцев, тем самым фактически отстаивая новые позиции, действовали в интересах государства.

Доказательство тому, что система Барятинского существенно отлична от старой, - массовые волнения донских казаков и черноморского дворянства в связи с практическим проведением в жизнь этой системы.

Старая система русской политики - это система пассивной обороны границ и такой же пассивной колонизации вновь занимаемых земель, а новая система Барятинского - это активное наступление русской армии по всему фронту с широким и ярко очерченным планом колонизации всего края уроженцами центральной России. В этом и существенная разница между старой и новой (Барятинского) системами.

Что старая система сводилась только к обороне границ, этого не отрицает и М. Н. Покровский. Он говорит, что «до начала XIX в. русское правительство держалось по отношению к горским племенам оборонительной тактики», но параллельно с этим замечает элементы экономического завоевания Кавказа путем его колонизации. Этого также не приходится отрицать.

Практическое осуществление этого проекта было сопряжено с большими препятствиями. Дело в том, что, по утвержденному центром положению, каждый казак, переселившийся на Кавказ, получал земли 30 десятин, а с увеличением казачьего населения на 58 тыс. казаков, как проектировалось тогда, пришлось бы урезать эту норму, т. к. еще до этого чувствовался большой недостаток в земле на Кавказе, выражавшийся в 2740 тыс. десятинах. Многие племена из Ставропольской губернии за неимением земли выселялись в Турцию (ногайцы, калмыки и др.). Оставалось одно: уменьшить казачью норму. На Правом крыле Кавказской линии казак получал 30 десятин, на Левом же - до 50 десятин.

При весьма продолжительной военной службе и за отсутствием рабочих рук казак не имел возможности использовать свой участок, и он оставался подчас невспаханным. Даже черноморские казаки, которые получали только 17 десятин, и те не могли, по вышеприведенным причинам, обрабатывать свои земли, почему у них, даже в самые урожайные годы, никогда не хватало своего хлеба до нового урожая, несмотря на богатую почву.

Другим основным затруднением для проведения в жизнь проекта Милютина и Барятинского было отсутствие переселенцев в том размере, в каком указывалось в проекте. Это затруднение авторы проекта разрешали посредством донского казачества. Надо сказать, что в истории колонизации Кавказа роль донского казачества была значительно слабее роли других казачеств. Так, например, донское казачество с 1840-го по 1857 г. дало переселенцев всего 702 семейства, в то время как Кавказское линейное войско за это время дало 4258 семейств. Поэтому теперь Барятинский хотел центр тяжести перенести на донское казачество. «Главное назначение казачества состоит в выполнении той цели, которую ставит перед собою русская политика. Эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его коло-

низации и в этой колонизации казаки призваны играть главную роль не только своей военной службой, но они должны, сверх того, являться первыми переселенцами на завоеванных местах и закреплять их своими станицами». Так писал тогда Александр II. «Всякая другая мера может иметь лишь временные выгоды, но решительно не ведет к прочному утверждению русской власти на Кавказе»,- повторил за ним кн. Барятинский. Следовательно, донское казачество, по проекту кн. Барятинского, должно было дать 7500 казачьих и 100 офицерских семейств для колонизации Западного Кавказа.

Только в последнюю очередь ставится вопрос о тех горцах, которые в связи с полной колонизацией края оставались совершенно без земли. Барятинский предложил переселить горцев на запасные земли донских казаков, причем он рекомендовал обратить серьезное внимание на благоустройство новых мест горцев, дабы склонить к переселению и тех горцев, которые упорно сопротивлялись русской власти, скрываясь в недоступных горных ущельях.

Проект Милютина и Барятинского встретил сильные возражения со стороны начальника Главного Штаба Кавказской армии ген. Коцебу, члена Военного Совета ген. Вольфа, министра Государственного имущества Муравьева и наказного атамана донского казачества ген. Хомутова. Принципиальных разногласий между ними не было; всеми признавалась необходимость полной колонизации Кавказского края русским, преимущественно казачьим населением; считали также необходимым выселение горцев на Дон, но в то же время все сомневались в возможности практического осуществления проекта.

Ген. Вольф к проекту подошел с критикой опытного человека, основательно знавшего местные условия, быт и психологию горцев; он утверждал, что переселение горцев приведет их не к покорности, а к поголовному их истреблению, так как ни один горец не согласится на это и скорее предпочтет смерть, нежели решится оставить родину.

Ген. Хомутов также считал невозможным без серьезных эксцессов и последствий переселение в таком большом количестве донских казаков на новые места. Он говорил, что «нет жертвы, которую не принес бы охотно донской казак для отечества, но также нет для него больше горя, как горе навсегда оставить родину, могилы родителей, пепелища предков своих»[5]. «Такая мера,- писал Хомутов,- произведет всеобщую скорбь, уныние и даже волнение умов в благоустроенном крае, как земля Войска Донского, столь много оказавшего услуг отечеству, ибо нелегко народу патриархальному, каковы донцы, расставаться с родиною и разрывать узы родства».

Наконец, был составлен специальный комитет для всестороннего изучения данного вопроса по имевшимся материалам.

Комитет считал крайне опасным стеснение горцев в поземельном отношении, а такое стеснение было неминуемо в связи с массовым переселением казаков на Кавказ. «Если бы мы заняли Большую и Малую Чечню казачьим населением,- говорится в мемории комитета,— то встретили бы такое упорное и единодушное сопротивление со стороны чеченцев, что едва ли достигли бы того положения, в котором теперь находимся в этом крае, и едва ли бы дело обошлось без значительных усилений действующих войск»[6]. Поэтому комитет высказался за старую систему, заключавшуюся в развитии казачьего населения лишь до известных пределов, в фронтальном выдвижении казачьих станиц и укреплении по неприятельской территории и, наконец, в набегах войсковых частей на мирные и непокорные аулы горцев для истребления их имущества. Относительно массового переселения донских казаков комитет, разделяя точку зрения наказного атамана Хомутова, писал в своей мемории, что «колонизация по принуждению редко имела хороший успех и есть самое тяжкое для войск испытание; она возбудила бы большие опасения в войске, что, может быть, со временем потребуются новые переселения донцов на Кавказ в большом размере и, содержа жителей в постоянном страхе, остановила бы всякие начинания к улучшению их быта и хозяйства, к увеличению их благосостояния»[7]. Кроме того, комитетом было отмечено, что расходы по колонизации Западного Кавказа, которые, по приблизительному подсчету, выражались в 9 млн руб., не считая других весьма существенных расходов по укреплению казачьих станиц и вооружению переселенцев, на постройку церквей, общественных зданий и на содержание военных чинов новых полков, просто разорили бы государственную казну. А если принять во внимание то обстоятельство, что Крымская война сильно потрепала николаевскую казну (война стоила России 796 770 тыс. руб.), что доходы государства в то время были самые ничтожные, и что, н.конец, в 50-60-х гг. дефицит государственной казны был особенно велик (так, например, в 1859 г. дефицит равнялся 109 млн руб., в 1854 г.-147 млн, в 1855 г.- 282 млн и в 1856 г.- 258 млн руб.), то довод Особого комитета о невозможности покрытия расходов по колонизации Кавказского края становится основательным и убедительным.

Переселение горцев на Дон комитет считал также невозможным. «Припоминая глубокую привязанность горцев к родине,- писал комитет в своей мемории,- к своим урочищам и горным ущельям, к усвоенным ими обычаям и образу жизни и то, что они смотрят на всякое удаление из своих гор, как на жестокую ссылку, нельзя сомневаться, чтобы они не предпочли смерть водворению на степях донской земли, и можно утвердительно сказать, что не только целые племена, но и одиночные семейства не решатся покориться на этих условиях, и что это повело бы не к непокорности, а к их истреблению. Такая попыт-

ка совершенно изменила бы характер войны на Кавказе, т. е. вместо постепенного замирения горских племен и постепенного подчинения их правительству не только силою оружия, но и всеми средствами, которые могли бы их сблизить с нами и обеспечить благосостояние, нарушая, сколько можно, менее их вековые обычаи, повели бы к самой непримиримой и единодушной против нас борьбе, развязку которой трудно угадать так же, как нельзя рассчитать, на что отважится храбрый и воинственный народ, доведенный до последней степени отчаяния, но который, во всяком случае, требует новых огромных жертв со стороны России. Эта глубокая привязанность горцев к родине и к своему быту, а, конечно, вместе с тем и к своей независимости, доказывается всей историей кавказских войн. В ней нельзя сомневаться, несмотря на отдельных выходцев из гор, поселяемых нами на Дону, потому что число их самое ничтожное, что они состоят почти исключительно из рабов, избегающих жестокостей своих владетелей, которые весьма часто увлекаются любовью к родине и прибегают к побегам обратно с Дона в горы».

В этом отношении комитет был не голословным. Когда после поражения Шамиля в 1839 г. Россия потребовала от каждых 10 дворов по одному ружью, Большая и Малая Чечня на такое требование ответили единодушным выступлением. При этом, надо сказать, что в это выступление были вовлечены и мирные Надтеречные горцы и весь Нагорный Дагестан. В результате этого восстания Россия потеряла Аварию и Чечню, которую пришлось покорить вторично кровопролитной войной лишь через 18 лет, а именно в 1857 г.

Особый комитет закончил свою работу в 1858 г. Результаты своей работы он представил царю, а царь весь вопрос со всей перепиской передал кн. Барятинскому на его заключение.

Кн. Барятинский не согласился с мнением членов Военного Совета и Специального комитета, но все-таки пошел на кое-какие компромиссы. Так, например, он принял решение комитета о переселении донских казаков ежегодно лишь 200 семейств, хотя «число это,- писал тогда Барятинский,- конечно, не соответствует моим расчетам, но я не принимаю на себя судить о деле, прямо касающемся интересов войска, мне не подчиненного и, не отстаивая прежних моих доводов, должен, по необходимости, удовольствоваться теми средствами, которые донское казачество, по мнению прямого начальства его, в состоянии уделять от себя для покорения Кавказа»[8].

Однако соглашение Барятинского было лишь на бумаге, а фактически целиком и полностью он проводил свою линию. Он отказался решительно от прежней системы заселения, заключавшейся в добровольности, жеребьевке и назначении переселенцев казачьими кругами, но ввел новую систему колонизации края целыми станицами, которая окончательно подрывала хозяйственные основы казачества. Вот что пишут казачьи общества станиц Старо-Щербиновской и Комеловской в 1861 г. по поводу объявленного им приказа о немедленном выселении целыми станицами на передовые линии:

«Не быв предварительно извещены о таковом перевороте судьбы своей, не говоря уже о первых, предназначенных к переселению семействах, встретивших невыразимые затруднения, даже невозможность к приготовлению себя на поднятие в такой короткий срок, остающиеся жители видят в таком переселении неизбежную для себя гибель и окончательное разорение. Первым залогом будущей несчастной наглей жизни,- пишут далее казаки,— есть оставление нашего достояния, многолетним трудом, в поте лица приобретенного при беспрерывной почти службе, которую отцы наши, мы и дети наши исполняем с подобающею честью около 70 лет на собственном нашем содержании, исключая ограниченного жалованья, которое нисколько нас не обеспечивает. При таких условиях и чувствуя, что не заслужили тягостного для нас настоящего определения, мы не можем вообразить без душевного содрогания, каким образом мы, жены, дети, должны бросить все наше достояние и в виду брошенных домов, поднявшись, другие без средств, итти на новое поселение, не представляющее для нас лучшей будущности... Ломать наши постройки, срубать сады и деревья или выкапывать все это, вывозить — дело неудобоисполнимое, даже невероятное, а на наших войсковых жителей нельзя вовсе рассчитывать, ибо все проникнуты одною мыслью о несчастном переселении и никто купить не хочет. Одним словом, мы должны навсегда лишиться всего нашего дорогого для нас достояния, далеко не вознаграждаемого назначенным от казны временным пособием. Во уважении всего изложенного,- просили казаки, - мы со слезами умоляем милостное начальство оставить переселение нас по назначению, чем мы, оставаясь нераздельно с нашей собственностью, можем успокоить рыдающее семейство»[9].

Вскоре за этими двумя станицами подали свой протест против переселения станицы Александровская, Крупелесская, Северная, Сергиевская, Грушевская и другие. После долгих мытарств представителям названных станиц было разрешено обратиться к кн. Барятинскому, который на все пункты прошения донских казаков ответил категорическим отказом. Тогда казаки стали просить позволить им отправить делегатов к царю, но и в этом высшее кавказское начальство отказало казакам по следующим мотивам:

1) Царская воля казачьим делегатам была объявлена через Барятинского;

2) «Одно появление казачьих депутатов в Петербурге и путешествие их туда может подать много неприятных толков, которые огорчат наместника и даже самого царя».

Дело приняло такой характер, что кавказскому начальству не столько приходилось думать о колонизации края, сколько об удержании многочисленного и вооруженного донского казачества от всеобщего восстания. Вооруженные казаки стали собираться в станицу Александровскую, где и были окружены правительственными войсками.

Правительство арестовало несколько человек из видных руководителей казачьего восстания, но которые тут же, по требованию казаков, были немедленно освобождены из-под ареста.

Командующий войсками Правого крыла, ген. Евдокимов, для предупреждения кровавых столкновений казаков с правительственными войсками, своей властью разрешил казакам послать депутатов в Петербург к царю, а исполнение приказа о выселении отменил до особого распоряжения свыше.

Казачьи депутаты в Петербурге были арестованы и отправлены в гор. Ставрополь-Кавказский в распоряжение ген. Евдокимова для наложения на них дисциплинарного наказания. Однако казачье прошение дошло до царя и сделало свое дело: в отношении указанных в прошении станиц система переселения целыми станицами была отменена и оставлен прежний порядок - путем вызова охотников, жеребьевок и по назначению.

Александр II очень сожалел о том, что по вине ген. Евдокимова упущен чрезвычайно важный момент для завоевания Кавказского края и его колонизации, напомнив опять донским казакам, что «казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагонамеренным племенам, и заселять отнимаемые у них земли»[10].

Необходимо сказать несколько слов о роли казачьего дворянства в отношении вопроса о колонизации Западного Кавказа. Отношение дворянства к этому вопросу было резко отрицательное. Оно выступило в защиту своих прав и экономических интересов. Казачьи дворяне являлись крупными земельными собственниками. Каждый из них, за небольшим исключением, имел столько земли, сколько не имела целая казачья станица. Они являлись, кроме того, владельцами нескольких хуторов, водяных мельниц, от одной и до двух тысяч голов крупного рогатого скота, стольких же лошадей и до 10 тыс. овец; переселиться на новые места для них значило лишиться своих богатств. Таким образом, переселенческий вопрос сблизил низовое казачество с дворянством, несмотря на противоположность классовых интересов и полную эксплуатацию низового казачества дворянством. Нередко случалось так, что казаку по возвращении с фронта негде было посеять хлеб на прокормление себя и своей семьи и «только из милости,— как свидетельствует ген. Евдокимов,- снисходя на слезную просьбу казака, помещик позволял вспахать ниву на своей земле или накосить несколько копен сена и то не всякий, чаще же казак-обиженник зарабатывал себе у помещика как наемщик кусок земли, но на один раз, хотя на владение его имел и равное право»[11].

На этой почве между трудовым казачеством и помещиками происходили крупные столкновения. По жестокости же казачьи дворяне далеко опередили помещиков центральных губерний.

«Обыкновенно хуторский пан,- пишет ген. Евдокимов,- с открытием весны уже на коне и с вооружением в руках налетает, гонит и бьет все, что только приблизится к владениям его. Подстрелить, изувечить или загнать в болото несколько голов скота, лошадей или баранов - дело самое обыкновенное. Самые снисходительные, понявшие, конечно, по-своему букву закона о потравах, загоняют в базы захваченный чужой скот и держат его взаперти, пока он околеет от голода и жажды, а пани-хуторянки, не владеющие оружием и слабые по природе, поступают иначе: они приказывают, а иногда и собственноручно совершают операции вроде отрезывания сосков у коров или распарывания брюха в пример и страх другим скотам и их хозяевам. В таком духе воспитывается молодое поколение на хуторах, и едва став на ноги, продолжает дело своих отцов, никогда не сомневаясь в правоте своей».

... «Казаки ненавидят дворян и ропщут на них, но не смеют заявить, потому что находятся в руках дворян и дома, и на службе». И несмотря на это, казаки, будучи поставлены русской политикой перед лицом полного хозяйственного разорения, обратились за советом к своим помещикам, которые под маской патриотизма и сострадания к низовому казачеству хотели использовать казачье движение в своих личных целях.

Кавказское начальство, учитывая заднюю мысль казачьего дворянства, сделало соответствующие выводы. Оно разбило случайную связь между низовым казачеством и дворянством путем отнятия у дворян их земель, которые были обращены в государственный земельный фонд, и, таким образом, казачество и дворянство были поставлены в условия конкуренции на земли, обращенные в государственный фонд.

Говорить о роли кавказских горцев в колонизационной политике торгового капитала - значит говорить о борьбе этих народов за свои порядки родового быта и экономические интересы, против которых и была направлена политика русского торгового капитала. К тому же русский абсолютизм, конечно, не мог уживаться с демократическим строем, пустившим глубокие корни во многих обществах горских народов. Отсюда борьба России с родовым бытом и вообще с демократическими тенденциями горцев Кавказа. Для достижения своей цели царская Россия ссорила горцев между собою, вооружала одно племя против другого.

3 Закпз № 106

Еще в 1771 г. Екатерина II писала на Кавказ генералу де-Медему: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть».

В 1783 г. усилиями русских ингуши и чеченцы были натравлены друг на друга и сразились, имея с каждой стороны по 1 тыс. человек. В результате этого столкновения ингуши были поражены, и чеченцы отбили у них свыше 2 тыс. голов баранты[12]. Впоследствии политика кавказских начальников почти ничем не отличалась от политики Екатерины II.

В 40-х гг. XIX столетия окончательно утверждается в русской политике ориентировка на горскую аристократию. Кавказское начальство всемерно поддерживало высшее сословие в племенах, с тем чтобы при помощи привилегированных слоев овладеть и управлять массой. Эта линия нашла себе яркое выражение в политике ген. Воронцова, которому и принадлежит идея создания горской аристократии, давшей, впрочем, отрицательные результаты. «Только одно аристократическое начало может побороть то направление демократическое,- писал Воронцов,— которое развилось и так глубоко пустило корни свои, против которого, к сожалению, доселе, кроме оружия, никакого оплота противопоставлено не было»[13]. Таким образом, Воронцов демократическому (родовому) началу противопоставлял аристократическое начало.

В длительной борьбе России с кавказскими горцами роль последних сводилась именно к охране своих прав на независимость и своего хозяйственного и бытового уклада, который и подвергался глубоким потрясениям под давлением колонизационной политики русского торгового капитала.

Надо заметить, что до образования так называемой Кавказской военной линии, авангарда торгового капитала, в период вольных переселений русских на Северо-Кавказскую равнину, между горцами, аборигенами страны, и русскими переселенцами не было и тени вражды. Горцы встречали русских дружелюбно, и русские тоже старались жить с горцами в мире и согласии. Туземцы говорили русским: «Мы никогда не думали с вами в соседстве жить, но если теперь Бог привел, то и надо жить нам хорошо». Как мирные соседи, горцы делились с русскими хлебом, семенами и другими продуктами своего производства. Существовал между горцами и русскими живой обмен товарами. Местами горцы на русской земле даже сеяли хлеб, пасли скот, и казаки им не препятствовали. Существовали между ними даже и родственные связи. И эти добрососедские и дружественные отношения между горцами и русскими казаками существовали вплоть до вовлечения последних в сферу колонизационной политики России.

Таким образом, момент вовлечения казачества в колонизационную политику надо считать моментом разрыва добрососедских отношений между горцами и русскими. И это вполне естественно.

Период с момента заложения Кавказской военной линии до 60-х гг. XIX в. изобилует то мелкими набегами горцев на пограничные казачьи станицы и укрепления с целью грабежа имущества, то крупными столкновениями вооруженных сил с обеих сторон.

Переселение русского крестьянства и казаков на Кавказ достигло своего апогея в 60-х гг. XIX столетия. На Восточном Кавказе в результате этой переселенческой волны сконцентрировались огромные массы казачества, которые и сами ощущали большой недостаток в земле, и сильно стесняли в этом отношении местное туземное население, в первую очередь чеченцев. Перед кавказским начальством стал вопрос о том, как выйти из создавшегося критического положения. Было два выхода: или переселить казаков на их прежние места, или же выселить туземцев — в данном случае чеченцев - куда-то, и таким образом освободить земли для нормального надела оставшегося населения. В интересах России было последнее, а именно - выселение чеченцев, т. к. Россия этим самым достигала двоякой цели: 1) ослабления чеченского народа, упорно стремившегося к удержанию своих родовых начал в обществе. По словам официального документа, «демократизм у чеченцев всегда был доведен до крайних пределов; не только понятия о сословиях и власти наследственной, но понятия о какой бы то ни было власти они почти не имеют. На языке чеченцев нет даже слова приказать»[14]; 2) удовлетворить 100-тысячное казачье население в земельном отношении за счет чеченских земель.

«При настоящем недостатке земель в области,— читаем в письме командующего войсками Терской области к начальнику Главного Штаба Кавказской армии,— и тех заботах, которые вызываются положением туземного населения в крае, выход всяких ста семей, к какому бы племени они ни принадлежали, за исключением кумыков и кабардинцев, где нет недостатка в земле, будет для нас облегчением»[15].

«Удаление из малоземельной, густо населенной Чечни какой бы то ни было части беспокойного и воспитанного в полувековой борьбе с нами племени было бы огромным шагом на пути к разрешению чеченского вопроса, а следовательно, к прямому умиротворению Терского края и водворению в нем гражданственности»[16].

Таким образом, следуя «коренной русской исторической системе заселения окраин государства казаками» для дальнейшей беспрепятственной колонизации Кавказского края, выселение части чеченского народа за пределы русского государства стало совершенно ясным и неизбежным.

В этом же колоссальную роль сыграл небезызвестный среди горцев ген. Кундухов, по происхождению осетин, предложивший свои услуги русскому правительству повести агитацию среди чеченцев для склонения их к переселению в Турцию.

Нам думается, Кундуховым руководили не любовь к своему народу, а личные интересы. Дело в том, что ген. Кундухов был прежде всего крупным помещиком, он имел в Скут-Кохе участок земли в 2800 десятин, который и захотел продать на выгодных условиях. Поэтому Кундухов заключил договор с русским правительством, который заключался в следующем:

Ген. Кундухов должен был склонить к переселению 5 тыс. чеченских семейств (карабулаков), а русское правительство за это обязалось купить у него участок земли за 45 тыс. руб. Целый ряд исторических документов характеризует ген. Кундухова как человека в высшей степени честолюбивого. И в данном случае, помимо корыстных соображений, это обстоятельство могло сыграть и некоторую роль в деятельности Кундухова. Весьма возможно, что он, став во главе переселенцев, захотел сыграть роль полководца или вождя в Турецкой империи. На этот счет между прочим есть (правда, очень глухие) исторические указания.

Но как бы то ни было ген. Кундухов приступил к осуществлению своего плана. Он повел переговоры с Турецкой империей и добился от нее согласия принять 5 тыс. семейств чеченцев-карабулаков с условием, по настоянию русского правительства, поселить их подальше от русских границ во избежание возможного восстания и вторжения переселенцев в русские пределы.

Таким образом, план о переселении 5 тыс. семейств чеченцев в Турцию был выполнен полностью ген. Кундуховым весною 1865 г. Кундухов с первой партией отправил свою семью, а с последней сам отправился, получив полностью от русского правительства 45 тыс. руб.[17] Это было последнее массовое переселение горцев в Турцию.

Параллельно с переселением чеченцев в Турцию с целью ослабления и количественного уменьшения этого народа существовали и другие меры побочного характера, как, например, формирование полков из наиболее беспокойных элементов и отправление их в Польшу для военных действий или, наконец, выселение отдельных аулов из гор на плоскость и расселение их в казачьем окружении.

Итак, мы можем констатировать, что в основе переселения чеченцев в Турцию лежат политические и экономические причины. Политические причины - столкновение родовых порядков, пустивших глубокие корни в чеченском обществе, с русским абсолютизмом, а отсюда полная невозможность договариваться России с чеченским народом в целом; экономические - земельная теснота в Сунженском районе в связи с перенаселением указанного района казаками - невозможность при наличии всего чеченского народа на прежних местах наделения землей русских казаков по норме.

На Западном же Кавказе причины переселения горцев в Турцию были несколько иные. Здесь экономические причины не так ясны и рельефны, очевидно, потому, что они не играли такой роли, как на Восточном Кавказе. На западе не было такой тесноты и скученности русского населения. Наоборот, Кубань и Черноморье недостаточно густо были населены русскими. Поэтому норма казачьего надела здесь равнялась от 17 до 50 десятин на душу, что указывает на то, что земельная теснота не могла быть действующим фактором в переселенческом движении. В основе переселенческого движения горцев Западного Кавказа лежат, как уже было сказано, политические причины.

Западный Кавказ, населенный тогда, главным образом, демократическими племенами, как то: абадзехами, убыхами, шапсугами, натухайцами и другими враждебными России народами, после Крымской войны готов был стать ареной международной политической борьбы. «Разгром турецкого флота в турецкой гавани, после того как Англия формально поручилась за неприкосновенность турецких портов, разгром почти на глазах английских военных кораблей, стоявших в Босфоре,- это была пощечина, которой английское общество не могло перенести»[18]. Поэтому Англия стояла за спиной Турции, имевшей большое влияние на горцев Западного Кавказа, по причине общности религиозных воззрений. Западные державы, и прежде всего Англия, играя на религиозных и национальных чувствах горцев и всемерно восстанавливая их против России, хотели использовать горцев как орудие против России, для утверждения своей гегемонии и на Черном море, и вообще на Западном Кавказе.

Занятие Западного Кавказа послужило бы первым шагом проникновения английского капитала на Восток и в первую очередь в Персию, где Англия имела определенные экономические интересы.

«Английские дипломаты,- говорит М. Н. Покровский,- работая в Персии, пролагали пути туда английскому капиталу, у нее были вполне конкретные экономические задачи»[19].

Также и Россия интересовалась Ближним Востоком. «В настоящее время,- писал командующий Черноморским флотом Меньшиков,- Крым - существенный пункт, на котором должен решиться вопрос о нашем влиянии на дела Востока». Не менее существенным пунктом во всех отношениях для России являлся и Западный Кавказ с воинственным и враждебным России населением, через который Англия протягивала свою руку к русскому хлебу, в котором она так нуждалась после своего промышленного переворота.

Все это было достаточно для России, чтобы решительно поставить вопрос о завоевании Западного Кавказа и подчинении

горских племен русской власти и тем самым, во-первых, отсечь поползновения Англии на русский хлеб и, во-вторых, помешать ее проникновению на рынки Ближнего Востока, где одним из серьезных конкурентов для России являлась именно Англия.

Практически проводником завоевательного плана, выработанного Барятинским, был ген. Евдокимов, который тогдашнее положение расценивал так: «Стало очевидным,- писал Евдокимов,- что при дальнейших действиях, по прежней системе, на каких бы условиях ни покорялись нам горцы, покорность эта продолжалась бы до тех пор, пока они сами желали бы соблюдать ее, а первый выстрел на Черном море и даже какое-нибудь вымышленное письмо султана или прибытие самозванца-паши снова могло бы возбудить войну. Если даже мы заняли бы горы укреплениями и провели бы к ним дороги, то все-таки приходилось бы постоянно держать в горах огромное число войск и не быть покойным ни одной минуты»[20].

Поэтому сама система борьбы с горцами была изменена: были прекращены всякого рода военно-карательные экспедиции в горские аулы и, наоборот, были усилены войсковые части для оттеснения горцев до полной невозможности жить в горах. В 1861 г. русские на Западном Кавказе уже занимали такое положение, что могли ультимативно предложиь горцам: признать над собою власть России и выселиться на плоскость или же переселиться вовсе из России в Турцию. Охотников перейти в русское подданство нашлось не более 100 тыс. человек[21], а главная масса горцев единодушно решила переселиться в Турцию. Но прежде чем принять то или иное решение, горцы Западного Кавказа решили принапрячь все свои силы для спасения своего положения. В июне 1861 г. все черкесы собрались на совет, где единогласно решили учредить союз родовых черкесских племен. Для управления союзом тут же был избран меджлис из 15 улемов и сведущих людей. Меджлису было дано название «Великое свободное заседание». Меджлис разделил весь край на 12 округов, в каждый из них были назначены муфтий, кадий и мухтар. Горцы обратились через консула сухумского Диксона к Англии об оказании в решительную минуту помощи; они писали, что Россия посягает на их независимость в то именно время, когда Великий меджлис вольности черкесов, управляя краем, вполне соответствует своему назначению и идеалам вольных черкесов. Главным виновником своих бедствий черкесы считали ген. Евдокимова, который действительно в это время своими войсками окружил тесным кольцом последний островок независимых горцев. По этому случаю состоялось чрезвычайное заседание меджлиса, на котором было постановлено: отправить посольства в Константинополь, Париж и Лондон с просьбой о заступничестве, на покрытие расходов посольств наложить денежный сбор на все народонаселение от Туапсе до Адлера по 50 коп. с дома; обнародовать призыв к священной

войне (Qazauat); отправить в землю абадзехов несколько тысяч воинов; принудить к такому же содействию джигитов, которые под влиянием князя Решида-Геча оставались пассивными в войне.

Все эти постановления были приведены в исполнение. Посольства были отправлены в названные страны; во главе константинопольского посольства стоял Измаил Баракай Ина-Дзяпш, который со своей дипломатической задачей справился вполне.

Таким образом, против русских войск, окруживших тесным кольцом черкесов, с беспримерным единодушием выступили все черкесские племена и держались до 1863 г., а в этом году горцы, предоставленные самим себе в неравной борьбе, были сломлены русскими войсками. Это был заключительный аккорд беспримерной в истории по своему упорству героической борьбы горцев Западного Кавказа за свою независимость. Но ни Турция, ни Англия, ни Франция не оказали горцам в этой борьбе почти никакой реальной помощи, если не считать вооружения, которое на турецких судах иногда Англия присылала горцам.

Горцы после этого поражения огромной волной устремились к Черноморским побережьям для дальнейшего следования в Турцию.

Нет никакой возможности определить точной цифры переселенцев-горцев в Турцию. Есть официальные данные, но они совершенно неточны, и вот почему: по 64-й год не велось абсолютно никакой отчетности по переселенцам, т. к. они отправлялись полулегально без всякой регистрации. Россия стала регистрировать лишь с лета 64 года и то только тех, которые получали пособие от казны (14 коп. на душу).

Переселение же горцев началось с 1859 г. в связи с пленением Шамиля. Первыми переселенцами явились, конечно, состоятельные горцы, не нуждавшиеся в пособии от казны, и верхи, потерявшие надежду удержать за собой те преимущества и права, которыми пользовались раньше.

Однако, по статистическим данным 30-х гг. XIX в., мы можем составить себе приблизительное представление о количестве переселившихся горцев с Западного Кавказа в 1864 г. По данным Новицкого, количество черкесских племен в 1830 г. выражалось[22]:

абадзехов	- 13 000 сем.,	или 260 тыс.	душ обоего пола
убыхов	- 20000 -»-	40 -»-	
бжедухов	- 3000 -»-	60 -»-	
темиргоевцев	- 4000 -»-	80 -»—	
шапсугов	- 15 000 -»-	300 -»-	
натухайцев	- 12 000 -»-	240 -»-	

В данное же время перечисленные племена располагают следующим численным составом:

абадзехи - один аул;

убыхи - никого не осталось, все выселились поголовно;

бжедухи - осталось небольшое количество в Кубанском округе;

темиргоевцы - осталось небольшое количество в Майкопском округе;

шапсуги — осталось 4 аула в Адыгейской области и около 3 У тыс. в районе Туапсе;

натухайцы - никого не осталось, выселились все.

Здесь интересно отметить, что племена с родовым бытом, как то: абадзехи, убыхи, шапсуги и натухайцы - были выселены поголовно, а племена с феодальным строем, как бжедухи, темиргоевцы и другие - частично.

Таким образом, принимая во внимание, с одной стороны, естественный прирост населения за 34 года, т. е. с 1830-го[23] по 1864 г., с другой стороны - естественный прирост в оставшейся части населения с 1864 г. по настоящее время, приходится констатировать, что количество переселенцев только с Западного Кавказа превышает 1 млн человек. К этому надо еще прибавить переселенцев от других племен: чеченцев, осетин, ингушей, ногайцев, кабардинцев и карачаевцев, которые также были вовлечены в это движение. К сожалению, о количестве последних, за исключением чеченцев, которых, по официальным данным, числится 5 тыс. семейств, около 25 тыс. человек, сведений нет даже приблизительных.

Нам остается еще сказать несколько слов о тех мучениях и страданиях, которые терпели горцы как по пути следования, так и на турецкой территории. Вот как рисует русский консул в Константинополе Мошнин[24] положение переселенцев в Турции:

«С начала выселения в Трапезунде и окрестностях перебывало до 247 тыс. душ; умерло 19 тыс. душ, теперь осталось 63 290 человек. Средняя смертность - 180-250 человек в день. В Самсуне и окрестностях с лишком 110 тыс. человек. Смертность около 200 человек в день. Свирепствует сильный тиф; за ноябрь и декабрь 1863 г. прибыло в Трапезунд 100 кочерм. Отправлено в Константинополь и Варну 46 504. Средним числом умирало в день 40-60 человек».

В том же письме Мошнин далее пишет:

«Турецкие власти приняли сначала горцев очень ласково и, когда прибыл другой пароход, турки, по случаю бывшей тогда холодной погоды, развели огонь на пристани, но когда лодочники начали высаживать голых, слабых, больных и по 46 трупов, умерших за одну ночь, они перепугались заразы и не хотели принимать переселенцев».

«Лагерь в Ачка-Кале совсем предполагается уничтожить, так как там нельзя жить от нечистот и трупного разложения. Чтобы воспользоваться порционами, горцы не убирали своих

мертвецов из палаток и часто скрывали их, зарывая в самих палатках».

«Население испугано переселением,- пишет далее Мошнин,- и вознаграждает себя покупкою невольниц, на которых цены сильно упали. На днях паша купил 8 самых красивых девушек по 60-80 руб. за каждую и посылает их для подарков в Константинополь.

Ребенка 11-12 лет обоего пола можно купить за **30-40 руб.** Женщин продают и отправляют-в Константинополь целыми партиями. В Трапезунде даже можно видеть партии в 40-50 женщин, предводимых одним хозяином». «Рекрутов турки берут только неженатых, и потому горцы продают своих жен и детей и поступают на службу».

Не в лучшем положении находились горцы-переселенцы перед выселением и на русской территории. Официальный историк Кавказского края Берже, очевидец этих печальных событий, рассказывает следующее:

«В июне 1864 г. я отправился из Закавказья через Константинополь в Грецию, а оттуда — в Италию. Это было вслед за окончанием войны на Западном Кавказе, в самый разгар выселения горцев в Турцию. Следуя вдоль Анатолийского берега, я встречал их во множестве в открытом море и был очевидцем их горестного положения в Батуме и Трапезунде. В ноябре того же года на возвратном пути из Европы я видел их при несравненно еще более худшей обстановке в Рушуке и Силистрии. Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 тыс. человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовшая между ними эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малолетками, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери»[25].

Так были раздавлены тяжелым сапогом русского царизма свободные горцы Кавказа.

Из всего сказанного нами до сих пор, мы приходим к следующим выводам:

1. Начало второй половины XIX в. можно считать поворотным пунктом в политике русского торгового капитала на Кавказе. Торговый капитал определенно ставит перед собою две конкретные задачи: захват всего Кавказского края и его полную колонизацию русским населением. Причины, обусловившие такой поворот в русской политике:

а) вмешательство западно-европейских держав в Кавказский вопрос, главным образом Англии, стремившейся, с одной стороны, к русском хлебу, в котором испытывала большом недоста-

ток после своего промышленного переворота, и с другой стороны - к проложению путей своему капиталу на восточные рынки; б) обезвредить влияние Англии и Турции, призывавших горцев к вооруженной борьбе с Россией с целью ее ослабления; в) Западный Кавказ, помимо того что он готов был стать ареной политической и стратегической борьбы между Россией и западными державами, решал вопрос о влиянии России на дела Ближнего Востока, где весьма сильным конкурентом для России являлась Англия.

2. Прямым следствием завоевательной и колонизационной политики торгового капитала явилось массовое переселение горцев из Кавказа в Турцию. Помимо указанных общих причин, обусловивших собою завоевательно-колонизационный поворот в русской политике в половине XIX в., в переселенческом движении горцев сыграли большую роль причины экономического и политического порядка. В связи с заселением края русскими казаками, земельная теснота дошла до крайних пределов; казаки требовали наделения их землей по норме. Такое требование казаков возможно было удовлетворить лишь за счет чеченских земель. Отсюда выселение государственными мерами 4 тыс. семейств чеченцев-карабулаков. К тому же опыт многолетней борьбы русских с чеченским народом, в котором порядки родового быта пустили глубокие корни, убедил Россию в невозможности договариваться с этим народом, и мы видим ясное стремление России к распылению и количественному уменьшению чеченского народа путем выселения его из пределов Кавказа и формирования из него полков для несения военной службы на окраинах тогдашней России, как, например, Польша.

3. На Западном же Кавказе положение было таково: горские племена с порядками родового быта, объединившись вместе, вели отчаянную борьбу с русским абсолютизмом за сохранение своей политической независимости. Эта борьба горцев идейно и материально поддерживалась Турцией и Англией, желавшими использовать движение горцев в своих интересах. Чтобы обезопасить себя со стороны Западного Кавказа, Россия ультимативно предложила горцам выселиться или на Кубань, или же в Турцию. Горцы вынуждены были принять последнее предложение.

Революция и горец.
1929. № 4, 5, 6

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо нач. Штаба Кавк. армии Карцова к управляющему Русск. миссией в Константинополе от 23. VIII. 1863 г. № 17.

[2] *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России. С. 117.

[3] *Верже.* Выселение горцев Кавказа // Русская старина. Кн. 3. С.174.

[4] *Покровский.* Указ. соч. С. 214, 217, 221. Эту точку зрения М. Н. Покровского подтверждают целиком и полностью документы, изданные совсем недавно в «Кавказских сборниках» № 45 под названием «Три Имама».

[5] АКТЫ Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 12.

"Там же. С.770.

[7] Там же.

[8] Там же. С.780.

[9] Там же. С. 872, 873.

[10] Там же. С. 915.

[11] Там же. С. 901, 902.

[12] *Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 2. С. 13.

[13] *Тихеев.* Свод материалов по изучению быта госуд. крестьян Кав. края. Ч. 2. С. 14.

[14] *Цзагуров.* Записка по чеченскому вопросу ген. Карцова военному министру. С. 40.

[15] *Цзагуров.* Переселение горцев. С. 17.

[16] Там же. С. 32. Докл. записка. Ком. войсками Терек, обл. от 15 ноября 1864 г.

[17] Перед отъездом ген. Кундухов убедительно и настойчиво просил русское правительство выдать 45 тыс. руб. ему золотой валютой, но ему выдали только 3 тыс. руб. золотом, а остальные бумажными деньгами. Эта маленькая подробность свидетельствует о том, что ген. Кундухов, уезжая в Турцию, не намерен был более возвращаться в Россию и, следовательно, мнение о том, что Кундухов желал быть в Турции предводителем переселенцев как будто находит некоторое подтверждение.

Дополнительные сведения о личности Муса-Паши Кундухова и его службе в Турции см.: *Эсадзе С,* в Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 2. Г. К.

[18] *Покровский.* Дипломатия и войны царской России. С. 136.

[19] Там же. С. 184.

[20] *Верже.* Переселение горцев с Кавказа // Русская старина.

[21] По Покровскому же, только 30 000 человек согласились принять русское подданство («Сборн.» С. 229).

[22] *Щербина.* История Кубанского казачества. Т. 2. С.13.

[23] Как сказано выше, наши сведения о количестве народонаселения горских племен относятся к 1830 г., т. е. дают нам численность за 34 года до переселения.

[24] Письмо Мошнина к ген. Карцову от 28 декабря 1863 г.

[25] *Верже.* Переселение горцев из Кавказа // Русская старина. Т. 33. С. 362.

К ИСТОРИИ РАБОТОРГОВЛИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(Исторический набросок)

Одной из наиболее мрачных страниц истории горцев Кавказа является широко распространенное в свое время хищение людей и связанная с ним работорговля, дошедшая почти до половины XIX в. включительно.

Хищением людей занимались решительно все горцы Северного Кавказа, т. к. это было весьма выгодным делом. По свидетельству И. Гербера, черкесские князья, в руках которых сосредотачивалась внешняя работорговля, продавали женщин персидским, турецким и татарским купцам по цене, колебавшейся от 100 до 500 руб., в зависимости от возраста и степени красоты рабыни. Особенно большой спрос со стороны персидских и турецких купцов был на черкешенок, которые, прославившись своей красотой, сделались предметом внешней торговли. Нередко родители, в целях наживы, продавали своих собственных детей за дорогую цену, а чаще всего у родителей похищали их силою. В общем, по словам Гербера, «сим товаром в тамошних странах великий торг отправлялся»[1].

Внутренняя работорговля в XVIII - начале XIX в^ происходила главным образом в Кизляре, на «Ясыр-Базаре». Горцы приводили сюда на продажу своих пленников разного пола, возраста и национальностей. «Бледные, желтые, тощие, покрытые грязными лохмотьями, босиком, бывало, стоят эти несчастные, жалобно смотря на проходящих и сами напрашиваясь на купцов. Часто сын находил здесь отца под лоскутьями бурки, в женских шальварах; муж встречал свою жену, наряженную в солдатские рейтузы, закрывающую волосами остальные части тела. Мать узнавала ребенка, который выглядывал из старого сапога, отнятого у русского извозчика»[2].

Горцы меняли своих пленников на «Ясыр-Базаре» на различные продукты домашнего обихода, как то: порох, хлеб, соль и железо, но нередко продавали их за деньги. Минимальная стоимость пленника на «Ясыр-Базаре» равнялась 30 руб. Всякий, купивший пленника, должен был записать его на свое имя в полиции с указанием уплаченной за пленника суммы. Немало было злоупотреблений при покупке рабов. Хозяин за пленника фактически платил от 30 до 60 руб., а в полиции, при записке купленного пленника на свое имя, объявлял вдвое или втрое большую сумму - «для того чтобы отдалить день свободы пленника, которую получал он по отработке заплаченного за него выкупа»[3], оценивая при этом годичный труд раба в 24 руб. Редко, кто доживал до счастливого и долгожданного дня свободы. Одни умирали с мотыгой в руках на грядках кизлярских виноградников, другие - на водочных заводах; бывали и такие случаи, когда у живых пленников, в силу невежественных понятий того времени, вырезали сердца для исцеления от каких-то болезней.

Русские власти того времени, если не покровительствовали северокавказской работорговле, то, во всяком случае, и не препятствовали ей. Работорговля, в сущности, была выгодна для России. С одной стороны, сборы,'сопряженные с юридическим оформлением купли и продажи рабов, составляли одну из выгоднейших статей прихода Кизлярского казначейства, с другой же стороны, русские имели возможность на «Ясыр-Базаре» закупать своих единоверцев вообще, а в частности, бывших солдат, которые партиями попадали в плен к горцам.

Много, очень много страшных былей помнит современный Кизляр.

Хищением людей занимались не только крупные нацио-'нальности, как кабардинцы, чеченцы и другие, но и такие мелкие народности, как ингуши и осетины. Из народов Западного Кавказа хищением людей прославились убыхи, у которых данное явление известно было под именем «unaru». Похищение не только не осуждалось общественным мнением, но, наоборот, считалось удальством. Составлялись партии из молодых людей, которые отправлялись, как говорят осетины, «ponskanunma», т. е. воровать людей у соседнего народа или рода своего же племени. Интересно отметить, что горцы, по древнему обычаю, похищенному пленнику вкладывали в рот кусок дерева в виде катушки, который у осетин известен под именем «khabalgom». Насквозь этой катушки и продевали шнур, концы которого завязывались назад под затылочным бугром. Таким образом, пленник был лишен возможности говорить и поручать себя кому-" нибудь («axe iuazad kanun»). А надо заметить, что если пленник поручал себя кому-нибудь, он даже первый встречный - последний, по священному обычаю горцев, должен был или освободить пленника, или умереть.

Горцы сажали своих пленников в каменные мешки под боевыми башнями и держали их там до определенного срока, в продолжение которого родственники могли выкупить пленника за большую по тому времени сумму. Если пленник, по несостоятельности родственников или по какой-либо другой причине не выкупался к сроку, похититель считал себя вправе продать пленника в Кабарду, Черкесию, Чечню, Ингушию или, наконец, обменять его на необходимые предметы на «Ясыр-Базаре». Для похитителя было выгоднее, когда пленника выкупали родственники, потому что выкупная цена была значительно выше продажной. Если пленник на «Ясыр-Базаре» оценивался в среднем в 40-50 руб., то выкупная стоимость его была

ниже 300 руб. * Горцы, чтобы получить побольше выкупа, обычно старались уводить пленников из состоятельных и знатных родов.

Пленницы у осетин назывались «Uacajrag ами». Их судьба была самая разнообразная, в зависимости от их возраста, физических и душевных качеств. Молодая красивая пленница нередко делалась одной из многих «незаконных жен» (nombal osa) похитителя, а пожилая, малоспособная к физической работе, продавалась на сторону почти за бесценок, так как по старинному образному выражению горцев, «за серебро женщины платили медью». Пленники и пленницы, оставшиеся при доме рабовладельца, составили в обществе кавказских горцев сословие рабов, известное, например, у осетин под именем «кавдасаров», что значит в буквальном переводе «рожденные в яслях». Рабы лишались собственных фамилий и назывались просто рабами своих владетелей. Дети рабов и рабынь также поступали в полную собственность владетеля, который имел как над ними, так и над их родителями неограниченную власть. Рабы в обществе кавказских горцев рассматривались как домашний инвентарь. При дележе семьи рабы распределялись между членами ее наравне с живым и мертвым инвентарем. Так, в сел. Джимаре, в Горной Осетии, при дележе трех братьев Варзиевых - Асланбека, Герихана и Гетагаза - одному из братьев достался участок земли под покос, другому - участок под пашню, а старшему Асланбеку — несколько рабов.

Чрезвычайно любопытно отметить, между прочим, один интереснейший момент из быта осетин, когда раб в правовом отношении стоял не только выше своего феодала, но даже мог своей властью отменить его решение. Если крепостной крестьянин чем-нибудь не угождал своему феодалу - несвоевременно уплатил оброк, неаккуратно отбыл барщину, потравил ниву или луг феодала или просто оказал непочтение ему, последний сажал кол, символ своей власти, на ниве или покосе крестьянина со словами «ma budurha da xumi» и тем самым накладывал запрет на покос или ниву крестьянина. Феодал также мог наложить запрет на любой хозяйственный предмет - корыто, рабочий скот и т. д., и крестьянин не имел права пользоваться этими предметами, пока с них не снимался запрет. Крестьянин вынужден был пользоваться месяцами корытом или рабочим скотом своего соседа. Нередко крестьянская нива, находившаяся под запретом феодала, созревала и осыпалась на месте, как это случилось, например, в сел. Махческе с нивой Секинаевых, на которую наложил запрет феодал Заурбеков-Абисалов. Феодал не имел права снять им же самим наложенный запрет, это мог сделать лишь раб - «кумайг» феодала, даже без согласия последнего, по своему личному усмотрению.

В Осетии иногда рабы получали свободу. Это бывало в тех случаях, когда раб своим буйным характером и несносным

поведением компрометировал владельца в глазах общества и вынуждал последнего избавиться от него или когда раб выкупал себя и своих детей от феодала. В Черкесии так же, как и в Осетии, рабы освобождались за плату («схаша физ») и бесплатно («азат»), но здесь бесплатно освобождали рабов не из-за буйного характера и скверного поведения, как в Осетии, а, наоборот, в награду за хорошее поведение, усердную работу и беспрекословное повиновение своему феодалу. Для раба в старом черкесском обществе бесплат.ное освобождение считалось почетнее платного. Надежда на освобождение стимулировала труд раба и являлась, следовательно, средством эксплуатации его владельцем.

В Осетии при освобождении раба владетель, по древнему обычаю, обязан был дать ему топор и веревку для первоначального хозяйственного обзаведения. Потомство освобожденного, по крайней мере в Осетии, присваивало себе фамилию от имени своего предка-пленника или пленницы. Интересно отметить, что в современных осетинских фамилиях при специальном изучении можно было бы, пожалуй, установить по фамилиям те роды, которые сами того не подозревая, быть может, являются потомками рабынь или пленниц. В этом отношении особый интерес заслуживают, например, такие дигорские фамилии, как Кочкионовы, Цорионовы, Билаоновы, Сазаоновы, Хамилоновы и целый ряд других фамилий с окончанием на «он», о которых можно высказать, как догадку, что они являются потомками пленниц, похищенных или купленных в свое время состоятельными родами Дигории. В Осетии замужние женщины имеют в большинстве случаев по три имени: одно языческое, другое христианское и, наконец, третье имя, которое ей дается по выходу замуж. Например, дочь Дзагуровых, по выходу замуж, сохраняя и прочие имена, будет называться «Дзагуро+он», дочь Кочкиевых - «Кочки+он», Цориевых «Цори+он», Билаевых - «Била+он», Созаевых — «Соза+он» и т. д. Таким образом, по этому имени всегда можно определить девичью фамилию любой осетинской женщины.

Что же касается осетинских фамилий, имеющих в корне женские имена, то о них можно определенно сказать, что они произошли от имени пленниц. Известные дигорские феодалы Тугановы из Дзинага в древности похитили одну чеченку по имени Гоха, потомки которой и составили фамилию Гохаевых. Другая фамилия, Дагоевых, в той же Дзинаги также имела пленницу-чеченку, Хадзиказ, от которой пошла фамилия Хадзиказовых.

Основную массу невольников дигорских феодалов фамилий Абисаловых, Тугановых, Кубатиевых, Кануковых, Кабановых и других составляли чеченцы и грузины. Как те, так и другие славились большой выносливостью и трудолюбием, поэтому на

них всегда был большой спрос на невольничьих рынках, которые снабжались живым товаром - лезгинами. Мы имеем положительные свидетельства о том, что во второй половине XVIII в. «грузин большая половина в полон лезгинам побрана». Лезгины старались при своих неоднократных нападениях на Карталинию женщин хороших ловить, ибо турки и персиане великую цену им за пригожую женщину дают, так что и до **5000** руб. платят[5]. Обычно лезгины нападали на Грузию во время полевых работ. «Я сам видел,- пишет капитан Языков,- великий плач отцов и матерей по детям и от детей - по родителям; много раз случалось, что лезгины передо мною уводили и людей из деревень, жалость, писать нельзя»[6]. Но и грузинские феодалы в свою очередь, по-видимому, не оставались в долгу у своих соседей.

Революция и горец, 1929. № 6

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гербер И.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и о их состоянии в 1828 г. СПб., 1860. Т. 1. Гл. 2. С. 27, 28.

[2] *Шидловсский. Ю.* Записка о Кизляре. ЖМВД. СПб., 1843. Кн.4. С. 189.

[3] Там же. С. 181.

•* В первой половине XIX в. за пленного офицера Швецова чеченцы запрашивали даже свыше 2500 руб. (См. *Швецов.* Очерк о кавказских горских племенах. М., 1856.).

[5] Грамоты и другие ист. документы XVIII в., относящиеся к Грузии / Изд. проф. А. А. Нагорели. СПб., 1891. Т. 1. С. 189.

[6] Там же. Записка кап. Языкова о Грузии в 1770 г.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНИХ ГОРОДИЩАХ ТАТАРТУП И ДЗУЛАТА

Под именем Татартуп у целого ряда народностей, заселяющих Северный Кавказ, известно древнее городище, находящееся в бывшей Терской области, напротив осетинского селения Элъхотово, приблизительно на расстоянии километра от моста через Терек на восток. Городище расположено на мысе, образованном кабардинскими лесистыми холмами, идущими с юга на север перпендикулярно Тереку и служащими с давних пор естественной границей между Кабардой и плоскостной Осетией. Теснину, где находится древнее городище, осетины называют «Argi unqaq», т. е. «Теснина Арга». Почему это место связано с именем Apr и кто такой был этот Apr - народ не помнит. Правда, есть в одном осетинском предании довольно глухое упоминание о том, что некогда в этой самой теснине на Арга напали абреки и отсекли ему голову. Отрубленная голова Арга, катясь по пыльной дороге, повторяла непонятное для осетин слово «Sanaqi». Как будто в связи с этим событием и названо это место у осетин «Arqi Unqaq» или «Arqi naraq», т. е. «Теснина Арга»[1]. Древнее городище Татартуп осетины называют еще Дзулата. Таким образом, указанное городище у осетин имеет три названия: Татартуп, Теснина Арга и Дзулата. Однако при более внимательном рассмотрении вопроса об употреблении этих терминов не трудно заметить, что с каждым из них у осетин ассоциируются совершенно различные представления. Тесниной Арга осетины называют всю эту местность, начиная с Эльхотова и кончая на востоке по левому берегу Терека большим искусственным курганом, известным у осетин под именем Кургана кобылицы.

Под именем же Джулата у осетин известен минарет и, наконец, Татартуиом называют древнее святилище, находящееся к югу от минарета на высоком холме. Как Дзулата, так и Татартуп — слова не осетинского происхождения.

По словам Ногмова, автора «Истории адыхейского народа»[2], Жулат происходит от сокращенного Жоритла-Ант, что значит «часовня для подаяния доброхотных дателей». Термином «Жулат» кабардинцы якобы называли башни или минареты, находящиеся в большом количестве «на берегу Терека, выше соединения его с рекой Малкою». Эти башни, по Ногмову, кабардинские предания приписывали предкам нынешних кабардинцев, которые посещали их «для очищения и принесения жертв». «Если между союзниками и друзьями случалась ссора или нарушение слова,- говорит Ногмов,- то оба отправля-

лись к Жулату с луком и стрелами. По прибытии туда они становились один против другого, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет, потом разламывали ее надвое и возвращались восвояси. И этот обряд назывался «Жулат». Таким образом, не ясно, по Ногмову, - обряд ли принесения клятвы назывался Жулат или же группа минаретов, которые предания приписывают предкам кабардинцев. При этом Ногмов, который построил свою историю на кабардинских народных преданиях, не делает разграничения между Дзулатой и Татартупом. У него Дзулата и Татартуп одно и то же, но по времени термин «Дзулата», или «Жулат», как будто древнее Татартупа. Основываясь на кабардинских преданиях, Ногмов говорит, что «когда Коджа-Берды-Хан с татарами поселился под самым Джулатом, то народ стал называть эти здания Татартуп, т.е. «иод татарами»[3]. Когда же Коджа-Берды-Хан с своей ордой удалился, то другой хан, Жанбек, совершенно присвоил себе Жулаты и обратил их в минареты».

Итак, по Ногмову, Дзулата, с одной стороны - определенный обряд примирения или клятвы, с другой же стороны,- название группы башен или минаретов, построенных предками кабардинцев. С течением нее времени Дзулатой овладевает татарский хан Коджа-Берды, и с тех пор Дзулату народ стал называть Татартупом, что значит «под татарами» (татарское название). Следующий за Коджа-Берды, тоже татарский хан, Жанбек, превратил эти башни в минареты.

Ногайские песни, не отождествляя Дзулату с Татартупом, упоминают также об одном обладателе этих городищ. «Я видел,— поется в одной из ногайских песен,— обладателя золотого лука, который властвовал над Татартупом и Дзулатой и назывался Султан Берки-Хан и Алтун-Берды-Хан»[4]. По мнению Н. Семенова, Берки-Хан и Алтун-Берды-Бек не кто иной, как хан золотой орды Берке (Беркере, Баркай), сын Бату, или Батыя, царствовавший с 1257-го по 1266 г. [5], но по другим, более достоверным источникам, какими, на мой взгляд, являются путешествие Плано Карпини к татарам[6] и примечание к нему Д. Языкова, Берка (Баркутант, Бурга-Берке, Бирка или Беркай) не сын, а брат Батыя.

Более подробные сведения о Дзулате мы находим у известного немецкого ученого Юлиуса Клапрота[7], путешествовавшего по Грузии и Северному Кавказу еще до начала XIX в.; географическое положение древнего Дзулата Клапрот указывает не совсем ясно. Он говорит, что Дзулата лежит в 5 верстах к северу от источников ручья Коян, к западному концу холмистой гряды Малой Кабарды.

Дзулата, по мнению Клапрота,- руины того древнего города, который, по Дербент-Намэ (т. 1, с. 430), существовал уже во 2-м столетии хиджры и имел даже своего градоначальника. Дзулата также упоминается и у Шерифэддина в истории Тимура под именем Culad. В 1397 г. Тимур поднял свой лагерь с реки Ssamur и двинулся против Тахтамыш-хана из Ckptshak. Но предварительно пошел в Дербент, уничтожил одну орду татар ckaitack, потом, перейдя Ckoissu и Сунжу, расположился здесь, чтобы дождаться оставшейся позади части своей армии. Тахтамыш-хан стоял тут же недалеко. Тимур почувствовал недостаток в провианте и поэтому, переправившись через Терек, пошел берегом реки вверх до местности Culat, где наглел в изобилии все необходимое для своей армии (с. 206).

Тахтамыш-хан, шедший за Тимуром, заставил последнего окопаться на высоком берегу Терека. В результате Тахтамыш-хан был разбит и пустился в бегство (История Тимур-Бека. Т. 2. Гл. 52, 53)[8]. Из сказанного следует, что, во-первых, город Джулата существовал еще задолго до сражения Тимура с Тахтамыш-ханом и, во-вторых, что к моменту столкновения названных двух лиц Дзулата представлял собою настолько обширный и богатый населенный пункт, что Тимур мог найти в нем достаточное количество провианта для своей армии.

Однако на месте древнего Дзулата, бывшего еще в конце XIV в. довольно оживленным населенным пунктом, в начале XIX в. Клапрот нашел лишь руины мечети (меджет) и минарета; от первой виден был один фундамент, длинные стены которого были равны 30 шагам, а обе другие стороны 25 шагам. По-видимому, мечеть была обращена на восток, так как в восточной стене уцелела еще сводчатая входная дверь[9].

К востоку от мечети стоял минарет высотою в 40 футов. Нижняя часть его представляла собой 4-угольный пьедестал в 10 футов шириной и 14 высотой. Верхняя часть цилиндрической формы имела у основания также 10 футов. Минарет внутри был снабжен винтовой лестницей с 55 ступенями, по которым можно было подняться до вершины минарета. Минарет был сложен из жженого кирпича на извести и имел выход, обращенный на юг.

Вокруг минарета и мечети Клапрот мог различить большое количество погребений более позднего, чем мечеть, происхождения. Черкесы, по словам Клапрота, утверждали, что эти погребения принадлежали ногайцам, одна орда которых находилась под властью кабардинских феодалов, но что потом, приблизительно в начале XVIII в., калмыки отбили эту орду у кабардинцев. И действительно, Клапрот мог прочитать в двух могильных плитах арабские письмена, датированные 1717 и 1721 гг.

Вот те незначительные остатки от древнего Дзулаты, которые еще застал Клапрот в начале XIX в. И это неудивительно, потому что кирпичи от минарета и мечети растаскивались, как свидетельствует Клапрот, местным населением для своих хозяйственных надобностей.

Менее подробно Клапрот останавливается на описании другого городища - Татартупа, ссылаясь на то, что последний доволь-

но основательно описан другим немецким ученым И. А. Гюльденштедтом, предпринявшим также путешествие на Кавказ еще до Клапрота в 80-х гг. **XVIII** в. Результатом предпринятого Гюльденштедтом путешествия и явилось его 2-томное сочинение, изданное на немецком языке под названием «Reisen durch Russland und im Kaukasischen Ceburqe» (СПб., 1787-1791).

Действительно, у Гюльденштедта в его замечательной работе, служащей и по наше время прекрасным источником для освещения разнообразных вопросов, связанных с изучением Кавказа, мы находим довольно подробное описание древнего Татартупа. Термин «Татартуп» одними переводится в буквальном смысле, как «подошва» или «низ» татар, а в переносном-как «стоянка татар»[10]; другие переводят его, как «Татарский холм»[11], но Гюльденштедт не останавливается на этом вопросе (с. 207).

Гюльденштедт местоположение Татартупа определяет «на западном берегу верхнего Терека, приблизительно в 7 верстах от устья Кунбелей и Псехуш» (Т. 1. С. 503; *Броневский.* Т. 2. С. 53). И в самом деле, Татартуп, или Теснина Арга, как ее называют осетины, находится по течению Терека. Там же обозначен Татартуп и на карте Кабарды и Осетии, составленной в 1768 г.[12]; там же указывается и в более раннем историческом документе, в котором говорится, что «Большую и Малую Кабарду разделяет гора, вышедшая к реке Терку мысом, и именуется тот мыс Татартуп», и что «от Татартупа до реки Терка расстояние сажен до ста, где лежит дорога в Большую Кабарду и на Кубань»[13].

Гюльденштедт дает нам в вышеназванном своем сочинении (с. 504) описание татартупской башни, сложенной из жженого крепкого кирпича. Башня имеет цилиндрическую форму с внутренней винтовой лестницей, насчитывавшей в то время 75 ступеней. Высота башни 12,2 метра[14].

Пьедестал башни - 4-угольник, у которого длина каждой стороны равна 4,2 метра, а высота - 15 метрам, минарет имеет в поперечнике 3,6 метра, а в остальной, верхней своей части, суживается до 0,9 метра. У основания суженной части к югу направлено отверстие и имеется обход вокруг выступающей нижней части башни. Нижний вход в башню обращен к востоку. В общем Гюльденштедт находит, что татартупский минарет с точки зрения конструктивной сложен правильно.

В 300 шагах к юго-западу от описанного минарета стоял еще и другой минарет, совершенно аналогичный первому. Высотою этот последний был не менее 6,4 метра, верхняя его часть провалилась.

Кроме того, названный ученый в Татартупе описал еще остатки довольно обширной мечети, находившейся недалеко от уцелевшего минарета. Длинные стены мечети равнялись

28 шагам, а короткие - 14. Северная длинная и западная короткая стены высотою в 3,6 метра при Гюльденштедте еще были целы, но крыши, которая, по предположению названного автора, должна быть плоской, уже не было. Мечеть была сложена из булыжника и кирпича.

Исключительный интерес представляет собой описанная Гюльденштедтом (с. 505) здесь же, в Татартупе, христианская греческая церковь, отстоявшая на расстоянии 500 шагов к юго-востоку от мечети. Церковь сложена была также из кирпича и представляла собой по форме 4-угольник, стороны которого равнялись 6,4 метра. В восточной стене наружу овалом выдавался алтарь шириною в 4,2 метра и глубиной в 2,1 метра. По бокам алтаря имелись маленькие ниши, по-видимому, предназначавшиеся для церковной утвари. Высота церкви от основания до купола равнялась 8,5 метра. Стены церкви внутри были гладко оштукатурены и разрисованы. На северной стене, близко к алтарю Гюльденштедт видел изображение головы в ореоле, лежавшей на подушке, которая представляла собой часть общей картины Успения Богоматери. На другой же стене тоже уцелела голова, также в ореоле стоявшей персоны, которая руками прижимала к груди спину черной овцы, как изображают обычно Иоанна Крестителя. В куполе церкви уцелела нижняя часть человеческой фигуры - не то священника, не то какого-то святого, облаченного в черную с белыми галунами ризу и красный орарь. Все изображения были в натуральную величину.

Такая же христианская церковь была обнаружена Гюльденштедтом в 300 шагах к северо-западу от мечети. Она была в меньшей сохранности и значительно меньше по размерам. На стенах, так же гладко оштукатуренных, не было найдено никаких следов живописи или надписей.

Вышеописанная христианская церковь, несомненно, та самая, о которой упоминает еще в первой половине XVIII в. кизлярский дворянин Алексей Тузов в своем описании кавказских горцев, в котором говорит, что «в Малой Кабарде, подле Татартупа, жилище владельца Адилгирея, и ныне стоит христианская церковь, каменная, у которой только один свод обвалился, и в этой церкви по стенам является иконное писание»[15]. По свидетельству того же Тузова, в Татартупе, недалеко от церкви с разрисованными стенами, стояла в его время и другая «часовня каменная во всякой целости». В данное же время этот интересный памятник не только не сохранился, но, как показывают новейшие сведения о Татартупе [16], трудно даже найти и самое место, где он находился.

Наличие христианских церквей в Татартупе в непосредственном соседстве с мусульманскими мечетями характеризует собой интереснейшую эпоху в истории северокавказских народов вообще, Кабарды и Черкесии в частности, когда два идеологических течения, одно из которых христианство, шедшее с

севера, со стороны Московского государства, другое же - мусульманство, шедшее со стороны Крыма, вступили в единоборство за экономическое и политическое господство над народами Северного Кавказа. Эта интересная эпоха, несомненно, имела место во второй половине XVI в., когда Московское царство после покорения Казани и Астрахани, для обеспечения своих южных пределов от набегов кочевнических орд [17], нуждалось в сильном и влиятельном среди горских народов соседстве, каковым и явилась в то время Кабарда. В связи с этим, на мой взгляд, надо рассматривать и брак Ивана IV с дочерью влиятельного кабардинского феодала Темрюка, и устройство укреплений на тогдашней южной границе Московского государства. Иван IV, желая усилить свое влияние в Кабарде, всемерно поддерживал своего тестя Темрюка. Так, например, в 1565 г. Иван IV послал воеводу Ивана Дашкова с войском на помощь Темрюку против его неприятелей.

К этому времени, по-видимому, относится и проникновение христианской пропаганды в Кабарду [18] и, может быть, фактическое принятие христианства известной частью населения.

Между феодалами Кабарды и Московским государством установились довольно оживленные сношения. Черкесские князья приезжали в Москву, принимали крещение, крестили своих детей [19] и даже оставляли их при дворе Ивана IV. Дети кабардинских феодалов, получившие воспитание при дворе, занимали потом весьма видные государственные должности.

Московское государство выслало в Кабарду своих миссионеров, «которые, переходя с места на место с «Словом спасения», приобрели многих последователей христианства, и на высотах Кавказских частию возобновили и очистили древние храмы, а частью соорудили новые»[20]. Очевидно, к числу вновь выстроенных в то время русскими миссионерами церквей нужно отнести и вышеописанные в Татартупе христианские церкви, хотя сами «черкесы утверждают, что в Татартупе жили франки или европейцы, от которых и происходят церкви»[21]. Совершенно необычным кажется, что послы московского царя Алексея Михайловича в половине XVII в. в Имеретию, стольник Толочанов и дьяк Иевлев, побывавшие в Татартупе, в котором в то время жил кабардинский феодал Камамет Ибаков, «вовсе не упоминают о христианских церквах в Татартупе»[22].

По-видимому, христианская пропаганда в Кабарде в XVI в. большого успеха не имела. Известно, что вся Кабарда в XVI в. под предводительством крымского хана Девлет-Гирея была покорена татарамрх. Поэтому христианство с первых же своих шагов неизбежно должно было столкнуться в Кабарде с мусульманством, которое по приказанию турецкого султана крымские ханы Девлет-Гирей и Хаз-Гирей распространяли в Кабарде огнем и мечом. К этому еще надо добавить и то, что значение кабардинских феодалов, в среде которых, главным образом, имело

успех христианство, было настолько ничтожно при новом завоевании, что «после Темрюка турецкий паша о голову знатного кабардинского князя Кургоко Хатужукова выбивал табак из своей трубки»[23]. «В эту эпоху,- говорит Ногмов,- многие шогены были убиты, книги их сожжены и пасторские жезлы их расхищены и брошены, отчего произошла следующая поговорка: «Чтоб твое имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы»[24]. Смуты в Московском государстве, отвлекшие внимание центра от южной окраины [25], и территориальная разобщенность центра с окраиной лишали Москву непосредственного и действительного влияния на дела Северного Кавказа [26], в то время как влияние Крыма в Кабарде и Черкесии быстро возрастало. Кабардинские феодалы отступали от христианства. Естественно, христианство должно было уступить свое место религии завоевания Кабарды — исламу.

Из вышеприведенных нами описаний минаретов в Дзулате и Татартупе не трудно заметить, что в этих двух географически разобщенных пунктах представлена одна и та же культура. И это обстоятельство как будто до некоторой степени подтверждает мнение об одновременном основании Дзулата (Чиллад) и Татартупа (Татар), в котором якобы насчитывалось двести тысяч жителей, монголами, обосновавшимся в XIII в. по реке Куме [27] и, очевидно, Тереку. Дзулатские и татарские минареты настолько сходны между собою по форме, технике (с. 210), материалу и даже в деталях, что народное сознание на протяжении веков перестало различать Дзулат и Татартуп. Народ позабыл собственный древний Дзулат, а его именем стал называться татартупский минарет, как это наблюдается у осетин и кабардинцев. Это обстоятельство для нас будет совершенно понятным при условии, если мы обратим внимание на географическое положение и Дзулата и Татартупа, экономическое значение которых в жизни северокавказских горцев вообще, осетин и кабардинцев в частности, было обусловлено именно географическим их положением. И в этом отношении Дзулат и Татартуп были далеко не равноценны. Татартуп лежит в узком проходе, образованном кабардинскими высотами, отделяющими Восточный Кавказ от Западного, и течением многоводной реки Терека. Через Татартуп лежал один из главных торговых путей, соединявших Восточный Кавказ с Западным. Осетинам, как и другим горцам, населяющим Северо-Восточный Кавказ, хорошо был знаком Татартуп. Если взглянем на карты Северного Кавказа 70-х гг. XVIII в., одна из которых составлена Степаном Вонявиным [28], другая же - шихтмейстером Александром Кирхнером [39], то мы убедимся, что одна из дорог, по которым осетины сообщались с Моздоком и вообще с русским населением нижнего течения реки Терека, лежала именно через Татартуп. Из Куртатинского ущелья дорога шла по Фиаг-Дону (Фок). У самого выхода из ущелья, за Барукиным и осетинскими мо-

настырями, которые обозначены тут же, дорога разветвлялась: одна из ветвей поворачивалась направо и устремлялась через Гизель-Дон, Терек на Баташево, другая же шла налево - через Фиаг-Дон (Фок), Ардон (Ердань), Черную на Татартуп. Обе дороги потом соединялись опять за Баташевым у Тафиалтанова и далее на Моздок, Давлет-Гиреево, Червленую, Щадринскую и в другие населенные пункты по нижнему Тереку вплоть до Кизляра.

Даже во второй половине XVIII в. в Осетии еще денег не было [30] и население вынуждено было вывозить свои продукты к русским пределам через Татартуп, преимущественно в Кизляр и Моздок, для обмена на нужные предметы. Между прочим из Осетии вывозились: сукно из козьего пуха, овчины, готовые шубы, сыр, коровье масло, табак, войлоки, сырые кожи, черкески и шапки [31], и все это обменивалось в Кизляре и Моздоке на соль, ситец, бумажные парчи, персидские синие и красные бушметы, разноцветное сукно русского производства, рыбу, холст и железо, которые попадали в Осетию опять через Татартуп.

Но Татартуп был знаком горцам в силу еще другого обстоятельства: под Татартупом перепродавались пленники лезгинам и кабардинским работорговцам, которые, в свою очередь, или отпускали их за известную плату родственникам, приезжавшим за ними в Татартуп, или же продавали их в Бесленею, Крым и другие страны. Поэтому, очевидно, еще в 1782 г. осетины и карабулаки просили русских построить крепость у Татартупа для защиты их от кабардинцев и чеченцев [32].

Что же касается Дзулата, отмеченного на карте Вонявина недалеко от впадения реки Малки в Терек, то он оставался в стороне влево, на значительном расстоянии от главной татартупской магистрали (с. 211), по которой происходили торговые и другие сношения горцев с тогдашними русскими городами. Вот почему, на мой взгляд, Татартуп и пользуется такой известностью среди горцев Северного Кавказа и памятен до сих пор народу, веками слагавшему о нем легенды, действительно, «одна другой красочней и фантастичней», а настоящий древний Дзулат, в свое время сыгравший, быть может, не менее важную роль в истории Кавказа, основательно стерт из народной памяти, и только одно его название, перешедшее с течением времени к татартупскому минарету, еще напоминает о нем.

Татартуп у северокавказских горцев пользовался большим уважением, а у некоторых даже и до сих пор он считается святыней. Например, осетины сел. Ардон ежегодно осенью приезжают в Татартуп для жертвоприношения [33]. Под Татартупом давались клятвы, заключались братские союзы, которые никогда почти не нарушались [34]. Даже для кабардинцев, о которых в истории сложилось нелестное для них мнение, что «они без зазору переступают все присяги, учиненные как по Библии, так и по Алкорану» [36], присяга, данная под Татартупом, считалась

священной и нерушимой [38]. Правда, иногда такие случаи были настолько редки и необычны в быту горцев, что о них потом долго помнил народ. Вот один случай нарушения клятвы, данной под Татартупом кабардинским князем Хатажуко. «Старик Шужий предложил для утверждения братского союза и верности обета отправиться в Жулат и там, по древнему обычаю, после клятвы в дружбе переломить надвое стрелу. Между тем хитрый князь Хатажуко, без ведома других, отправился один и, доехав до указанного места, слез с лошади, и помолившись перед Татартупом, произнес обет о непременном убийстве князя Шужия и в подтверждение своего обстоятельства, переломив надвое стрелу, положил ее в Татартуп. Затем на другой день он прибыл к этому месту с князем Шужием; по ложному уверению в дружбе они обоюдно переломили стрелы и отправились обратно с двумя слугами. Как только, по отбытии прислуги, оба князя легли и из них Шужий заснул, Хатажуко встал со своим слугой и убил Шужия саблею и, прикрыв его буркою, отправился в дом Куденетова и объявил ему о смерти его» [37].

Однако, должен оговориться, что у горцев пользовался таким уважением не только Татартуп. Например, хевсуры, сваны и осетины относились к некоторым святилищам с таким уважением, что жизнь убийцы, успевшего переступить даже ограду святилища, была вне всякой опасности со стороны кровомстителей [38]. Горцы давали клятвы в верности друг другу также и в других святилищах. Воинский обычай брататься при известном святилище Рекоме В. С. Толстой списывает следующим образом. «Два воина,- говорит Толстой [39],- отправлялись к Рекому, из каждого колчана вынимали по стреле, перемешивали их, одну переламывали и оба куска оставляли в стенах Рекома. Это обязывало с самоотвержением оборонять друг друга в бою, а в случае гибели одного побратима, другой (с. 212) должен вынести тело из сражения и похоронить его». Названный автор, посетивший горную Осетию в первой половине XIX в., в Рекоме видел еще огромную кучу пополам изломанных стрел.

В данное же время этого обычая у северокавказских горцев больше нет, но отголоски его еще долго сохранялись в кабардинском обществе. Кабардинцы вместо клятвы говорили: «Татартуп пенжесен», т. е. «Да буду в Татартупе многожды» [40]. Что же касается осетин, то они и до сих пор еще клянутся Татартупом («dala Tatartupbistan») и «Татартупской светлой святыней» (Tatartupbi rovsdziuaristan).

Всеобщее уважение к Татартупу с примесью страха перед ним, очевидно, и послужило причиной того, что он стал излюбленным убежищем для беглецов из Кабарды и Дагестана, убийц и всякого рода преступников, которые здесь пользовались полной неприкосновенностью со стороны кабардинских феодалов. Весьма интересно отметить, что таких беглецов в Татартупе еще во второй четверти XVIII в. было до 30 дворов, которые,

по-видимому, вели вполне трудовой образ жизни, хотя кабардинцы их и называли абреками. «В самом том месте,— говорится в одном интересном документе,- живут до тридцати дворов люди и по-кабардински называют обрек. А оные суть беглецы из кабардинцев же и из кумык и такие, которые учинили убийства или другие важные предерзости и оттого сбежали в Татартуп, откуда оных взять, или какую им противность показать кабардинцы по совести не могут, почитая то место за великую святость, и не токмо в Татартупе живущим людям какое неудовольствие учинить, но и к скоту их и ко овощам прикоснуться боятся»[41].

Не входя в подробное рассмотрение чрезвычайно любопытного вопроса о вышеупомянутых «обреках», которые находили себе убежище в развалинах древнего Татартупа и Маджар, считаю не лишним все-таки сказать о них несколько слов.

Это были преимущественно рабы кабардинских феодалов и пленники разных национальностей, которые устремлялись к русским пределам для принятия христианского закона, так как «они здешнее защищение инако приобрести» не могли, «как разве принимая христианский закон»[42]. Именным указом от 28 сентября, опубликованным 13 декабря 1743 г., было указано, что «тем новокрещенным из магометанского закона за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно, и тем прежним помещикам, мурзам до владения их новокрещенных никакого дела не иметь»[43]. Это обстоятельство и послужило стимулом бегства кабардинских холопов в Россию. Вопрос об отношении кабардинских феодалов к бегству из холопов в русские пределы органически связан с русским миссионерством, задачи которого сталкивались с экономическими интересами феодалов, и имеет свою большую интересную историю, выяснение которой, однако, не входит в план настоящей статьи. Здесь же мы должны лишь отметить, что уход холопов из Кабарды к русским пределам ударял кабардинских рабовладельцев по самому больному месту: они лишались своей экономической базы. Поэтому кабардинским феодалам нужно было как-то удержать своих холопов и тем самым спасти свое экономическое положение, так как они «через побег их холопей и невозврат» приходили «в крайнее убожество и разорение». Многократные посольства от кабардинских феодалов к русскому двору положительных результатов не давали. Они даже писали, что, если «от Российской стороны на их прошения никакого себе милосердия и удовольствия не получат, то жительством намерены, оставя нынешние свои места, перейти, хотя и со слезами, на Куму реку или на Кубань и жить обще с кубанцами... того ради, чтоб их подвластные не могли в российскую сторону, за дальностью, побега чинить»[44].

На общем собрании кабардинских феодалов, которое было созвано для обсуждения холопского вопроса, было решено

устроить три заставы: в урочище Бештамаке, на Малке и «по ту сторону Кара-Терка в урочище Джулате для воспрепятствования побегов». Наконец, кабардинские феодалы, в целях борьбы с бегством холопов, стали аттестовать беглецов русскому начальству ворами, убийцами и вообще тягчайшими преступниками, а самое их бегство истолковывали, как средство избавления от наказания за совершенное ими преступление в Кабарде. И эта мера оказалась более реальной, чем все, к каким прибегали кабардинские феодалы до этого. Русские начальники после заявлений со стороны кабардинских феодалов стали на такую точку зрения, что «в таком случае надлежит о приходящих для крещения владельческих холопах прежде тайно через посторонних в тех владениях разведать и буде подлинно найдется, что они тамо злодейство учинили, таких по прошениям отдавать владельцам обратно»[45].

Вот, собственно, те «обреки», которые, не желая возвращаться обратно к своим феодалам, убегали вторично и скрывались в руинах старого Татартупа и Маджар. Однако относительно «воровского города Пожары» надо сказать, что в 60-х гг. XVIII столетия в нем уже никого не было: он «стоял впусте»[46]. Приводимое свидетельство доктора Гевита характеризует один из моментов временного опустения Можар, население которого в описываемый период, по-видимому, не было постоянным и состояло из периодически сменявшихся беглецов, преимущественно русских раскольников с Терека и Дона. Опустевший, однако, в 60-х гг., Маджар 10 лет спустя снова оказывается населенным, и в 70-х гг. разрабатывается проект о привлечении беглецов к разработке серебро-свинцовых руд в горах Осетии и Ингушетии ". К сожалению, о дальнейшей судьбе татартупских «обреков», которых в половине XVIII в. здесь было до 30 дворов, мы не имеем никаких достоверных сведений.

В заключение необходимо заметить, что основные вопросы, связанные с Татартупом и Дзулатом, вопросы о времени их возникновения, о народе, их построившем, об исторической роли этих двух городищ - в настоящее время все еще остаются открытыми и не могут быть решены до тех пор, пока подземные остатки этих памятников не будут вскрыты опытной рукой археолога (с. 214).

Записки Северо-Кавказского Горского НИИ.
Ростов н/Д, 1929. Т. 2. С. 205-215

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Быть может, «Арга» - одно из древних названий Терека? Нет ли какой-нибудь связи «Арга» с названием рек Аргудан или Аргу? - *Г. К.*

[2] *Ногмов Шора Бекмурзин.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 25. / Приложение к «Кавк. календарю» за 1862 г.

[3] Татарское низовье.

[4] *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 424.

[6] Там же. С. 456. Прим. 18.

[6] Собрание путешеств. к татарам в XIII, XIV и XV столетиях / Перев. и примеч. Д. Языкова, СПб., 1825. С. 145, 289, прим.78; С. 291, прим. 79.

[7] *Klaproth Julius.* Rise in den Kaukasus und nach Veoprqien. Zweiter Band. С 42.

[8] *Срезневский И. И.* Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг. Ученые записки второго отделения им. Акад. Наук. СПб., 1856. Кн. 2. В. 2. С. 239.

[9] Мечети обращаются не на восток, а на юг.

[10] *СеменовН.* Туземцы Северного Кавказа. СПб., 1895. С. 456. Прим. 17. ср. *Шевиов В.* Очерк о кавказских горских племенах. 1856. С. 4. Прим. 2.

[11] *Klaproth Julius.* Reise in den Kaukasus und nack Jcorqien. Zweiter Band. С. 42. S. 365, Berlin, 1814. С. 12. S. 365; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 27. От. 1. С. 170, 171.

[12] См. карту № 2, прилож. к моим «Очеркам по истории Осетии», Влад., 1926., а также см. карту № 3, приложенную к 1 тому вышеназванного труда Клапрота.

[13] Кабард. дела за 1743 г. № 14.

[14] По данным же конца первой половины XIX в., высота башни показана в 80 футов, а количество ступеней не 75, а 64. Это несоответствие объясняется тем, что минарет несколько раз реставрировался и достраивался местным населением, в результате чего в данное время имеет далее и железную крышу с куполом и полумесяцем - «Впечатления о воспоминаниях покойника» // Библиотека для чтения. № 86. С. 8 за 1848 г.

[15] Центр, архив. Кабард. дела за 1743 г., № 14. Изъяснения бывших в СПб кабар. влад. Атажухина Алдыгирея, Кумыцкого Хамзина, бывшего при них кизлярского дворянина Тузова о живущих в Кавказ, горах народах, их языках, обрядах и протчем. Ср. Портфель Г. Ф. Миллера, 150, 6, № 22, л. 7.

[16] *Кесаев Н.* О прошлом Татартупа, Власть труда. № 206 (312) от 10/09; 207(313) от 11/09; 208 (314) от 12/09 1925 г.

[17] Взгляд на Кавказскую линию. Северный Архив. № 2. СПб., 1922. С.164-265,

[18] *Гербер.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 г. СПБ, 1760. Т. 1. Ч. 2. С. 29-31 Прим.

[19] *Соловьев С.* История России. Изд. «Общ. польза». Т. 6. Кн. 2. С. 411. *Карамзин.* История государства Российского. СПб., 1817. Т. 8. С. 227-374. Прим. 416.

[20] *Каменский. И.* Обращение осетин в христианство в XVIII в. Труды археологич. съезда в Тифлисе 1881г. Тифлис, 1887. С. 140.

[21] *Клапрот.* Т. 2. Гл. 42. С. 365, 366.

[22] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650-1652 гг. Тифлис: Изд. М. А. Полиектова. 1926.

[23] *Пфаф.* Материалы для древней истории Осетии // Сборник сведений о кавказских горцах. 1871. Вып. 5. Гл. 3. С. 95.

[24] *Ногмов Шора Бекмурзин.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. Гл. 3. С. 44-46. Прилож. к «Кавказскому календарю» за 1862 г.

[25] *Каменский И.* Указ. соч. С. 141.

[2в] *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 89, 90.

[27] *Шевцов В.* Очерк о кавказских горских племенах. М., 1856. С. 4 с примечанием.

[28] Центр, архив. Осетинские дела за 1762 г., к. 2, л. 140.

[29] Там же, л. 164.

[30] *Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции». М., 1785. Т. 2. Кн. 2. С. 327.

[31] *Александр Яновский.* Осетия. Обзор Российск. Влад. Закавк. СПб., 1836; Т. 2. С. 209, также *Гюлъденштедт* Географ, и стат. описание Грузии и Кавказа. СПб.: Изд. К. Германа. 1809. С. 355.

[32] *Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1861. Ч. 2. Гл. 127. С. 166.

[33] *Кесаев Н.* О прошлом Татартупа..Очерк 2. Власть труда. №207, от 11/09-1925 г.

[31] *Цебу И.* О Кавказской линии. СПб., 1829. С. 106.

[36] Историко-географические записки о странах, лежащих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1810. С. 23 / Пер. с франц. Ф. Шишкевич.

'" *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. СПБ, 1823. Т. 2. С. 53.

""*Ногмов Шора Бекмурзин.* Указ. соч. Гл. 8. С. 126 и след.

[38] *Евецкий Орест.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. Ч. 1. Гл. 14. С. 86, 490.

[39] Из служебных воспоминаний В. С. Толстого. Поездка в Осетию в 1847 г. // Русский архив. М., 1875. Кн. 2. С. 267.

[40] *Ногмов Шора Бекмурзин.* Указ. соч. С. 25.

[41] Центр, архив. Кабард. дела за 1743 г. № 14. Записки Кизлярского дворянина Алексея Тузова.

[42] Кабард. дела за 1763-1780 гг., к. 80, кн. 14, л. 363. Рескрепт резид. Обрезкову, за № 676.

[43] Центр, архив. Кабард. дела за 1761 г., к. 63, д. 15, л. 64.

[44] Там же. Кабардинские дела за 1767 г., № 1, 4, 41, к. 66.

[46] Там же. Кабард. дела за 1761 г., к. 63, д. 15, л. 63 и об.

[46] Там же. Портфель Герарда Фридриха Миллера, 150, 26, №22, л. 6. Описание Кизляра и его окрестностей доктора Василия Гевита в 1756 г.

[47] Там же. Осет. дела за 1767-1771гг., № 3. Указ астрах, губернатору Бекетову от 5/12 1767 г., за № 859.

К ИСТОРИИ МЕЖДОУСОБНОЙ БОРЬБЫ КАБАРДИНСКИХ ФЕОДАЛОВ В XVIII в.

Существует в исторической науке целый ряд генеалогических карт кабардинских феодалов, принадлежащих различным авторам, составлявшим эти карты, очевидно, на основании одних и тех же источников, но в разное время. Основным же источником для составления родословных карт кабардинских феодалов, несомненно, служили предания кабардино-черкесского народа. Клапрот, один из авторов генеалогических карт, говорит определенно, что все указания, которые он собирал во время своего путешествия в первой четверти XIX в. на Кавказе относительно происхождения кабардино-черкесского народа и их феодалов, записаны из уст стариков-черкесов [2]. Очевидно, на основании тех же народных преданий составил свою генеалогическую карту И. Потоцкий, путешествовавший на Кавказ в 1797 г. Несмотря на то что между путешествиями Потоцкого (1797) и Клапрота (1807) прошло немного времени - каких-нибудь десять лет, в генеалогических картах названных двух авторов имеются не только номенклатурные, но и более существенные отличия. Однако общим для родословных карт обоих авторов является то, что начало кабардинских феодалов как по Потоцкому, так и по Клапроту теряется в глубокой «доисторической» для кабардинского народа древности. Потоцкий, согласно его генеалогической карте, выводит кабардинских феодалов от Ноя; Клапрот же считает родоначальником их Арап-Хана (по Потоцкому Адоу-Хан), деда известного Инала, под предводительством которого кабардинский народ пришел на Северо-Кавказскую равнину из местности Кизил-таш не позднее половины XV в., т. к. Инал был прапрадедом [3] известной в русской истории феодала Темрюка Айдаровича, умершего в старости после 1570 г. [4]

По общему мнению ученых, сложившемуся, впрочем, на основании народных преданий кабардино-черкесов, у Инала было пять сыновей, которые, по Потоцкому, суть следующее: 1) Джанхот, 2) Бекболат, 3) Беслен, 4) Оунамас и, наконец 5) Карлыш. По сведениям Клапрота, у Инала Косоглазого также было пять сыновей, но имена их другие, так, например, Джанхот Потоцкого у Клапрота-Таусултан, Бекболат-Ахлау, Беслен-Мудар, Оунамаз-Беслен, Карлыш-Котоуква. От Таусултана, по мнению Клапрота, произошли феодалы Таусултановы, владевшие западной частью М. Кабарды. Ахлау и Мудар жили в согласии и владели восточной частью Кабарды. Потомки их - Гиляксановы.

Остальные два брата - Беслен и Котоуква, отделившись от прочих братьев, жили неразлучно, и от них произошли феодалы Б. Кабарды. Территория их называлась Бесланея, или Беслания. Такова генеалогическая карта Клапрота, который, по-видимому, отвергая карту Потоцкого, считает свою единственно приемлемой и не переходящей за пределы XVI в. [6] Надо заметить, что как Инал, родоначальник кабардинских феодалов, так и его пятеро сыновей, поскольку нет о них исторических данных, являются лицами легендарными, и только правнуков сыновей Инала можно считать исторически существовавшими, так как о некоторых из них, как, например, о Темрюке Идаровиче, тесте царя Ивана IV, Таусултане и других сохранились кое-какие исторические сведения. Родословные карты разбираемых двух авторов являются далеко не полными, но все же карта Потоцкого, пожалуй, заслуживает большого внимания и доверия, так как она в известной части почти не расходится с более полной генеалогической картой кабардинских феодалов от Инала, извлеченной мною из Кабардинских дел Госархива за 1744 г. и к настоящей статье. Согласно этой карте, у Инала было также пятеро сыновей: 1) Минбол (у Потоцкого - Джанхот, у Клапрота-Таусултан), 2) Карлыш (у Потоцкого - Бегболат, у Клапрота - Ахлау), 3) Унаммаз (у Потоцкого - Беслен, у Клапрота - Мудар), 4) Джанхот (у Потоцкого - Оунамаз, у Клапрота - Беслен), 5) Беслен (у Потоцкого - Карлыш, у Клапрота - Комоуква).

На основании этой родословной карты можно, правда, весьма приблизительно, датировать время передвижения кабардинского народа с юго-запада на северо-восток под предводительством Инала. Как известно, Темрюк Идарович жил в 1550 г., настоящая же родословная карта составлена не позднее 1744 г. Следовательно, от Темрюка до составления этой родословной прошло 194 года. Но этот отрезок времени охватывает, включая и Темрюка, шесть поколений, а от Инала, родоначальника кабардинских феодалов, до Мимболата Муцалова, состоявшего в 1744 г. в самом конце родословного дерева кабардинских феодалов, было десять поколений. Отсюда, считая 32 года на каждое поколение (вообще же принято 100 лет на 3 поколения), дата времени передвижения кабардинского народа и колонизации им нынешней Северо-Кавказской равнины будет первая четверть XV в. Следовательно, мнение П. Буткова[6], относящего расселение кабардинского народа под предводительством Инала на Северо-Кавказской равнине ко второй половине XV в., и утверждение Клапрота [7], что родословная кабардинских феодалов не переходит за пределы XVI в., конечно, не состоятельны.

* ft *

По-видимому, часть кабардинского народа, колонизировавшая центральное предгорье Северного Кавказе в первой четверти XV в., находилась под властью одного феодала Инала, занявшего первоначально побережье Баксана и прилегающих к нему других рек. После же смерти названного Инала оставшиеся пять сыновей его: Минбол, Карлыш, Унамаз, Джанхот и Беслен - поделили весь кабардинский народ на пять частей [8]. Но со временем постоянные столкновения между отдельными феодалами Кабарды имели неизбежным результатом подчинение более сильному менее сильных и установление централизованной власти, сосредоточенной в руках одного феодала и переходившей по наследству. Остальные все феодалы подчинялись главному и служили у него на жалованье. Такое подчиненное положение служило благоприятной почвой для всяких интриг и враждебных против главного правителя Кабарды группировок. Каждый стремился к власти и добивался ее подчас путем кровавых столкновений, ценой убийства одного брата другим, а чаще всего, лишенный своих крестьян и вообще своего имущества, изгонялся со своими единомышленниками из пределов Кабарды, а его место занимал одержавший над ним победу.

...И по таковым случаям из Кабарды выгнаны и в Россию пришли тамошние владельцы: князем Григорий Сунчалиев, Алегука Сунчалиев с сыном своим князем Михаилом Алегуковичем и Муцал Сунчалиев с сыном своим Каспулатом Муцаловичем и Кудайнет Келеметов с сыном своим князем Яковом Кудайнетовичем Черкасские [9]. Однако уход перечисленных лиц из Кабарды мало что изменил во взаимоотношениях оставшихся в Кабарде феодалов. Беспрерывные столкновения в конце концов привели к тому, что Кабарда по-прежнему опять была поделена между тремя феодальными партиями, из которых одна партия заняла Западную Кабарду, т. е. район Баксана, другая партия заняла Восточную Кабарду, а третья партия, перейдя за реку Кубань, заняла горную часть Кабарды. С тех пор, якобы, и произошло деление Кабарды на Западную, или Большую, Восточную, или Малую, Прикубанскую, или Бесланею.

Примечание. Трудно сказать точно, когда именно произошло разделение Кабарды на Малую, Большую и Бесланею. На карте Кавказа начала XVIII в. Кабарда обозначена просто «Кабарда», на карте же Северного Кавказа 1768 г. Восточная Кабарда значится под именем Малой Кабарды. Но и то, и другое вопроса о времени распадения Кабарды на Малую и Большую, конечно, не решают. По мнению В. Н. Кудашева, «отделение Малой Кабарды произошло довольно рано, может быть, раньше XIII столетия христианской эры» [10]. Но как могло произойти

такое деление раньше колонизации (первая четверть XV в.) кабардинцами нынешней территории Малой Кабарды,- это не понятно. Однако, судя по генеалогической карте, Кабарда распалась на Большую и Малую при Пшапшуке Бесланове, сын которого Кази Пшапшукин является родоначальником феодалов Большой Кабарды. Пшапшука Бесланов жил в пятом поколении от Инала, т. е. он является современником Темиргука Идаровича, жившего, как было еще упомянуто выше, в половине XVI в. Следовательно, приблизительной датой распадения Кабарды на Большую и Малую и будет, очевидно, половина XVI в.

С проникновением русского влияния на Северный Кавказ Большая и Малая Кабарда в большинстве случаев держались русской стороны, а Бесланея, или Беслания, очевидно, под влиянием Крыма относилась недружелюбно к России и, наоборот, держалась крымской ориентации. Но, в общем, из всех трех уделов Кабарды наиболее спокойной была Малая Кабарда. Она стремилась поддерживать дружественные отношения как с Россией, так и с закубанцами и крымцами. В силу своего географического положения Малой Кабарде, территория которой почти соприкасалась с тогдашними русскими границами, совершенно не выгодно было обострять отношения как с Россией, располагавшей на своей границе укрепления с регулярными войсками. В отношении же Большой Кабарды Малая держала полный нейтралитет. Она почти не вмешивалась во внутреннюю борьбу и распри, происходившие между феодалами. Не «принимала даже к себе изгнанных владельцев Большой Кабарды». Но отношения между кабардинцами и бесленейцами были очень непостоянны. Они менялись в зависимости от внутренних и внешних политических условий.

Вражда и столкновения между кабардинскими феодалами были явлением постоянным, но особенной ожесточенности достигали между феодалами Большой Кабарды. Судьба побежденных феодалов в этой внутренней борьбе была самая разнообразная. Обычно победители выгоняли побежденных из пределов Кабарды, а те, последние, лишившись своих прав на крестьян и земли, либо переходили, приняв предварительно христианство, в подданство России, либо, оставаясь магометанами, переходили на сторону крымского ханства. Но бывали и такие случаи, когда выгнанный князь при помощи крымского или калмыкских ханов силою оружия восстанавливался в Большой Кабарде в своих правах на прежних основаниях. Так, например, в начале XVIII в. один феодал, изгнанный враждебной партией из Кабарды, домогаясь своих прав, привел на своих врагов в Кабарду большое количество войск, состоявших из крымцев и кубанцев. Хорошо вооруженное население Большой Кабарды, загнав свой скот в не доступные для врага горные ущелья, энергично стало охранять подступы к Баксану. Неизвестно, сколько времени длилась осада баксанцев, наконец, крымский хан, убедив-

5 Заказ № 106

шись в полной невозможности взять осажденных со стороны степи, обходными путями зашел им в тыл. Но баксанцы узнали заблаговременно хитрый план крымского хана и поспешили занять со стороны наступавшего врага горные проходы, а когда противник вошел в ущелье, баксанцы стали метать в него сверху огромные камни. В этой схватке было побито, а также умерло с голоду с обеих сторон свыше 30 тыс. человек. Война была проиграна крымским ханом, который, собрав значительные остатки своей армии, поспешил покинуть пределы Кабарды[11].

Вслед за этим событием, временно объединившим феодалов Большой Кабарды против общего их врага, произошло распадение последних на две партии - Баксанскую и Кашкатовскую. Баксанскую партию возглавил Исланбек Мусостов со своими детьми Исмаилом[12], Алко, Наврузом и Картыком и племянниками Магометом и Нитчею Коргокиными, Карамурзою Алиевым, Касаем Атажукиным с братьями Магомедом, Алегуком, Казием и Бахтыгиреем. Партия Ислама Мусостова осталась жить на Баксане, отчего и стала называться Баксанскою партией. Другую партию возглавляли племянники Исланбека-Расланбек и Джамбулат Кайтукины с родными братьями Келемурзой, Каспулатом и Кананетом. К этой же партии примкнули двоюродные братья Кайтукиных - Баток и Эльмурза Бекмурзины. Эта партия вынуждена была покинуть свою прежнюю территорию - Баксан - и поселиться в Кашкатауе, поэтому и стала называться Кашкатовской партией.

Баксанская партия располагала конницей до 5 тыс. человек, а кашкатовская - до 2 тыс. Но несмотря на это, кашкатовская партия все-таки считалась сильнее, так как в ее состав входило больше феодалов, а это имело в то время большое значение, потому что «при сражениях их владелец узденей и подданных их бьет и рубит, а уздени и на противного им владельца, по древним их обычаям, и рук своих поднять не могут, и только что сами от них ретируются и спасают живот свой. И тако, на которой стороне владельцев больше, та сторона и сильнея бывает...»[13]

Распадение феодалов Большой Кабарды на две партии, очевидно, произошло или в конце XVII в., или в начале XVIII в.

Однако такое распадение феодалов на Кашкатовскую и Баксанскую партии и территориальная их разобщенность не искоренили вековой вражды между партиями, а, пожалуй, даже и усугубили ее. Каждая из названных партий в целях подчинения себе противника или самосохранения прибегала к помощи либо Крымского ханства, либо России. Так, на Кашкатовскую партию неоднократно приводила Баксанская партия крымцев и кубанцев под предводительством Салих-Гирей Солтана. Кашкатовская партия такими частыми походами крымцев и кубанцев была настолько обессилена, что она стала просить Россию о

защите ее от врагов. В силу указа Петра I, в 1721 г. на помощь Кашкатовской партии выступил астраханский губернатор Волынский с калмыками и донскими казаками, состоявшими в то время в гребенских городках, но крымцы и кубанцы, не вступив в бой с русскими, поспешили удалиться из пределов Кашкатовской партии. Губернатор Волынский, при посредстве бывших тогда при нем от калмыцкого хана Аюки-Ямана, Заисангова и Олдоксана, призвал к себе кабардинских феодалов обеих враждовавших партий и примирил их между собой. Одновременно с этим примирением Волынскому удалось впервые привести их к присяге в верности России[14]. Тут же Волынским был взят под арест возглавлявший Баксанскую партию Ислам Мусостов и заключен в Терскую крепость, но в 1722 г. был освобожден Петром I и отправлен на родину, где вскоре и умер. После принятия присяги некоторые из кабардинских феодалов Баксанской партии, как, например, племянники Ислама Мусостова: Магомет Кургокин, Карамурза Алиев, Касай Атажукин - оставались верными России, но с Кашкатовской партией прежде враждебные отношения опять возобновились.

Поэтому в 1722 г. один из главных феодалов кашкатовской партии Росланбек Кайтукин обратился во время персидского похода к Петру I с просьбой о защите их от Баксанской партии. Помощь была обещана, но не оказана ввиду сложившихся в то время русско-персидских отношений.

От явных вооруженных столкновений обе кабардинские партии сдерживались калмыцким ханом Аюкою, который через своего внука Дондук-Омбу влиял на баксанцев, а через Досангу и наместника ханства Дондук-Дашу - на кашкатовцев. Но после смерти хана Аюки в 1724 г. баксанские феодалы изгнали из Кабарды главных кашкатовских феодалов, а их крестьян, подчинив себе, поселили в сфере своего непосредственного влияния - по берегам рек Нальчика и Черека. Не получив помощи от России, Росланбек Кайтукин стал добиваться покровительства Крымского ханства и, по-видимому, небезрезультатно, потому что после этого не раз вторгались в пределы баксанцев крымцы и кубанцы, которые, не вступая, однако, в бой с русскими войсками, стоявшими в то время в крепости Святой Крест, каждый раз отступали. В критические моменты, когда невозможно было ожидать помощи от России, а крымские и кубанские войска уже осаждали баксанцев, последние заключили через крымских ханов и кубанских султанов мир с Кашкатовской партией во главе с Росланбеком Кайтукиным, но этот мир, с уходом крымцев и кубанцев, нарушался баксанцами, а Росланбек Кайтукин опять изгонялся со своими единомышленниками из Кабарды.

Когда же Бахтагирей Дейсултан калмыцкими владельцами был восстановлен в правах кубанского сераскира, он в 1729 г.

по просьбе Росланбека Кайтукина двинул на Баксанскую партию огромные полчища кубанцев.

Примечание. Названный Бахтагирей-Солтан и до этих событий, по-видимому, причинял большой материальный ущерб своим противникам. Так, например, в челобитной кабардинских князей Хотокчука-Бега и Ислам-Бега Мисостовых к Петру I читаем: «Мы на поле в кошах стояли, как Bain, так и наш неприятель Бахтагирей-Солтан приехал с калмыцкими и напал на Хотокчуку-Бега, из ево конских табунов 1000 лошадей отогнал»[16].

Сражение произошло между кубанцами и баксанцами где-то в горном ущелье. Кубанцы были разгромлены, а сераскир Бахтагирей Дейсултан убит. Росланбек Кайтукин бежал на Кубань, откуда во время движения крымских войск в Персию в 1732 г. при помощи калмыцкого хана Дондук-Омбы вернулся в Кабарду, где и был принят своими противниками. Вскоре Росланбек Кайтукин занял господствующее положение чуть ли не во всей Кабарде и в 1737 г. при помощи феодалов Баксанской партии выгнал из Кабарды фамилию Бекмурзиных. Бекмурзины через своего депутата Касима Бекмурзина просили Астраханского губернатора о помощи, но им было отказано за неимением военных сил, отозванных на турецкий фронт. Однако калмыцкому хану Дондук-Омбе удалось вернуть Бекмурзиных обратно в Кабарду, где они поселились по Нальчику и Череку.

С окончанием русско-турецкой войны Кашкатовская партия в союзе с крымцами стала добиваться полного подчинения себе Баксанской партии под благовидным предлогом — жить на Баксане вместе с баксанскими феодалами Коргокиными. Но Коргокины, поняв несложную политику кашкатовцев, на это не могли согласиться, а тем более после смерти калмыцкого хана Дондук-Омбы, когда на помощь калмыков нельзя было рассчитывать наверняка. Поэтому Магомет Атажукин от имени Баксанской партии просил Россию о высылке войсковых частей в Кабарду на постоянное там пребывание. Результатом этой просьбы явилось то, что в 1743 г. кизлярским комендантом Оболенским было отправлено в Кабарду 500 человек донских казаков под начальством одного капитана. Число войск вскоре было уменьшено генералом Долгоруковым до 120 человек, а потом вновь увеличено астраханским губернатором Татищевым до 400 человек.

Ввиду создавшегося положения Росланбек Кайтукин вынужден был согласиться перейти за Кубань и со своими подданными поселиться в горах. Но от такого плана Росланбек, все его подчиненные и крестьяне категорически отказались и, оставив прежние места жительства, поселились в вершинах реки Кумы, по соседству с абазинцами.

Крестьяне Росланбека находились в постоянной вражде со своими соседями, а в одной схватке в 1745 г. они побили около

100 человек кубанцев, в том числе убили и одного известного мурзу - Касая Сыртланова.

Глава Кашкатовской партии, большой интриган, беспокойный Росланбек Кайтукин умер в 1746 г., а братья и дети его спустя год, т. е. в 1747 г., заключили мирный договор с главой Баксанской партии Магометом Коргокиным на таких условиях, чтобы жить в дружбе и согласии, и ни той ни другой стороне без общего согласия не иметь никаких отношений с соседними государствами и народами. Тут же было всеми единогласно постановлено изгнать из пределов Кабарды феодала Баксанской партии Касая Атажукина за то, что якобы он со своими братьями хотел убить Магомета Коргокина. Феодалы приняли присягу и поклялись больше никогда не принимать в свою среду Касая Атажукина. Крепостные Касая, по изгнании последнего, были распределены между кашкатовскими феодалами, перешедшими на Баксан.

Касай Атажукин обратился с просьбой о примирении его с кабардинскими феодалами к кизлярскому коменданту, по ходатайству которого в Кабарду был командирован кн. Эльмурза Бекович-Черкасский, бывший в то время на русской службе. Кабардинские феодалы категорически отказались от примирения с Касаем Атажукиным, заявили России через кн. Бековича-Черкасского, что если они, кабардинцы, желательны быть в подданстве России, она не должна вмешиваться в их внутренние дела и принуждать их к примирению с Касаем Атажукиным[16].

Мирный договор, заключенный между кабардинскими феодалами после смерти Росланбека Кайтукина, был нарушен в связи с вопросом о Касае Атажукине. Часть кабардинских феодалов во главе с Батоком Бекмурзиным высказалась за примирение с Касаем, другая же часть во главе с Джамбулатом Кайтукиным и Магометом Коргокиным и слышать не хотела о внушении Касая в Кабарду, а тем более - о примирении с ним. Однако, боясь, что Россия насильно будет навязывать им мир с Касаем Атажукиным, «оные Магомет Коргокин и Джамбулат Кайтукин без совету Батока Бекмурзина и прочих владельцев писали к хану крымскому, что ежели от России за изгнание ими из Кабарды Касая Атажукина будет на них наступление или насильное взятье аманатов, или введение в Кабарду владельца Касая, то он, хан крымский, в таком случае будет ли их от россиян оборонять и по выходе их из Кабарды, где прикажет им поселиться?»[17]

В ответ на это письмо Джамбулата Кайтукина и Магомета Коргокина крымский хан писал, что, в силу Белградского мирного трактата, заключенного между Россией и Портою Оттоманскою в 1739 г., Крым не имеет права вмешиваться во внутренние дела Кабарды, но если кабардинцы захотят покинуть Ка-

барду и поселиться у темиргоев, крымское ханство им препятствовать не будет. Ответ крымского хана подвергся специальному обсуждению в урочище Кизиль-Бурун, куда собрались со своими сторонниками Баток Бекмурзин, с одной стороны, Магомет Коргокин и Джамбулат Кайтукин - с другой. Совещание длилось пять дней, но, по-видимому, не придя к определенному решению, на пятый день феодалы разошлись врагами.

.U Д £

Во всей внутренней борьбе, происходившей между кабардинскими феодалами, роль абазинцев или, как еще их называли, алтыкесеков, состоящих из шести родов: Клычевых, Трамовых и Жантемировых [18],- недостаточно ясна. Однако, надо полагать, что абазинцы, по крайней мере, в описываемый нами период, т. е. в первой половине XVIII в., почти никакого более или менее заметного участия не принимали во внутренних делах Кабарды и даже как будто находились вне сферы непосредственного влияния кабардинских феодалов.

Об абазинцах имеются между прочим такие исторические сведения, что они как будто являются выходцами «из Большой Абазы, никому не подвластной, откуда вышли они в давних годах, поселились близ Большой Кабарды в горах, на речке Инжике, при вершинах реки Кубани, и отдались в подданство оной Кабарды владельцам, и с того времени платят им подать»[19]. Первыми владельцами абазинцев как будто были Чегенука и Кази, прадед Асланбека Кайтукина, Магомета Кургокина и Касая Атажукина, а от них они достались в наследство сыновьям Казия — Асланбулату Атажукину и Мисосту, от которых по наследству же перешли следующему поколению кабардинских владетелей.

Но со временем абазинцы были отняты у кабардинских феодалов крымскими и кубанскими татарами и уведены на Кубань.

Однако кабардинские феодалы, не желая расставаться с абазинцами, в 1732 г. просили Россию об оказании им содействия к возвращению абазинцев в Кабарду. Россия охотно пошла навстречу кабардинским феодалам, и в 1738 г., после турецкой войны, силами калмыцких и кабардинских войск абазинцы были отбиты у крымцев и кубанцев и поселены у верховьев реки Кумы, а феодалам Кабарды была вручена грамота, в которой приказывалось, «чтоб они тех абазинцев содержали в крепком смотрении, дабы оные какой противности не учинили, и по-прежнему б на Кубань уйти не могли или тамошние татары их к себе не увели»[20]. Однако вскоре кабардинский владелец Асланбек Кайтукин, поссорившись с другими феодалами, при помощи кубанских татар «паки оных абазинцев на Кубань увел»[21]. С тех

пор крымский хан стал претендовать на абазинцев. В доказательство своих прав на абазинцев крымский хан указывал на участие абазинцев в рядах крымских войск, а также на то, что абазинцы дают лошадей кубанскому сераскиру. Но все эти доводы, приводимые крымским посланником Ага представителю России Барковскому, были мало убедительны, потому что, если абазинцы и давали лошадей кубанскому сераскиру, то никак не в уплату дани, а просто, по обычаю горцев, делали подарки вновь назначенному сераскиру с целью сохранения добрососедских отношений. Что же касается участия абазинцев в экспедициях крымцев и кубанцев в Кабарду, то и это не может служить доказательством того, что абазинцы являются подданными Крыма, потому что крымцы и кубанцы всегда вторгались в Кабарду по просьбе тех или иных враждовавших между собою феодальных партий. Поэтому вполне понятно, что абазинцы, как подданные кабардинских феодалов, не могли участвовать в этих экспедициях вместе со своими феодалами. Россией, кроме того, было указано и на то, что поползновение Крыма на абазинцев, которые являются подданными Кабарды, есть с его стороны нарушение § 6 Белградского мирного трактата. Но на эти доводы крымский хан устами своего посланника Ага ответил, что «голова тех абазинцев - крымская, а ноги - кабардинские, почему оные в подданстве крымского ханства и подлежат»[22].

Надо, однако, заметить, что Крымское ханство интересовалось не столько абазинцами, сколько вообще Кабардой. Оно поставило своей конечной целью подчинение себе кабардинцев, которые могли бы служить прекрасным заслоном против России, продвигавшейся в то время медленными, но верными шагами все дальше на юг, закрепляя при этом за собою каждый шаг своего продвижения укреплениями и казачьими станицами.

Крымский хан за убийство своего брата Бахтагирея Дели-Солтана потребовал от кабардинцев дать с каждых 5 дворов по одному ясырю - всего 1700 душ и, кроме того, выдать всех узденей, которые прямо или косвенно были причастны к этому убийству, всего в количестве 700 человек. Но через некоторое время выставил еще новое требование, покрывавшее собою первые два, а именно, чтобы «вместо заплаты и выдачи весь кабардинский народ из нынешних мест перешел на Кубань и поселился в землях, Крыму принадлежащих»[23].

Но все эти чрезмерные требования крымского хана остались невыполненными, несмотря даже на то, что в Кабарду были командированы два сына крымского хана, которые восстанавливали кабардинцев против России и склоняли их к поголовному переселению на Кубань.

Каково же было отношение России к внутренним событиям, происходившим между кабардинскими феодалами в первой половине **XVIII** в.? Нетрудно заметить, что политика России в отношении враждующих партий была направлена к тому, чтобы, поддерживая то одну, то другую партию, тем самым ослабить их и облегчить таким образом подчинение себе всей Кабарды.

Покровительственное отношение России к известной феодальной фамилии Бековичей-Черкасских, установившееся, очевидно, еще в **XVII** в., богатые подарки и выдвижение отдельных лиц названного рода со стороны России, конечно, были не случайны, а находились в строгом соответствии с основной линией русской политики. Мы видим, что в **1713** г. 4 июня кабардинским феодалам, перешедшим на сторону России, послано **5000** руб., а в 1718 г. **31** мая через Султан-Али-Абашева отправлено им же соболей на **1190** руб., мехов: рысьих, лисьих, песцовых и беличьих - на **310** руб., итого на **2000** руб.[24] Привилегированное положение среди своих сородичей, богатые подарки и, наконец, большое жалование многих кабардинских феодалов склоняли переходить в подданство России. Так, в **1718** г. Эльмурза Бекович-Черкасский подает челобитную Петру I от Хотокчок-Бека и Ислам-Бека Мисостовых о принятии их в подданство России с условием защищать их от врагов внутри Кабарды и платить им жалованье. Что же касается самого Эльмурзы, то он просил себе «над обретающими татарскими и ногайскими народами иметь команду»[25]. Ему дали командование над магометанским населением Астраханского края, назначив при этом жалованье **500** руб. в год, **500** четв. хлеба и **100** ведер вина, но «другую службу и чин, за иноверство ево и за незнанием российского языка» дать не нашли возможным[2e]. Россия зорко наблюдала за всеми событиями и всегда была в курсе всех кабардинских дел. Она не только не стремилась устранить постоянные трения между кабардинскими феодалами, но, наоборот, старалась, по возможности, «не только несогласия между ими делать, но и вяще приумножать», чтобы «чрез то они сами себе были помехою в их предприятиях»[27].

Старанием России род Бекмурзиных откололся от своих союзников Касая и Мисоста, а Хамурза и Елбуздук со своими подданными также откололись от своих прежних союзников. Примкнули к бекмурзинской партии и перешли на сторону России. Названная партия, но без ведома русских властей на Северном Кавказе, отправила делегацию к царю. Противная бекмурзинской партии сторона, узнав об этой делегации, стала добиваться разрешения и ей присоединиться к делегации, чтобы она, как полномочная, могла говорить не от имени отдельной партии, но от имени всего кабардинского народа. «Но чем больше некоторые из первой партии желали сего примирения, а особливо легкомысленной Хамурза, тем упорнее мы и Бекмурзова фамилия оному препятствовали», так как основная линия русской политики в отношении кабардинцев[28] заключалась в том, чтобы «всегда возбуждать распри и несогласия между кабардинцами и всячески не допускать, чтобы обе партии примирились прежде то потребно будет»[29] России.

В Кабарде всегда находился русский офицер с командой «под видом примирителя несогласий их, но в самом деле всегдашним бичом». Вторая партия, завидуя тому, что команда находится при первой, не оставит искать равного для себя права пользоваться сим офицером и командою». Кабардинцы передали свои поземельные и прочие споры на разрешение русскому офицеру, который и разрешал их в пользу той или иной партии в зависимости от обстоятельств, но в строгом соответствии с требованиями русской политики того времени.

Революция и горец. 1929. № 9. С. 41-47; № 10. С. 29-31

Эта же статья была опубликована Г. А. Кокиевым во втором томе ученых записок Института этнических и национальных культур народов востока РАНИИОН М., 1930, с.72-86 без каких-либо изменений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Настоящий очерк составлен на основании документов Коллегии иностранных дел (дело № 63, за 1748 г., к. 41; дело № 4 за 1744 г., к. 37; дело № 12 за 1753 г., дело № 1 за 1770 г., IV-41 к. 66) с привлечением И.Потоцкого «Voyaqe dans les steps, d Astrakhan ef du Caucase». Paris, 1829. Примечаний Клапрота к той же книге и, наконец, статьи П. Буткова «О имени Козак» в «Вестнике Европы», № 21-24, 1822 г. Г. К.

[2] *Potocki I.* Voyaqe dans les steps Astrakqan et du Caucase. Paris, 1829. Т. 1. Гл. 11. С. 161.

[3] По мнению П. Буткова, Иная был прадедом Темрюка, но это неверно: отец Темрюка - Идар (Айдар), отец Идара (Айдара) - Мансаруки, отец Мансаруки - Унаммаз, а отец Унаммаза - Иная.

[4] *Бутков.* О имени Козак // Вестник Европы. М., 1822. № 21, 22. С. 191.

[5] *Потоцкий.* Указ. соч. Т. 1, 11. С. 161, 162.

[6] *Бутков П.* О имени Козак//Вестник Европы. М., 1822. №21-24. С. 191.

[7] *Potock Jean.* Voyaqe dans les steps d Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829. Т. 1. Гл. 11, прим. С. 161, 162.

[8] Госархив. Кабард. дела, д. № 6 за 1748 г., к. 41, л. 1.

[9] Там же. л. 2.

[10] *Кудашев В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. 1,1.

[11] Госархив. Кабард. дела за 1748 г., д. № 6, к. 41, л. 3.

[12] Убит впоследствии своим дядей Бахтыгиреем Атажукиным.

[13] Госархив. Кабард. дела за 1744 г., д. № 4, к. 37, Доношение бригадира Петра Кольцова от 27 августа 1744 г.

[11] Госархив. Кабард. дела за 1748 г., д. № 6, к. 41, л. 4.

[15] Госархив. Кабард. дела за 1719 г., № 2, л. 17.

[1] " Госархив. Кабард. дела за 1748 г., к. 41, л. 11.

[17] Там же, л. 19.

[18] *Бутков П.* О имени Козак // Вестник Европы. М., 1822. № 21-24. С. 188.

[19] Госархив. Кабард. дела за 1753 г., д. № 12.

[20] Госархив. Кабард. дела за 1748 г., д. № 6, к. 41, л. 12.

[21] Госархив. Кабард. дела за 1748 г., за 1753 г., д. № 12.

[22] Госархив. Кабард. дела за 1753г., д. № 12. Объявление крымского посла Ага Барковскому.

[23] Там же.

[24] Госархив. Кабард. дела за 1719 г., д. № 2, л. 39.

[26] Там же, л. 41.

[26] Там 42.

[27] Госархив. Кабард. дела за 1770 г., № 1, У-41, к. 66. Реляция капитана Гостоти в Коллегию иностранных дел.

[28] Этой линии Россия держалась не только в отношении кабардинцев, но и вообще всех горцев Северного Кавказа.

[29] Там же. Реляция капитана Гостоти.

i МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ I ЦАРСКОЙ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII в.

Русская колониальная политика в XVIII в. застала горские народности Северного Кавказа на разных ступенях общественного развития. В момент непосредственного соприкосновения России с кавказскими горцами на территории Северного Кавказа можно констатировать наличие различных общественных форм, начиная с окончательно сформировавшегося феодализма и кончая родовым строем, содержащим в себе уже некоторые элементы феодализма. Как известно, в половине IX в., в момент первого знакомства Московского государства с Кабард ой, она уже в то время была страной феодальной, тогда как другие горцы, соседствующие с Кабардой, скажем, осетины восточных ущелий, ингуши, чеченцы и целый ряд других народностей Западного Кавказа еще в XVIII в. сохраняли пережитки родового строя.

Больше того, даже на территории некоторых северокавказских народностей не было в отношении общественных форм единообразия. И в этом смысле ярким примером может служить небольшая и по территории, и по численности Осетия, в которой в описываемый нами период одновременно существовали вполне сформировавшийся феодализм и пережитки родового строя, удельный вес которых в общественной жизни осетин в разных местах был различен. Носителем феодального начала еще с средних веков являлась Кабарда, которая с течением времени на почве монопольного владения землей распространила свою власть и влияние и на некоторые соседние народности Северного Кавказа и, в первую очередь, на смежную Дигорию, в которой еще в середине XVII в. мы наблюдаем одинаковый с феодальной Кабардой общественный строй. «Жилище их в горах, вверх по реке Урух,- читаем об общественном строе Дигории в статейном списке посольства стольника Никифора Толчанова и дьяка Алексея Иевлева в 1650-1652 гг. в Иметерию,- а владелец у них Алкасмурза Карабгоев; а владение его — четыре кабака. И за ними же де, позади дигор, другое владение - стугорцы, двадцать кабаков. А в кабаке, сказали, жильцов дворов по двести и больше. А для обереганья же дают Алегуке да Ходождуке мурзам Черкесским и Зазаруке мурзе Анзорову с кабака по десяти коров или быков да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса»[2]. Из приведенного отрывка, являющегося между прочим единственным до сих пор известным историческим известием XVII в. об осетинах вообще, видно, что в Дигории еще в половине XVII в. были свои местные владетели

или, что то же самое, феодалы, которые на почве феодальных отношений эксплуатировали дигорское крестьянство. Дигорское трудовое крестьянство находилось под двойным экономическим гнетом. Оно платило дань и кабардинским феодалам, и своим местным владетелям, находившимся в вассальной зависимости от кабардинских князей.

Власть кабардинских феодалов установилась в Дигории на экономической почве. Дигорцы, живя с незапамятных времен в бесплодных горных ущельях, не могли обходиться без плодородных предкавказских равнин, которыми завладели еще в исторические времена феодалы Большой и Малой Кабарды. Они доставляли себе из Предкавказья жизненно необходимое - соль, рыбу, хлеб, а главным образом, они как скотоводы остро нуждались в широких предгорных пастбищах, на которых прочно сидели кабардинские феодалы. «Дугоры не могут обойтись без Кабарды,- говорит Клапрот,- получая оттуда соль и в неурожайные годы - просо, а неурожаи в их возвышенных странах очень обыкновенны: дугорские пастухи отправляются со'стадами в долины Кабарды, где в конце марта все бывает покрыто зеленью, между тем как горы лишены в то время растительности»[3].

Таким образом, тяжелые экономические условия, в которых находились дигорцы, имели своим результатом закабаление дигорского крестьянства и установление над ним, с одной стороны, власти местных феодалов, с другой стороны - кабардинских князей, державших в вассальной зависимости дигорских владетелей, или феодалов. В ту раннюю для осетинской истории эпоху из дигорских феодальных фамилий известна между прочим лишь одна фамилия Карабугаевых. Что же касается кабардинских феодалов, распространивших свою власть на дигорских крестьян и взимавших с них большие подати, то из них можно назвать прежде всего Магомета Гирея, Нафи Мурзу, Мисоста Канайбека, Бек Мурзу, Магомета Коргокина, Асланбека Кайтукина и, наконец, Алдыгирея Гиляксанова '.

В то время как Дигория в отношении социально-экономических форм уподобилась феодальной Кабарде, восточные осетинские ущелья еще в XVIII в. в той или иной степени удерживали пережитки родового строя. Поэтому нет сомнения, что дошедшие до нас исторические сведения о том, что осетинский народ «вольный есть и ни у кого в подданстве не состоящий», и *что* «осетинцы ни царя, ни князя, ни иного какого владетеля над собою, кроме старшин, коих они сами в старшинство из фамилий между собой умных и честных людей выбирают,- не имеют»[5], разумеется, относятся не к феодальной Дигории, а к восточным осетинским ущельям и в первую очередь к Алагирскому ущелью, где пережитки родового строя продолжали сохраняться дольше, чем в других осетинских ущельях. Тем не менее, «вольность» осетин восточных районов следует понимать совершенно условно, потому что осетины этих районов, как и целый ряд других северокавказских горцев, как то: баракаи, башилбаи, абазинцы, карачаи, чегемы, балкарцы, ингуши, шадиси, балсурцы и кехей - также являлись данниками кабардинских феодалов. Из неизданных рукописей акад. Буткова, например, видно, что осетины Куртатинского ущелья, жившие по реке Фияг-дон в количестве 400 дворов, платили дань феодалу Большой Кабарды Мисисту Мамбетову и Малой Кабарды - Ахлову; осетины* Кобанского ущелья, жившие по долине реки Гизель в количестве 500 дворов, платили дань кабардинской фамилии Татархановых, и наконец, осетины Дариальского ущелья, жившие по реке Тереку в количестве 500 дворов, платили дань владельцу Казбеку и феодалу М. Кабарды Мударову[в].

Целый ряд других исторических данных, достоверность которых не вызывает никакого сомнения, также свидетельствует о том, что «осетины, хотя управляются своими старшинами, не завися ни от кого, однако ж сим (кабардинским.- *Г. К.)* владельцам дань дают»[7], с каждого двора по барану и железа на одну косу[8].

Безусловно верную, с моей точки зрения, и совпадающую с [1] исторической действительностью характеристику общественно-политической жизни осетин дал академик Гюльденштедт, который говорит, что «Осетия разделена на многие округи, кои частию либо подвластны грузинским царям и князьям (Южная Осетия.- *Г. К.),* либо признают над собою верховную власть России и присягают ей в верности и дают в залог аманатов (Тагаурия.-Г. *К.).* Управляются частию собственными князьями (Дигория.- *Г. К.),* частию - токмо избранными старшинами (Алагирское ущелье.- *Г. К.),* над коими отчасти присваивают себе верховную власть кабардинские князья»[9].

Более или менее одинаковые с Восточной Осетией, а в особенности с Алагирским ущельем, социально-экономические условия в XVII в. Россия застала как в Ингушетии, так и в Чечне.

К сожалению, по правильному замечанию академика Гюльденштедта, они относятся к числу тех кавказских горцев, в историческое прошлое которых за отсутствием исторических данных невозможно углубиться. Об историческом прошлом, что ингуши «напредь сего были подвластными бывшему грузинскому царю Левону, по смерти коего остались было в вольности, потом для лучшего защищения от прочих сторон отдались под власть прежнему Шамхалу Тарковскому. От тарковцев поручены под смотрение бывшему аксайскому владельцу Албеку Солтаманутову, а по смерти его, владельца, отдались Кашкатовскои партии кабардинскому владельцу Джамбулату Кайтукину, точию оной владелец Баксанской партии Б. Кабарды владельцами из своего жилища изгнан, и по таким обстоятельствам владелец Джамбулат стал быть бессилен, и они, киштинцы, по нри-

чине, что Б. Кабарды владельцы их, киштинцев, разоряли и до сеяния хлебов не допускали и так что из жилищ им выехать было не можно,- принуждены кабардинским владельцам Бамату Коргокину с протчим покоритца и дать с своей стороны шесть человек во аманаты»[10].

Приведенное известие, являющееся одним из наиболее ранних исторических сведений об ингушах, хотя и не дает сколько-нибудь полной картины социально-экономической жизни ингушей, тем не менее оно отражает основные вехи внешней истории ингушского народа. Что же касается социальной структуры ингушей, то о ней приходится судить по сведениям авторов XVIII в., занимавшихся изучением горцев Северного Кавказа. «Ингушцы,— пишет академик Гюльденштедт,- не имеют у себя дворянства, но несколько, еще исстари знаменитых родов, как то: Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из коих они, как независимый народ, выбирают себе старшину и судью, который управляет именем целого общества»[11], по которому ингуши, «однако же, столько повинуются, сколько им угодно»[12]. «Ингуши разделены,- также свидетельствует и Броневский,- на мелкие независимые общества под управлением выборных старшин, которые, будучи избираемы из богатейших родов и, по причине частого повторения выборов из тех же семейств, обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно»[13].

Из приведенных исторических сведений видно, что в XVIII в. ингуши в социально-экономическом отношении стояли на одной и той же ступени общественного развития с исконными своими соседями - осетинами восточных ущелий. То обстоятельство, что в ингушском обществе родовые старшины «избирались» преимущественно из богатых родов и что власть родовых старшин сделалась уже наследственной и, следовательно, дававшей последним известные перед своими сородичами экономические преимущества, заставляет думать, что в описываемую нами эпоху ингуши уже имели у себя классовое общество, сохранявшее, однако, еще некоторые пережитки родового строя. К числу наиболее крупных родов, сосредоточившихся, таким образом, из родовых старшин в местных наследственных владетелей, нужно отнести и упомянутые выше известные в ингушском обществе привилегированные рода Мацека, Боза, Чев и Пшанув. Поскольку политическая власть перечисленных родов сделалась наследственной и, следовательно, дававшая этим родам экономические преимущества, мнение акад. Гюльденштедта о том, что ингуши будто этим привилегированным родам «столько повинуются, сколько им угодно», по отношению, по крайней мере, к тем ингушским обществам, откуда происходили перечисленные выше роды, конечно, надо взять под большое сомнение. .,-:«- » , ,.;,.•..•

Что касается, наконец, Чечни, то в ней в XVIII в. пережитки родового строя, по-видимому, играли ведущую роль. Но из этого отнюдь нельзя делать заключения, что чеченскому обществу того времени вообще были чужды элементы классового расслоения. К сожалению, ранняя дореволюционная история Чечни, а в особенности вопрос о социально-экономических формациях, в науке до сих пор еще почти не затронут. Поэтому за неимением достаточных данных мы вынуждены пока воздержаться от окончательного вывода по данному вопросу. Однако, если вопрос о социальной структуре Чечни XVIII в., за отсутствием данных, остается еще недостаточно выясненным, то вопрос о феодальном господстве в ней кабардинских владетелей (Девлет-Гирей Эльмурзович Бекович-Черкасский) и кумыцких князей (Асланбек Андзмирович Айдеймирев), эксплуатировавших на основе феодальной зависимости чеченское трудовое крестьянство, надо признать совершенно бесспорным.

Подчинение чеченцев Герменчукского района власти кабардинских и кумыцких феодалов, происходившее между прочим при активнейшем участии русского царизма, надо полагать, способствовало, с одной стороны, разложению устоев родового строя, с другой стороны, образованию внутри чеченского общества местных владетелей, которые, как и всюду, должны были являться главной опорой и проводниками колониальной политики метрополии. В связи с вопросом о местном чеченском феодализме считаю уместным привести одно любопытное свидетельство кабардинского князя Эльмурзы Бековича-Черкасского, относящееся к 1720 г., в котором он говорит, что над чеченцами «владеет князь, именуемой Тирлаев сын, которой живет и княжует в местечке, называемом Бюк-Кент»[м]. Я пока не берусь судить об этом чеченском феодале Тирлаеве, но если дальнейшие исследования установят его местное происхождение, то о чеченском феодализме будем иметь возможность говорить более определенно.

Таким образом, из сказанного видно, что Россия в XVI в. у горцев Северного Кавказа застала довольно разнообразные общественные формы и сложные социально-экономические отношения, которые ей необходимо было перестроить применительно к требованиям русской колониальной политики, служившей интересам двух господствовавших в то время классов - крупных землевладельцев и крупной торговой буржуазии[15]. Интересы русской колониальной политики требовали окончательного уничтожения у горцев порядков родового строя и насаждения у них феодально-крепостнических отношений. Поэтому XVIII в., а в особенности вторая его половина, характеризуется на Северном Кавказе чрезвычайно бурным ростом крупного помещичье-крепостнического землевладения. Чтобы не быть голословным, позволю себе привести некоторый, правда, далеко не полный цифровой материал, показывающий рост крупного

землевладения на Северном Кавказе. По данным Бентковского[16], во второй половине XVIII в. на Северном Кавказе было роздано русскому и туземному дворянству следующее количество земель:

№ п/п	Год	Фамилии землевладельцев	Кол. земли Десят.	Саж.
1	1740	Армянским купцам — Сафару Васильеву и др.	15 547	1200
2	1718	Наследникам купца Васильева	648	2087
3	1735	Князю Ельмурзе Бековичу-Черкасскому	4414	1170
4	1735	Капитану Захару Арешеву	6596	
5	1735	Подпоручику Асланбеку Шейдякову	1072	1296 1680
6	1735	Шандрукову	2076	1532
7	1735	Ширшиеву	25	-
8	1735	Ногайцу Атенову	4299	-
9	1735	Разным грузинским дворянам	581	1886
10	1735	Кавтарадзе и Сафарову	155	1274
11	1749	Грузинским дворянам: Баратозу, Тулаеву и Кабихидзеву	197	1925
12	1751	Майору Мещерякову	100	51
13	1757	Генералу Ахвердову	320	2000
14	1761	Армянину Серебрякову	47	1900
15	1765	Князю Вяземскому	10 4483	475
16	_	Андрею Тарумову	497	1251
1 7	1791	Тому же Тарумову	2087	1200
18	1768	Грузинским дворянам	11 014	350
19	-	Горским дворянам	1937	150
20	1771	Ивану Тарасову	49	840
21	1772	Ротмистру Горичу из кабардинских дворян	9710	1322
22	1775	Генералу Устинову	8268	710
23	1778	Генералу Савельеву по долине Кумы	22 038	482
24	1779	Дворянину Аглинцеву	6142	2370
25	1779	Тарумову	14 661	1869
26	1780	Дворянину Серебрякову	4423	34
27	1781	Грузинскому дворянину Евстафиго Ростованову	12 857	1468
28	1782	Дворянину Гургену Арешеву	221	1845
29	1784	Греку Кирьянову	50	17
30	1785	Генералу Горичу	1292	1300
31	1785	Князю Потемкину	39 762	19
32	1785	Комарскому *а.* п/,	5123	1800 1
33	1785	Криворучкову	5343	15
• 34	1735			
	1785	Разным лицам	258 494	292
1	35	1786 Греку Антону Тевтерову	73	1703
	36	1786 Князю Вяземскому	25 666	1600
	37	1786 Поручику Федору Фостинову	1983	800
1 •	38	1786 Поручику Жукову	2370	600
	39	1786 Генералу Тушлингу	6342	950
V>	40	1788 Генералу Гургену Арешеву	4554	1014
	41	1788 Майору Страшнову	1484	792
	42	1792 Графу Воронцову	16 761	1600
	43	1790 Чиновнику Поглиновичу	3338	800
	44	1792 Генералу Горичу	10 931	640
	4 5	1794 Генералу Вяземскому	3348	1252
	46	1794 Генералу Нинееву	68	1200
	4 7	1794 Барону фен-Пекину	2584	69
	48	1799 Подполковнику Мирзабеку Ваганову	4206	1005
	49	1801 Князю Орбелиани	750	-
	50	1803 Майору Похвистневу	3220	200
	51	1804 Поручику Столыпину	3167	193
		Итого было роздано:	623 306 д.	241 с.

Таким образом, всего было роздано туземному и русскому дворянству 623 306 десятин 241 саж. земли. Как видно из приведенных статистических данных, наибольший рост помещичье-крепостнического землевладения падает на вторую половину XVIII в. Насильственное насаждение русской колониальной политикой в горских обществах феодально-крепостнических начал в широких массах горского крестьянства, а в особенности у тех горцев, среди которых пережитки родового строя играли еще доминирующую роль, вызывало сильное антифеодальное движение, местами переходившее в открытое вооруженное выступление. Особенно широкий размах антифеодальное движение в XVIII в. имело место среди чеченцев, которые, прогнав назначенного к ним царской Россией владетелем сына кн. Ельмурзы Бековича-Черкасского Девлетгирея[17], открыто заявили, что «лучше в горы пойдем, а при владельцах жить не останемся»[18].

Чеченцы писали русским властям, что «чеченский народ от Российской стороны отложился» и что «до тех пор им бунтовать и беспокойство российским чинить, пока все не помрут»[19]. Антифеодальное крестьянское движение в Чечне было Россией подавлено в 1758 г. жестокими мерами. Русскими войсками были выжжены чеченские аулы, а хлеба их - вытоптаны[20]. Разумеется, социальные верхи чеченцев не только не были с восставшим крестьянством, но, наоборот, предавали его и всемерно способствовали подавлению освободительного движения и установлению в Чечне феодально-крепостнических отноше-

ний[21]. Конечно, в данном случае чеченские социальные верхи отнюдь не составляют исключения. Везде и всюду, на всем протяжении Северного Кавказа, горские социальные верхи, начиная крупным феодалом, державшим массы горского крестьянства в своей зависимости, и кончая родовым старшиной, власть которого становилась уже наследственной, поскольку экономические интересы их совпадали с интересами русского помещика и купца, были на стороне русской колониальной политики. Таким образом, русская колониальная политика, в основе которой лежали помещичье-купеческие интересы, в горской действительности XVIII в. ориентировалась на горских феодалов и старшин, для того чтобы «они и весь тамошний народ в доброжелательство к Российской стороне преклонить могли бы»[22]. Россия из горских феодалов и старшин вербовала себе взятками и разного рода «приласканиями» агентов и проводников русификаторской политики среди горского населения . «Здесь находится покойного Бековича сын,- писала в 1769 г. Екатерина II к Н. И. Панину,— тот, который женат на Тевкелева дочери. Он хотя и обер-офицером, но в магометанском законе. Я знаю, что он не очень далек, но думаю, чтобы не худо было вам с ним спознаться и усмотреть, не можно ли его употребить с пользою в рассуждении кабардинских дел: все же горские князья ему родня, и он нам верен, и человек смирной, зажиточный, и все его имение в России. Алекс Бибиков знает, где он живет, также графы Орловы его знают» [23]. А через короткое время Темирбулат Бекович-Черкасский, сын известного Эльмурзы Бековича-Черкасского, был произведен в секунд-майоры и отправлен в Кизляр с секретным поручением по делам горских народов[24]. Таким образом, братья Бековичи-Черкасские - гребенчукский владелец Девлет-Гирей и Темир-Булат - по примеру своего отца Эльмурзы Бековича-Черкасского и генерала Александра Черкасского, играя предательскую по отношению к горским народам роль, до конца оставались верными и наиболее значительными из горских феодалов агентами русской колониальной политики.

В Осетии и Ингушетии дело выявления наиболее влиятельных родовых старшин было поручено миссионерам, которые должны были крестить их в первую очередь. Среди ингушского народа, по сведениям начальника Северо-Кавказской духовной миссии архимандрита Пахомия, наиболее влиятельными старшинами, принявшими, кстати, крещение в 1762 г., были: Федор Гогиевич Бурсалов, Жанмирза Казибекович Массагиков, Беликень Султанов и Бататир Темрюкович Тохтиев [25]. Аналогичная работа производилась в Осетии. Специально был командирован русскими властями ротмистр Афанасий Батырев, который составил список влиятельных осетин старшин порайонно. В список осетинских старшин по Куртатинскому ущелью вошли: Гоги и Федор Чопановы, Бахта-Гирей Есенов, Темирбулатов, Фома Будаев, Нафи Сузаков, Гуци Гуриев, Жангирей Соков, Солта Фарниев; из сел. Цимити: Жанчек и Бар Мамуковы, Геге Тевкелов и Кубатей. Из Алагирского ущелья: Нафи Зензиев, Чамак Сохиев, Георгий Агнаев и, наконец, из сел. Кора-Бата Томаев [26]. Приведенный список, разумеется, далеко не полный. Он должен быть дополнен еще, по крайней мере, принявшими в 1790 г. крещение старшинами Алагирского ущелья: Соломоном Гориевым, Григорием - Созрыко Аришхановым (Зака) и Петром Цаликовым (Нар); тагаурскими старшинами: Кайтукой Дударовым и его братом, также принявшим крещение в 1782 г.; старшиной Куртатинского ущелья Андреем Цаликовым и, наконец, дигорскими феодалами Курманом Кубатиевым и Айтеком Тугановым [27]. Таким образом, русские пограничные начальники в половине XVIII в. располагали полными списками горских феодалов и старшин, а в 70-х гг. того же столетия из них подкупленными Россией оказалось 30 человек крупнейших феодалов и 150 человек узденей разных степеней и родовых старшин.

Для проведения своих колонизаторских целей Россия создавала себе внутри горских масс твердую опору в лице социальной горской верхушки, состоявшей из горских владетелей, или феодалов, их узденей и, наконец, родовых старшин.

Для расположения горских феодалов и старшин в свою сторону Россия пользовалась, главным образом, системой подкупа, которая на языке дипломатов Екатерины II называлась «обласкать подарками». Астраханский губернатор, а фактически - начальник Кавказского края, Петр Кречетников в частном письме и гр. Панину в нескольких словах характеризовал роль, которую должны были играть горские феодалы, старшины, узденя в русской колониальной политике, и указал меры, благодаря которым они становились на сторону русского царизма. «Для удобнейшего произведения моих намерений в действо,- писал Кречетников,- *нужно было тамошних владельцев, старшин и их узденей обласкать подарками и тем бы преклонить их к желанному исполнению»*[28]. В приведенных словах Кречетникова лежит, по существу, один из краеугольных камней екатерининской политики, заключавшейся в широком развитии среди горской знати системы подкупов, которой и потом, вплоть до окончательного покорения Кавказа, держались все кавказские начальники по отношению к горской аристократии, восстановленной, кстати, наместником Кавказа графом Воронцовым там, где она ослабевала, и созданной там, где ее никогда не было. «Для поощрения влиятельных туземцев за услуги,- писал за четыре года до окончательного покорения Кавказа один из видных кавказских начальников,- оказываемые ими при настоящем положении заведываемого мною края, встречается особен-

ная необходимость в подарочных видах, но как виды, назначенные для этой цели, по случаю продолжающегося с мая месяца волнения, уже израсходованы, то я долгом считаю просить о присылке таковых вещей в мое распоряжение»[29]. Приведенные два документа, относящиеся к разным эпохам и отделяющиеся временем свыше ста лет, говорят об одной и той же системе подкупа, характерной для русской колониальной политики на Кавказе. Россия отпускала для подкупа горской знати астраханскому губернатору, начальнику Северо-Кавказской миссионерской комиссии и коменданту Кизлярской крепости ежегодно значительные суммы. К сожалению, за отсутствием исчерпывающих данных, нет возможности точно установить размер подкупа горских феодалов, узденей и старшин. Однако, судя даже по тем, далеко не полным сведениям, имеющимся в нашем распоряжении, можно констатировать, что на узаконенный секретным указом Екатерины II[30] подкуп горских феодалов и старшин ежегодно расходовались весьма значительные суммы. Так, например, в 1774 г. последовал указ Сената об ежегодном ассигновании кизлярскому коменданту «на покупку всяких товаров на подарки горским владетелям 500 руб.», но потом эта сумма, по ходатайству кизлярского коменданта, нашедшего ее совершенно недостаточной, ввиду большого количества горских феодалов, узденей и старшин, требовавших за свою предательскую по отношению к горскому крестьянству работу определенного вознаграждения, была увеличена царской Россией до 1000 руб.[31] Помимо ежегодных ассигнований, кизлярскому коменданту выдавались еще в сверхсметном порядке на чрезмерные расходы дополнительные суммы, которые фактически расходовались также на горских феодалов и старшин. Таких сверхсметных сумм кизлярский комендант с 1769-го по 1774 г. получил 14 500 руб.[32]

Россия подкупала горских феодалов и старшин не только через кизлярского коменданта, но и через астраханского губернатора и начальника Северо-Кавказской миссионерской комиссии. Из документов видно, что за очень короткий срок начальником духовной комиссии архимандритом Пахомием «употреблено тамошним в Осетии главным людям в подарки на 390 руб.»[33], астраханским губернатором Кречетниковым, также за короткий срок, было израсходовано на «обласкание» горских старшин и феодалов 1200 руб. серебром.

Немало денег отсылалось горским феодалам и помимо кавказских начальников. По имеющимся в нашем распоряжении отрывочным сведениям, одним только кабардинским феодалам было непосредственно выслано в первой половине XVIII в. свыше 25,5 тыс. руб. деньгами[34]. Горским феодалам и старшинам подарочные деньги выдавались не каждый год и не в установленном размере. Сумма выдаваемых денег и сроки их выдачи были обусловлены общей политической ситуацией. «Пока с

турецкой стороны намерения нет с Россией воевать,- жаловался один из кабардинских узденей,- тогда им, кабардинцам, и денег не дают, а когда такое намерение оказывается, то и деньги им дают»[35]. Также не был установлен размер выдаваемого отдельным старшинам вознаграждения. Но несомненно, что размер вознаграждения определялся общественно-политическим весом подкупаемого лица. Отсюда понятно, что крупный кабардинский феодал, державший в своей зависимости крестьянские массы и имевший возможность в любое время эти массы превратить в военную силу, разумеется, со стороны России пользовался большим вниманием, чем, скажем, какой-нибудь чеченский или ингушский родовой старшина, мало чем отличавшийся до прихода русских от своих сородичей и довольствовавшийся от России такими подачками, как 10, 5 и 2 руб., а чаще всего - отрезом на черкеску[36] или куском грубого холста на рубашку стоимостью в несколько копеек.

Горские феодалы и старшины награждались также и офицерскими чинами с определением им ежегодного жалования. Дигорские феодалы Курман Кубатиевич, Айтек Туганов, алагирский старшина Соломон Гуриев, закинский - Созрыко Аришханов, нарский - Петр Цаликов, наконец, тагаурские старшины, Кайтук и Максим Дударовы - все они за свою преданность России были награждены офицерскими чинами, и каждый из них получал, соответственно своему чину, жалование. Общеизвестно также, что кабардинские феодалы Ельмурза Бекович-Черкасский и Кургок Кончокин были награждены большими офицерскими чинами и крупными земельными участками: первый - за свою предательскую в отношении горцев работу, а второй - за принятие русского подданства и выселение со своими холопами, в количестве 700 человек, в Моздокский район[37]. Россия подкупала горских феодалов и старшин деньгами, чинами, участками земли и разного рода подарками, превращала их то в явных своих сторонников, через которых проводила свои колониальные мероприятия среди горцев, то в тайных своих агентов, регулярно информировавших ее о внутренних делах горских народов, о их настроениях и отношениях с Крымом и Оттоманской Портой.

Одним из многих тайных агентов из кабардинских феодалов был между прочим Шабаз-Гирей Куденетов, который, за выдаваемое ему ежегодное жалование в размере **120** руб., обязан был информировать Россию о кабардинских, крымских и турецких делах[38].

Нередко удавалось России взятками и подкупами разрешать весьма спорные, по крайней мере, важные для России вопросы. Одним из таких важных вопросов в XVIII в., вызвавшим весьма энергичный протест не только со стороны кабардинских феодалов, но и со стороны Крыма и Порты Оттоманской, был воп-

рос о заложении в 1763 г. на кабардинской территории крепости Моздок. Тем не менее этот вопрос был разрешен в пользу России при помощи подкупленного Россией кабардинского феодала Кайтука Кайсынова, приехавшего в 1764 г. в СПб * в качестве уполномоченного кабардинских феодалов Джамбулата, Касая, Хамзата, Казия и Мисоста с категоричным требованием срыть построенную на кабардинской земле крепость Моздок. Паниным было предложено советнику Бакунину, чтобы, «пользуясь присылкою сюда кабардинского владельца, склонить его через деньги к поданию здесь такого прошения, которое бы в рассуждении Порты и хана крымского правом служить могло»[39], в результате чего, подкупленный Бакуниным Кайтук Кайсынов от 18 сентября 1764 г. действительно подал вице-канцлеру докладную записку, в которой писал, что «кабардинцы никакого на урочище Моздок права не имеют, кроме того, что временем скот кабардинской не далее 30 верст от него пасется»[40].

Свидетельство подкупленного Россией кабардинского феодала Кайтука Кайсынова послужило для России юридическим документом перед Крымом и Турцией, которые колонизационные действия России в Моздокском районе рассматривали как нарушение суверенных прав Кабарды, признанной по Белградскому мирному трактату, заключенному в 1739 г. между Россией и Оттоманской Портой, независимой. Что же касается протеста кабардинских феодалов о разрушении Моздокской крепости, то Екатерина II, основываясь на свидетельстве Кайтука Кайсынова, категорически ответила, что «заведенное в Моздокском урочище селение мы, великая государыня, наше императорское величество, никогда уничтожить не согласимся, для того, что оное положение имеет не на вашей, кабардинской земле»[a].

Таким образом, Россия посредством широко развернутой системы подкупов в первую голову втягивала в орбиту своего влияния горских феодалов, узденей и старшин, чтобы в дальнейшем при помощи их широкие крестьянские массы «начали к рукам приучать» и «в лучшее повиновение приведены быть могли на первых порах», однако, и «без видимого их вольности умаления»[42].

В тесной и непосредственной связи с русской колониальной политикой, направленной в начальной своей стадии к подчинению в первую очередь социальных верхов горского общества, при посредстве которых Россия хотела в дальнейшем подчинить себе и все горское крестьянство, находится совершенно не изученное в литературе о Кавказе аманатство, или заложничество, возникшее одновременно с соприкосновением России с северокавказскими горцами и вызванное общими мотивами русской ориентации на горскую феодальную и родовую знать. Аманатство, широко распространенное среди горцев Северного

Санкт-Петербург.

Кавказа явление, в своем развитии имело две стадии. Первая, или начальная, стадия аманатства, во времени совпадающая с моментом установления сношений между Россией и Северным Кавказом, характеризуется отсутствием явно выраженных элементов принуждения, тогда как вторая его стадия, во времени совпадающая с началом военно-феодальной колонизации Северного Кавказа, характеризуется насильственным отбиранием аманатов и заложников. Аманатство, надо полагать, возникло на Северном Кавказе в момент установления между Московским государством и Кабардой более или менее регулярных сношений и первоначально зародилось преимущественно среди наиболее крупных и влиятельных кабардинских князей. Аманатство в своей начальной стадии заключалось в отправлении влиятельным князем — феодалом - сына или кого-либо из ближайших родственников на воспитание ко двору московского царя, разумеется, с согласия последнего. Надо думать, что сын кабардинского князя Сибока по имени Кудадек, живший в XVI в. при дворе московского царя Ивана IV и обучавшийся, кстати, грамоте вместе с казанским царем Александром[43], был послан туда в качестве аманата. Очевидно, и другие кабардинские князья - Иван Баашик, Василий Сибок[44], а также сыновья известного кабардинского князя - Темрюка: Булгарук, Салтанук[45] и Михаил[46], - жившие, как известно, с 1558 г. при дворе московского царя Ивана IV, попали в Москву также в качестве аманатов. Многие из кабардинских аманатов того времени оставались навсегда в Москве и занимали большие государственные должности. Установившийся при Иване IV обычай аманатства и в дальнейшем не нарушался между Московским государством и кабардинскими князьями, дававшими «во уверение своего к России вечного подданства в Российскую сторону в аманаты сыновей и ближайших сродников своих, которые содержались всегда в городе Терке»[47], но потом, в связи с оставлением русскими города Терка, все население оставленного города, в том числе и городские аманаты, были переведены в 1724 г. во вновь заложенную на реке Сулаке крепость Св. Креста, где и содержались под наблюдением местного коменданта[48].

Вторая стадия аманатства, как уже отмечалось нами, во времени совпадающая с моментом непосредственной колонизации Северного Кавказа и просуществовавшая вплоть до окончательного покорения Кавказа, имела принудительный характер. Аманатство в этой второй стадии представляло собою не что иное, как заложничество. Россия в своем наступательном движении встречала со стороны притесняемого и экспроприируемого горского крестьянства значительное сопротивление. Отсюда Россия, в знак покорности горцев, насильственным путем брала по несколько человек аманатов от влиятельных горских феодалов, узденских и старшинских фамилий. Аманаты от северокавказских горцев содержались в Терках, Св. Кресте, Кизляре,

Моздоке и Астрахани. В Терках в начале XVII в. содержалось 14 человек горских аманатов, являвшихся представителями феодальных, узденских и старшинских фамилий от разных национальностей Северного Кавказа[49]; в Св. Кресте, по данным 1733 г., аманатов было 18 человек [50], наконец, в Кизляре в 1760 г. содержалось 20 человек [61]. Все в возрасте от 3 до 26 лет.

Горским аманатам, по ходатайству ген. Долгорукова, который писал, что аманатам «весьма надлежит жалованья давать для нашей пользы»[52], выдавалось ежегодное жалованье, размер которого был обусловлен социальным происхождением аманата. Дети кабардинских, аксайских и кумыкских князей получали в год 147 руб. 60 коп., узденские дети получали 49 руб. 20 коп. и, наконец, дети родовых старшин получали от 15 руб. 60 коп. до 48 руб. В случае нарушения горскими феодалами лояльности в отношении России содержание аманата уменьшалось наполовину и больше, а самого аманата заковывали в цепи и ссылали в Астрахань [53]. Разумеется, это содержание для аманатов было совершенно недостаточно, поэтому родителям аманатов время от времени приходилось снабжать своих детей одеждой и провизией [54], которые между прочим только в половине XVII в., были освобождены от пошлин. Сроком пребывания в аманатах формально считался один год, по истечении которого аманат подлежал освобождению, а его место - замещению новым аманатом. Однако Россия почти никогда не освобождала аманатов к формально установленному сроку, отсюда и самый принцип сменяемости аманатов превращался в фикцию. Нарушение Россией принципов сменяемости аманатов и увеличение их количества вызывали со стороны горских феодалов и старшин большое недовольство. «Прежде сего у нас было аманатов только по два человека,- жаловались в 1731 г. ген. Еропкину кабардинские князья Исланбек, Магамет, Касанбек и Касынбек,- те повсягодно переменялись, а ныне аманатов берут много и не переменяют»[56]. И действительно, многие горские аманаты содержались в России настолько долго, что они, успевшей окончательно обрусеть, навсегда оставались в России. Аманаты перечисленных выше кабардинских князей содержались в Сулаке свыше 7 лет [66]. Что же касается другого кабардинского аманата - Сабазгирея Кудеветова, содержащегося в аманатах в Кизляре 20 лет, то он при освобождении заявил, что «в отечество свое ехать не хочет, а желает остаться на вечном е. и. в. подданстве»[57]. Судьба Сабазгирея Куденетова - судьба многих аманатов. Горские аманаты за время их пребывания в аманатах Россией использовались в ее колониальных целях. Поддерживая переписку со своими родственниками, они под давлением русских пограничных начальников описывали свою жизнь в аманатах с самой лучшей стороны и призывали горцев к подданству России и покорности местным русским властям. В этом отношении чрезвычайно показателен пример кумыкского князя

Мусала Муртазалиева, бывшего аманатом в Астрахани, о котором между прочим Коллегия иностранных дел в секретном указе астраханскому губернатору Волынскому писала следующее: «И когда он, ген.- майор Кропотов, будет писать к тебе о взятье у упомянутого аманатчика Мусала писем к горским князьям или к другим кому из тамошних народов для приласканий и склонения оных к интересам е. и. в., то тебе такие требуемые от ген.- м. отсылать»[58]. В нашем распоряжении имеется одно любопытное письмо, сочиненное по заказу ген. Кропотова аманатом Мусалом Муртазалиевым на имя кумыкских князей. «Я вас тесно прошу для самого Бога,- пишет кумыкский аманат Муртазалиев,- ежели желаете мне и себе добра, то вы поступите по предложению и приказу господина г.- м. Кропотова. Крепко вас обнадеживаю, что высокою е. и. в. милостию взысканы будете, а я с своей стороны буду всякие способы искать, чтобы знак моего возблагодарения вам показать...»[59]. По словам военного историка И. Дебу, те же аманаты, которые по освобождении возвращались на родину, также «разглашали между своими единоземцами о могуществе России, о милостях, предводителем многочисленных российских войск оказываемых, и об обращении с ними...»[60].

Таким образом, институт аманатов являлся своеобразной «школой», периодически выпускавшей не только сторонников русского царизма, но и хороших агитаторов среди горцев за русскую ориентацию. Институт аманатов в системе колониальной политики являлся тем же средством порабощения народностей Северного Кавказа, каким он был в политике Московского государства в отношении Кабарды. Если Московское государство при посредстве кабардинских аманатов, являвшихся представителями крупных княжеских фамилий, устанавливало политические связи и укрепляло свои позиции в Кабарде, то Россия в XVII в., при посредстве тех же аманатов от феодальных и старшинских фамилий, также укрепляла свои позиции и накладывала свою руку уже на весь Северный Кавказ с целью превращения его в колониальный придаток. Все народности Северного Кавказа, за исключением чеченцев, давали аманатов России. Что же касается чеченцев, то они, несмотря на неоднократные требования России отдать аманатов, каждый раз отвечали категорическим отказом. Вот что ответили чеченцы от 17 марта 1765 г. своему владельцу Асланбеку Айдемирову, требовавшему дать России аманатов: «Живущие здесь Арконьевой стороне мы, чеченцы, все, согласясь, учинили между собою присягу в том, чтобы в российскую сторону аманатчиков не давать... только, Ваше сиятельство, не изволите думать, чтобы мы аманатчиков дали; пред всемогущим Богом божимся и клянемся, поверьте ему, единому Создателю, что аманатчиков давать мы не намерены. Ежели желаете нас сберечь, то берегите, в противном же случае, как хотите, а от Вас, кроме вышеписаного, произойти не

может»[81]. «Ныне владельцы наши нападками своими от нас в аманаты требуют,- одновременно писали чеченцы кизлярскому коменданту Потапову,- и мы все, чеченские старшины, собрав всех стариков и молодых людей, на совете постановили, что владельцы наши... в российскую сторону от нас в аманаты давать вознамерились, а народ наш не согласился и аманатов дать не может. От владельцев аманатов возьмите, а нас в покое оставьте»[82]. Таким образом, Чечня, несмотря на ее разгром в 1758 г. русскими войсками совместно с калмыками и другими горцами, все-таки России аманатов не дала. Больше того, чеченский народ открыто заявил, что он над собою не признает ни власти поставленных над ними владельцев, ни власти самой России. «Известно Вам да будет,- писали чеченцы кизлярскому коменданту,- что мы от государыни уклонились»[63].

Далее заслуживает быть отмеченным тот интересный факт, что аманатство существовало и внутри горских обществ. Более сильные народности брали аманатов у менее сильных. Например, кабардинцы брали аманатов у ингушей и осетин[64]. Надо полагать, что в одном и том же народе более сильные роды также брали аманатов у менее сильных. В русских пограничных крепостях для горских аманатов существовали специальные аманатские школы. Кавказское пограничное начальство имело от высших властей определенную директиву, чтобы «горских аманатов старатца склонить ко обучению российской грамоте и приводить в людкость и от варварских нравов отводить»[65]. Другими словами, аманатские школы в системе русской колониальной политики екатерининской эпохи являлись теми рычагами, через которые, под предлогом приведения горцев в «людкость» и отведения от варварских нравов, проводилась систематическая борьба с элементами национальной культуры — языком, обычаями и т. д., осуществляли тем самым основную линию екатерининской политики, направленной против национальной культуры горцев. Борьба России с культурой северокавказских горцев облегчалась еще и тем, что в XVIII в. из северокавказских горцев никто не имел своей письменности. Отсутствие письменности на национальных языках подавало России большую надежду на поголовную в кратчайший срок христианизацию горского населения, а также на то, что «посредством сообщения русского народа совсем их язык, як!о не имеющий своего основания, тож и обычай - истребить»[66]. «Ко опровержению их языка и обычаев,— писал астраханский губернатор Кречетников Екатерине И,- нужным почитаю гарнизоны сделать поселенными между сими выходцами из гор и дать волю как на солдатских дочерях, так и солдатам у них женитца и тем нечувствительно язык и обычай их выводить».

Русская колониальная политика, ведя решительную борьбу с национальной культурой, ставила своей конечной целью полное растворение горцев Северного Кавказа в массе русского

населения и таким путем превратить их «нечувствительным образом в существительные ее импер. Величества в подданные».

В соответствии с общими задачами русской колониальной политики и первые небольшие школы, находившиеся при духовных лицах Северо-Кавказской миссионерской комиссии, и первая конфессиональная горская школа, открытая в 1764 г. в крепости Моздок, разумеется, преследовали также колониальные и русификаторские цели.

На роли мелких духовных школ, находившихся при грузинских миссионерах, оперировавших в Осетии и Ингушетии, мы уже в одной из последних наших работ имели случай более или менее подробно остановиться [67]. Поэтому во избежание повторений в данной работе ограничимся выяснением вопроса лишь о первой осетинской конфессиональной школе. Мелкие миссионерские школы, ставившие своей задачей подготовку национальных миссионерских кадров, просуществовали с 40-х до 60-х гг. XVIII в., а потом, в связи с значительными успехами русской колониальной экспансии на Северном Кавказе, они были ликвидированы и заменены конфессиональной школой нормального типа, которая также ставила своей задачей подготовку миссионерских кадров из самих националов, на которых Россия возлагала большие надежды в деле распространения христианства среди горцев и склонения их на этой почве к подданству России.

Россия ясно себе представляла значение местных людей в деле христианизации и русификации горского населения. Поэтому к горцам, поступившим в миссионеры, было весьма снисходительное отношение и предъявлялись к ним минимальные требования. Если от миссионеров-негорцев для поступления в Комиссию требовалось обязательное знание русского, грузинского и горских языков, то для горцев достаточно было знания своего родного языка, чтобы получить должность в Комиссии. Например, сын осетинского старшины из сел. Нар, хотя и не умел ни говорить, ни писать по-русски, тем не менее был зачислен в штат миссионеров исключительно «по причине тамошней его природы» и потому еще, чтобы он мог «служить за проводника в безопасности, а еще смотря на него из ево собратий, лутчее возымеют поощрение в поступлении к крещению и, научась, он вступит в сан священника и с успехом обращать станет непросвещенный народ в истинную веру»[88]. Открывая для горских детей школу нормального типа, Россия исходила из того основного положения, что «нет лучшего способа по обстоятельствам осетинцев и ингушевцев и прочих горцев учинить их прямыми христианами, к здешней стороне приверженными, как просвещением из них молодых людей»[69].

В соответствии с принятым решением по докладу Коллегии иностранных дел последовало распоряжение, конфирмован-

ное Екатериной II от 27 сентября 1764 г., «о заведении при урочище Моздоке... для осетинских и ингушских и протчих горских народов детей школы и о употреблении на содержание такой школы денег из тамошних доходов или из процентных Астраханского банка»[70]. Нужно сказать, что вопрос об открытии конфессиональной школы для горских детей поднимался еще и при Елизавете Петровне, но вследствие неясности политической ситуации на Северном Кавказе, в частности же взаимоотношений независимой Кабарды и мелких горских народностей, для которых, главным образом, предполагалось открытие миссионерской школы, вопрос этот не получил практического разрешения. Еще в 1751 г. начальник духовной миссии архимандрит Пахомий писал в своей челобитной к Елизавете Петровне, что «для обучения осетинских малолетних детей надлежит хотя в малом числе школу и для содержания во оной школе учеников, что поведено будет, определить указом, хотя небольшую сумму» [71]. Однако синод хотя и находил, что «сие дело и зело нужное» [72], тем не менее, протокольным постановлением от 27 мая 1752 г. отложил вопрос «впредь до указу». Вместе с тем, архимандриту Пахомию было поручено выяснить ряд вопросов, связанных с открытием для горцев школы, а именно: «Где и в каком именно месте ту школу завесть, и коликому в ней на первый случай ученикам быть числу, и кто именно может им быть учителем, и на каком диалекте, и каким способом те ученики в ту школу могут быть набраны, т. е. по самовольному ли самих родителей их к тому рачению и хотению; и не следует ли их того между тамошним народом, якобы к тому обучению дети из нудимы, какого роптания, и на коликой сумме вся та школа в год может быть содержана и о протчем...»[73].

Б следующем 1753 г. архимандрит Пахомий на все постановленные синодом вопросы дал исчерпывающие ответы. Он докладывал, что миссионерскую школу, рассчитанную на 30 человек, необходимо открыть пока для осетинских детей в Куртатинском ущелье; в качестве же учителей Пахомий рекомендовал грузинских миссионеров, так как, по мнению Пахомия, преподавание в школе должно было быть на грузинском языке. По вопросу о комплектовании школы учащимися Пахомий докладывал, что учащиеся «могут быть набраны по самоохотному самих родителей их тому рачению и хотению, и с того между тамошним народом никакого роптания не последует», ставя, однако, обязательным условием дальнейшее расширение школы, организацию полного при школе пансиона, мотивируя необходимость такового тем, что «осетинский народ ныне еще весьма дикой и должно их со всяким увещанием приводить к учению». Кавказские миссионеры, сознавая важность конфессиональной школы в деле христианизации горского населения, писали в синод, что «ежели из того они нам в крещении своего народа великое вспомоществование чинить и своему народу Божественное писание совершенно внушить могут». Данное положение о необходимости и целесообразности открытия духовной школы для подготовки национальных миссионерских кадров духовные лица иллюстрировали конкретным примером. «Ныне мы,- писали они,- двоих малолетних осетинцев обучили грузинской грамоте, которых держим при себе на своем коште, и они нам в крещении своего народа великое вспомоществование чинят»[74]. Практическое осуществление решения об открытии духовной школы для горских детей было возложено на подполковника Гака, ведавшего между прочим делом колонизации Моздокского района христианизированным горским населением. Школа была открыта в крепости Моздок и называлась Осетинской школой, хотя она, кроме осетин, обслуживала, по-видимому, и других горцев Северного Кавказа. При школе, как рекомендовал архимандрит Пахомий, был открыт и пансион для учащихся. Воспитанники школы получали из доходов Кизлярского казначейства и Астраханского банка ежемесячное содержание, размер которого для каждого был обусловлен социальным происхождением последнего. Еще в самом начале открытия школы, по докладу Коллегии иностранных дел от 27 сентября 1764 г., было принято решение, чтобы детей старшин «содержать против прочих с некоторою отменою», заключавшейся в определении «на содержание старшинских детей в месяц до 4 рублев, т. е. против протчих вдвое»[75], но решение это было проведено в жизнь, согласно указу Коллегии иностранных дел, кизлярским комендантом Потаповым только в 1767 г.[76]. Таким образом, дети рядовых горцев получали в месяц по 2 руб., а дети старшин - по 4 руб.

Моздокская школа находилась в ведении кизлярского коменданта и астраханского губернатора[77], непосредственное же руководство школой возлагалось на начальника миссионерской комиссии. Количество учащихся в Осетинской школе колебалось от 6 до 48 человек [7i].

Учителями в школе были грузинские дьячки из Миссионерской комиссии. Преподавались в школе исключительно духовные предметы [79] на грузинском языке, а через некоторое время, в расчете на то, что введение в школу русской грамоты, по мнению кавказского начальства, могло явиться «ближайшим и надежнейшим средством к их просвещению и к побуждению переходить на поселение в здешние границы и многим числом» [80]. К тому же «осетинцы немногие знают грузинский язык, потому небольшого будет стоить вводить к ним употребление русского языка, нежели грузинского»[81],- последовало распоряжение о введении в школу русского языка.

Вводя в русскую школу русский язык и русскую грамоту, Россия рассчитывала на то, что «егда показанные школьники действительно российской грамоте обучатца и в совершенные лета войдут, и в России обживутца, то уже и неуповательно, что-

бы они паки в свою сторону возымели намерение»[82]. Кавказское начальство предполагало, что воспитанники моздокской школы, в результате приобщения их через русский язык к русской культуре, не только не пожелают вернуться обратно на родину, но «будут со усердием стараться отцов и матерей, також и родственников, вызывать на жительство в Россию»[83].

Однако данная установка на полное обрусение учащихся моздокской школы и на то, чтобы они смогли оказать сколько-нибудь существенную помощь русской колониальной политике в смысле склонений своих соотечественников к переселению к русским пределам, на опыте оказалась несостоятельной. Отсюда, исходя из того положения, что «успех одного горца, приготовленного еще на школьной скамье на родном языке, может дойти до громаднейших размеров в деле просвещения целой нации», и что «появление подобного горца, даже через несколько лет, бесспорно принесет пользу несравненно существенней той, которой можно ожидать от десятков горцев, образовавшихся в школах на русском, совершенно недоступном их соотечественникам»[84], вытекала необходимость держаться в дальнейшем того основного принципа, чтобы «они никогда своего языка не забывали, и чтоб таких, со временем, по обучении руссийской грамоте и способности мест, можно было посвящать к церквам, обращенных во священники и посылать для проповеди»[85].

В целях сохранения родного языка в школе, естественно, возник вопрос о создании письменности на осетинском языке. Задача создания письменности для осетин синодом была возложена на грузинских миссионеров. Моздокская конфессиональная школа не оправдала возложенных на нее русским миссионерством надежд. За время своего пятидесятилетнего существования она не дала и дать не могла сколько-нибудь ощутимых результатов, потому что существование ее было во всех отношениях чрезвычайно жалкое. Особенно тяжело приходилось учащимся, положение которых ни в чем не отличалось от положения беспризорных детей.

Чтобы не быть голословным, приведу выдержку из донесения начальника духовной комиссии Афанасия Лебедева, которая дает яркую картину положения горскцх школьников. «Ныне при обветшании и разрушении оных покоев,- пишет Лебедев,- остались ученики без пристанища и скитаются по разным домам у поселившихся осетинцов и претерпевают крайнюю бедность и недостаток, не имея ни обуви, ни рубах, по причине отбираемого у них жалованья отцами их и родственниками во время их в Моздок приездов, для чего не только по городу, но и в школу ^ходить не могут; к чему и отведена деревянная изба, в которой летом от течи, а зимою от угаров великое беспокойство и ученикам и учителям причиняются»[86].

Несмотря на неоднократные категорические приказания центральной власти кавказским начальникам, чтобы как можно

энергичнее старались горцев «склонять к отдаче для обучения на Моздок в школу более детей их, ис чего главная польза предвидитца»[87], все-таки достаточного количества учащихся моздокская школа не имела никогда.

Не последнее место в системе русской колониальной политики на Северном Кавказе занимало разжигание национальной вражды между горскими народностями, нередко доходившее до ожесточенных вооруженных схваток. Разжигая и поддерживая антагонизм между горцами, Россия, с одной стороны, предупреждала возможное объединение горцев против наступавшего русского царизма, с другой стороны, добивалась, путем взаимного истребления горцев, физического и экономического ослабления их и тем самым, следовательно, облегчала свое собственное положение в смысле дальнейшего колониального продвижения. Натравливание горских народов друг на друга является одним из главных рычагов русской политики и проводилось Россией систематически с момента соприкосновения с горцами в первой половине XVIII в. и до окончательного завоевания Кавказа во второй половине XIX в.

В XVIII в. «наблюдаемо было правило древних римлян,- пишет Бутков,- чтоб для пользы Кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое»[88]. «Вследствие чего,- продолжает он,—поссорены от нас разными образами чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 г. сразились, имев каждая сторона до одной тысячи человек. Чеченцы потеряли 20 человек убитыми и до 60 ранеными, однако, получили поверхность и отогнали у ингуш до 2 тыс. баранов»[89].

Чтобы стимулировать выступление одного народа против другого, Россия, согласно указу Елизаветы от 9 декабря 1757 г., давала войскам неограниченную свободу грабежа противника, обещая в то же время «все получаемое в добычю... тем людем, кои походят употребить себя противу всегдашних возмутителей - чеченцев»[90], относительно которых между прочим было принято общее и обязательное для армии решение «их разорить так, чтоб их в показание другим здешним подданным совсем искоренить»[91].

Особенно большие надежды в физическом уничтожении чеченцев Россия возлагала на князя Девлет-Гирея, сына генерала Эльмурзы Бековича-Черкасского, «яко собственно от чеченцев озлобленному»[92] за то, что чеченцы, не признав его власти над собою как феодала, выгнали его из пределов Чечни.

Россия нередко пользовалась и другим способом, применявшимся, главным образом, в отношении тех народов, которые, находясь под экономическим гнетом более сильных соседей, вынуждены были просить у России покровительства и защиты. Таким притесняемым мелким народам, нуждавшимся в защите, Россия ставила условием вооруженное выступление

совместно с русскими казаками и наемными Россией калмыками против горцев, и это служило как бы доказательством их преданности России.

В 1767 г. при содействии миссионера Григория ингуши присягнули в верности России, а в 1758 г. кизлярский комендант генерал фон Фрауендорф писал начальнику Северо-Кавказского миссионерства, что «понеже же киштинцы или ингуши принимают закон православного греко-российского исповедания и желают придти всеподданство и верную службу ее императорскому величеству, то чтоб они, в таком случае, противу чеченцев показали пробу»[93].

При помощи архимандрита Пахомия и игумена Григория 9 человек их наиболее верных и влиятельных ингушских старшин были вызваны к кизлярскому коменданту ген. фон Фрауендорфу, «который обещал им за будущие службы награждение, а оные его обнадежили, что они за славу России в потребных против чеченцев случаях кровь свою не пощадят и, собрав своих товарищей и подвластных, сколько возможно наискорейшем времени к чечням выступят»[94].

Ингушские старшины за выраженные верноподданические чувства и готовность выступить против чеченцев, «чтобы охотнее было к службе ее императ. Величества и их братья видели, что не без награждения из России исходят», генералом фон Фрауендорфом были награждены дорогими сукнами и персидскими тканями.

Богатые подарки сделали свое дело. Ингушские социальные верхи в 1758 г., в количестве 80 человек, под предводительством двух ингушских старшин - Албека и Цауха - приняли активное участие в чеченской экспедиции[S5].

«Лутчих тамошних старшин в 80 чел., военных, вооруженных без малейшего медления представил,- писал игумен Григорий,- и они не довольно проводничествовали, но и, действительно, с отменного ревностью с чеченцами сражались не единожды»[96]. Укажем также на участие в чеченской экспедиции кабардинских феодалов со своими холопами в количестве 400 человек[97]. Особенно рельефно выступает Россия в роли разжигателя национального антагонизма р Кабарде, в отношении которой Екатерина II в секретном указке к генералу де Медему от 17 августа 1771 г. писала: «Как бы то ни было, нужно и необходимо, чтоб там всегда две равносильные партии находились и чтоб кабардинцы привыкли иметь у себя здешнего человека, к чему все удобовозможные и по тамошему месту пристойные способы употреблять имеете, употребляя по необходимости и деньги для отвлечения от противных и их обессиливания»[98].

Действительно, России удалось расколоть Кабарду на два враждебных лагеря, взаимно истреблявших друг друга. Кавказские начальники, выполняя секретный указ Екатерины II, по откровенному признанию одного офицера, постоянно находившегося в Кабарде, всемерно старались «не только несогласия между ими делать, но и вящие преумножить» с тем, чтобы «через то они сами себе были помехою в их предприятиях»[99].

Малейшие попытки к ослаблению национальной вражды между горцами Россия при помощи своих агентов, в лице военных чинов и миссионеров, находившихся среди почти каждой народйости Северного Кавказа, «под видом примирителя их», а на самом деле служивших «всегдашним бичом», предупреждала еще в зародыше самым решительным образом. «Чем больше некоторые желали примирения,- заявляет капитан Гостоти,- тем упорнее мы оному препятствовали»[100].

К числу основных методов колониального закрепощения горских народностей следует отнести также и расселение горцев на русских землях с целью окончательной их ассимиляции и прикрепления к нарождавшейся в то время на Северном Кавказе мануфактурной промышленности.

Освобождаемые горцами земли заселялись русским казачеством, которое использовалось Россией как человеческий материал для колонизации горских земель и как военная сила при поступательном движении на юг против горцев. Горское население должно было оседать в таких районах при Кавказской» линии, которые имели для России большое экономическое и стратегическое значение. Таким важным в указанных двух отношениях районом являлся в то время нынешний Моздокский район, прилегающий к левому берегу реки Терека и состоящий из плодородных степей, обещавших России большие экономические возможности в смысле насаждения и развития на них сельскохозяйственной промышленности, в частности же шелководства. Еще Петр I после оставления оккупированных в 1722 г. северных персидских провинций указывал на то, что и «терские места могут быть не хуже Гиляна»[101]. Также и Потемкин о том же Моздокском районе отзывался, что он «подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество»[102].

Для насаждения и развития мануфактурной промышленности в названном районе Россия делала ставку на крупную армянскую торговую буржуазию, которой предоставлялись для промышленных целей крупные земельные участки и большие экономические льготы. Армянскому купцу Луке Ширванову по указу Елизаветы Петровны было отведено под заводы и фабрики и «для поселения будущих при них заводах работных людей довольные места» по левому берегу реки Терека в количестве 649 десятин[103] с таким условием, чтобы «сделанных на том заводу и фабрике шелку и парчей и прочего пошлин внутренних с них не брать десять лет и, кроме того, шелк с того времени, как оная или заведена будет, вывозить им из Персии без пошлин три года, а с принадлежащих до той фабрики инструмен-

7 Заказ № 106

тов и красок, когда они вывозить будут, так из российских городов, так из Персии и из-за моря,- пошлин с них не имать»[104].

Завод Луки Ширванова был закончен в 1742 г. Под квартиры рабочих было выстроено 40 домов, для шелкового дела построено 5 сараев, для прокормления червей посажено тутовых дерев 20 тыс. и «для поливания оных сделан татаул версты на полтреть»'[05]. В общей сложности, по неполным сведениям, в распоряжение армянской торговой буржуазии было предоставлено в Кизляро-Моздокском районе свыше 15 147,5 десятин земли [106], главным образом для разведения шелководства.

Кроме того, названная буржуазия привлекалась Россией и для ведения торговых операций среди горцев. Армянские купцы, занимавшиеся торговлей или разведением шелка и хлопка, согласно манифестам от 31 июля 1762 г. и от 25 июля 1763 г., не только освобождались от всяких пошлин, налогов и податей [107], но и ссудировались казной крупными по тому времени суммами для ведения торговли под непосредственной защитой и покровительством России. Известно, например, что армянскому купцу Сафарову было выдано из русской казны для торговых операций 15 тыс. руб., другому же купцу и крупному предпринимателю Хастатову — 44 985 руб. В результате всех этих мероприятий при помощи армянской и русской торговой буржуазии к концу XVIII в. в Северо-Кавказском крае, от Астрахани и до Моздока, насчитывалось свыше 10 салотопленных, свечных, мыловаренных, кожевенных и других заводов и до 138 фабрик шелкового и хлопчато-бумажного производства [108].

Насаждение промышленности и торговли в смежном с горскими народностями Моздокском районе являлось одним из крупнейших факторов подчинения горцев капиталистическим отношениям России и подтачивания пережитков родового быта, сохранявшихся еще в описываемый нами период, как мы уже говорили выше, у некоторых народностей Северного Кавказа. «Нужно позволить купечеству туда для торгу приезжать,- читаем в одном интересном документе,- и тем приобучать их ко употреблению разных привозимых товаров, а паче к знанию и употреблению денег, коих они по се время никаких не имеют, а сие познание необходимо понудит их к снисканию работою своей»![09]. (

И действительно, к началу XIX в. горские народности стали выбрасывать на рынок труда значительное количество людей, которые поглощались местной промышленностью. «Площадь между городом и крепостью усеивается горцами,- рассказывает очевидец,- которые приходят толпами в Кизляр на работу. Каждое племя располагается на площади отдельным кружком, сидят на ногах с коротенькими в зубах трубками, большая часть без рубах, закрывая черную грудь лоскутом косматой бурки. По овчинным шапкам разных покроев можно назвать имена и места аулов, откуда пришли дикари»[110].

В то же время среди горцев нарождалась и своя торговая буржуазия, органически связанная с тогдашним русским рынком. «Между толпами, сидящими, стоящими, колеблющимися бродящими по площади,- рассказывает тот же очевидец,— вы видите осетина, продающего сыр и бурки, черкеса — с зелеными сотами диких пчел, лезгина - с медной посудой, киста и чеченца - с ружьями и шашками, караногайца - с овцами и козами, калмыцкими тулупами, ергаками; и кумык привез дрова и торкалы, аксаевец разложил кожи и овечью шерсть, армяне и грузины предлагают вам ягоды, овощи, фрукты; а там, ближе к Тереку, румяные казачки Дубовской, Червленой, Наурской и других станиц терских сидят на арбах, навьюченных арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и т. д., а русский торговец отвешивает пшеничный хлеб от пудовой ковриги»[111].

Таким образом, русский торговый капитал, концентрируя средства производства в руках представителей торговой буржуазии и отрывая горское крестьянство от сельского хозяйства с целью прикрепления его к мануфактурным предприятиям, создавал необходимые предпосылки для развития в дальнейшем капиталистического производства на Северном Кавказе.

Закрепление Моздокского района за Россией путем его колонизации христианизированным горским населением имело для России и большое стратегическое значение.

В процессе колонизации Северного Кавказа Моздок явился тем опорным пунктом, откуда Россия имела возможность, во-первых, продолжить Кавказскую линию на запад, к Черноморскому побережью и сосредоточить, таким образом, в своих руках таможенные сборы, которые, «по причине многих чрез степь открытых дорог, пришли в великой упадок», во-вторых, «войти в тамошние горы и жилище осетинское», чтобы «со временем пользоваться их рудами и минералами»[112], о которых между прочим Россия была хорошо осведомлена еще до колонизации Моздокского края за несколько лет через миссионеров, горских старшин и специальные экспедиции, неоднократно производившие геологические разведки в Кавказских горах [113].

План колонизации Моздокского края, по докладу Коллегии иностранных дел от 18 августа 1762 г. [114], был утвержден сенатом 15 октября 1762 г. [115]. Практическое проведение в жизнь принятого решения о колонизации Моздокского района указом от 11 декабря 1762 г. было поручено подполковнику Петру Гаку, которому приказывалось «приложить старание о склонении к переселению на оные осетинцев и киштинцев, живущих в Кавказских горах, а при том и из других тамошних же народов», с тем, однако, чтобы «все сии дела содержать в крайнем секрете, чтобы отнюдь никто и ни о чем малейшем из того сведать не мог»[116].

Для ведения агитации среди горцев к оставлению своих прежних мест и переселению в Моздок Россией были использованы, имевшие большие связи среди горских феодалов и старшин,

миссионеры, которым вменялось в обязанность «стараться склонять тот народ к переходу на поселение в Моздок, внушая им, сколь выгоднее и лутче им быть... в здешних границах, где такие ж выгодности, и не хуже нынешних своих мест иметь будут, для чего ввозить их в Моздок с собою и тут на месте в приезды их отменно ласкать... на что и сумму назначенную употребить»[117]. Таким образом, Россия для достижения намеченных колониальных целей при посредстве своих агентов приступила опять к подкупу горских феодалов и старшин. «Для лучшего поощрения к переходу и поселению в здешнюю сторону тех народов,- писал кизлярский комендант Потапов в Военную коллегию,- можно давать им при первом случае из казны из кизлярских доходов, а в случае оных недостатка - и из астраханских, так как на нужное и со временем существенную пользу приносящее дело — старшинам и узденям по 10, а рядовым по 5 рублев на семью, а холостым против того в полы»[118].

Чтобы стимулировать переселенческое движение среди горцев, последним предоставлялись существенные экономические льготы, заключавшиеся:

1) в беспошлинном привозе хлеба и фруктов из горских местностей в русские пределы, а из русских районов в горские аулы;

2) в свободном курении вина и варении пива, меда, браги и в вывозе таковых в другие, в то время еще не принадлежавшие России места, но чтобы «здешнее казенное расход свой имело», категорически был запрещен ввоз перечисленных напитков в тогдашние русские города и крепости;

3) в беспошлинной продаже и обмене разного скота в русских городах и станицах гребенского казачества с обязательным, однако, условием производить меновые и торговые операции исключительно с русскоподданными;

4) в беспошлинном обмене в русских городах и станицах фабрикатов и полуфабрикатов горской кустарной промышленности - бурок, сукон, черкесок, шалваров, чулок, шапок, кож, овчинных шуб, меда, воска, ароб, деревянных колес и т. д.- на рыбу, холст, соль, железо, чугунные котлы, иглы, пшеницу, пшено и прочие необходимые для горцев предметы домашнего обихода;

5) в совершенном освобождении от Каких бы то ни было налогов и податей всех тех, кто занимался хлопководством, шелководством и виноделием, с предоставлением им земли в неограниченном количестве[119].

Принимая во внимание острую земельную тесноту, имевшую место у многих народностей Северного Кавказа, а также сильное экономическое давление на горских крестьян как со стороны кабардинских, так и своих местных феодалов, Россия, предоставляя крестьянству перечисленные экономические льготы, была в полной уверенности, что результатом предоставленных экономических льгот явится массовое переселение горцев

в Моздокский край, «но сего, однако,- с разочарованием констатировала Коллегия иностранных дел,- вопреки самого вероятнейшего ожидания не воспоследовало»[120]. «Действительно знаю,- также докладывал Коллегии иностранных дел и кизлярский комендант Потапов,- что не прельщаются оне ни на какие вызовы и в Моздок выходить»[121].

Однако дело с переселением горцев в Моздокский район обстояло не так уж плохо, как писали о нем кизлярский комендант Потапов и Коллегия иностранных дел.

Правда, переселенческое движение среди горцев по своим размерам и темпам не отвечало тогдашним русским колониальным запросам, вследствие чего в конце XVIII в. из Киевской губернии было переселено на Северный Кавказ значительное количество безземельных крестьян[122], тем не менее, нужно сказать, что переселенчество, по крайней мере среди кабардинских и дигорских холопов, имело несомненный успех.

Несколько слов о том, почему основной контингент горских переселенцев в Моздокский край состоял преимущественно из холопов и вообще зависимых сословий. Дело в том, что на Северный Кавказ был распространен указ, изданный в 1743 г. для магометанского населения Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерний, в котором говорится, что «новокрещенным из магометанского закона за восприятие св. крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно, и тем прежним помещикам и мурзам до владения их новокрещенных никакого дела не иметь, а по крещении переводить их и селить свободно с протчими новокрещенными,- разве что оные помещики сами по желанию своему воспримут св. крещение, и тогда оные им же отданы будут во владение по-прежнему»[123].

Согласно этому указу, холопам для получения свободы надо было принять христианство и переселиться в русские пределы. Что же касается горских феодалов, то и они для сохранения своих прав на холопов, по смыслу указа, также вынуждены были принимать христианство и переходить в русское подданство. Таким образом, Россия и в отношении холопов, предпочитавших своему холопскому состоянию переселение в русские пределы, и в отношении горских феодалов, лишавшихся с уходом их холопов своей экономической базы, изданным указом ограждала свои колониальные интересы. И действительно, мы наблюдаем, что в результате этой общей установки русской политики наиболее угнетенные социальные слои, какими являлись в Кабарде и Осетии холопы, с целью освобождения от гнета своих феодалов принимали христианство и переселялись в Моздокский край. Отсюда становится понятным тот факт, что основную массу переселенцев в Моздок дали феодальная Кабарда и Дигория, где эксплуатация крестьянства переходила всякие границы, в то время как Осетия, Ингушетия и Чечня, где

еще сохранялись в той или иной степени пережитки родового строя, или совсем не дали переселенцев, или дали очень незначительное количество.

Заслуживает быть отмеченным как один из наиболее важных факторов колониального закрепощения горцев и русское миссионерство, сыгравшее в системе колониальной политики метрополии исключительно важную роль. История русского миссионерства на Северном Кавказе в науке является вопросом совершенно не разработанным. Правда, в обширной кавказоведческой литературе данный вопрос затрагивается не раз и не одним автором. Есть даже по миссионерству специальные статьи [124], не дающие, однако, сколько-нибудь полной картины северокавказского миссионерства, прежде всего потому, что они, будучи написаны или миссионерами, или идеологами русской колониальной политики, преследовали определенные практические цели, заключавшиеся в выявлении лишь недостатков в деятельности миссионерства с целью исправления их в дальнейшей его работе. Все дореволюционные авторы, писавшие на тему о русском миссионерстве на Северном Кавказе, рассматривали данное явление в самом себе, вне какой бы то ни было связи с колониальной политикой метрополии. Необъективность и явно тенденциозный характер существующей по миссионерству литературы, стремившейся к оправданию колониальной политики русского царизма на окраинах, в сильной степени снижает научную ценность этой литературы.

Поскольку деятельность Осетинской духовной комиссии, посланной из Москвы в Осетию в первой половине XVIII в., выходя за пределы Осетии, распространялась не только на осетин, но и на других горцев Северного Кавказа, то правильнее будет, как мы уже указывали [125], называть данную комиссию не Осетинской, а Северо-Кавказской, а ее историю - историей северокавказского миссионерства вообще.

Инициаторами северокавказского миссионерства были грузинские духовные лица - настоятель Московского Знаменского монастыря архимандрит Николай и архиепископ Циркано-Самобельский Иосиф, которые в ноябре 1742 г. обратились к Елизавете Петровне с челобитной об отправке миссионерской комиссии в Осетию... «Мы усмотрели,- писали в своей челобитной Николай и Иосиф,- близ державы и в. и. в. низового города, называемого Кизляр, в недалеком расстоянии, на рубеже Кизляра, затемненной, непросвещенной народ, зовомой осетинской, которого признаваем быть по исчислению обоих полов более двухсот тысячи человек. А издревле оной осетинской народ бывал православной христианской веры... А ныне оной многолюдной народ святым крещением не просвященной состоит в своей воле, понеже как турки, так и персияне никто ими не владеет. А места их изобилуют золотою, серебряною и протчими рудами и минералами, каменьями преизрядными, кроме христиан, других народов людем во оные их места никому не входимо. Того ради,- говорится далее в челобитной,- не соблаговолено ли будет повелительным указом вышереченной непросвещенной народ, называемой осетинской, проповеди слова божия и крещения их отправить способных и того дела желающих, а особливо язык их отчасти сведущих грузинских духовных персон... которое богоугодное дело они, грузинские духовные персоны, чаятельно чрезь проповедь слова божия по склонности упомянутых иноверцов в святое крещение и вечное в. и. в. подданство привесть могут в непродолжительном времени всех без остатку» [126].

Обращение в христианство двухсоттысячного населения Осетии, не зависимого ни от Турции, ни от Персии, давало России полную надежду на политическое их подчинение и на овладение, следовательно, горными и минеральными богатствами страны. Поэтому ходатайство Иосифа и Николая об отправке в Осетию миссионеров было удовлетворено 9 февраля 1743 г. [т], так как «сие их представление всякое внимание приобрело по подавшейся надежде не только тамошних народов обратить в христианство, но и тем самым зделать их к здешней стороне доброжелательными и преклонными для будущих впредь случаев» [128].

В качестве миссионеров в Северо-Кавказскую комиссию были назначены грузинские духовные лица, эмигрировавшие в 1724 г. в Россию с грузинским царем Вахтангом VI и жившие в Москве почти без определенных занятий. Вся Северо-Кавказская миссионерская комиссия, сконструированная из политических соображений сверху донизу исключительно из грузинских духовных лиц, состояла из одного архимандрита, одного игумена, двух иеромонахов, пяти священников, одного дьякона, пяти дьячков, пяти пономарей и одного переводчика, а начальником всей комиссии, являвшимся юридически ответственным лицом перед центральными властями, был назначен бывший духовник грузинского царя Вахтанга VI, а впоследствии жены его Русуданы [129], архимандрит Пахомий.

Годовое содержание миссионеров обходилось русской казне в 1300 руб. Сверх жалования миссионерам были даны «недалеко от моря для рыбной ловли воды, також у Кизляра хлебопашенные земли, из которых они получали договорные от вольных людей доли: от вод рыбою, а от земли хлебом и от продажи овощей — деньгами немалое число» [130].

Деятельность Северо-Кавказской комиссии по духовной линии была подчинена астраханскому епископу, а по гражданской - кизлярскому коменданту и астраханскому губернатору. Согласно постановлению Синода от 11 июня 1744 г., начальник миссионерской комиссии обязан был «какие при оной проповеди действа происходить будут, о том им, архимандриту с товари-

щи, Синоду репортовать доношениями чрез каждую полгода с подлинными и ясными обстоятельствами»[131].

Северо-Кавказская миссионерская комиссия из Москвы отправилась в начале 1745 г. и прибыла в Осетию летом того же года[132]. На кабардинской территории миссионеров встретил небезызвестный в Осетии на почве феодальных отношений крупный кабардинский феодал Алдигирей Гиляксанов, давно вошедший в список подкупленных Россией горских феодалов и потому рекомендованный миссионерам, что «он духовным грузинским особам в приведении того народа греческого исповедания веру препятствия не только не учинит, но как чаятельно, какое иногда, по рекомендации здешней стороны, и способствование покажет»[133]. И действительно, Россия не ошиблась в верности Гиляксанова, который проводил миссионеров до сел. Уздони, находившегося в то время где-то на границе между Осетией и Кабардой, а там их поручил осетинскому старшине Зурабу Елканову, в свою очередь проводившему миссионеров до сел. Камунта - Горной Дигории.

Миссионеры в Дигории пробыли до сентября 1745 г.[ш], а зимою перешли через Кевонский перевал в Алагирское ущелье и вели миссионерскую работу в осетинских селах - Зарамаг, Нар, Зака и Айбайтикау[135].

Так началась в 1745 г. миссионерская пропаганда среди осетин, охватившая потом и ингушей, и кабардинцев.

По прибытии на Северный Кавказ, грузинские миссионеры позаботились о создании для себя такой базы, откуда бы имели они возможность вести миссионерскую пропаганду среди горцев Северного Кавказа и куда бы само горское население безопасно могло приезжать для крещения. Таким удобным пунктом было признано урочище Гускадин (Xuyskadaq (?).- *Г. К.),* находящееся, по историческим картам Вонявина[136] и Кирхнера[137], у самого входа в Куртатинское ущелье, в местности Хунхудаг, или Хунвудаг, на правом берегу реки Фиягдона, в 19 верстах выше впадения ее и Ардона в Терек, где, по мнению академика Буткова, некогда находилась столица Осетии Тетяков (Дадаков, Дадако), известная русским летописям под этим же именем[138] и уничтоженная 8 февраля 1277 г. ордынским ханом Менгу Темиром[139].

При материальной поддержке кизлярского коменданта и активном содействии кабардинских феодалов Анзоровых, также подкупленных Россией, миссионерам удалось устроить в урочище Гускадине (Xuyshadaq.- *Г. К.)* осетинский монастырь, состоявший, по свидетельству очевидца, «из одной самой бедной разрушенной церкви и избы»[140], в которой жили священники и низшее духовенство. Из этого монастыря миссионеры, под усиленной охраной вооруженных казаков, периодически выезжали в горные осетинские и ингушские аулы для крещения и ведения среди них миссионерской пропаганды.

Как видно из представленного в 1750 г. в Синод начальником комиссии отчета, миссионерская пропаганда среди осетин и ингушей проходила довольно успешно. Вот некоторые, далеко неполные, цифровые данные, характеризующие деятельность комиссии за первые пять лет ее существования:

Так, в 1745 г. ингушей и осетин крестилось 320 человек,

1746 г. 359 чел.
1747 г. 155 чел.
1748 г. 132 чел.
1749 г. 53 чел.

Всего за пять лет, с 1745-го по 1749 г., ингушей и осетин было крещено 1019 человек[141].

В связи с некоторыми успехами русского миссионерства среди названных двух народов, начальником комиссии в декабре 1751 г. была подана челобитная на имя Елизаветы Петровны, в которой писалось, что имеющееся количество миссионеров не удовлетворяет развертывающимся потребностям северокавказского миссионерства, и поэтому испрашивалось, чтобы «повелено было на первый случай хотя бы человек 5 священников, а дьяконов и церковнослужителей потребное число определить из грузинских духовных персон, которые безместные ныне обретающих в Кизляре»[142]. В результате этой челобитной, распоряжением синода состав Северо-Кавказской комиссии был усилен просимым количеством духовных лиц, а также было отпущено 1000 руб. денег на покупку холста для раздачи новокрещенным горцам[из] и 317 руб. 03 коп. на приобретение утвари для пяти новых осетинских церквей[111].

Грузинские духовные лица состояли во главе Северо-Кавказской комиссии до 1771 г., а в указанном году в руководящих должностях были поставлены русские миссионеры. С этого времени между прочим Россия стала совершенно легально во главе северокавказского миссионерства. Основной причиной замены грузинских миссионеров русскими была слабая и ни в какой мере не отвечавшая успехам колониальной политики царизма работа по вовлечению горцев в христианство. К этому еще надо добавить, что грузинские духовные лица, постоянно занятые своими торговыми делами, скомпрометировали себя в достаточной мере в глазах горцев.

Первым русским миссионером в Северо-Кавказской комиссии был назначен протопоп Тверской епархии Афанасий Лебедев, прослуживший начальником комиссии с 1771-го по 1777 г.[45] В 1771 г. Лебедева заместил протопоп Казанского Петропавловского собора Иван Болгарский, для своего времени человек весьма образованный[116].

В дальнейшем руководящий состав комиссии пополнялся преимущественно русскими, а грузины или вовсе вытеснялись из комиссии, или оставлялись в низших должностях.

Так, Северо-Кавказская комиссия, обосновавшись на территории кабардинских феодалов, ориентировавшихся, на почве общности классовых интересов, на царскую Россию, при негласной на первых порах активной поддержке местной русской администрации в лице астраханского губернатора, ведавшего всем Кавказским краем, и кизлярского коменданта, управляющего делами горцев, приступила к выполнению намеченных метрополией по отношению к горцам Северного Кавказа колониальных задач, в основном сводившихся к тому, чтобы горцев «видеть христианами и к здешней стороне без всякого изъятия и непосредственно приверженными»[147].

Само собою разумеется, что миссионеры в своей деятельности должны были выполнять те функции, которые возлагала на них метрополия. По церковному регламенту миссионеры обязаны были «наставлять прихожан своих в повиновении властям, над ними поставленным», а также «всемерно стараться предусматривать и упреждать возмущения крестьян»[148].

Обращение горцев в христианство в XVIII в. являлось одной из важнейших колониальных задач метрополии, и оно, будучи теснейшим образом увязано с общей системой колониального закрепощения горцев, никогда не рассматривалось метрополией изолированно. Оно рассматривалось как одно из важнейших звеньев общей колониальной системы метрополии. «Как то, и другое,- читаем в указе Правит. Сената от 16 февраля 1769 г.,- один и тот же вид имеет, чтоб тамошние народы привесть в познание христианства и приобресть их в здешнюю сторону и, следовательно, оба дела так между собой соединены, что совокупно об них и пещись надлежит»[149]. Отсюда вытекала необходимость всемерной поддержки северокавказского миссионерства тогдашними военными и гражданскими властями и установления над его деятельностью строгого государственного контроля, который осуществлялся через астраханского губернатора и кизлярского коменданта [150].

После реорганизации Северо-Кавказской комиссии, выразившейся в замене грузинских миссионеров русскими, в уточнении их функций, наконец, в установлении над деятельностью комиссии государственного контроля, процесс христианизации горского населения, по сравнению с предыдущими годами, пошел значительно успешнее.

Вот некоторые неполные данные, характеризующие деятельность северокавказского миссионерства с 1771-го по 1791 г., уже при обновленном составе комиссии [151].

Годы	Мужчины	Женщины	Всего
1771	339	301	640
1772	93	133	226
1773	219	228	447
1774	166	164	330
1776	126	112	238
1776	200	172	372
1777	184	. 160	344
1778	232	174	406
1779	145	121	266
1780	100	95	196
1781	145	93	238
1782	276	231	507
1783	-	-	586
1784	-	-	584
1790	12	9	21
1791	22	19	41
Итого:	2259	2012	4271

Кроме того, в нагнем распоряжении имеются чрезвычайно отрывочные сведения, рисующие до некоторой степени картину распространения христианства в отдельных осетинских районах и в Ингушетии, которые считаю не лишним привести:

Название районов	Кол-во сел.	Кол-во дворов в них	Кол-во новокрещ.
1. Куртатинский	21	807	1014
2.Закинский	12	312	146
3. Наро-Мамисонский	42	1304	344
4. Алагирский	29	1083	284
5. Даргавский	16	776	301
6. Моздокский	-	-	223
Итого по Осетии:	120	4282	2312
По Ингушетии:	10	1155	820
Всего по Осетии и Ингушетии:	130	5437	3132

Всего в XVIII в. в 1745-1792 гг. Северо-Кавказской комиссией было обращено в христианство осетин, ингушей и кабардинцев 8199 человек обоего пола [152].

После же упразднения Северо-Кавказской комиссии и учреждении вместо нее в апреле 1793 г. Моздокско-Маджарской епархии [153], к которой перешли функции Северо-Кавказской миссионерской комиссии, дело христианизации горского населения пошло еще успешнее.

Так, число новокрещенных горцев в первой четверти XIX в. возросло до 62 249 человек»*.

Из приведенных цифровых данных видно, что миссионерская пропаганда среди осетин, ингушей и кабардинских холопов имела некоторый успех.

Успехи русского миссионерства среди перечисленных народностей имеют свои причины. Однако русское миссионерство достигнутыми результатами обязано и местным властям, выбрасывавшим на миссионерскую пропаганду значительные средства и сумевшим таким образом заинтересовать горцев материально.

Горцам, принимавшим крещение, миссионеры давали нашейный крест со шнурком, восьми аршин холста на рубашку и полтинник деньгами, а женщинам, кроме того, маленькие зеркальца, ножницы и прочие мелкие вещи. Из всех перечисленных вещей наибольшее значение имело получение восьми аршин холста на рубашки.

О роли подарков, а в особенности о роли холста, можно сказать, что они стимулировавших принятие горцами христианства, можно видить хотя бы по тому, что горцы для получения «переменяя для ки по нескольку раз приходили креститься, местожительства этого свое имя и переходя из своего прежнего в другое»[165].

Когда в 1772 г. у северокавказских миссионеров не стало больше холста, они забили тревогу и настойчиво просили Центр о немедленной высылке холста в достаточном количестве, «чтобы недачею холста не пресечь охоты и тем комиссии не здолать помешательства». Учитывая значение холста в деле обращения горцев в христианство, центральные власти отпускали его в распоряжение миссионеров почти в неограниченном количестве, тем более, что крепостническому государству этот холст стоил всего лишь 4,5 коп. аршин. Так, в распоряжение северокавказских миссионеров в 1747 г. было отпущено холста 9000 аршин и 60 кусков китайки[157], а в 1783 г. горцам, принявшим христианство, 8945 аршин новокрещенным.

Холст и другие подарки, которые выдавались горцам, не потеряли своего значения в глазах горцев и в первой половине XIX в. Известен, например, ходатайство и подписанного целыми осетинскими аулами прошения военному министру Чернышеву, проезжавшему в 1842 г. через Осетию, о выдаче им недоданных миссией аптек.

Наряду с подарками новокрещенные получали также и денежные вознаграждения, и весьма существенными по тому времени экономические льготы. Старшинам, принявшим крещение в русских пограничных крепостях — [illegible]

Грузинские миссионеры долгое время скрывали от центральной власти действительное положение русского миссионерства на Северном Кавказе, но после реорганизации комиссии и замены грузинских миссионеров русскими, ознакомившимися с состоянием миссионерства среди горцев, русским властям стало совершенно ясно, что в основе достигнутых миссионерством результатов лежит голый материальный расчет. «Многие из осетинцов и киштинцов крестятся,— констатировала Коллегия иностранных дел,- но, конечно,, меньше по внутреннему удостоверению, а больше для получения прибытка по своей бедности, оставляя потом паки христианский закон»[161]. «Хотя многие на то поступили,- говорится в указе той же коллегии на имя кизлярского коменданта,- но для того только, чтоб при крещении какое-либо награждение получить»[162]. Таким образом, горцы смотрели на принятие христианства, как на выгодную в материальном отношении комбинацию.

Другим не менее важным обстоятельством, которому обязано русское миссионерство некоторыми своими успехами среди осетин, ингушей и кабардинских холопов, было стремление последних путем принятия христианства добиться при помощи России освобождения от феодальной зависимости кабардинских князей. По церковному регламенту, как мы уже указывали выше, холопы и вообще зависимые сословия с принятием христианства получали свободу от своих иноверных феодалов[163]. Этим законом, существование которого, несомненно, было известно через миссионеров широким кругам зависимых сословий, пользовались осетины, ингуши и, в особенности, холопы кабардинских феодалов.

Центральная власть, поняв действительные причины успеха миссионерства среди горцев и вынужденную местным феодальным гнетом готовность зависимых сословий перейти в русское подданство, с разочарованием констатировала, что горцы Северного Кавказа «всегенерально словом только держаться здешней стороны, желая одно только получать защищение от притеснения, чинимого им от Большой и Малой Кабарды»[164]. Само собою разумеется, что при таком положении вещей не приходится говорить ни о каком бы то ни было принятии христианской религии среди принявших ее горцев, ни о прочности вынужденного подданства их царской России. «Кресченые только звание то себе имеют,- писал переводчик комиссии Пицхелауров,- а чтоб по истине веры поступали, того совсем не видно, и живут так же, как и до кресчения пребывали»[165]. «Осетинцы,— говорится в рескрипте астраханскому губернатору,- в нашем подданстве больше именем, нежели делом»[166]. Сказанное о северокавказском миссионерстве коренным образом опровергает совершенно ошибочную точку зрения Лаврова, утверждающего, что «принятие христианства стало тогда делом не одних только побуждений воспользоваться, например, денежною

помощью и защитою от врагов, но и делом, уже вышедшим из своего, так сказать, практического начала»[167]. Принятие христианства для горцев никогда не являлось делом, лишенным практического начала. Горцы на принятие крещения смотрели как на источник получения материальных выгод и как на средство освобождения от феодального гнета. Именно этими двумя соображениями руководствовались горские крестьяне, когда шли на крещение.

Таким образом, получение материальных выгод и надежда на освобождение от феодальной зависимости обусловили имевшийся успех русского миссионерства среди горцев Северного Кавказа.

Деятельность членов Северо-Кавказской комиссии не ограничивалась одной лишь миссионерской пропагандой среди горского населения. Она была значительно шире и распространялась на ряд чрезвычайно актуальных для метрополии политических вопросов, удачное разререшение которых обеспечивало русскому царизму колониальное закрепощение горского крестьянства. Достаточно указать хотя бы на роль миссионеров в вопросе колонизации христианизированным горским населением в 1764 г. Моздокского района или в вопросе принятия горцами русского подданства, или, наконец, в деле выявления экономических ресурсов нагорья Северного Кавказа, чтобы составить более или менее ясное представление о разносторонней деятельности духовных лиц. Во всех этих вопросах миссионеры, непосредственно соприкасавшиеся с широкими крестьянскими массами, играли исключительно большую роль. Удовлетворительным завершением колонизации Моздокского края христианизированным горским населением метрополия обязана главным образом усиленной агитации миссионеров среди горского крестьянства. В XVIII в. об осетинских горных и иных естественных богатствах, суливших метрополии громадные экономические выгоды, русскому царизму впервые стало известно только через миссионеров, доставивших Берг-коллегии даже образцы горных пород для анализа. В связи с полученными от миссионеров сведениями об осетинских горных богатствах, Россия не раз потом посылала в Осетию экспедиции для геологических изысканий. Наконец, отправку к русскому двору в 1749 г. осетинскими социальными верхами посольства, с заверением верноподданства осетин, в значительной мере надо отнести за счет энергичной среди осетин агитации миссионеров, которые, согласно данной им центральными властями секретной инструкции, должны были подготовить и отправить в Россию это посольство [168].

Кроме того, северокавказские миссионеры, с санкции центральных русских властей, принимали весьма активное участие в разжигании национальной вражды между горцами. На этой стороне их деятельности мы уже останавливались выше, когда говорили о разжигании национального антагонизма и выступлении ингушей против чеченцев. Скажу еще лишь пару слов об участии миссионеров в северокавказской работорговле, принявшей в XVII-XVIII вв. в среде горцев чрезвычайно широкие размеры. Об этой стороне деятельности миссионеров во всей дореволюционной кавказоведческой литературе нет между прочим никаких сведений. А между тем миссионеры в северокавказской работорговле играли не последнюю роль. Миссионеры как бы являлись посредниками по сбыту пленников между горскими работорговцами. Но главная их роль заключалась в подыскании среди горских феодалов надежных проводников, которые могли бы обеспечить безопасную доставку пленников до места их продажи, главным образом, к портам Черноморского побережья. «Пленников, отсюда отправляющихся,- пишет очевидец,- препровождают миссионеры Осетинской комиссии сим образом: когда те пленники по отъезде отсюда заезжают в подворье, то сии духовные персоны, принимая их к себе, вызывают из осетинских старшин и с ними договариваются, чтоб они тех пленников препроводили чрез свои места до Грузии, и дают им плату за то их пленичьего холста с человека по осми и по девяти, т. е. по шестидесят по четыре и по семидесят по два аршина»[169].

К сожалению, о вознаграждении, какое получали миссионеры за свои услуги, ничего не известно, но надо думать, что за каждого пленника они получали немало денег.

Такова была роль миссионеров в общей системе колониальной политики царизма на Северном Кавказе.

Нам еще остается сказать лишь несколько слов о так называемой Кавказской кордонной, или военной, линии, а в связи с нею - и о роли русского казачества в колониальной политике метрополии на Северном Кавказе. Эти два вопроса связаны друг с другом так тесно, что считаю более правильным говорить о них вместе.

Кавказская военная линия организовалась, как известно, еще в начале XVIII в. Основание Кавказской военной линии во времени совпадает с моментом вовлечения метрополией гребенского казачества в орбиту русской колониальной политики. Надо заметить, что из всех казачеств, известных на Кавказе, самыми ранними русскими переселенцами являются гребенские казаки. Появление их на Северном Кавказе нужно отнести примерно к половине XVI в . В 1530 г. гребенские казаки заняли весьма плодородный треугольник, заключенный между Сунжей и Аргуном [170], и образовали здесь станицы Червленую, Щедринскую, Курдюковскую, Старогладковскую и Новогладковскую. Спустя 30 лет, по неизвестным причинам, гребенские казаки, оставив свою территорию и перейдя на левый берег Сунжи, заняли угол, заключенный между Сунжей и Тереком, и осели на

новой территории также пятью станицами под теми же именами. Московское царство, желая использовать гребенских казаков в своих колониальных целях, следовало, что называется, по пятам казачьей вольницы. Чтобы прибрать к рукам гребенских казаков и превратить их в орудие колониальной политики метрополии, в 1567 г. была заложена в соседстве с гребенцами, на берегу реки Терека, крепость Терки с гарнизоном из служилых людей Московского царства. Гребенские казаки, очевидно, для сохранения своей независимости от Москвы, в свою очередь в 1579 г. у самого впадения южного рукава Терека в Астраханский залив построили просуществовавшую очень недолго казачью крепость, известную под названием Трехстенной.

Вовлечение гребенской вольницы в орбиту колониальной политики метрополии началось давно и было поручено терским воеводам Московского царства, которые в 1631 г. предложили атаманам и гребенским казакам, «чтоб шли на службу государеву, но они отказались за тем, что не получают государева жалованья, которое им обещано ежегодно 30 атаманам и 470 рядовым грамотою государевою 1623 года»[171]. Ответ гребенских казаков был доведен терскими воеводами до сведения московского царя. Терские воеводы необходимость удовлетворения требований гребенского казачества мотивировали тем, что «если казаков по Терку и в Гребнях не будет, то Терскому городу будет большая теснота». Требование гребенских казаков Московским царством было удовлетворено, и с этого времени гребенцы стали получать из Астрахани «государево жалование» хлебом и деньгами. Так Московское царство прибрало к рукам гребенскую казачью вольницу, шедшую потом вместе с другими казачествами в авангарде колониального похода метрополии на Северный Кавказ.

С фактом потери своей независимости гребенские казаки были подчинены терскому воеводству, распоряжавшемуся ими по своему усмотрению, но в строгом соответствии с колониальными интересами метрополии. А ее колониальные интересы требовали создания сильной вооруженной базы по левому берегу реки Терека для наступательных против горцев целей. Поэтому гребенским казакам, уже не раз до этого времени принимавшим участие в экспедициях против горцев, в 1711 г. было предложено переселиться на левый берег реки Терека и расположиться вверх по течению названной реки пятью станицами. Предложение метрополии гребенскими казаками было принято, и в том же 1711 г. они перенесли свои станицы на левый берег Терека и расположили их по течению Терека, на запад от креп. Терки.

Таким образом, станицы гребенских казаков Червленая, Щедринская, Курдюковская, Старогладковская и Новогладковская в 1711 г., переселенные с правого на левый берег Терека, послужили основанием Кавказской военной линии, продолженной потом на запад по течению рек Терека и Кубани, а уже в 1794 г. соединившей Каспийское море с Черным. В промежутке между названными двумя морями располагались, занимая определенные по линии участки, терское, гребенское, волжское, хоперское, кубанское и черноморское казачества, которые разновременно, в продолжение XVIII в., были, как и гребенские казаки, вовлечены метрополией в орбиту колониальной политики русского царизма.

Период времени с момента перевода станиц гребенского казачества на левый берег Терека в 1711 г., до того момента, когда в 1794 г. Кавказская линия была доведена на западе до Черноморского побережья, в истории Кавказской военной линии молено считать первым этапом, характеризующимся продолжением военной линии с востока на запад и размещением на ней станиц перечисленных выше казачеств. Второй этап в истории Кавказской линии, охватывающий время с начала XIX в. и до 1864 г., характеризуется концентрацией казачьих сил на Линии и горизонтальным продвижением их станиц по всей линии от моря до моря на юг, по направлению к Главному Кавказскому хребту. Любопытно между прочим отметить, что система колониального наступления царизма на Северный Кавказ, даже в своих деталях, почти ничем не отличается от системы наступления Москвы на степь в XVI в. Эта система, как и теперь, слагалась и тогда из сторожевой казачьей службы, поселений служилого люда на линии укрепленных фортов с широким использованием течений больших рек[172].

Казакам, продвигавшимся по Кавказской линии на юг, закрепляя своими станицами отнимаемые у горцев земли за царской Россией, метрополией были предоставлены на Линии в собственность громадные земельные участки. Эта экономическая заинтересованность казачества главным образом стимулировала казачье продвижение вперед по территории горцев целыми станицами.

По мере продвижения Кавказской военной линии на юг, горцы ставились в чрезвычайно стесненные в земельном отношении условия. Поэтому каждый шаг продвижения по территории горцев обходился в сотни и тысячи человеческих жизней как для колонизатора, так и для горцев, отстаивавших свое физическое существование. Чем глубже вступала железная пята колонизатора по территории горцев, тем, естественно, ожесточеннее становилась борьба с обеих сторон. Частые военные экспедиции в горские аулы, поджоги целых деревень, уничтожение посевов, угон рабочего скота, уничтожение громадных пространств девственных лесов, мешавших свободному продвижению колонизатора на юг, но в то же время представлявших из себя для горцев надежное убежище, тысячи заложников горцев, погибших, если

не от пуль колонизаторов, то от голода и эпидемических болезней, в застенках тогдашних русских пограничных крепостей-вот, что характерно для второго этапа истории Кавказской военной линии. Кавказская военная линия, представляя собою одно из основных и существенных звеньев системы колониальной политики царизма, в свою очередь, состояла из определенной системы действий, подчиненных единой общей цели, заключавшейся, по откровенному признанию генерала Евдокимова, в том, чтобы «нещадно и безостановочно теснить горцев к морю и в то же время усиленно двигать русское население на места, только что освобождаемые бегущими горцами»[173].

Финалом этой системы было то, что «вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорий в горы, с гор к морскому берегу миллионное население горцев перенесло все ужасы, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу, должно было искать спасения в переселении в Турцию»[174]. Таким образом, Кавказская военная линия в истории колониального похода русского царизма на Северный Кавказ по существу была той мертвой петлей, которая, будучи надета на шею горцев, постепенно стягивалась, пока не удушила их окончательно и не превратила Северо-Кавказский край в колониальный придаток метрополии.

Конечной целью приведенных колониальных мероприятий было, по мнению одного из позднейших наместников Кавказа, «установление органического единения горских народностей с Россией», как будто бы «в этой конечной цели лежал залог спокойного обладания целым Кавказом»[175].

Заканчивая настоящий очерк, посвященный выяснению методов колониальной политики русского царизма на Северном Кавказе, следует отметить, что затронутый вопрос в целях концентрации внимания читателя преимущественно на ранней стадии русской колониальной политики взят нами в рамках лишь XVIII в. Тем не менее привлекаемый материал в достаточной мере вскрывает всю сложность системы русской колониальной политики, отдельные звенья которой составляли:

1) привнесение в горские общества классовой дифференциации, облегчавшей России задачу упрочения своего влияния в крестьянских массах;

2) вовлечение горцев в сферу торгово-капиталистических отношений России;

3) аманатство, обеспечивавшее России вынужденную покорность со стороны горцев;

4) расселение горцев с целью их руссификации на русской территории, в русском окружении;

5) разжигание национального антагонизма среди горских народностей в целях физического и экономического их ослабления;

6) подкупы горских феодалов, узденей и старшин, становившихся вследствие этого сторонниками царской России и активными проводниками среди горцев колониальных мероприятий метрополии;

7) борьба с национальной культурой и противопоставление ей русской культуры;

8) миссионерство, сыгравшее весьма важную роль в общей системе русской колониальной политики в смысле идеологического и политического закрепощения горцев;

9) организация так называемой Кавказской военной линии, основная цель которой заключалась в экономическом и физическом ослаблении горцев.

Совокупность перечисленных колониальных мероприятий составляла внутренний механизм русской колониальной политики, служившей интересам двух господствовавших классов - крупных помещиков и купцов - и ставившей поэтому своей основной задачей изменение общественных форм у горцев и подчинение их социально-экономических отношений феодально-крепостническим отношениям метрополии. Интересы политики военно-феодального империализма требовали уничтожения у горцев пережитков родового строя и насаждения феодально-крепостнических отношений.

Результатом этой политики явилось в XVIII в. создание на Северном Кавказе класса крупных землевладельцев-крепостников, преимущественно из горских социальных верхов, в лице которых крепостническая Россия, на почве единства классовых интересов, создала себе большую опору в деле закрепощения горского трудового крестьянства и превращения, таким образом, Северного Кавказа в колониальный придаток.

Насильственное насаждение царской Россией в горских обществах феодально-крепостнических отношений вызывало в широких массах горского крестьянства сильное антифеодальное вооруженное выступление. Ориентировавшиеся на феодально-крепостническую Россию социальные верхи горцев - князья, уздени и старшины - в крестьянских движениях всегда играли, по отношению к восставшему крестьянству, предательскую роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Доложено на заседании секции истории национальных революционных движений Научно-исследовательского института народов Советского Востока ЦИК СССР 29 марта 1931 года и в Осетинском научно-исследовательском институте 16 июля 1931 года.

[2] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. Издание проф. М. А. Полиевктова. Тифлис, 1926. С. 119.

[3] «Очерки России», издаваемые В. Пассек. СПб., 1838. Кн. 1. С. 156; проф. *М. М. Ковалевский.* Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. 1. С. 28, 29.

[4] Неизданная рукопись акад. Буткова, хранящаяся в рукописном отделении библиотеки Всесоюзной академии наук, № 50. л. 31-34.

[5] Сенатский архив. СПб., 1897. Т. 8. С. 146, 147, 343, 345.

[6] Неизданная рукопись акад. Буткова, хранящаяся в рукописном отделении библиотеки Всесоюзной академии наук, № 50, л. 31, 34. Челобитная кабардинских феодалов Кургока Татарханова и Джанхота Сидакова, поданная Екатерине II 19 августа 1770 г.

[7] Центрархив. Кабардинские дела после 1774 г., связка № 494. Две реляции к Екатерине о возобновлении осетинского подворья; *Там же.* Осетинские дела за 1767-1771гг., № 3. Указ астраханскому губернатору Бекетову от 5 декабря 1767 г. № 859.

[8] *Броневскии С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 165.

[9] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // Из путешествия академика Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам. 1770-1773 гг. Изд. Германа. СПб., 1809. С. 90.

[10] Центрархив. Осетинские дела за 1757-1762 г., дело № 2. Отчет ротмистра Киреева о поездке в Ингушетию; *Там же.* Рапорт кизлярского коменданта Дебонсберха. Колл. ин. дел. от 3 мая; Кабардинские дела 1761г., к. 63, д. №15, л. 41, 42.

[11] *Гюльденштедт.* С. 83.

[12] Там же. С. 77.

[13] *Броневскии С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.; 1823. Т. 2. С. 163-165.

'•' Кабардинские дела. Кол. ин. дел за 1720 г., к. 26, д. 3, л. 1.

[15] *Рахметов.* Образование Российской Империи // Книга для чтения по истории народов СССР. М., 1930. Т. 1. С. 13; *П. Лященко.* Торговля и торговый капитал в Московской Руси // Там же. С. 24, 25.

[ы] *Бентковский.* Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г. // Ставропольские губернские ведомости. 1876 г. № 41.

[17] Кабардинские дела за 1758 г., к. 59, д. 11, л. 320.

[18] Кабардинские дела за 1764 г., к. 65, д. 5, л. 20 об.

[19] Кабардинские дела за 1757 г., к. 57, д. 8, л. 98.

[20] Кабардинские дела за 1758 г., к. 59, д. 11, л 238.

[21] Там же, л. 230, 281 и об., 319 и об.

[22] Сенатский архив. Т. 6. С. 702; Т. 7. С. 189; Т. 8, С. 147, 148.

[23] Центрархив. Кабардинские дела за 1763 г., к. 80, кн. 14; *Соловьев Ф. С.* История России. Кн. 6. Т. 26-29. С. 575.

[2,1] Центрархив. Кабардинские дела за 1763 г., к. 80, кн. 14. Приписка на письме Екатерины II от 30 мая 1769 г.

[25] Центрархив. Осетинские дела за 1762 г., д. 1. Донесение архим. Пахомия Коллегии ин. дел. от 21июля 1762 г., л. 202.

[28] Там же. Осетинские дела за 1774 г. Рапорт астраханского губернатора П. Кречетникова Кол. ин. дел от 2 июля 1774 г.

[27] *Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Т. 2. С. 259.

[28] Курсив мой.- *Г. К.*

[29] Архив Сев. Осетин. Авт. Обл., д. № 123 за 1850 г. Отношение помощника командующего войсками Терской области исправляющему должность начальника Главного штаба Кавказской армии генералу Филипсону 31 октября 1860 г. за № 1436.

-г [30] Неизданная рукопись Буткова, № 50, л. 120, хранящаяся в рукопис-' Шком отделении библиотеки Всесоюзной академии наук.

[31] ПСЗРИ, № 13259. Т. 18. С. 843.

[32] Центрархив. Кабардинские дела за 1763 г, к. 80, кн.14.

[33] Осетинские дела за 1746 г. Справка Коллегии иностранных дел от 1 ноября 1746 г. § 2.

[м] Кабардинские дела за 1719 г., д. 2., л. 39; Там же. 1559-1748. св. 1, к. 1, д. 1, л. 54, 61, 120; То же, 1763 г. к. 80, кн. 14. Доклад Коллегии ин. дел от 15 июля 1771 г.; То же, 1762 г., к. 64, д. № 10, л. 4, 5 об.

[33] Кабардинские дела за 1762 г., к." 64, д. 10, л. 5 об.

[36] Осетинские дела за 1767-1771гг., д. 3. Рапорт кизлярского коменданта Паркера астраханскому губернатору Бекетову от 27 декабря 1771 г.

[37] Кабардинские дела за 1759 г., д. 5.

[38] Кабардинские дела за 1742-1769, кн. 3. Резолюция Екатерины II по докладу Кол. ин. дел.

[39] Там же. Справка от 10 августа 1764 г.

[40] Там же. Показания кабардинского феодала Кайтука Кайсанова от 18 сентября 1764 г.

[41] *Бутков.* Т. 1. С. 316; *Казбек Г. Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 1. С. 10.

[12] *Соловьев С.* История России. Кн.6. Т. 26-29. С. 574.

[13] *Белокуров.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. XIIV; *Карамзин.* История государства Российского. Т. 8. С. 193; примеч. 416.

[44] *Белокуров.* Вып. 1. С. ХПХ.

[45] *Белокуров.* Вып. 1. С. XIVII; *Карамзин.* Т. 7; примеч. 416.

[16] *Белокуров.* Вып. 1. С. 38.

[47] Кабардинские дела за 1559-1748 г., связка 1, кн. 1, д. 1,л. 2 об.

[18] Кабардинские дела за 1732 г., связка 12, к. 31, д. 1, л. 9 об.

[19] Кабардинские дела за 1559-1748 гг., связка 1, к. 1, д. 1, л. 96 и 153 об.

[50] Там же, л. 154 и об. 155.

[61] Кабардинские дела за 1760 г., к. 60, д. 6, л. 2-4, 6-7; Кабардинские дела за 1763 г., к. 65, д. 2, л. 36; Кабардинские дела за 1764-1773 гг., к. 82, к. 16, л. 2-7.

[52] Кабардинские дела за 1559 и 1748 гг., связка №1, кн. 1,д. 1, л. 87 об.

[53] Кабардинские дела за 1757 г., к. 57, д. 8, л. 270 об.

[51] Кабардинские дела за 1745 г., связка 14, к. 38, д. № 5, л. 127 и об.

[53] Кабардинские дела за 1731 г., связка 12, к. 30, д. 2, л. 2, 5, 35, 37 об.; 116 об., 120 об., 124.

[56] Там же, л. 80.

[57] Кабардинские дела за 1753 г., связка 17, к. 51, д. 15, л. 6.

[38] Кабардинские дела за 1725 г., связка 2, к. 28, д. 1, л. 10 и об.

[39] Там же, л. 6 и об.

[60] *Цебу И.* О Кавказской линии. СПб., 1829. С. 161. .!,,

[61] Кабардинские дела за 1764 г., к. 65, д. 5, л. 17 и об. .,i, -i,

[62] Там же, л. 11, 13, 20.

[63] Кабардинские дела за 1764 г., к. 65, д. 5, л. 13 и об.

[84] Осетинские дела за 1757-1762 гг., д. № 2. Рапорт кизлярского коменданта Десбоксберга. Коллегия иностранных дел от 31 мая 1761 г.; Кабардинские дела за 1761 г., к. 63, д. 15, л. 41, 42.

[65] Донесение астраханского губернатора Кречетникова Екатерине II от 24 февраля 1775 г.

[вв] Там же. Кабардинские дела после 1774 г., связка 491.

[67] *Кокиев Георгий.* Несколько замечаний по поводу «Первой печатной осетинской книги» проф. Б. А. Алборова // Известия Сев.- Осет. яй.-учно-исслед. ин-та. Т. 4. С. 157-170. Орджоникидзе, 1932.

[68] Центрархив. Осетинские дела за 1762-1783 гг., д. 2, л. 157.

[89] *Вутков.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Т. 1. С. 269, 441, приложение «Р».

[70] Центрархив. Осетинские дела за 1764 г., XVIII, № 59; *Бутков.* Т. 1. С. 269,441, 517.

[71] ЛЦИА. Дела Синода за 1752 г., № 5 / 147; л. 2.

[72] Там же, л. 29.

[73] Там же, л. 29.

[74] Там же, л. 43 об.

[76] Центрархив. Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2. Указ Кизлярскому коменданту Потапову от 5 ноября 1767 г., за № 805.

[76] Там же. Донесение Коллегии иностранных дел синоду от 16 апреля 1767 г.; *Бутков.* Указ. соч. Т. 1. С. 269.

[77] *Бутков.* Т. 1. С. 269.

[78] История грузинской иерархии и с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов. М., 1826. С. 77; *М. Илуридзе.* Исторический очерк деятельности православного миссионерства на Кавказе // Пастырь. 1889. 1890. № 1. С. 6.

[79] Пастырь 1889. 1890. № 5. С. 5.

[80] Осетинские дела за 1766-1783 гг. № 2. Донесение кизлярского коменданта Потапова, от марта 1767 г.; Осетинские дела за 1774 г., д. № 59. Доклад Кол. ин. дел Екатерине П.

[81] Там же. Осетинские дела за № 2.

[32] Донесение архим. Георгия кизлярскому коменданту Потапову от 30 ноября 1766 г.

[83] Там же.

[84] Кавказ. 1862. № 70. С. 400.

[85] *Бутков.* Указ. соч. Т. 1. С. 452.

[86] Там же. С. 440, приложение «Р».

[87] Осетинские дела за 1766-1783 гг., № 2. Рапорт кизлярского коменданта Потапова в Кол. ин. дел от 4 июля 1768 г., за № 710.

[88] *Бутков.* Указ. соч. Т. 2.

[89] Там же.

[90] Центрархив, Осетинские дела за 1757 г., № 1. Доклад асессора Давида Абазаце от 14 августа 1757 г., к. 57, д. 8, л. 191, 192 об., **193,** 246.

[91] Кабардинские дела за 1757 г., к. 57, д. 8, л. 258 об.

[92] Там же, л. 193.

[93] Осетинские дела за 1760-1765 гг. Донесение архим. Пахомия в Кол. Ин. Дел от 7 октября 1760 г.

[94] Там же.

[95] Кабардинские дела за 1758 г., д. 11, л. 137.

[96] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2. Челобитная Григория к Екатерине II. От июня 1767 г., § 4 и 5.

[97] Кабардинские дела за 1758 г., к. 59, д. 11, л. 214 об., 223 об.

[98] Неизданная рукопись акад. Буткова, хранящаяся в рукописном отделении Всесоюзной академии наук, № 50, л. 120.

[99] Центрархив. Кабардинские дела за 1770 г., к. 66, д. 1. Реляция капитана Гастоти в Кол. ин. дел.

[100] Там же; *Кокиев Г.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. //Ученые записки Института нар. Востока. М., 1930. Т. 11. С. 87.

[101] *Мельгунов.* Поход Петра I в Персию // Русский вестник. М., 1874. Т. 110. Кн. 3, 4. С. 17.

[102] ПСЗРИ № 14607. Т. 20. С. 520.

[103] *Бентковский.* Частные владения и крепостная колонизация на Северном Кавказе // Ставропольские губ. ведомости. 1876. № 41.

[104] ПСЗРИ. № 8563. Т. 11. С. 610.

[106] Там же, № 10051. Т. 13. С. 732.

[106] Там же, № 18611. Т. 25. С. 330.

[107] Там же, № 19169. Т. 25. С. 840; Кабардинские дела за 1761 г., к. 63, д. 15, л. 408.

[108] *Рыбушкин.* Записки об Астрахани. СПб., 1841. С. 67.

[109] Кабардинские дела после 1774 г., к. 88, связка № 494; Срочн. донесение астраханского губернатора Петра Кречетникова к Екатерине II от 24 апреля 1775 г.

[110] *Шидловскии Ю.* Записки о Кизляре // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1843. Т. 4. С. 176.

[111] Там же. С. 177.

[112] ПСЗРИ. № 14607. Т. 20. С. 520.

[113] ЛЦИА. Дела канцелярии генерал-прокурора за 1797 г., № 329 и 330; Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 701, 702.

[114] Кабардинские дела за 1761 г., к. 63, д. 15. л. 272, 273.

[115] Там же, л. 80.

[116] Там же, л. 299, 300.

[117] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2. Рапорт кизлярского коменданта Потапова в Коллегию иностранных дел от 4 августа 1768 г., № 710.

[118] Кабардинские дела за 1761 г., к. 63. д. 15, л. 234, 235, 279; ПСЗРИ. № 12132. Т. 8. Ч. 1. С. 105; *Бутков Т. Г.,* примеч. 1. АКАК. Т. 1. С. 81. Тифлис, 1866; Осетинские дела за 1763 г., д. № 10.

[119] Кабардинские дела за 1761 г., к. 63, д. 15, л. 407, 408.

[1211] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2. Сообщение Коллегии иностранных дел Потемкину от 13 ноября 1780 г.

[121] Там же. Рапорт кизлярского коменданта Потапова от 4 июля 1768 г. за № 710.

[122] П.С.З.Р.И. № 16428. Т. 22. С. 675.

[123] Кабардинские дела за 1761 г., к. 63, д. 15, л. 64.

[124] Из них укажем основные: «Обращение осетин и удов кавказских в веру христианскую», помещенное в «Христианском Чтении», ч. 5, 1822 г.; «История грузинской иерархии, с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов», приписываемая архиепископу Евгению. М., 1826, Полное собрание законов Российской Империи. Т. 19. С. 258, № 13592; Т. 23. С. 423, № 17117; Т. 23. С. 448, № 17144; *Каменский.* Обращение осетин в христианство в XVIII век. Помещено в трудах V Археологического съезда в Тифлисе, 1881г. Тифлис, 1887; *Илуридзе.* Исторический очерк деятельности православного миссионерства на Кавказе, напечатанный в ясурнале «Пастырь», издававшемся в Кутаиси за 80-е и 90-е годы; А. *Гатуев.* Христиане в Осетии; *Беляев.* Русские миссии на окраинах. СПб., 1900. Из общих работ, частично затрагивающих Сев. Кавказ, миссионерство, можно назвать: *Лавров.* Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883.Вып. 3.; *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. В 3 т. Изд. Акад. наук. СПб., 1869; Акты Кавказ, археологической комиссии, 12 томов и другие работы компилятивного характера, ничего нового не дающие.

[126] Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1932. Т. 4. С. 160, примеч. 4.

[126] Центрархив. Портфель Герарда Фридриха Миллера, № 184, 2, 17.

[127] Рукопись, хранящаяся в рукописном отделении библиотеки Украинской академии наук им. Шевченко, № 599, л. 414, 485; ЛЦИА, д. 6 Синода за 1751 г., № 265/149, л. 211.

[128] Центрархив. Осетинские дела за 1766-1783 гг., № 2. Указ кизлярского коменданта Потапова от 17 января 1768 г., № 148.

[129] ЛЦИА. Дела Синода 1751 г., № 265-179, л. 81.

[130] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2. Донесение атамана Терского линейного войска Павла Татаринцева от 14 июля 1767г.

[131] ЛЦИА. Дела Синода 1752 г., № 79/152, л. 4, об.

[132] Там же. Дела синода за 1751 г., № 265/179. л. 45, сравн. «Сенатский архив». СПб., 1893. Т. 6. С. 701.

[533] Сенатский архив, т. 6. С. 240.

[134] ЛЦИА. Дела Синода 1751г., № 265/179, л. 46.

[136] Там же, л. 49.

[136] Центрархив. Осетинские дела за 1766-1783 гг., № 2, л. 140.

[137] Там же, л.164.

[138] *Бутков.* О браках русских князей с грузинками и ясынями//Северный архив. СПб., 1825. Ч. 13. С. 329.

139 ру копись академика Буткова, хранящаяся в рукописном отделении Академии наук, № 7, л. 340.

[140] Осетинские дела за 1767-1777 гг., № 3, донесение Вонявина от 13 сентября 1768 г.

[141] ЛЦИА. Дела Синода 1751г., № 265/179, л. 79 об., 102, 117.

[142] Там же. № 5/147, л. 1. об.

[143] Центрархив. Осетинские дела за 1766-1783 гг., № 2.

[144] ЛЦИА. Дела Синода 1751г., № 5/147, л. 28.

[145] Центрархив. Осетинские дела за 1766-1783 гг., № 2. Указ Синода от 6 марта 1778 г.

[146] Иван Болгарский между прочим составил исключительно интересную и обстоятельную докладную записку о нравах и обычаях осетин XVIII в. Записка Болгарского, не известная в научной литературе, датирована 18 июля 1780 г. В основу записки легли личные наблюдения автора и официальные донесения священников с мест. Записка содержит в себе много весьма ценных историко-этнографических сведений (описание свадебного и похоронных обрядов, о религиозных верованиях осетин и т. д.). Подлинник документа хранится в Древнехранилище Центрархива РСФСР в Москве, при Осетинском деле за 1766г., д. № 2.

[147] Центрархив. Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2. Сообщение Кол. ин. дел Потемкину от 13 декабря 1780 г.

[148] ПСЗРИ. № 17958. Т. 24. С. 606.

[149] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2.

[!6о] Там же, л. 420.

[101] Сведения взяты из рапорта начальника Северо-Кавказской комиссии И. Болгарского на имя Астраханского и Ставропольского епископа от 18 июля 1780 г. (Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2.); данные о количестве аовокрещенных 1782 по 1791 гг. нами взяты из Кабардинских дел за 1763-1792 г., к. 81, кн. 15.

[132] *Каменский.* Обращение осетин в христианство в XVIII в. // Труды Археологического съезда в Тифлисе в 1881г. Тифлис, 1887. С. 142.

[163] Рукопись № 599, л. 119, хранящаяся а рукописном отделе Библ. им. Шевченко Всеукр. академии наук; № 17117. Т. 23. С. 423; *Там же,* № 17144. С. 448.

[164] *Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Т. 1. С. 439, приложение «Р»; журнал «Христианскоечтение». СПб., 1822. Ч. 5. С. 216.

[155] Осетинские дела за 1766-1783 гг., № 2. Рапорт кизлярского коменданта Паркера астраханскому губернатору Бекетову от 26 мая 1772 г., № 1136.

[156] Там же.

[157] ЛЦИА. Дела Синода за 1751 г., № 265/179, л. 55, об.; *Там же.* Дела Синода 1752 г., № 5/147, л. 30; Центрархив, Осетинские дела за 1746 г. Справка Синода от 1 ноября 1746 г.

[158] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2.

[1м] Из служебных воспоминаний .В. С. Толстого: Поездка в Осетию 1847 г. // Русский архив. М., 1875. Т. 2. С. 266.

[160] *Цагарели А. А.* Сношение России с Кавказом. СПб., 1891. С. 35.

[161] Центрархив. Осетинские дела за 1765 г., д. № 1; ср.: *Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Т.1. С. 268, 269.

[162] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2.

[163] Кабардинские дела за 1761г., к. 63, д. 15, л. 60 об, 61, 64.

[,м] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. № 2. Рапорт Пицхелаурова на имя кизлярского коменданта Потапова от 13 мая 1768 г., ср.: Осетинские дела за 1767-1771 гг., д. № 3. Донесение астраханского губернатора Кречетникова Екатерине II от 2 декабря 1774 г.; *Там же.* Донесение Степана Вонявина от 13 сентября 1768 г.

[165] Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. №2. Рапорт Пицхелаурова кизлярскому коменданту Потапову от 13 мая 1768 г.

[1efi] Осетинские дела за 1767-1771гг., д. № 3. Рескрипт астраханскому губернатору Бекетову от 5 декабря 1767г., за № 859.

[167] *Лавров Д.* Записки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883. Вып. 3. С. 227.

[1ea] Более подробные сведения об Осетинском посольстве 1749 г. и о роли в нем северокавказских миссионеров желающий может найти в моем очерке «Из истории русско-осетинских отношений XVIII века», помещенном в Известиях Северо-Осетин. научно-исследоват. ин-та. Т. 4. С. 130-157. Орджоникидзе, 1932; *То же* на украинском языке в ж. «Червовний Схид». Харьков, 1930. Т. 6. С. 195; *То же* на осетинском языке «Fidiuaeq» № 10, 11. С. 42-53, № 12. 35-45. Сталинир. Юго-Осетин. Авт. обл., 1931.

[169] Центрархив. Осетинские цела за 1766-1783 гг., д. № 2. Рапорт коллежского переводчика Ивана Пицхелаурова кизлярскому коменданту Потапову от 13 мая 1768 г., § 6.

[170] *Попко И.* Терские казаки с стародавних времен: Гребенское войско. СПб., 1880. С. 16.

[171] *Попко И.* Терские казаки с стародавних времен: Гребенское войско. Т. 1.С. 321, прим. 45; Сборник историч. материаов П. Буткова. С. 595; Ногайские дела. Столбцы Московского архива Коллегии иностранных дел, 1631, д. 1.

[172] *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства. М., 1916. С. 5.

[173] *Зиссерман.* Фельдмаршал Барятинский. М., 1890. Т. 11. С. 372.

[174] Там же. С. 396.

[175] Архив Сев-Осетин. Авт. обл. Отчет вел. кн. Михаила Николаевича по военно-народному управлению за 1863-1869 гг.

Известия Юго-Осетинского НИИ Краеведения. Сталинир, 1933. Вып. 1. С. 179-225

КАБАРДИНО-ОСЕТИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII в.

I

Дореволюционные осетинские «историки» из буржуазно-националистического лагеря упорно извращали осетинскую историческую действительность, чтобы отвести осетинам державное место среди окружающих их горских народов.

Неуклонно идя по линии извращения и фальсификации осетинской истории, осетинские «историки» из буржуазно-националистического лагеря для «сильного» и «могущественного» осетинского народа выдумали осетинское «царство» во главе, как говорит Кодзаев, с единодержавным царем Алгузом, который, по словам Вано, покорил всех горцев Северного Кавказа: кабардинцев, чеченцев, кумыков и других и который будто бы в X в. являлся сюзереном всех народов Закавказья [1].

Главной и основной причиной крушения политического могущества осетин эти «историки» считали засилье, которому будто бы подвергались осетины со стороны степных соседей и в первую очередь со стороны кабардинцев, по отношению к которым осетинские национал-шовинисты питают исключительную ненависть.

О роли кабардинцев в исторических судьбах осетинского народа осетинские «историки» из национал-шовинистского лагеря писали: «Варварский народ не пощадил религии покоренного народа и безжалостно уничтожил его святыни. С мирных жилищ его тысячелетней просторной родины загнали его в непроходимые трущобы гор, где он численно и умственно дошел до ничтожества и жалости. Во внутренней жизни народа насадил порядки, доселе задерживающие мирное течение народного развития под властью православного русского царя, давшего свободу многострадальному народу от последнего страшного исторического зверя - кабардинцев»[2].

А. Кодзаев, которого мы только что цитировали и который, как мы видим, питает особые симпатии к русскому царизму, выставляя его в роли «избавителя» осетинского народа от «зверей» - кабардинцев, среди дореволюционных историков-национал-шовинистов не составляет исключения. «Русский царизм,- перекликается с Кодзаевым и Вано,- наградил осетин землей на плоскости, и в благодарность за это осетины приняли подданство царской России, которая всегда и во всем энергично поддерживала осетин, не испытавших под владычеством русского царя никогда и ни в чем никакой нужды»[3].

Такую точку зрения Вано - «избавительную» роль русского самодержавия для осетинского народа - разделяет и белоэмигрант и монархист Гаппо Баев.

Действительно, «всякий территориальный грабеж, всякое насилие, всякое угнетение царизм производил не иначе, как под предлогом «просвещения», «либерализма», «освобождения народов»[4]. А между тем общеизвестна «аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма вкупе с русской буржуазией и помещиками»[5].

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет, для того чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами, для того чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения, для того чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин. Всем этим царизм породил среди туземцев глубочайшее недоверие, переходящее иногда во враждебные отношения ко всему русскому»[6].

Великодержавная русская историография, выдвинувшая поддержанную осетинскими буржуазными националистами «теорию» о кабардинском «засилье» в Осетии, намеренно обобщала вопрос. Вместо того чтобы говорить, как это было в действительности, о притеснении и эксплуатации осетинского трудового крестьянства осетинскими и кабардинскими феодалами вообще, она говорила и писала о «притеснении» осетин кабардинцами вообще, подменяя таким образом классовый гнет национальным. Официальные и полуофициальные историки царской России, ставившие своей основной задачей, в интересах колониальной политики метрополии, натравливание горских народностей друг на друга (по откровенному признанию директивного документа — «не только несогласия между ними делать, но и приумножать», с тем чтобы «через то они сами себе были помехою в их предприятиях»)[7], конечно, могли говорить только о национальном, а не о классовом гнете.

Великодержавные официальные историки царской России призваны были теоретически обосновывать колониальный поход царизма. Последний, в целях скорейшего завоевания горских народов, наказывал своей администрации на Кавказе «остерегаться больше всего объединения горцев и возжигать между ними огонь внутреннего несогласия»[8]. Отсюда ясно, что великодержавные историки, с целью восстановления одного народа против другого, должны были создавать и культивировать «теории», разумеется, не о гнете и эксплуатации трудящихся

крестьянских масс классом «своих» и чужих феодалов, а именно о «засилье» одного народа над другим.

Чтоб доказать «избавительную» роль царизма и его грабительской колониальной политики, официальные историки царской России в своих теоретических построениях вовсе снимали вопрос о внутреннем историческом развитии и о наличии классовой дифференциации у горских народов Северного Кавказа. По данному вопросу между великодержавными историками царской России и местными националистическими авторами, писавшими об истории осетин, не было разногласий. Поскольку «существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации»[9], поскольку, разумеется, осетинские националисты должны были отрицать наличие классовой дифференциации в осетинском обществе. Вот почему дореволюционные осетинские «историки»-националисты утверждали, будто «осетины переживают в настоящее время родовую фазу общежития»[10], разумея при этом под «настоящим временем» канун первой русской революции 1905 г.

В вопросе о кабардино-осетинских отношениях XVIII в. существовала и другая, совершенно несостоятельная точка зрения, которая вовсе снимала вопрос о феодально-вассальной зависимости осетин от кабардинских феодалов. Эта абсолютно неверная точка зрения, возникшая во второй половине XVIII в., в не совсем благоприятной для России международной политической обстановке была выдвинута дипломатами Екатерины П.

«Теория» о независимости осетин от кабардинских феодалов была вызвана к жизни внешними неблагоприятными для колонизаторской политики царизма условиями и внутренними экономическими интересами метрополии на Северном Кавказе.

К внешним политическим условиям, вызвавшим к жизни точку зрения о «независимости» осетин от кабардинских феодалов, следует отнести обязательства царской России, вытекавшие из условий Белградского мирного трактата, заключенного между Россией и Оттоманской Портой в 1739 г.; к внутренним причинам нужно отнести экономическую и стратегическую заинтересованность царизма в колониальном захвате Осетии.

Настоящий очерк посвящен, во-первых, характеристике социальной структуры осетинского и кабардинского обществ, во-вторых, доказательству феодально-вассальной зависимости осетин от кабардинских феодалов и, наконец, в-третьих, выяснению причин, вызвавших к жизни несоответствующую исторической действительности точку зрения дипломатов Екатерининской эпохи о «вольности» осетин и «независимости» их от кабардинских феодалов.

II

В историческом прошлом, когда осетины жили по преимуществу в нагорной полосе Центрального Кавказа, территория осетин слагалась из следующих пяти районов: Дигорского, в состав которого входили Тапандигорское, Уаллагкомское, Стурдигорское, Донифарсское и Лезгорское общества; Алагирского с Заромагским обществом; Нарского с Заругским и Мамисонским обществами; Куртатинского и Тагаурского.

Во. всех перечисленных районах Осетии еще задолго до завоевания Осетии царской Россией сложились классовые отношения. В осетинском обществе той эпохи совершенно четко различаются два класса с резко выраженными противоположными классовыми интересами: класс феодалов-эксплуататоров и класс трудового крестьянства, эксплуатируемого феодалами.

Осетинские феодалы в разных районах были известны под разными названиями. В Тапандигорском и Уаллагкомском районах осетинские феодалы были известны под именем баделят; в Стурдигорском районе - под именем царгасат; в Донифарсском и Лезгорском районах - под названием гагуат, и, наконец, в Куртатинском ущелье и в Тагаурском районе - под именем тагиат, или алдаров[11]. О фамилиях феодалов восточных и осетинских районов, а именно Алагирского, Куртатинского и Тагаурского для ранней эпохи осетинской истории нет определенных сведений. Объясняется это отчасти, быть может, тем, что в восточных районах Осетии феодализм не достиг той зрелости, какой он в ту эпоху уже достиг в Западной Осетии.

Процесс классового расслоения в осетинском обществе проходил неравномерно. В Западной Осетии, в силу внутренних и внешних причин, этот процесс проходил более интенсивно, чем в восточных районах Осетии. К внутренним причинам, способствовавшим классовой дифференциации, следует отнести более интенсивное развитие производительных сил и концентрацию их в руках количественно небольшой, по сравнению со всей крестьянской массой, группы. К внешним причинам надо отнести установившиеся также довольно рано вассальные отношения между дигорскими феодалами и кабардинскими князьями, которые, несомненно, оказывали дигорским феодалам всяческую, в том числе и вооруженную, помощь в деле подчинения дигорского трудового крестьянства местным баделятам.

Класс дигорских баделят, царгасат и гагуат составляли феодальные фамилии: Кубатиевы, Тугановы, Абисаловы, Караджаевы, Кабановы, Зутуевы, Чегемовы и Карабугаевы.

По статистическим данным XIX в., баделят было всего 29 дворов, или 109 душ мужского пола, царгасат - 26 дворов, или 110 душ мужского пола, и гагуат - 9 дворов, или 42 души мужского пола. Таким образом, дигорских феодалов было всего 59 дворов, или 261 человек, — количество, как мы видим, по сравне-

нию с дигорской крестьянской массой, небольшое. И тем не менее этой небольшой кучке дигорских феодалов удалось еще в исторические времена, и во всяком случае не позднее середины XVII в., при активной помощи кабардинских феодалов подчинить себе дигорскую крестьянскую массу, которую она эксплуатировала на протяжении столетий, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Эксплуатируемая осетинскими феодалами крестьянская масса по степени экономической и личной зависимости от феодалов делилась на четыре основные категории: хехесов, адамихатов, или уездонов, кумайягов, или кавдасардов, и косагов, или рабов.

Хехесы - это осетины, переселившиеся из Алагирского ущелья, Донифарса, Лезгора и других мест. Переселение хехесов в Дигорию произошло, по преданиям осетин, в глубокой древности. Хехесы жили совместно с коренным дигорским населением в одних и тех же аулах и окончательно ассимилировались с дигорской крестьянской массой. Хехесы пользовались личной независимостью, но поскольку они жили на баделятских землях, они обязаны были баделятам поземельной повинностью. Хехесы имели право свободного перехода от одного феодала к другому, но при переходе хехес обязан был отказаться от своего недвижимого имущества в пользу оставляемого феодала. Хехес имел право покупать себе рабов и продавать их по своему личному усмотрению.

Адамихаты, или уездоны, были немногочисленны и находились в зависимости от осетинских феодалов. При разделе имущества между феодалами адамихаты наравне с движимым и недвижимым имуществом подлежали дележу. Дигорские феодалы взимали с адамихатов главным образом натуральные повинности, которые в основном заключались в следующем: при выдаче замуж дочери феодала адамихат обязан был дать отцу или брату невесты одного быка; при выдаче замуж своей дочери адамихат обязан был дать феодалу из полученного за дочь калыма одного быка; если адамихат резал для себя крупную скотину, он отдавал феодалу часть ее; на Рождество, Новый год, праздник св. Георгия и Курбан-Байрам адамихат давал феодалу определенное местным обычным правом количество араки и пива; часть убитого адамихатом на охоте зверя принадлежала феодалу; шкурка убитого адамихатом пушного зверя отдавалась феодалу.

Адамихаты несли личную службу у феодалов. Они обязаны были сопровождать своих феодалов во время поездок, причем должны были ехать непременно с левой стороны своего господина. В присутствии феодала адамихат, независимо от возраста, даже в гостях не имел права сесть. За столом первая чарка подавалась адамихату, который преподносил ее феодалу. Адамихат принимал и убирал лошадь феодала, а также держал стре-

мя, когда тот садился на коня. Прием и уход за конями гостей феодала лежали также на обязанности адамихата. Если феодал посылал свое ружье или какую-нибудь из лично ему принадлежащих вещей адамихату в знак того, что остановится у него, адамихат обязан был принять его с должными почестями; в противном случае он платил штраф, размер которого устанавливался феодалом. Баделят имел право требовать от адамихата, равно как и от других зависимых категорий, срочного и внеочередного разрешения своего дела, независимо от времени и обстоятельств. За несвоевременное исполнение требования феодала зависимые категории платили штраф в размере стоимости быка.

За воровство из стада адамихата, в котором находился козел феодала, виновный в краже сверх уплаты за воровство обязан был дать феодалу одного быка. Адамихат, укравший что-нибудь из дома, в котором находился в аталыках баделятский сын, сверх штрафа за воровство обязан был дать феодалу трех быков или одну верховую лошадь. Адамихат, уличенный а краже у баделята, уплачивал баделяту стоимость украденного в девятикратном размере. Адамихат, уличенный в краже из жилого дома баделята, должен был отдать последнему одного ребенка ростом 1 1/2 аР 1 пина или 30 волов. Если кража произведена из конюшни баделята, адамихат отдавал ему одного ребенка ростом 1 1/ аршина или 25 быков. Адамихат, уличенный в краже со двора баделята, отдавал ребенка или 12 быков. Наконец, за кражу из коша или с мельницы виновный адамихат уплачивал баделяту одного быка. За оседлание баделятского коня, пасшегося в поле, виновный адамихат уплачивал баделяту двух быков, а за оседлание коня баделятского гостя - одного быка. Во время поездки баделят имел право из принадлежащего адамихату стада баранов взять себе на дорогу одного ягненка или барана.

За словесное оскорбление баделята адамихат уплачивал быка. За оскорбление действием адамихат платил потерпевшему баделяту ребенка ростом в 1 аршин или 12 быков, а также устраивал за свой счет угощение, для чего обязан был зарезать быка, барана и заготовить в нужном количестве араки и горского пива. Адамихат, ударивший баделята плетью, должен был дать годовалого мальчика, верховую лошадь, исправное оружие, шашку и устроить угощение, для чего обязан был зарезать быка, барана и заготовить в нужном количестве араки и пива.

За убийство баделята адамихат уплачивал наследникам убитого 15 мальчиков, одну верховую лошадь или трех быков, примирительный серебряный кубок стоимостью 80 руб. серебром, кусок материи в 15 руб. серебром и, наконец, обязан был устроить примирительный стол на 100 человек. Нож, которым закалывался для кровного стола вол, кожа зарезанного вола, топор, которым разрубали тушу вола, наконец, веревка, которой

связывали ноги вола перед закалыванием,- все это отдавалось холопу убитого баделята. Холопу, варившему пиво для кровного стола, убийца уплачивал одного вола; холопке, которая пекла хлеб для кровного угощения,- одну корову.

Адамихат имел право свободного перехода от одного феодала к другому, причем хотя и отбывал феодальные повинности новому владельцу, все же продолжал именоваться адамихатом прежнего. По прекращении рода адамихата по мужской линии все оставшееся движимое и недвижимое имущество адамихата поступало в собственность баделята, а женщины становились кумаячками баделята, т. е. переходили в более низкую категорию, выполняющую функции домашней прислуги.

Адамихаты имели право покупать себе рабов и продавать их по своему усмотрению.

Кумайяги, или кавдасарды, по социальной лестнице осетин следуют за адамихатами, или уездонами. Происхождение их не совсем ясно. По свидетельским показаниям осетинских баделят, кумайяги, или кавдасарды,- дети купленных баделятом женщин, родившиеся в результате случайной связи последних с холопами своих или чужих феодалов [12]. По свидетельству же самих кавдасардов, или кумайягов, они - дети купленных феодалом женщин, родившиеся от связи последних с самими баделятами [13]. Свидетельство кавдасардов по вопросу об их происхождении, по-видимому, заслуживает большего доверия. Общеизвестно, что среди осетинских баделят институт побочных жен, известных у осетин под именем номыл-ус, был обычным и довольно распространенным явлением. Баделята имели всегда по несколько жен, из которых одна, равная по своему происхождению баделяту, считалась «законной» его женой, а все остальные, происходившие обычно из низших зависимых сословий, считались «незаконными», побочными женами феодала. Такие браки между баделятами и девушками из зависимых сословий заключались вследствие «дороговизны и редкости рабов в Осетии, почему знатные и богатые люди подобного рода браками приобретали себе рабочие руки для таких работ, кои казались и несвойственными женщинам. высшего происхождения» [14].

Дети баделят от побочной жены воспитывались и оставались при доме баделята в качестве работников, а дочерей баделят выдавал замуж, получая за них калым. По смерти баделята побочная жена наделялась движимым имуществом и оставалась со своими детьми в том же сословии. Впоследствии побочные жены баделят были лишены этого права, и по смерти баделят они до самой смерти оставались в доме господина в качестве домашней прислуги, переходя по наследству от брата к брату, от отца к сыну.

Кумайяги, или кавдасарды, могли жениться только с разрешения баделята. По своему положению они отличались от холопа только тем, что баделят не имел права продавать и дарить

их, как холопов, или косагов. Кумайяги имели право покупать себе холопов и продавать их на сторону, если на них не претендовал баделят.

Кумайягами, или кавдасардами, имели право владеть только баделята. Крестьяне этой категории обязаны были беспрекословно повиноваться своему баделяту, а в нужный момент и защищать его с оружием в руках.

В Дигории, Куртатии, Наре, Мамисоне и Алагире существовал обычай, согласно которому кумайяги досле смерти баделята должны были получать свободу. В Тагаурии же существовал обычай давать кумайягу личную свободу лишь в третьем поколении. Однако эти обычаи никакого практического значения для кумайягов не имели. На практике, как уже было отмечено, кумайяги, или кавдасарды, приравнивались к рабам, или косагам, и переходили по наследству от баделята к баделяту.

Косаги, или рабы, находились на самой низкой ступени социальной лестницы Осетии. Это были преимущественно крестьяне, приобретенные осетинскими феодалами путем покупки на территории Осетии или за ее пределами у соседних племен. Косагами, или рабами, становились также пленные, захваченные во время войны; они или эксплуатировались в хозяйстве феодала, или продавались им в другие страны. Люди этой категории со всем своим потомством находились в полной зависимости от баделята, имевшего над ними неограниченную власть. Баделят имел право продать своего косага: в другую страну или просто подарить его кому-либо.

Косагами, или рабами, имел право владеть и всякий крестьянин из зависимых категорий, конечно, за исключением косагов. Крестьяне имели право купить себе косага, а также во всякое время продать его по своему личному усмотрению. Однако за баделятом сохранилось преимущественное право покупки косага, или раба, у зависимой категории. За право владения косагами зависимые категории никакой особой повинности перед феодалом не несли. Косаги находились в личной зависимости от баделята и никаких прав на землю не имели. У осетин не было обычая освобождать холопов. Правда, перед смертью баделят мог завещать для «спасения души» освобождать кого-нибудь из своих холопов, но на практике подобного случая осетинская история не знает.

Социальный строй осетин схематически может представлен в следующем виде:

Баделяты, царгасаты
гагуаты, алдары

Хехесы, или фарсаглаги | Адамихаты, или уездонлаги | Кумайяги, или кавдасарды

Косаги, или рабы

9 Заказ № 10в

Такова была классовая структура осетинского феодального общества, имеющего много общего с более развитым феодальным строем Кабарды.

Все перечисленные категории крестьян, находившиеся в феодальной зависимости от осетинских баделят, обязаны были нести определенные повинности, размер которых в нагорной полосе и на плоскости был различен. Осетинские зависимые категории в нагорной полосе платили баделятам Караджаевым следующие повинности: при выдаче замуж сестры или дочери зависимый крестьянин обязан был уплачивать феодалу одного быка; при разделе имущества между членами зависимой семьи делившиеся обязаны были давать феодалу одного быка; при поминании умерших из фамилии баделята зависимые крестьяне обязаны были давать феодалу на поминки по одному барану со двора; по прекращении зависимой фамилии по мужской линии все женщины этой фамилии переходили в распоряжение баделята, который женщин эксплуатировал как домашнюю прислугу, а девушек выдавал замуж, получая за них калым.

Крестьяне, находившиеся в зависимости от других осетинских феодалов - Тугановых и Кубатиевых,- несли те же повинности, что крестьяне Караджаевых. Несколько больше платили крестьяне феодалов Абисаловых: с них, сверх перечисленных повинностей, взимали при женитьбе кого-нибудь из фамилии Абисаловых по одному барану со двора, а при дележе имущества между членами зависимой семьи - одного косага, или раба; за неимением раба стоимость его - 300 руб. серебром - взималась землей или деньгами.

После переселения осетинского крестьянства на предгорную равнину баделята сильно увеличили феодальные повинности, которые слагались из натуральных и барщины.

По статистическим данным, относящимся к середине XIX в., натуральные повинности, которыми облагалось каждое крестьянское хозяйство, состояли из:

1. Одного быка стоимостью 15 руб. серебром
2. Одной коровы стоимостью 8 руб. 50 коп. серебром
3. Одного барана стоимостью 2 руб. серебром
4. Одного барашка стоимостью 1 руб. 50 коп. серебром
5. Одной сапетки меда в 30 фунтов, стоимостью 3 руб. 50 коп.
6. Одной бараньей туши ~ 1руб.
7. Одного бараньего бока - 50 коп.
8. Одного штофа араки - 30 коп.
9. Одного кувшина пива (18 бут.) - 1 руб. 50 коп.
10. Хлеба печеного - от 3 до 10 штук
11. Одной меры пшеницы — 80 коп.
12. Одной меры проса - 30 коп.
13. Одной корзины кукурузы - 15 коп.
14. Одной тарелки фасоли — 3 коп.
15. Одного фунта дичи - 10 коп.

16. Одной лисьей шкуры - 1 руб. 50 коп.
17. Одной куньей шкурки - 1 руб. 50коп.
18. Одной рысьей шкурки - 2 руб.
19. Одного кружка азиатского сыру - 20 коп.

Сверх перечисленных натуральных повинностей осетинские крестьяне отбывали местным феодалам и барщинные повинности. В порядке отбывания барщинных повинностей каждый крестьянский двор обязан был:

20. Пахать один день на своей лошади или быках
21. Косить сено один день
22. Жать один день
23. Привезти один воз дров на своей лошади
24. Привезти один воз сжатого хлеба на своей лошади
25. Привезти один воз сена
26. Предоставить феодалу верховую лошадь на 12 часов.

Из всего сказанного о социальном строе осетин достаточно ясно, что в осетинском обществе классовая дифференциация произошла довольно рано, и что феодальные отношения среди осетин сложились еще задолго до завоевания их русским самодержавием. В осетинском обществе в описываемую эпоху, при наличии паразитического класса феодалов и эксплуатируемого этим классом зависимого трудового крестьянства, господствовал феодальный способ производства со всеми типичными чертами, свойственными данной хозяйственной системе, начиная от натурального хозяйства и кончая личной зависимостью крестьянина от феодала, имеющего, как мы видели, над личностью крестьянина неограниченную власть, обеспечивавшую возможность максимальной эксплуатации зависимого крестьянина. Говоря словами Ф. Энгельса, «в лице одного помещика сосредоточена была законодательная, судебная и исполнительная власть, и в своем поместье он был совершенно неограниченным властелином»[15].

Утверждение осетинских дореволюционных историков из я бурл<уазно-националистического лагеря, будто осетины накануне Первой русской революции 1905 г. находились еще на стадии родового строя, надо рассматривать как извращение внутреннего исторического процесса осетинского общества.

В заключение отметим, что анализ существовавших у осетин феодальных повинностей с достаточной четкостью показывает, что в феодальной Осетии почти до середины XIX в. существовали продуктовая и отработочная повинности и отсутствовала рента; она имела сугубо потребительский характер, поскольку «феодальный способ производства главным образом покоился на потреблении продуктов, произведенных в пределах узкого круга частью самими производителями, частью

феодалами, взимавшими оброк»[16]. Классическая характеристика Ф. Энгельса, данная им типичному феодальному хозяйству раннего средневековья, полностью применена к осетиинской феодальной действительности конца XVIII и начала XIX в., где «феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда, или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили платья; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и ягоды и птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того своя семья должна была доставлять еще зерно, овощи, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое другое. Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком»[17].

В осетинском феодальном обществе торговля и обмен пока были слабо развиты, и для денег не было еще места. Осетинский феодализм накануне завоевания Осетии царизмом не являлся окончательно сложившимся, а находился на ранней стадии своего развития. Отсюда наличие крестьян, закрепощение которых еще не завершилось, так называемых хехесов. Отсюда и пережитки домашнего рабства в лице упоминавшихся косагов и кумайягов.

Домашнее рабство, имевшее место у многих народов Северного Кавказа, является специфической особенностью восточного феодализма вообще. «Иное дело домашнее рабство на Востоке,- писал Ф. Энгельс,- здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»[18]. Фактическое положение, занимаемое осетинскими кумайягами в доме феодала, является лишним доказательством бесспорности точки зрения Ф. Энгельса по вопросу о домашнем рабстве на Востоке.

III

Переходя к выяснению социального строя Кабарды, отметим, что классовая структура кабардинского феодального общества характеризуется более сложной, по сравнению с феодальным строем Осетии, системой господства высших социальных слоев над всей подвластной им крестьянской массой Кабарды.

Высшее феодальное сословие в Кабарде известно под общим названием ворк, или уорк, что значит «благородный». К сословию ворков в кабардинском феодальном обществе относились следующие семь высших социальных категорий: пше, тума, тлакотлеш, кодз, деженуго, беяслан-ворк и ворк-шаутлухус.

Пше (правильно пши - *Г. М.)* в феодальной Кабарде являлись самой высокой и немногочисленной категорией. По кабардинским преданиям, пше ведут свое происхождение от Шамбока, бывшего якобы выходцем из Крыма.

Каждый из пше владел своим собственным уделом, в котором вся полнота власти принадлежала ему. На народных собраниях пше занимал наиболее почетное место. Исключительное право объявления войны и заключения мира, равно как суд и расправа над зависимыми крестьянскими категориями, находились в руках пше, который во время войны командовал всеми вооруженными силами своего удела. Личность пше была неприкосновенна даже на войне. «При сражениях,- говорится в одном интересном документе,- владелец узденей и подданных бьет и рубит, а уздени и на противного им владельца, по древним их обычаям, и рук своих поднять не могут, и только что сами от них ретируются и спасают живот свой; и тако, на которой стороне владельцев больше, та сторона и сильнее бывает»[19].

Зависимые от пше категории обязаны были жертвовать ради пше не только своим имуществом, но даже своей собственной жизнью. Размер платы за кровь убитого пше не мог быть исчислен. «Кровь убитого пше,- говорили в старину,- наполняет собою всю глубину ущелья, в мрачную бездну которой со страхом падает взор могильного ворона»[20]. Достаточно сказать, что за кровь пше, убитого беяслан-ворком или ворком-шаутлухус, убийца и все его взрослые родственники мужского пола поголовно предавались смерти, а женщины и дети поступали к наследнику убитого пше в пожизненное рабство. Все движимое и недвижимое имущество убийцы и его родственников — убитых и отданных в рабство к наследникам убитого - подвергалось полному расхищению.

Пше, находясь вне дома, постоянно был окружен вниманием и заботой своих ворков, составляющих его почетную свиту. Ворки, окружавшие пше, обязаны были присматривать за лошадьми, седлать, подводить и принимать их, подавать оружие, везти бурку и прочий принадлежащий ему багаж, а также приготовить ему закуску в пути. Всякий, происходивший из низших сословий, при встрече с пше обязан был вернуться назад даже с нагруженной арбой и сопровождать его до тех пор, пока не получит разрешения пше вернуться обратно. Если пше шел пешком, повстречавшиеся ему люди низших сословий обязаны были спешиться.

Когда пше по той или иной причине лишался своих холопов и впадал в бедность, ворки оказывали ему и его семейству материальную помощь, распределяя между собою все расходы, связанные с обеспечением пше и его семьи.

Пше имел право давать своим холопам или беяслан-пшитлям звание ворков-шаутлухус.

В Кабарде к категории пше принадлежали всего лишь четыре фамилии: Атажукины, Мисостовы, Кайтукины и Бекмурзины, между которыми на правах феодального владения была поделена вся Кабарда. К этой же категории были приравнены

происходившие из Кабарды русские князья - Кудашевы, Мансуровы, Алеуковы, Черкасские и Бековичи-Черкасские.

Тума — дети пше от неравного брака — не имели тех прав, какими пользовались дети пше от «законного» брака. Для перехода в категорию пше тума должен был жениться на «чистокровной» пше или же ближайшие родственники по отцу и дети пше от «законного» брака должны были признать его за родного брата.

К тлакотлешам в Кабарде принадлежали привилегированные фамилии: Тамбиевы, жившие в уделе пше Мисостовых, Куденетовы, жившие в уделе пше Атажукиных, и Анзоровы, жившие в уделе пше Кайтукиных.

Тлакотлеш в буквальном переводе означает «рожденный от могущественного». По преданиям кабардинцев, до установления власти пше вся власть принадлежала тлакотлешам, которые и владели всей кабардинской территорией, равно как и всеми категориями ворков. В дальнейшем, по тем же преданиям, в Кабарде возвысилась категория пше, и тлакотлеши вынуждены были признать над собою верховую власть пше.

Тлакотлеши жили на своих собственных землях, имели свои так называемые кабаки [21], население которых состояло из зависимых от тлакотлешей ворков. Тлакотлеши имели право свободного перехода со своими крестьянами с одного места на другое. Через своего выборного представителя они принимали совместное с пше участие в управлении страной и в решении внешних и внутренних вопросов, касающихся всей Кабарды.

В брачные союзы тлакотлеши вступали с равными себе по происхождению высшими категориями.

За убийство тлакотлеша взимался большой штраф. Убийца должен был отдать три семьи крестьян из девяти душ каждая, причем две семьи поступали в полное и потомственное владение наследников убитого тлакотлеша, а одну семью брал себе пше. Если убийца тлакотлеша отказывался платить стоимость крови по обычаю, пше обязан был выступить как кровомститель за тлакотлеша. Оскорбление тлакотлеша также считалось тягчайшим преступлением: виновные в этом со всеми своими родственниками выселялись из пределов Кабарды и отдавались под покровительство влиятельного иноплеменника, при посредстве которого устраивалось примирение со взысканием с виновного за оскорбление в пользу тлакотлеша.

В гостях и в пути тлакотлеш пользовался почти таким же почетом, как пше. Тлакотлеш ездил в сопровождении своей свиты, состоявшей из подвластных ему ворков.

В кунацких тлакотлешу предоставлялось первое место даже в присутствии пше, если последний по возрасту был моложе его.

Категория *кодз* отпочковалась от категории тлакотлешей. С установлением власти пше права тлакотлешей в значительной мере были урезаны. Тлакотлеши признали власть пше, но

сохранили за собою некоторую независимость: жили на своих землях, имели свои аулы, своих крестьян и пользовались правом свободного переселения со своими холопами из одного места в другое. Тлакотлеши принимали участие в управлении страной и в решении внешних и внутренних вопросов, касающихся Кабарды. Однако во всех этих делах тлакотлеши принимали участие через своего выборного представителя, известного под именем кодза. Должность кодза, с течением времени сделавшаяся наследственной, существовала в Кабарде до покорения ее царской Россией, а с установлением колониального режима была упразднена царизмом.

Деженуго в буквальном переводе означает «позолоченное серебро». Непременным условием принадлежности к категории деженуго являлось владение хотя бы несколькими ворками-шаутлухус. Вообще ворк, не имевший в своей зависимости ворков, не мог принадлежать ни к тлакотлешам, ни к деженуго. Обычно в категорию деженуго попадали богатые ворки, выделявшиеся среди других своими боевыми качествами. После покорения Кабарды царизмом тлакотлеши и деженуго были уравнены в правах, причем как те, так и другие в прежних правах и привилегиях были ограничены. К категории деженуго в Кабарде принадлежали фамилии Багирсовых, Пшеуковых, Боровых, Мангушевых и Кандуровых.

Веяслан-ворки, что означает «княжеские ворки», происходили от ворков-шаутлухус. Звание беяслан-ворка мог приобрести всякий из ворков-шаутлухус за храбрость на войне и в набегах или за умные советы на народных собраниях. Ворк-шаутлухус, получивший от пше за свою храбрость или выдающуюся заслугу какой-нибудь ценный подарок (участок земли, оружие или серебряную вещь), также становился беяслан-ворком.

Беяслан-ворки находились в зависимости от пше. Они обязаны были жить в одном ауле со своим князем или по крайней мере на его земле, сопровождать князя в походах и поездках, принимать непосредственное участие в делах, касавшихся чести и интересов князя. Беяслан-ворки обязаны были делать подарки княжеским гостям и принимать активное участие в кровомщении за своего князя. Штраф за убийство беяслан-ворка был такой же, как за кровь тлакотлеша и деженуго.

Беяслан-ворки и пше находились в непосредственных личных отношениях. Беяслан-ворки, как и другие высшие категории - пше, тлакотлеши и деженуго - имели в своей зависимости холопов и рабов.

Ворки-шаутлухус произошли от зависимых беяслан-пшитлей, т. е. княжеских холопов, освободившихся от крепостной зависимости. Категория ворков-шаутлухус по своему положению сильно напоминает сословие беяслан-ворков. Эта категория количественно была значительна и составляла военную мощь страны. Ворки-шаутлухус добывали средства к существованию

в войнах, грабежах и эксплуатацией рабов, находившихся в их зависимости. Сами же ворки-шаутлухус находились в зависимости от пше и тлакотлешей.

Они обязаны были мстить за кровь тлакотлешей, за обиды, нанесенные им кем-нибудь, сопровождать их в набегах, походах, свадебных и других поездках. Во время приема тлакотлешем гостей ворки-шаутлухус также обязаны были присутствовать в кунацкой, услуживать гостям, делать им подарки, ухаживать за лошадьми гостей и следить за исправностью оружия тлакотлеша.

Размер штрафа за убийство ворка-шаутлухус был такой же, как за убийство тлакотлеша и деженуго. В брак вступали они лишь с равными по происхождению сословиями. Своих детей отдавали на воспитание сословию азатов, т. е. вольноотпущенникам. Ворки-шаутлухус переходили в категорию беяслан-ворков в том случае, когда они получали от князей ценный подарок в виде оружия, участка земли или дорогой серебряной вещи. В зависимости от ворков-шаутлухус находились холопы и рабы.

Все перечисленные категории относились к верхушечному феодальному сословию и жили за счет зависимого трудового крестьянства, которое подразделялось на два основных сословия - азаты, или вольноотпущенники, и крепостное крестьянство. Последнее в свою очередь дробилось на ряд зависимых категорий, известных под общим названием пшитлей.

Логанапуты (правильно лагунапыты.- *Г. М.)* составляли основную крепостную крестьянскую массу, которая жила во дворе феодала и имела свои хозяйства и семьи. Логанапут обязан был выполнять сельскохозяйственные работы для своего феодала. Владелец имел право заставить логанапута работать все время на себя, но в таком случае феодал обязан был содержать логанапута и его семью.

Логанапуты выполняли для своего феодала все работы: рубили и возили дрова; косили, убирали, свозили хлеб и сено во двор феодала; ухаживали за пчелами, скотом, лошадьми и баранами; возили лес для построек; строили дома и службы. На пахоту выходили все логанапуты мужского пола от 12 лет, а на покос — от 16 лет; логанапуты старше 50 лет от полевых работ на феодала освобождались.

Для жен логанапутов в Кабарде существовали особые виды работ. Они по очереди носили воду в дом феодала; обмолачивали на ручных мельницах пшено; доили коров и приносили молоко в дом феодала; в год два раза - перед Байрамом и после Курбана - стирали белье на всю семью феодала и мыли домашнюю утварь; мазали и белили господский дом и службы; разводили огород, пололи его и присматривали за ним; валяли бурки и войлок для потников и ружейных чехлов; ткали сукно; во время болезни или родов госпожи исполняли обязанности сиделок при ней.

В свою очередь и феодал нес известные обязанности по отношению к своим логанапутам. Обязанности эти были точно регламентированы местными обычаями. Феодал обязан был кормить и одевать своих логанапутов. Весь собранный с земли феодала хлеб делился следующим образом: собранный с одной десятины хлеб отдавался мечети * часть всего собранного хлеба . отсыпалась для посева будущего года; часть - на прокормление , холопов, выполнявших в порядке барщины полевые работы для феодала; часть - на прокормление гостей феодала. Остаток собранного хлеба делился на равные части между членами семьи феодала (без различия пола и возраста), логанапута и между имевшимися при доме феодала унаутами.

От каждой зарезанной феодалом скотины логанапут получал внутренности, шею, голову и ноги, а от барана — только внутренности. В три года один раз логанапут получал от феодала семь овчин на шубу. Кроме того, от каждого зарезанного феодалом буйвола, быка или коровы логанапуту полагались подбрюшная часть кожи на обувь и кусок буйволиной или бычьей кожи на ремни. Кожа с павших лошадей целиком отдавалась логанапуту на обувь.

Вся шерсть, которая снималась с ягнят, принадлежала феодалу; ему же принадлежала вся белая и самая лучшая черная баранья шерсть, пригодная для бурок и ружейных чехлов. Остальная шерсть делилась на равные доли между всеми членами семьи феодала и логанапута. Если у феодала было более 1000 баранов, каждый логанапут получал от 25 до 30 рун шерсти; остальная шерсть поступала в собственность феодала.

Логанапут получал от феодала и некоторые орудия труда: топор, косу, кусок железа для наконечника сохи, а также одну или две пары рабочих волов; при женитьбе он получал еще дойную корову и котел.

Совершеннолетний логанапут имел право требовать от феодала купить ему жену, уплатив за нее калым не выше 200 руб.; из этих денег 190 руб. поступало в пользу владельца, у которого покупалась невеста, а на 10 руб. ей справляли свадебные одежды. В выборе невесты логанапут был свободен, как был свободен выдать свою дочь замуж по своему усмотрению, но полученный за дочь калым в размере 200 руб. логанапут обязан был отдать феодалу. Овдовевший логанапут также имел право требовать от феодала купить ему жену. Равным образом и логанапутка-вдова также имела право требовать от феодала купить ей мужа, если он был холопом другого феодала.

Для покупки бумажных тканей и вообще необходимых хозяйственных вещей логанапуту предоставлялась возможность от двух до четырех раз в год - в мае и октябре - вывозить строевой лес на продажу, причем вся вырученная от продажи

" 10-я часть с десятины.

леса сумма принадлежала ему. Другим источником дохода логанапута являлась $^{1}/$ платы за работу в качестве полевого сторожа или пастуха аульного стада либо табуна; $^{2}/_{3}$ вырученной суммы поступали в пользу феодала. Третьим денежным источником для логанапута являлся отхожий промысел, куда он отправлялся только с согласия феодала, кстати, получавшего значительную часть от заработанной логанапутом суммы.

В случае болезни логанапута феодал был обязан обеспечить ему лечение. Феодал нес юридическую и моральную ответственность за учиненные логанапутом проступки и убытки.

Логанапут имел право купить себе обрядного или безобрядного холопа и посылать его вместо себя на барщину. Но так как у логанапутов не было средств, приобретение ими холопов широкого распространения не имело.

Льхава, зависимая категория, являлась ответвлением категории логанапутов. Исключительное право владения льхавами принадлежало высшей категории - пше. Феодал имел право брать себе по одному человеку из каждой семьи логанапута, имевшей несколько взрослых работоспособных членов. Логанапуты, взятые феодалом для выполнения домашних работ при его дворе, и составляли категорию льхав. Жена и дети логанапута, переведенного феодалом в категорию льхав, оставались в прежней категории логанапутов.

Льхава использовались пше преимущественно в качестве домашних рабов. Количество льхав, составивших в феодальной Кабарде особую зависимую категорию, было довольно велико.

Категория *хабзанша* - второе ответвление логанапутов. В эту категорию попадали логанапуты в наказание за нанесенное ими своему феодалу оскорбление. Хабзанша - совершенно бесправный холоп, который мог быть разлучен с семьей и продан феодалом по его личному усмотрению.

Категория *михифатц* - третье ответвление логанапутов по женской линии. Категория михифатц состояла из логанапутских дочерей, данных князем, за отсутствием унаутов, своей дочери в приданое. Дочь князя по выходе замуж обязана была полученную от отца рабыню выдать замуж за того из обрядных холопов мужа, за кого сама рабыня, или михифатц, желала выйти. Рабыня и ее муж после брака переходили в особую зависимую категорию, известную в кабардинской феодальной системе под именем михифатц, т. е. категории дворовых обрядных людей. С появлением у михифатц детей княгиня брала себе в служанки одну из дочерей рабыни, а родители из категории михифатц опять переходили в категорию логанапутов. В феодальной Кабарде, по свидетельству кабардинских князей, категорией михифатц владели только две княжеские фамилии - Куденетовы и Ашабовы.

Следующей многочисленной категорией зависимых крестьян были *унауты.* Так назывались безобрядные холопы, или рабы,

лишенные каких-бы то ни было имущественных и семейных прав. Подавляющее большинство унаутов составляли девушки и незамужние женщины, безотлучно жившие в доме феодала и выполнявшие, по приказанию феодала и его жены, разнообразные работы по дому. Дворовые службы, кухня, продовольственные запасы - все это находилось в ведении унауток, основная обязанность которых заключалась, однако, в уборке комнат и оказании различного рода услуг жене и дочерям феодала. По обычаю кабардинских княжеств, категории унаутки, обычно выполнявшие в доме господина функции служанок, являлись одним из обязательных элементов, составлявших сложный и своеобразный этикет кабардинской феодальной аристократии. «Я знаю несколько женщин,-писал начальник Терской области в рапорте на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией,- которые разводились со своими мужьями, покидали детей и жили в крайности у своих родных почти работницами из-за того, что, лишившись служанки, мужья не в состоянии были купить другой». «Ни одна замужняя женщина и даже вдовы порядочных семейств,- говорится далее в этом документе,- не примут к себе постороннее лицо, если нет при них служанки, и по самым крайним делам не выйдут из дома, если не имеют служанки для сопровождения себя»[22].

Продовольствие и одежду унауты получали от феодала. Впрочем, вся одежда, которую унаут получал от феодала, состояла из семи овчин, из которых он шил себе шубу на три года. Иногда он получал еще немного черной шерсти, а если у феодала было свыше 1000 баранов, унауту полагалось от 25 до 30 рун.

Унаутки не имели права на постоянный брак, они могли лишь взять себе временного мужа из унаутов, логанапутов и даже из «свободных категорий». Дети унауток воспитывались и находились при матери, но распоряжался ими только феодал. По достижении совершеннолетнего возраста унаут мог требовать от феодала купить ему жену из логанапуток. При таком браке унаут и дети его переходили в категорию обрядных логанапутов.

Феодал имел над своими унаутами неограниченную власть; он имел право продавать их в одиночку и целыми семьями. Но с половины XIX в. он мог продавать их только целыми семьями.

Унаут и унаутка не имели никакой собственности, кроме платья. Подарки, которые они получали иногда от гостей феодала, шли на приобретение и улучшение одежды.

В экономическом быту кабардинской феодальной аристократии сословие унаутов играло исключительную роль. «Лишить туземца, и в особенности кабардинца, холопа,- говорится в одном интересном документе,- одно и то же, что лишить его собственности, а жену и дочерей - всех средств к существованию; и надо очень многое предоставить кабардинцу, чтобы вознаградить ему лишение холопов, ибо по его понятиям и при-

вычкам и складу жизни, никакое вознаграждение не может быть равносильно такой потере». «Князь Алексей Мисостов,- говорится далее в том же источнике,- человек очень неглупый, служивший долго в Петербурге, под конец своей жизни впал в крайнюю бедность. Не имея ни одного холопа, дошел он до того, что по недостатку дров по дням сидел в холодной сакле зимою и не имел горячей пищи; ночью, украдкой от соседей, ходил он за дровами и водою, а целые дни просиживал, ничего не делая»[23].

Категория *огов* в половине XIX в. была весьма немногочисленна. К 70-м гг. того же века, по свидетельству представителей кабардинских княжеских фамилий, в Большой Кабарде насчитывалось всего лишь 15 семейств огов, а в Малой Кабарде к указанному времени их уже не было.

Оги являлись выходцами из категории логанапутов. Последние, отдавая все свое время выполнению разнообразных работ на феодала, были совершенно лишены возможности работать на себя и поэтому находились на содержании феодала. Когда содержание логанапутов становилось для феодала обременительным и материально невыгодным, феодал переводил своих логанапутов в категорию огов. В материальном отношении они, по сравнению с другими категориями, находились в более выгодных условиях. В категорию огов входили лишь те, кто имел две пары волов и собственный плуг и мог своими силами обрабатывать землю и вести самостоятельное хозяйство.

Оги отбывали феодалам барщинные, продуктовые и денежные повинности.

Барщинные повинности заключались в том, что каждый ог с 16-летнего возраста обязан был косить на феодала три дня, а во время уборки хлеба - работать на него два дня. Ог обязан был доставить в дом феодала весь хлеб и все сено собственными перевозочными средствами (от доставки хлеба и сена освобождались только табунщики и пчеловоды, с которых зато оброк взимался в большем размере), а также лес на постройку жилого дома для феодала и кунацкой для его гостей; построить дом и кунацкую, обмазать и систематически ремонтировать крыши зданий, принадлежавших феодалу. Жена и дочери ога освобождались от работных повинностей.

Натуральные повинности ога сводились к следующему. С каждой пары волов он платил феодалу от 10 до 15 тулуков, вмещавших от 40 до 60 мер, или от 60 до 90 пудов проса; ежегодно каждый ог платил феодалу от 2 до 4 возов проса по 20 саб, или 30 мер с возу, и от 7 до 10 возов дров. Ог-пчеловод платил ежегодно феодалу по 3 сапетки меду. От каждой зарезанной огом скотины он отдавал феодалу спину и три ребра. При женитьбе владельца или его сына ог предоставлял новобрачным помещение в своей сакле и одевал и кормил новообрачных за свой счет в продолжение года. Ог принимал гостей феодала, ухаживал за ними и за их лошадьми. Ог устраивал богатый ужин для феодала во время

Рамазана, а также поминальное угощение по умершему феодалу или члену его семьи для родных и знакомых умершего.

Кроме работных и натуральных повинностей, ог обязан был платить феодалу и денежный оброк. При разделе имущества между членами его семьи ог обязан был уплатить феодалу деньгами 100 руб. либо, взамен денег, 100 баранов или мальчика 5-6 лет. При выдаче замуж дочери ог из полученного за дочь калыма отдавал феодалу 30 руб. деньгами или скотом.

По адату, феодал за все перечисленные выше повинности обязан был предоставить огу землю под пашню, покосный участок и пастбища, а также ограждать его интересы при суде'бных разбирательствах и ручаться за него в платежах.

Ог имел право купить обрядного или безобрядного холопа, которого он мог посылать вместо себя для отбывания работных повинностей феодалу.

Зависимое сословие *азатов,* или *вольноотпущенников,* было весьма малочисленно. В состав его входили крепостные крестьяне из различных зависимых категорий, которым удавалось тем или иным способом получить свободу. Феодал освобождал холопа либо для «спасения души» перед смертью, либо за очень большой выкуп. В первом случае освобождаемый крестьянин ничего феодалу не платил, но все его имущество оставалось у феодала; во втором случае имущество крестьянина тоже оставалось у феодала, а кроме того крестьянин обязан был заплатить за личную свободу большой выкуп с рассрочкой платежа на несколько лет. Таким образом, азаты, вдвойне обобранные феодалом, должны были изыскать средства для погашения выкупной платы. Обычно мусульманское мелкое духовенство вербовалось в Кабарде из сословия азатов. С уплатой выкупа и с приобретением имущественного ценза азаты могли перейти даже в привилегированную категорию ворков-шаутлухус.

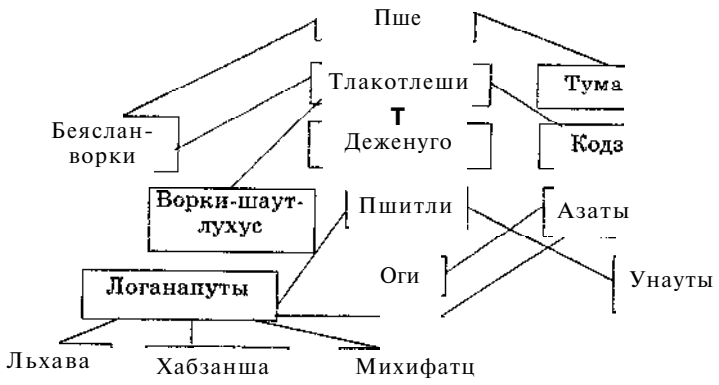
Азаты юридически считались свободными и не несли по отношению к владельцам никаких обязанностей. Правда, азаты по сравнению со всеми существовавшими в Кабарде зависимыми категориями находились в лучших экономических и правовых условиях, но все-таки азаты не были свободными людьми, так как они обязаны были отбывать ряд повинностей, какие отбывали еще до перехода в сословие азатов. Так, например, азаты обязаны были жить в одном ауле со своим прежним владетелем, следовать за ним, когда он переселялся в другое место, оказывать ему различного рода услуги; наконец, азаты на основе аталычества обязаны были воспитывать княжеских детей до совершеннолетнего возраста.

Девушка-азатка при выходе замуж обязана была уплатить своему бывшему владетелю 30 руб. деньгами или, взамен денег, одну лошадь либо волов стоимостью не ниже 30 руб.

Все перечисленные повинности в силу существовавших в кабардинском феодальном обществе норм обычного права, под-

чиненных классовым интересам местной феодальной верхушки, для азатов являлись обязательными.

Феодальный строй Кабарды схематически может быть представлен в следующем виде.



Таким образом, кабардинский феодальный строй в целом состоял из 15 звеньев: первые семь звеньев составляли феодальную верхушку, а последние восемь - зависимые крестьянские сословия и категории, эксплуатируемые верхушечными слоями.

Закончив обзор высших феодальных и низших зависимых сословий и категорий Кабарды, следует сказать еще несколько слов об имущественных правах двух почти аналогичных зависимых категорий — огов и логанапутов, о правах над этими категориями местных феодалов и, наконец, о порядке выкупа этих категорий у своих владельцев. Имущество огов и логанапутов состояло из собственности, лично им принадлежащей, на которую феодал не имел права претендовать, и собственности, определенная часть которой принадлежала феодалу.

К личной и не зависимой от феодала собственности ога и логанапута следует отнести некях, или венчальный подарок, который ог или логанапут получал при женитьбе от своего владельца. Стоимость некяха не превышала 3—5 руб. Обычно в качестве такого подарка феодал давал телушку ценой 3—5 руб.

Весь приплод от этой подаренной телушки являлся неприкосновенной собственностью жены ога или логанапута.

К этому же виду собственности следует отнести десериг, т. е. подарок логанапутке от родных при выходе ее замуж. Обычно в качестве десерига давали корову, весь приплод от которой принадлежал жене ога, логанапута. По смерти жены некях и десериг переходили к мужу и детям умершей; если же наследников не оставалось, они становились собственностью феодала.

Ко второму виду собственности ога или логанапута следует отнести так называемый дидовос-белым, т. е. скот, приобретенный личным трудом ога или логанапута. Дидовос-белым только номинально считался собственностью этих зависимых категорий, а фактическое положение было таково, что без согласия феодала ог или логанапут не имели права менять или продать дидовос-белым, но зарезать его для личного потребления они могли и без согласия феодала.

Скот, составляющий некях, десериг и дидовос-белым, ог, ходивший на барщину лишь 5 дней в году, кормил сам. Логанапуты, ходившие на барщину без ограничения рабочего времени и исполнявшие всевозможные работы на феодала, содержали за свой счет некях и десериг, за исключением входивших в них коров и баранов; дидовос-белым содержался за счет феодала. Феодал мог продать его, причем две трети стоимости брал себе, а треть отдавал огу или логанапуту. Доля, полученная огом или логанапутом от продажи либо дележа дидовос-белым, превращалась в десериг, т. е. в неприкосновенную собственность ога или логанапута. При продаже логанапута феодал оставлял у себя дидовос-белым или продавал его вместе с крестьянином, получив от нового владетеля стоимость дидовос-белыма.

О своем решении продать логанапута феодал обязан был предварительно объявить намеченному к продаже крестьянину; последнему предоставлялось право найти и указать покупателя. Если крестьянин в течение месяца со дня объявления ему о продаже не мог найти себе покупателя, феодал сам предлагал ему трех покупателей, из которых крестьянин выбирал себе будущего хозяина. Если же из предложенных феодалом покупателей крестьянин не мог выбрать себе никого, феодал имел право продать его по своему усмотрению, но обязательно в пределах Кабарды и всей семьей.

В пределах Кабарды на логанапутов существовали следующие цены: мальчики до 12 и девочки до 10 лет расценивались из расчета по 10 руб. за каждый год. Мужчина от 12 до 45 лет стоил 150-200 руб.; женщина от 10 до 45 лет - 150-180 руб.; женщина старше 45 лет оплачивалась по взаимному соглашению, но значительно ниже максимальной стоимости трудоспособной женщины. 200 руб. за мужчину и 180 руб. за женщину - таковы были максимальные цены. Поэтому, когда феодал продавал своего логанапута выше указанной цены, продаваемый крестьянин имел право через народный суд опротестовать сделку феодала и потребовать возврата новому хозяину денег, уплаченных им сверх установленной цены. Этот обычай существовал для устранения частых злоупотреблений со стороны работорговцев, стремившихся продать своего крестьянина возможно дороже; проданный же крестьянин, переходя из рук в руки, все время повышался в цене и, в конце концов, переходил из обрядного состояния в разряд безобрядных холопов и рабов, стоимость

которых была настолько высокой, что если бы он вздумал выкупиться на волю, не хватило бы и трех человеческих жизней, чтобы уплатить феодалу выкуп.

Минимальная стоимость унаута равнялась 100 руб., а максимальная - 500. Стоимость унаутки, особенно если это была недурно сложенная и внешне привлекательная девушка, в значительной степени превышала максимальную стоимость унаута. Из всех категорий зависимых сословий наиболее высокие цены в Кабарде существовали на унауток и унаутов, освобождение которых, ввиду энергичного сопротивления кабардинских феодалов, связано было с наибольшими трудностями, по сравнению с другими сословиями.

В феодальной Кабарде зависимые сословия получали свободу несколькими путями: через выкуп; через освобождение феодалом своего холопа без вознаграждения в силу религиозных убеждений мусульман - «для спасения души»; путем бегства холопа из плена; по решению народного суда при нанесении холопом феодалу кровной обиды. Из всех перечисленных путей к освобождению наиболее распространенным был выкуп, все же остальные пути были случайными и никогда не носили массового характера.

Зависимые категории не имели права выкупиться на волю, если на это не было согласия владетеля, который решал вопрос в соответствии со своими личными интересами материального порядка. Размер выкупа не был установлен. Выкупная цена на взрослого трудоспособного холопа колебалась от 150 до 200 руб. Мастеровые ценились значительно выше обыкновенных холопов - выкупная цена на них нередко доходила до 500 руб. Женщина стоила дешевле мужчины, а дети - дешевле женщины, причем каждый год ребенка, как и при продаже в чужие руки, оценивался в 10 руб. Все указанные цены не были твердо установленными и изменялись по взаимному соглашению между феодалом и выкупавшимся холопом. Если выкупавшийся холоп был зажиточным и располагал большим имуществом, феодал отнимал у него все его имущество, а его самого «освобождал» с условием уплатить ему выкуп в срок от 3 до 5 лет. Обычно холоп, не имея средств к погашению выкупа, выкупался сам со своей женой, а детей оставлял на известный срок у феодала в качестве заложников. В дальнейшем иногда холопу удавалось своим личным трудом и при материальной поддержке родственников собрать необходимую для выкупа сумму, он через несколько лет выручал и своих детей.

При разделе имущества феодала между наследниками, в целях сохранения цельности семьи холопа, последнему предоставлялось право найти себе покупателя или самому выкупиться на волю. Если холоп в определенный срок не мог воспользоваться предоставленным ему правом, семья его делились между наследниками феодала.

Феодальный строй Кабарды по степени своего развития стоял выше феодализма в Осетии, и в период накануне царского завоевания его можно считать установившимся.

IV

Прежде чем перейти к обзору исторических сведений, свидетельствующих о кабардино-осетинских феодально-вассальных отношениях, следует отметить, чт.о наряду с абсолютно неверной точкой зрения о кабардинском «засилье» у осетин, которой придерживались русские великодержавные и осетинские буржуазно-националистические «историки», подменивавшие в интересах колониальной политики метрополии классовую борьбу горских народов борьбой национальной, существовала и другая точка зрения, исключавшая вопрос о какой бы то ни было зависимости осетин от кабардинских феодалов.

Данная теория о «независимости» осетин от кабардинских феодалов возникла на основе некоторых исторических известий XVIII в., требующих критического к себе отношения. Эти известия количественно настолько ограничены, что считаю возможным привести их текстуально, тем более что в данном случае речь идет о принципиально важном вопросе из истории кабардино-осетинских отношений.

Самое раннее известие, говорящее о «независимости» осетин, датировано 1742 г. и дошло до нас в челобитной грузинских духовных лиц - архиепископа Иосифа и архимандрита Николая, поданной ими Елизавете Петровне, об отправке в Осетию миссионерской комиссии. Во втором пункте этой челобитной Иосиф и Николай говорят об осетинах, что «оной многолюдной народ, святым крещением непросвещенной, состоит в своей воле, понеже как турки, так и персиане - никто ими не владеют»[24].

Необходимо отметить, что этот документ принадлежит перу грузинских духовных лиц, эмигрировавших в Москву вместе с грузинским царем Вахтангом VI, лишившимся царского престола в связи с неудачным персидским походом Петра I в 1722 г. Грузинские духовные лица, долгое время находившиеся в Москве без определенных занятий и сильно нуждавшиеся, непосредственно были заинтересованы в отправлении в Осетию миссионерской комиссии из грузинских эмигрантов. Это видно хотя бы из заключительной части челобитной, где Иосиф и Николай рекомендуют Елизавете Петровне в качестве миссионеров исключительно грузинских духовных лиц - архимандрита Пахомия, игуменов Григория, Христофора и других. Иосиф и Николай говорят о независимости осетин от Турции и Персии, против чего не приходится возражать, так как в указанную эпоху действительно осетины были независимы от этих государств. Что касается кабардино-осетинских отношений, то о них вовсе умалчивается в челобитной. Это, по-видимому, вызвано

тем, что грузинские духовные лица, плохо разбиравшиеся в исторической обстановке Северного Кавказа, могли о них не знать; а если и знали, то роли Кабарды по сравнению с такими крупными державами, как Турция и Персия, они не придавали значения настолько, чтобы писать о ней в челобитной, адресованной русскому двору.

Второе известие, говорящее о «независимости» осетин, дошло до нас в рапорте поручика Осетинской комиссии, адресованном на имя коменданта Оболенского. В указанном рапорте от 24 марта 1747 г. поручик Осетинской комиссии писал кизлярскому коменданту Оболенскому следующее: «Приходили ко мне из горских жилищ Осетинского из уездов, называемых Кутатцкого и Чирамского, которые имеются в недальном от Малой Кабарды расстоянии, дворяне и объявили мне: присланы де они речевых уездов от осетинских людей объявить об них, что прежде... принадлежали к России, а как до сего, так и ныне ни под чьим владением, яко шаха персидского и султана турецкого и прочих владеющих князей не состоят и живут собою»" .

Поручик Осетинской комиссии составил свое донесение на основании сведений, полученных им от осетинских феодалов, происходивших из Куртатинского и Цимитинского ущелий. Осетинские феодалы приехали просить поручика Комиссии довести до сведения русского приграничного начальства, в частности коменданта кизлярской крепости, о желании их принять русское подданство. Ориентация осетинских феодалов на царскую Россию и их желание перейти в подданство царской России были обусловлены экономическими интересами осетинских феодалов, лежащих за тогдашней пограничной чертой, в России. Осетинские феодалы экономически были связаны с тогдашними пограничными русскими торговыми городами, но свободного доступа в них они не имели. Их отделяли от русской пограничной черты территория кабардинских феодалов и таможенные заставы, являвшиеся в условиях XVIII в. если не главным, то во всяком случае одним из самых серьезных препятствий на пути сближения осетинских феодалов с царской Россией. Поэтому осетинские феодалы через русское пограничное начальство не раз просили царскую Россию о том, чтобы «им для проездов в Кизляр и в прочие российские места, куда надобно будет, свободный путь был»[26]. Свое желание принять русское подданство осетинские феодалы мотивировали тем, что осетины будто бы в историческом прошлом находились в подданстве царской России. Утверждение осетинских феодалов, как не соответствующее исторической действительности, разумеется, не должно быть принято во внимание, равно как и другое их сообщение - о «независимости» осетин от «прочих владеющих князей». Осетинские феодалы, добиваясь подданства царской России, территория которой в описываемую эпоху не переходила на правый берег реки Терека, из дипломатических соображений не могли говорить о зависимости осетин от кого бы то ни было. Тем более это относилось к феодальной Кабарде, ведущая политическая роль которой на Северном Кавказе хорошо была известна в царской России еще со времен Ивана IV.

Известие о «независимости» осетин мы находим и в челобитной осетинских феодалов Тагаурского района, поданной в марте 1755 г. Елизавете Петровне. В третьем пункте этой челобитной тагаурские феодалы писали: «А понеже нам хотя некоторые из Большой Кабарды владельцы объявляют, дабы мы под ″′ их власти состояли... токмо мы как и прежде всего под их власти не были, так и ныне того учинить не желаем»[27].

Если подойти к приведенному известию без соответствующей критики и без учета конкретных экономических и исторических условий, в которых осетины находились в ту эпоху, легко можно впасть в заблуждение. В данном случае необходимо прежде всего учесть основную просьбу осетинских феодалов, с которой они обращались к царской России. Основным вопросом челобитной был земельный вопрос. Земельная теснота в горных ущельях, душившая осетин на протяжении веков, могла быть разрешена лишь путем выселения их на предгорную Северо-Кавказскую равнину, которой, как известно, владели кабардинские феодалы. Владения кабардинских феодалов простирались до самых устьев осетинских ущелий. Достаточно указать хотя бы на тот несомненный факт, что у самого входа в Куртатинское ущелье, приблизительно в том месте, где сейчас находится осетинское селение Дзуарикей, на правом берегу реки Фиаг-Дона еще в 60-х гг. XVIII в. находилось феодальное владение, известное под именем Барукино, принадлежавшее крупному кабардинскому феодалу Гиляксану. К западу от Барукино вдоль горного хребта располагались феодальные владения - Кубатей, Эльхтюхов кабак, Камбекуков кабак, Тузуров кабак и ряд других владений, густой сетью покрывавших всю Северо-Кавказскую равнину от Сунжи до Малки и далее на запад[28]. Вот почему не заслуживает никакого доверия, как не соответствующее исторической действительности, сообщение осетинских феодалов о том, будто они на предгорной равнине «отыскали себе для поселения место близь тех же гор, лежащее впусте, ни под чьим владением», которое они хотели занять при помощи царской России. Если указанное осетинскими феодалами место действительно было свободно и никому не принадлежало, то для чего понадобилась для его занятия помощь со стороны царской России, не владевшей еще в то время ни одним вершком земли по правую сторону Терека? Осетинские феодалы прекрасно знали, что просимые земли принадлежали кабардинским феодалам, и тем не менее они упорно добивались их при помощи царской России, скрывая от нее свое зависимое положение от кабардинских феодалов и принадлежность просимых земель кабардинским князьям.

Последнее известие, говорящее о «вольности» и «независимости» осетин, дошло до нас в переписи Коллегии иностранных дел. Согласно этому известию, осетинский народ, «когда еще Грузия в полной своей силе состояла, под владением грузинских царей был еще, по завоевании ж Грузии от турков и персов и разделении оной между ними, осетинский народ своей вольности и остался, и потому о том народе, яко о вольном, никому не подлежащем, в поставленных у Российской империи с Оттоманскою Портою и Персию трактатов ничего не упоминается»[29].

Приведенное известие еще меньше пригодно для доказательства теории «вольности» и «независимости» осетин, потому что в данном известии речь идет не о северных, а о южных осетинах, которые действительно никогда не находились в зависимости от кабардинских феодалов. Южные осетины, основной массой жившие в западной части быв. Тифлисской губернии, в Горийском уезде, с древнейших времен находились в феодальной зависимости от грузинских князей, сохранивших над ними свою власть почти вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции; из таких грузинских феодалов известны, например, Мачабели и Эристовы. Следовательно, о «вольности» южных осетин на том лишь основании, что о них особо не упоминается в договорах, разновременно заключенных между царской Россией, Турцией и Персией, также не приходится говорить.

Несмотря на то что приведенный документ, свидетельствующий о «независимости» осетин, относится к южным осетинам, с легкой руки дипломатов екатерининской эпохи эта «вольность» в соответствии с экономическими интересами царской России на Северном Кавказе и политическими условиями, вытекавшими из Белградского мирного трактата, заключенного между Россией и Оттоманской Портой в 1739 г., была распространена и на северных осетин, находившихся, как мы увидим дальше, в феодально-вассальной зависимости от кабардинских князей.

Приведенные исторические известия не могут, таким образом, считаться объективными и достаточно убедительными для того, чтобы на основании их говорить о «независимости» осетин. Чтобы убедиться в несостоятельности этой точки зрения, считаю необходимым привести ряд исторических данных, опровергающих эту неверную точку зрения и с предельной ясностью доказывающих феодально-вассальную зависимость осетин от кабардинских феодалов.

V

Нет возможности точно установить время, когда осетины попали в феодально-вассальную зависимость к кабардинским князьям. Не подлежит, однако, сомнению, что установившееся зависимое положение осетин от кабардинских князей длилось

на протяжении нескольких столетий. Наибольшее количество исторических данных, доказывающих этот несомненный факт, вопреки несостоятельному взгляду о «независимости» осетин от кабардинских феодалов, падает на XVIII в. Имеющиеся исторические данные по своему происхождению можно разбить на три группы: сведения, полученные русским царизмом через местных феодалов; сведения, собранные на месте путем личного наблюдения агентами царской России; сведения, дошедшие до нас в статейных списках русских посольств на Кавказ.

К первой группе исторических известий, свидетельствующих об осетино-кабардинских феодально-вассальных отношениях, следует отнести личное сообщение кабардинских феодалов - Магомета Атажукина, Алдигирея Гиляксанова и кумыкского феодала Хамзина - Коллегии иностранных дел. О кабардино-осетинских отношениях перечисленные феодалы сообщили Коллегии иностранных дел, что «дюгор... сюрдюгор живут в горах по вершинам реки Урюха и других ближних рек против Малой Кабарды расстоянием от деревни владельца Алдигирея Гиляксанова день езды, и некоторую малую кабардинцам дают и подать»[30].

Приведенный документ говорит о том, что дигорцы на основе феодальной зависимости платили кабардинским феодалам определенные подати, размер которых, к сожалению, данным документом не определяется.

Зависимость осетин от кабардинских князей подтверждается и самими осетинами. В этом отношении чрезвычайно любопытно свидетельство куртатинского феодала Андрея Цаликова, который в прошении, поданном от имени осетин всего ущелья представителю царской власти ротмистру Ватыреву, просил царское правительство о том, чтобы «Большая и Малая Кабарда им притеснения не чинили сверх их прежнего древнего уложения и податей излишнего не требовала»[31].

Из этого документа ясно, что осетины Куртатинского ущелья платили повинности феодалам не только Малой, но и Большой Кабарды, причем размеры этих повинностей определялись нормами осетинского обычного права. Однако уже в описываемую эпоху, а именно во второй половине XVIII в., кабардинские феодалы перестали довольствоваться прежними нормами феодальных повинностей и стали требовать от осетин повинностей, значительно превышавших прежние нормы.

С приближением царской власти к Северному Кавказу обремененные повинностями осетины в надежде на облегчение своего положения неоднократно, но безрезультатно обращались к представителям русского царизма с жалобой на кабардинских феодалов, облагавших осетинских крестьян непосильными податями.

Следующую группу исторических данных, свидетельствующих о зависимом положении осетин от кабардинских феодалов,

как мы уже указывали, составляют сведения, собранные на месте русским царизмом. Достоверность этой группы известий не вызывает сомнения, поскольку на основе этих известий, отражавших действительную социально-экономическую картину Северного Кавказа, русский царизм строил свою сложную политику колониального закрепощения горских народов. Известия, вошедшие в официальную переписку Коллегии иностранных дел и в отчетные доклады царских начальников Кавказской пограничной линии, с предельной ясностью также говорят о зависимом положении осетин от кабардинских князей. Так, в своем рапорте на имя Коллегии иностранных дел от 18 декабря 1769 г. астраханский губернатор Бекетов прямо пишет, что северокавказские горцы «превозможением кабардинцев почитаем им подчиненными, как от государственной Коллегии иностранных дел предписано, что кабардинцы с них действительно подать собирают, а и от осетинцев вымогают же, почитая и их себе подчиненными»[32]. В докладе того же астраханского губернатора Екатерине II мы читаем, что «все осетинцы вышеназванным двум владельцам[33], хотя они управляются своими старшими, не завися ни от кого, однако ж, сии владельцам дань дают»[34].

Феодально-вассальная зависимость осетин от кабардинских феодалов нашла свое отражение и в секретных русских документах. В инструкции, данной кизлярским комендатом Потаповым специалисту по горному делу Степану Вонявину, отправленному царизмом в Осетию по ответственному поручению секретного характера, говорится: «Вам дается в секрет знать, что Большая и Малая Кабарда теми осетинскими народами господствует и присвояет»[36]. Такое предупреждение русское начальство напило необходимым дать Вонявину для правильной ориентировки в местной политической обстановке и для предупреждения главным образом возможных подозрений со стороны кабардинских феодалов, всегда зорко следивших за всем происходившим в подвластном им осетинском обществе.

Чтобы закончить обзор исторических известий XVIII в., свидетельствующих о зависимости осетин от кабардинских феодалов, приведем еще лишь один документ, также доказывающий несомненный факт феодально-вассального господства князей Большой и Малой Кабарды над осетинами. «Осетинскому народу,- говорится в реляции астраханского губернатора Кречетникова от 2 декабря 1774 г.,- свойственнее бы принадлежать к владельцам М. Кабарды по близкому своему к ним соседству, но всеми бывшими делами и полученными из Кизляра известиями доказывается, что, напротив того, паче в них участвуют владельцы Большой Кабарды»[36].

К третьей группе документов, свидетельствующих о феодально-вассальной зависимости осетин от кабардинских князей, относятся известия, дошедшие до нас в статейном списке посольства Московского государства в Имеретию в 1650 г. во главе со стольником Никифором Толочановым и дьяком Иевлевым. Эти известия представляют собою самые ранние письменные сведения не только об истории кабардино-осетинских отношений, но и об истории осетин вообще.

По приезде московских послов Никифора Толочанова и дьяка Иевлева в Малую Кабарду навстречу к ним вышли представители дигорских феодалов Смаил и Чибирка «смотреть государевых послов». Со слов феодалов'московские послы занесли в статейный список следующее: «Да они же, дигорцы, говорили: только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они де дигорцы и все горские люди будут его государевы холопы. И что дают черкасским мурзам ясак, и тот ясак учнут давать московскому государю»[37]. Из дальнейших показаний представителей дигорских феодалов выясняется, что «горские люди - дигорцы и стигорцы... во всем слушают и мочь большую имеет над горскими и над черкасскими людьми он Зазарука мурза Анзоров»[38] - один из крупнейших малокабардинских феодалов и тлакотлеш пше Кайтукиных. Названные представители дигорских феодалов Смаил и Чибирка сообщили московским послам исключительно интересные сведения о местных дигорских феодалах и их владениях, о кабардинских феодалах, которым осетины «для оберегания ясак дают», наконец, сведения о размере поаульных и подворных феодальных повинностей, уплачиваемых осетинскими крестьянами кабардинским князьям.

Мы могли бы продолжать обзор исторических данных о кабардино-осетинских отношениях, но, мне думается, и приведенных достаточно, чтобы убедиться в бесспорности зависимого положения осетин от феодалов Большой и Малой Кабарды.

История сохранила даже такие детали, как имена и фамилии кабардинских феодалов, у которых осетинские крестьяне отдельных районов и ущелий находились в феодальной зависимости. Известно, например, что на основе феодальной зависимости дигорские крестьяне в XVII в. отбывали повинности и платили подати кабардинским феодалам Алегуке и Ходождуке Черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову[39]. В XVIII в. те же дигорские крестьяне находились в феодальной зависимости от следующих кабардинских феодалов: Магомета-Гирея, Нафи-мурзы, Мисоста Канайбека, Бекмурзы и Магомета Коргокиных, Асланбека Кайтукина и Алдигирея Гиляксанова[40].

Имеющиеся в нашем распоряжении исторические данные позволяют нам даже совершенно точно установить, кто именно из кабардинских феодалов каким осетинским ущельем владел. Так, осетинские крестьяне Куртатинского ущелья, которых насчитывалось 400 дворов по реке Фияг-Дону, подчинялись и платили феодальные повинности князьям Большой Кабарды -

Мисосту Мамбетову и Малой Кабарды - Ахлову. Осетинские крестьяне Кобанского ущелья, жившие по реке Гизель (500 дворов), платили феодальные повинности кабардинским князьям Татархановым. Осетинские крестьяне Дарьяльского ущелья, которых насчитывалось 500 дворов по реке Тереку, платили феодальные повинности грузинскому князю Казбеку и малокабардинскому князю Мударову[41].

Таким образом, все осетинские ущелья, за исключением Алагирского, о котором пока нет сведений, находились в зависимости от кабардинских феодалов, взимавших с осетинского крестьянства определенные повинности, о размере которых дошли до нас и некоторые исторические известия.

Феодальные повинности, которые дигорские крестьяне в XVII в. уплачивали кабардинским феодалам, слагались из поаульных и подворных, о которых в статейном списке посольства стольника Толочанова говорится, что дигорцы «ясак дают Алегуке да Ходождуке мурзам Черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову — с кабака по десяти коров или быков да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса»[42]. Таким образом, кабардинские феодалы с каждого дигорского аула в качестве феодальной повинности взимали десять коров или быков, одного раба и одну хорошую лошадь, а с каждого крестьянского двора — одну овцу с ягненком, четверик пшеницы и четверик проса.

Известия XVIII в. также говорят о том, что осетинские крестьяне платили кабардинским князьям феодальные повинности с каждого крестьянского двора: по одному барану, железа на одну косу, по хорошей бурке, определенное количество орлиных перьев для стрел; во время приезда феодалов крестьяне обязаны были кормить феодалов и сопровождающую их, всегда многочисленную, свиту[43]. Приведенные данные ни в какой мере не являются исчерпывающими, а потому не могут дать развернутой картины эксплуатации осетинского крестьянства кабардинскими феодалами. Очень многие специфические стороны податной системы кабардинских феодалов, в основном покоившейся на нормах местного обычного права, за отсутствием данных пока остаются неосвещенными.

Нам еще остается сказать несколько слов по вопросу о закабалении осетинского крестьянства кабардинскими феодалами. Несомненно, что осетинские крестьяне попали в феодальную зависимость от кабардинских князей из-за безземелья. Общеизвестно, что осетины почти до начала XIX в. жили исключительно в нагорной полосе, где они занимались земледелием и скотоводством. Общеизвестно также, что в горных условиях осетины испытывали исключительную нужду в покосной и особенно в пахотной земле. В многочисленных обращениях осетин к русскому двору, особенно участившихся во

второй половине XVIII в., центральным пунктом являлся вопрос о земле. «Мы жительствуем внутри горах весьма тесно и неисправно,- писали тагаурские старшины в челобитной Елизавете Петровне,- и во всем же имеем великую нужду и недостаток, и некоторые наши подлые люди ни малой пахотной земли не имеют, где бы могли для своего довольствия сеять хлеба и прочее, также и скот довольной содержать не могут»[44]. Крохотные участки пахотной земли для осетина в нагорной полосе могли служить лишь небольшим подспорьем. Достаточно сказать, что у осетина своего хлеба в горах хватало обычно на треть или на четверть года. Поэтому осетины для удовлетворения своих жизненных потребностей не могли обойтись без плодородной Северо-Кавказской равнины, которая с исторических времен составляла феодальную собственность кабардинских князей. Осетины доставляли себе из предгорной равнины и из Кабарды все жизненно необходимое: рыбу, соль, хлеб. Как скотоводы они не могли обходиться без широких предгорных пастбищ. «Дигоры не могут обойтись без Кабарды,- пишет путешественник Клапрот, лично наблюдавший экономический быт осетин в начале XIX в.,- получая оттуда соль и в неурожайные годы - просо, а неурожаи в их возвышенных странах очень обыкновенны: дигорские пастухи отправляются со стадами в долины Кабарды, где в конце марта все бывает покрыто зеленью, между тем как горы лишены в то время растительности»[45].

Другие исторические известия также доказывают установление господства кабардинских феодалов над осетинским крестьянством на земельной почве. «Осетины,— докладывал астраханский губернатор Бекетов Екатерине II 11 июня 1768 г.,- издавна обязаны кабардинским владельцам, по тесноте их гористых мест, по случаю хлебопашества и сенокосу на низких местах, по присвоению тех мест кабардинцами себе, платить некоторую подать»[46]. Этот документ интересен в двух отношениях: во-первых, он лишний раз подтверждает зависимое положение осетин от кабардинских феодалов; во-вторых, конкретно указывает причины установившегося господства кабардинских феодалов над осетинами. Земельный голод, который веками душил осетинских крестьян в нагорной полосе, где мало-мальски пригодные для обработки участки земли давно уже находились в монопольном владении «своих» местных феодалов, гнал трудовое крестьянство на предгорную равнину. Там за право пользования землями, принадлежащими кабардинским князьям, крестьянство попадало в зависимость от феодальных собственников Большой и Малой Кабарды.

«Издревне дигорский народ,- показывали представители осетинского зависимого крестьянства на заседании Комиссии по разбору поземельных прав туземцев нагорной полосы быв. Тер-

ской области,- имел постоянное жительство в горах, считал себя вольным и был независимым ни от каких владельцев. Податей мы никому никогда не платили до тех пор, пока значительная часть дигорского народа принуждена была, по недостатку земли в горах, спуститься на плоскость и поселиться на земли, принадлежащие фамилии кабардинских князей Таусултановой. Князья эти, позволив жить на своей земле, вместе с тем обязали поселившихся на плоскости дигорцев давать им за право пользования этой землей в год с каждого двора по одному барану, и это была первая подать, которую по необходимости и по условию предки наши должны были давать фамилии Таусултановой»[47]. Если верить приведенному свидетельству представителей дигорского крестьянства, господство кабардинских князей установилось над осетинами в начале XIX в. в результате расселения их на землях кабардинских князей Таусултановых, а в нагорной полосе будто бы они были независимы от кого бы то ни было. Однако, как было сказано, дигорские крестьяне уже в середине XVIII в. находились в феодальной зависимости, с одной стороны, у «своих» местных феодалов Карабугаевых, а с другой стороны — у кабардинских князей Алегуки и Ходождуки Черкасских и Зазаруки мурзы Анзорова, которым они платили феодальные повиннности по всей форме.

Установившаяся над осетинами власть кабардинских феодалов в предгорных условиях знаменует особо новый этап в кабардино-осетинских отношениях и характеризуется углублением и расширением феодальной эксплуатации осетинского крестьянства кабардинскими князьями. Если взимание феодальных повинностей с осетинского крестьянства в нагорной полосе носило, быть может, в известной мере эпизодический характер, то в предгорной равнине феодальные повинности носили систематический характер и охватывали все отрасли крестьянского хозяйства.

Переселению осетинского крестьянства в предгорную равнину много содействовали в своих личных интересах осетинские феодалы, которые неоднократно обращались к русскому царизму с ходатайством о разрешении переселиться в тогдашние русские пределы. Так, в 1804 г. крупный дигорский феодал Магомет Туганов специально приехал в Георгиевск к генералу Глазенапу добиться разрешения на переселение его с крестьянами в русские пределы. Дигорские крестьяне на предложение Туганова переселиться в предгорную равнину ответили категорическим отказом. Крестьянство не изменило своего решения даже тогда, когда генерал Глазенап по просьбе того же Туганова направил в Дигорию внушительный военный отряд под командой генерала Дегтярева[43]. Только в первой половине XIX в., в связи с крупными успехами завоевательной политики царизма

на Северном Кавказе, сопротивление дигорского крестьянства было сломлено царской Россией, и выселение осетинского крестьянства в предгорную равнину ПОПЕЛО более интенсивно.

С переселением осетинского зависимого крестьянства в предгорную кабардинскую равнину осетинские феодалы вынуждены были следовать за выселившимися крестьянами. Так, за крестьянством из горной Дигории выселились на плоскость три крупнейшие дигорские фамилии: Тугановы, Кубатиевы и Караджаевы, которые долгое время являлись вассалами кабардинских князей Таусултановых. Впоследствии осетинские феодалы стали оспаривать у кабардинских князей право собственности на занятые осетинами земли. Свои права на земли, действительно принадлежавшие кабардинским феодалам Таусултановым, Анзоровым и Коголкиным, названные выше осетинские феодальные фамилии обосновывали тем, будто эти земли с древнейших времен составляли их родовые имения, «приобретенные предками разновременно за 47 душ от кабардинских князей Таусултановых»[49]. Однако кабардинским князьям удалось доказать несостоятельность претензии осетинских феодалов на том основании, что по обычному праву горских народов категорически запрещалось продавать землю. В первой половине XIX в. земли, которые оспаривались осетинскими феодалами, были царской Россией закреплены за дигорскими феодалами — Кубатиевыми, Тумановыми и Абисаловыми, которые владели ими и жившими на них осетинскими крестьянами вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Говоря о причинах, обусловивших феодально-вассальное господство кабардинских князей над осетинами, следует отметить еще одно важное обстоятельство, сыгравшее в кабардино-осетинских отношениях значительную роль. Здесь имеется в виду то, что кабардинские феодалы владели путями, соединявшими осетинские ущелья с Северо-Кавказской равниной и русскими пограничными крепостями, с которыми осетинские феодалы имели довольно оживленные сношения с Астраханью, Терками, Кизляром, Моздоком, наконец, со станицами гребенских казаков - Брагунской, Щедринской и Червленой. Из Астрахани осетины привозили главным образом необходимую в скотоводческом хозяйстве каменную соль, железо и русские ткани фабричного и кустарного производства в обмен на шерстяные и кожевенные полуфабрикаты, производимые осетинами.

Один из северокавказских торговых путей, соединявших Центральный Кавказ с Астраханью, выходил из Куртатинского ущелья и по кабардинской равнине шел на Бештау и далее в северо-восточном направлении, левым берегом реки Кумы до Астрахани. Вторая магистраль шла от Бештау на запад, левым берегом реки Кубани к Темрюку, Азову и другим городам, расположенным на берегу Азовского моря. Третья магистраль выходила также из Куртатинского ущелья, пересекала кабардин-

скую равнину и правым берегом реки Терека шла к станицам гребенского казачества - Щедринской, Брагунской и Червленой.

Все перечисленные торговые пути, соединявшие осетинские ущелья с пограничными русскими городами, проходили через владения кабардинских князей, получавших с этих путей значительные доходы. По всем путям были расположены таможенные заставы кабардинских князей. У самого выхода из Куртатинского ущелья находилась застава Барукино, а к северу от нее по той же магистрали располагались заставы Баташево, Таусултаново и, не доезжая станицы Червленой, Девлет-Гиреево. На заставах находились дружинники кабардинских князей, которые взимали с проезжавших большие по тому времени пошлины.

Кабардинские феодалы не всегда ограничивались взысканием положенных пошлин. Очень часто они забирали в плен проезжавших, а потом отпускали их за большой выкуп или продавали на внешних и внутренних ясыр-базарах. «Большой и Малой Кабарды владельцы, а особенно Малой Кабарды владельцы, а именно Ахловы и Мударовы фамилии,- писали осетинские старшины Куртатинского и Алагирского ущелий астраханскому губернатору Кречетникову,- теснят давлением проезжающих отсюда людей наших всяких вин и продают временами в посторонние места, а иногда и нам на выкуп за дорогую цену отдают»[50].

В связи с трудностями и препятствиями, которые лежали на пути осетин в их торговых и прочих сношениях с русскими городками, осетины очень часто и настойчиво обращались к Екатерине II с просьбой о том, чтобы «сделать в Моздок, Кизляр и обратно в жилища наши свободный проезд, дозволить нам покупать соль, железа по малому числу на удовольствие наше»[51].

С течением времени дорожные платежи, которые кабардинские феодалы взимали с осетинского крестьянства, могли принять характер постоянной и обязательной повинности.

VI

Распространению феодального господства кабардинских князей над осетинским трудовым крестьянством, разумеется, много способствовали местные феодалы, в свою очередь находившиеся в вассальной зависимости от кабардинских феодалов. Время установления кабардинского вассалитета осетинских феодалов уходит в глубь истории, но по некоторым данным, дошедшим до нас в известном статейном списке посольства стольника Толочанова, можно совершенно определенно сказать, что между осетинскими и кабардинскими феодалами вассальные отношения установились еще задолго до середины XVII в. В этих известиях между прочим упоминается дигорский феодал Карабугаев, владевший крестьянами четырех дигорских деревень и являвшийся, по-видимому, вассалом упомянутых в том же статейном списке кабардинских феодалов Алегуки и Ходождуки Черкасских и Зазаруки мурзы Анзорова[52]. Народный эпос осетин также сохранил некоторые сведения о вассальной зависимости феодалов от кабардинских князей. Из этих сведений видно, что дигорский феодал Есен Кануков, средневековый феодальный замок которого до сих пор еще стоит над селением Донифарс, являлся вассалом кабардинского пше Кайтукина Сари-Асланбека[83].

Осетинские феодалы на основе вассальной зависимости от кабардинских князей имели ряд обязательств перед своими сюзеренами. Каждый из осетинских феодалов обязан был в подвластных ему селах собирать с осетинского крестьянства положенные феодальные повинности для себя и для своего сюзерена. Осетинские феодалы обязаны были также оказывать своему сюзерену помощь вооруженной силой. В свою очередь кабардинские князья оказывали своим вассалам всяческую помощь, в том числе и вооруженную, против эксплуатируемых крестьянских масс. Тесный классовый союз, существовавший между осетинскими и кабардинскими феодалами, обеспечивал и тем и другим максимальную эксплуатацию как осетинских, так и кабардинских крестьянских масс. Кабардинские и осетинские феодалы особенно тесно сближались на почве обострения классовой борьбы между феодалами и эксплуатируемым крестьянством. Важно отметить, что кабардинские феодалы оказывали осетинским феодалам вооруженную помощь в их борьбе против осетинских крестьянских масс. По свидетельству документа[54], кабардинские феодалы посылали к осетинским феодалам своих представителей с вооруженной силой для охраны своих вассалов и совместной борьбы против осетинских крестьянских восстаний, из года в год повторяющихся на почве жестокой феодальной эксплуатации.

Классовый союз между осетинскими и кабардинскими феодалами скреплялся самыми разнообразными способами. Одним из наиболее распространенных способов скрепления классового союза было установление родственных связей, охватывавших в историческом прошлом весьма широкие круги осетино-кабардинских феодальных слоев. О родственных связях между осетинскими и кабардинскими феодалами сохранились между прочим интересные свидетельства в исторических документах, которые говорят, что «дюгор, сюрдюгор... с тою Малою Кабардою постоянной имеют мир... и взаимно между себя женятся - дюгоры и сюрдюгор на кабардинских, а кабардинцы на их дочерях»[65]. Приведенная цитата из документа говорит, таким образом, о том, что осетины западных ущелий - дигорцы и стырдигорцы,- жившие в соседстве с феодальным владением Алдиги-

рея Гиляксанова, были в добрососедских отношениях с кабардинцами. Само собою разумеется, что в данном случае речь идет не о дигорцах вообще, а о дигорских феодалах, которые на основе установившихся вассальных отношений и общности классовых интересов были с кабардинскими феодалами в мире и согласии. Древний обычай установления родственных связей между осетинскими и кабардинскими феодалами дожил вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Но зато и кабардинские, и осетинские феодалы, ревниво охранявшие «чистоту» своей крови, не вступали в родственные связи с «черным» народом. А когда вопреки феодальным традициям кто-нибудь из «черного» народа похищал себе в жены девицу из княжеской фамилии, что впрочем случалось весьма редко, то против всего рода, из которого происходил «преступник», посягнувший на «честь» княжеской фамилии и нарушивший феодальные традиции, с оружием в руках выступали совместно не только кабардинские и осетинские феодалы, но и царская администрация и царский суд.

В 1910 г. житель сел. Христианского, быв. Терской области, Асламбек Багаевич Корнаев сделал предложение дочери кабардинского князя Хаджи Кодзокова - Хадизат. Девушка дала свое согласие стать женой Асламбека Корнаева, хотя он и происходил из «черного» народа. Однако родственники и вообще весь дворянский род Кодзоковых не только не дали своего согласия на брак Хадизат с Асламбеком Корнаевым, но даже самое предложение последнего сочли величайшей дерзостью и тягчайшим оскорблением чести и достоинства знатной дворянской фамилии Кодзоковых. Вскоре Хадизат под сильным давлением всего рода Кодзоковых была обручена с нелюбимым, но равным по происхождению с Код зоновыми - Асламбеком Караджаевым. О своем насильственном обручении Хадизат дала знать Асламбеку Корнаеву, который при содействии своих родственников и друзей накануне свадьбы похитил Хадизат Кодзокову. Поступок Асламбека Корнаева возмутил не только Кодзоковых и Караджаевых, которых он непосредственно касался, но всколыхнул и широкие дворянские слои Кабарды и Осетии.

Поздним весенним вечером многочисленный вооруженный отряд, состоявший из дворян Кодзоковых и Караджаевых, спешился в просторном дворе крупного осетинского феодала Дзанхота Туганова, где уже были в сборе представители и других осетинских феодальных фамилий - Кубатиевых и Абисаловых.

- Не с доброй вестью сегодня мы к тебе явились, наш старший брат и равный нам по крови, уважаемый Дзанхот,- медленно начал свою речь старик Кодзоков.- На склоне лет Аллах покрыл мою седую голову неслыханным позором, который можно омыть только обильными потоками крови фамилии Корнаевых. Мы явились сюда за братской помощью в нашей кровной мести

с Корнаевыми, опозорившими нашу княжескую честь и втоптавшими в грязь наше дворянское достоинство.

- Я позор ваш понимаю, уважаемый Хаджи, и от всей души разделяю ваше горе, но плана вашего я не одобряю,- поглаживая седую бороду, отвечал Дзанхот Туганов.- Идти в открытый бой против многочисленной и храброй фамилии Корнаевых все равно, что идти с ольховой палкой против медведя. Я так разумею дело, что хитрость тут уместнее, чем открытый бой... Да, наконец, русские законы и царский суд за нас!

Однако Кодзоковы и Караджаевы не согласились с доводами Дзанхота Туганова, и на следующий же день в боевом порядке они уже подходили к сел. Христианскому. На расстоянии приблизительно двух километров от селения отряд спешился. К Корнаевым было послано несколько парламентеров с ультимативным требованием немедленной выдачи похищенной им княжны Кодзоковой.

За Корнаевым встало как один все население Христианского.

- Для дочери Кодзоковых нет обратного пути,- раздавались голоса в вооруженных толпах крестьян, суетившихся на улице села.

- Если даже Корнаевы согласятся отпустить свою невесту, мы ее не отпустим! Наш спор должны решить кинжалы и пуля.

- Война! - призывал кто-то из толпы.- Надо уничтожить и кабардинских, и «своих» алдаров. Довольно терпеть от них унижения!

Разъяренные толпы крестьян набросились на делегатов Кодзоковых и Караджаевых. Энергичное вмешательство старшего в роде Корнаевых, Кубади, несколько успокоило разгоревшиеся страсти возбужденных масс. Делегаты отделались только побоями. Им удалось спастись бегством. Вооруженный отряд Кодзоковых и Караджаевых, не приняв боя с христиановцами, поспешил обратно в Кабарду.

Старик Кодзоков теперь больше не сомневался в справедливости слов Дзанхота Туганова и решил отомстить Корнаевым при помощи наемных убийц. Месяца через три после свадьбы наемными убийцами Кодзоковых и Караджаевых в одном из грязных номеров на быв. Кузнецкой улице тогдашнего Владикавказа зверски был убит Асламбек Корнаев. Но Кодзоковы и Караджаевы не ограничились этим. Они стали действовать дальше: вся царская администрация, начиная от сельского правительственного старшины и кончая начальником быв. Терской области генералом Колюбакиным, была ими подкуплена. Деньги сделали свое дело: против младшего брата убитого, Салата Корнаева, всенародно поклявшегося над трупом своего брата не брить бороды и не появляться в доме отца своего до тех пор, пока он не отомстит за кровь брата поголовным истреблением

взрослого мужского населения обеих княжеских фамилий - Кодзоковых и Караджаевых, было создано громкое дело. Корнаеву не удалось осуществить свой план: он был схвачен царской администрацией и осужден на пожизненную каторгу, где и умер в 1913 г.

Приведенный небольшой эпизод из сравнительно недавней истории классовой солидарности кабардино-осетинских социальных верхов интересен в том отношении, что он в достаточной мере вскрывает тесный классовый союз, издавна существовавший между кабардинскими князьями и дворянами и осетинскими алдарами, всегда совместно выступавшими в защиту своих классовых интересов, если на них покушались угнетенные массы кабардинских и осетинских крестьян. В равной степени этот эпизод лишний раз подтверждает тот факт, что царская администрация также всегда была на страже классовых интересов горских дворян и помещиков, пользовавшихся всемерной поддержкой со стороны русского самодержавия. Последнее предоставляло в их распоряжение вооруженный отряд войск для подавления крестьянских восстаний, из года в год повторявшихся на территории Кабарды и Осетии и направленных против местных эксплуататоров - помещиков и дворян - и против установленного русским самодержавием колониального режима.

Отметим далее, что не все сословия кабардинских князей выдавали своих дочерей за осетинских феодалов. Сословие пше, например, не выдавало своих дочерей за осетинских феодалов. Обычно осетинские феодалы женились на дочерях тлакотлешей и деженуго, а эти два сословия брали себе в жены дочерей осетинских баделят, царгасат и гагуат.

Осетинские феодалы из классовой солидарности со своим сюзереном поголовно все исповедывали одинаковую с кабардинскими князьями мусульманскую религию, в то время как зависимые от них крестьяне были язычниками. Знание кабардинского языка и соблюдение чрезвычайно сложного этикета кабардинских князей для осетинских феодалов считались обязательными и являлись признаком хорошего тона и «благородного» происхождения.

Древний горский обычай аталычества широко был использован осетинскими и кабардинскими феодалами как средство укрепления своих классовых позиций. Бытовая сторона института аталычества заключалась в том, что один феодал отдавал своего новорожденного сына на воспитание другому феодалу, у которого ребенок находился обычно до совершеннолетнего возраста. По достижении совершеннолетия воспитатель княжеского сына возвращал своего воспитанника с богатыми дарами в дом отца. В свою очередь отец воспитанника также награждал воспитателя своего сына участком земли, породистыми лошадьми, стадами овец и крупным рогатым скотом. Классовый смысл

института аталычества заключается в том, что аталычество объединяло два феодальных рода в священный и нерушимый союз, обязывавший оба рода помогать друг другу решительно всем, а в случае надобности - и вооруженной силой. Менее сильные феодальные роды обыкновенно добивались сближения через аталычество с более сильными феодальными родами, при помощи которых они укрепляли свою мощь. Осетинские баделята, царгасата и гогуата являлись аталыками кабардинских пше, тлакотлешей и деженуго. Аталыками же осетинских феодалов могли быть кабардинские привилегированные сословия деженуго, беяслан-ворков и ворков-шаутлухус.

Между феодалами Кабарды и Осетии широко практиковалась материальная взаимопомощь. Если кабардинский или осетинский феодал лишался своих холопов и впадал в бедность, более состоятельные феодалы оказывали разорившемуся князю всякую помощь, в том числе и материальную.

Заслуживает быть отмеченным и то, что, по обычаям кабардинских феодалов, кровь убитого феодала не могла остаться неотомщенной. Если наследники убитого князя сами не в состоянии были отомстить за кровь, приходили на помощь другие феодалы. В кабардинском обычном праве есть прямое указание на то, что пше обязан был выступать как кровомститель за убитого тлакотлеша.

Общеизвестно далее, что кабардинские и осетинские феодалы имели постоянное живое общение, которое способствовало укреплению классового союза между ними. По древнему кабардинскому обычаю, кабардинские князья с многочисленной своей свитой, состоявшей из беяслан-ворков и ворков-шаутлухус, приезжали к осетинским феодалам и гостили у них более или менее продолжительное время. Приезды кабардинских князей к осетинским феодалам и ответные визиты последних носили систематический характер. Поэтому каждый кабардинский, равно как и осетинский, феодал всегда около своего жилого дома строил еще небольшой особняк специально для гостей - кунацкую. Эти кунацкие, как правило, использовались только по прямому назначению, а когда гостей не было, их держали на замке. О систематическом характере взаимных визитов кабардинских и осетинских феодалов говорит как то, что феодалы ежегодно известную часть собранного хлеба заблаговременно отсыпали для гостей, так и то, что в числе феодальных повинностей, которые оги платили феодалам, имеется обязательный прием огом гостей феодала, уход за гостями и за их лошадьми во все время их пребывания, которое подчас бывало весьма продолжительным. По преданиям осетин, сохранившим, по-видимому, некоторые отголоски обычая гостеприимства, не принято было спрашивать гостя о сроке и цели его приезда раньше трех дней; только по истечении этого срока хозяин мог спросить о цели

11 Заказ № 106

приезда и о продолжительности его пребывания. Все расходы по содержанию приезжавших феодалов и их многочисленной свиты, разумеется, ложились на крестьянский бюджет. Частые визиты феодалов и их длительное пребывание в гостях подрывали экономические основы и без того незатейливого хозяйства крепостного крестьянства.

Следует, однако, отметить, что отношения между осетинскими и кабардинскими феодалами не всегда были дружественными. По мере усиления классовой борьбы внутри осетинского и кабардинского обществ классовый союз осетинских и кабардинских феодалов усиливался. Наоборот, с подавлением объединенными силами феодалов крестьянских восстаний в Кабарде и Осетии союз феодалов слабел настолько, что у осетинских феодалов появлялись даже тенденции вовсе освободиться от вассальной зависимости от кабардинских князей. Стремление осетинских феодалов освободиться от вассальной зависимости от кабардинских князей основано было на нежелании осетинских феодалов делиться со своим сюзереном выколачиваемыми из осетинского крестьянства доходами. Эту тенденцию осетинских феодалов можно проследить по письменным источникам с середины XVII в. вплоть до покорения Северного Кавказа русским царизмом. Так, например, представители дигорских феодалов Смаил и Чибирка просили членов московского посольства, следовавшего в 1650 г. через Дигорию в Грузию, заложить в предгорной равнине крепость с русским гарнизоном. При этом они выражали верноподданнические чувства московскому царю, обещая за постройку крепости платить ему те подати, которые они тогда платили кабардинским феодалам. Таким образом, дигорские феодалы при помощи Московского государства хотели освободиться от вассальной зависимости от кабардинских князей.

По мере приближения царской России к горским пределам борьба осетинских феодалов за освобождение от вассальной зависимости от кабардинских князей все более усиливалась. В первой половине XVIII в. среди осетинских феодалов наметилась определенная ориентация на царскую Россию. Осетинские феодалы всеми доступными им мерами и способами старались вовлечь царскую Россию во внутреннюю борьбу, происходившую между осетинскими и кабардинскими феодалами, за право монопольной эксплуатации осетинского трудового крестьянства. Надеясь на поддержку со стороны царской России в освобождении от вассальной зависимости, осетинские феодалы становились в авангарде колониального похода метрополии на Северный Кавказ и являлись активными проводниками колониальных мероприятий царизма среди осетин. Осетинские феодалы всемерно содействовали успеху христианизации осетинского населения в проводимой русским самодержавием; способствовали личным участием выявлению естественных богатств осетинского края; наконец, систематически информировали царскую Россию «о всяких секретах и тайностях и о протчем состоянии осетинской земли»[56].

Осетинские феодалы на протяжении всей второй половины XVIII в. буквально осаждали царскую Россию бесконечными просьбами о постройке у выхода из осетинских ущелий крепости с вооруженной командой во главе с русским начальником. При помощи русской вооруженной команды осетинские феодалы хотели сбросить с себя вассальную зависимость от кабардинских князей. «Определить к нам пристойную команду,- писали осетинские феодалы Куртатинского и Алагирского ущелий в 1767 г. астраханскому губернатору Петру Кречетникову,- чтоб она от всех причиняемых нам Большой и Малой Кабардой владельцев обид защищала и с обеих сторон между нами разобрание мог чинить начальник оной команды» .

В 1755 г. тагаурские старшины вновь подали Елизавете Петровне челобитную, в третьем пункте которой они писали о своей готовности принять подданство царской России, но просили помочь им сбросить вассальную зависимость от кабардинских князей. «Некоторые Большой Кабарды владельцы,- говорит документ,- призывают их, осетинцев, под свою власть, обнадеживая при том их защищением, но они того учинить не желают и весьма прилежно от ее императ. величества помощи просят»[58].

В результате неоднократных прошений осетинских старшин астраханский губернатор докладывал Екатерине II, что «все осетинские старшины, двадцать человек... всего больше желают, чтоб поставить над ними наших начальников, о чем бы нам всеми способами добиваться должно»[59].

В своем стремлении добиться при помощи царской России освобождения от вассалитета у кабардинских князей осетинские феодалы не ограничивались дипломатической перепиской. В 1749 г. осетинские феодалы посылали даже специальное посольство в Петербург к Елизавете Петровне. Центральным пунктом наказа осетинского посольства являлся вопрос о разрешении осетинским феодалам выселиться из гор в предгорную кабардинскую равнину и об оказании им вооруженной помощи против кабардинских феодалов, отрицательно относившихся к ориентации своих вассалов на царскую Россию, и против осетинского трудового крестьянства в случае отказа его следовать за «своими» феодалами на новые места жительства.

Царская Россия во второй половине XVIII в. не могла удовлетворить просьбы осетинских феодалов. Царизм в силу международных обязательств, вытекавших из русско-турецкого трактата 1739 г. (более подробно остановимся на нем дальше), не имел юридических прав ни распоряжаться землями, находившимися в монопольном владении кабардинских феодалов, ни устраивать военных укреплений на территории Кабарды, за которой по упомянутому мирному трактату были признаны суве-

ренные права. Вот почему царская Россия старательно отклоняла просьбу осетинских феодалов о предоставлении им земель на территории Кабарды и об устройстве в той же кабардинской равнине военных укреплений с русскими гарнизонами. Царская Россия предлагала осетинским феодалам переселиться не на кабардинскую равнину, а в тогдашние русские пределы.

Осетинские феодалы, не желая менять одну зависимость на другую, а самое главное, боясь крестьянских восстаний, которые были неизбежны на почве этого переселения, вынуждены были отказаться от предложения царской России переселиться в тогдашние русские пределы. Политика осетинских феодалов, которым, кстати, нельзя отказать в дипломатических способностях, была понятна царской России, которая правильно констатировала, что осетинские феодалы «подле гор поселиться желают, может быть, больше для того, чтоб не совсем подчиняться здешней стороне и, в случае нужды, иметь способ в горы ретироваться»[60].

По-видимому, отношения между осетинскими и кабардинскими феодалами обострялись иногда настолько, что порой доходили даже до вооруженных столкновений. Осетинский народный эпос сохранил яркие страницы, описывающие вооруженные столкновения осетинских феодалов и кабардинских князей с упоминанием имен, фамилий и места действия. Так, весьма популярная среди осетин народная песня «Сари-Асланбек» отразила интересный эпизод борьбы дигорского феодала Есена Канукова против своего сюзерена, кабардинского феодала Сари-Асланбека Кайтукина.

По словам интересного памятника устного народного творчества осетин, кабардинский пше Сари-Асланбек Кайтукин направил в сопровождении Сафарали Караджаева двух быков, принадлежащих жене Кайтукина, в Таторс на летний сезон. По распоряжению феодала Есена Канукова жители сел. Донифарс зарезали двух быков Кайтукина. «Отомщу донифарсцам за обиду моих быков и наложу на них дань»,-- сказал Кайтукин и пошел войной на дигорского феодала Есена Канукова. «... Дани маслом тебе не измерим желудком овцы, подобно Хуламу и Безенги,— ответили донифарсцы,— этого не ожидай от нас, сын Кайтукин!.. Удались от нас, а не то притащим тебя в нашу среду за ухо. Неужели, Кайтукин сын, ты еще не узнал, что Таторс - гибельное пастбище для твоих быков с украшенными рогами?»[61] Сари-Асланбек Кайтукин со своими войсками отправился ни с чем обратно в Кабарду. В дальнейшем, однако, по словам народной песни, осетинский феодал Кануков вынужден был признать себя вассалом кабардинского князя Сари-Асланбека Кайтукина.

Сообщаемый приведенным памятником устного народного творчества осетин факт едва ли противоречит исторической действительности, тем более, что и места действия, и лица, упоминаемые в памятнике, конкретны и реальны. Сел. Донифарс - реальное и до сих пор существующее в горной Дигории селение, где некогда действительно жил в своей боевой башне, сохранившейся до наших дней, дигорский феодал Есен Кануков. Кабардинский феодал Сари-Асланбек Кайтукин - также реально существовавшее лицо. Кайтукин происходил из Большой Кабарды и принадлежал к сословию пше. Согласно генеалогической, карте кабардинских феодалов, Кайтукин жил в первой половине XVIII в.[62] Приведенный памятник в основном правильно указывает, что происходившая между осетинскими и кабардинскими феодалами борьба развертывалась на почве стремления осетинских феодалов сбросить с себя вассальную зависимость от кабардинских князей, чтобы безраздельно пользоваться выколачиваемыми из осетинского крестьянства доходами.

Борьба осетинских феодалов за свое освобождение от вассальной зависимости от кабардинских князей продолжалась и после того, как осетины стали выселяться с гор на предгорную равнину, на которую потом стали претендовать осетинские феодалы. Царская Россия поддержала интересы осетинских феодалов и закрепила в потомственное владение за каждой феодальной фамилией определенное количество земли: за фамилией Кубатиевых был закреплен участок земли в 3 тыс. дес, за фамилией Караджаевых - в 800 и за фамилией Абисаловых - в 200 дес. Одновременно с получением земель на предгорной равнине осетинские феодалы при помощи царской России получили возможность безраздельной эксплуатации осетинского трудового крестьянства.

VII

Для правильного понимания политики царской России второй половины XVIII в. в отношении горцев Северного Кавказа необходимо исходить из содержания Белградского мирного трактата 1739 г., являющегося ключом к уяснению действительных причин, вызвавших к жизни теорию «независимости» осетинского крестьянства от кабардинских феодалов.

Прежде чем перейти к выяснению русско-турецких отношений, обусловленных трактатом, необходимо хотя бы кратко остановиться на стратегическом значении осетинской территории для завоевания Кавказа и на захвате русским царизмом горных богатств, обнаруженных в середине XVIII в. на территории Осетии.

Обычно, когда в дореволюционной историографии заходила речь о том, почему царская Россия исходной точкой для колониального захвата северокавказских горцев избрала территорию осетин и ингушей, великодержавные историки отвечали, что-де у царской России никаких колониальных и захватнических

целей не было и если она тем не менее приступила к христианизации осетин и ингушей, то только потому, что «в первой половине XVIII в., когда грузинская православная церковь вступила в непосредственное общение с церковью русскою, снова обращено было христианское заботливое внимание на забитых горцев»[83].

Таким образом, действительные причины колониальной экспансии русского самодержавия на Северный Кавказ буржуазная историография маскировала «заботливым» вниманием царизма к «забитым» горцам. Такой ответ на поставленный вопрос, разумеется, нельзя признать сколько-нибудь убедительным. Все дело в том, что участок, который занимали осетины и ингуши на Центральном Кавказе, был исключительно важным в стратегическом отношении. Он отделял царскую Россию не только от Грузии, социальные верхи которой в силу внешних и внутренних исторических причин ориентировались на царскую Россию, но от всего вообще Закавказья, сулившего царизму большие экономические возможности и широкие перспективы для дальнейшего колониального проникновения на Ближний Восток.

Через участок, который занимали осетины и ингуши на Центральном Кавказе, проходил один из самых удобных и благоустроенных в то время кавказских перевальных путей, который соединял тогдашние русские пределы, не переходившие еще на правый берег Терека, с Грузией и с Закавказьем вообще. Огромное военно-стратегическое значение Центрального Кавказа и Дарьяльского пути, на котором сидели осетины и ингуши, было подмечено еще Марксом. «Кавказские горы,- пишет Маркс,- отделяют Южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых московитянами от мусульман. Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье; она защищена непрерывной цепью укреплений и подвергается с обеих сторон беспрестанным нападениям враждебных кавказских племен. Если бы все эти кавказские племена объединялись под владычеством единого военного вождя, они могли бы представить серьезную опасность даже для соседних казачьих областей»[64].

Таким образом, захват Дарьяльского военного пути, проходившего через территорию осетин и ингушей, помог бы царской России ступить железной пятой в Закавказье и облегчил бы дальнейший колониальный поход на Восток.

На препятствиях, какие чинили осетины и ингуши русскому царизму по Дарьялу, я останавливался в одной из своих работ[65]. Поэтому здесь ограничусь указанием лишь на то, что Дарьяльский путь, по правильному замечанию Маркса, действительно подвергался беспрерывным нападениям со стороны враждебных кавказских горцев и в первую очередь — со стороны осетин и ингушей. Отсюда совершенно ясно, что для обеспечения свободного сообщения с Закавказьем необходимо было в первую голову прибрать к рукам те племена, которые представляли для царизма наибольшие неудобства. Поэтому не случаен тот факт, что царская Россия, избрав исходной точкой своей колониальной политики осетино-ингушскую территорию, лежавшую на главной кавказской перевальной магистрали, начала вести миссионерскую пропаганду именно среди осетин и ингушей еще задолго до фактического их покорения.

Необходимо далее отметить, что осетинская территория имела для царской России не только стратегическое, но и большое экономическое значение. Дело в том, что во второй половине XVIII в. на территории горной Осетии были обнаружены горные богатства, сулившие царизму большие экономические перспективы, а потому приковавшие к себе исключительное внимание Берг-коллегии и Коллегии иностранных дел.

На истории захвата царизмом осетинских горных и лесных богатств я также останавливался в одной из своих последних работ[66]. Поэтому в данном случае ограничусь лишь кратким освещением этого вопроса. Впервые об осетинских горных богатствах стало известно царской России в 60-х гг. XVIII в. через грузинских миссионеров, посланных царизмом в Осетию для миссионерской пропаганды среди осетин и других горских народов. В Куртатинском ущелье миссионеры обнаружили горные богатства, о которых немедленно сообщили в Берг-коллегию. Царизм проявил исключительный интерес к осетинским горным богатствам, доказательством чего служат геологические экспедиции, направленные по инициативе царизма в осетинские горы для всестороннего их исследования.

Первая геологоразведочная экспедиция была послана в Осетию в 1768 г. под руководством мастера по горному делу Степана Вонявина, специально выписанного для этой цели из Нерчинских рудников. В 1771 г. в горную Осетию была направлена вторая геологоразведочная экспедиция под руководством специалиста по горному делу Александра Кирхнера и ротмистра Афанасия Батырева.

Обе экспедиции подробно обследовали все осетинские ущелья и обнаружили ряд месторождений металла, суливших царской России большие экономические возможности. Особенно удачно была проведена первая экспедиция под руководством Вонявина, которому удалось вывезти из Осетии большое количество образцов горных пород для химического анализа. Вонявин составил довольно подробную карту горнорудных и лесных богатств Осетии. Больше того, он представил в Берг-коллегию иностранных дел конкретный план эксплуатации естественных богатств Осетии. По плану Вонявина[67] проектировалась постройка двух металлургических заводов: на берегу реки Ардо-

на, у самого выхода из Алагирского ущелья, приблизительно там, где сейчас находится сел. Алагир, и на берегу реки Фиаг-Дона, у выхода из Куртатинского ущелья, между Дзавгисом и Дзуарикей. Места для постройки этих заводов намечались в полосе лесных массивов с таким расчетом, чтобы заводы всегда были обеспечены топливом. Вонявин предполагал осетин Алагирского и Куртатинского ущелий и ингушей, живших по Дарьялу, поселить недалеко от металлургических заводов, чтобы заводы были постоянно обеспечены рабочей силой.

Важно отметить, что цели и задачи обеих экспедиций, направленных царизмом в Осетию, были строжайшим образом засекречены от местного населения и от кабардинских феодалов. Начальникам экспедиций было строго приказано «стараться порученное дело всеми образы скрыть, дабы никто о нем не узнал»[68]. В соответствии с этим члены первой геологоразведочной экспедиции приехали в Осетию под видом охотников на туров. Астраханский губернатор Бекетов снабдил членов экспедиции письмом, адресованным осетинским феодалам. «Я уведомился,- писал Бекетов осетинским феодалам,- что в ваших и около вас в окрестных местах по горам обитают дикие бараны, называемые туры, коих необходимо мне надобно для куриозности у себя содержать. Посылаю при сем моих надежных мне людей трех человек, которым прошу приказать те места указать, где б они могли их поймать. Однако ж, дабы вам самим и вашим людям в поимке их не трудиться, сего ради требовал я от кизлярского коменданта Потапова, чтобы он к поимке их с моими людьми отправил из его команды двенадцать стрелять хорошо умеющих казаков»[69].

Члены второй геологоразведочной экспедиции приехали в Осетию под предлогом сбора казачьих вещей, оставшихся у осетин после казачье-осетинского сражения в 1769 г. при осетинском подворье. Однако, поскольку целью приезда были не казачьи вещи, а исследования горных богатств Осетии, пограничные русские начальники в секретной инструкции приказывали экспедиции относительно казачьих вещей «усильного требования не делать»[70].

В результате работ обеих геологоразведочных экспедиций царская Россия располагала почти исчерпывающими сведениями об осетинских горных и лесных богатствах.

Но к разработке осетинских горных богатств в XVIII в. она не приступила, так как была связана русско-турецким трактатом 1739 г. и из опасения осложнить и без того натянутые русско-турецкие отношения вынуждена была воздержаться от агрессивных действий на территории Осетии, находившейся в феодально-вассальной зависимости от кабардинских феодалов. Чтобы правильно понять роль феодальной Кабарды в русско-осетинских и русско-турецких отношениях той эпохи, необходимо исходить из содержания Белградского мирного трактата, в шестом артикуле которого относительно Кабарды сказано: «быть тем Кабардам к вольным и не быть под владением ни одного, ни другого империя, но только за бариеру между обеими империями служить имеют и что и от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оные не вступатца и оных не обеспокоивать, также и от всероссийской империи оные в покое оставлены будут, а ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой державе,- каждой позволяется наказать»[71]. Таким образом, по смыслу Белградского трактата, Кабарда была признана независимой как от Турции, так и от царской России.

Исходя из условий Белградского мирного трактата, совершенно ясно, что вмешательство царской России во внутренние дела не только Кабарды, но и подвластных феодальной Кабарде горских народов не могло не рассматриваться Оттоманской Портой иначе, как нарушение суверенных прав Кабарды, а следовательно, и как нарушение Белградского мирного трактата. Отсюда понятна чрезвычайная осторожность царской России, проявленная ею решительно во всех своих колониальных мероприятиях в отношении северокавказских горцев, и в частности осетин, находившихся, как мы уже выяснили, в феодально-вассальной зависимости от кабардинских князей.

Исключительная осторожность была, например, проявлена царизмом в деле христианизации осетин. Не случайно поэтому вся Осетинская миссионерская комиссия, отправленная в Осетию в 1745 г., состояла исключительно из грузинских духовных лиц, подобранных в Москве, в то время как русским категорически было запрещено принимать какое бы то ни было участие в работе названной комиссии. «Духовных персон,- писал тогда правительствующий сенат кавказским пограничным начальникам,- отправить от них, грузинцов, а российских людей как духовных, так и светских, как для конвою, так и в свите их при них посылать не надлежит, и им с собою брать не велеть и инструкции не давать, и астраханскому губернатору и кизлярскому коменданту смотреть накрепко, чтоб с ним никого в Осетию русских пропущено и с ними послано послание отнюдь бы не было, и они с собою никого не брали»[72]. Такое категорическое запрещение сената отправить в Осетию в составе миссионерской комиссии русских людей было вызвано опасением, говоря словами документа, «пограничным с тем осетинским народом местам не подать какого-либо к размышлению сумнительства, а паче Оттоманской Порте»[73]. Из приведенного документа ясно, что под «пограничными с тем осетинским народом местами» надо разуметь Кабарду, в феодально-вассальной зависимости от которой находились осетины; среди последних открытая миссионерская пропаганда царской России не могла быть истолко-

вана Оттоманской Портой иначе, как нарушение суверенных прав Кабарды, а следовательно, нарушение Белградского мирного трактата.

Такая лее осторожность была проявлена царизмом и в вопросе о выселении осетин на предгорную кабардинскую равнину. Расселение осетин при содействии царской России на территории Кабарды, признанной по Белградскому трактату «вольным и за бариеру между обоими империями служить», «с вышеозначенным трактатом,— отмечает документ,— было бы не сходно и не безопасно», так как «со стороны Порты Оттоманской все здешние поступки в рассуждении кабардинского народа, каковы б они ни были, наиточнейше примечаются»[74].

Неоднократные обращения осетинских феодалов к царской России о принятии их в русское подданство со стороны России оставлялись без последствий из опасения вызвать протест кабардинских феодалов, а вместе с ними и Оттоманской Порты. «Осетинцы,- говорится в рескрипте Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Бекетову,- хотя давно просят, чтобы они приняты были по прямому в нашу протекцию... но на сие не поступается, для того чтобы не дать Порте Оттоманской причину к неудовольствию и подозрению»[75].

Нередко осетинские феодалы обращались к царской России с просьбой оказать им помощь в борьбе за освобождение из-под вассальной зависимости от кабардинских феодалов, но царизм, связанный русско-турецким трактатом 1739 г., не мог предпринять каких-либо мер в отношении Кабарды. Он давал советы осетинским феодалам «поудалиться в крепкие места», так как «во всех их обидах взыскания чинить до времени не можно». Россия просила осетинских феодалов, чтобы те «несколько до времени приняли терпение, а впредь обиженными не останутся»[76]. Таким образом, пока Белградский мирный трактат находился в силе, царская Россия воздерживалась от открытого по крайней мере вмешательства во внутренние дела зависимой от феодальной Кабарды Осетии.

Не с меньшей осмотрительностью царская Россия подходила и к вопросу о захвате осетинских горных богатств, раскрывавших перед нею широкие экономические перспективы. Однако и этот вопрос также упирался в кабардино-осетинские и феодально-вассальные отношения, без учета которых нельзя понять чрезвычайной осторожности царизма в столь выгодном в экономическом отношении деле, которое занимало тогдашние дипломатические круги на протяжении свыше сорока лет. Царизм, учитывая феодально-вассальную зависимость осетин от кабардинских князей, прекрасно понимал, что его поползновения к захвату осетинских горных богатств не могли не вызвать немедленного и решительного протеста со стороны кабардинских князей. «В какое движение могут они придти,- пишет о кабардинских феодалах Коллегия иностранных дел в рескрипте к астраханскому губернатору Бекетову,- видя занятие мест и в Осетии как таком народе, которой они себе, хотя и без всякого права, однако же, присваивают»[77].

Но главным и непреодолимым в тогдашней политической ситуации препятствием, которое лежало на пути к захвату осетинских горных богатств, царизм справедливо считал вытекавшие из Белградского мирного трактата обязательства царской России перед Оттоманской Портой. Об обязательствах, которые возлагались на Россию этим трактатом, царизм никогда не забывал, и прежде чем предпринять то или иное колониальное мероприятие в отношении Кабарды и зависимых от нее горских народов, он изучал вопрос о том, в какой мере предполагаемое мероприятие может противоречить условиям Белградского мирного трактата. Из этого же трактата исходил царизм при решении вопроса о захвате осетинских горных богатств. Секретные агенты царской России побывали решительно во всех уголках горной Осетии для подробного изучения политической ситуации страны и для выяснения кабардино-осетинских отношений.

После установления факта феодально-вассальной зависимости осетин от феодальной Кабарды, признанной по Белградскому трактату независимой, Коллегия иностранных дел вынуждена была констатировать, что «непреодолимое препятствие помогает приемлемому намерению находящимися в Осетии металлами пользоваться... при строгом примечании за здешними поступками не только ханов крымских, но и самой Порты Оттоманской,— едва ли возможно и малейшую надежду иметь, чтоб в настоящее время великой в том успех был»[78]. Что основным препятствием к захвату осетинских богатств для царской России являлся русско-турецкий трактат 1739 г., видно хотя бы из донесения Коллегии иностранных дел правительствующему сенату, в котором с предельной ясностью говорится, что «по тех пор, пока дела с Портой Оттоманской в нынешнем состоянии остаются, едва ли можно какого успеха в сем намерении надеяться»[79].

Таким образом, после приведенных исторических данных, кажется, не остается места для сомнений в том, что царская Россия в своих колониальных действиях в отношении Кабарды и находившейся в феодально-вассальной от нее зависимости Осетии была скована Белградским мирным трактатом. Поэтому не случаен и тот факт, что вопрос о захвате осетинских горных богатств был отложен до более благоприятного для России момента. Таким благоприятным моментом дипломатические круги Екатерины II считали удачно заключенный для России после русско-турецкой войны мир, по которому Кабарда, а вместе с нею и подвластная ей Осетия перешли бы в подданство царской России «Щастливая только война с Портою Оттоманскою,- констатировала Коллегия иностранных дел,- начинае-

мая когда-либо со здешней стороны по важным причинам, или с ее стороны объявляемая по каким-либо намерениям, может облегчить предприятие горных работ как в Осетии, так потом и в других тамошних местах, ибо для того надобно будет, при воепоследуемом мире, употребить все старания выговорить в здешнее подданство кабардинский народ, как в тамошней стороне знатнейшим почитаемой и примеру которого и-другие следуют»[80].

Однако царская Россия не сразу пришла к решению отложить вопрос эксплуатации осетинских горных богатств до более благоприятного времени. Дипломатические круги царской России долгое время были заняты тем, как бы обойти Белградский мирный трактат и добиться хотя бы формальных оснований для оправдания своих колониальных действий на территории Осетии. Осетинская территория приобретала весьма важное для царской России экономическое и стратегическое значение, так как в ней были обнаружены горные богатства и через нее проходил Дарьяльский перевальный путь в Закавказье. Таким образом, для царской России, ставившей своей ближайшей задачей захватить осетинскую территорию, весьма важно было доказать «независимость» осетин от кабардинских феодалов и тем самым формально обосновать перед Оттоманской Портой свои колониально-захватнические мероприятия на территории Осетии, находившейся в феодально-вассальной зависимости от феодалов Кабарды, признанной по Белградскому мирному трактату 1739 г. не зависимой от Турции и от России.

Некоторые сведения, которые проскальзывают в документах, подвергающих сомнению наличие феодально-вассальной зависимости осетин от кабардинских феодалов, являются результатом стремлений царской России обойти обязательства русско-турецкого мирного трактата 1739 г. Однако факт феодально-вассальной зависимости осетин от кабардинских князей был настолько очевиден и всем хорошо известен, что царизм и сам вскоре прекратил разговоры о «независимости» осетин от феодальной Кабарды.

Для царской России удобным моментом, развязавшим руки в отношении северокавказских горцев, главным же образом в отношении Кабарды, а вместе с нею и Осетии, являлся Кучук-Кайнарджийский мирный трактат, заключенный между Россией и Турцией в 1774 г. Этот трактат осуществлял заветную мечту царской России о захвате Кабарды: Большая и Малая Кабарда, потеряв свои суверенные права, предусмотренные Белградским мирным трактатом 1739 г., согласно 21 артикулу Кучук-Кайнарджийского трактата были приобщены к царской России [81]. Таким образом, Белградский мирный трактат, являвшийся главным и основным препятствием к колониальному захвату горских народов Северного Кавказа и в первую очередь Кабарды, а с нею и Осетии, был окончательно устранен Кучук-Кайнарджийским трактатом, и царская Россия получила свободу колониальных действий на территории горских народов.

Все дальнейшие колониальные мероприятия на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде и зависимой от нее Осетии, теперь производились Россией без учета международных обязательств, предусмотренных русско-турецкими мирными трактатами и конвенциями, заключенными до Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. «Во время настоящее,- писала Коллегия иностранных дел после заключения Кучук-Кайнарджийского трактата, - когда кабардинцы, по переменившимся обстоятельствам всего тамошнего края, и сами принадлежат действительно к подданству здешнего императорского скипетра, всякие в рассуждении их меры, свободны уже от зависимости соглашения с Портой и Крымом»[82].

Изменения политической ситуации на Северном Кавказе, явившиеся результатом Кучук-Кайнарджийского трактата, который снял суверенитет Кабарды, разумеется, не могли не коснуться и Осетии, политические судьбы которой теснейшим образом были связаны с политическими судьбами своего сюзерена. Поэтому с переходом Кабарды по Кучук-Кайнарджийскому трактату в подданство царской России, Осетию, как зависимую от феодальной Кабарды страну, должна была постигнуть аналогичная с Кабардой участь, о чем между прочим довольно ясно говорили и писали дипломаты Екатерины II. «Большая и Малая Кабарды,- писал астраханский губернатор Кречетников Екатерине II,- осталися в точном подданстве вашего императорского величества, а как последняя из них осетинский народ... почитает своими подданными, то и одной, с нею соединенной, подлежит к здешней стороне»[83].

Таким образом, после Кучук-Кайнарджийского мирного трактата, по которому Кабарда была признана за Россией, судьба Осетии, феодальные верхи которой уже давно стали ориентироваться на царскую Россию, также была решена. Осетинские феодалы во главе с Кубатиевыми, Абисаловыми, Тугановыми, Карабугаевыми и Кантемировыми, находившимися в вассальной зависимости от кабардинских князей, стали обращаться к России с выражением верноподданнических чувств, в результате чего в 1815 г. они присягнули в верности царской России.

Кучук-Кайнарджийский трактат является в истории колониальной политики царизма на Северном Кавказе поворотным моментом, который характеризуется интенсивным наступлением царизма по всему Северному Кавказу. Конкретные результаты Кучук-Кайнарджийского трактата на территории Осетии выразились прежде всего в том, что если царская Россия раньше тщательно скрывала свое участие в христианизации осетин, то после названного трактата она открыто возглавила Осетинскую миссионерскую комиссию, в личном составе которой грузинские духовные лица были заменены русскими миссионерами.

Вопрос об осетинских горных богатствах, изыскательные работы по которым раньше производились в строгом секрете, теперь, после Кучук-Кайнарджийского трактата, был передан канцелярии генерал-прокурора и сделался предметом открытого обсуждения.

Однако окончательно захватить осетинские горные богатства царской России удалось только около середины XIX в. Прежде чем завладеть осетинскими горными и другими богатствами, надо было завоевать Осетию силою оружия.

И царизм после Кучук-Кайнарджийского трактата, не будучи уже связан никакими международными обязательствами, приступил к завоеванию Осетии и осетинской территории, куда направлял он для этой цели почти ежегодно военно-карательные экспедиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вано.* История осетин. Владикавказ, 1913. С. 49.

[2] *Кодзаев А.* Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903. С. 104.

[3] *Вано.* Указ. соч. С. 62.

[4] Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1936. Т. 16. Ч. 2. С. 14, 15.

[5] Замечания тов. Сталина, Жданова, Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР.

[6] *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 61.

[7] Кабардинские дела за 1770 г., к. 66, д.1. Реляция капитана Гостоти.

[8] Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. Потто. 1904. III. С. 32.

[9] *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 196.

[10] *Кодзаев А.* Указ. соч. С. 9

[11] Тагиата - древнее название осетинских феодалов Тагаурского района. Под этим названием тагаурские феодалы были известны до 1847 г., а с указанного года, с разрешения главнокомандующего Кавказской армией, изложенного в предписании от 13 октября 1844 г. за № 1647, они стали называться алдарами.

[12] Дело канцелярии начальника быв. Терской области по 2-му отделению, 1-му столу, по описи № 2,ч. 1; *Скитский Б.* К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933. С. 45.

[13] См. в указанном деле показания кавдасардов и докладную записку о сословии кавдасардов Кодзокова.

[14] Дело канцелярии начальника быв.Терской области по 2-му отделению, 1-му столу, по описи № 2, ч. 1. Докладная записка Кодзокова о сословии кавдасардов, или кумайягов.

[15] *Энгельс Ф.* К истории прусского крестьянства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1937. Т. 16. Ч. 1. С. 243.

[16] *Энгельс Ф.* Юридический социализм // Там же. С. 295.

[17] *Энгельс Ф. О* разложении феодализма и развитии буржуазии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1937. Т.16. Ч. 1. С.441.

[18] *Энгельс Ф.* Диалектика и естествознание//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1934. Т. 14. С.145.

[19] *Кокиев Г.* К истории междоусобной борьбы кабардинскх феодалов в XVIII в.// Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 78.

[20] О правах высших горских сословий. Тифлис, 1885. С. 5.

[21] Кабак - феодальное поместье у горцев Северного Кавказа.

[22] Рапорт начальника Терской области на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией от 18 сентября 1866 г. за № 2823. Объедин. Горский архив. Дело канц. нач. Терской области, св. 24 по описи № 1,ч. 1.

[23] Записка о зависимых и холопских сословиях в Кабардинском округе, приложенная к рапорту начальника Терской области на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией от 18 сентября 1866 г. за № 2823, дело канц. нач. Терской области, св.24 по описи № 1, ч. 1.

[24] *Кокиев Г.* Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1934, Т. 1. С. 49.

[25] Архив Кизлярского коменданта за 1747 г., св. 45, л. 288, 289.

[26] Там же.

[27] *Кокиев Г.* Материалы... С. 44.

[28] См. карту, приложенную к «Материалам...».

[29] Сенатский архив, VII, 247, 326; Сенатский архив, VIII. 58; *Кокиев Г.* Материалы, 168; «Известия Осет. научно-исслед. ин-та», IV, 145, примеч. автора.

[30] *Кокиев Г.* Материалы... С. 31.

[31] Там же. С. 239

[32] Там же. С. 221.

[33] Имеются в виду малокабардинские феодалы Кайтука и Келемет Ахловы.- *Г. К.*

[34] *Кокиев Г.* Материалы ... С. 269.

[35] Там же. С. 207.

[36] Там же. С. 262.

[37] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. Тифлис, 1926. С. 120. Изд. проф. М. А. Полиевктова.

[38] Там же. С. 119.

[39] Там же.

[40] *Бутков П. Р.* Неизданная рукопись, хранящаяся в рукописном отд. библиотеки Союзной академии наук, № 50, л. 31-34.

[41] Там же. Ср.: *Кокиев Г.* Методы колониальной политики русского царизма на Северном Кавказе // Известия Юго-осетин, научно-исслед. / ин-та. Сталинир, 1933, Т. 1. С. 1.

[12] Посольство стольника Толочанов. С. 119.

[43] *Броневский С.* Новейшие геогр. и истор. изв. о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 165; *Скитский Б.* К вопросу о феодализме в Дигории // Известия Осет. научно-исслед. ин-та. Орджоникидзе, 1933. Т. 5. С. 12, 13.

[44] *Кокиев Г.* Материалы... С. 43.

[45] Очерки России. 1, 156, СПб.: Изд. Пассек, 1838; *Ковалевский.* Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. 1. С. 28, 29; ср.: *Кокиев Г.* Методы колониальной политики царизма на Северном Кавказе.- Известия Юго-Осети. научно-исслед. ин-та. Сталинир, 1933. Т. 1. С. 180.

[46] *Кокиев Г.* Материалы... С. 197.

[47] Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской обл. Владикавказ, 1908. С. 329; *Скитский Б.* К вопросу о феодализме в Дигории // Известия Юго-Осет.научно-исслед. ин-та. Орджоникидзе, 1933. Т. 5. С. 40.

[48] Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 2. № 1914.

[49] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской обл. Владикавказ, **1908.** С.330.

[50] *Кокиев Г.* Материалы... С. 37. Пленение людей и продажа их как рабов в другие, подчас отдаленные страны не чужды были и осетинским феодалам. Так, например, известно, что в 1783 г. житель сел. Карца Тебо Лазарев в Малой Кабарде захватил в плен грузина Беро Берова, которого продал в рабство за пределы своего ущелья (Материалы... С. 315. № 114). Также известно о продаже куртатинским старшиной Калицом Кабуловым казака моздокского гарнизона Варфоломея Киреева в Абхазию (Материалы... С. 316. № 115).

Продажа пленных была широко распространена и среди самих осетин. Осетины нередко уходили за добычей в осетинские дальние ущелья. Из Куртатинского, или Алагирского, ущелья осетины доходили до горной Дигории, откуда приводили пленников, которых потом и продавали другим соседним племенам или отпускали за большой выкуп тому роду, откуда происходил пленный. Осетинские предания сохранили об этом много интересных известий. Одно из преданий, записанных мною в сел. Тиб Алагирского ущелья, говорит о нападении осетин сел. Тиб во главе с Боболом Кадзовым на дигорский аул Дзивага. Тибцы взяли в плен крупного дигорского феодала Гетагаза Туганова, у которого во время схватки было сломано одно ребро. По возвращении в сел. Тиб осетины стали лечить своего пленника. Лечил его местный лекарь Доц Кадзов, который договорился с советом старшин вылечить Туганова за кремневое ружье и саблю пленника. По выздоровлении пленника тибцы собрались на совет для определения размера выкупной платы за голову своего пленника. Совет старшин решил требовать за пленника Гетагаза Туганова 2х18 единиц, определяя размер платежной единицы стоимостью одного быка или коровы. Когда совет старейшин объявил пленнику о принятом советом решении, Туганов, к удивлению присутствовавших, остался крайне недоволен слишком незначительным размером выкупа. «Во что бы вы оценили голову моего кавдасарда? Мой кавдасард и то дороже оценивается, а я ведь алдар!»- обиженно заметил Туганов и попросил совет старейшин пересмотреть свое решение. Совет пересмотрел решение и определил за голову Гетагаза Туганова 3х18. Таким решением Туганов остался доволен. Выкуп за голову Гетагаза Туганова тибцы получили скотом и хозяйственным инвентарем. У жителя сел. Тим-Цна Гена Кучиева я видел большой медный пивоваренный котел, известный по всему Алагирскому ущелью под именем «котла Гетагаза», который, по преданиям осетин, будто бы был получен тибцами в числе прочих вещей за голову пленного дигорского феодала Гетагаза Туганова.

[51] *Кокиев Г.* Материалы... С. 37.

[52] *Толочанов.* Статейный список... *С.* 119.

[53] Памятники народного творчества Осетии. Владикавказ, 1927. Т. 2. С. 116. № 4.

[04] *Скитский Б. К* вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933. С. 79.

[35] *Кокиев Г.* Материалы... Т. 1. С. 32.

[56] Сенатский архив. VIII, 341; ср.: Сенатский архив, VI, 702. СПб., 1893; ср.: Известия Осет. научно-исслед.ин-та, Орджоникидзе, 1932. Т. 4. С. 145.

[57] *Кокиев Г.* Материалы... Т. 1. С. 37.

[53] Там же. С. 73.

[59] *Кокиев Г.* Материалы... Т. 1. С. 269.

«° Там же. С. 303.

[81] Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 19//. 1. *г.* С. 116. № 41.

[62] *Кокиев Г.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // Ученые записки Научно-исслед.ин-та этнич. и нац. культур народов Востока. М., **1930. Т. 2. С. 89.**

[83] Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881г. Тифлис, 18»/. С 141.

[84] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., **1933.** Т. 9. С. 533.

[85] *Кокиев Г.* Из истории русско-осетинских отношений в XVIII в.// Известия Осет. научно-исслед.инс-та. Орджоникидзе, 1932. Т. 4. С. 130-156.

[66] Введение к «Материалам по истории Осетии». Орджоникидзе, 1934. Т. 1.

[87] План Вонявина был осуществлен царизмом лишь в 1852 г., когда был заложен Алагирский серебро-свинцовый завод.

[68] *Кокиев Г.* Материалы... С. 226.

[89] Там же. С. 204.

[70] Там же. С. 226.

[71] Центрархив. Кабардинские дела за 1739 г., д. 2.

[72] *Кокиев Г.* Материалы... Т. 1. С. 58, 59. док. 22.

[73] Там же. С. 67. док. № 26; С. 74. док. № 27; С. **73.** док. № **30.**

[74] *Кокиев Г.* Материалы...Т. 1. С. 302.

[76] Там же. С. 183.

[76] Там же. С. 153.

[77] Там же. С, 134.

[78] Там же. С. 187.

[79] Там же. С. 189.

[80] Там же. С. 187.

[81] Кабардинские дела за **1739-1774** гг., **з. ч.**

[82] *Кокиев Г.* Материалы... С. **300.** Сообщение Коллегии иностр. дел "'Потемкину от 13 ноября 1780 г.

[83] Там же. С. 242.

Исторические записки Института истории АН СССР. М., 1938. Т. 2. С. 152-208

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В IX-XIII вв.

Историю дипломатических отношений России с северокавказскими народами обычно начинают с 1552 г., когда впервые прибыло в Москву кабардинское посольство в составе князей Маашука, Танашука и Ивана Езбузлукова, которые от имени кабардинских князей били челом Ивану IV о подданстве и освобождении их зависимости от вассала Оттоманской Порты - Крымского ханства. В ответ на это посольство в следующем, 1553 г. из Москвы было отправлено в Кабарду посольство во главе с Андреем Щепотьевым, который по возвращении в Москву доложил Ивану IV, что кабардинцы «дали правду всею землею быти им неотступны от царя и великого князя и служити им вовеки, как государь повелит».

В дальнейшем установившиеся между Россией и Кабардой дипломатические сношения приняли систематический характер, нарушенный, однако, в XVIII в. в связи с усилением колониальной экспансии царизма на Северном Кавказе.

Начало дипломатических сношений между Московским государством и Кабардой не есть, однако, начало знакомства русских людей с кабардинцами и вообще горцами Северного Кавказа. Сохранившиеся известия русских летописей свидетельствуют о том, что русские люди еще до второй половины X в. были знакомы с некоторыми племенами Северного Кавказа, в частности с ясским,- предполагаемыми предками современных осетин, и касогами - несомненными предками современных кабардинцев.

Самым ранним летописным известием, свидетельствующим о сношениях русских людей с горцами Северного Кавказа, следует считать известие о походе князя Святослава против хазар в 965 г., в результате которого Святослав «и ясы победили касогы, и приведе к Кыеву»[1].

Надо, однако, думать, что и приведенное летописное известие тоже не является началом знакомства древних руссов с горцами Северного Кавказа, в частности с кабардинцами, так как источники мусульманского Востока — персидские и арабские — сохранили сведения о еще более ранних сношениях руссов с Северным Кавказом. Из этих известий видно, что руссы еще до похода князя Святослава в 965 г., за сравнительно короткий промежуток времени предприняли в Табаристан, прилегавший к юго-восточному берегу Каспийского моря, три военных похода, самый ранний из которых был предпринят в 864 г. в Табаристанский город Абесгун; второй - в 909 г. в Абесгун и Анджиле и третий - в 913 г. в Сари и Пенджагезар[2]. Судя по

тому, с какой легкостью древние руссы предпринимали свои неоднократные походы в далекие прикаспийские страны, надо полагать, что они еще и до этих походов были знакомы с Северным Кавказом, и, может быть, поход в 864 г. в Абесгун был уже не первый. Следовательно, знакомство и установление каких-то связей между руссами и племенами Северного Кавказа, в первую очередь с кабардинцами, существовали, по-видимому, еще и до середины IX в.

Походы руссов в прикаспийские страны в IX-X вв., очевидно, были независимы от боевой деятельности князей Киевской Руси[3]. Скорее всего, эти походы были связаны с руссами, жившими и до этих походов где-то на Западном Кавказе, в Причерноморье. Во всяком случае арабский историк Масуди (925), описывая маршрут похода руссов 913 г., прямо указывает, что «руссы на пятистах лодках проникли из Черного моря в Азовское, потом в Дон, отсюда по обыкновению перетащили свои суда на волок, спустились по этой реке на Волгу, вторглись в Каспийское море»[4].

Следовательно, есть основание думать, что руссы, за сравнительно короткий промежуток времени предпринявшие в прикаспийские страны три больших военных похода, были связаны с Тмутараканской Русью, существовавшей еще до упоминания о ней в русской летописи под 988 г., в связи с занятием тмутараканского княжеского престола представителем киевской династии - князем Мстиславом.

В истории адыгских племен Тмутаракань является той начальной точкой, в которой древние руссы впервые познакомились с далекими предками современных кабардинцев и установили с ними непосредственные сношения, не прерывавшиеся потом на протяжении тысячелетней совместной жизни.

О географическом положении Тмутаракани в исторической науке не было единого мнения. Но за последнее время большинство историков приурочивает его к Тамани, или Таманскому полуострову[5]. По своему географическому положению Тмутаракань служила весьма удобным путем для выхода в Азовское море. Обладание устьем Днепра с Таманским полуостровом обеспечивало и обладание течением Дона с его притоками, обеспечивало монопольное право на взимание транзитных пошлин с иностранных товаров, которые шли на Запад и оттуда в северные степи, Закавказье, Заволжье, Среднюю Азию, Сибирь, Индию и Китай. Наряду с этим Тмутаракань имела удобное сообщение по Днестру с Киевской и по Дону с Черниговской Русью. Междугородное торговое значение Таманского полуострова, откуда через азово-черноморские гавани велась с давних пор оживленная торговля адыгских племен с греками хлебом, воском и рыбой, получавших в обмен греческие ткани и металлические изделия, по-видимому, и послужило для древних руссов главной приманкой сюда.

Древние руссы, хотя и появлялись на Таманском полуострове еще задолго до формального образования Тмутараканского русского княжества, не являлись тем не менее аборигенами данной страны. Коренным населением Приазовья, Причерноморья и Тамани были адыгские племена, известные в указанных местах еще с первого века нашего летосчисления под именем зихов, или чихов. Доказательством того, что Тмутаракань первоначально не принадлежала древним руссам, служит между прочим и тот факт, что она в древнейших источниках известна под названием «Томан-Торхан», «Таматарха», «Матрега» как крупный по тем временам портовый город на Таманском полуострове, населенный адыгскими племенами. Сознание того, что Тмутаракань не была исконной русской землей, нашло свое отражение и в «Слове о полку Игореве», которое Тмутаракань включает в число «незнаемых земель».

Русская власть в Тмутаракани утвердилась в результате ожесточенной борьбы русских князей с прилегавшими к Тмутаракани касожскими и ясскими племенами, о которых не раз упоминают русские летописи. Формальное утверждение политической власти русских князей и русской оседлости в Тмутаракани, по-видимому, произошло в 965 г. в результате разгрома князем Святославом хазарской силы на Дону, поражения яссов и касогов и захвата тогда *ж.е* Тмутаракани.

Если придерживаться русских летописных известий, то Тмутаракань как самостоятельное княжество с политической властью русских князей и русской оседлостью существовало около двухсот лет. Первое известие о Тмутаракани, как было указано, в русской летописи имеется под 988 г. в связи с занятием Тмутараканского княжеского престола князем Мстиславом, а последнее известие относится к 1187 г. и дошло до нас в поэтическом произведении «Слово о полку Игореве».

Основными причинами падения политической власти русских князей в Тмутаракани следует считать, во-первых, непрерывную на протяжении двухсот лет борьбу между русскими князьями за обладание Тмутараканским княжеским престолом; во-вторых, появление около середины XI в. из-за Дона половецких кочевников, перехвативших важнейший торговый путь на Дон и тем самым отрезавших Тмутаракань от остальной Руси, и, в-третьих, активную непрерывную борьбу адыго-касожских князей за обладание Тмутараканью.

Касожские князья с захватом Тмутаракани Святославом, естественно, лишились своих политических и монопольных прав на взимание транзитных пошлин. Поэтому они, ущемленные в экономических и политических правах, повели активную борьбу с местной властью русских князей за возврат Тмутаракани. Сохранилось не лишенное интереса известие о том, что прикубанские кабардинцы в 964-966 гг. бились на берегу Пшина - притока Кубани - с войсками князя Святослава. На помощь кабардинцам подоспели опсы, или абазинцы. Князь Святослав вынужден был заключить с кабардинцами и их союзниками абазинцами мир, после чего они в рядах войск Святослава участвовали при взятии хазарской столицы Белу-Вежю и даже Тмутаракани. По завоевании указанных двух городов Святослав отпустил закубанских кабардинцев и абазинцев по домам с благодарностью. Таким образом, это известие подтверждает нашу догадку о том, что Тмутаракань была завоевана Святославом в 965 г. одновременно с завоеванием хазарской столицы Белу-Вежю.

Русская летопись сохранила также весьма любопытный эпизод борьбы кабардинского князя Редеди с тмутараканским русским князем Мстиславом. По свидетельству летописи, князь Мстислав Владимирович, получивший Тмутаракань в удел от отца, в 1022 г. воевал с касогами, жившими в непосредственном с Тмутараканью соседстве. Мстислав одолел в единоборстве кабардинского князя Редедю и заколол его ножом, после чего по условию поединка он взял себе семейство Редеди[e], а на касогов наложил дань. По возвращении в Тмутаракань князя Мстислава, в силу данного им обещания, он построил церковь во имя богородицы, существовавшую еще в XII в.[7]

Рассказ русской летописи о поединке касожского князя Редеди с тмутараканским князем Мстиславом нашел свое отражение и в кабардинских народных преданиях, сохранивших, кроме этого рассказа, и еще некоторые сведения о том, что «атыхейские князья во время верховного правителя Хуруфатласа делали набеги на Хазарию и на Тмутаракань»[8].

Неоднократные попытки касожских князей вернуть Тмутаракань, и вместе с тем и утерянные экономические и политические права в X—XII вв. успеха не имели, и они вынуждены были признать над собою вассальную от тмутараканских русских князей зависимость. Касожские князья и другие горские племена тмутараканским князьям платили установленную дань, о которой русская летопись упоминает под 1066 г.: «Ростиславу сущю Тмутараканю, и емлющю дань у касог и у иных стран»[9].

На основе установившихся вассальных отношений касожские князья обязаны были оказывать тмутараканским русским князьям вооруженную помощь в их междоусобных за княжеский престол войнах. Так, русская летопись под 1022 г. отмечает, что после одержанной над касожским князем Редедей победы «пойде Мстислав с козары и с касогы на великого князя Ярослава»[1G]. В результате этого удачного похода, в котором кабардинцы и хазары принимали активное участие, князь Мстислав перенес свою резиденцию в Чернигов, где и умер в 1036 г. Если согласиться далее, что впервые упоминаемые в русских летописях под 1098 г. берендеи действительно были предками адыго-черкесов[a], то несомненно, что боевая деятельность последних в рядах киевских князей не прекращалась и в следующем

XI в. Кабардино-черкесские князья, продолжая оставаться вассалами киевских князей, в полной или частичной зависимости от которых находилась уже и Тмутаракань, принимали в числе «черных клобуков» активное участие в междоусобных войнах русских князей. Так, например, кабардино-черкесы в числе упомянутых «черных клобуков» в 1153 г. принимали участие в походе князя Изяслава Мстиславовича против Ярослава Владимировича, князя Галицкого [12]. Итак, междоусобные войны русских князей, нашествие половецких ко'чевников на Русь, а главное - систематическая борьба касожских князей за обладание Тмутараканью не могли способствовать укреплению политической власти русских князей на Таманском полуострове, а уже в период господства на Северном Кавказе произошла окончательная замена власти русских князей в Тмутаракани властью касожских князей.

Судьба русского элемента на Таманском полуострове, к сожалению, неизвестна. Надо, однако, думать, что он частично подвергся ассимиляции в кабардино-черкесской среде, а какая-то его часть могла влиться в позднейшую волну русских эмигрантов на Кавказ, образовавших потом Гребенское, Терское и Донское казачества.

В эпоху русских князей в Тмутаракани между русскими и касожскими князьями существовали и более интимные, чем военные набеги, отношения, к числу которых следует отнести широко распространенный обычай аманатства, скреплявший установившиеся политические связи. Кабардинские князья Яким Коучков с зятем своим Петром, о которых, в связи с убийством князя Андрея Георгиевича Боголюбского, русская летопись упоминает под 1175 г. [13], были аманатами и воспитывались при княжеском дворе.

Тмутараканская Русь занималась торговлей. У нее были торговые связи не только с ближайшими соседями, но и с далекими заморскими странами. По крайней мере сохранилось любопытное известие арабского историка Ибн-Хордабдэ, писавшего в 60-х гг. IX в., что древние руссы высаживались на любой берег Каспийского моря, а нередко они на верблюдах привозили свои товары даже в Багдад [14]. Нет сомнения, что кабардинцы не могли стоять в стороне от торгового влияния Тмутараканской Руси, являвшейся важнейшим культурно-политическим центром на Западном Кавказе, служившем проводником восточной культуры в Киевскую Русь.

Регулярные сношения кабардинцев и тмутараканских руссов были нарушены в период владычества татаро-монголов, подчинивших себе и русских князей, и северокавказские племена, в том числе и кабардинцев. И те и другие оказались данниками татаро-монголов и как таковые они служили постоянным резервом для пополнения рядов татаро-монгольских войск. Итальянский автор Мариньолли писал в середине XIV в.: «У Чингиз-Хана, первого царя татарского, состояло на службе 72 ясских князя, когда этот бич Божий отправился карать мир» [15]. Кабардинцы, будучи данниками татаро-монголов, также обязаны были служить в рядах их войск. Сохранилось не лишенное интереса известие, что после завоевания Тамерланом Северного Кавказа, в конце XIII в., наместник Тамерлана в Курском княжестве Ахмат вывел из Бештау, или Пятигорья, значительное количество кабардинцев, которых он поселил в Курском княжестве для охраны его южных границ [16]. В дальнейшем эти кабардинцы совместно с русским народом участвовали в свержении на Руси татаро-монгольского владычества.

В период владычества татаро-монголов русско-кабардинские сношения хотя и были нарушены, но окончательно прерваны не были. Русские и кабардинцы встречались в рядах татаро-монгольских войск; встречались и как союзники в походах против общего врага в лице татаро-монгольских завоевателей. И тем не менее нормальные и более тесные, чем раньше сношения между русскими и кабардинцами начали возобновляться лишь с конца XV в., когда русский народ, освободившись от татаро-монгольского владычества, окончательно оправился и начал жить независимой политической жизнью.

Социалистическая
Кабардино-Балкария.
1940. 16, 17 октября

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПСРЛ. Петроград, 1917. Акад. изд. Вып. 1. Т. 4. С. 41.
[2] *Дорж-Каспии Б.* СПб., 1875. С. 28.
[3] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 50.
[4] Библиотека для чтения.СПб, 1836. Т. 15. Отд. 3. С. 57.
[6] *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 133; *Шмит.* Искусство древней Руси. Харьков, 1919. С. 30.
[6] Имя кабардинского князя Редеди сохранилось в припеве к кабардино-черкесским свадебным песням: «Уореда, уореддедэ, уореддедэ, мафэ».
[7] ПСРЛ. Петроград. Т. 24. С. 50.
[8] Северная пчела. 1850. № 99.
[9] Новгор. летопись. Изд. Археограф, комиссии. СПб., 1888. Т. 1. С. 96.
[10] ПСРЛ. Петроград, 1921. Т. 24. С. 50.
[11] *Карамзин Н.* История государства Российского. СПб., 1842. Изд. 5. Кн. 2. Т. 5. С. 230, 231.
[12] Записки Русского географического общества. СПб., 1852. Т. 6, С. 122.
[13] ПСРЛ. Петроград, 1921. Т. 24. С. 82.
[14] *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1903. Т. 1. С. 148.
[16] Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. Т. 4. С. 70.
[16] *Попко И.* Терские казаки. СПб., 1880. Т. 1. С. 8.

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI-XVII вв.

I

Из всех северокавказских народов наиболее тесные и дружественные отношения с Россией установили кабардинцы, которые на почве турецко-крымского гнета с XVI в. стали ориентироваться на Россию и добиваться ее покровительства.

Многочисленный кабардинский народ среди северокавказских народов и племен всегда играл ведущую политическую роль. «Кабардинцы,- пишет один старый автор,- между всеми горскими народами, кроме дагестанцев, имеют преимущество. Все прочие роды: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андийцы, осетины, абазины, бесланейцы и прочие - не только подражают оным во нравах, во всех обычаях, но отчасти от них зависели и платили им дань»[1].

Принимая во внимание большую политическую роль, которую играла Кабарда среди горцев, Московское государство, заинтересованное в распространении и укреплении своего влияния среди народов Северного Кавказа, охотно шло на сближение с Кабардой, при помощи которой оно рассчитывало укрепиться на Северном Кавказе.

Участившиеся с половины XVI в. кабардинские посольства в Москву неоднократно просили московских царей о принятии кабардинского народа в подданство, обещая за это «служить всякие государевы службы и к крымскому, турецкому и шевкальскому не пристанут»[2]. В 1588 г. кабардинские князья и мурзы начали служить и «прямить» Московскому государству. В крепости Терки была даже особая слобода «служилых черкесов», командование которыми было поручено кабардинскому князю Сюнчелею, ездившему еще в 1603 г. к Борису Годунову «бити челом, чтоб его царь пожаловал, велел ему жити в Терском городе»[3], что и было ему разрешено.

Установившиеся еще при Иване IV дипломатические сношения Кабарды с Московским государством имели своим результатом то, что в конце XVI в. Кабарда стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Федор Иванович - именоваться «государем земли ИЕерской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкасских и горских князей»[4].

Дипломатические сношения Московского государства с феодальной Кабардой скреплялись аманатскими и родственными связями. Известно, например, что в 1553-1557 гг. в Москве находились в качестве аманатов и учились русской грамоте в кремлевском дворце сыновья крупнейших кабардинских князей

Сибока и Темрюка - Кудадек и Султанук, названные после крещения первый - Александром и второй - Михаилом[&]. Также известно, что из числа братьев и ближайших родственников кабардинского князя Темрюка Идаровича восемь человек после принятия христианства навсегда остались в Москве и были русскими боярами[6]. Наконец, известные в России княжеские фамилии Алегуковых, Черкасских и Бековичей-Черкасских происходили из рода кабардинских князей Джамбулатовых и в качестве аманатов попали в Россию., где окончательно обрусели.

Многие из кабардинских князей, попавших в качестве аманатов в петровскую эпоху, сделались видными государственными деятелями. Александр Бекович-Черкасский был даже командирован Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении из-за границы Петр I приблизил к себе Бековича-Черкасского, произвел его в чин капитана гвардии и лично способствовал его женитьбе на княжне Марии Борисовне Голицыной. Впоследствии Александр играл видную роль в сношениях России с восточными странами. В 1717 г. Бекович-Черкасский возглавлял военную экспедицию в среднюю Азию, где погиб.

Александр Бекович-Черкасский много способствовал сближению Кабарды с Россией, а в 1714 г. он даже добился у кабардинских князей присяги на верность Петру I.

Широко распространенный между Россией и Кабардой добровольный обычай аманатства, первоначально считавшийся признаком особого внимания со стороны московских царей к кабардинским князьям, в эпоху завоевания Кавказа, диалектически перейдя в свою противоположность, сделался принудительным обычаем и орудием нейтрализации царизма. Со второй половины XVIII в. царизм силой оружия вынуждал горцев выдавать аманатов, которые, по существу, являлись заложниками и содержались в качестве военнопленных в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Екатериноградe, Ставрополе и в целом ряде тогдашних пограничных крепостей[7].

II

Между московскими царями и кабардинскими феодалами существовали и родственные связи, устанавливаемые в политических целях. Из русской истории известно, что Иван IV Грозный вторым браком был женат на дочери крупнейшего кабардинского князя Темрюка Идаровича, упоминаемого последний раз в исторических документах в 1570 г.[8] Кабардинскую ну, по словам ее родной сестры Малхоруб, жены ногайского князя Тинехмата, по-кабардински звали Гуаша[9]. Ивану IV Грозному «сказали, что один из знатнейших черкесских владетелей Темрюк имеет прелестную дочь. Царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить закону. Митрополит был ее восприемником от купели, дав ей христианское имя - Мария. Брак совершился 21 августа 1561 г.»[10]. ,, , ,,п ...

Английский путешественник А. Дженкинсон сообщает любопытные подробности о браке Ивана IV с Марией Темрюковной. «Его высочество,- пишет Дженкинсон,- будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтоб ни один иностранец-посланник ли или иной - не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтоб ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходили из своего дома во время праздненств. Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной. 6-го следующего месяца, сентября, царь дал большой пир, к которому приглашены были все посланники и иностранцы... Я был в числе приглашенных»[11].

Мария Темрюковна умерла в 1569 г.

Брак Ивана IV с кабардинской княжной Марией Темрюковной для Московского государства имел большое значение. Московское государство, под видом защиты тестя Иваном IV кабардинского князя Темрюка Идаровича, на Северном Кавказе закладывало военные укрепления с вооруженным из московских ратных людей гарнизоном. Эти военные крепости сыграли весьма большую роль в деле вовлечения Гребенской казачьей вольницы в сферу политического влияния Москвы и явились первыми форпостами колониальной экспансии Московского государства на Кавказе.

Заложение Московским государством крепостей в нижнем течении рек Терека и Сунжи в непосредственном соседстве с горскими народами и, в частности, с Кабардой вызвало решительный со стороны Оттоманской Порты и Крыма протест. Турция и Крымское ханство поняли колониальные устремления Московского государства в отношении горских народов Северного Кавказа, находившихся под гнетом султанской Турции. «И мы слышали,- писал крымский хан Девлет-Гирей Ивану IV по поводу заложения крепости Терки,- что еси прислал людей тысячи две-три да на Тереке город поставил, того для промыслил еси, чтобы шевкальскую землю и черкасскую изневолить. А шевкальцы-мусульмане, а при отцах и при дедах наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет, к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и любви ведемся. А черкасы ханскому величеству и нам подручны и тем городом хочешь ты отлучить черкас от ханского величества и от нас ты похотел черкас отлучити. И похочеш дружбы и мир, и ты тот город вели снесть, а не похочешь так, и ты наших послов отпустил, и мы бы твоих отпустили. Как бы еси ведал: меж нас более того ссылки не будет. Кому что ни даст Бог милосердный — даст; и мы за свой сором учнем стоять»[12].

Ультиматум крымского хана Девлет-Гирея, за спиной которого стояла султанская Турция, сделался предметом специального обсуждения боярской думы, которая на ультиматум ответила отказом.

«А о городе на Тереке,— говорится в решении боярской думы,- отписати, что государь Темрюка князя пожаловал, взял у него дочь его за себя, и многие черкасы-недруги его досады ему делают, и царь для недругов его и город велел поставити»[13].

С признанием подданства московского царя Кабарда стала принимать активное участие в предпринимаемых Московским государством военных походах. Так, например, известно участие кабардинцев в рядах русских войск при завоевании черноморских городов Темрюка и Тамани в октябре 1556 г. Кабардинцы, находившиеся под командовании князя Вишневецкого, составляли головной отряд армии Московского государства[14].

Не менее интересно отметить активное участие кабардинцев в Ливонском походе Ивана IV. «В ноябре 1557 г.,- пишет Соловьев,- выступило в поход к Ливонским границам сорокатысячное войско под начальством царя Шиг-Гирея и воевод: князя Михаила Васильевича Глинского, царицына брата Даниила Романовича и других; подле русских полков шли татары, черемисы, мордва, черкасы пятигорские»[15]. В следующем 1558 г. кабардинцы отличились при взятии города Мильтена и при осаде Дерпта, под которым кабардинцы в рядах русских войск наголову разбили немецкую конницу, попытавшуюся сделать вылазку из города[16].

Феодальная Кабарда, игравшая, как было указано, ведущую на Северном Кавказе политическую роль, после своего вступления под протекторат России, много способствовала внедрению в среду горских народов русского влияния. Среди кабардинских князей были такие, которые открыто агитировали среди кабардинских и других горских племен за переход в подданство России. После избрания Михаила Федоровича на царство в 1613 г. один из влиятельнейших кабардинских князей по имени Сюнчелей даже разослал по Кабарде и Дагестану воззвание, обращенное к князьям и мурзам, с призывом перейти в подданство России. Кумыкские князья «Гирей с братьею, Алибек-князь Казикумухский, Сурхай-князь Карабулацкий, Мамет-хан-Мурза с братьею, Тарковские и иные кумыкские князья с узденьями; Солох-князь кабардинский, Кази-Мурза Шешпуков, Айтек-Мурза Алкасов и Мурда-Мурза с узденями по своей вере принесли присягу, шертовали и государю служат и прямят»[17]. Благодаря энергичным стараниям кабардинского князя Сюнчелея, чеченцы, ингуши, осетины и другие племена Северного Кавказа, следуя примеру Кабарды, от которой они находились в полной или частичной зависимости, также стали ориентироваться на Россию.

-<> III

В борьбе с польскими интервентами в начале XVII в. кабардинцы вместе с русским народом приняли активное участие. Участие кабардинцев в деле очищения России от польских интервентов является принципиально важным вопросом, но в то же время совершенно не разработанным, а потому заслуживающим того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Московские события для кабардинских князей были настолько неожиданны, что они не сразу могли разобраться в них. Поэтому, когда московским престолом завладел первый самозванец, кабардинский князь, внук тестя Ивана IV князя Темрюка и крупный для своего времени политический деятель - Сюнчелей Янгалычев, в сопроволедении десяти кабардинских узденей, окуцкого мурзы Ватой Шихмурзина с шестью товарищами, двумя черкасами и одним терским новокрещенным Максимкой 12 ноября 1605 г. поехал в Москву «с поздравлением Лжедмитрия о привятии Российского престола»[19]. Таким образом, князь Сюнчелей во время своего пребывания в Москве успел лично познакомиться с Лжедмитрием I и несколько разобраться в московских событиях.

Когда в 1606 г. на московский престол вступил Василий Шуйский, кабардинские князья не замедлили послать своего уполномоченного выразить новому царю верноподданнические чувства. Однако кабардинский посол Кардан до Москвы не доехал. Он был схвачен под Тулой казаками и отправлен в Тушино, откуда потом, по распоряжению воеводы Прокопия Ляпунова, отправлен в Казань, где прожил более трех лет. По вступлении Михаила Федоровича Романова на царство, воевода И. М. Воротынский отправил Кардана в Москву, где и был принят с большими почестями новым царем. В сентябре 1615 г. Кардан с царской грамотой на имя кабардинских князей выехал обратно в Кабарду.

Отношение кабардинского народа к польским интервентам было резко отрицательное. Когда Иван Дмитриевич Заруцкии и вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек осенью 1613 г. прибыли в Астрахань для поднятия астраханских, волжских, терских, яицких казаков и горских народов против Москвы, Сюнлечей Янгалычев, командовавший терско-гребенскими казаками, посоветовавшись с воеводой Петром Петровичем Головиным, решил отправиться к Ивану Заруцкому и Марина Мнишек, чтобы лично убедиться, действительно ли именующий себя супругом Марины Мнишек есть Лжедмитрий I, с которым Сюнчелей был лично знаком. «Из Терки дей в Астрахань к вору Заруцкому приезжал Сюнчелей Горской с окочены и жил-де у вора с неделю да поехал на Терек, а для чего приезжал, того не ведомо»[19]. Сюнчелей Янгалычев пробыл у Заруцкого неделю. О чем говорил Заруцкии с Сюнчелеем и что он ему отвечал, к сожалению, не известно. Но, несомненно, Сюнчелей убедился, что Заруцкии - сторонник польских интервентов и враг русского народа. Такой вывод сам собою напрашивается на том основании, что Сюнчелей, по возвращении в Терки, настаивал перед терским воеводой Петром Головиным отправке против Заруцкого и Марины Мнишек вооруженной силы. А когда Иван Заруцкии потребовал к себе воеводу Петра Головина для наказания за неисполнение его приказания, терско-гребенские казаки и кабардинские служилые люди, которыми командовал князь Сюнчелей, отметили: «Али вы хотите сделать то же с Петром, что сделали с князем Хворостининым? Не быть нам с вами в воровском совете»[20].

Для Заруцкого стало ясно, что рассчитывать на поддержку и помощь со стороны терско-гребенских казаков и служилых кабардинцев не приходится. Тем не менее, он в 1614 г. сделал еще одну попытку поднять казаков и кабардинцев против Москвы. В 1614 г. Заруцкии прислал в Большую Кабарду Михалку Черного, который должен был поднять кабардинцев и казаков против Москвы. Михалка Черный на Сухой Борозде, в 20 верстах от крепости Терки, был схвачен кабардинцами и приведен к терскому воеводе Петру Головину, который «с миром того Михал ке на пытке пытал», после чего Михалка выдал планы Заруцкого, заявив, что «на велик день хочет он быть на Терек. Петра Головина и многих людей казнить, а его, Михалку, послал поднять кабардинских князей и черкас итти на Русь войною»[21].

Получив необходимые сведения от Михалки Черного о планах Заруцкого, терский воевода Головин и князь Сюнчелей под командой стрелецкого головы Василия Хохлова отправили против Заруцкого и Марины Мнишек вооруженный отряд из 500 вооруженных казаков и кабардинцев. Василий Хохлов во главе казачье-кабардинского отряда «стал над ворами поиск чинить», а когда он подошел к Самаре, сообщил о своем прибытии воеводе князю Дмитрию Пожарскому[22].

Терско-гребенские казаки и кабардинцы, преследуя отряды Заруцкого и Марины Мнишек, не раз одерживали над ними победу. В результате одного крупного сражения на Каспийском море казаки и кабардинцы из отряда Марины Мнишек и Заруцкого «многих живыми поймали, а иных в воде потопили и гонялись за ними целый день»[23]. В этом бою терские казаки и кабардинцы захватили в плен тетку Марины Мнишек - Варвару Казанавскую, ее слугу Ивашку Попруцкого, католического попа Антона и свыше 160 человек из разгромленного отряда Заруцкого и Марины Мнишек.

Таким образом, кабардинские князья выполняли свою присягу, данную ими в 1614 г. в присутствии боярского сына Смагина царю Михаилу Федоровичу. Кабардинские князья поклялись «служити великому государю Михаилу Федоровичз^ до

своего живота и быть под его высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным», обещая «с вором Ивашкой Заруцким и Маринкою и с сыном ее ни на которое дурно ссылатись и хотя они учнут нам присылать и наговаривать на которое дурно,— и нам того не слушати, а где будет наша мочь, и нам над ними и над ворами, которые государю не послушны, промышляти... и везде над ними поиск учинить»[24].

Свою преданность Московскому государю кабардинские князья подтвердили в челобитной от 10 июня 1614 г., в которой они между прочим писали, что они «с уздени своими и с черкасы, и с окоцкими людьми, и с новокрещены служат государю и великому князыо Михаилу Федоровичу всея Руси на Терке всякие государевы терские и кумыцкие и кабардинские службы, и на заставах на отъезжих караулах стоят с городовыми людьми вместе»[25].

Кабардинцы в период интервенции были на стороне Московского государства и совместно с его войсками не раз сражались с отрядами Заруцкого и Марины Мнишек.

IV

Московское государство покровительствовало кабардинским князьям и оказывало им возможную в условиях международной политической обстановки XVI-XVII вв. помощь, выражавшуюся в дипломатической с Турцией и Крымом переписке по кабардинскому вопросу, в устройстве на территории Кабарды военных укреплений против турецких захватчиков, наконец, в предоставлении экономических льгот и ограждении политических прав местных князей.

Всесторонняя помощь Московского государства кабардинским князьям, в особенности усилившаяся при Иване IV, не прекращалась и при его преемниках. После смерти кабардинского князя Темрюка потомок последнего, князь Янсох, обратился к московскому царю с просьбой о назначении его князем над всей кабардинской землей. Просьба Янсоха в 1590-1592 гг. была удовлетворена московским царем, снабдившим его грамотой за золотой печатью [26].

После очищения Москвы от польских интервентов, в изгнании которых, как было сказано, кабардинцы принимали активное участие, царь Михаил Федорович послал кабардинским князьям Солоху и Сюнчелею благодарственные грамоты. Князю Сюнчелею за то, что он «в то смутное время ни к какому нашему недругу не пристал и воровской смуте Ивашки Заруцкого не поверил»[27], было обещано царское жалование, а через короткое время из Москвы в Терки прибыл дворянин Дмитрий Семенович Погожев с «государевым жалованным словом и с жалованьем золотом». В Терках в присутствии местного воеводы Головина, Сюнчелея и других кабардинских и кумыкских

князей, собравшихся в «съезжей избе», Погожев от имени царя Михаила Федоровича говорил: «А ты бы, воевода, князь Петр Петрович и Сюнчелей Янгалычевич... как есте начали нам, великому государю, служити, так бы и содержали нам служили и прямили и над вором Ивашкой Заруцким и над Маринкой с сыном промышляли неослабно, сколько вам милосердный Бог подаст. И ты, Сюнчелей Янгалычевич, был под нашею царскою высокою рукою навеки неотступным. А мы, великий государь, вас учнем жаловати и держати в нашем царском жалованьи и в призрении свыше прежнего и учнем к вам присылать с нашим жалованьем ежегодно беспереводно... наша царская милость будет к вам непременна»[28]. В следующем, 1615 г. Мурза Сюнчелей грамотой Михаила Федоровича был награжден «княжим именем да быти над окочены надо всеми и над черкасы, которые великому государю служат на Терке, князем»[29].

В конце 1615 г. кабардинские князья Сюнчелей, Куденет и Шогенук ездили в Москву, чтобы лично выразить царю свои верноподданнические чувства, а в январе 1616 г. кабардинские князья были приняты царем в дворцовой палате. Князь Куденет в своем слове, от имени кабардинских князей обращенном к царю, сказал: «Дай, Господи, ты, великий государь наш, здрав был... чтоб вам, великому государю, подаровал Бог счастливое пребывание и надо всеми вашими недругами победу и одоление и чтоб на всех ваших недругов ваша царская сабля, а мы, холопы твои, против вашего царского величества недругов, где ваше царское повеление не будет, везде до смерти живота своего служити готовы». Михаил Федорович, поблагодарив кабардинских князей Сюнчелея, Куденета и Шогенука за верноподданнические чувства и трех чистокровных кабардинских аргамаков, привезенных в подарок царю, велел дьяку Петру Третьякову держать ответное слово. Третьяков поблагодарил кабардинских князей за внимание и поддержку Московскому государству.

Кабардинские князья вернулись на родину с богатыми подарками и рассказывали своим сородичам о большом к ним внимании со стороны московского царя, обещавшего «держать ото всех недругов в обороне и защищении свыше прежнего»[30].

Установившиеся между Московским государством и кабардинскими князьями дружественные отношения не нарушились и при приемниках Михаила Федоровича. В конце 1674 г. кабардинский князь Касбулат переселился в Малую Кабарду, где за ним Алексеем Михайловичем были закреплены в пожизненную собственность большие участки земли. Царь Федор Алексеевич пожаловал того же кабардинского князя Касбулата, «чтобы воеводам в сбор не вступиться»[31].

Таким образом, время возникновения между Московским государством и кабардинскими князьями оживленных сношений уходит в глубь веков, а с середины XVI в. сношения Кабарды с Россией приняли систематический характер. Основным

стимулом ориентации Кабарды на Московское государство следует признать жестокую феодальную эксплуатацию, которой на протяжении столетий подвергалась Кабарда со стороны султанской Турции и ее вассала - Крымского ханства. При Иване IV Кабарда стала считаться вотчиной Московского государства. В период польской интервенции верхи кабардинского общества оставались верными Московскому государству и совместно с русскими войсками принимали активное участие в изгнании из России польских интервентов. Переход Кабарды под протекторат России был юридически оформлен при Михаиле Федоровиче Романове, и после этого Кабарда пользовалась покровительством и всесторонней помощью России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бурнашев С. Д.* Описание горских народов. Курск, 1794. С. 4.
[2] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 150, 151.
[3] Там же.
[4] *Карамзин Н.* История Государства Российского. СПб., 1892 . Т. 10, 40 и примеч. С. 115. Ср.: Древняя российская библиофика. М., 1791. Ч. 26. С. 250.
[5] *Карамзин Н.* История Госуд. Российского. СПб., 1892. Изд. 5. Кн. 2. Т. 8. С. 140.
[6] Северная пчела. 1850. № 99, примеч. № 9 к статье акад. П. Буткова.
[7] Кавказский сборник. Тифлис, 1899. Т. 20. С. 43.
[8] *Карамзин Я.* История Госуд. Российского, СПб., 1892. Т. 9. С. 179, прим. 350; Сев. пчела. 1850. № 99, прим.10 к статье акад. П. Буткова.
[9] Северная пчела. 1850. № 99, прим. 8 к статье акад. П. Буткова.
[10] *Карамзин Н.* История Госуд. Российского. СПб., 1892. Т. 9. С. 23.
[11] Английские путешественники в Московск. государстве в XVI в. М., 1937. С. 199.
[12] Крымский стат. список, № 13, л. 68, 87.
[13] Крымский стат. список, № 10, л. 52.
[14] *Карамзин Н.* История Государства Российского. СПб., 1892. Кн. 2. Т. 8. С. 155.
[16] *Соловьев С.* История России. М., 1867. Изд. 3. Т. 6. С. 132.
[18] *Потто В. А.* Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 8.
[17] Отписка Головина к царю от 5/VII-1614 г. Гафкэ, каб. д. № 3.
[18] Русский архив. 1913. Т. 2. С. 152.
[19] Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. № 411.
[20] Там же. № 257.
[21] Собрание государственных грамот и договоров.Т. 3. № 20.
[22] Русский архив. М., 1913. Там же. № 163.
[23] Там же. № 164.
[24] ГАФКЭ. Кабард. дела за 1614 г., № 3 и 5. Грам. № 4.
[26] Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. С. 21, 22.
[26] Труды Ставрополь, учен, архив, комиссии. Ставрополь, 1910. Т. 2. Отд. 5. С. 3.
[27] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 161.

ГАФКЭ. Кабард. дела за 1614 г., кор. 2, д. № 5.
Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 167.
[1] ГАФКЭ. Кабард. дела за 1615 г., № 5.
ЦСЗРИ. Т. 1. С. 743.

Социалистическая
Кабардино-Балкария.
1940. 24, 25, 26, сентября

iciiw" t
. .'V -\

13 Заказ № 106

КАБАРДА ПОД ГНЕТОМ СУЛТАНСКОЙ ТУРЦИИ И ЕЕ ВАССАЛА - КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Инициатива установления дипломатических отношений и сближения Кабарды с Россией, как свидетельствуют наказы бесконечных посольств, исходила от самих кабардинских феодалов, ориентация которых на Россию была обусловлена внешними неблагоприятными условиями.

Говоря о внешних неблагоприятных для Кабарды политических условиях, приведших к ориентации кабардинских феодалов на Россию, следует иметь в виду чрезвычайный гнет, которому на протяжении столетий подвергалась Кабарда со стороны султанской Турции и ее вассала - Крымского ханства. Султанская Турция через своего вассала - крымского хана,- взимала с кабардинского крестьянства исключительно тяжелую дань, за сбором которой ежегодно из Крыма приезжали многочисленные ханские сборщики, брали с кабардинцев столько, сколько хотели, брали то, что видели их глаза: «скот, лошадей, хлеб и людей. Последних, по прибытии в Крым, обращали в рабство и посылали на самые тяжелые работы. Каждую осень, возвращаясь из Кабарды обратно в Крым, сборщики гнали с собой громадные табуны лошадей, отары баранты, стада крупного рогатого скота и сотни людей»[1], которых потом переправляли в Стамбул, в султанские гаремы и на продажу в другие страны.

По установившейся с давних пор традиции, кабардинцы обязаны были каждому вновь вступившему на престол Крымского ханства, доставлять 300 пленников - мальчиков и девочек. Но нередко случалось и так, что хан не довольствовался указанным количеством рабов. В 1708 г., когда кабардинцы привели 300 рабов и рабынь, чтобы уплатить дань хану Каплан-Гирею, последний, не довольствуясь этим количеством рабов, заявил кабардинским феодалам:

- Меньше трех тысяч пленных я не беру.

- Хотя и такое количество ясырей,- ответили кабардинские феодалы,- отдавать водилось у нас в обычае, но только ведь до сих пор в 15-20 лет один хан был сменяем. Теперь каждый год новый хан... Чьих же детей мы будем отдавать? [2]

Был такой случай, когда в первой половине XVIII в. крымский хан, под нажимом султанской Турции, потребовал от Кабарды с каждых 5 дворов по одному ясырю, всего 1700 крестьян, а сверх того 700 узденей [3].

Кабардинские феодалы отдавали султанской Турции и крымскому хану, разумеется, не своих детей, а детей кабардинских

крестьян, доведенных непосильной данью как «своими» феодалами, так и крымско-турецкими насильниками до крайней степени нищеты.

Иногда кабардинские феодалы пытались добиться уменьшения дани (с той целью, конечно, чтобы самим больше брать с народа), но крымские ханы, действовавшие под сильным нажимом Оттоманской Порты, оставались неумолимыми в своих претензиях. Когда кабардинский князь Атажукин обратился с подобной просьбой к крымскому хану, последний «курил трубку из длинного чубука. Пока говорил князь Атажукин, он не выпускал изо рта чубука, искоса посматривая на стоящего перед ним на коленях князя. Когда князь кончил говорить, хан сказал:

- Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот, возьми!

И с этими словами он высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя Атажукина.

- Ступай и объяви своему народу о моей милости»[4].

Внешним признаком подчиненного положения Кабарды было то, что в Кабарде постоянно находился один из сыновей крымского хана в качестве наместника, который считался главнокомандующим вооруженными силами страны.

Частые военные походы султанской Турции и Крыма в Кабарду, равно как неоднократные, продолжавшиеся на протяжении столетий настойчивые обращения кабардинских феодалов к Московскому государству о подданстве и защите от турецко-крымских насильников, совершенно снимают вопрос о добровольном подданстве Кабарды Крыму и Турции. Известен, например, факт разгрома Кабарды крымским ханом Алди-Гиреем в 1570 г., когда известный в русской истории крупнейший кабардинский князь «Темрюк с боя съехал ранен, а двух сынов темрюковых - Мамструка и Биберюка - царевич Алди-Гирей на бою взял с собою в Крым»[5]. Известен другой факт, когда в 1705 г. крымский хан с огромными войсками предпринял безуспешный поход в Кабарду: турецко-крымские войска с огромными для них потерями были прогнаны русско-кабардинскими войсками не только из пределов Кабарды, но вообще из пределов Северного Кавказа[6].

Хорошо известен, наконец, и тот факт, что в 1720 г. крымский хан Саадет-Гирей по приказанию султанской Турции предпринял в Кабарду грандиозный поход, где он, по словам османского историка Чемби-Заде, в продолжение двух лет основательно пограбил и опустошил Кабарду[7].

Таким образом, о добровольном переходе Кабарды под власть султанской Турции и ее вассала - крымского ханства - не может быть и речи. Кабарда была подчинена султанской Турции и Крыму силой оружия. Многовековая вооруженная борьба Кабарды против Турции и Крыма за свое освобождение служит тому доказательством.

К многочисленным обращениям Кабарды об оказании помощи и защиты против турецко-крымских агрессоров Россия не оставалась безучастной. Она оказывала Кабарде возможную в международных политических условиях XVIII в. помощь, выражавшуюся в дипломатических переговорах с Турцией и Крымом по кабардинскому вопросу, в устройстве военных укреплений на территории Кабарды против турецко-крымских насильников, наконец, в посылке вооруженной силы.

Ориентация Кабарды на Россию, обусловленная турецко-крымским засилием, завершилась вступлением Кабарды под протекторат России, что было оформлено Кучук-Кайнарджийским трактатом, заключенным в 1774 г. между Россией и Турцией.

Вступление Кабарды под протекторат России в условиях XVIII в. следует рассматривать как прогрессивный для феодально-раздробленной Кабарды фактор, ибо Россия, по сравнению с султанской Турцией, стояла на более высокой ступени социально-экономического развития. Султанская Турция по сравнению с Россией являлась весьма отсталой страной. «Народы,— свидетельствует очевидец о положении подвластных Турции народов,- которые подданы сей империи, управляются, скорее, с мучительством, нежели со сладостию»[8]. «Турецкое правление,— говорится в другом источнике,- ежели дашь ему собственное название, есть система невольничества; оно представляет государство невольников, в коем нет ни одного человека свободного»[9].

Характеризуя состояние султанской Турции в XVIII в., Ф. Энгельс писал: «Наступательная сила турок была сломлена уже 100 лет тому назад, оборонительная же их сила, пока еще значительная, тоже стала убывать; лучшим признаком этой возрастающей слабости были волнения и бунты, начавшиеся среди покоренных христиан, славян, румын и греков, которые составляли большинство населения Балканского полуострова»[10].

Не менее интересно высказывание К. Маркса о религиозной и национальной нетерпимости в султанской Турции; турок в «различных социальных положениях,- пишет К. Маркс,- принадлежит к господствующей религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин должен при встрече уступить дорогу самому низко стоящему мусульманину»[11].

Из сказанного ясно, насколько был прав К. Маркс, когда он, оценивая общее положение султанской Турции, назвал ее одряхлевшей и насквозь прогнившей Высокой Портой[12], зависимость от которой ничего хорошего не обещала кабардинскому народу.

Социалистическая Кабардино-Балкария, 1940 г. 27 ноября

; . ' ji

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Терские ведомости. 1894. № 97.

[2] Записки Императ. Одесского об-ва истории и древностей. СПб., 1BBJ.

[3] *Кокиев Г. К* истории междоусобной борьбы кабард. феодалов // Ученые записки. Инст. нар. Востока. 1930. Т. 2. С. 85.

[4] Терские ведомости. 1894. № 97.

[6] *Потто В. А.* Два века терского казачества. Владикавказ, IWIZ.

[7] «Труды Ставрополь, ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1910. Т. 2. Отд. 5. С. 8.

[7] Записки Одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1»»У. 1. ю. • Монархия турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря посольства при Оттоманской Порте. СПб 1741 ь. *a i.*

[9] Новейшие известия о Турецкой империи. СПб., 1»»a. b.ioi.

[10] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 15. Ч. 25. С. 9.

[11] Там же. С. 374.

[12] Там же. Т. 9. С. 397.

РАСПАД КАВАРДЫ НА БОЛЬШУЮ И МАЛУЮ И УСТАНОВИВШИЕСЯ ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ

I

У/

Г

I

В красочной и богатой по своему содержанию истории кабардинского народа XVI в. следует считать тем переломным моментом, когда под давлением внешних политических условий были сделаны некоторые попытки политической консолидации феодально-раздробленной Кабарды.

По вопросу о складывании людей в нацию товарищ Сталин еще в 1913 г. писал, что «процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»[1].

Само собою разумеется, что о ликвидации феодализма, а тем более о развитии капитализма в Кабарде в XVI в. не приходится говорить. Следовательно, обычный для Западной Европы путь исторического развития и политической консолидации нации для Кабарды XVI в. отпадает. Однако в отличие от этого обычного пути, по которому шел исторический процесс в Западной Европе, в Восточной Европе, как указывает товарищ Сталин, «наоборот, процесс образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности не совпадал по времени с процессом образования централизованных государств»[2].

В странах Восточной Европы, в том числе и в России, «капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»[3].

Указанный товарищем Сталиным второй путь исторического развития, по которому в Восточной Европе, в условиях далеко не ликвидированной феодальной раздробленности, шел процесс политической консолидации наций и образования национальных государств, полностью применим и к истории Кабарды XVI в.

Во второй половине XV в., в связи с падением Византии и занятием Константинополя турками, влияние османской Турции усилилось не только на Черном море, но и в странах, лежащих от него к северу, в том числе и в Кабарде и Черкесии, над которыми уже в XVI в. свистела плеть турецких султанов и их вассалов — крымских ханов. Систематические нашествия турецко-крымских насильников, сопровождавшиеся опустошением страны и массовым пленением людей, действительно, требовали для удержания напора внешних врагов объединения феодально-раздробленной Кабарды.

Инициатором политического объединения феодально-раздробленных частей Кабарды явился известный в русской истории кабардинский удельный князь Темрюк Идарович, который, в целях сплочения раздробленных частей феодальной Кабарды в одно политическое целое, отстранил князей от управления страной и заставил их за жалование служить центральной власти[4]. Для осуществления поставленной задачи Темрюк Идарович установил далее тесные политические связи с Московским государством, от которого он получал возможную в условиях того времени помощь. Помощь Московского государства князю Темрюку Идаровичу выражалась в устройстве в важных в стратегическом отношении пунктах военных укреплений, в дипломатической переписке с Турцией и Крымом об оставлении Кабарды в покое и, наконец, в посылке военной силы против турецко-крымских насильников.

Однако установление дружественных с Московским государством отношений и получение от него помощи оказалось более легким делом, нежели политическое объединение разрозненных частей феодальной Кабарды.

Мероприятия князя Темрюка Идаровича по созданию центральной власти в Кабарде встретили весьма сильное сопротивление со стороны ущемленных в своих политических и экономических правах кабардинских князей, значительная часть которых в целях сохранения утраченных прав не только ориентировалась на турецко-крымских ханов, но нередко даже приводила их в Кабарду для борьбы с центральной властью.

Внутренняя межфеодальная борьба, в сильной степени мешавшая созданию и укреплению центральной власти, привела в конце концов Кабарду не к политическому объединению, а, напротив, к ее распаду на Большую и Малую Кабарду.

II

Естественной границей между Большой и Малой Кабардой служила река Терек, причем под Большой Кабардой принято было разуметь территорию, лежащую по левому берегу названной реки, а под Малой - территорию, лежащую по ее правому берегу. Точно установить дату распада Кабарды на Большую и Малую, за отсутствием положительных данных, не представляется возможным. Однако наше предположение о времени распада Кабарды на Большую и Малую, основанное на анализе сохранившейся генеалогической карты кабардинских феодалов, высказанное нами в одной из наших ранних работ[5], поскольку оно до сих пор не только не оспаривается, но, напротив, считается наиболее вероятным, считаем состоятельным и до сих пор.

Распад Кабарды на Большую и Малую произошел при князе Пшиапшуке Бесланове, жившем в пятом поколении от родоначальника кабардинских князей Инала и являвшемся современником Темрюка Идаровича, последнее письменное известие о котором датируется 1570 г. Таким образом, приблизительной датой распада Кабарды на Большую и Малую следует считать середину XVI в.

Наше предположение о распаде Кабарды на Большую и Малую в середине XVI в. подтверждает между прочим и письменный документ, датируемый второй половиной XVIII в., в котором говорится, что с появлением кабардинцев на берегах Терека «в половине XVI в. ... разошлись они по случившейся между ими ссоре, поселились порознь и стали именоваться по старшинству сих князей Большою и Малою Кабардою. Большою Кабардою та часть народа сего, которая с большим братом заняла места под поселение при реке Баксане, а Меньшею та, при реке Терек, где расположился селением меньший брат с подвластною ему частью»[6].

С распадом Кабарды на две части и передвижением Малой Кабарды на правый берег Терека вражда между князьями не прекратилась. Большая Кабарда, как более могущественная, сильно притесняла Малую. «Владельцы Большой Кабарды,- пишет Броневский,- издревле присваивают себе некоторые преимущества над Малою Кабардою, которая по малосилью своему нередко претерпевает от них притеснения»[7]. Это и понятно, так как Большая Кабарда была в состоянии выставить из одних узденей свыше 6 тыс. человек кавалерии, в то время как Малая Кабарда могла выставить не более 3 тыс. человек. Непрерывная борьба между князьями Большой и Малой Кабарды, приводившая Малую Кабарду к разорению, имела своим результатом ориентацию Малой Кабарды на Россию, под покровительство которой она вошла раньше, чем Большая Кабарда. «Древняя вражда,- пишет тот же Броневский,- и доныне существующая между князьями Большой и Малой Кабарды, послужившая к разорению сей последней, понудила оную совершенно предаться России»[8].

В дальнейшем население Малой Кабарды стало занимать и всю равнину, лежащую к востоку от Терека. Во всяком случае из сохранившихся старых карт[9] видно, что в XVIII в. территория расселения кабардинского народа доходила на востоке почти до берегов Каспийского моря. Это и понятно: кабардинцы, как скотоводческий народ, нуждались в широких, пока мало населенных, северокавказских степях, по которым, перегоняя свои стада, действительно доходили до устьев Терека. По этим же просторам были разбросаны хутора и кочевья кабардинцев, располагавшиеся преимущественно по течениям больших северокавказских рек.

С передвижением Малой Кабарды к востоку от Терека кабардинцы пришли в непосредственное соприкосновение с терско-гребенским казачьим населением, незадолго до этого занявшим треугольник, образованный от впадения реки Сунжи в Терек, и с располагавшимися по Тереку русскими военными крепостями с гарнизонами из московских ратных людей.

Непосредственная территориальная близость Малой Кабарды к тогдашним пределам Московского государства на Северном Кавказе имела своим результатом вовлечение ее в сферу политического влияния Терского воеводства, в составе которого в начале XVII в. уже было немало служилых из кабардинских людей.

Власть кабардинских феодалов над горским крестьянством держалась на экономическом и внеэкономическом принуждении. Мы уже указывали, что горское крестьянство, запертое в горных трущобах, без предгорной плодородной равнины, находившейся в руках кабардинских князей, было обречено на голодную смерть.

Горцы из Предкавказья доставляли такие жизненно необходимые продукты, как хлеб и соль. Главным же образом горцы, как скотоводы, остро нуждались в предгорных пастбищах, захваченных кабардинскими феодалами. Вот что пишет путешественник Клапрот в начале XIX в., наблюдавший экономический быт горских народов, о степени нуждаемости, в частности осетин, в предгорной равнине. «Дугоры,— пишет он,— не могут обойтиться без Кабарды, получая оттуда соль и в неурожайные годы - просо, а неурожаи в их возвышенных местах очень обыкновенны; дугорские пастухи отправляются со стадами в долины Кабарды, где в конце марта все бывает покрыто зеленью, между тем как горы лишены в то время растительности»[10].

Внеэкономическое принуждение кабардинские феодалы осуществляли при помощи многочисленной армии, состоявшей из ворков и местных феодалов и старшин, которые на основе общности классовых интересов всегда выступали против эксплуатируемого горского крестьянства в союзе со своими сюзеренами. «Сии народы,- говорится в одном интересном документе,- крайне притеснены от владельцев Большой Кабарды, кои гораздо их сильнее и не в дальнем расстоянии живут, и, набегая на них, жительства разоряют или принуждают себе дань платить и быть под их властью»[11].

Частые нападения кабардинских феодалов на крестьянские села сопровождались массовым угоном рабочего скота и пленением людей, которых продавали потом в качестве рабов турецким и крымским работорговцам. По свидетельству исторических данных XVIII в., среди кабардинских феодалов отличался своей жестокостью узденъ князя Росланбека Таусолтанова Слангерей Муртазов, о котором, в частности, осетины писали, что «он

весьма крайне нас обижает и не меньше ста дут из нашего народа в полон взял и продал в Крым»[12]. «Киштинцы,- говорится в другом документе об ингушах,- по причине, что Большой Кабарды владельцы... их, киштинцев, разоряли и до сеяния хлебов не допускали и так, что из жилищ их выехать им было не можно, принужденный кабардинский владельцам Бамато Коргокину с прочими покоритца»[13].

В результате феодального гнета кабардинских князей и их вассалов, в лице социальных верхов горских народов, наиболее угнетенные горцы обращались к России с просьбой об оказании им покровительства и защиты. Так, например, «частые разорения, наипаче от кабардинцев им причиняемые, побудили ингушей в 1770 г. предаться российскому покровительству»[14].

Что касается осетин, то и они, будучи «от Большой и Малой Кабарды в притеснении, то бедность и досады необходимо принуждают их искать себе верного покровительства и защищения к приобретению себе какого-либо лучшего пропитания»[15].

Однако на неоднократные обращения горских народов о покровительстве и защите от кабардинских феодалов Россия, будучи связана русско-турецким договором 1739 г., в силу которого за Кабардой были признаны суверенные права, не могла заступиться за подвластных Кабарде горских народов. Защита горских народов могла быть истолкована Турцией как вмешательство России во внутренние дела подвластных Кабарде народов и как нарушение Белградского мирного трактата, следовательно, легко могла привести оба государства к серьезному конфликту.

Только после Кучук-Кайнарджийского трактата 1774 г., в силу которого Кабарда отошла к России, последняя получила в Кабарде и подвластных ей областях свободу действий без учета международных договоров и конвенций.

.!. A .U

Подведем некоторые итоги.

Для оказания соответствующего отпора турецко-крымским насильникам в XVI в. кабардинский князь Темрюк Идарович попытался объединить феодально-раздробленную Кабарду в единое политическое целое. Однако дело политической консолидации Кабарды встретило сильное сопротивление со стороны дворян, непрерывная борьба которых против зарождавшейся центральной власти привела страну в XVI в. к распаду на Большую и Малую Кабарду.

С распадом Кабарды на Большую и Малую произошло передвижение малокабардинцев на восток по правую сторону Терека, где они пришли в непосредственное соприкосновение с горцами Центрального Кавказа и с гребенским казачьим населением, жившим в то время между Сунжей и Тереком.

Захват кабардинскими князьями предгорной равнины с пролегавшими по ней торгово-стратегическими путями вынудил горцев признать над собою власть кабардинских князей, непосредственное влияние которых ускорило процесс классовой дифференциации в горских обществах.

Феодальная власть кабардинских князей над горским крестьянством осуществлялась экономическим и внеэкономическим принуждением. Социальные верхи подвластных народов, будучи вассалами кабардинских князей, способствовали усилению над горским крестьянством двойного феодального гнета - своего и сюзерена.

Эксплуатируемые горские крестьяне просили покровительства и защиты России, которая, однако, будучи связана Белградским мирным трактатом 1739 г., по которому Кабарда была признана суверенной, не могла вмешаться во внутренние дела подвластных Кабарде народов.

л\ Ш

Перейдя на правый берег Терека и заняв своими хуторами и кочевьями предгорную Северо-Кавказскую равнину, кабардинцы привали в непосредственное соприкосновение с чеченцами, ингушами и осетинами. Несомненно, что кабардинцы были знакомы с перечисленными народами и до XVI в., но это знакомство носило эпизодический, случайный, быть может, характер. После же колонизации предгорной равнины, лежащей по правую сторону Терека, кабардинцы близко познакомились с этими народами, в подавляющей своей массе жившими еще в горных ущельях Центрального Кавказа. Кабардинские поселения находились до среднему и низшему течению реки Терека и простирались к югу до самых устьев осетинских ущелий. Вот далеко не полный перечень располагавшихся на Владикавказской равнине кабардинских сел, существовавших почти до первой четверти XIX в. На правом берегу осетинской реки Дурдур, в районе ее впадения в реку Белую, располагались кабардинские села, известные, по одним источникам, под названием Эльтюховых кабаков[1В], а по другим источникам - под названием Елдух[17]. К востоку от Эльтюховых кабаков, на правом берегу реки Черной находился Камбекуков кабак. У самого впадения реки Ар дона в Терек находился кабак Тузароков, а на берегу реки Камбилеевки - три кабака Ахловых, существовавшие еще в 1806 г. У впадения реки Урух в Терек находилось селение Таусултаново, а у впадении реки Белой в Терек, приблизительно в районе нынешней станицы Николаевской, находилось село Эльмурзина - узденя князя Таусултанова.

Кабардинские села простирались и еще южнее, к ущельям Центрального Кавказа. Так, например, на карте, составленной

в 1804 г. [18], в Дарьяльском ущелье, между Балтой и Ларсом, нанесено кабардинское селение Кайтуково, которое существовало еще в 1813 г. Наконец, у самого входа в Куртатинское ущелье, на правом берегу реки Фиагдон, поблизости нынешнего осетинского селения Дзуарикау, находилось кабардинское селение Барукино, принадлежавшее малокабардинским князьям Девлету и Батоке Анзоровым, находившимся в вассальной зависимости от феодала Большой Кабарды Мисоста Баматова. Из достоверных источников известно, что население села Барукино в 70-х гг. XVIII в. состояло из 80 кабардинских дворов [19]. Таким образом, вся предгорная равнина, как и выходы из ущелий Центрального Кавказа, были заняты кабардинскими поселениями, принадлежавшими крупным кабардинским феодальным родам Таусултановых и Гиляксановых и их многочисленным вассалам из числа тлакотлешей, деженуго и ворков. Особенно большое значение для усиления политического влияния малокабардинских феодалов имело то, что они держали в своих руках важнейшие военно-стратегические и торговые магистрали, соединявшие Северный Кавказ с Закавказьем. Так, например, известно, что в первой половине XVIII в. важнейшая военно-стратегическая дорога по Дарьяльскому ущелью находилась в руках князя Алдигирея Гиляксанова, который взимал с названного пути дорожные пошлины. «А живет оной,- говорится в документе,- при горах в Малой Кабарде, и через его владение лежит тракт в Грузию»[20]. Ввиду того, что «кабардинцы владели всеми дорогами, ведущими с плоскости к наиболее удобному перевалу через Главный Кавказский хребет,- свидетельствует один из царских генералов,- сохранение дружественных с ними отношений получило для нас особенно важное значение со времени принятия Грузией русского покровительства»[21].

Монопольное владение Северо-Кавказской равниной и пролегавшими по ней торговыми путями, соединявшими горные ущелья с пограничными русскими крепостями, ставило горцев Центрального Кавказа в экономическую зависимость от кабардинских феодалов. Горцы Центрального Кавказа, будучи отрезаны от плодородных предгорных равнин, оказались запертыми в голодных горных ущельях, в которых они на протяжении веков испытывали исключительный земельный голод. Достаточно сказать, что, как свидетельствует один старый автор, «в ущельях по северную сторону Главного хребта возделанная земля столь дорога, что место, на котором может лечь бык, стоит быка», а «день пахания такой земли продается обыкновенно от 90 до 108 коров»[22]. Отсюда не удивительно, что горцы Центрального Кавказа, заключенные в каменный мешок, жили «в несказанной бедности» и что между ними «от крайней бедности происходят грабежи, воровство и междоусобная война и разорение»[23].

Когда именно горские народы Центрального Кавказа - чеченцы, ингуши и осетины - попали под власть кабардинских

феодалов,- точно установить, по имеющимся историческим данным, не представляется пока возможным. Несомненно, однако, что установление власти кабардинских феодалов над перечисленными горскими народами было связано с распадом Кабарды на Большую и Малую и занятием последней по левую сторону Терека предгорных равнин, что произошло, как уже указывалось, в XVI в. Во всяком случае сохранились не лишенные большого интереса исторические данные о том, что западные осетины в половине XVII в. являлись по всей форме данниками кабардинских феодалов. Так, найример, в статейном списке московского посольства в Имеретию в 1650 г. довольно недвусмысленно говорится, что западные, смежные с Кабардой, осетины «ясак дают Алегуке да Ходождуке Мурзам Черкасским и Зазаруке Мурзе Анзорову, с кабака по десяти коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса»[24].

Установившиеся еще в XVI в. между кабардинскими феодалами и горскими племенами Северного Кавказа зависимые отношения в дальнейшем укрепились настолько, что уже в XVIII в. кабардинские князья могли говорить об этих народах, как о своих подданных. В поданном Екатерине II прошении от 19 августа 1770 г.[25] кабардинские князья писали, что западные осетины, живущие в верховьях реки Урух в количестве 300 дворов, находились под властью князей Магомет-Гирея и Нафи-Мурзы. Осетины, жившие у верховьев реки Белой в количестве 3 тыс. дворов, были подвластны князьям Мисосту Канайбеку и Бекмурзину. Осетины Куртатинского ущелья, жившие по реке Фиагдону в количестве 400 дворов, платили дань Мисосту Баматову и Ахлову. Осетины Кобанского ущелья, жившие по реке Гизельдону в количестве 500 дворов, были данниками Татарханова. Наконец, осетины Дарьяльского ущелья в количестве 500 дворов платили дань Кайтукину, Мударову и грузинскому феодалу Казбеку. Из этого же документа мы узнаем, что ингуши и чеченцы также были данниками кабардинских феодалов, из которых известны Джамбулат Кайтукин, Бамат Коргокин и Касай Алмурзин [26].

Из горских народов Западного Кавказа под властью кабардинских феодалов были карачаевцы, абазинцы и целый ряд черкесских племен.

К сожалению, в нашем распоряжении нет исчерпывающих данных о размере и эволюции феодальных повинностей, которые платили горцы кабардинским феодалам. Но те данные, которыми мы располагаем, в один голос говорят, что в XVIII в. горцы платили кабардинским феодалам по одному барану с каждого двора, железа на одну косу, а также для обеспечения регулярного платежа дани каждое селение обязано было дать требуемое количество аманатов. Феодальные повинности с горских крестьян в пользу кабардинских князей в Осетии взимали

местные феодалы, находившиеся в вассальной от них зависимости, а в Чечне и Ингушетии, где пока не было четкой классовой дифференциации, — бывшие родовые старшины, которые уже в XVIII в. начали складываться вне своих родов в привилегированный эксплуататорский класс.

Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. № 285-287

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 10.

[2] Там же. С. 73.

[3] Там же.

[4] Государственный архив феод. креп, эпохи Кабарды, дело за 1748 г., №41, л. 1.

[6] *Кокиев Г.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. //Ученые записки Института народов Востока. М., 1930. С. 76.

[6] Госуд. архив феод, крепостнич. эпохи Кабардинского дела после 1775 г., IV, 42, к. 88, св. 494.

[7] *Броневский С.* Новейшие географ, и историч. известия о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 88.

[8] Там же. С. 91.

[9] Московский военно-исторический архив, карта № 20490.

[10] *Кокиев Г.* Кабардино-осетинские отношения в XVTII в. // Историч. записки Ин-та истории акад. наук. М., 1938. Т. 1.

[11] Кабардинские дела после 1774 г., связка № 494.

[12] Осетинские дела за 1766-1783 гг. № 2. Рапорт начальника Осетинской комиссии Лебедева кизлярскому коменданту Штендеру от 19.11.1773 г.

[13] Там же. Рапорт ротмистра Киреева о поездке в Ингушетию.

[14] *Броневский С.* Указ. соч. Т. 2. С. 164.

[15] Центр, архив. Осетинские дела за 1767-1771 гг., д. № 3.

[16] См. карту Ст. Вонявина 1768 г., приложенную к нашим «Материалам по истории Осетии». 1933. Т. 1.

[17] Военно-исторических архив, карта № 6714.

[18] Там же, карта № 6715.

[19] ГАФКЭ. Осет. дело № 3 за 1767-1771гг.

[20] Центр, архив. Кабард. дела за 1743 г., св. 13, к. 36, д. № 9, л. 8.

[21] *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1788. С. 91.

[22] Обозрение российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Т. 2. С. 167.

[23] ГАФКЭ. Кабард. дела после 1774 г., связка № 494.

[2-1] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. Изд. проф. М. Полиевктова. Тифлис, 1926. С. 119.

[25] Неизданная рукопись акад. Буткова, хранящаяся в рукописном отд. библиотеки Всесоюзной академии наук, № 50, л. 31-34.

[26] Кабард. дела за 1761 г., к. 63, д. № 15, л. 42; ср.: Осетинские дела за 1757-1762 гг. № 2.

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА КАБАРДИНСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Основным объектом эксплуатации служили в Кабарде крестьяне, принадлежавшие к категории унаутов. В состав этой категории входили безобрядные холопы, или рабы, лишенные каких бы то ни было имущественных или семейных прав.

Унауты представляли собой категорию домашних рабов, о чем говорит между прочим самое их название: «уна» по-кабардински — «дом», «наут» - «домашний».

В составе данной категории было много и женщин, и девушек, на обязанности которых лежало выполнение дворовых работ, забота о продовольственных запасах, уборка комнат и обслуживание женской половины княжеской семьи. По обычаю кабардинских феодалов, унаутки являлись обязательным элементом, дополнявшим чрезвычайно сложный и своеобразный этикет кабардинской феодальной аристократии. «Я знаю несколько женщин,- писал начальник терской аристократии,- которые разводились со своими мужьями, покидали детей и жили в крайности у своих родных, почти работницами, из-за того, что, лишившись служанок, мужья не в состоянии были купить других. Ни одна замужняя женщина - дочь или вдова - порядочных семейств не примут к себе постороннее лицо, если нет при них служанки, и по самым крайним делам не выходят из дома, если не имеют служанки для сопровождения.

В быту кабардинской феодальной аристократии унауты играли исключительную роль. «Лишать туземца, и в особенности кабардинца, холопа - одно и то же, что лишить его собственности, а жену и дочерей - всех средств к существованию, и надо очень многое предоставить кабардинцу, чтобы вознаградить ему лишение холопа, ибо по его понятиям и привычкам и складу жизни никакое вознаграждение не может быть равносильно такой потере». И в подтверждение сказанного об исключительной роли унаутов в экономическом быту кабардинских феодалов начальник Терской области далее продолжает: «Князь Алексей Мисостов - человек очень неглупый, служивший долго в Петербурге,- под конец самой жизни впал в крайнюю бедность. Не имея ни одного холопа, дошел он до того, что по недостатку дров днем сидел в холодной сакле зимой, и не имел горячей пищи. Ночью, украдкой от соседей, ходил он за дровами и водой, а целые дни просиживал, ничего не делая».

Вот почему между прочим кабардинские феодалы встретили крестьянскую реформу 1867 г., лишающую их даровых рабочих рук унаутов и унауток, вооруженным восстанием.

Крестьяне следующей категории известны под названием *огов.* В середине XIX в. категория огов была незначительной, а уже в 70-х гг. того же века в Большой Кабарде огов насчитывалось всего 15 семейств, а в Малой Кабарде их уже не было. Оги были выходцами из логанапутов. История рождения этой категории такова: логанапут, отдавая все свое время на выполнение разнообразных работ феодала, был совершенно лишен возможности работать на себя, потому он находился на полном иждивении феодала. Когда содержание логанапута становилось для князя материально невыгодным, феодал переводил логанапута в категорию огов и освобождался от его содержания.

В экономическом отношении оги, по сравнению с другими зависимыми категориями крестьян, находились в более выгодных условиях. В данной категории не мог быть крестьянин, если не имел пару рабочих волов и необходимого хозяйственного инвентаря для самостоятельного ведения хотя бы небольшого хозяйства.

Оги отбывали феодалу барщину и платили натуральную и денежную ренты. Барщинная повинность заключалась в том, что каждый ог с 16-летнего возраста работал на феодала три дня.

Натуральная рента заключалась в уплате с каждой пары рабочих волов от 10 до 15 сапеток проса, что составляло от 60 до 90 пудов. Кроме того, ог предоставлял помещение новобрачному феодалу в своем доме и содержал его в течение года. Содержание многочисленных гостей феодала также было на обязанности ога. С каждой зарезанной скотины лучшую часть ог отдавал феодалу, а также устраивал ему богатое угощение во время мусульманского поста Рамазана.

Денежная рента, уплачиваемая огом, состояла в том, что при разделе имущества между членами крестьянской семьи феодал получал 100 руб. деньгами, независимо от экономической мощности подлежащего дележу крестьянского имущества, или взамен ренты - одного мальчика ростом в один с четвертью аршина. Полученный за дочь ога калым также принадлежал феодалу.

В свою очередь феодал давал огу землю под пашню и ограждал интересы крестьянина при судебных тяжбах. Ог имел право покупать себе обрядных и безобрядных холопов, которых посылал вместо себя для отбывания работных повинностей на феодала.

Последнюю зависимую крестьянскую категорию составляли *азаты,* или вольноотпущенники. Количественно эта категория до крестьянской реформы была весьма незначительной. В состав этой категории входили крестьяне, которым тем или иным путем удавалось получить свободу. Обычно крестьяне данной категории получали свободу двумя путями - путем выкупа или когда феодал, по древнему обычаю, перед смертью ради «спасения души» даровал ему свободу. Нужно, однако, сказать,

что при «освобождении» крестьянина «ради спасения души» последний должен был оставить все движимое и недвижимое имущество в пользу феодала. Таким образом, крестьяне, обобранные феодалом, уходили от него и переходили в новую категорию — азатов.

Азаты юридически считались свободными и не носящими никаких повинностей, но фактически азатов нельзя считать свободными людьми. Азаты обязаны были жить в одном ауле со своим феодалом, следовать за ним, если он переходил на другое местожительство. Специфической обязанностью азатов являлось то, что они обязаны были на основе аталычества воспитывать детей феодала до совершеннолетнего возраста.

Беяслан-ворки обязаны были жить в одном ауле со своим князем, в крайнем случае - на земле последнего. Беяслан-ворки мстили за кровь, плата была почти такая же, как за кровь тлакотлеша и деженуго.

Беяслан-ворки, как и высшие категории феодалов, владели рабами и крепостными крестьянами.

И, наконец, последняя категория кабардинских феодалов состояла тоже из мелкопоместных дворян, известных под названием *ворк-шаутлухус.* Дворяне этой категории произошли от беяслан-шнитлей, или «княжеских холопов». По своим обязанностям ворки-шаутлухусы очень близко стоят к соседней категории беяслан-ворков, о которых речь была выше.

Ворки-шаутлухусы в свое время составляли военную мощь феодальной Кабарды. Они добывали себе средства к существованию главным образом в войне, в грабежах и набегах и в эксплуатации своих рабов. Сами они находились в зависимости от удельных князей и тлакотлешей.

Плата за кровь ворка-шаутлухуса была такая же, как за убитого тлакотлеша и деженуго. В брак вступали с равными себе по происхождению сословиями. Детей своих отдавали на воспитание крестьянскому сословию, известному в кабардинской феодальной системе под названием азат.

Мелкопоместные дворяне из сословий беяслан-ворков и ворков-шаутлухусов возводилась, как уже указывалось, в дворянское достоинство удельными князьями, которым они поручали себя. По принятии удельным князем коммендации над беяслан-ворками и ворками-шаутлухусами последние становились его вассалами и выполняли функции княжеских дружинников. Важно отметить, что в установлении и развитии в Кабарде вассальных отношений система коммендации играла весьма большую роль.

Установившиеся на основе коммендации отношения между сеньором и вассалом в истории древних германцев эпохи династии Каролингов и императора Карла Великого (IX в.) Ф. Энгельс характеризовал, что «служилый человек был обязан нести всякую совместимую с положением свободного человека служ-

14 Заказ № 108

бу по поручению своего господина, который за это его содержал и по своему усмотрению вознаграждал»[1].

Совершенно аналогичные отношения существовали между кабардинскими удельными князьями (пши) и их вассалами из числа мелкопоместных дворян двух последних категорий, которые составляли княжескую дружину и всячески ограждали честь и достоинство своего сеньора. Любопытно отметить, что в соответствии с выполнявшимися функциями, последняя категория дворян и называлась по-кабардински «ворк-шаутлухус», что значит «княжеская охрана».

Не менее интересно отметить и то, что в кабардинской феодальной системе помимо коммендации существовал еще, как это было и у древних германцев, и другой путь установления между удельным князем и служилым человеком вассальных отношений - через получение от князя какого-нибудь ценного подарка.

О древних германцах Ф. Энгельс писал, что «служилый человек попадал в зависимость от господина, как только получал от него какую-нибудь ценность в один солид»[2].

Памятники обычного права Кабарды свидетельствуют, что с фактом награждения удельным князем крестьянина каким-либо ценным подарком последний также попадал в вассальную от князя зависимость и переходил в привилегированную категорию мелкопоместных дворян ворков-шаутлухусов.

Таким образом, как в истории древних германцев Карла Великого, когда, по словам Ф. Энгельса, «вассальные отношения не были обязательно связаны в то время с земельным пожалованием»[3], вассальные отношения в феодальной Кабарде устанавливались преимущественно на основе коммендации и получения от князя ценного подарка.

Все перечисленные категории относились к эсплуататорскому классу кабардинских феодалов, которые жили за счет эксплуатируемого крепостного крестьянства.

II

Эксплуатируемая крепостная крестьянская масса, известная под общим названием «пшитли», в свою очередь делилась также на следующие семь категорий: 1) логанапутов, 2) льхава, 3) хабзанша, 4) михифатц, 5) унаутов, 6) огов и 7) азатов.

Кратко о каждой из перечисленных категорий. *Логанапуты* составляли основную крепостную массу крестьян, живших на земле феодала, имевших свои хозяйства и семьи. Крестьянин данной категории обязан был исполнять различного рода сельскохозяйственные работы на феодала, который имел право заставлять его работать все время на себя. В этом последнем случае феодал обязан был содержать логанапута и всех членов его семьи.

Логанапут для феодала выполнял все полевые работы, косил сено, свозил хлеб во двор феодала, возил дрова, ухаживал за скотом, возил лес для построек, строил дома и службы; вообще логанапут выполнял все работы, какие требовал от него феодал. На пахоту выходили все логанапуты мужского пола от 12 лет и выше, на сенокос - от 16 и до 50 лет.

Для жен логанапутов существовали особые виды работ: носили воду, обмолачивали на ручных мельницах пшено, доили коров, в год два раза, перед Байрамом и после Курбана, стирали белье на всю семью феодала, мыли и чистили домашнюю утварь, валяли бурки, войлоки, ткали сукно и, наконец, прислуживали госпоже.

В свою очередь, и феодал нес некоторые перед логанапутом обязанности, которые обычным правом были точно регламентированы.

Логанапут получал некоторую часть господского хлеба, внутренности, шею, голову и ноги от зарезанной феодалом скотины, от барана же получал только внутренности. В три года один раз логанапут получал от феодала семь овчин на шубу и подбрюшную часть бычьей кожи на обувь. Логанапут получал иногда и некоторые орудия труда: топор, косу, соху деревянную, а при женитьбе свадебный подарок - чугунный котелок.

Совершеннолетний логанапут имел право требовать от феодала купить ему жену, уплатить за нее калым в размере 200 руб., из которых 190 руб. поступало в пользу феодала, которому принадлежала невеста, а на 10 руб. справляли ей свадебную одежду. В выборе невесты логанапут был свободен. Свободен был выдавать свою дочь по своему усмотрению, но полученный за нее калым целиком отдавал своему феодалу.

Для покупки бумажных тканей логанапуту представлялось право два раза в год - в мае и октябре - вывозить на продажу строевой лес. Однако две трети вырученной суммы поступали в пользу феодала, а одна треть оставалась у крестьянина.

Феодал не имел права продавать логанапута. Категория зависимых крестьян, известная под названием лахава или точнее льхава, является первым отпочкованием от категории логанапутов. Исключительное право владения крестьянами этой категории принадлежало только удельным князьям — пши.

Льхава - это бывший логанапут, взятый феодалом для выполнения всякого рода дворовых работ. Семантика (смысловое значение) термина льхава довольно выпукло очерчивает функции и положение крестьян этой категории в доме феодала: «ль» по-кабардински - «мясо», «хава» — «варить». Таким образом, льхава значит «мясовар» или «повар». И действительно, в основном данная категория состояла из княжеских поваров, количество которых при дворе удельного князя всегда было значительно. Льхавы обслуживали не только феодала и его челядь,

но, главным образом, гостей, которые приезжали к нему очень часто и, по княжеским обычаям, гостили у него подолгу.

Второе отпочкование от категории логанапутов известно под названием *хабзанша,* что значит «адатонарушитель», или «правонарушитель». Значение самого термина хабзанша также раскрывает историю происхождения этой категории. За нарушение адатовых норм или за оскорбление личности князя феодал в наказание переводил логанапута в более низшую и более бесправную категорию. Действительно, в кабардинской феодальной системе хабзанша были бесправными холопами, над которыми феодал имел неограниченные права.

Наконец, третье отпочкование от категории логанапутов составляли крестьянки, представлявшие особую категорию, известную под названием михифатц. Эта категория, главным образом, пополнялась женщинами и девушками, отдаваемыми князем в приданое своей дочери или сестре, когда те выходили замуж. Михифатц неотлучно находилась при своей госпоже, всюду сопровождая и прислуживая ей. Госпожа обязана была выдать свою рабыню замуж за раба. Дети михифатц пополняли ряды домашних рабов княгини. С переходом детей михифатц в собственность княгини их родители имели право вновь перейти в категорию логанапутов.

В начале XIX в. в Кабарде категорией михифатц владели только две княжеские фамилии - Куденетовы и Ашабовы, имевшие исключительное право властвования над крестьянами данной категории.

III

Закончив краткий обзор феодальных и крестьянских категорий Кабарды, остается еще сказать кратко об экономических правах огов и логанапутов и правах феодалов на собственность, лично принадлежавшую крестьянам этих двух категорий.

Оги и логанапуты имели некоторую личную собственность, на которую, по крайней мере формально, не имел права претендовать феодал. К неприкосновенной собственности ога и логанапута следует отнести так называемый некях, или венчальный подарок, который крестьянин получал от феодала при женитьбе. Размер некяха не превышал 3-5 руб. Часто в качестве некяха феодал давал крестьянину телушку стоимостью в 3-5 руб. Весь приплод от этой телушки составлял неприкосновенную собственность жены ога или логанапута.

К этому же виду собственности следует отнести и так называемый десериг (правильно дишерик - *Г. М.)* тоже подарок, который получал крестьянин при женитьбе от родственников и друзей.

В качестве десерига принято было давать корову, приплод от которой также составлял собственность жены крестьянина. На

десериг и некях, составлявшие индивидуальную собственность жены крестьянина, последний не имел никаких прав. Только по смерти жены некях и десериг делались собственностью крестьянина и оставшихся после смерти матери детей. Если не оставалось наследников, некях и десериг поступали в собственность феодала.

К следующему виду собственности крестьян названных категорий следует отнести дидовос-белым, т. е. скот, приобретенный крестьянином личным его трудом. Дидовос-белым считался собственностью крестьянина только номинально, а фактически положение было таково, что без разрешения феодала крестьянин не имел права менять или продавать его. Однако скот, составлявший дидовос-белым, крестьянин мог зарезать на личное потребление и без согласия феодала.

Скот, составлявший некях, десериг и дидовос-белым, крестьянин, отбывавший барщину в течение только пяти дней, кормил сам. Если же крестьянин ходил на барщину без ограничения времени, то скот, составлявший некях, десериг и дидовос-белым, содержался за счет феодала.

Феодал имел право продать имущество крестьянина, составлявшее дидовос-белым, причем одну треть оставлял крестьянину, а остальную сумму брал себе. Доля, полученная крестьянином от продажи дидовос-белым, превращалась в десериг, или неприкасаемую собственность жены крестьянина.

При продаже логанапута феодал вместе с ним продавал и его собственность и получал от купившего крестьянина стоимость имущества. О своем решении продать логанапута феодал обязан был заблаговременно объявить крестьянину с тем, чтобы последний мог найти себе покупателя. Если крестьянин в продолжение месяца со дня объявления ему о продаже не мог найти себе покупателя, феодал сам предлагал ему трех покупателей, из которых крестьянин выбирал себе хозяина. Если из предложенных феодалом покупателей крестьянин не мог себе выбрать никого, феодал продавал его по своему усмотрению, кому хотел, но обязательно внутри Кабарды и со всем его семейством.

В пределах Кабарды на крестьян существовали следующие цены. Мальчик до 12 лет и девочка до 10 лет продавались по цене из расчета по 10 руб. за каждый год возраста. Крестьянин от 12 до 45 лет стоил от 150 до 200 руб., а женщина от 10 до 45 лет стоила от 150 до 180 руб. Женщины старше 45 лет стоили значительно дешевле минимальной стоимости трудоспособной женщины. Цены на мужчин - 200 руб. и женщин - 180 руб. являлись максимальными. Поэтому, когда феодал продавал крестьянина выше максимальной цены, крестьянин имел право через словесный суд опротестовать сделку феодала и потребовать возврата новому хозяину за него сверх максимальной цены суммы. Этот обычай существовал для устранения часто повторявшихся злоупотреблений со стороны феодалов, стремивших-

ся продавать крестьян возможно дороже, почему они, переходя из рук в руки, все время повышались в цене и, в конце концов, из обрядных переходили в разряд безобрядных холопов, стоимость которых была настолько высока, что в случае, если бы крестьянин захотел выкупиться на волю, то не хватило бы и трех человеческих жизней, чтобы уплатить хозяину выкуп.

Из всех зависимых категорий наиболее высокие цены существовали на унаутов, и в особенности на унауток, когда они были недурно сложены и внешне привлекательны. Цены на молодых унауток, предназначавшихся на внешний рынок, нередко доходили до **500** руб.

* А *

Из всего сказанного видно, что в половине XIX в. в Кабарде феодализм не только установился, но даже имел некоторые элементы разложения. Наличие в кабардинской феодальной системе категории азат, или вольноотпущенников, является одним из признаков разложения феодально-крепостнических отношений в Кабарде.

Однако наиболее существенным признаком разложения феодально-крепостнического строя Кабарды следует считать, наряду с отработочной и продуктовой рентами, наличие которых объяснялось узкими потребительскими рамками, существование денежной ренты, предполагающей высокое развитие производительных отношений. Денежная рента, по словам К. Маркса, «предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»[4]. Важно также отметить, что наличие денежной ренты связано с отображением в феодально-крепостническом обществе новой социальной силы в лице неимущих поденщиков, продающих свою рабочую силу за деньги. «Превращению натуральной ренты в денежную,- пишет К. Маркс,- не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги»[6].

Любопытно далее отметить, что категория унаутов и три отпочкования от категории логанапутов - льхава, хабзанша и михифатц - свидетельствуют о наличии в кабардинской феодальной системе домашнего рабства, являвшегося специфической особенностью восточного феодализма. «Иное дело домашнее рабство на Востоке,- пишет Ф. Энгельс,— здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»[5].

Фактическое положение кабардинских крестьян из категорий унаутов, льхава, хабзанша и михифатц является лишним **подтверждением** важнейшего тезиса Ф. Энгельса о характере **домашнего рабства на** Востоке.

Социалистическая
Кабардино-Балкария.
1941. № 22-24.

ПРИМЕЧАНИЯ

> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16: Ч. 1. С. 104.
[2] Там же. С. 405.
[3] Там же.
[4] *Ленин В. И.* Соч. Т. 3. С. 127.
[5] Там же.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 451.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ВРЕМЕНИ РАССЕЛЕНИЯ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ НА НЫНЕШНЕЙ ТЕРРИТОРИИ

I

Даже самый беглый обзор этнического состава Северного Кавказа легко убеждает каждого, насколько он многообразен, разноплеменен и разноязычен. Отсюда безусловно был прав известный русский ученый академик В. Ф. Миллер, который Кавказ называл «горой языков», и не менее он был прав, когда говорил, что «нет другой местности на земном шаре, где бы на сравнительно небольшом пространстве заключалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов».

Распутать этот исключительно сложный этнический конгломерат и проследить исторические пути развития каждого из горских народов представляет собою неимоверно трудную задачу. Трудность вопроса этногенеза горских народов усугубляется прежде всего тем, что почти все горцы до Великой Октябрьской социалистической революции не имели своей письменности, а потому не могли, естественно, создавать о себе письменных источников, по которым можно было бы проследить исторические пути развития этих народов.

Не лучше обстоит дело со вспомогательными, крайне важными при изучении истории бесписьменных народов, научными дисциплинами — археологией, этнографией, лингвистикой и историческим фольклором. Материал по этим дисциплинам не только не обобщен научно, но даже по многим народам не собран как следует. А между тем эти вспомогательные научные дисциплины, и в особенности данные исторического фольклора, при отсутствии письменных источников, могли бы оказать историку огромную, неоценимую помощь. «Народная песня,- писал друг К. Маркса и Ф. Энгельса Поль Лафарг о значении памятников устного народного творчества,- невежественная и не утонченная, не знающая ни о цензуре, ни о полустишии, часто заменяющая рифму созвучием гласных и готовая отказаться от нее, когда она становится стеснительной,- песня, возникающая неведомо где и переходящая из уст в уста, эта песня есть верное, самобытное и непринужденное выражение народной души, ее спутница в радости и горе, энциклопедия ее знаний, ее религии, ее философии,- сокровищница, которой она доверяет свою философию и национальную историю. Вследствие этой точности и правдивости, устная литература обладает исторической ценностью большей, чем любое произведение отдельного индивида. Поэтому ею можно спокойно пользоваться без опасения быть введенным ею в заблуждение».

Эту несколько длинную цитату из П. Лафарга я привел для того, чтобы по возможности шире показать значение памятников устного народного творчества вообще, а для истории бесписьменных горских народов - в особенности.

II - III

Балкарцы, называющие себя «таулу», что значит «горцы», относятся к числу тех горских народов Северного Кавказа, о происхождении которых сохранилось наименьшее количество достоверных исторических известий.

Некоторые из сохранившихся известий выводят предков современных балкарцев из древней Булгарии на Волге и Каме и этнически сближают их с булгарами на Волге. Основанием для этнического сближения предков современных балкарцев с камо-волжскими булгарами послужило известие армянского историка V или IX в. н. э. Моисея Хоренского, который рассказывает о переселении в Армению, на почве внутренних смут, части волгско-камских булгар еще в I в. до н. э. Эту точку зрения поддерживали историк Карамзин [1] и известный переводчик Моисея Хоренского Эмин [2].

А между тем, если вчитаться в рассказ Моисея Хоренского о переселении части булгар в Армению, возникает сомнение относительно того, что эти переселенцы были именно из волжско-камской Булгарии. В самом деле, у Моисея Хоренского говорится, что «большие смуты возникли в цепи великой горы Кавказской, в земле булгар»[3].

Не решая вопроса о времени переселения части булгар в Армению - в I в. до н. э. или в IX в. н. э., когда жил Моисей Хоренский,- несомненно одно, что Моисей Хоренский имел в виду не волжско-камских булгар, а болгар, живших где-то недалеко от Центрального Кавказа и, вероятнее всего, на берегах реки Малки, от которой они, быть может, и получили свое название. В этой связи любопытно указание С. Броневского, что балкары, или малкары, жившие в Черных горах по реке Черек в деревне Уллу-Малкар, получили свое этническое название от реки Малки[4], которая по «Книге Большому Чертежу», составленной до 1598 г., известна под названием Палк [5].

В предположении, что балкарцы могли получить свое племенное название от реки Малки или, как ее и до сих пор называют осетины (да и кабардинцы.- *Г. М.)* Балки,- ничего невероятного нет, так как в древности переход топонимического термина .в этнический был распространенным и обычным явлением.

Основной интерес свидетельства М. Хоренского для нас заключается в том, что оно, вопреки мнению Карамзина и других, переселившихся в Армению болгар связывает не с волжско-камской Булгарией, а с Центральным Кавказом, где их потомки живут и поныне.

Этническую связь предков современных балкаро-карачаевцев с северокавказской этнической средой, по-видимому, надо считать более вероятной. Что далекие предки современных балкаро-карачаевцев были связаны с северокавказской этнической средой, видно хотя бы из того, что некоторые древние топонимические названия тождественны с племенным названием карачаевцев. Племенное название карачаевцев, родственного балкарцам по происхождению племени, на Северном Кавказе было известно еще в IX в. н. э. Так, например, один из оживленнейших средневековых торговых путей, проходивший вдоль реки Кумы, мимо Эльбруса, через Карачай в Сванетию и Колхиду, которым в IX в. владели римляне, а после них - персы, охранявшие его военными гарнизонами, византийцам был известен под названием Коручон или Хоручон по имени карачаевцев[6].

Любопытно отметить, что в 1650 г. по этому древнейшему пути проходило московское посольство во главе с Никифором Толочановым и дьяконом Иевлевым в Имеретию. В статейном списке этого посольства мы находим некоторые не лишенные интереса сведения о балкарцах, которые, кстати, являются самыми ранними известиями русских исторических документов об этом народе.

Посольство Толочанова 13 мая 1650 г. прибыло в Кабарду, а 17 мая - в Балкарию, где балкарские мурзы приняли его с большими почестями, а потом 31 мая они проводили посольство до Сванского перевала: «А провожали до тех мест болхарские владельцы, Алибек да Чеполов с братьями и детьми; и из-под гор воротились к себе в Болхары»[7].

Из статейного списка Толочанова мы узнаем о наличии в то время классовой дифференциации в балкарском обществе и о «независимости» балкарских мурз. «А те мурзы,- говорится в статейном списке,- не под государствою рукою живут, сами о себе»[8]. Верно, что балкарцы в то время не были под властью Московского государства, но неверно, будто балкарские мурзы жили «сами по себе». Они уже находились в вассальной зависимости от кабардинских князей. Однако Толочанов мог не знать об этом, тем более, что он брал свои сведения со слов балкарских мурз, которые из дипломатических соображений против исторической действительности могли умолчать о своей вассальной зависимости от кабардинских князей.

Помимо топонимических названий, сближающих балкарцев и карачаевцев с Центральным Кавказом и его этнической средой, есть и некоторые прямые указания о том, что «в Кабарде обитали в X в. теперешние коренные жители ее чегемы и балкарцы»[9].

Заслуживает быть отмеченным также известие древних греческих писателей о бытовании балкарцев на Северном Кавказе в 1306 г.[10] и, по всей вероятности, в тех территориальных пределах, в которых они живут в настоящее время.

Приведенный материал, отнюдь не претендующий на полноту, как будто говорит о том, что балкарцы и карачаевцы являются если не аборигенами, то во всяком случае древнейшими обитателями Северного Кавказа, имевшими общие с остальными горцами исторические пути, обусловившие общую со всеми горцами культуру, быт и психологию. Полное или частичное оседание балкарцев и карачаевцев на ныне занимаемой ими территории, по-видимому, произошло не позже X в. н. э. Поэтому едва ли можно считать состоятельной -существующую в кавказоведческой литературе точку зрения, приурочивающую расселение балкаро-карачаевцев на нынешней территории к половине XVI в. Данная точка зрения впервые была высказана Сысоевым ", а за ним была развита А. Н. Дьячковым-Тарасовым.^Дьячков-Тарасов свою точку зрения впервые высказал в общей формулировке в работе, посвященной социально-экономическому строю Карачая ".

В опубликованных тезисах Дьячков-Тарасов о времени появления карачаевцев на северокавказской почве пишет, что «этот народ вырос на глазах истории, ибо время его обоснования в бассейне реки Кубани относится к середине XVI в.».

Не приводя никаких фактических данных в обоснование своей точки зрения, автор далее пишет, будто «территория, занимаемая ныне карачаевцами, ко времени их прихода была пустыней», никем не заселенной, хотя и допускает, что в более ранние исторические эпохи эта территория была населена каким-то другим многочисленным народом полуномадного характера. В предшественниках карачаевцев, а следовательно, и балкарцев Дьячков-Тарасов склонен видеть «алан». Таким образом, Дьячков-Тарасов, приурочивая расселение балкарцев и карачаевцев на Северном Кавказе к середине XVI в., считает их без каких-либо оснований «младенчествующим» народом, выросшим, как он говорит, «на глазах истории».

Принципиально неверно, как это делает Дьячков-Тарасов, отрывать балкарцев и карачаевцев от алано-ясского союза племен, объединившего, за исключением кабардинцев, история которых параллельно прослеживается с I в н. э., почти всех горцев Северного Кавказа. Алано-ясская проблема вкратце сводится к следующему.

Аммиан Марцеллин, живший в IV в. н. э., пишет, это «аланы получили свое имя от гор»[14].

Слово «алан» проникло к римлянам через тюрков, в древнем языке которых оно означает просто «горцы».

Нетрудно заметить, что у всех приведенных авторов термин «алан» семантически сближается с «горой», «горным хребтом» и даже с «горцами». И это не случайно. Исторические предания Передней Азии свидетельствуют, что аланы были выходцами из Алтайских гор, где, по китайским летописям, это название

было дано им на языке которых термин «алан» означает «горец».

Таким образом, прародиной термина «алан», по-видимому, является район Алтайских гор, откуда он через древнюю Согдиану был перенесен еще в I в. до н. э. какими-то «горцами», которые, переправившись через Нижнюю Волгу на Северный Кавказ, «заняли долины рек Терека и Малки»[14].

Термин «алан» первоначально был названием одного племени, которое, в силу господствующего положения, подчинило многочисленные терские племена Северного Кавказа и распространило на них свое собственное название. В этом отношении любопытно свидетельство Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.), который говорит, что «аланы частыми победами мало-помалу покорили под свою власть соседние народы и дали им свое имя»[15]. Совершенно естественно, что победившее племя давало свое имя побежденным племенам. Ярким примером в этом отношении является Монгольская империя, в состав которой в разные исторические эпохи входили различные по происхождению завоеванные племена, которые, потеряв свое этническое название, были известны под именем победителя. Поэтому несомненно был прав французский ученый Вивиен де Сен-Мартен, когда он писал, что «под именем алан подразумевались, без сомнения, туземные племена северокавказского склона, с верховьев Кубани до Северного Дагестана, на которых аланы постепенно распространили свое владычество и которые образовали объединенный союз под именем господствующего племени»[16].

Итак, термин «алан» в историческом прошлом, несомненно, был собирательным названием для всех горских племен Северного Кавказа за исключением кабардинцев, а потому любое из горских племен, в том числе балкарцы и карачаевцы, имеет все основания считать себя потомками кавказских алан. Отсюда, безусловно, был прав и крупнейший ученый нашего времени, покойный академик Н. Я. Марр, когда он рассматривал аланскую проблему не только в рамках Кавказа, а в пределах всего юга России, не в узких границах одного лишь племени, а в широких рамках различных областей отечественной истории.

«Аланы,- писал академик Марр,- это уже история не только Кавказа, но и юга России. В них заинтересованы представители различных отраслей отечественной истории»[17].

Иод термином «алан» на протяжении многих столетий скрывалось объединение различных по своему происхождению горских племен Северного Кавказа, этническое скрещивание которых происходило в определенных исторических условиях на базе дальнейшей эволюции социально-экономических условий.

IT

Изучение имеющегося в нашем распоряжении отрывочного материала приводит нас к выводу о несомненной этнической связи балкаро-карачаевцев с одной из ветвей аланского объединения племен и о том, что последними носителями термина «алан» в качестве этнического названия были балкарцы и карачаевцы, на языке которых этот термин в значении «друг» и «товарищ» сохранился и по сей день:

В «Кратком описании Абхазии», принадлежащем неизвестному автору, писавшему в начале XIX в., говорится, что «от Сухума имеется дорожка через нижние горы в Цебели и к аланам»[18]. В этой краткой выдержке заслуживает серьезного внимания географическое положение алан в начале XIX в. Сухум, как известно,- портовый город, столица нынешней Абхазии. К северу от Сухума, по правому берегу реки Кодор, в смежности с Абхазией лежит Цебельда, в документе называемая Цебели, а в смежности с Цебельдой к северу у верховья Кубани сплошной массой живут балкарцы и карачаевцы, называемые в документе аланами.

В этой связи небезынтересно примечание Гербера к «Географии Российской X в.», составленной профессором Байером, в котором Гербер говорит, что «от аланов есть также остаток, они живут подле авгазов, в ближайших городах к северо-востоку»[19]. Если посмотреть на карту Кавказа, нетрудно заметить, что ближайшими и непосредственными соседями авгазов, или абхазов, живущих в горах к северо-востоку, действительно являются балкарцы и карачаевцы, современное географическое положение которых совершенно точно совпадает с территорией алан, о которых идет речь у Гербера.

Не липшим считаю, наконец, привести данные из рукописной «Генеральной карты грузинских царств - Кахетии, Карталинии и смежных земель», обнаруженной нами в Московском военно-историческом архиве[20].

Карта принадлежит неведомому автору, но известно, что она составлена при департаменте Генерального штаба, где пользовались ею при завоевании Кавказа. Последнее обстоятельство до какой-то степени гарантирует относительную точность карты. Составлена она в конце XVIII в. Составитель карты в основном правильно ориентировался в кавказской геоэтнической среде. На карте все горские племена Северного Кавказа помещены в тех местах, где они живут и до сих пор. Но на ней нет ни балкарцев, ни карачаевцев. На территории, которую они занимают в настоящее время, вместо балкарцев и карачаевцев нанесены аланы.

Приведенный материал достаточно ясно говорит о том, что в XVIII и в начале XIX в. балкарцев и карачаевцев называли аланами. Из этого факта нельзя, однако, делать заключения, буд-

то из всех северокавказских горцев только балкарцы и карачаевцы являются потомками древних кавказских алан. Напротив, в историческом прошлом термин «алан» был собирательным названием всех горцев, в том числе и балкаро-карачаевцев, которые общее название племенного союза горцев в качестве этнического термина сохранили дольше остальных горских народов.

Значительно сложнее решить вопрос о том, как давно «индивидуализировалось» общее название горских народов «алан» и в силу «каких исторических причин оно могло перейти к балкарцам и карачаевцам и сделаться их этническим названием.

Надо думать, однако, что термин «алан» на нынешней территории балкаро-карачаевцев существует с древнейших времен, во всяком случае задолго до появления на данной территории последовательно сменявших друг друга осетин и балкаро-карачаевцев. Имя древнейшего населения современной территории балкаро-карачаевцев могло перейти к позднейшим насельникам страны - осетинам, а за ними к балкарцам и карачаевцам. Переход этнического названия первонасельников определенной территории на другое племя - явление обычное и происходит вследствие того, что «в те или иные районы внедрялись иноплеменные народы, и новые этнические образования получали как бы наследственно, по заселенной ими стране, этническое название первых ее насельников»[21].

Из всего сказанного как будто следует, что балкарцы и карачаевцы относятся если не к аборигенам Северного Кавказа, то во всяком случае к числу его древнейших обитателей, в историческом прошлом объединившихся в так называемый аланский союз племен, куда входили в числе других горцев и балкарцы, и карачаевцы. Последними носителями собирательного названия были балкарцы и карачаевцы. Существующую точку зрения, приурочивающую появление балкаро-карачаевцев на Северном Кавказе к половине XVI в., следует считать несостоятельной, так как более ранние известия говорят, напротив, о расселении балкаро-карачаевцев на ныне занимаемой территории еще задолго до XVI в. и во всяком случае не позднее X в.

Социалистическая
Кабардино-Балкария.
1941. 28-30 января.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История государства Российского. Т. 1. Прим. 41.
[2] *Хоренский М.* История Армении. Прим. 150.
[3] *Хоренский М.* История Армении. Т. 2. Гл. 9.
[4] *Вроневский С.* Известия о Кавказе. СПб., 1823. Т. 1. С. 216.
[5] «Книга Большому Чертежу» изд. Языкова 1838 г. С. 60.

[6] *Битков П.* Опыт древней истории Осетии. Роспись, хранящаяся в отд. рукописей библиотеки Академии наук. № 37-35, л. 238, об. 240 и прим.39.
[7] Посольство стольника Толочанова. Изд. М. Полиевктова. Тифлис, 1926. С. 121.
[8] Там же. С. 120.
[9] *Бутков П.* О имени козак // Вестник Европы. 1822. № 21, 22. С. 190.
[10] Гак. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1890. Т. 2. С. 208.
[11] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1913. Т. 43. С. 137.
[12] Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1928. Т. 1. С. 137-150.
[13] *Миллер В.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 42-50.
[14] *Сен-Мартен.* Указ. соч. С. 136.
[16] *Миллер В.* Указ. соч. С. 42.
[16] *Сен-Мартен.* Указ. соч. С. 140.
[17] *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. Избранные труды. Л., 1933. Т. 1. С. 71.
[18] Военно-исторический архив Главного штаба, д. 18482, л. 4.
[19] *Бергер И. С.* Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Книга за октябрь. С. 320.
[20] ЦВИА. Фонд Военного министерства, департамент Генерального штаба, д. № 20493.
[21] *Марр Н. Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922. С. 12.

*

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАБАРДИНСКИХ ХОЛОПОВ В МОЗДОК В XVIII в.

Кабардинцы Моздокского района, придерживавшиеся, в отличие от остальных кабардинцев-магометан, христианской религии, в дореволюционной истории Кабарды у многих вызывали недоуменные вопросы.

В самом деле - официальной религией кабардинцев, как известно, было мусульманство, проникшее в кабардинскую среду приблизительно в XVI в. из Османской Турции и Крымского ханства и которое в первую очередь распространялось среди зависимых от Турции и Крыма верхушечных социальных слоев кабардинского общества, а потом стало распространяться и среди зависимого от них крестьянского населения.

Тем не менее, среди сплошного мусульманского населения Кабарды сохранились островки кабардинцев-христиан, живших исключительно в Моздокском районе.

История христианизации и переселения кабардинцев в Моздокский район в исторической науке не разработана. А между тем она интересна, во-первых, тем, что бросает свет на одну из важнейших сторон колонизационной политики царизма на Северном Кавказе, а во-вторых, характеризует те социальные сдвиги, которые происходили в результате этой политики внутри кабардинского общества.

I

В ходе колонизационной политики царизма на Северном Кавказе освобождаемые под напором царских войск горские земли заселялись казачеством, которое использовалось как человеческий материал для колонизации отнимаемых горских земель и как вооруженная военная сила для новых захватов. В середине XVIII в. одних казачьих сил было далеко не достаточно для прочного закрепления за метрополией Моздокского района, который после оставления оккупированных в результате персидского похода Петра I в 1722 г. прикаспийских провинций приобретал для России важнейшее экономическое и стратегическое значение. Поэтому перед царизмом встал вопрос о дополнительных людских ресурсах для колонизации прилегающих к левому берегу реки Терека плодородных степей, обещавших России большие экономические возможности в смысле насаждения и развития на них сельскохозяйственной промышленности вообще, шелководства и садоводства - в частности.

Об экономическом значении притеречного района еще Петр I писал, что «Терские места могут быть не хуже Пиляна»[1] для хлопководства и шелководства. О Моздокском районе и князь Потемкин отзывался, что он «подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество»[2].

Для насаждения и развития в Кизляро-Моздокском районе мануфактурной промышленности царизм делал ставку на армянскую торговую буржуазию, которой предоставлялись крупные земельные участки и весьма существенные экономические льготы. Так, например, армянскому купцу Луке Ширвачову по указу Елизаветы Петровны было отведено под заводы и фабрики, а также «для поселения будущих при заводах работных людей довольные места» по левому берегу Терека в количестве 649 десятин[3] с условием, чтобы «сделанных на том заводе и фабрике шелку и парчой и прочего пошлин внутренних не брать десять лет». И, кроме того, «шелк с того времени, как оная ими заведена будет, завозить из Персии без пошлин три года, а с принадлежащих до той фабрики инструментов и красок, когда они будут вывозить как из российских городов, так из Персии и из-за моря - пошлин с них не иметь»[4].

По далеко не полным статистическим данным, в XVIII в. в Кизляро-Моздокском районе одной лишь армянской торговой буржуазии было предоставлено царизмом на правах частной собственности 15 147,5 десятин земли[5]. На этой земле армянское купечество, получившее, кроме земли, от казны большие денежные ссуды, обязано было развивать промышленность и в первую очередь шелководство и хлопководство.

В результате мероприятий царизма к концу XVIII столетия в районе от Астрахани до Моздока насчитывалось значительное количество фабрично-заводских предприятий мануфактурного типа, в том числе 10 салотопленных, свечных, мыловаренных, кожевенных и других заводов и до 130 мелких фабрик шелкового и хлопчатобумажного производства.

Насаждение промышленности и торговли в смежном с горцами Кизляро-Моздокском районе являлось одним из важнейших факторов подчинения горцев капиталистическим отношениям России и политического приобщения их к метропо'лии. «Нужно позволить купечеству туда для торга приезжать, - говорится в одном директивном документе,- и тем переобучать их ко употреблению разных производимых товаров, а паче к познанию и употреблению денег, коих они по се время никаких не имеют, а сие познание необходимо понудит их к снисканию работою своею»[6]. И действительно, горцы Северного Кавказа к началу XIX в. стали выбрасывать на рынок труда значительное количество людей, частично поглощавшееся местной мануфактурной промышленностью. «Площадь между городом

15 Заказ № 106

и крепостью усеивается горцами,- рассказывает очевидец,- которые приходят толпами в Кизляр на работу. Каждое племя располагается на площади отдельным кружочком, сидят на ногах с коротенькими в зубах трубками, большая часть без рубах, закрывая черную грудь лоскутком косматой бурки. По овчинным шапкам разных покроев можно назвать имена и места аулов, откуда пришли дикари»[7].

Одновременно с проникновением торгово-денежных отношений внутри горских обществ насаждалась и своя торговая буржуазия, органически связанная с рынком метрополии.

Таким образом, на Северном Кавказе шел процесс концентрации средств производства в руках местной буржуазии, процесс, который отрывал горское крестьянство от сельского хозяйства и создавал необходимые предпосылки для развития капиталистического производства.

Для развития промышленности в Кизляро-Моздокском районе и закреплении казачьего района за метрополией нужны были люди для колонизации притеречных земель. В распоряжении командования Кавказской военной линии хотя и были терско-гребенские казаки, но их было далеко не достаточно, тем более, что функции казачества в основном сводились к обслуживанию Кавказской военной линии. Поэтому был поставлен вопрос об использовании для колонизации Кизляро-Моздокского района горских народов.

II

Поставив вопрос об использовании горских народов для колонизации моздокских степей, царизм рассчитывал прежде всего на христианизированное, более надежное с точки зрения царизма, горское население, которое предполагалось расселить в Моздоке и около него, как наиболее важном в стратегическом отношении пункте. С 60-х гг. XVIII в. Моздок действительно начал играть роль опорного пункта, откуда царизм имел возможность, во-первых, продолжить на запад по течениям рек Терека и Кубани к Азово-Черноморским берегам Кавказскую военную линию, сосредоточив, таким образом, в своих руках все таможенные доходы, которые «по причине многих через степь открытых дорог пришли в великий упадок»[8], и, во-вторых, влиять на дела горских народов, непосредственно примыкающих к правому берегу реки Терек.

По докладу Коллегии иностранных дел от 18 августа 1762 г., план колонизации Моздокского края был утвержден сенатом 15 октября того же 1762 г.

Практическое проведение в жизнь принятого решения указом от 11 декабря 1762 г. было поручено подполковнику Петру Гаку, которому приказывалось «приложить старание о склонении горцев, живущих в Кавказских горах», чтобы «все сие дела содержать в крайнем секрете, чтобы отнюдь никто и ни о чем малейшем из этого сведать не мог»[9].

Подполковник Гак повел среди горцев агитацию за переселение в Моздок. В агитационных целях Гаком широко были использованы горские феодалы и старшины, которых он подкупал деньгами, офицерскими чинами и земельными участками. 11емалую роль играли в этом деле члены Северо-Кавказской миссионерской комиссии, которым вменялось в обязанность «стараться, склонить тот народ к переходу на поселение в Моздок, внушая им, сколь выгоднее и лучше им быть в здешних границах, где такие ж выгодности, и не хуже нынешних своих мест иметь будут, для чего вывозить их в Моздок с собою и тут на месте в приезды их отменно ласкать, на что и сумму назначенную употребить»[10].

По докладу кизлярского коменданта генерала Потапова, горским переселенцам было установлено денежное вознаграждение. «Для лучшего поощрения к переходу и поселению в здешнюю сторону тех народов,— писал Потапов,- молено давать им при первом случае из казны из кизлярских доходов, а в случае оных недостатка, и из астраханских, так как на нужное и со временем существенную пользу приносящее дело — старшинам и узденям по 10, а рядовым по 5 рублев на семью, а холостым против того-вполы»[11].

Наряду с этим, чтобы стимулировать переселенческое движение среди горцев в желаемых размерах, горским переселенцам предоставлялись весьма существенные по тому времени экономические льготы. Они освобождались от каких-либо пошлин, когда привозили на продажу продукты своего производства, в частности хлеб и фрукты, в русские пограничные пункты. Переселенцам предоставлялось право свободного изготовления вина, варения пива, меда, браги и вывоза таковых на продажу в другие места, в то время еще не принадлежавшие России. Однако, во избежание конкуренции с товарами метрополии, перечисленные напитки категорически запрещалось ввозить в русские города и крепости.

В станицах терско-гребенских казаков горцы могли беспрепятственно и без пошлин продавать крупный и мелкий домашний скот, а также фабрикаты и полуфабрикаты горской кустарной промышленности, как то: бурки, сукно, черкески, чулки, шапки, кожи, тулупы, мед, воск, арбы, деревянные колеса и т. д. В обмен на перечисленные товары горским переселенцам разрешалось вывозить из русских пограничных пунктов в горские аулы на продажу без пошлин — рыбу, холст, соль, железо, чугунные котлы, иголки, золотые и серебряные нитки для художественной вышивки, пшеницу, пшено и другие продукты домашнего обихода. Самой «существенной льготой, однако, следует считать то, что горским переселенцам, осво-

боэздавшимся, кстати, от каких бы то ни было податей и налогов, предоставлялись значительные земельные участки для хлопководства, шелководства и разведения виноградных садов.

Принимая во внимание, с одной стороны, исключительную среди горцев земельную тесноту, с другой - предоставление * ирСКJIМ переселенцам значительных земельных участков и больших экономических льгот, казалось, что результатом всего этого .явится массовое переселенческое движение горцев в Моздок, «но сего, однако,- как с разочарованием констатировала Коллегия иностранных дел,- вопреки самого вероятнейшего ож:"Д"ния не воспоследовало»[12]. Земельные участки и экономические льготы, по мысли царских дипломатов, должны были стимулировать переселенческое движение среди безземельных и угнетенных крестьянских масс. Но крестьянские массы понижали, что с переселением в Моздок они попадали от одного эксплуататора к другому, более жестокому. Этим и объясняется отказ горских крестьян от переселения в Моздок. «Действительно знаю,- с недоумением докладывал Коллегии иностранных дел комендант Кизлярской крепости генерал Потапов,— что не прельщаются они ни на какие вызовы и в Моздок выводить»[13].

Ни земельные участки, ни экономические льготы не могли склонить горцев к переселению. План колонизации Моздокского района оказался под угрозой срыва. Царизм прибег к другому средству, оказавшемуся в горских условиях более эффективным.

III

Для максимального развития переселенческого движения среди горских народов царизм распространил на Северном Кайьсазе силу указа от 1743 г., который в свое время был издан для магометанского населения Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерний. В этом указе говорилось, что «новокрещенным из магометанского закона за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно, и тем прежним помещикам и мурзам до владения их новокрещенных никакого дела не иметь, а по крещении переводить их и селить свободно с прочими новокрещенными»[14].

Таким образом, по смыслу этого указа, холопам и крепостнЬпД крестьянам достаточно было принять христианство и переселиться в тогдашние русские пределы, чтобы освободиться от крепостной зависимости от горских феодалов. Желание получить освобождение от феодального гнета оказалось в горских холопах сильнее, нежели различного рода экономические льготы, которые предоставлялись царизмом горским переселенцам. И надежде на получение освобождения от феодально-крепостнического рабства наиболее угнетенные слои горского крепостного крестьянства, убегая от своих феодалов, широкой волной устремились в Моздок. Особенно большое количество перебежчиков было из феодальной Кабарды, откуда, главным образом, убегали унауты, которые, принимая крещение и поселяясь в Моздоке, рассчитывали «из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно». Но не тут-то было. Кабардинские унауты, по-видимому, не учли, что в указе 1743 г., но которому холоп с переселением в Моздок и принятием христианства освобождался от феодального рабства, дальше говорилось, что, если «оные помещики сами по желанию своему воспримут крещение, и тогда оные им же отданы будут во владение по-прежнему»[15].

Бегство холопов из Кабарды в Моздок произвело среди кабардинских феодалов целый переполох. Это и понятно: с уходом холопов феодалы лишились своей экономической базы. Поэтому они, перепугавшись не на шутку, начали осаждать командование Кавказской военной линии бесконечными просьбами о том, чтобы не принимали в Моздоке кабардинских беглых холопов. Одновременно с этим кабардинские феодалы для приостановления повального бегства своих холопов решили усилить над ними внутренний надзор и расположить повсюду сторожевые посты, которые задерживали и возвращали бы беглых холопов обратно в Кабарду. Так, на своем собрании кабардинские феодалы «для воспрепятствования побегов холопов» решили построить заставы в урочище Бештамаке, на реке Малке и в урочище Джулата.

Ни просьбы, подаваемые феодалами линейному командованию, ни принятые ими меры пресечения бегства холопов не давали никаких результатов. Холопы по-прежнему тайно убегали от своих феодалов в Моздок, где их принимали, крестили и расселяли.

Однако кабардинские феодалы не унимались. Они посылали в русский двор послов с челобитиями, в которых писали, что «через побег холопей они могут придти в крайнее убожество и разорение», а поэтому, если «от российской стороны на их прошения никакого себе милосердия и удовольствия не получат, то жительством намерены, оставя нынешние свои места, перейти, хотя и со слезами, на Куму реку или на Кубань того ради, чтоб подвластные не могли в российскую сторону за дальностью побега чинить»[16].

Просьбы кабардинских феодалов русский двор оставил без последствий. В соответствии с указом 1743 г., Коллегия иностранных дел через коменданта Кизлярской крепости генерала Потапова ответила, что «уходящих от них в российские города невольников христианского закона возвращать к ним невоз-

можно, и такого обыкновения во всем свете нет, чтобы своего единозаконца паки в плен отдавать»[17].

В то же время кабардинским феодалам напоминалось, что если они последуют примеру своих холопов и, приняв христианство, перейдут на жительство в Моздок, то они не только будут восстановлены в феодальных правах над их беглыми холопами, но далее получат в собственность значительные земельные участки. Этой возможностью воспользовался феодал Малой Кабарды Коргок Кончокин, холопы которого в количестве 40 дворов убежали в Моздок и приняли там христианство. Оставшись без крестьян и, следовательно, без средств к жизни, Кончокин лично ездил в Петербург, чтобы добиться разрешения вернуть холопов, но, убедившись в безнадежности своей просьбы, он там же, в Петербурге, принял христианство и вернулся оттуда уже не Коргоком Кончокиным, а подполковником князем Андреем Ивановичем Черкасским-Кончокиным и владетелем своих беглых холопов. В 1763 г. для Кончокина в Моздоке за счет казны был построен большой дом. Кончокин умер в 1766 г. Жена, двое детей и малолетний сын Николай получали от казны пенсию.

Современные кабардинцы, живущие в Моздоке и в ближайших к нему селах, являются потомками беглых холопов малокабардинского феодала Коргока Кончокина, которые в 1763 г. заложили основание Моздокской крепости.

Происхождение осетинского населения Моздока совершенно аналогично с происхождением моздокских кабардинцев.

Кроме кабардинцев и осетин другие горские народы Северного Кавказа не дали в то время почти ни одного переселенца, потому что более угнетенных, бесправных категорий, чем кабардинские унауты и осетинские косаги, которые составили основной контингент переселенцев в Моздок, ни у одного из горских народов в то время не было.

Указ 1743 г., обещавший горским переселенцам при условии принятия христианства свободу от феодального гнета, для кабардинских унаутов оказался фикцией.

Социалистическая
Кабардино-Балкария.
1941. 6, 7 февраля.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русский вестник. Т. НО. Кн. 3, 4. С. 17.
[2] ПСЗРИ. Т. 20. С. 520. № 14607.
[3] Ставропольские губернские ведомости. 1876. № 41.
[4] ПСЗРИ. Т. 11. С. 610. № 8563.
[5] ПСЗРИ. Т. 25. С. 330. № 18611.
[6] ГАФКЭ. Кабардинские дела после 1774 г., кор. 88, связка 494. -;•.•

[7] Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1843. Т. 4. С. 176.
» ПСЗРИ Т. 20. С. 520. № 14607. ооп-ЧОП
• ?АФКЭ. Кабардинские дела за 1761 г кор. 63, д. 15, л. 290 300.
[10] ГАФКЭ. Осетинские дела за 1766-1783 гг., д. ^.
" ГАФКЭ. Кабардинские дела за 1761г. кор. 63, д. 15, л.234., ср.. ПСЗРИ. Т. 13. 4.1. С. 105. № 12432
[12] ГАФКЭ. Осетинские дела за 17bb-l <*Ьй* гг.,д. * •
>» Там же. Рапорт Потапова от 4/7-1768 г..№ 710
" ГАФКЭ. Кабардинские дела за 1761 г., кор. 63, д. 15, л. 04.
[16] ГАФКЭ. Кабардинские дела за 1767 г., кор. 66,, д. 1.
[17] ГАФКЭ. Кабардинские дела за 1750 г., д. 8, л. 10.

АНГЛО-ТУРЕЦКИЕ АГЕНТЫ СРЕДИ ЧЕРКЕСОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Начавшаяся в 1828 г. русско-турецкая война была закончена Адрианопольским миром, заключенным между Россией и Турцией 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе. В четвертой статье Адрианопольского мира говорилось, что «Все страны, расположенные к северу и востоку от пограничной линии между обеими империями (Россией и Турцией) по направлению к Грузии, Имеретии и Гурии, далее все побережье Черного моря от устья Кубани до гавани св. Николая включительно, должны оставаться под русским владычеством»[1].

Таким образом, Россия получила устье Дуная с прилегающими островами, восточное побережье Черного моря от устья Кубани до порта св. Николая и территорию Ахалцихского пашалыка с крепостями Ахалцих и Ахалкалаки. Босфор и Дарданеллы объявлялись открытыми для прохода русских и иностранных торговых судов[2].

С заключением выгодного для России Адрианопольского договора, по которому Россия заняла на Черном море господствующее положение, Николай I поставил вопрос об окончательном завоевании Кавказского перешейка. Завоевание Кавказа было начато занятием областей Джар и Белокан и устройством так называемой Черноморской береговой военной линии, ставившей основной своей целью прекращение всяких сообщений горцев Западного Кавказа с Турцией и другими западноевропейскими странами. Для этой цели и на Черноморском побережье царское правительство постоянно держало несколько военных крейсеров, оберегавших Черноморское побережье.

Условия Адрианопольского мира и мероприятия царской России по завоеванию Кавказского перешейка произвели большой переполох в политических кругах Англии, интересы которой скрещивались с интересами России на Ближнем Востоке. Англия не без основания опасалась, что усиление России на Черном море приведет воинственных черкесов к покорности, и Россия получит свободный доступ в Турцию и Иран для укрепления своих позиций в этих странах и сделается опасным конкурентом английской торговле на Востоке. Исходя из этих соображений, обеспокоенная Англия протестовала против условий Адрианопольского договора и не хотела его признавать. Чтобы помешать усилению России на Черном море и в странах Ближнего Востока, Англия начала открыто поддерживать черкесов в их борьбе против царской России. Вполне понятно, что Англия, поддерживая борьбу черкесов против царизма, хотела использовать освободительную борьбу горцев в своих собственных интересах. Что это именно так, видно хотя бы из откровенного признания политического писателя Спенсера, выболтавшего «секреты» английской дипломатии того времени. «Черкесия с ее неприступными проходами и многочисленными обитателями,— писал Спенсер в 1837 г.,- представляет для Англии базу более ценную, чем сама Турция с ее беспечными эфенди и подобострастными подданными. Мы можем в любое время с незначительными расходами, вследствие воинственного настроения народа, их простых обычаев и воздержанного образа жизни, организовать и вооружить 200 тысяч храбрейших воинов в мире, способных донести огонь и меч до самых ворот Москвы».

Под флагом ведения торговых операций с черкесами на черноморский берег высаживались англо-турецкие агенты со специальной миссией - систематически обострять русско-черкесские отношения и подогревать вражду в горских племенах Кавказа против России. Именно с этой целью и высадился на черкесский берег Черного моря в 1834 г. секретарь британского посольства в Константинополе Давид Уркарт, о котором К. Маркс писал, что «этот джентльмен, шотландец по происхождению, получивший современное английское цивилизованное воспитание, попал, провоевав три года с турками в Греции, в Турцию и там тотчас же стал пламенным почитателем турок» и что «...если бы г-н Уркарт не был английским подданным, он непременно хотел бы быть турком...»[3].

Уркарт высадился на землю убыхов, среди которых он пробыл всего лишь три дня. Однако за это короткое время Уркарт успел повидаться с наиболее влиятельными князьями убыхов и превратиться из Давида Уркарта в «Дауд-Бека». «Уркарту приписывается инициатива организации среди убыхов и других черкесских племен «братства Тарко». Члены его между собою были связаны нерушимой клятвой. Текст этой клятвы, по словам другого английского агента - Белля, о котором речь будет дальше, был составлен Уркартом. Текст ее был таков: «Я клянусь остаться верным моей стране и не иметь сообщений ни торговых, ни иных каких-либо с врагами ее, русскими; объявлять братству о тех, которые будут в сношениях с ними и способствовать их исправлению, также отказаться от привычки грабить своих сородичей. Я обещаю вместе с тем сделать полное признание в прошлых поступках сказанных родов как сделанных мною, так и тех, о которых мне известно»[4].

В 1836 г. с аналогичными целями прибыл в Черкесию на своем собственном торговом судне «Виксен» другой английский агент - Джордж Белль.

Белль отплыл из Лондона на собственном судне, нагруженном солью и другими товарами, 29 октября 1836 г., а 25 ноября того года «Виксен» был захвачен русским военным крейсером в бухте Сухум-Кале. Судно со всеми товарами было конфисковано, а эки-

паж в качестве военнопленных был отправлен сперва в Севастополь, а оттуда в Одессу и Константинополь.

Англия, направляя судно «Виксен» к черкесским берегам, которые охранялись русскими военными крейсерами, хотела, по словам К. Маркса, «нанести оскорбление царю, показать свое пренебрежение к Адрианопольскому договору и подтвердить независимость Черкесии»[5].

Неудачное путешествие 1836 г. не удержало агента английского правительства Джорджа Белля от вторичной поездки к черкесским племенам в следующем 1837 г. О целях и задачах своего вторичного путешествия к черкесам Белль пишет: «Во втором моем путешествии я имел в виду ту же цель и был уверен, что наше правительство будет требовать возвращения «Виксен». Однако английское правительство, будучи уверено в безрезультатности такого требования, не стало поднимать вопроса о возвращении «Виксен», который давно уже бороздил воды Черного моря под русским флагом. Новое мое предприятие,- пишет далее Белль,- совершилось по желанию нашего министерства иностранных дел, воля которого была сообщена через посредство помощника государственного секретаря г-на Стронгвайса Уркарту, который в свою очередь сказал мне о том и принял участие в приготовлении к экспедиции».

Таким образом, Белль выдал «секреты» английского правительства, засылавшего своих политических агентов к черкесским племенам Западного Кавказа для организации и направления их борьбы против России.

Во второй раз Белль высадился у Пшада и оставался в Черкесии безвыездно до ноября месяца 1839 г. За это время в Черкесии успел побывать еще один английский агент - Лонгворт.

Основной задачей всех английских агентов, побывавших у черкесских племен, было продолжить начатое Уркартом дело объединения черкесских племен вокруг «братства Тарко» для борьбы против России. Для завоевания доверия широких черкесских масс английские агенты нередко и сами принимали непосредственное участие в военных действиях против России. Одновременно с этим они поддерживали связь с черкесским послом в Константинополе Сефербеем.

Пребывание английских агентов в Черкесии социальные верхи горцев рассматривали как начало военной помощи Англии в освободительной борьбе горцев. Но Англия меньше всего думала об их независимости. Она думала только о том, чтобы ценою крови черкесских племен помешать России стать гегемоном на Черном море и опасным конкурентом английской торговле в странах Ближнего Востока.

В конце концов Англия вынуждена была публично признать Адрианопольский договор и, следовательно, законность конфискации торгового судна «Виксен». Признание Англией Адрианопольского договора для ее агентов в Черкесии явилось полной неожиданностью. «Неожиданное изменение видов нашего правительства,- признавался Белль,- лишило меня возможности надеяться на успех тех политических разъяснений, которые я собирал каждый день». И в ноябре 1839 г. Белль покинул пределы Черкесии. Покидая Черкесию, Белль, являвшийся продолжателем начатого Уркартом дела, сумел, по его словам, организовать вокруг «братства Тарко» кроме убыхов еще и шапсугов, натухайцев, абадзехов и других горцев.

Кроме английских агентов к черкесам приезжали и турецкие эмиссары, которые наносили освободительной борьбе черкесов очень большой вред тем, что разжигали среди черкесов межплеменную вражду.

Из турецких эмиссаров, причинявших освободительной борьбе черкесов особенно большой вред, следует назвать турецкого султана Хана-Оглу Киер-Гирея, прибывшего в 1832 г. с фирманами турецкого султана в Черкесию. Киер-Гирей объезжал черкесские аулы и всюду агитировал, будто черноморский берег уступлен России временно и что Оттоманская Порта в ближайшее время высадит десант для совместной борьбы против России. Далее Киер-Гирей агитировал среди горцев за переход в турецкое подданство, если они хотят сохранить навсегда свою независимость. В ответ на такой призыв Киер-Гирей был убит бжедухскими крестьянами в ауле Энем.

Убийство Киер-Гирея не удержало султанскую Турцию от дальнейших засылок своих агентов к черкесам. После убийства Киер-Гирея в Черкесию прибыл другой турецкий агент - Аджи-Осман Эфенди, который начал мстить бжедухам за убийство Киер-Гирея. В результате преступной агитации Аджи-Осман Эфенди, в 1842 г. между бжедухами, с одной стороны, шапсугами и абадзехами - с другой стороны, произошла братоубийственная война, расстроившая на некоторое время горскую организованность и нанесшая горцам большой материальный ущерб[6].

Царский генерал Ковалевский, воспользовавшись замешательством среди горцев, двинул на абадзехов трехтысячную армию при шести орудиях и разгромил их. Царские войска сожгли заготовленное горцами сено, а также угнали в качестве военной добычи несколько тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота[7].

Агитация англо-турецких авантюристов имела наибольший успех у князей убыхского племени, считавших себя передовыми среди остальных горцев. Под влиянием англо-турецких агентов убыхские князья вели агитацию среди горцев в пользу Англии и распространяли прокламации и листовки, в которых названные государства обещали горцам военную помощь против России.

Иностранные авантюристы находили себе приют у убыхских князей, среди которых наибольшим влиянием пользовались представители фамилии Берзеков: Хаджи-Керендук

Догомуков, Хаджи Алим-Гирей Бабуков, Эльбуз-Бек Хапакх и представитель фамилии Зяпщ - Исмаил Баракай. Последний между прочим возлагал особенно большие надежды на Англию и Турцию. Он побывал в качестве посла от убыхских князей в Париже, Лондоне и Египте и всюду добивался военной помощи против России. Но какое горькое разочарование ожидало убыхских князей, возлагавших столь большие надежды на иностранные державы, которые на словах действительно обещали им все, а на деле систематически обманывали их. Вся помощь Англии и Турции выразилась, в конце концов, как об этом докладывал генерал Гейман графу Евдокимову в своем отношении от 27 августа 1963 г., за № 1414, в присылке пяти нарезных пушек и нескольких ящиков с порохом и снарядами. Все это прибыло, наконец, в Черкесию в сопровождении английских, польских и турецких шпионов в количестве восьми человек, распространявших среди населения слухи, что за ними следуют союзные войска, которые в скором времени высадятся на черкесском берегу Черного моря и вернут черкесам отнятые у них царизмом земли и независимость. Но и убыхи, наконец, убедились, что англичане и турки все время их обманывали и что они в их руках были орудием для политических интриг против России. Вот любопытный диалог, имевший место между командующим отрядом царских войск генералом Гейманом и убыхскими делегатами, которые незадолго до покорения Западного Кавказа пришли к Гейману просить отсрочки для введения царских войск в убыхскую землю.

— Ну что же, убыхи,- насмешливо обратился к делегатам генерал Гейман,- зачем вы пришли ко мне? Где же войска ваши в европейских мундирах, о которых вы столько кричали? Где нарезные орудия и снаряды? Где союзники ваши?

— Мы уже убедились,- с разочарованием отвечали убыхские делегаты,- что надежды наши на постороннюю помощь - мечта. Мы видим, что остались одни, и все, кто прежде заискивали в нас, отворачиваются [8].

Убыхские делегаты были правы. В решительный момент героической борьбы за независимость горцы Западного Кавказа были предоставлены сами себе и на своих собственных плечах вынесли всю тяжесть неравной борьбы с царизмом.

Мы далеки от мысли проводить какие-либо исторические параллели, ибо «каждый исторический период имеет свои собственные законы»[9], а потому «правильное в одной исторической обстановке может оказаться неправильным в другой исторической обстановке»[10]. И тем не менее любопытно отметить, что традиционная политика Англии, сто лет тому назад сталкивавшая лбами Черкесию и Россию и желавшая загребать жар руками черкесов, так живо перекликается с ее политикой в наши дни, когда «английские и французские политики пытались столкнуть лбами советский и германский народы»[11].

Но в наши дни «эти мелкие политиканы не учли того, что имеют дело с великим социалистическим государством, которое никогда не было и никогда не будет орудием игры с чьей бы *То* ни было стороны. Они не учли, что во главе великой социалистической державы стоит закаленная в политических боях пГртия Ленина - Сталина, что руководит партией и сталинский Центральный Комитет, что **ведет народы** Советского Союза проницательный, мудрый Сталин» .

Социалистическая
Кабардино-Балкария.
1941г. 27, "28 марта

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 534.
[2] История СССР. Т. 2. С. 264.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 391.
" Прибавление к «Русскому инвалиду» за 18о4 г. J№ *бг.*.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9 С. 546
[6] Кубанский сборник. Екатеринбург. 1908. 1. 14. Ь. doo.
* Сын отечества. СПб., 1848. Т. 2. С. 38.
[8] Еженедельное прибавление к «Русскому инвалиду». М., **18Ь4.** JN-4&.
» *Ленин В. И.* Соч. Т. 1. С. 83.
J» *Сталин И.* Марксизм и нац.- колон, вопрос. М., 19d4. ь. 1 *ш.*
[11] Правда. 1939.2 сент. № 243. Передовая ст.
[12] Там же.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КАБАРДЕ В 1628 г.*

В исторической литературе хорошо известно, что после покорения Казанского (1552) и Астраханского (1554) царств кабардинцы прочно и надолго связали свои политические судьбы с Московским государством. Первое до сих пор известное посольство от кабардинских князей к московскому царю Ивану IV было отправлено в год завоевания Казанского царства - в 1552 г. Тогда же по просьбе кабардинских князей Московское государство приступило к распространению среди кабардинской знати христианства и переселению некоторых из принявших христианство кабардинских князей в тогдашние крепости Московского государства на Северном Кавказе, в частности в Тюмень и Терки, являвшиеся самыми в то время южными пределами Московского государства и передовыми форпостами его дальнейшей колониальной экспансии на Северный Кавказ. При непосредственном участии воевод названных русских крепостей русско-кабардинские отношения углублялись и расширялись настолько, что уже в начале XVI в. кабардинцы принимали участие в очищении Московского государства от польских интервентов.

Установившиеся еще при Иване IV дружественные отношения между Москвой и Кабардой не нарушались и в последующие века.

На фоне стародавних и довольно близких отношений Кабарды с Москвой поступок кабардинского князя Пшимахо Камбулатовича Черкасского, отправившего к Михаилу Федоровичу своего гонца Каншау-Мурзу Битемрукова сказать, что в Кабарде обнаружены серебряная и медная руды, иначе нельзя рассматривать, как дальнейшее логическое развитие издавна существовавших между Москвой и Кабардой дружественных отношений.

К сожалению, точных указаний о местонахождении руд ни сам Черкасский, ни его гонец в Москву не сообщают.

Все имеющиеся указания, нашедшие свое отражение в документах и основанные на словесных заявлениях Черкасского и Битемрукова, сводятся к тому, что место, где обнаружена серебряно-медная руда, находится в Кабарде, на расстоянии шести дней езды от крепости Терки и называется это место Абаста, или Та-абаста, принадлежавшее сыновьям кабардинского князя Ибак-Мурзы Илдару, Сихову и Илмамату. По словам Битемрукова, владетели местности Абаста еще недавно занимались добычей серебра и меди, но потом из боязни, что русский царь отнимет у них рудное местонахождение, прекратили добычу руды. Каншау-Мурза Битемруков при прибытии в Москву заявил в Посольском приказе, что ехать в местность Абаста нужно от крепости Терки вдоль реки Сунжи, причем он советовал для беспрепятственной эксплуатации горнорудных богатств послать в Кабарду воинскую силу, а от сыновей Ибак-Мурзы, которым принадлежало это место, потребовать вместо находившегося в Терках в качестве аманата двоюродного их брата Шенбок-Мурзы других, более надежных заложников. Битемруков также рекомендовал для большей безопасности построить на реке Сунже острог.

Получив сведения о найденных на территории Кабарды серебряной и медной рудах, Михаил Федорович сильно заинтересовался этим вопросом и немедленно приступил к организации в Кабарду геологоразведочной экспедиции. Он приказал отправить в Кабарду «немецкого рудознатца и золотознатца именем Самуила Фрича и с ним вместе лезоходца или рудокопца Ивана Герольда».

Названные иностранцы в Москву приехали в августе 1625 г., а в марте 1626 г. они руководили вместе с Загряжским и Беликовым сибирской геологоразведочной экспедицией. Экспедиция эта была проведена успешно, и ее члены, в том числе Фрич и Герольд, вернулись в Москву в следующем 1627 г.

Административное руководство Кабардинской экспедицией было возложено на терских воевод кн. Ивана Александровича Дашкова и Богдана Герасимовича Прик донского, которые перед Москвой отвечали за всю работу экспедиции.

Фричу и Герольду были даны переводчик Тимофей Фаннешин и толмач Иван Кашпиров. Кроме того, по просьбе Фрича и Герольда, к экспедиции был прикомандирован немецкий переводчик Юрий Бем.

Получив причитающиеся по договору командировочные и суточные деньги, а также необходимые для работы и анализа горных пород инструменты и оборудование, члены Кабардинской экспедиции отправились в Терки, куда прибыли 21 августа 1628 г. По прибытии на место члены экспедиции узнали, что в нагорной полосе в то время свирепствовала какая-то инфекционная болезнь, вследствие чего еще прежние воеводы крепости князь В. Ф. Щербаков и С. Татищев учредили между Терками и северокавказскими горцами карантин. Это обстоятельство сильно помешало работе экспедиции прежде всего тем, что члены экспедиции были лишены возможности лично побывать в Кабарде и в загадочной стране Абаста, или Та-абаста. Они все время находи-

* По материалам доклада акад. И. Гамеля «Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 году по приказанию царя Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды». СПб., 1828.

лись в Терках. Но если бы они лично побывали в Кабарде, то, несомненно, сообщили бы нам, быть может, более интересные сведения о столь раннем для истории горских народов времени.

Не имея возможности выехать в Кабарду и в страну Та-абаста, члены экспедиции начали расспрашивать старожилов крепости Терки и вообще людей, которые бывали в Кабарде, относительно князя Пшимахо Камбулатовича Черкасского, по просьбе которого была направлена экспедиция. Наводились справки и относительно страны Та-абаста, «но все по крестному целованию утвердили, что никогда не слыхали о земле Та-абаста и о находящейся в оной руде». Некоторые, однако, из опрашиваемых терских старожилов показывали, что из мударовских и ибаковских кабаков действительно привозили в Терки большое количество свинца.

Руководителям экспедиции удалось, наконец, разыскать ездившего в Москву по поручению князя Черкасского Каншау-Мурзу Битемрукова, который между прочим еще в Москве говорил, что рудные местонахождения в кабардинских горах и местность Абаста, или Та-абаста, кроме него, никто не знает.

По поручению руководителей экспедиции, Каншау-Мурза Битемруков был отправлен в Кабарду 18 сентября 1628 г. за образцами руды и для вывоза в Терки сыновей та-абастского владельца Ибак-Мурзы Илдара, Сихова, узденя последнего Мамика Ахседаева и узденя Каймурзы-Иналука, которые добывали и обрабатывали своими способами серебряную и медную руды. Каншау-Мурзу Битемрукова в Кабарду сопровождали терские служилые люди, состоявшие на службе у Московского государства, новокрещенные черкесы Андрей Афанасьев, Сидор Семенов, Марк Агапитов и несколько человек стрельцов из Терского гарнизона. Каншау-Мурза вернулся в Терки 24 ноября того же 1628 г. и привез с собой около фунта руды, которую, по его словам, он взял из местности Та-абаста, на горе Исгодыр, и из местности под названием Хазып.

Доставленная руда была подвергнута соответствующему химическому анализу Фричем, который нашел, что она содержала свинца 55 процентов. Было также найдено в ней и серебро, но в очень ограниченном количестве, а именно - 4 золотника в 100 фунтах руды. На основании произведенного химического анализа Фрич пришел к выводу, что, судя по характеру исследованой руды, не исключена возможность наличия в этих местах медной и более насыщенной серебряной руд. Но так как он из-за карантина не имел возможности лично побывать на месте для исследования местонахождения руд, то о рентабельности их эксплуатации ничего определенного сказать не мог.

Результаты произведенного анализа горных пород Фрич и Герольд в запечатанном виде отправили в Москву к царю Михаилу Федоровичу с толмачом Кашпировым и черкесами Сидором Семеновым и Марком Агапитовым, которые за верную московскому царю службу получили богатые подарки.

По возвращении из Кабарды Каншау-Мурза Битемруков рассказал терским воеводам о тех опасностях, с которыми была сопряжена добыча руды в горах Кабарды. Каншау-Мурза далее сообщил, что сыновья Илдара, на земле которого были обнаружены горные богатства, категорически отказались приехать в Терки. Отказывались приехать в Терки и те, которые эксплуатировали найденную в Кабарде руду своими способами. Относительно местоположения земли Абаста Каншау-Мурза сообщил некоторые дополнительные, но все же не уточняющие вопроса сведения. По словам Каншау-Мурзы, местность Абаста, или Та-абаста, находилась на расстоянии шестидневного пути от крепости Терки и, чтобы попасть в эту местность, нужно ехать по Сунже, Череку, Хазину, Ардону и Уруху.

Со слов князя Пшимахо Черкасского, Каншау-Мурза далее говорил терским воеводам, что если московский царь хочет приступить к эксплуатации кабардинских горнорудных богатств, ему необходимо прислать в Кабарду внушительную военную силу, которая бы состояла из пятисот стрельцов и двух тысяч казаков и других подданных московскому царю людей. Эта военная сила, по совету князя Пшимахо Черкасского, должна была находиться в Кабарде не менее двух лет, в продолжение которых можно было бы заниматься эксплуатацией горнорудных богатств, о местонахождении которых черкесы Сидор Семенов и Марк Агапитов сообщили в Москве некоторые дополнительные сведения, не лишенные интереса. Они показали в Посольском приказе, что страна Абаста, или Та-абаста, кроме сыновей Илдара, принадлежала еще и балкарским владетелям Абши Тазрекову и Уллу-Мурзе, которые находились в вассальной зависимости от кабардинского князя Алегука-Мурзы Шегенукова, являющегося, в свою очередь, вассалом московского князя. Сын Шегенукова находился между прочим в описываемый период в Терках в качестве аманата. Все показания относительно местности Абаста с несомненностью говорят о том, что Каншау-Мурза за рудой ездил куда-то далеко в горы. Пять дней от Терков дорога была ровная, но последние два дня пути Каншау-Мурза и его спутники шли по горным ущельям и пешеходным тропам, по которым «нельзя было ехать иначе, как поодиночке, и весьма часто нужно было идти пешком, ведя за собой лошадь».

Отыскался, наконец, и князь Пшимахо Черкасский, который приехал в Терки только 21 февраля 1629 г. Терские воеводы попросили князя Пшимахо в съезжую избу, где ему были вручены богатые подарки от Михаила Федоровича - лисья шуба и шапка. В разговоре с терскими воеводами князь Пшимахо вновь подтвердил, что московский царь сможет приступить к эксплуатации кабардинских горных богатств только под при-

16 3.-.км № 10В

крытием внушительной военной силы из московских ратных людей.

Кабардинские князья были возбуждены слухами, которые распространял в Кабарде терский боярский сын Борис Станиславов. Последний сообщил князю Барук-Мурзе, будто царь Михаил Федорович замышляет вместе с горными богатствами завоевать и всю Кабарду. Возмущение кабардинских князей дошло до крайних пределов в связи с приездом в Кабарду Каншау-Мурзы, о поездке которого в Москву хорошо было известно в Кабарде. Кабардинские князья начали угрожать Каншау-Мурзе и князю Пшимахо Черкасскому расправой, если они не прекратят свои сношения с терскими воеводами. Но несмотря на угрозы, как стало известно кабардинским князьям через сестру Ибак-Мурзы по имени Хабас, Каншау-Мурза не только не испугался угроз, но даже доставил образцы руд в Терки для химического анализа.

Накаленная атмосфера, обусловленная поведением Каншау-Мурзы и князя Пшимахо Черкасского, среди кабардинских князей разродилась форменной войной против родственников и крепостных крестьян Пшимахо и Каншау-Мурзы, живших в горах Балкарии. К княжескому мятежу присоединился между прочим и кумыкский князь Айдемир Салтаманутов, у которого были свои счеты с Пшимахо Черкасским на почве ориентации последнего на Московское государство.

Исторические документы, к сожалению, не донесли до нас подробных известий об этой междоусобной войне кабардинских князей. Ничего нам неизвестно и об исходе этой войны.

В сентябре месяце 1630 года члены кабардинской геологоразведочной экспедиции Фрич, Герольд, Фаннешин и Кашпиров выехали в Москву, куда прибыли 25 декабря того же 1630 г.

В заключение следует отметить, что местонахождение загадочной страны Абаста, или Та-абаста, в которой были обнаружены горнорудные богатства, по материалам экспедиции точно установить не представляется возможным. Однако, судя по географическим ориентациям, главным образом, по названиям рек Сунжа, Черек, Хазин, Ардон и Урух, о которых упоминает в своем сообщении терским воеводам Каншау-Мурза, кажется, можно предположить, что страна Абаста находилась где-то на рубеже между Дигорией и Большой Кабардой.

Что касается самого термина «Абаста», то, по-видимому, он взят из осетинского языка, на котором «а» - указательное местоимение - «это», «баста» — существительное «местность». Таким образом, «абаста» по-осетински значит— «эта местность».

Результаты Московской геологоразведочной экспедиции 1628 г. были ничтожны. Члены экспедиции не доехали даже до

Кабарды. Они все время находились в креп. Терки, где подвергли химическому анализу доставленную им из местности Абаста руду весом всего лишь в один фунт. Однако большое научное значение экспедиции 1628 г. заключается не в ее результатах, а в том, что самый факт посылки Московским государством экспедиции в Кабарду с конкретными экономическими задачами полностью опровергает совершенно несостоятельную точку зрения М. Н. Покровского, который отрицал экономическую основу колониальной экспансии царизма на Кавказ даже в первой половине XIX в. Характеризуя войну царской России с горцами, М. Н. Покровский писал, будто значение Кавказской войны «было чисто стратегическое, всего менее колонизационное». А между тем экспедиция Михаила Федоровича в Кабарду в 1628 г. под руководством Фрича и Герольда, экспедиция Екатерины II в горную Осетию в 1768 г. под руководством геолога Степана Вонявина и экспедиция Екатерины II в горную же Осетию в 1771 г. под руководством Александра Кирхнера, имевшие конкретные экономические задачи, полностью опровергая неверную точку зрения М. Н. Покровского и его «школы», доказывают, напротив, что в основе колониальной политики царской России не только в первой половине XIX в., но даже задолго до этого времени лежали именно экономические интересы.

Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 11-12 апреля

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ КАБАРДИНСКОГО НАРОДА

I

22 июня 1944 г. исполнилось 100 лет со дня смерти выдающегося ученого-просветителя, филолога и историка кабардинского народа Шоры Бекмурзовича Ногмова.

Он был одним из тех замечательных людей, которых несмотря на колониальный и национальный гнет время от времени выдвигали из своей среды бесправные и темные народы царской России. Эти люди по своей культуре и интеллектуальному развитию поднимались до уровня понимания передовых идей русского общества.

Предположительно Ногмов родился в 1801 г. в ауле своих предков, находившемся на реке Джуце, недалеко от нынешнего сел- Каменномостского Нагорного района Кабардинской АССР. Прадед Ногмова был абадзех и переселился в Большую Кабарду во второй половине XVIII в.

На восемнадцатом году жизни Ногмов в совершенстве уже 31*ал арабский язык, который в то время для горца являлся единственно доступным и считался языком тогдашней мусульманской образованности. Шора Ногмов обладал исключительными лингвистическими способностями. По свидетельству современника, русского поэта С. Д. Нечаева (1792-1860), близко знавшего Ногмова, он, кроме своего родного кабардинского ЯЗЫКА, прекрасно знал арабский, русский, турецкий, персидский и абазинский языки[2].

Чтобы еще глубже изучить русский язык, Шора в возрасте 2б лет поступил в полковую канцелярию 1-го Волжского казачьего полка, где работал в качестве писаря. Овладев русским языком, он в 1828 г. был назначен в Нальчикскую аманатскую щколу учителем русского и турецкого языков.

В конце 1829 г. Ногмов оставил педагогическую деятельность и переехал в начале 1830 г. в Петербург, где поступил оруженосцем в Кавказский Горский полуэскадрон, участвовавший в польском походе 1830 г. За проявленную храбрость и отвагу в ряде сражений Ногмов был произведен в юнкеры и награжден орденом Георгия.

Ногмов жил в Петербурге пять лет и в 1835 г. был переведен в Тифлис в Кавказский отдельный корпус в чине кавалерийского поручика. В 1838 г. Ногмов приехал на родину, где в Нальчике до 1843 г. состоял секретарем Кабардинского временного суда. За год до своей смерти, в 1843 г., Ногмов ушел в отставку в чине штабс-капитана. В 1844 г. Ногмов поехал в Петербург в Академию наук по вопросам издания своих научных трудов. Из Петербурга ему не суждено было вернуться: 22 июня 1844 г. он умер и был похоронен в Петербурге, по-видимому, на мусульманском кладбище за Волковой деревней.

II

Среди русской передовой интеллигенции Шора Ногмов был весьма популярен. Он был близко знаком с поэтом С. Д. Нечаевым, которого знакомил со своими научными трудами.

Но особенно близко Ногмов был знаком с известным востоковедом академиком А. Шегреном, который Ногмова считал своим другом и отзывался о нем как о любознательном, культурном, страстно любящем науку и просвещение человеке.

Не менее близко был знаком Ногмов и с адъюнктом Академии наук, известным ориенталистом Ф. Шармуа, помогавшим Ногмову вместе с Шегреном при составлении грамматики кабардинского языка.

Любопытно отметить дошедшее до нас интересное, пока не подтвержденное письменными документами известие о знакомстве Ногмова с А. С. Пушкиным. По этому вопросу академик Ад. П. Берже (умер в 1886 г.) пишет, что кабардинцы, лично знавшие Ногмова, рассказывают, что «он познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске, что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского языка на русский»[2].

«Знакомство Пушкина с Ногмовым, по-видимому, произошло в Нальчике, во второй приезд поэта на Кавказ в 1829 г., когда Ногмов состоял учителем Нальчикской аманатской школы. В новейшей литературе советского периода имеется любопытное мнение, что Шора Ногмов для великого Пушкина служил прообразом Тазита в одноименной поэме[3].

Ногмов пользовался большой популярностью среди русских военных людей, с которыми ему по роду службы приходилось сталкиваться. Его хорошо знали генерал Сталь, комендант Кисловодской крепости, военный историк генерал-майор Энгельгардт, командир кордона и казачьего полка полковник Греков, командир 1-го Волжского казачьего полка подполковник Лучкин и целый ряд других, со стороны которых молодой Ногмов своим большим умом и дарованием, необычной в то время для «дикого» горца образованностью и общей культурой пользовался вполне заслуженным уважением.

После Шоры Ногмова осталось значительное культурное наследие, которое не только не изучено, но даже не выявлено как следует.

Первой научной работой Ногмова была кабардинская азбука, составленная им не позже 1825 г., которую автор, по свидетельству Нечаева, «намеревался представить для напечатания»[4].

Факт составления Ногмовым кабардинской азбуки подтверждает известный исследователь кавказских языков Услар, который в 1870 г. писал, что «лет за 40 тому назад кабардинец Шора Бекмурзович Ногмов составил для кабардинского языка азбуку»".

Однако кабардинская азбука Ногмова света не увидела.

Вторым, доселе известным капитальным трудом Ногмова является составленная им в 1840 г. грамматика кабардинского языка, которая была представлена на отзыв академику Шегрену.

Грамматика не была издана. Рукопись кабардинской грамматики хранится в рукописном отделе бывшего Азиатского музея Академии наук СССР.

Самым значительным из всех научных трудов Ногмова следует считать доставившую автору широкую популярность в отечественной и европейской исторической науке «Историю адыгейского народа», законченную в 1843 г. «История адыгейского народа» составлена на основе богатейшего исторического фольклора кабардинского народа с частичным привлечением в отдельных главах архивных и литературных источников.

При жизни Ногмова ни одна из его работ не увидела света. Да и после смерти только «История адыгейского народа» сделалась достоянием русской читающей публики.

Замечательная работа Ногмова впервые была напечатана в тифлисской газете «Закавказский вестник» за 1847 г., № 4-20 под заглавием «О Кабарде». Отдельные фрагменты «Истории...» были напечатаны в тифлисской же газете «Кавказ» за 1849 г., № 36-39 под названием «О быте, нравах и обычаях древних адыгейских и черкесских племен». Второй раз «История...» Ногмова уже полностью была издана в Тифлисе в 1861 г. в «Кавказском календаре» на 1862 г. Затем она издавалась еще два раза, причем один раз за границей.

IV

Знакомство с «Историей...» Ногмова показывает, что автор ее не был простым компилятором кабардинского исторического эпоса, легшего в основу его замечательного труда. К собранному материалу автор подходил как исследователь, критически, проявив при этом большую осведомленность в истории России, Древней Греции и Рима. Многочисленные ссылки на древних

авторов и разнообразные источники говорят о большой начитанности автора и широком научном диапазоне. Особенно основательно Ногмов изучил «Историю государства Российского» Карамзина, фактами из которой он проверял и подкреплял подчас любопытные сведения исторических преданий кабардинского народа.

В «Истории адыгейского народа» Ногмов с глубоким знанием исключительно сложного кабардинского быта описывает обычаи своего народа и вскрывает их отрицательные стороны. Так, желчью веет, например, от слов Ногмова, когда он по поводу бесправного положения кабардинской женщины пишет, что «мужья считают жен совершенными рабынями» и что «во всяком случае они должны оказывать во всем безусловное повиновение им, не только не позволяется противоречить, но даже произносить жалобы».

Ногмов не только констатирует позорный факт бесправия кабардинки, но и пытается объяснить это. «Рабство жен,- пишет он,- без сомнения, происходит от обычая, существующего и поныне, платить отцам невест скотом, лошадьми и вещами так называемую уасэ, т. е. калым»[6]. Рабскому положению кабардинской женщины Ногмов дает, таким образом, материалистическое объяснение.

Весьма критически он относится и ко многим вредным обычаям своего народа. В частности, говоря об очень распространенном среди кабардинцев обычае зашивать грудную клетку девочек в сафьяновый корсет - «куэншыбэ», который они носили до самой свадьбы, Ногмов пишет, что такое «зашивание очень вредит здоровью, от чего многие впадают в чахотку»[7].

Ногмов понимал прогрессивное значение христианства перед исламом и язычеством и не без сожаления писал, что «несмотря на христианскую веру, на возникающее просвещение, на водворение искусства и на сношения с образованными греками, адыги продолжали гордиться дикими нравами своих предков» и «они пропустили время, которое им даровала судьба для принятия гражданской образованности»[8].

Совершенно правильно Ногмов подметил, что основная причина слабости кабардинского народа в борьбе с внешними врагами заключалась в феодальной раздробленности Кабарды и непрекращающейся междоусобной борьбе местных феодалов. Он пишет, что «адыгейские князья, общему вреду своего народа, управляли каждый своим участком»[9].

Он правильно отмечает, что «междоусобия князей много способствовали успехам врагов наших»[10]. «Сами князья,- пишет Ногмов,- были причиной бедствий своей родины, спор за право владения никогда не прекращался и, не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам»".

Ногмов подметил далее весьма важный в истории Кабарды момент, заключавшийся в попытке создания централизованной княжеской власти. Такие попытки действительно были сделаны князем Темрюком Идаровым в первой половине XVI в., который «невзирая ни на какие препятствия, с твердостью и всеми силами старался об отыскании средств к уничтожению беспрерывных споров, распрей и буйств, возникавших между кабардинскими князьями, узденями и чернью»[12].

Разделившись с калмыками, князь Темрюк Идарович приступил к мобилизации внутренних сил страны против самых опасных для Кабарды врагов в лице султанской Турции и ее вассала Крымского ханства. Учитывая феодальную раздробленность Кабарды и внутренние княжеские междоусобия, князь Темрюк понял, что без помощи извне ему своими собственными силами не справиться с грозными иноземцами - турецко-крымскими насильниками. И он устанавливает дипломатические, скрепленные родственными связями, отношения с Московским государством, при помощи которого он рассчитывал покончить с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

Мероприятия князя Темрюка по установлению политических и родственных связей с Московским государством имели для Кабарды очень большое значение и нашли живой отклик в народном эпосе, по свидетельству которого кабардинский «народ был обрадован союзом и покровительством России»[13].

Исторические предания кабардинцев сохранили известия о том, что князь Темрюк отправил своих детей - сына Салтана и дочь Мариам - на воспитание в Москву, где они приняли крещение, а в 1561 г. царь Иван IV женился вторым браком на дочери Темрюка Мариам. Воспоминание о дружественных русско-кабардинских отношениях нашло свое отражение в кабардинской поговорке «Тхьэ 1уэ пащтыхь — Иван хэту», т. е. «Клянись именем царя Ивана»[14].

Установившиеся между Кабардой и Московским государством дружественные отношения со смертью князя Темрюка не прекратились. Кабардинцы совместно с московскими ратными людьми активно участвовали в изгнании турецко-крымских насильников и польско-шведских интервентов.

Ногмов в своей «Истории...» весьма красочно и исторически верно обрисовал мужественную борьбу кабардинского народа против турецко-крымских насильников.

Описанные Ногмовым на основании кабардинского народного эпоса многократные турецко-крымские вторжения в Кабарду находят полное документальное подтверждение.

«История адыгейского народа» Шоры Ногмова, как первый опыт стройного изложения истории кабардинского народа, не свободна, может быть, от некоторых хронологических погрешностей, но большое научное значение ее в целом не раз отмечалось как в отечественной, так и в европейской науке. Вот так

оценивала, например, блестящую работу Ногмова отечественная историческая наука. «Записки Шах-Бекмурзина о древнем состоянии адыгейских и черкесских племен исполнены драгоценным материалом для истории, географии и этнографии северного склона Кавказского хребта, от Терека до Азовского моря. Образованный туземец, хорошо владея русским языком, почерпал факты из местных преданий, наименований урочищ, памятников, поговорок и героических песен древних черкесов, не имевших письмен, но сохранивших в памяти народа не только события страны, но даже имена мужчин и женщин, заслуживающих своими деяниями уважение или презрение современников. Песни эти, частью в переводе с объяснениями, представлены автором записок. Подобные повествования, основанные на таких фактах, делаются еще более драгоценными, потому что это единственные источники для истории этой части края. И как хранилищем их служит одна только человеческая память, то услуга автора, трудившегося над спасением остатков рапсодий от забвения, заслуживает полной признательности и уважения не только соотечественников, но и всех, кто оценит каждую страницу бытописания рода человеческого».

V

Своим проницательным умом Ногмов высоко оценил прогрессивность русской культуры и ее передовых идей, приобщение к которым своего маленького народа он сделал содержанием всей своей недолгой жизни.

Однако для перенесения культуры русского народа на родную кабардинскую почву необходимо было прежде всего самому подняться до уровня понимания передовых идей тогдашнего русского общества. И он, преодолевая неимоверные трудности, упорно шел к поставленной цели.

Высокая культура, обширные научные познания, приобретенные Ногмовым ценой громадных усилий, ему нужны были исключительно затем, чтобы передать их своему родному народу, беззаветная любовь к которому руководила каждым его поступком и глубокое сознание долга перед которым никогда не покидало его до самой смерти. Приобщить кабардинский народ к передовой культуре великого русского народа - вот основная цель всей жизни Шоры Ногмова. «Если я решился на этот труд,- пишет Ногмов в предисловии к своей «Истории...»,- то единственно из искреннего желания приохотить моих соотечественников к умственным занятиям на поприще науки, которая одна в состоянии показать им всем выгоды просвещения и образованности»[15].

Искреннее желание помочь своему кабардинскому народу, загнанному и приниженному, не знавшему пощады колониального гнета, еще раньше высказано Ногмовым в следующих глубо-

ко искренних словах, написанных как бы кровью безгранично любящего свой народ сердца. «При начатии моего труда,- писал он в предисловии к своей грамматике,- сердечное убеждение говорило мне, что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство-светильник жизни - любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги, письмо. Для этого-то времени составлен этот труд - труд многих лет, который предастся забвению, быть может, пренебрежению, но некогда пробудит благодарное воспоминание потомства учащегося. Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все это, что отделяет ее от людей просвещенных, когда она обратится к добру и познанию. О! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений!»[16]

По понятиям кабардинских дворян того времени, интересоваться, а тем более заниматься вопросами культуры считалось недостойным дворянского звания занятием. Наперекор этим понятиям дворянства Ногмов избрал целью своей жизни именно то, что так резко осуждалось его классом. Отсюда его духовное одиночество и отчужденность от своей социальной среды. Ясно сознавая, что он шел далеко от своих сородичей, Ногмов заглядывал вперед через головы современников и адресовал свои идеи и труды поколению будущего. Он мечтал, чтобы среди этого нового поколения сородичей нашлись более опытные последователи, которые продолжили бы начатое им среди кабардинцев культурно-просветительское дело, но уже на более высоком научном уровне. «Я сделал сколько мог и старался сделать сколько возможно лучше,- писал Ногмов в предисловии к грамматике,- молю... чтобы явился мне последователь в любви к родному языку, но последователь более искусный и сведущий, который представил бы настоящую грамматику в совершеннейшем виде»[17].

VI

Культурно-просветительные идеи выдающегося сына кабардинского народа Шоры Ногмова могли осуществиться только спустя без малого 100 лет, в результате Великой Октябрьской социалистической революции, навсегда покончившей с царизмом и его позорным наследием - фактическим неравенством национальностей.

Шора Ногмов жил и творил в условиях безраздельного господства крепостничества и военно-феодального империализма. И тем не менее он нам близок, потому что являлся выразителем передовых и прогрессивных идей своего времени. Культурному наследию Ногмова в ряду ценностей прошлого по праву принадлежит одно из самых почетных мест.

Чтобы правильно понять и по достоинству оценить наследие Ногмова, следует иметь в виду, что марксизм «...отнюдь не

отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетием развитии человеческой мысли и культуры»[18].

Культурное наследие Ногмова имеет огромное воспитательное значение, поскольку «учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом», и поскольку «мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества»[19].

* * *

Вся научная и общественная деятельность выдающегося сына кабардинского народа Ш. Б. Ногмова была направлена к тому, чтобы сблизить кабардинцев с русским народом. Его заветной мечтой было освобождение своей родины от всего темного и невежественного и приобщение ее к культуре великого русского народа.

Страстный призыв Ногмова в то время в силу отсталости кабардинского феодально-крепостнического общества не мог быть принят и воспринят соотечественниками. Голос Ногмова в кабардинском обществе, где безраздельно господствовали невежественные дворяне, по понятиям которых интересоваться вопросами культуры считалось ниже дворянского достоинства, конечно, остался одиноким.

Только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей ранее угнетенные народы и предоставившей им неограниченные возможности культурно-политического творчества, идеи Ногмова стали понятными и близкими для его потомков.

В грозные дни Великой Отечественной войны Советского Союза против германского фашизма лучшие сыны Кабарды в дружной семье советских народов, плечом к плечу с русскими, украинцами, узбеками, грузинами и другими народами СССР кровью отстаивали честь и достоинство нашей советской Родины.

Если бы мы знали могилу Ногмова, мы бы сегодня могли бы пойти к ней и, по древнему обычаю горцев, дотронуться ладонью левой руки до могильного холмика, с полным основанием сказать, что его заветная мечта превратилась в прекрасную действительность, что его потомки, свободные от старых предрассудков, уверенно идут по ярко освещенному величайшими гениями человечества - Лениным и Сталиным - пути к вершинам культуры и просвещения.

Шора Ногмов. Из «Сборника документации и статей к 100-летию со дня смерти», подготовленного Научно-исследовательским институтом Кабардино-Балкарской АССР.

:^ i , *Нальчик: Кабгосиздат, 1944*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Московский телеграф. М., 1826. Ч. 7. С. 35-37.
[2] История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 12.
[3] Временник Пушкинской комиссии, 1841. Т. 6. С. 216, 217, 238.
[4] Московский телеграф. 1826. Ч. 7. С. 35.
[6] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. Отд. 4. С. 20.
[6] История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С.33.
г ' Там же.
[8] Там же. С. 46
[9] Там же. С. 92.
[10] Там же. С. 93.
[11] Там же. С. 97.
>[2] Там же. С. 93.
[13] Там же. С. 108.
[14] Там же. С. 108.
[15] Там же. С. 14.
[16] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. С. 20.
[17] *Турчанинов Г.* «Шора Бек-Мурза Ногма // Молодой сталинец. 1941. 4, 6, 9 апреля.
[18] *Ленин В. И.* Соч. Т. 25. С. 409, 410.
[19] Там же. С. 384, 385.

ШОРА БЕКМУРЗОВИЧ НОГМОВ - ВЫДАЮЩИЙСЯ КАБАРДИНСКИЙ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ.

К СТОЛЕТИЮ со дня СМЕРТИ **(1844—1944)**

Гордиться славой своих предков
не только можно, но и должно.
Не уважать оное есть
постыдное малодушие.

А. С. Пушкин

I

Несмотря на колониальный и национальный гнет царизма, бесправные и темные национальности царской России время от времени выдвигали из своей среды замечательных людей, по своей культуре и интеллектуальному развитию поднимавшихся до уровня передовых идей тогдашнего русского общества.

К числу таких замечательных людей относится выдающийся кабардинский ученый-просветитель Шора Бекмурзин Ногмов.

Исчерпывающих данных о жизненном и творческом пути первого историка адыгского народа Шоры Бекмурзина Ногмова, к сожалению, мы еще не имеем. Бесспорно, что в результате дальнейших тщательных изысканий мы будем располагать новыми дополнительными материалами, которые дадут возможность более полно осветить жизнь и творчество замечательного человека, поднявшегося, благодаря своим исключительным качествам, до уровня понимания передовых идей своего времени. А пока придется довольствоваться теми скудными и отрывочными данными, которые в свое время удалось собрать библиографу и издателю Шоры Ногмова - Ад. П. Берже[1].

При составлении биографии Шоры Ногмова Берже пользовался материалами, сообщенными ему капитаном генерального штаба И. И. Стебницким, который во время своей поездки в Кабарду произвел записи со слов старшего сына Шоры Ногмова, отставного гвардейского поручика Урустама Ногмова, в свою очередь записавшего эти сведения у своей матери. Кроме воспоминаний Берже пользовался и материалами официального характера, доставленными ему начальником Кабардинского округа генарал-майором кн. В. В. Орбелиани, впоследствии генерал-губернатором Кутаисской губернии. Собранные Ад. П. Берже словесный и документальный материалы, при всей их отрывочности и неполноте, намечают тем не менее основные вехи жизни Шоры Ногмова. По предположению Ад. П. Берже, Шора Ногмов родился в 1801 г., в ауле своих предков, находивтпемся на реке Джыцу недалеко от нынешнего сел. Каменномостского Нагорного района Кабардинской АССР.

Прадед Шоры Ногмова был абадзех, по неизвестным причинам переселившийся во второй половине XVIII в. в Большую Кабарду, где его потомки составляли узденей 2-й степени. Более подробных сведений о предках Ш. Ногмова, к сожалению, нет.

Весьма отрывочные сведения, которыми мы располагаем о жизни Шоры Ногмова, с несомненностью говорят о том, что Шора очень рано пристрастился к чтению книг, что дало ему возможность в дальнейшем впитать в себя самые передовые и прогрессивные идеи тогдашней русской общественной мысли. Одаренная от природы редкими способностями, многогранная, любознательная натура Ногмова жаждала знаний, и Шора в тяжелых материальных и моральных условиях изучал разные языки и читал очень много книг. На 18-м году жизни Шора Ногмов основательно знал уже арабский язык, который являлся в то время для горца самым доступным и считался языком тогдашней мусульманской образованности. Арабский язык Шора Ногмов изучал среди кумыков в сел. Эндери, в северном Дагестане, где он жил несколько лет в ранней свой юности. Хотя нет прямых указаний, но можно предположить, что Шора приехал и жил ряд лет в сел. Эндери специально для изучения арабского языка. Вообще, надо сказать, что Шора Ногмов обладал исключительными лингвистическими способностями, давшими ему возможность в совершенстве изучить кроме своего родного кабардинского языка арабский, русский, турецкий, персидский и абазинский языки. О его лингвистических способностях и о способах, какими он изучал не понятные для него языки, до нас дошли не лишенные большого интереса сведения в воспоминаниях русского поэта С. Д. Нечаева (1792-1860), побывавшего на Кавказе и лично очень близко знавшего Шору Ногмова. «Одаренный счастливыми способностями,- пишет С. Д. Нечаев о Ногмове,- сей молодой человек успел выучиться, сколько можно, в здешнем крае, пяти языкам, кроме природного: арабскому, который по справедливости считается на Востоке не только священным, но и ученым; татарскому, или турецкому, который от древнего монгольского владычества, не менее от позднейшего распространения суннитского вероисповедания, в таком же всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе; абазинскому, в котором вопреки некоторым ученым, не находит кабардинский филолог никакого сходства с черкесским; персидскому и русскому. Одни из них стали ему известны в школе кумыкской, заведенной в деревне Эндери, которую русские называют неправильно Андреевской, другие - от здешних миссионеров и сообщества»[2]. Таким образом, Шора Ногмов, за исключением арабского языка, основы которого он изучил в Эндерийском медресе, все остальные языки изучал практически путем непосредственного общения с людьми. После практического изучения языка Шора Ногмов переходил к теоретическому его изучению.

По возвращении из Эндери на родину Шора Ногмов служил муллой в своем родном ауле. В то время это был обычный путь знатоков Корана и арабского языка. Однако многогранная, жаждущая научных знаний натура Шоры Ногмова не могла удовлетвориться должностью сельского муллы. Он искал новых знаний, и, навсегда отказавшись от карьеры сельского муллы и вообще от мусульманской схоластики, задался целью изучить русский язык, чтобы через него приобщиться к более высокой культуре великого русского народа.

Оставив должность сельского муллы, Шора, видимо, оказался в тяжелом материальном положении. В этот период жизни Шора, по свидетельству Нечаева, занимался «разным торгом на Горячих Водах»[3]. Среди приезжей русской публики Ногмов хорошо был известен под именем «Шора».

Вскоре, однако, Шора убедился, что для основательного изучения русского языка ему необходимо повседневное общение с русской средой. И вот, в возрасте 25 лет, Шора Ногмов является к командиру 1-го Волжского казачьего полка, подполковнику Лучкину, с просьбой поместить его в полковую канцелярию, где бы он мог научиться русскому языку. Подполковник Лучкин удовлетворил просьбу Ногмова и поместил его в полковую канцелярию. Здесь он пробыл около 3 лет, в течение которых настолько хорошо изучил русский язык, что в 1828 г. был прикомандирован к содержавшимся в крепости Нальчик аманатам из разных горских племен в качестве учителя. Шора Ногмов учил горских аманатов русскому и турецкому языкам. До нас дошли сведения, что в Нальчикской аманатской школе на поприще учителя Шора Ногмов сделал очень большие успехи. Но педагогическая деятельность Шоры продолжалась всего лишь до конца 1829 г., после чего он вновь перешел на военную службу, протекавшую уже вне Кавказа.

Официальной датой начала военной службы Шоры Ногмова считают 1818 г. при командовавшем Кавказской военной линией генерал-майоре Дельпоццо. В период от 1818-го до 1822 г. Ногмов находился в распоряжении второй части Кавказской военной линии Правого фланга полковника Победнова, при котором выполнял различного рода поручения. В августе 1822 г., возвращаясь из деловой поездки в Пятигорск, Шора Ногмов подвергся на реке Кумлыке, недалеко от Малки, нападению со стороны восьми неизвестных лиц. В неравной борьбе - один против восьми - Шора Ногмов получил одну рану в ногу, а другую - в бок, но все-таки ему удалось спастись.

В конце 1829 г. Шора Ногмов оставил педагогическую деятельность в Нальчикской аманатской школе. В начале 1830 г. он переехал в Петербург и поступил в Кавказский Горский полуэскадрон в качестве оруженосца. В начале декабря того же

года Ногмов со своим полуэскадроном, участвовавшим в польском походе под командой штабс-ротмистра Хан-Гирея [3], отправился в гор. Вильно. В январе 1831 г. Ногмов был причислен к квартире гвардейского корпуса, а в феврале того же года в отряде генерал-лейтенанта Остен-Сакена, под командой Хан-Гирея, перешел польскую границу.

Ногмов нес военную службу на передовой позиции в качестве разведчика и принимал участие в многочисленных сражениях. Так, например, 29 апреля 1831 г. Шора был выслан разведчиком из Остроленки и, встретившись с неприятелем в сел. Клинках, принял участие в разгоревшемся сражении. Далее Шора Ногмов принимал участие в сражениях: 30 апреля - при Церпентах, 6 мая - при Райгрудке, 7 июня - при Вильно, 16 июня - при Коно и, наконец, с 16 июня по 4 июля он участвовал в преследовании остатков разбитого отряда генерала Гелгуда до самой прусской границы.

В октябре 1831 г. Шора уже был в Варшаве, где присоединился к своему полуэскадрону. В Петербург он вернулся в феврале 1832 г.

За храбрость и отвагу, проявленные в перечисленных сражениях, Шора долучил награды «Знак военного ордена Св. Георгия» и «За военные достоинства» 5-й степени. Кроме того, в декабре 1832 г. он был произведен в корнеты, а в 1834 г. награжден золотой медалью на Анненской ленте для ношения на шее.

Переехав в Петербург, Шора со свойственной ему любознательностью принялся за углубление и расширение своих познаний в области русского и турецкого языков. Турецкий язык он изучал при помощи одного образованного турка, жившего тогда в Петербурге, фамилия которого неизвестна.

Параллельно с углублением своих филологических познаний, Ногмов очень много читал и даже изучал новинки тогдашней исторической науки. Любопытно, в частности, отметить, что капитальный труд Н. Карамзина «История государства Российского», представлявший собою новинку в тогдашней исторической науке, не только хорошо был знаком Ногмову, но, как видно из «Истории адыгейского народа», основательно им изучен. Ногмов делал из него соответствующие выписки и заметки для задуманной им будущей истории своего народа.

Шора Ногмов в Петербурге жил до мая 1835 г., а затем был переведен в Кавказский отдельный корпус в чине кавалерийского поручика и переехал в Тифлис, где упорно продолжал работать над собою. Своими совершенно необычными в то время для горца качествами: начитанностью, образованностью и глубоким знанием нескольких языков - Шора обратил на себя внимание тогдашнего главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта барона Розена, впоследствии наградившего его золотыми часами, стоимостью в 500 руб., и 50 червонцами.

В 1838 г. Шора Ногмов покинул Тифлис и переехал к себе на родину, 5 лет он служил секретарем Кабардинского временного суда, находившегося в Нальчике, а в 1843 г., за год до своей смерти, в чине штабс-капитана ушел в отставку.

Ко времени пребывания Ногмова в Нальчике в качестве секретаря Кабардинского временного суда, надо, думать, относится наиболее продуктивная его научная работа в области истории и филологии.

По роду работы Шора Ногмов имел возможность непосредственно общаться с народом, с его слов записывать богатейшие по своему содержанию памятники устного творчества кабардинского народа, которые легли в основу его замечательной истории. Живое общение с людьми Ногмову дало возможность производить новые записи сказаний, корректировать ранее собранный им материал и прислушиваться к живой кабардинской народной речи, особенности которой не могли пройти мимо чуткого уха автора первой кабардинской грамматики. Не случаен поэтому тот факт, что окончание двух капитальных трудов Ногмова - кабардинской грамматики, законченной в 1840 г., и «Истории адыгейского народа», законченной в 1843 г.,— по времени совпадает с пребыванием их автора в Кабарде.

Будучи уже в отставке, Шора Бекмурзин Ногмов в 1844 г. поехал в Петербург по делам, связанным с изданием истории своего народа. Из этой поездки ему не суждено было вернуться обратно на родину.

По приезде в Петербург, Шора вскоре был поражен параличом. 22 июня 1844 г. он умер. Шора похоронен в Петербурге, как предполагают, на мусульманском кладбище, за Волковой деревней. Однако его могила до сих пор еще не найдена[4]. Так, на 44-м году, в расцвете творческих сил, оборвалась жизнь первого кабардинского ученого, историка, филолога и просветителя Шоры Ногмова.

После Шоры Ногмова осталась его семья, состоявшая из жены, трех сыновей и одной дочери. Семья жила в сел. Кармово, на Малке, недалеко от Каменного Моста, в котором и по наше время живут потомки Ногмова. Старший сын Шоры Ногмова, Урустам Ногмов, учился в Павловском кадетском корпусе и был гусарским офицером, но вскоре ушел в отставку и жил в своем родном ауле. Младшие сыновья Ногмова в 60-х гг. XIX в. переселились в Турцию [5].

Распоряжением правительства от 25 апреля 1866 г. за № 212 семье покойного Шоры Ногмова была выделена тысяча десятин земли [6].

Жизненный путь Шоры Бекмурзина Ногмова слагается из трех основных этапов, имеющих свои хронологические рамки. Каждому из них соответствует определенная ступень роста интеллектуальных и творческих сил Ногмова.

17 Заказ № 106

Время до 1830 г., когда Ногмов жил на Кавказе, составляет первый этап его жизни и характеризуется страстным стремлением Ногмова приобщиться к передовой русской культуре путем изучения русского языка и чтения русских книг. Вскоре, однако, местные условия перестают его удовлетворять, и он переезжает в Петербург и живет там до 1835 г.

Время пребывания в Петербурге, составляющее второй период в жизни Ногмова, используется им для обогащения своих научных знаний в области истории и филологии.

Наконец, время с 1835-го по 1844 г., составляющее третий и последний этап в жизни Ногмова, характеризуется большим творческим подъемом, когда он на основе научных знаний и материалов, накопленных ценой исключительных усилий и труда, закончил грамматику кабардинского языка и историю своего народа.

Таковы, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, основные вехи жизненного пути выдающегося сына кабардинского народа Шоры Бекмурзина Ногмова.

II

Шора Бекмурзин Ногмов жил в царствование Александра I и Николая I. Период сознательной и творческой жизни Ногмова падает на царствование Николая I, составляющее самый мрачный период в тогдашней, по выражению Белинского, «гнусной российской действительности». Это была, по определению В. И. Ленина, «эпоха крепостная (1827-1846) - полное преобладание дворянства. Это - эпоха декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна»[8]. Действительно, это было исключительно тяжелое время, когда николаевское правительство во главе с III отделением давило все живое в стране, громило революционную молодежь, душило всякую живую мысль, когда, по выражению Герцена, «душою всех мыслящих людей овладела глубокая грусть». Это было мрачное время разгула аракчеевщины, открывшей реакционный поход против литературы, науки и живой общественной мысли, время, когда под словом «просвещение» аракчеевщина понимала «свободу», под «деятельностью разума» - «революцию», а под «искусно отысканной серединой» - «конституцию».

В это глухое и страшное время, когда, несмотря ни на что, все же «протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа»[9], жил и творил Шора Бекмурзин Ногмов, относящийся к числу тех немногих лучших людей из тогдашних дворян, которые, по словам В. И. Ленина, «помогли разбудить народ»[10].

Своим проницательным умом Ногмов предугадал, что будущее за русской культурой и ее передовыми идеями, приобще-

ние к которым для блага своего родного народа и стало содержанием и целью его недолгой жизни.

К этой основной цели Шора, преодолевая непомерные трудности, шел своеобразными путями.

Шора убедился, что для перенесения культуры великого русского народа на родную кабардинскую почву необходимо, прежде всего, самому подняться до уровня передовых русских людей того времени. И он, уже юношей, одухотворенный пламенной любовью к своему маленькому и темному кабардинскому народу, *со* всей энергией и свойственным ему упорством, преодоленая большие трудности, начал учиться русскому языку и русской грамоте. Русских школ тогда еще на Кавказе не было, и Ногмову пришлось учиться русскому языку и русской грамоте у самой жизни, путем непосредственного общения с русскими людьми, среди которых нередко были лучшие представители тогдашнего передового русского общества.

Шора был лично и довольно близко знаком с поэтом С. Д. Нечаевым, написавшим любопытный очерк [a], кабардинские этнографические материалы для которого были, возможно, сообщены автору Ш. Ногмовым.

Наряду с биографическими сведениями о Ногмове, Нечаев сообщает интересные подробности о текущей научной работе Ногмова и о дальнейших планах его занятий в области языка и фольклора кабардинского народа. Он пишет, что Шора «сочиняет иногда небольшие поэмы, которые не может распространить между соотечественниками иначе, как через изустное предание и медленное изучение на память»[12]. Из сообщения Нечаева далее мы узнаем, что Шора занимался и переводами памятников устного народного творчества кабардинцев на русский язык. Познакомившись с кабардинским фольклором в переводе Ногмова, Нечаев пришел к заключению о некотором сходстве памятников устного творчества кабардинского народа с шотландскими народными песнями, содержащими «те же сравнения из дикой той, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убиенных воинах и тому подобное»[13].

О планах предстоящих работ Ногмова Нечаев пишет, что «по издании азбуки, он хотел заняться правилами грамматическими и переводами с арабского разных нравственных книг для чтения»[14].

По-видимому, Шора Ногмов со своими литературными произведениями знакомил поэта Нечаева, который писал, что «в стихотворениях кабардинских - древних и новых - не нашел я правильного размера, но везде богатую рифму по образцу арабских и персидских»[15]. »

Знакомство Шоры Ногмова с поэтом С. Д. Нечаевым про4 изошло, надо думать, в Пятигорске не позднее 1826 г. *i*

Шора Ногмов был близко знаком с известным востоковедом, академиком А. Шегреном, считавшим его своим другом и отзывавшимся о нем, как о любознательном, культурном, страстно любящем науку и просвещение человеке [16]. Шора также был знаком с адъюнктом Академии наук известным востоковедом Ф. Шармуа, помогавшим вместе с академиком Шегреном Ногмову при составлении грамматики кабардинского языка [17].

Весьма важно далее отметить дошедшее до нас интересное, пока не подтвержденное письменными документами, известие о знакомстве Ш. Б. Ногмова с А. С. Пушкиным. Издатель «Истории адыгейского народа» Ногмова Ад. П. Берже в биографическом очерке, предпосланном 2-му изданию, пишет, что ему рассказывали кабардинцы, лично знавшие Ногмова, будто «он познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске, что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгского языка на русский» [18].

Известие о знакомстве Шоры Ногмова с А. С. Пушкиным, сообщенное Ад. П. Берже кабардинцами, лично знавшими Ногмова, следует признать заслуживающим доверия. Пушкин, всегда и всюду проявлявший исключительный интерес к народному быту и творчеству, не мог пройти мимо весьма заметной и талантливой фигуры Шоры Ногмова, лучшего знатока и собирателя богатейшего кабардинского народного эпоса. В свою очередь, и Шора Ногмов, жадно искавший встреч с лучшими представителями тогдашнего передового русского общества, конечно, не упустил бы случая познакомиться с великим Пушкиным и оказать ему содействие в собирании произведений устного народного творчества кабардинцев.

Если Шора Ногмов давал свои произведения читать малоизвестному поэту Нечаеву, то вполне вероятно, что, познакомившись с А. С. Пушкиным, пользовавшимся уже тогда мировой известностью, он показывал ему свои произведения, советовался с ним по волновавшим его творческим вопросам в области культуры и науки.

Любопытно отметить, что в своем интересном исследовании, посвященном поэме Пушкина «Тазит», В. А. Комарович пришел к выводу, что Пушкин был знаком с Ногмовым и что это знакомство могло произойти в Нальчике во второй приезд Пушкина на Кавказ в 1829 г., когда Ногмов состоял учителем Нальчикской аманатской школы. Далее В. Л. Комарович высказывает весьма интересную мысль, что Ногмов для Пушкина служил прообразом Тазита в одноименной поэме [19].

Круг лиц, с которыми встречался и общался Ногмов, разумеется, далеко не исчерпывается перечисленными людьми. Но мы, к сожалению, о других его встречах, за отсутствием сведений, в данное время лишены возможности судить.

Шора Ногмов пользовался большой популярностью и среди русских военных людей, с которыми ему по роду службы приходилось встречаться. Его хорошо знали генерал Сталь, комендант Кисловодской крепости генерал-майор Энгельгард, командир кордона и казачьего полка полковник Греков и ряд других. Молодой Ногмов со своим большим умом и дарованием, необычными в то время для «дикого» горца образованностью и общей культурой пользовался вполне заслуженным уважением этих людей.

Для поднятия своей культуры и образованности до уровня передовых русских людей того времени Шора Ногмов пользовался всевозможными способами, могущими хоть сколько-нибудь приблизить его к поставленной цели. Глубокие научные познания, приобретенные им ценой неимоверных усилий, нужны были Ногмову не для эгоистических целей и личного благополучия, а исключительно для того, чтобы передать их своему родному народу, беззаветная любовь к которому руководила каждым его поступком и глубокое сознание долга перед которым никогда не покидало его до самой смерти.

Шора Ногмов мечтал весь накопленный опыт в области культуры сделать достоянием своего народа и тем самым приобщить его к передовой культуре великого русского народа. «Если я решился на этот труд,- пишет он в предисловии к своей замечательной «Истории адыгейского народа», то единственно из искреннего желания приохотить моих соотечественников к умственным занятиям на поприще науки, которая одна в состоянии показать им все выгоды просвещения и образования» [20].

Неподдельное желание помочь своему невежественному, загнанному и приниженному не знающей пощады феодально-крепостнической и колониальной эксплуатацией кабардинскому народу еще ярче высказано Ногмовым в следующих глубоко искренних словах, написанных как бы кровью сердца, безгранично любящего свой народ.

«При начатии труда моего,- написал Ногмов в предисловии к грамматике кабардинского языка,- сердечное убеждение говорило мне, что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чувство, светильник жизни, любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книгу, письмо. Для этого-то времени составлен этот труд — труд многих лет, который предается забвению, быть может, пренебрежению, но некогда пробудит благодарное воспоминание потомства учащегося... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию. О, тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений!» [21]

Не трудно понять душевную трагедию Ногмова, чувствовавшего себя одиноким среди своих соплеменников, со сторо-

ны которых в силу их невежества и низкого культурного уровня он не мог рассчитывать на моральную поддержку и даже на простое сочувствие, являющиеся необходимыми для человека предпосылками при осуществлении его творческих замыслов.

По понятиям кабардино-черкесских дворян того времени, интересоваться, а тем более заниматься вопросами культуры считалось недостойным дворянского звания занятием. Европейски образованный современник Ногмова, происходивший из черкесских князей, Султан Хан-Гирей, прекрасно знавший мировоззрение и быт своего класса, свидетельствует, что «высшие звания, состоящие из князей и дворян, почитают неприличным их достоинству упражнение в науках, доставляющих средства познавать страну, в которой живем, обычаи, нравы и занятия отдаленных народов или их историю и, наконец, самую природу»[22].

Наперекор понятиям кабардинского дворянства того времени, Шора избрал целью своей жизни именно то, что так резко осуждалось его классом. Отсюда - его духовное одиночество и отчужденность от своей социальной среды. И несмотря на это, Шора никогда не впадал в пессимизм. Ясно сознавая, как далеко он ушел от своих сородичей, Ногмов заглядывал вперед через головы современников и адресовал свои труды поколению будущих времен, «когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей посвященных, когда обратится она к добру и познанию».

Ногмов был обращен не к прошлому и не к своей современности, к которым относился критически, а к будущему поколению, на благодарное воспоминание которого он рассчитывал. Обращаясь к потомкам, он мечтал о том, чтобы среди этого нового поколения сородичей нашлись более опытные последователи, которые продолжили бы начатое им среди кабардинцев культурно-просветительное дело, но уже на более высоком научном уровне. «Я сделал, сколько мог и старался сделать сколь возможно лучше,- писал Ногмов в предисловии к своей грамматике,- молю, чтобы явился мне последователь в любви к народному языку, но последователь более искусный и сведущий, который... представил бы настоящую грамматику в совершеннейшем виде»[23].

Однако заветная мечта Ш. Ногмова не могла исполниться при царском строе, так как «политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности, русифицировать их»[24].

Говоря о национальном гнете в царской России, В. И. Ленин писал, что «немного найдется государств в мире, которые так погрешили в этом отношении, как старая Российская империя...»[35]

В старое недоброе время, когда царизм «просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте», когда он «пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения» , разумеется, не приходилось и думать о проведении каких бы то ни было культурно-просветительных мероприятий среди загнанных и порабощенных царизмом горских народов, служивших всего лишь объектом жестокой феодально-колониальной эксплуатации.

Культурно-просветительные идеи выдающегося сына кабардинского народа Шоры Ногмова, ставившего целью своей недолгой жизни задачу внесения в родную кабардинскую среду искры русской культуры, чтобы «приохотить... соотечественников к умственным занятиям на поприще науки», могли осуществиться только спустя без малого сто лет. Только в результате Великой Октябрьской социалистической революции, навсегда покончившей с царизмом и его позорным наследием — фактическим неравенством национальностей, открывшей перед каждым народом неисчерпаемые возможности экономического и культурно-политического развития и спаявшей, наконец, многонациональный и разноязычный советский народ в «союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных советских социалистических республик» (ст. 13 Сталинской Конституции), в семью которых входит и счастливая родина Шоры Ногмова. орденоносная Кабардинская АССР.

III

Культурное наследие Шоры Ногмова, как и его биография, не только не изучено, но даже не выявлено как следует.

О некоторых научных работах Ногмова имеются у разных авторов лишь глухие упоминания, не подтверждаемые, однако, наличием сохранившегося оригинала рукописи или более менее подробным его описанием очевидцев. О кабардинской азбуке, составленной Ногмовым, по-видимому, не позднее 1826 г. и являвшейся первым его научным трудом, поэт Нечаев, близко знавший автора, сообщает, что Шора «намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания»[27]. Поскольку Ногмов намеревался представить правительству свою азбуку для напечатания, можно думать, что она в 1826 г. была уже им написана.

Известие о том, что Ногмов действительно составил кабардинскую азбуку, подтверждает и крупный для своего времени исследователь кавказских языков Услар, который в 1870 г. писал, что «лет за сорок тому назад кабардинец Шора Бекмурзин Ногмов составил для кабардинского языка азбуку...»[28]

Кроме приведенных двух упоминаний, первое из которых принадлежит современнику и лично знавшему автора, о кабардинской азбуке Ногмова других указаний нам не удалось пока найти. По этим слишком общим и неопределенным сведениям трудно судить о достоинствах азбуки, а также о том, какой алфавит - русский или арабский - был положен в ее основу.

Далее до нас дошло интересное свидетельство поэта Нечаева, что Ногмов занимался «переводами с арабского разных нравственных книг для чтения»[29], а также сочинял иногда оригинальные поэтические произведения, которые среди кабардинцев, не имевших в то время письменности, распространялись путем заучивания наизусть. Ногмов переводил памятники устного народного творчества кабардинцев на русский язык, и, таким образом, первый познакомил русских образованных людей того времени с богатейшим по своему содержанию кабардинским народным эпосом.

Ни рукописи кабардинской азбуки, ни рукописи переводов Ногмова пока еще не найдены.

Вслед за кабардинской азбукой Шора Ногмов написал грамматику кабардинского языка. Первое упоминание о задуманной Ногмовым кабардинской грамматике до нас дошло в воспоминаниях того же Нечаева, свидетельствующего, что Ногмов «по издании азбуки... хотел заняться правилами грамматическими»[30].

Из дальнейших известий мы узнаем, что Ногмов действительно занимался составлением грамматики кабардинского языка и закончил ее в 1840 г.

Труд этот был автором представлен на отзыв известному языковеду акад. Шегрену. Познакомившись с грамматикой кабардинского языка, акад. Шегрен в 1841 г. вернул ее со своими замечаниями автору. Шегрен рекомендовал заменить примененный автором русский алфавит арабским.

Грамматика Ногмова в печати не появлялась.

После Шегрена она в рукописи в 60-х гг. XIX в. находилась у Ад. П. Берже, как об этом свидетельствует сам Берже[31]. Сведения о дальнейшей судьбе рукописи весьма противоречивы. Так, проф. Лопатинский в предисловии к «Краткой кабардинской грамматике»[32] пишет, что «составленная... Шора Ногмовым кабардинская грамматика, просмотренная покойным акад. Шегреном еще в 1841 г., к сожалению, утеряна в рукописи». Но в пореволюционной литературе есть указания, что «рукопись» этой грамматики не утеряна, а она... хранится в Азиатском музее Академии наук в Ленинграде»[33]. Последние известия говорят, что «написанная... в 1840 г. грамматика, к сожалению, исчезла. Среди рукописей бывшего Азиатского музея Академии наук, где она... находилась, ее теперь нет»[34].

Однако самые последние известия, сообщенные мне летом 1943 г. весьма компетентным лицом, говорят, что оригинал

кабардинской грамматики Ногмова найден. Он обнаружен в личном архиве ныне покойного профессора А. Н. Генко и передан в рукописный отдел Академии наук СССР, где и хранился раньше.

О форме и содержании грамматики Ш. Ногмова, рукопись которой, по-видимому, все-таки найдена, можно составить представление по дошедшим до нас выпискам и выдержкам, сделанным из нее акад. Шегреном. По отзыву лингвиста Г. Турчанинова, «грамматика Шоры Ногмова, написанная под большим влиянием русского языка, в частности современной ему русской грамматики Греча, не отражает целиком структуры кабардинской речи, однако парадигмы и слова, записанные Ногма специальным, выработанным для этой цели, алфавитом, дают возможность фонетически точно воспроизвести многое»[36].

Самой значительной из всех научных работ Ногмова является написанная им «История адыгейского народа», которая составила автору большую популярность в отечественной и западно-европейской исторической литературе. «История адыгейского народа» составлена на основании исторических преданий и песен кабардинского народа с использованием в последних главах и некоторых письменных источников.

Интересна точка зрения Ногмова на исторический фольклор, послуживший для него основным источником для написания истории своего народа. «Все народы,- пишет Иогмов,- сохранили в памяти своей исторические предания и повествования о подвигах своих предков. Но у образованных европейцев литература письменная мало-помалому вытесняет изустные предания, сковывая их печатью для отдаленного потомства. В нашем народе, как не имеющем письмен, предания, по-прежнему передаваясь из уст в уста, существует лишь изустно... Вместе с преданиями до нас дошли и старинные песни. Они поются при всех сборищах по решении общественных вопросов, при полевых работах и вообще по окончании дневного труда. Все эти песни сочинены древними гегуоками, или поэтами, на языке кабардинском... Сюжетами этих песен в старину служили всякий подвиг, нашествие иноплеменников, распря или междоусобия»[36]. Ногмов прекрасно понимал историческое значение памятников устного народного творчества кабардинцев. Он годами тщательно собирал их для задуманной им истории своего народа. «Имев часто случай участвовать в общественных беседах,- продолжает Ногмов,- я с жадностью слушал повествования наших стариков и с течением времени успел собрать множество слышанных от них преданий и песен», которые «разобрал в отношении к историческим фактам и расположил в хронологическом порядке». В результате кропотливой и упорной работы над собиранием и изучением памятников народного творчества кабардинцев Ногмову действительно «удалось

составить хотя краткую, но довольно ясную картину минувшей жизни адыгейского народа»[37].

Большое значение устного народного творчества для истории бесписьменных народов Ногмов понял поразительно верно. При отсутствии письменных источников, по памятникам устного народного творчества, как отмечал еще Поль Лафарг, можно восстановить обычай, чувства и мысли народа. «Народная песня,- пишет П. Лафарг,- невежественная и неутонченная, не знающая ни о цензуре, ни о полустишии и часто заменяющая рифму созвучием гласных и готовая отказываться от нее, когда она становится стеснительной,— песня, возникающая неведомо где и переходящая из уст в уста,- эта песня есть верное самобытное и непринужденное выражение народной души, ее спутница в радости и горе, энциклопедия ее знаний, ее религии, ее философии, сокровищница, которой она доверяет свою философию и национальную историю. Вследствие этой точности и правдивости устная литература обладает исторической достоверностью большей, чем любое произведение отдельного индивида. Поэтому ею можно спокойно пользоваться без опасения быть введенным в заблуждение»[38].

Шора Ногмов закончил «Историю адыгейского народа» в 1843 г. Прежде чем опубликовать свою «Историю...», Ногмов захотел представить ее в Академию наук для рассмотрения. Для этой цели он возбудил ходатайство перед начальником Центра Кавказской военной линии, кн. Эристовым, об ассигновании на поездку в Петербург средств, о назначении ему во время пребывания там содержания за счет казны. Ногмову, находившемуся тогда уже в отставке, была разрешена поездка в Петербург с «прикомандированием его к лейб-гвардии Кавказско-горскому полуэскадрону с производством ему со дня прибытия в столицу до возвращения на Кавказ содержания наравне с штаб-ротмистром упомянутого полуэскадрона»[39].

Ногмову, однако, не удалось представить свой труд в Академию наук. По приезде в Петербург вскоре он заболел и 22 июня того же 1844 г. умер.

Таким образом, при жизни Ногмова ни одна из его научных работ не видела света.

После смерти Ногмова из всех его научных работ сделалась достоянием публики одна лишь «История адыгейского народа», выдержавшая за сравнительно короткий промежуток времени несколько изданий.

Замечательная работа Ногмова «История адыгейского народа» впервые была напечатана в Тифлисской газете «Закавказский вестник» за 1847 г., № 4-20, под заглавием «О Кабарде».

Редакция этого первого издания, по-видимому, расходилась с рукописью автора. По крайней мере, Ад. П. Верже, который сличал первое издание с оригиналом, свидетельствует, что «в первой допущены некоторые пропуски и отступления противу последней ».

Отдельные фрагменты «Истории...» Ногмова, взятые из последней, 16-й тетради оригинала, были напечатаны в 1849 г. в газете «Кавказ» под названием «О быте, нравах и обычаях древних адыгейских, или черкесских, племен»[4] .

Рассказ о походе князя Святослава на Кавказ в 956 г., когда «одоле Святослав козаром и град их Белу-Вежу взя» и «ясы победи и касоги», из газеты «Кавказ» был перепечатан в «Москвитянине»[41] и снабжен М. Погодиным кратким введением.

Второй раз «История адыгейского народа» полностью была издана в 1861 г. в Тифлисе в «Кавказском календаре» на 1862 г. С этого издания были сделаны оттиски для массового распространения. «История адыгейского народа» в 1861 г. «напечатана в подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложениями Ад. Берже».

Имея на руках рукопись Ногмова, Ад. Берже внес во 2-е издание некоторые изменения и дополнения. Вместо названия «О Кабарде» во 2-м издании было восстановлено название, которое дал своему труду сам автор — «История адыгейского народа». Далее, предисловие Ногмова, которое в первом издании» вовсе отсутствовало, и введение издатель объединил в одно. Берже внес некоторые стилистические исправления, самый текст «Истории...» снабдил примечаниями, и, наконец, предпослал работе хотя неполную, но почти единственную в существующей литературе биографию автора.

«История адыгейского народа» Ногмова третьим изданием вышла на немецком языке в 1866 г. в Лейпциге под названием: «Сказания и песни черкесского народа, собранные кабардинцем Шорой Бекмурзиным Ногмовым, изданные и снабженные предисловием Адольфом Берже». Лейпциг, 1866 г.

Четвертый раз «История адыгейского народа» Ногмова была издана старшим сыном автора Урустамом Ногмовым в 1893 г. в Пятигорске. Урустам Ногмов свое издание дополнил предисловием и внес в него некоторые исправления, но в основном оно ничем не отличается от издания Берже 1861 г.

Труд Ногмова охватывает историю кабардинского народа с древнейших времен до конца XVIII в. «История адыгейского народа» издания 1861 г., состоит из 10 глав и 3 приложений издателя. Всего в «Истории...» со всеми приложениями 181 страница. Оригинал «Истории...» состоит из 16 тетрадей, написанных рукою Ногмова и находившихся в 1849 г. в редакции газеты «Кавказ»[42].

Имя первого кабардинского ученого Шоры Ногмова в отечественной и западно-европейской науке увековечено Адольфом Петровичем Берже, издавшим «Историю адыгейского народа» на русском и немецком языках. Можно с уверенностью сказать, что не будь Берже, познакомившего ученый мир с замечательным трудом Ногмова, память о нем основательно стерлась бы в науке. Поэтому безусловно был прав Услар, когда он говорил, что «честь оживления таковой памяти принадлежит Берже»[43]. В то же время Услар был не прав, говоря, что «скромное имя Шоры Бекмурзина теперь не будет забыто на Кавказе»[44].

Как ни странно, но Шора Ногмов как раз на Кавказе был менее известен, чем в России, и почти неизвестен среди своих соотечественников. Это и понятно. Шора Ногмов, ушедший от своих сородичей вперед по крайней мере на сто лет, не мог быть ими понят и оценен. В данном случае Ногмова постигла общая участь почти всех лучших представителей ранее угнетенных народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция, раскрепостившая народы и распахнувшая перед трудящимися двери к науке и знанию, сделала Ногмова понятным и близким для потомства, о благодарном воспоминании которого он так мечтал при жизни.

Сбылась мечта замечательного сына кабардинского народа Шоры Ногмова, имя которого никогда не забудет благодарное потомство.

Шора Бекмурзин Ногмов жил в совершенно других исторических условиях. Он жил и творил в условиях безраздельного господства крепостничества. Но он нам близок и дорог, потому что являлся выразителем самых передовых и прогрессивных идей своего времени.

Культурное наследие Ногмова для нас имеет огромное значение, и в ряду культурных ценностей прошлого ему по праву принадлежит одно из самых почетных мест.

Чтобы правильно понять и по достоинству оценить культурное наследие Ногмова, необходимо помнить, что «...марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетием развитии человеческой мысли и культуры» и что «только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая (практическим опытом) диктатуры пролетариата как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»[45].

Культурное наследие Ногмова для нас имеет огромное воспитательное значение, поскольку «учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом» и поскольку «мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества»[16]. Было бы огромной ошибкой думать, что «можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием» и что «достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм»[47]. Отсюда «без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру - без такого понимания нам этой задачи не разрешить»[48].

Если «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин), то культурное наследие первого кабардинского ученого Шоры Бекмурзина Ногмова заслуживает исключительного внимания и усвоения для использования его в нашей созидательной работе в области социалистической культуры кабардинского народа.

5 IV

Достаточно самого беглого знакомства с «Историей адыгейского народа», чтобы убедиться, что автор не был компилятором исторических преданий кабардинского народа, легших в основу его замечательного труда. Шора Ногмов к собранному материалу подходил как исследователь, проявив большую осведомленность в истории России, Древней Греции и Рима. Многочисленные ссылки на древних авторов и разнообразные источники, хорошо известные ему, говорят о большой начитанности Ногмова и его широком научном диапазоне. Ногмов хорошо был знаком с трудами древних греческих и римских авторов, с грузинскими летописями и историей соседних горских народов. Он не раз ссылается на Птолемея, Плиния, Страбона, Иордана (с. 19) и других авторов древности. Основательное знакомство Ногмова с трудами древних писателей становится бесспорным после ознакомления с характеристикой автора далеких предков кабардино-черкесов. «Древние адыхе,- пишет Ногмов,- не уступали другим народам в честности, добронравии и гостеприимстве» (с. 41). Такими же качествами наделяли предков-кабардинцев древние авторы. Так, Николай Дамасский (I в. до н. э.) о нравственном облике предков кабардинцев пишет, что «керкеты совершивших какое-либо преступление устраняют от священнодействия»[49]. Арриан Безымянный (V в. н. э) также свидетельствует, что предки кабардинцев - «народ справедливый и добрый»[50]. Ногмов также изучал труды своих современников

по истории и быту кабардино-черкесов. «Адыге,- пишет Ногмов,- славились храбростью и беззаветным мужеством» (с. 30). Совершенно аналогичную характеристику кабардино-черкесов мы находим в трудах современников Ногмова, которыми он, по-видимому, пользовался при составлении «Истории адыгейского народа»[51].

Особенно основательно Ногмов изучил историю России по труду Карамзина. Исторические известия кабардинских народных преданий и песен Ногмов проверял и подкреплял фактами из «Истории государства Российского» Карамзина[52]. Сведения о завоевании Тмутараканского княжества, сохранившиеся в кабардинском народном эпосе и не лишенные большого интереса, Ногмов провел и подкрепил фактами из истории Карамзина[53] и русских летописей, на которые он ссылается не раз[64].

Об основательном знакомстве автора «Истории адыгейского народа» с историей соседних горских народов говорит между прочим совершенно правильная точка зрения Ногмова о том, что «все народы первоначально называли себя «человеками», а своим соседям давали прозвание по какому-нибудь качеству или местности» (с. 19).

В «Истории адыгейского народа» Ногмов с глубоким знанием сложного кабардинского быта описывает древние обычаи своих соотечественников и вскрывает их отрицательные стороны. Вредные кабардинские обычаи Ногмов не идеализирует, а критикует. Какой желчью веет, например, от слов Ногмова, когда он пишет по поводу бесправного положения кабардинской женщины, что «мужья считают жен совершенными рабынями» и что «во всяком случае они должны оказывать во всем безусловное повиновение, им не только не позволяется противоречить, но даже произносить жалобы» (с. 32).

Ногмов не только констатирует позорный факт бесправного положения кабардинки, но пытается объяснить это явление. «Рабство жен,- пишет он,- без сомнения происходит от обычая, существующего и ныне, - платить отцам за невест скотом, лошадьми и вещами так называемую уасэ, т. е. калым» (с. 33), Таким образом, Ногмов дает правильное материалистическое объяснение рабскому положению кабардинской женщины.

Неодобрительно и критически относился Ногмов ко многим вредным обычаям кабардино-черкесов. В частности, говоря об очень распространенном обычае зашивать грудную клетку девочек в сафьяновый корсет («куэншыбэ»), который они носили до самой свадьбы, Ногмов пишет, что такое «зашивание очень вредно здоровью, отчего многие впадают в чахотку» (с. 33).

Своим большим проницательным умом Ногмов прекрасно понимал преимущество светской образованности и культуры перед патриархально-родовыми обычаями, к которым темное кабардинское население относилось с благоговением. Шора не

без сожаления писал: «Несмотря... на возникающее просвещение, на водворение искусств и художеств и на сношения с образованными греками, адыге продолжали гордиться дикими нравами своих предков» и «они пропустили время, которое им даровала судьба для принятия гражданской образованности» (с. 46).

Ногмов совершенно правильно подметил, что основная причина слабости кабардинского народа в борьбе с внешними врагами заключалась в феодальной раздробленности и в междоусобной, непрерывной борьбе феодалов. Он пишет, что «адыгейские князья, к общему вреду своего народа, управляли каждый своим участком независимо» и что «они вели войны то между собой, то с соседними народами» (с. 92).

К вопросу о феодальной раздробленности, обусловленной внутренними княжескими междоусобиями, как к основной причине политической слабости Кабарды, Ногмов возвращался часто. «Причиной тому,- пишет Ногмов,- всегда была взаимная зависимость, доведшая до ужасных бедствий и породившая глубокое ослепление. Ненавидя друг друга, каждый искал возможность ограбить ближайшего соседа» (с. 93, 94).

Ногмов правильно подметил, что княжеские междоусобия способствовали успеху оружия внешних врагов, не раз вторгавшихся в Кабарду. «Междоусобия князей много способствовали успехам врагов внешних, сами князья были причиной бедствий своей родины, спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам» (с. 97).

Весьма важный момент в истории Кабарды, заключавшийся в попытке создания центральной власти и политической консолидации Кабарды, также Ногмовым подмечен правильно. Такие попытки были сделаны в первой половине XVI в. кабардинским удельным князем Темрюком Идаровичем и Хатажуко Казиевичем. Последний, по словам Ногмова, «не взирая ни на какие препятствия, с твердостью и всеми силами старался об отыскании средств к уничтожению беспрерывных споров, распрей и буйств, возникавших между кабардинскими князьями, узденями и чернью» (с. 124).

Однако попытка политической консолидации Кабарды никаких положительных результатов не дала. Напротив, она привела к распаду на две враждебные между собою части: Большую и Малую Кабарду[56]. Князь Шаулох Таусултанов «сеял семена раздора и заводил возмущения в народе. Приверженные ему уорки подговаривали некоторых старшин и советовали им разделить Кабарду. Несколько старшин на то согласились... и со своими аулами... князь Шаулох увел их за реку Терек и поселил на правом берегу. Земля этих переселенцев и поныне носит название Малой Кабарды, или Таусултания» (с. 93).

О тяжелых последствиях феодальной раздробленности и княжеских междоусобий Ногмов говорил не раз. В этот период Кабарда, по словам Ногмова, «представляла вид рассеянного военного стана, где каждый, ополчаясь, охранял свое имущество вооруженной рукой. Уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды» (с. 98). Но вот наступил для Кабарды новый период политического подъема, когда на сцену истории выступил известный в русской истории кабардинский князь Темрюк Идарович, являвшийся грозой для внешних и внутренних врагов родины. «Берега Волги и Дона были первым поприщем его подвигов. Он покорил калмыков и татар, которые продолжали беспокоить Кабарду своими набегами. Однако кровопролитная битва решила судьбу обоих народов» (с. 107).

Разделавшись с калмыками и ордами крымских ханов, Темрюк приступил к мобилизации внутренних сил страны против самых опасных для Кабарды врагов в лице Султанской Турции и ее вассала - Крымского ханства. Учитывая феодальную раздробленность Кабарды и внутренние княжеские междоусобия, Темрюк понял, что без помощи извне ему своими собственными силами не справиться с грозными иноземными насильниками. И он устанавливает тесные дипломатические, скрепленные родственными связями, отношения с Московским государством, при помощи которого рассчитывает покончить с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

В период княжения Темрюка Идаровича Кабарда достигла наивысшего уровня экономического и политического развития.

Мероприятия князя Темрюка Идаровича по установлению политических и родственных связей с Московским государством имели для Кабарды большое значение и нашли живой отклик в кабардинских народных преданиях, на основании которых Ногмов пишет, что «народ был обрадован союзом и покровительством России» (с. 108). Народные предания также сохранили известия о том, что князь Темрюк Идарович отправил своих детей — сына Салтана и дочь Мариам — на воспитание в Москву, где они приняли крещение, а в 1561 г. царь Иван IV женился вторым браком на дочери Темрюка - Мариам. Воспоминание о дружественных русско-кабардинских отношениях до нас дошли в кабардинских преданиях, среди которых существует поговорка «Тхьэ 1уэ пащтыхь Иван хэту», т. е. «Клянись именем царя Ивана» (с. 108).

Установившиеся между Кабардой и Московским государством дружественные отношения со смертью князя Темрюка не прекратились. Кабардинцы совместно с московскими ратными людьми не раз отражали набеги турецко-крымских насильников. Ногмов на основании народных преданий рассказывает

историю изгнания турецких войск Султана Селима II, намеревавшегося захватить Кабарду и весь Северный Кавказ до Астрахани.

После смерти кн. Темрюка удельным князем в Кабарде сделался Берслан Кайтукин Джанхотов. С именем князя Джанхотова Ногмов связывает разделение кабардинского общества на различные социальные категории, начиная от тлакотлешей и кончая унаутом и дворовым человеком, и введение в кабардинском обществе третейских судов, состоявших «из благонадежных узденей и депутатов со стороны народа, ежегодно им избираемых, с утверждением самого князя, который и руководил им» (с. 113).

Вопросы, касающиеся всего народа, а также жалобы членов суда разбирались в «хе», или верховном суде, под председательством удельного князя. Князь Берслан ввел штрафы, которые налагались за неисполнение введенных удельным князем узаконений и за нарушение народных обрядов. Перед третейским судом все были равны. За преступление против отечества и народа кабардинские князья лишались княжеского звания, а нередко и вовсе изгонялись из пределов Кабарды.

В заключительных главах своей «Истории...» Ногмов весьма выпукло и исторически правильно рассказывает о тех притеснениях и унижениях, которые на протяжении столетий кабардинский народ терпел от крымских ханов и турецких султанов. Ногмов правильно подметил вассальную зависимость Крыма от Турции, по директивам которой крымские ханы не раз опустошали кабардинскую землю. «Крымский хан,— пишет Ногмов,- известил, что между умножившимися кабардинскими князьями, живущими в беспрестанных раздорах, нет ни одного князя, достойного управлять кабардинцами, послал донесение о том турецкому султану, и султан прислал ему войско» (с. 135). Крымские ханы взимали с кабардинцев тяжелую дань, а «сверх того для утверждения своей власти наложили подать по одной душе с каждого аула, что в год составляло 120 человек» (с. 136). Над Кабардой, находившейся иод гнетом Крыма и Турции, свистела ременная плеть иноземных насильников. В ответ на просьбу кабардинского князя Кургока Хатажукина об уменьшении податей и налогов с кабардинцев, крымский хан выбил пепел из своей большой трубки на гладко выбритую голову князя Хатажукина [50].

Далее Ногмов красочно и исторически верно обрисовал мужественную борьбу кабардинского народа за свою независимость и за целость своей родины. После того как просьба кабардинского князя об уменьшении непосильных с кабардинцев налогов не была исполнена крымским ханом, в Кабарде произошло поголовное восстание против крымцев и турок, в результате чего турецко-крымские силы частью были уничтожены, а частью изгнаны из пределов Кабарды.

18 Заказ J* 106

Турецко-крымские насильники вновь повторили свое вторжение в Кабарду, но и на этот раз кабардинцы разгромили и изгнали врагов из своей страны.

Описанные Ногмовым на основании кабардинских народных сказаний турецко-крымские вторжения в Кабарду имели место в XVIII в. и находят документальное подтверждение. С документальной точностью отразили памятники устного народного творчества кабардинцев существование между кабардинцами и их непосредственными соседями отношения. По кабардинским народным сказаниям, осетины и другие соседние горские народы испытывали на себе сильное влияние Кабарды, что полностью доказывается и имеющимися письменными историческими документами [57].

Существовавшие между кабардинскими князьями и соседними горскими народами отношения нашли свое яркое отражение в кабардинских исторических преданиях, на основании которых Ногмов пишет, что кабардинский пши «Асланбек принудил к подати осетин, ингушей и других, находившихся в повиновении» (с. 146). В данном случае несомненно речь идет о крупном кабардинском феодале Асланбеке Кайтукине, являющемся вполне историческим лицом, происходившим из Большой Кабарды и жившим в первой половине XVIII в. Асланбек Кайтукин известен в осетинском народном эпосе под именем Сари Асланбек. Среди осетин существует очень распространенная, исключительно содержательная народная песня, по словам которой кабардинский князь Сари Асланбек Кайтукин отправил своему вассалу, горскому феодалу Есену Канукову, живущему в сел. Донифарс, своих двух быков на летний сезон. Донифарсцы, с разрешения Канукова, зарезали быков Асланбека, а мясо их поделили между членами всего общества.

«...Дани маслом тебе не измерим желудок овцы, подобно Хуламу и Безенги,— ответили донифарсцы,— этого не ожидай от нас, сын Кайтукин! Удались от нас, а не то притащим тебя в нашу среду за ухо. Неужели, Кайтукин сын, ты еще не убедился, что Таторс - гибельное пастбище для твоих быков с украшенными рогами?» [58]

Асланбек Кайтукин со своими войсками вынужден был ни с чем вернуться в Кабарду. Но в дальнейшем, по словам песни, дигорский феодал Есен Кануков все-таки признал над собой вассалитет Кайтукина.

Исторический факт зависимости осетин от кабардинских феодалов нашел свое яркое отражение как в кабардинских, так и в осетинских памятниках устного народного творчества.

В «Истории адыгейского народа» Ногмова нашел свое место и отраженный в кабардинских народных преданиях Белградский мирный трактат, заключенный между Россией и Турцией в 1739 г., в силу которого за Кабардой были признаны «суверенные» права.

Труд Шоры Ногмова, как первый опыт стройного изложения истории кабардинского народа, не свободен, быть может, как отмечали в свое время различные авторы™, от некоторых хронологических погрешностей, но большое научное значение труда в целом всеми и всегда признавалось и остается бесспорным и по наше время.

«Записи Шах-Бек Мурзина о древнем состоянии адыгских, или черкесских, племен,- читаем в редакционном предисловии к помещенным из труда Ногмова очеркам в газете «Кавказ» за 1849 г.,- исполнены драгоценных материалов для истории, географии и этнографии северного склона Кавказского хребта, от Терека до Азовского моря. Образованный туземец, хорошо владея русским языком, почерпал факты из местных преданий, наименований урочищ, памятников, поговорок и героических песен древних черкесов, не имевших письмен, но сохранивших в памяти народа не только события страны, но даже имена мужчин и женщин, заслуживающих своими деяниями уважение или презрение современников. Песни эти, частью в переводе с объяснениями, представлены автором записок. Подобные повествования, основанные на таких фактах, делаются еще более драгоценными, потому что это единственные источники для истории этой части края. И как хранилищем их служит одна только человеческая память, то услуга автора, трудившегося над спасением остатков рапсодий от забвения, заслуживает полной признательности и уважения не только соотечественников, но и всех, кто ценит каждую страницу бытописания рода человеческого» [60].

Таким образом, большая ценность «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова заключается не только в том, что она правильно рисует основные этапы истории кабардинского народа, но и в том, что она сохранила для науки ценнейшие памятники устного народного творчества, большинство которых уже давно забыто в кабардинском народе.

Вся научная и общественная деятельность выдающегося сына кабардинского народа Ш. Б. Ногмова была направлена к тому, чтобы сблизить кабардинцев с русским народом. Его заветной мечтой было освобождение своей родины от всего темного и невежественного и приобщение ее к культуре великого русского народа.

Страстный призыв Ногмова в то время, в силу отсталости кабардинского феодально-крепостнического общества, не мог быть понят и воспринят соотечественниками. Голос Ногмова в кабардинском обществе, где безраздельно господствовали невежественные дворяне, остался одиноким.

Только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей угнетенные народы и предоставившей им неограниченные возможности культурно-политического творчества, идеи Ногмова стали понятными и близкими для его потомков.

В грозные дни Великой Отечественной войны Советского Союза идея Шоры Ногмова о единении кабардинского народа с великим русским народом приобретает особый смысл. Гигантская борьба Советского Союза с лютым врагом явилась величайшим испытанием материальных и моральных сил народов Советской страны. Война закалила дружбу советских народов, гранитные основы которой были заложены еще в 1917 г. величайшими людьми нашей эпохи - Лениным и Сталиным. Она показала исключительное моральное единство советских людей, в едином патриотическом порыве вставших на защиту своей родной земли. Каждый советский народ — большой и малый - самоотверженным трудом в тылу, героическими делами на фронте кует славную победу над злейшим врагом советских людей и прогрессивного человечества.

Лучшие потомки Шоры Ногмова плечом к плечу с русскими, украинцами, узбеками, грузинами, армянами и другими народами нашей страны борются против фашистских полчищ и кровью отстаивают честь и достоинство нашей священной родины. Они, выполняя указания великого Сталина об изгнании с советской земли фашистских захватчиков, превративших культурные ценности кабардинского народа в груды кирпича и камня, и об уничтожении врага в его собственной берлоге, показывают образцы доблести и геройства.

И если бы мы знали могилу Ногмова, мы бы сегодня могли пойти к ней и, по древнему обычаю горцев, дотронувшись ладонью «левой руки до могильного холмика, с полным основанием сказать, что его заветная мечта о сближении кабардинского народа с русским превратилась в прекрасную действительность и что его потомки, свободные от старых предрассудков, уверенно идут по ярко освещенному величайшими гениями человечества - Лениным и Сталиным - пути к вершинам культуры и просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Адольф Петрович Берже умер 31 января 1886 г. в Тифлисе. В научном мире Верже известен рядом своих исследований по Кавказу. С 1884-го по 1886 г. Берже состоял председателем Кавказской археографической комиссии. Под его редакцией вышли первые восемь томов актов. Из научных трудов Берже заслуживают быть отмеченными: «Прикаспийский край», 1856; «Краткий обзор горских племен на Кавказе», 1858; «Материалы для описания нагорного Дагестана», 1858; «История адыгейского народа Шоры Векмурзина Ногмова», 1861; то же на немецком языке, 1866; «Кавказ в археологическом отношении», 1874. Кроме того, Берже участвовал в «Русской старине». На службу поступил Берже в 1851 г. В 1868 г. был проиии веден в чин действительного статского советника, а в 1871 г. ему било пожаловано две тысячи десятин земли в Ставропольской губернии.

[2] *Нечаев С. Д.* Отрывки из путевых заметок о Юго Восточной 1'ос. сии // Московский телеграф. М., 1826. Ч. 2. С. 35, 37.

[3] *Нечаев С. Д.* Цит. соч. С. 35.

' Султан Хан-Гирей - современник Шоры Ногмова - происходил ii-i черкесских дворян. Он получил хорошее по тому времени образование! и Петербурге и состоял на военной службе. Перу Хан-Гирея принадлежит ряд этнографических работ, среди которых большой интерес предстшишот статья «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» (Русский вестник. СПб., 1842. Т. 5. № 1. С. 1-53), получившая высокую оценку тогдашнего русского образованного общества. «Статья,- говорится в редакционном предисловии к работе Хан-Гирея,- не сбор заметок, часто непонятных и обезображенных: она принадлежит тому же автору, который в прошедшем году подарил «Русский вестник» повестью «Черкесские предания», где в живой картине изображены были им также предания, быт и поверья черкесов. Черкесия - родина автора, обогатившего себя европейским просвещением, но не оставляющего ни веры, ни быта отцов своих знаменитых - между первейшими черкесскими князьями, хотя почтенный автор ознакомился с жизнью европейцев среди высшего петербургского общества. Нам остается просить его продолжать свои драгоценные заметки, которые, конечно, обратят на себя внимание не только русских, но даже иностранных ученых» (Русский вестник. СПб., 1842. Т. 5. № 1. Отд. 2. С. 1, 2). Ряд статей по этнографии кабардино-черкесов Хан-Гирей поместил в газете «Кавказ» (1846. № 10, 11, 41; 1847. № 42-46). Научное наследие Султана Хан-Гирея еще не выявлено и не изучено, как не выяснены отношения его с Шорой Ногмовым, с которым он был хорошо знаком. Флигель-адъютант Султан Хан-Гирей умер в 1846 г. в чине полковника (Кавказ. 1846. № 35).

[6] *Турчанинов Г.* Ш- Б. Ногмов // Молодой сталинец. 1941. № 43.

[6] Неизданная рукопись Гаибова по истории Кабарды, хранящаяся у 3. Д. Кумехова.

[7] *Кокиев Г.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940. С. 178.

[s] *Ленин В. И.* Соч. Т. 16. С. 575.

[9] Там лее.

[10] Там же.

Отметим между прочим, что из русских декабристов на Кавказе побывали: А. И. Якубович (служил в Екатериноградe), М. А. Назимов, поэт А. И. Одоевский (убит в 1339 г. на Черноморском побережье), П. П. Коновницын (умер в 1834 г. и похоронен во Владикавказе), А. А. Бестужев-Марлинский (убит в 1836 г. на мысе Адлер), А. О. Корнилович (умер в Т. -Х. Шуре), Дивов (умер на Кавказе в 1839 г.), В. Н. Лихарев (убит в 1840 г. в Чечне на Валерике, воспетом Лермонтовым), П. Д. Мазган (умер в 1843 г.), Кожевников, Розен, Нарышкин, Вегелин, В. Голицын, Кривцов и Цебриков. В 1839 г., когда Шора Ногмов уже находился в Нальчике в должности секретаря Кабардинского временного суда, декабристы Нарышкин, Одоевский, Назимов, Вегелин, Голицын, Кравцов, Цебриков и Розен (Записки декабриста. Лейпциг, 1870) бывали, а некоторые из них и подолгу жили в Пятигорске и Железноводске, где в свое время произошло первое знакомство Ногмова с передовыми русскими людьми. В Пятигорске декабристы находились под строгим надзором полиции. Барон Розен 16 июня 1835 г. приказал подполковнику корпуса жандармов Кизасси «обратить особенное внимание на состоящих там государственных преступников и в особенности от-

клонить благовидным образом от сношения с ними молодых офицеров», так как «сострадание, а еще более любопытство могут их сблизить, и особенно тогда, как некоторые из тех преступников имеют хорошие способности и одарены талантами» (Русская старина. СПб., 1880. Т. 29. С. 418, 419).

[11] Московский телеграф. М., 1826. Ч. 7.

[12] Там же. С. 37.

[13] Там же. С. 37.

[14] Там же. С. 36.

[15] Там же. С. 37.

"j *Турчанинов Г.* Ш. Б. Ногмов // Молодой сталинец. 1941. № 41.

[17] Там же.

[18] *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 12.

[19] Временник Пушкинской Комиссии. 1941. Т. 6. С. 216, 217, 233.

[20] *Ногмов Ш.* Указ. соч. С. 14.

[21] *Услар П.* О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. Отд. 3. С. 20,21.

[22] Русский вестник. СПб., 1842. Т. б. Отд. 2. С. 30, 31.

[23] Молодой сталинец. 1941. № 43.

[24] *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальной вопрос. М., 1934. С. 69, 70.

[25] *Ленин В. И.* Соч. Т. 24. С. 177.

[26] *Сталин И.* Цит. соч. С. 61.

[27] Московский телеграф. М., 1826. Ч. 7. С. 35.

[28] *Услар П.* Цит. соч. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. Отд. 4. С. 20.

[23] *Услар П.* Цит. соч. С. 36.

[30] *Нечаев С. Д.* Цит. соч. С. 36.

[31] *Ногмов Ш.* Указ. соч. С. 42. Прим. 15.

[32] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Т. 12. Отд. 2. С. 2.

[33] Записи Сев.- Кавк. горек, научно-иссл. инст. Ростов н/Д., 1929. Т. 2. С. 277.

[34] *Турчанинов Г.* Грамматика кабардинского языка. 1940. С.18.

[36] Там же. С. 18.

[36] Предисловие Ногмова к «Истории адыгейского народа». С. 13.

[37] Там же. С. 14.

[38] *Поль Лафарг.* Очерки истории культуры. Т. 2.

[39] *Ногмов НІ.* Указ. соч. С. 2.

[40] Кавказ. 1849. № 36, 37, 39.

[41] Москвитянин. 1850. Кн. 2. № 2. Отд. 3. С. 41-46.

[42] Кавказ. 1849. № 48. С. 191. Прим. 3.

[43] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. Отд. 4. С. 2.1.

[14] Там же. С. 21.

[15] *Ленин В. И.* Соч. Т. 25. С. 409, 410.

[46] Там же. С. 384, 385.

[47] Там же. С. 386, 387.

[48] Там же. С. 387.

[4J] *Латышев.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1. Вып. 2. С. 456.

[60] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 1. С. 279.

" *Броневский С.* Географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 89, 123; Русский инвалид. 1827. № 43. С. 172; №44. С. 177.

[62] Ср. напр., «История адыгейского народа». С. 58, с «Историей государства Российского» Карамзина. Т. 1. Гл. 1. С. 14 и др.

[53] *Ногмова Ш.* Указ. соч. С. 76.

[54] Там же. С. 80, 81 и др.

[55] См. подробнее наш очерк «Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними племенами» // СКБ, 1940. № 285-287.

[56] См. подр. наш очерк «Кабарда под гнетом султанской Турции и ее вассала Крымского ханства» //СКВ. 1940. № 275.

[67] См. нашу статью «Распад Кабарды на Большую и Малую» //СКЬ. 1940. № 285-287.

[58] Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, *1\)А7. I. Z.* № 41. С. 116.

- [S9] *Бутков П. Г.* Северная пчела. 1850. № 99; д-р *Пфаф.* Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Т. 5. С. 70, прим. 5; проф. *Лопатинский.* Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Т. 12. С. 7; П. С. Северное образование. СПб., 1848. Т. 2. С. 786-796.

[60] Кавказ. 1849. № 36.

* ИСТОРИК КАБАРДИНСКОГО НАРОДА

(К 100-летию со дня смерти Шоры. Бекмурзовича Ногмова)

Шора Ногмов чрезвычайно популярен в отечественной и европейской исторической науке как историк кабардинского народа. Широкую известность ему создала бессмертная «История адыгейского народа», изданная на русском языке в 1861 г. и на нескольких других языках. В настоящее время книга Ногмова представляет собою большую библиографическую редкость.

Ногмов в этой работе первый попытался дать историю своего народа в систематическом изложении. Опыт Ногмова оказался чрезвычайно удачным. Русская историческая наука высоко оценила труд Ногмова. Для кавказоведов «История адыгейского народа» является настольной книгой. «Секрет» большого успеха «Истории...» Ногмова в исторической науке объясняется тем, что она построена на основе народного эпоса, отразившего исторические судьбы кабардинского народа.

Ногмов резко осуждал вредную для кабардинской земли политику феодалов, которые своей междоусобной борьбой ослабляли политическую мощь страны и усугубляли феодальную раздробленность Кабарды. Он указывал, что «кабардинские князья, к общему вреду своего народа, управляли каждый своим участком независимо» и «вели войны между собою». К вопросу о феодальной раздробленности, обусловленной внутренними княжескими распрями, как к основной причине политической слабости Кабарды, Ногмов возвращался не раз. И всегда подчеркивал, что «причиной тому всегда была взаимная зависть, дошедшая до ужасных бедствий и породившая глубокое ослепление». Ногмов правильно указывал, что княжеские междоусобия способствовали распылению сил народа и успеху оружия внешних врагов, не раз вторгавшихся в кабардинскую землю. «Междоусобия князей,- пишет он,- много способствовали успехам врагов внешних, сами князья были причиной бедствий своей родины, спор за право владения никогда не прекращался». Осуждая предательскую политику феодалов, Ногмов писал, что кабардинские князья, «не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам».

С большим удовлетворением, напротив, писал Ногмов о попытках некоторых князей к созданию централизованной княжеской власти и политической консолидации Кабарды. Такие попытки были сделаны в первой половине XVI в. удельными князьями Темрюком Идаровичем и Хатажуко Казиевичем, последний из которых, по словам Ногмова, «невзирая ни на какие препятствия, с твердостью и всеми силами старался об отыскании средств к уничтожению беспрерывных споров, распрей и буйств, возникавших между кабардинскими князьями, узденями и чернью». Но эти попытки никаких положительных результатов не дали по вине реакционной части князей, составивших оппозицию против централизованной княжеской власти. Политика реакционных князей привела Кабарду к распаду на две враждебные части - Большую и Малую Кабарду, каждая из которых, в свою очередь, дробилась на мелкие феодальные владения. О тяжелых последствиях преступной политики феодальной верхушки и княжеских междоусобий Ногмов писал, что в этот период кабардинская земля «представляла вид рассеянного военного стана, где каждый, ополчаясь, охранял свое имущество вооруженной рукой» и что «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды».

Но вскоре для Кабарды наступил новый период политического подъема, когда на сцену истории выступил известный кабардинский князь Темрюк Идарович, который являлся грозой для внешних и внутренних врагов кабардинской земли. Князь Темрюк, по словам Ногмова, «покорил калмыков и татар, которые продолжали беспокоить Кабарду своими набегами», но «одна кровопролитная битва решила судьбу обоих народов».

Изгнав калмыков и татар с кабардинской земли, князь Темрюк приступил к мобилизации внутренних сил страны против свирепых и опасных для Кабарды врагов - Султанской Турции и ее вассала Крымского ханства. Крупный для своего времени политический деятель, князь Темрюк, учитывая феодальную раздробленность страны и внутренние княжеские раздоры, понял, что без внешней помощи ему своими силами не справиться с грозными иноземными захватчиками. И он устанавливает тесные дипломатические, скрепленные родственными связями, отношения с Московским государством, при помощи которого Темрюк рассчитывал покончить с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

Политические и родственные связи с Московским государством для Кабарды имели большое значение. Она достигла в этот период наивысшего экономического расцвета и политического могущества. Кабардинский народ приветствовал свое сближение с русским народом. Ногмов пишет, что кабардинский «народ был обрадован союзом и покровительством России».

Установившиеся между Кабардой и Московским государством дружественные отношения со смертью князя Темрюка не прекратились. Кабардинцы совместно с московскими ратными людьми не раз отражали набеги турецко-крымских налетчиков.

Политику князя Темрюка по укреплению центральной княжеской власти в Кабарде продолжил князь Берслан Кайтукин Джанхотов, с именем которого связаны внутренние реформы. Он ввел в Кабарде так называемые третейские суды, в которые входили выборные представители от народа и от прогрессивной части дворян, стоявших на стороне центральной княжеской власти. Заседания третейских судов проходили под председательством удельного князя. Берслан Джанхотов ввел штрафы, которые налагались на всех за нарушение введенных удельным князем узаконений. Перед третейским судом все социальные категории были равны. За преступление против отечества и народа кабардинские князья, по закону Берслана Джанхотова, лишались княжеского звания и связанных с ним привилегий и изгонялись из пределов кабардинской земли.

Обо всем этом, а также о притеснениях и унижениях, которым подвергался кабардинский народ со стороны турецко-крымских насильников, Ногмов рассказывает весьма красочно и исторически правдиво.

Русская историческая наука, высоко оценившая бессмертный труд первого кабардинского историка Шоры Ногмова, справедливо писала, что «услуга автора, трудившегося над спасением остатков рапсодий от забвения, заслуживает полной признательности и уважения не только соотечественников, но и всех, кто ценит каждую страницу бытописания рода человеческого».

Действительно, бессмертный труд Ш. Ногмова для истории кабардинского народа трудно переоценить.

Кабардинская правда.
1944. № 122.

ВВЕДЕНИЕ

К книге Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа». (Нальчик, 1947)

Шора Бекмурзин Ногмов (1801-1844) по праву считается первым ученым и просветителем .кабардинского народа.

Ногмов занимался изучением языка, истории, этнографии своего народа и оставил большое научное наследство.

Самой значительной из всех научных работ Ногмова следует признать составившую автору широкую популярность в русской и западно-европейской литературе «Историю адыгейского народа», составленную им на основе исторического эпоса кабардинского народа.

Приступив к составлению истории своего народа на основании памятников устного народного творчества, Ногмов «разобрал их в отношении к историческим фактам и расположил в хронологическом порядке», «придерживаясь буквального их смысла настолько, сколько это было возможно при свойствах обоих языков»[1].

В результате кропотливой работы над собранием и изучением памятников устного народного творчества кабардинцев Ногмов закончил составление «Истории адыгейского народа» в 1843 г. Но прежде чем опубликовать свой труд, Ногмов привез его в Академию наук на рассмотрение. По приезде в Петербург Ногмов заболел, и 22 июня 1844 г. он скончался. Рукопись Академией наук не была рассмотрена.

При жизни Ногмова ни одна из его научных работ не увидела света. Да и после смерти Ногмова была напечатана лишь его «История адыгейского народа», которая за сравнительно короткий промежуток времени выдержала несколько изданий.

«История адыгейского народа» Ногмова впервые была напечатана в тифлисской газете «Закавказский вестник» за 1847 г. № 4-20 под заглавием «О Кабарде».

Текст первого издания «Истории адыгейского народа» расходился с рукописью автора. По крайней мере Ад. П. Берже, который сличал напечатанную в «Закавказском вестнике» статью Ногмова с подлинной рукописью автора, пишет, что «в первой допущены некоторые пропуски и отступления противу последней»[2].

Выдержки из работы Ногмова, взятые между прочим из последней, 16-й тетради оригинала рукописи автора и представлявшие известный интерес для древней истории России, были напечатаны в 1849 г. в тифлисской газете «Кавказ» под заглавием: «О быте,"нравах и обычаях древних адыгейских, или черкесских, племен»[3].

Рассказ о походе князя Святослава на Северный Кавказ в 965 г., когда «одоле Святослав хазаром и град их Белу-Вежу взял» и «ясы победи и касогы» из газеты «Кавказ» был перепечатан в «Москвитянине»[4] под заглавием: «Предания адыгейцев не бесполезны для истории России» и снабжен М. П. Погодиным кратким введением[5].

Второй раз «История адыгейского народа» Ш. Ногмова была издана в 1861 г. в Тифлисе в «Кавказском календаре» на 1862 г. С издания 1861 г. были сделаны отдельные оттиски в количестве — если верить словам сына Ногмова, Ерустама,- 20 экз.[6] Работа Ш. Ногмова в 1861 г. была «напечатана с подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложениями Ад. Берже»[7].

Имея на руках подлинный оригинал рукописи Ногмова, Ад. П. Берже внес во 2-е издание некоторые изменения и дополнения. Так, например, вместо названия «О Кабарде» во 2-м издании было восстановлено название, которое дал своему труду сам автор, «История адыгейского народа». Далее, предисловие Ногмова, которое в первом издании отсутствовало, и введение автора издатель объединил в одно. В самый текст Ад. П. Берже внес некоторые стилистические исправления, а также снабдил его примечаниями и приложениями, предпослав всей работе хотя неполную, но единственную в дореволюционной исторической литературе биографию Ногмова[8].

Третье издание «Истории адыгейского народа» вышло в Лейпциге в 1866 г. на немецком языке[9].

Четвертый раз «История адыгейского народа» была издана старшим сыном автора Ерустамом Ногмовым в 1893 г. в Пятигорске

«История адыгейского народа» Ш. Ногмова еще до революции 1917 г. сделалась большой библиографической редкостью, а в настоящее время ее можно найти только в крупных библиотеках союзного значения. Этим обстоятельством и вызвано, главным образом, настоящее 5-е издание, осуществленное нами по 2-му изданию 1861 г.

Оригинал рукописи Ш. Ногмова до сих пор не найден. Предпринятые нами осенью 1945 г. розыски в Тбилисском государственном историческом архиве (фонд Кавказской археографической комиссии, председателем которой был Ад. П. Берже) не дали никаких положительных результатов.

Сохранилось очень краткое внешнее описание оригинала «Истории адыгейского народа». Согласно этому описанию оригинал состоял из 16 тетрадей, написанных рукою Ш. Б. Ногмова[10].

О дальнейшей судьбе оригинала рукописи, представленного автором в 1844 г. в Академию наук для рассмотрения, определенных сведений нет. Однако есть основание думать, что из Академии наук рукопись попала в Тифлис. Во всяком случае

есть прямое указание на то, что рукопись Ногмова в 1849 г. находилась в редакции тифлисской газеты «Кавказ»[11]. Отсюда можно, кажется, предположить, что «Закавказский вестник» и Ад. П. Берже для своих изданий пользовались оригиналом рукописи «Истории адыгейского народа».

Имя первого кабардинца-ученого Ш. Ногмова в русской и западно-европейской науке увековечено Адольфом Петровичем Берже, издавшим «Историю адыгейского народа» на русском и немецком языках. Можно сказать, что не будь Ад. П. Берже, познакомившего ученый мир с трудом Ш. Ногмова, имя этого замечательного человека навеки' было бы забыто. Прав был П. К. Услар, сказав, что «честь оживления такой памяти принадлежит Берже»[12]. Но он был неправ, говоря, что «скромное имя Шоры Бекмурзина Ногмова теперь не будет забыто на Кавказе»[13]. Шора Ногмов на Кавказе был менее известен, чем в России, и совершенно не известен среди своих соплеменников. Это и понятно. По своей культуре Ш. Ногмов слишком далеко ушел вперед от своих соплеменников, чтобы он был понят и оценен ими по достоинству.

Только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей угнетенные при царизме народы и широко распахнувшей перед трудящимися нашей страны двери к науке и знанию, передовые идеи Ногмова сделались понятными и близкими для потомства, о благородном воспитании которого он так мечтал при жизни.

Хотя автор скромно пишет о своем труде, что он составлен на основе устных преданий, достаточно самого беглого знакомства с «Историей адыгейского народа», чтобы убедиться, что автор ее не был компилятором исторических преданий кабардинского народа, которые легли в основу его труда. К собранному материалу он подходил как исследователь, проявив при этом большую осведомленность в истории России, Древней Греции и Рима. Многочисленные ссылки на древних авторов и источники, хорошо известные ему, говорят о большой начитанности Ногмова в области исторической науки. Он хорошо был знаком с трудами древних греческих и римских писателей, с грузинскими и русскими летописями. Ногмов часто ссылался на Птолемея, Плиния, Страбона, Иордана (с. 21) и других авторов классической древности. Основательное знакомство Ногмова с трудами древних писателей дало ему возможность правильно охарактеризовать далеких предков кабардинцев. «Древние адыге,— пишет он,- не уступали другим народам в честности, добронравии и гостеприимстве» (с. 36). Аналогичную характеристику давал предкам кабардинцев Николай Дамасский (I в. до н. э.)[14] и Арриан Безымянный (V в. до н. э.)[15], Ногмов также знал труды своих современников[16], на основании которых он пишет о храбрости и беззаветном мужестве кабардинцев (с. 29). Ногмов знал, например, историю России по трудам Н. М. Карам-

зина. Известия кабардинских народных преданий и песен Ногмов сличал с историческими фактами, приводимыми Н. Карамзиным в «Истории государства Российского»[17]. Сохранившиеся в кабардинском народном эпосе сведения о завоевании Тмутараканского княжества Ногмов сличал с данными Н. Карамзина[18] и известиями русских летописей[19].

«История адыгейского народа» Ш. Ногмова как первый опыт стройного изложения истории кабардинского народа не свободна от погрешностей, как отмечали в свое время некоторые авторы[20], но болыное.научное значение ее в целом всегда признавалось и по наше время остается бесспорным.

«Записки Шах-Бек Мурзина о древнем состоянии адыгейского или черкесских племен,- читаем в редакционном предисловии к помещенным в газете «Кавказ» очеркам из труда Ногмова,- исполнены драгоценных материалов для истории, географии и этнографии северного склона Кавказского хребта от Терека до Азовского моря. Образованный туземец, хорошо владея русским языком, исчерпал факты из местных преданий, наименований урочищ, памятников, поговорок и греческих песен древних черкесов, не имевших письмен, но сохранивших в памяти народа не только события страны, но даже имена мужчин и женщин, заслуживающих своими деяниями уважение или презрение современников. Песни эти часто в переводе с объяснениями представлены автором записок. Подробные повествования, основанные на таких фактах, делаются еще более драгоценными, потому что это единственные источники истории этой части края. И как хранилищем их служит одна только человеческая память, то услуга автора, трудившегося над спасением остатков рапсодий от забвения, заслуживает полной признательности и уважения не только соотечественников, но и всех, кто ценит каждую страницу бытописания рода человеческого»[21].

Большая научная ценность «Истории адыгейского народа» Ногмова заключается не только в том, что она правильно рисует основные этапы истории кабардинского народа, но, главным образом, в том, что она сохранила для науки ценнейшие памятники устного народного творчества, подавляющее большинство которых уже давно забыто в кабардинском народе.

Настоящее издание «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова является пятым, ничем не отличающимся от издания А. П. Берже 1861 г. В издании сохранены приложения и предисловие А. П. Берже, его краткий библиографический очерк Ногмова и предисловие самого Ногмова к своей «Истории...». Сохранены также примечания Ногмова, которые обозначены (*) звездочками. Примечания Ад. П. Берже сохранены и на каждой странице имеют порядковую нумерацию.

Оглавление, которое в издании Ад. П. Берже давалось в конце книги, мы сочли целесообразным в настоящем издании опустить, т. к., во-первых, оно в точности повторяет предпосланный каждой главе перечень вопросов, который, кстати, в основном тексте сохраняется.

Пятое издание «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова нами снабжено кратким введением, именным и этнографическим указателем, а также примечаниями-комментариями к тексту. Примечания имеют порядковую нумерацию, причем каждый номер заключен в круглые ( ) скобки.

Примечания даны в конце книги.

Октябрь 1946.
Москва

Ногмов Ш Б. „История адыгейского народа.", Нальчик, 1947. С. 3-10

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. предисловие Ад. П. Берже к изданию «Истории адыгейского народа». 1861.

[2] Кавказ. 1849. № 36, 37, 39, 45.

[3] Москвитянин. М., 1850. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. С. 41-46.

[4] М. П. Погодин в своем введении писал: «Воюя против покойного Каченовского и его последователей, заметил я, что древняя русская история особенна счастлива, имея очевидных современных свидетелей о всех почти первых наших князьях: об Аскольде и Дире осталась грамота Фотия, греческого патриарха, об игоревом походе есть очевидец Кремонтский епископ Лиутпранд и его тесть; Ольгу крестил император Константин Багрянородный, Святослава видел лицом к лицу Лев Диакон и проч. Ныне о последнем князе открывается неожиданное известие в преданиях кавказских, и Нестерова строка: «одоле Святослав казарам, и град их Белу-Вежу взя. Ясы победи и касоги» получает теперь драгоценное подтверждение и вместе комментарий,- в новое доказательство, как мы должны дорожить всяким словом этого знаменитого летописателя, который выдержит с честью сравнение с любым западным. Здесь вместе читатели найдут и новое доказательство о местоположении Тмутаракани. Мы одолжены предлагаемым свидетельством превосходной газете «Кавказ», издаваемой в Тифлисе г-ном Констатиновым, откуда заимствуем оное» (Москвитянин. М., 1850. Ч. 1. Кн. 2. № 2. Отд. 3. С. 41) .

В том же 1850 г. в газете «Северная пчела» появилась статья Буткова под названием «Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе». Автор, указывая на некоторые хронологические погрешности кабардинских преданий, признает тем не менее историческую достоверность сообщаемых Ногмовым сведений о древних русско-касожских отношениях и о Тмутараканском русском княжестве. (Газ. «Северная пчела». 1850. № 99).

[6] См. предисловие Ерустама Ногмова к «Истории адыгейского народа» издания 1893 г. Пятигорск.

[7] Адольф Петрович Берже родился в 1828 г. По окончании восточного факультета Петербургского университета он в 1851 г. начал службу в Персии, где основательно изучил персидский язык. В 1852 г. Ад. П. Берже

был переведен в Тифлис, в котором протекала его научная работа в области изучения тогда еще мало известного для русской публики Кавказского края. По инициативе Ад. П. Верже, в 1864 г. в Тифлисе была учреждена Кавказская археографическая комиссия, первым председателем которой был назначен сам Верже. Он руководил комиссией с 1864-го по 1886 г. За указанный период времени Верже издал одиннадцать объемистых, роскошно иллюстрированных томов «Актов Кавказской археографической комиссии», которые содержат весьма важные документы по истории Кавказского края за первую половину XIX в. Параллельно с археографической работой Ад. П. Верже вел большую научно-исследовательскую работу. В научном мире Ад. П. Верже известен рядом научных трудов, среди которых наиболее значительными считаются: «Прикаспийский край» (1866), «Краткий обзор горских племен на Кавказе» (1858), «Материалы для описания нагорного Дагестана» (1868), «История адыгейского народа» Ш. Ногмова (1861), то же на немецком языке (1866), «Кавказ» в археологическом отношении» (1874) и др, Ад. П. Верже являлся постоянным сотрудником «Русской старины». В 1868 г. он был произведен в чин действительного статского советника, а в 187Г г. ему было пожаловано правительством 2 тыс. десятин земли в Ставропольской губернии. Ад. П, Берже умер 31 января 1886 г. в Тифлисе в чине тайного советника (Словарь кавказских деятелей. Тифлис, 1890. С. 21).

[8] В исторической литературе советского периода вышло несколько работ, более или менее полно освещающих жизнь и деятельность Ш. Ногмова. Среди этих работ следует отметить очерк Г. Ф. Турчанинова «О жизни и деятельности Шоры Ногмова». (Сборник документов и статей к столетию со дня смерти. Нальчик, 1944. С. 20-44); очерк проф. Г. А. Кокиева «Выдающийся ученый и просветитель кабардинского народа» (Кабардинская правда. 1944. № 96, 97, 98) и брошюру проф. Г. А. Кокиева «Шора Бекмурзин Ногмов - выдающийся кабардинский ученый и просветитель» (Нальчик, 1944).

[9] Сказания и песни адыгского народа, собранные кабардинцем Шорой Бекмурзиным Ногмовым, изданные и снабженные предисловием Адольфом Берже. Лейпциг, 1866.

[10] Кавказ. 1849. № 48. С. 291. Прим. 3.

[11] Там же.

[12] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. Отд. 4. С. 21.

[13] Там же. С. 21.

[14] *Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1899. Т.1. Вып. 2. С. 456.

[16] Там же. Вып. 1. С. 279.

[16] Ср.: *Броневский* С. Географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 89-123; ср.: Русский инвалид. 1827. № 49. С. 172. № 44. С. 177.

[17] Ср.: «История адыгейского народа» С. 47 с «Историей Государства Российского». Т. 1. Гл. 1.С. 14 и др.

[18] Ср.: «История адыгейского народа». С. 48.

[19] Там же. С. 60, 61 и др.

[20] «Отдавая полную справедливость стараниям автора этого сочинения,- писал В. Б. Пфаф,- нельзя однако ж не заметить в нем немало промахов, что весьма естественно, т. к. труд Ногмова заключает в себе первый опыт обработки истории адыгейского народа». (Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Т. 5. С. 70. Прим. 5).

«Хотя заключение и выводы, даваемые Ногмовым, слишком смелы и и многих местах поражают даже своей неожиданностью,- писал об «Истории адыгейского народа» Ногмова Лопатинский,- нельзя отвергать большой заслуги этого неутомимого собирателя кабардинских исторических песен и преданий, тем более что в настоящее время многое из того, что пелось и рассказывалось еще в первой половине текущего столетия, или уже забыто, или предается забвению; народные певцы уордкоу (гегуако) замолкли, а кабардинская «повесть временных лет» уже не передается из уст в уста» (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1891. Т. 12. С. 7).

[21] Кавказ. 1849. № 36.

19 Заказ М 106

ПРИМЕЧАНИЯ - КОММЕНТАРИИ

К книге ПП. Б. Ногмова «История адыгейского народа» (Нальчик, 1947)

1 (с. 18). Характеристику кабардинцев, которых Ногмов считает наиболее передовыми и влиятельными среди горских племен, следует считать отвечающей исторической действительности, ибо имеется значительное количество свидетельств, подтверждающих основательность такой оценки. «Кабардинцы,- пишет автор конца XVIII в.,- между всеми горскими народами, кроме дагестанцев, имеют преимущество. Все прочие народы, как то: кумыки, карабулаки, аксайцы, андийцы, осетинцы, абазинцы, бесленейцы и прочие, не только подражают оным во нравах, во всех обычаях, но отчасти от них зависели и платили им дань» *(Бурнашев С. Д.* Описание горских народов. Курск, 1794. С. 4). Другой автор, лично наблюдавший быт кабардинцев, свидетельствует, что «они почитают себя по рождению и по делам своим первыми рыцарями не только между черкесами, но и между всеми кавказскими народами. В самом деле, нельзя отрицать сего первенства... Кабардинцы отличаются особенным возвышением духа и людкостыо в обращении между всеми горцами; к тому же опрятность их одежды и чистота домов довольно доказывают, что они степенью выше своих соседей поступили к гражданскому образованию *(Броневский С.* Т. 2. С. 89). Даже один из самых реакционнейших официальных историков царской России,- Данилевский, и тот вынужден был констатировать, что «кабардинцы служат представителями просвещения и образованности между племенами горцев, а поэтому всякий раз, как кабардинцы изменяют покрой своего платья, что случается довольно часто, то такая перемена тотчас входит в употребление и у всех других горцев» *(Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 133. Прим.). Непосредственная близость морей и больших рек в среде адыгских племен сыграла большую цивилизующую роль, так как, следуя словам Ф. Энгельса, «буржуазная цивилизация развивалась вдоль морских берегов и по течению больших рек. Земли же, лежащие в глубине материка, и особенно неплодородные и труднопроходимые горные страны, сохранили и варварство, и феодальный строй» *(Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 5. С. 250).

2 (с. 20). Джихи, или зихи,- одно из племенных названий далеких предков кабардино-черкесов. Термин зихи в этническом значении впервые употреблен Страбоном (63 г. до н. э.- 23. г. н. э.), который пишет, что «у моря лежит азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за нею живут ахеи, зихи, иниохи, керкеты, макропогоны» *(Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1. Вып. 1. С. 130.). Все три племенных названия-синды, керкеты и зихи,- с которыми этнически сближают предков, кабардино-черкесов, вошли в историю не позже I в. н. э. На основе этих трех племен, как можно думать, впоследствии сложилась адыгейская народность.

3 (с. 21). Действительно, древние писатели - Скилак Кариандский (IV в. до н. э.), Страбон (I в. н. э.), Помпоний Мела (I в. н. э.) и Плиний Секунд (I в. н. э.) предполагаемых предков кабардино-черкесов последовательно указывают на Азово-Черноморском побережье, причем самый берег Азовского моря, по-видимому, занимали синды, а к юго-востоку от них жили зихи и керкеты.

4 (с. 21). Синды и керкеты, с которыми в науке сближают предков кабардино-черкесов, впервые упоминаются у писателя IV в. до н. э. Скилака Кариандского, путешествовавшего по поручению Дария I вдоль берегов Фивийского залива. Скилак Кариандский синдов и керкетов указывает на восточном побережье Азовского моря. «За меотами,- пишет Скилак,- народ синды», а «за Синдской гаванью - народ керкеты» *(Латышев В. В.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 1. С. 85).

5 (с. 24). «Венгры себя показывают маджарами, или мадиарами, и в восточных летописях известны под сим же именем. Константин Багрянородный говорит, что венгры в IX в: разделились на 7 поколений, из которых одно именовалось... кажется, маджарами. В Кавказской губернии, на реке Куме, видны остатки и развалины каменных зданий, называемых маджарами» *(Карамзин.* Т. 1. Прим. 294).

Впервые о маджарах упоминается в русских летописях под 1319 г. в связи с убийством князя Михаила Тверского (ПСРЛ. Т. 8. С. 194; Никоновская летопись. Ч. 3. С. 122) ханом Узбеком. В 1324 г. в Маджарах побывал и арабский путешественник Ибн-Батута по свидетельству которого он был большим и богатым городом (Русский вестник. СПб., 1841. Т. 1. С. 464).

Маджары существовали до падения на Северном Кавказе татаро-монгольского могущества в конце XIV или в начале XV в. (подробнее о маджарах см. исследование Клапрота в «Московском телеграфе». М., 1825. Ч. 3.).

6 (с. 26). Предки кабардино-черкесов были связаны оживленной торговлей с греческими и римскими колониями на Черном море, имевшими большие торговые связи с Индией. Из всех греко-римских торговых центров наиболее крупную роль играла древняя Диоскурия, находившаяся на восточном берегу Черного моря, куда, по свидетельству Страбона, съезжались торговые люди семидесяти, а по некоторым сведениям — трехсот разных племен Кавказа, в числе которых были представители

зихо-керкетских племен. Для более успешного ведения торговых операций с разноязычными племенами Кавказа римляне, по свидетельству Плиния, в Диоскурии имели около 130 переводчиков (Записки имп. русск. географ, об-ва. СПб., 1863. Кн. 2. С. 22; ср.: СПбургский журнал. 1808. № 17. С. 95). Предки кабардино-черкесов с греко-римлянами вели оживленную торговлю рыбой, воском, главным же образом рабами, на которых со стороны римлян был очень большой спрос, так как «все хозяйство римского крупного землевладения держалось на колоссальном ввозе проданных в рабство военнопленных, притекавших в Италию во времена непрестанных захватнических войн приходившей в упадок республики, на ввозе, имевшем место еще в правление Августа» *{Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. Ч. 1.С. 368). В эпоху римского владычества в Причерноморье центром работорговли была Диоскурия, а несколько позже таким центром сделалась Каффа.

7 (с. 29). Николай Дамасский (I в. н. э.), Арриан Безымянный (V в. н. э.), арабский историк Масуди (X в. н. э.) и ряд других писателей свидетельствуют, что далекие предки кабардинцев были добры, справедливы, мужественны и храбры на войне. Такими же высокими моральными качествами, на основании личных наблюдений, наделял кабардинцев автор первой четверти XIX в. Броневский, по свидетельству которого «кабардинцы - народ добрый и рассудительный: в общежитии гостеприимны, догадливы, остроумны; в пище и питье умерены и трезвы, тверды в дружбе; на войне храбры и предприимчивы» *(Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 123). Много подобных отзывов существует о кабардинцах и у целого ряда других авторов (Русский инвалид. 1827. № 43. С. 172; Там же С. 176; *Броневский. С.* Цит. соч. Т. 2. С. 89; *Данилевский.* Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 133; Отечественные записки. СПб, 1857. Т. 3. С. 51; Военный сборник. СПб., 1860. Т. 11. С. 153; *Броневский Вл.* История донского казачества. СПб., 1834. Ч. 4. С. 83; Вестник Европы. СПб., 1879. Т. 4. Кн. 8. С. 698 и др.).

8 (с. 33). Предки кабардиио-черкесов с земледелием познакомились довольно рано. Из зерновых культур они производили просо, которое, по свидетельству Клавдия Элиана (II—III в. н. э.), употребляли в пищу *(Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 3. С. 608). Любопытно отметить, что кабардинцы еще в 90-х гг. XIX в. засевали проса в три раза больше пшеницы, в четыре раза больше кукурузы и в семь раз больше ячменя. Посевная площадь, занятая просом, была в 1,5 раза больше всей площади, занятой всеми прочими культурами, производимыми кабардинцами *(Максимов* и *Вертепов.* Туземцы Северного Кавказа. Очерк о кабардинцах. Владикавказ, 1892; ср.: Отчеты начальника Терской обл. за 1900-1913 гг.). Просо - древнейшая и популярная среди кабардинцев

зерновая культура, из которой они готовили самые любимые блюда и напитки (Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1860. Т. 11. Отд. 4. С. 4; Русский вестник. М., 1861. Т. 32. С. 348.).

9 (с. 36). О неприкосновенности личности кабардинского пши имеется любопытное свидетельство, что «при сражениях владелец узденей и подданных бьет и рубит, а уздени и на противного им владельца, по древним обычаям, и рук своих поднять не могут, и только что сами от них ретируются и спасают живот свой» *(Кокиев Г. А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. Историч. записки Института истории Акад. наук. 1938. Т. 2.).

Учитывая это обстоятельство, генерал Ермолов прибегал к суровым мерам, чтобы заставить крестьян стрелять в изменявших России феодалов. «Узденям и простому народу повелеваю,- приказывал Ермолов,- при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют» (Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Т. 9. С. 194).

10 (с. 39). В 1717 г. престол Крымского ханства занимал в продолжении трех месяцев (с декабря 1716-го по февраль 1717 г.) Кара Давлет-Гирей хан III, а за ним Саадат-Гирей хан III, занимавший ханский престол с 1717-го по 1729 г. *(Смирнов.* Крымское ханство в XVII в. Одесса, 1889. С. 30, 31; ср.: Указ. соч. Сейида Мухамед Ризы, изд. проф. Казембека. Казань, 1832).

11 (с. 39). Давлет-Гирей хан II был сыном крымского хана Селим-Гирея I в 1699 г., отказавшегося от престола в пользу своего старшего сына Давлет-Гирея хана II, занимавшего ханский престол первый раз до 1703 г. Давлет-Гирей хан II был ярким противником внешней политики турецкого двора и стоял за агрессивные действия против России. Будучи врагом русско-турецких нормальных отношений, он восстанавливал крымцев против России и Турции. Брожение, охватившее широкие массы крымцев, оформилось в конце концов как вооруженное против турецкого двора восстание, которое было возглавлено самим Давлет-Гиреем ханом II. Восстание сильно перепугало Оттоманскую Порту, которая к подавлению восстания приняла исключительные меры. Восстание было подавлено. Давлет-Гирей хан II скрылся в Кабарду, откуда он послал своему-отцу Селим-Гирею хану I покаянное письмо. Отец простил сына. По возвращении в Крым, в январе 1704 г., Давлет-Гирей II, по распоряжению турецкого двора, был сослан на остров Родос, где находился до вторичного своего вступления на ханский престол в 1708 г. Давлет-Гирей хан II продолжал оставаться противником внешней политики турецкого двора и стоял за оказание активной вооруженной помощи Карлу XII против России. В 1713 г. Давлет-Гирей хан II был лишен ханского престола и сослан в Визу, где и умер в 1725 г. *(Смирнов.* Крымское ханство

до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 704; *Его же.* Крымское ханство в XVIII в. Одесса, 1889. Гл. 1; Указ. соч. Сейида Мухамед Ризы).

12 (с. 39). Речь идет о Хаз-Гирее хане III, сыне Селим-Гирея хана I, который был крымским ханом с 1704-го по 1706 г.

13 (с. 40). Русские крепости стали возникать на малокабардинской земле в XVI в., в царствование Ивана Грозного. Первая русская крепость была заложена по просьбе кабардинского князя Темрюка Идаровича Иваном Грозным в 1563 г. на нижнем течении реки Терека и называлась «Терки».

Дата возникновения первой русской крепости на Тереке не является началом знакомства русских людей с кабардинцами. Истоки русско-кабардинских связей уходят в глубь веков, ко времени существования на Таманском полуострове Тмутараканского русского княжества *(Кокиев Г. А.* Из истории русско-кавказских отношений в IX—XIX вв. // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та. Нальчик, 1946. Т. 1). Атрибуты христианской религии, находимые во время земляных работ при сооружении русских крепостей, по-видимому, не русского, а более раннего, быть может, византийского происхождения.

14 (с. 45). Очевидно, Лавритас, которого Карамзин считает не антским князем на том основании, что «если бы Лавритас был князем антским, то он не мог бы отвечать аварам, что никто еще не отнимал вольности у славян: ибо анты за несколько лет пред тем были уже порабощены ханом ^{*Карамзин.* Т. 1. Прим. 56).

15 (с. 45). Карамзин, на основаниии известного готского историка Иордана (de rebus qeticls, с. 103), жившего в VI в. н. э., пишет, что «хотя венеты, анты, славяне называются ныне сими тремя разными именами, однако же происходят от одного племени (Т. 1. Прим. 27). В другом месте он пишет, что «на северной стороне гор Карпатских, от истоков Вислы, на пространствах неизмеримых обитает многочисленный народ венетов, который по разным племенам и местам называется разными именами, но известен под двумя главными: славян и антов» (Там же. Прим. 43; ср.: *Шафарик.* Славянские древности. М., 1848. Т. 1. Кн. 1. С. 92, 113, 114 и 115). На основании тех же свидетельств Иордана, Шафарик приходит к выводу, что «славяне никогда не называли себя антами, а так величали их одни только иностранцы, что имя это по происхождению своему немецкое, именно готское, т. е. данное славянам немцами-готами» {*Шафарик.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 140; Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 1. С. 8).

16 (с. 50). В 1889 г. в Кабарде, в сел. Кармово со слов кабардинца Псабиды Кашежева проф. Л. Г. Лопатинский записал любопытную сказку о «Красавице Елене и богатыре-женщине», которая была опубликована им в 1891 г. Проф. В. Ф. Миллер

:>ту сказку подверг филологическому анализу и пришел к выводу, что в ней отразились отголоски сказания об Одиссее. «Мы имеем, по-видимому,- писал Миллер,- на почве Кавказа отголоски двух песен Одиссеи, или, говоря точнее, отголоски тех же народных сказаний, которые некогда вошли в состав Одиссеи, так как в настоящее время вполне установилось убеждение, что вся Одиссея составилась из отдельных эпических сказаний, связанных искусственно в одно целое и наслоившихся на имя Одиссеи» (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Т. 12. С. 76).

17 (с. 54). Любопытно, что НоГмов опсов отождествляет не с осетинами, а с абазинцами, у которых были упоминаемые Ногмовым князья Аше, Шаше и Оздемир. Однако доктор Пфаф без достаточных оснований отождествляет опсов с осетинами, а перечисленных князей он считает не абазинскими, а осетинскими князьями. «По кабардинскому преданию,- пишет Пфаф,- Инал женился на дочери одного осетинского князя Аши, участвовавшего с другим осетинским князем Шоша в походах Инала. Другой осетинский князь Оздемир враждовал с Иналом. В одной схватке с Иналом Оздемир погиб» (Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Т. 5). Приведенное мнение Пфафа ничем не подкреплено. Памятникам устного творчества осетин совершенно не известны имена приписываемых осетинам князей.

18 (с. 58). По-видимому, имеется в ввиду древний город Саркел, о котором Карамзин писал следующее: «Имя города Саркела, по толкованию Константина Багрянородного, значило на языке козаров белую гостиницу или белый дом. На турецком языке оно значит, «белый город». В хождении митрополита Пимена к Царьграду, писанному в исходе XIV в., сказано, что на Дону в двух днях плавания вниз от устья Медведицы находились развалины древнего города Серклии: вот место Саркела, если не ошибаюсь» {*Карамзин Н.* История Государства Российского. СПб., 1830. Т. 1. Прим. 87). Карамзин, отождествляя Саркел с Белу-Вежу, пишет, что «названия Саркел и Белая Вежа имеют один смысл: вежа означает и шатер, и башню городскую; а Саркел - белый город» (Т. 1. Прим. 361; *Броневский Вл.* История донского казачества. СПб., 1834. Ч. 1. С. 9 и 290; Повествование о России. М.,1838. Т.1 Кн. 1. С. 34. Прим. 147). По свидетельству Константина Багрянородного (X в.), город Саркел, гарнизон которого состоял из 300 хазарских воинов, «был построен Спафаро кандидатом Петроною, по прозванию Каматиром, когда козары попросили императора Феофила выстроить им эту крепость» (Соч. Конст. Багрянородного о «фемах» и «народах». Предисл. и комментарии Г. Ласкина. М., 1899. С. 149, 150). Саркел был построен в 835 г. (Записки Акад. наук. СПб., 1874. Т. 24, 27). Существует, однако, и такое мнение (*Успенский Ф. И.*

Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв.), что византийский император Феофил построил город Саркел не для хазар, а для Византийской империи.

19 (с. 58). О завоевании в 965 г. князем Святославом хазарского города Белу-Вежу в русских летописях говорится, что «в лето 6473 иде Святослав на козары, слышавше же козари изидоша противу с князем каганом и съступишася на бой, и бысть брань, и одоле Святослав козаром и Белу-Вежу взя град их и ясы победи и касогы, и приведе к Кыеву» (ПСРЛ. Новгородская пятая летопись. Петроград, 1917. Т. 4. Вып. 1. С. 41). Одновременно с завоеванием Белу-Вежу русские войска во главе с князем Святославом завоевали и касожский город Тмутаракань, или Таматарху. «Тогда же, надобно думать,- пишет Карамзин,- завоевали россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения казарские на восточных берегах Азовского моря» *(Карамзин.* Т. 1.С. 200). Отметим между прочим, что мысль о тождестве Тмутаракани с Матархою, или Матрегою греческих источников впервые, по словам Карамзина (Т. 1. Прим. 363), была высказана проф. Байером (Samral Russ qesch 2, 77) .

20 (с. 61). Русская летопись сохранила любопытные сведения об единоборстве кабардинского князя Редеди с тмутараканским князем Мстиславом Владимировичем. По свидетельству летописи, князь Мстислав, получивший Тмутаракань в удел от своего отца, в 1022 г. воевал с касогами, жившими в непосредственном соседстве с Тмутараканью. Мстислав одолел в единоборстве КНЯЗЯ Редедю и заколол его ножом, после чего, по условию поединка, он взял себе семейство Редеди, а на кабардинцев наложил дань. «В лето 6530,- говорится в летописи,- прииде великий князь Ярослав в Берестию. В сии же времена, соущю Мстиславу Тмоутаракани пойде на косагы. Слышав JK6 66 КНЯЗЬ косажскы Редедя изыде противу емоу. И ставшима обема полкома противу себе, и рече Редедя к Мстиславу: «Что ради гоубиве люди между собою, но слидевеся сами бороти. Да аще ты одолевши, и ты возьми имение мое и княгиню мою и дети мои, аще ли аз одолею, то возьму твое все». И рече Мстислав: «Тако боуди!» И речь Редеди Мстиславу: «Не оружьем бося борове, но борьбою». И снастася бороти крепко. И борощемася има, и начат изнемогати Мстислав: бе бо велик Редедя и силем. И рече Мстислав: «О пречиста богородица, помози ми! Аще одолею самоу, съзижю церков во имя твое». И се рек, осудари им о землю и вынем ножь и зареза Редедю. И шед в землю его и вся имение его и женоу его и дети его и дань положи на них. И пришед Тмоутаракани и заложи церковь святую богородицю, аже стоить и до сего дне» (ПСРЛ. Петроград, 1921. Т. 24. С. 50; ср.: Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 2. С. 15. Прим. 83). По поводу одержанной Мстиславом победы над касожским князем Редедей в «Слове о полку Игореве» говорится: «Боян бо вещий ... песнь пояще ... храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожскы». Рассказ русской летописи о поединке князя Редеди с князем Мстиславом нашел свое отражение в кабардинском народном эпосе, сохранившем, кроме этого рассказа, еще некоторые сведения о том, что «адыгейские князья, во время верховного правителя Хуру Фатласе, делали набеги на Хазарию и на Тмутаракань»(Северная пчела. 1850. № 99; ср.: Москвитянин. 1850. № 2. Кн. 2. Отд. 3. С. 41-46).

Имя кабардинского князя Редеди сохранилось между прочим в припеве к кабардино-черкесским свадебным песням: «Уоредэ, уоредадэ, уоредедэ махуэ». Этот припев, также к свадебным песням, имеется почти у всех горцев Северного Кавказа. По-видимому, первоначально припев возник на кабардинской почве, на которой в память сраженного в единоборстве князя Редеди народ слагал песни. От кабардинцев, которым во многом подражали их соседи, припев мог перейти к другим горским племенам. Этот припев встречался и в русских свадебных песнях в форме: «Ой-редиди» (см.: *Сахаров.* Песни русского народа. СПб., 1839. С. 524) и «Уреди» («Библиотека для чтения». 1848. № 7. С. 14). Наличие кабардинского припева в русских песнях дало между прочим кн. Трубецкому (Этнографическое образование. М., 1911. № 1, 2. С. 235, 236) основание сближать кабардинский и русский припевы, при этом он полагает, что «проникновение черкесского припева в Россию могло совершиться только через посредство казаков» (Там же. С. 236). Вероятнее всего, что проникновение кабардино-черкесского припева в русскую среду произошло не через казаков, появление которых на Северном Кавказе приурочивается к XVI в., а через древних русских людей, входивших в состав Тмутараканского княжества и имевших с касогами довольно тесные связи.

21 (с. 69). В основе описанного Шорой Ногмовым сражения кабардинцев под руководством Кидиршоко Тотластанова с тургутами, происшедшего у впадения реки Малки в Терек, легло кабардинское историческое предание, известное под названием «Сказание о братьях Ешаноковых», опубликованное проф. Лопатинским (СМОМПК. Тифлис, 1891. Т. 12. С. 27-36).

22 (с. 71). Распад Кабарды на Большую и Малую, по народным преданиям, которыми пользовался Ногмов, произошел в XIII в.; на самом же деле отделение Малой Кабарды от Большой произошло не раньше первой половины XVI в. и произошло оно на почве борьбы части кабардинских феодалов против наметившейся политической консолидации Кабарды и усиления центральной власти удельного князя Темрюка Идаровича *{Кокиев Г.* Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами. СКВ. 1940. № 285-287).

23 (с. 75). Развалины Джулата сохранились около головного сооружения Малокабардинской оросительной станции.

24 (с. 79). Характеристика, данная Ногмовым Темрюку Идаровичу, почти дословно совпадает с характеристикой князя Святослава у Карамзина. «Сей князь,-пишет Карамзин о князе Святославе,— возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости. Пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле. Там суровою жизнью он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обозов; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба; войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло - изголовьем. Каков был военачальник, таковы и войны. Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его; он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, он всегда заранее объявлял войны народам, повелевая сказать им: иду на вас! В сие времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести. Берега Оки, Дона и Волги были первым театром его воинских счастливых действий» (Карамзин. Т. 1. С. 199). Отметим между прочим что князь Святослав, как известно, жил в X в., а князь Темрюк Идарович - в XVI в.

25 (с. 80). Первое кабардинское посольство в составе Маашука, Танашука и Езбузлукова прибыло в Москву в 1552 г. Послы били челом Ивану IV о принятии кабардинских феодалов в подданство и об освобождении их от гнета Крымского ханства. В следующем, 1553 г. из Москвы было отправлено в Кабарду ответное посольство во главе с Андреем Щепотьевым, который по возвращении в Москву доложил Ивану IV, что кабардинские князья «дали правду всею землею быти им неотступны от царя и великого князя и служити им во веки, как государь повелит» *(Карамзин.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 2. Т. 8. Примеч. 416). У Шоры Ногмова речь идет об этой присяге.

26 (с. 80). По поводу знакомства Ивана IV с дочерью кабардинского князя Темрюка Идаровича, Марией, в литературе существуют два мнения. Голиков в «Деяниях Петра Великого», а вместе с ним и Шора Ногмов считают, будто кабардинская княжна Мария с братом Михаилом попала в Москву в качестве аманатов. Такое мнение едва ли можно считать состоятельным, ибо история русско-кавказских отношений не знает ни одного случая посылки в качестве аманатов девочек. Аманатами, как правило, были всегда мальчики. Поэтому в данном вопросе, по-видимому, надо согласиться с мнением Карамзина, который говорит, что Иван IV, узнав о внешних качествах дочери князя

Темрюка, вызвал ее в Москву по древнему русскому обычаю устроить ей «посмотрение» *(Карамзин.* Изд. 1892. Т. 9. С. 23).

27 (с. 82). О втором браке Ивана IV с дочерью известного в русской истории кабардинского удельного князя Темрюка Идаровича - Марией, до нас дошли не лишенные большого интереса сведения, рисующие историю этого брака следующим образом. Иван IV «искал себе другой невесты в землях азиатских, по примеру наших древних князей. Ему сказали, что один из знатнейших черкесских владетелей, Темрюк, имеет прелестную дочь. Царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить закону. Митрополит был ее восприемником от купели, дав ей христианское имя Мария. Брак совершился 21 августа 1561 г. *(Карамзин.* История государства Российского. СПб., 1830. Т. 9. С. 38, 39). О женитьбе Ивана Грозного на дочери кабардинского князя Темрюка Идаровича до нас дошли некоторые отголоски в народных песнях русского народа. Вот что говорится в одной песне, записанной лет 80 тому назад в Архангельской губернии:

Не женись ты, царь, в проклятой Литве
На той ли Марье Темрюковне,
А женись ты, царь, в каменной Москве...

Но Иван Грозный -

Покатится и женится
На той на Марье на Темрюковне.

...И брал он Марью Темрюковну
И со тем со брателком родимым
Кострюком Темрюковичем...

(Записал Максимов. «Отечественные записки». СПб., **1860.** Т. 40. Кн. 5, **6.** С. **70).**

Английский путешественник Дженкинсон сообщает любопытные подробности об этом браке. «Его высочество,— пишет он,- будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец — посланник ли или иной — не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтоб ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего дома во время празднества. Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной. 6-го следующего месяца сентября царь дал большой пир, к которому приглашены были все посланники и иностранцы... Я был в числе приглашенных». (Английский путешественник в Московском государстве в

XVI в. М., 1937. С. 199). Нельзя, однако, считать брак Ивана IV на Марии Темрюковне удачным, ибо «Мария, одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии ни для его сердца, ни для государства, которое уже не могло с мыслью о царице соединить мысль о царской добродетели. Княжна черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Ивана в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда» *(Карамзин.* Т. 9. С. 49, 50). «Первого сентября 1569 г. скончалась супруга Иоаннова, Мария, едва ли искренно оплаканная и самим царем, хотя, для соблюдения пристойности, вся Россия долженствовала явить образ глубокой печали» *(Карамзин.* Т. 9. С. 157, 158). Мария Темрюковна была похоронена в Москве в Вознесенском девичьем монастыре. По поводу смерти Темрюковны русские народные песни говорят, что

Брал царь свою Марью Темрюковну
И вел он дачеле чисто поле,
Стрелял он ей в ретиво сердце,
Тут ей и славу поют.

(Отечественные записки. СПб., 1860. Т. 40. Кн. 5, 6. С. 71). После смерти Марии Темрюковны стали распространяться слухи, будто она, как и первая жена Ивана IV, Анастасия, была кем-то отравлена. Иван IV, и без того подозрительный, дал волю своей безграничной жестокости. «Казалось, что Мария завещала ему превзойти самого себя в лютых убийствах» *(Карамзин.* Т. 9. С. 158). Не пожалел Иван IV и своего шурина, родного брата Марии, Михаила Темрюковича. Иван IV «иногда велел привязывать свирепых медведей к его воротам; иногда отнимал у него имение, иногда возвращал ему все с лихвою, но часто не без побоев» *(Карамзин.* Т. 9. Прим. 355). В конце концов Михаил Темрюкович сделался жертвой необузданной жестокости Ивана IV. «Шурин Иоаннов, князь Михайло Темрюкович, суровый азиатец, то знатнейший воевода, то гнуснейший палач, осыпаемый и милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишаемый всего в забаву царя... вдруг, сраженный опалою, был посажен на кол!» *(Карамзин.* Т. 9. С. 214). Так печально кончили свою жизнь дети Темрюка Идаровича, Михаил и Мария, при дворе московского царя Ивана IV.

Брак Ивана IV с кабардинской княжной Марией Темрюковной имел для Московского государства большое политическое значение. Он усиливал влияние России среди горских народов и среди кабардинцев, в первую очередь. В оценке брака Ивана IV с Марией нельзя не согласиться с Броневским, который писал, что «сей поступок, был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских

народов, наипаче кабардинцев, тюменских и таманских черкесов, которые в походах царя Ивана Васильевича на Лисрляндию, Польшу и против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью, им свойственною, много способствовали его победам» *(Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 80).

28 (с. 87). В целях отражения набегов на кабардинскую землю турецко-крымских насильников, по просьбе кабардинского князя Темрюка Идаровича, Иван IV в 1563 г. построил на берегу реки Терек крепость Терки, которая, однако, по протесту турецкого султана Селима и крымского хана Давлет-Гирея I (1551-1577) в 1571 г. была разрушена. В 1577 г. крепость Терки была восстановлена воеводой Лукианом Новосильцевым, но ввиду вторичного протеста Турции и Крыма, в 1580 г., Терки вновь была разрушена. В 1588 г., по просьбе кабардинских послов Мамстрюка и Муртаза Куденет, царь Федор Иванович, несмотря на протесты Крыма и Турции, распорядился построить две крепости. Одна из этих крепостей была построена на правом берегу Терека-Тюменке, при впадении ее в Каспийское море, а другая - при устье реки Сунжи. Первая называлась Терским городом, а вторая - Сунженским. У самого устья реки Терека была также построена гребенскими казаками Трехстенская крепость. В приказной избе Терской крепости хранилась между прочим жалованная грамота кабардинского князя Хатамурза Черкасского (Кавказ. 1862. С. 64).

Все эти крепости, явившиеся форпостами колониальной экспансии Московского государства на Северный Кавказ, имели большое значение в смысле усиления влияния Москвы среди горских народов.

29 (с. 99). По словам османского историка Фундуклулу, «когда крымские ханы вновь назначались, то у черкесских беков было правило набирать 300 человек ясыря и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский хан Каплан-Гирей не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: «Меньше трех тысяч пленных я не беру!». Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае, но только ведь до сих пор в 15—20 лет один был сменяем; теперь же каждый год новый хан; чьих же детей мы будем отдавать?» *(Смирнов В. Д.* Крымское ханство в XVIII в. Одесса, 1889. С. 10). Требование Каплан-Гирея хана кабардинцами было отвергнуто.

30 (с. 100). Надо полагать, что Шора Ногмов при составлении своей «Истории...» пользовался не тем вариантом сказания «Машуко», который опубликован проф. Лопатинским (СМОМПК. Тифлис, 1861. Т. 12. С. 41-44), а другим. Но в обоих вариантах основная канва одна и та же.

31 (с. 100). Кабардинский князь Кургоко Атажукин от имени кабардинского народа обратился к крымскому хану с просьбой об уменьшении чрезмерно тяжелой дани. В тот момент, когда Атажукин излагал свою просьбу, хан «курил трубку из длинного чубука; пока говорил князь Атажукин, он не выпускал изо рта чубука, искоса посматривая на стоящего перед ним на коленях князя. Когда князь кончил говорить, хан сказал: «Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот, возьми». И с этими словами он высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя Атажукина. «Ступай и объяви своему народу о моей милости (Рукопись Алексея Мисостова, хранящаяся в рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР, № 49, л. 172; ср. Терские ведомости. 1894. № 97).

32 (с. 102). В продолжение времени от XVI и до середины XVIII в. Кабарда несколько раз подвергалась нашествию со стороны крымских ханов. Особенно участились набеги крымцев, когда окончательно определилась политическая ориентация Кабарды на Россию. Самое раннее нашествие Крымского ханства на Кабарду произошло в 1570 г., когда «был Темрюку со царевичем крымским бой, и Темрюк с бою съехал ранен, а двух сыновей Темрюковых - Мамстрюка да Бибирюка - царевич Алди-Гирей на бою взял и привел с собою в Крым» *(Карамзин.* Т. 9. Прим. 350). В 1707 г. крымский хан Каплан-Гирей с огромными войсками напал на Кабарду, в 1720 г. крымцы во главе с ханом Саадет-Гиреем вновь опустошили Кабарду и, наконец, в 1729 г. Кабарда опять подверглась нападению со стороны крымцев, руководимых сераскиром Бахта-Гиреем. Все эти и подобные им неоднократные нападения Крымского ханства на Кабарду не могли не найти своего отражения в устном творчестве кабардинского народа, откуда черпал свои сведения Шора Ногмов.

33 (с. 103). Кабардино-крымское сражение, о котором пишет Шора Ногмов, по-видимому, произошло в 1708 г. при хане Каплан-Гирее, занимавшем ханский престол первый раз от 1707-го по 1709 г., во второй раз от 1713-го по 1716 г. Поводом к нападению на Кабарду послужил категорический отказ кабардинцев в выдаче Каплан-Гирею трех тысяч ясырей. Каплан-Гирей двинул на Кабарду громадные полчища крымцев. Кабардинцы их встретили весьма мужественно. Ночью они напали на крымцев и поголовно уничтожили их. По словам С. Броневского (Т. 2. С. 82), в этом сражении кабардинцы уничтожили свыше 30 тыс. татар. Каплан-Гирей в результате этого неудачного похода лишился ханского престола *(Смирнов.* Цит. соч. С. 11). Каплан-Гирей хан умер в 1739 г. (см.: *Сейид Мухамед Риза.* Ассеб о-ссейяр или семь планет, содержащий историю крымских ханов. Изд. проф. Мирза Казамбека. Казань, 1832).

Сказание о нашествии крымцев на Кабарду, которым пользовался Ногмов при составлении своей «Истории...», известно под названием «Крымцы в Кабарде» и в свое время было опубликовано проф. Лопатинским (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Т. 12. С. 21-26).

34 (с. 105). Очевидно, речь идет о князе Большой Кабарды Асланбеке Кайтукине, жившем, по генеалогической карте кабардинских князей *(Кокиев Г.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов /,/ Ученые записки Ин-та народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 89), в первой половине XVIII в. Западные, смежные с Кабардой, осетины действительно находились в зависимости от Асланбека Кайтукина *(Кокиев.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки АН. М., 1938. Т. 2.). Интересные сведения о вассальной зависимости дигорских баделят от кабардинского князя Асланбека Кайтукина сохранились в весьма популярной среди осетин народной песне «Сари Асланбек» (Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Т. 2. С. 116. № 41).

35 (с. 106). Речь идет об известном в русской истории кабардинском князе Александре Бековиче-Черкасском, который до принятия в России христианства назывался Девлет-Гиреем. Он происходил из знатного кабардинского княжеского рода Джамбул атовых. Бекович-Черкасский, попав в Россию в качестве аманата в петровскую эпоху, сделался видным государственным деятелем. Он был командирован Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении из-за границы он женился на княжне Марии Борисовне Голицыной. Женитьбе Александра Черкасского на княжне Голицыной содействовал лично Петр I, который приблизил его к себе и произвел в чин капитана гвардии. Бекович-Черкасский играл большую роль в сближении Кабарды с Россией, ав 1714 г. он даже добился присяги кабардинских князей в верности Петру I. Большую роль Черкасский играл и в сношении России с восточными странами. По поручению Петра I Александр Бекович-Черкасский возглавил военную экспедицию в Хиву, где и погиб 1717 г. *(Могутов В.* Редкое и достопамятное известие отбывшей из России в Великую Татарию экспедиции под именем посольства. СПб., 1777).

36 (с. 106). В царствование Екатерины II в Кабарде было несколько восстаний, организованных кабардинскими князьями, отстаивавшими феодальную раздробленность и феодальное своевластие. Шора Ногмов, по-видимому, имел в виду восстания 1767 и 1779 гг., при подавлении которых между восставшими кабардинцами и царскими войсками действительно произошли два крупных сражения. Кабардинские холопы в восстании 1767 г. вели борьбу и с царизмом, и со своими феодалами. Они побросали свои дома и семьи и большими массами уходили в недоступные горные ущелья для вооруженной борьбы против цариз-

ма и местных феодалов. На подавление восстания 1767 г. в Кабарду были отправлены значительные военные силы под командой генерала де Медема. Царские войска и восставшие кабардинцы встретились на берегу реки Эшкакона, где в июне 1768 г. произошло большое сражение, в котором кабардинцы потерпели поражение. В результате подавления восстания кабардинцы вынуждены были дать аманатов. Однако с подавлением восстания 1767 г. основной источник крестьянских восстаний не был устранен. Царизм по-прежнему продолжал быстрыми темпами строить на кабардинской земле военные крепости, под которые отводились отнимаемые у кабардинцев земли. Недовольство кабардинцев царской политикой, вытеснившей кабардинцев к горным ущельям, использовали местные князья, и в 1779 г. вновь вспыхнуло вооруженное восстание. Но и это восстание было подавлено царскими войсками под командой генералов Якоби и Фабрициана. В декабре 1779 г. кабардинцы присягнули в верности России. Царское командование принудило крестьян к дополнительной присяге не следовать за своими феодалами, если последние в виде протеста против России будут уходить в горы.

Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 129-147

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАБАРДЕ В 1913 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий краткий очерк профессора Г. А. Кокиева «Аграрное движение в Кабарде в 1913 г.» представляет большой и всесторонний интерес.

В нем впервые, на основе богатого фактического материала, профессор Г. А. Кокиев разработал и обобщил вопрос, связанный с революционным выступлением кабардинской бедноты против коннозаводчиков и кулачества. Кабардинская же беднота была вынуждена арендовать свои же земли у помещиков.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность трудовому крестьянству бесплатно пользоваться землею, которая стала всенародной.

Политика коллективизации сельского хозяйства, блестяще осуществленная партией большевиков в нашей стране, создала все условия для дальнейшего экономического и культурного подъема колхозного крестьянства. Земли, которые в прошлом помещиками, коннозаводчиками и кулачеством разными путями отнимались у крестьянства, ныне навечно закреплены за колхозами. С этой точки зрения работа проф. Г. А. Кокиева является прекрасным материалом для наших пропагандистов и агитаторов в их агитационно-массовой работе на селе.

Работа, без сомнения, будет прочитана с большим интересом.

А. Труфанов

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАБАРДЕ В 1913 г.

Кабардинская правда. 1945. № 212

Вслед за поражением революции 1905 г. как в России, так и на Кавказе наступила полоса черной реакции, которую товарищ Сталин характеризовал следующим образом:

«Скованность общественной мысли, общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейской помещичье-капиталистической своры - таковы характерные черты столыпинского «успокоения». Торжество кнута и темноты было полное. «Мерзость запустения»— так характеризовалась тогда политическая жизнь России»[1].

В целях наиболее успешной борьбы с революционным движением царское правительство, по указке дворян и помещиков,

стало проводить новую аграрную политику, «политику усиленного и ускоренного разрушения общины, политику поощрения отрубов» (Ленин).

«Совет объединенного дворянства,- пишет В. И. Ленин,- еще в 1906 г., тотчас после революции, призвал правительство к насаждению частной поземельной собственности крестьян, чтобы поскорее создать слой богатых крестьян, которые бы встали на сторону помещиков, против крестьян. Столыпин немедленно вступил на путь, указанный советом объединенного дворянства»[2].

Царское правительство и помещики прекрасно понимали, что без создания новых классовых опор в крестьянстве нельзя им удержаться у власти. «Отсюда,- по замечанию В. И. Ленина,- их политика разорения крестьян дотла, насильственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии во что бы то ни стало»[3].

Анализируя столыпинскую аграрную реформу, В. И. Ленин пришел к выводу, что столыпинщина не что иное, как отсрочка старому крепостническому земледелию и «состоит в том, что открыт еще один и притом последний клапан, который можно было открыть, не эксплуатируя всего помещичьего землевладения. Открыт клапан и несколько выпущен пар - тем, что часть совершенно обнищавших крестьян «укрепили» свои наделы в личную собственность и продали их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев»[4].

Вся тяжесть столыпинской аграрной политики, сводившейся к созданию, за счет экспроприации крестьянских земель, сильной социальной опоры внутри крестьянства в лице крепкого кулачества, главным образом, била по беднейшим крестьянам, которые, как указывал В. И. Ленин, в результате столыпинщины действительно превращались «из пролетариев с наделом в чистых пролетариев».

Крестьянское движение в годы усилившегося выделения на хутора (1907-1909) сначала идет на убыль, но вскоре, в 1910-1911 гг. и позднее, на почве столкновения общинников с хуторянами, происходит усиление крестьянского движения против помещиков и кулаков-хуторян.

На почве экспроприации крестьянских общинных земель и обнищания мелкого крестьянства, повсеместно на Кавказе происходили крестьянские восстания, которые совместными усилиями местных помещиков, кулаков и царского правительства подавлялись силой оружия.

Восстания кабардинского крестьянства в 1913 г. является непосредственным результатом проведения в жизнь, в конкретных условиях Кабарды, столыпинской аграрной реформы, сводившейся к концентрации отнимаемых у крестьян-общинников земель в руках кабардинских помещиков и кулаков.

История аграрного движения в Кабарде в 1913 г., которая, кстати сказать, совершенно не изучена, сводится к следующему. Кабардинские князья совместно с кулачеством, сговорившись между собою, решили отнять и присвоить крестьянские общинные земли. Они стали распространять по Кабарде провокационные слухи, будто из Петербурга получена телеграмма о передаче крестьянских земель кабардинским коннозаводчикам из числа местных князей и кулаков. Поэтому на особом совещании кабардинских князей и кулаков под председательством быв. начальника Нальчикского округа, полковника Клишбиева, был составлен проект прошения от имени «кабардинского народа» о восстановлении в Кабарде частного коннозаводства и передаче пастбищных угодий крестьян коннозаводчикам. Это прошение, адресованное на имя главнокомандующего Кавказской армии, должны были подписать представители всех кабардинских аулов. Для этой цели, собственно, и был созван 24 апреля 1913 г. в гор. Нальчике съезд доверенных от сельских обществ Большой и Малой Кабарды, а также представителей пяти горских обществ: Балкарского, Хуламского, Безенгиевского, Чегемского и Баксанского, до Октябрьской революции входивших в состав Нальчикского округа.

На повестке дня княжеско-кулацкого съезда стояло первым и центральным вопросом «утверждение проекта договора на сдачу в аренду Зольских и горных хуторских участков»[5].

На съезде было предложено делегатам подписать заранее составленный кабардинскими князьями и кулаками проект прошения. Князья и кулаки, составлявшие подавляющее большинство делегатов съезда, конечно, без какого-либо давления со стороны подписали прошение, а представителей крестьян заставили подписать прошение под угрозой быть арестованными.

Так было сфабриковано кабардинскими князьями и кулаками от имени «кабардинского народа» прошение, которое в спешном порядке было послано на утверждение главнокомандующему Кавказской армией.

Прошение кабардинских князей и кулаков, полностью отвечавшее основным принципам столыпинской аграрной реформы, с молниеносной, совершенно несвойственной бесконечным царским бюрократическим инстанциям, быстротой, конечно, было утверждено и с такой нее быстротой главнокомандующий Кавказской армией выслал начальнику Терской области ген. Флейшеру «Новые правила пользования Вольскими пастбищами» для проведения их в жизнь.

Зольские пастбища, на которых разыгрались события 1913 г., со стародавних времен составляли собственность кабардинского народа. Однако в первой четверти XIX в., в связи с развернувшейся военной колонизацией на Северном Кавказе, Зольские пастбища царизмом были отняты у кабардинцев и объявлены казенными, с размещением на них кордонных постов Кавказ-

ской военной линии. Кабардинцы стали ходатайствовать перед царской администрацией о возврате пастбищ. Распоряжением царя от 1844 г. Вольские пастбища были возвращены кабардинцам во временное пользование[6], а уже от 20 августа 1863 г. законодательным актом они и вовсе были закреплены за кабардинским народом. Таким образом, Зольские пастбища представляли собою общинные земли и до передачи их, в силу новых правил, утвержденных главнокомандующим Кавказской армией, кабардинским коннозаводчикам ими пользовались все на общинных началах.

С конца апреля крестьяне Большой и Малой Кабарды гнали свой скот на Золку — Зольские степи и там пасли его до середины июня, а потом перегоняли в нагорную полосу. С конца августа из нагорной полосы скот опять перегонялся на Зольские пастбища, которые к тому времени вновь покрывались свежей травой, и пасся он там до конца октября и только после этого угонялся уже на всю зиму домой.

Такой порядок пользования Зольскими пастбищами, который более или менее удовлетворял всех, был изменен коренным образом на апрельском дворянско-кулацком съезде, по решению которого Зольские пастбища, в количестве 27 000 десятин, были разбиты на две части, одна из которых, состоявшая между прочим из лучшей по качеству земли, была предназначена для раздачи кабардинским коннозаводчикам из числа дворян и кулаков. В «Правилах...» постоянного пользования кабардинскими пастбищными землями, утвержденных главнокомандующим войсками Кавказского военного округа Воронцовым-Дашковым, говорится, что «выделяемая из общей площади запасных земель половина Зольских земель имеет целью поддержать среднее и отчасти крупное кабардинское коневодство»[7].

О порядке пользования Зольскими пастбищами в тех же «Правилах...» говорится, что «коневодческие участки на Золке мерою 40 десятин, распределенные между кабардинскими селами, могут брать в долгосрочную аренду только коневоды соответствующего селения, имеющие табун плодового состава не менее 10 маток при одном производителе», а «те из них, у которых имеются табуны плодового состава более чем в 10 маток, могут брать сразу несколько участков, по расчету на каждые 10 маток по одному участку в 40 десятин»[8].

Таким образом, по утвержденному царской администрацией положению, Зольские пастбища, разбитые на отдельные участки или по-кабардински - «купахи»* по 40 десятин, отдавались исключительно кабардинским коннозаводчикам из числа местных князей и кулаков в аренду на 12 лет по цене 2 руб. за десятину в год, причем в «Правилах...» было оговорено, что

'Купахи - хъуп!эхэр.

«арендные права на **коневодческие** участки **переходят** по наследству»[9].

При распределении Зольских пастбищ участков оказалось значительно меньше, чем коннозаводчиков, желающих получить по нескольку участков. Поэтому пастбищные участки начали распределять по жребию, вследствие чего многие крупные коннозаводчики остались вовсе без участков. Таких коннозаводчиков наделяли соответствующим количеством участков в других местах, но опять за счет общинных крестьянских земель. Так, крупные коннозаводчики князья Атажукины и Мисостовы, не получившие по жребию ни одного, участка на Зольских пастбищах, были наделены за счет общинных крестьянских земель с соответствующим количеством участков за Кичмалкой[10].

В результате санкционированных царской администрацией жульнических махинаций кабардинских князей, среднее и беднейшее крестьянство оказалось в катастрофическом положении. Крестьяне лишились своих пастбищ и выгонов, которыми они издавна пользовались на общинных началах. Им негде было пасти скот, овец, своих рабочих лошадей, негде было косить на зиму сено.

И кабардинские крестьяне, ограбленные при активном содействии царской администрации «своими» князьями, выступали против постановления царского правительства о передаче общинных Зольских пастбищ кабардинским коннозаводчикам.

О вынесенном апрельским кулацко-княжеским съездом решении о передаче Зольских пастбищ кабардинским коннозаводчикам, во избежание выступлений со стороны обобранных крестьян, кабардинские князья не разглашали в народе. Но, как говорится, шила в мешке нельзя было утаить. После съезда сейчас же по всей Кабарде пошли слухи, что коннозаводчики решили отобрать у крестьян Зольские пастбища.

В связи с этими слухами в настороженном крестьянстве пошло глухое волнение, которое, в связи с утверждением решения апрельского съезда царской администрацией и начавшимся кабардинскими коннозаводчиками массовым захватом участков на Зольских пастбищах, 30 мая 1913 г. вылилось в вооруженное крестьянское движение, в короткий срок охватившее большое количество кабардинских сел.

Имеющиеся в нашем распоряжении следственные материалы по Вольским событиям, к сожалению, не дают картины движения во всей ее полноте. Скупость материалов объясняется тем, что привлеченные царской администрацией к допросу непосредственные, наиболее активные участники восстания старались вообще ничего не говорить или, в крайнем случае, говорить по возможности меньше. Но как бы скупы ни были эти материалы, они тем не менее дают возможность хотя бы в общих чертах обрисовать Зольские события.

Ядро крестьянского движения зародилось в сел. Наурузово", откуда быстро стало распространяться и на другие аулы. Началось движение утром 29 мая в Бжехоковском квартале. Наиболее активными участниками и организаторами движения в Бжехоковском квартале были жители названного квартала Пшимахо Ирижев [12] и Мет Имамов [13], которые объяснили собравшемуся народу, что утвержденное царским правительством новое положение, передающее Зольские пастбища местным коннозаводчикам из числа кабардинских князей и кулаков, ставит кабардинских крестьян в безвыходное положение, а потому необходимо прогнать коннозаводчиков с Зольских пастбищ и занять их своим скотом. Отметим одну весьма любопытную, но нашедшую, к сожалению, в документах лишь глухое упоминание, деталь о том, что Пшимахо Ирижев, прежде чем собрать жителей Бжехоковского квартала, имел тайное свидание с одним приезжим человеком, который говорил Ирижеву, что «земля принадлежит всему кабардинскому народу, что народ», как хозяин, может изменять как угодно и когда угодно эти правила».

По-видимому, приезжий был опытным конспиратором и сейчас же после подавления восстания скрылся из Кабарды. Это предположение тем более кажется вероятным, что его нет в бесконечных списках лиц, привлеченных в качестве обвиняемых или свидетелей по Вольским событиям, и вообще он бесследно исчезает с поля зрения следственных материалов.

После ознакомления со следственными материалами, до известной степени вскрывающими характер и размах движения, создается определенное впечатление, что кабардинским движением 1913 г. руководила чья-то опытная рука со стороны, на что, собственно, довольно недвусмысленно намекал и начальник Нальчикского округа полк. Клишбиев, констатировавший, что «агитация к нарушению порядка велась лицами развитыми»[14].

В связи с вопросом о руководстве Зольскими событиями извне «развитыми» людьми, весьма интересно отметить неслучайный факт пребывания в то время в Кабарде С. М. Кирова, именно тогда предпринявшего «восхождение» на Эльбрус. По словам профессора И. Разгона, лучшего биографа, Киров именно во время Зольских событий «бродит по кабардинским аулам, по горным ущельям, связывается со скрывающимися в горах революционерами, вожаками кабардинской бедноты»[15]. Хотя в данный момент в нашем распоряжении пока нет документальных данных, которые бы говорили о руководящей роли С. М. Кирова в Зольских событиях, тем не менее таковая роль тов. Кирова едва ли подлежит сомнению, ибо трудно себе представить, чтобы пламенный трибун революции С М . Киров оставался в стороне от грандиозных Зольских событий.

Простые слова, обращенные через Пшимахо Ирижева к крестьянским массам Кабарды, были всем понятны и близки, а потому тут же порешили послать делегатов в соседний Атлескировский квартал с предложением присоединиться к решению бжехоковцев и на следующий же день, 30 мая, отправиться со скотом на Зольские пастбища.

Депутатами от бжехоковцев в Атлескировский квартал были Ирижев и Имамов, которые при активном содействии жителей Атлескировского квартала - Яхьи Шибзухова, Мусы и Хоруна Закуреевых и Али Бенашарова - в тот же день, 9 мая, через атлескировского квартального глашатая Салеха Пшинокова, оповестили жителей, что на 30 мая назначен общенародный сход. Следует отметить, что крестьяне Атлескировского квартала уже были подготовлены к предстоящим событиям, так как еще до прибытия депутатов от бжехоковцев среди них велась агитация за захват Зольских пастбищ жителем Бжехоковского квартала Мурзабеком Абазовым [16] и жителем Атлескировского квартала Фицей Казановым [17].

На следующий день, 30 мая, все мужское население Бжехоковского квартала двинулось в Атлескировский квартал на общественный сход, продолжавшийся очень недолго, после чего крестьяне обоих кварталов под руководством Пшимахо Ирижева и Мета Имамова приняли присягу по обычаю «Запабаш». Присяга по обычаю «Запабаш» заключалась в том, что Мет Имамов и Пшимахо Ирижев стали один против другого с поднятыми вверх руками, образуя ими арку, под которую по одному человеку проходили все собравшиеся крестьяне со словами: «Уаллахи, биллахи, таллахи! Я не отстану от общества, пойду туда, куда идут другие, умру там, где другие умрут»[18].

Клятва, принятая по обычаю «Запабаш», считалась нерушимой и равносильной клятве, принятой на Коране.

После окончания присяги, в тот же день, 30 мая, Пшимахо Ирижев отправился в Наурузовский квартал. Он выступил в мечети и предложил народу присоединиться к принятому бжехоковцами и атлескировцами решению о захвате Зольских пастбищ.

Среди крестьян Наурузовского квартала также велась предварительная агитация Мурзабеком Абазовым. Наурузовцы присоединились к решению бжехоковцев и атлескировцев, и тут же Мет Имамов привел всех к присяге по обычаю «Запабаш». Всех, кто бы не подчинился общему решению выступить с народом на Зольские пастбища, решено было не пускать в мечеть, не хоронить их покойников и вообще подвергать общественному бойкоту.

Таким образом, всеми тремя кварталами сел. Наурузово была принята присяга и единогласное решение выступить с оружием, занять своим скотом Зольские пастбища.

Параллельно с мероприятиями по организации крестьян сел. Наурузово велась активная агитация и в других кабардинских селах. Жители сел. Наурузово Талиб Хахов [19] и Хакяш

Тлепшев[20] были посланы в сел. Кучмазукино, Тамбиево I, Тыжево и Коново, в последнем между прочим Хахову и Тлепшеву большую помощь оказали Озермес Орквасов и Хаджумар Зеушев. Хахов и Тлепшев были арестованы начальником Нальчикского округа в сел. Баксане. Житель сел. Наурузово Шелеват Лампежев агитировал в Атажукино II, он имел между прочим столкновение с сельским писарем Иваном Фисаковым, не допустившим Лямпежева к телефону, когда тот хотел установить связь с Тутой Гукетловым[21], посланным для агитации в сел. Атажукино I.

Центром движения было сел. Наурузово, откуда рассылались гонцы и агитаторы во все кабардинские села с призывом присоединиться к начавшемуся крестьянскому движению, охватившему уже к 30 мая села: Наурузово, Кучмазукино, Тамбиево II, Тыжево, Атажукино-П, Атажукино-И, Коново, Ашабово, Сармаково и Каменный Мост. За неимением более полных данных, в настоящее время не представляется возможным сказать, какие кабардинские села еще были охвачены восстанием. Однако и приведенного перечня сел вполне достаточно, для того чтобы убедиться, насколько начальник Терской области, генерал Флейшер, замыкая развернувшееся грандиозное движение в рамках лишь трех кабардинских сел Наурузово, Ашабово и Тамбиево, совершенно умышленно извращал действительное положение вещей[22]„

Днем всеобщего выступления на Зольские пастбища было назначено 31 мая. В этот день все должны были в полном вооружении погнать свой скот на Зольские пастбища. И действительно, утром 1 мая народ стал собираться в сел. Наурузово, чтобы оттуда выступить вместе. В это же утро в сел. Наурузово приехал в сопровождении казаков помощник начальника 1-го участка Нальчикского округа прапорщик Докшоков, который сперва предложил, а потом призвал народ разойтись по домам. А народ не только не расходился, а, напротив, все прибывал из окрестных сел; тогда Докшоков обезоружил и арестовал несколько почетных стариков, в том числе Пата Мазанова, Увжико Гукетлова»[23], Хизыра Озрокова, Пита Бекова[24] и других. Однако возмущенный поступком Докшокова народ немедленно освободил арестованных, а Докшоков, отделавшись побоями, спасся бегством.

Инцидент с прапорщиком Докшоковым как бы послужил сигналом к всеобщему выступлению крестьянских масс, широкой волной устремившихся на Золку. Крестьяне перечисленных выше сел, вооруженные ружьями, пистолетами, лопатами, вилами, веревками и другими «землемерными» приборами, погнали скот на Зольские пастбища.

Не дремала и местная, не на шутку запуганная, окружная администрация. От сельского правительственного старшины и до начальника Нальчикского округа вся местная администрация была поставлена на ноги. Администрация попыталась своими собственными силами сдержать народные массы от наступления на Зольские пастбища. Сам лично начальник Нальчикского округа полковник Клишбиев с отрядом стражников и казаков выехал в сел. Ашабово и попытался вернуть народ обратно в аулы. Но народ в своем решении был непоколебим. «Мы захватили с собою лопаты,- ответили возбужденные массы полковнику Клишбиеву на его приказание вернуться обратно,- сами себе выроем могилы и умрем, но обратно мы не пойдем».

Прорвав живую цепь из конных стражников и казаков, избив на глазах полковника Клишбйева правительственного старшину сел. Ашабово Джанмурзу Аджиева, крестьянские массы двинулись на Зольские пастбища, на которых, вместо согнанных табунов коннозаводчиков, уже пасся крестьянский скот, охраняемый вооруженными крестьянами.

Окончательно убедившись, что своими силами не справиться со все возрастающим и принявшим угрожающий характер крестьянским движением, окружная администрация вынуждена была обратиться за помощью к областной администрации. Из Нальчикского округа, за подписью полковника Клишбйева, посыпались телеграммы одна тревожнее другой на имя начальника Терской области генерал-лейтенанта Флейшера, который не замедлил отправить в Кабарду своего старшего помощника генерал-майора Степанова, получившего от начальника области «надлежащие указания к принятию строжайших мер для восстановления спокойствия и применения, в случае надобности, воинской силы»[26].

Для подавления крестьянского движения в Кабарду были стянуты со всей области крупные воинские силы, которыми командовал начальник штаба войск Терской области генерал Чернозубов, прибывший вместе с генералом Степановым в Кабарду 2 июня. Областная администрация вместе с войсками прибыла на Зольские пастбища. Восставший народ для ведения переговоров с генералом Степановым уполномочил уже знакомого нам Пшимахо Ирижева, который от имени народа заявил генералу Степанову: «Земля Божья, и потому всякий имеет право на ней пасти скот, а у нас наши коннозаводчики отняли наши земли, и мы отнимаем у них свои же собственные земли».

Но разве такими ясными и, казалось бы, бесспорными аргументами можно было убедить в справедливости требований крестьянских масс царских генералов, призванных защищать интересы именно коннозаводчиков и кулаков?

«Земля действительно Божья,- ответил генерал Степанов народу,- но распределяет эту землю между людьми государь император, и вы обязаны подчиниться его закону»[26].

Царские генералы предложили крестьянским массам, во избежание кровавой с ними расправы, освободить Зольские пастбища и разойтись по домам.

После шестидневного упорного сопротивления восставшие крестьяне вынуждены были подчиниться требованию царских генералов.

Начавшееся 29 мая массовое движение кабардинских крестьян 6 июня 1913 г. было подавлено.

Движение 1913 г. длилось, таким образом, девять дней.

Сведения о количестве участников движения 1913 г. настолько разноречивы, что пока не представляется возможным сделать окончательные выводы. По сведениям тогдашней неофициальной прессы, в Вольских событиях принимало участие 1000 человек [27]. По словам же приказа начальника Терской области, в движении участвовало 3000 человек [28].

Производивший следствие по Зольским событиям судебный следователь 3-го участка, Моздокского отдела, в своем постановлении от 29 июля 1913 г. отмечает, что толпа, двинувшаяся на Зольские пастбища, была «весьма большой численности»[29].

Называется, наконец, и цифра в 10-12 тыс. человек.

Если принять во внимание почти поголовное участие в восстании всего взрослого мужского населения аулов: Наурузово, Тамбиево, Ашабово и частичное участие жителей сел: Кучмазукино, Тыжево, Коново, Атажукино I и Атажукино II, то придется признать, что первые две цифры, исходящие из официальных источников, умышленно занижены, а последняя, хотя более приближается к действительности, но тоже явно занижена, ибо, по словам начальника Терской области, в Зольских событиях, вышедших за переделы сел. Ашабово, Тамбиево и Наурузово, принимало участие большинство кабардинского народа, а потому «не будь со стороны власти предпринято своевременных мер для подавления беспорядков введением в пределы Кабарды достаточной воинской силы, таковые из аграрной вспышки имели все шансы разрастись в большой стихийный пожар и причинить величайшие бедствия всему кабардинскому народу»[30].

За расправу с кабардинскими крестьянами начальник Терской области ген. Флейшер приказом по области благодарил ген. Степанова, который, по словам Флейшера, «умело, быстро и решительно, благодаря твердым и энергичным приемам воздействия на толпу, ликвидировал беспорядки».

Начальник Терской области ген. Флейшер не остался в долгу и перед окружной администрацией. «Благодарю также,- писал ген. Флейшер,- начальника округа полковника Клишбиева и его ближайших подчиненных за их действия и распоряжения по пресечению и локализации возникших беспорядков, каковые действия я нашел достаточно энергичными, вполне целесообразными, своевременными и правильными»[31].

Царское правительство отнятые у крестьян Зольские пастбища закрепило за кабардинскими князьями и кулаками, которые отдавали их в аренду тем же крестьянам-общинникам за высокую арендную плату.

После разгрома движения 1913 г. по всей Кабарде наступила полоса черной реакции и репрессий. Пошли бесконечные судебные процессы, аресты и ссылки. Начальником 1-го участка Нальчикского округа капитаном Витгангом 5 июня 1913 г. было арестовано и допрошено из сел. Ашабово 23 человека. Старшим помощником начальника Нальчикского округа подполковником Петровым 7-9 июня было арестовано и допрошено из сел. Наурузово 54 человека. В Кучмазукино, Тыжево и других селах также были произведены массовые аресты. По отрывочным данным, распоряжением начальника Нальчикского округа полковника Клишбиева, за время от 8 до 14 июня 1913 г. было арестовано и посажено в Нальчикскую тюрьму из числа наиболее активных участников Зольских событий 60 человек [32] с последующей передачей следственных материалов о них судебному следователю Владикавказского окружного суда по важнейшим делам.

За время проводившихся арестов в Кабарду были стянуты внушительные воинские силы, значительная часть которых содержалась «в экзекуционном порядке за счет жителей сел. Наурузово, Ашабово и Тамбиево I»[33].

Приказом по Терской области и казачьему войску начальник Терской области ген. Флейшер пытался «разъяснить» ограбленным коннозаводчиками и царской администрацией крестьянским массам «всю преступность и беззаконье, резко сказавшихся в их самоуправных действиях... в отношении Зольских пастбищ, предоставленных на известных условиях коневодами из среды кабардинского же народа», при этом пригрозили им, что «подобные выступления преступны и нетерпимы ни в каком правовом государстве», а потому при новом повторении чего-либо подобного не только понесут наказания отдельные общества и лица, как данное время, но и весь кабардинский народ может постигнуть величайшее несчастие»[34].

По поводу движения 1913 г. действует распространенная среди кабардинских колхозников народная песня под названием «Гуэншэрыкъыдзэ», что значит «Армия, носящая обувь из сыромятой кожи», т. е. армия, состоящая из середняцко-бедняцких слоев крестьянства.

Несмотря на то что движение 1913 г. было подавлено, оно тем не менее имело огромное значение. Крестьянские массы еще лишний раз убедились, что от царского правительства, призванного защищать интересы дворян и кулаков, ничего хорошего ждать было нечего.

История движения кабардинского крестьянства в 1913 г. является лишним подтверждением бесспорности тезиса В. И. Ленина о том, что «без инициативы и руководства пролетариата крестьянство - ничто»[35]- и что, как учит нас товарищ Сталин, «крестьянские восстания могут приводить к успеху только в

том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»[38].

На фоне всей предыдущей борьбы кабардинского крестьянства против своих князей и царского правительства становится понятной та исключительная активность, которая была проявлена им в борьбе за Великий Октябрь, навсегда освободивший трудящихся от векового рабства и предоставивший ему все возможности культурно-экономического и политического развития.

Кабардинский народ твердо знает, что своими огромными достижениями в области строительства он обязан ленинско-сталинской национальной политике, неуклонно проводимой большевистской партией под мудрым руководством великого Сталина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин И.* К десятилетию «Правды» // Пролетарская печать - орудие социалистического строительства. М., 1932. С. 37.

[2] *Ленин В. И.* Соч. Т. 17. С. 395.

[3] Там же. С. 123. Подчеркнуто Лениным.

[4] *Ленин В. И.* Соч. Т. 16. С. 89.

[5] Терек от 29 марта 1913 г. № 4571; ср.: Терские ведомости от 10 апр. 1913 г. № 81.

[6] *Кокиев Г.* Крестьянская реформа в Сев. Осетии. Орджоникидзе, 1940. С. 175.

[7] *Кануков А. А.* Законодательные акты. Владикавказ, 1914. С. 12.

[8] Там'же. С. 14.

[9] Там же. С. 17.

[10] Терек от 11 июня 1913 г. № 4629.

[11] После революции переименовано в Кызбурун II.

[12] Пшимахо Ирижев был главным руководителем восстания. Был осужден к ссылке, откуда вернулся после Февральской революции. Несмотря на свой преклонный возраст, Пшимахо принимал активное участие в Гражданской войне в качестве красного партизана, за что в 1918 г. в возрасте 68 лет расстрелян в Нальчике белобандитами Серебрякова.

[13] Имамов умер в 1926 г. в возрасте 73 лет. Дети Имамова - колхозники и живут в Кызбуруне II.

[14] Приказ нач. Нальчикского округа от 7 июня 1913 г. за № 14.

[16] *Разгон И.* Биографический очерк С. М. Кирова. 1938. С. 29. Факт пребывания С. М. Кирова в период Зольских событий в Кабарде и знакомство его с вожаками кабардинских крестьян отмечен между прочим и в самом последнем издании биографического очерка С. М. Кирова. (См.: Краткий биографический очерк С. М. Кирова, изд. ЦК ВКП(б), 1941. С. 23).

[16] В Гражданской войне - красный партизан, за что расстрелян в 1919 г. белобандитами Серебрякова.

[17] Живет в Кызбуруне II, колхозник-стахановец.

[18] Госархив Сев.- Осет. АССР. Историко-революционное движение. 1915. Дело по описи №8/119, №25, л. 115. . . . . " ' ' ''''

[19] Умер в 1925 г.

[20] Умер в Кызбуруне II, колхозник. В Зольских событиях поддерживал связь между восставшими селами и руководителем восстания - Пшимахо Ирижевым.

[21] В 1919 г., как красный партизан, расстрелян белобандитами Серебрякова.

[22] Терские ведомости от 20 июня 1913 г. № 130. Приказ нач.Терской области № 875; ср.: Терек от 21 июня 1913 г. № 4638.

[23] В 1919 г. расстрелян белобандитами Серебрякова.

[24] Умер в 1939 г. в возрасте 83 лет в Кызбуруне II.

[26] Приказ нач. Терской области ген. Флейшера за № 875 // Терские ведомости от 20 июня 1913 г. № 130.

[26] Архив Сев.-Осет. АССР. Ф. История революции, 1915, д. 25. л. 140.

[27] Терек от 5 июня 1913 г. № 4624.

[28] Терские ведомости от 20 июня 1913 г. № 130.

[29] Архив Сев.-Осет.АССР. Ф. История революции. 1915. № 25, л. 62.

[30] Приказ нач. Терской области от 10 сентября 1913 г. № 1416. С. 2, 3.

[31] Приказ нач. Терской области // Терские ведомости от 20 июня **1913** г. № 130.

[32] Архив Сев.-Осет. АССР. Ф. История революции. 1915, д. 25, л. 53.

[33] Приказ нач. Нальчикского округа от 7 июня 1913 г. № 14.

[34] Приказ нач. Терской области от 10 сент. 1913 г. за № 1416.

[35] *Ленин В. И.* Соч. Т. 12. С. 511.

[36] Беседа тов. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом. С. 9.

Нальчик, 1946. С. 1-20.

БОРЬБА КАБАРДИНСКОЙ БЕДНОТЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ (1917-1921)

Революция в России не победила бы, а Колчак с Деникиным не **были** бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи.

Сталин

Предисловие и редакция
Н. П. Мазана

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемый труд профессора Г. А. Кокиева «Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть» представляет большой интерес для советских читателей.

В книге описывается период с 1917 г., т. е. с момента Великой Октябрьской социалистической революции, и по 1921 г., т. е. до момента образования Кабардинской Автономной области.

Этот период в истории кабардинского народа меньше всего разработан, и особенно он плохо известен молодежи, которая выросла за годы Советской власти и не была живым свидетелем этих событий. Буржуазные националисты в прошлом фальсифицировали вопросы Гражданской войны на Северном Кавказе и сознательно запутывали вопросы борьбы бедноты за Советскую власть. Профессор Г. А. Кокиев на обширном фактическом материале, на ряде убедительных фактов и примеров показывает, как горская беднота под руководством партии большевиков боролась против кабардинских князей, местной национальной буржуазии и деникинских банд. Трудовое крестьянство Кабарды до Великой Октябрьской социалистической революции не один раз выступало против своих угнетателей. Особенно сильным было аграрное движение кабардинских крестьян в 1913 г., связанное с отбиранием у них земли на Вольских пастбищах кабардинскими князьями [1].

Длительная неутомимая работа пламенного большевика Сергея Мироновича Кирова на Северном Кавказе давала свои плоды. Товарищ Киров проводил большую революционную работу среди горской бедноты. Он призывал кабардинскую бедноту на борьбу против местных феодалов, за свержение царского самодержавия и феодальной знати и установление Советской власти. Вот почему трудовое крестьянство Кабарды с великой

радостью встретило известие об установлении Советской власти в Центре.

Кабардинская беднота, как это показывает в своей книге профессор Г. А. Кокиев, активно боролась за Советскую власть, как за самую близкую, родную, народную власть.

Тяжелое положение было на Северном Кавказе в 1919 г., когда деникинской реакции удалось временно победить. В это время, находясь в тылу деникинских войск, лучшая часть кабардинской бедноты организовывалась в партизанские отряды и наносила удары по деникинским бандам. В марте 1920 г. ударами Красной Армии и красных партизан Северный Кавказ, в том числе и Кабарда, окончательно были очищены от белогвардейщины. Прочно и навсегда победила Советская власть на Северном Кавказе.

Особенным достоинством книги профессора Г. А. Кокиева является то обстоятельство, что в ней последовательно в хронологическом порядке, правдиво и объективно описан ход Гражданской войны на Северном Кавказе и в Кабарде, причем показана не только борьба кабардинской бедноты за Советскую власть, но и борьба других народов, населяющих Северный Кавказ.

В достаточной степени освещена роль большевистской партии, как вождя и организатора борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе. В ходе описания войны на Северном Кавказе много уделено внимания руководителям борьбы с белогвардейщиной, организаторам горской бедноты С М . Кирову и Г. К. Орджоникидзе. Отражена руководящая роль русского рабочего класса в революционной борьбе кабардинской бедноты.

Большой интерес представляет раздел книги о создании Горской автономной республики. Создателем этой республики является наш вождь товарищ Сталин, который 17 ноября 1920 г. провозгласил Декларацию об образовании Горской республики и в своей речи наметил конкретную программу работы молодой Советской республики.

Книга заканчивается описанием выделения Кабарды из Горской республики и образования 1 сентября 1921 г. при ближайшем участии товарища Сталина, находившегося тогда в Нальчике, Кабардинской Автономной области.

Кабардинская АССР сейчас находится накануне своего 25-летия. 1 сентября 1946 г. народы Кабарды будут праздновать 25-летний юбилей своей автономии. Книга профессора Г. А. Кокиева является хорошим подарком трудящимся Кабарды.

Оглядываясь на трудности борьбы в прошлом и на славный путь, пройденный кабардинским народом за 25 лет, трудящиеся Кабардинской АССР еще лучше и полнее оценивают величественные плоды Советской власти и увереннее идут в светлое будущее под руководством коммунистической партии и нашего мудрого вождя и учителя товарища Сталина.

БОРЬБА КАБАРДИНСКОЙ БЕДНОТЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ (1917-1921)

I

Процесс проникновения капитализма в горскую деревню начался в середине XIX в., вслед за политическим завоеванием Северного Кавказа, но особенно он усилился после окончания крестьянской реформы, проведенной в горских областях Северного Кавказа в 1867 г.

Процесс капиталистического развития горских народов непосредственно связан с общим развитием капитализма в царской России, капиталистическая промышленность, которой в дореформенный период, наполнив рынки Центральной России, уже не могла удовлетвориться прежними их размерами, а потому стала «искать себе рынок дальше, среди того нового населения, которого колонизировало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.»[2]

Основными признаками капиталистической колонии К. Маркс и В. И. Ленин считали наличие свободных, легко доступных переселенцам земель и сложившееся мировое разделение труда, дающее колониям возможность специализироваться на массовом производстве продуктов сельского хозяйства, шедших в обмен на промышленные изделия метрополии.

Эти основные признаки капиталистической колонии приложимы ко многим окраинам бывшей царской России, и в частности к Кавказу, в отношении которого В. И. Ленин указывал, что хотя экономическое завоевание его произошло значительно позже, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не было закончено даже к концу XIX в., тем не менее понятие капиталистической колонии было полностью приложимо к нему.

В горских областях Северного Кавказа русский капитализм застал довольно сложный социально-экономический переплет, начиная от почти нетронутых патриархально-родовых отношений и кончая вполне сложившимся феодально-крепостническим строем с некоторыми даже элементами разложения.

Таким образом, поскольку «капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а империализм - по отношению к домонополистическому капитализму»[3], на долю русского капитализма выпала объективно-прогрессивная роль в деле разложения родовых и феодально-крепостнических порядков в горских областях Северного Кавказа и переключения этих областей на путь капиталистического развития.

Проникновение русского капитализма в районы, населенные горцами, происходило неравномерно. В 80-х гг. XIX в. влияние русского капитализма в Северо-Восточном Кавказе было минимально, в то время как на Центральном Кавказе, населенном осетинами и кабардинцами, оно было достаточно сильно. И кабардинцы, и осетины к указанному времени были уже вовлечены в орбиту русского капитализма.

Различная степень капиталистического влияния метрополии в горских областях объясняется тем, что горские племена были покорены царизмом разновременно, а к тому же они накануне завоевания царизмом находились на разных ступенях социально-экономического развития. Горцы Северо-Восточного Кавказа накануне завоевания и даже значительно позже находились на стадии родового строя с некоторыми, быть может, элементами классовой дифференциации, постепенно разлагавшими изнутри родовые порядки. Еще в 1918 г. С. М. Киров о горцах Северо-Восточного Кавказа писал, что они «во всей своей истории совершсенно не знали, что такое сословия, и только в самые последние десятилетия они познакомились со своей буржуазией»[4]. То же самое писал о них и тов. Орджоникидзе, который указывал, что среди горцев Северо-Восточного Кавказа «мало заметна классовая дифференциация и народ представляет одно целое»[5].

Иную социально-экономическую обстановку застала царская Россия даж;е в начале XIX в. в Кабарде и Осетии. В первой четверти XIX в. патриархально-родовые порядки для кабардинцев и осетин в основном уже были пройденным этапом. Накануне завоевания кабардинцы и осетины уже имели у себя сложившийся феодально-крепостнический строй со всеми типичными для данной общественной формации явлениями. Любопытно в этой связи высказывание тов. Орджоникидзе, который в 1919 г. в своем докладе Совнаркому РСФСР о положении на Северном Кавказе о кабардинцах писал, что «этот народ единственный из горцев Терской области, если не считать осетин, который имеет крупных помещиков, дворян и князей»[6].

Таким образом, на Северном Кавказе кабардинцы и осетины в своем социально-экономическом развитии пошли дальше, чем их соседи. После же крестьянской реформы, под влиянием русского капитализма, и кабардинцы, и осетины пошли по пути капиталистического развития.

В Кабарде капитализм развивался и в сельском хозяйстве, и в промышленности. В результате капиталистического развития кабардинской деревни сельское хозяйство стало приспособляться к запросам рынка. Древнейшей и весьма популярной среди кабардинцев зерновой культуре - просу - на смену шла новая культура - кукуруза, на которую рынок предъявлял большой спрос. Вот динамика роста и падения других зерновых культур в Кабарде за последние десять лет перед Первой мировой войной [7]:

21 Заказ № 106

Годы	Посеяно 1 четвертей^				Собрано (четвертей)			
	Озимая пшеннца	Яровая пшеница	Кукуруза	Просо	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Кукуруза	Просо
1900	5574	1484	3808	8994	58 647	7652	85 592	65 073
1901	4768	1814	4194	8851	20 906	8053	86 405	65 460
1902	6158	1670	4809	7626	89 855	10 866	76 773	54 080
190S	4959	2123	5126	8716	29 891	12 294	120 975	67 455
1904	5269	1651	4673	8434	24 758	6814	100 092	52 742
1905	10 118	1249	8958	10 74 2	57 047	8784	104 694	114 123
1906	10 61 8	1427	9507	13 123	46 631	5496	170 891	130 985
1907	11 826	2198	10 54 8	14 684	53 897	5712	141 482	139 213
1908	9150	1987	10 762	15 806	42 209	6996	190 689	142 407
1909	7046	1849	11 490	14 149	45 436	10107	178 546	143 050
1912	17 976	2987	12 741	13 062	116 301	12 421	148 822	130 158
1918	84 120	4917	14 058	18 880	93 670	11 204	152 019	145 793

Из приведенной таблицы видно, что основными зерновыми культурами, производимыми кабардинцами, сделались пшеница и кукуруза, на которые со стороны капиталистической метрополии был усиленный спрос. Кукуруза в большом количестве шла на спиртоводочные и крахмальные заводы метрополии. Что касается проса, этой любимой для кабардинца зерновой культуры, то оно постепенно вытеснялось кукурузой и, в конце концов, засевалось в весьма ограниченном количестве исключительно для потребительских целей.

В связи с развитием капитализма в сельском хозяйстве из кабардинских князей и дворян появились крупные посевщики зерна, органически связанные с русским капитализмом и ежегодно вывозившие на рынки метрополии значительное количество хлеба. К сожалению, в нашем распоряжении нет цифровых данных о количестве хлеба, ежегодно вывозившегося из Кабарды. Некоторые отрывочные данные, относящиеся, правда, ко всей Терской области, говорят о том, что вывоз хлеба был весьма значительным[8].

Годы	Количество вывезенного в Россию хлеба из Терской области (в пудах)	Количество ввезенных в Терскую область русских товаров (в пудах)
1900	18 164 611	15 807 873
1901	16 368 549	15 559 417
1902	16 117 080	18 913 579
1903	15 809 023	20 715 038
1904	23 354 738	20 853 474

Приведенные данные неопровержимо говорят о том, что в горских областях Северного Кавказа происходила широкая распашка земли крупными помещиками, производившими на продажу пшеницу и кукурузу, а одновременно «шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота, серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия»[9]. Постепенно «русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности - остаток старинной патриархальной замкнутости, создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея»[10].

Следует далее отметить, что под напором русского капитализма в Кабарде зарождается и получает свое дальнейшее развитие местная промышленность, в последние двенадцать лет перед Первой мировой войной представлявшая собою следующую картину[11]:

Годы	Известковых предприятий:	Гончарных, кирпичных и черепичных пред.	Маслобойных, свечных, лесопильных зав-в	Водяных и ветряных мельниц	Других заводов и фабрик	Всех	Рабочих во всех предприятиях	Сумма производства (в руб.)
1900	7	7	3	317	8	342	423	41 666
1901	7	13	3	284	-	307	376	35 660
1903	7	18	5	316	3	361	469	68 792
1904	10	11	3	367	3	388	486	83 430
1906	9	21	7	370	3	410	682	106 936
1906	11	26	7	360	1	396	476	106 488
1907	12	27	7	368	2	404	607	114 488
1908	7	2	2	362	-	389	641	186 406
1909	9	26	7	342	2	386	610	187 643
1911	26	27	-	362	-	420	774	681 683
1913	27	37	2	342	4	414	764	366 936
1914	22	36	2	299	8	378	700	302 292

Нетрудно заметить медленный количественный рост промышленных предприятий Кабарды, которые носили кустарный характер. Максимальное количество промышленных предприятий Кабарды и занятых в них рабочих падает на 1911 г., когда в Кабарде насчитывалось всего 420 предприятий с общим количеством рабочих в 774 человека. На каждом предприятии было не более одного-двух рабочих, что указывает на карликовый характер промышленных предприятий, но число занятых в них рабочих медленно, но неуклонно росло. Особенно интенсивно росла сумма производства предприятий, которая в 1900 г. составляла 41 565 руб., и уже в 1913 г. она составляла 181 583 руб. Такое резкое повышение суммы производства за двенадцать лет при незначительном увеличении количества промышленных предприятий и увеличении количества рабочих меньше чем в два раза говорит о максимальном усилении эксплуатации рабочих, занятых на этих предприятиях.

Промышленные предприятия Кабарды имели типичные для колониальной промышленности черты.

В связи с развитием капитализма в кабардинской деревне развивалась торговля, которая сосредоточивалась в руках деревенской буржуазии, беспощадно эксплуатировавшей крестьянскую бедноту.

Вот статистические данные, характеризующие динамику количественного роста торговцев в кабардинской деревне и их оборотных капиталов [12]:

Годы	Число торговцев	Сумма оборотного капитала (в руб.)
1900	328 '	604 500
1901	361	280 735
1902	397	396 320
1903	467	345 175
1904	466	377 797
1905	606	458 872
1906	580	428 995
1907	633	483 279
1908	722	631 991
1909	705	592 787
1912	724	1 293 816
1913	825	1 647 474
1914	825	1 571 503

За тринадцать лет, как мы видим, количество торговцев и сумма их оборотных капиталов увеличились почти в три раза. Это были мелкие торговцы, скупавшие у деревенской бедноты за бесценок хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Но для деревенского бедняка эти мелкие торговцы представляли собою страшную силу, «страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь по одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление»[13]. В то же время «власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии»[14]. Превращавшиеся капиталистическим расслоением деревни в сельских пролетариев и полупролетариев кабардинские крестьяне, отрываясь от земледелия, частично вовлекались в местное промышленное производ-

ство основная же их масса эксплуатировалась в крупных кулацких хозяйствах капиталистического типа.

Разоренная сельскими кулаками и помещиками кабардинская беднота не в состоянии была уплачивать многочисленные подати и налоги, которыми она облагалась царской администрацией. Приводимые цифровые данные, которые мы взяли из ежегодных отчетов начальника Терской области, дают достаточное представление о систематическом нарастании недоимок в Кабарде по государственным налогам:

Годы	Задолженность	
	руб.	коп.
1900	12 930	67
1901	26 530	65
1902	22 707	15
1903	44 355	32
1904	46 695	65
1905	82 886	28
1906	87 747	64
1907	89 996	71
1908	96 689	20
1909	232 735	78
1910	сведений	
1911	нет	
1912	105 258	40
1913	178 848	98
1914	113 542	02

Из сказанного видно, что накануне Первой мировой войны в кабардинских селах шел интенсивный процесс расслоения крестьянства на капиталистической основе. В кабардинских селах «из наиболее зажиточных крестьян выделялась кулацкая верхушка - деревенская буржуазия, а с другой стороны - многие крестьяне разорялись, увеличивалось количество крестьянской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев. Количество же средних крестьян с каждым годом уменьшалось»[15]. О постепенном отмирании средней группы крестьян и об усилении, напротив, за счет этой группы крайних членов В. И. Ленин писал, что «крестьянская буржуазия оттесняет не только низшую, но и среднюю группу крестьянства. Таким образом, происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымирание средних членов и усиление крайностей - раскрестьянивание »[16].

Капиталистическое развитие кабардинской деревни расслоило крестьянство на массу разорившихся и превратившихся в сельских пролетариев и полупролетариев и количественно небольшую кучку сельских кулаков, сосредоточивших в своих руках крестьянские земли и беспощадно эксплуатировавших деревенскую бедноту.

Класс сельских пролетариев и полупролетариев является самым передовым и революционным классом, о котором В. И. Ленин писал, что «действительным революционным классом, при всех и всяких условиях, до конца революционным классом может быть и в деревне лишь сельский пролетариат»[17].

Глубокая классовая дифференциация в кабардинской деревне содействовала усвоению деревенской беднотой лозунгов революции.и непримиримой классовой борьбы.

Революция 1905 г. всколыхнула широкие крестьянские массы Кабарды. Революционное движение в Кабарде развернулось на основе тяжелого экономического и правового положения крестьянских масс.

В революции 1905 г. кабардинские трудящиеся массы были связаны с Минераловодским революционным центром, где после получения пресловутого царского манифеста, обещавшего народу «все свободы», было избрано из рабочих-железнодорожников «забастовочное бюро Владикавказской железной дороги», которым руководил старый рабочий — машинист Бак люков.

Большое внимание было уделено организации революционных боевых дружин и агитационно-массовой работе среди трудящихся масс.

Центром политической массовой работы являлись происходившие почти ежедневно в Пятигорске митинги, которые собирали десятки тысяч народу. На этих митингах можно было видеть представителей всех горских народов, которые приезжали на арбах из отдаленных горских аулов, нередко за 200 и больше километров специально за тем, чтобы послушать речи агитаторов о земле и самим рассказать о своих крестьянских нуждах.

На эстраду одного митинга в Пятигорске выходит старый кабардинец - представитель Кабарды. В руках он держит красное знамя. Его окружают одноаульцы, приехавшие с ним из дальнего кабардинского аула на митинг.

- Я приехал из Кабарды,- сказал старик,- до которой дошли слухи, что русский народ поднялся за «землю и волю» народную, что он хочет с себя сбросить тяжелое ярмо сплошного гнета и произвола. Мы - дети природы, любители свободы, свободной жизни - не можем жить скованными - это противоестественно. Меня прислали мои собратья выразить вам свое искреннее пожелание скорейшего осуществления ваших идеалов и предложить вам свою помощь[18].

Речь старого кабардинца покрылась громом аплодисментов и пением «Марсельезы». А спустя несколько дней для оказа-

ния помощи основному революционному фронту в Пятигорск приехало большое количество кабардинцев записаться добровольцами в военно-революционные дружины. Было решено вооружить кабардинцев и осетин и начать наступление на Георгиевский военный арсенал. Однако наступление наиболее реакционной части кубанских казаков на Пятигорск сорвало намеченный план захвата Георгиевского арсенала.

С занятием Пятигорска правительственными войсками и объявлением Терской области на военном положении революционное движение на Тереке пошло на убыль.

В кабардинских селах, в которых от царской охранки скрывались руководители революционного движения в Пятигорском районе - Орлов и Коршунов,- начались обыски, аресты, высылки и контрибуции.

Особенно сильно пострадали от карательных отрядов царских войск села Малой Кабарды.

Вот что писали в своем заявлении жители сел. Ахлова наместнику Кавказа:

«По распоряжению временного генерал-губернатора Терской области, в ноябре 1906 г. в Малую Кабарду был послан карательный отряд под начальством чинов Моздокского отдела с орудиями...

Отряд этот разъезжал из селения в селение, производил крупные взыскания, разорил несколько дворов, выстрелами из орудий навел на все наше мирное кабардинское население полнейший страх, внес чувство глубокой обиды в сознание всего кабардинского народа, мирно уживавшегося десятки лет со всем окружающим его населением. Во всех десяти малокабардинских селениях начальник отряда требовал выдачи порочных членов общества и заставлял сельские сборы выбранных писать приговоры о выдаче тех или других лиц под угрозой расстрела из орудий и взыскания с общества больших сумм в виде штрафа и на прокормление отряда, причем сам назначал даже количество лиц, надлежащих выдаче в том или другом селении, в одном - больше, в другом - меньше, чем он руководствовался - неизвестно.

Свыше ста человек карательный отряд увел с собой в Моздокскую тюрьму. Такие незаконные действия и такое массовое внезапное разорение десятков дворов вызвало протест...»

И в заключение ахловцы просили наместника «войти в положение семейств и сирот от этого жестокого наказания кормильцев жителей сел. Ахловского Аслана Унежева, Ахметхана Богатырева, Гура Кожаева и Бета Каражева, чем спасете близких им лиц от голодной смерти и полного разорения»[19].

Революция 1905 г. была подавлена жестокими мерами, но это не удержало кабардинских крестьян от грандиозного движения, развернувшегося в Кабарде в **1913** г.

Аграрное движение 1913 г. явилось непосредственным результатом проведения в жизнь в условиях Кабарды столыпинской аграрной реформы, сводившейся к концентрации отнимаемых у крестьян земель в руках кабардинских помещиков и кулаков.

История этого движения сводится к тому, что кабардинские князья совместно с кулачеством при активной поддержке царской администрации отняли и распределили между собой крестьянские Зольские пастбища. Среднее и беднейшее крестьянство, лишившись Вольских пастбищ, оказалось в катастрофическом положении. Ограбленное крестьянство выступило против постановления царской администрации о передаче Зольских пастбищ кабардинскому кулачеству. Начавшееся 29 мая 1913 г. крестьянское движение, охватившее почти всю Кабарду, 6 июня того же года было подавлено правительственными войсками. Отнятые у кабардинского крестьянства Зольские пастбища царское правительство закрепило за кабардинскими князьями и кулаками, которые отдавали их тем же крестьянам за высокую арендную плату.

Несмотря на то что аграрное движение 1913 г. было подавлено, оно, тем не менее, имело огромное революционизирующее для крестьянских масс значение. Крестьяне лишний раз убедились, что от царского правительства, защищавшего интересы князей, дворян и кулаков, ничего хорошего нельзя было ждать[20].

История крестьянского движения 1913 г. является ярким подтверждением бесспорности тезиса Владимира Ильича Ленина о том, что «без инициативы и руководства пролетариата крестьянство - ничто»[21], и что, как учит нас товарищ Сталин, «крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»[22].

Уроки неудачного восстания 1913 г. были учтены в революции 1917 г., одержавшей под руководством большевистской партии Ленина - Сталина всемирно-историческую победу.

II

Накануне Февральской революции в Кабарде не было промышленного пролетариата. Поэтому внутренней базой социалистической революции и Советской власти в Кабарде являлись трудящиеся и эксплуатируемые крестьянские массы, для которых идеи Советской власти и социалистической революции были близки и понятны. Еще В. И. Ленин указывал, что «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле... Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным от-

ношениям»[23]. Конкретные условия, в значительной мере способствовавшие поднятию классового самосознания и революционного духа крестьянских масс Кабарды, примерно были таковы. Вскоре после Февральской революции во Владикавказе организовался контрреволюционный «Центральный комитет союза объединенных горцев», который, по мысли организаторов, должен был объединить всех горцев Северного Кавказа для вооруженной борьбы с революционным движением.

Организации «Союза горцев» предшествовал общегородской съезд (14 мая 1917 г.), состоявший из кулаков, белых офицеров, князей, мулл и попов. Трудящиеся массы горцев на съезде представлены не были.

Чтобы судить о классовой природе и политической платформе, а следовательно, об отношении горской бедноты к этому «Союзу», достаточно сказать, что руководителями его на контрреволюционном помещичье-кулацком съезде были избраны: миллионер Топа Чермоев, крупный помещик князь Капланов, князь Алхазов, крупный кабардинский коннозаводчик Пшимахо Коцев и крупный осетинский спекулянт Асланбек Бутаев.

Контрреволюционный «Союз горцев» пропагандировал идею отторжения горских народов от России, от русского рабочего класса и его революционного движения - идею создания «независимого» горского революционного движения - идею создания «независимого» горского контрреволюционного государства. В 1918 г. в декларации, переданной через германского посла в Москве графа Мирбаха Комиссариату по иностранным делам РСФСР, председатель марионеточного горского правительства Чермоев и министр иностранных дел Гайдар Бамматов открыто заявили, что «Союз горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство» в составе Дагестана, Терека, Ставропольщины, Кубани и Черноморья. Горская буржуазия стремилась ограничить революционное движение трудящихся горских масс рамками буржуазной революции и ставила своей ближайшей задачей образование буржуазного национального государства. В то время «речь шла об освобождении от царизма, как «основной причины» национального гнета, и образовании национальных буржуазных государств. Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования «своего» национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов»[24].

Контрреволюционные деятели из «Союза горцев» запугивали отсталые горские массы, что демобилизованные русские солдаты Кавказского фронта будут разрушать на Кавказе все нем русское, что все «азиаты» будут перерезаны, а села их уничтожены. А потому-де единственное спасение горцев — в объединении мусульман-горцев. Так контрреволюционная горская буржуазия в своих классовых интересах, под различными лозунгами прикрывая свои классовые побуждения, сеяла семена раздора и вражды между трудящимися горцами и русскими крестьянами, переодетыми в солдатские шинели.

Однако основной своей задачей «Союз горцев», руководимый контрреволюционной горской буржуазией, ставил непримиримую борьбу с большевиками.

Июльские дни в Петрограде в 1917 г. заставили насторожиться все контрреволюционные, силы горцев, а октябрьский переворот в центре привел их в сильное движение. Убедившись в развороте революции в центре, горские контрреволюционные силы в целях мобилизации своих сил стали прибегать к различным политическим комбинациям. Горская контрреволюционная буржуазия стала искать новых союзников против нараставших внутренних революционных сил и внешней «большевистской опасности». Отсюда и вырос так называемый «Юго-Восточный союз», куда вошли все контрреволюционные верхи казачества во главе с атаманом Карауловым и «Союзом объединенных горцев».

«Юго-Восточный союз» 28 ноября 1917 г. декларировал, что «развал центральной государственной власти и быстро развивающаяся анархия» вынудили горцев «организовать свою собственную власть на началах самоуправления», а «для защиты общих интересов образовать союз во главе с объединенным правительством».

Политический смысл образования контрреволюционного «Юго-Восточного союза» заключался в том, чтобы создать по возможности мощный контрреволюционный блок против революции и сохранить прежние экономические и политические привилегии казачьих верхов и горской буржуазии.

Почти одновременно казачьи и горские контрреволюционные силы, опираясь на буржуазно-помещичьи и кулацкие элементы, организовали так называемое Терско-Дагестанское правительство, которое, отозвав с фронта части Дикой дивизии и казачьи полки, приступило к вооруженной борьбе с разворачивавшимся революционным движением на Тереке, разжиганию национальной между горцами вражды и распространению гнусных слухов, дискредитирующих большевиков и Советскую .власть. Когда же Владикавказский Совет рабочих и солдатских депутатов 30 декабря 1917 г. постановил «признать Советскую власть, подчиниться распоряжениям Совета Народных Комиссаров», казачье-горские контрреволюционеры ночью напали на Совет и арестовали Президиум Совета во главе с председателем тов. Буачидзе. Владикавказская большевистская организация вынуждена была уйти в подполье.

В связи с объединением казачье-горской контрреволюционной буржуазии под главенством кадета Караулова, ранее увлеченные «Союзом», Терско-Дагестанским правительством горские массы отхлынули от казачье-горского контрреволюционного блока, которые защищали не интересы трудящихся масс, а интересы помещиков и буржуазии.

Такова примерно была конкретная политическая обстановка на Тереке в период Февральской революции, заставшая трудящиеся массы Кабарды врасплох. Трудящиеся массы Кабарды накануне и в период Февральской революции не имели своей собственной политической организации, которая могла бы возглавить и направить стихийно возникавшее движение крестьянской бедноты на рельсы классовой борьбы. В Кабарде не было и революционно-демократической интеллигенции, которая способствовала бы пробуждению классового самосознания крестьянской бедноты. Зато в Кабарде была старая, довольно сильная феодально-дворянская интеллигенция, оторванная от кабардинских народных масс и тесно связанная, напротив, своей военной службой с царской Россией. Правильно подметил тов. Орджоникидзе, что «у горцев, кроме большого количества офицеров, почти отсутствует интеллигенция»[25]. Чуждая классовым задачам трудящихся масс Кабарды, старая феодально-дворянская интеллигенция, изменив народу, обеими руками ухватилась за контрреволюционный горский «Союз»; трудящиеся массы оказались в состоянии брожения.

Решающую роль в организации горской бедноты, и в частности кабардинской, сыграла владикавказская большевистская организация, руководимая в то время С. М. Кировым и старым закаленным большевиком Ноем Буачидзе, которые на Моздокском съезде народов Терека, состоявшемся 25 января **1918** г., сыграли исключительную роль в деле заложения основ первой революционной власти на Тереке. На Моздокском съезде большевикам удалось в исключительно тяжелых условиях организовать социалистический блок, которым руководил С М . Киров.

В состав социалистического блока входили: большевики, меньшевики, эсеры и осетинские керменисты. По условию блока, меньшевики и эсеры отказывались от агитации в пользу Учредительного собрания, а большевики - от агитации в пользу немедленного установления Советской власти в таком виде, в каком она уже существовала в Центральной России. Создание социалистического блока следует рассматривать как необходимый тактический шаг, продиктованный исключительно сложной и предельно накаленной политической обстановкой, существовавшей в то время на Тереке.

Социалистический блок ставил своей задачей объединение всех революционных сил горских народов для борьбы против казачье-горской контрреволюции и организацию революционной власти на Тереке. Немало усилий было приложено большевиками для осуществления этих важнейших задач. «Если нам не удастся объединить Вас теперь,- говорил в своем выступлении тов. Ной Буачидзе,- то вы придете к этому путем новых страданий и ошибок, через неделю, через месяц. Когда мы приехали на съезд, нам говорили: если вы посмеете заговорить о мире, казаки вас растерзают. Мы решили: нас много терзали, пусть пострадаем и теперь, но выполним свой долг. Наша политика - служение народу и эту идею мы вкладываем в создание народной временной власти... Подходящим названием этой власти будет Терский Народный Совет. Эта власть создает из своей среды исполнительный орган. Его можно назвать Терским Народным Комиссариатом»[26].

Таким образом, на Моздокском съезде тов. Буачидзе очертил контуры первой революционной власти на Тереке, получившей окончательное оформление на II съезде народов Терека, состоявшемся 15 февраля 1918 г. в гор. Пятигорске.

Моздокский и Пятигорский съезды имели своим результатом резкое обострение в Кабарде классовой борьбы. По-разному восприняли и реагировали на эти съезды кабардинская беднота и княжеско-дворянская клика. По случаю II съезда народов Терека, состоявшегося 15 февраля **1918** г., по всей Кабарде происходили многолюдные митинги и манифестации солидарности трудящихся масс, а также была послана приветственная телеграмма в Областной Народный Совет в Пятигорске[27].

Совершенно другую реакцию вызвали Моздокский и Пятигорский съезды у кабардинских князей и дворян, которые от имени Нальчикского контрреволюционного окружного исполкома, вопреки революционному настроению присутствовавших на съезде представителей трудящихся масс Кабарды, прислали на съезд провокационную телеграмму следующего содержания: «Нальчикский окрисполком заявляет, что народ разделяет убеждение Терско-Дагестанского правительства, что только краевое учредительное собрание может создать истинную власть, а не митинговое моздокское собрание. Одновременно исполком заявляет, что на Пятигорском съезде делегаты от кабардинцев не обладают полномочиями правильно выборных по четырехчленной системе и пропорциональности населения; что отсутствие на съезде целых народностей и их протесты усугубляют неправомочность съезда разрешать вопросы, касающиеся всей области»[28].

По предложению председателя съезда тов. Анджиевского, телеграмма была передана для обсуждения и представления заключения кабардинской фракции, которая на следующий день представила одобренный съездом текст ответной телеграммы такого содержания: «Принимая во внимание, что облисполком и облкомиссар давно потеряли всякое доверие в глазах кабардинского народа, считать членов исполкома врагами народа и злостными клеветниками, а действия их - провокационными»[29].

Разумеется, иного отношения со стороны кабардинских княжеско-дворянских и кулацких элементов к Моздокскому и Пятигорскому съездам не могло быть. Эти съезды разрешали такие вопросы, которые полностью отвечали интересам трудящихся масс и, напротив, в корне расходились с классовыми интересами княжеско-дворянской клики. Основными вопросами Пятигорского съезда были разработка конституции Терской Народной Республики и вопрос о социализации земли. Резолюции съезда по этим вопросам среди кабардинских князей и дворян произвели впечатление взорвавшейся бомбы.

Представители горской, и в частности кабардинской, бедноты на Пятигорском съезде заявили, что они приехали искать свои человеческие права и требовать возврата отцовских земель, отнятых у них царскими администраторами и казачье-горскими помещиками. Горские делегаты далее заявили, что эти их требования способны осуществить только Советская власть и партия большевиков.

На Пятигорском съезде социалистический блок распался. Правые эсеры и меньшевики начали резко выступать против большевиков; левые эсеры и интернационалисты еще некоторое время плелись за большевиками, а потом и они оказались в стане контрреволюционных казачьих атаманов и горских помещиков.

На II съезде народов Терека были избраны Терский Народный Совет и Совет Народных Комиссаров.

Терская Народная Республика объявила себя составной частью РСФСР, учрежденной на основе свободного союза свободных наций.

Терско-Дагестанское правительство предложило Пятигорскому народному съезду немедленно разъехаться. В ответ на такой ультиматум Пятигорский съезд предложил Терско-Дагестанскому правительству сложить свои полномочия, а сам переехал из Пятигорска во Владикавказ.

Так бесславно закончило свое позорное существование контрреволюционное Терско-Дагестанское правительство.

Пятигорский народный съезд объявил одновременно заседавший во Владикавказе контрреволюционный казачий круг распущенным, а 4 марта 1918 г. в 11 час. 35 мин дня большинством в 220 голосов, при 22 против и 44 воздержавшихся, на Тереке была объявлена Советская власть.

После низложения Терско-Дагестанского правительства и роспуска контрреволюционного казачьего круга, в ночь на 9 марта 1918 г., Пятигорский съезд переехал во Владикавказ, а утром 9 марта большевики осадили офицерскую сотню, организованную войсковым правительством, и обезоружили ее.

Новая революционная власть не была еще Советской властью. Она была комбинированной, вызванной к жизни переходным моментом, властью. Тов. С. Орджоникидзе о Терской Народной Республике писал, что «это было не правительство борьбы за освобождение угнетенных горских масс, это была не Советская власть, как мы ее понимаем, это была власть нейтралитета»[30]. И тем не менее влияние большевиков в новом Терском правительстве было доминирующим.

Терская Народная Республика, в состав которой вошла Кабарда, управляемая своим Окружным исполнительским комитетом, ставила своей задачей включить в сферу своего влияния по возможности широкие слои трудящихся масс многонационального Терека. Терский Народный Совет и СНК сделались главными штабами революционного движения, поднимавшими все новые силы трудящихся горцев на борьбу против казачье-горской контрреволюции, поднявшей свою голову в связи с решениями Пятигорского съезда о социализации земли и национализации промышленности.

В условиях многоязычного Терека земельный вопрос являлся самым важным и в то же время самым жгучим вопросом. После Пятигорского съезда земельный вопрос сделался предметом непрерывных обсуждений и горячих споров. Особенно непримиримыми противниками разрешения земельного вопроса в духе решения Пятигорского съезда выступали контрреволюционные казачьи верхи, отношение которых к данному вопросу окончательно выяснилось на казачьем кругу, состоявшемся 2 апреля 1918 г.

- К такому серьезному вопросу, как социализация земли, с аршином и нояшицами приступать нельзя,- говорили одни на этом кругу.

- Нужно помнить, что земля наша добыта нашими предками, их кровью, а потому должна оставаться в нашем владении,— говорили другие.

- Между кем мы будем делить землю? - спрашивали третьи. - На Кавказ явилось много пришельцев, явились безработные фабричные, явились крестьяне из внутренней России, которые занимались продажей ножей. С ними мы не должны делиться. То, что добыто нашей кровью, должно остаться нашему поколению.

- Казачество — это сдобный пирог, на который все точат зубы, но мы будем устрар!вать свою жизнь так, как будет нам удобно. Подождем общего хозяина русской земли и тогда сообща проведем социализацию,— говорили реставраторы, подразумевавшие под «общим хозяином русской земли» возврат царских порядков[31].

Таково было отношение казачьих верхов к земельному вопросу.

Терский Областной Совет Народных Комиссаров, руководимый большевиками, несмотря на исключительно сложную об-

становку, неуклонно проводил в жизнь решение Пятигорского съезда о социализации земли. Терский СНК декретом №25, подписанным тов. Буачидзе, принял решение о передаче всех земель: казенных, удельных, кабинетных, монастырских, церковных и частновладельческих - с живым и мертвым инвентарем в распоряжение земельных советов; о передаче недр, лесов и вод Терской области в распоряжение тех же советов; о немедленном приступлении к распределению земель Терской области между трудящимися по принципу социализации земли.

Земельный вопрос подвергся обсуждению на 3-й сессии Терского Народного съезда, состоявшейся в мае 1918 г. Делегаты горской бедноты на сессии заявили, что «многие из горцев не имеют даже жалкого клочка земли, где могли бы сеять хлеб». «Дайте нам землю,- заявили они,- и мы будем биться за нее до конца. У нас было Терско-Дагестанское правительство, которое кормило народ завтраками и которому народ не верил. Теперь создана Советская власть, которая за короткий период своего существования успела проявить себя: появились больницы, заговорили о школьной сети, мы пойдем за Советской властью и будем ее защищать до конца»[32].

По докладу наркомзема тов. Пашковского, 3-я сессия приняла резолюцию, в которой было записано:

«1. Всякая собственность на землю, недра, леса и прочие природные дары Терской области отменяется, согласно основному закону о социализации земли и постановлению 2-й сессии Терского Народного съезда.

2. Все земли безотлагательно переходят в пользование трудового земельного народа Терской области, без различия пола и национальности »[33].

К социализации земли практически можно было приступить только после урегулирования сложных взаимоотношений, существовавших между горцами. Для этой цели была создана особая комиссия, в состав которой вошли представители от каждой народности. Был также организован Совет при наркоме земледелия, куда входили по два представителя от каждой народности. И все-таки приступить к реализации принятого решения о социализации земли было крайне затруднено тем, что в области повсеместно разгоралась активно разжигаемая контрреволюционными силами и политическими партиями межнациональная война. В огне разгоравшейся гражданской и межнациональной войны большевикам приходилось разрешать весьма сложные вопросы, в том числе и земельный.

Демобилизация царской армии потребовала новых земельных фондов; часто возникали претензии об увеличении запашки, а ко всему этому на том или ином участке сразу возникало несколько фронтов; всюду рыли окопы, всюду производились фортификационные работы. В ряде районов - Пятигорском, Кизлярском и Моздокском - крестьяне сами разрешали земельный вопрос революционным путем.

Несмотря на все эти крайне тяжелые условия, большевики, не боясь трудностей, засучив рукава, в меру сил и возможностей занимались земельным вопросом, являющимся основным. Большевики немедленно уничтожили разорительную для бедноты земельную аренду и приступили к удовлетворению земельных нужд остро нуждающихся горцев нагорной полосы. Большое внимание было уделено также ликвидации чересполосицы путем переселения аулов. Далее декретом Терского СНК были мобилизированы агрономы и гидротехники для исследования местностей; устраивались мастерские для ремонта сельскохозяйственных орудий; отпускались специальные средства для закупки сельскохозяйственных машин [34].

Одновременно с земельным вопросом большевики занимались разрешением рабочего вопроса. За подписью председателя Терского СНК тов. Баучидзе 24 апреля 1918 г. обнародован декрет о 8-часовом рабочем дне и национализации промышленности: «Кавцинка» во Владикавказе, Садонских рудников, Мизурской обогатительной фабрики со всем имуществом, Горнохимического общества крупного бельгийского капиталиста Дюкенна [33].

Пятигорский народный съезд, объявивший Советскую власть на Тереке и конкретные мероприятия Терского Народного Совета и СНК по разрешению земельного и рабочего вопросов, провели глубокую борозду между горской беднотой и казачье-горскими контрреволюционными силами.

Все казачье-горские контрреволюционные силы, руководимые белогвардейскими офицерами и казачьими атаманами, оказались по одну сторону, а революционные силы города и деревни, руководимые владикавказскими большевиками - Кировым, Буачидзе и Орджоникидзе,- по другую стороны баррикад.

Революционные силы приводили себя в боевую готовность.

В свою очередь и контрреволюционные силы тоже готовились к решающим схваткам с революцией.

В конце лета 1918 г. банды генерала Шкуро захватили Кисловодск. В связи с этим контрреволюция активизировалась в Кабарде.

Организатором и руководителем контрреволюционных дворянско-княжеских и кулацких элементов в Кабарде был отпрыск малокабардинских князей ротмистр Заурбек Даутоков-Серебряков. В июне 1918 г. Серебряков организовал из кабардинских князей, дворян и кулаков контрреволюционную партию под названием «Свободная Кабарда». С программой этой партии Серебряков выступил 20 августа 1918 г. в станице Солдатской, где он организовал из кабардинских князей и дворян контрреволюционный отряд для борьбы против большевиков и Советской власти.

Программа контрреволюционной партии Серебрякова предусматривала в Кабарде наличие Окружного народного совета и Кабардинского национального совета, специально ведавшего кабардинскими делами. Оба органа власти должны были находиться в руках кабардинских князей и дворян. Серебряков, объявивший себя председателем этой партии, далее декларировал разоружение и роспуск Красной Армии и организацию вместо нее контрреволюционной армии исключительно из кабардинских князей, дворян и кулацких элементов. Программа заканчивалась призывом: «Все идите к нам — в «Отряд свободы».

Контрреволюционная партия Серебрякова среди кабардинских трудящихся масс не имела решительно никакого успеха.

План Серебрякова организовать контрреволюционный отряд для вооруженной борьбы против все нарастающего революционного движения крестьянской бедноты встретил со стороны кабардинских контрреволюционных князей, дворян и кулацких элементов весьма активную поддержку. Серебрякову удалось организовать состоявший из отъявленных кабардинских белобандитов вооруженный отряд, названный им по имени контрреволюционной партии «Свободная Кабарда». Вскоре через белобандита Каншаубия Мурзабековича Баташева Серебряков установил тесную связь с главой южной контрреволюции генералом Деникиным, оперировавшим в то же время на Кубани.

Белобандитский отряд Серебрякова терроризировал буквально всю Кабарду. Он беспощадно истреблял большевиков и всех им сочувствовавших. Грабил крестьянскую бедноту, вешал и расстреливал ни в чем не повинных по доносам и по подозрению.

Но, к счастью, Серебрякову недолго пришлось хозяйничать в Кабарде, так как наступала весьма неблагоприятная для терской контрреволюции осень **1918** г. Под натиском красных, опиравшихся на горскую бедноту, моздокское контрреволюционное «казачье-крестьянское правительство», являвшееся главным штабом терской контрреволюции, осенью 1918 г. затрещало по всем швам. Оно в предсмертной агонии попыталось было установить связь с Деникиным. Не дождавшись помощи от Деникина, моздокское правительство 9 ноября 1918 г. покинуло Моздок и через Кумыкскую равнину позорно бежало в Баку. Однако, не доезжая до Баку, оно 8 декабря 1918 г. в гор. Петровске сложило с себя полномочия, а бывшие члены бывшего моздокского правительства пошли на поклон к английским интервентам в Баку.

Положение казачье-горской контрреволюции на Тереке было безнадежным. И это раньше всех понял оказавшийся более дальновидным командующий вооруженными силами моздокского контрреволюционного правительства генерал Ельмурза Мистулов, который 27 октября 1918 г. застрелился в Прохладной, оставив на имя полковника Кибирова записку следующего содержания: «Дзамболат! Мое тело отвезите прямо на кладбище и без всяких излишеств и возможно в кратчайший срок предайте земле».

Крайне напряженное положение создалось в то время и для кабардинских контрреволюционных сил.

Под ударами Красной Армии и революционных отрядов кабардинской бедноты, боевой деятельностью которых руководил тов. С. Орджоникидзе, белобандитский отряд Серебрякова в конце октября 1918 г. вынужден был покинуть пределы Кабарды и уйти на Кубань для соединений с деникинскими войсками. Помощник деникинского правителя Кабарды по гражданской части Бекмурза Карачаев по этому поводу откровенно признавался, что «при наступлении большевиков на Кабарду, ввиду невозможности при создавшихся обстоятельствах удержать это наступление и продолжать районную борьбу с большевиками, отряд ротмистра Даутокова-Серебрякова должен был уйти в Кубанскую область для присоединения к Добровольческой армии»[36].

Тем не менее отдельные белогвардейские шайки продолжали большевиками революционные отряды кабардинской бедноты, которые беспощадно уничтожали врага. В конце ноября 1918 г. контрреволюционный отряд кабардинского князя Асламбия Тамбиева занял сел. Кармово. Кабардинский революционный отряд, в то время находившийся в сел. Гунделен, получив известие о местонахождении отряда кн. Тамбиева, внезапным кавалерийским налетом на сел. Кармово поголовно уничтожил всю банду Асламбия Тамбиева [37].

Успешной борьбе революционных отрядов кабардинской бедноты против контрреволюционных сил активно содействовали широкие трудящиеся массы Кабарды, которые, сочувствуя революционному движению, по своей инициативе арестовывали и передавали контрреволюционные элементы села. Так, 4 декабря 1918 г., приговором общественного схода *сел.* Гунделен, на котором присутствовало 505 граждан, были выданы контрреволюционеры: Салех и Харис Барасбиевы; Каншаубий и Хаджимусса Суншевы; Асланбек и Закирья Тоттаевы; Тауби, Таусултан и Осман Чеченовы; Исмаил Чабдаров и Хаджибекир Кожаков. Все перечисленные вражеские элементы в количестве 14 человек были арестованы и переданы в распоряжение командующего военно-революционными силами Владикавказского округа [38].

Приведенный пример из истории сел. Гунделен не является единичным. Во многих кабардинских селениях трудящиеся массы с контрреволюционными элементами поступали именно так.

Несмотря на героическую борьбу горской бедноты против казачье-горской контрреволюции, положение революции на Тереке продолжало оставаться весьма напряженным. Тяжелое по-

ложение еще более ухудшилось в связи с начавшимся общим наступлением белых полчищ генерала Деникина, до зубов вооруженных англо-французскими интервентами. К осени 1918 г. по всей Терской области начали разгуливать белогвардейские банды Шкуро и других генералов и казачьих атаманов. С наступлением Деникина кулацкие элементы усилили свои восстания и заговоры. Главнокомандующий Красной Армией Северного Кавказа эсер Сорокин активно вредил и дезорганизовывал Красную Армию; расстреливал преданных социалистической революции красных командиров и вредительскими приказами способствовал поражению Красной Армии на фронте. Дело дошло до того, что он арестовал членов Северо-Кавказского крайкома РКП(б) и членов ЦИК Северо-Кавказской республики тов. Крайнева, Рубина, Рожанского и других и расстрелял их в Пятигорске.

В авангарде белых полчищ Деникина шел генерал Шкуро, который, при помощи и активной поддержке внутренних казачье-горских контрреволюционных сил, начал занимать кабардинские и осетинские села.

Среди белогвардейского разгула на Тереке оставалось лишь несколько большевистских оазисов — пролетарский Грозный, Владикавказ, Пятигорск и Дигория.

Приближались дни тяжелого для Терека испытания. С фронтов доходили слухи, одни тревожнее других. Но владикавказские большевики не терялись. На чрезвычайном съезде партии, созванном 2 января 1919 г. тов. Кировым и Орджоникидзе, было принято решение бороться с деникинскими полчищами до последнего патрона. Была объявлена мобилизация членов партии и набор добровольцев в Красную Армию. Но все эти мероприятия не могли спасти революцию на Тереке, так как к этому времени 11-й Красная Армия оказалась в исключительно тяжелом положении. «В смысле вооружения, снаряжения, обмундирования и медицинской помощи положение было ниже всякой критики»,- докладывал тов. Орджоникидзе СНК РСФСР о положении 11-й Красной Армии. Патронов не было, а ко всему этому «с начала зимы раздетые солдаты начали болеть. Тиф стал свирепствовать. К концу января мы имели уже 50 тыс. тифозных. Все вокзалы, все дома были переполнены тифозными. Нет белья. Больных заедают насекомые. Нет медицинского персонала»[39].

11-й Красная Армия, пораженная сыпным тифом, теснимая со всех сторон деникинскими полчищами, отступала на Астрахань.

А в это время деникинские войска начали занимать один город за другим. Белые уже заняли Армавир, Георгиевск, Пятигорск, Нальчик.

К концу января 1919 г. весь Северный Кавказ был уже захвачен белыми полчищами Деникина. Оставался незанятым лишь один Владикавказ, дни которого тоже были уже сочтены.

Днем 2 января 1919 г. под председательством тов. Орджоникидзе состоялось во Владикавказе чрезвычайное заседание актива Терской республики, на котором было решено перенести штаб Красной Армии в сел. Базоркино, а вечером того же дня правительство Терской Народной Республики во главе с тов. Махарадзе, Маркусом и другими переехало в Уваровские сады.

С 28 января 1919 г. началась осада белыми полчищами последней цитадели большевизма 'на Северном Кавказе — гор. Владикавказа, который после семидневной героической обороны 11 февраля 1919 г. тоже пал.

«Часть наших войск, отступивших по Военно-Грузинской дороге и перешедших грузинскую границу, вступила в Грузию, причем это было не так легко проделать. Когда товарищи вызвали по прямому проводу из Казбека председателя грузинского правительства Жордания (меньшевик) и просили его впустить их в Грузию, он ответил, что может пропустить грузин, но не русских. Тогда нагни ответили, что это ни в коем случае нельзя сделать, что они настаивают на пропуске всех товарищей, и указывали, что если они не будут пропущены к вечеру, то громадные военные богатства и деньги - около 6 млн - попадут в руки казаков. Жордания под влиянием этих последних аргументов предложил полковнику Церетели пропустить нас, но только так, как будто это произошло в результате боя. И вот Церетели разыгрывает комедию, проводит несколько грузинских солдат в тыл наших войск и открывает стрельбу в воздух, которая продолжается чуть ли не час, а затем идет военная реляция о том, что после двухчасового боя большевики взяты в плен»[40].

Так на Тереке временно победила деникинская реакция.

III

Деникинская контрреволюция одержала на Тереке временную победу.

Наступила полоса черной реакции, свинцовой тучей повисшей над Кабардой.

Над кабардинской беднотой засвистела ременная плеть палача кабардинского народа Серебрякова, который в авангарде деникинских полчищ вновь вернулся в Кабарду, чтобы свести с беднотой старые счеты.

Где бы ни проходил этот зверь в образе человека, всюду он оставлял страшный след невинно пролитой крови расстрелянных и замученных тружеников земли. Казалось, наступила непроглядная ночь и не будет ей конца...

С захватом власти на Тереке глава южной контрреволюции, генерал Деникин, под лозунгом «великой неделимой России»

приступил к реставрации старых царских порядков. Для наведения «новых» деникинских «порядков» на административные должности назначались наиболее отъявленные контрреволюционеры из числа горских помещиков и князей, своей палаческой «деятельностью» по отношению к революции снискавших особое доверие генерала Деникина.

С приходом белых, согласно предписанию командира 3-го армейского корпуса и главнокомандующего войсками Терско-Дагестанского края генерал-лейтенанта Ляхова от 17 января 1919 г., командующим кабардинской дивизией и деникинским правителем Кабарды на правах военного губернатора был назначен кабардинский князь генерал Бекович-Черкасский; его помощником по военной части с правами командира бригады - палач кабардинской бедноты Даутоков-Серебряков и помощником по гражданской части на правах начальника округа - начальник Нальчикского округа царского времени - полковник князь Клишбиев[41], который, однако, через короткое время по неизвестным причинам был смещен, а на место назначен гражданский чиновник царского времени князь Бекмурза Карачаев[42].

Дорвавшись до власти, шайка кровожадных шакалов немедленно приступила к своим обязанностям. Деникинские администраторы начали с восстановления в Кабарде старых царских порядков. Во все кабардинские села были назначены вполне надежные и преданные деникинскому режиму правительственные старшины из числа, разумеется, кабардинских князей, дворян и кулаков. Несколько позже сельским обществам было предоставлено «право» выбирать сельских старшин, но из числа назначенных на эту должность правителем Кабарды[43].

Было восстановлено в Кабарде административное деление царского времени на участки во главе с назначенными правителем Кабарды приставами из числа кабардинских князей.

Был восстановлен и старый Нальчикский горский словесный суд, который начал функционировать в августе 1919 г. в своем прежнем помещении на углу Ермоловской и Алексеевской улицы в доме А. И. Шуйского под председательством штабс-ротмистра князя Озрокова[44].

Деникинские администраторы никакого внимания не уделяли делу народного просвещения, напротив, они закрыли почти все кабардинские школы, а учителей и даже учащихся единственной в Кабарде средней школы - Нальчикского реального училища - мобилизовали в Белую армию.

Зато белогвардейцы большое внимание уделяли делу растления умов населения. Во всех крупных населенных пунктах были открыты так называемые осведомительные агентства — «Освег», которые, разъезжая по селам, агитировали среди населения Кабарды за деникинский режим.

Большую реакционную роль играла контрреволюционная белогвардейская газета «Кабардинец», издававшаяся в Нальчике на русском языке с переводом на кабардинский язык арабским шрифтом. Белогвардейцы распространяли эту газету среди кабардинского населения насильственным путем. Правитель Кабарды генерал Бекович-Черкасский специальным циркуляром от 29 июля 1919 г. обязал все села Кабарды выписать газету, «с содержанием которой через толкового переводчика знакомить население в публичных местах»[45].

Внутренняя политика деникинских правителей в Кабарде сводилась к восстановлению и охране политических и экономических прав кабардинских князей и дворян. Особенно ревниво охранялась частная поземельная собственность, посягательство на которую деникинские администраторы преследовали по всей строгости законов военного времени. В приказе главнокомандующего Терско-Дагестанским краем генерала Ляхова так и записано, что он, «ставя себе в обязанность преследовать всею силою закона всякую проповедь, направленную против собственности, под каким бы знаменем эта проповедь ни велась, все дела и подстрекательства о призыве или склонении другим каким бы то ни было способом к уничтожению, отобранию, захвату или разделу государственного или общественного имущества, либо частной собственности, будет предавать военно-полевому суду для суждения по законам военного времени»[46].

Деникинские палачи своей основной задачей считали, однако, беспощадную борьбу с революционным движением и искоренением большевизма в Кабарде. Для более успешной кровавой борьбы с большевиками по всем кабардинским селам и казачьим станицам, входившим в состав Кабарды, был дан приказ о немедленном оформлении военно-полевых судов «для осуждения всех арестованных, причастных к большевикам, для вынесения приговоров и приведения их в исполнение»[47].

Однако Серебряков, своей палаческой деятельностью завоевавший особое доверие деникинских властей, а потому ведавший в Кабарде делом кровавой расправы с большевиками, не доверяя военно-полевым судам на местах, 31 января 1919 г. дал приказ всем военным и административным учреждениям, участковым начальникам и сельским старшинам: всех большевиков и им сочувствующих направлять «в Нальчикскую тюрьму с зачислением их за военно-следственной комиссией Нальчикского округа для предъявления к ним соответствующих обвинений и расправы»[48].

Нужно сказать, что все эти мероприятия деникинских администраторов по борьбе с большевиками не давали ожидаемого эффекта. В кабардинских селах оставались большевики, которые, несмотря на строжайшие приказы высших властей «начальникам участков и старшинам селений принять самые строгие и решительные меры к задержанию большевистских вождей и шаек большевиков, скрывающихся в округе»[49], продолжали

свою революционную работу среди кабардинской бедноты. Для борьбы с большевиками, которые пользовались доверием и поддержкой крестьянской бедноты, Серебряков организовал из кабардинских князей и дворян специальный экспедиционный отряд, который, требуя от каждого села немедленной выдачи большевиков, буквально терроризировал всю Кабарду. Но кабардинская беднота, явно сочувствуя большевикам, никого не выдавала. «Я все время требовал от обществ выдачи своих большевиков,- доносил начальник 4-го участка Астемиров начальнику Нальчикского округа,- но села Астемирово, Бороково, Булатово, Ахлово и Исламово ни за что не выдают своих большевиков. Бывшие командиры красноармейских полков и сотен сидят там и продолжают свою агитацию, но общество их не выдает. Большевизм их так охватил, так они им прониклись, что только виселица избавит их от него»[50]. Напомнив о недавнем поголовном уничтожении жителями сел. Ахлово и Исламово 7-го и 12-го карательных батальонов белых, Астемиров просил начальника округа прислать Серебрякова с его отрядом для наказания сочувствовавших большевикам сел.

Недолго заставил себя ждать глава кабардинской контрреволюции Серебряков, который вместе со своей кровожадной бандитской шайкой появился в Малой Кабарде и в наказание за укрывательство большевиков и их подпольных руководителей приказом от 18 мая 1919 г. ультимативно предложил малокабардинским селам выставить на сборном пункте в сел. Муртазово для отправки на деникинский фронт следующее количество всадников: Ахловскому - 150, Исламовскому - 100, Хапцевскому - 100, Булатовскому - 50, Абаевскому - 100, Бороковскому - 50, Астемировскому - 70, Баташевскому - 120 и Муртазовскому - 100 всадников. «Каждое селение,- заканчивался ультиматум,- которое не выполнит моего требования к изложенному сроку, понесет самую жестокую кару»[51].

Кабардинская беднота под влиянием агитации большевиков прекрасно разбираясь в происходящих событиях и понимая классовый характер Гражданской войны, активно сопротивлялась мероприятиям деникинских экзекуторов. Когда по распоряжению деникинских властей 13 апреля 1919 г. сел. Докшукино было предложено выставить всадников для пополнения сильно потрепанного большевиками карательного отряда Серебрякова, на общественном сходе, где обсуждался этот вопрос, одни крестьяне заявили, что «настоящая война - дворянская, а не трудового народа, а потому они не пойдут воевать», другие заявили, что «война - дворянская, и пусть сами воюют без трудового народа»[52]. В результате докшукинцы, избив правительственного старшину Шипшева, не дали в отряд Серебрякова ни одного всадника. За неисполнение предъявленного требования правителем Кабарды генералом Бековичем-Черкасским была наложена на сел. Докшукино контрибуция в сумме 542 100 руб.[м]

Бесконечные контрибуции по малейшему поводу, о чаще всего без всякого повода, и в особенности введенная деникинскими властями непосильная налоговая система, для трудящихся Кабарды были крайне разорительны. Согласно циркуляру начальника Нальчикского округа от 25 апреля 1919 г. с кабардинских крестьян взимались подати и налоги за все время начиная с 1915 г.[54] С крестьян выколачивали оброчные подати, воинский и подесятинный налоги, налоги на содержание земских строек, окружной стражи и Горского словесного суда, оброчные государственные подати за горные пастбища, арендную плату за Вольские пастбища и многие другие повинности, окончательно разорявшие крестьянские массы Кабарды. Некоторое представление о видах и размерах податей и налогов, которыми облагались кабардинские села, можно иметь из примера сел. Докшукино, в 1919 г. уплатившего оброчных податей - 8078 руб.; воинского налога - 893 руб. 50 коп.; подесятинного налога из расчета 16,5 коп.; на содержание земских построек - 1138 руб. 50 коп.; на содержание Горского словесного суда - 528 руб.; оброчной государственной подати за горные пастбища - 264 руб. 56 коп.; на содержание окружной стражи - 599 руб. 70 коп.; арендной платы за Зольские пастбища - 1283 руб. 57 коп.; оброчной государственной подати - 783 руб. 2 коп.; а всего 14 042 руб.

Однако до окончательного экономического разорения трудящиеся массы Кабарды были доведены исключительно высокими платежами, которые административными мерами взыскивались с крестьян для удовлетворения совершенно необоснованных претензий кабардинских князей и дворян, пострадавших якобы от большевиков. В марте 1919 г. под председательством правителя Кабарды генерала Бековича-Черкасского была создана так называемая Комиссия по удовлетворению убытков, нанесенных большевиками. Кабардинские князья и дворяне в эту комиссию представляли бесконечные списки домашних вещей, начиная от особняков и кончая буквально жестяной коробкой из-под ваксы, разграбленных якобы большевиками, на предмет возмещения убытков. Обычно кабардинский князь или дворянин оценивал свое «разграбленное большевиками имущество» в миллион и больше рублей, и князь Бекович-Черкасский всегда утверждал претензии, хотя их необоснованность была слишком очевидна. Претензии кабардинских князей и дворян удовлетворялись за счет кабардинских трудящихся масс. Комиссия явилась для князей и дворян источником крупных доходов, а для крестьянской бедноты - новой формой беззастенчивого грабежа.

Помимо указанных завуалированных форм грабежа, белогвардейцы нередко применяли и совершенно открытую форму

грабежа крестьянской бедноты. «При вступлении отряда Серебрякова в Чегемское общество,- рассказывает один документ,- Серебряков дал полную свободу своему отряду производить опустошительный грабеж и гнусное насилие, так что мужчины, женщины, дети остались без одежды, голыми и без хлеба. Ни у кого не осталось даже старого барахла, лохмотьев, с тюфяков и подушек были сорваны наволочки. По мусульманскому обряду умерших должны хоронить, окутав труп в материю - «кебин», но и для покойников материи не находили»[55].

Приниженная политическим бесправием и придушенная налоговым прессом деникинщины кабардинская беднота под руководством большевиков взялась за оружие.

Формы классовой борьбы трудящихся масс Кабарды против белогвардейской своры были разнообразны, начиная от молчаливого саботажа распоряжений деникинских властей и кончая ожесточенной вооруженной борьбой.

Одной из наиболее распространенных и весьма чувствительных для белых форм классовой борьбы было дезертирство из рядов белой армии насильственно мобилизованных кабардинских крестьян. К середине лета 1919 г. дезертирство из рядов белой армии приняло такие широкие размеры, что целые полки из кабардинцев фактически перестали существовать. Начальник Сводно-горской дивизии полковник Гревс от 13 июня 1919 г. телеграфировал правителю Кабарды генералу Бековичу-Черкасскому, что, «к несчастию, ряды 2-го Кабардинского конного полка сильно поредели», и вследствие этого «дальше работать с кабардинцами при такой малочисленности представляется крайне трудным»[56]. Как выход из создавшегося катастрофического положения полковник Гревс рекомендовал присоединить к его дивизии другие кабардинские полки, которыми командовал генерал Анзоров.

Дезертирство кабардинцев из рядов белой армии приняло массовый и угрожающий для белых характер. Генерал Деникин вынужден был обратиться к правителю Кабарды с персональным циркуляром, в котором излагал меры пресечения и дальнейшей борьбы с дезертирством[57]. Вопрос о массовом дезертирстве кабардинцев из деникинской армии сделался предметом специального обсуждения Особого совещания при Деникине, на котором были намечены меры борьбы с дезертирством кабардинцев[68].

На основе решений деникинского Особого совещания белое командование и местные власти принимали всевозможные меры к ликвидации дезертирства, или «зеленоармейства». В июне 1919 г. правитель Кабарды князь Бекович-Черкасский издал циркулярное распоряжение всем сельским властям «изловить всех дезертиров и «зеленоармейцев», препроводить их в Управление округа, а одновременно были оформлены специальные офицерские сотни, разосланные по всем кабардинским селам «с целью сбора дезертиров и привлечения к строгой ответственности»[59]. А тем временем с фронтов продолжали поступать донесения о все возраставшем дезертирстве. Командир 1-го Кабардинского конного полка полковник Ануфриев докладывал именно тогда «об учащении из полка дезертирства и резком сокращении численного состава полка» и просил о принятии экстренных мер к сбору дезертиров.

Осенью 1919 г. белое командование попыталось собрать дезертиров путем объявления амнистии всем добровольно вернувшимся в свои части «зеленоармейцам». Но и эта мера не дала никакого результата.

В ноябре 1919 г. командующий войсками Северного Кавказа издал приказ «повсеместно возобновить ловлю молодых людей - дезертиров и уклоняющихся от военной службы - с преданием их военно-полевому суду», подчеркнув при этом, что «за дезертирство положена смертная казнь»[60].

Уже накануне своей бесславной гибели деникинский правитель Кабарды генерал Бекович-Черкасский в своем последнем приказе констатировал, что «на фронте в полках остались яшлкие остатки храбрецов» и что «ряды полков с каждым днем все ослабевают: дезертируют с фронта под видом болезни, отпуска и самовольно; дезертируют в огромной массе, даже дошло до того, что дезертируют из эшелонов по пути следования на фронт. Ввиду серьезности положения на фронте в последний раз обращаюсь к вам, кабардинцы Большой и Малой Кабарды и горцы, с призывом опомниться». А далее Бекович-Черкасский пообещал, что если к 1 января 1920 г. дезертиры добровольно не явятся, то он будет «беспощадно карать смертной казнью всех дезертиров», напомнив одновременно, что «смертную казнь через повешение понесут не только дезертиры, но и родители их»[61].

^ Однако ни заклинания, ни угрозы деникинских палачей не действовали на кабардинские трудящиеся массы, твердо решившие изгнать своих поработителей.

^Массовое дезертирство кабардинских крестьян из рядов белой армии являлось крупным разлагающим деникинский фронт фактором.

Кабардинские дезертиры из рядов белой армии революционному фронту оказывали двоякую помощь: они ослабляли деникинский фронт и, пополняя ряды красных партизан, отвлекали на себя с основного фронта значительные силы белых.

Красные партизаны, пользуясь сочувствием и всемерной поддержкой крестьянских масс, уничтожали гарнизоны белых, разрушали коммуникации врага, захватывали склады продовольствия и боеприпасов и держали деникинский тыл в постоянном напряжении.

Деникинские власти вели беспощадную борьбу с партизанами. За подписью начальника Нальчикского округа Х. Чижокова по всем кабардинским селам было разослано циркулярное

распоряжение о беспощадной борьбе с красными партизанами [62]. Но белые в борьбе с широко развернувшимся партизанским движением были бессильны, так как партизаны, пользуясь поддержкой населения, были неуловимы.

Белогвардейцы при помощи правительственных старшин располагали полными списками красных партизан по каждому селу. По сел. Наурузово местным правительственным старшиной Хапытом Даутовичем Карамурзаевым был составлен и 20 мая 1919 г. представлен деникинским властям список следующих красных партизан: Увжико, Хатакшуко, Хайсет и Хамус Гукетловы; Касым, Асхад, Хапаша, Касбулат, Хажипаго, Увжиго, Хатажуко, Хайсет и Хамус Шогенцуковы; по сел. Атажукино III местным правительственным старшиной был представлен начальнику Нальчикского округа Чижокову список красных партизан: Тут, Мурат, Тластан, Асламбек Шуковы и ряд других в количестве 41 человека [в4]. Партизаны заблаговременно уходили из деревень. Белые объявляли их вне закона.

Основная масса кабардинских партизан концентрировалась в Дигорском ущелье, откуда, совместно с осетинскими партизанами, они делали налеты на плоскостные осетинские и кабардинские села и уничтожали гарнизоны белых.

Ротмистр Серебряков во главе своей банды не раз ходил на штурм Дигорского ущелья, охраняемого партизанами, но каждый раз с большими для него потерями отбрасывался партизанами назад.

В декабре 1919 г. из Кабарды против оперировавших в районе сел. Кайсын-Анзорова, Лескена и Ново-Уруха осетинских и кабардинских партизан был направлен под командой поручиков Одинцова и Хурзанова значительный воинский отряд. Партизаны, по свидетельству документа, «предупрежденные своими доброжелателями из сел. Лескен и Кайсын-Анзорова, вполне подготовились к встрече». «Они заняли удобные посты, цепи их были расположены в неуязвимых местах, а конница охраняла их фланги. Дав возможность подойти на расстояние ружейного выстрела, они открыли ураганный огонь. Перестрелка длилась с 7 часов утра до 1 часа дня»[66]. В результате сражения партизаны потеряли убитыми 8 человек, в том числе одного русского партизана - Андрея Петровича Иванова. Потери белогвардейцев исчислялись сотнями.

Особенно чувствительный ущерб наносил белогвардейским тылам партизанский отряд крестьянина сел. Атажукино III Тута Шукова [6й], сыгравшего в истории партизанской борьбы в Кабарде в период деникинской реакции выдающуюся роль. Участник борьбы на Моздокском и Пятигорском народных съездах за признание Советской власти на Тереке, неграмотный крестьянин, до конца познавший большевистскую правду, Тут Шуков с приходом белых организовал из кабардинской бедноты

партизанский отряд, который под его руководством вел непрерывную борьбу за победу Советской власти на Тереке.

В начале 1920 г. РВС Кавфронта издал приказ об общем наступлении против белых, а одновременно решением ЦК партии 4 февраля 1920 г. под председательством тов. С. Орджоникидзе был организован Центр по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе.

Еще в январе 1920 г. большевиками была организована Терская областная группа красных повстанцев. Военно-политической работой штаба Терской областной группы через политотдел 11-й Красной Армии руководил С. М. Киров.

В результате общего наступления Красной Армии деникинцы начали терпеть одно поражение за другим. В феврале 1920 г. Красная Армия заняла Тихорецкую, а через короткое время - и Ставрополь.

По мере приближения Красной Армии поднимался боевой дух горской бедноты, широко развернувшей партизанскую борьбу.

Штаб Терской областной группы красных повстанцев объединил все партизанские силы горцев.

Партизанское движение в Кабарде теперь развернулось под общим руководством штаба Терской группы повстанцев. Таким образом, красные повстанческие отряды и группы горцев, действовавшие под руководством штаба Терской группы повстанцев, становятся органической частью Красной Армии Советской России.

11-я Красная Армия, очистив Ставрополыцину, преследовала отступавшего врага в Кизлярском направлении. Под ударами красных партизанских отрядов деникинский правитель Кабарды князь Бекович-Черкасский с жалкими остатками своей разгромленной дивизии в панике отступал во Владикавказ. А глава кабардинской контрреволюции и палач кабардинской бедноты ротмистр Даутоков-Срребряков к этому времени уже нашел свою бесславную смерть от руки народного мстителя - красноармейца из сел. Псыгансу — Хураева Юсуфа Алимурзовича, который застрелил его, когда тот пытался улизнуть от справедливого народного суда[67].

11 марта 1920 г. в Кабарде была объявлена Советская власть.

Предстояло еще освободить от белых банд столицу Терека - город Владикавказ, в штурме которого кабардинский отряд красных партизан под командованием тов. Шукова сыграл весьма важную роль. Получив приказ командующего Терской областной группой красных повстанческих войск от 14 марта 1920 г. за № 164 [68], Тут Шуков во главе кабардинского отряда красных партизан выступил из слободы Шатой к Владикавказу.

Стратегический план красных повстанческих войск предусматривал одновременный удар на Владикавказ силами осетинских, грозненских и кабардинских партизан. sr> t.a »д л

Комбинированным ударом осетинских партизан с запада, грозненских и кабардинских партизан с востока Владикавказ, который охранялся сильным гарнизоном во главе с деникинским генералом Эрдели, 22 марта 1920 г. был взят штурмом.

В освобожденном Владикавказе навсегда победила Советская власть.

Регулярные части Красной Армии вошли во Владикавказ 31 марта 1920 г.

Таким образом, на долю кабардинских красных партизан выпала высокая честь еще до прихода регулярной Красной Армии вместе с осетинскими и грозненскими партизанами освободить от белых Владикавказ и водрузить над ним победоносное красное знамя Великого Октября.

IV

Под могучими ударами победоносной Красной Армии и партизанских отрядов горской бедноты белогвардейцы в панике отступали к Владикавказу. А в это время горская беднота в освобожденных от деникинского кошмара районах восстанавливала свою родную Советскую власть.

В Нальчике на совместном заседании командующего революционными войсками Нальчикского округа, командиров отдельных партизанских отрядов и Нальчикского городского народного совета 11 марта 1920 г. было принято решение об объявлении в Кабарде советской власти [69]. На этом же заседании было решено временно избрать до созыва народного съезда окружного комиссара и его заместителя, трех участковых комиссаров, коменданта станции Нальчик и военного интенданта. Это было первое заседание после освобождения Кабарды от белых, принявшее историческое решение об объявлении Советской власти в Кабарде и организации революционной власти в Нальчике. Но это заседание не создало окружной власти. Оно такой задачи и не ставило перед собой. Задача заседания згослючалась в том, чтобы водворить в Нальчике и в районах революционный порядок.

Окружная власть была организована в Нальчике в самом конце марта 1920 г., когда верховной властью в Кабарде был объявлен Ревком. В приказе по Нальчикскому округу от 30 марта 1920 г. говорилось, что «с объявлением настоящего приказа Верховной властью Округа является Кабардинский Окружной Ревком» [70]. Временно до созыва съезда советов, были избраны председатель Ревкома, секретарь, казначей и три члена Ревкома. Ревком имел два отдела: военный и организационно-агитационный.

Освобождение Кабарды от белогвардейщины и объявление Советской власти в округе трудящиеся массы встретили с большим подъемом. Малокабардинский районный Ревком по своей инициативе решил отпраздновать день освобождения Кабарды от деникинщины и восстановление в ней Советской власти в духе кабардинских народных обычаев. Крестьяне собрали значительные средства и в назначенный день устроили в память замученных деникинскими палачами революционеров традиционные призовые скачки, а после них - повсеместные всенародные торжества [71].

После объявления Советской власти в Кабарде нальчикская партийная организация, выйдя из подполья, приняла весьма активное участие в партийном 'и советском строительстве. Директивы партийной организации, однако, не всегда и не всеми руководящими работниками признавались и соблюдались. Военный руководитель, впоследствии расстрелянный как враг народа, Назир Катханов % счел излишним допустить партийный комитет к организации местной власти.

Без участия партийной организации был избран городской совет из 13 человек, из которых 11 оказались местными цензовиками. Разумеется, это недопустимое положение было опротестовано партийной организацией, за что Катханов, категорически запретив перевыборы, арестовал председателя городского партийного комитета тов. Русакова, а сам назначил членов совета на ответственные должности по своему усмотрению. Партийный комитет, решительно осудив антипартийные и антисоветские действия Катханова, 29 марта 1920 г. поставил вопрос перед Ревкомом «пересмотреть этот вопрос и пригласить на заседание председателей от партии как для предложения кандидатур, так и для суждения о кандидатах» [72].

Окружной Ревком уделял очень большое внимание организации власти на местах. Было вынесено решение о замене прежних сельских правлений сельскими народными советами. Сельские общества, насчитывавшие 300 дворов, избрали сельский совет из 9 человек, а общества, насчитывавшие свыше 300 дворов, избрали совет из 12 человек. Сельские советы являлись высшей властью на селе. В своей работе сельсоветы руководствовались указаниями и директивами окружного и областного советов.

Организации власти на местах оказывали сильное сопротивление контрреволюционные кулацкие элементы, которые и после советизации Кабарды еще оставались в селах. Правда, окружной Ревком еще в апреле 1920 г. [73] дал циркулярное распоряжение всем сельским обществам взять на учет все контрреволюционные элементы села и представить их списки в Ревком, но в некоторых селах влияние классово чуждых элементов пока было настолько сильно, что сельсоветы ограничивались фор-

* Катханов Н. А. Реабилитирован в 1955 г.

мальной отпиской об отсутствии у них буржуазных кулацких элементов.

Контрреволюционные элементы были настолько изворотливы, что они, войдя в доверие к обществу, добивались выдвижения их даже на руководящие должности. В апреле 1920 г. общество сел. Тамбиево I вошло с ходатайством перед Окружным Ревкомом об утверждении в должности сельского комиссара Коншоко Тамбиева, который при белогвардейцах служил в том же селении деникинским правительственным старшиной. Ходатайство Тамбиевского сельского общества было отклонено Ревкомом, указавшим обществу, что если оно будет настаивать на своем ходатайстве, «то оно будет считаться контрреволюционным и понесет заслуженную кару»[74].

В некоторых кабардинских селениях наглость контрреволюционных элементов доходила до того, что они захватывали в свои руки даже сельскую власть. Председатель Жемталинского сельского исполкома Муша Сокуров в апреле 1920 г. сообщил Нальчикскому окружному исполкому, что во время его отсутствия в село явился какой-то Балкаров, который самочинно созвал сельский сход и переизбрал сельский исполком. В состав нового исполкома вошли следующие контрреволюционные и уголовные элементы: Зулькарна Гошев, бывший правительственный старшина при белых Хизна Меремкаев, конокрад Жамурза Зишикуев, князь Махсуд Докшукин и Тетау Башоев. Главными вдохновителями контрреволюционного переворота в Жемтале были муллы-шариатисты: Касым-Хаджи Кугошеджев, Сайд Молов и Хазмат Молов, агитировавшие осуществлять госпоставки исключительно за счет крестьянской бедноты[75].

Однако в подавляющем большинстве кабардинских селений крестьянская беднота распознавала классового врага и давала его вылазкам решительный отпор. Беднота в таких селениях сама, по своей инициативе, выявляла притаившихся классовых врагов и сообщала о них окружным властям для принятия соответствующих против них мер. Характерен в этом отношении пример сел. Баксан, жители которого вошли с ходатайством перед Окружным Ревкомом об оказании им помощи в аресте местных контрреволюционных элементов, среди которых были даже генералы царского времени[76].

Следует отметить, что там, где крестьянская беднота сознательно относилась к своему революционному долгу и активно помогала органам Советской власти, борьба с контрреволюционными элементами шла успешно. Напротив, там, где крестьянская беднота в силу своей темноты и забитости не могла проявить достаточной революционной бдительности, борьба с вражескими элементами протекала в более сложных условиях.

При поддержке кабардинской бедноты борьба с контрреволюционными элементами шла в общем успешно. В Кабарде было арестовано свыше двухсот бандитов из князей и дворян.

Вскоре для успешной борьбы с контрреволюционными элементами среди кабардинцев была объявлена мобилизация. Был сформирован специальный отряд, насчитывавший тысячу всадников. Борьба с бандитами пошла значительно успешней. В короткий срок в сел. Кармово был разгромлен отряд бандитов в 1500 человек; в районе Урусбиева был уничтожен отряд в 400 человек; на Черной Речке - отряд в 200 человек и на границе с Осетией был уничтожен отряд в 300 человек.

Молодая Советская власть проявила исключительную заботу о красных партизанах, имущество которых было разгромлено и расхищено белогвардейцами. Все'красные партизаны, пострадавшие от белых, были взяты на учет. Была создана специальная комиссия по выяснению ущерба, понесенного партизанами от белогвардейских банд. Комиссия возмещала понесенный партизанами материальный ущерб за счет государства[77].

Первые месяцы существования Советской власти в Кабарде были посвящены жестокой борьбе с остатками контрреволюционных элементов, укреплению Советской власти и восстановлению разрушенного белогвардейцами народного хозяйства.

Экономическим и политическим нуждам освобожденных горских народов товарищ Сталин уделял исключительное внимание. В сентябре 1920 г. за подписью тов. Орджоникидзе по всем национальным областям Северного Кавказа была разослана телеграмма следующего содержания:

«Согласно предложению наркомнаца тов. Сталина, прошу в срочном порядке ответить на следующие вопросы: первый - экономическое и политическое положение горцев; второй — какие меры необходимы для улучшения жизни горцев. Ответы направить тов. Сталину за подписью товарищей, принимавших участие в обсуждении и разрешении поставленных вопросов»[78]. А через короткое время, 29 октября 1920 г., за подписью председателя Терского областного исполкома был разослан всем предисполкомам Терской области телеграфный циркуляр, в котором говорилось, что «по распоряжению народного комиссара по Национальным делам товарища Сталина, 15 ноября сего года созывается всенародный съезд Терской области». Ввиду этого предлагалось немедленно приступить к предварительным подготовительным работам и провести немедленно выборы по округам и отделам к указанному сроку, с тем, однако, «чтобы на съезд народа были бы представлены возможно шире широкие массы населения, не стесняясь рамками конституции, допуская к выборам всех, кроме явных контрреволюционных элементов»[79].

В среду 17 ноября 1920 г. во Владикавказе, в помещении городского драматического театра, открылся съезд народов Терека. В президиуме съезда - Сталин, Киров, Орджоникидзе. С докладом об автономии Горской Советской Социалистической

23 Заказ J* 106

Республики выступил встреченный бурными аплодисментами товарищ Сталин, который сказал:

«Старый период в истории России, когда цари и генералы попирали ваши права, уничтожали ваши вольности, этот период угнетения и рабства канул в вечность. Теперь, когда власть в России перешла в руки рабочих и крестьян, в России не должно быть больше угнетенных. Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей конституции России. Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России, что Россия покидает их, что Красная Армия будет уведена в Россию, как спрашивают об этом с тревогой горцы? Нет, не значит. Россия понимает, что предоставленные самим себе малые народности Терека не смогут отстоять свою свободу против мировых хищников и их агентов - горских помещиков... Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии»[80].

В заключительном слове товарищ Сталин дал конкретную программу ближайших работ новой Горской автономной республики.

«Основное зло, которое угнетало горцев всю жизнь,- сказал товарищ Сталин,- это их отсталость, их невежество. Только искоренение этого зла, только широкое просвещение масс может спасти горцев от вымирания, может приобщить их к высшей культуре. Вот почему в своей автономной республике горцы должны начать прежде всего с устройства школ и культурно-просветительных учреждений. Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах, в этом цель автономии»[81].

После выступления товарищей Сталина и Кирова съезд горских народов Терской области единогласно принял резолюцию, в которой говорилось:

«Съезд народов Терской области, заслушав декларацию наркомнаца товарища Сталина о даровании трудовым массам Терека Автономной Советской Горской Республики, преисполненный чувством восторга перед этим великим актом социальной справедливости по отношению к народам Терека, глубоко чувствуя, что эта автономия еще более скрепит узы братства, связывающие трудовые массы Терской области с Советской Россией, клянется от имени горской бедноты и всего трудового населения области до последней капли крови биться за Советскую власть, за Красное Знамя и за великие идеалы социальной революции»[82].

В основе Автономной Горской ССР лежит великая идея товарища Сталина о дружбе народов и приобщении отсталых

народов национальных окраин к высокой культуре великого русского народа.

Горская АССР, в состав которой вошла Кабарда, окончательно была организована постановлением ВЦИК от 20 января **1921** г.[83] Новая республика рассматривалась как неотъемлемая часть РСФСР. В республику входило шесть округов - Назрановский, Івладикавказский, Кабардинский и другие. Население республики составляли: кабардинцы, осетины, казаки, иногородние и другие горцы Северного Кавказа.

Органами управления республикой были: ЦИК, СНК и местные советы, избираемые на основе конституции РСФСР. Для управления делами республики были организованы наркоматы: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия, продовольствия, финансов, совнархоз с отделами: путей сообщения, почт и телеграфов, рабкрин и наркомтруд. Иностранные дела и внешняя торговля полностью оставались в ведении органов РСФСР. Военные дела были сосредоточены в Горском краевом военкомате, который подчинялся Северо-Кавказскому военкомату. Дела по борьбе с контрреволюцией сосредотачивались в ВЧК.

Горская АССР делилась на шесть административных округов с окружными исполкомами. Города Владикавказ и Грозный были выделены в самостоятельные административные единицы, непосредственно подчинявшиеся ЦИК и СНК Горской АССР.

Кабарда в составе ГССР находилась, однако, недолго. В мае следующего, 1921 г. встал вопрос о выделении Кабарды в самостоятельную автономную область с непосредственным подчинением РСФСР.

Вопрос о выходе Кабарды из состава Горской республики 21 мая 1921 г. был поставлен на заседании Кабардинского окружного исполкома, в постановлении которого записано:

«Ввиду отсутствия определенной экономической связи Кабарды с остальной частью населения ГССР... поставить вопрос о выделении в автономную экономическую область перед ГорЦИКом и Горсовнаркомом, доложившим этим высшим органам ГССР все имеющиеся материалы, доказывающие насущную потребность этого выделения. В случае отклонения этого ходатайства ГорЦИКом и Горсовнаркомом, вопрос о выделении перенести на разрешение высших органов власти РСФСР»[84].

Спустя несколько дней после этого решения Кабардинский окружной исполком на заседании от 28 мая **1921** года решил, в связи с выделением Кабарды в автономную область, созвать 10 июня 1921 г. окружной съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Кабардинского округа, который должен был обсудить вопрос об автономии Кабарды.

Так по данному вопросу пока не было решения партийных организаций, Кабардинский окружной партком 2 июня 1921 г. решил поставить вопрос на расширенном заседании Окружного

парткома, на которое было решено пригласить и товарища Сталина, в то время отдыхавшего на одной из дач в Затишье[85].

Заседание парткома состоялось 10—11 июня 1921 г. в присутствии представителя Терского областного партийного комитета. По вопросу о выделении Кабарды в самостоятельную автономную область Окружной партийный комитет вынес следующую резолюцию:

«Окрпартком на заседании своем 10-11 июня... всесторонне обсудив вопрос о выделении Кабардинского округа из ГАССР в автономную область, считает, что для выделения трудящиеся массы Кабарды как в политическом, так и культурном отношении достаточно подготовлены и что в экономическом отношении кабардинский народ всецело связан с РСФСР, а потому Окрпартком находит необходимым разрешить вопрос о выделении Кабарды на съезде Советов, имеющем быть 2 июня с. г. Решение съезда по этому вопросу довести до сведения Горскопарткома, Кавбюро и ЦК РКП(б)»[8в].

Вопрос об автономии Кабарды был вынесен на IV съезд кабардинского народа, состоявшийся 10-13 июня 1921 г.

На съезд был приглашен товарищ Сталин, который, однако, ввиду обострившейся болезни, не смог принять участия в работе съезда. Тем не менее товарищ Сталин 12 июня 1921 г. прислал на имя председателя съезда письмо, которое было оглашено на съезде.

«Передайте мой горячий, братский привет делегатам съезда,- писал товарищ Сталин,- и скажите им, что я, к большому моему сожалению, не могу принять участия в работе съезда ввиду обострившейся болезни. Передайте членам съезда, что несмотря на невозможность присутствовать на съезде, я душой с ними, с делегатами Кабарды, и желаю им полного успеха в нынешнюю трудную минуту, когда народы великой советской федерации переходят к хозяйственному строительству, а маленькая Кабарда, отдавая дань общей строительной работе, старается, кроме того, выделиться в Автономную область и теснее связаться с центральной Россией для успешной работы за свое хозяйственное преуспение. От всей души желаю вам, товарищи, дружной работы и полной победы на хозяйственном фронте. Сталин»[87].

Всесторонне обсудив животрепещущий для каждого кабардинца вопрос об автономии Кабарды, IV съезд кабардинского народа вынес единогласное решение, в котором говорится:

«IV Съезд Советов Кабардинского округа, выражая твердую неуклонную волю всех без исключения трудящихся Кабарды, учитывая обмен мнений по данному вопросу как на местах - в аулах и селениях, так и на заседаниях своих, когда ни одного голоса возражения не раздавалось и когда для выявления истинного мнения масс Кабарда повсеместно отошла от своих

старых традиций и допустила обсуждение этого вопроса и на женских собраниях, и эти собрания показали, что наши матери, сестры и дочери мыслят одинаково с нами, исходя из этого единогласного решения всего народа, а также полного и добровольного согласия представителей проживающего в Кабарде русского, еврейского и осетинского населения, с одной стороны; что существующие экономические взаимоотношения между народами ГАССР выражаются в отношении Кабарды в форме экономического тяготения ее к соседним пограничным губерниям **РСФСР,** что вследствие этого дальнейшее искусственное экономическое прикрепление Кабарды к ГАССР гибельно отразится на восстановлении разрушенного крестьянского хозяйства трудящихся Кабарды и будет непреодолимым препятствием в борьбе с экономической разрухой, что несмотря на превосходящий культурно-экономический уровень трудящихся Кабарды по сравнению с другими народами ГАССР, существуют еще не вполне изжитые чисто бытовые признаки туземца - с другой стороны,— съезд постановляет:

1) Просить высшие органы власти РСФСР о выделении трудящихся Кабарды и находящегося среди них иногороднего населения в автономную Кабардинскую область;

2) Поручить Президиуму съезда и Окружному Исполнительному комитету Советов немедленно представить обстоятельный доклад по этому решению в высшие органы власти РСФСР и ГАССР»[88].

Несмотря на единодушное желание трудящихся масс Кабарды выделиться в самостоятельную автономную область, областные, партийные и советские организации к вопросу о выходе Кабарды из состава Горской республики отнеслись отрицательно. В резолюции, вынесенной Президиумом Облпарткома от 2 июня 1921 г., говорится, что выделение Кабарды в автономную область не вызывается ни политическими, ни экономическими мотивами и противоречит центральной советской власти[89].

К точке зрения Президиума Облпарткома присоединился и Пленум Областного Комитете РКП(б), в резолюции которого об автономии Кабарды говорится:

1) Признать действия и тактику Президиума правильным.

2) Поставить перед СНК опрос о проведении в жизнь постановления Президиума Гороблпарткома.

3) Послать в Москву представителей от СНК и парткома для точной информации о выделении Кабарды[90].

Вопрос об автономии Кабарды 22 июня 1921 г. обсуждался на совместном заседании Горцика и СНК ГАССР; в постановлении заседания говорится: «Считать выделение Кабардинского округа крайне нежелательным по политическим и экономическим причинам»[91]. На этом же заседании было решено создать специальную комиссию для составления мотивированного доклада ВЦИК по вопросу о выходе Кабарды из состава Горской АССР.

Свое отрицательное отношение к выходу Кабарды из состава Горской республики областные партийные и советские организации мотивировали тем, что будто бы с выделением Кабарды Горская АССР развалится. Однако в разговоре по прямому проводу с председателем Кабардинского Ревкома товарищ Сталин указал на неосновательность этого мотива. «Можете передать от меня Кавбюро совершенно официально,— сказал товарищ Сталин,- что выделение Кабарды в автономную область считаю единственным целесообразным решением вопроса с точки зрения политической и хозяйственной выгоды РСФСР. Выделение Кабарды вовсе не означает развал Горской республики; последняя может сохраняться как республика, ибо у нее остается около миллиона населения за вычетом Кабарды...»[92]

Пленум Кавбюро ЦК РКП(б) 3 июля 1921 г., заслушав представителя Кабарды и представителя Горской республики, согласился на выделение Кабарды из состава Горской республики. В решении Кавбюро записано: «Кавбюро ЦК РКП(б), считаясь с волеизъявлением кабардинской трудящейся массы о выделении Кабарды из Горской республики согласно: 1) постановлению Исполкома от 21 мая; 2) парткома Кабарды от 10 июня; 3) Съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Кабарды от 10-13 июня; 4) общепартийного собрания Нальчикской организации от 17 июня,- считает невозможным принудительно заставлять Кабарду оставаться в составе Горской Республики»[93].

5 августа 1921 г. был обнародован приказ об образовании Кабардинской автономной области в составе Баксанского, Нальчикского, Урванского и Малокабардинского округов.

В новом автономном образовании вся полнота власти перешла к Ревкому, в первом приказе которого сообщалось, что «согласно сообщению по прямому проводу Кавбюро ЦК РКП(б) об утверждении Ревкома автономной Кабардинской области, Окрисполком Кабардинского округа 30 июля сложил свои полномочия и вся полнота власти перешла к Ревкому автономной Кабардинской области», а поэтому предписывалось «всем отделам, управлениям, учреждениям и организациям, находящимся на территории Кабарды, никаких распоряжений, имеющих правовой или принципиальный характер, кроме переписок общего характера, исходящих непосредственно из управлений Горреспублики, не исполнять».

«Автономная Кабарда в этот исторический момент,- говорится в декларации вновь избранного Ревкома,- заявляет себя по-прежнему состоящей в числе членов одного государства РСФСР, общие интересы которого для Автономной Кабарды выше всего, выше своего собственного блага». «Автономия дает многое,- говорится далее в декларации,- но зато она требует многого, прежде всего усиленной, напряженной, творческой работы»[94].

На заседании Президиума ВЦИК от 1 сентября 1921 г. было постановлено «выделить из территории Горской Автономной ССР Автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР» в составе Баксанского, Нальчикского, Урванского и Малокабардинского округов.

В Баксанский округ были отнесены сел. Каменномостское, Сармаково, В.- Ашабово, Н.- Ашабово, Заюковское, Кызбрун I, Куба, Шариатское, Карагачево, Кызбрун III, Алтуд, Ших-Исмайловское, Кишпек, Старая Крепость, Кызбрун II, В.- Куркужинское, Баксан, Кр.- Константиновское, Черниговский хутор, Матвеевский хутор, Николаевский 2-й хутор и Петропавловское *.

В Нальчикский округ - г. Нальчик, Новополтавское, Лечинкай, Чегем I, Чегем II, Шалушкинское, Нартан, Кенже, Ново-Ивановское, Баксано-Курское, Вольное и колония Александровская.

В Урванский округ - Ст. Черек, Урванское, Псыгансу, Жемтала, Кахун, Аушигер, Старо-Урухское, Старый Лескен, Лескен II, Урухское, Н. Черек, Аргудан, Пришибская, Котляревская и Александровская.

В Малокабардинский округ - Плановское, В.- Курпское, Дейское, Хамидие, Н.- Курпское, Арик, Терекское, Акбаш, Неурожайное, Кизлярское, Гнаденбург, Раздольное и Сухотский хутор.

В силу этого же постановления Президиума ВЦИК до созыва первого съезда Советов автономной Кабардинской области вся полнота власти перешла к Ревкому, ближайшей задачей которого являлся созыв первого съезда Советов Кабардинской автономной области.

Учредительный съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Кабардинской автономной области состоялся 25-30 ноября 1921 г.

В работе Учредительного съезда приняли участие командующий Северо-Кавказским округом, член ВЦИК и ЦК РКП(б) тов. Ворошилов и командующий 1-й Конной армией тов. Буденный.

Под бурные аплодисменты делегатов съезда имени ЦК РКП(б) и ВЦИК на съезде выступил тов. Ворошилов, который сказал:

«Советская власть сильна тем, что она дает возможность всем трудящимся, к какому бы народу, к какой нации или вере они ни принадлежали, свободно определиться, существовать и строить свою жизнь, как им подсказывает их история, как им выгодно, как легче устроиться и поднять свой культурный, нравственный и экономический уровень. И теперь ваш съезд - свободной области, свободного кабардинского народа - служит ярким показателем того, что все здесь самостоятельно, вы представители всех аулов, станиц и хуторов - свободно и спокойно разреша-

* Пропущено сел Н. Куркужин.

ете все вопросы, которые необходимо разрешить в интересах трудящихся, которые работают на этой свободной кабардинской земле»[96].

Касаясь ближайших задач, стоящих перед всей советской страной, тов. Ворошилов отметил:

«Война разрушила наше хозяйство, уничтожила много живого и мертвого инвентаря, погибло много скота, необходимого в хозяйстве. Разрушены заводы, фабрики, железные дороги, все это нам необходимо восстановить для того, чтобы все выгоды и богатства пошли бы на улучшение быта, существование детей, нас самих. Эти задачи стоят перед нами, и мы должны их разрешить. Ваш съезд для этого и собрался». «Мы не военные. Мы воевать не умели. Генералы шли против нас, мы их разбили, здесь, на земле, на фабриках,— мы специалисты, мы создавали блага жизни, мы победим; нужно только желание, воля и победа за нами. Пусть ваш съезд свободного, вольного кабардинского народа, будет одной из тех небольших частиц великого свободного целого русского народа, который внесет свою лепту в новую жизнь и вот в этой великой победе, к которой мы придем, ваша лепта будет видна. Да здравствует вольный кабардинский народ!»[96]

Учредительный съезд закончил свою работу 1 декабря 1921 г. избранием Исполнительного Комитета Кабардинской автономной области в составе 30 человек.

Под гром аплодисментов в состав Исполнительного Комитета Кабардинской автономной области были избраны товарищи: Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов и Буденный.

Создание Кабардинской автономной области составляет важнейшую историческую веху в жизни кабардинского народа, твердо ставшего на путь социалистического развития и достигшего на этом новом пути, под руководством великой партии Ленина-Сталина, грандиозных успехов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее по данному вопросу см.: работу Г. А. Кокиев. Аграрное движение в Кабарде в 1913 г., изданную Кабардинским государственным издательством в 1945 г.

[2] *Ленин В. И.* Соч. Т. 3. С. 462.

[3] *Ленин В. И.* Соч. Т. 19. С. 224.

[4] *Киров СМ.* Статьи, речи, документы. Т. 1. С. 52.

[5] *Орджоникидзе Г. К.* Изб. статьи и речи. М., 1939. С. 70.

[6] *Орджоникидзе Г. К.* Цит. соч. С. 70.

[7] Статистические данные взяты из отчетов начальника Терской области за указанные годы.

[8] Цифровые данные взяты из годовых отчетов начальника Терской области за указанные годы. К сожалению, этих сведений в отчетах позже 1904 г. уже не находим.

[9] *Ленин В. И.* Соч. Т. 3. С. 463.

[10] Там же. С. 464.

[11] Статистические данные взяты из отчетов начальника Терской области за указанные годы по Нальчикскому округу. За 1902, 1910 и 1912 гг. сведений нет.

[12] Данные взяты из отчетов начальника Терской области за указанные годы. За 1910 и 1911гг. сведений нет.

[13] *Ленин В. И.* Соч. Т. 1. С. 141.

[14] *Ленин В. И.* Соч. Т. 6. С. 101.

[16] История ВКП(б). С. 7, 8.

[16] *Ленин В. И.* Соч. Т. 3. С. 132.

[17] *Ленин В. И.* Соч. Т. 7. С. 216. .

[18] Освободительное движение. СПб., 1906. № 1. С. 78-80.

[19] Историч. архив Сев.-Осет. АССР, д. № 96.

[20] Подробно о крестьянском восстании 1913 г. см. нашу монографию «Аграрное движение в Кабарде в 1913 г.». Нальчик, 1946.

[21] *Ленин В. И.* Соч. Т. 12. С. 211.

[22] *Сталин И. В.* Беседа с писателем Э. Людвигом. С. 9.

[23] *Ленин В. И.* Соч. Т. 25. С. 353.

[24] *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1935. С. 51.

[25] Пролетарская революция. М., 1939. Кн. 1. С. 209.

[26] Историч. архив Каб. АССР, ф. 1, д. 2, л. 7.

[27] Там же, ф. 24, д. 9. л. 27.

[28] Сборник статей, воспоминаний и материалов. Издание Тергубкома РКП(б). Пятигорск, 1924. № 1.

[29] Там же.

[30] Пролетарская революция. М., 1939. Кн. 1 С, 209.

[31] Народная власть. 1918. № 22.

[32] Народная власть. 1918. № 48.

[33] Народная власть. 1918. № 47.

[34] Известия Пятигорского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и горских депутатов. 1918. № 33.

[35] Народная власть. 1918. № 22.

[36] Историч. архив Каб. АССР, ф. 152, д. 28, л. 123.

[37] Там же, д. 62, л. 29.

[38] Там же, ф. 1, Д. 2, л. 44.

[39] Пролетарская революция. М., 1939. Кн. 1. С. 215.

[40] *Орджоникидзе С.* Год Гражданской войны на Северном Кавказе// Пролетарская революция. М., 1939. № 1. С. 217.

[41] Историч. архив Каб. АССР, ф. 197, д. 30, л. 2.

[42] Там же, д. 20, л. 1.

[43] Там же, д. 33, л. 2.

[44] Там же, д. 25, л. 2 и 5.

[45] Там же, д. 25, л. 6.

[46] Там же, д. 37, л. 3.

[47] Там же, д. 31, л. 69.

[43] Там же, л. 8.

[49] Там же, л. 7.

[511] Там же, д. 2, л.7.

[61] Там ж, д. 4, л. 115 и об.

[52] Там же, д. 1, л. 94.

[5:1] Там же, д. 25, л. 7. .' - . -

[54] Там же, ф. 1, д. 31, л. 4 и об.

[55] Там же, ф. 201, д. 9, л. 62.

[56] Там же, ф. 197, д. 34, л. 2.
[57] Там же, д. 36, л. 3.
[58] Журнал № 62 Срочных постановлений // Историч. арх. **Каб.** АССР, ф. 197, Д. 36, л. 4.
[59] Историч. архив Каб. АССР, ф. 197, д. 24, л. 2.
«"Тамже, д. 24, л. 5.
[81] Там же, д. 30, л. 14 .
[82] Там же, д. 39, л и об,
[93] Там же, л. 62.
[64] Там же, л. 60 и об.
[66] Тамже, д. 8, л. 40,41.
[66] Тут Шуков после советизации Терека был одним из активных строителей советской власти в Кабарде. Он состоял начальником гарнизона сел. Кармово и вел активную борьбу с бандитизмом, оставшимися в селах Кабарды контрреволюционными элементами. В июле 1920 г. Тут Шуков арестовал двух крупных бандитов - Ахмеда Индреева и Хазкета Кошемокова (Историч. архив Каб. АССР, ф. 201, д. 19, л. 179). В 1921 г. после выделения Кабарды в самостоятельную автономную область Тут Шуков состоял членом Баксанского окрревкома. Тут Шуков 20 декабря 1942 г. в возрасте 56 лет зверски был расстрелян немецкими фашистами в сел. Кубе Каб. АССР.
[87] Историч. архив Каб. АССР, ф. 201, д. 9, л. 62.
[88] Там же, д. 36а, л. 9.
[69] Там же, ф. 1, д. 2, л. 3.
[70] Там же, ф. 201, д. 36а, л. 3.
[71] Там же, л. 2.
[72] Там же, д. 1, л. 28.
[73] Там же, д. 18, л. 38.
[71] Тамже, д. 6, л. 17, 18.
[75] Там же, ф. 201, д. 1, л. 731, 732.
[78] Там же, ф. 201, д. 18, л. 2.
[77] Там же, д. 1.
[78] Там же, л. 1084.
[79] Там же, д. 26, л. 174-176.
[80] *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть советов на Северном Кавказе. М., 1941. С. 329, 330.
[81] Там же. С. 329, 330.
[82] *Киров С. М.* Соч. Т. 1. С. 191.
[83] Историч. архив Каб. АССР, ф. 201, д. 36а, л. 33.
[84] Там же, л. 70.
[85] Там же, л. 73.
[86] Там же, л. 75, об.
[87] Там же, л. 28, 46.
[88] Там же, л. 49 об.
[89] Там же, д. 36а, л. 77.
[90] Там же, д. 36, л.77 и об.
[91] Там же, л. 41.
[92] Там же, л. 27.
[93] Там же, л. 42.
[94] Красная Кабарда. 1921. 3 авг. № 1.
[06] Историч. архив Каб. АССР, Стенограф, отчет Учр. съезда, л. 66
[96] Там же, л. 67, 68.

ТОВАРИЩ СТАЛИН - СОЗДАТЕЛЬ ГОРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ССР

Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией.

Сталин

17 ноября с. г. исполняется 25 лет со дня объявления Горской Автономной Советской Социалистической Республики.

Создание ГАССР связано с именем товарища Сталина, с первых же лет советской власти неустанно заботившимся о культурно-политическом и экономическом развитии горских народов.

В основе создания Горской Автономной Советской Социалистической Республики лежит великая сталинская идея о дружбе народов и сплочении отсталых национальных окраин с передовой советской Россией.

В 1920 г., еще до создания Горской Автономии, в статье, посвященной политике советской власти по национальному вопросу в России, товарищ Сталин писал, что «административный передел России на началах советской автономии еще не закончен, северокавказцы, калмыки, черемисы, вотяки, буряты и пр. ждут еще решения вопроса, но какой бы вид ни приняла административная карта будущей России и каковы бы ни были недочеты, допущенные в этой области, а некоторые недочеты действительно были, нужно признать, что, производя административный передел на началах областной автономии, Россия сделала крупнейший шаг вперед по пути сплочения окраин вокруг пролетарского центра, по пути сближения власти с широкими народными массами окраин»[1].

Для создания прочного союза народов советской России товарищ Сталин считал необходимым «прежде всего ликвидировать ту отчужденность и замкнутость окраин, ту патриархальность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах, как наследие зверской политики царизма[2]. Поэтому товарищ Сталин поставил перед партией важнейшую задачу - «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов»[3].

После очищения Терека от деникинских белых банд, когда в горских областях Северного Кавказа окончательно победила

советская власть, товарищ Сталин приступил к выяснению конкретных нужд горцев, чтобы помочь им. По поручению товарища Сталина, в сентябре 1920 г., С. Орджоникидзе разослал по всем национальным областям Северного Кавказа телеграмму следующего содержания:

«Согласно предложению наркомнаца товарища Сталина, прошу в срочном порядке ответить на следующие вопросы: первый - экономическое и политическое положение горцев; второй - какие меры необходимы для улучшения жизни горцев. Ответы направить товарищу Сталину за подписью фамилий товарищей, принимавших участие в обсуждении и разрешении поставленных вопросов»[4].

За неимением сведений мы лишены возможности судить о характере материалов, полученных товарищем Сталиным с мест в ответ на телеграмму товарища Орджоникидзе. Можно, однако, думать, что требуемые материалы товарищем Сталиным были получены, и они дали ему возможность приступить к практическому осуществлению идеи о политическом устройстве горцев.

В конце октября 1920 г. за подписью председателя Терского Областного исполкома был разослан всем предисполкомам телеграфный циркуляр о том, что «по распоряжению народного комиссара по национальным делам товарища Сталина, 15 ноября с. г. созывается всенародный съезд Терской области»[5]. Ввиду этого предлагалось окружным и отдельским исполкомам немедленно приступить к подготовительным работам и выборам с тем, чтобы «на съезд народа были бы представлены возможно широкие массы населения, не стесняясь рамками Конституции, допуская к выборам всех, кроме явных контрреволюционных элементов»[6].

В подготовительных работах по созданию Горской Автономной Советской Республики, протекавших в сложных и трудных условиях многоплеменного и разноязычного Терека, весьма важную роль играли С. М. Киров и С. Орджоникидзе, неутомимая работа которых была завершена созывом съезда народов Терской области.

В среду 17 ноября 1920 г. во Владикавказе, в помещении городского драматического театра открылся съезд народов Терека. В президиуме съезда - Сталин, Киров, Орджоникидзе.

С докладом об Горской Автономной Советской Социалистической Республике выступил встреченный бурными аплодисментами товарищ Сталин.

«Старый период в истории России,- сказал товарищ Сталин,- когда цари и генералы попирали ваши права, уничтожали ваши вольности, этот период угнетения и рабства канул в вечность. Теперь, когда власть в России перешла в руки рабочих и крестьян, в России не должно быть больше угнетенных. Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели генералы.

Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России, что Россия покидает их, что Красная Армия будет уведена в Россию, как спрашивают об этом с тревогой горцы? Нет, не значит. Россия понимает, что предоставленные самим себе народности Терека не смогут отстоять свою свободу против мировых хищников и их агентов... Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии».

«Советская власть хочет сказать,- продолжал товарищ Сталин,- что она вполне доверяет вам, товарищи горцы, что она доверяет вашим способностям самоуправляться. Будем надеяться, что вы сумеете оправдать это доверие рабоче-крестьянской России»[7].

В заключительном слове товарищ Сталин дал конкретный план ближайших работ новой горской республики, указав при этом на основное зло, веками угнетавшее горцев.

«Основное зло, которое угнетало горцев всю жизнь,- сказал товарищ Сталин,- это их отсталость, их невежество. Только искоренение этого зла, только широкое просвещение масс может снасти горцев от вымирания, может приобщить их к высшей культуре. Вот почему в своей автономной республике горцы должны начать прежде всего с устройства школ и культурно-просветительных учреждений. Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах, в этом цель автономии»[8].

После выступлений товарищей Сталина и Кирова съезд горских народов единогласно принял резолюцию, в которой говорилось:

«Съезд народов Терской области, заслушав декларацию наркомнаца товарища Сталина о даровании трудовым массам Терека Автономной Советской Горской Республики, преисполненный чувством восторга перед этим великим актом социальной справедливости по отношению к народам Терека, глубоко чувствуя, что эта автономия еще более скрепит узы братства, связывающие трудовые массы Терской области с советской Россией, клянется от имени горской бедноты и всего трудового населения области до последней капли крови биться за Советскую власть, за Красное знамя и за великие идеалы социальной революции...»[9]

Так 17 ноября 1920 г. была создана товарищем Сталиным Горская Автономная Республика, юридически оформленная постановлением ВЦИК от 20 января 1921 г.

Горская республика рассматривала себя как неотъемлемую часть РСФСР.

В состав новой Горской Автономной Советской Республики вошли: Назрановский, Владикавказский, Кабардинский и другие округа с окружными исполнительными комитетами. Население Горской республики составляли: казаки, иногородние, осе-

тины, кабардинцы и другие горцы бывшей Терской области. Органами управления республики были: ЦИК, СНК и местные Советы, избираемые на основе Конституции РСФСР. Для управления делами Горской республики были организованы наркоматы: внутренних дел, юстиции, народного обеспечения, земледелия, продовольствия, финансов, совнархоз с отделами: путей сообщения, почт и телеграфов, рабкрин и наркомтруд.

Создание Горской Автономной Советской Республики, в состав которой на равных правах вошли все народности Терека, составляет важнейшую историческую веху в жизни горцев, твердо ставших на путь социалистического развития и достигших на этом новом пути под руководством великой партии Ленина - Сталина громадных успехов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. **М., 1937. С. 60.**

[2] Там же. С. 61.

[3] Там же. С. 70.

[4] Истор. архив Каб. АССР, ф. 201, д. 26, л. 174-176.

[6] Там же, д. 26, л. 174-176.

[6] Там же.

[7] *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров в борьбе за власть Советов на Сев. Кавказе. М., 1941. С. 329, 330.

[8] *Разгон И.* Указ . соч. С. 331.

[9] *Киров С. М.* Соч. Т. **1.** С. 191

Кабардинская правда. 1945. № 229

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI-XVIII вв.

Кабардинцы относятся к черкесскому племени, которое было известно греческим и римским писателям под названием зихов '. По сведениям генуэзца Георгия, в 1504 г. побывавшего на Западном Кавказе, владения зихов, или черкесов [2], простирались от Дона до Риона по азово-черноморскому побережью и непосредственно граничили с абхазами[-3].

В средние века, по сведениям византийских писателей, одно из черкесских племен, известное у Константина Багрянородного под названием кабаров, или кабардов [4], передвинулось на восток и заняло нынешнюю территорию Большой Кабарды - от Кубани до Бештау, или Пятигорья.

В XIII-XV вв. Кабардинцы вели оживленную торговлю по азово-черкесскому побережью - от Азова до Сухуми. Здесь насчитывалось свыше 40 итало-генуэзских колоний, среди которых наиболее значительными были Азов, Сухуми, Копа и Матрега. Последняя находилась на Таманском полуострове и служила еще в период существования Тмутараканского русского княжества важнейшим торгово-политическим центром для всего Западного Кавказа.

Судьба итало-генуэзских колоний на азово-черноморском побережье решилась захватом Константинополя турками в 1453 г. и усилением влияния последних на Западном Кавказе.

В 1475 г. турки завоевали Каффу, которая являлась крупным торгово-политическим центром Генуи. По приказанию турецкого султана Магомета II, около 14 тыс. итальянцев, захваченных в Каффе, были записаны в турецкую армию, 300 итальянских купцов казнены, а город с населением в 60 тыс. жителей разграблен и разрушен до основания. Среди пострадавших в Каффе торговых людей было, по-видимому, немало и русских купцов. Во всяком случае, русская летопись свидетельствует, что в 1475 г. «туркове взяша Каффу и гостей московских много побише, а иных поймаша, а иных пограбив, на откуп даваша»[5].

После захвата Константинополя и ликвидации итальянских колоний на азово-черноморском побережье турки начали длительную борьбу за усиление своего влияния на территории кабардино-черкесов, среди которых культурно-политическое влияние русских было весьма сильным. По крайней мере путешественник Герберштейн, на основании русских источников, сообщает: кабардино-черкесы - «христиане, управляются своими законами, в исповедании и обрядах сходствуют с греками, богослужение отправляют на языке славянском, на нем же и говорят»[6]. - , ...

Кабардинцы оказали упорное вооруженное сопротивление турецко-крымской экспансии. По свидетельству того же Герберштейна, кабардинцы не признали над собою власти турецко-крымских завоевателей и вели с ними непримиримую борьбу. Венецианский посол Ванченсо Алессандро рассказывает, что в 1572 г. кабардинцы на 24 лодках причалили к турецкому берегу Черного моря, ограбили население, разорили турецкие виноградники, перебили много народу, захватили в плен женщин, забрали много ценных товаров. Вскоре после этого кабардинцы вновь предприняли поход на Трапезунд, но были встречены высланными султаном Селимом турецкими войсками на шести галерах и были вынуждены вернуться обратно.

Борьба кабардинского народа против турецко-крымских агрессоров длилась с переменным успехом на протяжении почти всего XVI в. Сопротивление кабардинцев было сломлено численно превосходящими хорошо вооруженными силами противника.

Успеху оружия турецко-крымских завоевателей способствовала феодальная раздробленность Кабарды. В описываемый период Кабарда делилась на множество феодальных княжеств, каждое из них управлялось своим удельным князем, в руках которого сосредотачивалась вся власть. Удельный князь, или пши, пользовался исключительным правом объявления войны и заключения мира. Права пши над зависимыми крестьянами были неограничены, а его личность была неприкосновенна.

За кабардинскими удельными князьями следовало шесть разрядов средних и мелкопоместных дворян, находившихся в вассальной зависимости от князей.

В экономическом отношении княжеский удел представлял собой самодовлеющее, замкнутое хозяйство, находившееся в очень слабой связи с внешним миром.

Постоянная вражда кабардинских удельных князей между собой ослабляла борьбу против иноземных захватчиков. Часть феодалов ориентировалась на турецко-крымских завоевателей, при помощи которых она рассчитывала осуществить свои групповые интересы.

В первой половине XVI в. в результате внутренней борьбы кабардинские феодалы разделились на три враждебных группы: Восточную, куда вошли феодалы Малой и части Большой Кабарды, Баксанскую, куда вошли феодалы западной части Большой Кабарды, и Закубанскую, или Бесланию [7].

Закубанская группа кабардинских феодалов ориентировалась на Крым и Турцию. Не случаен поэтому тот факт, что Беслания, или Бесланея, еще в XVI в. становится исходным пунктом турецко-крымской агрессии на территории Кабарды. Бесланеевские феодалы в вооруженной борьбе против феодальных группировок, ориентировавшихся на Россию, опиралась на

турецких султанов и крымских ханов. Часто турецко-крымские войска появлялись в Беслании, откуда предпринимали свои опустошительные набеги против непокорных районов Кабарды. Предательская роль бесланеевских феодалов способствовала установлению над кабардинской землей турецко-крымского гнета. Турецкие султаны обложили кабардинское население тяжелой данью. Взимали эту дань по поручению султанов крымские ханы. Ежегодно сборщики дани приезжали в Кабарду и угоняли громадные табуны лошадей, крупного рогатого скота и сотни людей [8]. Каждому вновь вступившему на престол хану кабардинцы обязаны были доставить 300 мальчиков и девочек [9]. Эта цифра систематически повышалась крымскими ханами. Хан Селим-Гирей (1577-1584) требовал от кабардинцев 700 мальчиков и девочек, а его приемник, хан Каплан-Гирей, по свидетельству османского историка Фундуклуду, требовал 3 тыс. ясырей [10]. Когда же кабардинцы отказались от уплаты непосильной дани, хан Каплан-Гирей направил в Кабарду 30-тысячную армию крымских татар, которая была полностью уничтожена кабардинцами. Однако это не прекратило дальнейших набегов крымских ханов на Кабарду.

Турецко-крымские насильники подвергали население Кабарды неслыханным унижениям и оскорблениям. Кабардинский князь Кургок Атажукин обратился к крымскому хану Бахта-Гирею с просьбой облегчить участь придушенного непомерно высокой данью населения Кабарды. Когда князь доложил свою просьбу, хан сказал: «Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот, возьми!» С этими словами он высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя Атажукина. «Ступай и объяви своему народу о моей милости» [11].

Для получения причитавшейся с кабардинцев дани «посылался ежегодно полномочной из Крыму в Кабарду, которого должно было богато трактовать, и он имел вольность и с своею свитою забавляться их женами и дочерьми, сколько ему потребно было» [12].

Успеху оружия внешних поработителей кабардинской земли способствовала непрерывная междоусобная борьба князей. «Сами князья были причиной бедствий своей родины. Спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноземникам» [13].

Говоря о тяжелых последствиях феодальной раздробленности Кабарды и княжеских междоусобий, которые привели к политическому и экономическому упадку, Ш. Ногмов отмечает, что в XVI в. Кабарда «представляла вид рассеянного военного стана, где каждый, ополчаясь, охранял свое имущество вооруженной

24 Заказ № 106

рукой» и что «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды»[м].

Внешние и внутренние политические условия Кабарды XVI в. властно требовали объединения всех сил кабардинского народа. Инициатором объединения феодально-раздробленной Кабарды явился известный кабардинский удельный князь Темрюк Идарович. В целях сплочения раздробленных феодальных частей в одно политическое целое он отстранил князей от управления уделами и заставил их служить за жалованье центральной княжеской власти[15].

К этому же времени относится проведение в Кабарде некоторых судебных реформ. Были учреждены так называемые третейские суды, в состав которых входили избираемые ежегодно представители от народа. Вопросы, касавшиеся всего кабардинского народа, а также жалобы членов суда разбирались в «верховном суде», руководимом удельным князем. За неисполнение установленных удельным князем узаконений и за нарушение народных обычаев были введены штрафы. За преступление против отечества и кабардинского народа князья лишались княжеского звания и изгонялись за пределы Кабарды.

Мероприятия князя Темрюка Идаровича, стремившегося к ликвидации феодальной раздробленности и созданию централизованной княжеской власти, были, несомненно, прогрессивными.

О прогрессивной роли централизованной княжеской власти в период феодальной раздробленности и внутри княжеских междоусобий Ф. Энгельс писал, «что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Konigtum) была прогрессивным элементом,— это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»[16]. Мероприятия Темрюка Идаровича укрепляли обороноспособность Кабарды в борьбе с внешними врагами.

Политика князя Темрюка Идаровича, как и надо было ожидать, встретила сильное сопротивление со стороны ущемленных в своих политических и экономических правах феодальных князей, значительная часть которых не только ориентировалась на турецких султанов и крымских ханов, но нередко приводила их в Кабарду для борьбы против центральной княжеской власти.

В процессе борьбы с внутренней оппозицией, смыкавшейся с турецко-крымской агрессией, умный и дальновидный князь Темрюк Идарович понял, что собственными силами, без помощи извне, ему не справиться с турецко-крымскими захватчиками и их агентурой внутри Кабарды. Поэтому он придавал большое

значение установлению тесных политических связей с Московским государством, при помощи которого он рассчитывал покончить с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

Московское государство, заинтересованное в расширении и укреплении своего влияния на Северном Кавказе, охотно гало на сближение с Кабардой, имевшей большое культурно-политическое влияние на другие горские народы.

Первое кабардинское посольство было отправлено в Москву князем Темрюком Идаровичем в 1552 г. В состав этого посольства входили кабардинские князья Маашук, Иван Езбузлуков и Танашук.

Князь Темрюк Идарович просил царя Ивана IV принять кабардинский народ в свое подданство и построить на кабардинской земле военные укрепления против турецко-крымских насильников, обещая за это «служить всякие государевы службы и к крымскому, турскому и шевкальскому не пристанут»[17].

За этим первым посольством в Москву последовали другие. Основным мотивом посольских наказов была просьба, «чтобы государь вступился за них, а их с землями взял к себе в холопи и от крымского оборонил»[18].

В 1563 г., по просьбе князя Темрюка Идаровича, Иван Грозный заложил на берегу реки Терек крепость Терки, которая в 1571 г. была разрушена по требованию турецкого султана Селима и крымского хана Девлет-Гирея.

Однако в 1577 г. крепость Терки, по просьбе кабардинских князей, вновь была восстановлена московским воеводой Лукианом Новосильцевым. Одновременно Иван Грозный отправил в Кабарду грамоту, в которой говорилось: «Приходили к нам от вас и ото всех черкасские земли бити челом... чтоб нам вас и оберегать ото всех ваших недругов и город бы нам пожаловати на Терке, реке Усть-Суюнчи поставить и воеводу моего и людей с огненным боем к вам послати, как в том городе от ваших недрузей можно быти бесстрашными. И вы б вычетчи нашу жалованную грамоту, у воеводы нашего были в нашем жалованье и примили есте нам и служили о всем по тому, как в нашей жалованной большой грамоте за золотою печатью писано»[19]. А в грамоте этой было написано, чтобы «всем черкесам и тамошним людям... мимо всех смотрите на государя и быти от государя неотступными»[20].

Турция и Крым категорически потребовали от Москвы разрушить построенную на Тереке крепость, угрожая в противном случае порвать дипломатические отношения. «И мы слышали,- писал тогда крымский хан Девлет-Гирей Ивану Грозному,- что еси прислал людей тысячи две-три, да на Терке город поставил, того для промыслил еси, чтоб шевкальскую землю и черкасскую изневолить. А шевкальцы - мусульмане, а при отцех и при дедех наших от тех месть и по ся места меж нас с

ними ссылка живет, а люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и любви ведемся. А черкесы ханскому величеству и нам подручны, и тем городом хочешь ты отлучити. И похочешь дружбы и мир, и ты тот город вели снесть, а не похочешь так, и ты бы наших послов отпустил, и мы бы твоих отпустили. Так бы еси ведал: меж нам боле того ссылки не будет. Кому что ни даст бог милосердный - даст, и мы за свой сором учнем стоять»[21].

Ультиматум крымского хана, за спиной которого стояла султанская Турция, был предметом специального обсуждения Боярской думы, в решении которой было записано: «А о городе на Терке отписати, что государь Темрюка князя пожаловал, взял у него дочь его за себя, и многие черкесы-недруги его досады ему делают, и царь для недругов его и город велел поставити»[22].

Кабарда сделалась ареной борьбы между Россией и Турцией, борьбы, длившейся не менее трех столетий. В продолжение этого времени каждое из названных государств стремилось превратить Кабарду в зависимую страну и использовать ее в этой борьбе. Таким образом, чем «в Европе была Польша, тем в Азии была Кабарда - слабая страна, находившаяся между двумя сильными влияниями - русским и турецко-крымским»[23].

В результате постройки военных крепостей на территории Кабарды влияние Московского государства на Северном Кавказе, и в особенности в Кабарде, усилилось еще более.

В усилении влияния Московского государства среди горских народов крупную роль сыграло терское воеводство, состоявшее из московских и кабардинских ратных людей. Представители последних часто приезжали в Терки по торговым делам.

Установившиеся при Иване IV политические связи Кабарды с Московским государством укреплялись различными методами. Не последнее место среди них занимало аманатство, сыгравшее для Кабарды большую культурную роль. В 1553-1557 гг. в Москве в качестве аманатов находились и учились в Кремлевском дворце русской грамоте сыновья кабардинских князей Кудадек и Султанук, названные после крещения первый Александром, второй Михаилом[24]. В качестве аманатов в Москве находились восемь человек из числа братьев и ближайших родственников князя Темрюка Идаровича. Впоследствии они стали русскими боярами[25].

Московские бояре Кудашевы, Мансуровы, Алеуковы, Черкасские и Бековичи-Черкасские по происхождению были кабардинцами. Все они попали в Москву в качестве аманатов, воспитывались при царском дворе и благодаря своим личным качествам были приравнены к русскому боярству.

Многие из кабардинских аманатов, хотя и оставались навсегда в Московском государстве, но не порывали связи со своей родиной. В этом отношении показателен пример князя Александра Бековича-Черкасского[2в], игравшего большую роль в налаживании сношений России с восточными странами в период царствования Петра I. Бекович-Черкасский пользовался большим влиянием среди кабардинских князей. Под его влиянием кабардинские князья в 1714 г. приняли присягу в верности Петру I, а в 1717 г. снарядили специальный отряд от кабардинцев, который принимал участие в руководимой Бековичем-Черкасским хивинской экспедиции Петра I.

В деле культурно-политического сближения Кабарды с Московским государством большое значение имело распространение среди кабардинцев христианства. В XVI в. Московское государство направляло в Кабарду православных миссионеров, которые «приобрели многих последователей христианства, и на высотах Кавказских частию возобновили и очистили древние храмы, а частию соорудили новые»[27].

Православная миссионерская пропаганда имела наибольший успех среди князей и крестьян Малой Кабарды. Объясняется это тем, что малокабардинские князья не в состоянии были противостоять агрессии бесланеевских князей, поддерживаемых Крымом и Турцией, и искали помощи и защиты у Московского государства.

В Западной Кабарде, или в Беслании, пропаганду православного христианства приходилось вести в весьма сложных условиях. Если в Малой Кабарде православие столкнулось с дохристианскими верованиями кабардинцев, то в Беслании, находившейся уже к половине XVI в. под турецко-крымским гнетом, пришлось вести неравную борьбу с исламом, который огнем и мечом насаждался крымскими ханами среди населения.

В связи с польско-шведской интервенцией влияние Московского государства на Северном Кавказе ослабло, в то время как политическое влияние Турции и Крыма усилилось. Православное христианство в Кабарде было разгромлено крымскими ханами. «В эту эпоху,- пишет Ногмов,- многие шогены (священники.- *Г. К.)* были убиты, книги их сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены, от чего произошла следующая поговорка: «Чтоб твое имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы»[28]. Таким образом, в Кабарде православное христианство уступило место религии турецко-крымских завоевателей - мусульманству.

Введение христианства в Кабарде следует рассматривать как прогрессивное явление, способствовавшее укреплению культурных связей и политическому сближению Кабарды с Московским государством.

Важную роль в деле укрепления и дальнейшего развития установившихся между Кабардой и Московским государством политических сношений играли и родственные связи. Известно, что в 1561 г. Иван IV вторым браком женился на дочери

крупного кабардинского удельного князя Темркжа Идаровича Марии. Мария Темрюковна скончалась 1 сентября 1569 г. и была похоронена в московском Новодевичьем монастыре.

В оценке брака Ивана Грозного с Марией Темрюковной нельзя не согласиться с Броневским, который писал, что «сей поступок - был ли он следствием пристрастия или политических вычетов — произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, тюменских и таманских черкесов, которые в походах царя Ивана Васильевича на Лифляндию, Польшу и против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками, и храбростию, им свойственною, много способствовали его победам»[30]. Действительно, кабардинцы в царствование Ивана IV стали принимать активное участие в предпринимаемых Московским государством военных походах. При завоевании городов Тамани и Темрюка в октябре 1556 г. кабардинцы составляли головной отряд в рядах русских войск под командой князя Вишневецкого[31]. В следующем году кабардинцы вместе с русскими войсками под начальством М. В. Глинского принимали участие в Ливонской войне Ивана IV[32], а в 1558 г. отличились при взятии города Мильтена в осаде города Дерпта, под которым была наголову разбита немецкая конница, пытавшаяся сделать вылазку из осажденного города[33].

Московское государство высоко ценило верную службу Кабарды и оказывало ей всемерную поддержку и покровительство. Пользуясь поддержкой Московского государства, князь Темрюк Идарович распространил свое влияние на всю Северо-Кавказскую равнину от берегов Кубани до устьев Терека. Он владел всеми северокавказскими торговыми путями, сосредоточив в своих руках значительную часть поступавших от них доходов.

К этому времени относятся расширение связей Кабарды с другими народами и распространение ее политического влияния на соседние горские народности. В частности на осетин, феодальная верхушка которых вынуждена была признать свою вассальную зависимость от кабардинских князей[34].

Ш. Ногмов о сближении Кабарды с Москвой пишет, что кабардинский «народ был обрадован союзом и покровительством России»[36].

О стародавних дружественных отношениях Кабарды с Московским государством до нас дошла весьма распространенная в кабардинском народе поговорке: «Тхьэ 1уэ пащтыхь Иван хэту», что значит: «Клянись именем царя Ивана»[38].

Установившиеся между Кабардой и Московским государством политические связи укреплялись и при преемниках Ивана Грозного. Царь Федор Иванович продолжил политику Ивана Грозного в отношении Кабарды. Он приказал построить в

Кабарде две крепости «для защиты исконных холопей» Московского государства от иноземных насильников. Одна из этих крепостей была построена на правом рукаве Терека - Тюменке, при впадении ее в Каспийское море, и называлась Тюменским городом, а другая была построена при устье реки Сунжи и называлась Сунженским городом.

В январе 1588 г. в Москву прибыло кабардинское посольство во главе с князьями Мамстрюком и Кудадеком, которые били челом царю Федору Ивановичу, чтобы их «государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своем государстве' жалованье во обороне от их недругов по тому же, как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его, государев... великой государь, царь и великий князь Иван Васильевич; а они государю учнут служить всякие государевы службы, где государь велит, и к иному государю, к крымскому и турскому и шевкальскому, не пристанут»[37].

В ответ на челобитную кабардинского посольства царь Федор Иванович «всех черкасских князей и всю черкасскую кабардинскую землю пожаловал под свою царскую руку, в оборону взял по тому ж, как их жаловал, держал в своем государстве жалованье отец его Иван Васильевич всеа Руси, и грамоту им свою государеву с золотою печатью дати велел»[38].

Согласно полученным полномочиям, кабардинские послы Мамстрюк и Кудадек приняли присягу в верности царю Федору Ивановичу. Они поклялись защищать интересы Московского государства «всею кабардинскою землею».

Федор Иванович повелел кабардинским князьям «служить в Терском городе и стоять на всякого'недруга за один с воеводами нашими и где вам велим идти на свою царскую службу на которого нашего недруга, и вам детей своих и племянников с ратными людьми посылать, сколько с нами ратным людям идти велим, и прямить к нашему царскому величеству и служити с нашими воеводами и стояти на всякого нашего недруга о всем по тому, как в сей нашей царской жалованной грамоте писано»[39].

Таким образом, 1588 г. является знаменательной датой для истории Кабарды: кабардинская земля с этого времени стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Федор Иванович стал титуловаться «государем земли Иверской грузинских царей и Кабардинской земли черкасских и горских князей»[40].

Переход Кабарды в подданство Московского государства был положительным для нее фактором. В лице Московского государства Кабарда приобрела сильного и могущественного покровителя и защитника. Подданство Кабарды Московскому государству имело для нее также большое культурно-политическое значение, определившее ее дальнейшую историческую судьбу.

Однако кабардинское посольство 1588 г. не выражало общего мнения всей кабардинской земли: оно отражало действительное настроение князей Большой и Малой Кабарды, но не представляло Закубанской Кабарды, или Беслании, все еще остававшейся под турецко-крымским гнетом.

Борьбу двух основных княжеских групп в Кабарде, одна из которых ориентировалась на Московское государство, другая - на Крым и Турцию, правильно подметили римские послы - барон Августин Мейерберг и Гораций Вильгельм Кальвуччи, предпринявшие в 1661 г. свою поездку в Москву к Алексею Михайловичу. На основании личных наблюдений, они пришли к выводу, что царь Алексей Михайлович «совсем не вправе называться государем... Кабардинской области, лежащей при Азовском море и населяемой ордою или сборищем татар, подвластных жестокому турецкому игу», и, напротив, «государем черкасских князей называется он по праву»[41]. При этом территорией расселения черкасских князей они называли пространство «от берегов Каспийского моря до Кавказских гор» - подданную и дружественную Московскому государству Большую и Малую Кабарду.

Однако и внутри Большой и Малой Кабарды оставались отдельные враждебные московской ориентации элементы, возглавляемые князьями Саулохом и Алхазом, против которых сторонники Московского государства в 1589 г. просили Федора Ивановича прислать «своих государевых воинских людей стрельцов и казаков воевати государевых непослушников черкес, которые государю не прямят и не служат»[42].

Просьба кабардинских князей была удовлетворена. Царь Федор Иванович направил в Кабарду 750 московских ратных людей под командой Гришки Полтева. Это была первая военная экспедиция, отправленная Московским государством в Кабарду.

Экспедиция Полтева со своим заданием справилась успешно. Существенную помощь экспедиции оказал кабардинский князь Янсох Асланбекович, который для совместных действий против ослушников Московского государства со своими ратными людьми присоединился к отряду Полтева. Был разгромлен и сожжен удел князя Алхаза. Основной удар был направлен, однако, против главного мятежника - князя Саулоха, у которого «выжгли и вывоевали кабаков с 30 и болыни», в результате чего князь Саулох «с своими детми и с уздени вышел к Григорию Полтеву и бил челом, чтоб его не воевали, и он государю хочет служити, и заклад бы у него взял, кого хотят»[43].

Князь Янсох Асланбекович в 1590 г. за свою верную службу был признан Московским государством князем над всей кабардинской землей, о чем ему была послана жалованная грамота за золотой печатью[4"]. В результате экспедиции Полтева московские ратные люди и кабардинские князья совместными действиями разгромили противников московской ориентации,

и «кабардинскую землю всее под государеву руку привели», после чего «вся Кабарда стала в единстве»[46].

Кабардинские князья на деле доказывали свою преданность Московскому государству. Они не раз выступали против внешних врагов Московского государства. Кабардинский князь Мамстрюк, по предложению царя Федора Ивановича, в 1591 г. принимал активное участие в походе против непокорного Шамхала Тарковского. Федор Иванович высоко ценил роль князя Мамстрюка и жаловал его за верную службу. Дружественные отношения между Кабардой и Московским государством еще более укрепились в следующем XVII в.

В 1603 г. в Москву прибыло кабардинское посольство в составе внука князя Темрюка Идаровича - Сюнчелея Янгалычева, князя Саулоха и князя Шепшукова. Сюнчелей Янгалычев бил челом Борису Годунову «о своих нуждах, чтоб его царь Борис пожаловал, велел ему жити в Терском городе», построенном при царе Федоре Ивановиче. Борис Годунов кабардинских послов принял очень ласково, выслушал их внимательно и, удовлетворив просьбу Сюнчелея, отпустил послов на родину с богатыми подарками.

Кабардинский мурза Сюнчелей Янгалычев был одним из самых преданных Московскому государству политических деятелей Кабарды. Он сыграл весьма видную роль в борьбе Москвы против польско-шведских интервентов.

События, развернувшиеся в Московском государстве в начале XVII в., для кабардинских князей были неожиданными, и они не сразу могли в них разобраться.

Когда первый самозванец завладел московским престолом, кабардинский мурза Сюнчелей Янгалычев в сопровождении десяти кабардинских узденей, окоцкого мурзы Батой Шахмурзина, двух черкесов и терского новокрещенного Максимки поехал 12 ноября 1605 г. в Москву «с поздравлением Лжедмитрия о принятии Российского престола».

i За время своего пребывания в Москве мурза Сюнчелей успел лично познакомиться с Лжедмитрием I и несколько разобраться в московских событиях.

После вступления на Московский престол Василия Шуйского кабардинские князья во главе с князем Саулохом отправили в Москву посла Кардана. Но Кардан до Москвы не доехал: он был схвачен казаками под Тулой. Казаки отобрали у Кардана челобитную князя Саулоха, а самого привели к Тушинскому вору. При отступлении тушинского вора к Калуге Кардан тоже вынужден был отступить с ним. А когда самозванца убили, Кардан перебежал к Прокопию Ляпунову, который отправил его в Казань.

По вступлении на царство Михаила Федоровича воевода И. М. Воротынский отправил Кардана в Москву, где он был с

большими почестями принят новым царем. В сентябре 1615 г. Кардан с царской грамотой на имя кабардинских князей вернулся на родину.

Осенью 1613 г. в Астрахань прибыли И. Д. Заруцкий и вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек для поднятия астраханских, волжских, терских, яицких казаков и горцев Северного Кавказа против Москвы. Тогда мурза Сюнчелей Янгалычев, командовавший кабардинскими ратными людьми и терско-гребенскими казаками, посоветовавшись с воеводой Петром Головиным, решил отправиться к Ивану Заруцкому и Марине Мнишек, чтобы убедиться лично, действительно ли именующий себя супругом Мнишек есть Лжедмитрий I, с которым он был знаком. «Из Терки-де и в Астрахань к вору Заруцкому приезжал Сюнчелей горской окочены, и жил-де и у вора с неделю да поехал на Терек, а для чего приезжал, того не ведомо»[46].

О чем говорил Заруцкий с мурзой Сюнчелеем и что последний отвечал ему, к сожалению, неизвестно. Но несомненно одно: Сюнчелей убедился, что Заруцкий - сторонник польских интервентов и враг Москвы.

По возвращению в крепость Терки Сюнчелей настоял перед терским воеводой Петром Головиным на том, чтобы отправить против Заруцкого вооруженные силы. А когда Иван Заруцкий потребовал к себе воеводу Петра Головина для наказания за неисполнение приказания выслать ему ратных людей, кабардинские служилые люди, которыми командовал мурза Сюнчелей, ответили ему: «Али вы хотите сделать то же с Петром, что сделали с князем Хворостининым? Не быть нам с вами в воровском совете»[47].

Заруцкому стало ясно, что ему нечего рассчитывать на поддержку терско-гребенских казаков и служилых кабардинцев терского воеводства. В 1614 г. Заруцкий сделал еще одну попытку поднять против Москвы терско-гребенских казаков и кабардинцев. С этой целью он прислал в Большую Кабарду Михалку Черного, но на Борозде, в 20 верстах от крепости Терки, Михалка был схвачен кабардинцами и приведен в Терки.

Терский воевода Петр Головин «с миром того Михалка на пытке пытал», после чего Михалка выдал Головину все планы Заруцкого. Он сообщил, что Заруцкий «на велик день хочет быть на Терек, Петра Головина и многих людей казнить, а его, Михалка, послал поднять кабардинских князей и черкес итти на Русь войной»[48].

Получив сведения о планах Заруцкого, терский воевода Петр Головин и мурза Сюнчелей отправили против Заруцкого вооруженный отряд из 500 казаков и кабардинцев под командой стрелецкого головы Василия Хохлова. Василий Хохлов во главе казачье-кабардинского отряда «стал над ворами поиск чинить», а когда подошел к Самаре, дал знать о своем прибытии воеводе князю Дмитрию Пожарскому[49].

Преследуя отряды Заруцкого, кабардинцы совместно с терско-гребенскими казаками не раз одерживали победу. Так, в результате одного крупного сражения на берегу Каспийского моря они многих из отряда Заруцкого «живыми поймали, а иных в воде потопили»[50]. В одном из боев было захвачено в плен свыше 160 человек из разгромленного отряда Заруцкого, сам же Заруцкий и Марина Мнишек с сыном спаслись на Медвежьем острове. 15 июня 1614 г. они были схвачены и отправлены в Москву, где Заруцкий и сын Марины Мнишек были казнены, а Марина заточена в одну из башен Коломны.

Таким образом, кабардинцы верно служили Московскому государству и с оружием в руках защищали его от иноземных врагов. Они добросовестно выполнили данную в присутствии боярского сына Смагина клятву «служити великому князю Михаилу Федоровичу до своего живота и быть под его высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным», обещая «с вором Ивашкой Заруцким и с Маринкой и с сыном ее ни на какое дурно не ссылатись и хотя они учнут нам присылать и наговаривать на которое дурно - и нам того не слушать, а где будет наша мочь,- и нам над ними и над ворами, которые государю непослушны, промышляти... и везде над ними поиск чинить»[51].

Свою преданность Московскому государству кабардинские князья вновь подтвердили в челобитной от 10 июня 1614 г., в которой писали, что они «с уздени своими и с черкесы и с окоцкими людми и с новокрещены служат государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси на Терке всякие государевы терские и кумыцкие и кабардинские службы, и на заставах на отъезжих караулех стоят с городовыми людми вместе »[52].

Московское государство по-прежнему высоко ценило преданность и верную службу кабардинских князей и в свою очередь оказывало им покровительство и возможную помощь в условиях сложной международной политической обстановки XVI-XVII вв. Оно вело дипломатическую борьбу с Турцией и Крымом по кабардинскому вопросу, строило на важных стратегических пунктах военные укрепления против турок и татар, наконец, предоставляло экономические льготы и ограждало политические права кабардинских князей.

После изгнания польских интервентов с русской земли мурза Сюнчелей обратился а Михаилу Федоровичу с пространной челобитной, в которой он, указав на верную службу кабардинской земли Московскому государству, подчеркнул выдающуюся роль Кабарды в изгнании с русской земли польско-шведских интервентов. «Из давних лет,- писал Сюнчелей в своей челобитной,- дед и отец мой и весь род наш служили деду твоему Ивану Васильевичу и дяде твоему Федору Ивановичу и всем московским государям. И как по грехам была в Российском

государстве многая смута и междоусобная брань и вотчина твоя государева город Астрахань царю Василию изменила, от нево отложилася в воровство,— а я, холоп твой, в то время был в твоей государеве вотчине на Терке и терских людей от такого воровства удержал и их веру, которого они называли царским именем, креста целовать не велел. А как милости божьим Московское государство от польских и литовских людей и от ложных царей очистилось и избрали всею землею на Московское государство государем, и мы, холопи твои, тому обрадовались и хотим тебе служити и прямити свыше прежних великих государей»[83].

В ответ Михаил Федорович отправил мурзе Сюнчелею благодарственную грамоту с обещанием царского жалования за то, что он «в смутное время ни к какому нашему недругу не пристал и воровской смуте Ивашки Заруцкого не поверил»[54]. А через короткое время из Москвы в Терки прибыл дворянин Д. С. Погожев с «государевым жалованным словом и с жалованьем золотыми». В присутствии терского воеводы Головина, мурзы Сюнчелея и других кабардинских и кумыкских князей, собравшихся в «съезжей избе», Погожев сказал от имени царя Михаила Федоровича: «А ты бы, воевода, князь Петр Петрович и Сюнчелей Янгалычев... как есте начали нам, великому государю, служить, так бы и содержали нам служили и прямили и над вором Ивашкой Заруцким и над Маринкой с сыном промышляли неослабно, сколько вам милосердный бог подаст. И то, Сюнчелей Янгалычев, был под нашею царскою высокою рукою навеки неотступным. А мы, великий государь, вас учнем жаловати и держати в нашем царском жалованьи свыше прежнего и учнем к вам присылать с нашим жалованьем ежегодно беспереводно... наша царская милость будет к вам непеременна»[55].

В следующем, 1615 г. специальной грамотой Михаила Федоровича Сюнчелей был награжден «княжьим именем да быти над окочены надо всеми и над черкасы, которые великому государю служат на Терке, князем»[56].

В конце 1615 г. кабардинские князья Сюнчелей, Куденет и Шегенук ездили в Москву, чтобы лично засвидетельствовать царю Михаилу Федоровичу свою преданность, и были приняты царем в январе 1616 г.

Большую роль сыграл князь Сюнчелей в сплочении горских народов вокруг Москвы. Он призывал кабардинских и дагестанских князей служить Московскому государству. После вступления на московский престол Михаила Федоровича князь Сюнчелей разослал по всей Кабарде и Дагестану воззвание о подданстве московскому царю. В результате воззвания Сюнчелея казикумухские князья Гирей и Алибек, карабулакский князь Сурхай, тарковский князь Мамет Ханмурза и кабардинские князья Салох, Казымурза Шегенуков, Айтек Мурса Алхасов и Мурда-Мурза со своими узденями, братьями и родственниками «по своей вере принесли присягу, шертовали и государю служат и прямят»[01].

В XVII в. по примеру Кабарды стали по разным мотивам добиваться подданства и покровительства Московского государства и другие горские народы. Первыми заявили о своем желании принять подданство Москвы осетины, которые при помощи своего сюзерена хотели освободиться от феодально-вассальной зависимости Кабарды. Представители осетинских феодалов Смаил и Чибирка заявили московским послам Толочанову и Иевлеву, следовавшим в 1650 г. в Имеретию, что «только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они-де горцы и все горские люди будут его государевы холопи, и что дают черкасским мурзам ясак, и тот учнут давать московскому государю»[58].

Однако во избежание осложнений в отношениях с влиятельной в то время Кабардой Московское государство в XVII в. уклонилось от принятия в подданство Осетии. Только в XVIII в. Россия в связи с Кучук-Кайнарджийским трактатом 1774 г. (по которому Кабарда отошла к России) приступила к разрешению осетинского вопроса.

Политическое влияние Московского государства в Кабарде настолько упрочилось в XVII в., что можно было приступить к экономическому освоению кабардинской земли. Началом экономического освоения Кабарды можно считать посылку из Московского государства в Кабарду геолого-разведочной экспедиции.

В начале второй четверти XVII в. кабардинский князь Пшимахо Камбулатович Черкасский от имени кабардинских князей отправил в Москву гонца Каншаумурзу Битемрукова просить Михаила Федоровича прислать в Кабарду специалистов для исследования обнаруженных в Кабарде серебряной и медной руд. Заинтересовавшись предложением кабардинских князей, царь приказал отправить в Кабарду «немецкого рудознатца и золотознатца с именем Самула Фрича, и с ним вместе лозохотца, или рудокопца, Ивана Геральда»[69],

Московская геолого-разведочная экспедиция прибыла в Кабарду 21 августа 1628 г. Руководство экспедицией было возложено на терских воевод, князей И. А. Дашкова и Б. Г. Приклонского, которые несли ответственность за экспедицию перед московским правительством.

В 1629 г. экспедиция вернулась в Москву. Результаты ее были доложены Михаилу Федоровичу, который повелел разработать подробный план эксплуатации горнорудных богатств Кабарды.

В XVIII в. южные пределы русского государства пришли в непосредственное соприкосновение с территорией Кабарды. Кавказская военная линия, заложенная в 1711 г. у устья реки Терека, шла на запад по течению рек Терека и Кубани, а в конце века

была доведена до берегов Азовского моря. Вдоль кордонной линии закладывались военные укрепления, сыгравшие весьма важную роль в дальнейшем колониальном наступлении России на Северный Кавказ.

В 1736 г. была заложена крепость Кизляр, а в 1763 г. к западу от Кизляра, тоже на кордонной линии, была заложена, уже на самой территории Кабарды, крепость Моздок. Затем шли крепости Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь и ряд других.

На протяжении всего XVIII в. на Северном Кавказе Россия была занята строительством Кавказской военной линии и военных укреплений, и почти никаких наступательных операций в глубь горских земель в целях территориальных захватов она не производила. Тем не менее была совершенно очевидна колониальная направленность всех мероприятий царской России.

В XVIII в. в связи с усилением политического влияния России среди горских народов, в русско-турецких отношениях весьма остро встал кабардинский вопрос. Несмотря на стародавние связи Кабарды с Московским государством, подданства и покровительства которого она так долго и упорно добивалась, Турция не хотела уступать ее России. Поэтому в первой половине XVIII в. между Россией и Турцией началась острая дипломатическая борьба за обладание Кабардой. Оба государства наводняли Кабарду тайными агентами и шпионами, которые подкупали и вербовали сторонников среди наиболее влиятельных кабардинских князей. «О состоянии и поступках и намерениях тех горских владельцев,- говорится в секретном указе Сената кизлярскому коменданту Красногоровцеву,- непрестанно с крайним прилежанием как чрез посылки туда в их владения из живущих при Кизляре и по Терку военных способных к тому людей под приличным претекст, т. е. под образцом купечества с ихними нуждами, тако ж и чрез употребление туда ж частию посылкою шпионов, подлинно выведать. Секретно указом нашим объявить, дабы кабардинские князья на пересылки с турецкой стороны крымцов и кубанцов к горским владельцам прилежно смотрели и чрез всякие способы подлинно разведывали и извести присылали, какие оным от турок и татар предложени и внушени чинятся о склонении их к соединению с кубанцами против нас. Весьма нужно посылщиков из Крыма с писмами перенять, чтоб с того можно было намерение и соглашение *со* обеих сторон совершенно ведать. Тех пересылаемых людей с писмами поймать и оных на Кизляр скрытно препроводить. Для лучшего их, кабардинцов, к тому побуждения послать к ним наперед из имеющейся в Кизляре нашей казны пристойное число, а подарок денгами или какими вещами»[60].

Крым и Турция зорко следили за поведением кабардинских князей и старались предупредить малейшие с их стороны попытки к сближению с Россией. «Чего ради вы Московского государя войску пристав, наших подданных кубанских жителей разорили и войска их разбили,- писал турецкий султан кабардинским князьям,- для чего вы на своего государя и на веру свою руку подняли? Ныне вы придите и принесите повинную и отпустите ваше прегрешение и неразоритеся до конца и во всякой будете милости. А буде того не учините и в нашей воле не будете, князей ваших и узденей ни едина душа не спасется»[61].

В 1732 г. особенно остро встал вопрос о том, кому владеть Кабардой - России или Турции. Русский посланник в Константинополе Неплюев, оказавшись в затруднительном положении, запрашивал свое правительство о" том, как ему вести себя по кабардинскому вопросу, «именно, как о Большой Кабарде объявить, и как давно Малая Кабарда находится под русским покровительством... чтоб мог Порте обстоятельно доказать и тем ложные ханские донесения опровергнуть»[62]. Одновременно он предупреждал свое правительство, что «кабардинское дело большое беспокойство принесет, если Россия захочет присвоить себе Большую Кабарду», вернее Бесланию, в которой, как уже указывалось, турецко-крымское влияние было сильнее, чем русское.

Пока между Неплюевым и Петербургом шла переписка, наместник крымского хана на Кубани Нуреддин-султан готовился со своими войсками к вступлению в Кабарду.

Узнав о планах Нуреддин-султана, Неплюев от имени своего правительства решительно заявил, что при движении турецко-крымских войск русские войска немедленно будут введены в Кабарду для ее защиты. Создавалась весьма напряженная обстановка, готовая вылиться в войну между Россией и Турцией. Вскоре, однако, Неплюеву стало известно через подкупного турецкого чиновника, что турецкое правительство дало распоряжение крымскому хану «не подавать им малейшего повода к ссоре с Россией, с которой дружба теперь очень нужна Порте», а потому решено «в Кабарду войск не посылать, в таком случае и русские войска туда не пойдут»[03].

Через короткое время, однако, турецкое правительство вновь без каких-либо оснований стало доказывать, что Кабарда издавна принадлежит Крымскому ханству. «Донесите вашей государыне,- заявила Турция Неплюеву,- что она в Кабарду мешаться не изволила, потому что она всегда принадлежала крымскому хану, и Порта не уступит Кабарды, до чего б ни дошло»[6"1].

Известно, как Крым силою оружия поработил Закубанскую Кабарду, или Бесланию, составлявшую весьма незначительную часть Кабарды, вступившей в подданство Московского государства еще при царе Федоре Ивановиче.

Чувствуя неосновательность выдвинутого «довода», Турция попыталась «обосновать» свои захватнические планы в Кабарде соображениями «государственной чести». «Хотя Кабарда и небольшой важности,- заявило турецкое правительство Неплюе-

ву,- но честь государственная запрещает уступить свою землю»[66]. На это Неплюев дал достойный ответ турецкому правительству. «Если Порта хочет ссоры,- заявил Неплюев,- то можно ее начать и без Кабарды. Что же касается государственной чести, то она одинакова как у русского, так и у оттоманского государства, и моя императрица не может отступиться от своих прав, для защиты которых способы найдутся»[66].

Россия твердо решила не уступать Кабарды ни Турции, ни Крыму, которые не имели на нее никаких прав. Кабарда в то время для России имела весьма важное стратегическое значение. Территория Кабарды разъединяла собою враждебных России крымских татар и дагестанских шамхалов, объединенные силы которых могли бы поставить под угрозу южные пределы России. Вот почему был прав Неплюев, который категорически настаивал перед Елизаветой Петровной, что «Кабарду уступать нельзя, и этим отворить дверь татарам в Дагестан»[67].

По вопросу о необходимости присоединения Кабарды к России в тогдашних политических кругах не было двух мнений. Было совершенно ясно, что, присоединив Кабарду, территория которой разъединяла Крым с Дагестаном, Россия получала возможность создать сильный заслон против турецко-крымских агрессоров и непосредственно влиять на дела других горских народов, полностью или частично находившихся в зависимости от Кабарды. «Надобно заблаговременно,- писал князь Долгорукий,— всех как Малой, так и Большой Кабарды владельцов вяще жалованья», так как «весьма нам надлежит Большую и Малую Кабарду склонить в нашу порцию ради двух причин: первая - от турок и крымцов, другая - для страху дагестанцам, понеже у кабардинцев с дагестанцами натуральная недружба»[68].

Кабардинский вопрос между Россией и Турцией не был разрешен мирным путем: он разрешился в результате русско-турецкой войны 1735-1739 гг. По заключенному между Россией и Турцией в 1739 г. Белградскому мирному трактату, Кабарда была признана «суверенной».

В шестом артикуле Белградского мирного трактата о Кабарде было написано: «Быть тем Кабардам вольным и не быть под владением ни одного ни другого империя, но токмо за бариеру между обоими империями служить имеют и что и от другой стороны - блистательной Порты туркам и татарам во оные не вступатца и оных не обеспокоивать, такожде и от всероссийской империи оные в покое оставлены будут, но что однако же, по древнему обыкновению, браны будут во всероссийскую империю и от тех кабардинцев для спокойного их пребывания аманаты, и Оттоманской Порте також позволяется для такой же притчины брать от них таких же аманатов, и ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»[69].

Таким образом, хотя Кабарда, по Белградскому трактату, формально была признана независимой, фактически же эта независимость оказалась для нее фикцией, так как и у Турции, и у России в отношении Кабарды руки по-прежнему оставались развязанными. «Хотя по-настоящему между всероссийской империей и блистательной Портой трактату,- писал граф Воронцов,- Кабарда и кабардинский народ и оставлен вольным и за бариеру между обеими империями, однако же обеим сторонам за продерзости дозволено их наказывать, и потому собственная кабардинского народа польза требует, чтоб они никаких уже и причин не подавали к употреблению строгих против их мер как российской, так и турецкой стороне»[70].

Кабарда сделалась ареной интриг и скрытой политической борьбы между Россией и Турцией. Оба государства посылали в Кабарду своих тайных агентов и секретные письма, которые распространялись среди кабардинских князей. По поручению турецкого султана, крымский хан Девлет-Гирей в 1760 г. в секретном письме на имя кабардинских князей Асланбека, Кувадбека, Эльбиздукбека и узденей Исмайлова, Сахашева, Кудунетова и Ватамова писал, чтобы им «стараться общим соглашением предаться сиятельной Порте и Крыму, следуя правилам мусульманского закона»[71].

Несмотря на то что «независимость» Кабарды, по Белградскому мирному трактату, оказалась для нее фикцией, трактат этот все же сыграл некоторую положительную роль для внутренней истории Кабарды: он дал возможность Кабарде укрепить и расширить свое политическое влияние среди горских народностей. Правда, некоторые горские племена и до Белградского трактата находились в полной или частичной зависимости от Кабарды, но трактат признанием Кабарды суверенной как бы санкционировал за ней свободу действий среди этих народностей.

Ко времени действия Белградского трактата относится распространение кабардинских поселений на Северо-Кавказской равнине, начиная от Кубани на западе и кончая Дарьяльским ущельем на востоке.

Однако существование независимой Кабарды в непосредственном соседстве с Россией было политически невыгодно для последней. Поэтому вся дальнейшая политика России на Северном Кавказе в отношении Кабарды была направлена к ликвидации Белградского мирного трактата **1739** г. и к безусловному обладанию Кабардой.

Поставленной цели Россия добивалась в результате русско-турецкой войны 1768 г., заключением Кучук-Кайнарджийского мирного трактата 1774 г., по 21-му артикулу которого «Большая и Малая Кабарды осталися в точном подданстве ее императорского величества»[72]. Белградский мирный трактат **1739 г.** был

таким образом аннулирован Кучук-Кайнарджийским трактатом, и вся дальнейшая политика России в отношении Кабарды теперь проводилась без учета международных обязательств, предусмотренных русско-турецкими трактатами и конвенциями, заключенными до 1774 г. «Во время настоящее,— писала коллегия дел после заключения Кучук-Кайнарджийского трактата,- когда кабардинцы, по переменившимся обстоятельствам всего тамошнего края, и сами принадлежат действительно к подданству здешнего императорского скипетра, всякие, в рассуждении их новые меры, свободны уже от зависимости соглашение с Портой и Крымом»[73].

Официальной датой окончательного разрешения кабардинского вопроса в русско-турецких отношениях и политического присоединения Кабарды к России следует считать 1774 г., когда Россия получила свободу действий на Северном Кавказе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1. Вып. 1. С. 130.

[2] Некоторые авторы термин «черкес» выводят из персидского языка и сближают его с термином «черкеш», что значит «мятежник» (см.: Путешествие Дюбуа де Монпере в «Библиотеке для чтения». СПб., 1839. Т. 35, 36. С. 126; ср.: *Эйхвальд.* Страбоновы известия о Кавказе и Южной России. Библиотека для чтения. СПб., 1838. Т. 30. С. 147; ср.: Русский вестник. М., 1863. Т. 48. С. 846.).

[3] Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5.; ср.: Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1859. Т. 2. С. 731.

[4] Сочинения Константина Багрянородного о «фемах» и «народах»/ Предисловие и комментарии Г. Ласкина. М., 1890. С. 150-154.

[5] Записки Одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 823.

[6] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Перевод с латинского издания 1556 г. И. Анонимова. СПб., 1866. С. 153.

' *Кокиев Г.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов. Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 76, 77.

[8] Терские ведомости. 1894. № 97.

[9] *Смирнов.* Крымское ханство. СПб., 1887. С. 348.

[10] Записки Одесского общества и древностей. Одесса, 1884. Т. 2. С. 161; ср.: Пейсонель. Ч. 2. С. 316.

[11] Рукопись Александра Мисостова, хранящаяся в рукописном отделе библиотеки АН СССР. № 49. Л. 182.

[12] *Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции. М., 1785. Т. 2. Кн. 2. С. 467.

[13] *Ногмое III.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 97.

[14] Там же. С. 98.

[15] Государственный архив древних актов (ГАДА). Кабардинские дела за 1748 г., д. № 41, л. 1.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. Ч. 1. С. 445. >**>& •-••••-••»<• w **-«;,'

[17] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 150-154.

[18] *Карамзин Н.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 2. Т. 8. Прим. 416.

[19] *Белокуров С.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 9.

[20] Там же. С. 18.

[21] Крымский статистический список № 13, л. 68, 87.

[22] Там же, № 10, л. 52.

[23] *Соловьев С.* История России. Кн. 6. Т. 26-29. С. 76.

[24] *Карамзин Н.* Указ. соч. Кн.2. Т. 8. С. 140.

[25] Северная пчела. М., 1850. № 99. Прим. 9.

[26] Александр Бекович-Черкасский происходил из известного кабардинского княжеского рода Джамбулатовых, из фамилии Бекмурзиных. Кабардинское его имя было Девлет-Гирей. Еще в детстве он попал аманатом в Москву, принял крещение и был назван Александром. Бекович - значит «потомок древних беков», а Черкасский значит «из земли Черкасской». Бекович-Черкасский был послан Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении в Россию Петр I приблизил Черкасского к себе и способствовал его женитьбе на Марии Борисовне Голицыной. Тогда же Черкасский был произведен в чин капитана гвардии. В 1777 г. Черкасский возглавлял хивинскую экспедицию и погиб в Хивинском ханстве.

[27] Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881г. Тифлис, 1887. С. 140. И в настоящее время можно видеть развалины христианских церкпей, построенных при Иване IV московскими миссионерами, в Малой Кабарде, в окрестностях древних городищ Татартуп и Джулата. На стенах церквей сохранилась церковная живопись, исполненная московскими мастерами. В этих церквах московские миссионеры крестили преимущественно кабардинских крестьян. Что касается князей, то они предпочитали креститься в Москве, так как принятие крещения в Москве было связано с получением богатых подарков от царя, офицерского чина и других привилегий и наград. Этот обычай среди кабардинских князей получил особенное распространение в первой половине XVII в., когда Кабарда уже формально признала себя вотчиной Московского государства.

[28] *Ногмое Ш.* Указ. соч. С. 46.

[29] Брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной нашел свое отражение в русских народных песнях, одна из которых записана около 100 лет назад в Астраханской губернии. См.: Отечественные записки. Т. 130. Кн. 5, 6 за 1860 г. С. 70.

[30] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 80.

[31] *Карамзин Н.* Указ. соч. Кн.2. Т. 8. С. 155 и прим. 471.

[32] *Соловьев С.* Указ. соч. Т. 6. 3-е изд. С. 132.

[33] *Потто В.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. С.8.

[34] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. Тифлис, 1926. С. 119.

[35] *Ногмое Ш.* Указ. соч. С. 108.

[36] Там же.

[37] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 45.

[38] Там же. С. 46.

[39] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 51.

[40] Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 16. М., 1791. С. 250.; ср.: *Карамзин Н.* Указ. соч. Т. 10. С. 40 и прим. 115.

[41] Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи к Алексею Михайловичу в 1661 г. М.,1874. С. 163, 164.

[42] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 84. > •

[43] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 183.
[44] Труды Ставропольской архивной комиссии. **1910. Вып. 2.** С. **3.**
[46] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 122.
[46] Акты исторические. 1841. Т. 3. С. 411.
[47] Там же. С. 257.
[48] Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). Т. 3. № 20.
[49] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 163.
[50] Там же. С. 164.
[51] ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., д. № 3, грамота № 4.
[62] Акты исторические. 1841. Т. 3. С. 21, 22.
[63] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 556, 557.
[54] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 107.
[55] ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., кор. 2, д. № 6.
[56] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 107.
[57] ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., д. № 2.
[88] Посольство стольника Толочанова. С. 120.
[59] *Гамель И.* Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 г., по приказанию царя Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды. СПб., 1829. С. 37.
[60] Ленинградский центральный исторический архив, ф. правительствующего Сената за 1737 г. Кн. 104, л. 1035, 1036.
[61] ГАДА. Кабардинские дела за 1711 г., д. № 1.
[62] *Соловьев С.* Указ. соч. Т. 20. С. 1231.
[63] Там же. С. 1233.
[84] Там же. С. 1315.
[66] Там же.
[67] Там же. С. 1322.
[68] ГАДА. Кабардинские дела за 1559-1748 гг., св. 1, кор. 1, д. № 1, л. 86,87.
[1,9] ГАДА. Кабардинские дела за 1739 г., д. № 2; ср.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. С. 899-901.
[70] ГАДА. Кабардинские дела за 1760-1765 гг. Письмо графа Воронцова кабардинским князьям.
[71] ГАДА. Кабардинские дела за 1760 г., д. № 10.
[72] ГАДА. Осетинские дела за 1767-1774 гг., д. № 3.
[73] Материалы по истории Осетии. 1934. Т. 1. С. 300.

Вопросы истории. 1946
№ 10. С. 44-60

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АДЫГОВ (КАБАРДИНЦЕВ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий краткий очерк профессора Г. А. Кокиева «Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев)» является первым обобщенным научно-историческим трудом, дающим некоторые исторические сведения о предполагаемых древних предках современных кабардино-черкесов, впервые выступивших на арену мировой истории в IV в. до н. э.

Как известно, до настоящего издания профессора Г. А. Кокиева мы не имели обобщенных научно-исторических сведений из древней истории кабардинцев, несмотря на то, что кабардинцы, как и все народы Кавказа, имеют свою многовековую историю. Брошюра профессора Г. А. Кокиева последовательно и в хронологическом порядке, на основе существующих научно-исторических данных, излагает сведения из древней истории кабардинцев. Выход в свет брошюры профессора Г. А. Кокиева даст возможность читателям и нашей молодежи получить некоторое представление об исторических судьбах кабардинского народа в древние времена.

М. Наков

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АДЫГОВ (КАБАРДИНЦЕВ)

Находясь на пути передвижения многочисленных народов из Азии в Европу, а потому имея важнейшее стратегическое значение, Кавказский перешеек с древнейших времен сделался такой страной, за обладание которой соперничали сильнейшие государства древнего мира. С запада к захвату Кавказа стремились греки, римляне и византийцы; с севера-скифы, гунны, авары, хазары, монголы и руссы; с юга-персы, аравитяне и монголы. Каждый из этих народов, захватывая ту или иную часть Кавказа, в зависимости от ступени культурного развития, оставлял на Кавказе известный след своего пребывания. На Кавказе происходило скрещение различных культур, принадлежавших многим народам, попеременно в разные исторические эпохи захватывавшим отдельные части Кавказского перешейка.

Отмечая исключительно сложный этнический состав Кавказского перешейка, Карл Риттер писал, что «Кавказский перешеек населен был множеством больших и мелких народностей,

нашедших там убежище. Это были остатки многочисленных народов, после сокрушительных войн заброшенные туда в темные незапамятные времена, подобно как обломки кораблей прибиваются к берегу океана после бурь. Они жили в полной независимости то в союзе, то во вражде со своими соседями и храбростью и геройским духом сохраняли свою свободу. На этот муравейник народов указывает и прозвание Кавказа в средние века - «вагина гентиум». Туда относили корень и происхождение всех народов вообще Ч

По вопросу о древнем этническом составе Азово-Черноморья нельзя не согласиться с мнением, что «едва ли во всей истории есть более трудный вопрос, чем определение народностей, издревле обитавших в Черномории. Сколько их тут жило или проходило — общеизвестно. Немало осталось от них и памятников. Но определение народностей, которым принадлежали те или другие памятники, представляет неисчислимые трудности»[2].

Трудности определения этнического состава Азово-Черноморья обусловлены тем, что вследствие происходивших на юге России переселенческих и колонизационных волн этническая номенклатура его менялась не раз. Топонимические и племенные названия Азово-Черноморья передавались в искаженном, допускавшем разночтения, виде на языках новых пришельцев, или менялись в зависимости от изменения политической роли племени, нередко дававшего свое имя целому комплексу различных по происхождению племен. Угры, хазары, руссы, печенеги, аланы, зихи и многие другие, различные по происхождению, племена Азово-Черноморья после завоевания их скифами были известны, например, под именем северных скифов[3]. Наряду с этим древние авторы воспринимали части одного и того же племени под разными именами, вследствие перемены места оседлости и в зависимости от географических особенностей занимаемых ими мест. На это важное обстоятельство между прочим указывает и русская летопись, свидетельствующая, что различные племена «прозватася имены своими, где седше, на котором месте»[1]. Но если бы даже на протяжении двух тысячелетий этнический состав Азово-Черноморья в своих основных элементах и не менялся, все равно не представилось бы возможным найти точное соответствие современным этническим образованиям в массе племенных названий, дошедших до нас в известиях авторов классической древности.

Трудности, которые лежат на пути к выяснению древнего этнического состава Азово-Черноморья и с которыми в дореволюционной историографии сталкивался не один автор, к сожалению, и по наше время остаются в силе, и вопрос о племенном составе этого края все еще продолжает оставаться неразгаданным сфинксом.

Из всех многочисленных племен, в древности населявших Азово-Черноморье, в особенности нас интересуют те, с которыми устанавливается этническое родство современных кабардино-черкесов, далекие предки которых в древности действительно бытовали здесь.

В исторической науке предков кабардино-черкесов этнически сближают с древними синдами, керкетами и зихами.

Профессор Лопатинский термин «синды» сближает с «шинджишве», которым, по его словам, убыхи называли своих ближайших соседей-абадзехов. Но сближением термина «синды» с убыхским «шинджишве» значение данного слова все-таки остается неразъясненным.

Сближая термин «синды» с санскритским «сундху» и англосаксонским и скандинавским «зунд», сохранившимся в географическом названии «зунд», барон Услар в древнейших индоевропейских языках устанавливает наличие значительного количества слов, примыкающих к данному корню и означающих «море» или «реку», и на этом основании приходит к выводу, что название «синды» значило «приморские жители», «поморяне» или, быть может, «приречные жители», так как они жили на дельте Кубани. Но далее Услар делает оговорку, что, поскольку данный термин являлся нарицательным названием вообще приморских или приречных жителей, то «такое толкование нисколько не объясняет нам, к какому племени принадлежали прикубанские синды»[5].

Керкетов, об этническом родстве которых с синдами имеется прямое свидетельство у Исакия Александрийского (V в. н.э.)[6], Лопатинский сближает с термином «черкес», которым русские и другие народы называли адыгов.

На точке зрения отождествления черкесов с керкетами, жившими, по сведениям Скилака (IV в. до н.э.), Страбона (I в. н. э.), Плиния (I в. н. э.), Помпония Мела (IV в. н.э.), Птолемея (II в. н. э.), Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) и Стефана Византийского (V в. н. э.), на восточном побережье Черного моря от Анапы до Гагр, еще до Лопатинского стояли Услар и Шора Бекмурзин Ногмов. «Черкес и керкет,- пишет Услар,— очевидно, тождественны, если мы примем в соображение, что в греческом алфавите не было буквы «ч»[7].

Такого же мнения по вопросу о тождестве «черкес» и «керкет» был и историк кабардино-черкесского народа Шора Бекмурзин Ногмов. «Что же касается до названия «черкес»,- писал Ногмов,- то несмотря на то что одни его производили от персидского языка[8], а другие от татарского, думаю, что естественнее всего признать в нем древнее нарицательное имя «керкет», которое греки часто употребляли для означения наших предков »[9].

Если подходить к разъяснению термина «керкет» с грузинского языка, то, по словам Н. Я. Марра, в одних разновидност-

тях он означает «ротозей», в других - «высокого плотного человека» или «стройного человека, имеющего тонкую талию»[10].

Термин «зихи» Лопатинский сближает с термином «цыхухе», что означает «люди», «человеки» или самоназвание кабардино-черкесов - «адыге»[11].

Более употребительным мне кажется толкование термина «зихи» Загурским [12], который выводит его из абхазского названия кабардино-черкесов. Абхазцы кабардино-черкесов называют «азхуа», а их территорию - «зихуни». От названия территории кабардино-черкесов действительно легко мог произойти термин «зихи», которым называлось одно из адыгейских племен, в древности населявших Азово-Черноморское побережье.

В качестве названий племен термины «синды» и «керкеты» впервые упоминаются в «Описании моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии», приписываемом древнему писателю Скилаку Кариандскому (IV в. до н. э.), по поручению Дария I предпринявшему путешествие вдоль берегов Фивийского залива.

Скилак Кариандский местожительство синдов и керкетов указывает на Восточном побережье Азовского моря. «За местами,- пишет он,- народ синды», а «за Синдской гаванью - народ керкеты»[13]. А далее он перечисляет ахеев, иниохов, коликов, меланхленов, гелонов, колхов и ряд других племен, живших к юго-востоку по Кавказскому побережью Черного моря.

В дальнейшем о предполагаемых предках кабардино-черкесов, синдах и керкетах, о которых, как уже указывалось, Скилак упоминает в IV в. до н. э., находим сведения у Страбона (63 г. до н. э.- 23 г. н. э.), который об этническом составе Азово-Черноморья сообщает, что «у моря лежит азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за нею живут ахеи, зихи, иниохи, керкеты и макропогоны» или, по Страбону, - «длиннобородые»[14].

Впервые, следовательно, термин «зихи» в этническом значении встречается у Страбона, который, важно отметить, употребляет его параллельно с «синдами» и «керкетами».

Знаменитый грузинский поэт Шота Руставели, живший в XII в., во вступительных строфах поэмы «Витязь в тигровой шкуре» употребляет также термин «зихи» в этническом значении. «Она - моя жизнь (хотя и) безжалостна, как зикх». На грузинском языке термин «зикх» осмысляется как «упрямый», «жестокий», «неумолимый»[15].

Современники Страбона Помпоний Мела (I в. н. э.) и Плиний Секунд в числе племен, населявших Азово-Черноморье, параллельно упоминают о синдах, керкетах и зихах.

Таким образом, предполагаемые предки современных кабардино-черкесов - синды и керкеты - впервые выступили на арену мировой истории одновременно и не позже IV в. до н. э., а другое ответвление от них - зихи - в I в. н. э.

Древние писатели с IV в. до н. э. и до начала средних веков территорией расселения синдо-керкето-зихов последовательно указывают Азово-Черноморье, точнее - восточное побережье Азовского моря и северо-восточное побережье Черного моря.

Локализация предполагаемых предков кабардино-черкесов на Азово-Черноморском побережье является более или менее условной, так как, судя по дошедшим до нас известиям древних авторов, они иногда встречаются у Киммерийского Боспора, в непосредственном соседстве с мосхами и даже недалеко от Трапезунда. И тем не менее создается определенное устойчивое впечатление, что синды жили по Азово-Черноморскому побережью с охватом северо-западной части нынешней территории Абхазии, а к северо-востоку от синдов жили зихи.

По карте Фредуция Анконского, составленной в 1479 г., страна, лежащая к северу от Абхазии, вообще называлась Зихией; Геленджикская бухта - Черной Зихией, а Сочинский район - Белой Зихией.

Географическое размещение древних зихов по карте Фредуция подтверждается и сведениями генуэзца Георгия, в 1504 г. находившегося на Западном Кавказе и свидетельствующего, что пределы зихов в его время простирались по Азово-Черноморью от Дона до Риона и граничили с Абхазией [16].

Аналогичные известия сообщает нам и Георгий Интериано, который пишет, что «зихи - так называемые по-итальянски, по-гречески и по-латыни, но которых турки и татары зовут черкесами и которые сами себе дают имя адыги,- живут от реки Дона по берегам Азовского и Черного морей до Пицундской бухты»[17].

Не касаясь вопроса о времени появления адыгейского элемента на Кавказе, мы тем не менее должны признать, что предполагаемые предки кабардино-черкесов были одними из самых древних обитателей Азово-Черноморского побережья, где следы их пребывания прослеживаются в местной топонимике. Любопытно в этой связи отметить, что древнейший термин Псатис, которым Птолемей называл реку Кубань, сохранился в кабардино-черкесском языке в форме Псыжь в качестве названия этой же реки и осмысляется как «старая вода» или «древняя река»[18]. Очень распространенный в древности термин «меоты», или по-кабардински «маута», которым назывались жившие в Приазовье различные по своему происхождению племена, также осмысляется с кабардино-черкесского языка, как «вонючее болото», каким «Азовское море, поросшее по берегам камышами со стоячей водой, могло действительно, по сравнению с Черным морем, представляться воображению окружающих его народов»[19]. Название племени пейсы, подвластного в IV в. до н.э. Левкону, с адыгейского языка осмысляется как «вода», «река».

При более тщательном анализе топонимики Азово-Черноморья можно было бы увеличить количество примеров, явля-

ющихся одним из побочных мотивов считать Азово-Черноморье прародиной далеких предков современных кабардино-черкесов.

Параллельное упоминание о синдах, керкетах и зихах всеми древними писателями, в частности Страбоном, дает основание предполагать, что предки кабардино-черкесов еще в I в. делились на отдельные племена, каждое из которых современниками воспринималось отдельно и территориально изолированно»[20].

В VII, VIII и IX вв. о предполагаемых предках кабардино-черкесов сведений нет. Только в X в. мы находим о них некоторые известия у греческого историка Константина Багрянородного, у арабского историка Масуди, а также и в русских летописях.

О географическом положении адыгейских племен К. Багрянородный пишет следующее: «От Таматархи на расстоянии 18 или 20 миль есть река, именуемая Укрух, которая отделяет Зихию от Таматархи. Зихия простирается на расстоянии 300 миль от Укруха до реки Никопсиса, на которой находится город того же имени. Выше Зихии лежит страна, называемая Папагия, выше страны Папагии — так называемая Казахия, над Казахией — Кавказские горы, а за горами - земля Алания. Морской берег Зихии имеет острова: один большой, три малых, между которыми есть и другие острова, населенные и возделанные зихами... От Зихии, т. е. от реки Никопсиса до города Сотириуполя, по морскому берегу лежит Авазия на пространстве 300 миль»[21].

Из приведенного свидетельства К. Багрянородного видно, что хотя основная масса адыгейских племен продолжала оставаться в прежних местах жительства, в Приазовье и Причерноморье, но уже к X в. произошло передвижение части зихских племен в северо-восточном направлении. Собственно Зихия попрежнему занимала Азово-Черноморское побережье, к северу от нее лежала область Папагия, а к северо-востоку до Эльбруса и далее на восток до знаменитых Аланских ворот.

В связи с вопросом о пределах распространения адыгейского элемента на востоке серьезного внимания заслуживает точка зрения акад. Н. Я. Марра, который на основании лингвистических данных пришел к выводу, что «господами положения на западном перевале, ныне именуемом Военно-Осетинским, были народы адыгейско-абхазской, или черкесской, группы»[22] и что «одним из племен, предшествовавших кистам, или чеченцам, в местах их расселения, т. е. по Дарьяльскому ущелью, соответственно по южному склону Кавказского хребта, и с севера на равнине Терской области, были керкеты, или черкесы, ныне именуемые также адыгами, или кабардинцами»[23].

Указанные К. Багрянородным три области - Зихия, Папагия и Казахия,- как было отмечено еще Дюбуа де Монпере, несомненно, были заселены адыгейскими племенами[24].

В непосредственной связи со свидетельством К. Багрянородного находится известие Масуди, впервые упоминающего о племени кешек, под которым, по общепризнанному в науке мнению, принято разуметь предков кабардино-черкесов, и сведения русских летописей, под тем же именем впервые упоминающих о предках кабардино-черкесов в 965 г., когда князь Святослав, в результате своего удачного против хазар похода «и ясы победи и касогы и приведе к Кыеву»[25].

Масуди - современник К. Багрянородного - кабаров называет кешеками, посещавшими Трапезунд в торговых целях.

По Никоновской летописи[26], касоги в 1022 г. были покорены Мстиславом Владимировичем и подчинены Тмутараканскому княжеству, которому в 1065 г. платили дань. Касоги русских летописей были кабары К. Багрянородного, который их указывает на территории расселения современных кабардинцев.

Таким образом, этническую связь кешеков Масуди, кабаров К. Багрянородного и касогов русских летописей как будто можно считать несомненной.

Сведения о древних предках кабардино-черкесов весьма скудны и отрывочны, и не представляется возможным на их основе составить сколько-нибудь полной картины внешней и внутренней истории синдо-керкето-зихов.

О синдах до нас дошли некоторые известия, говорящие о том, что они занимались земледелием и рыболовством, славились своей храбростью и воинственностью[27], управлялись своими «царями», имели высокую культуру и ряд городов, среди которых наиболее значительными были Фанагория, Кемы, Гавань Синдов и Патунт[28].

Тем не менее можно допустить, что за время своего длительного пребывания в Азово-Черноморье синдо-керкето-зихи имели оживленные сношения с греками, римлянами и византийцами, попеременно колонизировавшими берега Азовского и Черного морей.

С захватом Азово-Черноморского побережья греки распространили свое политическое влияние и на приморские племена, входившие в состав Боспорского царства. Современник Филиппа Македонского и Александра Великого, греческий царь Перисад I (царствовавший с 349-го по 311 г. до н. э.), своими удачными походами расширил предел своего царства до Танаиса и подчинил себе многочисленные племена, населявшие Азово-Черноморье, в том числе и синдо-керкето-зихов.

Политическое влияние Боспорского царя Перисада I в синдо-керкето-зихском обществе было, очевидно, настолько сильно, что, по словам Полнена (165 г. н. э.), Периеад I заставил синдского «царя» бросить жену по имени Таргитао, происходившую из племени яксаматов, и жениться на своей дочери. Оскорбленная поступком мужа, Таргитао вооружила яксаматов против синдского царя, которому они причинили много бедствий[29].

В результате длительной и ожесточенной борьбы с римлянами Митридат Евпатор (135-63 г. до н. э.) присоединил к своей огромной империи и Боспорское царство, в состав которого входили синдо-керкето-зихи [30].

Покоренные племена Кавказского побережья Черного моря ежегодно платили Митридату дань в размере 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра [31].

Войдя в состав Боспорского царства, синдо-керкето-зихи совместно с другими завоеванными племенами не прекратили своей борьбы против Митридата и против римских колонизаторов. Об этой борьбе горских племен мы находим не лишенные большого интереса сведения у Страбона, который говорит, что они «ни к чему не годны вследствие трудностей сношений с ними и требуют только присутствия больших гарнизонов для отражения их нападении» .

Из известий Страбона далее мы узнаем, что Митридат встретил со стороны горцев весьма упорное сопротивление, которое было сломлено милитийцами, заключившими со скифами военный союз против горцев.

Не менее упорное сопротивление горцы оказали и римским легионам Помпея, вынужденного отказаться от дальнейшего преследования Митридата, скрывавшегося в Кавказских горах. Для обеспечения свободного прохода по территории Северного Кавказа Помпеи заключил союз с воинственными горцами [33].

С падением могущества Митридата, свергнутого с престола Помпеем, и в особенности после одержанной Юлием Цезарем над сыном Митридата, Фарнацесом, блестящей победы, безраздельное господство на Черном море перешло к римлянам, которые захватили всю торговлю Запада с Востоком и подчинили себе многочисленные племена Азово-Черноморья, в том числе и предков кабардино-черкесов. Римляне содержали на Черном море значительный по тому времени военный флот, состоявший из сорока кораблей, постоянно курсировавших вдоль Кавказского побережья Черного моря, чтобы «содержать в повиновении многочисленные прибрежные народы и защищать купцов от грабительских кавказских и кубанских воинственных племен» [31].

Экономическое и политическое господство римлян не ограничивалось Азово-Черноморской береговой линией. По археологическим данным [33], римское влияние прослеживается на среднем течении реки Кубани, где еще Птоломей (II в. н. э.) указывал римские города Скопел, Суров, Корусий, Евриап и Серак.

В начале X в. предки кабардино-черкесов под именем кабаров, или кабардов, вместе с другими многочисленными племенами входили в состав многоплеменного Хазарского каганата. Во время войны с персами хазарский правитель Джебухан, по словам армянского историка Моисея Каганкатвации, обратился к подвластным каганату племенам со следующими словами:

«Племена и народы! Жители полей и гор! Бреющие головы и носящие косы» [36]. В числе племен, у которых существовал обычай брить головы, были и предки кабардино-черкесов, по древнему обычаю которых мальчику по достижении совершеннолетия брили голову и вручали оружие [37].

Политическое могущество Хазарского каганата, вследствие наступательных действий киевского князя Олега и внутренних междоусобий, приходило в упадок. Около 914 г. в Хазарском каганате произошло направленное против власти кагана крупное восстание трех больших племен, в числе которых были и кабары. Восстание было подавлено силой оружия. Кабары частью были уничтожены хазарами, частью бежали к венграм, где своей храбростью и отвагой завоевали себе исключительное право начинать сражение [38]. Значительная же часть кабаров, покинув пределы Хазарской державы, переселилась на предгорную Северо-Кавказскую равнину, где заняли западную часть нынешней территории Большой Кабарды [39].

В начале XIII в. кабардино-черкесы были завоеваны татарами. По поводу этого события византийские источники говорят, что в 1221 г. «татарский полководец именем Нога, покорив себе живших на северной стороне Черного моря народов, основал в оных странах особливое государство», в состав которого входили «цихи, готфы, россияне и другие окрестные народы, которые приняли от татар нравы, образ жизни, язык, одеяние и служили в татарском войске и возвели могущество их на высочайшую ступень славы» [40].

Было бы, однако, неправильно думать, что предки кабардино-черкесов беспрерывно находились с греко-римскими колонизаторами в состоянии войны. Напротив, между ними существовали и дружественные, деловые отношения.

Предки кабардино-черкесов были связаны оживленной торговлей с греческими колониями, имевшими большие торговые связи с Индией. Греки и римляне пользовались так называемым Великим Индийским торговым путем, проходившим по Риони и Куре.

Из всех греко-римских торговых центров наиболее важную роль играла Диоскурия, находившаяся на восточном берегу Черного моря, куда, по свидетельству Страбона, съезжались торговцы семидесяти, а по другим известиям - трехсот различных племен Кавказа [n], в числе которых были и представители синдо-керкето-зихских племен. Для более успешного ведения своих торговых операций с разноязычными племенами Кавказа римляне, по свидетельству Плиния, в Диоскурии содержали около 130 переводчиков [42]. Адыгейские племена вели оживленную торговлю с греками и римлянами рыбой, воском, а главным образом — рабами, на которых со стороны римлян был большой спрос, так как, по словам Ф. Энгельса, «все хозяйство римского крупно-

го землевладения держалось на колоссальном ввозе проданных в рабство военнопленных, притекавших в Италию во время непрестанных захватнических войн, приходившей в упадок республики и на ввозе, имевшем место еще в правлении Августа»'[13].

О кавказской работорговле, происходившей в период римского владычества на Черноморском побережье, до нас дошли любопытные известия Прокопия. «Абаски,— свидетельствует Прокопий (VI в.),- претерпевали несносное притеснение от великой жадности своих властителей. Оба царя их, заметив красивого и хорошего сложения мальчика, тотчас же отнимали его у родителей и потом, оскопив, продавали по высокой цене в Римскую империю. Отцов же немедленно предавали смерти, дабы император, услышав жалобы которого-нибудь из них, не наказал за оскорбление, нанесенное сыновьям, и дабы не иметь возле себя людей подозрительных. Таким образом, статность сыновей была для них несчастьем, и они бедственно погибали по причине роковой красоты чад своих. Большая часть евнухов у римлян и даже при императорском дворе-родом абаски **.

Прокопий имел ввиду абхазцев, но сказанное в равной степени может быть отнесено и к керкето-зихским племенам, с древнейших времен жившим в непосредственном соседстве с абхазами.

В эпоху римского владычества центром работорговли в Причерноморье была Диоскурия, а несколько позже таковым центром сделалась Каффа.

В обмен на производимые товары адыгейские племена от греков и римлян получали тонкое белое полотно, греческие ткани, вышитые золотом, и прочие товары домашнего обихода.

На протяжении столетий живя в непосредственном соседстве и имея между собой оживленные культурно-политические и экономические сношения, греко-римляне и керкето-зихи не могли взаимно не влиять друг на друга. «До сих пор сохраняются между черкесами,— пишет один старый автор,— некоторые обычаи, имеющие великое сходство с теми, кои существовали у древних лакедемонцев. Мы представим в пример один из них, по которому, как и по некоторым другим, мы даже осмеливаемся заключить, что лакедемонские обряды заимствованы были от сей части Кавказского края. Молодые черкешенки до самого замужества имеют обыкновение носить кожаный пояс»[46]. «Жених, прежде нежели получить решительное согласие на брак от родителей невесты, должен преодолеть все трудности и препятствия, которые нарочно противополагают ему, и обязан рассечь сей пояс саблею. Кто не видит в сем обыкновении,- заключает автор,- сохраняемом черкесами от глубочайшей древности, начала тех поединков, которые, по закону спартанцев, молодые супруги должны были иметь между собой тотчас по освящении во храме их брака»[46].

Обратное влияние греко-римлян на керкето-зихов можно усмотреть в наличии в кабардино-черкесском народном эпосе сказочных мотивов и даже целых сюжетов, занесенных на адыгейскую почву из древней Эллады. К такого рода заимствованиям следует отнести, например, представление о великанах-нартах, о прикованном на Эльбрусе Прометее, об одноглазом Полифеме, о неуязвимости нартского героя Сосруко, погибшего, подобно Ахиллу, вследствие нанесения ему раны в колено, о сверхъестественном происхождении Сосруко и т. д.'[17]

Нетрудно разглядеть, наконец, в весьма почитаемом в прошлом кабардино-черкесском обществе языческом боге урожая и плодородия Созереше [18] древнего египетского бога умирающей и воскресающей природы Осириса, который, по греческой мифологии, впервые впряг волов в плуг и вспахал землю в Фанагории и Гермонасе [49] и который, по словам египетского текста, «дает всемирный свои злак и пищу» .

К сожалению, вопрос о кабардинском нартском эпосе, в котором часто упоминается о реках Доне (Тен) и Волге (Индыль), к берегам которых нарты совершали свои набеги, в науке пока не исследован. По кабардинскому нартскому эпосу, наибольшей славой пользовались те набеги, которые нартские герои, проехав песчаные и безводные Прикумские степи, прилегающие к Дону и Волге, совершали по берегам этих рек. «Между Доном и Индылыо,- поется в известной песне о герое Андемиркане,- не было ни одной дорожки, ни одной тропинки, которая была бы незнакома нарту Андемиркану и его Жаман-Шарику»[51].

До сих пор не выяснен вопрос о том, появился ли кабардинский нартский эпос, распространенный среди других горских народов, на кабардинской почве или же он заимствован кабардинцами у соседних народов.

Особенностью кабардинского нартского эпоса является между прочим его конкретность. В то время как нартский эпос у других горских народов является абстрактным, у кабардинцев, напротив, он поражает своей конкретностью и исторической правдивостью. Историчность кабардинского нартского эпоса дала возможность выдающемуся просветителю и ученому Ш. Б. Ногмову на основе нартского эпоса и других более поздних сказаний составить последовательную и стройную историю кабардинского народа с древнейших времен до конца XVIII в. [м]

Кабардинский нартский эпос - это местная Илиада и Одиссея. Подобно тому, как в величайшем творении Гомера запечатлен быт древней Греции, кабардинский нартский эпос запечатлел быт, общественный уклад, нравственные понятия и мировоззрение древнего кабардинского общества.

При тщательном научном анализе кабардинского нартского эпоса и греческой мифологии можно было бы установить, быть

может, более тесные между ними связи. Ведь Кавказский перешеек в ряду древнейших стран, выработавших высокую культуру, занимал не последнее место. Поэтому, надо думать, не случаен и тот факт, что древние греки связали с Кавказом значительное количество мифов и избрали его местом действий для своих богов и полубогов. Однако эту благодарную задачу, выходящую за рамки наглей компетенции, предоставляем нашим фольклористам.

Первоначальное проникновение христианства в кабардино-черкесскую среду было связано с усилием греческого влияния на Кавказском побережье Черного моря.

Кабардинский народный эпос, равно как и некоторые письменные источники[53], проникновение христианства в Кабарду приурочивает к VI в. н. э. и связывает его с именем Юстиниана, который был в кабардино-черкесской среде настолько популярен, что «народ клялся Юстиниановым столом и Юстиниановым троном»[54]. В VI в. уже существовала самостоятельная Зихийская епархия во главе с епископом Домианом, принимавшим участие на Константинопольском вселенском соборе в 526 г.[55] ,

Рядом с Зихийской епархией существовала Тмутараканская, которая в уставе императора Льва Мудрого (894-911) титуловалась архиепископией. В половине XIV в., по сведениям доминиканца Юлиана, Зихийская епархия была подчинена Матрегской, или Тмутараканской, митрополии, во главе которой находился греческий митрополит Иосиф, а потом францисканец Иоанн, назначенный в 1346 г. папой Климентом VI[56].

В распространении христианства в кабардино-черкесской среде большую роль сыграли греческие колонии, возникшие на Черноморском побережье приблизительно в VI в. н. э., а уже в I в. н. э. принявшие христианство.

Новая религия распространялась греческими колониями путем непосредственного общения с адыгейскими племенами.

По Кубани и ее притокам существовали греческие поселения, являвшиеся основными очагами христианской пропаганды среди горских племен. Особенно усилилось христианство на Северном Кавказе после IV в., когда оно в греческих колониях было объявлено государственной религией.

Следы древнего христианства на территории Кабардино-Черкесии сохранились до наших дней в виде многочисленных греческих погребений и надписей на могильных крестах и плитах, найденных в значительном количестве в ущельях рек Кефара, Урупа, двух Зеленчуков, Теберды и фресковой живописи в греческом стиле[57] на стенах Сентинского и Зеленчукского храмов, известных среди кабардинцев и по наше время под именем «Эллигаг-уна», что значит «дом эллинов»[68].

По сведениям древних авторов, адыгские племена, составлявшие оседлое население Азово-Черноморья, занимались рыболовством, земледелием и скотоводством.

Рыболовство среди адыгов имело широкое распространение. Оно составляло одно из основных хозяйственных занятий приморского населения, связанного торговлей с греческими и римскими колониями.

Из зерновых культур, производимых адыгами, наибольшее распространение имело просо, которое, по словам Клавдия Элиана (И-Ш в. н. э.), местным населением употреблялось в пищу[59]. Генуэзец Георгий, посетивший Черкесию в 1504 г., также свидетельствует, что «пшеницы у них нет вовсе, зато много проса»[60].

Что кабардинцы просо предпочитали всякой другой зерновой культуре, подмечено многими старыми авторами, свидетельствующими, что среди кабардинцев «хлебопашество ограничивается почти одним просом, которое заменяет для них рожь и пшеницу»[61]. Просяной хлеб, и в особенности крутая просяная каша, составляли самую распространенную среди кабардинцев пищу, а махсыма, которую приготовляли из проса с хмелем,-любимый напиток кабардинца. Лучший знаток старого кабардинского быта Шора Ногмов, описывая стол кабардинца, также на первом месте ставит пшеную кашу и баранину[62].

Широкое употребление кабардинцами проса нашло свое отражение и в системе феодальных повинностей. Приготовление пшена для семьи феодала в кабардинском феодальном обществе было предусмотрено барщинными повинностями крепостных крестьян, жены которых на ручных просорушках заготовляли на весь двор феодала и его гостей необходимое количество пшена[63].

До очень недавнего времени просо являлось самой популярной и ведущей среди кабардинцев зерновой культурой. Статистические данные 90-х гг. XIX в. говорят о том, что кабардинцы засевали проса в три раза больше пшеницы, в четыре раза больше кукурузы и в семь раз больше ячменя. Посевная площадь, занятая под просо, была в полтора раза больше всей площади, занятой другими зерновыми культурами, производимыми кабардинцами[64]. Однако в начале XX в., в связи с капиталистическим развитием кабардинской деревни, в крестьянском хозяйстве выступила сильным для проса конкурентом кукуруза, в большом количестве вывозившаяся в спирто-водочные и крахмальные заводы метрополии. Из официальных отчетов начальника Терской области видно, что в первом десятилетии XX в. по посевной площади и количеству посеянных семян просо хотя по-прежнему и занимало в Кабарде первое место, но по количеству собранного урожая первое место начала занимать кукуруза[65].

Далекие предки кабардино-черкесов, как свидетельствуют древние писатели, были очень хорошими мореплавателями. Друг

26 Заказ № 100

иудейского царя Ирода и императора Августа Николай Дамасский (род. в 64 г. до н. э.), описывая странные, с его точки зрения, обычаи различных народов, о керкетах говорит, что «если кто, управляя лодкой, ошибется, то все подходят один за другим и плюют на него»[66]. Каппадокийский губернатор Арриан Безымянный (V в. н.э.), получивший от императора специальное задание иметь над черноморскими колониями наблюдение, а потому имевший достоверные о населении Азово-Черноморья сведения, керкетов считает весьма опытными моряками[m]. Наконец, Масуди, лично побывавший на Кавказе между 917 и 926 гг., также свидетельствует, что кешеки «издревле известны были удальством и мореходством» и что, «они постоянно ходили на лодках с товарищами в Трапезунд и обратно»[68].

Свои разбойничьи налеты керкеты делали на легких лодках, рассчитанных на 25-35 человек. Эти лодки грекам были известны под названием камар. Выставив значительное количество таких камаров, керкето-зихи нападали на груженные товарами иноземные суда. По окончании летней навигации они уносили на плечах свои лодки и прятали их в глухом лесу до следующей навигации[69].

Экономические выгоды, извлекаемые керкето-зихами от моря, привили им любовь и привязанность к морским и речным берегам, дававшим им возможность заниматься рыболовством, торговлей и морским грабежом.

Римляне, славившиеся как хорошие воины, ораторы и государственные деятели, были в то же время плохими мореплавателями и географами. Все их географические сведения ограничивались завоеванными землями и маршрутными картами их легионов[70]. В период их могущества на Азово-Черноморском побережье для выполнения военных заданий, связанных с морским искусством, они широко пользовались услугами покоренных морских племен, в том числе керкето-зихов, славившихся хорошими мореплавателями.

Древнейшие связи адыгейских племен с морскими и речными магистралями нашли свое отражение в кабардино-черкесской мифологии, в которой, наряду с Зейкупшем - богом наездников, Мезитхом - богом лесов, Летнем - богом кузнецов, мы находим и богиню морских вод, известную под именем Псыхо-щаша (Псыхо-гуаша)[71]. Кабардинцы и черкесы представляли себе эту богиню в виде русалки. В честь морской богини в определенный день в году они совершали на берегу моря массовый обрядовый танец, купались и обливали друг друга водой[72].

Свидетельства древних писателей, считающих синдо-керкето-зихов хорошими мореплавателями, по-видимому, заслуживают доверия, ибо длительное бытование адыгов на морских берегах действительно могло выработать из них хороших мореплавателей. Еще Ф. Энгельс указывал в истории древних германцев,

что «прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми мореплавателями»[74].

При помощи морских и речных путей адыги имели оживленные культурно-экономические и политические связи с более культурными странами древнего мира.

Непосредственная близость морей и больших судоходных рек сыграла в жизни адыгов большую цивилизующую роль. Ф. Энгельс указывал, что «буржуазная цивилизация развивалась вдоль морских берегов и по течению больших рек. Земли же, лежащие в глубине материка, и особенно неплодородные и труднопроходимые горные страны, сохранили и варварство, и феодальный строй»[74].

Большой интерес представляют сведения древних авторов о нравственных качествах предков кабардино-черкесов. Николай Дамасский свидетельствует, что керкеты совершивших какое-либо преступление устраняют от священнодействия[75]. Арриан также свидетельствует, что керкеты - «народ справедливый и добрый»[76].

Более развернутую характеристику адыгов дает арабский историк Масуди, по отзыву которого «кешеки характера кроткого и исповедуют язычество. Из всех обитателей здешних стран мужчины этого народа имеют самые правильные черты, цвет лица самый приятный и стан весьма гибкий».

Наблюдения авторов XIX в. полностью совпадают со свидетельствами древних писателей о физических и нравственных качествах адыгов.

Военный историк начала XIX в. С. Броневский на основании личных наблюдений пришел к выводу, что «кабардинцы - народ добрый и рассудительный, догадливы, остроумны, в пище и питье умерены и трезвы, тверды в дружбе, на войне - храбры и предприимчивы»[77].

Официальный историк, царский генерал Дубровин также вынужден был констатировать, что «о своих военных подвигах кабардино-черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью; зато на действительное оскорбление отвечали оружием с быстротой молнии, но без угрозы, без крика и брани. Кабардинец показывал удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвования, владел характером энергичным, многосторонним, в котором скрывались твердая настойчивость и необыкновенное терпение»[78]. В обращении с людьми он «вежлив, почтителен, откровенен, говорил смело и резко то, что думал» и относился «с неподкупной любовью к родине, сохранял твердую веру в блестящую будущность своего народа»[79].

Немало подобных отзывов существует о кабардинцах и у ряда других авторов[80].

Следует, однако, отметить, что приведенные лестные отзывы относятся к кабардино-черкесской массе и никакого отношения они не имеют к феодально-дворянской верхушке, о которой, напротив до нас дошли противоположные отзывы. Московские послы Кузьма и Андрей в 1596 г. кабардинских князей характеризовали грузинскому царю Александру: «Они в правде не крепки, им верить нельзя»[81].

Упомянутый выше С. Броневский также пишет, что кабардинские князья «вероломны, корыстолюбивы и наклонны к грабежу»[82].

И среди самих кабардино-черкесских дворян находились люди, которые крестьян в нравственном отношении ставили выше князей и дворян. «Надо сказать правду,- пишет один европейски образованный черкесский дворянин,- крестьяне большей частью народ положительный. Хвастовства и лжи у них несравненно меньше, чем у дворян. Крестьяне строго соблюдают данное слово, лицемерие и ложный стыд изгнаны из их среды»[83]. Любопытно отметить, что в кабардинском народе сохранилась до наших дней поговорка: «Уэркъ акъыл пцГым и ныкъуэщ», т. е. «Чтобы быть дворянином, надо наполовину лгать» («Ум дворянина наполовину лживый»).

Предки кабардино-черкесов этнически сближаются, таким образом, с синдо-керкето-зихами, прослеживаемыми с IV в. до н. э. на берегах Азовского и Черного морей, откуда, надо думать, и началось постепенное их передвижение по степям Северного Кавказа в северо-восточном направлении.

Этот колонизационный процесс, явившийся результатом крупных переселенческих волн, среди адыгейских племен начался довольно рано и во всяком случае не позже первых веков наглей эры. В этой связи любопытно дошедшее до нас известие Арриана Безымянного (V в. н. э.), которое довольно ясно говорит о происшедшем еще до Арриана передвижении части керкетозихов. От гавани Пагры до старой Ахеи, по свидетельству Арриана, прелсде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи. И далее: «От Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкетами, или ториты, а ныне живут так называемые евдосианы, говорящие на готфском, или таврском языке»[84].

За первым передвижением части адыгейских племен из Приазовья на восток, происшедшем, по-видимому, в первых веках нашей эры под напором греческих и римских завоевателей, следовало в X в. под напором хазар второе передвижение. В XIII-XVI вв. под напором татаро-монгольских орд произошло третье крупное передвижение адыгов, занявших территорию нынешней Большой Кабарды. Наконец, не позже середины XVI в. на почве внутренней межфеодальной борьбы произошло четвертое и последнее передвижение части кабардинцев, занявших нынешнюю территорию Малой Кабарды[85].

Таковы, как можно думать, основные этапы истории миграции адыгейских племен из Приазовья на Восток, по Северо-Кавказской равнине.

Во время этих неоднократных передвижений отдельные адыгейские племена или части племен путем смешения с другими, более мощными, племенами исчезали вовсе, о чем с предельной ясностью говорят между прочим и византийские источники[86]. «Нет ничего удивительного,- писал Ф. Энгельс в отношении древних германцев,- что за этот продолжительный период переселений часто исчезали бесследно целые племена»[87].

Адыгейские племена на протяжении всего этого времени не могли сохранить свою этническую «чистоту». Напротив, «продолжительные походы,- как отмечал Ф. Энгельс,- перемешивали между собою не только племена и роды, но и целые народы»[88]. Именно о таком смешении кабардино-черкесов с турецким элементом дошли до нас сведения в сочинении К. Багрянородного, свидетельствующего, что, когда у кабаров «вышло столкновение из-за власти и началась междоусобная война, одни были избиты, а другие бежали и поселились с турками в нынешней стране печенегов; они подружились друг с другом и те получили название кабаров»[89].

Турецкий элемент, как мы видим, ассимилировался в кабардино-черкесской среде.

Но в истории кабардинцев были случаи и обратного порядка, когда адыгейский элемент подвергался ассимиляции в более мощной этнической среде. По свидетельству византийских историков, в X в. кабары из Хазарского каганата бежали к венграм и «составили они с венграми один народ»[90].

Вопрос об ассимиляции одного народа другим находится в зависимости от ступени культурного развития. «Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю»[91].

Части адыгейских племен, изолированных друг от друга географическими условиями и крупными историческими событиями, распадались или объединялись в этнические группы не на основе сознания этнического родства, а на основе общности политических интересов. В те отдаленные времена сознание этнического родства еще было развито крайне слабо. Поэтому объединяющим фактором служили политические мотивы, часто успехи или неудачи отдельных завоевателей. Эти моменты разъединяли и связывали людей, нередко совершенно различных по происхождению, в одну группу или племя, имевшее свое название, не определявшее, однако, этнической природы данного племени.

* * *

Из всего сказанного следует, что характерной особенностью древнейшего населения Приазовья является его многоплеменность. Уточнение этнического состава Азово-Черноморья затруднено, во-первых, происходившими на юге России миграционными процессами, не раз перепутывавшими этническую номенклатуру края, и, во-вторых, передачей этнических и топонимических названий новыми пришельцами в сильно искаженном виде.

Предки современных кабардино-черкесов этнически сближаются с синдами, керкетами и зихами, прослеживаемыми с IV в. до н. э. на восточном побережье Азовского моря.

Приблизительно в III в. до н. э. при царе Перисаде I предки адыгов попали под власть греков; в IX в. они входили в состав Хазарского каганата, а в первой четверти XIII в. адыгейские племена были завоеваны татаро-монголами.

Хозяйственная деятельность адыгов состояла из скотоводства, рыболовства и земледелия.

У адыгов было развито и мореходство, которое способствовало установлению оживленных экономических и культурных связей с древней Элладой, Византией и другими странами древнего мира.

Передвижение кабардино-черкесов из Приазовья на восток происходило в несколько приемов. Первое массовое передвижение произошло в первых веках нашей эры под давлением греко-римских колонизаторов; второе — в X в. под напором хазар; третье — в XIII—XIV вв. под давлением татаро-монголов и последнее, четвертое,- не позже середины XVI в., когда адыги заняли территорию нынешней Малой Кабарды.

В результате неоднократных переселений кабардино-черкесы ассимилировали другие племена или сами подвергались ассимиляции в более мощной и культурной этнической среде.

Нальчик: Кабгосиздат, 1946 - 36 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Риттер К.* История землеведения. СПб., 1864. С. 81,82; Записки Императ. русского географ, об-ва. СПб., 1864. Кн. 1. С. 89; Кавказ. 1846. № 21; *Грен.* Краткий очерк Кавказского перешейка // Университетские известия. Киев, 1896. № 7. С. 4.

[2] Труды IX археологического съезда в Вильне в 1893. М., 1896. Т. 1. С. 278; *Ашик А.* Боспорское царство. Одесса, 1848. Ч. 1. С. 6.

[3] *Кунин А.* Известия Ал-Векри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. 2. С. 47.

[4] Записки Императ. одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1875. Т. 10. С. 118.

[5] *Услар П.* Древнейшие сказания о Кавказе // Записки Кавказск. отд. Императ. русск. географ, об-ва. Тифлис, 1881. Т. 12. С. 451.

[6] *Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1. В. 111. С. 853.

[7] *Услар П.* Цит. соч. С. 453.

[8] Авторы, выводившие термин «черкес» из персидского языка, отождествляли его с термином «сар-кеш», что значит «мятежник», «разбойник» (см.: Путешествие Дюбуа де Монпере. Библиотека для чтения. СПб., 1839. Т. 35, 36, С. 93-126; ср. *Эйхвальд.* Страбоновы известия о Кавказе и Юж. России. Библиотека для чтения. СПб., 1838. Т. 30. Отд. 3. С. 147; Русский вестник М., 1863. Т. 48. С. 845).

[9] *Ногмов Шора Бекмурзин.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 21.

[10] *Марр* Я. Я. К истории передвижения яфетических народов // Известия Академии наук. 1916. Т. 10. С. 1406.

[11] СМОМПК. Тифлис, 1891. Т. 12. С.1; *Шафарик.* Славянские древности. М., 1848. Т. 1. Кн. 1. С. 67; *Аделунг.* Критико-литературное обозрение путешественников по России. М., 1864. Т.1. С. 96. Прим. 162; 32-е прибавление к «Русскому инвалиду» за 1864 г.

[12] Известия Кавказского отд. Императ. русского географич. об-ва. Тифлис, 1884. Т. 8. Кн. 2. С. 356.

[13] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 1. С. 85.

[11] Там же. С. 130.

[16] *Марр Н. Я.* К истории передвижения яфетических народов // Известия Академии наук. 1916. Т. 10. С. 1402.

[16] Рассказ генуэзца Георгия о быте и нравах черкесов // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5; ср.: Записки русского географ, об-ва по отд. этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 731.

[17] *Интериано.* Т. 2. С. 1511; СМОМПК. Тифлис, 1890. Т. 9. С. 98.

[18] *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 19.

[19] СМОМПК. Тифлис, 1896. Т. 21. С. 77, 78.

[211] Страбон, перечисляя племена Азово-Черноморья, между зихами и керкетами, которых, кстати, относит к числу больших племен, помещает племя иниохов.

[n] Сочинения К. Багрянородного о «фемах» и «народах» / Предисловие и комментарии Г. Ласкина. М., 1899. С. 150-154.

[22] *Марр Н. Я.* Племенной состав населения Кавказа. Петроград, 1920. С. 13.

[23] *Марр Н. Я.* К истории передвижения яфетических народов юга на север Кавказа // Известия Академии наук. Петроград, 1916. Т. 10. С. 1406.

[21] Библиотека для чтения. СПб., 1839. Т. 32-36. С. 93-126; Северный архив. СПб., 1826. Ч. 24. № 23, 24. С. 173; Русский инвалид. СПб., 1822. № 35. С. 135.

[25] ПСРЛ. Л., 1917. Т. 4. В. 1. С. 41. Кстати, кабардинцы под своим историческим названием «касог» известны и по наше время своим ближайшим соседям осетинам, на языке которых «касаг» означает «смотритель» или «наблюдающий». Масуди же термин «кешек» считает персидским, означающим «гордый», «непокорный», «независимый».

[26] ПСРЛ. Т. 1. С. 129, 154.

[27] *Услар П.* Древнейшие сказания о Кавказе // Записки Кавказского отд. Императ. русского географ, об-ва. Тифлис, 1881. Т. 12. С. 451.

[28] Русские древности, изд. И. Толстым и Кандаковым. СПб., 1889. С. 58.

[29] *Шафарик.* Цит. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 134.

[30] Митридат, обладавший выдающимися лингвистическими способностями, для более успешных сношений с подвластными племенами изучал

местные языки, в результате чего он свободно говорил на 22 языках племен, входивших в состав его царства. *{Риттер К.* Цит. соч. С. 82).

[31] *АшикА.* Указ., соч. Ч. 1. С. 67.; ср.: Библиотека для чтения. СПб., 1838. Т. 30. С. 147.

[32] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. С. 107.

[31] *Эйхвальд.* Известия Страбона о Кавказе. Библиотека для чтения. СПб., 1838. Т. 30. Отд. 3. С. 107, 108.

Горские племена своими частыми нападениями сильно беспокоили греческие колонии, которые вынуждены были, наконец, мобилизовать все свои силы для их усмирения. А одна греческая колония, находящаяся к западу от Диоскурии, построила даже мощную оборонительную против горцев стену, но, по свидетельству источника, «таковая предосторожность была тщетной» // СП-бургский журнал. СПб., 1808. № 3. С. 106.

[34] Северное обозрение. СПб., 1849. Т. 2. С. 802.

[35] *Веселовский Н. И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Труды XII археологич. съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. 1. С. 372.

[36] Записки Императ. одесского об-ва истории и древности. Одесса, 1875. Т. 9. С. 111, 112.

[37] Вестник Европы. СПб., 1879. Т. 4. Кн. 8. С. 703.

[38] *Штриттер И.* Известия византийских историков. СПб., 1775. Ч. 4. С. 127.

[39] Русский вестник. М., 1863. Т. 48. С. 861.

[40] Известия византийских, историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народа. Собр. И. Штриттер. СПб., 1771. Ч. 2. С. 82; ср.: Ч. 3. С. 136,137. СПб., 1774.; ср.: Северный архив. СПб., 1826. Ч. 24. № 21, 22. С. 46.

[41] *АшикА.* Боспорское царство. Одесса, 1848. Ч. 1. С. 6.

[42] Записки Императ. русского географ, об-ва. СПб., 1863. Кн. 2. С. 22; СП-бургский журнал. 1808. № 4. С. 95; Вестник Европы. М., 1817. Ч. 96. С. 226; *Услар П.* Цит. соч. С. 438.

[43] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 368.

[44] Записки Кавказск. отд. Императ. географ, об-ва. Тифлис, 1881. Т. 12. С. 428.

[46] Вернее, кожаный корсет, известный у кабардинцев и черкесов под названием «ханшуба»// Московский телеграф. 1826. Ч. 7. С. 34.

[48] СП-бургский журнал. СПб., 1801. № 3. С. 108, 109.

[''] Известия Бакинского гос. ун-та, отд. гуманит. наук. Баку, 1921. Т. 1 С. 176.

[48] Русский вестник. СПб., 1842. Т. 5. № 1. С. 3-6.

[19] Записки Кавказского отд. Императ. географ, об-ва. Тифлис, 1881 Т. 12. С. 437.

[50] *Струве.* История древнего Востока. М., 1941. С. 213.

[51] СМОМПК. Тифлис, 1886. Т. 5. С. 114. Герой кабардинского народного эпоса Андемиркан в данном случае ошибочно назван «нартом».

[''2] *Ногмов III. Б.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861.

[.3] Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов. СПб., 1797. С. 31, 32.

[64] *Ногмов Ш.* Цит. соч. С. 43.

[65] Кавказ. 1846. № 34. С. 135.

[68] Кубанский сбррник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 15.

[5'] Древнехристианские храмы и Александро-Афонекий монастырь М., 1892. С. 9-23.

[58] Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 6.

[69] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 3. С. 608.

[60] Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 20.; ср.: Записки Императ. русского географ, об-ва. СПб., 1869. Т. 2. С. 735.

[1,1] Русский инвалид. СПб., 1822. № 35. С. 139; Журнал Мин. внутр. дел. СПб., 1860. Т. 2. Отд. 4. С. 4; Военный сборник. СПб., 1870. N° 3. С. 134.

[''2] *Ногмов Ш.* Цит. соч. С. 40; *Вл. Броневский.* История донского казачества. СПб., 1834. Ч. 4. С. 86.

Один европейски образованный черкесский дворянин в своей интересной повести приводит подслушанный им разговор черкесских крестьян.

- Без просяной каши я пропащий человек,- говорит крестьянин Хуца,- и одного дня не выдержу. Даже пшеничный хлеб не помогает, особенно во время покоса.

- Дело известное,- отвечает другой крестьянин,- в каше вся наша сила! Что твой хлеб - только горло дерет, совсем не наша пища.

- Нет спора,- вмешивается третий крестьянин,- каша лучше всего!

- Нет, как там хотите,- настаивает Хуца,- а без проса невозможно браться за косу. *(Каламбий.* На холме // Русский вестник. М., 1861. Т. 36. С. 348).

[83] Кавказ. 1845. № 9. С. 36.

[64] *Максимов* и *Вертепов.* Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892.

[65] Отчеты нач. Терской области за 1900-1913 гг.

[96] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 456.

[67] Там же. С. 279.

[68] Северное обозрение. СПб., 1849. Т. 2. С. 807.

[69] Библиотека для чтения. СПб., 1838. Т. 30. С. 148-150.

[70] *Риттер К.* Цит. соч. С. 80.

[71] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Т. 4. С. 110. Между прочим одни литературные источники (см.: например, Кавказ. 1846. № 35. С. 140.; ср.: Русский вестник. СПб., 1848. Т. 5. № 1. С. 36.) называют эту богиню Псыхо-коаш, другие (см.: Военный вестник. СПб., 1870. № 3. С. 165.) параллельно с морской богиней различают еще и богиню речных вод, известную под названием Псы-щашаха.

[72] Военный сборник. СПб., 1870. № 3. С. 166.

[73] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 376.

[74] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 5. С. 250.

[75] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 456.

[76] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 1. С. 279.

[77] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения О Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 123.

[78] Военный сборник. СПб., 1870. № 3. С. 335.

[79] Там же. С. 337.

[80] Русский инвалид. 1887. № 43. С. 172; *Там же.* № 44. С. 176; *Броневский С.* Цит. соч. Т. 2. С. 89; *Данилевский.* Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 133; Отечественные записки. СПб., 1857. Т. 3. Отд. 3. С. 51; Военный сборник. СПб., 1860. Т. 11. С. 153; *Броневский Вл.* История донского казачества. СПб., 1834. Ч. 4. С. 83.; Вестник Европы. СПб., 1879. Т. 4, С. 698.

[81] *Белокуров.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 305.

[82] *Броневский С.* Цит. соч. Т. 2. С. 124.

[83] Русский вестник. М., 1861. Т. 36. С. 347, 348.

[84] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 1. С. 279; ср.: Записки Одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1845. Т. 9. С. 183.

[85] *Кокиев Г.* Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними племенами // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. № 285-287.

[86] *Штриттер И.* Цит. Соч. СПб., 1774. Ч. 3. С. 136.

[87] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. Ч. 1. С. 345.

[88] Там же. С. 391.

[89] *Багрянородный К.* Цит. соч. С. 144.

[90] *Штриттер И.* Цит. соч. Ч. 1. С. 127.

[91] *Ленин В. И.* Соч. Т. 27. С. 244.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАБАРДЫ

I

В исторической науке кабардинцев этнически сближают с древними синдами, керкетами и зихами.

Древнейшей территорией перечисленных племен, на основе которых сложились адыгейские племена, было Азово-Черноморское побережье. Синды жили на самом берегу моря с охватом северо-западной части нынешней территории Абхазии; к северо-востоку от них размещались зихи, а к востоку от зихов жили керкеты.

Следует сказать, что локализация далеких предков адыгов на Азово- Черноморском побережье является более или менее условной. Судя по дошедшим до нас известиям древних авторов, синдо-керкето-зихи прослеживаются и у Киммерийского Боспора, и в непосредственном соседстве с грузинскими племенами, и даже недалеко от Трапезунда.

Не представляется возможным сказать даже приблизительно, как давно появился адыгейский элемент на Кавказском перешейке. Предков адыгейских племен следует считать одними из древнейших обитателей Азово-Черноморского побережья, где следы их пребывания легко прослеживаются в местной топонимике.

В начале средних веков произошло передвижение части адыгейских племен в северо-восточном направлении. К этому же времени относится выделение от адыгейского этнического комплекса племени казахов - непосредственных предков современных кабардинцев, занявших западную часть нынешней территории Большой Кабарды.

Хозяйственная деятельность предков кабардинцев слагалась из земледелия, скотоводства, рыболовства и торговли. Из зерновых культур наибольшее распространение среди кабардинцев имело просо, из которого они делали крупную пшеную кашу и любимый напиток - махсыма. Большую роль в хозяйстве кабардинцев играло скотоводство. Кабардинцы разводили лошадей и другой домашний скот. Не последнее место в их хозяйстве занимали рыболовство и в особенности торговля. Кабардинцы вели оживленную торговлю с греческими и римскими торговыми факториями, располагавшимися по морскому побережью. Они торговали рыбой, воском, а главным образом рабами, на которых со стороны римлян был большой спрос. В обмен на привозимые товары кабардинцы получали от греков и римлян тонкое белое полотно, греческие ткани, вышитые золотом, прочие товары домашнего обихода.

В древнем адыгейском обществе было развито пиратство. Длительное пребывание на морских берегах выработало из адыгов хороших мореплавателей. Еще Ф. Энгельс указывал, что «...прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми мореплавателями»[1]. Свои разбойничьи налеты они делали на легких лодках, рассчитанных на 25-30 человек. Эти лодки греки называли «комарами». По окончании летней навигации кабардинцы уносили свои лодки в глухой лес и прятали их до следующей навигации. Кабардинцы на своих лодках часто появлялись с торговыми или грабительскими целями в Трапезунде.

При помощи морских и речных путей кабардинцы имели оживленные культурно-экономические и политические сношения с более культурными странами древнего мира. Непосредственная близость морей и больших судоходных рек в жизни адыгейских племен сыграла цивилизующую роль. Ф. Энгельс указывал, что «буржуазная цивилизация развилась вдоль морских берегов и по течению больших рек. Земли же, лежащие в глубине материка, и особенно неплодородные и трудно проходимые горные страны, сохранили и варварство, и феодальный строй».

Экономические выгоды, получаемые от моря, привили кабардинцам любовь и привязанность к морским и речным берегам, дававшим возможность заниматься рыболовством, торговлей и морским грабежом. Древнейшие связи адыгейских племен с морскими и речными магистралями нашли свое отражение в кабардино-черкесской мифологии, в которой в числе многочисленных христианских богов находим богиню морских вод, известную под именем Псыхо-Гуаша.

Древние адыги делились на отдельные племена, каждое из которых управлялось своим «царем».

Адыги имели оживленные культурно-политические сношения с греками, римлянами и византийцами, попеременно колонизировавшими берега Азовского и Черного морей. С захватом Азово-Черноморского побережья греки распространили свое политическое влияние на все приморские племена. Вошедшие в состав Боспорского царства адыгейские племена не прекратили своей борьбы против греков и римлян. Об этой ожесточенной борьбе горских племен за свою независимость до нас дошли любопытные сведения Страбона, свидетельствующего, что горцев можно содержать в подданстве только при помощи многочисленных вооруженных гарнизонов. И действительно, греки встретили со стороны горских племен весьма сильное сопротивление, сломленное, однако, милетийцами, заключившими против горцев военный союз со скифами. Такое же упорное сопротивление горские племена оказали римским легионам Помпея, вынужденного отказаться от дальнейшего преследования Митридата, скрывшегося в Кавказских горах.

С падением могущества Митридата, свергнутого Помпеем, безраздельное господство на Черном море перешло к римлянам, которые захватили всю торговлю Запада с Востоком и подчинили себе все приморские племена, в том числе и кабардино-черкесов.

Римляне содержали на Черном море значительный для того времени военный флот, состоявший из 40 военных кораблей, постоянно курсировавших вдоль морского берега, чтобы держать в подчинении прибрежные племена и обеспечить своим купцам свободную торговлю. Политическое и экономическое влияние римлян не ограничивалось приморской береговой линией. Оно простиралось до среднего течения реки Кубани, где располагались римские города Скопел, Суров, Корусий, Евриап и Серак.

На протяжении столетий живя в непосредственном соседстве и имея между собой оживленные политические и экономические сношения, греки, римляне и адыги имели взаимное друг на друга влияние. В древних поединках молодых супругов некоторые авторы усматривают позаимствованный лакедемонцами у адыгских племен обычай рассекать кожаный корсет молодой жены в первую брачную ночь.

Обратное влияние греков и римлян на адыгские племена можно усмотреть в наличии в кабардино-черкесском народном эпосе сказочных мотивов и даже целых сюжетов, занесенных сюда из древней Эллады.

Распространение христианства в кабардино-черкесской среде было связано с греческими колониями, возникшими на Черноморском побережье приблизительно в VI в. до н. э., а уже в I в. н. э. принявшими христианство. Новая религия распространялась греками путем непосредственного общения с кабардино-черкесами. По Кубани и ее притокам существовали греческие поселения, которые и послужили основными очагами христианской пропаганды среди адыгов. Христианство особенно усилилось на Северном Кавказе после IV в., когда в греческих колониях оно было объявлено государственной религией.

В VI в. существовала самостоятельная Зихийская епархия во главе с епископом Домианом, принимавшим в 526 г. участие на Константинопольском вселенском соборе. Рядом с Зихийской епархией существовала Тмутараканская епархия, которая в уставе императора Льва Мудрого титуловалась архиепископией. В половине XIV в. Зихийская епархия была подчинена Тмутараканской митрополии, во главе которой стоял греческий митрополит Иосиф, а после него францисканец Иоанн, в 1346 г. назначенный на эту должность папой Климентом VI.

Следы древнего христианства на территории кабардино-черкесов сохранились до наших дней в виде многочисленных греческих погребений и надписей на могильных крестах и плитах, в значительном количестве уцелевших в ущельях рек Кефара, Урупа, двух Зеленчуков, Теберды, и фресковой живописи в греческом стиле на стенах сентинского и зеленчукского храмов, известных среди кабардинцев под именем «эллиаг-уна», т. е. «дом эллинов».

Можно думать, что христианство до X в. среди кабардино-черкесов являлось господствующей религией, а потом, в связи с усилением хазарского влияния, оно стало заметно слабеть.

В начале X в. кабардинцы под именем кабаров вместе с другими многочисленными горскими племенами входили в состав многоплеменного Хазарского каганата. Вскоре, однако, политическое могущество хазар, вследствие наступательных действий киевского князя Олега и внутренних междоусобий, начало приходить в упадок. Около 914 г. в Хазарском каганате произошло направленное против власти хазар восстание трех больших племен, в числе которых находились и кабары, или кабардинцы. Восстание было подавлено силой оружия. Кабардинцы частью были перебиты хазарами, частью бежали к венграм, где своей храбростью и отвагой завоевали себе исключительное право начинать сражение. Значительная же часть кабардинцев, покинув пределы хазарской державы, переселилась на предгорную Северо-Кавказскую равнину, присоединившись к ранее переселившимся сюда соплеменникам.

В 1221 г. татарский полководец Нога покорил прикубанские племена, а на их территории основал свое могущественное государство, в состав которого в числе других племен входили и кабардинцы. Они служили в рядах татарских войск, и как превосходные воины много способствовали военным успехам татар.

Кабардинцы своими военными качествами завоевали в древнем мире широкую известность. Но несмотря на это, под напором превосходящих сил иноземных завоевателей кабардинцы вынуждены были постепенно отходить от своей прародины в северо-восточном направлении.

Первое массовое передвижение адыгейских племен на восток произошло, как молено полагать, в начале средних веков под давлением греческих и римских завоевателей. Второе передвижение произошло в X в. под напором хазар. Третье передвижение - в XIII-XIV вв. под напором татаро-монголов и, наконец, последнее передвижение имело место в XVI в., когда кабардинцы заняли нынешнюю территорию Малой Кабарды.

Во время неоднократных передвижений отдельные адыгейские племена смешивались с более мощными племенами. «Нет ничего удивительного,- указывал Ф. Энгельс в отношении древних германцев,- что за этот продолжительный период переселений часто исчезали бесследно целые племена»[3]. Адыгейские племена не могли сохранить свою этническую «чистоту». Напротив, они нередко ассимилировали другие племена. Именно о такой ассимиляции турецкого элемента в адыгской среде свидетельствует К. Багрянородный.

Но в истории кабардинцев были случаи, когда они сами подвергались ассимиляции в более мощной и более культурной этнической среде. Так, например, в X в. часть кабардинцев, покинув пределы Хазарского каганата, смешалась с венграми.

Вопрос об ассимиляции одного народа другим находится в зависимости от ступени культурного развития. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю»[4].

Адыгейские племена, изолированные друг от друга географическими условиями или крупными историческими событиями, распадались или объединялись в этнические группы не на основе сознания этнического родства, а на основе общности политических интересов. Сознание этнического родства тогда еще было развито крайне слабо, и объединяющим фактором служили политические мотивы - часто успехи или неудачи отдельных завоевателей, разъединявшие или связывавшие людей, нередко совершенно различных по происхождению, в одну группу или племя, имевшее свое название, не определявшее, однако, этнической природы данного племени в целом.

II

Невозможно точно определить, когда именно установились связи между кабардинцами и древними русскими людьми. Несомненно, однако, что эти связи установились довольно рано и во всяком случае не позже X в. Дошедшее до нас известие русских летописей говорит, что еще во второй половине X в. русские люди были знакомы с некоторыми племенами Северного Кавказа и, в частности, с ясами - предполагаемыми предками современных осетин, и касогами - несомненными предками кабардинцев. Об этих двух северокавказских горских племенах русская летопись упоминает в связи с походом киевского князя Святослава в 965 г. против хазар. В результате этого похода князь Святослав разгромил хазар, победил ясов и касогов, от которых неизвестное количество военнопленных привел даже в Киев.

Время установления более тесных и непосредственных сношений руссов с кабардинцами следует приурочить ко времени установления политической власти русских князей в Тмутараканском княжестве, находившемся на Таманском полуострове

и имевшем в то время весьма важное экономическое и стратегическое значение. Обладание устьем Днепра и Таманским полуостровом обеспечивало руссам обладание Доном со всеми его притоками и взимание пошлин с иностранных транзитных товаров, шедших на запад, а оттуда в северные степи, Закавказье, Заволжье, Среднюю Азию, Сибирь, Индию и Китай. Наряду с этим Тмутаракань имела удобное сообщение по Днепру с Киевской и по Дону с Черниговской Русью. Руссы из Киева спускались по Днепру и, обогнув Таврический полуостров, на котором располагались значительные по тем временам торговые города Корсунь, Суров и Керчь, входили в Черное море.

Международное торговое значение Таманского полуострова, откуда при помощи азово-черноморских гаваней велась оживленная торговля Западного Кавказа с греками и римлянами рыбой и рабами, хлебом, воском, получая взамен различные ткани и металлические изделия, и послужило для русских людей главной приманкой.

Русские люди не являлись аборигенами Таманского полуострова. Аборигенами Тамани и Азово-Черноморского побережья были адыгейские племена. Сознание того, что Тмутаракань не исконно русская земля, нашло свое отражение между прочим в знаменитом «Слове о полку Игореве», которое Тмутаракань включает в число «незнаемых земель». Это, однако, не значит, что Тмутаракань для русских действительно была «незнакомой землей». Это говорит лишь о том, что к XII в. Тмутаракань была обратно завоевана кабардинскими князьями и, следовательно, для русских князей уже потеряна.

Утвердившаяся в 965 г. политическая власть русских князей в Тмутаракани в результате разгрома князем Святославом хазарской силы на Дону и поражения ясов и касогов, по-видимому, пала в середине XI в.

Причин падения русской власти в Тмутаракани было несколько, но основными из них были, во-первых, княжеские междоусобия, начавшиеся в потомстве князя Ярослава за обладание Тмутараканским княжеством; во-вторых, появление около середины XI в. из-за Дона половецких кочевников, перехвативших важнейший торговый путь на Дон и отрезавших Тмутаракань от остальной Руси; в-третьих, длительная борьба кабардинских князей за обладание Тмутараканью.

С захватом Тмутаракани русскими князьями кабардинские князья лишились своих политических и экономических привилегий. Они лишились права взимать пошлины с транзитных товаров, что и послужило основой непрерывной борьбы против политической власти русских князей. До нас дошли известия, что прикубанские кабардинцы в 966 г. имели крупное сражение с войсками князя Святослава на берегу притока Кубани - реки Пшиша. В результате этого сражения князь Святослав

вынужден был заключить мир с кабардинцами, после чего они в рядах войск князя Святослава участвовали при взятии хазарской столицы Белу-Вежу. За оказанную военную помощь князь Святослав отпустил закубанских кабардинцев с благодарностью и богатыми подарками.

Русская летопись сохранила весьма любопытный эпизод борьбы кабардинского богатыря по имени Редедя с тмутараканским князем Мстиславом. Князь Мстислав Владимирович, получивший Тмутаракань в удел от своего отца, в 1022 г. воевал с касогами, жившими в непосредственном соседстве с Тмутараканью. Мстислав в единоборстве одолел кабардинского богатыря Редедю, заколов его ножом (вопреки договоренности). После этого, по условию поединка, он взял к себе семейство Редеди, а на касогов наложил дань. По возвращении в Тмутаракань князь Мстислав, исполняя данное обещание, построил церковь во имя богородицы, существовавшую еще в XII в.

Неоднократные попытки кабардинских князей вернуть Тмутаракань, а вместе с ней и утерянные политические и экономические права, не имели успеха. Поэтому касожские князья вынуждены были признать вассальную власть тмутараканских русских князей. На основе установившихся вассальных отношений касожские князья вместе с другими соседними горскими племенами платили тмутараканским русским князьям установленную дань, о которой русская летопись под 1066 г. сообщает, что «Ростиславу сущю Тмутаракани и емлющю дань у касог и у иных стран». Кабардинские КНЯЗЬЯ обязаны были оказать тмутараканским князьям вооруженную помощь в их междоусобных войнах. Летопись говорит, что в 1022 г., после одержанной над касожским богатырем Редедей победы «поиде Мстиславе козары и с касогы на великого князя Ярослава». В результате этого удачного похода, в котором покоренные кабардинцы принимали активное участие, князь Мстислав перенес свою резиденцию в Чернигов, где и умер в 1036 г.

Если верно, что впервые упоминаемые в русских летописях в 1098 г. берендеи действительно были кабардино-черкесы, то можно признать, что боевая деятельность последних в рядах войск киевских князей продолжалась и в следующем, XII в. Кабардино-черкесские князья, продолжая оставаться вассалами киевских князей под именем «черных клобуков», принимали активное участие в междоусобных войнах удельных русских князей. В 1153 г. кабардино-черкесы принимали участие в походе князя Изяслава Мстиславовича против Ярослава Владимировича, князя Галицкого. Находившиеся в Переяславском и Киевском княжествах кабардино-черкесы из прародины были выведены, очевидно, тмутараканскими князьями. В дальнейшем, однако, они вновь вернулись на Северный Кавказ и поселились со своими соплеменниками. В этой связи любо-

27 Заказ *6 106

пытно сообщение боярина Федора Ивановича Хворостинина, который в 1493 г., по поручению московского царя, говорил крымскому послу, что «кабардинские черкесы искони вечные холопы государевы, а бежали с рязанских пределов, из прародительской государя нашего вотчины, из рязанской земли и в горы вселилися».

В период господства политической власти русских князей в Тмутараканском княжестве между кабардинцами и русскими существовали и более тесные отношения, к числу которых следует отнести широко распространенный обычай аманатства, скреплявший русско-кабардинские политические связи. Кабардинцы Яким Коучков и его зять Петр, о которых в связи с убийством князя Андрея Георгиевича Боголюбского русская летопись упоминает под 1175 г., были аманатами.

Сношения кабардинцев с русскими были нарушены в первой четверти XIII в. в связи с нашествием на Русь татаро-монгольских орд. Нашествие кочевников и для русских, и для кавказских племен было полной неожиданностью. Ни те, ни другие не имели сколько-нибудь ясного представления об этом страшном враге.

После разгрома русской земли татаро-монгольские орды предприняли свой поход на Кавказ, где, по словам русской летописи, они «многы страны попленища, ясы, обезы, касогы половчь безбожных множество избища, а инех загнаша». В числе покоренных татаро-монголами кавказских племен были, как мы видим, и кабардинцы, на территории которых, в районе нынешнего Пятигорска, в одно время находилась ставка султана Магомед Узбек-хана.

В конце XIV в. кабардинская земля вновь подверглась разгрому со стороны Тамерлана, опустошившего в 1395 г. землю закубанских черкесов и владения ясского князя Буракена.

Покоренные Тамерланом кабардинцы были обложены тяжелой данью. Они служили постоянным резервом для пополнения рядов войск завоевателя.

Следует отметить, что кабардинцы, хотя и покорились татарской силе, но они никогда не прекращали своей борьбы против татарских завоевателей. Кабардинский народный эпос через века пронес интересные картины героической борьбы народа за свое освобождение. «Храбрые черкесы,- поется в кабардинской народной песне об Андемиркане,- были золотые времена, но они прожиты нашими предками, а на нашу долю выпали времена тяжкие. Наши князья должны были сделаться слугами татарских ханов, а наши княжны должны были заменить собою прислужниц ханских жен». Вскоре народный герой Андемиркан, организовавший народные массы на борьбу с врагами, сделался грозой для татарских и монгольских орд. «Могущественный хан Эдигей, который покорил нас и назвал своим именем эдигеями,

мри нарте Андемиркане не мог даже основать близко около нашей земли свой нынешний высокий Джулат, откуда теперь татары наблюдают за нами».

После смерти главного героя кабардинского народного эпоса Лцдемиркана, сраженного вражеской стрелой на поле брани, татары подчинили себе кабардинцев. Но страстное желание сбросить с себя ненавистное татарское иго не покидало их. Кабардинская народная песня сохранила боевой клич к свободе и борьбе с татарской неволей. «Ели мы теперь же не сбросим ненавистного нам татарского ига», то наши предки, «встав из могил, будут уничтожать, вместо в-рагов, своих недостойных сынов, не могших с честью сохранить доброе имя отцов. Татар больше, чем нас, но у нас всегда внутри было больше огня и в бороде больше волос. Немало нашей крови выпили татары. Будет с них этого! Настало время, когда мы должны переродиться снова, когда мы пятно позора должны смыть вражеской кровью».

Вдохновенные слова народного гагуако, слова призыва к решительной борьбе с татарами нашли горячий отклик в душе каждого кабардинца. Призыв народного певца мобилизовал народные массы, которые в едином порыве ринулись на ненавистного врага. «Вечерней порою на призыв гегуако съезжаются черкесы. Их скакуны, почуяв кровавый бой, грызут удила. Их мечи, вылетая сами собою из ножен, просятся на битву».

Огромные массы кабардинских войск двинулись на татар, которые стояли военным лагерем в долине реки Гунделен. «Началась резня. Татары гибнут, черкесы торжествуют».

Так были изгнаны татарские орды с кабардинской земли.

В период владычества татаро-монголов на Руси и на Кавказе русско-кабардинские сношения хотя и были нарушены, но окончательно порваны не были. Русские и кабардинцы встречались в рядах татаро-монгольских войск, встречались они и как союзники в борьбе против общего врага. И тем не менее регулярные и более тесные, чем раньше, отношения между русскими и кабардинцами начали возобновляться лишь с половины XVI в., когда русская земля, освобожденная от татаро-монгольских орд, окончательно оправилась и начала жить независимой политической жизнью.

Прежде чем перейти к характеристике русско-кабардинских отношений в XVI-XVIII вв., следует остановиться, хотя бы кратко, на вопросе об усилении турецкого влияния на Западном Кавказе и борьбе кабардинцев против турецко-крымских насильников.

III

После захвата Константинополя турками в 1453 г. и ликвидации итальянских колоний на Черноморском побережье, на

территории Западного Кавказа стало усиливаться влияние Турции и ее вассала - Крымского ханства.

Кабардинцы попали под власть турок и татар приблизительно в начале XVI в.

Проникновению влияния иноземных захватчиков со стороны кабардинцев было оказано сильное вооруженное сопротивление, которое, однако, было сломлено численно превосходящими, хорошо вооруженными силами противника.

Одной из важнейших причин, способствовавших успеху оружия противника, следует считать феодальную раздробленность и отсутствие единства между кабардинскими феодалами, часть которых, ориентируясь на турецко-крымских захватчиков, ослабляла борьбу и разлагала изнутри военную организованность кабардинского народа.

Гнет султанской Турции и Крымского ханства в Кабарде носил характер военного деспотизма, сопровождавшегося произволом турецко-крымских полчищ, систематически появлявшихся на кабардинской земле для взимания с населения непосильной дани и для усмирения непрерывно происходивших на почве угнетения и бесчеловечной эксплуатации народных восстаний, направленных против иноземных насильников.

Тяжелая дань, которой были обложены турецкими насильниками кабардинцы, взималась вассалами Турции - крымскими ханами. Ежегодно из Крыма приезжали за сбором дани многочисленные ханские сборщики. Определенной дани не существовало, а потому сборщики с кабардинцев брали столько, сколько хотели, и брали то, что хотели: скот, лошадей, хлеб и людей. Последних по прибытии в Крым обращали в рабство и посылали на самые тяжелые работы. Каждую осень, возвращаясь из Кабарды обратно в Крым, сборщики гнали перед собой громадные табуны лошадей, стада крупного рогатого скота и сотни людей.

По установившейся традиции Кабарда платила каждому вновь вступившему на престол крымскому хану дань, состоявшую из 300 мальчиков и девочек. Однако указанная цифра крымскими ханами самовольно увеличивалась. Крымский хан Селим-Гирей довольно оригинальной хитростью повысил эту цифру до 700 рабов. Когда представители Кабарды прибыли в Крым, хан приказал ввести к нему наиболее влиятельных из них. Он принял их очень ласково и с богатыми подарками отпустил их обратно в Кабарду. Спустя некоторое время хан снова вызвал представителей кабардинских князей. Ласковый прием, оказанный кабардинским князьям в первый раз, вызвал большое число охотников поехать в Крым. Хан Селим-Гирей приказал всех заковать в цепи и освободить только тогда, когда по их распоряжению доставят ему из Кабарды 700 рабов.

Крымский хан Каплан-Гирей не стал удовлетворяться и указанным количеством рабов. Он потребовал от кабардинцев 3 тыс. рабов. В ответ на это требование кабардинские князья сказали: «Хотя и такое количество ясырей отдавать водилось у нас в обычае, но только до сих пор в 15-20 лет один хан был сменяем. Теперь же каждый год новый хан. Чьих же детей мы будем отдавать? ».

Кабардинцы не в состоянии были выполнить требование Каплан-Гирея. Они категорически отказались от уплаты непосильной дани. Хан Каплан-Гирей для наказания ханских ослушников в 1705 г. ввел в Кабарду тридцатитысячную армию крымских татар.

Кабардинцы не растерялись. Они решили оказать крымским полчищам вооруженное сопротивление. Выделив из своей среды наиболее надежных людей, решили послать их во вражеский стан. Кабардинцы под видом дезертиров прибыли к татарам и предложили им свои услуги провести их тайными путями в Кабарду. Татары поверили и последовали за ними. Кабардинцы завели татар в узкое горное ущелье, где их поджидали кабардинские отряды. Произошло крупное кровопролитное сражение. Тридцатитысячная армия татар поголовно была уничтожена.

Что касается хана Каплан-Гирея, то в результате проигранного сражения он лишился ханского престола, а в 1739 г., покинутый и забытый всеми, умер в ссылке.

Поголовное уничтожение армии Каплан-Гирея не удержало, однако, крымских татар от дальнейших набегов на Кабарду, сопровождавшихся опустошением целых районов и уводом людей в рабство.

В 1720 г. хан Саадат-Гирей по приказанию турецкого султана предпринял большой поход в Кабарду. По словам османского историка Чамби-Заде, Саадат-Гирей в течение двух лет основательно пограбил и опустошил кабардинскую землю.

В 1729 г. крымские татары во главе с кубанским сераскиром Бахта-Гиреем вновь напали на Кабарду. Но и на этот раз татары были разгромлены кабардинцами. В одном из сражений был убит и сам Бахта-Гирей.

Приезжая в Кабарду за данью, турецко-крымские насильники подвергали население неслыханным унижениям и оскорблениям. В один из приездов хана Бахта-Гирея в Кабарду для взыскания дани кабардинский князь Атажукин попытался было обратиться к хану с просьбой об облегчении участи придушенного непомерно высокой данью населения Кабарды. В тот момент, когда князь Атажукин докладывал свою просьбу, хан Бахта-Гирей курил трубку из длинного чубука. Пока князь Атажукин говорил, хан не выпускал изо рта чубука, искоса посматривая на стоявшего перед ним на коленях князя. Когда князь

закончил речь, хан сказал: «Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот, возьми». И с этими словами он высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя Атажукина. «Ступай и объяви своему народу о моей милости».

Нетрудно себе представить, каково было отношение турецко-крымских насильников к крестьянским массам, не раз вступавшим в кровавую борьбу с поработителями. До нас дошли любопытные известия, что «посылался ежегодно полномочный из Крыма в Кабарду, которого должно было богато трактовать, и он имел вольность и с своей свитой забавляться их женами и дочерьми, сколько ему потребно было».

Таков был вкратце гнет султанской Турции и Крымского ханства в Кабарде начиная с XVI в. и кончая первой половиной XVIII в. В продолжение этого времени велась жестокая, направленная против турецко-крымских насильников борьба кабардинского народа, отстаивавшего свою политическую независимость и национальную самобытность. Но борьба кабардинского народа велась в условиях исключительной феодальной раздробленности, ослаблявшей борьбу народных масс.

Существенную помощь турецко-крымским захватчикам оказывала часть кабардинских феодалов. Экономически связанная с Крымом и Турцией эта реакционная часть кабардинских феодалов, не желая терять доходы, получаемые ею от торговли с Крымом и Турцией, равно как для удержания своих феодальных прав над крестьянством, ориентировалась на иноземных захватчиков, в угоду которым она принимала мусульманство, принуждая к этому и зависимых крестьян. Тех, кто отказывался принимать ислам, уничтожали физически, присваивая их имущество.

За реакционной частью кабардинских феодалов следовало и мусульманское духовенство, вербовавшееся из высших категорий крестьян и мелкопоместных дворян. Мусульманские духовные лица, побывавшие в Мекке и возвращавшиеся оттуда в звании хаджи, использовались турками в качестве пропагандистов ислама и организаторов субсидируемых Турцией мусульманских мечетей и школ для подготовки миссионерских кадров.

Внешние политические условия Кабарды в XVI в. властно требовали объединения всех сил кабардинского народа для оказания отпора иноземным насильникам.

В половине XVI в. были сделаны некоторые попытки к политической консолидации феодально-раздробленной Кабарды.

Первым инициатором политического объединения феодально-раздробленных частей Кабарды явился известный в русской истории кабардинский удельный князь Темрюк Идарович, который в целях сплочения раздробленных частей в одно политическое целое отстранил князей от политического управления

страной и заставил их за жалованье служить слагавшейся центральной княжеской власти.

Мероприятия князя Темрюка Идаровича по созданию централизованной княжеской власти на базе ликвидации феодально-раздробленных частей Кабарды ставили своей задачей установить какой-то порядок в феодальном беспорядке и, таким образом, создать силу, способную оказать необходимый отпор турецко-крымским насильникам.

Замысел князя Темрюка Идаровича ликвидировать феодальную раздробленность и создать твердую централизованную княжескую власть для отражения натиска внешних врагов следует рассматривать как явление прогрессивное. «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Konigtum) была прогрессивным элементом - это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»[5].

Задача политического объединения феодально-раздробленной Кабарды оказалась чрезвычайно трудной. Мероприятия князя Темрюка Идаровича в том направлении встретили сильное сопротивление со стороны ущемленных в своих политических и экономических правах кабардинских феодалов, значительная часть которых, в целях сохранения своих феодальных привилегий, ориентировалась на турецко-крымских насильников, а нередко даже приводила их в Кабарду для борьбы против наметившейся центральной княжеской власти.

Непрекращающаяся внутренняя межфеодальная борьба, в сильной степени мешавшая созданию и укреплению центральной княжеской власти, привела Кабарду не к политическому объединению, а, напротив, к распаду на две враждебные части- Большую и Малую Кабарду.

Попытки ликвидации феодальной раздробленности Кабарды и создания централизованной княжеской власти были сделаны и потомком Темрюка Идаровича князем Хатажуко Казиевичем, который, «невзирая ни на какие препятствия, с твердостью и всеми силами старался об отыскании средств к уничтожению беспрерывных споров, распрей и буйств, возникавших между кабардинскими князьями, узденями и чернью»[6] и удельными князьями Берсланом Кайтукиным и Джанхотовым. К тому же времени относится введение в кабардинском обществе первых третейских судов, состоявших «из благонадежных узденей и депутатов *со* стороны народа, ежегодно им избираемых, с утверждения самого князя, который и руководил им»[7]. Вопросы, касавшиеся всего кабардинского народа, разбирались в так называемом верховном суде, или «хе», заседания

которого проводились под председательством удельного князя. Перед третейским судом все социальные категории были равны. За нарушение народных обычаев и неисполнение введенных удельным князем узаконений существовали штрафы. Кабардинские князья за преступление против родины и народа лишались княжеского звания и изгонялись из пределов Кабарды.

Неоднократные попытки политического объединения Кабарды на основе ликвидации феодальной раздробленности и создание централизованной княжеской власти для оказания отпора турецко-крымским насильникам разбивались о противодействие реакционной части кабардинских феодалов и не давали никаких положительных результатов. Еще князю Темрюку Идаровичу стало ясно, что без помощи извне с внешними и внутренними врагами кабардинской земли ему своими силами не справиться. Поэтому умный и дальновидный политик и государственный деятель князь Темрюк Идарович начал ориентироваться на Московское государство, при помощи которого он хотел покончить с турецко-крымскими агрессорами. В XVI в. между Кабардой и Московским государством устанавливаются тесные и дружественные отношения, которые в дальнейшем привели Кабарду в подданство Московского государства.

IV

Из всех северокавказских народностей наиболее тесные и дружественные отношения с Московским государством установили кабардинцы, которые на почве турецко-крымского гнета в середине XVI в. стали ориентироваться на Московское государство и добиваться его покровительства.

Московское государство, заинтересованное в укреплении и распространении своего влияния среди горских племен, охотно шло на сближение с Кабардой, при помощи которой рассчитывало укрепиться на Северном Кавказе.

Участившиеся с середины XVI в. кабардинские посольства в Москву неоднократно просили московских царей о принятии Кабарды в подданство, обещая за это «служить всякие государевы службы».

Одновременно с вопросом о подданстве кабардинские князья просили московских царей об устройстве на территории Кабарды военных укреплений против турецко-крымских насильников. При Иване IV в 1563 г. *, по просьбе кабардинского удельного князя Темрюка Идаровича, Московским государством была построена на берегу реки Терека военная крепость под названием Терки, которая, однако, в 1571 г. по протесту турецкого султана Селима и крымского хана Давлет-Гирея была разрушена.

Правильно 1567 г.

В 1577 г. крепость Терки восстанавливается, но ввиду вторичного протеста Турции и Крыма она в 1580 г. вновь была заброшена. В 1588 г. кабардинские послы Мамстрюк Айдарович и Муртаза Куденет били челом царю Федору Ивановичу о возобновлении на территории Кабарды строительства русских крепостей. Несмотря на протесты и угрозы Крыма и Турции, Федор Иванович приказал построить две крепости для защиты «исконных холопей» Московского государства от турецко-крымских насильников. Одна из этих крепостей была на правом рукаве Терека - Тюменке, при впадении его в Каспийское море, а другая — при устье реки Сунжи.

Заложение Московским государством крепостей на нижнем течении рек Терека и Сунжи в непосредственном соседстве с горскими племенами, и в частности с Кабардой, вызвало решительный протест со стороны Турции и Крыма, которые поняли колониальные устремления Московского государства в отношении горских народов, находившихся под гнетом султанской Турции. Крымское ханство предложило Московскому государству немедленно срыть построенные крепости, в противном случае угрожало войной. Ультиматум крымского хана Девлет-Гирея, за спиной которого стояла султанская Турция, сделался предметом специального обсуждения Боярской думы, решившей на ультиматум ответить категорическим отказом.

С заложением Терской и Сунженской крепостей на Северном Кавказе усиливается влияние Московского государства и углубляются связи горских народов с русскими. В 1588 г. кабардинские князья и мурзы начали служить и «прямить» Московскому государству. В крепости Терки существовала особая слобода служилых кабардинцев, командование над которыми несколько позже было поручено кабардинскому князю Сюнчелею Янгалычеву.

Установившиеся при Иване IV дипломатические сношения Кабарды с Московским государством имели своим результатом то, что в конце XVI в. Кабарда стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Федор Иванович титуловаться «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли черкесских и горских князей».

Политические сношения Московского государства с феодальной Кабардой скреплялись аманатскими и родственными связями. В 1553-1557 гг. в Москве находились в качестве аманатов и учились русской грамоте в кремлевском дворце сыновья кабардинских князей Сибока и Темрюка - Кудадек и Салтанук, после крещения названные первый - Александром, а второй - Михаилом. Известно также, что из числа братьев и ближайших родственников князя Темрюка Идаровича восемь человек были в Москве в качестве аманатов, а впоследствии сделались русскими боярами. Оставшиеся в русской истории княжеские фа-

милии Мансуровых, Алеуковых, Черкасских и Бековичей-Черкасских происходили от кабардинских князей. Они попали в Россию в качестве аманатов и там обрусели.

Многие из кабардинских князей, попав в Россию в качестве аманатов, занимали там весьма видные государственные должности. Известный в русской истории потомок кабардинского княжеского рода Джамбулатова Александр Бекович-Черкасский попал в Россию в качестве аманата в петровскую эпоху и сделался видным государственным деятелем. Он был даже командирован Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении в Россию Петр приблизил его к себе, произвел в чин капитана гвардии и лично способствовал его женитьбе на княжне Марии Борисовне Голицыной. Бекович-Черкасский играл видную роль в сношениях России с восточными странами.

Между московскими царями и кабардинскими феодалами существовали и родственные связи, которые устанавливались в политических целях. Известно, что Иван IV был женат вторым браком на дочери крупного кабардинского КНЯЗЯ Темрюка Идаровича. По словам родной сестры по имени Малхоруб, которая была замужем за ногайским князем Тинехматом, кабардинскую княжну звали Гуаша.

О женитьбе Ивана IV на кабардинской княжне Марии до нас дошли отголоски в русских народных песнях. В одной песне, записанной около ста лет тому назад в бывшей Архангельской губернии, говорится:

Не женись ты, царь, в проклятой Литве,
На той ли Марье Темрюковне,
А женись ты, царь, в каменной Москве...

Но, несмотря на это, царь Иван Грозный

Покатитися и женитися
На той, на Марье Темрюковне.
И брал он Марью Темрюковну
И со тем, со брателком родимым,
Кострюком Темрюковичем...

Брак Ивана IV с Марией Темрюковной состоялся 21 августа 1561 г. Мария Темрюковна умерла 1 сентября 1569 г. и похоронена в Москве в Вознесенском девичьем монастыре. По поводу кончины Марии Темрюковны Карамзин отмечает, что «вся Россия долженствовала явить образ глубокой печали».

Смерть Марии Темрюковны нашла отклик в русских народных песнях, по словам которых:

Брал царь свою Марию Темрюковну,
И вел он далече в чисто поле,
Стрелял он ей в ретивое сердце,
Тут ей и славу поют.

Брак Ивана IV с Марией Темрюковной для Московского государства имел большое политическое значение. Он усиливал влияние Московского государства не только среди кабардинцев, но и среди других горских народов Северного Кавказа. В оценке брака Ивана IV с Марией Темрюковной нельзя не согласиться с Семеном Броневским, который писал, что «сей поступок - был ли он следствием пристрастия или политических вычетов — произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, тюменских и таманских черкесов, которые в походах царя Ивана Васильевича на Лифляндию, Польшу и против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью, им свойственною, много способствовали его победам».

Действительно, кабардинцы принимали активное участие в предпринимаемых Московским государством военных походах. Известно участие кабардинцев в рядах русских войск при завоевании черноморских городов Темрюка и Тамани в октябре 1556 г. В этом походе кабардинцы под начальством князя Вишневецкого составляли головной отряд войск московского государства.

Не менее интересно отметить активное участие кабардинцев в Ливонском походе Ивана IV. «В ноябре 1557 г.,— пишет Соловьев,- выступило в поход к Ливонским границам сорокатысячное войско под начальством царя Шиг-Гирея и воевод - князя Михаила Васильевича Глинского, царицына брата Даниила Романовича и других: подле русских полков шли татары, черемисы, мордва, черкесы пятигорские»[8]. В следующем, 1558 г. кабардинцы отличились при взятии города Мильтена и при осаде Дерпта, под которым кабардинцы в рядах русских войск наголову разбили немецкую конницу, попытавшуюся сделать вылазку из города.

В начале XVII в. кабардинцы вместе с русским народом принимали активное участие в борьбе против польско-шведских интервентов.

Московские события для кабардинских князей были неожиданными, и они не сразу могли в них разобраться. Поэтому, когда московским престолом завладел первый самозванец, внук князя Темрюка Идаровича, Сюнчелей Янгалычев, в сопровождении десяти кабардинских узденей и одного новокрещенного - Максимки, 12 ноября 1605 г. поехал в Москву «с поздравлением Лжедмитрия о принятии Российского престола». За время своего пребывания в Москве мурза Сюнчелей успел лично познакомиться с Лжедмитрием и разобраться в московских событиях.

Когда в 1606 г. на московский престол вступил Василий Шуйский, кабардинские князья не замедлили послать своего

уполномоченного выразить новому царю свою преданность. Однако кабардинский посол Кардан до Москвы не доехал. Он был схвачен казаками под Тулой и отправлен в Тушино, а оттуда, по распоряжению воеводы Прокопия Ляпунова, в Казань, где прожил несколько лет. По вступлении Михаила Федоровича на престол воевода И. М. Воротынский отправил Кардана в Москву, где тот с большими почестями был принят новым царем.

Таким образом, кабардинский посол Кардан выехал к Василию Шуйскому, а бил челом Михаилу Федоровичу.

В сентябре 1615 г. Кардан с царской грамотой на имя кабардинских князей выехал обратно в Кабарду.

Отношение кабардинского народа к польским интервентам было резко отрицательно. Когда Иван Дмитриевич Заруцкии и вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек осенью 1613 г. прибыли в Астрахань для поднятия астраханских, волжских, терских, яицких казаков и горских народов против Москвы, мурза Сюнчелей Янгалычев, командовавший терско-гребенскими казаками и кабардинскими служилыми людьми, посоветовавшись с воеводой Петром Петровичем Головиным, решил лично отправиться к Ивану Заруцкому и Марина Мнишек, чтобы убедиться, действительно ли именуемый супругом Марина Мнишек есть Лжедмитрий I, с которым он был знаком. Сюнчелей Янгалычев пробыл у Заруцкого неделю. О чем говорил Заруцкии с Сюнчелеем и что он ему отвечал, к сожалению, неизвестно. Но несомненно, что Сюнчелей убедился, что Заруцкии - сторонник польских интервентов и враг русской земли.

Мурза Сунчелей по возвращении в Терки настаивал перед терским воеводой Петром Головиным об отправке против Заруцкого и Марина Мнишек вооруженных сил. А когда Иван Заруцкии потребовал к себе воеводу Петра Головина для наказания его за неисполнение приказания Заруцкого, терско-гребенские казаки и кабардинские служилые люди, которыми командовал Сюнчелей, ответили: «Али вы хотите сделать то же с Петром, что сделали с князем Хворостининым? Не быть нам с вами в воровском совете».

Для Заруцкого стало ясно, что рассчитывать на поддержку и помощь со стороны терско-гребенских казаков и служилых кабардинцев не приходится. И несмотря на это, он в 1614 г. сделал еще одну попытку поднять казаков и кабардинцев против Москвы. Заруцкии прислал в Большую Кабарду Михаила Черного, который должен был поднять кабардинцев и казаков против Москвы. В 20 верстах от крепости Терки, на Сухой Борозде, Михалка Черный был схвачен кабардинцами и приведен к терскому воеводе Петру Головину, который «с миром того Михалка на пытке пытал», после чего тот выдал стратегические планы Заруцкого. Он заявил, что Заруцкии «на велик день хочет быть на Терек, Петра Головина и многих людей казнить, а его, Михалку, послал поднять кабардинских князей и черкес итти на Русь войной»[9].

Получив необходимые сведения от Михалки Черного, терский воевода Головин и мурза Сюнчелей под командованием стрелецкого головы Василия Хохлова отправили против Заруцкого и Марины Мнишек вооруженный отряд, состоявший из 500 казаков и кабардинцев. Василий Хохлов во главе казачье-кабардинского отряда «стал над ворами поиск чинить», а когда он подошел к Самаре, сообщил о своем прибытии воеводе князю Дмитрию Пожарскому.

Гребенские казаки и кабардинцы, преследуя отряды Заруцкого, не раз одерживали над ним победу. В результате одного крупного сражения на берегу Каспийского моря казачье-кабардинский отряд из неприятельского отряда «многих живыми поймали, а иных в воде потопили и гонялись за ними целый день». Казаки и кабардинцы захватили в плен тетку Марины Мнишек - Варвару Казановскую, ее слугу Ивашку Попруцкого, католического священника Антона и свыше 160 человек из разгромленного отряда Заруцкого.

Иван Заруцкии и Марина Мнишек с сыном спасались на Медвежьем Острове. 15 июня 1614 г. мятежники были захвачены в плен и отправлены в Москву. Заруцкии был казнен, а Марина заточена в одну из башен Коломны.

После очищения русской земли от польско-шведских интервентов, в изгнании которых кабардинцы принимали активное участие, царь Михаил Федорович послал кабардинским князьям благодарственные грамоты. Сюнчелею же за то, что он «в то смутное время ни к какому нашему недругу не пристал и воровской смуте Ивана Заруцкого не поверил было обещано царское жалование»[10]. И действительно, через короткое время из Москвы в Терки прибыл дворянин Дмитрий Семенович Погожев «с государевым жалованным словом и с жалованием золотыми». В присутствии местного воеводы Головина, кабардинских и кумыкских князей, собравшихся в «съезжей избе», Погожев от имени царя Михаила Федоровича благодарил Сюнчелея.

В следующем, 1615 г. мурза Сюнчелей грамотой Михаила Федоровича был награжден «княжьим именем да быти надо всеми и над черкесы, которые великому государю служат на Терке, князем».

В конце 1616 г. кабардинские князья Сюнчелей, Куденет и Шегенук ездили в Москву бить челом Михаилу Федоровичу. В результате в январе 1616 г. они были приняты царем в дворцовой палате. От имени кабардинских князей Михаила Федоровича приветствовал князь Куденет. Михаил Федорович поблагодарил Сюнчелея, Куденета и Шегенука за преданность Мо-

сковскому государству и за трех чистокровных кабардинских аргамаков, привезенных в подарок царю, и велел дьяку Петру Третьякову держать ответное слово.

Михаил Федорович дал высокую оценку роли кабардинских князей в деле изгнания с русской земли польско-шведских интервентов.

Кабардинские князья вернулись на Родину с богатыми подарками и рассказывали своим сородичам о большом к ним внимании со стороны московского царя, обещавшего «держать их в призрении и ото всех недругов в обороне и защите свыше прежнего».

Свое обещание оказывать кабардинским князьям покровительство и защиту от внешних врагов Московское государство выполняло добросовестно.

V

По мере укрепления и расширения русско-кабардинских отношений вопрос о Кабарде в русско-турецких отношениях все более обострялся, а со второй половины XVI в. он сделался весьма острым. Турецкая империя, захватив Константинополь и подчинив себе Крымское ханство, задалась целью занять господствующее положение не только на Черном море, но и в прилегавших к его северным берегам странах, населенных многочисленными и воинственными кабардино-черкесскими племенами. В своих агрессивных действиях султанская Турция, разумеется, не ограничивалась территорией кабардино-черкесов. Она имела в виду путем захвата Кабарды распространить свое политическое влияние и на другие горские племена, находившиеся в полной или частичной зависимости от Кабарды. Для достижения поставленной цели Турция действовала разнообразными методами. Там, где было бессильно мусульманское миссионерство, она действовала путем прямого подкупа представителей феодальной аристократии, а чаще всего применяла насилие. На протяжении XVII—XVIII вв. кабардинская земля не раз подвергалась со стороны Крыма и Турции опустошительным набегам, наносившим кабардинскому народу громадный материальный ущерб.

Бесконечные набеги турецко-крымских насильников не могли способствовать укреплению среди кабардинцев турецкого влияния. Напротив, они восстанавливали народные массы против угнетателей и вынуждали их добиваться военной помощи от России, не менее, чем Турция, заинтересованной в обладании влиятельной на Северном Кавказе Кабардой. Между Россией и Турцией Кабарда сделалась ареной политической борьбы, длившейся не менее двухсот лет. В продолжение этого времени каждое из названных государств стремилось превратить Кабарду в

буферную страну. Короче говоря, «что в Европе была Польша, то в Азии была Кабарда, слабая страна, находившаяся между дну мя сильными влияниями - русским и турецко-крымским»".

Основная причина политической слабости Кабарды ли ключалась в ее социальном строе. Кабарда представляла собою феодальную страну, раздробленную на множество не связанных между собой враждебных феодальных владений, которые мм лейшие попытки политической консолидации страны встреча ли враждебно.

Феодальная раздробленность и внутренняя межкняжеская борьба привели Кабарду к распаду на две враждебные парти и баксанскую и кашкатавскую, первая из которых ориентировалась на Россию, а вторая - на Турцию и Крым. Наличие среди кабардинских феодалов двух ориентации было обусловлено политической борьбой названных феодальных групп, каждая из которых рассчитывала при помощи своего сюзерена одержать победу над своим политическим противником и занять господствующее положение во всей Кабарде.

Кашкатавскую партию, в которую входили противники московской ориентации, возглавлял князь Алхаз, против которого баксанские феодалы просили Московское государство прислать в Кабарду военную силу. Просьба была удовлетворена, и в Кабарду были отправлены под командой Гришки Полтева московские ратные люди в количестве 750 человек.

К экспедиции Полтева присоединились сторонники московской ориентации, которые совместно с московскими ратными людьми приняли участие в наказании князя Алхаза и его сторонников. Особенно активное участие в этой экспедиции принял князь Янсох, мобилизовавший своих крестьян и родственников.

В результате экспедиции Полтева сильно пострадали князья Алхаз и Шаулох, уделы которых были разгромлены и сож жены.

Основным итогом экспедиции Полтева следует, однако, считать то, что объединенные русско-кабардинские войска «кабардинскую землю всее под государеву руку привели и кабаки пожгли и животы их разорили» и «вся Кабарда стала в единстве».

Стародавние русско-кабардинские связи в XVIII в. получили еще более широкое развитие, но в то же время вопрос о Кабарде в русско-турецких отношениях становится более острым.

Распространению русского влияния в Кабарде сильно про пятствовала Турция, которая, претендуя на Кабарду, не думала ее добровольно уступать России.

В первой половине XVIII в. начинается между Россией и Турцией соперничество за обладание Кабардой. Оба государства

наводняли Кабарду своими тайными агентами и шпионами, которые вербовали среди наиболее влиятельных кабардинских феодалов сторонников России и Турции.

В 1732 г. был поставлен вопрос о том, кому должна принадлежать Кабарда - России или Турции. Русский посланник в Константинополе Неплюев не признавал за Турцией никаких прав на обладание Кабардой. В свою очередь и Турция не признавала за Россией никаких преимуществ. Оказавшись в затруднительном положении, Неплюев запросил свое правительство о том, как ему вести себя по кабардинскому вопросу, «а именно - как о Большой Кабарде объявить, и как давно Малая Кабарда находится под русским покровительством... чтоб я мог Порте обстоятельно доказать и тем ложные ханские донесения опровергнуть»[12]. Неплюев предупреждал свое правительство, что «кабардинское дело большое беспокойство принесет, если Россия захочет присвоить себе Большую Кабарду».

Пока шла эта переписка между Неплюевым и Петербургом, наместник крымского хана на Кубани Нуреддин-Султан готовился вторгнуться в Кабарду. В ответ на эти планы Нуреддин-Султана Неплюев от имени своего правительства решительно заявил, что при первом движении войск крымского хана или турецкого султана русские войска немедленно будут введены в Кабарду для ее защиты.

Создавалась весьма напряженная атмосфера, готовая в любой момент разрядиться войной.

Вскоре через подкупленных турецких чиновников Неплюеву стало известно, что турецкое правительство дало распоряжение крымскому хану «не подавать ни малейшего повода к ссоре с Россией, которой дружба теперь очень нужна Порте. В Кабарду войск не посылать, в таком случае и русские войска туда не пойдут»[13].

Через короткое время точка зрения турецкого правительства изменилась, и оно вновь стало отстаивать принадлежность Кабарды Крымскому ханству. «Донесите Вашей государыне,- было заявлено турецким правительством Неплюеву,- чтоб она в Кабарду мешаться не изволила, потому что она принадлежала крымскому хану. Донесите, что Порта не уступит Кабарды до чего б ни дошло. Хотя Кабарда и небольшой важности, но честь государственная запрещает уступить свою землю». Неплюев дал достойный ответ. «Если Порта желает ссоры,- ответил Неплюев,- то можно ее начать и без Кабарды. Что же касается государственной чести, то она одинакова как у русского, так и у Оттоманского государства, и моя императрица не может отступиться от своих прав, для защиты которых способы найдутся»[14].

У царского правительства было твердое решение ни за что не уступать Кабарды ни Крыму, ни Турции, тем более, что в то время она играла весьма важную стратегическую роль. «Кабарды уступить нельзя,- писал Неплюев Елизавете Петровне,- этим отворить татарам дверь в Дагестан».

Россия учитывала и то, что Турция в то время во внешней своей политике потерпела ряд серьезных поражений, приведших ее к внутреннему кризису.

По вопросу о необходимости сохранения Кабарды за Россией в русских политических кругах двух мнений не было. Такое твердое решение вытекало из необходимости создания сильного со стороны Крыма и Дагестана заслона для охраны южных пределов русского государства. «Надобно заблаговременно,- писал князь Долгорукий,- всех как Малой, так и Большой Кабарды владельцев вяще привесть в нашу протекцию и приласкать их определением жалования», так как «весьма нам надлежит Большую и Малую Кабарду склонить в нашу порцию ради двух причин: первая от турок и крымцев, другая для страху дагестанцам».

Кабардинский вопрос не был разрешен мирным путем. Он разрешился только после окончания русско-турецкой войны (1735-1739). По Белградскому мирному трактату, заключенному между Россией и Турцией 18 сентября 1739 г., за Кабардой были признаны суверенные права.

По смыслу Белградского трактата Кабарда формально считалась независимой, а фактически эта независимость оказалась для нее фикцией.

Существование Кабарды как страны формально независимой, имевшей сильное влияние на соседние горские племена, в непосредственном соседстве для России политически было невыгодно. Поэтому политика России на Кавказе по отношению к Кабарде, как к сильной и богатой в то время народности, сосредоточивалась на аннулировании Белградского мирного трактата.

После заключения Белградского трактата, признавшего за Кабардой суверенные права, Кабарда между Россией и Турцией сделалась ареной скрытой борьбы и политических интриг. Оба государства тайно друг от друга опять стали наводнять Кабарду своими агентами, а при малейшем сопротивлении колониальным устремлениям России или Турции оба государства, исходя из условий Белградского трактата, бесцеремонно вторгались в Кабарду и под предлогом наказания ее за «предерзости».

Борьба между Россией и Турцией за обладание Кабардой продолжалась до русско-турецкой войны, начатой в 1768 г. и законченной Кучук-Кайнарджийским мирным трактатом, заключенным 10 июля 1774 г. В 21-м артикуле названного трактата о Кабарде записано, что «Большая и Малая Кабарды остались в точном подданстве ее императорского величества».

28 Заказ Nb 106

Официальной датой присоединения Кабарды к России и, следовательно, датой разрешения между Россией и Турцией кабардинского вопроса следует считать 1774 г., являющийся датой начала колониального завоевания Кабарды царской Россией.

VI

В своем социально-экономическом развитии кабардинцы ушли дальше, чем их соседи. Горские народности находились на разных ступенях общественного развития, начиная от патриархально-родового строя и кончая феодальными отношениями. Кабардинское же общество, накануне его завоевания царизмом, находилось на стадии завершенного феодализма с некоторыми далее элементами разложения.

Особенностью общественной структуры феодальной Кабарды является многостепенность ее социальной лестницы, состоящей из семи феодально-дворянских категорий и стольких же зависимых крестьянских разрядов.

Феодальное сословие в Кабарде известно под общим названием «ворк», что значит «благородный». К сословию ворков относились следующие семь феодально-дворянских категорий: пши, тума, тлакотлеши, кодз, деженуго, беслан-ворки и ворк-шаутлухусы.

Перечисленные категории составляли класс кабардинских феодалов.

По своей экономической мощи и политическим правам феодальный класс Кабарды делился на удельных князей, средних и мелкопоместных дворян.

Самую высшую и могущественную, хотя малочисленную, феодальную категорию составляли пши. По кабардинским народным преданиям, категория пши ведет свое происхождение от легендарного родоначальника Шамбока, который будто бы являлся выходцем из Крыма. Каких-либо других более достоверных исторических сведений о происхождении этой категории не существует.

К категории пши в Кабарде принадлежали только четыре рода: Кайтукины, Атажукины, Мисостовы и Бекмурзины. К этой *же* категории были приравнены происходившие из Кабарды русские князья: Куденетовы, Мансуровы, Алеуковы, Черкасские, Бековичи-Черкасские и Кудашевы. Перечисленные фамилии были приравнены к русскому дворянству, а некоторые из них - Черкасские, Алеуковы и Мансуровы - значатся даже в списках московских бояр XVI-XVII вв.

Кабардинские пши были удельными князьями, каждый из которых в своем уделе пользовался неограниченными правами. «Всякий князь имеет владение, которое переходит детям из рода в род. Власть князей над узденями и простым народом

почти не ограничена и они по своему произволу могут лишать их имущества»[15].

Право объявления войны, заключения мира, суда и расправы над крестьянами и даже вассалами принадлежало только князю. Во время войны пши командовал всеми вооруженными силами своего удела. В народном собрании он занимал самое почетное место, являясь председателем и руководителем общенародных собраний. «Звание князя,- отмечает Ногмов,- почиталось столь священным для адыгов, что всякий подданный считался обязанным для защиты владельца жертвовать не только имуществом, но и жизнью'». Личность пши была неприкосновенна и в быту, и даже на войне. «При сраженьях,- говорится в одном документе,- владелец узденей и подданных бьет и рубит, а уздени и на противного им владельца, по древним их обычаям, и рук своих поднять не могут и только что сами от них ретируются и спасают свой живот». Генерал Ермолов прибегал к суровым мерам, чтобы заставить кабардинских крестьян стрелять в своих князей. «Узденям и простому народу повелеваю,— приказывал Ермолов,— при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое поминовение не стрелять в князей, когда они стреляют». Неприкосновенность личности пши нашла свое отражение в кабардинской народной поговорке, что «за спиной князя только машут саблей».

По обычному праву кабардинцев, размер платы за кровь удельного князя был неисчислим. Старинное кабардинское предание говорит, что «кровь убитого пши наполняет собою всю глубину ущелья, в мрачную бездну которого со страхом падает взор могильного ворона». За кровь убитого пши убийца и все его родственники мужского пола подвергались смертной казни, а женщины и дети попадали к наследникам убитого в пожизненное рабство.

Представители низших сословий при встрече с пши обязаны были повернуть назад даже с нагруженной арбой и сопровождать его *до* тех пор, пока не получали от него разрешения вернуться обратно. Если пши шел пешком, а навстречу ему ехал крестьянин, последний, поравнявшись с ним, обязан был спешиться с коня.

Второе место после категории удельных князей занимала категория тума, состоявшая из детей удельного князя от побочной жены. Тума не наследовал отцу и не пользовался равными с остальными членами семьи правами.

Третье место занимала категория тлакотлеш - среднее дворянство. Тлакотлеши находились в вассальной зависимости *от* пши. К этой категории принадлежали Тамбиевы - вассалы Мисостова, Куденетовы - вассалы Атажукина и Анзоровы - вассалы КаЙТуКИНа.

Тлакотлеши имели свои земли и своих крестьян и пользовались правом свободного перехода с одного места на другое, но в пределах удела своего пши. В управлении уделом они принимали участие через своих выборных представителей.

К сословию феодалов относилась также категория кодз, состоявшая из представителей тлакотлешей, принимавших участие в решении политических вопросов, касавшихся всего удела. Первоначально у кодз была должность, в дальнейшем сделавшаяся наследственной. С завоеванием Кабарды должность кодз была упразднена, но категория сохранилась.

Самой многочисленной дворянской категорией являлась категория деженуго. Обязательным условием принадлежности к этой категории было владение несколькими вассалами.

Предпоследнюю дворянскую категорию составляли беслан-ворки - мелкопоместные дворяне. В эту категорию попадали крестьяне, отличившиеся на войне своей храбростью и отвагой или получившие от пши какой-нибудь ценный подарок: участок земли или серебряную вещь. Беслан-ворки обязаны были жить в одном ауле с пши.

Самая низшая дворянская категория была известна под названием «ворк-шаутлухусы», что значит в переводе «молодой человек, которого взрослый взял в товарищи». Данная категория произошла от княжеских холопов. Шаутлухус, состоявший в вассальной зависимости от удельного князя, «обязан был в случае войны служить лично при своем владельце, находиться и драться подле него в день сражения, отдать свою лошадь владельцу, и, наконец, если владелец попадал в плен, то вассал обязан был идти вместо него аманатом». Шаутлухусы составляли военную дружину удельного князя и доставляли себе средства к жизни в войне, грабежах и набегах.

В кабардинском феодализме система коммендации имела большое распространение. В установлении и развитии в Кабарде вассальных отношений она играла большую роль. Установившиеся на этой основе отношения между сеньором и вассалом в истории древних германцев эпохи династии Каролингов и императора Карла Великого Ф. Энгельс характеризовал так, что «слулсилыи человек (Dienstmann) был обязан нести всякую совместную с положением свободного человека службу по поручению своего господина, который за это его содержал и по своему усмотрению вознаграждал»[16]. Совершенно аналогичные отношения существовали между кабардинскими пши и их вассалами из числа двух последних категорий мелкопоместных дворян.

Помимо коммендации в кабардинской феодальной системе существовал и другой путь установления вассальных отношений - через получение от князя ценного подарка. Ф. Энгельс о древних германцах писал, что «служилых! человек попадал в

зависимость от господина, как только получал от него какую-нибудь ценность в один солид»[17].

Любопытно в этой связи напомнить, что памятники обычного права кабардинцев говорят, что с фактом награждения князем крестьянина каким-нибудь ценным подарком, последний также попадал в вассальную зависимость. Таким образом, как в истории древних германцев, где «вассальные отношения не были обязательно связаны с земельным пожалованием» (Ф. Энгельс), так и в Кабарде вассальные отношения устанавливались преимущественно на основе коммендации и получения от князя ценного подарка.

В кабардинской феодальной системе вассальные отношения устанавливались и на почве дачи земельных участков. По свидетельству генерала Ермолова, в кабардинской феодальной системе вассал пользовался от своего сюзерена «некоторым участком земли и несколькими семействами людей».

Крепостная крестьянская масса, известная под общим названием «пшитли», в свою очередь делилась на семь разрядов: логанаутов, льгава, хабзанша, михифатц, унаутов, огов и азатов.

Логанауты составляли основную массу крестьян, живших на земле феодала и имевших свои хозяйства и семьи. Логанаут уплачивал своему феодалу отработочную и продуктовую ренты. Феодал имел право заставить логанаута работать все время на себя, но в этом случае феодал обязан был содержать его.

В отношении логанаута феодал нес некоторые обязанности, регламентированные местным обычным правом. В три года один раз он получал от феодала семь овчин на шубу и подбрюшную часть бычьей кожи на обувь. Получал и некоторые орудия труда - топор, косу, деревянную соху, а при женитьбе — свадебный подарок - чугунный котел. Феодал не имел права продавать логанаута.

Категория крестьян, известная под названием «льхава», является отпочкованием от категории логанаутов. Исключительное право владения этой категорией крестьян принадлежало пши. В переводе льхава значит «мясовар» или «повар». И действительно, в основном эта категория состояла из княжеских поваров.

Другое отпочкование от категории логанаутов известно под названием «хабзанша», что значит «адатонарушитель». За нарушение адатных норм, за оскорбление личности князя последний в наказание переводил логанаута в более низшую и бесправную категорию хабзанша.

Наконец, третье отпочкование от логанаутов составляли так называемые михифатц. Эта категория состояла в основном из женщин и девушек, отобранных князем в приданое своей дочери в качестве рабынь. В начале XIX в. во всей Кабарде крестьянами этой категории владели только две княжеские фа-

милии — Куденетовы и Ашабовы, пользовавшиеся исключительным правом владения михифатц.

Основным объектом феодальной эксплуатации в Кабарде были крестьяне — унауты. В состав этой категории входили безобрядные холопы и рабы, лишенные каких бы то ни было имущественных и семейных прав. Унауты представляли собой домашних рабов, о чем говорит и само их название. В состав этой категории входили мужчины и женщины. Забота о продовольственных запасах, уборка комнат и обслуживание женской половины княжеских покоев лежали на обязанности унауток. По обычаям кабардинской феодальной знати унаутки являлись обязательным элементом княжеского этикета. «Я знаю нескольких женщин,- говорит начальник Терской области,— которые разводились со своими мужьями, покидали детей и жили в крайности у своих родных почти работницами из-за того, что лишились служанок, мужья не в состоянии были купить других. Ни одна замужняя женщина, дочь или вдова порядочных семейств не примут к себе постороннее лицо, если нет при них служанки, и по самым крайним делам не выходят из дома, если не имеют служанки для сопровождения себе».

В экономическом быту кабардинских князей унауты играли исключительную роль. «Лишить туземца, и в особенности кабардинца, холопа - одно и то же, что лишить его собственности, а жену и дочерей - всех средств к существованию. И надо очень многое предоставить кабардинцу, чтобы вознаградить ему лишение холопа, ибо, по его понятиям и привычкам и складу жизни, никакое вознаграл^дение не может быть равносильно такой потере». И в подтверждение сказанного начальник Терской области приводит следующий любопытный эпизод. «Князь Алексей Мисостов — человек очень неглупый, служивший долго в Петербурге, под конец своей жизни впал в крайнюю бедность. Не имея ни одного холопа, дошел до того, что по недостатку дров днем сидел в холодной сакле зимой и не имел горячей пищи. Ночью украдкой от соседей ходил он за дровами и водой, а целый день просиживал, ничего не делая».

Крестьяне следующей категории известны под названием «огов». Эта категория была немногочисленной, а в половине XIX в. в Кабарде их насчитывалось всего 15 дворов. История происхождения этой категории такова. Логанаут, отдавая все свое время феодалу, был лишен возможности работать на себя, а потому, по обычаю, он находился на содержании феодала. Когда содержание логанаута для феодала становилось экономически невыгодным, он его переводил в категорию огов и освобождался от его содержания. В экономическом отношении оги, по сравнению с другими зависимыми крестьянами, находились в более выгодных условиях. В категории огов мог быть крестьянин, если он имел пару рабочих волов и необходимый хозяйственный инвентарь для ведения хотя бы небольшого хозяйства. Оги отбывали барщину и платили натуральную и денежную ренты.

Последнюю зависимую категорию составляли азаты, или вольноотпущенники. Количество азатов было невелико. В состав этой категории входили крепостные крестьяне, которым тем или иным путем удавалось получить свободу. Обычно крестьяне получали свободу путем выкупа, иногда феодал освобождал крестьянина перед своей смертью «ради спасения души». Но чаще всего крестьянин этой категории получал свободу по инициативе самого феодала, который присваивал его имущество. Юридически азаты считались свободными. Однако азаты обязаны были жить в ауле своего феодала и следовать за ним, когда он переходил на другое местожительство. Специфической обязанностью азатов было воспитание княжеских детей до совершеннолетнего возраста.

Таким образом, в Кабарде накануне ее завоевания царизмом феодализм не только установился, но имел даже некоторые элементы разложения.

Одним из существенных признаков разложения крепостнического строя в Кабарде следует считать наличие, наряду с барщиной и оброком, денежной ренты, предполагающей более «высокое развитие производительных сил и производственных отношений. Денежная рента, по К. Марксу, «предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ними и денежного обращения»[18]. Наличие денежной ренты связано с образованием в феодально-крепостническом обществе новой социальной силы в лице неимущих поденщиков, продающих свою рабочую силу за деньги.

Другим существенным признаком разложения крепостнического строя Кабарды может служить перевод феодалами некоторых категорий крепостных крестьян от барщины на оброк. Азаты в отношении своих феодалов не несли никаких барщинных повинностей, а уплачивали только оброк.

Категория унаутов и три отпочкования от логанаутов — льхава, хабзанша и михифатц - говорят о наличии в кабардинском феодальном обществе домашнего рабства, являющегося специфической особенностью восточного феодализма. «Иное дело домашнее рабство на Востоке,- писал Ф. Энгельс,- здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»[19]. Фактическое положение крестьян категорий унаутов, льхава, хабзанша и михифатц является подтверждением тезиса Ф. Энгельса о характере восточного домашнего рабства.

По своим взглядам на жизнь, по своим идеалам и мировоззрению крепостное крестьянство Кабарды и класс феодалов составляли два противоположных враждебных мира. Классовая

вражда, взаимная отчужденность и незаполнимая пропасть, созданная между крепостным крестьянством и феодалами системой феодального хозяйства, основанного на жестокой эксплуатации крестьянства, сознавались и некоторыми передовыми феодалами, которые вынуждены были констатировать, что крепостному крестьянству «решительно нет никакого дела до тех идеалов, которые неотвязно преследуют сословие дворян».

Острую классовую ненависть крепостных крестьян к своим угнетателям хорошо сознавали и сами феодалы. «Самая покорность и молчание дышали неумолимой критикой против тех, кому они покоряются и перед кем они молчат. Подумаешь, что покорны они лишь из милости, а молчат, потому что не удостаивают ответа. Они не заискивают ничьего расположения, ничьей благосклонности, даже своих господ, от которых зависит их жизнь. Напротив, они всеми силами стараются выказать явное невнимание и самое убийственное равнодушие и к ласкам и к угрозам. Вся желчная ирония их языка направлена исключительно на сословие, обитающее в кунацкой. На него они смотрят с пренебрежением, как на что-то весьма негодное и непрочное, чье существование находится в их мозолистых руках».

Приведенное правдивое признание, принадлежащее представителю прогрессивной части кабардинского дворянства, едва ли нуждается в комментариях. Эта же прогрессивная часть дворянства в самом физическом существовании феодалов, пренебрегавших физическим трудом и под покровом темной ночи занимавшихся грабежами и разбоями. «Не могу без ужаса представить себе,- писал тот же автор,- что бы произошло на кабардинской земле, если бы все крестьяне вдруг переменили свой взгляд на жизнь и вместо воловьих рогов ухватились бы за конские гривы. Но, к счастью нашему, о подобной перемене нет и помысла в голове крестьян. На их красных буйволовых шеях лежит пока существование целого аула. И если гордые дворяне, обитающие в кунацких, фантазируют на свободе о блестящей славе наездника, о красивых конях, дорогих винтовках и считают чуть не бесчестием провести темную ночь под покровом своей кунацкой, то всем этим они, без сомнения, обязаны только своим крестьянам».

Среди кабардинских дворян были единицы, трезво смотревшие на окружающую действительность. Основная же их масса была темная, невежественная, не видевшая в крестьянине личности, в высшей степени консервативная, слепо преклонявшаяся перед заветами старины и боявшаяся каких-либо изменений в общественном быту. Красивый конь с богатым убранством, кремневка с золотой насечкой, удачный грабительский набег на соседний аул, шумное пиршество, танцы и джигитовки - вот круг интересов кабардинских дворян.

Полную противоположность дворянам представляли собой крепостные крестьяне, среди которых «одна хорошая спица из крепкого дерева ценится дороже всяких оружий с богатыми насечками, дороже самой изящной конской сбруи. По их мнению, нет ничего соблазнительнее славы бочара Яхьи, арбяного мастера Чоры и неутомимого косца Хожи, на которых они взирают не без некоторой зависти и искреннего сожаления, зачем Аллах не дал им искусства этих достойных удивления мастеров ».

В ходе завоевания Кабарды царское правительство весьма умело использовало существовавшие между дворянством и крепостным крестьянством классовые противоречия.

VII

Вопрос о завоевании Кабарды встал перед царской Россией во второй половине XVIII в. В основе завоевания Кабарды лежали экономические, политические и стратегические причины. Еще в середине XVIII в. в нагорной полосе Центрального Кавказа, на территории Осетии были обнаружены русскими миссионерами горнорудные богатства, о которых они тогда же поставили в известность астраханского губернатора Петра Кречетникова, в свою очередь подробно информировавшего Берг-Коллегию. Во второй половине XVIII в. по инициативе Берг-Коллегии в Центральный Кавказ для исследования обнаруженных горных богатств были направлены две геолого-разведочные экспедиции. Первая из этих экспедиций прибыла на Кавказ в 1768 г. под руководством «рудознатца» Степана Вонявина, а вторая - в 1771 г. под руководством Александра Кирхнера.

Подробное исследование нагорной полосы подтвердило наличие значительных залежей горнорудных богатств, а химический анализ доставленных в Петербург горных пород показал рентабельность их эксплуатации.

Однако вопрос об эксплуатации горнорудных богатств Центрального Кавказа оказался весьма сложным. Горные богатства были обнаружены на территории Осетии, которая находилась в феодально-вассальной зависимости от Кабарды, признанной в силу Белградского трактата 1739 г. между Россией и Турцией суверенной. Отсюда колониальные мероприятия царизма на территории подвластных Кабарде народов Турция могла рассматривать как нарушение Белградского трактата, что могло привести оба государства к войне, исход которой для России был гадательным. Поэтому вопрос об эксплуатации горнорудных богатств Центрального Кавказа был отложен до более благоприятного момента.

Вопрос о завоевании Кабарды явился, таким образом, ключом к обладанию природными богатствами Центрального Кав-

каза, в которых развивавшаяся металлургическая промышленность России была весьма заинтересована.

Не менее важным мотивом завоевания Кабарды следует считать ее политическое значение. Кабарда на Северном Кавказе играла ведущую культурно-политическую роль. Многие горские племена находились от Кабарды в полной или частичной зависимости. Исторические судьбы горских народностей теснейшим образом были связаны с Кабардой. Кабардинский язык среди горцев считался «международным», обязательным, по крайней мере для социальных верхов горских племен. Знание и точное соблюдение сложных кабардинских адатов, которым подражали все соседние племена, считались хорошим тоном и признаком культурности и благородства.

Учитывая удельный вес кабардинцев среди горских народностей, Коллегия иностранных дел пришла к выводу, что в дальнейшей международной политике «надобно будет употребить все старания, выговорить в здешнее подданство кабардинский народ как в тамошней стороне знатнейшим почитаемой, примеры которого и другие следуют»[20]. Эта политическая задача осуществлена Кучук-Кайнарджийским мирным трактатом 1774 г., по условиям которого Кабарда была присоединена к России.

С переходом Кабарды под протекторат России, последняя стала претендовать и на те племена, которые находились в зависимости от Кабарды. «Большая и Малая Кабарды,- писал астраханский губернатор Кречетников Екатерине II,- осталися в точном подданстве вашего императорского величества, а как последняя из них осетинский народ почитает своими подданными, то и оной, с нею соединенной, подлежит к здешней стороне»[31]. Таким образом, вопрос об осетинах, находившихся в феодальной зависимости от кабардинских 70 князей, решался в связи с кабардинским вопросом, разрешенным в соответствии с условиями Кучук-Кайнарджийского мирного трактата.

Наконец, стратегическое значение Кабарды также было значительно. С давних пор Кабарда владела всей Северо-Кавказской равниной и всеми торгово-стратегическими путями, проходившими по этой равнине. Стратегическое значение Кабарды особенно увеличилось тем, что она держала в своих руках важнейший военно-стратегический и торговый путь, проходивший по Дарьяльскому ущелью и соединявший Передний Кавказ с закавказскими странами.

Большое стратегическое значение Дарьяльского пути отмечено и грузинскими летописями. Центральный Кавказ, по которому проходил Дарьяльский путь, служил ключом к обладанию Кавказом, являвшимся, в свою очередь, ключом к обладанию не только Закавказьем, но и Азиатской Турцией, Персией и

Среднеазиатскими странами, простирающимися до границ Индии. О важнейшем значении Дарьяльского военно-стратегического пути К. Маркс писал: «Кавказские горы отделяют Южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретин и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман. Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье; она защищена непрерывной цепью укреплений и подвергается с обеих сторон беспрестанным нападениям враждебных кавказских племен»[22].

Приведенные слова К. Маркса -хотя и относятся к середине XIX в., но они в равной мере могут быть отнесены и к XVIII в., когда эта дорога от Моздока до Казбека контролировалась кабардинскими феодалами, взимавшими за пользование ею значительные дорожные пошлины.

Обладание кабардинскими феодалами важнейшими стратегическими путями через Центральный Кавказ вынуждало царскую Россию поддерживать с Кабардой дружественные отношения. «Кабардинцы,- писал генерал Вейденбаум,- владели всеми дорогами, ведущими с плоскости к наиболее удобному через Главный Кавказский хребет ущелью, сохранение дружественных с ними отношений получило для нас особенно важное значение со времени принятия Грузией русского покровительства».

Однако поддержание дружественных отношений с кабардинскими феодалами не обеспечивало царской России прямого обладания Дарьяльским путем, стратегическое значение которого со времени присоединения Грузии к России значительно возросло: на заре XIX в. Грузия сделалась плацдармом дальнейшей колониальной экспансии царизма на Передний Кавказ. Беспрепятственную коммуникацию с Закавказьем могло обеспечить царской России только прочное обладание Дарьяльским стратегическим путем. Отсюда вытекала необходимость завоевания Кабарды, владевшей Дарьяльской магистралью.

Таким образом, в основе завоевания Кабарды, как мы видим, лежали экономические, политические и стратегические моменты, которые со второй половины XVIII в. для России имели весьма важное значение.

В ходе завоевательной политики царизма первый весьма чувствительный удар по экономическим интересам кабардинских феодалов был нанесен фактом заложения в 1763 г. на нижнем течении Терека крепости Моздок. Это была вторая после Кизляра, заложенного в 1736 г., крепость, в короткий срок превратившаяся в весьма важную военно-стратегическую базу для дальнейшего колониального наступления царизма на территории горских племен.

Заложение Кизляра насторожило кабардинских феодалов, а основание Моздока вызвало сперва протест, а потом вооруженное сопротивление. По необъятным просторам предгорных рав-

нин от Кубани до Каспия паслись табуны породистых лошадей и большие стада крупного и мелкого скота кабардинских князей. После же заложения крепости Моздок кабардинские феодалы должны были лишиться значительной части территории, которой они пользовались издавна. Кабардинские феодалы хорошо понимали, что захват их территорий и заложение на них военных укреплений есть начало конца их политической независимости.

Поэтому кабардинские князья через своего уполномоченного Кайтука Кайсинова подали в 1764 г. протест Екатерине II по поводу заложения крепости Моздока. «Когда крепость строением окончится и утвердится,- писали они,- то в прямом деле во всяких случаях от того нам притеснение и убыток воспоследовать может». Представитель кабардинских князей Кайсинов, будучи подкуплен советником Бакуниным, сделал официальное заявление в Коллегии иностранных дел, что «кабардинцы никакого на урочище Моздок права не имеют». На основании такого заявления Екатерина II кабардинским князьям ответила, что «заведенное в Моздокском урочище селение мы, великая государыня, наше императорское величество, никогда уничтожить не согласимся, для того, что оное положение имеет не на вашей кабардинской земле». Отказ Екатерины II вызвал сильное недовольство среди кабардинских князей, решивших оказать вооруженное сопротивление дальнейшей экспансии царизма.

В 1765 г. кабардинцы осадили крепость Кизляр, от которой после полуторамесячной осады, под давлением превосходящих сил противника, вынуждены были отступить.

В 1767 г. в Кабарде произошло крупное восстание, направленное против колониальной политики царизма и его агентов - местных феодалов. Восстание 1767 г. объединяло широкие слои крестьянских масс, которые в связи с захватом Россией земель по правому берегу Терека начали испытывать острую земельную тесноту. В этом восстании активное участие принимали унауты и другие бесправные категории крестьян, которые, побросав свои очаги и семьи, массами уходили в горные трущобы для решительной борьбы с царизмом и местными феодалами. «Большой Кабарды холопы,- свидетельствует документ,- отошли от своих владельцев, оставя жен и детей и весь свой экипаж, и стоят вверх по реке по Тереку в числе не менее шести тысяч человек».

Восстание было подавлено царскими войсками под командой генерала де Медема в результате крупного сражения в июне 1768 г. на берегу реки Эшкакон.

Тем не менее основной источник недовольства кабардинцев не был устранен. Царская Россия по-прежнему продолжала строить на кабардинской земле военные укрепления, под которые отводились отнимаемые у кабардинцев земли. Недовольство кабардинского народа, разорявшегося захватнической политикой царизма, в 1778 г. вновь вылилось в открытое вооруженное выступление. Кабардинцы в количестве четырех тысяч человек пошли в атаку на Павловскую крепость. Атака была отбита генералом Якоби. Весною 1779 г. кабардинцы пошли к Марьевскои крепости и ультимативно предложили генералу Якоби немедленно разрушить все крепости, построенные на кабардинской земле. Не дождавшись ответа, кабардинцы вступили в бой и разбили значительный отряд генерала Якоби. Между русскими крепостями связь была прервана. Получив большое подкрепление, генерал Якоби зашел кабардинцам в тыл. Отступив от Марьевскои крепости, кабардинцы главные свои силы направили на Георгиевск, который 27 сентября 1779 г. был взят штурмом, гарнизон крепости обезоружен и взят в плен. Было захвачено большое военное имущество, в том числе несколько пушек.

На подавление восстания 1778 г. под командой генерала Фабрициана в Кабарду дополнительно были введены три пехотных пока - Томский, Ладожский и Селенгинский, и два батальона - Терский и Кабардинский. Кабардинцы были окружены. На предложение сдаться без боя они ответили артиллерийским огнем. Начался жаркий бой, который непрерывно длился пять часов. Восставшие кабардинцы были разбиты.

В результате подавления восстания 1778 г. часть кабардинских земель вновь отошла к России. Река Малка сделалась границей между Кабардой и Россией.

В 1793 г. царская администрация приступила к коренной ломке внутренней жизни кабардинского народа путем введения новых колониальных порядков, в корне расходившихся с вековым укладом кабардинского народа. По инициативе генерала Гудовича в Кабарде были учреждены так называемые родовые суды, преследовавшие определенную цель: ввести кабардинцев «в вящую зависиь'ость к империи, поселение в них людкости и повиновения нравам российским». Родовые суды ничего общего не имели с судебными учреждениями. Это были полицейские карательные органы. Ими были недовольны все кабардинцы, и в особенности князья и дворяне, устранявшиеся от политического управления Кабардой. Поэтому кабардинские феодалы не только принимали участие в кабардинском восстании 1794 г., но даже и руководили им.

Во главе восстания 1794 г. стояли кабардинские феодалы - полковник царской службы Исмаил Атажукин и брат его Адиль-Гирей.

Это восстание также было подавлено, а руководители его сосланы в Екатеринослав.

Восстания кабардинцев в первой четверти XIX в. являлись естественным продолжением восстаний XVIII в. *

Началом восстания XIX в. послужил разгром кабардинцами в **1802 г.** родовых судов и пленение полковника Дельпоццо. Главный пристав горских народов Макаров, производивший расследование по этому делу, доносил начальству, что основная причина недовольства кабардинского народа лежит в абсолютном незнании царской администрацией кабардинской жизни, своеобразия исторически сложившегося народного быта и игнорировании экономических и политических прав народа.

Справедливые указания Макарова не имели никаких последствий в смысле изменения политики в отношении горских народов, и в частности кабардинцев. Как и раньше, силой оружия отнимались горские земли и внедрялись в народе чуждые его быту и понятиям новые колониальные порядки.

Заложение крепости Кисловодск в 1804 г. и выборы членов родовых судов вызвали в Кабарде грандиозное народное восстание, руководимое полковником царской службы Росланбеком Мисостовым. Как военный человек, Росланбек Мисостов придал восстанию 1804 г. с точки зрения военного искусства правильные формы.

Во главе царских войск стоял лютый генерал Цицианов, который обратился к восставшим кабардинцам со следующей прокламацией: «Где присяга,- писал он,- долго ли не истребите ветрениковъ? Вы те, кои на верность присягали перед всемогущим Богом и на Алкоране, и после дерзаете быть преслушны целый год. Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности наполнить земли ваши кровью преступников. Ждите, говорю я вам, по моему правилу, штыков, ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих по вашей земле, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная»[23].

В ответ на эту прокламацию начались повсеместные восстания крестьян. Восставшие начали угрожать Кисловодску и Константиногорску. Все военные посты от Прочного Окопа до Константиногорска были захвачены кабардинцами. Сильным ударом кабардинцев силы генерала Глазенапа были отброшены к Георгиевску.

На помощь генералу Глазенапу выступил с шестью ротами майор Лихачев.

Кабардинцы в количестве шести тысяч человек осадили крепость Георгиевск, которую защищал генерал Мейер. Осада Георгиевска длилась несколько недель. Царское командование стянуло крупные воинские соединения, и в марте 1805 г. восстание было подавлено. Около 80 кабардинских сел было уничтожено, а оставшееся без крова и хозяйственного инвентаря население вынуждено было переселиться за Кубань.

В 1820 г. правительство приступило к постройке Черкесской, Чегемской, Урванской, Нальчикской и Баксанской крепостей. В каждой из вновь построенных крепостей был водворен вооруженный гарнизон.

Постройка этих крепостей вызвала сильное недовольство кабардинцев, вылившееся в 1822 г. в открытое вооруженное выступление. Восстание 1822 г. подавлял генерал Ермолов, который считал необходимым расколоть установившийся между феодалами и крестьянами военный блок против царизма.

Ермолов обратился к кабардинскому дворянству с воззванием не выступать против царских войск, обещая за это всяческую им поддержку в деле укрепления их феодальных прав над крестьянством. Генерал Ермолов предписал генералу Сталю кабардинских «владельцев, буде можно брать живыми для наказания в пример прочим, как гнусных изменников и нарушителей многократно данной присяги верности». Одновременно Ермолов обратился к крестьянам с воззванием, в котором он обещал им независимость от своих феодалов и земли в пределах Кабарды, если они не будут сопротивляться царским войскам. Борьба за крестьянские массы, составлявшие основную силу сопротивления, является характерной чертой политики генерала Ермолова.

Заманчивые обещания Ермолова никого не соблазнили, и крестьяне по-прежнему продолжали свою борьбу против царских колонизаторов.

Восстание 1822 г., как и все предыдущие, было подавлено вооруженной «рукой, после чего генерал Ермолов объявил кабардинцам, что «отныне все земли в Кабарде - казенные, и правительство по произволу своему наделяет ими тех, кои прибегнут под его защиту и впоследствии доброю службою обратят на себя его внимание». В знак протеста по поводу такого заявления генерала Ермолова кабардинцы стали переселяться в район верховьев Большого и Малого Зеленчука.

В период времени от 1804-го до 1822 г. из Кабарды переселилось за Кубань 7400 человек обоего пола, которые в официальных военных донесениях известны под названием «беглых кабардинцев».

В серии народных восстаний в Кабарде восстание 1825 г. является последним, им было завершено политическое завоевание Кабарды. Поводом к восстанию послужило лишение кабардинских феодалов права взимания с осетин дани. Кабардинские феодалы потребовали вернуть им их права над осетинами и земли, отнятые у них под военные крепости и казачьи станицы.

И в том и в другом кабардинским феодалам было отказано. Граф Паскевич в докладе военному министру Чернышеву писал, что «в просьбе о возобновлении подати, которую некогда платили осетины кабардинцам по праву сильного, решительно следует отказать», так как «для российского правительства полезно иметь разные племена горских народов, одно от другого

совершенно независимым». По вопросу же об уничтожении военных крепостей, построенных на территории Кабарды, генерал Ермолов ответил: «О крепостях просьбы бесполезны: я сказал, что они будут, и они строятся».

Восстание кабардинцев 1825 г. было подавлено генералом Вельяминовым.

Дата подавления восстания 1825 г. является датой политического завоевания Кабарды, сделавшейся после этого колонией царской России.

Вековая борьба кабардинского народа за свою независимость нашла свое отражение в кабардинском народном эпосе. О времени до завоевания Кабарды, когда на предгорной равнине безраздельно господствовали кабардинцы и черкесы, в кабардинской народной песне говорится:

Было счастливое время:
Русские сидели в крепостях за толстыми стенами.
А в широком поле гуляли черкесы,
Что было в поле, принадлежало им,
Тяжело было русским -
Весело черкесам.

Но потом наступили другие времена, когда:

Высыпали русские из крепостей,
Уши лошади - вместо присошек,
Седельная лука - вместо стены.
Захватили они, поле,
Да и в горах не стало черкесам житья.

Неоднократные восстания кабардинцев против царской России успеха не имели. Причина тому - раздробленность восстаний и отсталость крестьянства. Говоря о причинах поражения крестьянских восстаний средневековья, К. Маркс указывал, что «все крупные восстания средневековья исходили из деревни, но и они, ввиду раздробленности и связанной с ней крайней отсталостью крестьян, оставались совершенно безрезультатными»[24]. История крестьянских восстаний в Кабарде является лишним доказательством того, что «крестьяне вне руководства рабочего класса были способны лишь на стихийные и неорганизованные движения» и что «организованный характер крестьянскому революционному движению придали только рабочий класс и большевистская партия, когда они окрепли и выросли в многолетней борьбе против помещиков и капиталистов»[25].

Двух необходимых для успеха крестьянских восстаний условий - руководства со стороны рабочих и сочетания крестьянских восстаний с рабочими восстаниями - как раз не хватало, так как в описываемый период в Кабарде еще не было рабочего класса.

VIII

Политическое завоевание Кабарды и подвластных ей горских народностей дало возможность царизму сконцентрировать военные силы, ранее действовавшие в Кабарде, против дагестанских горцев и против черкесских племен. Еще в 30-х гг. XIX в. дагестанские горцы под руководством талантливого народного вождя Шамиля начали свою организованную борьбу против завоевательной политики царизма. Такую же организованную борьбу против царизма повели и черкесские племена, руководимые сподвижником Шамиля - Магомет Амином.

Положение царизма нельзя было считать сколько-нибудь прочным в Кабарде до завоевания остальных частей Северного Кавказа, и в особенности до занятия предгорной равнины колонизаторскими элементами русского казачества. «Всякая другая система,- указывал князь Барятинский,- может иметь лишь временные выгоды, но решительно не ведет к прочному утверждению русской власти на Кавказе». Точку зрения князя Барятинского разделял и генерал Милютин, который считал, что на Северном Кавказе «мы не можем иначе упрочить владычество, как занятием самой страны массою русского казачьего населения, которое, постепенно расширяясь по всей плодородной равнине, стесняло бы все более и более туземных обитателей, пока не получит над ними решительного численного перевеса».

Колонизация Северного Кавказа казачьим населением была связана с земельным вопросом. Линейный казак, по положению, получал 30 десятин земли. Поэтому наделение землей предусмотренных проектом Барятинского и Милютина 58 тыс. казаков по установленной норме обостряло земельный кризис на 1740 тыс. десятин. Такого количества свободной земли на Северном Кавказе не было. Отсюда стал вопрос об удалении горского населения за пределы Кавказского края.

Для усиления казачьего населения и ликвидации земельной тесноты на Северном Кавказе Милютин и Барятинский предложили проект о переселении донских казаков на горские земли, а горцев - на Дон. Но особый Комитет, специально созданный для рассмотрения этого вопроса, отверг предложенный проект и оставил прежний порядок колонизации Кавказского края путем вызова охотников и жеребьевок.

После того как проект Барятинского и Милютина был отвергнут, в отношении горцев была взята линия вытеснения их из пределов Кавказского края. Новая политика царского командования заключалась в том, чтобы «нещадно и безостановочно

29 Заклз № 106

теснить горцев к морю и в то же время усиленно двигать русское казачье население на места, только что освобожденные бегущими горцами». И эта политика привела к тому, что «вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорий в горы, с гор к морскому берегу миллионное население горцев перенесло все ужасы, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу, должно было искать спасения в переселении в Турцию».

Царское правительство в своей завоевательной политике учитывало социально-классовые отношения внутри каждой народности. «Завоевание Кавказского края,- писал генерал Барятинский,- производится или покорением местных жителей с оставлением их на отнимаемых у них землях, или отнятием земель у туземного населения и водворением на них победителей. В покорении Кавказа Россия действует тем и другим способом. Первый применяется преимущественно к племенам и обществам, управляемым наследственными властями или аристократией, второй - к тем демократическим племенам, не имеющим ни властей, ни общественного порядка, для покорения которых представляется невозможным соглашение с целым народом».

Итак, политика царизма в отношении отдельных горских народностей определялась ступенью развития социально-классовых отношений. Те народности, у которых существовали классовые отношения, оставлялись после покорения царизмом на прежних местах жительства. Напротив, племена с преобладанием доклассовых отношений, оказавшие наиболее упорное вооруженное сопротивление, выселялись из прежних мест жительства на другие места и даже в Турцию. В своей докладной записке, представленной кавказскому наместнику, генерал Милютин о горцах с демократическими порядками писал, что «разрозненность этих племен, тысячелетняя привычка к безналичию и вольности, легкомысленная подвижность не позволяют надеяться, чтобы можно было когда-нибудь подчинить их правильному устройству и законным властям». Царское правительство основной упор делало на выселение из Кавказского края наиболее отсталых в социально-экономическом отношении племен. Отсюда не случаен тот факт, что из коренного населения Западного Кавказа в 1865 г. подверглись поголовному выселению в Турцию такие демократические племена, как джигеты, убыхи, егерукаевцы, мохошевцы, темиргоевцы, баракаевцы, баговцы и другие, не знавшие четкой классовой дифференциации. Напротив, частичному выселению подвергались или вовсе остались на своих прежних местах племена с классовыми отношениями, к числу которых следует отнести натухайцев, шапсугов, бжедухов, беслинеевцев и абадзехов.

В связи с переселением русского казачества на Северный Кавказ с 1858 г. началось массовое переселение горцев в Турцию. О размерах заселения Северного Кавказа русским колонизационным элементом можно судить хотя бы по тому, что за один 1864 г. на черкесской территории было поселено 90 казачьих станиц с населением в 103 700 человек, не считая войсковых частей и торговых элементов.

По мере увеличения казачьего населения уменьшалось коренное горское население, которое переселялось в Турцию. К 1864 г. только из Кубанской области, по неполным данным, было выселено горцев 400 590 человек [26].

Переселенческое движение частично коснулось и кабардинцев, хотя они и находились на стадии завершенного феодально-крепостнического строя.

Основные земельные фонды, при помощи которых царизм мог разрешить земельный вопрос, находились в руках кабардинских феодалов, которые не думали уступать их царскому правительству. Напротив, они после политического завоевания Кабарды поставили вопрос о приравнивании их в правовом отношении к русскому дворянству. Признание за кабардинскими феодалами прав русского дворянства означало признание за ними прав вотчинной собственности, что противоречило колониальным интересам царизма. Перед царским правительством встал вопрос об отклонении претензии кабардинских князей. Но отказ нужно было мотивировать. Необходимо было доказать, вопреки исторической действительности, что среди кабардинских дворян нет земельных собственников. И эту задачу взял на себя тогдашний наместник Кавказа граф Лорис-Меликов, которому удалось получить от кабардинских князей такое заявление, которое послужило формальным основанием для отклонения претензий кабардинских князей.

В этом важном для царской России деле Лорис-Меликову большую услугу оказал крупный царский чиновник Кодзоков, происходивший из мелкопоместных кабардинских дворян селения Тамбиево.

Умный и хитрый Лорис-Меликов сразу понял, что при умелом использовании Кодзоков может быть весьма полезным для проведения среди кабардинцев колониальных мероприятий царизма. Лорис-Меликов приблизил его к себе. Мотивы, которые лежали в основе сближения образованного и умного Кодзокова с Лорис-Меликовым, были объяснены самим Кодзоковым накануне своей смерти следующим образом:

«Стремясь быть полезным для государства, а в частности и главным образом для своего народа, но попав на ложную дорогу, я сделал много дурного, и это меня мучает. Но ничего теперь не могу исправить. Так, например, принимая все чистые и нечис-

тые меры к тому, чтобы заставить кабардинских князей и дворян добровольно отказаться от права собственности на некоторые родовые их земли, я думал, что все земли перейдут в собственность всего кабардинского народа. И Лорис-Меликов убеждал меня, что он преследует исключительно эту цель. Но я ошибся. Значительная часть земель роздана офицерам и чиновникам в собственность».

Таким образом, Кодзоков перед смертью выдал жульнические махинации Лорис-Меликова, путем обмана и демагогии добившегося отчуждения кабардинских земель и концентрации их в руках царского правительства. И в этом деле значительную роль сыграл Кодзоков, пользовавшийся среди сородичей большой популярностью и доверием.

Кодзоков убедил кабардинских князей, что если они заявят правительству об отсутствии в Кабарде частной поземельной собственности, все кабардинские земли полностью будут переданы обратно кабардинскому народу для того, чтобы не только дворяне, но и крестьяне были наделены землей. Кодзокову удалось убедить кабардинских князей, что они от подачи такого заявления не только ничего не потеряют, а напротив, выиграют, так как правительством будут закреплены за ними права частной поземельной собственности и, следовательно, привилегии русского дворянства. Активная агитация и предпринятые Кодзоковым «чистые и нечистые меры» сделали свое дело. Кабардинские князья подали кавказскому наместнику заявление о том, что «земля кабардинского народа составляет общее его достояние» и что «кабардинцы желают ею пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при каких издревле жили кабардинцы по своим народным обычаям». Заявление кабардинских князей об отсутствии в Кабарде частной поземельной собственности, разумеется, не соответствовало действительности. Кабардинские князья с давних пор являлись крупными земельными собственниками. Они продавали землю, отдавали в аренду и распределяли ее по своему усмотрению между аулами. Другими словами, они пользовались и распоряжались землями, как своей собственностью. Наличие поземельной собственности в Кабарде для царской администрации было настолько очевидно, что хорошо осведомленный о внутренних делах Кабарды генерал Ермолов, а с ним и генерал Воронцов за кабардинскими князьями всегда признавали права собственности на земли. Генерал Ермолов в качестве меры наказания часто прибегал к конфискации княжеских земель. Правительство, признавая за кабардинскими князьями права собственности на землю, при князе Воронцове купило у князей Анзоровых принадлежащие им земли. Наконец, великий князь Михаил Николаевич в отзыве военному министру от 25 июля 1867 г. также указывал, что все привилегированные сословия в Кабарде с давних пор владели землей на правах вотчинников. И несмотря на это, граф Лорис-Меликов получил подписанный представителями кабардинских князей акт от 20 августа 1863 г., объявил кабардинские земли казенными, а потом и раздал их царским офицерам и чиновникам.

Заявление кабардинских князей имело большое значение и разрешении земельного вопроса в Кабарде. Кавказская администрация, возражая против распространения на кабардинских князей прав русского дворянства, мотивировала свой отказ тем, что в Кабарде не было частной поземельной собственности, не было вотчинников, ссылаясь при этом на акт 1863 г., подписанный доверенным кабардинских князей и дворян.

Непризнание кавказской администрацией за кабардинскими феодалами земельных прав вызвало среди них сильное недовольство, и в знак протеста они начали переселяться в Турцию. По отрывочным данным, в 1860 и 1861 гг. переселилось в Турцию 881 семейство кабардинцев, а в 1871-1884 гг. переселилось еще 2007 человек.

Распространенное в дореволюционной литературе мнение, будто переселенческое движение не коснулось кабардинцев, как мы видим, не соответствует действительности.

Кабардинские переселенцы во время переселения в Турцию разделили все лишения, которые испытали все горцы.

Страдания и муки, перенесенные горцами на Кавказском берегу Черного моря, бледнеют перед тем, что пришлось им испытать на «обетованной» земле султанской Турции. Русский консул в Константинополе генерал Мошнин в письме к генералу Карцову 25 декабря 1863 г. следующим образом описывает положение горских переселенцев на турецкой территории:

«...С начала выселения в Трапезунде и в окрестностях перебывало до 247 тыс. душ, умерло 19 тыс. Теперь остается 63 290 человек. Средняя смертность 180-250 человек в день».

«В Самсуне и окрестностях 110 тыс. человек, смертность около 200 человек в день. Свирепствует сильный тиф. За ноябрь и декабрь 1863 г. прибыло в Трапезунд с 1000 кочерм. Отправлено в Константинополь и Варну 4690 человек. Средним числом умирало в день 40-60 человек. Находится еще в Трапезунде 2050 человек». И далее:

«...Лагерь в Ачи-Кале совсем предполагается уничтожить, так как нельзя жить от нечистот и трупного разложения». «Турецкое население вознаграждает себя покупкой невольниц, на которых цены сильно упали. На днях паша купил восемь самых красивых девушек по 60-80 руб. за каждую и посылает их для подарка в Константинополь. Ребенка 11-12 лет обоего пола можно купить за 30-40 руб. Женщин продают и отправляют в Константинополь целыми партиями. В Трапезунде даже можно видеть партии в 40-50 женщин, предводимых одним

хозяином. В рекруты турки берут только неженатых, и поэтому горцы продают своих жен и детей и поступают на службу».

Горцы-переселенцы занимали главным образом северный склон Кавказского хребта и прибрежную полосу между Главным хребтом и Черным морем - от Анапы до Гагр и котловину абхазской реки Бзыбь.

Этнический состав переселенцев был чрезвычайно пестр. Среди переселенцев были джигеты, убыхи, шапсуги, натухайцы, абадзехи, башилбаи, тамовцы, кизильбековцы, баговцы, шангериевцы, егерукаевцы, темиргоевцы, бесленеевцы, махошевцы, бжедухи, осетины, кабардинцы и ногайцы. Одни из переселенческих племен, как, например, убыхи, джигеты, бесленеевцы, егерукаевцы, махошевцы, темиргоевцы, баракаевцы и баговцы, были выселены поголовно, другие племена частично.

К числу последних относились и кабардинцы.

О бесправном и тяжелом положении уцелевших на территории султанской Турции горцев-переселенцев крупнейший революционный деятель на Кавказе тов. Буачидзе, лично наблюдавший их быт в 1918 г., свидетельствовал: «Я избороздил всю Турцию и видел, как живут там переселяющиеся туда горцы. За ними турки охотились, как за зверями. Оседлости у них нет, занимаются рыболовством или служат. Они мечтали о возвращении на Кавказ. Турция - роскошная страна, турки - прекрасный великий народ, но народ забит, скован. Беки и французские капиталисты сдирают с народа не две, а десять шкур». (Из выступления тов. Буачидзе в 1918 г. на 3-й сессии Терского Народного съезда.)

Царское правительство не оставило в обиде кабардинских князей и дворян. Оно щедро их наградило за счет земель, отрезанных у крестьян в 1867 г. при проведении крестьянской реформы, переключившей Северный Кавказ, и в частности Кабарду, на путь капиталистического развития.

IX

Процесс проникновения капитализма в Кабарду начался в середине XIX в. вслед за политическим ее завоеванием, но особенно он усилился после проведения в ней в 1867 г. крестьянской реформы.

Капиталистическое развитие горских народов, в частности кабардинцев, непосредственно связано с общим развитием капитализма в царской России, капиталистическая промышленность которой в дореформенный период, наполнив рынки Центральной России, уже не могла удовлетворяться прежними их размерами, а потому стала «искать себе рынок дальше, среди

того нового населения, которое колонизировало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.»[27].

Русский капитализм застал в горских областях Северного Кавказа довольно сложный социально-экономический переплет, начиная от почти нетронутых патриархально-родовых отношений и кончая вполне сложившимся феодально-крепостническим строем с некоторыми даже элементами разложения.

Проникновение русского капитализма в горские районы происходило непрерывно. Если в 80-х гг. XIX в. влияние русского капитализма в Северо-Восточном Кавказе было минимально, то в Центральном Кавказе, населенном осетинами и кабардинцами, оно было достаточно сильно.

Осетины и кабардинцы к указанному времени уже были повлечены в орбиту русского капитализма.

В Кабарде капитализм развивался в сельском хозяйстве и в промышленности.

В результате капиталистического развития кабардинской деревни сельское хозяйство стало приспосабливаться к запросам рынка. На смену древнейшей и весьма популярной среди кабардинцев зерновой культуре - просу, шла новая культура — кукуруза, на которую рынок предъявлял большой спрос. Кукуруза в значительном количестве шла на спирто-водочные и крахмальные заводы, метрополии.

В связи с развитием капитализма в сельском хозяйстве из кабардинских князей и дворян появились крупные посевщики зерна, органически связанные с русским капитализмом и ежегодно вывозившие на рынки метрополии значительное количество хлеба. В горских областях Северного Кавказа, и в частности в Кабарде, происходила широкая распашка земли крупными помещиками, производившими на продажу пшеницу и кукурузу.

Под напором русского капитализма в Кабарде зарождается и получает дальнейшее развитие местная промышленность, носившая кустарный характер. Накануне Первой мировой войны в Кабарде насчитывалось до 420 промышленных предприятий с общим количеством рабочих в 774 человека. В каждом предприятии было не более одно го-двух рабочих, что указывает на карликовый характер этих предприятий. Тем не менее количество этих предприятий неуклонно росло. Росла и сумма производства предприятий, которая в 1900 г. составляла 41 565 руб., а в 1913 г. дошла до 355 936 руб. Такое резкое увеличение суммы производства за 12 лет при незначительном увеличении количества промышленных предприятий и увеличение рабочих говорит о максимальном усилении эксплуатации занятых в этих предприятиях рабочих.

В связи с развитием капитализма в кабардинской деревне развивалась торговля, которая сосредотачивалась в руках деревенской буржуазии, беспощадно эксплуатировавшей кресть-

янскую бедноту. Это были мелкие торговцы, скупавшие за бесценок у деревенской бедноты хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Эти мелкие торговцы представляли страшную силу для деревенской бедноты тем, что они давили на нее поодиночке и приковывали ее к себе, лишая надежды на избавление.

Власть денег действовала и в другом направлении: она расколола крестьянстве. Подавляющее большинство крестьян разорялось и превращалось в пролетариев, а меньшинство выделяло немногочисленные кучки цепких кулаков, сосредоточивших в своих руках крестьянские земли.

Превращавшиеся капиталистическим расслоением деревни в сельских пролетариев и полупролетариев кабардинские крестьяне отрывались от земледелия и частично вовлекались в местные промышленные предприятия, основная же масса эксплуатировалась в крупных кулацких хозяйствах капиталистического типа.

Накануне Первой мировой войны в кабардинских селах шел интенсивный процесс расслоения крестьянства на капиталистической основе. В кабардинских селах «из наиболее зажиточных крестьян выделялась кулацкая верхушка, деревенская буржуазия, а с другой стороны, многие крестьяне разорялись, увеличивалось количество крестьянской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев. Количество же средних крестьян с каждым годом уменьшалось»[28].

Глубокая классовая дифференциация в кабардинской деревне содействовала усвоению деревенской беднотой лозунгов революции и классовой борьбы.

Первое боевое крещение кабардинская беднота получила в революции 1905 г., всколыхнувшей широкие крестьянские массы. Революционное движение развернулось на основе тяжелого экономического и правового положения крестьянских масс. Трудящиеся массы Кабарды в революции 1905 г. были связаны с минераловодским революционным центром, где после манифеста 17 октября, обещавшего народу «все свободы», было организовано из рабочих железнодорожников «Забастовочное бюро Владикавказской железной дороги», руководимое рабочим Баклюковым.

Центром массовой политической работы сделался Пятигорск, где происходили митинги, собиравшие десятки тысяч народу. На эти митинги приезжали из дальних горских аулов представители горцев послушать речи ораторов о земле и самим рассказать о своих крестьянских нуждах. На одном митинге представитель Кабарды заявил:

- Я приехал из Кабарды, до которой дошли слухи, что русский народ поднялся за «землю и волю» народную, что он хочет с себя сбросить тяжелое ярмо сплошного гнета и произвола. Мы - дети природы, любители свободы, свободной жизни - не

можем жить скованными - это противоестественно. Меня прислали мои собратья выразить вам свое искреннее пожелание скорейшего осуществления ваших идеалов и предложить вам свою помощь.

Выступление старого кабардинца покрылось громом апло^-дисментов и пением «Марсельезы». Спустя несколько дней в Пятигорск приехало большое количество верховых кабардинцев записаться добровольцами в военно-революционные дружины. Было принято решение вооружить кабардинцев и осетин и начать наступление на георгиевский военный арсенал.

Наступление кубанских казаков на Пятигорск сорвало намеченный план захвата георгиевского арсенала.

С занятием Пятигорска правительственными войсками и объявлением Терской области на военном положении революционное движение на Тереке пошло на убыль.

Революционное движение было подавлено жестокими мерами, но это не удержало кабардинских крестьян от грандиозного аграрного движения, развернувшегося в Кабарде в 1913 г. Аграрное движение 1913 г. явилось непосредственным результатом проведения в жизнь, в условиях Кабарды, столыпинской аграрной реформы, сводившейся к концентрации отнимаемых у крестьян-общинников земель в руках кабардинских помещиков и кулаков.

Восстание кабардинских крестьян было подавлено. Тем не менее оно имело для широких крестьянских масс большое революционизирующее значение. На примере восстания 1913 г. крестьянские массы лишний раз убедились, что от царского правительства, защищавшего интересы имущих классов, ничего хорошего нельзя ждать.

Уроки неудачного восстания 1913 г. были учтены в революции 1917 г., одержавшей под руководством большевистской партии всемирно-историческую победу.

Накануне Февральской революции Кабарда не имела промышленного пролетариата. Поэтому внутренней базой социалистической революции и советской власти в Кабарде явились эксплуатируемые крестьянские массы, для которых идеи советской власти и социалистической революции были близки и понятны. Еще В. И. Ленин указывал, что «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле... Идея советской организации проста и может быть применена не только к пролетарским, но и крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»[29].

Конкретные условия, в значительной мере способствовавшие поднятию классового самосознания и революционного духа кабардинской бедноты, были таковы. После Февральской революции во Владикавказе организовался контрреволюционный

«Центральный комитет союза объединенных горцев», который, по мысли организаторов, должен был объединить всех горцев Северного Кавказа для вооруженной борьбы с нараставшим революционным движением. «Союз горцев» пропагандировал идею отторжения горских народов от России, от русского рабочего класса и его революционного движения, идею создания горского контрреволюционного государства.

Контрреволюционные руководители «Союза горцев» запугивали отсталые горские массы, что демобилизованные солдаты Кавказского фронта будут уничтожать на Кавказе все нерусское. Горская буржуазия в своих классовых интересах под различными лозунгами сеяла семена раздора и вражды между трудящимися горцами и русскими крестьянами.

Июльские дни в Петрограде в 1917 г. заставили контрреволюционные силы горцев насторожиться, а Октябрьский переворот в центре привел их в сильное движение. Убедившись в развороте революции в центре, горские контрреволюционные силы, в целях мобилизации своих сил, стали прибегать к различным политическим комбинациям. Они стали искать новых союзников против «большевистской опасности». Отсюда и вырос так называемый «Юго-восточный союз», куда вошли контрреволюционные верхи казачества и «Союз объединенных горцев ».

Политический смысл образования контрреволюционного «Юго-Восточного союза» заключался в том, чтобы создать по возможности мощный блок против революции и сохранить прежние экономические и политические привилегии казачьих верхов и горской буржуазии.

Казачьи верхи и горские контрреволюционные силы, опираясь на помещичьи и кулацкие элементы, организовали так называемое Терско-Дагестанское правительство, которое, отозвав с фронта части «дикой дивизии» и казачьи полки, приступило к вооруженной борьбе с революционным движением на Тереке, разжиганию национальной и племенной вражды и распространению гнусных слухов, дискредитирующих большевиков и советскую власть.

Владикавказская большевистская организация вынуждена была уйти в подполье.

В связи с объединением казачье-горской контрреволюционной буржуазии, ранее увлеченные «Союзом» и Терско-Дагестанским правительством горские массы отхлынули от казачье-горского контрреволюционного блока. Трудящиеся массы поняли, что им не по пути ни с «Союзом» горцев, ни с Терско-Дагестанским правительством, защищавшими интересы помещиков и буржуазии.

Такова была обстановка на Тереке в период Февральской и накануне Октябрьской революции. Революция застала трудящиеся массы Кабарды врасплох. Они не имели своей собственной политической организации, которая могла бы возглавить и направить стихийное движение крестьянской бедноты на рельсы классовой борьбы.

Решающую роль в организации горской бедноты, и в частности кабардинской, сыграла Владикавказская большевистская организация, руководимая С. М. Кировым и старым закаленным большевиком Ноем Буачидзе, которые сыграли исключительную роль на Моздокском съезде народов Терека 25 января 1918 г. в деле заложения основ первой революционной власти на Северном Кавказе. На этом съезде большевикам удалось в исключительно трудных условиях организовать социалистический блок, которым руководил С. М. Киров. Блок ставил своей задачей объединение всех революционных сил горских народов для борьбы против казачье-горской контрреволюции и организацию революционной власти на Тереке.

На Моздокском съезде тов. Буачидзе очертил контуры первой революционной власти на Тереке, получившей окончательное оформление на втором съезде народов Терека, состоявшемся в феврале 1918 г. в Пятигорске. На Пятигорском съезде были избраны Терский Народный Совет и Совет Народных Комиссаров. Терская Народная Республика объявила себя составной частью РСФСР, учрежденной на основе свободного союза свободных наций.

Моздокский и Пятигорский съезды имели своим результатом резкое обострение в Кабарде классовой борьбы. По случаю второго съезда народов Терека по всей Кабарде происходили многолюдные митинги и манифестации солидарности трудящихся масс. От трудящихся масс Кабарды была послана приветственная телеграмма в Областной Народный Совет.

Иную реакцию вызвали эти съезды у кабардинских князей и дворян, которые от имени нальчикского контрреволюционного окружного исполкома послали съезду провокационную телеграмму. Другого отношения со стороны кабардинских ско-дворянских и кулацких элементов к Моздокскому и в особенности Пятигорскому съездам нельзя было и ждать, т. к. съезды разрешили такие вопросы, которые в корне расходились с классовыми интересами княжеско-дворянской клики. Пятигорский съезд разрешил вопрос о социализации земли. Резолюция съезда по земельному вопросу среди кабардинских дворян и кулаков произвела впечатление взорвавшейся бомбы.

Терский СНК, руководимый владикавказскими большевиками во главе с С. М. Кировым и Н. Буачидзе, несмотря на сложную обстановку, неуклонно осуществлял решение Пятигорского съезда о социализации земли. За подписью тов. Буачидзе был обнародован декрет Терского СНК о передаче казенных, удельных, кабинетских, церковных и частновладельческих земель в распоряжение земельных советов и о немедленном

начале распределения земель между трудящимися по принципу социализации земли.

Одновременно с земельным вопросом большевики разрешили и рабочий вопрос. За подписью председателя Терского СНК тов. Буачидзе 24 апреля 1918 г. обнародован декрет о 8-часовом рабочем дне и национализации промышленности Терека.

Мероприятия Терского Народного Совета и СНК по разрешению земельного и рабочего вопросов провели глубокую борозду между горской беднотой и казачье-горскими контрреволюционными силами.

Революционные силы приводили себя в боевую готовность. В свою очередь и контрреволюционные силы также готовились к решающим боям с революцией.

В конце лета 1918 г. белые банды генерала Шкуро захватили Кисловодск. В связи с этим в Кабарде активизировались контрреволюционные силы, которыми руководил отпрыск кабардинских князей ротмистр Заурбек Даутоков-Серебряков. В июне 1918 г. Серебряков организовал из кабардинских князей и дворян контрреволюционную партию под названием «Свободная Кабарда». Программа этой партии предусматривала разоружение и роспуск Красной Армии и организацию исключительно из кабардинских князей и дворян контрреволюционного отряда.

Контрреволюционная партия Серебрякова среди кабардинских трудящихся масс не имела никакого успеха. Но зато она встретила со стороны дворян и князей всяческую поддержку. Серебрякову удалось организовать дворянско-княжеский отряд и установить связь с главой южной контрреволюции генералом Деникиным, оперировавшим на Кубани.

Отряд Серебрякова терроризировал всю Кабарду. Он беспощадно истреблял большевиков, грабил крестьянскую бедноту, вешал и расстреливал ни в чем не повинных людей.

Серебрякову недолго пришлось хозяйничать в Кабарде. Осенью 1918 г. терская контрреволюция под натиском Красной Армии трещала по всем швам.

Крайне тяжелое положение создалось в то время у кабардинских контрреволюционных сил. Под ударами Красной Армии и революционных отрядов кабардинской бедноты, боевой деятельностью которой руководил тов. Орджоникидзе, белобандитский отряд Серебрякова в конце 1918 г. вынужден был покинуть пределы Кабарды и уйти на Кубань для соединения с деникинской армией.

Отдельные белогвардейские шайки продолжали оставаться в Кабарде, но всюду они натыкались на руководимые большевиками революционные отряды кабардинской бедноты.

Успешной борьбе революционных отрядов кабардинской бедноты против контрреволюционных сил активно содействовали широкие массы Кабарды, которые, сочувствуя большевикам, арестовывали контрреволюционные элементы.

Несмотря на героическую борьбу горской бедноты против казачье-горской контрреволюции, положение революции на Тереке продолжало оставаться весьма напряженным. Тяжелое положение ухудшилось в связи с начавшимся общим наступлением белых полчищ генерала Деникина.

К осени 1918 г. по всей Терской области разгуливали белогвардейские банды генерала Шкуро и белоказачьих атаманов.

При активной поддержке внутренних казачье-горских контрреволюционных сил генерал Шкуро начал занимать кабардинские и осетинские села.

Приближались дни тяжелого для Терека испытания. С фронтов доходили тревожные слухи.

Но владикавказские большевики не терялись. На чрезвычайном съезде партии, созванном тов. Кировым и Орджоникидзе, было решено бороться с деникинскими полчищами до последнего патрона.

Все мероприятия владикавказских большевиков не могли спасти революцию на Тереке, так как к этому времени 11-я Красная Армия, пораженная сыпным тифом, теснимая со всех сторон деникинскими полчищами, отступала на Астрахань.

А в это время деникинские войска начали занимать один город за другим. Белые заняли Армавир, Георгиевск, Пятигорск, Нальчик.

К концу января 1919 г. весь Северный Кавказ был захвачен белыми полчищами Деникина. Оставался не занятым лишь один Владикавказ, дни которого тоже были сочтены.

С 28 января 1919 г. началась осада белыми полчищами последней цитадели большевизма на Северном Кавказе - гор. Владикавказа, который после семидневной героической обороны 11 февраля 1919 г. тоже пал. На Тереке временно победила деникинская реакция.

Наступила полоса черной реакции, свинцовой тучей нависшей над Кабардой. Над кабардинской беднотой засвистела ременная плеть палача кабардинского народа Серебрякова, который в авангарде деникинских полчищ вновь вернулся в Кабарду, чтобы свести старые счеты с беднотой. Где бы ни проходил этот зверь в образе человека, всюду он оставлял за собой страшный след невинно пролитой крови расстрелянных и замученных тружеников земли. Казалось, наступила непроглядная ночь и не будет ей конца...

С захватом власти на Тереке глава южной контрреволюции генерал Деникин иод лозунгом «единой неделимой России» приступил к реставрации старых царских порядков. Для наведения «новых» деникинских порядков на административные должности назначались наиболее отъявленные контрреволюционеры из числа горских помещиков и князей, своей па-

лаческой «деятельностью» по отношению к революции снискавших особое доверие Деникина. Старый царский генерал князь Бекович-Черкасский был назначен правителем Кабарды; помощником его по военной части - палач кабардинского народа ротмистр Серебряков; помощником по гражданской части - начальник Нальчикского округа царского времени полковник князь Клишбиев.

Дорвавшись до власти, шайка кровожадных шакалов приступила к своим обязанностям. Деникинские администраторы начали восстанавливать в Кабарде старые царские порядки. В кабардинские села были назначены правительственные старшины из числа кабардинских князей и дворян. Было восстановлено административное деление царского времени на участки во главе с приставами, а также старый горский словесный суд.

Деникинские администраторы никакого внимания не уделяли делу народного просвещения. Они закрыли все школы, а учителей мобилизовали в белую армию.

Зато большое внимание они уделяли делу растления умов населения. Во всех пунктах они открывали так называемые «Осведомительные агентства» — «Осваг», а осважники, разъезжая по селам, агитировали среди населения за деникинскую «идею» «единой неделимой России».

Внутренняя политика деникинских администраторов в Кабарде сводилась к восстановлению и охране политических и экономических прав кабардинских князей и дворян.

Основной своей задачей Деникинские администраторы считали беспощадную борьбу с революционным движением и большевиками. Во всех селах Кабарды были организованы военно-полевые суды для расправы с большевиками.

Все эти мероприятия деникинских палачей были малоэффективны. В кабардинских селах оставались большевики, которые продолжали вести среди населения свою революционную работу. Ротмистр Серебряков для «искоренения большевизма» в Кабарде организовал специальный карательный отряд из князей и дворян. Но кабардинская беднота, явно сочувствуя большевикам, никого не выдавала. За укрывательство большевиков Серебряков облагал кабардинские села непосильной контрибуцией. Бесконечные контрибуции и введенная белогвардейцами налоговая система окончательно разоряли крестьян. Выколачивали с крестьян оброчные подати, воинский и подесятинный налоги, налоги на содержание земских троек, окружной стражи и горского словесного суда, оброчные государственные подати за горные пастбища, арендную плату за Зольские пастбища и многие другие повинности, разорявшие крестьянские массы. До окончательного экономического разорения трудящиеся массы Кабарды были доведены совершенно непосильными платежами, которые взыскивались с крестьян для удовлетворения совершенно необоснованных претензий кабардинских дворян и князей, пострадав ших якобы от большевиков.

Приниженный политическим бесправием и придушенный налоговым прессом кабардинский бедняк под руководством большевиков взялся за оружие.

Формы классовой борьбы трудящихся масс Кабарды против белогвардейцев были разнообразны, начиная от молчаливого саботажа распоряжений деникинских администраторов и кончая ожесточенной вооруженной борьбой.

Одной из наиболее распространенных и весьма чувствительных для белых форм классовой борьбы было дезертирство из рядов белой армии, принявшее к середине лета 1919 г. такие широкие размеры, что целые полки из кабардинцев перестали существовать. Принимались самые жесткие меры против дезертиров, но ни приказы, ни угрозы не могли изменить создавшегося положения.

Массовое дезертирство кабардинских крестьян из рядов белой армии являлось крупным фактором, разлагающим деникинскии фронт. Дезертиры оказывали революционному фронту двоякую помощь: они ослабляли силы врага и, наполняя ряды красных партизан, отвлекали на себя значительные силы белых.

Красные партизаны, пользуясь сочувствием и поддержкой населения, успешно разрушали коммуникации врага, захватывали продовольственные склады и держали деникинскии тыл в постоянном напряжении.

Деникинские власти вели жестокую борьбу с красными партизанами, но они были неуловимы. Основная масса кабардинских партизан концентрировалась в Дигорском ущелье, откуда они делали свои налеты на плоскостные кабардинские и осетинские села и уничтожали гарнизоны белых. Большой ущерб наносил деникинским тылам партизанский отряд крестьянина сел. Атажукина III Тута Шукова, сыгравшего в истории партизанской борьбы против Деникина выдающуюся роль.

В начале 1920 г. РВС Кавфронта издал приказ об общем наступлении против белых, а одновременно решением ЦК партии 4 февраля 1920 г. Красная Армия заняла Тихорецкую, а несколько позже - и Ставрополь.

По мере приближения Красной Армии поднимался боевой дух горской бедноты, широко развернувшей против белых партизанскую борьбу, под общим руководством штаба Терской группы повстанцев.

11-я Красная Армия, очистив Ставрополыцину, преследовала отступающего врага в кизлярском направлении.

Под ударами красных партизанских отрядов деникинскии правитель Кабарды генерал Бекович-Черкасский с жалкими остатками своей разгромленной дивизии в панике отступал на

Владикавказ. А глава кабардинской контрреволюции Серебряков к этому времени уже нашел свою бесславную смерть от руки народного мстителя - красноармейца из сел. Псыгансу Хураева Юсуфа Алимурзаевича, который застрелил его, когда тот пытался уйти от справедливого народного суда.

11 марта 1920 г. в Кабарде была объявлена советская власть. Предстояло еще освободить от белых банд столицу Терека - Владикавказ, в штурме которого кабардинский отряд красных партизан под командованием тов. Шукова сыграл весьма важную роль. Получив приказ командующего Терской областной группы красных повстанческих войск от 14 марта 1920 г., тов. Шуков во главе кабардинского отряда красных партизан выступил из слободы Шатой к гор. Владикавказу.

Стратегический план революционных войск предусматривал одновременный удар на Владикавказ силами осетинских, грозненских и кабардинских партизан.

Комбинированным ударом осетинских партизан с запада, грозненских и кабардинских с востока Владикавказ, охранявшийся сильным гарнизоном белых во главе с генералом Эрдели, 22 марта 1920 г. был взят штурмом. В освобожденном Владикавказе навсегда победила советская власть. 31 марта 1920 г. регулярные части Красной Армии вошли во Владикавказ.

Таким образом, на долю кабардинских красных партизан выпала высокая честь до прихода регулярной Красной Армии вместе с осетинскими и грозненскими партизанами освободить от белых Владикавказ и водрузить над ним победоносное Красное знамя великого Октября.

Под ударами Красной Армии и партизанских отрядов белогвардейцы в панике отступали к Владикавказу. А в это время горская беднота в освобожденных от деникинского кошмара районах приступила к восстановлению своей родной советской власти.

На совместном заседании командиров партизанских отрядов и Нальчикского городского народного совета 11 марта 1920 г. было принято решение об объявлении в Кабарде советской власти. На этом же заседании временно, до созыва народного съезда, был избран окружной комиссар и его заместитель, участковые комиссары и военный интендант. Это было первое заседание после освобождения Кабарды от белых, принявшее историческое решение об объявлении советской власти в Кабарде и организации революционной власти в городе Нальчике.

В конце марта 1920 г. в Нальчике была организована окружная власть. Верховной властью в Кабарде был объявлен Ревком, который имел два отдела - военный и организационно-агитационный.

Трудящиеся массы Кабарды встретили объявление советской власти с большим подъемом. Районные ревкомы по своей

инициативе праздновали день освобождения Кабарды от деникинщины и объявления советской власти в духе кабардинских народных обычаев. В день всенародного торжества крестьяне устроили в память замученных деникинскими палачами революционеров традиционные призовые конские скачки.

Большое внимание было уделено организации власти на местах. Окружной ревком вынес решение о замене прежних сельских правлений сельскими народными советами, которые являлись высшей властью на селе. Сельсоветы в своей практической работе руководствовались директивами окружного и областного советов.

Контрреволюционные элементы оказывали сильное сопротивление организации власти на местах. Вражеские элементы были настолько изворотливы, что, войдя в доверие сельскому обществу, нередко добивались руководящих должностей.

В некоторых селах наглость контрреволюционных элементов доходила до того, что они захватывали власть в свои руки. Но в подавляющем большинстве случаев крестьянская беднота распознавала классового врага и его вылазкам давала решительный отпор. Там, где крестьянская беднота относилась к своему революционному долгу сознательно, борьба с вражескими элементами шла успешно. Напротив, там, где крестьянская беднота, в силу невежества и темноты, не проявляла достаточной революционной бдительности, борьба с контрреволюционными элементами протекала в трудных условиях. Для более успешной борьбы с вражескими элементами был сформирован специальный отряд, насчитывавший тысячу хорошо вооруженных всадников.

Очень большое внимание уделяла молодая советская власть в Кабарде восстановлению разрушенного белогвардейцами народного хозяйства.

Экономическим и политическим нуждам освобожденных горских народов уделял исключительное внимание и лично тов. Сталин. В сентябре 1920 г. за подписью тов. Орджоникидзе по всем национальным областям Северного Кавказа была разослана телеграмма следующего содержания: «Согласно предложению наркомнаца тов. Сталина, прошу в срочном порядке ответить на следующие вопросы: первый - экономическое и политическое положение горцев; второй - какие меры необходимы для улучшения жизни горцев. Ответы направить тов. Сталину за подписью фамилий товарищей, принимавших участие в обсуждении и разрешении поставленных вопросов». Через короткое время, 29 октября 1920 г., за подписью председателя Терского областного исполкома был разослан телеграфный циркуляр о том, что «по распоряжению народного комиссара по национальным делам тов. Сталина, 15 ноября сего года созывается всенародный съезд Терской области».

30 Зпкпз № 100

В помещении городского драматического театра во Владикавказе в среду 17 ноября 1920 г. открылся съезд народов Терека.

В президиуме съезда — Сталин, Киров, Орджоникидзе. С докладом об автономии Горской Советской Социалистической Республики выступил встреченный бурными аплодисментами тов. Сталин, который, обрисовав бесправное положение горцев в прошлом, заявил, что «автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России», и что «этот союз есть основа горской советской автономии».

В основе Горской Автономной ССР лежит, таким образом, великая идея Сталина о дружбе народов и приобщении отсталых национальных окраин к высокой культуре великого русского народа.

Горская Автономная СССР, в состав которой вошла Кабарда, окончательно была организована постановлением ВЦИК от 20 января 1921 г.

Новая Горская республика рассматривала себя, как органическую часть РСФСР.

В республику входило шесть округов: Назрановский, Владикавказский, Кабардинский и другие.

Население республики составляли: казаки, иногородние, осетины, кабардинцы и другие горцы Северного Кавказа.

Органами управления новой республики были: ЦИК, СНК и местные советы, избираемые на основе конституции РСФСР.

Владикавказ и Грозный были выделены в самостоятельные административные единицы, непосредственно подчиненные ЦИК и СНК Горской ССР.

Кабарда находилась в составе Горской Республики недолго. В мае следующего, 1921 г. был поставлен вопрос о выделении Кабарды в самостоятельную автономную область с непосредственным подчинением РСФСР.

Вопрос о выходе Кабарды из состава Горской республики был поставлен на заседании Кабардинского окружного исполкома, в постановлении которого записано: «Ввиду отсутствия определенной экономической связи Кабарды с остальной частью населения ГССР... поставить вопрос о выделении в автономную экономическую область перед Горциком и Горсовнаркомом, доложить этим высшим органам ГССР все имеющиеся материалы, доказывающие насущную потребность этого выделения. В случае отклонения этого ходатайства Горциком и Горсовнаркомом вопрос о выделении перенести на разрешение высших органов власти РСФСР».

По данному вопросу пока не было решения партийных организаций, поэтому Кабардинский окружной партком решил поставить вопрос на расширенном заседании окрпарткома, на которое решено было пригласить и тов. Сталина, в то время находившегося в Кабарде.

Заседание парткома состоялось **10-11** июня **1921** г. На этом заседании принял участие представитель Терского областного партийного комитета. В резолюции заседания окрпарткома говорится: «Окрпартком на заседании своем **10-11** июня, всесторонне обсудив вопрос о выделении Кабардинского округа из **ГССР** в автономную область, считает, что для выделения трудящиеся массы Кабарды как в политическом, так и в культурном отношении достаточно подготовлены и что в экономическом отношении кабардинский народ всецело связан с РСФСР, а потому окрпартком находит необходимым разрешить вопрос о выделении Кабарды на съезде советов, имеющем быть 11 июня с. г. Решение съезда по этому вопросу довести до сведения Горскопарткома, Кавбюро и ЦК РКП(б)».

Вопрос об автономии Кабарды был вынесен на ГУсъезд кабардинского народа, состоявшийся **10-13** июня **1921** г.

На съезд был приглашен тов. Сталин, который, однако, ввиду обострившейся болезни, не смог принять участия в работе съезда. Несмотря на это, тов. Сталин 12 июня **1921** г. на имя председателя съезда прислал письмо, которое было зачитано на съезде. «Передайте мой горячий братский привет делегатам съезда,- писал Сталин,- и скажите им, что я, к большому моему сожалению, не могу принять участия в работах съезда ввиду обострившейся болезни. Передайте членам съезда, что несмотря на невозможность присутствовать на съезде, я душой с ними, с делегатами Кабарды, и желаю им полного успеха в нынешнюю трудную минуту, когда народы великой советской федерации переходят к хозяйственному строительству, а маленькая Кабарда, отдавая дань общей строительной работе, старается, кроме того, выделиться в автономную область и теснее связаться с Центральной Россией для успешной борьбы за свое хозяйственное преуспение. От всей души желаю вам, товарищи, дружной работы и полной победы на хозяйственном фронте».

Обсудив животрепещущий для каждого кабардинца вопрос об автономии Кабарды, IV съезд кабардинского народа единогласно постановил:

1) Просить высшие органы власти РСФСР о выделении трудящихся Кабарды и находящегося среди них иногороднего населения в автономную Кабардинскую область.

2) Поручить президиуму съезда и окружному исполнительному комитету Советов немедленно представить обстоятельный доклад по этому решению в высшие органы власти РСФСР и ГАССР.

Областные партийные и советские организации к вопросу о выделении Кабарды в автономную область отнеслись отрицательно. В резолюции заседания президиума облпарткома от 2 июня 1921 г. говорится, что выделение Кабарды в автономную область не вызывается ни политическим, ни экономическим мотивами и противоречит центральной советской власти.

К точке зрения президиума по вопросу об автономии Кабарды присоединился и пленум областного комитета РКП(б).

22 июня 1921 г. вопрос об автономии Кабарды обсуждался на совместном заседании Горцика и СНК ГССР. В решении заседания говорится: «Считать выделение Кабардинского округа крайне нежелательным по политическим и экономическим причинам».

Свое отрицательное отношение к выходу Кабарды из состава Горской республики областные партийные и советские организации мотивировали тем, будто с выделением Кабарды Автономная Горская ССР развалится.

В разговоре по прямому проводу с председателем Кабардинского ревкома тов. Сталин указывал на неосновательность этого мотива. «Можете передать от меня Кавбюро совершенно официально,- сказал тов. Сталин,- что выделение Кабарды в автономную область считаю единственно целесообразным решением вопроса с точки зрения политической и хозяйственной выгоды РСФСР. Выделение Кабарды вовсе не означает развал Горской республики; последняя может сохраниться как республика, ибо у нее остается около миллиона населения за вычетом Кабарды».

3 июля 1921 г. пленум Кавбюро ЦК РКП(б), заслушав представителя Кабарды и представителя Горской республики, согласился на выделение Кабарды в автономную область. В решении Кавбюро от 3 июля 1921 г. по вопросу об автономии Кабарды записано: «Кавбюро ЦК РКП(б), считаясь с волеизъявлением кабардинской трудящейся массы о выделении Кабарды из Горской республики... считает невозможным принудительно заставлять Кабарду оставаться в составе Горской республики».

5 августа 1921 г. был обнародован приказ об образовании Кабардинской автономной области в составе Баксанского, Нальчикского, Урванского и Малокабардинского округов.

Вся полнота власти в Кабардинской автономной области перешла к Ревкому, в декларации которого было записано, что «автономная Кабарда в этот исторический момент заявляет себя по-прежнему состоящей в числе членов одного государства РСФСР, общие интересы которого для автономной Кабарды выше всего, выше своего собственного блага».

Президиум ВЦИК от 1 сентября 1921 г. постановил «выделить из территории Горской Автономной ССР автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР» в составе Баксанского, Нальчикского, Урванского и Малокабардинского округов.

Учредительный съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Кабардинской автономной области состоялся 25-30 ноября 1921 г.

В работе учредительного съезда приняли участие командующий Северо-Кавказским Военным округом, член ВЦИК и ЦК РКП(б) тов. Ворошилов и командующий 1-й Конной армией тов. Буденный.

Под бурные аплодисменты делегатов от имени ЦК РКП(б) и ВЦИК съезд кабардинского народа приветствовал тов. Ворошилова.

Учредительный съезд закончил свою работу 1 декабря 1921 г. избранием Исполнительного комитета Кабардинской автономной области в составе 30 человек..

Под гром аплодисментов в состав Исполкома были избраны товарищи - Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов и Буденный.

Создание Кабардинской автономной области составляет важнейшую историческую веху в жизни кабардинского народа, твердо ставшего на путь социалистического развития и добившегося на новом пути, под руководством великой партии Ленина - Сталина, грандиозных успехов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 15. Ч. 1. С. 376.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. б. С. 250.
[3] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 345.
[4] *Ленин В. И.* Соч. Т. 27. С. 244.
[5] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. Ч. 1. С. 445.
[6] *Ногмов III.* История адыгейского народа. С. 124.
[7] *Ногмов Ш.* Указ. соч. С. 113.
[8] «История России», изд. 1867. Т. 4. С. 132.
[9] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 3. № 20.
[10] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 161.
[11] *Соловьев С.* Т. 26-29. Кн. 4. С. 76.
[12] Там же. С. 1231.
[13] Там же. С. 1233.
[11] Там же. Т. 20. С. 1315.
[15] Русский инвалид. СПб., 1827. № 44. С. 175.
[16] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. Ч. 1. С. 404/
[17] Там же. С. 405.
[18] *Ленин В. И.* Соч. Т. 3. С. 127.
[19] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 451.
[20] *Кокиев Г.* Материалы... Т. 1. С. 187.
[21] Там же. С. 242.
[22] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 533.
[23] Акты. Т. 2. С. 954.
[24] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 42.
[25] Сборник «К изучению истории». М., 1937. С. 38.
[26] Историч. архив Грузинской ССР, ф. 210, XXV, д. 70, л. 2, 3.
[27] *Ленин В. И.* Соч. Т. 3. С. 462.
[28] История ВКП(б). С. 7, 8.
[29] *Ленин В. И.* Соч. Т. 25. С. 353.

Из «Кабардинской АССР». Нальчик, 1946. С. 18-89

ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ У КАБАРДИНЦЕВ В ПРОШЛОМ

Адыгейские племена, этнически сближаемые с древними синдо-керкето-зихами, среди многочисленных племен, населявших Азово-Причерноморье, пользовались широкой популярностью своими моральными и боевыми качествами.

Древний писатель Николай Дамасский (I в. до н. э.) о моральном облике далеких предков кабардино-черкесов писал, что «керкеты совершивших какое-либо преступление устраняют от священнодействия»[1]. Другой древний автор - Арриан Безымянный (V в. н. э.), свидетельствует, что «керкеты - народ справедливый и добрый»[2].

Более развернутую характеристику предков кабардинцев дает арабский историк Масуди, свидетельствующий, что «кешеки характера кроткого и что из всех обитателей здешних стран мужчины этого народа имеют самые правильные черты, цвет лица самый приятный и стан весьма гибкий»[3].

Свидетельства древних писателей о моральном и физическом облике далеких предков кабардино-черкесов поразительным образом совпадают с общим мнением авторов XIX в., наделявших древних керкетов, потомков современных кабардино-черкесов совершенно аналогичными качествами. Так, один из самых добросовестнейших военных историков начала XIX в. Семен Броневский на основании личных наблюдений, глубокого знания кабардино-черкесского быта пришел к выводу, что «кабардинцы - народ добрый и рассудительный, догадливый, остроумный, в пище и питье умеренный и трезвый, твердый в дружбе»[4].

^ Особый интерес представляют свидетельства древних и позднейших писателей о боевых качествах кабардино-черкесов, которые своей храбростью и воинственностью приобрели широкую известность. Со скромностью и добротой в кабардинце сочетались такие качества воина, как исключительная храбрость, мужество и беспощадность к врагу. Знаменитый грузинский поэт Шота Руставели в своей поэме «Витязь в тигровой шкуре» высшую ступень жестокости и неумолимости сравнивает только с зихом[5].

В отношении не сдавшегося врага кабардинцы действительно были жестоки и беспощадны. Но к пленным или сдавшимся неприятелям они относились по-другому. Русский офицер, два года (1836-1838) находившийся в плену у кабардинского дворянина Асламбека Тамбиева, в своих интересных воспоминаниях свидетельствует, что «они избегали делать мне грубости и соблюдали в отношении меня правила вежливости, какие у них издавна соблюдают в отношении к гостю»[6].

Официальный военный историк царский генерал Дубровин под напором фактов вынужден был также признать за кабардинцами высокие моральные и боевые качества. «Храбрые по природе,- пишет он,- привыкшие с детства бороться с опасностями, кабардинцы в высшей степени пренебрегали самохвальством». О своих подвигах кабардинец никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью, говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить место и замолчать в споре, зато на действительное оскорбление отвечали оружием с быстротой молнии, но без угрозы, без брани и крика[7]. На поле битвы кабардинец показывал «удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвования, он обладал характером энергичным и многосторонним, в котором скрывалась твердая настойчивость и необыкновенное терпение». И в то же время в обращении с людьми «он вежлив, почтителен, откровенен, говорил мало и редко то, что думал и относился с неподкупной любовью к родине, сохранял твердую веру в блестящую будущность своего народа»[8]. Любовь к родине развила у кабардинцев глубокое сознание необходимости ее защиты от врагов. Недаром кабардинские народные певцы - гегуако - в своих поздравительных «хох», обращенных к новобрачному, желают «детям его долгой жизни» и «быть славным защитником родины»[9].

Высокие боевые качества кабардинцев обусловлены конкретными историческими условиями. Предки кабардинцев на протяжении столетий находились под натиском греков и римлян, хазар, татаро-монголов, турок и других иноземных завоевателей, в борьбе с которыми закалялся боевой дух народа. Постоянная забота о своей безопасности с раннего детства вынуждала кабардинца упражняться в военном искусстве, а непосредственная близость к морю выработала из него прекрасного мореплавателя.

Друг иудейского царя Ирода и императора Августа Николай Дамасский, описывая странные, с его точки зрения, обычаи различных народов, пишет о керкетах, что «если кто, управляя лодкой, ошибается, то все плюют на него»[10]. Другой древний автор - Арриан Безымянный, служивший в Кападокии губернатором и, следовательно, имевший достоверные сведения о населении Азово-Причерноморья, свидетельствует, что керкеты - «народ весьма опытный в мореходстве»[11]. Наконец, арабский историк Масуди, лично побывавший на Кавказе в первой четверти X в., также сообщает, что предки кабардинцев «издревле известны были удальством и мореходством и что они постоянно ходили на лодках с товарами в Трапезунд и обратно»[12].

Близость моря сыграла большую роль в культурно-экономической жизни предков кабардинцев. При помощи морских и речных путей они занимались торговлей и пиратством и познакомились с более культурными народами древнего мира - греками, римлянами и византийцами. Торговля и пиратство не исключали друг друга. Пират, производивший налет, захватывал чужие товары, рабов и продавал их в портовых городах Азово-Причерноморья. Торговец одновременно являлся и пиратом.

Приморские племена Азово-Причерноморья, в числе которых были и предки кабардинцев, по свидетельству Страбона, имели рассчитанные на 25—30 человек легкие суда, называемые греками «комарами»[13]. Выставив значительное количество таких «комаров», предки кабардинцев налетали на груженные товарами большие суда, а после операции уносили их на плечах в глухой лес и прятали до следующей операции.

Экономические выгоды, которые предки кабардинцев получали от моря, привили им привязанность к морским и речным берегам, дававшим возможность заниматься рыболовством, торговлей и морским грабежом. Римляне, славившиеся военным и ораторским искусством, были в то же время плохими географами и мореплавателями. Поэтому они в период их могущества на Азово-Черноморском побережье для выполнения военных заданий, связанных с морским искусством, широко пользовались услугами покоренных приморских племен, в том числе предков кабардинцев. Любопытно, кстати, отметить, что в кабардинской мифологии упоминается о богине морских вод, известной под именем Псахо-гуаша *"""*, которую кабардинцы и черкесы представляли в виде русалки. В честь Псахо-гуаши они совершали на морском берегу массовый обрядовый танец, а потом купались или обливали друг друга водой.

В «Истории древних германцев» Ф. Энгельс указывает, что «прибрежные жители становятся искусными судостроителями и мореплавателями»[15]. Совершенно естественно, что предки кабардинцев, на протяжении тысячелетия живя на морских берегах, не могли не быть хорошими мореплавателями и географами. Отсюда свидетельства древних писателей, считавших далеких предков кабардино-черкесов отличными мореплавателями и географами, по-видимому, заслуживают доверия.

Издавна вооружение кабардинцев состояло из сабли, кольчуги, железного шлема, панциря и железного щита. Позже у них появилось кремневое ружье, из которого «они обыкновенно стреляли однажды, а потом нападали на неприятеля с саблей»[16]. Незащищенными и наиболее уязвимыми в бою у кабардинца оставались его ноги, куда обыкновенно целился неприятель, знавший вооружение кабардинца. У осетин сохранилось любопытное предание об одном крупном сражении, происшедшем между осетинами и кабардинцами, как полагаю я, в середине XVIII в. в

местности Араки-Par. В этом сражении, как передает предание, осетины стреляли в кабардинцев в упор, но потерь у них не было. Тогда один осетин посоветовал своим товарищам стрелять кабардинцам в ноги, после чего кабардинцы начали нести большой урон. Сражение выиграли было осетины, но вдруг пошел сильный ливень, вымочивший у осетин порох, и победа оказалась на стороне кабардинцев [17].

Примитивное вооружение кабардинца в дальнейшем усовершенствовалось, и к началу XIX в. вся его одежда, начиная от мохнатой бараньей шапки и кончая ноговицами, равно как и все его вооружение, было как нельзя лучше приспособлено к кавалерийской езде. Свою винтовку кабардинец носил за спиной в бурочном чехле, из которого выхватывал ее в одно мгновение. Ремень у винтовки был пригнан так удобно, что ее легко было зарядить на всем скаку, выстрелить и потом перекинуть через левое плечо, чтобы обнажить шашку. Шашка - самое страшное для врага и самое любимое для кабардинца оружие, состоит из сабельной полосы в деревянных, сафьяном обтянутых ножнах с рукояткой без защиты для рук. По-кабардински она называлась «сэшхуэ», т. е. большой нож. Шашка у кабардинца остра как бритва и употреблялась им не для защиты, а для удара. Шашечные удары в большинстве случаев бывали смертельны. Лучшие сорта кабардинских шашек были двух марок - «Гурда» и «Волчок». Клинки марки «Гурда» имели арабскую надпись, а «Волчок» - изображение бегущего зверя. Шашки этих двух марок действительно были превосходны. Тем не менее горцы предпочитали им клинки златоустовских мастеров.

Кабардинец, кроме того, был вооружен одним или двумя пистолетами за поясом и неразлучным своим спутником — широким кинжалом. Лучшие кавказские кинжалы делались знаменитым кинжальным мастером Базалаем. Кавказский кинжал в опытных руках — страшное оружие. Рана, нанесенная им, всегда была смертельной.

Ружейные патроны помещались в деревянных гильзах-газырях, сидевших на груди в кожаных гнездах. На поясе у кабардинца висели: жирница, отвертка и небольшая сафьяновая сумка, позволявшие ему, не сходя с коня, вычистить и привести в боевую готовность ружье и пистолеты. Всегда готовый спешиться для встречи неприятеля метким ружейным огнем, кабардинец имел на чехле ружья сошник из крепкого и гибкого горлового дерева.

Несмотря на то что кабардинец носил на себе много оружия: кинжал, два пистолета, шашку и винтовку, одно оружие не мешало другому. Ничего на нем не болталось и не бряцало благодаря тщательной подгонке, что было важно во время ночных засад и набегов, какие обыкновенно совершали кабардинцы [18]

Таково было довольно сложное вооружение кабардинца, вызывавшего тем не менее своей ловкостью и удальством удивление современников. «Трудно представить себе,- пишет военный историк Данилевский,- чтобы воин, столь тяжело обремененный оружием, мог сохранить живость, проворство, свободное действие во всех членах своих, но, взглянув на кабардинца, по ловкости его движений, уверишься, что богатырский народ нимало не беспокоится»[19].

Основным родом войск у кабардинцев была кавалерия. Можно думать, что высокое кавалерийское искусство у них развивалось еще в глубокой древности. По свидетельству древних авторов, синды, от которых впоследствии образовалась кабардинская народность, славились своими конями[20]. Однако наибольшее развитие искусство кавалерийской езды получило среди кабардинцев приблизительно в X в., когда часть адыгов под напором хазар вынуждена была оставить свою прародину в Азово-Черноморье и передвинуться на восток, заняв западную часть Северо-Кавказской равнины. Слабо заселенные кочевыми или полукочевыми племенами широкие просторы Северо-Кавказской равнины обусловили у кабардинцев дальнейшее развитие легкой, весьма подвижной конницы, способной вовремя отразить натиск врага и делать быстрые налеты на него.

По общему мнению военных специалистов, кабардинская конница считалась лучшей. В военном быту кабардинцев роль верховой лошади была исключительно велика. Кабардинская лошадь была выезжена на уздечке, которой она повиновалась полностью. Спокойная, преданная своему седоку, как верная собака хозяину, она способна перенести большие трудности боевой обстановки. Кабардинская лошадь не боится ни воды, ни огня. В свою очередь, кабардинец окружал своего боевого товарища большой заботой. Он ее никогда не подковывал и никогда не употреблял шпор, а погонял тоненькой плеткой, имеющей на конце небольшой кусок кожи в виде язычка для того, чтобы не делать ей больно, а пугать только хлопаньем. По мнению кабардинцев, боль, причиняемая лошади шпорами или тяжелой нагайкой, утомляет ее без надобности.

Кабардинское седло отличалось своей легкостью. Оно никогда не портило спины лошади, если даже оставалось на ней неделями. К предстоящим набегам кабардинцы готовили своих лошадей заблаговременно, переставали их кормить сеном, гоняли под попонами, купали по нескольку раз в день. На таких лошадях они потом пробегали по 60-100 верст в день.

Когда кабардинец оказывался в неприятельском окружении, он убивал свою лошадь и залегал за ее трупом с винтовкой на присошке, отстреливаясь до последнего патрона. Выпустив последний заряд, он ломал свое ружье и шашку и встречал смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием его нельзя было

взять живым. Не попасть в плен к неприятелю — составляло главную заботу кабардинца в бою. Общественное мнение в кабардинском обществе считало, что «сдаться военнопленным есть верх бесславия и поэтому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен»[21].

Кабардинцы выработали свои методы ведения войны. Излюбленным их методом был быстрый молниеносный налет конницы, в больших массах действовавшей преимущественно холодным оружием. Но чаще они действовали небольшими партиями. Они наскакивали на противника с плеткой в руках, а в 20 шагах от него быстро выхватывали из чехлов ружья, делали выстрел, перекинув их через плечо, обнажали шашки и начинали рубить или поворачивали лошадей назад и на полном скаку заряжали ружья без вторичного выстрела. Во время боя движения кабардинца весьма быстры и плавны. Пешим строем кабардинцы дрались только в лесах и в горах, обладая прекрасным умением пользоваться местностью, они из-за деревьев и камней поражали неприятеля меткими выстрелами, а при малейшем замешательстве вырастали точно из земли около него и наносили неожиданный удар. При отступлении неприятеля они преследовали его с исключительным ожесточением.

Кабардинцы придерживались в основном маневренной тактики ведения войны. Внезапно нападая на противника небольшими партиями, они наносили ему больший урон, чем если бы действовали большими подразделениями. Еще Ф. Энгельс указывал, что «сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах против подвигающихся русских колонн и что горцы были легче и подвижнее нежели русские, и они полностью использовали это преимущество»[22].

Небольшая партия кабардинцев на прекрасных лошадях неожиданно появлялась в тылу неприятеля и, причинив ему много вреда, так же неожиданно исчезала.

Кабардинцы, стреножив своих лошадей, обычно днем отдыхали где-нибудь в глубоком овраге, под вечер они неожиданно нападали на неприятеля, а ночью уходили. Часто они поднимали на каком-нибудь участке ложную стрельбу, а когда неприятель перебрасывал свои силы на этот участок, делали налет в другом месте и таким образом легко ускользали от преследования.

Ночные налеты кабардинцев всегда бывали кровопролитными и обычно кончались поголовным истреблением неприятельского отряда. Своей храбростью и мужеством кабардинцы вызывали всеобщее удивление, в особенности у турок, которые не раз испытывали на своей спине силу их оружия[23].

Было бы, однако, неверно думать, что кабардинцы способны лишь на маневренную войну. Они с таким же успехом могли вести позиционную войну и даже развили у себя фортификационное искусство. Для ведения позиционной войны кабардинцы превращали свои села в серьезные для того времени укрепления. Они обносили села кругом или со стороны неприятеля высоким плетнем, с наружной стороны которого делали земляной накат в рост человека. При помощи таких укреплений, которые назывались «кала», кабардинцы отражали наступление неприятеля. Большие населенные пункты кабардинцы обносили глубоким рвом, на насыпи с внутренней стороны устраивали массивные деревянные туры. По примеру укреплений передовых казачьих станиц, кабардинцы широко пользовались также завалами и засеками[24].

Многовековая борьба кабардинского народа с внешними врагами перестроила быт кабардинца на военный лад, воспитавший в нем высокие качества выносливого и бесстрашного, способного на большие подвиги воина. И с этими качествами воина в кабардинце сочетались большая сдержанность и самообладание, являвшиеся, впрочем, характерными чертами вообще горцев, по понятиям которых всякое увлечение или вслух выраженное чувство горя или радости считалось ниже достоинства взрослого мужчины. Кабардинец в состоянии был стойко и даже без стона вынести подчас весьма сложную хирургическую операцию.

Вслух выраженное чувство голода считалось у кабардинцев позором. А когда кабардинец садился за стол, он ел очень чинно и поразительно мало. Как бы голоден ни был кабардинец, он никогда за столом не съедал предложенной ему порции. Он обязательно оставлял часть еды, этим он подчеркивал, что он вовсе не голоден, но если тем не менее он сел за стол, то только из уважения к хозяину, соблюдавшему освященный веками обычай гостеприимства.

Стол кабардинца однообразен и неприхотлив. Он обычно состоит из сухой портативной пищи, приспособленной к военно-кочевому быту народа. Крутая просяная каша и вареная баранина составляли любимые национальные блюда кабардинца. Жидкой пищи он почти не употреблял. Этим, быть может, отчасти объясняется то, что кабардинцы весьма сухопары, удивительно стройны и гибки. Мужская полнота у них считалась неприличием. Среди кабардинцев редко можно встретить полного мужчину, которого обычно сопровождали в обществе нелестными для него эпитетами и сравнениями. Спиртные напитки кабардинец употреблял весьма умеренно. Пьянство считалось у кабардинцев большим позором, поэтому трудно было встретить среди них пьяного.

С самого рождения кабардинец воспитывался в суровом военном духе. Весьма распространенный среди кавказских горцев древний обычай аталычества отчасти может быть обусловлен требованиями военной обстановки. Аталычество играло большую роль в военном воспитании кабардинца. В кабардинской действительности оно являлось своеобразной военной школой, в которой кабардинские дети проходили суровую военную выучку. Как правило, кабардинские дворяне своих сыновей не сами воспитывали, а их крестьяне, которые были известны своим удальством, храбростью, отвагой и знанием обычаев кабардинского народа. Аталык обязан был выкормить своего воспитанника, а главным образом «выучить его наездничеству, стрельбе в цель, безропотному перенесению бессонницы, труда, опасностей, водить его или посылать с надежными людьми на хищничество, сначала на легкое, а после на более значительное и опасное, кроме того, аталык должен знакомить своего воспитанника с верой и народными обычаями и водить его на народные собрания и избирательства»[25]. По достижении совершеннолетнего возраста емчек, уже подготовленный к самостоятельной боевой жизни, с богатыми подарками возвращался в дом родителей, которые в свою очередь щедро награждали своего аталыка.

По возвращении в дом родителей молодому кабардинцу брили голову и вручали оружие, после чего он становился равноправным членом общества. Он начинал посещать собрания молодых людей, которые обычно происходили в кунацкой. Кунацкая, или как ее называют кабардинцы «хьэшДэщ», предназначалась специально для гостей, но одновременно она служила местом сбора молодежи. Кунацкая представляла собой изолированную от всех других помещений просторную комнату, все убранство которой состояло из ряда вбитых в стену деревянных гвоздей для развешивания оружия и конской сбруи, медного таза и кумгана с водой для мытья рук и шкурки от дикой козы или небольшого коврика для совершения намаза. Сидели и спали в кунацкой на камышовых циновках, ковриках и бурках[26]. В кунацких молодые кабардинцы разрабатывали и обсуждали оперативные планы своих вооруженных набегов. Здесь же выбирали себе предводителя, который сохранял в большом секрете принятый план налета, назначал день, час и место сбора. На сборный пункт все должны были явиться в полной боевой готовности. А если кто являлся без оружия, верховой лошади и необходимого запаса продовольствия, тот с позором изгонялся из отряда и не только лишался доли добычи, но и терял свой авторитет в обществе.

На собраниях, происходящих в кунацких, принимали участие молодые кабардинцы, побывавшие в емчеках и, следовательно, уже получившие известную военную подготовку к самостоятельной боевой жизни. Но в емчеки, как уже указывалось, отдавали своих детей только дворяне. Крестьяне же своих детей воспитывали сами, но таклсе в военном духе. Для широких

крестьянских масс военной школой являлись многочисленные и весьма распространенные в старом кабардинском обществе военизированные игры, которые, кстати, прекрасно описаны глубоким знатоком старого чрезвычайно сложного кабардино-черкесского быта, полковником русской службы Хан-Гиреем [27].

Весьма распространенная в старом кабардинском обществе массовая военизированная игра «Диора» воспитывала в кабардинце дух смелости, отваги, находчивость и ловкость. Кабардинцы играли в эту игру в день свадьбы. Собравшаяся в доме жениха аульная молодежь вооружалась длинными жердями и занимала почти недоступные для верховых места. Верховые наступали на пеших и ударяли их плетьми. В свою очередь и пешие били верховых жердями с такой силой, что выбивали всадника из седла. Ожесточенный бой длился иногда часами. Основная цель игры заключалась в том, чтобы кому-нибудь из верховых ворваться в дом жениха и получить предусмотренный обычаем приз. Во время боя верховые прыгали через плетни, заборы, ограды и в конце концов кому-нибудь удавалось ворваться в саклю и получить большую чашу бузы с пирогами. Победитель с полученным призом выезжал из сакли во двор и во всеуслышание объявлял, что цель достигнута, и бой прекращался. Верховые сходили с коней, пешие бросали жерди и без какой-либо обиды за полученные во время игры увечья или ушибы все вместе направлялись принять участие в общественных танцах, устраиваемых по случаю свадьбы. «Диора» считается опасной игрой. По существу, это настоящее сражение с той лишь разницей, что в нем не применялось железное и огнестрельное оружие. О реальной опасности для жизни участников этой игры в кабардинском народе сохранилась поговорка, что «кому не страшно в день такой игры, тот не устрашится и в бою».

Особый интерес представляет распространенная среди кабардинцев военная игра, имевшая явно классовый характер. Эта игра происходила между крестьянами и дворянами, которые составляли две враждебные партии, в организованном порядке нападали друг на друга. Побеждала та сторона, которая захватывала больше «пленных», освобождаемых потом за определенный выкуп. Дворяне выкупали своих «пленных» дорогими вещами, а крестьяне - овсом, которым дворяне кормили своих лошадей. Игра заканчивалась миром и пиршеством, в котором принимали участие все без исключения участники игры. Эта игра, по-видимому, возникшая в классовом обществе, точно воспроизводит традиции классовой борьбы в кабардинском феодальном обществе. В крестьянских восстаниях, направленных против феодального гнета, пленение людей и их освобождение за высокий выкуп, а в противном случае - продажа их на сторону в качестве рабов, были весьма распространенным явлением, нашедшим свое яркое отражение в дворянско-крестьянской военизированной игре.

Не менее распространенной среди кабардинской молодежи была также игра «Шапки» - «Пы1эхь». В нее играли в день свадьбы и заключалась она в следующем: свадебный поезд, направлявшийся в дом жениха, по обычаю останавливался за аулом невесты и после прощальной пирушки сопровождавшие верховые в момент прощания схватывали шапки гостей и скакали обратно к себе в аул. Гости догоняли похитителей шапок. Если лошадь гостя догоняла похитителя, он отнимал свою шапку и опять присоединялся к свадебному поезду. Если же лошадь гостя оказывалась слабее лошади похитителя, гость лишался своей шапки.

Сопровождающие верховые всю дорогу до самого жениха развлекали невесту этой игрой. Один хватал шапку другого и на скаку подбрасывал ее вверх. В момент падения другой верховой наезжал и на полном скаку выстрелом из ружья или пистолета разбивал шапку.

Вообще надо отметить, что кабардинцы очень часто упражнялись в стрельбе в цель. Стрельба в цель — в древности из лука, а позже из ружья или пистолета - являлась весьма популярным развлечением среди кабардинской молодежи. В день свадьбы, когда молодежь собиралась на танцы, устраиваемые по этому случаю, дом жениха ставил мишень «Кабак», состоящую из тонкого деревянного шеста длиной в 25-30 метров. На тонком конце шеста углем или мелом отмечалась мелкая точка. Шест вертикально, тонким концом вверх, прибивался к дереву или дымоходной трубе дома жениха и после этого начиналось состязание в стрельбе. Каждый из присутствующих имел право стрелять из ружья или пистолета в цель. Кто попадал в точку на конце шеста, вызывал всеобщий восторг и от жениха получал приз, состоявший из пирогов и махсымы, которыми принято угощать стариков.

Призовая стрельба по неподвижным и подвижным мишеням производилась у кабардинцев и в память покойного. В качестве приза раздавались оставшиеся носильные вещи покойного. Непосредственный наблюдатель траурных стрельбищ вспоминает, что кабардинцы «стреляли в цель из ружей разными способами — с присошек и с руки - в неподвижную и подвижную мишень, в кружок, поднятый на высоком шесте и в живого орла, привязанного на длинной веревке», и что «за удачные выстрелы раздавались призы разного достоинства, начиная от огнива и поясного ремня до пистолета в серебряной оправе»[28].

В старину кабардинцы упражнялись в стрельбе в цель и в день христианской Пасхи, известной у кабардинцев под названием «годыж»*. По древнему обычаю кабардинцы в этот день дарили друг другу крашеные яйца, служившие мишенью для стрельбы. Попавший в цель от хозяина яйца получал подарок [29].

*1ут1ыжь - разговение (Ред.).

Широкое распространение среди горцев, в том числе и среди кабардинцев, имели и призовые конские состязания, которые устраивались в память умерших или убитых в набегах молодых людей. Для конских состязаний существовали различные дистанции, нередко и десятки километров. В состязании участвовало до двух, а то и до трех десятков лошадей, на которых сажали мальчиков от 12 до 14 лет. Скакали в кабардинских седлах без подушек, для того чтобы всадники не имели возможности сидеть, а стояли в стременах. Хозяева скаковых лошадей обычно сопровождали скакунов на переменных лошадях, которых заранее расставляли по маршруту скачек. Хозяин мог подгонять скакуна только свистом, гиканьем и хлопаньем, но не имел права бить его плетью. «Вся ватага, состоявшая более чем из сотни ездоков,- вспоминает непосредственный наблюдатель, - неслась подобно вихрю, е криком, гиком и хлопаньем нагаек через бугры и рытвины, по полям и лесу, на гору, под гору, нигде не сдерживая лошадей, с одной мыслю - перегнать один другого и взять призы, состоявшие в прекрасной кабардинской лошади с седлом и в богатом ружье»[30]. «Я ничего не видел более увлекательного этой скачки»,- пишет тот же наблюдатель, констатирующий, что «редкая скачка подобного рода обходится без несчастья, так как мальчики очень часто падают с лошадей, убиваются и за одними поминками следуют другие, кончаясь теми же головоломными скачками»[31].

Тем не менее конские состязания, приучавшие молодых кабардинцев к приемам кавалерийской езды и развивавшие в них ловкость и отвагу, в военном воспитании молодежи играли весьма важную роль.

Есть основания думать, что среди кабардино-черкесов в глубокой, быть может, древности существовали и гладиаторские состязания, происходившие перед большим скоплением зрителей. Некоторые отголоски этих состязаний до нас дошли в сказочных сюжетах кабардинского народа. Народные сказки местом гладиаторских состязаний указывают аул Пшекупса у устья реки Лабы. Жителей этого аула называли «горными волками». При большом скоплении народа они привязывали пленника к столбу и стреляли в него так, чтобы пули, не причиняя ему вреда, непрерывно визжали мимо его ушей и это составляло одно из любимых зрелищ «горных волков».

Но самым любимым и занимательным зрелищем «горных волков» было состязание человека «с бешеным конем». Местом состязания являлась устроенная за аулом круглая, обнесенная высоким забором площадка, вокруг которой амфитеатром возвышались сидения для зрителей. На площадку выпускали необъезженного коня, а за ним выталкивали пленницу. Конь, завидя свою жертву, вихрем налетал на нее. С мертвенно-бледным от 'страха лицом женщина кидалась то в одну, то в

другую сторону от коня. Пробежавшая вокруг площадки три ра.ча получала помилование. Но не было случая, чтобы кто-ни-Оудь из «круга смерти» выходил живой. Обычно конь очень быстро убивал копытами свою жертву.

У кабардинцев существовало и атлетическое искусство. Весьма распространенная среди молодежи игра—метание камня - была очень не сложна и заключалась в том, что молодые кабардинцы собирались где-нибудь за аулом и с небольшого бугра одной рукой метали камень весом примерно в 2—3 пуда. Победителем считался тот, кто бросал камень дальше.

Но самой распространенной игрой среди кабардинцев следует считать парную борьбу. Кабардинцы начинают упражняться в борьбе с детского возраста.

В горской парной борьбе, имевшей свои специфические приемы, решающим фактором является не столько ловкость, сколько физическая сила. Метание камня и парная борьба развивали молодежь физически.

В кабардинском обществе известность и славное имя можно было завоевать только храбростью, мужеством и отвагой. О храбром и смелом воине в народе слагали песни, его имя окружали ореолом славы. Человека, храброго в бою, красноречивого и умного на собраниях, в кабардинском обществе называли «лъэпкъбзэгу», т. е. «язык народа»[32]. Лъэпкъбзэгу являлся воплощением самых высоких идеалов кабардинского народа. И наоборот, все презирали труса, всюду его сопровождали насмешки. За труса девушки не выходили замуж. Молодость, красота и богатство мужчины в глазах кабардинской девушки были ничто по сравнению с храбростью и отвагой, благодаря которым человек завоевывал себе в обществе известность и славу. При выборе жениха кабардинка предпочитала седого храбреца богатому, красивому, но трусливому юноше.

Описанные в настоящем кратком очерке народные игры имели для адыгов большое значение. Они воспитывали в кабардинце и черкесе отважного и храброго воина, способного на большие подвиги.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Латышев.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1983. Т. 1. Вып. 2. С. 466.

[2] *Латышев.* Указ. соч. Т. 1. Вып. 1. С. 279.

[3] Древнее этническое название предков кабардино-черкесов «керкет» с грузинского языка осмысливается, как «высокий плотный мужчина» или «стройный человек, имеющий тонкую талию» *(Марр Н. Я. К* истории передвижения яфетических народов // Известия Академии наук. Петроград с 1910 до 1924 гг. 1916. Т. 10. С. 1405) .

31 Зоказ № 106

[5] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1923. Т. 2. С.128.
[6] *Марр Н. Я.* Цит. соч.: М.: Изд. Акад. наук. 1916. Т. 10. С. 1402.
г [6] Русский вестник. М., 1864. Т. 2. № 11. С. 48.
[7] Военный сборник. СПб., 1870. Т. 3. С. 335.
[8] Там же. С. 337.
[9] Этнографическое обозрение, М., 1892. № 4. С. 155.
[10] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 456.
[11] *Латышев.* Цит. соч. Т. 1. Вып. 1. С. 279.
[12] Северное обозрение. СПб., 1849. Т. 2. С. 807.
[13] Библиотека для чтения. СПб., 1888. Т. 30. С. 148-150.
[14] Кавказ. 1946. № 35; ср.: Русский вестник. СПб., 1860. Т. 5. № 1.
[16] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 376.
[16] Сын Отечества. СПб., 1816. Т. 34. Ч. 376.
[17] Известия Северо-Осетинского науч. иссл. ин-та. Орджоникидзе, 1932. Т. 4. С. 140.
[18] Русский вестник. М., 1864. Т. 8. № 9, 10, С. 456, 457.
[19] *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители. М., 1881. С. 150.
[20] Труды III археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1. С. 122.
[21] Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 143.
[22] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. Ч. 1. С. 177.
[23] Военный сборник. СПб., 1860. Т. 11. С. 154.
[24] Военный сборник. СПб., 1860. Т. 21. С. 308.
[25] *Сталь.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 115; ср.: *Данилевский.* Кавказ и его горские жители. М., 1851. С. 180, 181-183.
[28] Русский вестник. М., 1864. Т. 13. № 9, 10. С. 392.
[27] Русский вестник. СПб., 1842. № 1. Отд. 5. С. 20-30.
[28] Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. М., 1864. Т. 5S. № 9, 10. С. 78.
[29] *Данилевский.* Цит. соч. С. 135; ср.: Военный сборник. 1860. Т. 11. С. 292.
[30] Русский вестник. М., 1864. Т. 53. № 9, 10. С. 78.
[31] Там же.
[32] Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21 С. 156.

Ученые записки Кабардинского НИИ. Т.1. 1946. С. 129-141

ИЗ ИСТОРИИ СНОШЕНИЙ РОССИИ С КАВКАЗОМ (IX-XIX вв.)

I

Историю дипломатических сношений России с Северным Кавказом обычно начинают с 1552 г., когда впервые в Москву прибыло кабардинское посольство в составе князей Маашука, Танашука и Ивана Езбузлукова, которые от имени кабардинских князей били челом Ивану IV о принятии в подданство и освобождении их от зависимости вассала османской Турции - Крымского ханства. В ответ на это посольство в следующем, 1553 г. из Москвы было отправлено в Кабарду посольство во [•главе с Андреем Щепотьевым, который по возвращении в Москву доложил Ивану IV, что кабардинцы «дали правду всею землею быти им неотступны от царя и великого князя и служити им во веки, как государь повелит».

В дальнейшем установившиеся между Россией и народами Северного Кавказа дипломатические сношения приняли систематический характер, нарушенный, однако, в конце XVIII в. завоевательной политикой царизма на Северном Кавказе.

Начало этих дипломатических сношений не было, однако, началом вообще знакомства русских людей с Северным Кавказом и населявшими его горскими племенами. Дошедшие до нас известия русских летописей свидетельствуют о том, что русские люди еще во второй половине X в. были знакомы с некоторыми племенами Северного Кавказа, в частности с ясами, предполагаемыми предками современных осетин, и касогами, несомненными предками кабардинцев. Наиболее ранним летописным известием, свидетельствующим о сношении русских с горскими племенами, следует считать известие о походе князя Святослава против хазар в 965 г., в результате которого «Святослав и ясы победи, и касогы, приведе к Кыеву»[1].

Но и приведенное летописное известие, по-видимому, тоже не является началом знакомства древних русских людей с горскими племенами Северного Кавказа, так как источники мусульманского Востока — персидские и арабские — сохранили некоторые сведения о еще более ранних сношениях древних руссов с Кавказом. Из этих источников выясняется, что русские еще до похода Святослава в 965 г. за сравнительно короткий промежуток времени предприняли в Табаристан, прилегавший к юго-восточному берегу Каспийского моря, три похода. Первый поход был предпринят в 864-884 гг. в табаристанский

город Абесгун, второй - в 909-910 гг. вторично в Абесгун и Анджиле и третий поход - в 913-914 гг. в Сари и Пенджагезар [2].

Первый из этих походов, видимо, для русских был неудачным, так как, по свидетельству источника, местный правитель Хасан, сын Зейда, «выслал войско и умертвил всех их»[3]. Второй поход, предпринятый между прочим на 16 кораблях, был удачным. Руссы, по словам источника, «в Абесгуне и по берегам моря по ту сторону успели произвести опустошения и грабежи, да убили и ограбили много мусульман»[4]. Третий поход для руссов кончился трагически. Руссы уничтожили город Сари и опустошили окрестности Пенджагезара. Но значительная часть руссов, оперировавшая на суше, по приказанию Гилян-Шаха, была уничтожена гилянцами, другая часть, которая оставалась на кораблях в открытом море, также была уничтожена Ширван-Шахом [5].

Нужно полагать, что древние руссы предпринимали свои походы в Табаристан и другие прикаспийские страны с торговыми и грабительскими целями. Подтверждением такого предположения служит как прямое указание Масуди, так и двукратное нападение руссов (864-884 и 909-910 гг.) на город Абесгун-крупный по тем временам портовый, хорошо укрепленный город, слулсивший складочным для всего края местом. Естественно, что «руссы, желавшие поживиться, обратили взоры свои на Абесгун, который, как складочное место того края, мог давать им надежду найти богатую добычу»[6].

Судя по тому, с какой легкостью предпринимали древние руссы свои неоднократные походы в далекие прикаспийские страны, надо полагать, что они еще и до этих походов были знакомы с Северным Кавказом и, может быть, поход их в 864-884 гг. в город Абесгун был уже не первый. Следовательно, наличие между древними руссами и кавказскими племенами культурно-экономических и политических связей еще до середины IX в. кажется нам вероятным.

Походы древних руссов в Прикаспийские страны в IX и X вв., очевидно, были независимы от деятельности князей Киевской Руси [7]. Скорее, они были связаны с руссами, жившими еще задолго до этих походов где-то на Западном Кавказе, в Причерноморье. Во всяком случае арабский историк Масуди, описывая в 925 г. маршрут похода руссов 913-914 гг., прямо указывает, что «руссы на пятистах лодках проникли из Черного моря в Азовское, потом в Дон, отсюда по обыкновению перетащили свои суда на волок, спустились по этой реке на Волгу, вторглись в Каспийское море»[8].

Таким образом, есть основание думать, что древние руссы, за сравнительно короткий промежуток времени предпринявшие в Прикаспийские страны три больших похода, были связаны с Тмутараканской Русью[9], существовавшей, очевидно, еще до

упоминания о ней в русской летописи под 988 г. в связи с занятием Тмутараканского княжеского престола представителем киевской династии Мстиславом.

Вопрос о Тмутаракани в истории Древней Руси - одно из наиболее темных и неразработанных мест, а между тем Тмутаракань, надо думать, являлась той начальной точкой, в которой древние руссы впервые познакомились с племенами Западного Кавказа и установили с ними непосредственные сношения, не прерывавшиеся потом на протяжении почти тысячелетней совместной жизни.

Тмутараканская Русь находилась на Таманском полуострове [10].

Тмутаракань служила весьма удобным путем для входа и выхода из Азовского моря. Обладание Таманским полуостроном обеспечивало обладание течением Дона с его притоками и монопольное право на взимание транзитных пошлин с иностранных товаров, которые шли на запад, а оттуда в северные степи, Закавказье, Заволжье, Среднюю Азию, Сибирь, Индию и Китай [11]. Наряду с этим Тмутаракань имела удобное водное сообщение по Днепру с Киевской и по Дону с Черниговской Русью. Международное торговое значение Таманского полуострова, откуда при помощи азово-черноморских гаваней велась с давних пор оживленная торговля Западного Кавказа с греками хлебом, воском и рыбой в обмен на греческие ткани и металлические изделия, по-видимому, и послужило для древних руссов главной приманкой.

Древние руссы, хотя и появились на Таманском полуострове еще задолго до формального образования Тмутараканского русского княжества, тем не менее они не были аборигенами данной страны. Аборигенами Приазовья, Причерноморья и Тамани были адыгские племена, известные в указанных местах еще с древнейших времен под именем зихов. Подтверждением того, что Тмутаракань первоначально не принадлежала руссам, служит между прочим тот факт, что она известна еще в древнейших документах под названиями «Томан-Торхан», «Таматарха», «Матрега» как крупный, по тем временам, портовый город на Таманском полуострове, населенный зихами или предками современных кабардино-черкесов. Сознание того, что Тмутаракань не была исконно русской землей, нашло свое отражение и в «Слове о полку Игореве», которое Тмутаракань включает в число «незнаемых земель». «Див кличет,— говорится в «Слове...»,— велит послушати земли незнаемо Въелзе и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тмутараканьский бълван»[12].

Политическая власть русских князей утвердилась в Тмутаракани в результате их непрерывной борьбы с прилегавшими к Тмутаракани кавказскими и, в первую очередь, черкесскими племенами - касогами, ясами и другими, о которых упоминают русские летописи. Формальное утверждение политической влас-

ти киевских князей и русской оседлости в Тмутаракани произошло в 965 г. в результате разгрома князем Святославом хазарской силы на Дону, поражения ясов и касогов и захвата тогда же Тмутаракани. «В лето 6473,- говорится в летописи, - иде Святослав на козары. Слышавше-же козары, изидоша противу с князем своим каганом, и с ступишася на бой, и бысть брань; одоле Святослав козаром, и град их Белу-Вежу взя, и ясы победи и касоги, и приведе к Кыеву»[13].

Причин падения политической власти русских князей в Тмутаракани было несколько, и среди них не последнее место занимали княжеские междоусобия, начавшиеся в потомстве Ярослава I. На протяжении почти двухсот лет за обладание Тмутараканским княжеским престолом между русскими князьями шла непрерывная борьба. Внук Ярослава, Ростислав Владимирович, вместе с сыном посадника Остромира Вышатою, набрав дружину, в 1064 г. изгоняет своего двоюродного брата Глеба из Тмутаракани. По поводу этого события летопись под 1064 г. отмечает, что «в 1064 г. бежа Ростислав Тмутараканью, сын Володимирь, внук Ярославль, а с ним бежа Порей, Вышата, сын Остромирь, воеводы Новгородского. И пришед, выгна Глеба из Тмутараканя, а сам седе в него место»[14]. Однако в следующем, 1065 г. «Святослав... пришед Тмутараканю, и посади пакы сына своего Глеба, взратися опять Ростислав же пакы пришед, выгна Глеба, и прииде Глеб ко отцу своему, Ростислав седе Тмутаракани»[15]. По смерти Ростислава Тмутаракань вновь перешла к Глебу, а потом к Роману Святославичу.

В 1078 г. Олег бежал в Тмутаракань к своему брату Роману, при помощи которого рассчитывал добиться престола Черниговского княжества. В одном из боев Роман был убит, а Олег, считавшийся наследником Тмутараканского престола, в 1079 г. сослан хазарами в Царьград. Тмутараканским князем сделался Ратибор, который через короткое время также был изгнан двумя претендентами на тмутараканский престол - Давидом Игоревичем и Володарем Ростиславичем. В 1093 г. Олег при помощи греков, с которыми заключил договор, вновь завладел Тмутараканью, а потом, с помощью наемных половецких войск, отнял у Владимира Мономаха Чернигов, сделав его своей резиденцией. С переходом Олега в Чернигов в русских летописях прекращаются известия о Тмутаракани.

Не менее серьезной причиной падения политической власти русских князей в Тмутаракани следует считать появление около середины XI в. из-за Дона половецких кочевников, перехвативших важнейший торговый путь на Дон и отрезавших Тмутаракань от остальной Руси.

Весьма большую роль в судьбе политической власти русских князей в Тмутаракани сыграла также активная борьба касожских князей за обладание Тмутараканью. Касожские князья с захватом Тмутаракани Святославом, естественно, лишились своих монопольных прав на взимание транзитных пошлин. Ущемленные в своих экономических и политических правах они повели непрерывную борьбу с местной русской властью за возврат Тмутаракани. Сохранилось не лишенное интереса известие о том, что прикубанские кабардинцы (так в тексте) в 964-966 гг. бились на берегу реки Пшина, притока Кубани, с войсками князя Святослава. На помощь кабардинцам подошли опсы, или абазинцы. Святослав заключил с кабардинцами и их союзниками абазинцами мир, после чего они в рядах войск Святослава участвовали в битвах при взятии хазарской столицы Белу-Вежу и Тмутаракани. По завоевании Белу-Вежу и Тмутаракани князь Святослав отпустил кабардинцев и абазинцев на родину с благодарностью [16].

I Русская летопись сохранила также любопытный эпизод борьбы касожского, или кабардинского, богатыря Редеди с тмутараканским князем Мстиславом. По свидетельству летописи, князь Мстислав Владимирович, получивший Тмутаракань в удел от отца, в 1022 г. воевал с касогами, жившими в непосредственном соседстве с Тмутараканью. Мстислав одолел в единоборстве касожского богатыря Редедю и заколол его ножом, после чего, по условию поединка, взял себе семейство Редеди, а на касогов наложил дань. По возвращении в Тмутаракань Мстислав, исполняя данное им обещание, построил церковь во имя богородицы, существовавшую еще в XII в.[17] По поводу победы, одержанной князем Мстиславом над касожским богатырем, в «Слове...» говорится: «Боян бо вещий песнь пояше... храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожскы».

Рассказ русской летописи о поединке касожского богатыря Редеди с Тмутараканским князем Мстиславом нашел свое отражение и в кабардинских народных преданиях[18], сохранивших кроме этого рассказа еще и некоторые сведения о том, что «атыхейские князья, во время верховного правителя Хуруфатласа делали набеги на Хазарию и на Тмутаракань»[19].

Неоднократные попытки касожских князей вернуть Тмутаракань, а вместе с нею утерянные экономические и политические права в X-XП вв. успеха не имели, и они вынуждены были признать над собой вассальную зависимость от тмутараканских князей. Касожские князья, равно как и другие соседние племена, платили тмутараканским князьям установленную дань, о которой русская летопись упоминает под 1066 г., что «Ростиславу сущю Тмутараканю, и емлющую дань у косаг и у иных стран»[30].

На основе установившихся вассальных отношений касожские князья обязаны были оказывать тмутараканским князьям вооруженную помощь в их междоусобных войнах. Так, русская летопись под 1022 г. отмечает, что после одержанной над касожским князем Редедей победы «пойде Мстислав с козары

и с косагы на великого князя Ярослава»[21]. В результате этого удачного похода, в котором покоренные кабардинцы и хазары принимали активное участие, Мстислав перенес свою резиденцию в Чернигов, где и умер в 1036 г. Если согласиться, что впервые упоминаемые в русских летописях под 1098 г. «берендеи» действительно являлись предками адыгов[22], то несомненно, что боевая деятельность последних в рядах войск киевских князей не прекращалась и в следующем, XII в. Кабардино-черкесские князья, продолжая оставаться вассалами киевских князей, в полной или частичной зависимости от которых находилась уже и Тмутаракань, принимали в числе «черных клобуков» активное участие в междоусобных войнах удельных русских князей. Так, кабардино-черкесы в числе упомянутых «черных клобуков» в 1153 г. участвовали в походе Мстислава против Ярослава Владимировича, князя Галицкого[23].

Междоусобные войны русских князей, нашествие половецких кочевников на Русь и систематическая борьба касожских князей за обладание Тмутараканью — все это не могло способствовать укреплению политической власти русских князей на Таманском полуострове. И уже в период господства монголов на Северном Кавказе произошла, видимо, окончательная замена русской власти в Тмутаракани властью касожских князей.

Таким образом, если придерживаться летописных известий, то Тмутаракань как самостоятельное княжество с политической властью русских князей и русской оседлостью существовала около 200 лет. Первое известие о Тмутаракани, как было указано, в русской летописи датируется 988 г., в связи с занятием Тмутараканского княжеского престола князем Мстиславом, а последнее известие относится к 1187 г. и сохранилось в поэтическом произведении «Слово о полку Игореве». «Се бо два сокола,- говорится в «Слове...»,— слетеста с от дня стола злата поискати града Тмутараканя, а любо испити шеломом Дону»[24].

Умалчивание русских летописей о Тмутараканском княжестве после 1187 г. не говорит, однако, об его исчезновении. Оно свидетельствует лишь о том, что Тмутаракань была изолирована от остальной Руси половецкими кочевниками и что в ней прекратилась политическая власть русских князей.

Оседлое русское население, наличие которого в значительном, быть может, количестве едва ли подлежит сомнению, продолжало оставаться в пределах Тмутараканского княжества. И если согласиться с Языковым, отождествляющим древний кавказский город Орнас с Черноморским Азовом или Таном[26], то есть основание думать, что итальянский путешественник Плано Карпини в 1246 г. в городе Орнасе мог наблюдать вместе с хазарами, аланами и лезгами и тмутараканских руссов в качестве одной из основных прослоек населения названного города[26].

Дальнейшая судьба русского элемента на Таманском полуострове, к сожалению, неизвестна, но надо думать, что он частично подвергся ассимиляции в кавказской этнической среде, а какая-то часть, сохранив свои национальные черты, могла влиться в позднейшую волну русских эмигрантов на Кавказ, образовавших позже терско-гребенское казачество.

Тмутараканское княжество за время своей политической независимости являлось важнейшим на Западном Кавказе культурно-политическим центрам, служившим проводником восточной культуры в Киевскую Русь. У тмутараканских руссов были свои князья, своя культура, а уже в середине IX в. они, полностью или частично, приняли христианство и имели богослужебные книги. Есть основание думать, что Тмутараканская Русь, являвшаяся начальной точкой возникновения христианства на юге России, должна была сыграть известную роль в первоначальной христианизации единоплеменной Киевской Руси[27].

Еще до княжения Мстислава влияние Приазовья и Придонья подготовило почву для распространения христианства в Киевской Руси. В рассказе киево-печерского патерика о создании росписи лаврского собора, основание которого патерик относит к 1073 г., говорится, что «в монастырь пришли иконописцы греки и обезы», т. е. абхазцы. Таким образом, в конце XI в. абхазцы, еще в древние времена принявшие христианство, бывали в Киеве в качестве художников-иконописцев. Прослеживаемые в древнерусских и кавказских храмовых росписях аналогии являются также одним из многих доказательств наличия культурного общения между руссами и кавказскими народами.

Говоря о народах Кавказа, влиявших на культуру древних руссов, в первую очередь нужно иметь в виду грузин, которые, по свидетельству Прокопия (V-VI вв. н. э.), были «христиане, самые строгие блюстители священных постановлений, хотя издревле подвластны царям персидским»[28]. Культурное влияние древней Иверии, в частности христианство, в какой-то мере проникало на Русь через Тмутараканское княжество, являвшееся проводником восточного элемента. В деле распространения христианской культуры в Причерноморье и Приазовье большую роль сыграли древние грузинские монастыри - Петрициониттиссы, недалеко от Стенимаха в Болгарии, и основанный грузинскими миссионерами в 980-985 гг. Иверский монастырь на Афоне. Указанные два монастыря являлись крупными по тому времени культурными центрами. Влияние древней грузинской культуры сказывалось на церковно-литературных памятниках и на общем религиозно-бытовом укладе жизни древних руссов. Путем сравнения древнерусской глаголицы с церков-

ной грузинской мхедрули епископ Карион пришел к выводу о грузинском влиянии на русский церковно-славянский алфавит. Церковно-славянское пение, народные песни, иконопись, русский звериный орнамент, некоторые языческие праздники, народные игры, обычаи и даже славянский язык, по мнению епископа Кариона, подверглись известному грузинскому влиянию [29].

Вполне понятно, что и грузинская культура в свою очередь испытывала на себе не менее сильное культурное влияние Древней Руси.

Тмутараканская Русь занималась не только войнами и набегами на причерноморские византийские области и прикаспийские страны. Она имела обширные торговые связи с соседними и дальними странами. По свидетельству арабского историка Ибн-Хордабде, писавшего в 60-70-х гг. IX в., руссы высаживались на любой берег Каспийского моря, а иногда на верблюдах привозили свои товары в Багдад [30].

Наличие оживленных культурно-экономических сношений Древней Руси с Кавказом не подлежит сомнению.

В эпоху владычества русских князей в Тмутаракани между русскими князьями и кавказскими племенами существовали более близкие отношения, к числу которых следует отнести широко распространенный обычай аманатства, скреплявший установившиеся между руссами и кавказскими племенами политические связи. Ясин по имени Анбал, состоявший при княжеском дворе ключником, кабардинцы Яким Коучков со своим зятем Петром, о которых в связи с убийством Андрея Георгиевича Боголюбского летопись упоминает под 1175 г.[81], несомненно, были аманатами.

Убийство князя Андрея Георгиевича Боголюбского произошло при следующих обстоятельствах. Кабардинец Яким Коучков подговорил своего зятя Петра, яса Анбала и ряд других лиц убить Андрея Боголюбского за то, что он за какое-то преступление казнил брата Коучкова. «Его казнил он ныне,- говорил Коучков,- а завтра казнит и нас. Подумаем о нем». Группа заговорщиков в количестве 20 человек 29 июня 1174 г., перебив княжескую стражу, проникла в покои Боголюбского. Увидя заговорщиков, Боголюбский схватил свой меч, но его в ножнах не оказалось: он был вынут ключником ясином Анбал ом. Тогда он схватил одного заговорщика за горло и начал его душить. Заговорщики накинулись на Боголюбского и стали наносить ему раны мечами, а потом, захватив труп убитого товарища, обратились в бегство. Боголюбский, истекая кровью, преследовал заговорщиков. Убрав труп своего товарища, заговорщики вновь набросились на израненного князя. Петр отрубил князю руку, остальные заговорщики тоже стали наносить раны. Разделавшись с князем, они ограбили его дворец. На следующее утро тело Андрея Боголюбского убрал киевлянин Кузьмище [31п].

Между русскими князьями и социальными верхами кавказских народов и племен существовали и родственные связи, способствовавшие скреплению политических связей и более тесному сближению руссов с Кавказом. Известно, что князь Ярополк в 1116 г., при разгроме половцев на Дону «приведе с собою ясы и полони собе ясыню»[32].

Известно также, что в 1153 г. «женился Изъяслав другою женою, привед ею из обез»[33], т. е. из Абхазии. Об этом факте летопись рассказывает, что киевский князь Изъяслав Волынский, сын Мстислава Великого и внук Владимира Мономаха, получив известие, что обезский царь имеет достойную княжеской руки дочь, отправил послов просить ее руки. Послы данное им поручение выполнили и с невестой Изъяслава с ответным от обезского царя посольством возвращались обратно. В днепровских порогах посольство встретил сын Изъяслава от первой жены. Князь Изъяслав с дочерью обезского царя венчался в Киеве в 1154 г., а в следующем, 1155 г. князь Изъяслав умер [34].

Грузинская царица Тамара, дочь царя Георгия III, в 1171 г. была также замужем за сыном Андрея Боголюбского, князем Георгием, заточенным своим дядей Всеволодом в монастырь, но сбежавшим на Сунжу к кипчакскому хану [3е]. Через некоторое время князь Георгий, по решению Совета при царице Тамаре, за какие-то государственные преступления был изгнан из Грузии. Георгий через Тмутаракань пробрался в Грецию, откуда вновь вернулся в Грузию с намерением захватить город Тифлис, но побежденный войсками царицы Тамары вынужден был навсегда покинуть Грузию.

Регулярные сношения России с Кавказом были нарушены в период владычества татаро-монголов, подчинивших себе и русских князей, и северокавказские племена. И те и другие являлись данниками татаро-монголов и, как таковые, служили постоянным резервом для пополнений рядов татаро-монгольских войск. По свидетельству Мариньолли, писавшего в середине XIV в., «у Чингиз-хана, первого царя татарского, состояло на службе 72 ясских князя, когда этот бич Божий отправился карать мир»[36].

В свою очередь и русские князья не раз принимали участие в походах монголов против кавказских племен. Так, по вызову Менгутемира, в походе татаро-монголов против ясов в 1227 г. принимали участие русские князья: Борис Ростовский, Глеб Белоозерский, Федор Ярославский и Андрей Городецкий. Поход Менгутемира закончился разгромом ясов и взятием их города Дядякова. По поводу этого события русская летопись под 1277 г. сообщает: «Князи же вси со царем Менгоутемерем пойдоша в войною на ясы. И пристоупиши роусстии князи к ясьскомоу граду к славному Дедяковоу и взяша его месяца февраля 8 и многоу корысть и полон взяша, а противных избиша бесчисленно, град же их огнем пожгоша. Царь же Менгоутеме-

рем добре почести и князя русские и похвалил их в сими и, одарив их отпусти коевождо во свою отчиноу»[37].

Кабардино-черкесы, будучи также данниками татаро-монголов, служили в рядах их войск. Сохранилось известие, по которому после завоевания Тамерланом Северного Кавказа, в конце XIII в., наместник Тамерлана в Курском княжестве Ахмат вывел из Беш-Тау, или Пятигорья, значительное количество кабардинцев, которых поселил в Курском княжестве для охраны южных границ княжества[38]. В дальнейшем эти кабардинцы совместно с русскими участвовали в свержении на Руси татаро-монгольского владычества.

Последний раз русские летописи упоминают о северокавказских племенах, в частности об ясском союзе племен под 1277 г., в связи со смертью князя Бориса Васильевича и отправлением русских князей в поход против ясов .

Таким образом, в период владычества татаро-монголов русско-кавказские сношения хотя и были нарушены, но окончательно не прерывались. Русские и кавказские племена встречались в рядах татаро-монгольских войск, встречались и как союзники в походах против общего врага. И тем не менее систематические и более тесные, чем раньше, сношения между русскими и кавказскими народами возродилась лишь с конца XV в., когда русская земля, освобожденная от татаро-монгольского владычествства, окончательно освободилась и начала жить независимой политической жизнью.

II

По дошедшим до нас письменным источникам, прерванные в период господства татаро-монголов дипломатические сношения Кавказа с Россией возобновились в конце XV в.

Первое посольство с Кавказа, о котором до нас дошли письменные свидетельства, прибыло в Москву от грузинского царя Александра в 1492 г. Грузинский царь Александр писал московскому князю Ивану III: «Темным еси свет, зеленого неба звезда еси, христианская еси надежда, веры нашие крепости, всесветлый государь, всем еси государем прибежище, всем еси государем закон, бедным еси подпора и бесерманам еси надея, законной земли грозный государь, всем еси князем справедливая управа, всем князем вышний князь, земли еси тишина»[40].

Ответное посольство из Москвы в Грузию было отправлено в 1586 г. С конца XV и до начала XVIII в. в Москве перебывало свыше 50 посольств от грузинских царей, а в Грузии за это время перебывало свыше 30 посольств из Москвы.

В 1552 г., в год завоевания Казанского царства, в Москву прибыло первое посольство и от кабардинских князей. Ответное посольство из Москвы в Кабарду было отправлено в следующем, 1553 г. Об оживленных дипломатических сношениях Кабарды с Россией можно судить хотя бы по тому, что в продолжение времени от 1552-го до 1588 г. в Москве перебывало свыше десяти посольств от кабардинских феодалов. За указанный промежуток времени, по неполным данным, из Москвы было отправлено в Кабарду четыре посольства.

Не менее часто приезжали в Москву посольства и от дагестанских х.нюв. С 1555-го по 1673 гг. дагестанские ханы прислали в Москву свыше 15 посольств, а из России в Дагестан, по отрывочным данным, было отправлено около 10 ответных посольств.

Таким образом, наиболее крупные кавказские народы, игравшие в прошлом ведущую политическую роль на Кавказском перешейке, уже в XVI в. находились в весьма оживленных с Московским государством дипломатических сношениях, получивших в XVII и XVIII вв. еще более широкое развитие.

Важно отметить, что инициатива установления дипломатических связей и сближения с Россией, как видно из приведенных дат посольств, исходила от самих кавказских народов, ориентация которых на Россию была обусловлена неблагоприятными внешними политическими условиями и обострением классовой борьбы внутри феодальных обществ.

Говоря о внешних неблагоприятных условиях, заставлявших кавказские пароды ориентироваться на Россию, следует иметь в виду чрезвычайный гнет, которому прямо или косвенно на протяжении веков подвергались кавказские народы со стороны шахской Персии и султанской Турции. Восточная Грузия и восточные ханства Закавказья находились под гнетом иранских завоевателей, подвергавших подвластные им кавказские народы жестокой феодальной эксплуатации. Иранские захватчики систематически делали набеги на территории Восточной Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана, опустошали целые районы и массами уводили в плен людей, которых продавали *в* рабство внутри и за пределами Ирана. «Никогда Иверия не бедствовала ужаснее нынешнего,- говорил в 1604 г. сын грузинского царя Александра, Юрий, русскому послу,- стоим под ножами султана и шаха, оба хотят нашей крови и всего, что имеем»[41].

Не менее жестоким был гнет султанской Турции на Западном и Северно-Западном Кавказе. Западная Грузия и прилегавшие к побережью Черного моря черкесские племена находились под гнетом султанской Турции, взимавшей через своего вассала—крымского хана, с северокавказских народов, в частности с кабардинцев, тяжелую дань, «за сбором которой ежегодно из Крыма приезжали многочисленные ханские сборщики. Определенной дани не было, а потому сборщики брали с кабардинцев столько, сколько хотели, брали то, что видели их глаза:

скот, лошадей, баранту, хлеб и людей. Последних по прибытии в Крым обращали в рабство и посылали на самые тяжелые работы- Каждую осень, возвращаясь из Кабарды обратно в Крым, сборщики гнали с собой громадные табуны лошадей, отары баранты, стада крупного рогатого скота и сотни людей»[42].

По установившейся с давних пор традиции, кабардинцы и черкесы обязаны были каждому вновь вступившему на ханский престол доставлять **300** мальчиков и девочек. Однако не всякий хан довольствовался указанным количеством рабов. В 1708 г., когда кабардинцы привели **300** ясырей, чтобы уплатить дань хану Каштан-Гирею, последний, не довольствуясь этим количеством ясырей, заявил: «Меньше 3 тысяч пленных я не беру». «Хотя и такое количество ясырей,— ответили представители Кабарды,- отдавать водилось у нас в обычае, но только ведь до сих пор в 15-20 лет один хан был сменяем. Теперь же каждый год новый хан - чьих детей мы будем отдавать?»[43]. Иногда кабардинские князья просили об облегчении участи кабардинского народа, но крымские ханы, действовавшие под нажимом турецкого султана, оставались в своих претензиях неумолимыми. Когда кабардинский князь Атажукин обратился с подобной просьбой к крымскому хану, последний курил трубку из длинного чубука. Пока говорил князь Атажукин, он не выпускал изо рта чубука, искоса посматривая на стоявшего перед ним на коленях князя. Когда князь кончил говорить, хан сказал: «Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот, возьми!» И с этими словами он высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя Атажукина. «Ступай и объяви своему народу о моей милости»[44].

Внешним признаком зависимого положения кабардино-черкесов было то, что внутри Кабардино-Черкесии в качестве наместника постоянно находился один из сыновей крым^чого хана, считавшийся главнокомандующим вооруженными силами страны.

Турецкие султаны и их вассалы - крымские ханы - обосновывали свои права на феодальную зависимость кабардино-черкесов на народных преданиях. Свои агрессивные действия они ставили в связь с усилением влияния Московского государства на Кавказе, вследствие чего будто бы некоторые племена Западного Кавказа сами просили подданства Крыма и Турции[45]. Однако частые военные походы Турции и Крыма в Кабарду и Черкесию, равно как неоднократные обращения последних к Московскому государству о подданстве снимают вопрос о «добровольном» подданстве кабардино-черкесов Крыму и Турции. Известен факт разгрома Кабарды крымским ханом Алди-Гиреем в **1570** г., когда известный в русской истории крупный кабардинский князь «Темрюк с боя съехал ранен, а двух сынов темрюковых - Мамстрюка и Виберюка - царевич Алди-Гирей на бою взял и привел с собою в Крым»[46]. Известен и другой факт, когда в **1705** г. крымский хан с огромными войсками

предпринял безуспешный поход в Кабарду: с огромными потерями турецко-крымские войска были изгнаны кабардино-русскими войсками из пределов Северного Кавказа '[7]. Наконец, известен и тот факт, что в 1720 г. крымский хан Сеадет-Гирей по приказанию турецкого султана предпринял грандиозный поход в Кабарду и Черкесию. По словам османского историка Чемби-Заде, в продолжение двух лет он основательно пограбил и опустошил Кабарду и Черкесию[48].

Кабардино-Черкесия была подчинена султанской Турции и ее вассалам, крымским ханам, силой оружия. Многовековая вооруженная борьба Кабарды и Черке'сии за свою независимость, направленная против Турции и Крыма, является общеизвестным в истории фактом.

Наказы многочисленных кавказских посольств к московскому царю с предельной ясностью говорят об ирано-турецком засилии, результатом чего явилась неизменная ориентация кавказских народов на Россию, от которой они рассчитывали получить помощь в длительной вооруженной борьбе с ирано-турецкими захватчиками, обещая за эту помощь нести государству службу и «быть в вечном холопстве». Кахетинский царь Александр в 1586 г. через своих послов - священника Иоакима, старца Кирилла и черкеса Хуршита - просил царя Федора Ивановича защитить его от турок и принять Кахетинское царство в свое подданство. «Мы отдаем себя России,- просил русского посла в 1604 г. сын грузинского царя Александра Юрий,- пусть же Россия возьмет нас не словом, а делом; турки, персияне... силою к нам врываются, а вас зовем добровольно: придите и спасите»[49]. Аналогичные просьбы о защите от персидского шаха и турецкого султана, равно как о желании грузинских царей перейти в подданство московского царя, неоднократно повторяются в наказах последующих грузинских посольств. Грузинский царь Таймураз в 1619 г. через своего посла игумена Харитона просил московского царя защитить его царство от персидского шаха, мингрельский владетель Леван VI в 1638 г. через своего посла священника Игенева выразил желание быть вассалом московского царя. Грузинские цари Таймураз I и Александр III в 1649 г. через послов князя Ивана Саакадзе, архимандрита Пахомия и иеромонаха Василия просили московского царя принять их «иод высокую царскую руку». С аналогичной просьбой в 1657 г. к московскому царю обратились владетельные князья Тушин и Пшавов.

Не менее активно добивались покровительства и подданства Московского государства дагестанские феодалы. Дагестан подвергался в такой же мере, как и Грузия, феодальной эксплуатации и непрерывным со стороны шахской Персии разгромам и опустошениям. Шамхал Тарковский еще в 1555 г. сообщал Ивану IV, что дагестанские феодалы хотят быть дан-

пиками московского царя и «на службу государства ходить хотят с государевыми воеводами вместе». Просьба шамхала Тарковского была повторена в челобитной в 1557 г. и в наказе прибывшего в Москву в 1602 г. от дагестанских князей Андия, Сурхай-хана и Султан-Махмута посольства.

Из других северокавказских народов, на протяжении около трех столетий активно добивавшихся подданства Московского государства и вооруженной против турецких насильников помощи, были кабардинцы. Первое кабардинское посольство, прибывшее в Москву в 1552 г. в составе князей Маашука, Ивана Езбузлукова и Танашука, ставило вопрос перед Иваном IV об освобождении Кабарды от султанской Турции и ее вассала-крымского хана и о принятии кабардинцев в свое подданство[80]. Второе кабардинское посольство, прибывшее в Москву в 1554 г. в составе не менее 100 человек во главе с князем Сибоком, также било челом от всей Кабарды и Черкесии, чтобы Иван IV оказал им вооруженную против Турции и Крыма помощь и, «чтобы царь взял их со всею землею за себя, положил дань - доставлять ежегодно по 1000 аргамаков и ходить черкесским князьям на всякие государевы службы и на войну со своими лучшими людьми в количестве 20 тысяч человек». В дальнейших наказах кабардинских посольств, довольно часто прибывавших из Кабарды в Москву, вопрос о том, чтобы московский царь принял кабардинских князей «под свою царскую руку, а они готовы служить, где царь повелит, и от него будут неотступны во веки», становится центральным вопросом.

Одновременно с вопросом о принятии подданства Московского государства кабардинские князья неоднократно просили о распространении среди них христианства. С подобной просьбой, например, от имени кабардинских князей обращались к Ивану IV кабардинские послы князь Сибок в 1554 г. и Чюрак-Мурзе в 1559 г.

Существовавшие между Россией и Кабардой дружественные отношения в XV—XVIII вв. сыграли в истории сближения народов Северного Кавказа с Россией весьма важную роль, а потому они заслуживают более подробного рассмотрения. Но прежде чем перейти к рассмотрению русско-кабардинских отношений, необходимо сказать хотя бы несколько слов об отношении России к историческим судьбам восточных ханств Закавказья и Грузии, на протяжении столетий упорно добивавшихся, в силу неблагоприятных внешних политических условий, заступничества и подданства России.

К неоднократным просьбам грузинских царей об оказании им помощи против ирано-турецких насильников и о принятии их в подданство Московское государство не оставалось равнодушным. Как уже отмечалось, Московское государство часто посылало в Грузию ответные посольства и принимало все возможные в тогдашней международной политической обстановке меры к облегчению действительно тяжелого положения единоверной и дружественной Грузии.

Повышенный со стороны Московского государства интерес к политическим судьбам Грузии не был, однако, бескорыстным. Внешне завуалированный завесой оказания помощи единоверной христианской стране интерес московских князей к Грузии имел сугубо практическую основу, легко разъясняемую из посольского наказа русину Данилину, прибывшему в 1586 г. в Кахетию. Послу Данилину московский царь наказывал «проведывати дороги в грузинские земли и какова земля». Для упрочения своего влияния в Грузии Московское государство в 1587 г. через послов Родиона Биркина, Петра Пивова и Степана Полуханова привело кахетинского царя Александра к крестоцелованию, после чего Александр обязался платить московскому царю дань под названием «поминок». В следующем году московский царь отправил в Кахетию вместе с князем Звенигородским мастеров иконописного дела для поддержания в Грузии христианства, в сильной степени поколебавшегося в связи с продолжительным хозяйничанием там персидского шаха и турецкого султана.

Московское государство не уклонялось от заступничества за Грузию. Не случаен поэтому тот факт, что в продолжение XVI-XVIII вв. в русско-иранских дипломатических отношениях грузинский вопрос занимал одно из центральных мест. Из Москвы в шахский двор не раз посылались посольства специально по грузинскому вопросу. Участились посольства по тому же вопросу и из Ирана в Москву. Московское правительство через своих послов неоднократно просило шаха оставить Грузию в покое. В 1613 г. московский посол Барятинский по наказу Михаила Федоровича просил шаха прекратить свои набеги на Грузию.

Близкое участие в политических судьбах Грузии принимал и Алексей Михайлович, который в 1650 г. через гонца Спиридонова писал Аббасу II следующее: «Ныне мы известились, что ваши военачальники из Шемахи и Ганжи выступили с войсками на царя Таймураза в Грузию, наделали там много зла, побили большое число грузинцев, умертвили сына царя Таймураза, князя Давида, и выгнали из Грузии царя Таймураза с ближними его, что теперь царю Таймуразу от людей ваших чинятся обиды и раззорения». Алексей Михайлович просил шаха «не чинить насилия, обиды и раззорения царю Таймуразу и всей Грузии и повелел бы, оказывая во всех случаях уважение к Грузии, оберегать ее, так как Грузия,- заканчивал свою грамоту Алексей Михайлович,- как всем известно,- земля христианской веры греческого закона и что царь Таймураз со всем грузинским народом подданный нашего царского величества».

32 Заказ № 106

Из всей дальнейшей дипломатической переписки, происходившей между Россией и Ираном, видно, что московское правительство неоднократно ставило вопрос перед шахом об оставлении Грузии в покое и о невмешательстве в ее внутренние дела, если шаху дороги дружественные с Московским государством отношения. Персидский шах неоднократно заверял московское правительство оставить Грузию в покое и не вмешиваться в ее дела, а в 1621 г. через московского посла Коробьина сообщал, что «буде великому государю грузинские земли над обе, и я за нее не стою». Однако многократные заверения шаха об оставлении Грузии в покое не выполнялись и систематически нарушались. Наконец, шах через московского посла Спиридонова в 1650 г. сообщил, что свои набеги на Грузию он прекратит лишь в том случае, если грузинский царь Таймураз будет ему «по своему достоинству, как прочие холопи, в послушании служить». Таким образом, шах не думал прекращать свои набеги на Грузию, а чтобы парализовать всякую активность со стороны царя Таймураза, шах потребовал внука Таймураза к себе в качестве заложника.

Многочисленные посольства и оживленная дипломатическая переписка, которая велась в продолжение XVI-XVIII вв. между Россией и Ираном по грузинскому вопросу, никаких положительных для Грузии результатов не дали. Россия в XVII в. в силу территориальной разобщенности не могла быть активной на грузинской почве и оказать соответствующий отпор иранотурецким захватчикам. В XVII в. Грузия была изолирована от России весьма важным промежуточным пространством, населенным многочисленными горскими племенами, которых России еще предстояло покорить. Однако главным и непреодолимым в условиях XVI—XVII вв. препятствием к усилению русского влияния в Грузии служило Восточное Закавказье, в частности многочисленный и разноязычный Дагестан, имевший большое экономическое и стратегическое значение и находившийся под сильным влиянием шахской Персии. Дагестан лежал на очень важной торгово-стратегической магистрали, проходившей по Волге, Каспийскому морю, по территории Дагестана, через знаменитые Дербентские ворота - в ближневосточные страны. Из России в Закавказье, в частности в Грузию, можно было попасть только двумя путями: или через Дарьяльский проход, или через Дагестан. Но и тот и другой путь в XVII в. еще не принадлежал России. На Дарьяльском пути с древнейших времен сидели воинственные горские племена, а путь, проходивший через Северный Дагестан, находился в сфере влияния Ирана. В силу экономического и стратегического значения в XVII в. Дагестан делается ареной политической борьбы между Россией, Ираном и Турцией. Существовавшие между Россией и Ираном противоречия по дагестанскому вопросу в середине XVII в. привели оба государства к серьезному конфликту, в результате чего построенная на реке Сунже русская крепость была разорена шахом Аббасом, мотивировавшим свои действия тем, будто крепость построена русскими для притеснения подвластных Ирану дагестанских народов. Не ограничившись разорением русской крепости на Сунже, шах Аббас пытался даже построить свою крепость в районе реки Койсу, который считался исконной русской землей. Действия шаха Аббаса в 1674 г. были опротестованы Московским государством. «И на то великое подивление,- писало московское правительство через своего гонца Федорова,- пусть шах не велит ставить города на Койсе, чтобы от того у нас ссора не учинилась, а у подданных наших в торговых промыслах помешен и убытков не было».

И тем не менее дагестанский вопрос между Россией и Ираном в XVII в. не был разрешен.

В русско-иранских отношениях XVII в. вопрос о Восточном Закавказье занимал весьма видное место. Восточное Закавказье имело для русской торговли большое значение. Русские купцы торговали, главным образом, в столице Ширванского ханства Шемахе и других прикаспийских провинциях, в частности в Гиляне. Редко проникая во внутренние области Ирана, русские купцы все свои торговые операции в основном производили на территории Восточного Закавказья, откуда вывозили шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные ткани.

В русско-иранских отношениях XVII в. экономические интересы превалировали над политическими. Одним из основных вопросов, затрагиваемых русско-иранскими посольствами, был вопрос о притеснении русской торговли в восточных ханствах Закавказья, а иранской торговли в России. Шахский посол Русан-Бек в 1625 г. жаловался московскому правительству на притеснение иранских купцов в России и просил, чтобы «государь велел унять, чтобы торговым людям ездить было повольно и бесстрашно». В свою очередь шахским послам в Москве было заявлено, что «от шемахинского Исуп-хана и от иных воевод и приказных людей бывает и много насильства и теснота гостям государевым, подводы и кормы дают не везде».

Большое внимание в русско-иранских отношениях уделялось транзитной торговле. Россия стремилась к переключению всей торговли Востока с западными странами через Россию. Посланник Алексея Михайловича, Томас Брейн, в 1668 г. сообщил шаху о состоявшемся в том же году соглашении между Россией и Армянской торговой компанией, в силу которого армянские купцы обязаны были провозить свои товары в западные страны только через Россию. Алексей Михайлович указывал шаху на выгодность этого соглашения для Ирана и просил шаха категорически запретить армянским купцам транзит шелка через Турцию, направляя всю торговлю через Россию.

По данному вопросу между Россией и Ираном было достигнуто соглашение.

В русско-иранских отношениях XVII в. не последнее место занимал также вопрос о монополизации дорогих товаров шахской и царской казной. В 1625 г. московскому послу Тюфякину наказывалось: «И буде шахову величеству надобно московского государства которые дорогие товары дорогих лисиц и кости, рыбьи зубы и иных каких товаров надобно, и царское величество их учнет послать», с тем, однако, условием, чтобы персидский шах в свою очередь «велел государевым гостям давать шелк сырой и деланной и бархаты и атлас и камки золотные, дорогие и каменье и жемчуг и иные товары, чтобы они мимо государские казны на обе стороны ни у кого не были».

Из сказанного следует, что прерванные в эпоху татаро-монгольского владычества на Руси русско-кавказские сношения с XV в. были возобновлены и больше не прерывались вплоть до окончательного вхождения кавказских народов в состав многонационального русского государства. Инициатива сближения Кавказа с Россией принадлежала, как указывалось, кавказским феодалам, на протяжении XV-XVIII вв. упорно добивавшимся от России покровительства и помощи против ирано-турецких насильников, силой оружия подчинивших себе кавказские народы.

Первыми из закавказских народов в дипломатические сношения с Россией вошли грузины, на протяжении столетий подвергавшиеся со стороны шахской Персии и султанской Турции насилию и жестокой эксплуатации.

Из северокавказских народов тесные дипломатические сношения с Россией установили кабардинцы, подвергавшиеся не менее жестокой феодальной эксплуатации со стороны султанской Турции и ее вассала Крымского ханства.

К многочисленным обращениям кавказских народов об оказании им помощи против ирано-турецких агрессоров Россия не оставалась безучастной. Она оказывала им возможную в конкретных международных условиях XV-XVIII вв. помощь, выражавшуюся в дипломатических переговорах с Ираном о прекращении непрерывных опустошительных набегов на Кавказ, в устройстве на территории Кабарды и Дагестана военных укреплений против ирано-турецких насильников, наконец, в посылке вооруженной силы против иноземных захватчиков.

Ориентация кавказских народов на Россию, обусловленная в основном ирано-турецким засильем, завершилась, в конце концов, вступлением ведущих кавказских народов под протекторат России. Этот факт в условиях XV-XVIII вв. следует рассматривать как «наименьшее зло», так как Россия, по сравнению с шахской Персией и султанской Турцией, стояла на более высокой социально-экономической ступени развития. Шахская Персия и султанская Турция, по сравнению с Россией, являлись более отсталыми странами, находившимися, по словам К. Маркса, «на самой низкой и варварской стадии феодализма»[61]. «Правительство Персии,- пишет Малькольм,-может рассматриваться как военный деспотизм; власть шаха основывается на страхе перед ним»[52]. Иран - «странное соединение феодальной анархии и централизованной фискальной системы,- свидетельствует другой автор,- неустойчивая смесь кочевых племен и едва прикрепленных к земле хлебопашцев. Наверху - шах и его двор, внизу - крестьянская масса, в промежутке между ними - три слоя паразитов: купечество, духовенство и аристократия»[53].

В своем социально-экономическом развитии султанская Турция также не пошла дальше шахской Персии. «Народы,- свидетельствует очевидец о положении подвластных Турции народов,- которые подданы сей империи, управляются скорее с мучительством, нежели со сладостью»[5'1]. «Турецкое правление, - говорится в другом источнике,- ежели дать ему собственное название, есть система невольничества; оно представляет государство невольников, в коем нет ни одного человека свободного. Правление сего престранного государства находится в руках таких министров, которые в законах правосудия не имеют ни малейшего понятия, к сему еще прибавим неограниченную власть государей»' . Характеризуя состояние Турции в половине XVIII в., Ф. Энгельс писал: «Наступательная сила турок была сломлена уже 100 лет тому назад, оборонительная же их сила, пока еще значительная, тоже стала убывать; лучшим признаком этой возрастающей слабости были волнения и бунты, начавшиеся среди покоренных христиан, славян, румын и греков, составлявших большинство населения Балканского полуострова»[8в].

Не менее интересно высказывание К. Маркса о религиозной и национальной нетерпимости в султанской Турции. Турок во всех «различных социальных положениях,- пишет К. Маркс,— принадлежит к господствующей религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин должен при встрече уступить дорогу самому низкостоящему мусульманину»[07].

Из сказанного ясно, насколько был прав К. Маркс, когда он, оценивая общее положение султанской Турции, называл ее одряхлевшей и насквозь прогнившей Высокой Портой[98], зависимость от которой ничего хорошего не предвещала кавказским народам.

Прогрессивное значение перехода кавказских народов в подданство России заключалось прежде всего в том, что с момента фактического оформления этого важнейшего политического акта ирано-турецким набегам и опустошениям на Кавказе был положен конец. Вступление под протекторат России отсталых, феодально-раздробленных кавказских народов и племен, в своем подавляющем большинстве еще находившихся на стадии патриархально-родового строя, имело своим результатом более

интенсивное развитие производительных сил страны и расширение экономических связей Кавказа с другими странами.

III

Из всех северокавказских народов наиболее тесные отношения с Россией установили кабардинцы, которые, как было указано, ища защиты от турецко-крымского гнета, с XVI в. стали ориентироваться на Россию и добиваться подданства и ее покровительства. В прошлом кабардинский народ среди северокавказских народов и племен играл ведущую политическую роль. «Кабардинцы,- пишет один автор XVIII в.,- между всеми горскими народами, кроме дагестанцев, имеют преимущество. Все прочие народы, как то: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андийцы, осетинцы, абазинцы, бесланейцы и прочие, не только подражают оным во нравах, во всех обычаях, но отчасти от них зависели и платили им дань»[59]. Принимая во внимание большую политическую роль, которую играла Кабарда среди горцев, Московское государство, заинтересованное в распространении и укреплении своего влияния среди народов Северного Кавказа, охотно шло на сблилсение с Кабардой, при помощи которой оно рассчитывало политически укрепиться на Северном Кавказе.

Участившиеся с половины XVI в. кабардинские посольства в Москву неоднократно просили московских царей о принятии кабардинского народа в свое подданство, обещая за это «служити всякие государевы службы и к крымскому, турецкому и шевкальскому не пристанут»[60].

Одновременно с вопросом о подданстве кабардинские князья просили московских царей об устройстве на территории Кабарды военных крепостей против турецко-крымских агрессоров. Еще при Иване IV, по просьбе крупнейшего в то время кабардинского удельного князя Темрюка Идаровича, в 1563 г. Московским государством была заложена на берегу реки Терека крепость под названием Терки, разрушенная, однако, в 1571 г. по протесту турецкого султана Селима и крымского хана Девлет-Гирея. В 1577 г., по настоятельной просьбе кабардинских князей, московским воеводой Лукианом Новосильцевым крепость Терки восстанавливается, но ввиду вторичного протеста Турции и Крыма в 1580 г. она была заброшена. В 1588 г. кабардинские послы Мамстрюк Айдарович и Муртаза Куденет били челом Федору Ивановичу о возобновлении на территории Кабарды русских крепостей. Несмотря на протесты и угрозы Турции и Крыма, Федор Иванович велел построить две крепости для защиты от иноземных захватчиков «исконных холопей» Московского государства. Одна из этих крепостей была заложена на правом рукаве Терека Тюменке, при впадении его в Каспийское море, а другая - при устье реки Сунжи. Крепость, заложенная на берегу Тюменки, называлась Терским городом, а вторая, построенная при устье реки Сунжи,— Сунженским городом.

С заложением на территории Кабарды Терской и Сунженской крепостей заметно усиливается влияние Московского государства на Северном Кавказе и углубляются связи русских с іюрскими племенами. Кабардинские князья и мурзы начали служить и «прямить» Московскому государству. В крепости Терки была даже особая слобода служилых кабардинцев, командование над которыми поручено кабардинскому мурзе Сюнчелею, ездившему, кстати, в 1603 г. к Борису Годунову «бити челом, чтоб его царь пожаловал, велел ему жити в Терском городе»[81], что и было ему разрешено.

Установившиеся еще при Иване IV дипломатические сношения Кабарды с Московским государством имели своим результатом то, что в конце XVI в. Кабарда стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Федор Иванович именоваться «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей»[62].

Дипломатические сношения Московского государства с феодальной Кабардой скреплялись аманатскими и родственными связями. Известно, что в 1553-1557 гг. в Москве находились в качестве аманатов и учились русской грамоте в кремлевском дворце сыновья крупнейших кабардинских князей Сибока и Темрюка - Кудадек и Султанук, названные после крещения первый - Александром и второй - Михаилом[63]. Также известно, что из числа братьев и ближайших родственников кабардинского князя Темрюка Идаровича восемь человек после принятия христианства навсегда остались в Москве и были русскими боярами[64]. Наконец, известные в России княжеские фамилии Алегуковых, Мансуровых, Черкасских и Бековичей-Черкасских происходили из рода кабардинских князей Джамбулатовых и в качестве аманатов попали в Россию, где окончательно обрусели.

Многие из кабардинских князей, попавших в качестве аманатов в Россию, занимали видные государственные должности. Известный в русской истории потомок кабардинского ского рода Джамбулатова Александр Бекович-Черкасский, попавший в Россию в качестве аманата еще при Петре I, сделался видным государственным деятелем. Александр Бекович-Черкасский был командирован Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении из-за границы Петр I приблизил его к себе, произвел в чин капитана гвардии и лично способствовал его женитьбе на княгине Марии Борисовне Голицыной. Впоследствии Александр Бекович-Черкасский играл видную роль в сношениях России с восточными странами. В 1714 г. князь Бекович-Черкасский возглавлял хивинскую экспедицию, о которой, между прочим, К. Маркс писал, что «еще в 1717 г. этот дальновидный монарх, начертавший своим преемникам все-

возможные направления для завоеваний, отправил экспедицию против Хивы, конечно, потерпевшую неудачу»[65].

Александр Бекович-Черкасский много способствовал сближению Кабарды с Россией, а в 1714 г. он добился у кабардинских князей присяги на верность Петру I.

Широко был распространен между Россией и Кабардой обычай аманатства, первоначально считавшийся признаком особого внимания со стороны московских царей к кабардинским князьям, а в эпоху завоевания Кавказа, диалектически перейдя в свою противоположность, сделавшийся принудительным обычаем и орудием нейтрализации горской организованности против колониальной политики царизма. Со второй половины XVIII в. царизм вынуждал горцев выдавать аманатов, которые являлись заложниками и содержались в качестве военнопленных в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Екатериноградe, Ставрополе и в ряде тогдашних пограничных крепостей [66].

Меясду Московским государством и Кабардой существовали и родственные связи, устанавливаемые в политических целях. Из русской истории известно, что Иван IV вторым браком был женат на дочери кабардинского удельного князя Темрюка Идаровича, упоминаемого в последний раз в исторических документах в 1570 г.[67] Кабардинскую княжну, по словам ее родной сестры Малхоруб, жены ногайского князя Тинехмата, по-кабардински звали Гуашей [68].

Ивану IV Грозному «сказали, что один из знатнейших черкесских владетелей, Темрюк, имеет прелестную дочь. Царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить закону. Митрополит был ее восприемником от купели, дав ей христианское имя - Мария. Брак совершил 21 августа 1561 г.»[69] Английский путешественник А. Дженкинсон сообщает любопытные подробности о браке Ивана IV с Марией Темрюковной. «Его высочество,- пишет Дженкинсон,- будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец - посланник или иной - не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтобы ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего дома во время праздненств. Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной, 6-го следующего месяца сентября царь дал большой пир, к которому были приглашены все посланники и иностранцы... Я был в числе приглашенных»[70].

Мария Темрюковна умерла в 1569 г.

^ Брак Ивана IV с кабардинской княжной Марией Темрюковной для Московского государства имел большое политическое

значение. Прав был С. Броневский, когда он, давая политическую оценку этому браку, писал, что «сей поступок - был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, тюменских и таманских черкесов, которые в походах царя Ивана Васильевича на Лифляндию, Польшу и против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростию, им свойственной, много способствовали его победам»[71].

Московское государство под видом защиты тестя Ивана IV, кабардинского князя Темрюка Идаровича, закладывало на Северном Кавказе военные укрепления с вооруженным из московских ратных людей гарнизоном. Эти военные крепости сыграли весьма большую роль в деле вовлечения гребенской казачьей вольницы в сферу политического влияния Москвы и являлись первыми форпостами колониальной экспансии Московского государства на Кавказе.

Заложение Московским государством крепостей в нижнем течении рек Терека и Сунжи, в непосредственном соседстве с горскими народами, и в частности с Кабардой, вызвало решительный протест со стороны Оттоманской Порты и Крыма. Турция и Крымское ханство поняли колониальные цели Московского государства в отношении горских народов, находившихся под гнетом султанской Турции. «И мы слышали,- писал крымский хан Девлет-Гирей Ивану IV по поводу заложения крепости Терки,- что еси прислал людей тысячи две-три, да на Терке город поставил, того для промыслил еси, чтобы шевкальскую землю и черкесскую изневолить. А шевкальцы-мусульмане, а при отцех и при дедех и при дядях наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет и люди к нам ходят, в дружбе и любви ведемся. А черкесы ханскому величеству и нам подручны и тем городом хочешь ты отлучити черкесов от ханского величества и от нас ты похотел черкас отлучити. И похочешь дружбы и мир, и ты тот город вели снесть, а не похочешь, так и ты бы наших послов отпустил, и мы бы твоих отпустили. Так бы еси ведал: меж нас более ссылки не будет. Кому что ни даст бог милосердный - даст; и мы за свой сором учнем стоять»[72].

Ультиматум крымского хана Девлет-Гирея, за спиной которого стояла султанская Турция, сделался предметом специального обсуждения Боярской думы, ответившей на ультиматум отказом. «А о городе на Тереке,- говорится в решении Боярской думы,- отписати, что государь Темрюка князя пожалова, взял у него и дочь его за себя, и многие черкесы - недруги его у него досады ему делают, и царь для недругов его и город велел поставите »[73].

С признанием подданства московского царя Кабарда стала принимать активное участие в предпринимаемых Московским

государством военных походах. Кабардинцы принимали активное участие в рядах русских войск при завоевании в 1556 г. черноморских городов Темрюка и Тамани. Они под командой князя Вишневецкого составляли головной отряд армии Московского государства [74].

Не менее интересно отметить участие кабардинцев в Ливонском походе Ивана IV. «В ноябре 1557 г.,- пишет Соловьев,- выступило в поход к ливонским границам сорокотысячное войско под начальством царя Шиг-Гирея и воевод - князя Михаила Васильевича Глинского, царицына брата Данила Романовича и других; подле русских полков шли татары, чермисы, мордва, черкесы пятигорские»[75]. В следующем, 1558 г. кабардинцы отличались при взятии города Мильтена и при осаде Дерпта, под которым они в рядах русских войск разбили немецкую конницу, попытавшуюся сделать вылазку из города[76].

Феодальная Кабарда, игравшая на Северном Кавказе ведущую политическую роль, после своего вступления под протекторат России, много способствовала внедрению в горские общества русского влияния. Некоторые из кабардинских князей агитировали среди кабардинцев и других горских племен за переход в подданство России. После избрания Михаила Федоровича на царство в 1613 г. один из влиятельнейших кабардинских князей, Сюнчелей Янгалычев, разослал по Кабарде и Дагестану воззвание, обращенное к князьям и мурзам, с призывом, по примеру Кабарды, перейти в подданство России. В результате этого воззвания кабардинские и кумыкские князья «Гирей с братьею, Алибек - князь Казикумухский, Сурхай — князь Карабулацкий, Машет-Хан-Мурза с братьею, тарковские и иные кумыкские князи с узденями, Солох - князь кабардинский, Казы-Мурза Шепшуков, Айтек-Мурза Алкасов и Мудар-Мурза с узденями по своей вере принесли присягу, шертвовали и государю служат и прямят»[77]. Благодаря энергичным стараниям князя Сюнчелея горские племена Северного Кавказа, следуя примеру Кабарды, от которой они находились в полной или частичной феодальной зависимости, также стали ориентироваться на Россию.

В тяжелый для России момент, когда турецкие, иранские и польские интервенты хотели расчленить ее на отдельные куски, кабардинцы оставались верными России и оказывали ей посильную помощь в борьбе с иноземными захватчиками. В начале XVII в. кабардинцы вместе с русским народом приняли активное участие в борьбе с польскими интервентами. Участие кабардинцев в изгнании польских интервентов из России является неразработанным вопросом, а потому он заслуживает более подробного рассмотрения.

Московские события для кабардинских князей были настолько неожиданны, что они не сразу в них могли разобраться. Когда московским престолом завладел первый самозванец, то кабардинский мурза, внук Темрюка Идаровича и крупный для своего

времени политический деятель Сюнчелей Янгалычев в сопровождении десяти кабардинских узденей: окуцкого Мурзы Ватой Шихмурзина с шестью товарищами, двух черкесов и одного терского новокрещенного Максимки, 12 ноября 1605 г. поехали в Москву, чтобы разобраться в московских событиях. Сюнчелей за время своего пребывания в Москве лично познакомился с Лжедмитрием I.

Когда в 1606 г. на московский престол вступил Василий Шуйский, кабардинские князья не замедлили послать уполномоченного засвидетельствовать новому царю свою преданность. Но кабардинский посол Кардан до Москвы не доехал. Он был схвачен казаками под Тулой и отправлен в Тушино, откуда потом, по распоряжению воеводы Прокопия Ляпунова, отправлен в Казань, где прожил более трех лет. По вступлении Михаила Федоровича Романова на царство, воевода Иван Михайлович Воротынский отправил Кардана в Москву, где он с большими почестями был принят новым царем. В сентябре 1615 г. Кардан с царской грамотой на имя кабардинских князей выехал обратно в Кабарду.

Отношение кабардинцев к польским интервентам было резко отрицательное. Когда Иван Дмитриевич Заруцкий и вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек осенью 1613 г. прибыли в Астрахань для поднятия астраханских, волжских, терских и яицких казаков и горских народов против Москвы, кабардинский мурза Сюнчелей Янгалычев, командовавший кабардинскими ратными людьми и терско-гребенскими казаками и служилыми кабардинцами, посоветовавшись с воеводой Петром Головиным, решил отправиться к Ивану Заруцкому и Марине Мнишек, чтобы убедиться лично, действительно ли именующий себя супругом Мнишек есть Лжедмитрий I, с которым он был знаком. «Из Терки-де и в Астрахань к вору Заруцкому приезжал Сюнчелей горской окочены, и жил-де и у вора с неделью да поехал на Терек, а для чего приезжал, того не ведомо»[78]. Сюнчелей Янгалычев пробыл у Заруцкого неделю. О чем говорил Заруцкий с Сюнчелем и что он ему ответил, к сожалению, неизвестно. Но зато известно, что Сюнчелей по возвращении в Терки настаивал перед терским воеводой Петром Головиным об отправке против Заруцкого и Марины Мнишек вооруженной силы. А когда Иван Заруцкий потребовал к себе воеводу Петра Головина для наказания за неисполнение приказания выслать ему ратных людей, кабардинские служилые люди, которыми командовал Сюнчелей, ответили ему: «Али вы хотите сделать то же с Петром, что сделали с князем Хворостининым? Не быть нам с вами в воровском совете»[79]. Для Заруцкого стало ясно, что рассчитывать со стороны терско-гребенских казаков и служилых кабардинцев на поддержку и помощь не приходится. Но несмотря на это, он в 1614 г. сделал еще одну попытку поднять терско-гребенских казаков и кабардинцев против Москвы. В 1614 г. он

послал в Большую Кабарду Михалку Черного, поручив ему поднять кабардинцев и казаков против Москвы. Михалка Черный на сухой борозде, в 20 верстах от крепости Терки, был схвачен кабардинцами и приведен к терскому воеводе Петру Головину, который «с миром того Михалка на пытке пытал», после чего тот выдал планы Заруцкого. Михалка Черный заявил, что Заруцкий «на велик день хочет быть на Терек, Петра Головина и многих людей казнить, а его, Михалка, послал поднять кабардинских князей и черкес итти на Русь войною»[80].

Получив эти важные сведения от Михалки Черного о планах Заруцкого, терский воевода Головин и мурза Сюнчелей под командой стрелецкого головы Василия Хохлова отправили против Заруцкого и Марины Мнишек вооруженный отряд из 500 казаков и кабардинцев. Василий Хохлов во главе казачье-кабардинского отряда «стал над ворами поиск чинить», а когда подошел к Самаре, дал знать о своем прибытии воеводе князю Дмитрию Пожарскому[81]. Терско-гребенские казаки и кабардинцы, преследуя отряды Заруцкого и Марины Мнишек, не раз одерживали над ними победу. В одном крупном сражении на берегу Каспийского моря казаки и кабардинцы многих «живыми поймали, а иных в воде потопили и гонялись за ними целый день»[82]. В этом бою терские казаки и кабардинцы захватили в плен тетку Марины Мнишек - Варвару Казановскую, ее слугу Ивашку Попруцкого и католического попа Антона и свыше 160 человек из разгромленного отряда Заруцкого и Марины Мнишек.

Кабардинцы честно выполнили свою присягу, данную ими в 1614 г. Михаилу Федоровичу в присутствии боярского сына Смагина. Кабардинские князья поклялись «служити великому князю Михаилу Федоровичу до своего живота и быть под его высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным», обещая «с вором Ивашкой Заруцким и с Маринкой и с сыном ее ни на какое дурно не ссылатись и хотя они учнут нам присылать и наговаривать на которое дурно - и нам того не слушать, а где будет наша мочь,- и нам над ними и над воры, которые государю непослушны, промышляти... и везде над ними поиск чинить »[83].

Свою преданность Московскому государству кабардинские князья вновь подтвердили в челобитной от 10 июня 1614 г., в которой между прочим писали, что они «с уздени своими и с черкесы и с окоцкими людьми и с новокрещены служат государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси на Терке всякие государевы терские и кумыцкие и кабардинские службы, и на заставах на отъезжих караулах стоят с городовыми людьми вместе»[84].

Кабардинцы в период польской интервенции были на стороне Московского государства и совместно с русскими войсками не раз сражались с отрядами Заруцкого и Марины Мнишек.

Московское государство, в свою очередь, покровительствовало кабардинским князьям и оказывало им всевозможную в условиях международной политической обстановки XVI-XVII вв. помощь, выражающуюся в дипломатической переписке по кабардинскому вопросу с Турцией и Крымом, в устройстве на территории Кабарды военных крепостей против турецких захватчиков и в предоставлении экономических льгот и ограждении политических прав местных князей.

Всесторонняя помощь Московского государства кабардинским князьям, особенно усилившаяся при Иване IV, не прекращалась и при его преемниках. После смерти кабардинского князя Темрюка потомок последнего, князь Янсох, обратился к московскому царю о назначении его князем над всей кабардинской землей. Просьба Янсоха была удовлетворена московским царем, снабдившим его грамотой за золотой печатью[86].

После очищения Москвы от польских интервентов, в изгнании которых кабардинцы, как было сказано, принимали активное участие, царь Михаил Федорович послал кабардинским князьям Солоху и Сюнчелею благодарственные грамоты. Сюнчелею за то, что он «в смутное время ни к какому нашему недругу не пристал и воровской смуте Ивашки Заруцкого не поверил»[87], было обещано царское жалование, а через короткое время из Москвы в Терки прибыл дворянин Д. С. Погожев с «государевым жалованным словом и с жалованьем золотыми». В Терках в присутствии местного воеводы Головина, Сюнчелея и других кабардинских и кумыкских князей, собравшихся в «съезжей избе», Погожев сказал от имени царя Михаила Федоровича: «А ты бы, воевода, князь Петр Петрович и Сюнчелей Янгалычев... как есте начали нам, великому государю, служить, так бы и содержали нам служили и прямили и над вором Ивашкой Заруцким и над Маринкой с сыном промышляли неослабно, сколько вам милосердный Бог подаст. И ты, Сюнчелей Янгалычев, был под нашею царскою высокою рукою навеки неотступным. А мы, великий государь, вас учнем жаловати и держати в нашем царском жалованьи свыше прежнего и учнем к вам присылать с нашим жалованьем ежегодно беспереводно... наша царская милость будет к вам непеременна»[87]. В следующем, 1615 г. Мурза Сюнчалей был награжден грамотой Михаила Федоровича «княжьим именем да быть над окочены надо всеми и над черкасы, которые великому государю служат на Терке, князем»[88].

В конце 1615 г. кабардинские князья Сюнчелей, Куденет и Шегенук ездили в Москву, чтобы лично выразить царю Михаилу Федоровичу свою преданность, а 6 января 1616 г. они были

приняты царем во дворцовой палате. Князь Куденет в своем слове, от имени кабардинских князей, обращенном к царю, сказал: «Дай, господи, ты великий государь наш:, здрав был... чтоб вам, великому государю, подаровал бог счастливое пребывание и надо всеми вашими недругами победу и одоление и чтобы на всех ваших недругов ваша царская сабля, а мы, холопи твои, против вашего царского величества недругов, где ваше царское повеление ни будет, везде до смерти живота своего служити готовы»[89]. Михаил Федорович, поблагодарив кабардинских князей Сюнчелея, Куденета и Шегенука за преданность и за трех чистокровных кабардинских аргамаков, привезенных ему в подарок, велел дьяку Петру Третьякову держать ответное слово: «Куденет, Сюнчелей, Шегенук писали к нашему царскому величеству с Терки воеводы, как... учинилися великим государем, а вы тому обрадовались... учинились под нашею царскою рукою и шерть дали быть навеки неотступными. Да ты же, Сюнчелей князь, советовав с нашими терскими воеводами, посылал наших ратных людей под нашу отчину Астрахань на воров Ивашки Заруцкого с товарищи и твоею службою наша отчина, царство Астраханское, от воровские смуты очистилась»[90]. Кабардинские князья вернулись на родину с богатыми подарками и рассказывали своим сородичам о большом к ним внимании со стороны московского царя, обещавшего «держать их в призрении и ото всех недругов в обороне и защищении свыше прежнего»[91].

В начале второй четверти XVII в. кабардинский князь Пшимахо Казбулатович Черкасский от имени кабардинских князей отправил в Москву гонца Мурзу Битемрукова просить Михаила Федоровича прислать в Кабарду специалистов для исследования обнаруженной на кабардинской земле серебряной и медной руд. Заинтересовавшись предложением кабардинских князей, царь приказал отправить в Кабарду «немецкого рудознатца и золотознатца именем Самуила Фрича, и с ним вместе лозохотца или рудокопца Ивана Геральда»[92].

Экспедиция прибыла в Кабарду 21 августа 1628 г. Руководство экспедицией было возложено на терских воевод, князей Ивана Александровича Дашкова и Богдана Герасимовича Приклонского, которые несли ответственность за экспедицию перед московским правительством.

Экспедиция вернулась в Москву в 1629 г. Результаты ее были доложены Михаилу Федоровичу, который повелел разработать подробный план эксплуатации горнорудных богатств Кабарды.

Установившиеся между Московским государством и кабардинскими князьями дружественные отношения не нарушались и при приемниках Михаила Федоровича. В конце 1674 г. кабардинский князь Каспулат переселился в Малую Кабарду, где за ним Алексеем Михайловичем были закреплены в по-

жизненную собственность большие участки земли. Кроме того, царь Федор Алексеевич пожаловал князя Каспулата монопольным правом на доходы с Терской таможни и приказал, «чтобы воеводам в тот сбор не вступаться»[93].

В XVIII в. русско-кабардинские отношения получили более широкое развитие. Но в то же время кабардинский вопрос между Россией и Турцией стал еще острее. В 1732 г. между Россией и Турцией встал вопрос о том, кому из названных двух держав должна принадлежать Кабарда. Россия не признавала никаких прав за Турцией и Крымом; в свою очередь и Турция не признавала никаких преимуществ за Рос'сией на обладание Кабардой. В русских политических кругах существовало твердое решение - не уступать Кабарды ни Крыму, ни Турции, тем более, что она в то время играла весьма важную стратегическую роль. «Кабарды уступать нельзя,- писал русский посланник в Константинополь Неплюев Елизавете Петровне,- и этим отворить дверь татарам в Дагестан».

Между Россией и Турцией кабардинский вопрос не был разрешен мирным путем. Он разрешился только после русско-турецкой войны (1735-1739). По Белградскому мирному трактату, заключенному между Россией и Турцией 18 сентября 1739 г., за Кабардой были признаны суверенные права. В шестом артикуле названного трактата о Кабарде было записано: «Обоих Кабардах, т. е. Большой и Малой, кабардинском народе с обеих сторон соглашалось, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одного ни другого империя, но токмо за бариеру между обоими империями служить имеют и что и от татарам во оные не вступаться и оных не обеспекоивать, такожде и от Всероссийской империи оные в покое оставлены будут. Но что однакоже, по древнему обыкновению, браны будут во Всероссийскую империю от тех кабардинцев для спокойного их пребывания аманаты, и Оттоманской Порте також позволяется, для такой же причины, брать от них таких же аманатов. А ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»[94].

По смыслу Белградского трактата Кабарда считалась «независимой», но эта «независимость» для нее оказалась фикцией: как у России, так и у Турции в отношении Кабарды руки оставались развязанными.

Несмотря на то что Белградский трактат формально декларировал «суверенитет» Кабарды, на деле оказался фикцией и питательной почвой для международных политических интриг, тем не менее во внутренней истории Кабарды он сыграл известную положительную роль. Он дал Кабарде возможность укрепить и расширить свое политическое влияние среди соседних горских племен. Правда, многие из горских племен и до этого трактата находились в полной или частичной зависимости от

кабардинских феодалов, но трактат формальным признанием Кабарды «суверенной» как бы санкционировал за нею свободу действий в отношении этих племен. После заключения Белградского трактата началась усиленная колонизация предгорной равнины кабардинскими феодалами, поместья которых простирались на юго-востоке до устьев осетинских ущелий [95]. Вся предгорная равнина со всеми выходами из ущелий Центрального Кавказа была занята кабардинскими поселками, принадлежавшими кабардинским феодалам Таусултанову и Гилякстанову и их многочисленным вассалам.

Монопольное владение кабардинскими феодалами предгорной равниной и пролегавшими по ней торговыми путями, которые соединяли нагорную полосу с предгорьем и русскими пограничными крепостями, ставило горцев Центрального Кавказа в экономическую и политическую зависимость от кабардинских князей. Феодальный гнет кабардинских князей среди горцев обусловил ориентацию на Россию наиболее угнетенных племен, рассчитывавших при ее помощи освободиться от этого гнета. В 1749 г. осетины отправили в Петербург первое посольство, которое просило Елизавету Петровну разрешить осетинам переселиться из нагорья на предгорную равнину и защитить их на новых местах от произвола кабардинских феодалов [9в]. Аналогичные просьбы поступали к начальникам Кавказской военной линии и от других горских племен, находившихся под гнетом кабардинских феодалов.

В результате Белградского трактата 1739 г. росло экономическое и политическое влияние Кабарды среди горских народов Северного Кавказа. Но существование Кабарды как страны формально независимой, имевшей сильное влияние на горские племена, в непосредственном соседстве для России политически было невыгодно. Поэтому все стремления дальнейшей политики России на Северном Кавказе по отношению к Кабарде как самой сильной и богатой в то время стране сосредоточивались на аннулировании Белградского трактата. Россия добилась поставленной цели после русско-турецкой войны 1768 г., законченной Кучук-Кайнарджийским мирным договором 1774 г., по 21-му артикулу которого «Большая и Малая Кабарды осталися в точном подданстве ее императорского величества» [97].

Из сказанного видно, что время возникновения оживленных сношений между Московским государством и кабардинскими князьями уходит в глубь веков, а с середины XVI в. эти сношения приняли систематический характер. Основным стимулом ориентации Кабарды на Московское государство следует считать жестокую феодальную эксплуатацию, которой она подвергалась на протяжении столетий со стороны султанской Турции и ее вассала Крымского ханства. В 1588 г. Кабарда формально стала считаться вотчиной Московского государства, а

московский царь Федор Иванович титуловаться государем Грузинской и Кабардинской земель.

В период польской интервенции Кабарда оставалась верной Московскому государству и вместе с русскими войсками принимала активное участие в изгнании из русской земли польских интервентов. В свою очередь сильное и могущественное Московское государство неизменно защищало Кабарду от внешних врагов - Турции и Крыма, стремившихся поработить кабардинцев.

Белградским мирным трактатом 1739 г. Кабарда была признана между Россией и Турцией'«суверенной». Формальное признание Кабарды «независимой» способствовало усилению ее экономического и политического влияния в горских обществах Северного Кавказа. По Кучук-Кайнарджийскому трактату 1774 г. Кабарда была присоединена к России.

IV

Точно установить время образования русской оседлости в непосредственном соседстве с горцами Северного Кавказа, за полным отсутствием достоверных данных, не представляется возможным. Несомненно, что русский элемент в лице терско-гребенских казаков в низовьях рек Терека и Сунжи появился довольно рано и во всяком случае, судя по имеющимся письменным источникам, не позднее середины XVI столетия. Причины переселения русского крестьянства на Северный Кавказ нужно искать в усилении централизованной власти в Московском государстве, сопровождавшемся лишением политических прав крестьянского населения, увеличении податей, ложившихся всей своей тяжестью на крестьян, и начавшемся закрепощении крестьянства. Недовольные складывавшимися новыми порядками искали вольной жизни за пределами Московского государства. Эти-то недовольные беглые крестьяне и заложили основу казачьей вольницы в нижнем течении реки Терека.

По вопросу о происхождении терско-гребенских казаков в науке существует две точки зрения, одна из которых принадлежит историку гребенского казачества И. Попко, выводящему гребенских казаков из Червленого Яра, Рязанского княжества. Другая точка зрения, связывающая гребенцов с донскими казаками, разделяется многими авторами, в том числе Татищевым, Карамзиным, Соловьевым, Броневским, Красновым и Бентковским, считающими гребенских казаков выходцами с Дона и ничего общего не имеющими по своему происхождению с рязанцами. «Гребенские казаки,- пишет Бентковский,— не происходят от рязанских, никогда не обитавших в районе, известном в истории под названием Червленого Яра. Они происходят от донских казаков, живших в XVI в. между реками Донцом и

33 Заказ № 106

Калитвою у Гребенских гор»[99]. На ныне занимаемые гребенскими казаками места, по мнению названного автора, они перешли не ранее 1582 г. Среди терских и гребенских казаков сохранилось предание, подтверждающее происхождение гребенских казаков от донских. Были на Руси, по словам этого предания, три богатыря: Ермак, Кольцо и еще третий, имя которого предание не упоминает. Стало на Руси жить тесно. Три богатыря пошли искать для себя привольные места. Поплыли по Дону на юг, а потом на восток. Понравились богатырям Донские степи. Пошли далее на восток к берегам Каспийского моря. Спустились на юг к реке, весьма богатой всякой рыбой. Тут же, на поверхности земли, соль. Привольные, почти безлюдные просторы. Только изредка попадались им немногочисленные татарские юрты. Понравились им и эти места. Три богатыря бросили жребий: атаману Кольцо достался Дон, Терек - Ермаку, а третьему богатырю — Енисей. Ермак стал собирать всех недовольных из России и татар[99].

Приведенное казачье предание, вопреки точке зрения И. Попко, о колонизации Притеречья рязано-новгородскими повольниками и ушкуйниками, спустившимися якобы по волжской водной магистрали, говорит, что колонизационная волна казачества шла не с севера, с Придонья, на восток, этнически увязывая, таким образом, гребенских казаков с донскими.

Выбор гребенским казачеством новых мест для поселения по нижнему течению рек Терека и Сунжи не был случайным. Новые места, облюбованные гребенцами для поселения по нижнему течению Терека и Сунжи, вполне отвечали хозяйственным и стратегическим целям. Течение многоводной реки Терека обеспечивало гребенским казакам свободное сообщение с горцами Центрального Кавказа, с Каспийским морем и волжской водной магистралью. Следует также отметить, что по территории гребенских казаков, по Волге и юго-западному берегу Каспия пролегал важнейший в то время караванный путь, по которому шла через Дербент вся торговля прикаспийских стран-Средней Азии, Ирана и Шемахи с народами, населявшими бассейны рек Терека и Кубани, и далее, через Керченский пролив - с Крымом. Захватив эту важнейшую торговую артерию, проходившую по Северо-Кавказской равнине и соединявшую Каспийское море с Черным, гребенские казаки имели возможность собирать с провозимых по этому пути товаров дорожные пошлины. Само по себе нижнее течение Терека своими девственными лесами, плодородной почвой и обширными пастбищами, многоводными, богатыми рыбой, реками и наличием минеральных источников и соленных озер обещало казачеству большие экономические перспективы.

Гребенские казаки заняли широкую плодородную долину, заключенную между Сунжей и Тереком и известную горцам Северо-Восточного Кавказа под названием Алхан-Чурт.

Ближайшими соседями гребенских казаков были горцы Северо-Восточного Кавказа и кумыки, территория которых непосредственно примыкала к правому берегу реки Терека.

Гребенское казачество в момент его оседания на берегах Терека и Сунжи количественно было незначительно. Но в дальнейшем оно увеличивалось за счет беглых русских и горских крестьян, в поисках вольной жизни покидавших навсегда родные места. Наиболее угнетенные и эксплуатируемые русские и горские крестьяне, покидая свои семьи, уходили к гребенским казакам.

Желавшего вступить в гребенскую казачью вольницу «никто не спрашивал, какого он рода и племени, откуда появился, какую исповедует веру,- и православные христиане уживались рядом с христианами-католиками, с магометанами и даже с идолопоклонниками »[10°].

На первых порах своего оседания на Северном Кавказе гребенское казачество ревниво оберегало свои внутренние порядки и политическую независимость от Москвы. Среди казаков существовала поговорка: «Живите, братцы, так, чтоб Москва поменьше про вас знала»[101]. Несмотря на это, Московское государство, имевшее уже в середине XVI в. свои крепости на Северном Кавказе с гарнизоном из московских ратных людей, было прекрасно информировано терскими воеводами о настроении гребенского казачества.

В казачестве одной из мер противодействия экспансии Московского государства и сохранения своей политической независимости от Москвы гребенские казаки почти одновременно с заложением Иваном IV крепости Терки построили у самой дельты Терека свою крепость под названием Трехстенной, которая, однако, в августе 1568 г. была затоплена. Гарнизон крепости с ее населением переселился в крепость Тюмень, построенную Московским государством на берегу реки Копай. Непосредственное соседство гребенских казаков с гарнизоном Терской крепости, сильное влияние на казаков терского воеводы привели к тому, что в 1668 г. гребенские казаки, потеряв свою политическую независимость, были включены в состав гарнизона Терского воеводства и, получая «государево жалованье», стали служить московскому царю.

С первых же дней оседания гребенских казаков на берегах Терека и Сунжи между русскими переселенцами и горскими племенами Северного Кавказа установились дружественные деловые отношения. Они не нарушались до начала агрессивных в отношении горских народов действий царизма, который в колониальных целях усиленно насаждал в казачье-горской среде разлад, взаимное недоверие, национальную и племенную вражду и ненависть.

Кабардинские КНЯЗЬЯ обрадовались появлению гребенских казаков на берегах Терека и даже рассчитывали при помощи

гребенцов освободиться от ременной плети Оттоманской Порты и ее вассала - Крымского ханства.

Не менее радушно гребенские казаки были встречены горцами Северо-Восточного Кавказа. Гребенские казаки «приняли под свою охрану горские общества Гуной, Курчалой и Центорой, от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных»[102].

Горские предания сохранили любопытные сведения о совместной мирной жизни гребенских казаков и горцев. Предания говорят, что «в то время, когда жили еще в глубине Ичкерии и Черных гор, русский сделался отцом страны, что русская телега взошла на горы и что русская марушка (женщина) ходила одна по Лысым и Черным горам»[103].

За признанием власти Московского государства в гребенской казачьей вольнице происходили новые социальные сдвиги, ускорявшие процесс классовой дифференциации. Насаждалась казачья эксплуататорская верхушка, а вместе с нею нарождались эксплуатируемые и, следовательно, недовольные новыми порядками люди, предпочитавшие классовым отношениям прежнюю вольную жизнь. Люди, не довольные складывающимися в казачьей среде классовыми отношениями, убегали к кумыкам и другим демократическим племенам, среди которых всегда находили защиту и радушный прием. Эксплуатируемые казачьи элементы, убегавшие в Дагестан, живя годами среди горских племен, забывали свою религию и становились врагами таких порядков, которые позволяли небольшой кучке эксплуататоров угнетать массу непосредственных производителей.

Одним из основных видов связей русских казаков с горскими племенами следует считать существовавшие между ними оживленные торговые сношения. Кумыкская равнина и Кабарда для казачьего населения и всего Притеречного района служили житницей. В Притеречные казачьи районы основная масса пшеницы вывозилась из Кабарды и Дагестана... «А на Терке-де покупают пуд пшеницы по гривне,- писал князь Дм. Пожарский казанским воеводам Воротынскому и Ушатому от 30 марта 1614 г.,- а идет-де на Терек пшеница из Кабарды и из Кумык»[104].

Между русскими казаками и горцами происходила оживленная меновая торговля. Горцы Западного Кавказа через меновые дворы сбывали казакам в большом количестве строевой лес, лубок, который называли «кожей дерева», черную нефть, медицинских пиявок, алебастр, кожу, меха, лошадей, рогатый скот, хлеб, сало, масло, мед, воск, бурки, горскую одежду, циновки и различные деревянные изделия домашнего обихода. В обмен на это они получали от казаков соль, бумажные и шелковые ткани невысокого качества, шелк-сырец, канитель для художественной вышивки, холст, разноцветный сафьян, войлоки, посуду, сундуки и мыло. Казаки и горцы часто встречались на ярмарках,

которые систематически устраивались в казачьих станицах, нередко — и в горских аулах.

Не менее оживленная меновая торговля происходила между гребенскими казаками и горцами Северо-Восточного Кавказа. Здесь так же, как и на Западном Кавказе, особенно большой спрос со стороны горцев, занимавшихся скотоводством, был на соль, фрукты, овощи, рыбу и холст кустарного производства. Казаки в обмен на эти товары получали от горцев лошадей, мелкий и крупный рогатый скот, чекмени, бурки, башлыки, а главным образом горские двухколесные арбы и арбные колеса, которые не умели сами выделывать, ощущая в них в то же время острую потребность. На арбные колеса горского производства со стороны казаков был такой большой спрос, что местные власти обложили их высокой пошлиной. В 1771 г. казаки подали ходатайство в Сенат об освобождении вывозимых из горских районов колес от таможенных пошлин. Ходатайство казаков Сенат отклонил, мотивируя отказ тем, что он «не находит прямых причин, для которых бы необходимо должно было сделанное доныне о взятье пошлин при вымене казаками у татар арбных колес таможенное положение уничтожить... и через то подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»[105].

Горские народы и казаки в совместной жизни не могли не влиять друг на друга и в культурном отношении. Известно, что гребенские казаки садоводству, виноделию *$1* шелководству научились у кумыков, с незапамятных времен занимавшихся этими отраслями хозяйства на богатой Кумыкской равнине. Свою современную одежду, ничем не отличающуюся от горской, русские казаки еще в первом поколении позаимствовали у горцев. Неудобные и неприспособленные для верховой езды казацкие жупаны постепенно были вытеснены легкими и удобными горскими черкесками.

С кавказской одеждой гребенские казаки позаимствовали у горцев и военное снаряжение. Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики они сменили на горский кинжал и шашку в тонких сафьяновых ножнах. С одеждой и снаряжением терско-гребенские казаки «усвоили военное воспитание адыгов, их игры и скачки, боевую гимнастику, выправку и все приемы и тудефорсы блестящего адыгейского наездничества»[106].

Русский писатель Марлинский (Бестужев), сосланный по делу декабристов на Кавказ, на основании личных наблюдений в повести «Аммалат-бек» писал, что гребенские «казаки... отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, сбруя ухватка - все горское... Почти все они говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам».

Влияние горских народов отразилось и в домашнем быту гребенских и терских казаков. По словам историка гребенского

казачества И. Попко, гребенские казаки переняли у горцев «внутреннее убранство домов; в одном углу - оружие и доспехи, развешанные по стене, в другом - постели и одеяла, сложенные правильными кипами, а на самом видном месте, по полочкам - посуда, тщательно вычищенная и парадно расставленная»[107].

Общеизвестно далее, что гребенские казаки позаимствовали у горцев «поворотливую двухколесную арбу и рабочую езду на быках, а конь остался только для седла»[108].

В результате длительной совместной жизни, горцы усваивали русский язык, а казаки — горские языки. В 1628 г., когда Московское государство отправило в Кабарду упомянутую выше геолого-разведочную экспедицию во главе с Самуилом Фричем и Иоганом Геральдом, в составе экспедиции в качестве проводников и переводчиков находились гребенские казаки, «знакомые с местностью, знавшие туземные языки, умевшие примениться к чуждым обычаям и нравам»[109]. История казачье-горских отношений XVIII в. убедительно показывает, что знание горских языков, в особенности кабардинского, считавшегося на Северном Кавказе «международным», среди русских казаков сделалось массовым явлением. Все научные и военные экспедиции, отправляемые царизмом в различные районы горских народов, дипломатические и прочие переговоры с горцами царизм осуществлял при посредстве гребенских казаков, прекрасно знавших горские нравы, обычаи и свободно владевших местными языками.

В XIX в. в период завоевания Западного Кавказа особое внимание школьного начальства было обращено на черкесский язык. Изучение этого языка для казачьей молодежи, поставленной в весьма близкие сношения с горцами, было признано необходимым, а потому он включался в программу гимнастического курса в качестве обязательного для казаков предмета[110].

Влияние культуры горских народов нашло свое отражение не только в материальной, но и в духовной сфере терских и гребенских казаков. Любопытно в этом отношении отметить отражение горской культуры в народном эпосе гребенского казачества. Народные сказки, легенды, поговорки и предания, весьма распространенные среди гребенских и терских казаков, судя по композиции, юмору и остроумию, как правильно подметил Немирович-Данченко, первоначально возникли у горцев Северо-Восточного Кавказа[111].

Трехсотлетняя совместная жизнь гребенских казаков с горцами не могла далее не отразиться также и на антропологическом типе гребенского казака, тем более, что в момент оседания казаков на Северном Кавказе среди них совершенно отсутствовал женский элемент, в силу чего они вынуждены были вступать в родственные связи с горцами. «Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. Она сообщила гребенцу... живые черты южного аборигена, а сама

заимствовала от него рост и мускульную силу и мужественный характер русской женщины»[112].

Старые гребенские казаки из Червленой и других станиц даже до сих пор еще хорошо помнят фамилии своих далеких предков и ведут свою родословную от горских фамилий Беллотоевской, Варандоевской, Ахшпадоевской, Гуноевской и других[113].

Смешанный антропологический тип казака бывшей Терской области был подмечен в свое время и доктором Гильченко, который в своем докладе на заседании Антропологического общества при СП-бургском университете констатировал следующее: «Современное казачье население Терской области не представляет собой какой-либо однородной племенной группы. Оно крайне разнообразно даже в отдельных кругах. В состав их вошли разнородные элементы... Вследствие недостатка русских женщин казаки брали себе жен у соседей-туземцев - кабардинцев, кумыков и ближайших своих соседей. Эти браки составляли в стародавние времена самое заурядное явление, и путем смешения образовался особый могучий тип гребенского казака и казачки, остатки которого и по сей час встречаются изредка. Поразительная фактическая красота и крепость этого типа общеизвестна. В течение более чем 300-летней жизни среди различных кавказских племен происходила постоянная метизация путем браков и путем совместной вековой жизни. Сплошь и рядом среди казаков часто попадается тип красавца-горца»[114].

Было бы неправильно думать, что сложившиеся в стародавние времена дружественные отношения между русскими казаками и горцами с началом колониальной политики царизма испортились окончательно. Несмотря на все усилия и старания самодержавного правительства, ему не удавалось все-таки полностью расколоть классовый союз русских солдат, низовых казаков и горского трудового крестьянства. В самый разгар борьбы кавказских горцев за свою независимость симпатии русских солдат и низовых казаков были на стороне горского трудового крестьянства, отстаивавшего свою независимость. О сочувственном отношении русских солдат к освободительной борьбе горских народов говорит между прочим факт массового их перехода на сторону горцев и совместной их борьбы против царизма. В 1842 г. в сел. Ахвах, в Дагестане, русский солдат, перешедший на сторону горцев, рассказывал пленным русским офицерам подп. Снаксареву, кн. Орбелиани и другим, что «партия беглых русских солдат, простирающаяся до 100 человек, с барабанным боем и песнями проходит из деревни в деревню, прославляя щедроту и гостеприимство Шамиля, который приказал деревенским старшинам удовлетворять все их требования и угощать за счет жителей»[116].

[11] Многие из русских солдат, перешедших на сторону горцев, принимали мусульманство, а некоторые становились даже мюридами Шамиля. Сохранился любопытный рассказ солдата пленным офицерам царской армии, в котором рассказчик сообщил, что он «из христианина сделался не только мусульманином, но даже мюридом, не умолчав о своей преданности Шамилю»[117]. Солдат закончил свой рассказ советом последовать пленным офицерам его примеру и перейти на сторону горцев.

Русские солдаты, переходившие на сторону горцев, оказывали им весьма существенную помощь не только и не столько тем, что пополняли ряды горцев квалифицированными бойцами, а, главным образом, тем, что среди солдат находились очень хорошие специалисты по технике военного искусства, в которых горцы ощущали столь острую потребность. При помощи перешедших на сторону горцев русских солдат Шамиль с 1843 г. начал отливать собственные пушки, называемые «казачьими». На каждой из отливаемых пушек ставилось клеймо с именем «Шамуиль». Шамилю при помощи русских солдат удалось устроить специальный завод, где отливались ядра, причем на одной из сторон каждого ставилось также клеймо с именем Шамиля, а на другой - стих из Корана: «Да возвеличит и возвысит его Бог еще больше». В местечке Ведено был устроен пороховой завод, на котором работали русские солдаты. Кроме того, они изготовляли для армии Шамиля также и оружие. Таким образом, русские солдаты, переходившие на сторону горцев, оказывали освободительной борьбе горских народов весьма существенную помощь, которую Шамиль умел ценить.

Некоторые из русских солдат становились ближайшими соратниками Шамиля. Русский солдат по имени Мартын «своими советами не раз оказывал значительные услуги Шамилю, который его за это дарил своим благорасположением. В знак особого внимания к беглому русскому солдату Мартыну Шамиль и назвал одно из лучших и населеннейших селений его именем, т. е. «Русский Мартын», а в произношении горцев «Урус Мартан» [т].

Весьма распространенной между горцами и низовым казачеством формой общения являлось так называемое куначество, заключавшееся в том, что почти каждый горский крестьянин в соседней казачьей станице заводил себе друга, который в свою очередь называл горца кунаком. Отношения между кунаками были дружественные. Часто кунаки приезжали друг к другу в гости с подарками и оказывали взаимную помощь при уборке урожая, сенокосе и других сельскохозяйственных работах. По случаю несчастья кунаки выражали друг другу, как ближайшие родственники, соболезнование. Очень часто горец отдавал малолетнего сына или брата в семью казака на более или менее продолжительное время специально для изучения русского

языка. Обычай отдавать своих детей в казачью семью в горской действительности имел широкое распространение. Горские дети в казачьей семье считались равноправными ее членами.

Впоследствии казачьи кулацкие элементы этот обычай, возникший между трудящимися казаками и горцами на почве взаимного доверия и дружбы, широко использовали в своих эксплуататорских целях. Под предлогом изучения русского языка, кулаки брали горских детей и эксплуатировали их преимущественно в сельском хозяйстве. В свободное от домашних работ время кулаки использовали горских детей в качестве глашатаев, или «живой рекламы»,'когда привозили на продажу в горские аулы различные овощи. Нередко можно было видеть горских детей на кулацкой телеге, наполненной арбузами, дынями и огурцами, привезенными на продажу в горские аулы. По улицам аула с утра до позднего вечера дети на местном языке оповещали население о привезенном товаре.

Терско-гребенские казаки оказывали влияние и на культуру горских народов. Причем это влияние на материальный и духовный быт горцев было весьма ощутительно. Если влияние горцев на культуру казаков так или иначе поддается выяснению, то только благодаря исследованиям казачьих историков, которые уделяли этому вопросу известное внимание. Что же касается влияния русского казачества на материальную и духовную культуру горцев, то, к сожалению, по этому совершенно неразработанному вопросу мы не располагаем почти никакими данными. А между тем, бесспорно, что культура горских народов, на протяжении столетий живших в непосредственном соседстве с русскими казаками, в равной, если не в большей стетени подвергалась влиянию русской культуры.

Русское влияние среди горцев особенно усилилось с начала XIX в., когда горцы, выселившись на предгорную Северо-Бавказскую равнину, оказались в непосредственном общенш с русским казачеством. Влияние русского казачества особенно ярко прослеживается в материальной культуре плоскостаых горцев, научившихся у своих русских соседей более культурным бытовым навыкам и усовершенствованным приемам ведения сельского хозяйства.

Под влиянием русских казаков тип жилища плоскостаого горца резко меняется и внешне и внутренне. Типичной, гочти единственной формой жилища горца в нагорной полосе б>ши, как известно, плоскокрышие каменные дома, нередко без скон, с срединным и пристенным очагом и дымарем в центре гаи - г в зависимости от местонахождения очага — у стены, ко'ррый одновременно являлся единственным источником света. На предгорной равнине горец отказался от этого неудобного пещерообразного жилища и стад строить себе, по образцу жилиш своих русских соседей, деревянные, каменные или кирпичныерома с

черепичной крышей и с окнами. Во внутреннем убранстве своего жилища горец начал подражать русскому казаку. Горец понял преимущества русской печки перед горским очагом. Поэтому традиционный весьма неудобный горский очаг в быту горца в короткий срок должен был уступить свое место удобной русской печке, известной у горцев и по настоящее время под ее русским названием «пец». Тяжеловесные, неуклюжие горские нары вытесняются изящной железной кроватью, низенький дедовский треножник - русским столом, а горская двуколка - четырехколесной пароконной на железном ходу казачьей бричкой.

Непосредственное общение горцев с русскими казаками имело большое влияние и на стол горца. Горский стол, как известно, преимущественно состоял из сухой пищи: кукурузный чурек, пшеничный хлеб, главным же образом вареное или жареное мясо и пироги с мясом, сыром или зеленью. Горец не употреблял жидкой пищи. С переселением горцев на предгорную равнину стол горца под влиянием русских соседей резко изменился и стал более разнообразным. Горец стал употреблять жидкую пищу. Бульон, который раньше обычно выливался, теперь сделался любимой пищей горца. Горец перенял у русских самовар, начал употреблять чай и вообще во многом подражать своим русским соседям. Все заимствованные предметы домашнего обихода и кушанья в горский быт вошли под их русскими названиями, как то: чай - цай, сахар - сакар, ведро - бедро, блюдо - блюда, самовар - цамавар, стол - стол, кумач - кумац, бутылка - бутулка, калоша - калос, чайник - цайник, сратаген - фатаген (керосин), сжичка - спицка или сирник, борщ - боре и т. д.

Нет сомнения, что и духовная культура горцев не в меньшей Mtpe подвергалась влиянию русских соседей, но, к сожалению, о степени этого влияния за неизученностыо вопроса мы в Данией работе лишены возможности судить.

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить, что древние руссы познакомились с горскими племенами Северного Кавказа еще задолго до упоминания об ясах и касогах в русски летописи в 965 г. в связи с походом князя Святослава npiTHB хазар. Это знакомство, по-видимому, произошло в IX в. во фемя походов древних руссов в Табаристан, прилегавший к юге-восточному берегу Каспийского моря. Более близкое и непосредственное знакомство руссов с некоторыми горскими племетми, в частности с кабардинцами, абхазцами и ясским союзов племен, произошло приблизительно в том же IX в. в резуль'Ьте укрепления политической власти русских князей в Тмупраканском княжестве, население которого состояло, помино руссов, из предков современных черкесов и кабардинцев -адыгов и касогов.

С захватом политической власти в Тмутаракани русские князья подчинили себе касожских князей, которые вели непрерывную борьбу против русских князей, закончившуюся победой касожских князей.

С падением политической власти русских князей в Тмутаракани сношения горцев с русскими не прекратились. Русское население Тмутаракани по-прежнему оставалось в соседстве с горцами, жившими в пределах и за пределами Тмутараканского княжества.

Тмутаракань служила важнейшим политическим и культурным центром, через который,' по-видимому, проникало на Русь влияние культуры кавказских народов. В частности, можно думать, что христианство проникло к руссам через Тмутаракань из Грузии, которая, по свидетельству древних авторов, уже в IV в. была христианской страной.

В период независимого политического существования Тмутараканского княжества между русскими князьями и социальными верхами кавказских народов и племен существовали экономические, политические, аманатские, родственные и другие связи.

В период господства татар и монголов русско-кавказские сношения, хотя и были нарушены, но окончательно прерваны не были. Регулярные сношения между русскими и кавказскими племенами и народами возобновляются в конце XV в., когда русская земля окончательно освободилась от татаро-монгольского владычества и начала жить независимой политической жизнью.

С конца XV в. кавказские феодалы стали присылать к московскому царю посольства с изъявлением покорности и желания нести «государеву службу». С просьбой о желании вступить под «высокую царскую руку» в конце XV в. обратился ъ московскому царю грузинский царь Александр. А за ним, в ГО,Е завоевания Казанского царства в 1552 г.,- и кабардинские князья. Таким образом, инициатива установления дипломатические связей и сближения с Россией исходила от феодальных князьков кавказских народов. Основной причиной ориентации социальных верхов кавказских народов на Московское государств! следует считать неблагоприятное международное окрулсение, в котором в XV-XVIII вв. оказалось большинство кавказских племен и народов. i

Кавказские народы на протяжении веков испытывали гнет ирано-турецких захватчиков. Восточная Грузия и восточные ханства Закавказья находились под гнетом иранских завоевателей, а западная Грузия и Западный Кавказ - под гнетом суя-1 танской Турции и ее вассала, Крымского ханства. Ирано-турец-1 кие насильники угнетали, опустошали и сотнями уводили в плен кавказские народы, ирано-турецкий гнет обусловил ориентации] феодальных верхов кавказских народов на Россию, при поме]

щи которой они рассчитывали освободиться от иноземного гнета. Первыми из закавказских народов стали ориентироваться на Россию и добиваться ее протектората систематически разоряемые ирано-турецкими насильниками грузины, а на Северном Кавказе - кабардинцы, примеру которых следовали социальные верхи и других мелких племен.

Россия принимала все возможные в тогдашних международных условиях меры к оказанию помощи кавказским народам. На протяжении XVI-XVIII вв. Россия вела дипломатические переговоры с Ираном и Турцией по грузинскому вопросу. Она просила Иран и Турцию прекратить набеги на Грузию и оставить ее в покое. Но в XVI-XVIII вв. Россия, в силу территориальной разобщенности, не могла быть достаточно активной на грузинской почве. От России Грузию отделяли Главный Кавказский хребет с воинственными горским населением и разноплеменный Дагестан, лежавший на важнейшей торгово-стратегической магистрали, проходившей по Волге, Каспию через знаменитые Дербентские ворота в страны Ближнего Востока.

Ориентация феодально-княжеской верхушки кавказских народов на Россию имела своим результатом вступление наиболее крупных народов Кавказа под протекторат России. Кабарда еще при Федоре Ивановиче стала считаться вотчиной Московского государства, а Грузия была присоединена к России в 1801 г. Переход горцев Кавказа под протекторат России следует рассматривать, как прогрессивный для кавказских народов фактор. Россия, по сравнению с султанской Турцией и шахской Персией, стояла на более высокой ступени социально-экономического развития. Прогрессивное значение перехода кавказских народов под протекторат России заключалось в том, что ирано-турецким набегам и опустошениям на Кавказе был положен конец. Важно далее отметить, что вступление под протекторат России отсталых, феодально-раздробленных кавказских народов и племен, многие из которых находились еще в стадии патриархально-родового строя, дало мощный толчок более интенсивному развитию производительных сил и расширению экономических и политических связей с другими народами и странами.

Обращения феодалов кавказских народов к России о подданстве отвечали колониальным интересам России, стремившейся к усилению своего влияния среди горских народов и укреплению в важнейших в стратегическом отношении пунктах на Северном Кавказе. Подданство Кабарды, игравшей среди горских народов ведущую политическую роль, в значительной мере усиливало и укрепляло влияние Московского государства на Северном Кавказе. С переходом Кабарды под протекторат России она стала активно участвовать в рядах русских войск в военных походах Московского государства. Кабарда в 1557 г. приняла участие в Ливонских войнах Ивана IV. При взятии города Мильтена и при осаде Дерпта кабардинцы в рядах войск Московского государства наголову разбили немецкую конницу. В тяжелый для России момент, когда турецко-иранские захватчики и польские интервенты в начале XVII в. хотели разнести ее на куски, горцы, и в особенности кабардинцы, оставались верными Московскому государству в его борьбе с иноземными захватчиками оказывали ему посильную помощь. Когда Иван Заруцкий прислал своего агента Михалку Черного к кабардинцам, чтобы поднять их против Москвы, они захватили его в плен и связанного достав'или терскому воеводе Петру Головину. В дальнейшем кабардинские войска под начальством кабардинца Сюнчелея Янгалычева совместно с русскими войсками сражались с войсками Заруцкого и Марины Мнишек, оперировавшими в 1614 г. в Астраханском и Притеречном районах. В одном из сражений кабардинцы совместно с терско-гребенскими казаками, разгромив вооруженные силы Заруцкого и Мнишек, захватили в плен тетку Мнишек Варвару Казановскую, ее слугу Ивашку Попруцкого, духовника Мнишек - пастора Антона и свыше 160 рядовых бойцов из армии интервентов.

После избрания Михаила Федоровича на царство и очищения русской земли от польских интервентов кабардинские князья в 1614 г. в присутствии боярского сына Смагина вновь подтвердили свою верность московскому царю и обещали нести «государеву службу» на южных окраинах государства. В свою очередь московские цари покровительствовали кабардинским князьям и оказывали им всяческую помощь, выражавшуюся в предоставлении им экономических и политических преимуществ и устройстве на территории Кабарды против турецко-крымских захватчиков военных укреплений.

Установившиеся еще при Иване IV дружественные отношения между Московским государством и Кабардой не нарушались и при преемниках Михаила Федоровича.

В XVIII в. русско-кабардинские отношения получили еще более широкое развитие. В то же время кабардинский вопрос между Россией и Турцией делается вопросом международной политики. Белградский мирный трактат, заключенный между Россией и Турцией в 1739 г., признал Кабарду «суверенной». Трактат способствовал усилению экономического и политического влияния Кабарды в горских обществах Северного Кавказа. Существование «независимой» Кабарды для России являлось практически невыгодным. По Кучук-Кайнарджийскому мирному трактату 1774 г. Кабарда была присоединена к России.

Русский элемент на Северо-Восточном Кавказе в лице терско-гребенских казаков появился на берегах Терека не позднее середины XVI в. Гребенские казаки обосновались в непосредственном соседстве с кабардинцами, кумыками и другими горца-

ми, с которыми установили экономические и культурные связи. Гребенских казаков в момент их оседания на берегах Терека было незначительное количество, но в дальнейшем оно быстро увеличивалось за счет беглых русских и горских крестьян. Гребенские казаки принимали в свою среду всех, без различия племени и религии. Сближение гребенских казаков с горцами произошло на почве обмена. Из Кабарды и Кумыкской равнины в русские пределы вывозился, главным образом, хлеб. Весьма важным предметом обмена между казаками и горцами был строевой лес. Из горских районов казаки получали нефть, лошадей, горскую одежду и различные деревянные изделия домашнего обихода.

В обмен на перечисленные продукты казаки отдавали горцам соль, фрукты, овощи холст и другие фабрикаты и полуфабрикаты русского производства.

Горские народы и русские казаки в результате трехсотлетней совместной жизни имели друг на друга большое влияние, нашедшее свое отражение в материальной и духовной культуре и тех и других. Колесному искусству гребенские казаки научились у горцев. Современную одежду гребенские казаки переняли у горцев еще в первом поколении. Садоводству и виноделию они научились у кумыков. Военное снаряжение, боевую выправку и приемы наездничества казаки переняли у кабардинцев. Знание горских языков, в частности кабардинского, было довольно распространенным среди казаков явлением. Влияние горской культуры отразилось и на народном эпосе казаков. Сказки, легенды, поговорки и предания, распространенные среди гребенских и терских казаков, своеобразные по своей композиции и юмору, первоначально возникли у горцев. Наконец, антропологический тип терско-гребенского казака также подвергся сильному влиянию горских племен.

Терско-гребенские казаки, в свою очередь, сильно влияли на материальную и духовную культуру горцев. Это влияние особенно ощутимо в материальной культуре последних. Так, под влиянием русских казаков горец отказался от плоскокрышей горской сакли и перенял у казаков современный европейский тип жилища. Горец отказался также от дедовского очага с дымарем, переняв у своих русских соседей современную русскую печь. Под влиянием своих русских соседей горец изменил" и свой стол. Он отказался от однообразной сухой пищи и стал употреблять горячую жидкую пищу. Все заимствования у русских в^области духовной и материальной культуры вошли в горский быт под их русскими названиями. Не менее сильно было влияние русских казаков и в области духовной культуры горцев, но освещение этого вопроса не входит в задачу настоящего очерка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПСРЛ. Петроград, 1917. Акад. изд. Вып. 1. Т. 4. С. 41.

[2] *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875. С. 28.

[3] Там же. С. б.

< Там же. С. 5.

[5] На этом походе руссов подробно останавливается арабский историк Масуди, по свидетельству которого руссы предприняли этот поход на 500 кораблях по 100 человек на каждом. Таким образом, по Масуди, в походе принимало участие 50 тыс. руссов. Руссы опустошили ряд прибрежных городов Азербайджана и Табаристана, забрали в плен много женщин и детей, много городов ограбили и сожгли, отразив наступление владетеля Ширвана Алибен Эль-Гайтана. Недалеко от Баку руссы с богатой добычей возвратились к устью Волги. Здесь напали на них подвластные Хазарскому каганату мусульмане. В результате трехдневного боя руссов погибло свыше 30 тыс. чел.

[8] *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875. С. 11.

[7] *Пресняков А.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 50.

[8] *Френ Х.* Письмена древних руссов // Библиотека для чтения. СПб., 1836. Т. 15. Отд. 3. С. 57.

" *Шмит Ф.* Искусство Древней Руси, Украины. Харьков, 1919. С. 29; *Его же.* Заметки о поздневизантийских храмовых росписях // Византийский Временник. Пг., 1916. Т. 22. С. 99.

[10] *Френ Х.* Письмена древних руссов // Библиотека для чтения. СПб., 1836. Т. 15. С. 59; *Пресняков А.* Указ. работа. С. 133; *Шмит Ф.* Искусство Древней Руси, Украины. Харьков, 1919. С. 30.

[11] *Полканов А.* К вопросу о конце Тмутараканского княжества // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 44.

[12] *Беляев.* Географические сведения о древней России // Записки Императ. русского географ, об-ва. СПб., 1852. Т. 4. С. 80.

[13] Новгород. Летопись по синод, списку. СПб.: Изд. Археограф, комиссии, 1888. Т. 1. С. 17, 18.

" Новгород. Летопись по харатейному списку. СПб.: Изд. Археограф, комиссии, 1888. Т. 24. С. 94.

[15] Там же.

[16] *Бутков П.* Вести черкеса о князьях русских - Святославе и Мстиславе // Северная пчела. 1850. № 99.

[17] «В лето 653 г.,- говорится в летописи,- прииде великий князь Ярослав в Берестию. В си же времена соущю Мстиславу Тмоуторокани поиде на косагы. Слышав же се князь косажыкы - Редедя, изыде противу емоу. И ставшими обеме полкома противу себе, и рече Редедя к Мстиславу: «что ради гоубиве люди междуи собою, но спидеве ся сами бороти. Да аще ты одолееши и ты возьми имение мое и княжню мою и дети мои, аще ли аз одолею, то возмоу твое все». И рече Мстислав: «Тако боуди». И рече Редедя к Мстиславу: «Не ороужьем бо ся борове, но барбою». И снятася бороти крепко. И борощемася има, и начат изнемогати Мстислав, бе бо велик Редедя и слен. И рече Мстислав: «о пречистаа богородица, помози ми! Аще одолею семоу, съезижю церковь во имя твое». И се рек, оудари им о землю, и вынем ножь и зареза Редедю. И шед в землю его и взя имение его и женоу его и дети его и дань наложи на них. И пришед Тмоутарокни и заложи церковь святую богородицю, и съезижью, яже стоить и до сего дне» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 50).

[18] Приведенный рассказ русской летописи кабардинское народное предание продолжает, будто касожский князь Идар за убийство Редеди стал мстить тмутараканским и во главе шеститысячной армии из кабардинцев и абазинцев напал на Тмутаракань, разгромил ее и с богатой добычей вернулся в Кабарду (Северная пчела. 1850. № 99). Князь Идар был отцом известного в русской истории кабардинского князя Темрюка, тестя Ивана IV, и жил не раньше конца XV и начала XVI в.; приведенный же рассказ точно датирован 1022 г. Имя кабардинского князя Редеди сохранилось между прочим в припеве к кабардино-черкесским свадебным песням: «Уореде, уореддада», горцев Северного Кавказа - осетин и др. Надо полагать, что первоначально припев возник в кабардино-черкесской среде, в которой, по-видимому, в память сраженного в единоборстве князя Редеди народ слагал песни. От кабардино-черкесов, которым, как известно, во многом подражали их соседи, припев мог перейти к другим горским народам. Любопытно далее отметить, что этот припев встречается и в русских свадебных песнях в форме «Ой-редеди» *(Сахаров.* Песни русского народа. СПб., 1839. С. 524) и «уряди» (Библиотека для чтения. 1848. № 7. С. 14). Наличие кабардино-черкесского припева в русских песнях дало Трубецкому (Этнографическое обозрение. М., 1911. № 1, 2. С. 235, 236) основание сближать кабардино-черкесский и русский припевы, при этом он полагает, что «проникновение черкесского припева в Россию могло совершиться только через посредство казаков» (Этнограф, обозрение. С. 236). Надо, однако, думать, что если разбираемый припев действительно связан с именем кабардинского князя Редеди, убитого в поединке тмутараканским русским князем Мстиславом в 1022 г., то естественнее полагать, что проникновение кабардино-черкесского припева в русскую среду произошло не через казаков, появление которых на кавказской почве приурочивается к XV—XVI вв., а через древних русских людей, входивших в состав Тмутараканского княжества и имевших с кабардино-черкесами непосредственные и довольно близкие связи.

[19] Северная пчела. 1850. № 99.

[20] Новгород. Летопись. СПб.: Изд. Археограф, комиссии, 1888. Т. 1. С. 96.

[21] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 50.

[22] *Карамзин Н.* История государства Российского. СПб., 1842. Изд. 5. Кн. 2. Т. 5. С. 230, 231; ср.: *Бутков П.* Вести черкеса о князьях русских - Святославе и Мстиславе // Северная пчела. 1850. № 99.

[23] *Беляев.* Географические сведения о древней России // Записки императ. русского географ, общества. СПб.: 1852. Т. 4. С. 122.

[21] *Бутков П.* Оборона летописи русской Нестеревой от скептиков. СПб., 1840. С. 292; ср.: акад. *Куник.* Записка готского топарха // Записки Акад. наук. СПб., 1874. Т. 25. С. 141.

[25] Собрание путешествий к татарам в XIII-XVBB. СПб., 1825. С. 291. Прим. 82.

[26] История монголов. СПб., 1911. С. 24.

[27] *Пархоменко В.* Начало христианства Руси. Полтава, 1913. С. 61; ср.: *Шмит Ф.* Искусство древней Руси, Украины. Харьков, 1919. С. 12; ср.: *Его же.* О Тмутаракани // Известия Таврич. ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54. С. 389.

[28] *Прокопий Кесарийский.* История войн / Перев. Детуниса Изд. 1-е. СПб., 1862. С. 56.

[29] Епископ Кирион. Культурная роль Иверии в-истории Руси. Тифлис, 1910. С. 96-133.

[80] *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1903. Т. 1. С. 148

[31] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 82. «•"

[32] Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 2. С. 204.

[33] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. С. 291; ср.: *Карамзин.* Указ. соч. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 2. С. 89, 90.

[34] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 77; ср.: Известия Императ. русск. географич. об-ва. СПб., 1852. Т. 6. С. 78.

[36] ПСРЛ. Т. 2. С. 136-138; ср.: Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 2. С. 148 и прим. 941.

[36] *Карамзин Н.* Указ. произв. 1842. Т. 3. Кн. 1. С. 83.

[37] *Бретшнейдер.* Русь и ясы на военной службе в Китае // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. 1. С. 70.

[38] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 101, ср.: Записки Императ. русск. географич. об-ва. СПб., 1852. Т. 6. С. 55.

[39] *Попко И.* Терские казаки. СПб., Г880. Т. 1. С. 8.

[40] ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Вып. 3. С. 525.

•" *Цагарели А.* Сношения России с Кавказом в XVI-XVII вв. СПб., 1891. С. 9.

[42] *Карамзин Н.* Указ. произв. 1842. Т. 11. С. 37.

[43] Терские ведомости. 1894. № 97.

[14] *Смирнов В.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты /,/ Записки Императ. одесск. об-ва истории и древностей. Одесса, 1889. Т. 15. С. 161.

[45] Терские ведомости. 1894. № 97.

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 374.

[17] *Малькольм Н.* История Персии. Париж, 1891. Т. 4. С. 241.

[48] *Берар В.* Персия и персидские смуты. СПб., 1912. С. 17, 277.

[49] Монархия турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря посольства при Оттоманской Порте. СПб., 1741. С. 87-88.

[80] Новейшие известия о Турецкой империи. СПб., 1899. С. 161-163.

[51] *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 16. Ч. 2. С. 9.

[52] *Маркс К.* Восточный вопрос. Соч. Т. 9. С. 374.

[53] *Маркс К.* Что будет с европейской Турцией. Соч. Т. 9. С. 397.

[54] *Бурнашев С. Д.* Описание горских народов. Курск, 1794. С. 4.

[56] Русский архив. 1913. Т. 2. С. 150, 151.

'* [56] Там же. С. 151.

.,'5 " *Карамзин Н.* Указ. произв. СПб., 1842. Т. 10. С. 40. Прим. 115; ср.: Древняя Российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 16. С. 250.

[58] *Карамзин Н.* Указ. произв. СПб., 1842. Изд. 5. Кн. 2. Т. 8. С. 140.

'•*' m Северная пчела. 1850. № 99. Прим. 9 к статье акад. П. Буткова.

6" *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. Ч. 1. С. 363.

1 S1 Кавказский сборник. Тифлис, 1899. Т. 20. С. 413.

I [62] *Маркс К.* Восточный вопрос. Соч. Т. 9. С. 374.

[63] *Маркс К.* Что будет с европейской Турцией. Соч. Т. 9. С. 397.

[64] *Бцрнашев С. Д.* Описание горских народов. Курск, 1794. С. 4.

i 0ft Русский архив. 1913. Т. 2. С. 150, 151.

[66] Там же. С. 151.

[67] *Карамзин Н.* Указ. произв. СПб., 1842. Т. 10. С. 40. Прим. 115; ср.: Древняя Российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 16. С. 250.

es *Карамзин Н.* Указ, произв. СПб., 1842. Изд. 5. Кн. 2'. С. 140.

[69] Северная пчела. 1850. № 99. Прим. 9 к статье акад. П. Буткова,

7" *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. Ч. 1. С. 363.

[71] Кавказский сборник. Тифлис, 1899. Т. 20. С. 413.

[72] *Карамзин Н.* Указ. произв. СПб., 1842. Т. 9. С. 179. Прим. 350; ср.: Северная пчела. 1850. № 99. Прим. 10 к статье акад. П. Буткова.

[73] Северная пчела. 1850. № 99. Прим. 8 к статье акад. П. Буткова.

34 Заказ .М 106

[74] *Карамзин Н.* Указ. произв. СПб., 1842. Т. 9. С. 23.

[75] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С. 199.

[76] *Вроневскии С.* Т. 2. С. 80.

[77] Крымский статейный список. № 13. Л. 68, 87.

[78] Крымский статейный список. № 10. Л. 52.

[79] *Карамзин Н.* Указ. произв. СПб., 1842. Изд. 5. Кн. 2. С. 155. Прим. 471 к гл. 5.

[80] *Соловьев С.* История России. М., Изд. 3-е. Т. 19. С. 132.

[81] *Потто В.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 8.

[32] Отписка Головина к царю от 5/7-1614 г. // ГАФКЭ. Кабардинские дела. № 3.

[8:4] Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. С. 41.

[84] Там же.

[85] Сбор, государств, грамот и договоров. Т. 3. С. 20.

[86] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 163.

[87] Там же. С. 164.

[88] ГАФКЭ. Кабард. дела за 1614 г. № 3 и 5 грам. № 4.

[8"] Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. С. 21, 22.

[90] Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, **1910.** Т. 2. Отд. 5. С. 3.

[91] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 161.

[92] ГАФКЭ. Кабард. дела за 1614. Кор. 2. Д. № 5.

[95] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 107.

[94] Русский архив. М., 1913. Т. 2. С. 167.

[95] Там же. С. 168.

[96] ГАФКЭ. Кабард. дела за 1615. № 5.

[97] *Гамелъ.* Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 г. по приказанию царя Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды. СПб., 1829. С. 57.

[98] ПСЗРИ. Т. 1. С. 743.

[99] ПСЗРИ. Т. 10. С. 899-901. № 7900.

[100] См. карту, приложенную к нашим «Материалам по истории Осетии». Орджоникидзе, 1934. Т. 1. ср. мое введение к главе «Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера». Орджоникидзе, 1940. С. 5-10.

[101] См. подробно наш очерк «Из истории Российской колониальной политики». Харьков: Червоний Схид, 1931. Т. 14.

[102] Государств, архив древних актов, осетин, дела 1767-1771 гг. д. № 3.

[103] *Бентковский И.* Гребенцы // Чтения в об-ве истории и древностей. М., 1887. Т. 3. Отд. 4. С. 6.

[10,1] Терские ведомости. 1892. № 1. Запись Малявкина.

[1os] *Потто В.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 2.

[106] *Железное.* Очерк быта уральских казаков. Т. 2. С. 150; ср.: *Попко И.* Терские казаки. СПб., 1880. Т. 1. С. 14, 15.

[107] *Попко И.* Терские казаки. СПб., 1880. Т. 1. С. 24.

[108] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Т. 6.

[109] Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. С. 411.

[110] ПСЗРИ. Т. 19. С. 267. № 13602.

• .ф "[4] *Попко И.* Терские казаки. СПб., 1880. Т. 1. С. 113.

[112] Там же. С. 115.

. [113] Там же. С. 116; ср.: Терские ведомости. 1892. № 124.

[414] *Потто В.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 66.

[115] *Попко И.* Черноморские казаки. СПб., 1858. С. 158.

[116] *Немирович-Данченко.* Русские ведомости. 1888. № 32.

[1,7] *Попко И.* Терские казаки. СПб., 1880. Т. 1. С. 114.

[118] *Бентовский И.* Гребенцы // Чтения в об-ве древностей российских. М., 1887. Т. 3. Отд. 4. С. 10.

[119] Терские ведомости. 1892. № 124.

[120] Ленинградский государственный архив Артиллерийского музея РККА. Рукопись Загорского. Ж. VII-12. № 11306. Л. 6 об.

[124] Там же. Л. 6 об.

[422] Терские ведомости. 1889. № 32.

РОЛЬ ТЕМРЮКА В СБЛИЖЕНИИ КАВАРДЫ С МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Кабардинский удельный князь Темрюк Идарович принадлежит к числу тех немногих кабардинских князей, которые в истории Кабарды сыграли выдающуюся положительную роль. С именем этого крупнейшего для своего времени политического деятеля связана одна из незабываемых страниц истории кабардинского народа. Темрюку Идаровичу принадлежит инициатива организации вооруженной борьбы против крымско-турецких захватчиков, политического объединения Кабарды на базе ликвидации феодальной раздробленности и установления тесных связей с Московским государством.

Политическая деятельность князя Темрюка Идаровича может быть осмыслена во всем объеме и правильно оценена только на фоне конкретных исторических условий, при которых она протекала.

Многое еще не известно об этом государственном деятеле. Мы не знаем даты его рождения и смерти. Но и то немногое, что известно о нем, характеризует Темрюка Идаровича как выдающегося человека, чья общественно-политическая деятельность протекала в очень напряженный и ответственный период истории кабардинского народа.

Темрюк Идарович жил в XVI в., являвшимся в истории Кабарды переломным. Тогда турецко-крымские захватчики, окрыленные легкими и быстрыми успехами в Анатолии, устремились в Кабарду, огнем и мечом утверждая свое господство. Это были годы, когда феодально-раздробленная Кабарда, раздираемая внутрикняжескими междоусобицами, катилась к политической и экономической катастрофе, когда, по словам Ногмова, феодальные группировки, «не находя достаточно сил в своей земле, призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам».

В результате внутрикняжеских междоусобиц Кабарда в этот период представляла собою, по словам того же Ногмова, «вид рассеяного военного стана, где каждый, ополчаясь, охранял свое имущество военной рукой» и «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды». И вот в этот решительный момент, когда над кабардинской землей нависла смертельная опасность со стороны турецко-крымских насильников и их агентуры внутри страны, на историческую арену Кабарды выступил крупный политический деятель князь Темрюк Идарович, обладавший большой силой воли и тонким политическим чутьем. В интересах сохранения политической независимости кабардинской земли Темрюк Идарович повел непримиримую вооруженную борьбу против крымско-турецких агрессоров и против части местных феодалов, которые в своих личных интересах ориентировались на иноземных врагов кабардинской земли. За этой реакционной частью кабардинских феодалов следовало и мусульманское духовенство, состоявшее из мелкопоместных дворян и наиболее состоятельных категорий крестьян.

В XVI в. в Кабарде создались такие условия, при которых без крутого поворота в сторону объединения всех сил кабардинской земли для борьбы с внешними и внутренними врагами самое существование народа нельзя было считать сколько-нибудь обеспеченным.

Темрюк Идарович, учитывая серьезность создавшегося положения, решил во что бы то ни стало добиться сплочения феодально-раздробленных частей Кабарды в одно Политическое целое, способное оказать сопротивление напору турецко-крымских завоевателей. С этой целью Темрюк Идарович отстранил кабардинских князей от политического управления страной. Он заставил их служить слагавшейся центральной княжеской власти за жалованье. В конкретных условиях Кабарды того времени это являлось прогрессивным фактором.

Внутреннюю политику Темрюка Идаровича, направленную на ликвидацию феодальной раздробленности и создания централизованной княжеской власти, необходимость в которой вытекала из потребностей обороны страны от иноземных врагов, следует считать положительной, поскольку она ставила своей конечной целью прекратить феодальный беспорядок и создать силу, способную оказать отпор турецко-крымским захватчикам. В этой связи поучительно высказывание Ф. Энгельса о прогрессивной роли создания централизованной княжеской власти на базе ликвидации феодальной раздробленности: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть... была прогрессивным элементом,- писал Ф. Энгельс,- это совершенно очевидно, потому что она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства» *(Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. Ч. 1. С. 445).

Внутренняя политика Темрюка Идаровича ущемляла экономическое и политическое право местных феодалов; реакционная часть последних, отстаивая свои вотчинные привилегии, начала ориентироваться на турецко-крымских агрессоров, при помощи которых она повела успешную борьбу против наметившейся центральной княжеской власти. Борьба реакционной феодальной оппозиции против центральной княжеской вла-

сти привела Кабарду не к политическому объединению, а к распаду ее на Большую и Малую.

Дальновидный политик Темрюк Идарович понял, что своими силами, без помощи извне ему не справиться с турецко-крымскими силами, систематически опустошавшими кабардинскую землю, и с внутренней феодальной оппозицией, расшатывающей основы наметившейся в Кабарде централизованной государственной власти. Перед Кабардой тогда стояла альтернатива - или быть поглощенной султанской Турцией, или перейти под протекторат Московского государства. Зависимость от одряхлевшей и, по выражению К. Маркса, насквозь прогнившей султанской Турции сулила кабардинскому народу физическое уничтожение, в лучшем же случае - культурное и экономическое одичание. Темрюк Идарович трезво оценил создавшееся положение, избрал второй путь и навсегда связал исторические судьбы Кабарды не с Турцией или Крымом, а с Московским государством, при помощи которого он решил покончить с лютыми врагами кабардинской земли — Турцией и Крымом и с их агентурой внутри страны — реакционной частью кабардинских феодалов.

Первое посольство из Кабарды прибыло в Москву в 1552 г. Вслед за этим последовали и другие. По отрывочным данным, за время от первого посольства в 1552 г. до 1588 г. в Москве перебывало свыше десяти кабардинских посольств и приблизительно столько же московских посольств побывало в Кабарде за это время.

В своих челобитных и посольских наказах Темрюк Идарович просил Ивана IV о военной помощи против турецко-крымских завоевателей и о принятии кабардинской земли «под свою высокую царскую руку».

Московское государство, заинтересованное в расширении и укреплении своего политического влияния среди горцев Северного Кавказа, охотно шло на сближение с Кабардой, от которой многие горские племена находились в полной или частичной зависимости.

По просьбе Темрюка Идаровича Иван IV в 1563 г. на территории Кабарды построил военную крепость Терки, гарнизон которой состоял из московских ратных людей.

В целях еще более тесного сближения между Кабардой и Московским государством были установлены аманатские и даже родственные связи. Известно, что дочь Темрюка Идаровича по имени Мария, или Гуаша, была замужем за Иваном IV.

В результате установившихся еще при Иване IV отношений Кабарды с Московским государством в 1588 г. Кабарда стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Федор Иванович - титуловаться «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли черкесских и горских князей».

Я уже указывал, что нам не известны даты рождения и смерти Темрюка Идаровича. Есть, однако, основание полагать, что Темрюк Идарович умер от ран, полученных им в сражении с крымскими татарами в 1570 г., когда, по свидетельству документа, он «с боя съехал ранен, а двух сынов Темрюковых - Мамстрюка и Биберюка - царевич Алди-Гирей на бою взял и привел с собой в Крым». Во всяком случае имя Темрюка Идаровича после 1570 г. больше не встречается в русских летописях.

В заключение следует отметить, что в исторических судьбах кабардинского народа Темрюк Идарович сыграл исключительно большую политическую роль. Он вырвал кабардинскую землю из цепких когтей турецко-крымских насильников и вверил ее Московскому государству, под протекторатом которого зародилась и получила дальнейшее свое развитие дружба кабардинского и русского народов. Прочный фундамент русско-кабардинской дружбы был заложен князем Темрюком Идаровичем — и в этом заключается его большая прогрессивная роль в истории кабардинского народа.

Кабардинская правда. 09.08. 1947.

МАЛОКАБАРДИНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В XVI-XVIII вв. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

I

Территория, в настоящее время занятая кабардинским народом, объединенным в Кабардинской АССР, в прошлом делилась на две неравные части - на Большую и Малую Кабарду.

Под Большой Кабардой принято было разуметь обширную территорию, лежащую на левом берегу реки Терека и простирающуюся до верховьев реки Черека на юге и до верховьев реки Малки на западе. Под Малой же Кабардой разумелась территория, расположенная на правом берегу реки Терека, простирающаяся от осетинского сел. Эльхотова на север до самого впадения реки Малки в Терек.

Большая Кабарда, как указывает само название, занимала значительно большую территорию, чем Малая. У нас нет цифровых данных о размерах территорий Большой и Малой Кабарды в отдельности, но о соотношении их можно судить хотя бы по тому, что в историческом прошлом Большая Кабарда делилась на четыре больших княжеских удела, принадлежавших князьям Кайтукиным, Мисостовым, Атажукиным и Бекмурзиным, а Малая Кабарда - на два удела, принадлежавших князьям Мударовым и Таусултановым.

В настоящее время из 15 административных районов, составляющих Кабардинскую АССР, в Большую Кабарду входит тринадцать ', а в Малую - только два района [2].

Большая Кабарда заселена кабардинцами раньше, чем Малая. Есть основание думать, что территория Большой Кабарды была заселена в XIII-XV вв. передвинувшимися из Приазовья на восток кабардинцами.

В основе передвижения части адыгских племен, известных у Константина Багрянородного под именем кабаров, или кабардов % лежали внешние и внутренние причины. Ко внешним причинам следует отнести татаро-монгольское завоевание и турецко-крымское засилие над кабардинским народом. Ко внутренним причинам, стимулировавшим передвижение кабардинцев на восток, следует отнести внутренние социально-экономические противоречия, обусловленные феодальной раздробленностью кабардинской земли. Ожесточенная внутренняя борьба между удельными князьями и группировками различных политических ориентации отнюдь не способствовала консолидации власти и политической консолидации кабардинского народа. Напротив, внутрикняжеские распри и наличие враждебных друг другу феодальных группировок ослабляли военно-политическую и экономическую мощь страны и делали ее легкой добычей для иноземных завоевателей. С занятием предгорной равнины Центрального Кавказа в кабардинском обществе борьба между удельными князьями не прекратилась. Не прекратились и опустошительные набеги турецко-крымских насильников, доведшие Кабарду почти до полного экономического и политическо упадка. По словам кабардинского историка Ш. Б. Ногмова, «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды»[4].

Внешние и внутренние условия Кабарды в XV-XVI вв. властно требовали объединения всех сил кабардинского народа для оказания должного отпора турецко-крымским агрессорам.

Инициатором политического объединения феодально-раздробленной Кабарды явился известный в русской истории кабардинский удельный князь Темрюк Идарович, который, в целях сплочения раздробленных феодальных частей Кабарды в одно политическое целое, отстранил князей от управления страной и заставил их за жалование служить центральной княжеской власти [5].

Для достижения поставленной цели князь Темрюк Идарович установил довольно тесные политические связи с Московским государством, при помощи которого он рассчитывал покончить с внешними врагами кабардинской земли и создать в Кабарде, ликвидируя феодальную раздробленность, сильную централизованную княжескую власть.

Замысел князя Темрюка Идаровича ликвидировать феодальную раздробленность и создать твердую княжескую власть для отражения натиска внешних врагов следует считать прогрессивным. «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом,- писал Ф. Энгельс,— это совершенно очевидно», так как «она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»[6].

Осуществление задачи политического объединения феодально-раздробленной Кабарды встретило сильное сопротивление со стороны ущемленных в своих политических правах кабардинских феодалов, наиболее реакционная часть которых, в целях сохранения своих привилегий, ориентировалась на турецко-крымских агрессоров, нередко приводя их даже в Кабарду для совместной с ними борьбы против наметившейся центральной княжеской власти.

Ш. Б. Ногмов безусловно прав, когда пишет, что «междоусобия князей много способствовали успехам врагов внешних, сами князья были причиной бедствий своей родины, спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно

сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам»[7].

Межкняжеские распри и непрерывная борьба реакционной феодальной оппозиции против центральной княжеской власти привели Кабарду не к политическому объединению, а к распаду ее на Большую и Малую.

Распад Кабарды на две неравные части, как можно думать, произошел не позже половины XVI в. Такое предположение подтверждается некоторыми письменными источниками. В одном документе говорится, что после оседания кабардинцев на предгорной равнине Центрального Кавказа «в половине XVI в. ... разошлись они по случавшейся между ими ссоре, поселились порознь и стали именоваться по старшинству сих князей Большою и Малою Кабардой. Большой Кабардой та часть народа сего, которая с большим братом заняла места под поселение при реке Баксане, а Меньшею та, при реке Тереке, где расположился селением меньшой брат с подвластной ему частию»[8].

Согласно приведенному документу, распадение Кабарды на Большую и Малую произошло в княжение Темрюка Идаровича в середине XVI в., и произошло оно на почве княжеских неурядиц и разгоравшейся внутренней групповой борьбы.

Исторические предания кабардинского народа сохранили некоторые отголоски об этом «смутном времени» истории Кабарды. Историк Ш. Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа», в основу которой легли исторические предания кабардинского народа, по вопросу о распадении Кабарды на Большую и Малую пишет, что князь Шаулох Таусултанов среди кабардинских князей «сеял семена раздора и заводил возмущения в народе», что «приверженные ему уорки подговаривали некоторых старшин и советовали им разделить Кабарду» и что, наконец, «несколько старшин на то согласились... и со своими аулами... князь Шаулох увел их за реку Терек и поселил на правом берегу». «Земля этих переселенцев,- заключает Ногмов,- и поныне носит название Малой Кабарды, или Таусултания»[9].

Исторические предания кабардинского народа, которые Ш. Б. Ногмов приводит в своей «Истории...», не только не противоречат письменным источникам, но, напротив, подтверждают и даже дополняют их весьма существенными деталями. Устные памятники кабардинского народа, правильно отражая причины отпочкования и переселения части кабардинского народа на территорию Малой Кабарды, уточняют, что такое передвижение кабардинцев на правый берег Терека произошло по инициативе князя Шаулоха Таусултанова.

Шаулох Таусултанов лицо не мифическое, а вполне реальное, историческое. Князь Шаулох Таусултанов был современником Темрюка Идаровича. По генеалогической карте кабардинских князей[10], Шаулох Таусултанов, как и Темрюк Идарович,

находится в пятом поколении от легендарного родоначальника кабардинских князей - Инала. Темрюк Идарович был потомком третьего, по старшинству, сына Инала — Унамаза Иналовича, а Шаулох Таусултанов - потомком четвертого сына Инала - Джанхота Иналовича. Таким образом, князь Темрюк Идарович как представитель поколения старшего брата остался в Большой Кабарде, а Шаулох Таусултанов как представитель поколения младшего брата во главе части кабардинцев переселился в Малую Кабарду.

Интересно далее отметить, что по вопросу о времени переселения кабардинцев в Малую Кабарду между письменными источниками и памятниками устного народного творчества кабардинцев также нет противоречий. Письменный источник приурочивает переселение кабардинцев в Малую Кабарду к середине XVI в., а памятники устного народного творчества, связывая переселение кабардинцев с именем князя Шаулоха Таусултанова, современника Темрюка Идаровича, жившего, как хорошо известно, в XVI в., переход кабардинцев на правый берег Терека также приурочивают к XVI в.

Не исключена, однако, возможность наличия кабардинского элемента на территории Малой Кабарды и до середины XVI в. Наличие кабардинцев на территории Малой Кабарды до XVI в. тем более кажется нам вероятным, что кабардинцы, как полукочевой, скотоводческий народ, со своими стадами и табунами доходили до самых берегов Каспийского моря. По крайней мере в популярнейшей среди кабардинцев народной песне об Андемиркане говорится, что «между Доном и Идилью (Волга.- *Г. К.)* не было ни одной дорожки, ни одной тропинки, которая была бы не знакома Андемиркану и его Жаман-Шарику»[11].

Некоторые отголоски о распространении кабардинского этнического элемента далеко на восток сохранились и в кумыкских народных преданиях, которые кумыков этнически сближают с кабардинцами. Кумыкские предания говорят, будто некогда всем пространством от Кайтака, Аварии, Черкесии и Терека до Каспийского моря владел шамхал Тарковский, который от одной из своих ясен, происходившей от кабардинского узденского рода Анзоровых, имел сына Султан-Мута. Султан-Мут, как происходивший от неравного брака, не пользовался одинаковыми правами со своими братьями. Он бежал в Кабарду и с помощью своих родственников по матери набрал войско и отвоевал себе землю в Тарковском шамхальстве. На отвоеванной территории, на месте нынешнего Чир-Юрта, Султан-Мут заложил деревню. От Султан-Мута пошла кумыкская народность. После смерти Султан-Мута ему наследовали два его сына - Айдемир и Казанлик[12].

И тем не менее такого массового переселения кабардинцев, как и середине XVI в., история Кабарды не знает. ,^ ·)к

К сожалению, у нас нет данных - и вряд ли вообще существуют такие данные,- по которым можно было бы судить о количестве переселенцев из Большой Кабарды в Малую. Имеются более поздние сведения, относящиеся уже к XVIII в., которые говорят, что малокабардинские села, подвластные потомству князя Таусултанова, насчитывали не менее 1000 дворов, а деревни, подвластные потомству князя Гиляксанова,- не менее 500 дворов [13]. По этим сведениям, в 30 километрах к югу от Моздока находились еще две деревни, принадлежавшие потомству князя Кайтукина, но о количестве в них дворов сведений нет.

За отсутствием достоверных археологических или письменных исторических данных не представляется возможным ответить на вопрос о том, кого застали новые насельники на территории Малой Кабарды, за исключением гребенских казаков, осевших незадолго до этого у слиянии реки Сунжи с Тереком, и с какими из горских племен пришли в непосредственное соприкосновение.

Не подлежит, однако, сомнению, что к XVI в. осетин на предгорной равнине уже не было. Еще задолго до этого они под напором татаро-монгольских полчищ вынуждены были оставить равнину и уйти в горы. По крайней мере, известия, дошедшие до нас в статейном списке Московского посольства 1604 г. в Грузию во главе с М. И. Татищевым и дьяком А. Ивановым, являющиеся, кстати, самыми ранними русскими письменными известиями об осетинах, указывают осетин уже в нагорной полосе [14]. Статейный список посольства стольника Никифора Толочанова и дьяка Иевлева в 1650—1652 гг. в Имеретию также указывает осетин в нагорной полосе [16]. И тем не менее трудно предположить, что в момент переселения кабардинцев правобережье Терека было свободно и необитаемо. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что территория Малой Кабарды вплоть до устьев ущелий Центрального Кавказа была занята кочевьями каких-то племен, среди которых горские предания называют ногайцев.

О бытовании ногайцев на нынешней территории осетин до нас дошли некоторые отголоски в осетинских преданиях. Предания осетин Куртатинского ущелья говорят, что некогда ногайцы жили около города Тагана. Укрепления над осетинским сел. Дзвгис, Куртатинского ущелья, предания осетин связывают с ногайцами. Однажды, говорят предания, ногайский царь пошел войной против осетинского царя. Под напором ногайских орд осетины вынуждены были отступить в Куртатинское ущелье, где построили неприступное Дзвгийсское укрепление. Существуют, однако, и такие предания, которые постройку Дзвгийсского укрепления связывают с вторжением персидского шаха Аббаса в Куртатинское ущелье.

Дигорские предания сообщают о ногайцах больше сведений. Они говорят, что в древности в Стырдигорском и Уаллагкомском ущельях вместе с дигорцами жили и ногайцы. Около осетинского сел. Думта, Уаллагкомского ущелья, в местности, известной под названием Цухцурнаи Игуарданта, осетины и до сих пор указывают развалины древних поселений и кладбище, приписываемые ногайцам. Ногайское поселение с кладбищем осетины указывают также у самого выхода из Дигорского ущелья, в местности Тагари-Тапан, между осетинскими сел. Дидината и Ахсарисар. Наконец, осетины и кабардинцы указывают недалеко от сел. Караджаево, в местности Кета, древнее ногайское кладбище.

У дигорцев существует также в свое время опубликованное мною [16] любопытное предание, говорящее о длительном пребывании ногайцев па нынешней территории плоскостной Осетии.

Предания горцев Северо-Восточного Кавказа [17], и в особенности предания самих ногайцев - костековских и аксаевских, говорят, что в связи с нашествием татар ногайцы во главе с Бораханом вынуждены были откочевать на предгорную равнину Центрального Кавказа.

О бытовании ногайцев на предгорной равнине говорят, таким образом, приписываемые ногаям древние кладбища, находящиеся недалеко от осетинских сел: Карагач, Разбрун, Кора, Ахсарисар, Караджаево, а также в местности Тагари-Тапан и Кета.

Кабардинские народные предания также говорят, что до прихода кабардинцев и занятия ими местности Ак-Баш [18] - на границе между Кабардой и Осетией - здесь будто бы жили ногайцы.

Тюркский элемент на территории Кабарды прослеживается на основании антропологических данных. Проф. Д. Н. Анучин [19] на основе изучения инвентаря Озоруковских склепов пришел к выводу, что население данной местности было тюркского племени.

По мнению Д. Н. Анучина и В. Ф. Миллера, тюркская волна шла с севера и может быть приурочена к XIV в.

Таким образом, если верить устным преданиям осетин, кабардинцев, ногайцев и других горских народов, а также некоторым антропологическим данным, то в момент переселения кабардинцев на правый берег Терека предгорная равнина Центрального Кавказа была занята кочевьями каких-то тюркских племен, среди которых ногайцы составляли, по-видимому, основной этнический массив.

Новые насельники оттеснили тюркский элемент с Северного Кавказа в Прикумские и Прикизлярские степи, а какая-то часть, вероятно, откочевала в горы, где подверглась ассимиляции в более мощной и культурной осетинской среде.

Переселение части кабардинцев из Большой Кабарды в Малую во внутренней жизни феодально-раздробленной страны ничего не изменило. По-прежнему среди удельных князей Большой кабарды происходила борьба за единоначалие. Каждый Гремился к власти и добивался ее ценой кровавых **столкновений История** Кабарды **XVII-XVIII** вв. знает немало случаев, когда в борьбе за власть брат убивал родного **бра***а, а чаще всего изгонял его навсегда из пределов Кабарды.

Судьба изгнанных князей, потерпевших поражение во внутренней борьбе, была различна. Одни, приняв христианство, переходили в подданство России, как, например, сыновья крупного политического деятеля времени польско-шведской интервенции князя Сюнчелея - Григорий, Алегука с сыном Михаилом, Муцал Гсь ном кГспулатом и Куденет Келеметов с **сыном** Яковом-другие оставаясь магометанами, переходили под покровительство Крыма, при помощи которого продолжали борьбу против своих политических противников, оставшихся в Кабарде.

С распадом Кабарды на Большую и Малую между князьями названных двух частей Кабарды борьба не прекратилась. Большая Кабарда, как более могущественная, продолжала притеснять Малую Кабарду. «Владельцы Большой Кабарды, пишет Броневский,- издревле присваивают себе некоторые преимущества над Малой Кабардой, которая, по малосилию своему, нередко претерпевает от них притеснения»[21].

Борьба между Большой и Малой Кабардой была неравная. Если Большая Кабарда в состоянии была выставить свыше шести тысяч человек кавалерии из одних только узденей, то Малая Кабарда могла противопоставить этой силе не более трех тысяч вооруженных людей.

Неравная вооруженная борьба между князьями Ьольшои и Малой Кабарды, приводившая последнюю к экономическому разорению и политическому упадку, имела своим результатом сперва ориентацию, а потом и переход ее под протекторат Московского государства. «Древняя вражда между князьями Большой и Малой Кабарды, послужившая к разорению сей последней,- пишет только что упомянутый мною автор,- понудила оную совершенно предаться России»[22].

Кабардинцы отправляли в Терском воеводстве «всякие государства службы». По требованию терского воеводы, являвшегося представителем Московского государства на Северном Кавказе, они поставляли ратных людей. Известно, что в Терском воеводстве существовала особая слобода «служилых кабардинцев». Малая Кабарда прочно и навсегда связывала исторические судьбы с Московским государством.

II

Переправившись на правый берег реки Терека, кабардинцы сначала расселились вдоль среднего течения названной реки, приблизительно до Моздока, а потом своими кабаками они заняли всю центральную часть предгорной равнины.

За отсутствием положительных данных, мы лишены возможности проследить процесс расселения кабардинцев в **XVI-**XVIII вв. на Северо-Кавказской равнине. Но можно безошибочно сказать, что в XVIII в. все центральное предгорье, ныне входящее в состав Северо-Осетинской АССР, уже находилось в руках малокабардинских князей, феодальные владения которых были разбросаны на всем пространстве указанной территории.

Процесс заселения Северо-Кавказской равнины кабардинскими феодалами особенно усилился в XVIII в. в связи с Белградским мирным трактатом, заключенным между Россией и Турцией в 1739 г., в силу которого за Кабардой были признаны суверенные права.

В шестом артикуле Белградского мирного трактата о Большой и Малой Кабарде записано:

«Быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной ни другой Империй, но токмо за бариеру между обеими Империями служить имеют и что и от другой стороны блистательной Порты туркам и татарам в оные не вступать и оных не обеспокоивать, такожде и от Всероссийской Империи оные в покое оставлены будут, а ежели помянутые кабардинцы причины жалобы подадут одной или другой державе - каждой позволяется наказать»[23].

По Белградскому трактату Кабарда, разумеется, не получила никакого суверенитета. Напротив, согласно заключительной части приведенной статьи трактата, обе державы — Россия и Турция - по всякому поводу и даже без всякого повода вмешивались во внутренние дела Кабарды, превращенной в арену интриг и скрытой политической борьбы.

Несмотря на то что Белградский трактат, формально декларировавший «независимость» Кабарды, на деле оказался фикцией, он тем не менее для внутренней истории Кабарды сыграл большую роль. Он дал возможность Кабарде, в особенности Малой Кабарде, расширить свои пределы на восток и юго-восток и распространить свое политическое влияние на соседние горские племена.

Вопрос о размещении кабардинских поселений в XVI-XVIII вв. в центральной части предгорной равнины не только не изучен, но в литературе *даже* совершенно не затронут. А между тем этот вопрос имеет большое значение для понимания установившихся между Кабардой и соседними племенами зависимых отношений.

Архивные источники и картографические материалы дают возможность восстановить картину размещения в XVI-XVIII вв. на современной плоскостной территории Северо-Осетинской АССР кабардинских поселений, просуществовавших почти до первой четверти XIX в.

Основным источником для восстановления малокабардинских населенных пунктов в центральной части предгорья Северного Кавказа для нас служил «Примерный план», составленный 21 июля 1768 г. геологом Степаном Вонявиным и обнаруженный нами в Московском государственном архиве древних актов [21].

«Примерный план» составлен на основании личных наблюдений С. Вонявина и материалов, собранных им на месте во время исследования, по поручению Берг-Коллегии, природных богатств Центрального Кавказа.

С. Вонявин, разумеется, интересовался прежде всего природными богатствами исследуемой местности, но попутно он нанес на свой «Примерный план» реки, пути сообщения и тогдашние населенные пункты, что имеет большой научный интерес.

На «Примерном плане» С. Вонявина показана территория, ныне занятая Кабардинской и Северо-Осетинской республиками и Грозненской областью. Малая Кабарда, согласно «Плану», простиралась с правого берега Терека до реки Сунжи на востоке и устьев теперешних осетинских ущелий. На этой плодородной равнине пока не было поселений осетин, ютившихся исключительно в ущельях Центрального Кавказа. Зато на ней, составлявшей до XVIII в. включительно территорию Малой Кабарды, мы видим свыше десятка кабардинских поселений, заходивших далеко на юго-восток от теперешних границ Кабардинской Республики.

Вот перечень располагавшихся в XVIII в. на Владикавказской равнине кабардинских поселений.

На «Примерном плане» нанесено древнее городище Татартуп, находившееся на левом берегу реки Терека, напротив теперешнего осетинского сел. Эльхотово. Татартуп показан не как населенный пункт, а как важный стратегический пункт. Татартуп с его средневековой, прекрасно сохранившейся до настоящего времени высокой сторожевой башней, лежит в так называемой Аргской теснине, образованной перпендикулярно спускающимися Кабардинскими горами и бурным течением многоводного Терека. Татартуп лежал на важном торговом пути, соединявшем Западный Кавказ с Дагестаном и Дарьяльской торговой магистралью. В Центральном Кавказе Татартуп играл почти такую лее роль, какую играли в средние века знаменитые Дербентские ворота в Северном Дагестане. Поэтому кабардинские феодалы прочно держали Татартуп в своих руках [25].

По прямой линии от Татартупа на восток и к северу от теперешнего осетинского сел. Кар джин находились два кабардинских поселения Баташевых, которые лежали на большом тракте, соединявшем Куртатинское ущелье с притеречными районами.

К югу от Баташевых, перейдя на левый берег Терека, между Ардоном и Белой, приблизительно в районе теперешнего осетинского сел. Красногор, на левом берегу Ардона, к югу от его впадения в Терек, стояло сел. Тузароко, а к юго-западу от его впадения в Терек стояло сел. Камбекуково, лежавшее на татартупском тракте.

Еще южнее, на правом берегу реки Белой, приблизительно в районе теперешнего Красногора, находились два кабардинских села, известные, по одним источникам, под названием Эльхотовых кабаков [26], а по другим - под названием Елдух [27].

От Эльхотовых кабаков на запад, на реке Дурдур, недалеко друг от друга, располагались три кабардинских селения под названием Муртазовых кабаков, одно из которых находилось на правом, а два на левом берегу Дурдура.

На правом берегу реки Фиагдона, почти у самого входа в Куртатинское ущелье, недалеко от современного осетинского сел. Дзуарикау, находилось сел. Барукино, а к западу от него на самом берегу Фиагдона располагался Осетинский Монастырь [28].

Вот, пожалуй, и все кабардинские населенные пункты, которые можно извлечь из «Примерного плана» С. Вонявина и которые существовали на нынешней территории плоскостной Осетии до начала XIX в.

К солшлению, сколько-нибудь подробных сведений о перечисленных малокабардинских поселениях мы не имеем. Только о двух поселениях - Барукине и Осетинском Монастыре - мы располагаем более подробными сведениями, имеющими несомненный интерес. Сел. Барукино, по имеющимся данным, состояло из 80 крестьянских дворов и принадлежало малокабардинским узденям Батоко, Сокруко, Давлетуко и Шаулоху Анзоровым, находившимся в вассальной зависимости от князя Большой Кабарды Мисоста Баматова. Недалеко от Барукино, как уже было сказано, находился Осетинский Монастырь, основанный в 1744 г. грузинскими миссионерами, посланными на Северный Кавказ в составе осетинской духовной комиссии. Местонахождение Осетинского Монастыря путешественник XVIII в. Штедер указывал на правом берегу Фиагдона «у предгорий в 6 верстах к северо-востоку и в 2 верстах к югу от Фиагдона» [29]. Осетинский Монастырь, по словам документа, «получает себе ныне одно только что имя, а в самом виде состоит из одной самой бедной, развращенной церкви и избы, в которой живут священники, посему оной по своему виду для простого народа совсем никакой важности не имеет» [30].

При Монастыре осетинского населения, по-видимому, не было, но кабардинцы при нем жили. По крайней мере, член осетин-

ской геологоразведочной экспедиции ротмистр Батырев в своем отчете о поездке в Осетию в 1771 г. писал кизлярскому коменданту Паркеру, что по приезде в Осетинский Монастырь со своей командой «стали в доме Малой Кабарды узденя у Мисоста Дыкынова и, переночевав у него», на следующее утро он «ходил с дворянином оной Малой Кабарды главному и полномочному узденю Батоку Анзорову»[31]. Батоко Анзоров был одним из владетелей сел. Барукино, где он и жил. Что касается Мисоста Дыкынова, то он жил при Осетинском Монастыре. Так как сел. Барукино находилось почти рядом с Осетинским Монастырем, то ротмистр Батырев и Мисост Дыкынов могли на следующее утро пешком отправиться к владетелю Батоко Анзорову, жившему в своем сел. Барукино.

Осетинский Монастырь существовал около 25 лет. В 1769 г. он был ограблен и разрушен до основания осетинами Куртатинского ущелья из-за недоданных одному осетину при крещении семи аршин холста на рубашку. В одном интересном документе по поводу инцидента говорится, что в 1769 г. «на вышеописанное осетинское подворье, состоящее в Малой Кабарде, 2 сентября учинено нападение горскими народами, называемыми куртатинцами, человеках во сте собравшимися, побито ими казаков пять человек, церковь и пожить у попов и казачья разграблены, и разорению подворье предано»[32].

В 1781 г. путешественник Штедер во время пребывания в Осетии наблюдал «развалины осетинского подворья, лежащие в прекрасной и плодородной равнине, в сторону центра Осетии и к югу от Моздокской дороги»[33].

Осетинский Монастырь для кабардинских феодалов имел большое значение. Он лежал у выхода из Куртатинского ущелья на единственном тракте, соединявшем ущелье с русскими пограничными крепостями, а потому давал кабардинским феодалам возможность контролировать торговые и другие сношения осетин с Кавказской военной линией.

Не случайно отсюда малокабардинские феодалы: Кайтуко и Келемет Ахловы — перед моздокским комендантом «с крайним прилежанием приносили свою просьбу, что возобновлено было осетинское подворье, так как «они с своими подвластными из гор выйти я^елают и около оного поселитца» и «ево охранять от разных нападений»[34].

Кабардинские поселения в подавляющем большинстве случаев леясали на берегах рек или на вьючных путях, соединявших нагорную полосу с предгорной равниной. Наиболее оживленные меновые и другие связи с равниной поддерживали осетины Алагирского и Куртатинского ущелий. Любопытно при этом отметить, что осетины Алагирского ущелья сообщались с равниной не по своему ущелью, а по соседнему Куртатинскому ущелью.

Вьючная дорога шла по Фиагдону на север, через Барукино и Осетинский Монастырь. Приблизительно в районе нынешнего Ардонского казачьего хутора дорога разветвлялась. Одна ветвь, пересекая реку Ардон, через кабардинские поселки - Тузарока, Камбекуков и Эльтюховы, расположенные между Ардоном, Белой и Татартупом, уходила в Большую Кабарду, а другая, перейдя на правый берег Гизельдона, через поселки Баташевых уходила в северо-восточном направлении, а напротив Моздока поворачивала на восток и правым берегом Терека шла через Девлетгиреево и станицы терско-гребенских казаков.

Малокабардинские феодалы держали в своих руках торгово-стратегические пути, соединявшие нагорье Центрального Кавказа с равниной и Северный Кавказ с Закавказьем.

Важнейшая военно-стратегическая дорога по Дарьяльскому ущелью на участке от Моздока и до нынешнего Дзауджикау в XVIII в. находилась во владении малокабардинского феодала Алдигирея Гиляксанова. Документ констатирует, что «живет оной Алдигирей Гиляксанов при горах в Малой Кабарде и через его владение лежит тракт в Грузию»[35].

Торговые пути охранялись заставами кабардинских феодалов, взимавших с проезжавших дорожные пошлины. Кабардинцы взимали пошлины не деньгами, а холстом. Счет велся на рубашки, а каждая рубашка равнялась шести локтям грубого домотканного холста. При канцелярии кизлярского коменданта находились большие склады холста, доставляемые из Нижнего Новгорода, на казенные дорожные расходы. В 1770 г., когда движение по Дарьяльскому пути усилилось, в связи с пребыванием русского корпуса в Грузии, в три месяца было израсходовано 15 860 аршин холста[36].

Кабардинские феодалы не всегда довольствовались взысканием пошлин. Нередко они грабили проезжавших, а людей брали в плен и освобоясдали только за большой выкуп, а в противном случае продавали в рабство в чужие края. Осетины неоднократно жаловались русскому пограничному начальству, что «Большой и Малой Кабарды владельцы, а особливо Малой Кабарды владельцы, а именно Ахловы и Мударовы фамилии теснят ловлением проезжающих и отъезжающих отсюда людей наших без всяких вин и продают временем в посторонние места, а иногда и нам за выкуп за дорогую цену отдают»[37]. Известно, что осетинский старшина Иван Генцауров, служивший переводчиком в осетинской духовной комиссии, «как ехал в Моздок, где был пойман кабардинцами и запродан в Крым»[38], откуда потом был выкуплен кизлярским комендантом Потаповым.

Случай с Генцауровым, по-видимому, был не единичный. Если верить свидетельству самих осетин, то лишь узденъ Слангирей Муртазов «не меньше ста душ из нашего народа в полон взял и продал в Крым»[39].

С большей или меньшей вероятностью можно предположить, что кабардинские поселения стали возникать на нынешней территории плоскостной Осетии в XVI в., одновременно с занятием кабардинцами территории Малой Кабарды. В этой связи любопытно отметить, что «Книга Большого Чертежа», являющаяся памятником XVII в., течение реки Ардон, протекающей по нынешней территории Осетии, называет территорией Кабарды. В «Книге...» прямо сказано, что «в Кабарде пала из гор в Терек река Ардон»[40].

«Книга Большого Чертежа», как мы видим, связывает Дзауджикаускую равнину с Кабардой.

Малокабардинские феодалы, по-видимому, владели Дзауджикауской равниной около двух или трех столетий.

Длительное бытование кабардинцев на нынешней территории плоскостной Осетии прослеживается как в местной топонимике, так и в некоторых памятниках материальной культуры края. Дурдурская возвышенность, входящая в состав Осетинской АССР, до наших дней известна среди осетин под названием Муртазата. Нетрудно понять, что данный топонимический термин связан с кабардинскими поселениями князей Муртазовых, располагавшимися в XVIII в. на среднем течении осетинской реки Дурдур. Любопытно также отметить, что холмистое левобережье той же осетинской реки Дурдур осетины называют «Силтанук», не подозревая того, что это собственное, быть может, имя кабардинского князя Султанука Идаровича, в середине XVI в. находившегося в качестве аманата при дворе московского царя Ивана IV. Возможно, что в XVI в. на левом берегу реки Дурдур находились феодальные кабаки князя Султанука, но в дальнейшем они исчезли, а имя владетеля осталось за местностью.

Значительное количество курганов и древних кладбищ, разбросанных на территории плоскостной Осетии, население приписывает кабардинцам. Древнее кладбище между сел. Дигора и казачьей станицей Николаевской, на левом берегу реки Белой, осетины называют кабардинским. Однако ни курганы, ни древние кладбища, находимые на территории Осетии и приписываемые кабардинцам, к сожалению, совершенно не исследованы, а потому вопрос об их принадлежности кабардинцам следует считать открытым.

Можно было ожидать, что кабардинцы за триста лет своего пребывания на Дзауджикауской равнине оставили более или менее ощутимые следы своего бытования. Однако здесь мы не находим городищ или, если не считать кладбищ, приписываемых кабардинцам каких-либо памятников кабардинской культуры. Насколько сильно было влияние Кабарды в области духовной культуры на осетин, настолько слабо оно было в области материальной культуры. Объясняется это полукочевым характером хозяйства кабардинцев. На Дзауджикауской равнине

кабардинцы занимались преимущественно кочевым скотоводством. «Если какое-нибудь место в соседстве обещает и лучшую почву, обильнейшие паствы, более воды и лесу,- читаем в одном источнике,- то они тотчас оставляют свои деревни и с удивительной скоростью переселяются на сие новое место»[41].

Кабардинские поселения в подавляющем большинстве случаев представляли из себя не что иное, как феодальные кабаки или обыкновенные коши, отличавшиеся большой подвижностью.

К кочевому образу жизни был приспособлен и самый тип жилища кабардинца.

Кочевой характер кабардинского жилища правильно подметил кн. Шаховской, который на основании личных наблюдений сообщает, что «кабардинцы живут большими аулами-деревнями, но дома их сделаны наскоро и более походят на бивуаки, чем на прочное жилище»[42].

Кабардинское жилище делалось из плетня, покрывалось соломой или камышом и имело круглую форму. Такие плетеные жилища были весьма портативны и вполне приспособлены к полуцомадному быту народа. Преимущества неизменных в кочевом быту легких плетеных жилищ перед капитальным жилищем, предполагающим прочную оседлость, кабардинцы хорошо понимали. «Один владелец, Хамурза по имени,- говорится в источнике,- сказал, что он хижину свою не променяет на лучший по великолепию дом в Европе». «Мы пользуемся воздухом свободным,- мотивировал Хамурза сказанное,- и я легко переношу хижину свою по всему пространству той земли, где наш народ обращаться властен»[43].

Отсутствие памятников материальной культуры кабардинцев на территории их бытования в XVI-XVIII вв. у предгорья осетинских ущелий объясняется кочевым бытом кабардинского народа.

III

На Дзауджикауской равнине, как я уже указывал, до начала XIX в. осетинских поселений не было, за исключением осетинской слободы в Моздоке, состоявшей из осетин Куртатинского ущелья, переселившихся, по инициативе царского правительства, во второй половине XVIII в., и нескольких дигорских поселений, размещавшихся у самого подножия гор в Западной Осетии.

Осетины, запертые в голодных ущельях Центрального Кавказа и отрезанные от предгорной плодородной равнины кабардинскими феодалами, испытывали исключительную нужду в пастбищах и пахотной земле. «Мы жительствуем внутри в горах весьма тесно и неисправно,- писали в 1755 г. осетинские старшины Куртатинского ущелья царице Елизавете Петровне,-

во всем же имеем великую нужду и недостаток; и некоторые наши подлые люди ни малой пахотной земли не имеют, где могли бы для своего довольствия сеять хлеба и прочее, также и скот довольной содержать не могут»[44].

В борьбе за существование осетины совершали частые нападения на феодальные поместья кабардинских князей.

Нередко они посещали с грабительскими целями и Карталинию. В статейном списке московского посольства 1604-1605 гг. в Грузию записано, что «меж черкесские и Юрьевы[45] царевы земли есть горские люди, словут осинцы... и те люди карталинским людям чинят тесноту, тайно приходя, побивают и грабят»[46].

Занимая перевальные пути центрального нагорья, осетины сильно мешали регулярным сношениям Московского государства с единоверной Москве Грузией. Архиепископ Грузии настойчиво просил московских послов Татищева и Иванова, чтобы на осетин «с Терки государевы воеводы рать послали и черкесам на них идти велели». «И только то место очиститца,— говорил далее архиепископ,- и дорога будет из карталинской земли к государеве отчине Кабардинской земле прямая и просторная»[47].

Однако план завоевания горных осетин в тогдашних условиях был неосуществим, так как в XVI и в начале XVII в. Московское государство пока не имело на Северном Кавказе достаточно сил и средств для осуществления этого плана.

В результате монопольного владения предгорной равниной и пролегавшими по ней торговыми путями, соединявшими русские пограничные крепости с нагорной полосой, малокабардинские феодалы распространили свою политическую власть на осетин.

Мы не можем сказать точно, когда именно осетины попали под власть кабардинских феодалов. Можно, однако, предположить, что власть кабардинских феодалов распространилась на осетин давно и во всяком случае не позже XVI в. В одном из самых ранних письменных источников об осетинах, каковым является упомянутый выше статейный список посольства Татищева, уже говорится о зависимом положении осетин от кабардинских феодалов. В документе сказано, что «осинцы бывали за Айтек-Мурзою Черкасским, да от него отложились»[48], а потому князь Черкасский просил терского воеводу дать ему ратных людей для приведения «отложившихся» осетин в прежнее повиновение.

В одной из своих работ[49] я имел случай подробно остановиться на экономических предпосылках кабардино-осетинских феодально-вассальных отношений. Нет надобности поэтому вновь излагать уже сказанное по этому вопросу. Отмечу только, что, не отрицая самостоятельного исторического развития осетинского общества, феодальная Кабарда тем не менее оказала сильное влияние на социальную жизнь Осетии.

Влияние кабардинских феодалов в Западной Осетии было значительно сильнее, чем в Восточной. Объясняется это тем, что Западная Осетия, или Дигория, с древних времен непосредственно граничила с Кабардои, под влиянием которой процесс развития классовых отношений в ней был ускорен. Бывшие родовые старшины в Дигории значительно раньше, чем в восточных ущельях Осетии, под влиянием и при поддержке кабардинских феодалов, сложились вне своих родов в эксплуататорский класс местных баделят, признавших себя вассалами кабардинских князей. При помощи своих сюзеренов дигорские баделята подчинили себе трудовое крестьянство Дигории.

Общие результаты политического влияния феодальной Кабарды на Дигорию правильно понял непосредственный наблюдатель осетинской действительности второй половины XVIII в. путешественник Штедер, который в своих путевых записках отметил, что «дигорский народ попал в зависимость, а благодаря этому власть баделят усилилась, и форма управления стала более аристократической»[50].

Действительно, социальная жизнь Дигории складывалась по образцу феодальной системы Кабарды. В угоду своим сюзеренам дигорские баделята во всем подражали кабардинским князьям. Они принимали мусульманство, изучали кабардинский язык и усваивали дворянский этикет и сложные обычаи кабардинской феодальной знати.

Наиболее крупными феодалами среди дигорских баделят были фамилии Тугановых, Абисаловых и Кубатиевых, которые рано попали в вассальную зависимость от кабардинских князей.

Кабардинские князья оказывали своим вассалам всяческую помощь. Пользуясь покровительством кабардинских князей, дигорские баделята Кубатиевы одними из первых выселились из гор и со своими крестьянами обосновались на предгорной равнине. В данном случае был прав упомянутый выше Штедер, когда писал, что дигорские «баделята соединились с кабардинцами, получив, благодаря этому, возможность поселиться у подножия гор»[51]. Кубатиевы поселились со своими холопами в сел. Кубатиево, на берегу реки Белой.

Мы не можем сказать точно, когда именно произошло переселение дигорских баделят Кубатиевых на предгорную равнину. Несомненно, однако, что переселение баделят Кубатиевых на равнину произошло не позже XVIII в. Резиденция дигорских баделят Кубатиевых - сел. Кубатиево - на «Примерном плане» Вонявина, точно датируемом 1768 г., уже значится на предгорной равнине. Это было первое осетинское поселение в XVIII в. на Дзауджикауской равнине.

Восточные ущелья Осетии тоже долго не могли оставаться вне сферы политического влияния феодальной Кабарды. Острое безземелье, душившее осетин в нагорной полосе, гнало их на предгорную равнину, где они за пользование пахотными и се-

нокосными угодьями, находившимися в монопольном владении кабардинских князей, попадали в феодальную от них зависимость.

Основная причина закабаления осетин кабардинскими князьями на равнине в основном правильно изложена представителями осетинского крестьянства в «Комиссии по расследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области», заявившими, что дигорцы «податей никому никогда не платили до тех пор, пока значительная часть дигорского народа принуждена была, по недостатку земли в горах, спуститься на плоскость и поселиться на земли, принадлежащие фамилии кабардинских князей Таусултановой. Князья эти, позволив жить на своей земле, вместе с тем обязали поселившихся на плоскости дигорцев давать им за право пользования этой землей в год с каждого двора по одному барану, и это была первая подать, которую по необходимости и по условию предки наши должны были давать фамилии Таусултановой»[52].

Из приведенного показания дигорцев можно сделать заключение, будто зависимость осетин от кабардинских феодалов установилась только с момента поселения их на землях кабардинских феодалов Таусултановых в XIX в. А между тем зависимость осетин от кабардинских феодалов установилась еще задолго до XIX в.

Время проникновения влияния феодальной Кабарды в осетинское общество точно установить не представляется возможным. Но предположительно можно сказать, что осетины начали испытывать влияние Кабарды с момента колонизации кабардинцами территории Большой Кабарды, но особенно оно усилилось в XVI в. в связи с переселением кабардинцев в Малую Кабарду и занятием ими Дзауджикауской равнины.

Материалы личного архива акад. П. Г. Буткова[53] позволяют точно установить имена и фамилии кабардинских феодалов, от которых осетины отдельных ущелий находились в полной или частичной зависимости.

Крестьяне Дигорского ущелья платили дань кабардинским феодалам: Магомет-Гирею, Нафи-Мурзе, Мисосту Канайбеку, Бекмурзе и Магомету Кургокиным, Асланбеку Кайтукину и Алдигирею Гиляксанову. Осетины Куртатинского ущелья, которых по Фиагдону насчитывалось свыше 400 дворов, платили дань князьям Большой Кабарды Мисосту Мамбетьеву и князю Малой Кабарды Ахлову. Осетины Кобанского ущелья, которых по Гизельдону насчитывалось свыше 500 дворов, платили дань кабардинским князьям Татархановым. Наконец, осетины Дарьяльского ущелья, которых по левобережью Терека* насчитывалось свыше 500 дворов, платили дань малокабардинскому князю Мударову и грузинскому князю Казбеку[54].

Все осетинские ущелья, таким образом, за исключением Алагирского, о котором у нас нет сведений, находились в феодальной зависимости от кабардинских князей.

Распространению над осетинским крестьянством власти кабардинских феодалов в значительной мере содействовали старшинские верхи осетин, признавшие себя вассалами кабардинских князей.

На основе установившейся феодальной зависимости кабардинские князья взимали с осетин определенные местным обычаем повинности, о размерах которых до нас дошли некоторые известия в статейном списке московского посольства в Имеретию в 1650 г. во главе со стольником Никифором Толочановым и дьяком Иевлевым[55].

В этом интересном источнике говорится, что в XVII в. дигорские крестьяне уплачивали кабардинским феодалам поаульные и подворные повинности. Со слов самих осетин московские послы записали, что дигорцы «ясак дают Алегуке да Ходождуке мурзам Черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову с кабака по десяти коров или быков, да по ясыру, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса»[56].

Каждый дигорский аул, как мы видим, обязан был платить кабардинским феодалам ежегодно 10 коров или быков, одного раба и одну хорошую верховую лошадь, а крестьянский двор — одну овцу с ягненком, четверик пшеницы и четверик проса.

Известия XVIII в. дополнительно сообщают, что каждый осетинский двор обязан был платить одного барана, железа на одну косу, одну хорошую бурку и установленное количество орлиных перьев для стрел[57]. Право взимания кабардинскими феодалами дани с осетин было санкционировано грамотой Екатерины II от 15 июля 1771 г.

Осетины в нагорной полосе экономически были настолько стеснены кабардинскими феодалами, что в XVIII в., с усилением политического влияния России на Северный Кавказ, они стали ориентироваться и добиваться ее покровительства и защиты от феодального гнета кабардинских князей. Астраханский губернатор Петр Кречетников верно разгадал основную причину ориентации осетин на Россию. В одном из своих донесений к Екатерине II он писал, что осетины живут «в крайней бедности и в несказанном недостатке, и от Большой и Малой Кабарды в притеснении», а потому «бедность и досады необходимо понуждают их искать себе верного покровительства и защищения»[68].

О покровительстве и защите от феодального произвола кабардинских князей Россию просили осетины всех ущелий. Представители Дигорского ущелья Смаил и Чибирка, узнав о прибытии в Кабарду в 1650 г. московского посольства в Имере-

тию, вышли навстречу послам Толочанову и Иевлеву и сказали: «Только-де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они-де дигорцы и все горские люди будут ево государевы холопы. И что дают черкесским мурзам ясак, и тот ясак учнут давать московскому государю»[59].

Осетины Алагирского ущелья также заявили прибывшему в Осетию в составе геологической экспедиции ротмистру Батыреву, в лице которого они видели представителя России, «с большой горячностью свое желание с тем, что они намерены выйти для поселения к российским границам, которых числом будет тысяч до шести и более, и при том напоминали, что они в таком их намерении на российскую сторону как и прежде всего, так и ныне всегда имеют немалую надежду»[60].

Почти одновременно с заявлением осетин Алагирского ущелья представители цимитинских осетин - Кубади Елоев, Бибо Тушев, Чанчек Машуков и Бакар Казгиреев - обратились к упомянутому ротмистру Батыреву с просьбой, чтобы «дан им был открытый лист и с тем беспрепятственно могли как в Моздок, Кизляр приезжать и выезжать без всяких сумнительств и препятствий, как другие верноподданные обращаются»[61].

Общее желание осетин выйти на предгорную равнину и перейти под покровительство России правильно выразил в своей докладной записке Ст. Вонявин, который писал, что осетины «с крайнею охотою желают выйти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора»[62].

Такое единодушное желание осетин Вонявин считал «без вымыслу и справедливо, ибо претрудная их жизнь в хлебопашестве и скотоводстве по горам... и случающиеся от кабардинцев обиды к сему их больше приводят»[63].

Вопрос о переселении осетин на равнину и о принятии русского подданства являлся центральным пунктом наказа осетинского посольства 1749 г.

В своей челобитной осетинское посольство просило Елизавету Петровну принять осетин в подданство и разрешить им выселиться на предгорную равнину «ниже тех гор, в которых они жительство имеют, а именно на Фияке и Арагонской реках»[64].

Плодородная равнина, лежащая между реками Фиагдоном и Ардоном, к северу от Осетинского Монастыря и кабардинского сел. Барукино, на которую претендовали осетины, была свободна от кабардинских поселений. Однако, по наведенным Коллегией иностранных дел справкам, оказалось, что междуречье, которое просили осетины, принадлежало малокабардинским феодалам. Следовательно, расселение осетин при помощи России на территории Кабарды, признанной русско-турецким трактатом 1739 г. суверенной, «с выше означенным трактатом было бы не сходно», тем более что «со стороны Порты Оттоманской все здешние поступки в рассуждении кабардинского народа, каковы б они ни были, наиточнейше примечаются»[66].

Учитывая международную политическую обстановку того времени, Россия, чтобы «Большая Кабарда владельцев, имеющих во всех горских народах инфлюенцию ... не раздражать»[66], отказала предоставить осетинам двуречье Ардона и Фиагдона, которое к тому же пока ей не принадлежало. Россия предложила осетинам для поселения земли в сфере своего непосредственного влияния, а именно «тот угол, который река Терек и впадающая в оную речка Курпа составляет вниз по реке Терку от речки Курпа, потому особливо, что сие место из принадлежащих к российским границам и настоящим осетинским жилищам— ближайшее, а при том и от кабардинских из того жаловаться, ниже туркам явным образом и по справедливости нарекать причины не будет»[67]. На указанном месте Россия обещала осетинам покровительство и защиту от иноземных насильников.

Желая сохранить свою независимость, осетины на предложение России переселиться на указанные земли ответили молчаливым отказом. Они не хотели менять одну зависимость на другую, причем более тялселую. Осетины хотели при помощи России выселиться на предгорную равнину и поселиться на землях, принадлежавших малокабардинским феодалам.

Осетинское посольство 1749 г., не разрешив основного вопроса, каким являлся земельный вопрос, в 1752 г. вернулось в Осетию.

Спустя два года осетины вновь поставили перед Россией вопрос о переселении на равнину. Специального посольства они не посылали, а подали челобитную через кизлярского коменданта фо Фрауендорфа, в которой, изложив свое бедственное положение в нагорной полосе, просили разрешения выселиться на свободные земли. «Ныне мы,- писали они,- снискали себе для поселения место близ тех же гор, где мы жительствуем, лежащую впусте, не под чьим владением, а именно между двумя реками, едучи из Кизляра через Татартуп в Осетию, в левой стороне, а расстояние имеет от того Татартупа более пятидесяти верстах»[68].

Нетрудно заметить, что осетины опять претендовали именно на ту местность, на которую указывало осетинское посольство 1749 г. и которая, по отзыву Штедера, «с помощью обработки могла бы сделаться счастливейшей местностью», но она «вследствие обоюдной боязни кабардинцев и горцев»[69], все время лежала необработанной.

С 1749-го по 1755 г. в русско-турецких отношениях никаких изменений не произошло. Они продолл^али оставаться, как и раньше, достаточно натянутыми. Поэтому Россия, во избежание серьезного конфликта с Портой по кабардинскому вопросу,

вновь предложила осетинам переселиться в Моздокский район, уже входивший тогда в состав южных пределов России.

Осетины опять уклонились от предложения переселиться в русские пределы.

Россия разгадала дипломатичную игру осетин, упорно добивавшихся, в целях сохранения своей независимости, предгорной равнины «больше для того,- как правильно констатировала Коллегия иностранных дел,- чтоб не совсем подчиняться здешней стороне, и в случае нужды иметь способ в горы ретироваться»[70].

Вопрос о переселении осетин на Дзауджикаускую равнину в XVIII в. не был разрешен. Он разрешился только в XIX в., когда царская Россия сделалась фактическим хозяином всей центральной части Северо-Кавказской равнины.

В XIX в. происходило, с одной стороны, массовое переселение осетин из гор на равнину, а с другой стороны - оттеснение кабардинцев в Большую и Малую Кабарду.

Переселение осетин на предгорную равнину отвечало политическим и стратегическим интересам России. Осетинские поселения на равнине размещались по определенному плану — вперемежку с казачьими станицами, что обеспечивало России вынужденную покорность осетин. С переселением осетин на равнину освобождались важнейшие перевальные пути, на которых сидели осетины, и обеспечивалось беспрепятственное сообщение России с Грузией.

С уходом кабардинцев с Дзауджикауской равнины в первой четверти XIX в. и занятием последней осетинами в кабардино-осетинских отношениях произошли большие изменения.

В 1822 г. в Кабарде произошло крупное восстание, направленное против колониальной политики царизма. По приказу ген. Ермолова на подавление восстания в Кабарду были введены царские войска.

Осетины, воспользовавшись этими событиями, категорически отказались от уплаты дани кабардинским князьям. Кабардинские феодалы поставили вопрос перед кавказским командованием о признании за ними прежних феодально-вассальных прав над осетинами.

В просьбе кабардинским князьям было отказано. «Кавказские народы,- писал ген. Эмануель,- чем более имеют между собой связей, тем они непреклоннее к повиновению, и потому изменение настоящих отношений осетин к кабардинцам я не нахожу совместным с настоящими обстоятельствами»[71].

Мнение ген. Эмануеля было поддержано графом Паскевичем, который писал военному министру Чернышеву, что «в просьбе о возобновлении подати, которую некогда платили осетины кабардинцам по праву сильного, решительно следует отказать», так как «для российского правительства полезно иметь

разные племена горских народов, одно от другого совершенно независимыми»[79].

Таким образом, 1822 г. следует считать датой окончательного освобождения осетин от феодального гнета кабардинских князей[73].

* * *

Подведем некоторые итоги всему сказанному.

Правобережье Терека, известное до Октябрьской революции 1917 г. под названием Малой Кабарды, не являлось исконной кабардинской землей. Переселение кабардинцев на правый берег Терека и, следовательно, распадение Кабарды на Большую и Малую произошло приблизительно в первой половине XVI в. В основе распада Кабарды на две неравные части и передвижения кабардинцев на правый берег Терека лежали внешние и внутренние причины. К внешним причинам следует отнести турецко-крымский гнет в Кабарде, а к внутренним - феодальные междоусобицы, усилившиеся в связи с мероприятиями удельного князя Темрюка Идаровича по созданию сильной централизованной княжеской власти, необходимой, в частности, для оказания отпора турецко-крымским насильникам.

Большая Кабарда распалась на четыре феодальных удела, принадлежавших князьям Кайтукиным, Мисостовым, Атажукиным и Бекмурзиным, а Малая Кабарда — на два удела, принадлежавшие Мударовым и Таусултацовым.

Переселение части кабардинцев на правый берег Терека и распадение Кабарды на две части не устранили в кабардинском обществе неизбежной в условиях феодальной раздробленности борьбы феодальных группировок с различными политическими интересами и ориентациями, доводившими страну до полного экономического и политического упадка. Будучи не в состоянии собственными силами справиться с турецко-крымскими насильниками и их агентурой внутри страны, князь Темрюк Идарович установил тесные связи с Московским государством, при помощи которого он рассчитывал покончить с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

Феодалы Большой Кабарды не отказались от своих притязаний на кабардинцев, переселившихся в Малую Кабарду. Завязалась упорная борьба между Большой и Малой Кабардой. Перевес в неравной борьбе оказался на стороне более сильной и могущественной Большой Кабарды, которая могла выставить свыше 6 тыс. хорошо вооруженных воинов против 3 тыс. малокабардинцев.

В целях сохранения своей независимости от Большой Кабарды малокабардинские феодалы ориентировались на терского воеводу, который являлся представителем Московского государства на Северном Кавказе. В Терском воеводстве суще-

ствовала специальная слобода из служилых кабардинцев, которые наравне с терско-гребенскими казаками несли «всякие государевы службы».

Пользуясь покровительством и защитой Терского воеводства, кабардинцы, переселившись на правый берег Терека, заняли довольно обширную территорию, простиравшуюся от Терека на восток до Сунжи и на юг — до самых устьев осетинских ущелий. На этой плодородной равнине по берегам больших рек и на важнейших вьючных магистралях располагались кабардинские поселения, принадлежавшие малокабардинским князьям Мударовым и Таусултановым.

Если верить памятникам устного творчества горских племен, кабардинцы на равнине встретились с какими-то кочевыми племенами, среди которых будто бы ногайцы составляли основной этнический массив.

На новых местах жительства кабардинцы занимались главным образом кочевым скотоводством. Поэтому кабардинские поселения того времени были весьма подвижны и непостоянны. Они часто переносились из одного места на другое.

Кочевому быту народа соответствовал и самый тип жилища. Кабардинцы строили легкие жилища из плетня круглой формы с соломенной или камышовой крышей.

Монопольное владение Дзауджикауской равниной и пролегавшими по ней торговыми путями, соединявшими осетинские ущелья с тогдашними русскими поселениями, обусловило усиление политического влияния феодальной Кабарды среди осетин, а потом и подчинение их кабардинским князьям. Влияние Кабарды было наиболее сильно в смежной Дигории, в которой в результате этого влияния раньше, чем в восточных ущельях Осетии, зародились и получили свое дальнейшее развитие классовые отношения. На основе развития классовых отношений в Дигории бывшие родовые старшины сложились вне своих родов в привилегированное эксплуататорское сословие дигорских баделят, среди которых наиболее крупными были Тугановы, Абисаловы и Кубатиевы, сосредоточившие в своих руках и крестьянские земли, и самих крестьян.

Дигория довольно рано - и во всяком случае не позлее начала XVII в. - вынуждена была признать над собою феодально-вассальную зависимость от Кабарды.

Все осетинское население XVI-XVIII вв. сосредоточивалось исключительно в нагорной полосе, занимая Дарьяльское, Кобанское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское ущелья.

На Дзауджикауской равнине, в указанный период занятой кабардинцами, за исключением резиденции дигорских баделят Кубатиевых, расположенной на левом берегу реки Белой, у самого входа в ущелье, не было ни одного осетинского поселения.

Оторванность от предгорной равнины ставила осетин в безвыходное в экономическом отношении положение. Поэтому они

хотели при помощи России выселиться на равнину. В наказе осетинского посольства 1749 г. вопрос о переселении осетин на равнину являлся центральным пунктом.

Однако переселение осетин на Дзауджикаускую равнину в международных политических условиях XVIII в. не могло быть осуществлено, так как земли, на которые претендовали осетины, принадлежали не России, а феодальной Кабарде, признанной по Белградскому трактату 1739 г. между Россией и Турцией суверенной. Расселение осетин, при вмешательстве России, на кабардинских землях противоречило условиям Белградского трактата и могло привести обе державы к войне, исход которой для России был гадателен.

Белградский трактат был аннулирован Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г., по условиям которого Кабарда формально была присоединена к России.

Однако с конца XVIII в. до первой четверти XIX в. включительно в Кабарде происходили крупные крестьянские восстания, направленные против колониальной экспансии царизма и против местных феодалов.

Царская Россия подавляла восстания силой оружия. В первой четверти XIX в. в период наивысшего подъема крестьянских восстаний, исторические владения Малой Кабарды на равнине были освобождены кабардинцами, отступившими к современным границам Кабардинской АССР.

Освобожденная кабардинцами территория была занята выселившимися из гор осетинами, которые одновременно с расселением на Дзауджикауской равнине отказались от уплаты феодальных повинностей кабардинским князьям.

Кабардинским князьям в просьбе о признании за ними прежних прав взимания с осетин дани Россией было отказано. Таким образом, окончательной датой освобождения осетин от зависимости у кабардинских князей нужно считать 182-2 г.

Переселение осетин с гор на равнину и освобождение их от феодально-вассальной зависимости кабардинских князей отвечало политическим и стратегическим интересам России.

Ученые записки Кабардинского НИИ
при Совете министров КБАССР
Нальчик, 1947. Т. 2. С. 19-47.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Баксанский, Вольский, Кубинский, Лескенский, Майский, Нагорный, Нальчикский, Прималкинский, Прохладненский, Советский, Урванский, Чегемский и Эльбрусский.

[2] Терский и Урожайненский.

[3] *Брун Ф.* Черноморье. Одесса, 1879. С. 114. Ср.: Северный архив. СПб., 1826. Т. 23. С. 172.

[4] *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 98.

,; * Госуд. архив древних актов. Кабардинские дела за 1784 г., д. 41, л. 1.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. Ч. 1. С. 445.

[7] *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 97.

[8] Госуд. архив древних актов. Кабардинские дела после 1775г.Т. 4, д. № 42, к. 88, св. 494.

[9] *Ногмов Ш. Б.* Цит. соч. С. 93.

-~ ю *к о к и е в г* к истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // Ученые записки Ин-та этнических и национальных культур > народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 88, 89.

[11] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Т. 5. С. 114.

[12] Из экспедиционных материалов аспиранта Московского государственного университета 3. А. Никольской.

[13] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 91-93.

[14] *Белокуров С.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 508-510.

[15] Посольство Толочанова. Тифлис, 1926.

[18] *Кокиев* Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. С. 51, 52.

[17] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Т. 6. С. 47.

[18] «Ак-Баш» - термин не осетинский, а тюркский и означает «Белая голова».

[19] *Апу чин Д. Н.* О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России. М., 1887. С. 40.

[20] Госуд. архив древних актов. 1748 г., к. 41, д. 6, л. 2.

[21] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 88.

[22] *Броневский С.* Цит. соч. Т. 2. С. 91.

[23] Госуд. архив древних актов. Кабардинские дела за 1739 г., д. 2. Ср.: ПСЗРИ. Т. 10, № 7900.

[24] Осетинские дела. Фонд Коллегии ин. дел. 1762-1783 гг., к. 2, л. 143, 144.

[25] Подробнее о Татартупе см. наш очерк «Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата»// Ученые записки Сев.-Кав. н.-и. ин-та. Ростов-Дон. Т. 2. 1929.

[26] См. карту и «Примерный план» Вонявина.

[27] Моск. центр, военно-исторический архив, карта № 6714.

[28] Некоторые отголоски о бытовании кабардинцев на предгорной равнине у выхода из Куртатинского ущелья до наших дней сохранились в памяти осетинского народа. Житель сел. Лац Дохцико Кулаев рассказывал мне в 1927 г., что «кабардинцы жили у выхода из Куртатинского ущелья и за проезд по предгорной равнине взимали одну бурку и установленное количество орлиных перьев для стрел». (См.: *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823 Т 2 С. 165).

[29] Осетины во второй половине XVIII в. по сведениям путешественника Штедера. Изд. проф. Г. А. Кокиевым. Орджоникидзе, 1940. С. 43.

[30] *Кокиев Г.* Материалы по истории Осетии. Владикавказ, 1926. Т 1 С. 217.

[31] Там же. С. 222. „ '. :

[32] Там же. С. 235.

[33] *Штедер.* С. 43. !'•'

[34] *Кокиев Г.* Указ. произв. С. 243.

[35] Госуд. архив древних актов. Кабардинские дела за 1743 г., св. 13, к. 36, д. 9, л. 8.

[36] *Вейденбаум.* Кавказские этюды. Тифлис, 1901. С. 163.

[37] *Кокиев Г.* Указ. произв. С. 37.

[38] ГАДА. Осет. дела за 1766-1783 гг., д. № 2.

[39] Там же. В 1927 г. житель села Лац, Куртатинского ущелья Гацыр Хадиков рассказывал мне: «Когда Оси Багатар был царем в Осетии, к нему обратился с просьбой беглый сын кумыкского хана разрешить ему поселиться в Куртатинском ущелье. Оси Багатар разрешил ему. Он поселился на вершине Хакуна. Кумык обзавелся семьей. Родился у него сын по имени Ханджери. Однажды юношу захватил в плен кабардинский князь и увел его в Карджин, где приставил его к табуну лошадей в качестве сторожа. Ханджери два раза в одно и то же время дня начинал рыдать над черепом коня. Из высокой башни Дзулата за ним наблюдала княжеская дочь, которая однажды спросила юношу, о чем он плачет каждый день два раза. «Один раз я плачу над лошадью Алып, а другой раз над самим собой: я потомок хана, а вот твой отец увез меня и превратил в раба»,- ответил он. Юноша понравился девушке. Она сказала ему, что в табуне ее отца есть лошадь с плешивой гривой и плешивым хвостом. Только она сможет их обоих доставить на родину юноши. Ханджери поймал плешивую лошадь, которая доставила их в Куртатинское ущелье. Зайдя в дом родителей, он спросил их, узнают ли они своего сына. Родители ответили, что у их сына на спине, между лопатками, имеется надпись «Уастырджи». По этой метке родители узнали своего сына и радости их ие было конца».

[40] Книга Большого Чертежа. Изд. Спасского. М., 1846. С. 62.

[41] Русский Инвалид. СПб., 1822. № 35. С. 139.

[42] Центральный Военно-исторический архив, д. № 19247, л. 25.

[43] Выписки и извлечения из рукописей Решетиловского архива, В. А. Попова, относящиеся ко второй половине XVIII в. Русский архив. М., 1865. С. 542, 543.

[41] *Кокиев Г.* Указ. произв. Т. 1. С. 43.

[46] Карталииский царь Георгий X. (Г. К.)

[40] *Белокуров.* Цит. соч. С. 508.

[47] Там же.

[48] Там же.

[49] *Кокиев Г.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки Ин-та истории Академии наук. М., 1938. Т. 2.

[60] *Штедер.* С. 47.

[м] Там же.

[52] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 329.

[63] Личный архив акад. Буткова хранится в рукописном отд. Библиотеки Академии наук СССР.

[54] Архив Буткова. Рукопись № 50, л. 31-34.

[55] Посольство стольника Никифора Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. Изд. проф. М. А. Полиевктова. Тифлис, 1926.

[66] *Толочанов.* С. 119.

[67] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1829. Т. 2. С. 165.

[58] *Кокиев Г.* Указ. произв. Т. 1. С. 248-268.

[59] *Толочанов.* С. 120.

[w] *Кокиев Г.* Указ. произв. С. 211.

[″] Там же. С. 237.

"[2] Там же. С. 216.
[83] Там же. С. 216.
[61] Сенатский архив. Т. 8. С. 341.
[05] *Кокиев Г.* Указ. произв. С. 301.
[88] *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы. СПб., 1891. Т. 1. С. 43.
[67] Госуд. архив древних актов. Осетинские дела за 1757 г., д. 1.
[es] Ленинград, центр, историч. архив. Фонд Синода, 1752 г., д. 5, л. 74 об.
[69] *Штедер,* С. 47.
[70] Госуд. архив древних актов. Осетинские дела за 1763 г., д. 10; ср.: *Кокиев Г.* Материалы. С. 303.
[71] Акты Кавказской археологической комиссии. Т. 7. С. 867.
[72] Там же. С. 870.
[7,1] В 1927 г. от жителя сел. Махчеси Бадели Гецаева, по вопросу об освобождении осетин от власти кабардинских князей я записал следующее широко распространенное среди дигорцев предание: «Известная осетинская фамилия Кануковых жила в сел. Донифарс. Предка Кануковых звали Есе. Однажды Есе был в Грузии и выпил один бокал в знак нерушимой дружбы с очень известным грузинским князем. Кануков гостил у грузинского князя долго. Однажды грузинский князь спросил Канукова, платит ли он кому-нибудь дань? Есе Кануков ответил, что он платит дань кабардинскому князю Сари Асланбеку. Это не понравилось грузинскому князю, и он стал смотреть на Есе свысока. «Раз платишь дань,- сказал грузинский князь,- значит ты мне не равен, и я очень сожалею, что выпил с тобой бокал нерушимой дружбы». Есе Кануков поклялся грузинскому князю, что он не признает себя более зависимым от Сари Асланбека. Грузинский князь поблагодарил его и на прощание подарил ему огнестрельное оружье. По возвращении Канукова на родину слух о том, что Кануков больше не намерен платить дань кабардинскому князю быстро разнесся по всей Осетии. Дошел слух и до Сари Асланбека, который поручил своим приближенным Сафарали Караджаеву и Муртазали Биеву проверить достоверность дошедших до него слухов. Караджаев и Биев посоветовали Сари Асланбеку отправить двух быков с покрытыми серебром рогами в Донифарс на пастбище, принадлежавшее вассалу Канукову.

- Если Есе Кануков примет твоих быков,- сказали Караджаев и Биев Сари Асланбеку,- значит он тебя признает и в дальнейшем будет тебе платить дань, если же он быков не примет, значит он отказывается быть твоим данником.

Есе Кануков принял быков и тут же на глазах у сопровождавших быков кабардинцев зарезал их, а мясо раздал населению.

- Идите и сообщите,- обратился он к кабардинцам,- своему князю о судьбе его быков с разукрашенными рогами!

Сари Аслаибек на такой дерзкий поступок своего вассала Канукова велел сообщить ему, чтобы он ждал его к себе «в гости».

Есе Кануков через гонца ответил Сари Асланбеку:

- Орс дзол дин бахуарункандзанаи муди ходдза! (Накормлю тебя белым хлебом с медом, а потом запру тебя в свинарнике Козиевых!) Князь Сари Асланбек пошел войной на Канукова. Когда Сари Асланбек со своими войсками дошел до Мигона, там его Кануков встретил кукурузным чуреком и соленым сыром. Когда войска Сари Асланбека наелись соленого, Кануков стал их угощать «алутон».

Войска Сари Асланбека перепились. И в это время на них напали войска Канукова и уничтожили их. Сари Асланбек сам спасся бегством. С тех пор осетины больше не платили никакой дани кабардинским князьям».

Уч. зап. КНИИ.
Нальчик, 1947. С. 19-47.

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI в.

Личность кабардинского князя Темрюка Идаровича, равно как и его государственная деятельность, в исторической науке совершено не изучены. Объясняется это, быть может, тем, что о Темрюке Идаровиче и его государственной деятельности до нас дошло настолько мало сведений, что на их основе не представляется возможным сколько-нибудь полно охарактеризовать этого крупнейшего для своего времени политического деятеля. А между тем даже тот ограниченный круг источников о нем, которым мы располагаем, ставит его в ряд крупнейших государственных деятелей Кабарды XVI в.

Темрюк Идарович принадлежит к числу тех немногих государственных деятелей Кабарды XVI в., которые в истории кабардинского народа сыграли большую прогрессивную роль. С именем Темрюка Идаровича связана одна из самых ярких страниц истории кабардинского народа.

Темрюку Идаровичу принадлежит инициатива организации в Кабарде вооруженной борьбы против турецко-крымских захватчиков, государственного объединения кабардинской земли на базе ликвидации феодальной раздробленности, наконец, инициатива установления дипломатических и культурно-экономических связей с сильным и несравненно более культурным, чем Кабарда, Московским государством.

Государственная деятельность Темрюка Идаровича может быть осмыслена во всем объеме и оценена по достоинству только на фоне конкретных исторических условий, при которых она протекала.

Исторические известия, дошедшие до нас, с несомненной очевидностью говорят о том, что государственная деятельность Темрюка Идаровича протекала в очень напряженный и ответственный для истории Кабарды период.

Мы не знаем даты рождения Темрюка Идаровича, не знаем также, когда и при каких обстоятельствах он умер.

О потомках Темрюка Идаровича известно, что у него было три сына: Доманук, Мамстрюк и Салтанук [1], и две дочери: Малхуруб, бывшая замужем за ногайским князем Тинехматом [2], и Гуаша, после крещения, в связи с выходом замуж за Ивана IV, названная Марией.

Нам неизвестно, где находилась резиденция Темрюка Идаровича, неизвестно даже, где он княжил - в Большой или Малой Кабарде. Есть, однако, основание думать, что Темрюк Идарович начал государственную деятельность в Малой Кабарде. Русские документы XVI в. четко делят кабардинцев на «пятигорских

черкесов» и «кабардинских черкесов». Вряд ли можно сомневаться в том, что под «пятигорскими черкесами» русские источники разумели Большую Кабарду, а следовательно, под «кабардинскими черкесами» они понимали малокабардинцев, живших, по словам документов, «на низах по Терку», по рекам: Ардону, Уруху, Алагиру и Гизельдону[3].

Подтверждением нашего предположения о том, что Темрюк Идарович княжил в Малой Кабарде может служить то, что по генеалогической карте кабардинских князей Темрюка Идаровича мы находим в числе князей не Большой, а Малой Кабарды *. Известно далее, что первое кабардинское посольство, прибывшее в Москву в 1552 г. в составе Маашука, Ивана Езбузлукова и Танашука, было из Большой Кабарды. Посольство просило Ивана IV о подданстве и защите кабардинской земли от крымского хана. Основная цель посольства сводилась к тому, чтобы при помощи Московского царя добиться освобождения от гнета крымского хана. Темрюк Идарович не имел отношения к этому посольству. В документах, связанных с посольством 1552 г., он не упоминается вовсе.

Но вот в 1557 г. в Москву опять прибыло кабардинское посольство во главе с Канклычем Кануковым, которое от имени кабардинских князей Темрюка Идаровича и Тазрюта било челом Ивану IV об оказании военной помощи, но не против крымского хана, а против шамхала Тарковского, владения которого находились в непосредственном соседстве с Малой Кабардой, подвергавшейся систематическим опустошительным набегам со стороны шамхала Тарковского.

Непосредственными внешними врагами Большой Кабарды были турки и крымские татары, а Малой Кабарды - шамхал Тарковский. Отсюда вполне понятно, почему Большая Кабарда, т. е. «пятигорские черкесы» просили помощи московского царя против Турции и Крымского ханства, а Малая Кабарда, т. е. «кабардинские черкесы», - против шамхала Тарковского.

Заслуживает внимания и такой любопытный факт, что Темрюк Идарович в челобитной посольства 1557 г. просил царя Ивана IV жаловать его так, как он пожаловал участника посольства 1552 г. князя Маашука. Это говорит о том, что посольства 1552 и 1557 гг. были независимы друг от друга и что они были присланы от разных лиц и из разных мест Кабарды - первое из Большой, а второе из Малой Кабарды. Однако благоприятные для Большой Кабарды результаты посольства 1552 г., по-видимому, стимулировали посылку Темрюком Идаровичем посольства из Малой Кабарды в 1557 г.

В 50-х гг. XVI в. государственная деятельность Темрюка Идаровича локализовалась в пределах лишь Малой Кабарды. Но через короткое время он, при помощи Московского государства, успешно отражал натиск турецко-крымских захватчиков

и, преодолевая сопротивление местных феодалов, сумел распространить свою власть и на Большую Кабарду.

Темрюк Идарович жил в XVI в., являющемся в истории кабардинского народа переломным моментом.

В XVI в. турецко-крымские захватчики, окрыленные легкими и быстрыми военными успехами в Византии, устремились на Северный Кавказ, где огнем и мечом утверждали среди горского населения свою религию и свое политическое господство. Это был период, когда феодально-раздробленная Кабарда, раздираемая внутрикняжескими междоусобиями, неудержимо катилась к политической и экономической катастрофе, когда, по словам Ш. Б. Ногмова, феодальные группировки внутри страны, «не находя достаточно сил в своей земле, призывали чуждые племена и под предлогом, что отстаивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам»[5].

В результате внутрикняжеских междоусобии и непрерывных военных вторжений турецко-татарских полчищ кабардинская земля в этот период представляла собой, по словам того же ТТ. Ногмова, «вид рассеянного военного стана, где каждый, ополчась, охранял свое имущество вооруженной рукой» и «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды»[6].

И в этот решительный момент, когда над кабардинской землей нависла смертельная опасность со стороны турецко-крымских насильников и их агентуры внутри Кабарды, на историческую арену выступил крупнейший для своего времени государственный деятель князь .Темрюк Идарович, обладавший большой силой воли и тонким политическим чутьем.

В интересах сохранения политической независимости кабардинского народа князь Темрюк Идарович повел непримиримую вооруженную борьбу против турецко-крымских агрессоров и против реакционной части местных феодалов, которые в своих групповых интересах ориентировались на иноземных врагов кабардинской земли.

За реакционной частью кабардинских феодалов следовало и мусульманское духовенство, вербовавшееся из мелкопоместных дворян и наиболее состоятельных слоев крестьянства.

В княжение Темрюка Идаровича в Кабарде создались такие внешние и внутренние условия, при которых без крутого поворота в сторону объединения всех сил кабардинской земли для решительной борьбы с внешними и внутренними врагами самое существование кабардинского народа нельзя было считать сколько-нибудь обеспеченным.

Учитывая всю серьезность создавшегося в Кабарде положения, князь Темрюк Идарович решил во что бы то ни стало добиться сплочения феодально-раздробленных частей Кабарды в одно политическое целое, способное оказать вооруженное со-

противление напору турецко-крымских завоевателей. Для достижения поставленной цели князь Темрюк Идарович отстранил кабардинских князей от политического управления страной и заставил их служить слагавшейся центральной княжеской власти.

Внутреннюю политику князя Темрюка Идаровича, направленную на ликвидацию феодальной раздробленности и создание централизованной княжеской власти, необходимость в которой вытекала из потребностей обороны страны от иноземных поработителей, следует считать прогрессивной, поскольку она ставила своей конечной целью навести порядок в феодальном беспорядке и создать власть, способную оказать необходимый отпор турецко-крымским завоевателям. В этой связи весьма интересно высказывание Ф. Энгельса о прогрессивной роли создания централизованной княжеской власти на базе ликвидации феодальной раздробленности. «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Konigtum) была прогрессивным элементом,- писал Ф. Энгельс,- это совершенно очевидно», поскольку «она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»[7].

В связи с 800-летним юбилеем столицы Советского Союза Москвы в своем приветственном слове товарищ Сталин говорил, что «ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»[8].

В свете приведенных высказываний классиков марксизма не трудно понять, какое большое прогрессивное значение имели попытки князя Темрюка Идаровича создать путем ликвидации феодальной раздробленности и внутрикняжеских неурядиц централизованную княжескую власть и тем самым вывести Кабарду на путь культурно-хозяйственного роста и утверждения ее политической независимости.

Объединительная политика Темрюка Идаровича, разумеется, ущемляла политические и экономические привилегии местных феодалов, реакционная часть которых, отстаивая свои вотчинные интересы и встав на путь предательства своей страны, начала ориентироваться на турецко-крымских захватчиков, при помощи которых повела успешную борьбу против прогрессивных мероприятий Темрюка Идаровича по ликвидации феодальной раздробленности и укреплению наметившейся центральной

княжеской власти. Борьба реакционной феодальной оппозиции против центральной княжеской власти наносила большой вред кабардинской земле. Она истощала внутренние силы народа, ослабляла военную мощь страны и содействовала успеху оружия турецко-крымских завоевателей.

Умный и дальновидный политик Темрюк Идарович понял, что своими силами, без помощи извне, ему не справиться с турецко-крымскими захватчиками, систематически опустошавшими кабардинскую землю, и с внутренней феодальной оппозицией, пользовавшейся в своей борьбе поддержкой и военной помощью со стороны иноземных поработителей кабардинского народа.

Перед Кабардой тогда стояла альтернатива: или быть поглощенной султанской Турцией и ее вассалом - Крымским ханством, или перейти под протекторат сильного и могущественного Московского государства. Эта вторая перспектива все же для Кабарды была наименьшим злом, так как зависимость от одряхлевшей и, по выражению Маркса, насквозь прогнившей султанской Турции[9] сулила кабардинскому народу физическое уничтожение, в лучшем же случае - культурное и экономическое одичание.

Князь Темрюк Идарович, трезво оценив создавшееся положение, избрал второй путь и навсегда связал исторические судьбы кабардинского народа не с отсталой султанской Турцией или Крымским ханством, а с Московским государством, при помощи которого он решил покончить с лютыми врагами кабардинской земли - Турцией и Крымом - и с их агентурой внутри страны — реакционной частью кабардинских феодалов.

Ориентации кавказских народов, и в частности кабардинцев, на Московское государство в значительной мере содействовали крупные завоевания Ивана IV на востоке - покорение Казани в 1552 г. и присоединение Астрахани в 1556 г. Эти два завоевания упрочили положение Московского государства на важнейших в то время торгово-стратегических путях. «Утверждение в устьях Волги,- правильно указывает С. Соловьев,- открыло Московскому государству целый мир владений мелких в Прикавказье. Как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбой о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложением подданства, и таким образом, незаметно волей-неволей затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него»[10].

Разумеется, дело тут не только и столько в том, что кавказские народы «волей-неволей затягивали Московское государство все далее и далее на восток к Кавказу», сколько в том, что предложения о подданстве кавказских народов, и в частности кабардинцев, не противоречили тогдашним интересам Москов-

ского государства. Напротив, Московское государство, в то время перераставшее в многонациональное государство, было заинтересовано в распространении и упрочении своего политического влияния среди горских народов и в особенности среди кабардинцев, от которых многие горские племена находились в полной или частичной зависимости. Подданство Кабарды усиливало влияние Московского государства и среди тех горских народностей, которые в той или иной мере были зависимы от феодальной Кабарды. Территория Кабарды, в особенности Малой Кабарды, для Московского государства имела очень важное, если не исключительное, значение.

Пределы Малой Кабарды на востоке непосредственно граничили с владениями враждебного Московскому государству шамхала Тарковского, а южные ее пределы почти вплотную подходили к пределам единоверной и дружественной Грузии, еще задолго до этого искавшей союза и помощи Московского государства против ирано-турецких завоевателей. Шамхал Тарковский, контролируя важнейшую торгово-стратегическую магистраль, проходившую через его владения, сильно мешал нормальным сношениям Московского государства с восточными странами, и в частности с Грузией. Правда, сам по себе шамхал Тарковский для Московского государства был не страшен, так как, по словам документов, «шамхал человек худой, что птица в клетке, только лукав человек»[11]. Но при поддержке турок и крымских татар он представлял большие для Московского государства неудобства. Ввиду враждебного отношения шамхала Тарковского Московское государство для своих сношений с Грузией пользовалось преимущественно перевальными путями, пролегавшими по территории Кабарды. В этих сношениях кабардинские князья, ориентировавшиеся на Московское государство, играли очень важную роль. Кабардинцы сопровождали московских послов и обеспечивали им безопасный проезд до Грузии и обратно. Они также сопровождали грузинские посольства до русских пределов. За содействие московским посольствам в выполнении возложенных на них задач, кабардинцы нередко подвергались репрессиям со стороны шамхала Тарковского. По свидетельству документа, шамхал Тарковский «черкасского Алкаса мурзу поймал за то, что он государевых посланников в грузинскую землю через свою землю пропустил и до грузинские земли проводил»[12].

В русско-грузинских отношениях роль Кабарды сводилась не только к тому, что она обеспечивала безопасность проезда по своей территории русско-грузинским посольствам. Грузия и Кабарда, будучи союзниками, взаимно координировали свои действия по вопросам внешней политики. По этому вопросу мы имеем весьма интересное сообщение кабардинского посла Канклыча Канукова. Глава кабардинского посольства 1557 г. Канклыч Кануков от имени князя Темрюка Идаровича сообщил в

Москве, что «с кабардинскими черкесами в одной правде и заговоре Иверский князь и вся земля Иверская и только- против их недругов, то вместе с ними, кабардинцами, бьют че^ом и грузины, чтобы царь их тоже пожаловал, взял в хологры и учинил помощь против их врага» .

В XVI в. Московское государство было весьма заинтересовано в усилении своего политического влияния среди горских народов и в особенности среди кабардинцев, подданство которых обеспечивало ему возможность свободного обшения с дружественной Грузией и ведения непосредственной борьбы объединенными русско-горскими усилиями против турецко-крымских захватчиков и их юзника - шамхала Тарковского.

Политика Московского государства на Северном Кавказе ставила перед собой задачу сплочения горских сил вокруг дружественной Кабарды для оказания необходимого отпора турецко-крымским захватчикам, угрожавшим и южным пределам Московского государства, и политической независимости горских народов. Отсюда понятно, почему Московское государство проявило такой живой интерес к предложению первого кабардинского посольства 1552 г. о том, чтобы царь Иван IV «вступился за них, а их с землями взял к себе в холопи и освободил от крымского хана»[14].

Члены кабардинского посольства 1552 г. князья Маашук, Иван Езбузлуков, Танашук и другие прибывшие с посольством кабардинцы, будучи в Москве, приняли участие в походе Ивана IV против крымских татар, которые, по дошедшим слухам, будто бы напали на русские земли и двигались на Москву. Кабардинцы в отряде Ивана IV прибыли в Коломну. Однако тревога оказалась ложной. Ивану IV донесли, что крымские татары, изменив маршрут, пошли не на Москву, а в «Черкасы». Это обстоятельство ускорило отъезд кабардинских послов на родину.

В следующем, 1553 г. Иван IV вместе с членами кабардинского посольства 1552 г. отправил в Кабарду ответное посольство во главе с Андреем Щепотьевым, чтобы на месте «правда их видети».

В августе 1554 г. Андрей Щепотьев вернулся в Москву и доложил Ивану IV, что кабардинцы «дали правду всею землею быти им неотступными от царя и великого князя и служити им вовеки, как им государь повелит»[15].

Вместе с Андреем Щепотьевым в Москву приехали представители Большой Кабарды князья Сибок и Ацимгук, которые били челом Ивану IV об оказании им военной помощи «на турского городы на Азов и на крымского» хана. За военную помощь против турок и крымских татар кабардинские послы обещали Ивану IV платить дань 1000 аргамаков, отправлять военную службу и поставлять ему для участия в военных походах 20 тыс. ратных людей.

Иван IV принял кабардинских послов с большими почестями, но в просьбе об оказании им военной помощи против турок он отказал, мотивируя отказ тем, что «султан турецкий в мире с царем». Что касается вопроса о защите кабардинцев от крымских татар, то послам было сказано, что «царь хощет их беречь, как возможно».

Заслуживает быть отмеченным и тот интересный факт, что кабардинёкое посольство 1554 г. поставило вопрос перед Иваном IV о распространении среди кабардинцев христианства. Одновременно член посольства князь Сибок бил челом о крещении своего сына Кудадека, а другой член посольства Тутарык Езбузлаев просил о своем крещении. Просьбы и того и другого были удовлетворены. Сын князя Сибока Кудадек после крещения был назван Александром и оставлен при дворе Ивана IV, где воспитывался и учился русской грамоте вместе с бывшим казанским царем Александром. Князь Тутарык Езбузлаев также был крещен и назван Иваном.

По-видимому, к массовой христианизации кабардинцев в то время не было приступлено. Это видно из того, что в 1559 г. вопрос о христианизации кабардинцев был вновь поставлен перед Иваном IV кабардинским послом Чурак-мурзою, прибывшим в Москву с князем Вишневецким, вернувшимся в том же году из Крымского похода. По этому поводу русская летопись сообщает, что «пришел Вишневский з Дону, а с ним прислали черкасы Чурак-Мурзу Черкасского; все черкасы бьют челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их крестить»[16]. Обе просьбы были удовлетворены и, по словам летописи, Иван IV в феврале 1560 г. «отпустил... в Черкасы по их челобитью воеводу своего князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, а е ним отпустил... попы хрестьяньские по их обещанию и челобитью крестит их, кабардинских черкас»[17].

Московские миссионеры, «переходя с места на место с словом спасения, приобрели многих последователей христианства и на высотах кавказских частик» возобновили и очистили древние храмы,- а частию соорудили новые»[18], развалины которых можно наблюдать и в наши дни в Малой Кабарде, в окрестностях древнего городища Татартуп.

В XVI в. христианская пропаганда в Кабарде имела, по-видимому, значительный успех.

В следующем XVII в. христианство вступило в жестокую борьбу с мусульманством, распространяемым среди кабардинцев крымскими ханами исключительно жестокими мерами. Христианство вынуждено было уступить свое место мусульманству.

Говоря о результатах борьбы двух идеологических течений в Кабарде, Ш. Ногмов отмечает, что «в эту эпоху многие шогены

были убиты, книги сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены с презрением, отчего произошла следующая поговорка: чтоб твое имущество было расхищено, как/ расхищены были шогенские жезлы»[19].

Христианская пропаганда в XVI в. среди кабардинцев сыграла положительную роль. Она содействовала политическому сближению Кабарды с Московским государством и приобщению кабардинского народа к большой культуре русского народа.

В результате двух кабардинских посольств 1652 и 1554 гг. и ответного посольства Московского государства/в 1553 г. в Кабарду русско-кабардинские отношения сблизились настолько, что Иван IV имел основания считать Кабарду вотчиной Московского государства. В 1554 г. Иван IV, жалуя гр/ебенских казаков вольною рекою Тереком, «велел им здесь слузкити свою службу государскую и беречь новую свою кабардинскую вотчину». Что Кабарда после посольства 1552 г. стала считаться вотчиной Московского государства видно из посольского наказа Вокшерина, отправленного в 1554 г. к польскому королю Сигизмунду Августу. Вокшерину было наказано, что «после тово, как велел ево государь воевати своим холопом черкесом пятигорским, то вам, чаю, ведомо». А если бы Вокшерина спросили: «Черкесы почему государя вашего холопи?»- он должен был отвечать: «Черкесы государей наших старинные холопи, а бежали с Рязани. А потому два года, как согласились, приезжали бити челом государю князья черкесские сами Бугашик да Танашук да князь Иван и государь наш их пожаловал. И они ныне служат государю нашему. И как им государь повелит, и они так и делают»'[9].

Признав себя вотчиной Московского государства, Кабарда начала служить Ивану IV и принимать активное участие в его походах против иноземных врагов. В 1556 г. князь Вишневецкий во главе московских ратных людей пошел войной против крымских ратных татар и осадил город Ислам-Кирмен. Кабардинцы одновременно под начальством князей Тазрюта и Сибока напали на татар с тыла и взяли их города - Темрюк и Тамань на берегу Азовского моря.

Московское государство, в свою очередь, покровительствовало Кабарде и заступалось за нее перед иноземными врагами. В 1555 г. крымский хан Девлет-Гирей решил напасть на кабардинскую землю, но узнав, что Московское государство отправило большое войско в Кабарду, вынужден был отложить свой план разгрома Кабарды до следующего года. Но и в следующем 1556 г. Девлет-Гирею не удалось осуществить свои намерения в отношении Кабарды, так как ему донесли, что русские войска под начальством князя Вишневецкого находятся в боевой готовности на Днепре и в любой момент могут нанести татарам сокрушительный удар.

Итак, кабардинцы среди горских народов первые стали ориентироваться на Московское государство и первые связали с ним свои исторические судьбы. Русско-кабардинские дипломатические отношения зародились в 1552 г. и в том же году кабардинский народ формально принял подданство Московского государства. Принятие кабардинцами русского подданства следует рассматривать как положительный для них в культурно-политическом, отношении факт. Кабардинцы приобщили себя к высокой культуре русского народа, а в лице Московского государства они приобрели сильного покровителя и защитника от турецко-крымских насильников.

\ * * ft

Русско-кабардинские отношения после 1557 г. получили еще более широкое развитие. В указанном году впервые упоминается в русских документах имя кабардинского «начального князя» Темрюка Идаровича, приложившего в продолжении всего своего княжения немало усилий к еще более тесному сближению Кабарды с Московским государством.

По примеру князей Большой Кабарды Маашука и Сибока князь Темрюк Идарович в 1557 г. отправил к Ивану IV посольство. Во главе посольства находился Канклыч (Калыч, Ковлыч) Кануков, который от имени «кабардинских князей Темрюка и Тазрюта» бил челом Ивану IV, чтобы он пожаловал, как пожаловал князей Маашука и Сибока, «учинил их в холопстве» и приказал астраханским воеводам оказывать им военную помощь против шамхала Тарковского.

В челобитной Темрюка Идаровича обращают на себя внимание следующие моменты. Темрюк Идарович просил Ивана IV приказывать оказать военную помощь не терским, а астраханским воеводам. Это говорит о том, что Терского воеводства еще не существовало в то время, хотя терско-гребенские казаки задолго до этого состояли в непосредственном соседстве с малокабардинцами или, как их называют документы того времени, с «кабардинскими черкесами» - оседлым населением нижнего течения Терека.

Упоминание в челобитной об астраханских воеводах говорит далее о том, что Темрюк Идарович пристально следил за происходившими на юге Московского государства политическими событиями. Астрахань, как известно, была присоединена к Московскому государству в 1556 г., а в 1557 г. Темрюк Идарович, хорошо осведомленный в политической обстановке края, просит Ивана IV приказать воеводам новой Астраханской вотчины об оказании ему военной помощи.

В челобитной Темрюка Идаровича серьезного внимания заслуживает и то, что военная помощь испрашивается у Ивана IV

против шамхала Тарковского. В челобитиях кабардинских сольств 1552 и 1554 гг. военная помощь испрашивалась против турецко-крымских агрессоров и вовсе не упоминалЬсь в них о шамхале Тарковском. Объясняется это тем, что, ка^ уже указывалось выше, посольства 1552 и 1554 гг. были направлены из Большой Кабарды, испытавшей гнет Крыма и Турции, а посольство 1557 г. было прислано из Малой Кабарды/ испытавшей гнет, главным образом, со стороны шамхала Тарковского, против которого Темрюк Идарович и просил военной птадощи.

К сожалению, лаконичные записи русских летописей не дают нам возможности сколько-нибудь полно осветить результаты посольства 1557 г. Но дальнейший ход истории русско-кабардинских отношений показывает, что князь Темрюк Идарович после 1557 г. стал играть крупную роль в углублении и расширении этих отношений. *j*

После 1557 г. кабардинцы сделались час/гыми гостями при дворе Ивана IV. Одни приезжали по делам, другие приезжали для несения царю военной службы. Русская летопись свидетельствует, что в 1557 г. в Москву приехали «служити государю» кабардинские князья Маашук Кануков, Сибок Кансауков, Чюгук-мурза и Тахша-мурза со своими людьми", в количестве несколько тысяч человек. По крайней мере в 1559 г. московский посол Пивов польскому королю Сигизмунду Августу на вопрос о том, сколько кабардинцев у царя Ивана IV, должен был отвечать: «У государя нашего на Москве живут Абеслинские князи Амашик с братьею да Джанские князи Сибок с братьею, а с ними людей их тысяч о пять»[22].

Кабардинцы оказывали Московскому государству существенную помощь своим участием в военных походах против иноземных врагов русского государства. Об участии кабардинцев в Ливонской войне Ивана IV Соловьев пишет, что «в ноябре 1557 г. выступило в поход к ливонским границам сорокатысячное войско под начальством царя Шиг-Гирея и воевод КНЯоЯ Михаила Васильевича Глинского, царицына брата Данила Романовича и других; подле русских полков шли татары, черемисы, мордва, черкесы кабардинские»[23].

Об участии кабардинцев в Ливонской войне Ивана IV русская летопись сообщает не лишенные большого интереса известия. Она говорит, что «царь и великий князь велел идти к Рынголу... изо Пскова черкасским князем - князю Ивану Маашику да князю Василию Сибоку з братьею», причем Иван IV «черкесским князем велел быти в передовом же полку»[24], которым командовал Иван Маашук Черкасский. Что этим полком, шедшим в авангарде русских войск, командовал кабардинский князь Иван Маашук Черкасский видно из того, что, по свидетельству летописи, Иван IV «велел воеводам съезжаться в передовой полк ко князю Ивану Маашику Черкасскому»[25].

Кабардинцы в Ливонской войне отличились при взятии города Мильтена и в особенности при осаде города Дерпта, под которым они совместно с русскими войсками наголову разбили немецкую конницу, пытавшуюся сделать вылазку из города .

Одновременно Ивану IV пришлось вести войну и против крымских татар, которые, желая воспользоваться начавшейся против Ливонии войной, начали свое наступление на южные пределы Московского государства. О наступлении крымских татар стало известно между прочим через прибывших в Москву двух кабардинцев - Асана и Алида, которые «сказывали царю и государю, что царю крымскому вести пришли полные, что царь и великий князь пошел на ливонские немцы со всеми людьми»[27].

Иван IV против крымских татар отправил Д. И. Вишневецкого. А несколько позже на помощь кн. Вишневецкому был отправлен и живший при дворе Ивана IV сын Темрюка Идаровича Салтанук, после крещения, как указывалось, названный Михаилом.

Где-то на Донце крымским захватчикам был нанесен сокрушительный удар. В этом же бою были захвачены крымские «языки», доставленные Ивану IV. Обо всем этом русская летопись сообщает, что «шел Мишка[28] черкешенин ко князю Дмитрию же и набил крымцов вверх Донца Сиверского и четырех языков крымских ко государю прислал и те языки то же сказывали»[29].

В этот напряженный для Московского государства момент, когда ему одновременно приходилось вести войну на два фронта — против Ливонии и против Крыма — Иван IV не забывал и о шамхале Тарковском, который притеснял Малую Кабарду с востока и против которого в 1557 и 1559 гг. Темрюк Идарович просил военной помощи у московского царя. Летопись говорит, что Иван, удовлетворив просьбу Темрюка Идаровича, тогда же «отпустил... по челобитью кабардинских князей и по неправдам шевкаловым воеводу Ивана Семеновича Черемисинова с товарыщи на Шавкал»[30]. В походе Черемисинова против шамхала Тарковского кабардинцы приняли самое активное участие.

В Московском государстве кабардинцы зарекомендовали себя как храбрые воины. Начальники кабардинских отрядов, назначаемые из кабардинских князей, пользовались одинаковыми с русскими князьями и московскими боярами привилегиями и почетом. В официальных местах и во время военных походов кабардинские князья занимали места с правой руки царя. Летопись говорит, что в 1563 г. во время похода Ивана IV в Полоцк кабардинский князь Василий Черкасский во главе кабардинского отряда занимал почетное место с правой руки Ивана IV[31].

Кабардинцы, как отличные конники, служили в кавалерии Ивана IV. Они были прекрасными разведчиками и связистами. До нас дошло любопытное летописное известие, что по случаю взятия Полоцка в 1563 г. в качестве вестовйго Иван IV отправил в Москву князя Михаила Темрюковича Черкасского. «А отпустил тогда к Москве,- говорится в летопиои,- с вестью ко отцу своему и богомольцу к Макарию митрополиту всеа Русин и ко царице и великой княгине Марии[32] и к детям своим - ко царевичу Ивану и ко царевичу Федору и к биату своему ко князю Юрию Васильевичу - князя Михаила Темрюковича Черкасского» .

В 60-х гг. XVI в. в русско-кабардинских отношениях произошло одно очень важное событие, Способствовавшее еще большему сближению Кабарды с Московским государством. Я имею в виду брак Ивана IV с дочерью кабардинского князя Темрюка Идаровича. Так как в истории этого брака имеются неясности и даже некоторые противоречия, я позволю себ^ остановиться на этом вопросе по возможности подробно. Но необходимо оговориться, что по интересующему нас вопросу до нас дошел слишком ограниченный круг материалов, чтобы охарактеризовать это событие с заслуживающей полнотой. Еще С. Белокуров совершенно справедливо указывал, что «документов, касающихся этого царского бракосочетания, сохранилось так мало, что мы не имеем даже чина этой свадьбы, и издатель «Древней Российской вивлиофики», поместив чины свадеб великих князей и царей, после чина свадьбы царя Ивана IV на Анастасии Романовой принужден был заявить: «Здесь по порядку следовало быть второй свадьбе царя и великого князя Ивана Васильевича, но описания этой свадьбы не отыскано». С. А. Белокуров от себя добавляет, что «к этому заявлению можно прибавить, что настоящий чин и доселе неизвестен» и «что об этой свадьбе ничего нет и в «Описании 13 старинных свадеб великих Российских князей и государей»[31].

Первая жена Ивана IV — Анастасия - скончалась 7 августа 1560 г., оставив двух детей - Ивана, 7 лет и Федора, 4 лет. Спустя неделю московские бояре во главе с митрополитом Макарием били челом Ивану IV «чтобы ему женитвою не длити, занеже он государь во юноством возрасте, тех еще лет не дошел, чтобы ему можно без супружества быти»[35]. На предложение бояр и митрополита Иван IV не дал определенного ответа.

Вскоре, однако, он их собрал и объявил, что «он детей для своих возрасту мыслил бы не женитися, да для митрополита прошения и земли для хочет то дело о женитве совершити, а искати бы ему невесты в иных землях». Бояре и митрополит одобрили решение Ивана IV и тут же разослали гонцов в разные земли для подыскания достойной невесты. Были посланы люди в разные страны, в частности в Литву, Швецию и Кабарду. В Литву были посланы окольничий Федор Иванович Сукин и дворцовый дьяк Григорий Шапкин; в Швецию - Федор Григорьевич Беклемишев и подъячий Зиновьев, «а в Черкасы у чер-

\ \

касских князей дочерей осмотрити и привести их в Москве — Федора Васильева сына Вокшерина да подъячего Семейку Мякинина»[36]. По другим же летописным известиям, в Кабарду были посланы не Вокшерин и Мякинин, а Борис Иванович Сукин с кабардинским князем Гаврилом Тазрютовым. По этому поводу в летописи говорится, что в феврале 1561 г. «послал царь и великий князь в Пятигорские Черкасы в Оджанские у черкасских князей дочерей осмотрити Бориса Ивановича Сукина да с Борисом же вместе отпустити черкасского князя: новокрещенного князя Гаврила Тазрютова сына» в сопровождении «для бережения от крымских людей» стрелецкого головы Ивана Борисовича Голохвастова «со всеми его сотники и стрельцы и иных детей ооярских и казаков многих»[15'].

Из приведенных двух версий, по-видимому, соответствует действительности первая, так как о посылке в Кабарду именно Вокшерина и Мякинина мы имеем свидетельство летописи, вторично подтверждающей, что «послал царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси в Черкасы для тово Федора Васильевича сына Вокшерина да подъячего Семена Мякинина»[38].

Из летописных известий ясно видно, что после смерти царицы Анастасии были разосланы люди в разные страны — в Литву, Швецию и Кабарду для подыскания царю достойной невесты. Выбор царских послов остановился на дочери кабардинского князя Темрюка Идаровича - Гуаше, или Мариане.

В наказах московским послам имеется специальная статья о том, что они должны были отвечать, «нечто вспросят о государской радости». Они должны были отвечать так: «Божья воля ссталася: у государя нашего царицы и великой княгини Настасий в животе не стало. И государь наш по многим землям посылал, и сказали ему - у большого КНЯЗЯ Черкасского у Темрюка дочерь, что ему государьскому обычаю пригожа. И царь и великий князь посылал по нее и смотрил ее. И она ему государьскому обычаю пригодилась и государь взял ее за себя»[39].

А между тем по вопросу о том, как попала Мария Темрюковна в Москву в исторической литературе нет единого мнения. Голиков в «Деяниях Петра Великого» говорит, что кабардинская княжна Гуаша, или Мариан, со своим братом Михаилом находилась в Москве в качестве аманата и тут ее видел Иван IV.

Эту же точку зрения разделяет и кабардинский историк Ш. Ногмов, который пишет: «Князь Темрюк Идаров, видя избалованность и худые нравы кабардинцев, беспрестанно помышлявших о набегах и грабежах, решился отправить своих детей - сына и дочь - на воспитание в Россию. Выбравши из кабардинцев достойного и верного человека, он поручил ему детей доставить в Москву и отдать их для воспитания царю Ивану Васильевичу. Вскоре по прибытии в Россию они приняли святое крещение, в котором названы: сын Михаилом, а дочь Марией»[40].

В свете приведенных выше летописных известий, прямо говорящих о том, что Мария Темрюковна была вызвана в Москву не в качестве царской невесты на «посмотрение» — несостоятельность точек зрения Голикова и Ш. Ногмова совершенно очевидна. К этому еще надо добавить и то, что многовековая история широко распространенного между Московским государством и Кабардой обычая аманатства не знает ни одного случая посылки девочек в качестве аманаток.

Правильную точку зрения по данному вопросу высказал Н. Карамзин, который на основании летописных известий писал, что Иван IV, узнав через своих послов, что «один из знатнейших черкесских владетелей, Темрюк, имеет прелестную дочь» вызвал ее в Москву на «посмотрение». Иван IV полюбил ее и велел учить христианскому закону. «Митрополит был ее восприемником от купели, дав ей христианское имя Мария»[41].

Мария Темрюковна приехала в Москву в июне 1561 г. Ее сопровождали родной брат Доманук Темрюкович, Бекбулат Тохтамышев и другие. Навстречу к Марии Темрюковне по приказанию царя выехал из Москвы Иван Андреевич Бутурлин. Встреча произошла где-то на Волге.

По прибытии в Москву Марию Темрюковну поместили в доме Вешнякова, на Игнатьеве, около Расположенских ворот. Через несколько дней в том же июне месяце, по свидетельству летописи, «царь и великий Иван Васильевич всеа Русии княжне Черкасской велел быти на своем дворе, смотрел ее и полюбил»[42]. А еще через короткое время протопоп Андрей Благовещенский оповестил Москву о крещении Кученей-Гуаши Темрюковны и «нарек ей имя святые Марии Магдалины, а царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии нарек ее себе невесту»[43].

Мария Темрюковна крестилась 20 июля 1561 г. По этому поводу летопись сообщает, что «на память святого пророка Илии крещена Черкасская княжна Мария, а крестил ее Макарий митрополит всеа Русии в соборной церкви Успения пречистые богородицы на Москве»[44].

После крещения царь Иван IV благословил свою невесту Марию Темрюковну и подарил ей золотой крест с «святыми» мощами. Дети царя от первого брака - Иван и Федор — тоже подарили Марии золотые кресты, украшенные дорогими камнями и жемчугами.

Наследующий день 21 августа 1561 г. состоялся брак Ивана IV с Марией Темрюковной Черкасской. «Августа в 21-й день,- говорится в летописи,- на память святого апостола Фадея, в четверг царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии женился вторым браком, а взял за себя кабардинского из Черкас Темрюка князя Айдаровича дочь, нареченную во святом кре-

щении царевну Марию, а венчал его в соборной и апостольской церкви Успения пречистые богородицы преосвященный Макарий митрополит всеа Русии. На радости же его тогда были брат его князь Юрьи Васильевич да князь Володимер Ондреевич и бояре и велможи многие»[46].

Русский народный эпос по поводу венчания Ивана IV с Марией Темрюковной говорит, что:

Прикатился в каменну Москву,
Заходил он во божью черькив,
Да ставал на подножок - от
Он примал золотые венчи
Да со Марьей Темрюковной [46].

Английский путешественник А. Дженкинсон сообщает некоторые подробности о браке Ивана IV с Марией Темрюковной. «Его величество,- пишет он,- будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец - посланник или иной - не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтобы ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего дома во время празднеств. Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной. 6-го следующего месяца сентября царь дал большой пир, к которому были приглашены все посланники и иностранцы... Я был в числе приглашенных»[47].

Брак Ивана IV с Марией Темрюковной получил живой отклик в устных преданиях русского народа:

Не женись, царь, в проклятой Литве
На той ли Марье Темрюковне,
А женись ты, царь, в каменной Москве...

Нетрудно заметить, что в приведенной песне произошло смещение географических понятий и тем не менее она правильно отразила общественное мнение тогдашнего русского общества, которое было против женитьбы царя Московского на иностранке.

Общественное мнение того времени было за то, чтобы царь женился в белокаменной Москве на русской. Но вопреки общему желанию царь Иван IV:

Покатитися и женитися
На той на Марье на Темрюковне...'[18]

По-видимому, это же отрицательное отношение к браку Ивана IV с Марией Темрюковной руководило Н. Карамзиным,

когда он давал Марии Темрюковне чрезмерно субъективную характеристику. «Мария,- пишет Н. Карамзин,- одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии ни для его сердца, ни для государства, которое уже не могло с мыслью о царице соединить мысль о царской благодетели. Княжна Черкасская, дикая нравом, жестокая душой, еще более утверждала Ивана в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда»[49].

Мы не знаем, какими источниками пользовался Н. Карамзин при составлении характеристики Марии Темрюковны. Во всяком случае русские летописи не дают никаких оснований для подобных выводов. Напротив, они говорят о дружной жизни Ивана IV с Марией Темрюковной, заменившей для его детей от первой жены добрую и заботливую мать [50].

Личность Марии Темрюковны в нашей историографии еще не изучена, хотя она заслуживает самого серьезного внимания. С тем большим удовлетворением должны отметить, что в драматургической литературе советского периода обаятельный образ царицы Марии Темрюковны создан выдающимся русским писателем А. Н. Толстым в произведении «Иван Грозный», в котором Мария Темрюковна, в соответствии с исторической правдой, выводится как достойная царица, ближайший друг и помощник крупнейшего государственного деятеля России - царя Ивана IV.

Иван IV от Марии Темрюковны имел сына по имени Василий. По этому поводу русская летопись сообщает, что в 1569 г. «царь и великий князь поехал из Крылатского к Москве, и встретил царя и великого князя на Крылатском поле с Москвы боярин Василий Юрьевич Траханиотов с тем, что царю и великому князю родился сын царевич Василий: сей первый царевич от царицы и великие княгини Марии Черкасские»[51].

Мария Темрюковна жила недолго. Она скончалась 1 сентября 1569 г. и похоронена в Москве, в Вознесенском девичьем монастыре. По-своему восприняли этот факт русские народные песни, которые говорят, будто:

Брал царь свою Марью Темрюковну
И вел ее далече в чисто поле,
Стрелял он ей в ретиво сердце,
Тут ей и славу поют [52].

После смерти Марии Темрюковны пошли слухи, будто она, так же как и первая жена Ивана IV, Анастасия, была отравлена.

Брак Ивана IV с дочерью крупного кабардинского князя Темрюка Идаровича - Марией - несомненно для Московского государства имел большое политическое значение. Он содействовал усилению влияния России сг ти горских народов вообще и

среди кабардинце в частности. Этому браку совершенно правильную оценку дал С. Броневский, который писал, «сей поступок - был ли он следствием пристрастия или политическим вычетом - произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, тюменских и таманских черкесов, которые в походах царя Ивана Васильевича на Финляндию, Польшу и против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью, им свойственною, много способствовали его победам»[53].

Еще большее значение имел брак Ивана IV с Марией Темрюковной для самой Кабарды. Через короткое время Темрюк Идарович при активной помощи Московского государства сумел распространить свою политическую власть на всю Кабарду. В документах того времени Темрюк Идарович стал именоваться «большим» или «начальным» князем Кабардинской земли.

Для более успешной борьбы с внешними и внутренними врагами Кабардинской земли Темрюк Идарович заключал военные союзы с дружественными Московскому государству народами. Любопытно в этой связи отметить, что Темрюк Идарович в 1562 г. заключил военный союз с вассалом Ивана IV ногайским князем Измаилом на условиях «...обема за один быти на недругов и с други дружитися за один же». Этот договор был обусловлен необходимостью борьбы против внутренней реакционной княжеской оппозиции, отстаивавшей свои *вотчинные* интересы. В этот период реакционную княжескую оппозицию возглавляли князья Сибок и Канук.

В борьбе против реакционных княжеских группировок существенную помощь Темрюку Идаровичу оказывали ногайцы. Приехавшие в 1564 г. в Москву ногайские послы докладывали Ивану IV, что «как промеж черкесов война ся естала и мы тех велели воевать».

Надо, однако, отметить, что среди ногайской феодальной знати тоже не было единства. Одни, ориентируясь на Москву, поддерживали Темрюка Идаровича, а другие примыкали к реакционной оппозиции кабардинских князей. Противников Московского государства возглавлял мурза Казый, который боролся и против Московского государства и против его вассала - Темрюка Идаровича. Муж старшей сестры Марии Темрюковны, ногайский мурза Тинехмат писал в Москву, что Казый выступал против Темрюка Идаровича в союзе с кабардинским князем Шигапсуком. «А отец мой князь,- писал Тинехмат,- с Темрюком князем сговорилися были, на весне хотели - оттоле Темрюк князь а отселе отец мой князь хотели Казыя воевати. И мы даст бог на весне, как от тебя к нам весть будет, и мы Казыя учнем воевати»[54].

Но совместного выступления против крымского агента Казыя, по-видимому, союзники организовать не смогли. Напротив,

есть основание думать, что мурза Казый вторгся в Кабарду и при поддержке внутренней княжеской оппозиции разгромил и наложил на Кабарду дань. Во всяком случае в статейном списке Афанасия Нагого мы находим любопытную запись, что как раз в это время крымский хан, как к данникам, прислал «в Черкесы пятигорские, которые ему служат, ясаков брать», но кабардинцы ответили «нам ясаков отдавать нечего, потому что нас воевал Казый мурза и побил и многих людей в полон поймал»[65].

Из сказанного можно сделать заключение, что несмотря на то, что Московское государство в 1558-1564 гг. было занято тяжелой войной в Ливонии, Иван IV ни на минуту не забывал о своей новой Кабардинской вотчине. Он оказывал «начальному» князю Кабарды Темрюку Идаровичу возможную помощь в борьбе с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

Женитьба Ивана IV на дочери кабардинского князя Темрюка Идаровича - Марии - еще больше укрепила связи Московского государства с дружественной Кабардой.

После установления родственных связей Московского государства с Кабардой Иван IV начал принимать еще более близкое участие в кабардинских делах. Участились московские посольства к Темрюку Идаровичу для выяснения внешнего и внутреннего положения Кабарды и оказания помощи по охране новой вотчины от врагов. В 1563 г. Иван IV отправил в Кабарду посольство в составе Ивана Борисовича Федцоова и Никиты Казариновича Голохвостова «к тестю своему к Темрюку князу Айдаровичу свою радость сказати, как его пожаловал, дочерь его княжну Марию взял за себя»[56].

В пути И. Б. Федцоов заболел и остался в Астрахани. В Кабарду поехал Никита Голохвостов один.

Это было первое посольство из Москвы в Кабарду после женитьбы Ивана IV на Марии Темрюковне. Поэтому посольство везло с собой радостную весть для Темрюка Идаровича, «а княгине его и детям их и племени их великое жалованье — платье и деньги, и кубки, и ковши, и иные суды серебряные»[57].

Это посольство для Темрюка Идаровича имело важное значение. О значении посольства 1563 г. русская летопись говорит, что «которые черкасские князи Темрюку князю были непослушны и те, заслыша царское жалованье Темрюку князю, что царь и великий князь Темрюка князя пожаловал, дочерь его взял за себя и они Темрюку князю учали быти послушны и дани ему учали давати и во всей учинилися в Темрюкове княжней воле»[58].

В том же 1563 г. к Темрюку Идаровичу был отправлен московский посол Семен Ярцев с наказом Ивана IV «о всех наших делах поговорити» и чтобы «которые ему Темрюку будут тесно-

ты от недругов и он бы о том приказал к царю»[69]. Одновременно Иван IV приказал своему вассалу Измаилу Ногайскому, чтобы он «с тестем моим Темрюком князем о своих делах обослался, как нам против своих недругов стояти»[60].

По мере возвышения князя Темрюка Идаровича и усиления влияния Московского государства в Кабарде, среди реакционной части кабардинских феодалов усиливалось недовольство Темрюком и его политикой, направленной на укрепление центральной княжеской власти в Кабарде на базе ликвидации феодальной раздробленности и усиления русско-кабардинских отношений, содействовавших успешной борьбе Темрюка Идаровича с внешними врагами кабардинской земли. Всемерно стараясь усилить связи Кабарды с Московским государством, Темрюк Идарович в то же время вел непримиримую борьбу против турок и крымских татар и их сторонников внутри Кабарды, ставивших своей задачей нейтрализовать влияние Московского государства, разгромить его сторонников внутри Кабарды и подчинить ее себе.

В 60-х гг. XVI в. наиболее яростными врагами Московского государства и его ставленника в Кабарде - Темрюка Идаровича - выступили кабардинские князья Сибок и Канук с сыновьями Алексеем и Гаврилом.

Внутренняя княжеская оппозиция не в состоянии была вести борьбу своими собственными силами против поддерживаемого Московским государством Темрюка Идаровича. Потому она, став на путь измены своей родине и кабардинскому народу, в поисках поддержки бросилась в объятия иноземных врагов кабардинской земли. Изменники кабардинской земли князья Алексей Сибокович и Гаврил Канукович бежали в Литву, у которой расчитывали получить помощь против Москвы и ее ставленника в Кабарде КНЯЗЯ Темрюка Идаровича.

Иван IV, не отделявший интересы Кабарды от интересов Московского государства, поручил московскому послу в Крыму Афанасию Нагому тщательно разведать, «нет ли какова подыму от Олешки и от отца его Сибока Крымского царя на Темрюка князя? Или будет Олешка проехал в Черкасы черкес подымати на Темрюка князя и Олешкино царю и великому князю и ко всей русской земле измена? О том ему о всем проведати про Олешку и про князя Гаврила Черкасского подлинно»[61]. На основании собранных в Кабарде сведений Афанасий Нагой сообщал Ивану IV, что «про Олешку про Черкасского и про князя Гаврила сказали, что они в Литве, а в Крым не бывали. А Олешка-де живет в Литве у Сибокова брата, а князь Гаврило-де живет с ним же, а того не ведают, про что-де от государя отъехали»[82].

Не бездействовали и руководители реакционной оппозиции князья Сибок и Канук. Осенью же 1563 г. они отправили брата Сибока по имени Чюбук к Крымскому хану с предложением прислать своего сына «на черкасское государство».

Крымский хан отправил в Кабарду своего внука Слам-Гирея. Когда о планах княжеской оппозиции и крымского хана Девлет-Гирея стало известно в Москве, «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии послал в Черкасы пятигорские к Темрюку, князю Айдаровичу посольством Григория Семеновича сына Плещеева, а з Григорием велел послати и с Казани и из Асторохони для бережения стрельцов и казаков пятьсот человек; а велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людми вместе, куды его Темрюк князь динет посылати»[63].

Приказ Ивана IV об оказании военной помощи Темрюку Идаровичу оппозиция немедленно довела до сведения крымского хана. Гонец из Кабарды Кульчюк-мурза сообщил Девлет-Гирею, что Иван IV «прислал в Черкесы к Темрюку князю воевод своих, а имеян-де им не помнит, а с ними-де прислал многих московских людей да стрельцов 1000 человек. И воеводы-де пришед Темрюку князю город поставили; и Темрюк-де в городе сел, а хочет-де с Московскими людьми идти на Сибока да на Канука князя»[64].

Своевременно оказанная Иваном IV военная помощь Кабарде расстроила планы крымского хана Девлет-Гирея и его сторонников внутри Кабарды. Князь Темрюк Идарович при помощи московских ратных людей нанес своим противникам сокрушительный удар. Вернувшийся в 1564 г. в Москву Григорий Семенович Плещеев доложил Ивану IV, что он прибыл в Кабарду, «ас ним стрельцов 500 человек, да пять аманатов казачьих с казаки, а казаков сними 500 человек; и Темрюк со государстьскими людьми недругом свои недружбу довел и в свою волю и привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татские земли близ Скиньских городков и взяли три городка: город Мохань, город Енгирь, город Каван и мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шапшуковы княжие, а люди тех городков добили челом Темрюку князю и дань Темрюк-князь на них наложил. И воевали землю их одиннадцать дней и взяли кабаков Мшанских и Сонских 164 и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз - Бурнаша, Ездноура, Бурнака, Дудыля и отпустил Темрюк Григория ко царю и великому князю»[65].

Темрюк Идарович одержал победу над противниками, но эта победа оказалась непрочной. Внутренние враги не сложили оружия. Они не могли примириться с политикой Темрюка Идаровича, лишавшей их политических и экономических привилегий. Княжеская оппозиция, оправившись от понесенного поражения, через короткое время вновь повела борьбу против Темрюка Идаровича. Летом 1565 г. Темрюк Идарович отправил к Ивану IV своего сына Мамстрюка просить о военной помощи. Иван IV находился в Александровской слободе, куда и поехал к нему

Мамстрюк Темрюкович. «И челом ударил царю и великому князю Мамстрюк в Олександровской слободе и бил челом царю и великому князю от отца своего от Темрюка князя, что Темрюку князю пришли многие тесноты от черкас и ему непослушны во всем, и государь бы пожаловал, послал свою рать в Черкасы и от непослушных его велел обороняти»[66].

Просьба Темрюка Идаровича была удовлетворена. В сентябре 1565 г. Иван IV с князем Мамстрюк ом Темрюковичем отправил «рать свою на черкесских князей, которые им непослушны, на кабардинских князей на Шапшука з братьею, да на Тазрита, да на Маита»[67]. Вместе с князем Мамстрюком во главе московских ратных людей был отправлен в Кабарду князь Ив. Дм. Дашков, а во главе казачьего отряда - Иван Фестов. Одновременно к Темрюку Идаровичу было отправлено из Москвы посольство, которое возглавлял дьяк Матвей Иванович Ржевский.

Мамстрюк Темрюкович из Москвы отправился на судах, но этой осенью он не добрался до Астрахани и вынужден был зимовать под Девичьими горами на Уст-Куньи. Что касается князя Дашкова, то он добрался до Астрахани, где и вынужден был зимовать.

Точно не известно, когда именно прибыла экспедиция Ив. Дм. Дашкова в Кабарду. Но известно, что она пробыла в Кабарде около двух месяцев, в продолжении которых вела вооруженную борьбу против общих врагов Московского государства и кабардинской земли.

Только осенью 1567 г. экспедиция вернулась в Москву. Ивану IV было доложено, что московские ратные люди «жили в Черкасах у Темрюка князя от Рождества Ивана Предча[68] до Госпожина дни[69] и черкасские места, Шашнуковы кабаки з братьею, многие воевали и полону и животов имали много; черкесские князи многие собрався на князя Ивана Дашкова и на Матфея дьяка с товарищи приходили и дело с ними делали, и государьские люди черкес много побили, а иных поранили»[70].

Многолетний опыт борьбы князя Темрюка Идаровича против внешних и внутренних врагов кабардинской земли показал, что эпизодические присылки в Кабарду московских ратных людей не могут обеспечить сколько-нибудь продолжительного и устойчивого спокойствия в стране. Они не могли положить конец внутренней межфеодальной борьбе и тем более не могли парализовать на длительное время агрессии турецко-крымских захватчиков. Пока московские ратные люди находились в Кабарде, наступало относительное спокойствие, но стоило им покинуть пределы Кабарды, как вновь поднимались внутренние мятежники и при активной поддержке турок и крымских татар начинали вооруженную борьбу против Московского государства и его ставленника в Кабарде - Темрюка Идаровича.

Для более успешной борьбы с внешним и внутренними врагами кабардинской земли нужна была постоянная помощь Московского государства. Такую помощь могло обеспечить постоянное пребывание в Кабарде или недалеко от нее русских военных сил. Исходя из этих соображений, Темрюк Идарович в 1567 г. поставил вопрос перед Иваном IV о заложении на реке Тереке военной крепости, в которой постоянно находился вооруженный гарнизон из московских ратных людей. По этому поводу русская летопись говорит, что «приехал ко царю и великому князю из Черкас Матлов князь Темрюкович, шурин царя и великого князя, а людей с ним 30 человек, бити челом государю царю и великому князю от отца своего Темрюка князя Айдаровича, чтобы государь пожаловал для бреженія от недругов его велел город на реке Терек усть Сююнчи реки поставити»[71].

Предложение Темрюка Идаровича не противоречило политическим интересам Московского государства. Имея постоянную военную силу на Тереке, Московское государство получало возможность непосредственного влияния на дела Северного Кавказа. Поэтому в том же 1567 г., по словам летописи, «отпустил царь и великий князь в Черкасы Матлова князя Темрюковича, а с ним по Темрюкову челобитью послал царь и великий князь для городского дела князя Ондрея княже Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими людьми, да и наряд, пушки и пищали с ними в Черкасы послал, а велел на Терке реке Темрюку князю по его челобитию город поставити»[72].

Заложение военной крепости на берегу реки Терека имело не только местное значение. Оно имело и международное значение. Постройкой крепости Терки Московское государство вступило прочной ногой на северокавказскую почву. Здесь же было организовано Терское воеводство, прибравшее к рукам терско-гребенскую казачью вольницу. Терское воеводство являлось исходной точкой политики Московского государства на Кавказе вообще. Ближайшей своей задачей Терская крепость ставила создание военного заслона против турецкой агрессии. Документ указывает, что «государь рать свою с вогненым боем послати на Терку и велел городы поставить и беречь велел воеводам Терским с ратными людьми, чтобы турская рать не пропустить»[73].

Как и надо было ожидать, крымский хан Девлет-Гирей по поводу заложения крепости Терки выступил с резким протестом. Он со специальным гонцом, по имени Али, прислал к Ивану IV ультиматум о немедленном прекращении работ по устройству военных укреплений. «Послышали есмя,- писал Девлет-Гирей,- что на Шамхальской и на Черкесской стороне город ставишь. И тебе туто города не ставити. И предки твои чево не делали и тебе бы того не делати. И мы слышали, что еси прислал тысячи две-три да на Терк и город поставил, того для промыслил еси, чтоб шевкальскую землю и черкасскую изневолить.

И похочешь дружбы и миру и ты тот город вели снесть, а не похочешь так, и ты бы наших послов отпустил и мы твоих отпустим. Так бы еси ведал - меж нас более того ссылки не будет. Кому что ни даст бог милосердный - даст. И мы за свой сором учнем стоять»[74].

Дерзкий ультиматум крымского хана Девлет-Гирея был передан на обсуждение Боярской думы, в решении которой говорится, чтобы «о городе на Терке отписати, что государь Темрюка князя пожаловал, взял у него дочь за себя и многие черкасы недруги его досады ему делают; и царь для недругов его и город велел поставите»[75].

Доводы Боярской думы, изложенные в ответе на ультиматум Крымского ханства, Девлет-Гирей признал несостоятельными и через короткое время к этой своей претензии он прибавил еще новую, заключавшуюся в том, чтобы Иван IV отказался от присоединенных к Московскому государству Казанского и Астраханского ханств. В 1567 г. московским послам Девлет-Гиреем было заявлено следующее: «Царь ныне на Терке город ставит и посылает воевати турского черкес, а черкесы-де наши холопи старинные и жалование наше емлют. Да и в Шевкалы посылает воевати; а Шевкалы деи наша вера и нам служат и нам деи за них стояти грешно. И будет государь хочет со мною быть в дружбе и в братстве и он бы города на Терке не ставил... А будет ему на Терке город ставить и он мне давай гору золоту и мне с ним не миротворца, потому что поймал он юрты бусурманские Казань и Устрахань, а ныне на Терке город ставит и несетца к нам в суседи»[76].

Через короткое время крымский хан Девлет-Гирей, поддержанный турками, двинул свои войска против Кабарды, чтобы наказать ее за дружественные связи с Московским государством. По-видимому, налет был настолько неожиданный и для русских и для кабардинцев, что они не сумели совместными усилиями предупредить турецко-крымский налет. Если верить дошедшим до нас известиям, то крымский хан в результате этого налета захватил в плен свыше 20 тыс. черкесов и угнал большое количество крупного и мелкого скота[77].

Остро реагировала на усиление влияния Московского государства на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде, и Турция. Считая Кабарду без каких-либо оснований подвластной себе страной, Турция резко протестовала против устройства крепостей на территории Кабарды. Турецкий султан писал Ивану IV будто «князья кабардинской земли искони вечные были наши холопи, а ныне в кабардинской земле город поставлен и тот бы если город велел отставити, отсюдова людей проезжих велел пропускати и дорогу бы еси велел отперети...»[78]

В 1571 г. Иван IV отправил в Константинополь своего посла Андрея Кузминского, вручившего ноту московского царя Турецкому султану. В ноте Ивана IV говорилось: «Город в кабардинской земле поставили есмя на Терке реке тем обычаем: божиим изволением излюбив, взали есмя у кабардинского князя у Темрюка Айдаровича дочерь его за себя и кабардинские князи нам служити учали. И по челобитью князя Темрюка и всех кабардинских князей в их отчине поставили город на Терке на реке по нашему приказу, чтобы Темрюку князю от его недрузеи быти сбереженее» .

Пока шли эти дипломатические переговоры между Московским государством и Турцией по вопросу о крепости Терки, крымский хан зачастил свои опустошительные набеги на Кабарду. В 1570 г. Ивану IV сообщили, что в одном из кровопролитных боев кабардинцев с крымскими татарами тесть его князь «Темрюк с бою съехал ранен, а двух сынов Темрюковых - Мамстрюка да Беберюка - царевич Алди-Гирей на бою взял и привел с собою в Крым»[80]. Это между прочим последнее упоминание о князе Темрюке Идаровиче в русских документах после 1570 г. Темрюк Идарович в этом сражении получил тяжелые раны, от которых и умер.

Иван IV, узнав о печальной участи, постигшей его родственников, принял в их судьбе самое близкое участие. В январе 1571 г. он отправил в Крым своего гонца Богдана Шапкина узнать о судьбе сыновей Темрюка Идаровича, справиться об их здоровье и передать им грамоты и другие вещи, отправленные царем. Иван IV в грамоте к крымскому хану относительно сыновей князя Темрюка Идаровича писал: «Слух дошел, что слуги нашего кабардинского князя Темрюка сыны Мамстрюк и Беберюк впали сыну твоему Адиль-Гирею царевичу в руки и ты б отпустил их к нам в Москву; не постоял бы еси за них, для любви отпустил бы еси к нам. А у нас чего попросишь, и мы тебе против не постоим, занеже они слуги нашего Темрюковы дети княжие»[81].

А одновременно царь наказывал своему посланнику в Крыму Нагому добиться освобождения из татарского плена сыновей Темрюка Идаровича. Царь повелел Нагому предложить крымскому хану выкуп за сыновей Темрюка по 500, 600, 1000 и даже 1500 руб. за человека. Другому своему гонцу, отправленному в Крым, Иван IV наказывал «допытавшись про братью княж Михайловых Черкасского Мамстрюка и Беберюка, где они ныне и даст ли их царь на окуп и что за них окупу дати». Из дальнейших переговоров выяснилось, что крымский хан запросил за своих пленников больше, чем предлагал Иван IV. По словам посланника Нагого, хан запросил 12 тыс. руб. за каждого.

Чем закончились эти переговоры - были ли освобождены сыновья Темрюка Идаровича, когда и при каких обстоятельствах, - обо всем этом не дошло до нас никаких известий. Можно, однако, полагать, что Иван IV все-таки добился освобождения своих род-

ственников. Основанием для такого предположения может служить то, что сын Темрюка Идаровича - Мамстрюк - после этого события вновь выступил на историческую арену и играл видную роль в русско-кабардинских отношениях. Есть даже указание на то, что сыновья Темрюка Идаровича были выкуплены из плена Иваном IV. В наказе московского гонца в Крым Клавшова говорится, что Иван IV, не желая, чтобы Мамстрюк и Беберюк находились в крымском плену «велел за них окуп великой послу своему дати»[82].

Что касается третьего сына Темрюка Идаровича, Михаила, жившего и воспитывавшегося при дворе Ивана IV, то его постигла печальная участь. В порыве гнева Иван IV привязывал к его воротам свирепых медведей, нередко лишал его имения, потом вновь возвращал ему с лихвою. Когда же умерла третья жена Ивана IV - Марфа Собакина, то на Михаила Темрюковича пало подозрение в отравлении Собакиной, за что он в 1571 г., по приказанию Ивана IV, был посажен на кол[83]. Имя своего шурина Михаила Темрюковича Иван IV внес в синодик убитых и казненных им «их же имена ты сам, господи, веси».

Любопытно отметить, что случай с Михаилом Темрюковичем Иван IV тщательно скрывал от крымских ханов. Московский гонец в Крым Клавшов на вопрос — где князь Михаил Темрюкович Черкасский - должен был отвечать: «Князь Михаил Черкасский был в полку с воеводами царскими и в царев приход уехал из полку в полк и изгиб безвестно и ныне ведома про него нет, где изгиб». А будут говорить, что он убит по царскому повелению - отвечать: «То говорят ложно, не ведая, а государь его убити не веливал»[84].

Мы ничего не знаем - стало известно в Кабарде о казни Михаила Черкасского Иваном IV или нет. Во всяком случае ни уход с политической арены Темрюка Идаровича, ни смерть Михаила Темрюковича в Москве не отразились на русско-кабардинских отношениях, которые по-прежнему продолжали оставаться весьма дружественными.

В связи со смертью князя Темрюка Идаровича на политическую арену Кабарды выступили новые лица. Темрюку Идаровичу наследовал сын его Мамстрюк, а внешней политикой Кабарды руководил один из братьев Темрюка Идаровича - Камбулат Черкасский.

Князь Мамстрюк Темрюкович продолжил политику своего отца - Темрюка Идаровича. Особое внимание Мамстрюк уделял также укреплению русско-кабардинских отношений.

В 1578 г. князь Мамстрюк отправил в Москву посольство во главе с князем Камбулатом Черкасским, который от имени Мамстрюка бил челом Ивану IV. В своей челобитной князь Мамстрюк по примеру Темрюка Идаровича просил царя взять кабардинскую землю под свою власть, защищал бы от внешних и внутренних врагов, пожаловал бы его Сунженской крепостью,

прислал бы в Кабарду своих ратных людей с «огненным боем», а с ними - и воеводу.

Все пункты, изложенные в челобитной КНЯЗЯ Мамстрюка, были утверждены царем, о чем была послана соответствующая грамота терскому воеводе, являвшемуся официальным представителем Московского государства на Северном Кавказе.

По приказанию царя Ивана IV кабардинцы должны были подчиняться терскому воеводе.

На основании челобитной князя Камбулата Черкасского, который выступал от имени князя Мамстрюка Черкасского, в том же 1578 г. Иван IV приказал восстановить город «в Пятигорских Черкасах», на реке Терке, на устье Сунжи («Сюенча», т. е. Сунжи. - *Г. К.)* реки. В терский город был послан воевода Л. Новосильцев «со многими людми и с военным боем», а «для городового дела» были посланы плотники и другие специалисты.

Из сказанного следует, что русско-кабардинские отношения в царствование Ивана IV значительно расширились и укрепились. Выдающуюся роль в укреплении русско-кабардинских связей XVI в. сыграл кабардинский князь Темрюк Идарович, который на протяжении всего своего княжения (1557-1570), ведя ожесточенную борьбу против ненавистных турецко-крымских насильников, приложил в то же время немало усилий к переходу Кабарды в подданство Московского государства. Эту политику Темрюка Идаровича в тогдашних исторических условиях, когда кабардинской земле угрожали полным порабощением и физическим уничтожением турецко-татарские орды, следует признать прогрессивной. Темрюк Идарович исторические судьбы Кабарды прочно связал с сильным и могущественным Московским государством и тем самым спас кабардинскую землю от турецко-татарского рабства.

В этом и заключается, главным образом, историческая роль выдающегося государственного деятеля Кабарды XVI в. Темрюка Идаровича Черкасского.

Установившиеся при Иване IV между Московским государством и Кабардой дружественные отношения, в основе которых лежали общие для обеих стран интересы, не нарушались и при приемнике Ивана IV. Я бы даже сказал, что русско-кабардинские отношения при Федоре Ивановиче (1584-1598) приняли более определенный характер тем, что в это царствование юридически была оформлена вассальная зависимость Кабардинской земли от Московского государства.

Неблагоприятные для Кабарды внешние и внутренние условия, заключавшиеся в постоянной угрозе быть порабощенной турецко-крымскими захватчиками и непрерывной внутрикняжеской борьбе, распылявшей силы кабардинского народа, про-

должали оставаться основными действующими факторами, толкавшими Кабарду к еще более тесному сближению с Московским государством. Но, помимо этих факторов, следует учитывать и роль отдельных исторических деятелей Кабарды, немало содействовавших последующему сближению Кабарды с Московским государством. И среди этих политических деятелей Кабарды XVI в. после Темрюка Идаровича следует назвать князя Мамстрюка Темрюковича, продолжавшего политику своего отца.

В январе 1588 г. из Кабарды прибыло посольство к царю Федору Ивановичу в составе князей Мамстрюка, Кудадека и Канбулата. Кабардинские послы были приняты Федором Ивановичем в Кремле в «Подписной и Золотой» палате. Послов представил царю казначей Д. И. Черемисинов.

В торжественной обстановке в присутствии московских бояр кабардинские послы били челом Федору Ивановичу, чтобы «их пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своем государстве жалованье в обороне от их недругов потому ж, как их жаловал, держал под царскою рукою отец его государь... царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, и велел бы государь для их обороны турково и от крымсково на Терке город поставить; а они государю учнут служить всякие государевы службы, где коли государь велит, а к иному государю к Крымскому и к Шевкалскому и к. иным ни к которым государем не пристанут и учнут жить в государстве в Терском городе переменяясь»[86].

Кабардинские послы были приведены к шерти, в которой они поклялись в верности Федору Ивановичу. «А кто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии,- говорится в шерти, — друг, тот и нам будет друг, а кто будет царю Федору Ивановичу недруг, тот и нам будет недруг и на того нам со государевыми воеводами с Астороханскими и Терскими воеводами с ратными людми ходити и приводити во государеву волею»[87].

В результате поданной кабардинским посольством челобитной царь Федор Иванович кабардинских князей Мамстрюка, Кудадека и Канбулата и «всех черкасских князей и всю Черкасскую кабардинскую землю пожаловал по тому же, как их жаловал отец его Иван Васильевич всеа Русии и грамоту им свою государеву з золотою печатью дати велел»[87].

В ответ на челобитную кабардинских князей царь Федор Иванович сказал: «И мы великий государь, царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, выслушав вашего челобития... всее вашю Черкасскую землю кабардинскую... пожаловали есмя, взяли свое царское жалованье под свою царскую руку и хотим вас держати всее Черкасскую землю под своею царскою рукою в службе и во обороне и защищати вас хотим ото всяких недругов

и на Терке реке на устье Терском велели есмя город поставити своим воеводам»[89].

В следующем **1589** г. московские послы Звенигородский и Антонов, следовавшие в Грузию, на некоторое время остановились в Терском городе и от кабардинских князей приняли присягу в верности Московскому государству на условиях, что «по Терке и по Сунже и по иным рекам в рыбных и звериных ловлях и во всяких угодьях им вольно и по перевозам их по рекам их и их людей государевы стрельцы и вольные казаки перевозят, а на которого недруга надобет идти и государевы воеводы им людей дают».

По свидетельству московских послов Звенигородского и Антонова, «вся Кабарда совет учинила, что служит государю Московскому».

С этого времени Кабардинская земля формально стала считаться вотчиной Московского государства, а Федор Иванович - титуловаться государем «Иверской земли Грузинских царей и Кабардинской земли черкесских и горских князей»[90].

После формального принятия Кабардой подданства Московского государства кабардинские князья стали выполнять возложенные на них Федором Ивановичем обязанности. Они всегда готовы были принять активное участие в военных походах Московского государства. **В** том **1589** г. князь Алхас заявил терскому воеводе, что против общего врага шамхала Тарковского «з государевыми воеводами сам пойдет, а с ним будет его — рати до тысячи человек, а Ших-мурза пошлет своих людей до ста человек конных, до ста человек пеших»[91]. Князь Алхас обеспечивал, кроме того, русским послам в Грузию безопасность пути следования. По этому вопросу документы говорят, что «которых еси государь послал послов своих в Иверскую землю, и те, государь, послы твои ходили на Алхаса на Кабардинского, и Алхас, государь, их в Иверскую землю провожал. А как они назад шли, государю, служат»[92].

Московское государство на основе установившихся вассальных отношений в нужный момент обращалось к Кабарде за ратными людьми. Такая помощь Московскому государству нужна была в то время против немецких и шведских («свейских») и турецко-крымских агрессоров и оно всегда ее получало от Кабарды. В 1589 г. Федор Иванович приказывал астраханскому Воеводе Ф. М. Троекурову и дьяку Дербеневу немедленно дать знать кабардинским князьям о присылке ратных людей. «Помыслили есмя,- писал Федор Иванович,- послать рать свою в немецкий поход на свейского короля, а у кабардинских черкас взяли бы нам у Шолоха 150 человек, да Канбулат да Мамстрюк князь Темрюкова послали ратных человек до 50 человек и грамоты к ним о ратных людях от нас послали есмя, чтобы они черкас прислали з двемя мурзами до 200 человек черкас со вся-

ким служебным нарядом на нашу службу, тем бы нам службу свою и правду показали»[93].

Кабардинским князьям Мамстрюку Темрюковичу, Шолоху и Канбулату была послана грамота такого же содержания.

Из ответной челобитной астраханского воеводы Троекурова и дьяка Дербенева мы узнаем, что к кабардинским князьям были посланы из Астрахани с царской грамотой боярский сын Михаил Торбеев и боярский же сын Лука Уваров.

Кабардинские князья изъявили свою готовность принять активное участие со своими людьми против немецко-шведских агрессоров. Они выставили не 200 человек, как просил Федор Иванович, а 500 человек. В своей ответной челобитной Федору Ивановичу кабардинские князья писали: «Государевы деи милости и жалованья к нам много, а мы-де холопи всегда его государевы, где нам государь для своей службы на своих недругов быть коли ни велит, и мы-де готовы»[94].

В дальнейшем выяснилось, что Федору Иванову «свейский король добил челом и во всем перед государем исправился», а потому «рать государева на свейского короля не будет»[95]. Так, намеченный поход не состоялся.

В царствование Федора Ивановича Кабарда, как вотчина Московского государства, по всей форме выполняла добросовестно свои обязательства перед своим сюзереном.

Это, однако, не означало, что с признанием подданства Московского государства внутри Кабарды прекратилась групповая межфеодальная борьба и что все кабардинские феодалы вели себя одинаково лояльно по отношению к Москве. Правда, поскольку влияние Московского государства в Кабарде сделалось господствующим, внутрикняжеские противоречия несколько были приглушены и сторонники турецко-крымской ориентации уже открыто, как раньше, не выступали, но тем не менее они время от времени давали о себе знать. Против реакционной части кабардинских феодалов, ориентировавшейся на турецко-крымских завоевателей, вела вооруженную борьбу прогрессивная часть феодалов, признававшая над собой подданство Московского государства. Но иногда сторонники турецко-крымской ориентации, пользуясь поддержкой своих покровителей, ставили сторонников Москвы в довольно затруднительное положение. В таких случаях прогрессивная часть кабардинских феодалов обращалась к Московскому государству за военной помощью, которую она всегда получала от него.

В 1589 г. сторонники Московского государства князья Мамстрюк Темрюкович, Худадек и Кутур-мурза правили в Москву посольство в составе узденей Ансова, Мустафара и Ногока, которые били челом Федору Ивановичу, чтобы он отправил в Кабарду «своих государевых воинских людей - стрельцов и казаков воевати государевых не послушников черкас, которые тебе, государю, не прямят и не служат»[96].

Как видно из челобитной Мамстрюка Темрюковича, группу «непослушных» Московскому государству кабардинских князей возглавлял князь Шолох, который, отказавшись от подданства Москвы, стал ориентироваться на недруга кабардинской земли и Московского государства шамхала Тарковского. Против реакционной группы князя Шолоха князь Мамстрюк Темрюкович и просил Федора Ивановича «послати воевод своих ратью», заверяя в то же время царя, что «кабардинские князи, которые под его царскою рукою с государевыми воеводы все готовы со всеми своими людьми»[97]. Учитывая местные особенности, Мамстрюк Темрюкович рекомендовал Федору Ивановичу прислать ратных людей именно зимою, в противном случае расправиться с мятежниками невозможно в летнее время, так как они укрываются летом в недоступных горных ущельях.

На этот раз, однако, дело до военных действий не дошло. Видя серьезные военные приготовления против себя, «Солох и Алхас князь и все князи и мурзы учинились под государя нашего царского величества рукою в его царском жалованье и правду дали по своей вере шертовали и заклад детей и братью свою и племянников дали»[98].

Княжеская оппозиция подчинилась Московскому государству ненадолго. Вскоре глава оппозиции князь Алхас, который слыл как человек «в правде не крепок», опять переметнулся на сторону шамхала Тарковского и вместе с ним повел борьбу против Москвы и ее сторонников - прогрессивной части кабардинских князей.

Вновь встал вопрос о ликвидации мятежников. Князь Мамстрюк Темрюкович опять бил челом Федору Ивановичу об отправке в Кабарду ратных людей против изменников.

Просьба Мамстрюка Темрюковича была удовлетворена. В Кабарду были отправлены московские ратные люди в количестве 750 человек под начальством Гришки Полтева.

К экспедиции Гришки Полтева присоединились сторонники Московского государства, принявшие активное участие в разгроме реакционной княжеской оппозиции, возглавляемой князьями Алхасом и Шолохом. «А прислан есмя в Кабарду,— пишет Полтев,— для государевых ослушников. А со мною в огненово бою 750 человек и со мною ж ходят кабардинский Яисох князь и его племянники и многие мурзы»[99].

Русско-кабардинский объединенный отряд под начальством московского воеводы Полтева разгромил и сжег уделы руководителей княжеской оппозиции и организаторов мятежа. «А Григорыо Полтеву и кабардинским многим князьям и мурзам,- говорится в документе,— в ту пору случилось воевати кабардинского князя Шолоховы кабаки и выжгли и вывоевали у него кабаков при нем с 30 и болши. И как государева рать подошла блиско самого Шолохова кабаки, и Шолох и своими

38 Заказ № 106

детми и с уздени вышел к Григорию Полтеву пеш, а с собою вывел Андиева сына, а Шевкалова внука, а был у него от Шевкальского в закладе, и бил челом, чтоб его не воевали, а он государю хочет служити и заклад бы у него взяли кого хотят. И Григорий Полтев взял у него сына его, да Шевкалова внука - Андиева сына, да 20 человек узденей его лутчих»[100].

Основным итогом экспедиции следует, однако, считать то, что Григорий Полтев и кабардинский князь Янсох «Кабардинскую землю все под государеву руку привели» и «вся Кабарды стала в одинастве»[101].

В деле разгрома реакционных кабардинских феодалов, которые вели борьбу против русско-кабардинского сближения и, напротив, толкали Кабарду в объятия турецко-крымских захватчиков, выдающаяся роль принадлежит князю Мамстрюку Темрюковичу, последовательно проводившему политику своего отца на сближение Кабарды с Московским государством. Логическим завершением этой прогрессивной политики явилось объявление Кабарды в 1588 г. царем Федором Ивановичем вотчиной Московского государства.

Московский царь Федор Иванович высоко ценил службу и преданность Мамстрюка Темрюковича. В 1591 г. Федор Иванович в грамоте на Мамстрюка Темрюковича писал: «Наш непослушник Шевкал князь, тебя поймав, держал у себя в полону и тебя от нашего жалованья отводит; и ты, будучи у него в полону, всякую нужду терпел; а от нашего жалованья не отстал и ныне еси по-прежнему в нагнем жалованье живешь и нам служишь; и ты то делаешь гораздо что нам служишь правдою, помня отца своего Темрюка князя правду и службу к отцу нашему Ивану Васильевичу, и впредь бы еси нам служил»[102].

Весьма видную роль сыграл Мамстрюк Темрюкович во главе кабардинских сил в завоевании вместе с московскими войсками шамхала Тарковского. Мы не знаем, какое количество ратных людей выставила Кабарда в 1591 г. против шамхала. Во всяком случае московский посол Василий Плещеев на вопрос о том, сколько человек пойдет войной на шамхала Тарковского, должен был отвечать, что «пойдет государевых людей с пищалями до 5 тысяч, а черкас до 10 тысяч»[103].

Об участии кабардинских князей в экспедиции против шамхала Тарковского Федор Иванович с удовлетворением констатировал, что «з государевыми воеводами черкасские князи и мурзы Янсох князь, Шолох князь, Мамстрюк князь з братьею своею и з детми и с племянниками на государево службе в Шевкальской земле были»[10'].

Победа над шамхалом Тарковским имела большое значение и для Московского государства, и для Кабарды. Для Москвы она открывала важнейший торгово-стратегический путь через Северный Дагестан в Закавказье, а для Кабарды она обеспечивала безопасность с восточной стороны.

Задача теперь заключалась в том, чтобы из дружественных кавказских народов создавать сильный заслон для обеспечения безопасности от иноземных врагов южным пределам русского государства. Объединение дружественных кавказских народов, главным образом, грузин и кабардинцев, теперь должно было произойти вокруг Терского воеводства. В посольском наказе Родиону Биркину и Петру Пивову говорится: «А нешто придут которого государева недруга люди к государеву городу, который поставят на Терке, и ему Александру князю, и со всеми своими людми и с черкасы против государевых недругов и своих з государевыми воеводами и людми стояти за один и государевых людей не выдать»[105]. И в этом направлении в царствование Федора Ивановича Московское государство добилось в Кабарде крупных политических успехов. В царствование Федора Ивановича Кабарда не только формально, но и фактически стала вотчиной Московского государства. Кабардинские удельные князья или по терминологии документов той эпохи, «начальные князи», «на княженье из государственных рук садятца»[106]. На протяжении столетий Кабарда свои вотчинные обязательства в отношении Московского государства выполняла честно и добросовестно. В этой связи большой интерес представляет отзыв об отношении Кабарды к Московскому государству самого Федора Ивановича. В своей грамоте к кабардинским князьям Федор Иванович констатирует, что они «з братьею и з детми и с племянники и со всеми своими людми были в нашем царском жалованье под нашею рукою от нас отступный и к турскому и к иным ни к которым недругам не приставали, а стояли с нашими с Арханскими и с Терскими воеводами на всех наших недругов за один»[107].

Приведенные слова Федора Ивановича совершенно точно отражают историческую правду.

* * *

Историю русско-кабардинских отношений мы рассмотрели на небольшом отрезе времени. Наше исследование охватывает всего лишь вторую половину XVI в. В основном оно объемлет царствование Ивана IV и Федора Ивановича. О более ранних сношениях Кабарды с Россией, к сожалению, пока нет письменных источников, поэтому кабардинское посольство 1552 г., откуда мы начинаем свое изложение, до обнаружения новых документов, относящихся к более ранним временам, условно будем называть «начальной» датой зарождения русско-кабардинских регулярных сношений. Свое изложение мы дальше не продолжили, потому что история русско-кабардинских отношений в XVII—XIX вв. и по наличию материалов и по богатству содержания заслуживает специального рассмотрения, и мы еще к нему вернемся.

А пока что из всего изложенного мы делаем следующие обобщения.

I. Кабардинцы первые среди горских народов Северного Кавказа добровольно стали ориентироваться на Московское государство, с которым в середине XVI в. они установили тесные и дружественные отношения.

II. В основе ориентации Кабарды на Московское государство лежало стремление кабардинского народа при помощи сильного и могущественного покровителя и защитника предупредить захват Кабардинской земли турецко-крымскими насильниками, угрожавшими ей экономическим разорением, политическим бесправием и культурным одичанием.

III. Крупную роль в истории развития русско-кабардинских отношений в царствование Ивана IV сыграл выдающийся государственный деятель Кабарды XVI в. князь Темрюк Идарович Черкасский, которому принадлежит инициатива организации военного отпора турецко-крымским захватчикам и политического объедения Кабарды на базе ликвидации феодальной раздробленности.

IV. Московское государство, в царствование Ивана IV перераставшее из русского национального в многонациональное государство, охотно шло на сближение с дружественной Кабардой, так как оно было заинтересовано в усилении своего политического влияния на Северном Кавказе. Прочность политического положения на Северном Кавказе давала возможность Московскому государству установить тесные связи с единоверной Грузией, давно тяготевшей к России, и создать на Северном Кавказе военный заслон против турецко-крымских агрессоров, угрожавших южным пределам русского государства.

V. Женитьба Ивана IV в 1561 г. на дочери кабардинского князя Темрюка Идаровича Марии имела большое значение в том смысле, что она содействовала еще большему развитию и укреплению русско-кабардинских связей. Иван IV после этого брака открыто приступил к строительству военных против Турции и Крыма укреплений на территории Кабарды и миссионерской пропаганде среди кабардинцев.

VI. Возникшие в середине XVI в. русско-кабардинские связи, в ходе исторического развития расширяясь и углубляясь, привели Кабарду в 1588 г. к подданству московскому царю Федору Ивановичу. С этого времени Кабарда фактически становится вотчиной Московского государства, а Федор Иванович - царем Кабардинской земли.

VII. Вступление Кабарды в подданство Московского государства имело большое положительное для нее значение. Пользуясь поддержкой и покровительством Московского государства, Кабарда успешно боролась против внешних и внутренних врагов и создавала относительно нормальные условия для дальнейшего своего исторического развития.

VIII. Русско-кабардинские связи зародились четыре века тому назад. На протяжении этого длительного периода времени русско-кабардинские отношения в различных исторических условиях претерпевали различные изменения, в основе своей оставаясь, однако, дружественными. Кабардинец в продолжении веков рядом с русским, не щадя жизни, в жестокой борьбе с иноземными врагами грудью отстаивал честь, достоинство и независимость русской земли. Быть защитником родины - это великая честь, и она выпала на долю кабардинца, пронесшего через огонь беззаветной любви к русской земле и жгучую ненависть к ее врагам.

I

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О князе Мамстрюке до нас дошли известия, что «княжеством кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княжество ему не дано было» *(Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Т. 1. С. 3. В дальнейшем: «Белокуров»). По-видимому, князь Мамстрюк хотя и был пожалован Иваном IV княжеством в Кабарде, но фактически он им не владел ввиду непрекращавшихся внутрифеодальных междоусобий и острой групповой борьбы. О князе Салтануке известно, что он жил в Москве при дворе Ивана IV, крестился и был назван Михаилом. Впоследствии он был казнен Иваном IV; не оставил детей.

[2] См. статью акад. *П. Г. Буткова* в газете «Северная Пчела» № 99. 1850 г. Прим. 8.

[3] См. наш очерк «Малокабардинские поселения в XVI-XVIII вв. на Сев. Кавказе» // Ученые записки Каб. научно-исслед.иститута. Нальчик, 1947. Т. 2.

[4] Госуд. архив древних актов. Каб.дела за 1744 г. К. 37, д. 4; Ср.: *Кокиев Г.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVII в. // Ученые записки Ин-та этнических и национ. культур народов Востока. М., 1930. Т. 2.

[5] *Ногжов Ш. Б.* История адыгского народа. Изд. 5-е. Нальчик, 1947. С. 73.

[6] *Ногмов Ш.* Указ. соч. С. 74.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. Ч. 1. С. 445.

[8] «Правда» от 7 сентября 1947г. за № 235 (10626).

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. С. 397.

[10] *Соловьев С.* История России. Т. 6. С. 135.

[11] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 567.

[12] Там же. С.563.

[13] *Карамзин Н.* История государства Российского. Т. 8. Прим. 416; Ср.: Никон, летоп. Т. 7. С. 289.

[11] Никоновская летопись. СПб., 1791. Т. 7. С. 197.

[16] Там же. С. 246.

[18] Полное собрание русских летописей (в дальнейшем ПСРЛ). Т. 13. СПб., 1906. С. 320.

[17] ПСРЛ. Т. 13. С. 324.

[18] Труды V археологического съезда в Тифлисе 1881 г. Тифлис, 1887. С. 140.

[19] *Ногмов Ш. Б.* Указ. соч. Изд. 5. 1947. С. 39.

[20] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 569.
[21] Никоновская летопись. Т. 7. С. 288.
[22] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 17.
[23] *Соловьев С.* История России. М., 1867. Кн. 3. Т. 6. С. 132.
[24] ПСРЛ. Т. 13. С. 312.
[26] Там же.
[26] *Потто В.* Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С 3.
[27] ПСРЛ. Т. 13. С. 314.
[28] Т. е. сын Темрюка Идаровича Михаил, а по-кабардински его звали Салтанук.
[29] ПСРЛ. Т. 13. С. 318.
[30] Там же. С. 324.
[31] Там же. С. 349.
[32] Дочь князя Темрюка Идаровича - Гуаша, а после крещения - Мария.
[33] ПСРЛ. Т. 13. С. 360, 361.
[34] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 55. Прим. 82.
[35] ПСРЛ. Т. 13. С. 329.
[36] Там же. С. 330.
[37] Там же. С. 332.
[38] Там же С. 333.
[39] Крымск. статейный список № 10, л. 280 об.
[40] *Ногмов III. Б.* Указ. соч. Нальчик, 1947. Изд. 5. С. 80.
[41] *Карамзин Н.* История Государства Российского. Т. 9. СПб., 1830. С. 38.
[42] ПСРЛ. Т. 13. С. 333.
[43] Там же.
[44] Там же.
[46] Там же.
[46] *Онучков Н. Е.* Сборн. «Печорские былины» С. 363.
[47] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.. М., 1937. С. 199.

Много внимания уделяют русские народные песни женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне Черкасской. По словам народных песен, Марию Темрюковну со стороны жениха встречало полторы тысячи человек.

Князи, бояре, могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков,
Что не лучших добрых молодцев.

Из Кабарды царь Иван IV взял в провожатые:

Триста татаринов,
Четыреста бухаринов,
Пятьсот черкашинов
И Любимова шурина
Мамстрюка Темрюковича
Молодова черкашенина.

С Марией Темрюковой Иван IV взял столько приданного, что:

•у Коробам с добром счету не было,
Злату-серебру веса не было,
Крупну жемчугу меры не было.

За свадебным столом званые гости сидят, едят, пьют, веселятся. Один лишь царский шурин Мамстрюк Темрюкович не ест, не пьет; царь спрашивает шурина, почему он хлеба-соли не ест, меду-пива не пьет, на кого лихо думает? Мамстрюк отвечает, что он лихо думает на царя Ивана Васильевича и спрашивает его:

Есть ли у тебя в каменной Москве
Таковы умильны борцы,
С Кострюком поборотися,
С Мамстрюком по татарскому
С царевым со шуриным?

Отозвались померяться силой с Мамстрюком Темрюковичем

Васенка Маленкой
Да Потанюшка Хроменький.

Посмотрел Мамстрюк на своих противников и говорит:

На ладонь их посажу,
Другой рукой раздавлю.

Но не тут-то было. Победа оказалось на стороне противников Мамстрюка. За опозоренного брата вступилась Мария Темрюковна, которая, обращаясь к Ивану Васильевичу, говорит:

Ах уж мужик ты, мужик,
Мужичий сын!
Хоть бы у вас сила-де была,
Вы бы его, Мамстрюка,
На стыд не давали и не бесчестили!

А ей в ответ Иван Васильевич:

Посиди как ты на доничке,
Поверти как веретенчиком,
, У нас-де так Москва любит,
А коли у него силы-то не было,
Он бы не хвастался!

(Песни Киреевского. Вып. 6. С.129-132)

, [48] Отечественные записки.СПб., 1860. Т. CXXX. Кн. 5-6. С. 70.
[49] *Карамзин Н.* Указ. соч. СПб., 1830. Т. 9. С. 49, 50
[50] ПСРЛ. Т. 13. С. 397.
[61] Там же. С. 365.
* [62] Отечественные записки. СПб., 1860. Т. CXXX. Кн. 5-6. С. 71.
[63] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2. С. 80.
[64] Продолжение Российской вивлиофики. Т. 11. С.40.
[65] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 29. ?
. ,. [66] ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
„ [67] Там же.
[58] Там же. >
[59] Продолжение Древней Российской вивлиофики. Т. 10. С. **280.**

[60] Там же.
[91] Крымский статейный список. № 11. Л. 167. j . „- ,u!
[в2] Там же.
•!..;, [63] ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
[64] Крымский статейный список. № 10. Л. 52, 53.
[66] ПСРЛ. Т. 13. С. 371; Ср.: Крымский статейный список. № 10; Ср.: *Карамзин Н.* Т. 9. Прим. 95.
[m] ПСРЛ. Т. 13. С. 397.
[в7] Там же. С. 399
[68] Рождение Иоанна Предтечи праздновалось 24 июня (ст. ст.)
[69] Господин день, или Успение богородицы, праздновалось 15 августа (ст.ст.J
[70] ПСРЛ. Т. 13. С. 406.
[n] Там же. С. 405.
[72] Там же. С. 407. Ср.: *Карамзин Н.* Т. 9. С. 255, 268.
[73] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 565.
[74] Крымск. стат. Список. № 13, л. 68.
[76] Там же. Л. 82
[76] Там же. Л. 47
[77] Там же. Л. 62.
[78] Турецкий статейный список. № 2. Л. 25.
[79] Турецкий статейный список. № 32. Л. 119.
[80] *Карамзин Н.* Указ. соч. Т. 9. Примеч. С. 350.
[81] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 27.
[82] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 28.
[83] *Карамзин Н.* Указ. соч. Т. 9. С. 214.
[84] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 28.
[85] Как выглядел Терский город в момент его заложения в XVI в., за неимением достаточных материалов, судить невозможно. Но имеется описание этого города XVII в., которое считаю не лишним привести: «Терский город, как и другие, там существовавшие городки, был деревянный. В мае месяце 1689 г. Терек выгорел без остатка. Тотчас велено было построить новый земляной город на Тереке по старой черте. Кремль-город был сосновой, вышиною в 10 бревен, в проезжих воротах и но углам башни рубленные. В Кремле находились здания: Соборная Троицкая церковь и церковь Воскресения Христа, аманатская изба, приказная изба, Воеводский двор, пороховой, или зеленый, погреб, в котором было 3 бочки пушечного, бочка ручного зелья и ядер 8260. На четырех воротах, восьми башнях и четырех раскатах стояло около 40 орудий. В приказной избе между прочим хранились: Великих государей печать Терского города, серебряная вызолоченная, на коей вырезан олень; книга Уложения печатная, список с наказа окольничьего, жалованная грамота о княжестве Хатамурза Черкасского, государева денежная казна и платежная казна на жалованье мурзам. В последней хранилось: мех соболий, несколько шуб беличьих и куньих под камками цветными, несколько шапок лисьих и пр. Вокруг Кремля был город или поселение, далее отъезжие караулы, татарские слободы и казачьи острожки». (Статья Хицунова, газ. «Кавказ» за 1862 г. С. 64.).
[86] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 46.
[87] Там же. С. 47.
[88] Там же. С. 46.
[89] Там же. С. 49.
[90] Памятники дипломатических сношений Блудова. Т. 1. С. 1359; Ср.: *Карамзин Н.* Т. 10. С. 40. Прим. 115; Ср.: Древняя Российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 16. С. 250.
[91] *Белокуров С.* Указ. соч. С. 60. . ; л я/ ч.•••/••••• ;•>

[92] Там же. С. 65.
[93] Там же. С. 67.
[94] Там же. С. 71.
[96] Там же. С. 69.
[96] Там же. С. 83, 84.
[97] Там же. С. 140.
[98] Там же. С. 150.
"Там же. С.121.
[100] Там же. С.189.
[101] Там же. С.122.
[102] Там же. С.251.
[103] Там же. С.242.
[104] Там же. С.569.
[106] Там же. С.22.
[506] Там же С.569
Там же. С. 101.

Ученые записки КННИ.
Нальчик. 1948. Т. 4. С. 24-64

КАБАРДИНСКИЙ ВРЕМЕННЫЙ СУД

Учреждение Кабардинского временного суда следует отнести к числу важнейших колониальных мероприятий Кавказского линейного командования, направленных к усилению влияния царизма в кабардинском обществе.

Своим острием это мероприятие было направлено к ослаблению влияния среди кабардинского народа мусульманского духовенства, монополизировавшего после ликвидации родовых судов в Кабарде судебную власть. «Из учреждения мною Временного суда,- писал ген. Ермолов к ген. Сталю,- уделяю я сильное влияние невежественного и большею частию глупого духовенства, которое, доселе присваивая власть суда единственному своему произволу, было причиною всех в Кабарде неустройств и по озлоблению против христиан не только не воспрещало делаемые ко вреду нашему злодейства, но изощряло на оные кабардинцев»[1].

Одновременно учреждение Временного суда было направлено и против кабардинских феодалов, имевших большое влияние на мусульманское духовенство, которое преимущественно состояло из бывших крепостных крестьян, сохранивших слепую покорность своим прежним хозяевам и, в знак признательности за дарованную им свободу, в своей практической работе защищавших интересы феодального класса.

Временный суд, ограничивающий права кабардинских феодалов и мусульманского духовенства, по мысли линейного командования, должен был явиться следующим шагом по пути к учреждению в Кабарде обычных народных судов: Кабардинский временный суд был учрежден в 1822 г. в Нальчике.

Инициатором организации суда был ген. Ермолов, который разработал Положение и штаты нового учреждения и даже лично участвовал в подборе первоначального личного состава суда.

Согласно Положению, к участию во Временном суде допускались представители всех категорий кабардинских дворян, в том числе и представители мусульманского духовенства. Председателем суда был назначен подполковник кн. Кучук Джанхотов; членами суда: кн. Хаджи-Мурзабек Хамурзин, капитан кн. Темирбулат Атажукин, губернский секретарь Хасан Картулов; от Малой Кабарды уздени: Алимурза Коголкин, Беслан Куденетов и Али Конов. Секретарем суда был назначен капитан Якуб Шар данов. Кроме перечисленных лиц, в состав суда был включен на правах члена представитель местного мусульманского духовенства - кадий.

Судя по личному составу суда, можно подумать, что вся судебная власть в кабардинском обществе правительством была сосредоточена в руках кабардинских феодалов и духовенства, но это было не так. Кабардинский временный суд не был свободен в своих действиях. Вся его работа была подконтрольна представителю Кавказского линейного командования, в частности полковнику Коцареву, который одновременно являлся начальником всех вооруженных русских сил, находившихся на территории Кабарды.

О функциях полковника Коцарева во Временном суде генерал Ермолов в письме к кабардинским феодалам и духовенству от 29 августа 1822 г. писал, что полковник Коцарев прикомандирован к суду «для проверки журналов», а на самом деле в Положении суда было записано, что «суду сему состоять под наблюдением местного в Кабарде начальника, артиллерии полк. Коцарева или кто будет место его занимать»[2]. Другими словами, работа суда полностью была подчинена полковнику Коцареву, от которого члены суда получали даже положенное, им жалование. В распоряжении полк. Коцарева находилась специальная команда из казаков во главе с одним офицером «для охранения достоинства суда».

Члены Временного суда получали от царской казны, через полковника Коцарева, жалование в следующем размере: председатель суда в год получал 500 руб., члены суда из князей - 350 руб., члены суда из узденей - 200 руб., кадий - 300 руб., секретарь суда - 300 руб. и правительственный чиновник, осуществлявший контроль над деятельностью суда,- 300 руб. Сверх денежного содержания члены суда получали и натуральное довольствие, собираемое с населения в следующем размере: с каждых 10 дворов по 1 рогатой скотине, по 1 сапетке пшена, с 2 дворов по 1 возу сена и 1 возу дров.

Права и обязанности Временного суда были регламентированы и изложены генералом Ермоловым в Положении суда. По Положению, Временный суд был правомочен рассматривать и выносить решения только по гражданским делам, которые разбирались в соответствии с нормами кабардинского обычного права, приспособленного, по возможности, к правовым нормам действовавших в России законов.

Каждое рассмотренное дело с вынесенным решением заносилось в особый журнал, который ежемесячно представлялся для ознакомления полковнику Коцареву, имевшему право отменить решение суда и передать дело на новое рассмотрение.

Временный суд был правомочен решать дела до 200 руб., а по делам, превышающим эту сумму, каждый раз испрашивалась санкция полковника Коцарева, в ведении которого находились все штрафные деньги и другие по решению суда взыскания.

Суд имел право присуждать виновных и к телесному наказанию - до **100** ударов розгами.

Уголовные дела, к числу которых были отнесены: убийство, измена правительству, возмущение народа против России, пере-

бежки за Кавказскую линию с диверсионными целями и связь с враждебными России элементами - Временному суду не были подсудны. Уголовные дела были подсудны линейному командованию, которое судило по законам военного времени.

В положении Временного суда особо оговаривалось, что «никто из духовенства кабардинского не мешается в разбор дел гражданских». Духовенство имело право решать вопросы религии, быта, спорные дела, возникавшие между мужем и женой, между родителями и детьми, и вообще по таким делам, по которым не было ясных улик и документальных доказательств.

Pla Временный суд, помимо судебных функций, возлагались и другие побочные обязанности, как, например, сбор сведений «относительно податей или иного рода повинностей, отбываемых подвластными и холопами в пользу владельцев, узденей, равно и духовенства»[3]. Временный суд также уполномочен был выдавать населению удостоверения личности, которые действительны были только в пределах Кабарды. Билеты на право выезда за Кубань выдавал полковник Коцарев, а на право выезда за Кавказскую кордонную линию - начальник Линии.

Кабардинские феодалы, равно как и мусульманское духовенство, организацию Временного суда встретили весьма враждебно, тем не менее они вынуждены были подчиниться силе оружия. Однако через год после открытия суда из среды дворянства стали раздаваться голоса об изменении Временного суда. Так, члены суда узден Бейарслан Куденетов и Наджу Арсланкеров возбудили ходатайство перед генералом Ермоловым о предоставлении Кабардинскому временному суду права решать вопросы по шариату. Удовлетворить ходатайство кабардинских феодалов о введении в практику суда шариата, по существу, означало судебную власть вновь в руках мусульманского духовенства, на что генерал Ермолов, конечно, не мог пойти. Генерал Ермолов свой отказ мотивировал тем, что «одно загрубелое в невежестве духовенство, каковое всегда было в Кабарде, составленное по большей части из удаленных крепостных людей, могло в угождение владельцев и узденей, не заботясь о защите простого народа, переменить настоящий смысл закона»[4].

Двухгодичный опыт работы показал, что деятельностью Временного суда недовольны не только феодалы и узден, но даже члены суда, которые на отказ генерала Ермолова ввести в практику суда шариат, ответили саботажем, и власть в суде фактически оказалась в руках мусульманского духовенства. Подытоживая двухгодичную работу Временного суда, генерал Ермолов вынужден был констатировать, что «до сего времени народ не пользуется еще правосудием и защитою от притеснений», объясняя это тем, что «сильнейшие действуют, как хотят, и жалобы лежат без решения; судьи, не думая о своих обязанностях, редко бывают в суде, а дела отправляют в домах, и духовенство допускается в разбирательство дел гражданских, несмотря на мое

запрещение»[6]. Члены суда свой саботаж мотивировали так, что они часто бывают заняты на сельскохозяйственных работах.

За свою бездеятельность и грубое нарушение указания царской администрации не допускать духовенство к решению гражданских дел члены суда были лишены права сбора с населения и распределения между собой натуральной повинности - мехкеме. Но в то же время работа членов суда была строго регламентирована. Генерал Ермолов разрешил членам суда в период сельскохозяйственных работ и мусульманских постов и праздников делать перерывы. Так, во время весенних полевых работ Ермолов разрешил членам суда делать месячный перерыв; во время уборки хлеба и сенокоса - тоже месячный перерыв; осенью для устройства кошей и зимовий для скота - тоже месячный перерыв; во время Рамадана - один месяц и три дня, наконец, на Курбан - 13 дней. Итого в продолжение года члены суда были свободны от работы в суде 4 $^{x}/_{2}$ месяца. Но зато все остальное время они обязаны были ежедневно находиться в суде. Тогда же генерал Ермолов учредил при суде институт экзекуторов, на обязанности которых лежало приведение в исполнение решения суда. Экзекуторы назначались из кабардинских феодалов и получали в год 250 руб. В распоряжении экзекуторов находился специальный отряд казгшов. Первыми экзекуторами были назначены Ермоловым поручик Джамбулат Кучуков и кн. Беслан Хамурзин.

Все эти мероприятия не могли удовлетворить кабардинских феодалов и примирить их с фактом существования в Кабарде Временного суда. Они настойчиво добивались шариатского суда, который находился бы" в руках мусульманского духовенства, преданного классовым интересам кабардинских феодалов.

Генерал Ермолов писал, что кабардинские феодалы «неоднократно подавали просьбы о восстановлении шариата, но решительно суд сей, состоящий из самого невежественного и подлейшего сброда эфендиев и мулл, не должен существовать», так как «в Кабарде, по большей части, священные особы - из состояния невольников, освобожденных владельцами, и потому приобыкли рабственно покорствовать им»[6].

Генерал Ермолов ополчился против мусульманского духовенства, потому что оно, по его словам, вело в народных массах антиправительственную агитацию и распространяло якобы провокационные слухи. «Священные лица, утратившие прежнее значение,- писал генерал Ермолов,- желают возвратить оное и стараются делать вредные внушения правительству, устрашая народ нелепыми вымыслами, как то: обращением в казаки, рекрутским набором, тягостными налогами и повинностями»[7]. В секретном предписании от 29 июня 1826 г. генерал Ермолов указывал генералу Горчакову, что «сего домогались священные лица, для того чтобы иметь на народ влияние, пользоваться большим уважением и всего более выгодами. Князья же желают

сего порядка, потому что надеются подарками и обольщением заставлять священные лица действовать по своему произволу, который они приобыкли уважать,» будучи прежде по большей части из рабов их, получивших от них свободу»[8].

Кабардинские князья и мусульманское духовенство настойчиво продолжали добиваться отмены Временного суда и введения вместо него шариатского суда. Этим самым они хотели сохранить свое влияние среди подвластных крестьянских масс. В своей докладной записке, представленной царской администрации, кабардинские князья писали, что с незапамятных времен в Кабарде существуют феодальные обычаи, согласно которым «особы княжеские неприкосновенны и оными же представляется князьям власть над имуществом И самою жизнью своих подвластных »[9].

Однако по мере усиления русского влияния в Кабарде княжеские обычаи, по словам феодалов, «мало-помалу нарушались и, наконец, в управление здешним краем генерала Ермолова почти совсем уничтожены», в результате чего кабардинские «князья лишены своих преимуществ, а народ от вводимых русским начальством несвойственных оному обыкновений терпит угнетение»[10].

Генерал Эмануель, представляя докладную записку кабардинских князей высшему начальству, писал, что «усилие князей возвратить прежние права свои над простым народом ни от чего иного происходит, как от боязни, чтобы явно обнаруживающаяся признательность в черни к нашему правительству не произвела со временем ненависть к ним за притеснения и чтобы вернопокорная чернь не заставила со временем и их, против желания, быть верноподданными»[11].

Точку зрения генерала Эмануеля поддержал и граф Паскевич, который писал, что «совершенно феодальные права князей кабардинских касательно их подвластных отнюдь им предоставлены быть не могут, ибо нарушились бы коренные наши законы»[12]. Граф Паскевич предложил лишить кабардинских князей предоставленных им местными обычаями прав «самоуправно наказывать их подвластных», которые за преступления подлежали русскому военному суду.

Кабардинский временный суд тем не менее являлся классовым судом, защищавшим интересы кабардинских феодалов, которые в нужный момент обращались к нему за помощью и всегда находили у него покровительство и защиту. В 1837 г. крестьяне Малой Кабарды отказались платить феодальные повинности князю Большой Кабарды Бековичу-Черкасскому. Последний обратился за помощью во Временный суд, который, не имея никаких доказательств, вынес решение, что отказ крестьян не основателен, так как таковую подать платят кн. Бековичу-Черкасскому добровольно еще с 1822 г.

Крестьяне, не подчинившись решению суда, оставили свои места жительства и ушли в горы с намерением перебраться в Чечню для соединения с ополчением Шамиля.

Чтобы помешать крестьянам привести в исполнение намеченный план и принудить их к платежу феодальных повинностей Бековичу-Черкасскому, в Кабарду были введены царские войска под командой майора Макарова. А между тем царская администрация хорошо знала, что кн. Бековичу-Черкасскому «звание владельца Малой Кабарды никогда не принадлежало и не принадлежит, ибо в Малой Кабарде есть и другие владельцы, имеющие одинаковые с ним поместные права»[13].

Кабардинский временный суд просуществовал до 1870 г., а в указанном году на Кавказе были введены мировые судьь Но для горского населения Кубанской, Терской и Дагестанской областей было выработано особое положение под названием «Горский словесный суд», в основу которого легли нормы местного обычного права.

В словесные суды избирались народом наиболее почетные известные своей честностью его представители.

Тридцатилетняя практика горских словесных судов показала, однако, что эти суды не оправдали возлагавшихся на них надежд. Поэтому в 90-х гг. был поставлен вопрос об упразднении горских словесных судов и передаче подсудных им дел компетенции мировых судов.

Газета «Северный Кавказ» от 22 мая 1901 г. в передовой статье указывала на необходимость ликвидации горских словесных судов и о «предоставлении туземцам Кавказа права вести свои дела в общественных учреждениях Александра II, включительно до суда присяжных».

Основным мотивом необходимости ликвидации горских словесных судов тогдашняя пресса считала принявшие широкие размеры в практике словесных судов лжесвидетельство и взяточничество, в результате которых народ потерял доверие к суду. В подтверждение выдвинутого против горских словесных судов обвинения газета «Терские ведомости» приводит не лишенный интереса факт из практики Грозненского словесного суда. «В одном из участков Грозненского округа,- пишет газета,- предстоял разбор дела о краже чеченцем лошади. Согласно адату, этот чеченец должен был представить 5 присяжников, которые приняли бы присягу в том, что он не совершал кражи. Если хотя бы 1 из присяжников откажется присягнуть в пользу подсудимого, то это уже считается достаточным основанием для его осуждения. И вот как раз случилось, что 1 из этих свидетелей отказался присягнуть. Тогда подсудимый в виде мести заявил суду, что этот самый свидетель был его соучастником в краже. Подсудимый выставил новых присяжников, подтвердивших соучастие отказавшегося свидетеля, и последний был

приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев. Это наказание пришлось ему отбыть»[14].

!;г *Архив СОИГСИФ, ф. 33, оп.1,л.1, 2.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 4 Ч 2 С 472
[2] Там же. С. 471.
[3] Там же. С. 472. § 23.
[4] Там же. С. 473.
[6] Там же. С. 473.
[a] Там же. С. 475.
[7] Там же. С. 475.
[8] Там же. С. 475.
[0] Там же. С. 478.
[10] Акты... Т. 7. С. 864.
[11] Там же.
[12] Акты... Т. 7. С. 865.
[13] Акты... Т. 7. С. 869.
[14] Акты... Т. 7. С. 668.
[15] Терские Ведомости. 1901. № 67. ст. «Горский словесный суд».

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В КАБАРДЕ

Документы по истории освобождениия зависимых сословий в Кабарде в 1867 г.*

ВВЕДЕНИЕ

I

Один дореволюционный исследователь горских народов Северного Кавказа в статье, посвященной двадцатипятилетию освобождения зависимых сословий в Терской области, в 1892 г. писал так: «В первых числах июля настоящего года оканчивается 25 лет со времени освобождения зависимых сословий у туземцев Терской области. Событие это, еще не отмеченное нашей периодической печатью, заслуживает особого внимания как по тем полным чрезвычайной важности последствиям, которые принесло оно в экономической жизни туземного населения, так и по связи своей с неразрешенным еще здесь основным вопросом. Освобождение крестьян от крепостной зависимости в России до сих пор продолжает вызывать не только ученые исследования, но и популярные очерки. Аналогичный же факт на Кавказе, к сожалению, почти не привлекает внимания ни органов периодической прессы, ни ученых деятелей»[1].

Спустя свыше двадцати лет после того, как были написаны приведенные строки, в 1914 г. другой исследователь также вынужден был констатировать, что «вопрос о положении зависимых сословий на Северном Кавказе мало привлекал внимание ученых исследователей »[2].

Первого автора от нас отделяет время свыше пятидесяти, а второго - свыше тридцати лет.

Если не считать единственной моей работы об осетинах[3], то мы и сейчас с сожалением должны сказать, что вопрос об освобождении зависимых сословий у горских народов Северного Кавказа все еще продолжает оставаться в том же запущенном состоянии, в каком он находился пятьдесят или тридцать лет тому назад. Правда, в дореволюционной историографии появлялись отдельные очерки и статьи, посвященные данному вопросу, но ни одна из этих работ ни по своей полноте, ни по широте использованного материала не может быть признана сколько-нибудь удовлетворительной. Среди этих статей и очерков имеются даже такие, которые, изобилуя ошибками фактического

характера, искажают социально-экономическую обстановку, в которой осуществлялась крестьянская реформа у горских народов.

Первая по времени статья, посвященная крестьянской реформе в Кабарде и подписанная «С», была составлена, как можно полагать, на основании личных наблюдений автора и напечатана в год освобождения крестьян в газете «Кавказ» (1867 г. № 27). В указанной статье автор, говоря о крепостном праве у кабардинцев, справедливо пишет, что «тот, кто будет судить о нем по крепостному праву, существовавшему в России, ошибется», так как крепостничество в Кабарде имело свои специфические черты. К этим специфическим чертам автор не без основания относит то, что кабардинский «крепостной, отбывающий известные повинности своему господину, имеет, в свою очередь, нередко также крепостных».

К специфическим особенностям крепостного права в Кабарде автор относит также наличие в Кабарде будто бы только натуральной и отсутствие отработочной и денежной рент. «Здесь,- пишет автор,- нет денежной повинности, а есть одна только натуральная, заключающаяся в известного рода услугах и работах и в поставке известных предметов, но эта повинность до такой степени разнообразна, что с первого раза не знакомому с нею покажется непонятною».

Нетрудно заметить, в какое противоречие впадает автор в приведенном утверждении. Он отрицает наличие денежной ренты и утверждает, что в Кабарде «есть одна только натуральная рента», которая, однако, как вытекает из дальнейшего пояснения автора, включает в себя и отработочную («услуги и работы») и натуральную («поставка известных предметов») ренты.

Можно сомневаться в наличии денежной ренты, но нет никаких оснований сомневаться в наличии в Кабарде накануне крестьянской реформы отработочной и натуральной рент. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно познакомиться хотя бы с некоторыми документами (№ 3 и 14), публикуемыми в настоящем сборнике. Симпатии автора статьи явно были на стороне рабовладельцев, «гуманность» которых по отношению к своим крепостным крестьянам приводит его в умиление. «Нельзя не удивляться той гуманности,- пишет он,- с которою относились кабардинские владельцы к своим крепостным при освобождении». А далее оказывается, что «гуманность» кабардинских рабовладельцев заключалась в том, что «по составленным ими самими предварительным правилам, утвержденным потом начальством, выкупная плата за здорового, физически способного работника (от 15 до 45 лет) была назначена в 200 рублей», которую крестьянин имел право уплатить своим шестилетним рабским трудом в хозяйстве феодала. • •

Тем не менее автор правильно осветил точку зрения царского правительства на вопрос об освобождении зависимых сословий у горских народов и оппозиционное отношение кабардинских рабовладельцев к освобождению крестьян. Царская администрация категорически заявила кабардинским феодалам, что «правительство, освободивши миллионы рабов, не может в этом случае сделать для них исключение» и что «как Баксан не может обратиться течением своим назад в горы, так и дело освобождения рабов не может остановиться». После такого заявления кабардинские «владельцы,призадумались над тем, как они будут жить без крепостных», но потом пришлось подчиниться администрации, убедившей их, что в предстоящей реформе классовые интересы владельцев максимально будут защищены.

Вторая по времени статья «Крепостные в Кабарде и их освобождение» принадлежит Е. С-ву и датируется годом окончания крестьянской реформы на Северном Кавказе. Статья помещена в «Сборнике сведений о кавказских горцах»[4]. Автор попытался дать обзор зависимых сословий в Кабарде и характеризовать их повинности по отношению к феодалам. Но, к сожалению, поставленные вопросы не получили в статье удовлетворительного разрешения. Все зависимые сословия в Кабарде автор сводит к трем основным категориям: а) *унауты* - холопы безобрядные или безадатные, для которых местный обычай не устанавливает никаких ограждающих их личность правовых норм, а полностью предоставляет их произволу владетелей; б) *логанауты,* или холопы обрядные, - адатные которые, хотя и находятся в личной зависимости от феодалов, но отношения их к владельцам устанавливались и регулировались местным обычным правом; в) *оги* — лично зависимые крестьяне, несшие повинности, виды и размеры которых были строго определены местным обычным правом.

Таким образом, изложенная в статье Е.С-ва схема феодальной структуры Кабарды, совершенно не касаясь привилегированных феодальных сословий, учитывает только три категории зависимых крестьян - логанаутов, унаутов и огов. Что касается других зависимых категорий - *азатов, лъгава, хабзанша и михифатц,* то они вовсе выпали из социальной структуры феодальной Кабарды.

Повинности зависимых сословий в статье изложены крайне схематично, без какой-либо классификации, а потому невозможно составить о них сколько-нибудь полного представления.

Статья неизвестного автора под названием «Некоторые сведения о Кабарде и об освобождении в ней зависимых сословий» посвящена двадцатипятилетию освобождения крестьян и помещена в газете «Терские ведомости» (за 1892 г., № 16 и 29).

В первой части (Терские ведомости. № 16) изложены краткие географические и исторические сведения о Кабарде. Во второй части (Терские Ведомости. № 29) дана характеристика зависимых сословий в Кабарде накануне их освобождения и приводятся статистические данные о населении Кабарды в этот период. Статья в части, касающейся освобождения зависимых сословий в Кабарде, ничего нового не дает. Но приводимые в ней статистические данные о количестве населения в Кабарде, позаимствованные из разных источников, имеют некоторый интерес, тем более, что другими данными по этому вопросу мы не располагаем. Из этих цифровых данных выясняется следующая картина:

Годы	Где	К-во насел. обоего пола	Всего
1835	В Большой Кабарде	24 000	
	В Малой Кабарде	6000	30 000
1858	В Большой Кабарде	24 282	
	В Малой Кабарде	12 756	37 038
1868	Во всей Кабарде	54 224	54 224
1875	Во всей Кабарде	78 807	78 807
1890	В Большой Кабарде	56 004	
	В Малой Кабарде	14 179	70 183

Обращает на себя внимание ничтожный количественный рост населения в Большой Кабарде и, наоборот, громадный рост его в Малой Кабарде в 1858 г. по сравнению с 1835 г. За 23 года население Большой Кабарды увеличилось всего на 282 человека, а население Малой Кабарды за то же время увеличилось на 6756 человек.

Может быть, это объясняется как неполнотой и отрывочностью имеющихся в нашем распоряжении статистических данных, так и другими причинами, связанными с эпидемиями и крайними мерами, применявшимися некоторыми царскими генералами в отношении горцев при завоевании Северного Кавказа. Любопытно в этой связи свидетельство непосредственного участника завоевания Кабарды князя Шаховского, который в 1834 г. писал, что «кабардинцы до XIX в. были одним из сильнейших

народов северной части Кавказа, но свирепствовавшая в продолжение 12 лет чума истребила более 5/6 оного, а поход генерала Ермолова в 1822 г. истребил и выгнал не менее половины, так что в настоящее время осталось не более 10 тыс. душ мужского пола»[5].

Вызывают недоумение и данные 1890 г. Они показывают уменьшение населения Кабарды, по сравнению с 1875 г., на 8624 человека. Такое уменьшение населения Кабарды объясняется, быть может, не только и не столько неудовлетворительным состоянием тогдашней статистики, сколько, как мне кажется, переселением кабардинцев, в Турцию. О кабардинских переселенцах нет исчерпывающих данных, но отрывочные сведения, которыми мы располагаем, говорят о том, что в 1860-1861 гг. кабардинцев выселилось в Турцию 881 семейство[6]. Известно также, что в период от 1871-го по 1884 г. из Кабарды выселилось еще 2007 человек[7]. При уточнении количества населения горских народностей нельзя не учитывать статистику горских переселенцев.

В том же 1892 г. в газете «Кавказ» была напечатана статья Е. Максимова под названием: «Двадцатипятилетие освобождения зависимых сословий Терской области»[8]. Статья Максимова хотя и посвящена всей Терской области, но Кабарда занимает в ней центральное место. Это и понятно: из общего числа зависимых сословий Терской области, количество которых доходило до 23 976 человек обоего пола, на долю Кабарды приходилось свыше 88,5 процента. При изучении истории крестьянской реформы Кабарда является наиболее показательной на всем Северном Кавказе.

Е. Максимов в своей статье дает краткую характеристику зависимых категорий, условия их освобождения и частичного разрешения земельного вопроса в Кабарде в пореформенный период. Указом от 28 декабря 1869 г. кабардинские земли подлежали распределению между аульными обществами и частными землевладельцами. На основании этого указа, из общего количества 745 876 десятин в надел аульных обществ поступило 323 907 десятин, частным лицам из числа высших сословий Кабарды было роздано 91 501 десятина, на разные другие надобности было выделено 15 085 десятин. Остальные 315 383 десятины составили так называемые запасные кабардинские земли, право пользования которыми признавалось за всеми сословиями Кабарды.

В статье Е. Максимова подмечена одна любопытная деталь, объясняющая происхождение зависимости ога от феодала не на земельной почве, а на основе коммендации. Земля, которую обрабатывали оги, не составляла собственности феодалов, а считалась принадлежащей общине, а потому зависимость огов обус-

лавливалась не правом пользования землей князя, а покровительством и защитой ога князем от врагов и перед судом.

Чтобы закончить краткий обзор литературы, относящейся к крестьянской реформе у горских народов, упомянем еще о работе С. Л. Авалиани «Зависимые сословия на Северном Кавказе» (Одесса, 1914), построенной на архивных материалах, но имеющей весьма схематичный характер. Автор использовал слишком ограниченный круг материалов, и поставленный вопрос остался нераскрытым.

Мы исчерпали почти всю литературу по крестьянской реформе в Кабарде. Эта литература, как можно видеть, не дает сколько-нибудь полной картины интересующего нас вопроса. Поэтому мы сочли необходимым опубликовать архивные материалы по крестьянской реформе в Кабарде, которые позволили бы исследовать вопрос монографически.

Публикуемые материалы нами извлечены из Государственного исторического архива Северо-Осетинской АССР. Документы взяты из дел канцелярии начальника Терской области (д. за 1864-1866 гг. по описи № 1, ч. 1; д. за 1867-1874 гг. по описи № 2, ч. 2), посвященных истории освобождения зависимых сословий в Кабардинском округе.

Каждому номеру дано заглавие, раскрывающее краткое содержание и время происхождения документа.

Печатаются документы в хронологической последовательности.

II

Освобождение зависимых сословий в Кабарде имело для ее внутренней и внешней истории большое значение, такое же как и крестьянская реформа 1861 г. для истории России. К. Маркс придавал крестьянской реформе 1861 г. для внутренней и внешней истории России весьма большое значение. В письме к Ф. Энгельсу от 29 апреля 1858 г. К. Маркс писал: «Движение в пользу освобождения крепостных в России кажется мне важным, потому что оно знаменует собою начало в стране внутренней истории, которая может встать поперек дороги ее традиционной внешней политики»[9].

Значение крестьянской реформы 1861 г. для внутренней истории России заключалось в том, что реформа, отменяя крепостничество и переключая Россию на путь капиталистического буржуазного развития, способствовала дальнейшему, более быстрому развитию рабочего класса и революционного движения в России.

Международное значение крестьянской реформы 1861 г. заключалось в том, что русский рабочий класс и его революционное движение действительно не могли не встать поперек дороги внешней политики царизма, игравшего в то время роль «жандарма Европы» и душителя международного революционного движения.

Было бы большой ошибкой рассматривать освобождение зависимых сословий в Кабарде вне связи с общим историческим развитием России. Освобождение, зависимых сословий нельзя рассматривать локально, лишь в рамках Кабарды или даже в пределах Северного Кавказа. Отмена крепостного права в Кабарде органически связана с капиталистическим развитием России, в состав которой она вошла еще в конце первой четверти XIX в. Крестьянская реформа 1861 г., переключавшая крепостническую Россию на путь капиталистического развития, не могла не коснуться и колониальных и полуколониальных окраин царской России, основная задача которой заключалась в экономическом завоевании этих окраин. Экономическое завоевание Кабарды возможно было только после социально-экономического преобразования ее по типу метрополии, так как «исторически невозможно, чтобы общество, стоящее на более низкой ступени экономического развития, разрешило задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития»[10]. Отсталая феодально-крепостническая Кабарда не могла разрешить задачи ставшей на путь капиталистического развития России. Еще Ф. Энгельс указал, что «каждая данная экономическая формация должна разрешить свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за разрешение задач, стоящих перед другой, совершенно чуждой формацией, было бы полнейшей бессмыслицей»[11].

Естественно, что царская Россия, после крестьянской реформы 1861 г. вставшая на путь капиталистического развития, не могла более терпеть в завоеванной Кабарде прежних феодально-крепостнических порядков и политической власти местных феодалов. О необходимости ликвидации политической власти местных феодалов Комитет по освобождению зависимых сословий запротоколировал, что «дальнейшее ее существование не соответствует настоящему порядку вещей, при котором правительство, приняв на себя управление народом, не может уже терпеть какой-либо власти, не им поставляемой» (См. документ № 14).

Освобождение зависимых сословий в Кабарде не было связано с внутренним капиталистическим развитием кабардинского общества. Оно было навязано дореформенной Кабарде царской Россией, колониальные интересы которой требовали установления в покоренной стране своего собственного способа

производства. Но в то же время следует иметь в виду и то, что угроза самоосвобождения крепостных крестьян на основе разгоравшейся классовой борьбы в Кабарде была совершенно реальной. Перепуганная кавказская администрация вынуждена была констатировать, что в «глубине гор тлеет горючий материал и от времени до времени вспыхивает в виде насильственного отбирания общинниками земель частных владельцев»[12]. Отношения между крепостными крестьянами и их владельцами обострились настолько, что царская администрация забила тревогу о немедленном освобождении зависимых сословий. Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил в ноябре 1866 г. писал военному министру, что «вопрос об освобождении зависимых сословий горцев стал в такое положение, что было бы неблагоразумно и неосторожно откладывать его разрешение. Дух времени и слухи об освобождении крестьян в России и Закавказском крае произвели свое действие, и случаи столкновений горских холопов с их владельцами и взаимные жалобы их становились все чаще и чаще, делая отношения между ними все более и более натянутыми»[13].

Классовая борьба между кабардинскими феодалами и крепостным крестьянством разгоралась по вопросу о том, по какому пути должно пойти дальнейшее историческое развитие - по прусскому или американскому пути. Феодалы отстаивали прусский, а крестьянские массы - американский путь развития.

Освобождение зависимых сословий в Кабарде, как вообще у всех горцев Северного Кавказа, царская администрация сосредоточила в своих руках, чтобы осуществить его «без потрясений общественного порядка и без расстройства хозяйственных интересов владельческих классов» (См. докум. № 13).

Из публикуемых документов видно, что политическое завоевание Северного Кавказа еще не было закончено, а кавказская администрация уже приступила к предварительным работам, связанным с освобождением горских холопов. По предписанию Главного Штаба Кавказской армии уже в 1864 г. местные власти приступили к сбору по возможности исчерпывающих материалов о зависимых сословиях у горских народов и их феодальных повинностях. В середине 1866 г. кавказская администрация уже располагала материалами, которые в основном давали правильную социально-экономическую характеристику Кабарды. Собранные начальником Кабардинского округа и представленные начальнику Терской области сведения о зависимых сословиях Кабарды дают весьма ценные данные о крестьянских категориях и их повинностях, которые они отбывали местным феодалам (См. докум. № 3).

Сведения, собранные начальником Кабардинского округа, и сообщенные начальнику Терской области в докладной записке

выборных от Большой и Малой Кабарды материалы (см. документ № 20 и в особенности № 26) дают почти исчерпывающую характеристику зависимых категорий Кабарды. Из этих документов выясняется, что кабардинские крестьяне накануне их освобождения по степени зависимости делились на семь категорий, из которых четыре разряда - *азаты, оги, логанауты* и *унауты* - были известны и в старой литературе, но три разряда - *хабзанша, льгава* и *михифатц,*- отпочковавшиеся от категории логанаутов, не были известны. Схема социального строя Кабарды должна быть, следовательно, дополнена перечисленными тремя разрядами.

Объявление царской администрацией об освобождении зависимых сословий кабардинские феодалы встретили весьма враждебно. Известием об освобождении холопов, по словам документа, «население Кабардинского округа приведено было в полное отчаяние. В первое время большинство упрекало несколько личностей, руководивших общественными делами, в умышленном содействии к утрате холопов и недопущении их в прошлом году выселиться в Турцию, за что будто бы эти личности получали значительные деньги от правительства» (Докум. № 26).

В конце января 1866 г. недовольство кабардинских рабовладельцев вылилось в открытое выступление, направленное против предстоявшей крестьянской реформы. Восставшие кабардинцы собрались на берегу реки Шалушки, в шести верстах от Нальчика. Администрация отправила к собравшимся двух офицеров уговорить кабардинцев не противодействовать мероприятиям правительства по проведению крестьянской реформы. Кабардинцы не послушались и через два дня вновь собрались в еще большем количестве, уже под самым Нальчиком. Начальник Нальчикского округа полковник Нурид приказал собравшимся выдать подстрекателей и разойтись по домам. Но они опять не послушались и начали угрожать царским администраторам поголовным истреблением, если они попытаются арестовать кого-нибудь из участников восстания. Из Владикавказа были вызваны воинские части. Восстание было подавлено, а руководители арестованы [14].

Осенью того же 1866 г. кабардинские феодалы, убедившись, что царское правительство решило бесповоротно осуществлять освобождение холопов, поставили вопрос об отмене решения освободить зависимые сословия или, если такой отмены не последует, разрешить им вместе с холопами в виде протеста переселиться в Турцию. В феврале 1867 г. группа недовольных феодалов насчитывала свыше 400 человек. Назревал вооруженный конфликт. Однако стянутые в Кабарду правительственные

войска успокоили недовольных дворян, которые разошлись по домам и подчинились необходимости освобождения рабов и остаться на жительство в Кабарде. Последствием этой вспышки было удаление из Кабарды во внутрь России нескольких наиболее влиятельных подстрекателей и наложение на кабардинский народ тяжелой денежной контрибуции для возмещения расходов по передвижению и довольствию вызванных в Кабарду правительственных войск [15].

Причина враждебного отношения кабардинских рабовладельцев к крестьянской реформе объясняется социально-экономической отсталостью Кабарды. Трудно было склонить кабардинского рабовладельца на освобождение холопов, составлявших его богатство. Правильно было подмечено кавказской администрацией, что «жизнь кабардинца, сложившаяся веками и по местным условиям мало подвинувшаяся от привычек предков, представляет столько особенностей, что человеку, не знающему этой странной, причудливой и пустой жизни, трудно и даже нельзя понять, почему то, что кажется полезно и применимо к одной и даже нескольким народностям, вредно и неприменимо к нашему туземцу» (См. докум. № 26). «Лишить туземца, и в особенности кабардинца, холопа — одно и то же, что лишить его собственности, а жену его и дочерей - всех средств к существованию, и надо очень многое предоставить кабардинцу, чтобы вознаградить ему лишение холопов, ибо, по его понятиям, привычкам и складу жизни, никакое вознаграждение не может быть равносильно такой потере. Князь Алексей Мисостов', человек очень неглупый, служивший долго в Петербурге, под конец своей жизни впал в крайнюю бедность: не имея ни одного холопа, дошел он до того, что по недостатку дров по дням сидел в холодной сакле зимою и не имел горячей пищи; ночью украдкой от соседей ходил он за дровами и водою, а целые дни просиживал, ничего не делая. Я знаю несколько женщин, которые разводились со своими мужьями, покидали детей и жили в крайности у своих родных почти работницами из-за того, что, лишившись служанки, мужья не в состоянии были купить другой. Ни одна замужняя женщина и даже вдова порядочных семейств не примет к себе постороннее лицо, если нет при нем служанки, и по самым крайним делам не выйдут они из дома, если не имеют служанки для сопровождения себя. В силу привычек народной жизни, ни одна женщина - не только свободная, но и из обрядных холопок — не согласится жить и работать в чужом доме за плату, в какой бы она сама ни была бедности, считая такое занятие унизительным и свойственным служанке - унаутке» (См. докум. № 26).

Таково было значение обрядных, и в особенности безобрядных, холопов в экономическом быту кабардинского дворянства. Труд безобрядного холопа - единственный источник благополучия и, более того, физического существования паразитического класса кабардинских феодалов. «Лишить нас внезапно услуг холопов, а в особенности домашних прислужниц,- писали кабардинские рабовладельцы в докладной записке начальнику Терской области,- значит повергнуть нас в крайнее положение и непременную нищету, ибо вследствие наших же нравов ни одна свободная женщина ни за какую плату не согласится взять на себя обязанность унаутки, считая ее не свойственною свободной женщине» (См. докум. № 20). Отсюда и отрицательное отношение кабардинских феодалов к освобождению зависимых сословий. Кабардинские рабовладельцы .прилагали все усилия к тому, чтобы, избежав крестьянскую реформу, сохранить у себя прежний порядок жизни, позволявший им максимально эксплуатировать крепостных крестьян.

Массы крепостного крестьянства Кабарды, естественно, не разделяли взглядов своих феодалов. Они, наоборот, с нетерпением ждали дня, когда освободятся от ненавистных рабских уз. Кавказская администрация правильно констатировала, что «холопья не могли оставаться равнодушными и, подстрекаемые доходившими и до них вестями о даровании крестьянам свободы, глухо волновались, протестуя против существующего порядка вещей учащенными случаями неповиновения владельцам» (См. докум. № 25).

Недовольство крепостных крестьян все возрастало. Оно готово было вылиться в открытое вооруженное восстание против местных феодалов, сопротивлявшихся крестьянской реформе. И в этот решающий момент действительно «нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения» (См. докум. № 25) между крепостными крестьянами и феодалами.

В предупреждении крестьянских выступлений в Кабарде большую роль сыграла царская администрация и в первую очередь начальник Терской области генерал-адъютант Лорис-Меликов и начальник Кабардинского округа полковник Нурид. «Вполне полагаюсь на умение генерал-адъютанта Лорис-Меликова и полковника Нурида,— писал помощник кавказского наместника генерал-адъютант Карцов,- чтобы ...не допустить беспорядков или возмущения в Кабарде» (См. докум. № 43).

Терской областной администрации удалось довести до сознания кабардинских рабовладельцев, что «владение холопьями, при настоящем их настроении, не только не выгодно, но даже и опасно» (См. докум. № 25).

Перед кабардинскими рабовладельцами стояла тогда дилемма: или не подчиниться распоряжению правительства об освобождении зависимых сословий и оказаться перед лицом грозных крестьянских восстаний, или, приняв предложение правительства, избежать этих восстаний, но потерять даровой труд своих холопов. Кабардинские феодалы хорошо понимали, что им своими собственными силами с крестьянскими восстания-

ми не справиться; полагаться же на помощь правительства, распоряжение которого ими отвергалось, для них было рискованно. Поэтому они вынуждены были принять предложение правительства о проведении в Кабарде крестьянской реформы.

III

Дав согласие на освобождение своих холопов, кабардинские феодалы решили все дело сосредоточить в своих руках, для того чтобы провести крестьянскую реформу в Кабарде с максимальными для себя выгодами. «Как ни труден должен казаться нам такой неизбежный переворот в нашем быту,- писали в своей докладной записке представители кабардинских феодалов,- уповаем, что он совершится попечительностью Вашего Превосходительства и неисчерпаемыми благодеяниями Всемилостивейшего Государя Императора и августейшего Его Наместника с возможно меньшими для нас невыгодами» (См. докум. № 20). В целях сохранения «общего спокойствия и владельческих интересов» кабардинские рабовладельцы в своей докладной записке просили предоставить им «время от одного до двух лет для освобождения зависимых сословий и обрядных холопов по взаимному соглашению владельцев с людьми тех сословий и с тем, что, согласившись в цене выкупа по возможности уменьшенного против того, который был доселе принят, зависимое лицо получает личную свободу и до окончания своего расчета исполняет в отношении своего прежнего владельца лишь те обязательства, которые войдут во взаимные условия, долженствующие совершаться с ведома местной у нас власти» (См. докум. № 20).

Поддержанная терской областной администрацией просьба кабардинских феодалов была удовлетворена наместником Кавказа.

В лице начальника Терской области генерала Лорис-Меликова кабардинские феодалы благодарили кавказского наместника. «Разрешение его Императорским Высочеством - Главнокомандующим армией, поданной нами Вашему Превосходительству 8 августа нынешнего года, в Кисловодске, просьбы об освобождении зависимых сословий в Кабарде, на основании наших обычаев, путем добровольного соглашения, мы принимаем, как особую милость и благоволение его Высочества к кабардинскому народу» (См. докум. № 23).

Хотя один из членов Комитета по освобождению зависимых сословий на Кавказе, полковник Черкесов, видя неукротимые аппетиты кабардинских феодалов, и писал, что «правительство не должно и не может действовать под диктовку кабардинских рабовладельцев» (См. докум. № 44), тем не менее на деле получилось так, что кавказская администрация предоставила кабардинским феодалам полную возможность самим осуществить

освобождение холопов на таких условиях, какие они считали для себя наиболее выгодными. Кабардинские рабовладельцы выработали и представили на утверждение начальнику Терской области «Проект правил для освобождения зависимых сословий в Кабардинском округе» (См. докум. № 24). В этом проекте, утвержденном кавказским наместником (См. докум. № 36 и 38), интересы кабардинских рабовладельцев максимально были защищены. По существу - это проект полного грабежа кабардинскими феодалами освобождаемых холопов.

По условиям, выработанным кабардинскими феодалами, все зависимые сословия могли получить свободу только за выкуп, размер которого для взрослого - от" 15 до 45 лет - вполне трудоспособного крестьянина устанавливался в размере 200 руб. Холопы и холопки старше 45 лет, нетрудоспособные старики и калеки также освобождались за выкуп, размер которого устанавливался посредническим судом. Дети до 15-летнего возраста освобождались за выкуп из расчета по 10 руб. за каждый год возраста.

Если освобождаемый холоп не имел возможности уплатить выкуп сразу, он, перейдя в категорию временнообязанных, отрабатывал свой выкуп в хозяйстве своего владельца. Годовой труд временно обязанного холопа оценивался от 35 до 70 руб. и холопки - от 25 до 40 руб. Таким образом, временнообязанный холоп мог отработать свой выкуп минимум в 5 лет и максимум в 8 лет.

Выполняемые временнообязанными крестьянами работы были феодалами точно определены. Они ничем не отличались от обязанностей крестьян крепостного состояния. Так, в положении было записано, что «временнообязанные работники должны исполнять своему владельцу все обычные работы, соответствующие нуждам и потребностям хозяина как полевые, так и домашние: пахать, сеять, жать, косить, вывозить лес для построек и дрова для отопления и варения пищи, рубить их, плесть плетни, огораживать дворы и огороды; осенью доставлять с поля заготовленный хлеб и сено, строить зимовники, присматривать за рогатым скотом, лошадьми и баранами» (См. докум. № 24, §9).

Обязанности холопок также были регламентированы в «Положении». Временнообязанная холопка была обязана «носить воду, приготовлять пасту, доить коров и носить молоко в дом владельца, два раза в год перед праздниками мыть белье семейству владельца, мазать сакли, сеять огороды и присматривать за ними; ежегодно, при помощи унауток, приготовлять для старшего члена из семейства владельца бурку и полость для потников и ружейных чехлов, выделывать сукна и присматривать за женой владельца во время ее болезни» (См. докум. № 24, § 10).

«Положение» об освобождении крестьян признавало за феодалами право на получение доли от имущества освобождаемого холопа.

Собственность обрядного холопа состояла из начих — венчального подарка, который он получал при женитьбе от своего хозяина. По обычаю кабардинцев, феодал давал холопу телушку стоимостью в 3-5 руб. Приплод от этой телушки составлял неприкосновенную собственность жены холопа.

Другой вид собственности обрядного холопа назывался десериг ~ свадебный подарок, который холопки получали при выходе замуж от своих родных.

В качестве десерига обычно давали корову, приплод от которой составлял собственность холопки.

После смерти холопки и десериг по наследству переходили мужу и детям, а если не оказывалось таковых,— поступали в собственность феодала.

Обрядный холоп имел еще один вид собственности, который назывался дидовос-белым и состоял из скота, приобретенного личным трудом холопа. Дидовос-белым только номинально считался собственностью холопа. Правда, он имел право зарезать скотину для личного потребления, но не имел права без согласия феодала променять или продать ее.

Проект «правил», на основании которых кабардинские феодалы согласились освободить своих холопов, признавал за рабовладельцами право на получение половины всего имущества обрядного холопа — начиха, десерига и дидовос-белыма.

Таким образом, кабардинский обрядный холоп для получения свободы, на основании «правил», должен был заплатить своему феодалу выкуп в размере 200 руб. и половину имущества, за исключением сакли и домашней утвари, которые оставлялись за холопом. Это был форменный грабеж кабардинскими феодалами своих обрядных холопов. И этот грабеж феодалы мотивировали тем, что «по существующим у нас обычаям при освоболедении на волю крепостного владелец получал от него все имущество и, сверх того, выкупную плату, размер коей, простираясь до 500 руб. серебром и находясь в обратном отношении к ценности от данного владельцу имущества, определялся обоюдным добровольным соглашением» (См. докум. № 24).

Заявление кабардинских феодалов относительно того, что при освобождении холопа от крепостной зависимости все его имущество поступало в пользу феодала, соответствует действительности. Что касается размера продажной цены холопа, то она в Кабарде никогда не превышала 200 руб. Таким образом, кабардинские феодалы при определении размера выкупа не сделали холопам никакой уступки. Они в своих «правилах» предусмотрели размер продажной цены холопа. Что это именно так, видно из свидетельства начальника Кабардинского округа полковника Нурида, который пишет, что «в правилах, составленных ими

для обязательного освобождения, они определили выкупную плату для совершеннолетних мужчин и женщин в 200 руб., т. е. такую, какая существовала при продаже» (См. докум. № 46).

Член Главного Комитета по освобождению зависимых сословий на Кавказе полковник Черкесов также констатировал, что «в установлении выкупной платы кабардинцы не сделали никакой уступки, так как это есть действительно существующая продажная плата» (См. докум. № 44).

Говоря о «правилах», представленных кабардинскими феодалами для освобождения холопов, нельзя не согласиться с оценкой этих «правил», данной полковником Черкесовым, который писал, что «представленные правила выгодны для владельцев и не выгодны для холопов» (Прим. № 34, § 11).

Освобождение зависимых сословий в Кабарде проводилось двумя путями: или по взаимному между феодалом и холопом соглашению, или на основании разработанных кабардинскими рабовладельцами и утвержденных царским правительством «правил».

В основе первого способа освобождения холопов лежало местное обычное право, целиком ограждавшее классовые интересы кабардинских рабовладельцев. Осуществление освобождения холопа по взаимному соглашению на практике означало - отдать холопа на полное ограбление рабовладельцу.

Правда, в Кабарде, как и в других местах, были организованы так называемые посреднические суды, которые обязаны были осуществлять контроль над действиями феодалов путем словесного убеждения обеих договаривающихся сторон и склонять их к максимальным взаимным уступкам. Однако на практике эти посреднические суды оказались совершенно беспомощными. Посреднические суды, председателями которых назначались представители участковой администрации, санкционировали достигнутое между феодалом и холопом «соглашение», и, таким образом, они сами становились соучастниками грабежа холопов.

Кабардинские феодалы упорно добивались разрешения провести в Кабарде освобождение холопов по добровольному взаимному соглашению. Этот путь освобождения холопов для феодалов был наиболее выгодным, так как в основе его лежал местный обычай, предусматривавший выкупную плату в размере от 200 до 500 руб. и передачу всего имущества холопа в полную собственность феодала.

Из публикуемых нами «добровольно» заключенных между феодалами и холопами условий (См. прил. к докум. № 69), выдаваемых освобождаемым кабардинским холопам вместо уставных грамот, молено видеть, что кабардинские феодалы, действуя на основании адатных норм, самым беззастенчивым образом обирали своих холопов. Кабардинские рабовладельцы, соблюдая местный обычай, установили для холопов выкуп в

размере до 500 руб., присваивали имущество освобождаемых крестьян, а самих пускали по миру с сумой. Даже среди царских чиновников находились люди, которые указывали на подлинный грабеж крестьян феодалами во имя соблюдения обычаев. Упомянутый выше полковник Черкесов писал, что «для правительства важно не то, чтобы был соблюден обычай, а то, чтобы освобождаемые не были обращены в толпу бездомных нищих» (См. докум. № 46. Прим. 21).

Второй путь - освобождение холопов на основании «правил»- для феодалов был менее выгодным, так как «правила» предусматривали максимальный размер выкупа в 200 руб. и передачу в собственность феодалу только половины имущества холопа.

Кабардинские холопы в основном освобождались на основании взаимных договоров между ними и феодалами. Но если они не договаривались, то холоп освобождался на основании существующих «правил».

На основании имеющихся данных (См. докум. № 65,70, 77, 78, 99), следует считать, что в Кабардинском округе от крепостной зависимости освобожден 21 221 человек. В это количество входили каракиши пяти горских обществ в количестве 4722 человек. Следовательно, собственно кабардинцев было освобождено всего 16 493 человека, в том числе 14 024 человека, или 85 процентов обрядных холопов, и 2469 человек, или 15 процентов безобрядных холопов.

Число освобожденных холопов по отношению к общему количеству населения Кабарды было невелико. По имеющимся данным, население Кабарды в 1868 г. состояло из 54 224 человек. Если из этого количества отнять 16 493 холопа, то свободное население Кабарды в момент проведения крестьянской реформы составит 37 731 человек, т. е. в два с лишним раза больше зависимого населения. Выходит, что в Кабарде рабовладельцев было больше, нежели обрядных и безобрядных холопов, подлежавших освобождению. Любопытно в этой связи свидетельство современника, на глазах которого осуществлялась крестьянская реформа, что «в Кабарде материальное благосостояние большинства покоилось на угнетении меньшинства, так что встречались и такие семейства, в которых свободных 10-15 душ обеспечивали свое ничегонеделание трудами двух-трех холопов». И далее, говоря о специфических особенностях крестьянской реформы в Кабарде, тот же наблюдатель отмечает, что «различие рабовладения ^упразднения последнего, с одной стороны, в Кабарде, а с другой - в Закавказье и в России вообще, заключалось, главным образом, в том, что там приносились в жертву материальные интересы немногих в пользу большинства, а здесь, в Кабарде, наоборот, должно было потерять большинство [16].

За выкуп по взаимному соглашению было освобождено 12 865 обрядных холопов, или 91,7 процента, бесплатно освобождено 1038 холопов, или 7,35 процента, и на основании «правил» - 133 холопа, или 0,95 процента.

Безобрядных холопов за выкуп было освобождено 2402 человека, или 97,3 процента, и на основании «правил» - 67 холопов, или 2,7 процента.

Таким образом, основная масса обрядных и безобрядных холопов в количестве 15 267 человек, или 98,8 процента, была освобождена по взаимному между феодалами и холопами соглашению, и только 200 человек, или 1,2 процента, освобождено на основании правил, разработанных феодалами для освобождения зависимых сословий. Объясняется это тем, что освобождение крестьян по взаимным соглашениям, на основании местного обычного права, для феодалов было значительно выгоднее: размер выкупа по «правилам» не превышал 200 руб., а при освобождении по взаимным соглашениям, на основании местного обычного права, он колебался от 200 до 500 руб.

В Кабарде освобождение зависимых сословий всецело находилось в руках самих феодалов, которые «так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу», ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам »[17].

Достаточно самого беглого знакомства с представленным кабардинскими рабовладельцами царской администрации проектом правил для освобождения зависимых сословий в Кабарде (См. докум. № 24), чтобы убедиться в бесспорности приведенного тезиса В. И. Ленина о полном ограблении феодалами крепостных крестьян при их освобождении. Кабардинские феодалы в представленном проекте освобожденным крестьянам обещали, «чтобы у каждого работника оставалось не менее пары быков и двух коров» (См. докум. № 24, п. 2, § «а»), но на самом деле крестьяне ничего не получили, т. к. безобрядные холопы вообще никакого имущества не имели. Кабардинские рабовладельцы самым беззастенчивым образом обманули своим проектом и освобождаемых холопов, и царское правительство, которое, кстати, боясь крестьянских восстаний, старалось, по возможности, сократить разыгравшиеся аппетиты рабовладельцев и не допустить, «чтобы освобождаемые были обращены в толпу бездомных нищих» (С. 247. по изд. 1947 г. Прим. 21), которым бы нечего было терять.

В результате реформы 1867 г. кабардинские крестьяне свободы не получили. Но они из нее извлекли важный для себя урок, что помещики и дворяне им свободы добровольно никогда не дадут. Крестьянские массы поняли, что свободу можно взять только вооруженным путем. И они попытались это сделать в революцию 1905 г. и в революционном вооруженном восстании 1913 г., которое, хотя и было подавлено царизмом, но имело для трудящихся масс Кабарды большое революционизирующее значение.

40 Заказ АО 106

Уроки революционной борьбы кабардинского крестьянства были учтены в Октябрьской социалистической революции 1917 г., в которой трудящиеся массы Кабарды под гениальным руководством великой партии Ленина-Сталина вместе со всеми народами нашей страны завоевали себе настоящую свободу.

Проф. Г. Кокиев

Москва.
Октябрь 1946 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Максимов Е.* Двадцатипятилетие освобождения зависимых сословий Терской области // Кавказ. 1892. № 178.

[2] *Авалиани С. Л.* Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914.

[8] Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.

[4] См.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Отд. 8. Тифлис, 1868.

[6] Центр. Военно-историч. архив. № 19247, л. 25.

[6] Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 9. С. 211.

[7] Известия Кавк. отд. Императ. русского географ, об-ва». Т. 8. Кн. 2. С 372.

[8] Кавказ. 1892. № 178-180.

[9] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 337.

[10] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 15. Ч. 2. С. 393.

[11] Там же. С. 393.

[12] Материалы о дигорском феодализме. Орджоникидзе, 1933. С. 36.

[13] Ленинградский исторический архив, д. № 138 за 1867 г., л. 3 и об.

[11] *Е. Св.,* Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. Отд. 8. С. 35, 36.

[1Ь] *Грабовский Н.* Присоединение к России Кабарды и борьба со за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис,1876. Вып. 9. С. 211.

[16] *Е. Св.* Указ. соч. С. 42.

[17] *Ленин В. И.* Соч. Т. 15. С. 109.

ДОКУМЕНТЫ

1. Рапорт канцелярии
по управлению кавказскими горцами
от 4 июня 1864 г. за № 1873
начальнику Терской области
о сборе сведений о горских сословиях вообще
и несвободных преимущественно

Для обсуждения вопроса о холопах необходимо иметь сведения:

1) О том, какие именно виды зависимых сословий существуют у разных племен вверенной Вашему Превосходительству области.

2) О правах зависимых сословий на ту землю, на которой они водворены или какую они обрабатывают.

3) О количестве и видах денежных и натуральных повинностей, которые зависимые сословия отбывают своим владельцам на основании местных обычаев.

4) О размере средних цен, существующих у разных племен при продаже и при найме земель.

5) О размере выкупной суммы, которую вносят члены разных зависимых сословий при выкупе на волю; равно как и о размерах средних продажных цен, по которым, на основании народных обычаев покупщики приобретают для себя людей различных видов несвободных сословий.

6) О тех обычаях, на основании которых несвободные люди могут приобретать свободу.

7) О численности лиц зависимых сословий по округам.

8) О том, имеют ли лица зависимых сословий какую-либо лично им принадлежащую собственность.

За отсутствием и по поручению Начальника Главного Штаба Армии, имею честь просить распоряжения Вашего Превосходительства о доставлении означенных сведений в Главный Штаб Армии.

За генерал-квартирмейстера подполковник Черкесов
За Управляющего канцелярией капитан (подпись)

2. Циркуляр начальника Терской области
от 17/21 февраля 1866 г. за № 528,
начальнику Кабардинского округа [2] с требованием сведений
о зависимых сословиях в Кабарде

Вследствие требования Кавказского горского управления прошу Ваше высокоблагородие собрать и доставить мне следующие сведения:

1) О том, какие именно виды зависимых сословий существуют у различных племен вверенного Вам округа. »

2) О правах зависимых сословий на ту землю, на которую они водворены и которую они обрабатывают.

3) О количестве и видах денежных и натуральных повинностей, которые зависимые сословия отбывают своим владельцам на основании местных обычаев.

4) О размере средних цен, существующих у различных племен при продаже или при найме земель.

5) О размерах выкупной суммы, которую вносят члены разных зависимых сословий при выкупе на волю, равно как и о размерах средних продажных цен, по которым на основании народных обычаев покупщики приобретают для себя людей различных видов несвободных сословий.

6) О тех обычаях, на основании которых люди могут приобретать свободу.

7) О численности лиц зависимых сословий, с обозначением их имен и лет, а также фамилий, имен и званий их владельцев, с точными указаниями обществ и аулов, где живут холопы.

8) О том, имеют ли лица зависимых сословий какую-либо лично им принадлежащую собственность.

3. *Рапорт Кабардинского окружного народного суда от 29 июня 1866 г. за № 353 начальнику Терской области с приложением сведений о зависимых сословиях в Кабардинском округе и их повинностях*

Представляю при сем Вашему Превосходительству требуемые сведения о зависимых сословиях в Кабардинском округе.

Председатель подполковник Пурид
Делопроизводитель (подпись)

1. В Большой Кабарде существуют четыре разряда зависимых сословий: а) *вольноотпущенники* [4], б) *оги* [5], в) *логанауты*[6] и г) *у пау ты* [7]; все вышеозначенные сословия, за исключением огов, существуют и в Малой Кабарде.

2. Земля кабардинская признана общественною [8]. Каждый свободный человек при существующем в обществе порядке надела землей получает известный пай для своей семьи, включая сюда и все принадлежащие ему дворы унаутов, логанаутов и огов. Последние имеют право еще и на отдельный пай для пахоты, покоса и кутана. Зависимые же сословия, за исключением вольноотпущенников, как людей свободных, обрабатывают землю для своих владельцев, пользуясь известною частью из всего сбора хлеба и сена, как будет изложено ниже, при определении повинностей зависимых сословий к их владельцам.

3. Денежных повинностей не существует; натуральные же заключаются в различного рода услугах и работах, определенных обычаем сообразно виду зависимости.

а) Обязанность *вольноотпущенников,* выкупивших себя на волю или бесплатно отпущенных на свободу самим владельцем по религиозному убеждению, «для спасения души», заключается единственно в том, что они не могут без разрешения своих прежних владельцев переселиться в другой аул и должны следовать за своим покровителем, куда бы ни переселился он на жительство в своем обществе. Девушка, лично отпущенная на свободу, при выходе замуж платит владельцу одну лошадь. За исключением вышеизложенной обязанности, вольноотпущенники пользуются всеми правами свободных людей.

б) *Оги* несут следующую повинность: во время покоса каждый член семейства (мужчина с 16-летнего возраста) обязан косить для своего владельца три дня, а убирать сено два дня и доставить его в аул к владельцу. От означенной работы освобождаются баранщик и пчеловод, присматривающие за баранами и пчелами огов; последний, пчеловод, обязан своему владельцу доставлять ежегодно по три сапетки меду.

На покосе оги, наравне с логанаутами, пользуются продовольствием от владельца. За пахоту, производимую для своей собственной потребности, каждое семейство ога платит владельцу с каждой пары быков, впрягаемых в плуг, по 15 тулуков, или 60 мер, проса. Каждое семейство ога обязано ежегодно доставлять своему владельцу, смотря по состоянию, от 2 до арб проса, считая в каждой арбе по 20 саб, или 30 мер; для отопления и варения пищи владельцу ежегодно - от 7 до 10 возов дров; оги обязаны доставлять владельцу весь потребный лес для сакли и кунацкой и, построив их без очага, ремонтировать крыши ежегодно. При женитьбе владельца или его сына ог обязан дать помещение новобрачной в своей сакле и кунацкой и при средствах продовольствовать и одевать ее в продолжение одного года. При разделе имущества между членами семейства ога владелец получает с такого семейства 100 руб. или 100 баранов или холопа (мальчика или девочку), ростом не менее 5 вершков (считая вершок от большого до среднего пальца), т. е. ребенка пяти или шести лет. При выдаче дочери замуж ог платит владельцу из калыма своей дочери 2 быка и 2 коровы. При резке крупного скота для пищи ог отделяет владельцу от каждой штуки спину и три ребра. Оги принимают на ночлег гостей владельца, кормят их и лошадей.

Во время поста (Рамазана) каждое семейство ога, один раз по очереди и смотря по состоянию, обязано сделать своему владельцу стол (угостить его ужином). В случае смерти владельца

или кого-либо из членов его семейства каждая семья ога по очереди обязана сделать приличный стол (обед) владельцу во время траурных посещений родных и знакомых.

В настоящее время сословие огов весьма малочисленно, не более 15 семейств.

в) *Логанауты* (дворовые) живут вблизи владельца. Мужчины исполняют все работы (как полевые, так и домашние): летом и зимою возят и рубят владельцу дрова, сколько их понадобится для отопления и варения пищи; возят сено и хлеб с поля; присматривают за пчелами, скотом, лошадьми и баранами; возят лес для саклей и дворовых служб, строят их и вообще исполняют все натуральные повинности, какие потребует от них владелец. Жены же их по очереди носят воду в дом владельца, приготовляют пасту (пшенную густую кашу, заменяющую хлеб), доят коров и носят молоко в дом владельца; на семью его два раза в год перед праздниками (Байрамом и разговением после Рамазана) моют белье; мажут саклю; сеют огороды и присматривают за ними; ежегодно при помощи унауток владельца обязаны приготовить старшему члену владельческого семейства бурки и полость для потников и ружейных чехлов; выделывают сукна; во время родов и болезни жены владельца исполняют по очереди обязанности сиделок.

Владелец обязан кормить и одевать своих логанаутов нижеописанным обычным порядком. Хлеб выдается логанаутам в следующем размере: из всего собранного владельцем зерна выделяется потребная часть для будущего посева, часть для продовольствия рабочих во время полевых работ и часть для гостей владельца; все же остальное количество зерна делится на равные части по числу членов (мужчин и женщин, считая за члена и грудного ребенка) семейства владельца и логанаутов и всех унаутов. Если же семейство владельца состоит не более чем из 3 или 4 членов, из собранного зерна выделяется для владельца и гостей потребная годовая пропорция и, выделив части для посева и продовольствия полевых рабочих, все остальное зерно делится между логанаутами и унаутами, как сказано выше. При каждой резке владельцем крупного рогатого скота логанауты получают все внутренности, шею, голову и ноги от каждой зарезанной штуки, а от баранов — одни только внутренности.

Осенью при резке рогатого скота и баранов для приготовления копченого мяса, употребляемого туземцами в пищу зимой, владелец выдает каждому логанауту (мужчине), кроме внутренностей и ног, как сказано выше, по семи овчин для шубы на три года, такое же количество выдается унаутам и унауткам. При большом числе логанаутов и унаутов соблюдается при выдаче овчин очередь. Кроме того, при каждой резке быка или коровы,

вся подбрюшная часть кожи идет логанаутам (мужчинам) на чувяки и кусок буйволиной или бычьей кожи для ременной веревки на бессрочное время. При стрижке овец вся шерсть с ягнят идет владельцу, из шерсти же с баранов поступает ему все белое руно и самое лучшее черное для бурок и ружейных чехлов, вся же остальная шерсть с баранов делится на равные части по числу членов (мужчин, считая и детей) в семействах владельца логанаутов и всех унаутов. Если же у владельца более тысячи баранов, каждому логанауту (взрослому и малолетнему) и унауту выдается от 25 до 80 рун, а вся остальная шерсть идет владельцу.

Для приобретения же бумажной, холстяной материи и других предметов, необходимых в хозяйстве, логанауты имеют право два раза в году, в ярмарочное время, вывезти на продажу различный лес, из сбыта коего вся выручка идет логанауту. Владелец с ограниченным состоянием, имеющий не более 2 или 3 логанаутов, у которых работы немного по недостатку предметов хозяйства, требующих присмотра, торгует вырубленным логанаутами лесом и выручку делит пополам со своими работниками или отпускает их на заработки и делится с ними заработной платой пополам.

Во время пахоты и покоса вся провизия и хлеб идут логанаутам от владельца. Мясная пища с начала работ состоит из копченого мяса, а под конец выдается каждому рабочему по одному барану, а во время покоса прибавляется сыр и молоко. Как пахота, так и покос продолжаются около месяца. На пахоту выходят и мальчики с 12-летнего возраста, исполняющие обязанности погонщиков, а на покос - молодые люди, начиная с 16-летнего возраста. От полевых работ освобождаются старики, имеющие более 50 лет. Каждому логанауту, не имеющему никакого состояния, владелец обязан дать, по крайней мере, пару рабочих быков, а бедному холостому логанауту, при женитьбе последнего, добавить корову и котел. При наступлении совершеннолетия (18-20 лет) логанаут имеет право требовать, чтобы владелец купил ему жену, причем существует цена, не превышающая 200 руб., из коих 190 руб. поступает господину, у которого покупается невеста, а 10 руб. идет на экипировку. Владелец не имеет никакого права препятствовать своему логанауту выдавать дочерей замуж, но получает от того владельца, за чьего логанаута выходит девушка, калым, не превышающий 200 руб., из коих выходящей замуж девушке поступает 10 руб. на одежду. Обыкновенно логанаут находит себе невесту в другом семействе логанаута и говорит об этом своему господину, который обязан купить ему именно указанную девушку, если она согласна. Рано овдовевшая логанаутка также имеет право требовать от владельца покупки мужа.

г) *Унауты* и *унаутки* (бесправные) безотлучно живут при доме владельца и обязаны во всякое время исполнять во дворе и комнатах всякую работу по приказанию владельца и его жены. Все ключи от дворовых служб, вся птица и кухня - в ведении унауток, но, по преимуществу, главная их обязанность в комнатах и услугах госпоже. Все продовольствие и одежда идет унауткам от владельца. Как безобрядные, унаутки не имеют права на брак, но им дозволяется с согласия владельца иметь временного мужа из унаутов, логанаутов и даже людей свободного сословия. Все дети, рожденные от такой связи,- унауты. Мужчина-унаут, хотя тоже безобрядный, но по достижении совершеннолетия имеет право требовать от владельца, чтобы он купил ему жену из логанауток и тогда муж-унаут и дети его делаются обрядными, получают права логанаутов.

4. Вся земля в Большой и Малой Кабарде общественная, частных же собственников, владеющих известными участками земли, как в Большой Кабарде, так и в Малой, не существует, за исключением участка земли (Экипцоко) в верховьях реки Малки, близ Каменного Моста[s], высочайше дарованного полковнику Абдрахманову.

5. Ни ог, ни логанаут никогда не может выкупиться на волю без согласия владельца, а потому выкупная цена всегда условна: платят от 150 до 500 руб. за мужчину, несколько меньше за женщину и еще меньше за несовершеннолетних; но вообще эта цена не постоянная и зависит от обоюдного согласия между владельцами и крепостными работниками. Если последний — человек зажиточный, имеет много скота, домашней рухляди и денег, владелец соглашается оставить у себя все имущество выкупающегося на волю и дает ему свободу. Нередко семейный логанаут сначала сам с женой выкупается на волю, а потом выкупает и всех своих детей, прося помощи у знакомых и добывая средства работой.

При разделе имущества владельца между его наследниками семейства логанаутов и огов не разрозняются. Если в семействе ога или логанаута, которое должно быть разделено между наследниками владельца, два брата или более, последним, дабы не быть разлученными, предоставляется право найти себе покупщика или обоим откупиться на волю, или одному; если же братья не в состоянии воспользоваться вышеозначенным правом, они при разделе имущества владельца могут быть разлучены.

Владелец, желая продать своего логанаута, объявляет ему об этом, и последний имеет право сам указать себе покупщика; если же такового не найдет в продолжение месяца, то владелец продает своего логанаута, кому пожелает, но всегда в пределах Кабарды и не разрозняя членов семейства. При продаже и покупке логанаутов существуют следующие цены: за мальчика до 10 лет и девочку до 10 лет включительно по 10 руб. за каждый год, а с 10 до 45 лет за мужчину 200 руб., а за женщину с 10 до 45 лет - 180 руб.; ас 45 и далее по оценке. Вышеуказанные цены: за взрослого мужчину 200 руб. и женщину 180 руб.- неизменны и если владелец при продаже своего логанаута секретно берет от покупателя цену, большую вышеозначенной, продаваемый логанаут имеет право предъявить свою жалобу в суд и требовать от своего владельца-продавца возврата владельцу-покупателю всей излишней суммы. Правило это существует для устранения следующего злоупотребления: нередко логанаут, переходя посредством купли и продажи от владельца к владельцу, возвышаясь в цене, превращался в безобрядного, в унаута, цена коего, как будет указано ниже, превышает цену обрядного сословия. Хотя семейства унаутов в настоящее время и не разрозняются, но цена на унаутов и унауток совершенно зависит от условий между продавцом и покупщиком, размер ее от 100 до 500 руб., средняя же цена от 300 до 400 руб. серебром. В особенности дорого ценится унаутка; цена их обусловливается возрастом, телосложением, способностью к работе и красотой.

6. Лица зависимых сословий приобретают свободу или 1) через выкуп, или 2) получают волю от своего владельца без всякого вознаграждения последнего, как было сказано выше, единственно по религиозному убеждению мусульман, отпускающих на свободу подневольных им людей «для спасения души».

7. Численность владельцев и лиц несвободного состояния в Кабарде видна будет из представляемых вслед за сим списков.

8. Унауты и унаутки не имеют никакой собственности; подарки же, деланные им их господами, идут на улучшение одежды. У огов же и логанаутов имущество двоякого рода: лично им принадлежащее, их личная собственность, на которую владелец не имеет никакого права, и собственность зависимая, частью принадлежащая владельцу. К первому роду имущества относятся: а) начих (венчальный подарок). Когда ог или логанаут берет себе жену, владелец его делает новобрачный подарок от 3 до 5 руб. или, но стоимости означенной цены, телушку, весь приплод от которой делается личною собственностью жены ога или логанаута и б) десериг (подарок от родных логанаутки, выходящей замуж), заключающийся в одной корове. Весь приплод от нее также принадлежит жене ога или логанаута. Имущество это по смерти жены ога или логанаута переходит по наследству к мужу и детям умершей женщины; если же нет наследников - к владельцу. Второй род имущества, зависимый, называется дидовос-белым (скот, приобретенный огом или логанаутом собственными трудами, заработками). Хозяин дидовос-белыма, ог или логанаут, без согласия владельца не имеет права ни менять, ни продавать скот, составляющий дидовос-белым, и вообще распоряжаться им

каким бы то ни было способом. Если ог или логанаут режет для употребления в пищу быка или барана из своего дидовос-белыма, половина мяса и кожи поступает его владельцу. Весь скот, составляющий начих, десериг и дидовос-белым, он кормит на собственный счет, так как он обязан своему владельцу только 5 полевыми рабочими днями; логанауты же, которые обрабатывают землю своему владельцу без ограничения рабочих дней и исполняют все работы на быках владельца и своих собственных, продовольствуют и начих, и десериг (за исключением коров и баранов), и дидовос-белым на счет своего владельца. Владелец имеет право разделить или продать дидовос-белым своего ога или логанаута и в таком случае $^{2}/_{3}$ поступает владельцу, а $^{1}/$ огу или логанауту, и последняя делается уже десеригом ога или логанаута, т. е. его личной собственностью.

При продаже ога или логанаута владелец или оставляет у себя весь дидовос-белым продаваемого, и последний по стоимости оставленного имущества непременно получает таковое же у нового владельца, или продает своего ога или логанаута со всем его дидовос-белымом, получая стоимость его от владельца, к которому переходит продаваемый ог или логанаут.

1. В горских обществах имеется четыре разряда зависимых сословий: а) *каракиши* [10], б) *ясакчи* [11], в) *чагары* [12] и г) *казаки* [13] (женщина-казак называется *караваш).*

2. *Каракиши* относительно земель, на которых они водворены и которые обрабатывают, пользуются правами неотъемлемой собственности; но продавать ее, без видимой надобности, не имеют права без разрешения таубия[14], которому они подвластны. При переселении в другое общество каракиши имеют право передавать эту землю своему родственнику, если он согласится отбывать господину все повинности, следуемые с переселяющегося. Если же последний не имеет родственников, земля его поступает в полное владение таубия. Земли, занимаемые ясакчами и чагарами, принадлежат таубиям; казаки же, как люди дворовые (вроде унаутов), вовсе не пользуются землями.

Повинности каракишей, утвержденные в 1864 г. июня 15-го дня выборными из таубиев и каракишей, по взаимному согласию, в присутствии начальника округа и Черекского участкового начальника, следующие:

1. Во время сенокоса каракиши с каждого двора должны дать таубию одного косца на один день; косца в этот день кормит таубий.

2. Для сбора сена и поставки копен каракиши с каждого двора обязаны дать одного человека на один день, которого кормит таубий.

3. Для перевозки сена каракиши обязаны дать своему таубию с каждого двора одного человека с парою быков на один день. Работника в этот день кормит таубий.

4. Для продовольствия косцов каракиши обязаны дать своему таубию с каждого двора, у кого не менее 60 баранов, одного барана.

5. Для распашки пашней каракиши с каждого двора обязаны дать своему таубию на один день одного человека с парою быков и земледельческими орудиями. Работника в этот день кормит таубий.

6. Каракиши обязаны выслать одного человека на один день полоть просо. Повинность эта отбывается только в двух фамилиях: у Мисаковых и Абаевых.

7. Для жатвы хлеба каракиши с каждого двора должны дать своему таубию на один день одного человека, которого кормит таубий.

8. Для перевозки хлеба на гумна каракиши должны дать своему таубию на один день одного человека, которого кормит таубий.

9. Для удабривания навозом полей каракиши должны дать своему таубию с каждого двора одного человека с парою быков на один день, работника в этот день кормит таубий.

10. Если таубий захочет сделать каракиши пастухом овец или табунщиком, имеет на это право не иначе, как по согласию самого каракиши и за известную плату. У одной только фамилии Биевых каждый каракиши обязательно должен быть пастухом овец или табунщиком, но тоже за известную плату.

11. Каракиши с каждого двора один раз в год обязаны дать по одной лошади или осла для доставки какой бы то ни было тяжести с плоскости.

12. Для доставки сосновых лучин для освещения каракиши с каждого двора один раз в год обязаны дать лошадь или осла своему таубию.

13. Лес для постройки своего дома таубий должны сами заготовить, но для перевозки всего заготовленного леса совместно с его холопьями каракиши с каждого двора должны дать одного работника с парою быков.

14. Зимой в продолжение двух месяцев каждый двор каракиши обязан кормить одну скотину, принадлежащую таубию, и если таковая падет от дурного присмотра или корма, то каракиши платит за нее; если же скотина падет от болезни, то за это не отвечает.

15. Если к таубию приедут несколько человек гостей, то состоятельные каракиши обязаны кормить по одной лошади, покуда гости не уедут.

16. Если у таубия в доме нет служанки (унаутки, караваш) или безобрядового холопа (казака) и он пожелает приобрести ту или другого, но по бедности не может купить, то каракиши для этой надобности дают по одной скотине с каждого двора.

17. По смерти таубия каракиши с каждого двора дают для поминок трехлетнюю скотину, и то, когда умерший таубий совершеннолетний; когда же умрет женщина или малолетний, то ничего не дают.

18. Во время поминок, даваемых каракиши, они обязаны доставить стол своему таубию; когда поминки большие — из одного барана, а когда малые, то смотря по количеству приготовляемого.

19. Каракиши свое недвижимое имущество, если не имеет крайней нужды, продавать не может; в нужде продающий землю должен предложить своему таубию купить ее, и если тот откаясется, то предлагает покупку его подвластным. Затем продавший землю свыше, чем на 30 руб. серебром, дает своему таубию 10 руб. серебром.

20. Если два брата из каракиши делят свое имущество, то дают своему таубию, если состоятельные, землю в **300** руб., а кто беднее, то смотря по состоянию - от **100** до 10 руб., скотом или вещами, причем непременно должны быть посредники.

21. Если каракиши получит за кровь, то обязан из полученных денег дать своему таубию 250 руб. или стоящего этой суммы холопа или землю, а равно если таубий получит за кровь, то тоже дает своим каракиши такую же сумму.

22. Если таубий убьет кого-либо и должен заплатить за кровь, то каракиши должны дать ему с каждого двора, смотря по состоянию, от 250 до 10 руб. и обратно, если каракиши платит за кровь, то таубий помогает ему тою же суммою.

23. Когда каракиши режут для себя большую кормленую скотину, то обязаны прислать своему таубию 5 ребер, расположенных ближе к груди.

24. Когда каракиши варят для себя пиво, то обязаны прислать своему таубию один кувшин такового.

25. Во время уразы каракиши должны дать с каждого двора своему таубию 9 лепешек из пшеничной муки и бурдюк бузы.

26. Каракиши при выдаче своих дочерей замуж должны дать таубию две скотины. Повинность эту несут не все каракиши, но кто несет ее, то таубий должен сделать подарок невесте.

27. Когда таубий взял к себе в дом жену, то холопья тестя берут у кого бы то ни было из каракиши хотя одну трехлетнюю корову или бычка и угоняют к себе на зарез.

28. Каракиши Джанхотовской фамилии (таубий) дают по паре быков своему таубию для заготовления на зиму дров.

29. Если таубий нанесет побои каракиши, то первый обязан подарить обиженному лошадь или ружье, причем когда таубий делает этот подарок, каракиши делает мировой стол и принимает таубия.

30. На Новый год таубий должен угощать своих каракиши.

31. Если каракиши отдает свою дочь в замужество, то таубий дает ему подарок.

32. Если каракиши имеет дело, то таубий должен быть его ходатаем, где бы то ни было.

33. За грабеж, сделанный каракиши в доме своего таубия или на его кошу, по приговору суда определяется наказание и штраф.

34. Если таубий пошлет кого-либо из холопей для понуждения каракиши к исполнению повинности, а каракиши при этом ударит холопа, то жалоба эта разбирается в местном суде, по приговору которого виновный наказывается штрафом.

35. Если каракиши умрет и после него не останется прямого наследника, ни брата, ни родственника, то имение переходит таубию, которому принадлежал умерший.

36. Если из двух братьев каракиши, живущих раздельно, один умрет, не оставив сына, то имение переходит к оставшемуся в живых брату; таубий же получает одну часть из земель или пахотную или сенокосную по выбору, но при посредниках и членах участкового суда. Когда же остается жена или дочь, то решение о выделе части предоставляется суду и шариату.

37. По смерти вольноотпущенного каракиши, когда после него не остается наследников, ни братьев, ни родственников, имение переходит к таубию.

б) *Ясакчи* (податные) несут следующие повинности: за обрабатываемую землю под посевы хлебов они платят таубию в год, сообразно количеству возделываемой земли, различным хлебом от 2 до 9 мешков, из коих каждый заключает в себе пять мер; стоимость всей этой повинности на деньги, по средним ценам, равна от 5 до 23 руб. За покосную и пастбищную землю ясакчи платят, смотря по количеству скота, ежегодно в продолжение четырех лет от 1 до 3 баранов, а в пятый год полную подать, смотря по состоянию ясакчи, от 15 до **100** баранов; бедные же освобождаются от платы. От весны до зимы ежегодно ясакчи обязаны давать владельпу корову для доения, или взамен ее двух баранов, или же четыре рубля серебром. При резке крупной и взрослой скотины ясакчи отдает филейные части ее своему таубию; когда умирает таубий, каждый двор ясакчи обязан предоставить его семейству один мешок солода для варения пива. В покосное время ясакчи дают для косцов по одному барану или по 2 руб. серебром. При постройке дома таубию ясакчи от каждого двора дают для перевозки леса пару быков. Если у таубия во дворе нет ни казака (безобрядного рабочего), ни караваш (безобрядной служанки), ясакчи для покупки унаута или унаутки обязаны дать с каждого двора по 10 руб. Если ясакчи, жившие одним хозяйством, разделяются, каждый из отделившихся несет те же повинности, какие обозначены выше, за исключением обычной платы (от 15 до 100 баранов), вносимой по истечении 4 лет за пользование покосной и пастбищной землей; плата эта распределяется по числу скота у каждого выделившегося ясакчи.

в) *Чагары* исполняют все работы по приказанию владельца во всякое время; их можно сравнить с логанаутами у кабардинцев. Кроме того, если у чагара есть бараны, он дает своему господину одного барашка летом и одного барана зимой. При выдаче в замужество дочери из числа полученного калыма платит таубию одного быка и корову; в случае недостатка денег, собранных с каракиши и ясакчи на покупку таубию казака или караваши, чагары вносят деньги, недостающие до покупной цены. Если у владельца чагаров нет ни каракиши, ни ясакчи, чагары (мужчины и женщины) обязаны по очереди исполнять в доме своего таубия работы, предназначенные казакам и каравашам.

Во время покоса чагары обязаны взять себе для продовольствия по одному барану из своих собственных овец, если имеют таковых.

При разделе имущества чагара между членами семейства последние обязаны уплатить владельцу или землей, или скотом, или деньгами до 300 руб.

г) *Казаки и караваши* (безобрядные) [15] живут в доме владельца и обязаны исполнять все домашние, дворовые, комнатные работы по приказанию своего господина или госпожи. Это те же унауты и унаутки и в той же неограниченной зависимости от владельцев, что и у кабардинцев.

3) В горах имеется три рода земли: покосная, пахотная, пастбищная; первые две подразделяются еще на два разряда, смотря по их качеству. Покосная земля, находящаяся вблизи населенных мест и орошаемая водою, ценится по качеству собранного сена: за пространство земли, на котором собирается копна (вьюк на здоровую, хорошую лошадь), платят до 20 руб., такие же земли на возвышенности по качеству травы стоят от 5 до 40 руб. в том же количественном размере.

Пахотные земли, лея^ащие около селений, искусственно орошаемые водою (посредством канав) и удобряемые навозом, стоят за пространство, с которого собирается одна копна в 90 снопов, 35 руб. серебром; за пахотные же земли, неподходящие под вышеозначенные условия, платят от 10 до 20 руб. Пастбищная земля, на которой может в продолжение двух месяцев пастись 1500 баранов, стоит в продаже до 1500 руб.

Покосная земля вблизи селения отдается внаймы с половинной, а вдали - с третьей части: пахотная во всех местах половины, а пастбищная - за лучшую с 100 баранов одного барана и барашка, за худшую с того же числа баранов - одного только барана, и кроме того, в обоих случаях хозяин земли пользуется собранным с овец молоком в продолжение от 3 до 7 дней.

4) Размер выкупной платы определяется по состоянию желающего приобрести свободу. Ясакчи и чагары весьма зажиточны, а потому количество выкупной суммы определяется самим владельцем; обыкновенно выкупающиеся на свободу отдают своему владельцу все свое имущество, из которого известная часть, если когда и выделяется, то это зависит от согласия или великодушия господина. Бедные, не имеющие настолько имущества, чтобы выкупиться, но желая приобрести свободу, отдают владельцу все свое достояние с обязательством доплатить недостающую сумму денег до выкупной платы в продолжение назначенного владельцем срока.

Средняя цена при покупке ясакчи и чагаров следующая: от 1 до 15-летнего возраста мальчик и девушка стоят от 10 до 150 руб., т. е. столько десятков рублей, сколько покупаемому лет; с 15-летнего же возраста они ценятся сообразно возрасту и способности к работе, но цена не превышает 200 руб. Семейства при продаже не разрозниваются. Казаки и караваши ценятся до 10-летнего возрастает 50 до 200 руб.; от 15 лет - от 200 до 300 руб.; а далее до 45 лет, смотря по возрасту, силе и способности к работе мужчина - до 400 руб., а женщина - до 500 руб.; а с 45-летнего возраста цена уменьшается, сообразно силе и здоровью рабочего.

Каракиши, хотя и принадлежат к сословию зависимому по своим обязательствам к таубиям, на земле которых они живут, не могут быть продаваемы лично, как люди лично свободные, но владелец может продать другому владельцу ту повинность, которую отбывают каракиши. Цена этой повинности, которую может выкупить и сам каракиши, не превышает 60 руб. в год.

5) Лица зависимых сословий получают свободу за особые услуги своему господину и на основании тех же обычаев, как и в Кабарде.

6) Численность лиц зависимых сословий в горских обществах, а равно и их владельцев, обозначена в прилагаемых при этом списках.

7) Казаки и караваши не имеют никакой личной собственности и продовольствуются всем необходимым как в пище, так и в одежде от своих господ.

Ясакчи же и чагары содержат себя на собственный счет, и, как оги и логанауты в Кабарде, имеют личную собственность: начих, десериг и 1/ часть из дидовос-белыма. Кроме того, каракиши, ясакчи и чагары могут иметь своих собственных работников, которые при выкупе своих непосредственных господ на волю остаются в зависимости у владельцев.

Председатель подполковник Нурид
Члены: подполковник Анзоров,
ротмистр Болкароков,
штабс-капитан Куденетов, подпоручик Тенов,
корнет Кожоков, юнкер Абаев, корнет Сидаков

Депутат от черного народа Машуко Дишеков

Й»Т ;--ян. г

4. Рапорт канцелярии начальника Терской области от 9 июля 1866 г. за № 2217 Кавказскому горскому управлению [16] со сведениями о зависимых сословиях в Кабардинском округе

Собрание сведений, просимых рапортом от 4 июня 1864 г. за № 873 о зависимых сословиях, существующих в Терской области, было возложено на окружных начальников. Сведения эти в настоящее время доставлены начальником Кабардинского округа; а потому, по поручению начальника области, представляю при сем копию с них. Канцелярия имеет честь присовокупить, что сведения о численности холопов в Кабардинском округе будут представлены к исправлению по доставлении оных начальником того округа.

5. Рапорт Кавказского горского управления от 8 июля .1866 г. за № 3292 начальнику Терской области о сборе дополнительных сведений о зависимых сословиях и их повинностях

Учрежденный с Высочайшего разрешения под председательством генерал-адъютанта Карцова Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, признав имеющиеся в настоящее время общие сведения о различных видах отношений, коими зависимость эта выражается, не вполне достаточными для полного решения предстоящего ему вопроса, возложил на Кавказское горское управление войти в сношения с главными начальниками отделов края для собрания на месте всех необходимых для сего данных.

На этом основании помощнику Главнокомандующего армией угодно было приказать мне просить распоряжения Вашего Превосходительства о том, чтобы собраны были и доставлены в Кавказское горское управление следующие сведения, в отношении горского населения вверенной Вам области.

1) Поименные списки, по округам и селениям, лиц, владеющих бесправными рабами различных наименований (как унауты к хабзанша в Кабардинском округе), с обозначением, к какому сословию лица эти принадлежат, и с показанием имен, пола и возраста принадлежащих каждому из них рабов. При наименовании владельцев могут быть показываемы только главы отдельных семейств, а при определении возраста последних лет надобности в совершенной точности его, а можно разделить их вообще на следующие пять разрядов: 1) старики от 50 и более лет; 2) пожилые от 40 до 50 лет; 3) взрослые от 20 до 40 лет; 4) молодые от 10 до 20 лет и 5) дети моложе 10 лет. При списках рабов должно быть приложено сведение о тех ценах, по которым продавались и были отпускаемы на волю рабы,- соображаясь с полом и возрастом их.

2) Такие же поименные списки лиц, владеющих крестьянами различных наименований (как логанауты, оги, кавдасарды и другие), с показанием числа семейств каждого из этих видов крестьян и общего числа душ обоего пола в этих семействах, по каждому селению отдельно. При этом необходимо, дабы приведены были в полную ясность все повинности, коими, на основании обычая, все вообще крестьяне известного вида и одного селения обязаны своим владельцам, а буде в одном и том же селении существуют отступления от общей нормы, то показать в каждом селении или отдельные категории повинностей, или, при разнообразии их, наибольшую и наименьшую повинность. Независимо от этого в каждом селении и классе зависимых (кроме рабов) должно выбрать для примера по три семьи и, составив им поименный список с обозначением пола и лет, подробно описать повинности, действительно отбываемые каждою из этих семей. Кроме того, должна быть произведена и доставлена одновременно с вышеозначенными сведениями примерная оценка этих повинностей по округам, для того чтобы можно было составить соображения как о количестве годового денежного взноса, которым следует обязать холопов в отношении владельцев, так и о нормальных ценах для совершенного выкупа этих повинностей.

Предоставляя полному усмотрению Вашего Превосходительства тот порядок, коим сведения эти должны быть собираемы, генерал-адъютант Карцов в то же время выразил мнение, что дело это, без сомнения, возможно будет поручить заботливости членов Комиссии по определению личных и поземельных прав и местным окружным властям, но как при этом необходимо, чтобы все вышеозначенные сведения были доставлены в Тифлис отнюдь не позже сентября месяца сего года, то Его Превосходительство поручил мне уведомить Ваше Превосходительство, что в виде временнного усилия средств по собиранию означенных сведений не встретится препятствия к командированию в распоряжение Вашему одного или двух офицеров из войск, по указанию Вашему или же по выбору Кавказского Горского Управления.

Буде Ваше Превосходительство признаете командирование таких лиц необходимым, то не оставьте, для выиграния времени, сообщить об этом телеграммою.

При сем прилагается для сведения и соображения, при установлении порядка собирания сведений, копия с инструкции, данной из Горского Управления одному из лиц, командируемых для сбора подобных сведений в Абхазии.

В заключение помощник Главнокомандующего поручил покорнейше просить Ваше Превосходительство при доставлении собранных сведений сообщить подробное мнение Ваше относительно способов дальнейшего обеспечения их быта и вознаграждения владельцев.

41 Заказ № 106

Причем считаю долгом довести до сведения Вашего, что, соображаясь со сделанным в Комитете председателем от лица Его Императорского Высочества заявлением, при составлении предположений о вознаграждении владельцев невозможно рассчитывать на пособие от казны, которая если и найдет возможным ассигновать какие-нибудь средства, то разве в вознаграждение за бесправных холопов, живших в домах владельцев и не имевших собственного хозяйства, а равно и земли в своем пользовании -- собственно в том уважении, что подобные лица, которым необходимо еще устроиться и обзавестись домами и хозяйством,— в течение еще долгого времени едва ли имели бы возможность внести за себя даже ограниченный выкуп владельцам.

Начальник Управления полковник Старосельский
Столоначальник (подпись)

6. Инструкция от 28 июня 1866 г. за № 3157, данная начальнику Кавказского горского управления титулярному советнику Черепову о сборе сведений о зависимых сословиях в Абхазии

Комитет, учрежденный по воле Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией под председательством помощника Его Высочества, генерал-адъютанта Карцова - для обсуждения способов и средств к освобождению зависимых сословий в туземных племенах, состоящих в ведении Кавказского Горского Управления, возложил на это Управление распоряжения по собиранию необходимых Комитету и указанных им сведений.

Во исполнение этого, Горское управление, представив пг<-тварительно на благоусмотрение Его Превосходительства помощника Главнокомандующего предположения свои о порядке собрания означенных сведений в различных отделах края и получив одобрение этих предложений, в силу того исходатайствовало, между прочим, разрешение для собрания сведений по Сухумскому военному отделу - командировать трех лиц по избранию Его Превосходительства помощника Главнокомандующего, так как по неприведению еще в известность характера и видов существующей в этом крае сословной зависимости, по неполному еще разъяснению для правительства оснований и сущности тамошнего поземельного права и, наконец, по ограниченности состава местных управлений, возложение собирания сведений на эти управления, при многочисленности и хлопотливости текущих их занятий представило бы большие, нежели где бы то ни было в других местностях, затруднения.

Так как одним из упомянутых лиц Его Превосходительству угодно было назначить Ваше Благородие, то Вам вменяется в

обязанность по получении подорожной из Горского управления и прогонов из Окружного интендантства отправиться немедленно через Кутаис (где представиться генерал-губернатору) в Сухум,- и явившись там исправляющему должность начальника Сухумского военного отдела полковнику Кониару [17], приступить к выполнению возложенного на Вас поручения, согласно нижеизложенным указаниям.

Так как Ваше Благородие имели уже возможность ознакомиться довольно близко с Бзыбским округом по участию Вашему в составе Комиссии для приведения в известность имений и доходов бывшего владетеля Абхазии, то Вам поручается начать Ваши занятия в этом округе - и по оному собрать следующие сведения:

а) Какие именно сословия состоят в личной зависимости от членов других свободных сословий или от лиц, в свою очередь принадлежащих к тому или другому из сословий зависимых.

б) Чем именно, т. е. какой степенью ограничения личной свободы, а также прав семейственных и имущественных, какими обязательными услугами или повинностями, денежными или натуральными, выражается зависимость каждого из несвободных сословий.

в) Как велика численность семейств и лиц каждого из этих сословий.

г) В каком положении сословия эти находятся в отношении обеспечения их землею и права на землю, т. е. владеют ли они или пользуются землею, как собственностью, наравне с свободными жителями или же пользуются землями своих владельцев, и могут ли в последнем случае владельцы по произволу лишать их этого пользования.

По имеющимся ныне в Горском управлении сведениям, в Абхазии (о Цебельде и Самурзакани нет сведений)[18] существуют собственно два лично-зависимых сословия: 1) *рабы (ахашала),* живущие в домах владельцев,- для личной домашней службы, не имеющие прав ни семейных, ни имущественных и подлежащие продаже по произволу владельцев; 2) *агырва,* живущие с семействами в отдельных от владельцев домах, обязанные известным числом дней работы и определенными повинностями, имеющие землю, обрабатываемую в собственную пользу и подлежащие продаже с известными условными ограничениями; есть еще третье сословие — *анхае,* в котором известная часть семейств совершенно свободна от всяких отношений, а другая состоит в некоторой, весьма ограниченной, зависимости от лиц других сословий. Анхае равным образом обрабатывают землю в свою пользу, но все ли эти земли принадлежат им или некоторые пользуются землями от владельцев,- положительных сведений не имеется.

Независимо от обязательных отношений, проистекающих из права владельца на личную свободу их подвластных, в Абхазии,

по имеющимся данным, существует еще установившееся обычаем отбывание некоторых повинностей произведениями как сословием агырва, так и анхае, в пользу местных общинных старшин (ахалапшую), но во всех ли общинах существуют эти повинности и все ли члены общины означенных двух сословий отбывают их, а также не отбывают ли их и другие сословия,- по доставленным сведениям неизвестно. Равным образом не вполне известно значение и происхождение прав упомянутых общинных старшин: получают ли они это звание по избранию общин, безразлично к какому бы сословию сами ни принадлежали, или же оно переходит в известном порядке преемства в том или другом сословии или отдельном роде.

Для собрания и разъяснения всех указанных выше сведений об отношениях зависимых сословий к их владельцам, а также и для всех данных, необходимых для прочного устройства быта зависимых ныне сословий по освобождении их, Вы независимо от тех способов, которые сами признаете соответственными для достижения цели и уяснения дела, имеете руководствоваться следующими правилами:

1. Все нужные сведения собирать по каждой общине отдельно посредством личного допроса кого следует, на месте, в самой общине.

2. О времени прибытия Вашего в каждую общину Вы должны заблаговременно оповестить население общины через ближайшее местное начальство. К назначенному сроку и в назначенное место Вы вызываете заинтересованные стороны, т. е. владельцев (или их поверенных) и членов зависимых от них семейств; причем должны явиться, непременно лично для опроса все без исключения члены сословия ахашала и по одному лицу (преимущественно домохозяева) из каждого семейства агырва и анхае.

3. Опрос жителей Вы производите в присутствии Окружного управления, когда окружной начальник сам, по причине других занятий, не может присутствовать, равным образом, при бытности двух депутатов Окружного суда, при общинном старшине и выборных от владельцев, от анхае и от агырва,- по одному от каждого сословия, если общая численность сословия не превышает пятидесяти дворов в общине, но при большем числе по одному на каждые 50 семейств. Выбор этих лиц производится в Вашем присутствии наличными, вызванными Вами представителями каждого отдельного сословия.

4. Сведения собираются посредством личного опроса всех владельцев о численности и повинностях их зависимых и опроса сих последних: ахашала - всех без исключения, а в сословиях анхае и агырва - вызванных представителей семейств. Проверка показаний относительно размера повинностей, в случае спора и разноречия, производится посредством опроса общинного старшины, а также поверенных от сословий других **лиц,** которых Вы признаете нужным спросить в качестве свидетелей, под присягою или без присяги.

Решение этих несогласий в показаниях производится Вами, окружным начальником и двумя судьями по большинству голосов. В случае несогласия с мнением большинства, предоставляется и Вам и окружному начальнику вносить в журнал свои мнения особо. В разборе же споров о принадлежности или непринадлежности одного лица или семейства другому Вы не входите.

5. По каждой общине Вы обязываетесь: а) составить полные поименные списки всем *ахашала* с показанием пола и возраста их; б) показать, сколько семейств и душ обоего пола *агырва* состоит в общине (число душ может быть показано приблизительно); в) показать подробно отбываемые ими повинности по категориям (или при разнообразии категорий, обозначить высший и низший размер повинности) с определением, сколько семейств принадлежит к той или другой категории; г) показать, сколько в общине семейств и душ обоего пола *анхае* (число душ может быть хотя и не совсем точно); д) обозначить, сколько семейств анхае зависит лично от владельцев и отбывает им повинности с показанием также повинностей первых по категориям, как и в сословии агырва; е) независимо от этого, взяв для примера три семейства агырва и анхае по своему выбору, составить им поименный список с показанием пола и возраста и обозначить вполне всякого рода личную работу и все другие повинности, которые семейства эти действительно отбывают своим владельцам; ж) оговорить отдельно, какие повинности члены общины (все ли или с исключениями) несут в пользу своих общинных старшин (ахалапшую), и разъяснить происхождение права каждого из этих ахалапшую; з) к сведениям о сословиях анхае, отбывающих повинности владельцам, и агырва Вы должны приобщить упомянутые выше данные относительно размера и характера пользования ими землею.

6. Форма, в какой должны быть изложены все обозначенные в предыдущем разделе сведения, предоставляются Вашему усмотрению, но только все эти сведения, по каждой общине отдельно, должны быть заверены подписями: Вашей, окружного начальника (или члена Окружного управления), обоих депутатов Окружного суда, общинного старшины и выборных депутатов Окружного суда, общинного старшины и выборных от владельцев и зависимых сословий.

7. При опросе жителей, во избежание стычек зависимых сословий с владельцами, могущих состояться вследствие предположения обеих сторон о том, что выкуп зависимых сословий будет произведен за счет казны, и показания через это числительности зависимых сословий и повинностей их в большем

против действительности размере. Вам следует объяснить, что выкуп личной зависимости агырва, а также выкуп повинностей анхае никаким образом не будет принят на счет казны, а будет предоставлен собственным их средствам на основании указанных правительством правил.

8. При объяснениях с лицами зависимых сословий Вы должны объяснить им, что Правительство только приступает к разрешению вопроса об их освобождении от личной зависимости, но не освободило еще их, а поэтому они должны оставаться до решения вопроса в тех же отношениях, как и прежде, и за нарушение своих обязанностей к владельцам будут подвергнуты еще большим против прежнего взысканиям.

9. При исполнении поручения в Бзыбском округе Вы не должны производить исследований о повинностях лиц и семействах, находящихся в крестьянской зависимости от умершего владельца Абхазии, так как отношения эти уже выяснены особою Комиссией; окончив занятия в Бзыбском округе, имеете представить подлинные акты собранным в каждой общине сведениям исправляющему должность начальника Сухумского отдела и копии с них в Кавказское Горское Управление.

10. Затем, переехав в Сухумский округ, обязываетесь приступить к собранию необходимых сведений совместно с командируемым туда майором князем Баратовым лишь в тех общинах, кои состояли в зависимости от покойного князя Дмитрия Шервашидзе [19] и сведения об этих общинах представите тем же порядком начальнику Сухумского отдела и в Кавказское горское управление.

11. По окончании сбора означенных сведений в Сухумском округе имеете приступить к собранию таковых же сведений в Абживском округе, где по окончании, с своей стороны, занятий в других округах присоединятся к Вам и два другие лица, командируемые вместе с Вами в Сухумский отдел. В Абживском округе до прибытия двух названных лиц Вы приступаете к собранию сведений преимущественно в тех общинах, где уяснение отношений зависимых к их владельцам может представить наименьшие затруднения; в тех же общинах в Абживском округе, в коих можно ожидать наиболее запутанных и спорных отношений, а равно во всех общинах в Самурзакани, вышеозначенные сведения должны быть собираемы Вами совокупно с упомянутыми двумя лицами, причем старший из трех в чинах исполняет обязанности председателя имеющей таким образом составиться Комиссии. Собранные Вами и этою Комиссией сведения в Абживском округе и Самурзакани также имеют быть представлены начальнику Сухумского военного отдела и в Кавказское горское управление.

12. Вместе с представлением собранных сведений Вы представляете подписанные окружными начальниками или членом от Окружного управления, окружными судьями и Вами (а по Абживскому округу Комиссиею) постановления относительно цен, которыми выражается стоимость каждой из отбываемых зависимыми сословиями округа статей натуральных повинностей.

13. Ввиду настоятельной необходимости и выраженного Его Императорским Высочеством Главнокомандующим желания окончить в скорейшем времени решение вопроса об освобождении зависимых сословий в горских обществах, занятия свои Вы должны производить сколь возможно поспешнее с тем, чтобы исполнение поручения Вашего продолжалось во всяком случае не далее конца сентября месяца.

14. Желательно, чтобы по прибытии в Тифлис, независимо от собранных по каждой общине частных сведений, Вы представили особую записку, в которой выразили бы общий взгляд на характер отношений зависимых сословий к их владельцам и на их поземельные права и отношения и при этом представили бы также и предложения свои относительно наиболее соответственных способов и средств к прекращению личной зависимости в Абживском округе и Самурзакани.

15. По исполнении настоящего поручения Вы имеете получить от приходорасходчика Кавказского горского управления жалованья из оклада 800 руб. в год за три месяца, начиная с 1 июля по 1 октября - 200 руб., суточных, считая по 2 руб. в сутки, за то же время - 184 руб., на разъезды и канцелярские расходы - 200 руб., на непредвиденные расходы - 100 руб. и на наем переводчиков - 75 руб.; по всем означенным статьям безотчетно всего семьсот пятьдесят девять рублей серебром.

С подлинным верно: столоначальник (подпись)

7. *Письмо начальника Терской области ген. Лорис-Меликова [20] от 20 июля 1866 г. за № 22 председателю Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области коллежскому советнику Кодзокову [21] о нежелательности отправить Кабардинскую депутацию в Турцию, для выяснения положения горских переселенцев*

Поспешаю ответом на письмо Ваше от 19 июля. По делу облегчения исхода холопского вопроса предложение, сделанное князем Атажукиным и подполковником Анзоровым, о посылке депутатов в Константинополь для последующего убеждения остального населения Кабарды в том, что Порта не соглашается больше принимать горцев и что жизнь переселенцев там незавидна, совершенно невыполнимо. Меру эту я считаю неприличной для правительственного достоинства, потому что вслед за

официальным объявлением Портою желания не принимать переселенцев я не могу себе представить той роли, в которую будут поставлены кабардинские депутаты, входящие, как бы с разрешения нашего, в переговоры с константинопольскими властями о принятии их в Турцию. Вы согласитесь, конечно, что допущение подобной меры послужит как бы признанием нашего бессилия в управляемой стране.

Нельзя также ожидать от депутации никаких полезных результатов в том случае, когда бы она убедилась на месте в лишениях и неудобствах, которым подверглись кавказские переселенцы в Турции.

Такое сведение, привезенное депутатами, будет не новостью для благомыслящих кабардинцев: они давно уже знают об этом как из письменных, так и из устных заявлений; что же касается легковерной части населения, то их не трудно будет уверить, что возвратившиеся из Турции подкуплены нами по примеру Атажукина и Анзорова, и потому только дурно отзываются о Турции. Вы знаете ближе меня, что для подобного слуха достаточно одного или двух негодяев говорунов.

Усматривая из заявлений князей Атажукина и Анзорова, людей передовых в кабардинском населении, невозможность облегчить, как предполагал я, некоторыми местными административными мерами исход вопроса о холопах, освобождение которых, так или иначе, должно состояться во всяком случае,- я прошу Вас ограничиться исключительно собранием лишь тех сведений, которые требуются Высочайше утвержденным Комитетом и приведением в систему данных, имеющихся уже в Окружном управлении, как то: численности холопов, видах зависимости их и повинностей, которыми они обязаны.

Впредь до решения холопского вопроса Комитетом и обнародования Высочайшей воли начальнику Кабардинского округа приказано мною строго поддерживать существовавшие доныне отношения между владельцами и холопами, подвергая наказанию, несмотря ни на какую численность, всех тех, которые будут замечены в желании нарушить этот порядок.

В письме Вашем от 19 июля говорится еще о другом вопросе, а именно, что население винит своих представителей, которые, удержав от выхода в прошлом году в Турцию, повергли их в бедственное состояние, получив за такую угодливость также вознаграждение деньгами и явно в частную собственность участки из той земли, которая составляет общественное достояние. Мне кажется, что едва ли нужно обращать внимание на подобные толки, во-первых, потому что возобновление вопроса об уходе в Турцию может лишить кабардинцев всякого права на землю, а во-вторых, не допускаю, чтобы они не знали главных оснований решенного поземельного вопроса о десятой части, не входящей в надел аульного общества, и о 18 тыс. десятин запасной земли. •/«•••!•; „нN°'»!< "•(•>'•!• <

Основываясь даже на этих данных, правительство всегда сочтет себя вправе образовать собственников из тех личностей, которые будут им признаны достойными.

С подлинным верно: поручик Никольский

Копия настоящего письма передана лично правителю канцелярии начальнику Кабардинского округа.

Поручик Никольский

8. *Циркуляр канцелярии начальника Терской области от 23 июля 1866 г. за № 27 начальнику Кабардинского округа о сборе дополнительных сведений о зависимых сословиях в Кабарде*

Учрежденный с Высочайшего разрешения под председательством генерал-адъютанта Карцева Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, признав имеющиеся в настоящее время общие сведения о различных видах отношений, коими зависимость эта выражается, не вполне достаточными для полного решения предстоящего ему вопроса, возложил на Кавказское горское управление обязанность собрать все необходимые для этого данные.

Вследствие рапорта об этом начальника Кавказского горского управления от 8 июля за № 3292, Канцелярия по поручению Его Превосходительства просит Ваше Высокородие о том, чтобы собраны были и доставлены в оную следующие сведения в отношении горского населения вверенного Вам округа:

1) Поименные аульные списки по округам и лиц, владеющих бесправными рабами, различных наименований (например, унауты в Кабардинском округе), с обозначением, к какому сословию лица эти принадлежат и с показанием имен, пола и возраста принадлежащих каждому из них рабов. При наименовании владельцев могут быть показываемы только главы отдельных семейств, владеющих рабами, а при определении возраста последних нет надобности в совершенно строгой точности, а можно разделить их вообще на следующие пять разрядов: 1-й - старики от 50 и более лет; 2-й - пожилые от 40 до 60 лет; 3-й - взрослые от 20 до 40 лет; 4-й - молодые от 10 до 20 лет и 5-й - дети моложе 10 лет. При списках' рабов должны быть приложены сведения о тех ценах, по которым продавались и были отпускаемы на волю рабы, соображаясь с полом и возрастом их.

2) Такие же поименные списки лиц, владеющих крестьянами разных наименований (как логанауты, оги, кавдасарды и другие),

с показанием числа семейств каждого из этих видов по каждому селению отдельно. При этом необходимо дабы приведены были в полную ясность повинности, коими, на основании обычая, все вообще крестьяне известного вида и одного селения обязаны своим владельцам, а если в одном и том же селении существуют отступления от общей нормы, показать в каждом селении или отдельные нормы категории повинностей, при разнообразии их, наибольшую и наименьшую повинность. Независимо от этого в каждом селении и в классе зависимых (кроме рабов) должно выбрать для примера по три семьи и, составив им поименный список с обозначением пола и лет, подробно описать повинности, действительно отбываемые каждою из этих семей. Кроме того, должна быть произведена и доставлена одновременно с вышеозначенными сведениями примерная оценка этих повинностей, для того чтобы можно было составить соображения как о количестве годового денежного взноса, которым следует обязать холопов в отношении владельцев, так и о нормальных ценах для совершенного выкупа холопами этих повинностей.

Вышеозначенные сведения во всей их подробности Его Превосходительству генерал-адъютанту Лорис-Меликову угодно, чтобы были представлены в Канцелярию отнюдь не позже 10-го будущего августа месяца.

9. Предписание канцелярии начальника Терской области от 23 июля 1866 г. за № 28 председателю Комиссии по правам личным и поземельным горского населения Терской области Кодзокову о сборе сведений о зависимых сословиях в Кабарде

Так как Его Превосходительству начальнику области угодно было поручить Вашему Высокоблагородию сбор сведений, требуемых Комитетом по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа и приведение в систему сведений, уже доставленных начальником Кабардинского округа, то вместе с сим предложено полковнику Нуриду оказать Вам полное содействие к успешному выполнению возложенного на Вас поручения.

При этом считаю необходимым присовокупить, что крайним сроком для представления начальнику области сведений о зависимых сословиях Кабардинского округа назначено 15-е число будущего августа месяца.

Приложение: Копия с отзыва канцелярии к начальнику Кабардинского округа от 23 июля за № 27.

10. Предписание канцелярии начальника Терской области от 23 июля 1866 г. за № 29 начальнику Кабардинского округа об оказании возможной помощи

председателю сословной комиссии Кодзокову при сборе сведений о зависимых сословиях в Кабарде

Вследствие требования Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа о доставлении сведений, какие именно виды отношений существуют в настоящее время между зависимыми сословиями и их владельцами, начальнику области угодно было поручить собрание сведений о зависимых сословиях вверенного Вам округа председателю Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области.

Сообщая Вашему Высокоблагородию об этом, канцелярия по поручению Его Превосходительства просит Вашего распоряжения об оказании коллежскому советнику Кодзокову полного содействия к успешному выполнению возложенного на него поручения.

11. Предписание канцелярии начальника Терской области от 23 июля 1866г. за № 30 начальнику Кабардинского округа с приложением протокола первого заседания комитета по освобождению зависимых сословий в горских областях Кавказа

Канцелярия по поручению Его Превосходительства начальника области препровождает при этом Вашему Высокоблагородию для сведения и руководства копию с предписания, данного Его Императорским Высочеством Главнокомандующим Кавказскою армией на имя председателя Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, и экземпляр заседаний Комитета.

Поручик Никольский

12. Отношение комитета по освобождению зависимых сословий у горских народов от 2 июля 1866 г. за А[1]» 4 начальнику Терской области об организации комитета с приложением протокола первого заседания его

Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией, в видах скорейшего и более правильного уничтожения крепостной и других родов зависимости в горских обществах Кавказа, изволил учредить особый, под моим председательством Комитет для обсуждения способов и средств, долженствующих лечь в основание освобождения лиц зависимых сословий.

Распоряжение это 16-го числа прошлого мая месяца удостоилось Высочайшего Государя Императора утверждения.

Сообщая о вышеизложенном Вашему Превосходительству для сведения, препровождаю при сем в одном экземпляре копии: с предписания, данного на мое имя Государем Великим Князем, и журнала первого заседания Комитета.

При этом имея в виду, что кроме отношений собственно крепостных, подробный сбор которых возложен, как Ваше Превосходительство усмотрите из журнала Комитета, на Кавказское горское управление, существуют в некоторых местностях особые отношения, проистекающие из особой административно-полицейской зависимости управляемых к правителям из туземцев же и что отношения эти в настоящее время не должны уже иметь место, прошу Ваше Превосходительство доставить Комитету сведения: существует ли еще до вверенной Вам области подобного рода зависимость, в каких именно обществах и чем именно выражающаяся, и в то же время не оставить сообщить соображения Ваши о том, каким порядком Вы признаете удобным прекратить эти отношения.

О сформировании и открытии действий Комитета вместе с сим поставлен в известность и начальник Среднего отдела вверенной Вам области.

Председатель генерал-адъютант Карцов
Член-делопроизводитель полковник Павлов

13. Предписание Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила от 16/17 апреля 1866 г. за № 1759 генералу Карцову об организации при наместнике особого комитета по крестьянским делам и о его личном составе

Во исполнение Высочайшей воли о принятии мер к постепенному уничтожению крепостной зависимости в Наместничестве Кавказском, в настоящее время состоялось уже, на выработанных сообразно с местными условиями началах, освобождение крестьян и других зависимых сословий разных наименований в губерниях Тифлисской и Кутаисской и составляются соображения о порядке, которым может быть совершено это освобождение в Мингрелии.

Положив, таким образом, прочное начало этому делу относительно населения Закавказского края, подчиненного Гражданскому Управлению, я считаю необходимым и своевременным приступить теперь же к разработке тех начал и способов, которые должны лечь в основание освобождения зависимых сословий и во всех горских племенах Кавказа, состоящих под управлением военного ведомства.

Настоящее твердое положение администрации нашей среди горских обществ, ряд мер, предпринятых в течение последних трех лет к упрочению благосостояния этих племен и связи их с империею, наконец, проникшее уже в массу горского населения сознание необходимости изменения общественного быта их, служат лучшим ручательством возможности достигнуть разрешения этого вопроса без потрясений общественного порядка и без расстройства хозяйственных интересов владельческих классов.

Поручая особой заботливости Вашей ведение этого дела во всем его объеме и подробностях, предлагаю Вам: для выяснения и обсуждения всех данных относительно настоящего положения и быта лиц зависимых и их владельцев и составления правил и положений, на основании которых должно быть осуществлено уничтожение крепостной зависимости в горских племенах Кавказа, организовать в Тифлисе иод Вашим председательством Особый Комитет, постоянными членами которого назначаю: помощника начальника Штаба Кавказского Военного округа, Генерального Штаба генерал-майора Богуславского, управляющего канцелярией по делам устройства крестьян в Закавказском крае действительного статского советника князя Туманова, начальника Кавказского горского управления полковника Старосельского и состоящего для особых поручений при мне, по званию главнокомандующего Кавказскою армией, Генерального Штаба полковника Черкесова и членом-делопроизводителем — помощника начальника Кавказского горского управления Генерального Штаба подполковника Павлова.

Независимо от этих лиц в трудах Комитета имеют [право] участвовать непосредственно, во время нахождения в Тифлисе, начальники областей, кутаисский генерал-губернатор и начальники отделов военно-народных управлений.

Для облегчения же и ускорения собрания всех необходимых Комитету сведений, ему предоставляется входить в непосредственные сношения со всеми инстанциями военно-народных управлений, а в необходимых случаях - вызывать через надлежащее начальство для личных объяснений как начальников округов, так и заслуживающих доверие туземцев из владельческого класса в качестве экспертов.

Предоставляя установление определенного порядка занятий усмотрению самого Комитета, я остаюсь уверенным, что под руководством Вашим действия Комитета по выполнению возлагаемых на него обязанностей послужат окончательному упрочению в горцах доверия к заботливости правительства о благе их.

->! Подписал: Главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдцейхмейстер Михаил
С подлинным верно: подполковник Павлов

14. Журнал Главного комитета по освобождению зависимых сословий у горских народов от 4 июня 1866 г. за № 1

№ 1

Заседание 4 июня 1866 г.

Присутствовали:

Председатель: генерал-адъютант Карцов.

Члены: генерал-майор Богуславский, действительный статский советник князь Туманов, полковник Старосельский, полковник Черкесов, подполковник Павлов.

По открытии заседания прочтением распоряжения Его Императорского Высочества Главнокомандующего армиею о сформировании Комитета и последовавшего 16 мая сего года Высочайшего по сему предмету утверждения Председателем заявлено было Комитету, что Его Императорскому Высочеству угодно было выразить, чтобы Комитет при обсуждении предстоящего решения его вопроса о порядке выкупа повинностей зависимых сословий имел в виду, что из средств Государственного казначейства не может быть отделена никакая сумма в пособие на этот предмет тем из освобождаемых, кои, живя отдельным от владельцев хозяйством, не принадлежат к классу совершенно бесправных рабов, и что только последние могут рассчитывать на денежное участие правительства в их выкупе.

Затем Комитету предъявлены были все собранные до настоящего времени, вследствие предшествовавших распоряжений, сведения о родах и степенях зависимости, существующих в различных горских племенах и под различными наименованиями. Из сведений этих видно, что зависимые сословия существуют во всех главных отделах края, а именно: в Сухумском военном отделе и в областях Кубанской, Терской и Дагестанской, и что различные виды зависимости могут быть подразделены на три категории:

1) зависимость административная;
2) зависимость поземельная;
3) зависимость личная.

Первая из них, проистекая из тех полицейских и судебных прав, коими пользовались, а в некоторых местностях пользуются и поныне, отдельные личности или целые роды высших сословий, и служа выражением чисто административной подчиненности, влечет за собою иногда и материальные повинности.

Зависимость второго рода, т. е. поземельная, состоит в том, что лица одного сословия, пользуясь землею, принадлежащею лицам другого, обязаны отбывать землевладельцам известного рода повинности. • >- ?-

Наконец, третий род зивисимости выражается более или менее полной принадлежностью одной личности другой.

Из всех этих родов зависимости наиболее уясненными, хотя и не повсеместно, представляются в настоящее время различные виды зависимости личной. Так, видно, что в Абхазии существуют два класса таких лиц, под местными названиями *ахашала* (рабы) и *агуруа,* или *агырва* (крепостные).

Ахашала никаких - ни имущественных, ни семейных - прав не имеет, обязан выполнять в доме владельца своего все те услуги, которые от него потребуют, он состоит в полном распоряжении владельца и может быть продан во всякое время.

Зависимость агырва, составляющих собственно класс крестьян, выражается главным образом в праве владельца продавать их, в отбывании ими издольной повинности - в виде 3-дневной полевой работы в неделю, в личных услугах в доме владельца (в известных размерах) и в некоторых случайных приношениях. В то же время сам агырва имеет полное право собственности на все приобретенное им имущество (движимое и недвижимое). Сведения о том, в каком отношении этот последний класс находится к обрабатываемой им земле, а равно и сведения о численности как ахашала, так и агырва не приведены еще в известность. О том же, каковы суть сословия, обязанные личною зависимостью для Цебельды и Самурзакани, данных вовсе нет. В племенах Кубанской области разряды зависимых лично суть следующие:

Унауты (или холопы без прав, рабы). Полная бесправность личная и имущественная, совершенное лишение даже прав семейных служат отличительными признаками этого класса. Главную массу таких лиц составляют женщины, а общая численность всех унаутов доходит до 2900 душ.

Пшитли (или холопы с правами, крестьяне) [22]. Это многочисленный (до 15 тыс. душ обоего пола) класс зависимых, проживающих при дворах своих владельцев отдельным хозяйством, обрабатывающих землю, владельцами им указанную, и отбывающих более или менее определенные повинности естественными произведениями и личными услугами. Первые не превышают половины приобретенных трудом шнитля произведений, вторые заключаются в известных занятиях женщин в доме владельца. Пшитль не имеет права собственности на движимое и недвижимое имущество; оно находится только в его пользовании и отчуждать его он не вправе. Члены семейства пшитля выдаются замуж и женятся по распоряжению владельца. Пшитль может быть продан, но не иначе, как в составе всей семьи и со всем его движимым имуществом, но если выкупается сам, то теряет свое имущество.

Третий разряд суть *оги* - крестьяне, живущие не во дворе своего владельца, а своим собственным хозяйством, имеющие право полной собственности над всем имуществом, ими самими

приобретенным, и отбывающие только в пользу владельца те же натуральные повинности, как и пшитли. Личная повинность для них заключается только в сопровождении владельца при его поездках в виде охраны. В отношении же прав семейных ог пользуется ими наравне со всяким свободным человеком; на этих же основаниях пользуются оги и общественными землями. Численность их доходит до 1080 душ обоего пола.

В Терской области наибольшее число лично зависимых сословий существует в Кабарде. Сходство организации общественного быта кабардинцев с черкесскими племенами Кубанской области вызвало почти те же условия зависимости крепостных сословий, как и в последней. Низшую степень между этими сословиями также занимают *унауты* (рабы) с подразделением их еще на особый вид - *хабзанша* - лиц, обращенных в унауты из сословия крестьян. Условия их зависимости ничем не отличаются от унаутской зависимости в Кубанской области. За ними следует сословие *логанаутов* - крестьян, живущих при дворах владельцев, но с особым хозяйством и семьею. Имея такие же ограниченные права в отношениях личном и имущественном, как пшитли Кубанской области, логанауты не имеют при этом никаких определенных обязанностей и в отношении повинностей своим владельцам. Они должны обрабатывать землю без всякой определенной нормы количества работы, и от произвола владельца зависит обратить весь труд логанаута в свою исключительную пользу, принимая на свое попечение содержание его и семьи. Вследствие этого - полная бесправность их на имущество, каким бы путем оно приобретено ни было. К этому присоединяется еще право владельца (если он князь) взять из большой семьи логанаута одно лицо мужского пола для услуг в доме (льгава) на неопределенное время.

Высший разряд суть те же оги, как и в Кубанской области, живущие отдельно от своего владельца, входящие в состав аульных обществ и пользующиеся теми же правами на общественные земли, как и свободные сословия. Только в правах имущественных есть существенные отступления. *Ог* кабардинский сохраняет все свое имущество только при продаже семейства его другому лицу; желая же выкупиться от своего владельца, он кроме выкупной платы оставляет, подобно логанауту, все имущество в пользу владельца. Повинности, отбываемые им, суть: естественными произведениями (по арбе проса с пары быков, 10 арб дров, 1 баран), издольная (5 дней в году косить на владельца), личная (ночной караул общественного табуна за владельца) и случайные (дары при женитьбе владельца, работы при постройке дома и другие).

По приблизительным данным, численность всех лично зависимых сословий в Кабарде простирается до 10 тыс. душ обоего пола.

Затем, относительно зависимых сословий в прочих племен Терской области имеются только указания на существование их в Горских обществах Кабардинского округа, в Малой Кабарде (в значительном числе), в Осетии и в Кумыкском округе (до 1200 душ обоего пола); но каковы суть виды этой зависимости - неизвестно.

В Дагестане лично-зависимые сословия состоят из двух видов:

кулы и *караваши* (рабы и рабыни) - совершенно одинаковы по бесправности и полной зависимости от своих владельцев с унаутами; они составляют домашнюю прислугу при дворах владельцев и обязаны исполнить все требования последних без всякого ограничения;

чагары - суть крестьяне лично-зависимые, но поселенные на землях вадельцев отдельным хозяйством, причем, однако, никаких прав на землю не имеют и сохраняют за собой при продаже только имущество, трудом своим приобретенное. Повинности их двух родов: естественными произведениями и издольная. Первая заключается в арбе дров, мерке пшеницы и баране в год; последняя не определена совершенно и зависит от воли владельца.

Чагары, кулы и караваши, из которых первые существуют только в Северном Дагестане, могут быть продаваемы, и общая численность их доходит до 470 душ обоего пола.

Зависимость административная существует еще в настоящее время в Абхазии между званием *ахалапшую* - старшины общины (или по выбору народа, или по назначению прежнего владетеля Абхазии) и членами общины - хыпши; в Кабарде в отношениях аульных владельцев к аульным обществам и князей к их узденям, а в Дагестане - в отношении известных бекских фамилий, преимущественно управляющих некоторыми деревнями.

Поземельная зависимость, сколько известно, существует только в Дагестане, в трех видах. К первому относятся свободные поселяне (уздени), живущие на землях, принадлежащих бекам, с правом наследственного пользования этими землями и обязанностью нести однажды установленные обычаем повинности. Второй вид составляют два селения - Лудгун и Ялаг (Самурского округа),- население которых несет своим бекам повинности натуральными произведениями и издольную. Повинности эти отбываются не известному лицу, а целому роду, и первая из них составляет 75 саб пшеницы на селение, а вторая - 3-дневную работу в год на каждый дым, с определенными ограничениями характера и периода работ. Наконец, третий вид представляет раятская зависимость в Кайтаго-Табасаранском округе [23]. Сословие *раятов* проживает на землях, бекам принадлежащих, и члены его имеют право на землю, ими обрабатываемую, ограниченное лишь возможностью продажи ее не иначе, как жителям своего

42 Заказ № 106

же селения; кроме того, раяты лишены права перехода из одного селения в другое без согласия бека и обязаны, при подобном переселении, оставлять в пользу последнего все свое недвижимое имущество. Повинности, несомые ими своим бекам, заключаются: в Табасарани - в повинности натуральными произведениями (по 6 саб пшеницы, одной арбе сена и в определенном размере от стад баранов, урожая фруктов, орехов, марены и проч.), в повинности издольной (до 8 дней в году полевых работ) и личной (в отбывании конной службы при беке и предоставлении ему пользоваться услугами сирот до их совершеннолетия). В Кайтаге повинности естественными произведениями определены в 30 саб ячменя и пшеницы с пары рабочих быков.

В других же частях края, населенных кавказскими горцами, сколько по имеющимся сведениям известно, поземельной зависимости между сословиями не существует, и в большей их части земля составляет нераздельное достояние целого общества. По различию местностей она находится только в постоянном пользовании или аульных обществ, или отдельных семейств.

Рассмотрев эти сведения, Комитет пришел к заключению, что, хотя из них и можно вывести общее понятие о существующем разделении лично-зависимых сословий на два резко отличающиеся между собою класса: лиц бесправных (рабов) и земледельцев, пользующихся некоторыми имущественными и личными правами, но как на данных этих, по неполноте их, не предстоит возможности основать подробные соображения о способах и средствах соответственной замены одних повинностей и полного уничтожения других, и как в то же время необходимо, дабы меры к правильному устройству существующих ныне отношений между владельцами и подвластными их, в особенности классом бесправных лиц, были приняты одновременно во всех горских племенах, в военном управлении состоящих, то предстоит прежде всего озаботиться собранием всех необходимых дополнительных сведений тем официальным путем и в том порядке, который признан будет удобнейшим Кавказским горским управлением, так как в распоряжении этого Управления находятся все административные к тому средства.

При этом Комитетом поставлено, дабы к следующему заседанию представлены были на его .рассмотрение формы, в каких сведения эти должны быть составлены.

Независимо от этого, усматривая из представленных ему сведений, что отношения, существующие в Дагестане между поселянами, водворенными на бекских землях (раяты в Кайтаго-Табасаранском округе, свободными узденями в Северном Дагестане и Самурском округе), требуют непременного приведения их в ясность для точного определения степени личной в этих отношениях зависимости, Комитет признал необходимым одновременно с истребованием вышеозначенных сведений о лично зависимых сословиях истребовать и обстоятельные разъяснения этих отношений, обратив главное внимание на то, насколько стеснена при этом личная свобода зависимых. Имея же сведения о том, что такого рода отношения могут существовать и в некоторых обществах Осетии, Комитет положил: выяснить предварительными сношениями с местного властью характер отношений этих в той местности.

Что же касается до зависимости административной одного сословия от другого или от частных лиц, то, по мнению Комитета, дальнейшее ее существование не соответствует настоящему порядку вещей, при котором правительство, приняв на себя управление народом, не может уже терпеть какой-либо другой власти, не им поставляемой; но, не постановляя по этому поводу окончательного решения, Комитет полагает необходимым войти в сношение с главным местным начальством для разъяснения порядка уничтожения этой зависимости. Так как к числу лиц, пользующихся административными правами, могут быть причислены шамхал Тарковский [24] и хан Мехтулинский [25], то Комитет считает нужным оговорить, что вопрос о рассмотрении их прав не будет подлежать его обсуждению; но отношения их к зависимым сословиям, не административные, будут рассмотрены Комитетом на общем основании.

Во внимание к необходимости скорейшего уяснения всех вышесказанных данных Комитет полагает: окончательным сроком представления ему полных сведений, им требуемых, назначить сентябрь месяц сего года.

Подписали:

Председатель: генерал-адъютант Карцов
Члены: генерал-майор Богуславский,
действительный статский советник князь Туманов,
полковник Старосельский, полковник Черкесов,
подполковник Павлов

С подлинным верно: подполковник Павлов

15. Рапорт Кавказского горского управления от 11 июля 1866 г. за № 3332 начальнику Терской области о запрещении продажи крепостных крестьян и их перехода из одного места на другое

Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией, ввиду возбужденного уже вопроса об освобождении всех зависимых сословий в горских племенах Кавказа и для предупреждения затруднений, могущих встретиться при сборе сведений об зависимых сословиях и принадлежности лиц этих сословий известному владельцу, изволил воспретить продажу, дар, всякого рода отчуждения и переход из одного местожительства на другое лиц всех видов зависимых сословий, не только

из пределов одних областей и округов в пределы других, но и внутри округов переход из одной общины в другую.

Уведомляя об этом Ватпе Превосходительство для объявления настоящего приказания Его Высочества местным властям к руководству, считаю долгом присовокупить, что отчуждение и перемена места жительства лиц зависимых сословий возможны единственно лишь при полном освобождении последних по выкупу или без оного и притом с ведома ближайшей местной власти.

Начальник Управления
полковник Старосельский
Столоначальник (подпись)

16. Циркуляр канцелярии начальника-Терской области от 24 июля 1866 г. за № 35 начальнику Кабардинского округа о прекращении продажи зависимых сословий и передвижения их из одного места на другое без ведома местной администрации

Кавказское горское управление рапортом от 11 июля за № 3332 доносит начальнику области, что Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией, ввиду возбужденного уже вопроса об освобождении всех зависимых сословий в горских племенах Кавказа и для предупреждения затруднений, могущих встретиться при сборе сведений о зависимых сословиях и при принадлежности лиц этих сословий известному владельцу, изволил воспретить продажу, дар, всякого рода отчуждения и переход из одного места жительства на другое лиц всех видов зависимости, не только из пределов одних областей и округов в пределы другого, но и внутри округов - переход из одной общины в другую.

Канцелярия, по поручению Его Превосходительства, уведомляя об этом Ваше Высокоблагородие для сведения и надлежащего руководства, считает нужным присовокупить, что отчуждение и перемена места жительства лиц зависимых сословий возможны единственно лишь при полном освобождении последних по выкупу или без оного и притом с ведома ближайшей местной власти.

1 7. Приказ начальника Терской области по войскам и управлениям Терской области от 31 июля 1866 г. за № 100 о запрещении продажи холопов

Его Императорское Высочество Главнокомандующий Кавказскою армией ввиду возбужденного уже вопроса об освобождении всех зависимых сословий в горских племенах Кавказа и

для предупреждения затруднений, могущих встретиться при сборе сведений о зависимых сословиях и принадлежности лиц этих известному владельцу, изволил воспретить продажу, дар, всякого рода отчуждения и переход из одного места жительства на другое лиц всех видов зависимости, не только из пределов одних областей и округов в пределы других, но и внутри округов переход из одной общины в другую.

Настоящее приказание Его Высочества Государя Великого Князя, объявляя для сведения и руководства по войскам и управлениям вверенной мне области-, присовокупляю, что отчуждение и перемена места жительства лиц зависимых сословий возможны единственно лишь при полном освобождении последних по выкупу или без оного и притом с ведома ближайшего местного начальства.

Подлинный подписал
начальник Терской области
генерал-адъютант Лорис-Меликов

18. Предписание канцелярии начальника Терской области от 24 июля 1866 г. за № 32 начальнику Кабардинского округа с требованием дать сведения о лицах, находящихся в административно-полицейской зависимости от туземных владетелей

Высочайше утвержденный комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, имея в виду, что, кроме отношений собственно крепостных, существуют в некоторых местностях края особые отношения, проистекающие из административно-полицейской зависимости управляемых к правителям из туземцев и что отношения эти в настоящее время уже не должны иметь места, просит начальника области доставить сведения: существует ли еще в Терской области подобного рода зависимость, в каких именно обществах и чем эта зависимость выражается.

Сообщая Вашему Высокоблагородию о вышеизложенном, канцелярия, по поручению Его Превосходительства, просит Вас предоставить генерал-адъютанту Лорис-Меликову сведения, требуемые Комитетом, и вместе с тем изложить Ваше мнение относительно того, каким порядком полагали бы Вы прекратить особые зависимые отношения, проистекающие, как сказано выше, из административно-полицейской зависимости управляемых к правителям из туземцев.

19. Письмо начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 2 августа 1866г. за № 1500 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову

с просьбой принять депутацию от кабардинского народа по вопросу освобождения холопов в Кабарде

Жители вверенного мне округа убедительнейше просят позволения Вашего Превосходительства отправить к Вам депутацию от народа по поводу освобождения холопов в Кабарде.

Я со своей стороны признаю необходимым и полезным отправление к Вам этой депутации, чтобы убедить народ в неизбежной необходимости освобождения теперь же зависимых сословий от рабства.

Так как народ весь в сборе в Нальчике и полевые работы совершенно окончены, покорнейше имею честь просить Ваше Превосходительство не оставить приказанием относительно просьбы жителей вверенного мне округа.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

Александр Нурид

20. Докладная записка [2в] выборных Большой и Малой Кабарды и горских обществ от 8 августа 1866г. начальнику Терской области об освобождении зависимых сословий в Кабарде за выкуп на основании взаимных между феодалами и зависимыми крестьянами соглашений

Нам объявлено, что правительство намерено приступить к освобождению на Кавказе зависимых сословий.

Как ни труден должен казаться нам такой неизбежный переворот в нашем быту,- уповаем, что он совершится попечительностью Вашего Превосходительства и неисчерпаемыми благодеяниями Всемилостивейшего Государя Императора и Августейшего Его наместника с возможно меньшими для нас невыгодами.

Ободряемые внимательностью Вашею к нашим нуждам, которую мы всегда в Вас находили, в настоящем важнейшем предмете нашего существования мы принимаем смелость изъяснить:

Холопское и зависимое сословие в Кабарде Большой и Малой и в соседних горских обществах гораздо многочисленнее и в видах своих разнообразнее, чем во всех других округах. Обычай, установившийся у нас веками, определяет ясно права владельцев и обязанности зависимых; некоторое наше внешнее развитие и небольшие наши средства были причиной того, что отцы наши, да и каждый из нас, без различия сословий, с приобретением некоторого довольства, спешил купить себе холопов и их работою обеспечить спокойствие свое в жизни, и тот между нами считается в нужде, кто не успевал купить холопки, по крайней мере, для домашней прислуги. Вследствие же наших нравов допущена между нами весьма малая свобода наших

женщин, не покидающих своих домов, почему все женское хозяйство поручается надзору дворовых прислужниц, составляющих особое сословие безобрядных, или бесправных - холопок-унауток. Такое их положение, не известное просвещенным народам, причинило и дорогую их ценность, собственно в тех видах, чтобы значительная плата за их выкуп затрудняла приобретение ими свободы и обеспечивала нам их услуги, а потому лишить нас внезапно услуг холопов, а в особенности домашних прислужниц, значит повергнуть нас в крайнее положение и непременную нищету, ибо вследствие наших же нравов ни одна свободная женщина ни за какую плату не согласится взять на себя обязанность унаутки, считая ее не свойственною свободной женщине; мужчину-работника нанять между нами еще можно, но работницы-женщины нельзя найти ни за какую цену, ибо понятие о плате за женский труд у нас не существует.

Между нами принят один вид освобождения - выкуп, подробности которого указываются народным нашим обычаем: выкупившиеся холопы получают название вольноотпущенников с свойственными их сословию правами, и хотя они нам ничем вещественно не обязаны, но все они остаются в добрых с нами отношениях, всякий же другой вид свободы, получаемый холопом, имеет те последствия, что освободившиеся люди надолго чувствуют к себе нерасположение общества и само собою платят ему такою же неприязнью.

Во времена генерала Ермолова из Кабарды многие по дикости своей, другие из опасения только новизны, покидали родину и скрывались к непокорным. К прекращению побегов установлено было, что холопы, бежавшие из Кабарды, получали свободу; таким образом составилось население в 200 дворов, известных под названием вольноаульцев, которое, несмотря на совершенную свою невинность в постигшем несчастии их владельцев, пользовалось всегда незаслуженным нерасположением других кабардинцев, которое продолжается отчасти доныне, а потому, кроме вещественной потери в холопах значительного капитала, тяжелой и очень труднозаменимой утраты услуг холопов и унаутов, мы имеем все причины ожидать, что освобождение их вопреки установившимся у нас способам получения свободы поведет к неприязненным отношениям освобожденных людей и прежних их владельцев, могущим быть поводом к несчастью многих людей с обеих сторон, ибо по дикости нашей потребуются строгие меры и тяжкие наказания для удержания озлобленных страстей.

Столь неутешительные ожидания, которые будут прискорбны пекущейся о благосостоянии нашем власти, побуждают нас по столько важному предмету представить Вашему Превосходительству соображения наши, кои мы могли получить по размышлении о более удобных мерах к исполнению воли пра-

вительства и сохранению нашего общего спокойствия и владельческих интересов:

Предоставить нам время от 1 до 2 лет для освобождения зависимых сословий и обрядных холопов по взаимному соглашению владельцев с людьми тех сословий и с тем, что, согласившись в цене выкупа, по возможности уменьшенного против того, который был доселе принят, зависимое лицо получает личную свободу и до окончания своего расчета исполняет в отношении своего прежнего владельца лишь те обязательства, которые войдут в взаимные условия, долженствующие совершаться с ведома местной у нас власти.

Если же случилось бы, что взаимного и общего соглашения к таковому способу освобождения не состоялось, то мы, владельцы, обязываемся с своей стороны, пригласив депутатов от холопов и черного народа, составить приговором норму уменьшенного выкупа для каждого вида зависимого сословия с обязательством исполнить таковой с нашей стороны - по утверждении приговора начальством.

Точно так же предоставить свободу и домашней прислуге - унаутам, заключающейся наиболее в женщинах, с тем, что за свободу свою они обязаны будут, смотря по оценке стоимости и оценке годовой платы за услуги таких лиц, прослужить в семействах своих владельцев от 6 до 8 лет и с правом, что женщины эти могут избрать себе то семейство, какое они сами пожелают и где ее захотят принять; при взносе же ею денег при замужестве или иными путями, она немедленно получает полную свободу и может оставаться, где ей угодно.

Нам кажется, что такими средствами состоится освобождение без нарушения порядка в нашем обществе и составится из прежних холопов и зависимых людей сословие отпущенников, не чуждых и не враждебных нашим понятиям.

Для большего и вернейшего успеха в нашем предположении, мы просим, чтобы, разрешая нам изложенную здесь просьбу, установлено было, что если в течение допускаемого срока к выкупу по обоюдным соглашениям владельцев и отпускаемых выкуп не состоится по чьей-либо вине, то в таком случае, если упущение это по разбору местного властью, в ведении которой совершаться будут соглашения, окажется со стороны владельца, то он теряет право на всякое вознаграждение; если же будет доказано упрямство или нежелание в совершении соглашения на выкуп холопа, то таковой выслан будет из родины, с причислением в государственные крестьяне одной из губерний внутри России.

Такая более всего споспешествующая выкупу мера так будет, по мнению нашему, действительна, что мы уверены в необходимости лишь нескольких примеров взыскания, чтобы взаимные соглашения следовали самым успешным образом.

Повергая неотступную просьбу нашу на усмотрение Вашего Превосходительства, заключаем ее повторением нашей надежды на доброе расположение Ваше к нашим нуждам и полному желанию спокойствия нашего племени.

Подписи с приложением именных печатей: полковник князь Атажукин, полковник Батырбек Тамбиев, подполковник князь Касаев, подполковник Анзоров, майор Астемиров, майор Тяжгов, майор Шипшев, капитан Адиль-Гирей Анзоров, штабс-капитан Куденетов, ротмистр князь Тлостаналиев, подполковник Али Тамбиев, подпоручик князь Наурузов, прапорщик Коголкин, Касым Эристаов, юнкер Уважук Шерсужев, поручик Заракуж Тамбиев, юнкер Хажимет Шамборов, Пак Тыжев, юнкер князь Тембот Мисостов, Асхад Бабугов, Уважуко Шогенов, Герандуко Шогенов, П. Даутоков, Цура Таукешев, Абдурахман Кунижев, Закирей Пирхичев, штабс-капитан Кучмазукин, Магомет Мирза Тохтамышев, Машуко Дишеков, Эльмурза Лампежев, Шу Шогенов, Шу Мамхегов, Кучук Докшукин, Якуб Шенибов, поручик Эльбуздыко Булатов, поручик Исламов, прапорщик Кучук Хапцев, Жамбот Мирзаев, корнет Муртазов, Эльмурза Унароков, Хатохшуко Жилохожев, Индрис Тохов, Аслан мурза Анзоров, поручик Инал Анзоров, Уважук Абаев, корнет Шолох Аншев, Хаджибатыр Шогенов, подпоручик Колов, корнет Койсын Суншев, Мусса Барсбиев, Исмаил Момошев, юнкер Зураб Хогундоков.

21. Телеграмма начальника Терской области от 9 августа 1866 г. Главнокомандующему Кавказской армией об одобрении принципов, выдвинутых кабардинскими феодалами для освобождения зависимых сословий

Депутаты всей Кабарды в сборе у меня по холопскому вопросу. Сегодня представлена ими просьба об освобождении на следующих основаниях: объявление личной свободы, срочное переходное состояние для выкупа обязательным трудом или взносом денег. Заявления эти нахожу вполне удобоисполнимыми. Изготовив подробные соображения, буду иметь счастье представить таковые на усмотрение Вашего Императорского Высочества.

22. Телеграмма наместника Кавказского великого князя Михаила от 10 августа 1866 г. за № 56 начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову

с выражением благодарности кабардинским феодалам за содействие правительству в проведении освобождения крестьян

Буду ожидать подробного донесения, благодарю кабардинцев за содействие правительству. Из Абхазии лучшие известия, не дерутся, начинают изъявлять покорность, завтра еду Сухум для встречи Константина Николаевича.

Михаил

Верно: Шмидт

23. Докладная записка [27] представителей и уполномоченных кабардинского народа начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову об освобождении зависимых сословий в Кабарде

Разрешение Его Императорским Высочеством, Главнокомандующим армиею поданной нами Вашему Превосходительству 8 августа нынешнего года, в Кисловодске, просьбы об освобождении зависимых сословий в Кабарде на основании наших обычаев, путем добровольного соглашения, мы принимаем как особенную милость и благоволение Его Высочества к кабардинскому народу.

Хотя с освобождением крепостного сословия, при нашем общем незнакомстве с хозяйством и еще менее — с вольнонаемным трудом, предстоит нам большая потеря в экономическом отношении и неизбежный переворот в общественном быту, но некоторые из нас освободили уже своих холопов по обоюдному добровольному соглашению, а теперь, не медля, готовы приступить и к освобождению всех остальных. При полном и искреннем желании нашем исполнить волю правительства, мы, для успешнейшего и непременного окончания в продолжение 1 1/2-го Дичного срока дела освобождения зависимых в Кабарде, с надеждой на постоянную заботливость Вашего Превосходительства к нуждам нашим, решаемся просить ходатайства Вашего о разрешении образовать при каждом участковом управлении посреднический суд, под председательством начальника участка, из двух выборных от владельцев и крепостного сословия и по одному из кандидатов членов Окружного Народного Суда, дабы в означенные суды поступали на рассмотрение все добровольные сделки между владельцами и их крепостными по предмету освобождения последних на волю и окончательные условия, заключенные на основании состоявшихся в посреднических судах соглашений, по обсуждении их в Окружном Народном Суде, получали в нем окончательное утверждение.

На случай же непредвиденных затруднений в добровольных соглашениях между владельцами и их крепостными, представляя на благоусмотрение Вашего Превосходительства проект правил для освобождения зависимых сословий, просим Вашего утверждения и разрешения применять его, как нормы, при встрече каких-либо недоразумений со стороны владельцев или крепостных.

Подписи с приложением именных печатей:

полковник князь Атажукин, полковник князь Касаев, полковник Анзоров, штаб-ротмистр князь Таусултанов, штабс-капитан Куденетов, поручик Исламов, капитан Анзоров, подпоручик князь Наурузов, подпоручик Заурбек Астемиров, подпоручик Жамбот Дерев, прапорщик Пшемахо Коголкин, юнкер Хажимет Шанбаров, узденъ Цура Тавкеяев, узденъ Алимурза Хапцев, узденъ Жамбот Мирзаев, узденъ Исмайл Женоков, узденъ Герандуко Шогенов, узденъ Кайсын Эристаов, узденъ Пак Тыжев, поручик Эльбуздыко Булатов, подпоручик Кармов, майор Эдык Астемиров, узденъ Индрис Тохов, кабардинского Народного Суда депутат от зависимых сословий Машуко Дишеков

24. Проект Правил для освобождения зависимых сословий в Кабарде, представленный начальнику Терской области представителями владельческого и зависимого сословий

По существующим у нас обычаям, при освобождении на волю крепостного владелец получал от него все имущество и, сверх этого, выкупную плату, размер коей, простираясь до 500 руб. серебром и находясь в обратном отношении к ценности отданного владельцу имущества, определялся обоюдным добровольным соглашением.

Согласно же просьбе нашей, где заявлена готовность сделать крепостным возможные уступки, мы, вследствие тех разъяснений, которые указаны были нам начальником округа, полагаем, как весьма легкие и удобоисполнимые для крепостных при освобождении их на волю, следующие основания:

1. Размер выкупной платы:

а) за здорового и совершеннолетнего (от 15 до 45 лет) работника или работницу - 200 руб. серебром;

б) за работника и работницу от 4 5-летнего возраста, а равно за слабых, больных, дряхлых и калек, выкупная плата, сообразно способностей означенных крепостных к работе, определяется в посредническом суде;

в) за несовершеннолетних работника или работницу и вообще за детей обоего пола (до 15 лет включительно) до 10 руб. на каждый год малолетнего, т. е. до 150 руб.

2. Раздел имущества:

а) некях и десериг делится между владельцем и крепостными пополам;

б) из дидовос-белыма, считающегося неотъемлемою собственностью владельца, одна поступает к владельцу, а другая крепостному;

в) при выдаче владельцу частей из имущества крепостного принимается за правило, чтобы у каждого работника оставалось не менее пары быков и двух коров, как необходимейших средств для самого бедного хозяйства;

г) сакля и вся домашняя утварь остаются в нераздельной собственности крепостного.

3. По разделе имущества на вышеозначенных условиях между владельцем и крепостным и по внесении владельцу всей выкупной платы или по заключении с ним письменного обязательства о внесении по частям в определенные сроки, крепостной немедленно получает полную свободу, в удостоверение чего выдается ему установленное свидетельство.

4. При рассрочке выкупной платы, наложенной на крепостное семейство, в случае смерти кого-либо из членов семьи, остальные освобождаются от уплаты остающегося на умершем долга.

5. Отцы и братья освобождаются от внесения владельцу выкупной платы за своих дочерей и сестер; последним предоставляется право внести ее за себя из калыма, по выходе в замужество.

Малолетним девочкам до 12-летнего возраста, принадлежащим к семействам как обрядных холопов, так и унаутов, теперь же делается посредниками, соразмерно числа лет, надлежащая оценка и затем упомянутые малолетние, получая теперь же свободу, уплачивают своим бывшим владельцам определенную посредниками плату, в случае выхода замуж - из получаемого калыма.

6. Для продовольствия тех крепостных, кои получают свободу до истечения времени будущего сбора хлебов, посредники обязаны выделить им потребную часть хлеба из заготовленных владельцами хлебных запасов. При неимении средств к уплате определенного выкупа полностью или по частям в назначенные сроки, освобождающийся на волю обязан отработать его сполна своему владельцу с тем условием, что, если по истечении 6-летнего срока со дня заключения условия холоп не успеет выработать всей выкупной суммы, то, водворясь отдельным домом, он остается должником бывшего владельца своего и выплачивает долг на основании существующих законоположений по той рассрочке, которая будет определена местным начальством.

8. Переход рабочего на заработки к новому владельцу разрешается, если последний внесет прежнему владельцу или всю числящуюся на работнике выкупную плату сполна, или по частям в определенные (по соглашению с владельцами) сроки.

Так как для владельцев и холопов одинаково выгодно, чтобы срок обязательных отношений был по возможности сокращен, то на посредниках будет лежать обязанность склонять холопов и даже самим приискивать частных лиц, к которым могли бы наняться вновь освобожденные по вольным ценам.

9. Временнообязанные работники должны исполнять своему владельцу все обычные работы, соответствующие нуждам и потребностям хозяина, как полевые, так и домашние: пахать, сеять, жать, косить, вывозить лес для построек и дрова для отопления и варения пищи, рубить их,, плести плетни, огораживать дворы и огороды; осенью доставлять с поля заготовленный хлеб и сено, строить зимовники, присматривать за рогатым скотом, лошадьми и баранами.

Обязанности работниц: носить воду, приготовлять пасту, доить коров и носить молоко в дом владельца, два раза в год перед праздниками мыть белье семейству владельца, мазать сакли, сеять огороды и присматривать за ними; ежегодно, при помощи унауток, приготовлять для старшего члена из семейства владельца бурку и полость для потников и ружейных чехлов, выделывать сукна и присматривать за женой владельца во время ее болезни.

10. Оценка годового заработка каждого работника определяется в посредническом суде; во всяком случае цена годовой платы за труды совершеннолетнего, здорового работника не должна быть свыше 70 руб. и менее 35 руб., а работницы - от 40 до 25 руб. серебром.

11. Кроме вышеозначенной за работу платы, владелец обязан доставлять своему работнику и работнице, а равно и всем несовершеннолетним членам крепостного семейства продовольствие и одежду; хлеб сообразно народному обычаю выдается работникам в следующем размере: из всего собранного владельцем зерна потребная часть для будущего посева, часть для продовольствия рабочих во время полевых работ и часть для гостей владельца; все остальное количество зерна делится на равные части по числу членов (считая и грудных детей) семейств владельца, работников и работниц и всех унауток. Если же семейство владельца состоит не более как из 3 или 4 членов, из собранного зерна выделяется для владельца и гостей его потребная годовая пропорция, а затем, выделив части для посева и продовольствия полевых рабочих, все остальное зерно делится между работниками и унаутками, как сказано выше.

При каждой резке владельцем крупного скота работники получают все внутренности, шею, голову и ноги от каждой зарезанной штуки, а баранов - одни только внутренности. Во время полевых работ вся провизия, мясо и хлеб должны идти работникам от владельца. Мясная пища с начала работ состоит из копченого мяса, а под конец выдается каждому рабочему по одному барану, а во время покоса прибавляется сыр и молоко.

Осенью при резке рогатого скота и баранов для приготовления копченого мяса, употребляемого зимой в пищу туземцами, владелец выдает каждому работнику по семи овчин для шубы

на 3 года. При каждой резке быка или коровы вся подбрюшная часть кожи идет работнику на чувяки. При стрижке овец вся шерсть с баранов (за исключением белого и самого лучшего черного руна) делится на равные части по числу членов (считая и детей) в семействах владельца, работников и унаутов. Если же у владельца более тысячи баранов, каждому работнику (взрослому и молодому) выдается 25—30 рун, а вся остальная шерсть поступает к владельцу. Для приобретения же бумажной и холстяной материи для одежды работникам предоставляется право два раза в год, в ярмарочное время, вывозить на продажу различный лес на своих и владельческих подводах.

12. Имущество, вновь приобретенное временнообязанным работником, составляет его неотъемлемую собственность; но рабочий обязан продовольствовать свой скот на собственный счет. Для этой надобности, по окончании покоса для владельца, позволяется работнику, по определению посредников, сообразно количеству имеющегося у него скота до 15 свободных дней для заготовления и перевозки сена. Кроме того, во время работ владельцу каждую пятницу предоставляется право работать на себя.

13. Относительно вдов и несовершеннолетних сирот определяется:

а) вдова-крестьянка, при неимении средств для выкупа, обязана отработать своему владельцу назначенную за нее выкупную плату. При нежелании же остаться у владельца предоставляется ей право перейти в дом к кому-либо из ближайших родственников или знакомых, но взявший ее в свою семью обязан в продолжение не более трех месяцев предоставить владельцу вдовы двух надежных поручителей в том, что вся выкупная плата будет внесена за нее в срок, определенный по соглашению с владельцем;

б) со времени одобрения представленных правил всем малолетним сиротам - как мальчикам, так и девочкам - немедленно должна быть назначена, сообразно их возрасту, выкупная плата;

в) если кто-либо из родственников не желает взять сироту к себе в дом, он обязан внести назначенную за несовершеннолетнего выкупную плату в определенный срок или же по достижении малолетним совершеннолетия;

г) если у малолетнего нет никаких родственников, желающих взять его в свой дом, владелец обязан кормить и одевать сироту до совершеннолетия, т. е. до 15-летнего возраста включительно. Но так как мальчик с 12 и девочка с 10 лет могут исполнять легкие работы, соответствующие их силам, определенная посредниками годовая заработная плата 12-летнего мальчика (не ниже 10 руб.) и девочки (не ниже 3 руб.), возрастая сообразно увеличения их сил к работе, должна идти в зачет определенной за них выкупной платы, остальную часть которой

малолетний мальчик обязан **отработать по достижении** совершеннолетия, а девочка, **считаясь (§ 5) свободной,- внести при** выходе замуж из калыма.

14. О бесправных:

а) унауты и унаутки, по внесении своему владельцу какими-либо средствами определенной посредниками выкупной платы, получают полную свободу, в противном случае они обязаны отработать выкупную плату в доме своего владельца в продолжение 6 лет;

б) относительно малолетних унаутов мужского пола мы будем ожидать разрешения Его Императорского Высочества о вознаграждении нас, по ходатайству генерал-адъютанта Лорис-Меликова, единовременно 15 тыс. руб., которые будут распределены между владельцами этих малолеток. Девочки же унаутки, по оценке их посредниками, сообразно с возрастом, освобождаясь одновременно с родителями, выплачивают выкупную плату из калыма, если только выйдут замуж.

15. Со времени утверждения означенных правил все вновь рожденные дети (как от обрядных крестьян, так и от унауток) считаются свободными.

Изложенные выше правила касаются собственно логанаутов, а так как сословие огов, менее зависимое, чем логанауты, не превышает 15 дворов, то временные правила для добровольных соглашений будут составлены посредниками.

Подписи с приложением именных печатей:

полковник Атажукин, подполковник Анзоров, подполковник князь Касаев, майор Эдык Астемиров, капитан Адиль-Гирей Анзоров, штаб-ротмистр князь Таусултанов, штабс-капитан Куденетов, поручик Исламов, поручик Анзоров, подпоручик князь Наурузов, поручик Астемиров, поручик Булатов, подпоручик Кармов, Нако Шипшев, юнкер Измайл ГХаноков, узденъ Асхад Бабуков, юнкер Кургок Куденетов, Пак Тыжев, Касым Эристаов, Жамбот Мирзаев

Правила для выкупа, составленные владельцами, были нам прочтены и подробно переведены. Мы, депутаты, уполномоченные холопами и доверенные от холопов, вызванных в укрепление Нальчик для выслушания предписания Его Императорского Высочества, находя сказанные правила выгодными, изъявили полное согласие на то, чтобы они были приняты в руководство при заключении добровольных сделок между нами и владельцами.

Депутаты, уполномоченные от холопов, руку приложили: аула Кожокова - Бата Кертов, аула Джанхотова - Омар Тлыжуков, аула Ласришева - Картул Уначев, аула Муртазова-Хадзуна Абидов, аула Борокова - Али Кажанов, аула Тыжева - Цацу Бжеников

Доверенные от холопов, вызванных в укр. Нальчик на 18 ноября 1866 г.; аула Нальчикского - Хасим Даутов, Хажемет Сибеков; аула Куденетова — Элькабан Киназев; аула Гукежева - Хаджимахо Хакулов; аула Каширокова - Хасын Унажоков ; аула Мисостова - Бата Хетдгуров, Магомет Хатев; аула Докшукина - Пак Абреков; аула Куденетова - Магомет Мафетов; аула Астемирова - Хатьям Кубалов; аула Ахлова - Мурзабек Ухов

Доверенные от холопей, вызванные в укр. Нальчик на 21-е число, сего ноября 1866 г.: аула Атажукина - Шора Теуважев, аула Лафишева - Даут Чеченов; аула Атажукина - Шокара Чархов, Каирбек Бижов; аула Наурузова - Бата Пшехохов; аула Ашабова - Курман Жатанбаев, Кардан Жендаров; аула Кучмазукина - Жерух Барахамов; аула Тамбиева - Мейдали Кажаров, Мусса Укев; аула Кучмазукина - Магомет Мечелукев; аула Жанхотова- Умар Дигов, Чанчабий Нижамоков; аула Коголкина - Ильяс Меремуков; аула Докшукина - Каншау Картулов; аула Тлостаналиева - Темеш Гедгесров; аула Кожокова —Гула Машхегов; аула Жанокова — Индрис Темирканов; аула Иналова - Гулла Уважуков; аула Куденетова - Бета Борсов, Эльзаруко Боготов (против фамилий имеются чернильные пятна).

При объявлении настоящих правил находился депутат от черного народа Машуко Дишеков.

Переводчиком был поручик Шарданов
Начальник Черекского участка поручик *(подпись)*
Объявил начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

25. Рапорт начальника Терской области [28] от 8 сентября 1866 г. за № 2823 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией с изложением принципов, на основании которых могут быть освобождены зависимые сословия в Кабарде

Из затребованных от начальников округов сведений оказывается, что наибольшее число холопов находится в Кабарде, где на 38 800 душ людей свободного состояния приходится 16 094 души, принадлежащие к сословиям зависимым, тогда как в горных округах области: Нагорном, Ичкерийском и Аргунском холопов вовсе нет; в Чеченском и Ингуглевском - 294 души; в Кумыкском вместе с чагарами и теркеменцами - 3287, в Осетинском, вместе с кавдасардами - 1442 души обоего пола.

Подобная неравномерность распределения зависимых сословий между населением Терской области проистекает из особенностей, под влиянием которых сложился быт кабардинцев,

считавших до сих пор приобретение холопа единственным средством для обеспечения своего существования. Понятие о возможности безбедной и спокойной жизни, только при условии владения холопами, сделалось в Кабарде не только достоянием высших сословий, но и распространилось во всей народной массе и выработало исключительное право - право холопа владеть холопом. Обеднение высших сословий, происшедшее вследствие развившейся роскоши и отсутствия всякой предприимчивости, повело к тому, что в настоящее время люди низших классов общества и бывшие холопы, выкупившиеся на волю, сделались едва ли не самыми значительными рабовладельцами. Та же роскошь и желание высших сословий удовлетворить ее путем наиболее легким, а именно отпуском холопов на волю, породила многочисленные случаи освобождения, а вследствие сего исключительное числовое отношение свободных к зависимым и дробность владения холопами.

Достаточно весьма небольшого знакомства с домашней жизнью кабардинцев, чтобы убедиться в значении того перелома, который должен совершиться в ней с решением вопроса об освобождении холопей. Между тем приведенные выше числовые данные прямо указывают всю необходимость обратить особенное внимание именно на Кабарду, в которой цифра душ зависимых сословий относится к таковой же в остальных частях области как 3:2; поэтому администрации предстоит труд приискать путь к разрешению этого вопроса способом по возможности безобидным для обеих сторон; задача эта оказывается нелегкою, так как наибольшей потере, во всяком разе, должен подвергнуться класс владельцев, сравнительно многочисленный, чем сословие зависимых. Нередко встречается, что свободная семья из 15 душ имеет не более двух холопов. Одно уже это обстоятельство, независимо от других, указывает на различие рабовладения в Кабарде с Россиею и Закавказьем.

Там освобождение зависимых сословий сопровождалось некоторым материальным ущербом интересов немногих в пользу большинства, здесь, наоборот, теряет большинство.

Ряд последовательных мер, стеснявших право рабовладельцев относительно купли и продажи, неожиданное освобождение холопов лиц туземного происхождения, зачисленных в казачье сословие, постоянные заявления местной администрации о трудности оставления холопов у владельцев при состоявшемся уже освобождении зависимых сословий во всей империг,- все это мало-помалу вселяло в класс владельцев убеждение в неизбежности решения этого вопроса и для туземцев Северного Кавказа.

Наконец, и сами холопы не могли оставаться равнодушными и, подстрекаемые доходившими и до них вестями о даровании крестьянам свободы, глухо волновались, протестуя против существующего порядка вещей учащенными случаями неповиновения владельцам. Окружные управления едва ли не исключительно занялись разбором взаимных между владельцами и

43 Заказ J* 106

холопами споров и нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения. Подобное ненормальное положение общества требовало какого-либо исхода, и сами рабовладельцы очень хорошо понимали, что владение холопами, при настоящем их настроении, не только не выгодно, но даже и опасно.

Сбор сведений о числе холопов, их имуществе, об отбываемых владельцам повинностях, наконец, открытое заявление местной администрации об учреждении по воле Его Высочества особого Комитета для обсуждения способа решения холопского вопроса — все это окончательно убедило кабардинцев в неизбежности весьма скорого освобождения холопов, и они на бывшем в Нальчике сборе, обратились к начальнику округа с просьбой разрешить им отправить ко мне депутацию, которая должна была заявить желания класса владельцев по вопросу освобождения холопов.

Депутация эта за время 3-дневного пребывания в Кисловодске, обсудив несколько отдельных мнений, возбужденных некоторыми из ее членов, и согласясь, наконец, в общих основаниях предъявляемой ею просьбы, была принята мною. Представители от рабовладельцев сначала словесно, а затем по требованию моему и письменно изложили те начала, на которых, по их мнению, должно состояться освобождение.

Представляя Вашему Превосходительству копию с докладной записки выборных Большой и Малой Кабарды и Горских обществ, с своей стороны считаю необходимым доложить нижеследующее:

Общий характер освобождения холопов в Кабарде, несмотря на всю сложность и трудность, имеет то особенное преимущество, что на плоскости, а отчасти и в горах, правительству не предстоит заботы о наделении освобожденных землею, так как при решении поземельного вопроса и признании кабардинской территории, за исключением V_{10} владельческой части, общественною, холопы вошли уже в расчет при указании аульных наделов.

Несмотря на все лишения, которым подвергается с потерей холопов рабовладельческое сословие, нет никакого юридического основания допустить, чтобы правительство, освободя на известных началах крестьян во всей империи, сделало исключение для кавказских горцев и пришло к решимости пожертвовать значительные суммы для выкупа зависимых сословий от владельцев. Мысль эта выражена отчасти и в рапорте ко мне начальника Кавказского горского управления, в котором полковник Старосельский уведомляет, что, если казна и найдет возможным ассигновать какие-либо средства, то разве в вознаграждение за бесправных холопов. Затем остается единственный исход - выкуп посредством взноса освобождаемыми определенной Комитетом суммы своим бывшим владельцам. На этот исход указывают и кабардинцы в своей докладной записке, прося принять

в основание определения выкупной платы существующий у них обычай, которым указывается цена холопа; далее они, рассчитывая на возможность добровольного соглашения с холопами относительно условий освобождения, ходатайствуют о том, чтобы им был дан срок от одного до двух лет для окончательного освобождения холопов посредством полюбовных соглашений. Допуская же, что общего добровольного соглашения при настоящем настроении холопов, последовать не может, они предлагают, при посредстве выборных из среды владельцев и холопов, установить норму обязательного выкупа с уменьшением выкупной платы, определяемой обычаем.

Находя с своей стороны настоящее предложение кабардинцев осуществимым с тем однако же чтобы срок составления условий определен полуторагодичный, я полагаю, что после первых двух или трех месяцев выяснится, насколько осуществимо предположение владельцев относительно возможности добровольных с холопами соглашений и что затем можно будет немедленно приступить к разработке особым местным Комитетом вопроса об определении нормы обязательной выкупной платы с значительным уменьшением сравнительно с той, которая полагается по обычаю.

Все состоявшиеся добровольные сделки будут совершаться, как это делалось и прежде, при посредстве местной администрации, на обязанность которой будет возложено свидетельствовать только таковые из них, которые составлены на основании обоюдных выгод владельцев и холопов, последние тотчас по утверждении начальством совершившегося условия получат свободу и нет сомнения, что несколько примеров подобного освобождения не останутся без влияния на массу владельцев и холопов.

Определение нормальной выкупной платы, в случае если бы предположения о возможности полюбовного между холопами и владельцами соглашения не оправдались, должно быть возложено на местный Комитет, которому будет вменено в обязанность разработать все подробности, не вошедшие ни в записку кабардинцев, ни в настоящее представление.

При этом Комитет обратит особое внимание и на вопрос об имуществе холопов. По определении нормы обязательной выкупной платы и по утверждении оной начальством, таковая будет объявлена населению и холопы, немедленно приобретая личную свободу, останутся во временнообязанных отношениях к своим владельцам впредь до уплаты определенной выкупной суммы. Относительно срока, который должен быть назначен для взноса платы, депутаты от владельцев между прочим заявили мне, что 4-летний срок они считают наиболее удобным и что они просят моего ходатайства о назначении такового. Так как для относительно правильного определения продолжительности

срока необходимо иметь заявления обеих заинтересованных сторон, то нахожу наилучшим предоставить рассмотрение этого вопроса местному Комитету.

Казавшийся весьма трудным для решения вопрос об освобождении рабов бесправных - унаутов, лишение которых составляет, вследствие особенностей быта кабардинцев, наиболее тяжкую для них потерю,- на деле не представит особенных осложнений. Из докладной записки депутатов от владельцев Ваше Превосходительство усмотрите, что условие бесплатного освобождения основано на срочно-обязательной службе от 6 до 8 лет. Причем унауты получают личную свободу и право во всякое время внести выкупную плату с зачетом в число оной прослуженного времени. Принимая в соображение невозможность для кабардинцев в течение весьма долгого времени иметь наемную женскую прислугу, без которой они на первых порах обойтись не могут, выкупные цены, указанные в докладной записке, умеренны и исполнимы, тем более, что если бы даже правительство и нашло возможным вознаградить владельцев за потерю унаутов, то при этом оно было бы поставлено в крайнее затруднение необходимостью озаботиться тотчас же устройством быта нескольких сот, если не тысяч одиноких мужчин и женщин, не имеющих ровно никакого имущества и нередко даже родства в крае, а для этого, независимо от вознаграждения владельцев, потребовались бы новые денежные затраты. Самое денежное вспомоществование не может быть значительным, а потому, не вознаградив и 7_{10} сделанных владельцами на покупку унаутов затрат, поставит их в крайнее положение. Между тем сумма, которую будет признано возможным отделить для ведения холопского дела в Терской области, должна быть главным образом предназначена на вспомоществование, быть может, даже и с возвратом, тем из неимущих холопов, которые, принадлежа не менее бедным владельцам, не в состоянии будут получить от последних самых необходимых средств (пары быков и коровы) для первоначального устройства своего хозяйства. Хотя, судя по достатку Кабарды и тех округов, в которых имеются холопы, можно предполагать, что таких случаев вспомоществования встретится не особенно много, но необходимо иметь в виду, что на попечении правительства на первых порах еще останется устройство быта сирот, стариков и вообще бездомных.

Срок для обязательных отношений унаутов к своим владельцам должен быть назначен, по моему мнению, от 5 до 6 лет, причем они, получая личную свободу, могут во всякое время взамен обязательной службы уплатить своему владельцу причитающуюся по расчету выкупную сумму, размер которой будет определен также Комитетом.

Сами кабардинцы, которым между прочим было объявлено, что правительство, не ассигнуя особого капитала на выкуп холопов обрядных, быть может, изыщет средства для вознаграждения владельцев за даруемую свободу рабам бесправным, заявили, что подобный способ освобождения унаутов, при несуществующем у них понятии о плате за женский труд, поставит их в совершенную крайность и что они готовы отказаться от вознаграждения, лишь бы им было дано время для изменения строя своей домашней жизни, сложившейся веками.

Доводы эти нельзя не признать заслуживающими внимания.

В последнем пункте докладной записки своей кабардинцы указывают на необходимость принятия строгих мер для наказания тех из холопов, которые из одного только упрямствајае захотят подчиниться условиям выкупа, причем самою действительною мерою они считают выселение нескольких семейств в Ставропольскую губернию. Я уже упомянул выше о существующем брожении в среде холопов, происходящем преимущественно вследствие внешних подстрекательств; в настоящее время весьма естественно, что между ними есть люди, совершенно ложно понимающие дело освобождения и своими нелепыми рассказами сбивающие с толку остальную массу. Если по разъяснении подобные люди продолжали свои вредные действия, то, конечно, для успеха самого дела придется удалить их из общества. Необходимость принятия подобной меры встречалась повсюду, где приступали к освобождению зависимых сословий. К этой мере придется прибегнуть, по моему убеждению, только в крайности и после определения местным комитетом нормы обязательного выкупа, но отнюдь не с целью насильственного понуждения холопов к добровольным с владельцами соглашениям.

Осуществление настоящих предложений должно привести к наименее сложной и крайне удобной развязке холопского дела в Кабарде; указанным путем достигается личная свобода для рабов, а переходным состоянием удовлетворяются, хотя отчасти, интересы владельцев. Нельзя не обратить внимания и на просьбу кабардинцев о том, чтобы норма выкупа была определена, руководствуясь адатной ценой; мне кажется, что разрешение подобной меры отнюдь не повлечет к назначению слишком высокой платы для освобождаемых, тем более, что норма выкупа будет определена представителями обеих сторон и местного администрацией, снабженною надлежащею инструкцией. В этой просьбе главным образом заключается желание кабардинцев самим участвовать в решении дела и остаться с освобожденными в хороших отношениях. Подобный исход разрешения холопского вопроса, не противореча главным основаниям, на коих состоялось освобождение крестьян в империи, не разрушит окончательно и главных основ своеобразного быта кабардинцев.

Если вышеизложенные предположения окажутся совершенно удобоисполнимыми, то они, без особенного затруднения, могут быть применены и к остальным округам области, в которых

число душ зависимых сословий совершенно незначительно, сравнительно с Кабардою. В случае одобрения представляемых мною соображений, я нахожу своевременным и удобным, вместе с разрешением главных оснований холопского вопроса, приступить к определению личных сословных прав и к составлению проекта надела в Кабарде частных собственников из лиц, принадлежащих к высшим сословиям или же службою своею получивших право на вознаграждение участками земли. Для последней цели могут быть предназначены: запасные участки в количестве 20 тыс. десятин, $^{1}/_{w}$ часть владельческого аульного надела и таковая же из пастбищных участков, так что общее количество земли, предназначаемой для отвода в частную собственность в Большой и Малой Кабарде, составит пространство около 90 тыс. десятин.

Приняв в соображение, что в настоящее представление не могли войти те подробности, которые неизбежно связаны с сложным холопским делом, я счел необходимым командировать в Тифлис и. д. правителя канцелярии моей, посланного в Кабарду с целью ознакомления с этим вопросом на месте.

Капитану Смекалову поручено мною доложить Вашему Превосходительству и о необходимости временного усиления средств местной администрации в тех округах, где будет совершаться освобождение холопов, учреждением особых чинов, которым присвоены будут права и обязанности, близко подходящие к представленным мировым посредникам.

Приложение: Выписка из записки о зависимых и холопских сословиях в Кабардинском округе и копия с докладной записки выборных Большой и Малой Кабарды и горских обществ.

И. д. Правителя канцелярии
капитан (подпись)

26. Докладная записка о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев, приложенная к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. за № 2823 на имя помощника Главнокомандующего Кавказской армией

В Кабарде.

Холоп - пшитль всех наименований, происходит от людей, приобретенных оружием и покупкою в чужих племенах.

Сословие пшитль в Большой и Малой Кабарде образовалось в весьма давние времена от рабов, добытых оружием, и делится на три главных разряда: логанауты, оги и унауты.

Образ жизни и отношения этих разрядов кабардинской черни к своим владельцам объясняет значение и личное положение каждого из них.

Логанаут - крепостной человек, живущий во дворе своего хозяина своим особым домом и семейством, обязан исполнять по всякое время всякие занятия по сельским и хозяйственным работам своего господина с таким, однако, распределением времени и средств, чтобы и себе мог приготовить для пропитания семьи все необходимое; если же господин занимает логанаута все время на свою работу, то обязан снабжать его и семейство всем нужным.

Условия жизни логанаутов составляют нормальное положение кабардинского пшитль, другие виды пшитль произошли привилегиями или утеснениями логанаутов вследствие разных обстоятельств, случившихся в их жизни.

Ближайшее уклонение от логанаутов представляет льгава; это сословие может иметь только кабардинский князь; даже и он не вправе иметь льгава. Если князь в числе своих логанаутов найдет семейство из нескольких взрослых парней, способных к домашней службе, то он может взять одного из них в свой дом как прислугу; подобная прислуга получает название льгава, но жена и дети льгава остаются при своем доме в звании логанаут.

Другое уклонение - хабзанша, т. е. холоп, лишенный права в том именно, что он может быть разлучен со своими родными по воле своего господина; такому наказанию подвергается логанаут, причинивший сильное оскорбление своему господину.

Унаут - мужчина и наиболее женщина, лишенные прав семейственного состояния за дурное поведение и осужденные на безусловное служение воле своих хозяев, но как они большею частью бывают девушки или незамужние женщины, то поступают в горничную прислугу к женам своих хозяев, так как из других холопских сословий не дозволяется иметь никого в постоянную женскую прислугу.

В старые времена бывало, что если Куденетовы и Амибовы выдают свою дочь замуж и не имеют дать ей в приданое унаута, то берут для нее от своего логанаута дочь в прислуги с тем, что госпожа обязана ее выдать замуж за того из обрядных холопов своего мужа, за кого пожелает эта девушка, и по женитьбе их оба они обращаются в дворовых обрядных людей - михифатц. Когда от такого брака много детей, то михифатц делается снова логанаутом, поселяется отдельно и только одну из девиц такого семейства дозволяется обратить в домашнюю прислужницу.

Ог происходит от логанаута, получает он таковое наименование по особенному расположению владельца, за что, однако, сей последний берет с него часть из имущества; обыкновенно это бывало потому, что у владельца оказывалось много логанаутов и он затруднялся их содержать; тогда он предоставлял некоторым из них звание ог с тем, что они, работая на себя, скоро богате-

ли и не только не требовали что-либо от господина, но и сами нередко поддерживали его в нужде. Ог, не исполняющий условных обязанностей к своему господину, мог быть обращен в логанаута; и не может быть огом тот, кто не в состоянии пахать землю в две пары волов, т. е. плуг хозяйский.

Сословия ог в настоящее время немного в Большой Кабарде, насчитывают их 15, а в Малой их и совсем нет. Большая часть огов откупилась на волю.

Денежных повинностей холопья не несут; натуральные повинности заключаются в услугах и работах, определенных народным обычаем, сообразно видам зависимости.

1. Ог обязан своему господину:

Во время покоса каждый мужчина (начиная с 16 лет) косит владельцу три дня и убирает сено два дня, доставляя его в аул или хутор к владельцу; от такой обязанности освобождаются баранщик и пчеловод, присматривающие за баранами и пчелами. Ог за то (пчеловод) доставляет господину ежегодно три сапетки меду. Во время покоса и уборки сена на владельца ог получает от него продовольствие.

За собственный посев каждое семейство огов платит владельцу с каждой пары быков, впрягаемых в плуг, от 10 до 15 тулуков (козий большой бурдюк) - от 40 до 60 мер проса.

Каждое семейство огов доставляет ежегодно владельцу, смотря по состоянию и урожаю, от 2 до 4 арб проса, по 20 саб или 30 наших мер каждая; от 7 до 10 возов дров.

Ог обязан также доставить владельцу весь лес на постройку сакли и кунацкой (гостиный дом), построить их (без очага и обмазки), ремонтировать ежегодно крыши.

Жена и дочери ога свободны от работ на своего господина.

При женитьбе владельца или его сына ог обязан дать помещение новобрачным в своей сакле; а при средствах - продовольствовать и одевать их в продолжение даже года, за что владелец, беря жену к себе в дом, щедро одаривает семейство ога и нередко выпускает бесплатно кого-либо из семьи на волю.

При разделе имущества между членами семейства ога владелец получает с этого семейства 100 руб. или 100 баранов, или холопа мальчика или девочку пяти-шести лет.

При замужестве своей дочери ог получает за нее калым; из него дает 30 руб. владельцу или на эту сумму скотом, или лошадью.

При резке скотины для пищи ог относит владельцу спину и три ребра.

Ог принимает на ночлег гостей владельца, если кунацкая его занята, кормит их лошадей.

Во время поста - Рамазана - семейство огов, смотря по состоянию, обязано угостить ужином владельца, принеся его к нему на дом. "

В случае смерти владельца или кого из его семейства ог обязан приготовить приличный обед во время посещаемости родных и знакомых.

Владелец обязан за эти повинности доставить огу нужные земли под пашни, покос и пастбища, он же ограждает все его споры, ищет и ведает по его делам, помогает в его нуждах, платит нередко за него штрафы и всегда ручается в платежах.

2. Логанаут (дворовые с правами, холопы обрядные)[29] живут особыми саклями и отдельными семьями во дворе владельца. Мужчины исполняют все нолевые и домашние работы, возят и рубят дрова, косят, убирают и свозят сено и хлеб, присматривают за пчелами, скотом, лошадьми и баранами, вывозят лес для построек и строят дома и службы и вообще исполняют все работы, какие потребует владелец.

Жены их по очереди носят воду в дом, приготовляют для него пшено на ручных мельницах, доят коров и приносят молоко в дом хозяина, на семью его два раза в год, перед Курман-Байрамом и после, моют белье и утварь, мажут и белят сакли, сеют, полют и присматривают за огородом; с помощью унаутов владельца обязаны они изготовлять бурку и полость для потников и ружейных чехлов владельца и валяют сукно; во время болезни и родов жены владельца исполняют по очереди обязанности сиделок, а во время его отсутствия ночуют при своей госпоже.

В свою очередь владелец обязан за своих логанаутов платить за причиняемое ими воровство и убытки; лечить на свой счет, в случае отказа холоп сам приискивает лекаря, уплачивает ему своею работою или из имущества хозяйского, имеющегося у него на руках; может также жаловаться и требовать свободу. В случае, если холоп взят в плен, владелец должен его выкупить или выручить, каким путем найдет; если этого не сделает и не предпримет мер к его освобождению, то холоп, бежавший из плена, делается свободным. В случае нарушения владельцем прав холопа или кровной тяжкой обиды бывали часто примеры, что Народный суд предоставлял холопу свободу.

Владелец обязан кормить и одевать своих логанаутов. Хлеб выделяется им в следующем размере: из всего собранного зерна с хозяйских полей прежде всего выделяется десятина на мечеть; затем часть — для будущего посева, часть — для продовольствия рабочих во время полевых работ и часть - для гостей владельца; все остальное зерно делится на равные паи по числу наличных душ мужчин и женщин семейств владельца, логанаутов и всех при доме унаутов. Если семейство владельца заключает 3-4 души, то из собранного зерна выделяется для владельца и его гостей годовая пропорция; выделив часть на посев, мечеть и продовольствие рабочих, все остальное зерно делится на логанаутов и унаутов, как сказано выше.

При резке владельцем крупной скотины логанаут получает внутренности, шею, голову и ноги, а от барана для приготовле-

ния на зиму копченого мяса владелец, кроме внутренностей и ног, наделяет каждого логанаута-мужчину 7 овчинами для шубы на три года, такое же количество овчин дается всем унаутам, не исключая и женщин. При большом числе логанаутов и унаутов соблюдается при выдаче овчин очередь. Кроме того, при зарезе буйвола, быка или коровы вся подбрюшная часть кожи идет логанаутам на обувь и кусок буйволиной или бычьей кожи для ременной веревки на бессрочное время. Шкура с павших и зарезанных лошадей поступает на обувь холопов. При стрижке овец вся шерсть с ягнят принадлежит владельцу; из бараньей шерсти поступает ему все белое руно и лучшее черное для бурок и ружейных чехлов; вся же остальная шерсть с баранов делится на равные части по числу всех наличных душ в семействах владельца, логанаутов и унаутов. Если у владельца более 1000 баранов, каждому логанауту и унауту выдается от 25 до 30, а вся остальная шерсть идет владельцу. Для покупки холста, бумажных материй и других вещей, необходимых в хозяйстве, логанауты имеют право 2 и даже 4 раза в год в мае и октябре вывезти на продажу деловой лес, выручка с которого обращается в его пользу. Бедный хозяйством владелец, имея 2-3 логанаута, нередко сам торгует лесом, посылая для того своих холопов и деля выручку с ними пополам.

Во время пахоты, покоса и жатвы все припасы и мясо идет для логанаутов от владельца; с начала работ отпускается копченое мясо, а к концу дается каждому работнику по одному барану, а в покос добавляется к мясу сыр и молоко. Пахота и покос длятся около месяца. На пахоту выходят мальчики с 12 лет, а на покос - с 16, старики за 50 лет освобождаются от полевых работ.

Рабочий скот, топор, косу, железо для плуга логанаут и унаут получают от владельца; арбы и деревянные снасти к плугу должен сделать сам. Каждому логанауту владелец обязан дать, по крайней мере, пару рабочих быков, если же их много, то и две пары, а при женитьбе добавить ему хотя бы одну дойную корову и котел.

С совершеннолетием (18 лет) логанаут имеет право требовать, чтобы владелец купил ему жену, за которую существует цена - калым не свыше 200 руб., из коих 190 поступает владельцу, у кого покупается невеста, а 10 идет на ее одежду. Владелец не может препятствовать логанауту выдавать дочерей своих замуж по его усмотрению, но получает платимый за нее калым - 200 руб., как сказано выше.

Владелец должен купить указанную логанаутом девицу, если только последняя согласна, и не может женить его по своему произволу.

Овдовевший логанаут требует покупки другой жены, а вдова-логанаутка - покупки мужа, если не имеет его сама в виду между холопами своего хозяина.

Если владелец берется за караул аульных угодий, табуна отар или аульной скотины и посылает на эту работу логанаута, то треть платы выделяется ему.

Логанаут с согласия владельца может поступить в учение грамоте и сделаться муллой, не платя за то ничего владельцу.

Точно так же мастеровой логанаут с согласия владельца может идти на заработки, уплачивая из заработка часть по уговору.

В случае неурожая или неимения у холопов разных наименований запаса хлеба, владелец обязан прокормить на свой счет как обрядных, так и необрядных холопов; неисполнение дает право холопам оставить владельца и искать себе пропитания и заработков без всякого участия хозяина.

Ог и логанаут могут в свою очередь купить обрядного и необрядного холопа или наемного работника и посылать его вместо себя на хозяйскую работу, но это случается очень редко.

3. Унауты (мужчины и женщины) - бесправные или безобрядные холопы, безотлучно живут в доме владельца и обязаны во всякое время исполнять всякую работу владельца и его жены. Дворовые службы, кухня, склады запасов на руках у унаутов (женщин), но главная их обязанность - уборка комнат и услуги госпоже. Продовольствие и одежда унаутов — все хозяйское. Женщина-унаут не имеет права на брак, но имеет временного мужа из унаутов, логанаутов и свободного состояния. Дети их - унауты, растут наравне с детьми владельца и держат их вообще до возраста хорошо. Мужчина-унаут, хотя безобрядный, с совершеннолетием имеет право требовать от владельца покупки ему жены-логанаут; при таком браке муж логанаут и дети его обращаются в обрядных логанаутов.

Мужчин-унаутов немного в настоящее время. Они переходят скоро в обрядные холопы, а некоторые успевают выкупиться на волю.

Ни ог, ни логанаут никогда не могут выкупиться на волю без согласия владельца; выкупная цена всегда условная: от 150 до 200 руб., мастеровой ценится дороже - 500 руб. за мужчину; несколько меньше за женщину и еще меньше - за несовершеннолетних, цена которых определяется возрастом, считая по 10 руб. за каждый год до 15 лет, вообще и эта цена не постоянная - совершенно зависит от обоюдного согласия между владельцем и зависимым лицом. Если последний - человек зажиточный и имеет много имущества, скота или денег, владелец, оставив у себя все его имущество, дает ему свободу с уплатой условной суммы в определенный срок, вообще от 3 до 5 лет. Бывает часто, что семейный логанаут сначала сам с женою выкупается на волю, а потом выкупает своих детей, прося помощи у знакомых и добывая средства для уплаты заработками. При разделе имущества владельца между его наследниками семейства огов и логанаутов не должны быть разрознены. Если в семействе ога или логанаута, которое должно быть разделено между наследни-

ками владельца, два брата или более, то им предоставляется право найти себе покупщика, одному или всем откупиться на волю; если же братья не воспользуются таким правом, то при разделе имущества владельца они могут быть в крайности разрознены.

Владелец, желая продать своего логанаута, объявляет ему об этом, и последний имеет право сам указать себе покупщика; если же такового он не найдет в течение месяца, то владелец предлагает сначала трех покупщиков на выбор и в случае несогласия может продать своего логанаута, кому пожелает, но всегда в пределах Кабарды и не разрознивая семейства. При продаже и покупке логанаутов существуют следующие цены: за мальчика до 12 лет, а за девочку до 10 лет включительно по 10 руб. за каждый год, с 12 до 45 лет за мужчину - 150-200 руб., за женщину с 10 до 45 лет — 150-180 руб., с 45 лет и более — по оценке. Вышеуказанные цены за взрослого мужчину - 200 руб., а за женщину — 180 руб. неизменны, и если владелец при продаже своего логанаута секретно берет от покупателя цену, большую вышеозначенной, то продаваемый логанаут имеет право предъявить свою жалобу в суд и требовать от своего владельца-продавца возврата владельцу-покупателю всей излишней суммы. Правило это существует для устранения того злоупотребления, что нередко логанаут, переходя посредством купли и продажи от одного владельца к другому, возвышаясь в цене, превращается в безобрядного холопа, или унаута, цена коего, как будет сказано ниже, далеко превышает цену лица обрядного состояния.

Хотя семейства унаутов в настоящее время и не разрозняются, но цена на унаутов совершенно зависит от условий между продавцом и покупщиком; размер ее от 100 до 500 руб.; средняя же цена от 300 до 400 руб. Особенно дорого ценятся унауткидевушки, цена им обусловливается возрастом, сложением, способностью к работам и наружностью.

Лица зависимых сословий получают свободу или через выкуп, или отпускаются на волю своими владельцами без всякого вознаграждения последнего, как было сказано выше, единственно по религиозному убеждению мусульман, отпускающих на свободу для спасения души. Другие виды освобождения - случайные и не могут служить никаким для нас указанием.

Унауты - мужчины и женщины - не имеют никакой собственности; подарки, делаемые им их господами, идут на улучшение их одежды. Имущество у огов и логанаутов двоякого рода: лично им принадлежащее, их личная собственность, на которую владелец не имеет никакого права, и собственность, при них находящаяся, от них независимая и частью принадлежащая владельцу; к первому роду имущества относятся: а) накях (венчальный подарок); когда ог или логанаут женится, владелец его дарит новобрачной от 3 до 5 руб. или по стоимости денег телушку, весь приплод которой делается личною собственностью жены

ога или логанаута; б) десериг (подарок от родных логанаутки, выходящей замуж), заключающийся обыкновенно в корове, весь приплод с которой также принадлежит жене ога или логанаута; подобное имущество по смерти жены ога или логанаута переходит по наследству к мужу и детям умершей; если же нет наследников,- так к владельцу. Второй род зависимого имущества называются дидовос-белым (скот, приобретенный собственными трудами или заработками). Хозяин дидовос-белыма, ог или логанаут, без согласия владельца не имеет права ни менять, ни продавать такой скот и вообще распоряжаться им каким бы то ни было способом. Не запрещается, однако, огу или логанауту для употребления в пищу резать быка или барана из числа дидовос-белыма. Весь скот, составляющий накях, десериг и дидовос-белым, ог кормит на собственный счет, так как он обязан владельцу только 5 днями полевых работ; логанауты же, которые обрабатывают землю своему владельцу без ограничения рабочих дней и исполняют все работы на быках владельца и нередко - на своих собственных, продовольствуют накях, десериг (за исключением коров и баранов), а дидовос-белым на счет своего владельца. Владелец имеет право разделить или продать дидовос-белым своего ога или логанаута, причем $^{2}/_{3}$ поступают владельцу, а $^{1}/$ огу или логанауту, и в таком случае последняя делается уже десеригом ога или логанаута, т. е. его личною собственностью. При продаже ога или логанаута владелец или оставляет у себя дидовос-белым, и последний по стоимости оставленного старому владельцу имущества непременно получает таковое же у нового владельца; или продает своего ога или логанаута со всем его дидовос-белымом, получая стоимость его от владельца, к которому переходит продаваемый ог или логанаут.

Выкупившиеся или выпущенные на волю всех званий холопы получают имя вольноотпущенников — азатов — людей лично-свободных.

Они обязаны жить в аулах с прежним владельцем, следовать за ним, если он переселяется на жительство в своем обществе, и всякая услуга прежним владельцам в их доброй воле и есть следствие привычки и добрых отношений, но нисколько не обязательные.

Девушка (холопка), лично отпущенная на волю, при выходе замуж вносит прежнему владельцу 30 руб. или лошадь, или пару быков, стоящих этих денег.

Вольноотпущенники очень охотно берут к себе на воспитание детей прежних своих господ, делаясь через это близкими к ним людьми.

Холопство и зависимое сословие в горских племенах, смежных с Большою Кабардой

В горах зависимое сословие образовалось от подаренных кабардинскими князьями своим аталыкам или воспитателям холопов, от продажи в горы кабардинцами холопов, вышедших

из повиновения или сделавших большие проступки, от бежавших из соседних обществ людей, которые за покровительство горских таубиев по необходимости подчинили себя зависимости личной и поземельной. В горских обществах имеются четыре разряда зависимых людей: а) каракиши, б) ясакчи, в) чагары и г) казаки (женщина-казак называется караваш).

I. Каракиши, пользующиеся личною свободою относительно земли, на которой они водворены и которую они обрабатывают, пользуются ею на правах неотъемлемой собственности, но продавать ее без видимой надобности не имеют права без разрешения на то таубия, которому они подвластны. При переселении в другое общество каракиши имеют право передать эту землю своему родственнику, если он согласится отбывать господину все повинности, следуемые с переселяющегося. Если же последний не имеет родственников, земля его поступает в полное владение таубия. Земли, занимаемые ясакчи и чагарами, принадлежат таубиям; казаки же и караваши, как люди дворовые (вроде кабардинских унаутов), вовсе не пользуются землями; каракиши, хотя и принадлежат к сословию зависимому по своим обязательствам к таубиям, на земле которых они живут, не могут быть продаваемы лично, как люди лично-свободные, но владелец может продавать другому владельцу ту повинность, которую отбывают каракиши. Цена этой повинности, которую может выкупать и сам каракиш, определяется в 60 руб. ежегодной платы. Ясакчи же и чагары сод ер лот себя на собственный счет и, как ог или логанаут в Кабарде, имеют личную собственность: накях, десериг и $У_3$ часть дидовос-белыма. Кроме того, каракиши, ясакчи и чагары могут иметь своих собственных холопов, которые при выкупе своих непосредственных господ на волю переходят в собственность тех владельцев, кому принадлежали выкупившиеся.

Повинность карауздень каракиши, приведенная в известность в 1864 г. выбранными из таубиев и каракишей, по взаимному их согласию, в присутствии начальника округа и Черекского участкового начальника, следующая:

1. Во время сенокоса каракиши с каждого двора должны дать таубию одного косаря на один день.

2. Для сбора сена и поставки копен каракиши с каждого двора дают на один день одного человека.

3. Для перевозки сена каракиши с каждого двора обязаны дать своему таубию одного человека с парою быков на один день. Во время этих работ таубий дает все продовольствие.

4. В покосное время каракиши обязаны дать своему таубию с каждого двора, у кого не менее 60 баранов, одного барана, назначаемого в пищу косарю.

5. Для распашки полей каракиши с каждого двора обязаны дать своему таубию на один день одного человека с парою быков и земледельческими орудиями.

6. Каракиши обязаны выслать одного человека на один день полоть просо. Повинность эта отбывается только в двух фамилиях: у Мисаковых и Абаевых, потому что они занимаются посевом проса, не существующего у горцев.

7. Для жатвы каракиши с каждого двора дают таубию на один день одного человека.

8. Для перевозки хлеба на гумно каракиши должны дать таубию с каждого двора одного человека с парою быков на один день.

9. Для удобрения навозом полей каракиши должны дать своему таубию с каждого двора одного человека с парою быков на один день. Во время всех этих работ продовольствие идет от таубия.

10. Если захочет таубий назначить каракиши пастухом своих овец или табунщиком, имеет на это право не иначе как с согласия самого каракиши, обязательно за известную плату. Одной только фамилии Биевых каждый каракиши обязательно должен пробыть известный срок пастухом овец или табунщиком, но тоже за плату по согласию.

11. Каракиши должны дать таубию с каждого двора один раз в год лошадь или осла для доставки какой бы то ни было тяжести с плоскости.

12. Для доставки сосновых лучин для освещения каракиши с каждого двора один раз в год обязаны дать лошадь или осла своему таубию.

13. Лес для постройки дома таубий должны сами заготовить, но для перевозки всего заготовленного леса совместно с его холопами каракиши с каждого двора должны дать одного работника с парою быков.

14. Зимою, в продолжение двух месяцев, каждый двор каракишей обязан кормить одну скотину, принадлежащую таубию, и если скотина падет от дурного присмотра или корма, то каракиши платит за нее, если же скотина падет от болезни, то каракиши за это не отвечает.

15. Если к таубию придет несколько гостей, то состоятельные каракиши обязаны кормить по одной лошади все время, пока гости проживут.

16. Если у таубия в доме нет служанки (унаута, каракиши) или безобрядного холопа (казака) и он желает приобрести ту или другого, но по бедности не может купить, то каракиши с каждого двора для этой надобности дают по одной скотине.

17. По смерти совершеннолетнего таубия каракиши с каждого двора дают ему для поминок трехгодовалую скотину, но когда же умрет женщина или малолетний, то ничего не дают.

18. Во время поминок, делаемых каракишами, они обязаны доставлять к столу своему таубию: когда поминки большие — одного барана, а когда малые, то смотря по количеству приготовляемого.

19. Каракиши свое недвижимое имущество, без крайней нужды, не может продавать; продающий землю должен предложить своему таубию купить ее, и если тот откажется, то предлагает покупку ее подвластным; затем продавший землю свыше чем за 30 руб. дает своему таубию 10 руб.

20. Если два брата каракиши - состоятельные и делят свое имущество, то дают землю своему таубию в 300 руб., а кто беднее, то смотря по состоянию от 100 до 10 руб., скотом или вещами, причем непременно должны быть посредники и оценщики.

21. Если каракиши получит за кровь, то обязан из полученных денег дать своему таубию 250 руб. или стоящего этой суммы холопа, или землю; а равно, если таубий получит за кровь, то тоже дает своим каракиши такую же сумму.

22. Если таубий убьет кого-либо и должен заплатить за кровь, то каракиши должны дать ему с каждого двора, смотря по состоянию, от 25 до 10 руб. и обратно, если каракиши платит за кровь, то таубий помогает ему той же суммой.

23. Когда каракиши режет для себя большую кормленую скотину, то обязан прислать своему таубию пять ребер, ближайших к груди.

24. Когда каракиши варит для себя пиво, то, обязан прислать своему таубию один кувшин.

25. Во время уразы (поста) каракиши должны дать с каждого двора своему таубию девять лепешек из пшеничной муки и бурдюк бузы.

26. Каракиши при выдаче своих дочерей замуж должны дать таубию две скотины. Повинность эту несут не все каракиши, но кто несет ее, то таубий обязан сделать от себя подарок невесте.

27. Когда таубий взял к себе в дом жену, то холопы тестя берут у кого бы то ни было из каракиши зятя одну трехлетнюю корову или бычка на зарез.

28. Каракиши Джанхотовой фамилии дают по паре бычков своему таубию для заготовления на зиму дров.

29. Если таубий нанесет побои каракиши, то первый обязан подарить обиженному лошадь или ружье, причем когда таубий сделает этот подарок, каракиши приготовляет мировой стол и принимает таубия.

30. На Новый год таубий должен угощать своих каракиши.

31. Если каракиши отдает свою дочь в замужество, то таубий дает ей подарок.

32. Если каракиши имеет дело, то таубий должен быть ходатаем, где бы то ни было.

33. За грабеж, сделанный каракиши в доме своего таубия или на его дворе, тому по приговору суда определяются наказание и штраф.

34. Если таубий пошлет кого-либо из холопов для понуждения каракиши к исполнению повинностей, а каракиши ударит при этом посланного холопа, то жалоба эта разбирается в местном суде, по приговору которого виновный наказывается штрафом.

35. Если каракиши умрет и после него не останется прямого наследника, ни брата, ни родственника, то имение переходит таубию, которому принадлежит умерший,

36. Если из двух братьев каракиши, живущих раздельно, один умрет, не оставив сына, то имение переходит к оставшемуся в живых брату; таубий же получает одну часть из земель - или пахотной, или покосной по выбору, но при посредниках и членах участкового суда. Но когда же остается жена или дочь, то выдел части предоставляется выбору или решению шариата.

37. По смерти вольноотпущенного каракиши, если не останется наследников, ни брата, ни родственников, то имение переходит к таубию.

П. Ясакчи (податные), лично-свободные, несут следующие повинности: за обрабатываемую землю под посевы хлебов они платят таубию в год сообразно количеству возделываемой земли, различным хлебом от 2 до 9 мешков, из коих каждый заключает в себе пять мер; стоимость всей этой повинности на деньги, по средним ценам, простирается от 5 до 23 руб.; за покосную и пастбищную землю ясакчи платят смотря по количеству скота ежегодно в продолжение 4 лет от 1 до 3 баранов, а в 5 лет - полную подать, смотря по состоянию ясакчи от 15 до 100 баранов; бедные же освобождаются от таковой платы; от весны до зимы ежегодно ясакчи обязаны давать владельцу своему корову для доенья или взамен ее 2 баранов или же 4 руб. серебром.

При зарезе крупной взрослой скотины ясакчи отдает филейные части своему таубию; когда умирает таубий, каждый двор ясакчи обязан доставить его семейству один мешок солода для варения пива.

В покосное время ясакчи дает ему для косцов по одному барану или по 2 руб. серебром. При постройке дома таубию ясакчи от каждого двора дают пару быков для перевозки леса. Если у таубия во дворе нет ни казака (безобрядного холопа), ни караваши (безобрядной служанки), ясакчи для покупки того или другой обязаны дать с каждого двора по 10 руб. серебром. Если ясакчи, живущие одним хозяйством, разделяются, то каждый из разделившихся несет те же повинности, какие обязаны выше, за исключением обычной платы от 5 до 100 баранов, вносимой по истечении 4 лет за пользование покосною и пастбищною землею; плата эта распределяется по числу скота у каждого выделившегося ясакчл.

III. Чагары исполняют все работы по приказанию владельца во всякое время; их можно сравнить с логанаутами кабардин-

44 Заказ № 108

цев. Кроме того, если у чагара есть бараны, он дает своему господину одного барана летом и одного барана зимою; при выдаче в замужество дочери из числа полученного калыма платит таубию одного быка и корову; в случае недостатка денег, собранных с каракиши и ясакчи на покупку казака или караваши, чагары вносят деньги, недостающие до покупной цены. Если у владельца чагар нет ни караваши, ни ясакчи, ни безобрядных холопов, то чагары — мужчины и женщины - обязаны по очереди исполнять в доме своего таубия все работы, подлежащие казакам и караваши. Во время покоса чагары обязаны взять себе для продовольствия по одному барану из своих собственных овец, если имеют таковых. При разделе имущества чагара между членами семейства, последние обязаны уплатить владельцу или землею, или скотом, или деньгами до 300 руб. серебром.

IV. Казаки и караваши (безобрядные) живут в доме владельца и обязаны исполнять все домашние дворовые и комнатные работы по приказанию своего господина или госпожи. Это те же унауты и в той же неограниченной зависимости от владельцев, что и у кабардинцев. Для ясности положения в горских обществах зависимых сословий необходимо заметить относительно земель следующее:

В горах имеется три рода земли: покосная, пахотная и пастбищная; первые две подразделяются еще на два разряда, смотря по их качеству: покосная земля, находящаяся вблизи населенных мест и орошаемая водою, ценится по количеству собранного сена; за пространство земли, на котором собирается копна (вьюк на сильную лошадь), платят до 20 руб.; такие же земли на возвышенностях по качеству травы стоят от 5 до 10 руб., в том же количественном размере.

Пахотные земли, лежащие около селения, искусственно орошаемые водою (посредством канав) и удобряемые навозом, стоят за пространство, с которого собирается одна копна в 90 снопов, 35 руб. серебром. За пахотную же землю, не подходящую под вышеозначенные условия, платят от 10 до 20 руб.

Пастбищная земля, на которой может в продолжение трех месяцев пастись 1500 баранов, стоит в продаже до 1500 руб.

Пахотная земля вблизи селения отдается внаймы с половинной, а вдали - с третьей части; пахотная во всех местах - с половинной, а пастбищная за лучшую, со 100 баранов - одного барана и барашка, за худшую с того же числа баранов - одного барана и, кроме того, в обоих случаях, хозяин земли пользуется собранным с овец молоком от 3 до 7 дней.

Размер выкупной платы определяется по состоянию желающего приобрести свободу. Ясакчи и чагары, как и вообще все горцы, весьма зажиточны, а потому количество выкупной суммы определяется самим владельцем; обыкновенно выкупающиеся на свободу отдают своему владельцу все свое имущество, из которого известная часть, если иногда и остается выкупающемуся, то это зависит от согласия и великодушия господина. Бедные, не имеющие настолько имущества, чтобы выкупиться, желая приобрести свободу, уславливаются в цене своего выкупа, отдают владельцу все свое состояние с обязательством доплатить недостающую сумму денег до выкупной платы в продолжение назначенного владельцем срока. Средняя цена при выкупе ясакчи и чагаров следующая: от 1 до 15-летнего возраста мальчик и девочка стоят от 10 до 150 руб., т. е. столько десятков рублей, сколько покупаемому лет; с 15-летнего же возраста они ценятся сообразно возрасту, телосложению и способности к работе, но цена не превышает 200 руб. Семейства при продаже не раздробляются. Казаки и караваши ценятся до десятилетнего возраста от 50 до 200 руб., до 15 лет - от 200 до 300 руб., а далее до 45 лет, смотря по возрасту, силе и способности к работе, мужчина - до 400 руб., а женщина - до 500 руб. С 45-летнего возраста цена уменьшается, сообразно силам и здоровью рабочего.

Лица зависимых сословий получают иногда свободу за особенные заслуги своему господину и на основании тех же обычаев, как и в Кабарде.

Казаки и караваши, подобно унаутам, не имеют никакой личной собственности и продовольствуются всем необходимым как в пище, так и в одежде от своих господ.

Для верной оценки значения холопа в жизни кабардинца[30] необходимо обратить внимание на быт людей высшего сословия в Кабардинском округе, наиболее владевших зависимыми личностями[30л]. Религия и нравы женского пола, обреченного на затворничество, тщеславие, отсутствие всякого образования, навык с детства к воинственности, воровству и совершенной праздности[30-2] - причинили того, что большинство не только князей и таубиев, но и мелких узденей считает за унижение всякую работу и занятия и проводит свою жизнь в разъездах по знакомым или по делам своих клиентов. Трудно поверить, но, к сожалению, есть сотни людей между кабардинцами, которые всю свою жизнь проводят по кунацким, ездят на чужих лошадях, носят чужое платье и, к удивлению, им не наскучает такая жизнь, а они смотрятся всегда исправными наездниками и пользуются везде приемом. Такое пагубное направление получило еще худшие последствия, когда роскошь и привычки полупросвещения умножили расходы и разнообразили потребности жизни, нисколько не расширив средств к их удовлетворению. Сравнивая настоящее положение кабардинцев, в каком они были 20 лет назад, найдем, что они значительно обеднели, а высшее сословие даже совсем разорилось; сыщется не более 10 людей, имеющих большие стада. Леность и тщеславие были причиною, что всякий кабардинец, заручившись деньгами, спешил купить себе холопов, дабы просуществовать в праздной бедности их трудами. Одни горцы, изолированные по ущельям и не подпавшие

влиянию роскоши и новых потребностей, не только сохранили свои достатки, но значительно их увеличили, хотя на вид выказываются они бедно и грязно и живут неопрятно; но они в последние годы приобрели покупкою много безобрядных холопов и холопок, кроме зависимых людей, подчинившихся им, вследствии перехода большей части земель в руки нескольких частных собственников. Лень мужчин и затворничество замужней женщины являются причиною того, что всякий свободный человек желал и всячески добивался иметь холопов; каждый владелец нескольких таких людей предоставлял все свое хозяйство их попечению, а жена его передавала унаутам всю домашность, заботясь только о богатстве одежды и обилии угощений приезжающих в дом их гостей, из простого тщеславия прослыть в народе отличною хозяйкою [303]. Редкая женщина, особенно молодая из высшего сословия, знает счет мужниного состояния, она не видела своего женского хозяйства, которое в нашем быту принято предоставлять надзору хозяйки дома. Она сидит за шитьем и тканьем галунов в своей сакле, по целым месяцам не выходя за плетневый забор хозяйского дома, она не видит никогда ни запасов хлеба, ни коров, ни даже своей птицы, а предоставляет все своим служанкам, и чем знатнее женщина, тем более она домоседка и тем менее вникает в домашние свои дела. Вот почему владение холопами олицетворяло всю неизмеримую праздность жизни черкесского достаточного семейства; холоп составляет самый ценный и необходимый предмет в благосостоянии туземца кавказского, вся жизнь которого и скромное довольство основано на обязательном труде дорого купленного холопа и еще более дорогой холопки. Жизнь кабардинца, сложившаяся веками и по местным условиям мало подвинувшаяся от привычек предков, представляет столько особенностей, что человеку, не знающему этой странной, прршудливой и пустой жизни, трудно и даже нельзя понять, почему то, что кажется полезно и применимо к одному и даже нескольким народностям, вредно [30-4] и неприменимо к нашему туземцу. Лишить туземца, и в особенности кабардинца, холопа - одно и то же, что лишить его собственности, а жену и его дочерей - всех средств к существованию, и надо очень многое предоставить кабардинцу, чтобы вознаградить ему лишение холопов, ибо, по его понятиям и привычкам, и складу жизни, никакое вознаграждение не может быть равносильно такой потере [305].

Князь Алексей Мисостов, человек очень не глупый, служивший долго в Петербурге, под конец своей жизни впал в крайнюю бедность; не имея ни одного холопа, дошел до того, что по недостатку дров по дням сидел в холодной сакле зимою и не имел горячей пищи, ночью, украдкой от соседей, ходил за дровами и водою, а целые дни просиживал, ничего не делая [306]. Я знаю нескольких женщин, которые разводились со своими мужьями, покидали детей и жили в крайности у своих родных

почти работницами из-за того, что, лишившись служанки, мужья не в состоянии были купить другой.

Ни одна замужняя женщина и даже вдовы порядочных семейств не примут к себе постороннее лицо, если нет при них служанки, и по самым крайним делам не выйдут они из дома, если не имеют служанки для своего сопровождения.

Пока в силу привычек народной жизни ни одна женщина, не только свободная, но и из обрядных холопов, не согласится жить и работать в чужом доме за плату, в какой бы она сама ни была бедности, считая такое занятие унизительным и свойственным служанке-унаутке. Все присужденные до сих пор к получению свободы служанки-унаутки не захотели сыскать себе пропитание наймом в услуги, а предпочитали проживать в холопских семействах, неся самые тяжелые работы без всякого вознаграждения потому только, что в народные нравы не проникло понятие платы за женский труд. Невозможно без крайнего вмешательства приказать изменить жизнь, выработанную веками, не приготовив людей к восприятию желаемых изменений.

Нельзя обойти молчанием и то, что при всех сношениях кабардинского племени и других туземцев правительство в лице Всемилостивейшего Государя Императора, его наместников и высших правителей края обнадеживало народ неприкосновенностью религии, прав и обычаев; до сих пор власть требовала от него одной покорности; не далее 1,5 года, при большом сборе народа, говоря об ожидающей его будущности, правительство обнадеживало своими попечениями о будущем его состоянии, заверяя, что когда дойдет очередь до холопского вопроса, то владельцы будут заблаговременно призваны к совместному с правительственными властями обсуждению этого важнейшего в народной жизни вопроса [30-7]; уступив [30-8] без споров свои права на землю, не получив и обещанной десятины, высшее сословие остается в неизвестности о своем будущем положении, смешавшись с чернью в несении податей и повинностей [309], совершенно внезапно лишается оно самого главного своего права, из которого легко уступило оно народу земли, и самого необходимого условия в своем быту - услуг тех, коим не воспрещалось приобретать за большие деньги, с положительным объявлением об отсутствии вознаграждения [30Л0] со стороны правительства и очевидною невозможностью получить выкуп, принятый доселе при освобождении своих холопов по высокой его ценности. Состоявшиеся объявления о предстоящей перемене равносильны фактическому освобождению; холопы, вовлекаемые нашими толкователями [3011] в заблуждение по естественному чувству жажды свободы, отказываются от исполнения своих обязанностей, и было бы бесполезно нсестокостью строго взыскивать за такое извинительное их нетерпение. При полной моей симпа-

тии к личной равноправности людей, я беру на себя смелость заявить, что мероприятия, требуемые от туземцев, переходят нравственную возможность [30л2] исполнения с их стороны и повергают в совершенную безнадежность, если не взысканы будут возможности облегчить требуемое освобождение холопов, которое одновременно причиняет владельцам вещественную утрату весьма значительного капитала и лишает их не только возможности продолжить свое хозяйство, но даже обеспечить домашний свой быт приисканием прислуги, которой на первое время нанять будет нельзя и негде, а для большей части - и не на что [30л3]. Быстрота, с которою следуют перемены в жизни туземцев одна за другою, без окончательной выработки каждой из них, ставят людей в полное недоумение и совершенную неуверенность в будущую свою судьбу, доводящие их до такой раздражительности и такого ослепления, что они подозревают каждое слово и каждый поступок тех из своей среды, которые благоразумно смотрят на предстоящие необходимости.

Не могу обойти молчанием и того, что в Кабарде и горах все безобрядные холопы не имеют у себя ничего и даже лишены они возможности просуществовать день без посторонней помощи. Что делать с этими несчастными? [30л4] Будет ли их положение лучше, если они получат свободу без средств ею пользоваться? Общество в понятном и извинительном негодовании против совершенно невинных в их затруднении людей откажет им в том куске и в том приюте, в которых ныне стыдится оно отказать всякому бродяге. Не зная никакого чуждого языка и никакого ремесла, что они будут делать в первое время свободы, значения которой они не понимают и пользоваться которою большая часть не сумеет? Устроить их положение так же трудно, как трудно удовлетворить владельцев.

Из приведенных подробностей о народной жизни, о высокой ценности холопов, об отношениях и взаимных обязанностях владельческого и зависимого сословий нельзя не согласиться, что свобода для последних не может совершиться на тех началах, на коих она состоялась в других народностях России, без нарушения экономических интересов целого населения [30л6], в особенности для кабардинцев, и безнадежности к существованию того и другого сословия. Мы видели, что обычай ограждает обрядного холопа даже более, чем огражден был законами помещичий крестьянин России и Грузии, и сохранение его существования обеспечивалось его высокою ценностью. Чтобы составить семью обрядного холопа, требовалось затраты 500 руб. и безобрядного до 700 руб. - суммы весьма значительной в черкесском и горском быту; следовательно, и охранение столь дорогого предмета требовало заботливости со стороны хозяина. Еще высшая ценность безобрядной холопки убеждает нас в полной необходимости сбережения ее; и если положение холопки

в глазах наших нетерпимо, то потому, что нравы наши другие, что понятия наши теперь иные и потому что свобода личности человека между нами уже совершилась и признается нашим нравственным чувством, потому что весь быт горцев несравненно суровее нашего быта.

Видя холопа целый день на холоде, дожде и зное, без достаточной от непогоды одежды, видя его даже в доме без пристанища и часто голодного, мы полагаем, что это происходит по отсутствию сострадания к человеческим нуждам; вовсе нет - это простое дело привычки и суровой жизни горцев. Богатая женщина до 35-40 лет ни за что не наденет на себя шубы в зимние холода, целый день не возьмет пищи, если в доме гости; молодые люди, холостые из богатых семей, не имеют у себя другой постели, кроме бурки, и другого пристанища в собственном доме, кроме голого пола, отцовской кунацкой и нередко по целым дням не видят они куска хлеба; потребовать же себе еду считается невежеством. Если люди со средствами живут так сурово, то нечего удивляться тем лишениям, которые, по нашим понятиям, достаются на долю горской черни.

Приведенные выше положения о продовольствии холопов, лечении их во время болезни, ответственности за нанесение холопу кровных обид должны нас убедить, что жизнь таких холопов вовсе не хуже жизни прежних зависимых людей между европейскими и христианскими населениями [30л6]; следовательно, торопиться освобождением холопов из одного принципа освобождения было бы крайне ошибочным до приискания наиболее подходящих средств к обеспечению существования того и другого сословия. Нельзя отрицать, что встречаются жестокие к своим холопам хозяева, и большей частью обвинить можно владельцев в равнодушии к своим холопам и даже к собственным своим интересам, проистекающим из характера народной жизни. Ударить холопа, бранить его неприличными словами считается крайне предосудительным, следовательно, примеров лености и уклонения холопа от своих обязанностей случается очень часто, и большая часть из них проходит безнаказанно, жестокость же хозяев взыскивается и обычаем, и администрацией, а под суровостью нравов нельзя ожидать желаемой мягкосердечности. Существующее положение об ответственности владельцев за воровство и убытки, причиненные холопом, требуемые начальством с владельцев кормовые деньги за продовольствие содержимого холопа указывают, что и свобода холопам при устранении правительства принять непосредственное участие в вознаграждении должна разрешиться только при посредстве того же народного обычая [30л7], которым жило до сих пор общество, облегчив в чем необходимо тягость его условий и то только потому, что освобождение народным выкупом относится не до нескольких единиц, а до массы народонаселения в несколько тысяч.

Чтобы определить состояние населения вообще в области, а в особенности в Кабардинском округе, мы должны припомнить, что ни поземельное пользование, ни личные права еще не определились ясно; что подать, только что введенная в нынешнем году, недостаточно привилась в понимании большей части населения, кроме еще и тех обстоятельств, что мы не можем сказать, в состоянии ли отбывать наложенную подать большинство населения и какой характер должен принять поземельный вопрос в Кабарде с уничтожением зависимых сословий,- тот ли, какой он получил актом 1863 г., т. е. общины, или следует теперь же образовать собственников? [30л8] Кто имеет право на частную собственность? Сословное ли положение будет служить тому основанием или правительственное назначение, которое обыкновенно падает на людей служивых, без расчета их происхождения и даже значения в обществе, хотя по большей части люди, выслужившиеся между туземцами, наиболее влиятельные и пользуются большими средствами. Эти обстоятельства составляют такие важные предметы и для решения их требуется так много времени, что казалось бы нужным до освобождения холопов покончить с ними [30лв], что и было принято в руководство поземельною Комиссией и начальником области; но если сложился ход дел в таком виде, что освобождение зависимых сословий и холопов не должно быть отлагаемо, то, по крайней мере, необходимо, чтобы освобождение это совершилось в области с наивозможно меньшими потерями для той части населения, которая обладает наибольшим числом зависимых, следовательно, вся важность вопросов преимущественно сосредоточивается в Кабардинском округе, где численность зависимых сословий разных наименований значится в прилагаемой ведомости, а подробные списки тех сословий представлены окружным начальником

Остается еще заметить, что с водворением на Кавказе русской власти в Кабарде никаких мер не принималось к изменению положения холопов и отношений к владельцам зависимых людей. Хорошо или дурно было их состояние? Правительство, приняв покорность, держалось по преимуществу племенного способа управления и заботилось о ненарушимости старых отношений, передавая гражданские дела населения собственному его разбирательству. К ограждению холопов власть наша ограничилась распоряжением об уничтожении над холопом права владельца - на жизнь его раба, и только в последние годы пользовались мы всяким случаем к освобождению зависимых людей, даже нередко в ущерб справедливости. Запрещения на покупку холопов, до последнего в прошлом году об этом предмете распоряжения, также не было [30-20], и холопы свободно переходили из рук в руки не только в тех обществах, где они родились, но даже в чужие и отдаленные. При выходе в Турцию не воспрещалось владельцу выводить своих холопов, что случалось даже

и в прошлом году, несмотря на то что многие холопы шли в переселение совершенно невольно [3021].

В таком положении находилось население этого округа, когда в конце июля объявлено ему было окружным начальником состоявшееся повеление Государя Великого Князя приступить к холопскому вопросу открытием в Тифлисе Комитета и доставлением в оный всех касающихся зависимых сословий сведений. Мне неизвестно, как принято было распоряжение это в других населениях области, имеющих холопов, но [3022] население Кабардинского округа приведено было в полное отчаяние [30-22]; первое время большинство упрекало несколько личностей, руководящих общественными делами, в умышленном содействии к утрате холопов и недопущении их в прошлом году выселиться в Турцию, за что будто бы эти личности получили значительные деньги от правительства. После многих споров общество просило у начальника области разрешения назначенным от себя депутатам явиться для принесения своих объяснений и просьб. Результатом этой депутации и объяснения ее с начальником области была докладная записка, поданная от общества Большой и Малой Кабарды и горцев 8 августа. В записке этой депутаты, изображая трудность освобождения зависимых людей, которых они и отцы их приобретали за высокие цены, просят предоставить им время от одного до двух лет для совершения полюбовных с своими холопами и другими зависимыми людьми соглашений на их освобождение, приняв для того в основание выкуп по народному обычаю, с уменьшением оного, насколько требуют обстоятельства и самое положение зависимых, для выполнения с их стороны обязательств в отношении своих прежних владельцев. Тех же, кои не в состоянии внести выкупа, как то: женская домовая прислуга, они просят при объявлении им личной свободы обязать прослужить от 6 до 8 лет, дабы тем рассчитаться в затраченных на них деньгам и облегчить свой быт, могущий крайне затрудниться потребностью в прислуге, для исполнения которой свободные женщины не возьмутся.

Считая с своей стороны заявления обществ Кабардинского округа наиудобнейшим решением [30-23] возникшего вопроса об освобождении холопов и других зависимых сословий, я приведу его полностью, присовокупляя:

Чтобы освободить зависимых людей и холопов в Терской области, хотя и можно изыскать много способов, но каждый способ освобождения имеет свои выгоды и невыгоды даже для каждой из заинтересованных сторон, не говоря о владельцах, теряющих собственность при всяком способе, которой бы они не захотели лишиться, если зависели обстоятельства от их собственной воли; но когда дело в том только, чтобы освобождение непременно состоялось и состоялось, между прочим, без правительственного вознаграждения, то кажется, что в таком безвыход-

ном положении необходимость заставляет обратиться к тому способу, который наименее разорителен для владеющих зависимыми сословиями. На мой взгляд, из всего, что можно придумать, более всего удовлетворительно допущение выкупа на волю по народному обычаю, потому что все выкупившиеся этим путем не только не приходили в нужду, но даже скоро богатели, не будучи нимало причиной обеднения прежних своих владельцев, с которыми пребывали навсегда в добрых отношениях, и немало примеров, что отпущенники поддерживали своих прежних хозяев, если они впадали в бедность, а сии последние даже гордились богатством отпущенных на волю прежних холопов.

В первые времена подчинения Кабарды русской власти многие владельцы, не желавшие покориться нашим требованиям, бежали за Кубань. Генерал Ермолов одной из мер взысканий с бежавших и их наследников, а наиболее - для прекращения побегов к непокорным горцам, установил дарование свободы холопам бежавших людей; из этих холопов образовалось целое селение до 200 дворов, известных под именем вольноаульцев, поселенных под укреплением Нальчик, именно вследствие необходимости ограждения нашею силою от неблагоприятных покушений противу остального населения, смотревшего враждебно на вольноаульцев, до тех пор, пока в прошлом году они не расселились по разным аулам и тем соединились снова с общею массою народа. Покажется очень странным и маловероятным то, что некоторые из таких вольноаульцев, несмотря на дарованную им начальством вольность, сами добровольно уплачивали наследникам своих прежних владельцев за себя выкуп и только со внесением этого добровольного выкупа считали они себя вполне свободными. Вследствие такого малоразвитого понимания своих прав и малой доверчивости к правительственным распоряжениям, не следует ли обратить внимание и на то, в каком останутся положении два сословия - прежних владельцев и прежних холопов, обреченных силою обстоятельств на совместное жительство. Такое житье будет мучением для всех и даже тяжелой обузой для самого начальства. Правда, власти кажется справедливым требовать от них покорности обстоятельствам, а за нарушение такой покорности виновных ссылать или наказывать, но сама-то справедливость с таким порядком вещей согласиться не может.

Требуя освобождения, нечего смотреть на то, что несколько семейств по лености и неспособности к труду обнищает, ибо место их займут другие, более трудолюбивые, но порождение внутренней вражды в обществе так важно и трудно искоренимо, что для устранения его нельзя не согласиться на большие уступки, нежели какие требуются предлагаемым способом освобождения.

При таком настроении, в каком находятся владельцы зависимых сословий, нет никакого сомнения, что с их стороны умышленного препятствия к соглашениям на выкуп не окажется, ибо положение их таково, что они должны согласиться на все, что придется им принять, но я имею много причин предполагать, что соглашения на выкуп может не оказаться со стороны холопов, которые, понимая очень хорошо, что освобождение их совершится во всяком случае, если бы они даже отказались от всякого выкупа или обязательной выслуги. Что делать в таком случае, когда холопы объявляют, что выкупиться им не на что? Оставить их при их владельцах на обязательной работе с определением по ценности зависимого лица и времени обязательного труда? Исход неудовлетворительный для всех, ибо он обещает ряд нескончаемых жалоб и расстройство всего, на чем должно существовать общество, а придумать между тем больше нечего при положительном отказе правительства принять участие в этом случае материальными средствами.

Холопский вопрос в Кабардинском округе имеет такое огромное значение, что какой бы ему ни состоялся исход, кроме прямого выкупа правительством, он будет неудовлетворительным для владельцев, по совершенной неспособности к какому-либо их занятию,- опыт надела тагаурских алдар землей, допущенный покойным князем Воронцовым, в то время, когда при алдарах оставались кавдасарды и холопы и не было никаких податей, лучше всего доказывает, что невежество с неразлучными своими спутниками - леностью и тщеславием - не может ни из какого положения извлечь выгод; алдарские земли не принесли им никакой пользы, и в короткое время алдары все обнищали и отличались только воровством и дурным поведением.

Если оставить невыкупающихся холопов пожизненно в зависимости своих владельцев, то хотя это средство было бы справедливо и в отношении владельцев и холопов, но оно может причинить много злоупотреблений и важных проступков, уследить которых будет чрезвычайно трудно.

Выселять уклоняющихся холопов от соглашения на выкуп или обязательный труд - мера, обещающая полный успех [3021]; но если таковых холопов окажется много, что делать в таком случае?

Куда и как их выселять, чем вознаградить их владельцев, которые с выселением строптивого холопа не имеют с кого получить причитающийся с него труд, или выкупную плату, если только правительство в этом случае не окажет помощи? [3025]

|' ,' '• 'iHI'p'

Сведения о числе душ зависимых сословий

Название округов	Каракиши (каб.) кавдасарды (осет.), чагары, теркеменцы		Обряд, хол., логанауты, оги, чагары, ясакчи		Безобр. хол., унаут, хол. осетин, кумыков и черк.		Общее число
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Кабардинский	2463	2269	7391	5937	937	1697	20 684
Осетинский					371	335	
Кумыкский	2400				648	591	3639
Прочие округа	3	4			154	150	311
Всего:							26 076

27. Письмо полковника Нурида от 14 сентября 1866г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с просьбой дать распоряжение для объявления кабардинским владельцам, собравшимся в Нальчике, о приступлении к освобождению зависимых сословий в Кабарде по народным обычаям,

12-го числа, по приглашению моему, собрались в Нальчике представители от рабовладельцев и холопов. На предложение мое освободить рабов на основании обычая, согласно поданой ими просьбы, представители от рабовладельцев нашли необходимым собрать всех рабовладельцев в Нальчике по поводу недоверия к представителям и в общем сборе решить этот весьма тягостный и серьезный для них вопрос.

Я отправил представителей от холопов в аулы, приказав им в пятницу 16-го числа собрать холопов в каждом ауле отдельно, объявить им просьбу, поданную Вам кабардинцами-владельцами, и обсудив обстоятельно этот вопрос, прислали бы в Нальчик

по 2 человека от каждого аула уполномоченных для окончательного решения его совместно с рабовладельцами.

От рабовладельцев я требую по одному старшему члену из семейств Большой и Малой Кабарды.

Между владельцами и холопами есть толки, по сведениям из Тифлиса (от тех, которые водили туда на продажу лошадей), что холопский вопрос отложен еще на 20 лет, а из Кубанской области - будто бы карачаевцам объявлено, что холопы еще не освобождаются.

Вследствие таких сведений нет согласия между обществами кабардинских рабовладельцев, и много различных по этому делу толков. Но несмотря на все эти препятствия, совершенно непредвиденные, я надеюсь уладить все, окончить это дело без всякого нарушения порядка в окрзте. Дело об освобождении в Кабарде холопов зашло так далеко, что не только нет отступления, но всякое замедление затрудняет его.

В настоящий момент при общем сборе народа необходимо этот вопрос окончить, а потому прошу Ваше Превосходительство дать мне разрешение, которое я бы мог прочесть кабардинцам, что просьба их принята и им предоставлено по народным обычаям освободить зависимые сословия не позже одного года или двух лет, как Вам будет угодно. Тогда я смело приступлю к делу и надеюсь его окончить ранее определенного срока.

Сбор будет ожидать Вашего приказания, и чем скорее Вы его изволите дать, тем будет лучше для моих действий.

С чувством глубочайшего уважения и полной преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

А. Нурид

28. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 15 сентября 1866 г. капитану Смекалову

До получения от Нурида окончательно успокоительных сведений и роспуска Нальчикского сбора поездку в Тифлис считаю неудобною. Заявите составление Тифлисским Комитетом положения до разработки местным рановременно, благодарить кабардинцев в рескрипте полагаю не следует.

Лорис-Меликов

29. Телеграмма помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцова от 16 сентября 1866 г. за № 846 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о разрешении кабардинским феодалам приступить к освобождению зависимых сословий на основе местных обычаев

Его Императорское Высочество [31] одобрил представленные Вами основания освобождения холопей, благодарит кабардинцев и принимает их просьбу. Разрешает произвести освобожде-

иие обрядных по обычаю согласно их просьбе в течение 5 или 6 лет. Слухам пусть не верят.

Генерал-адъютант Карцов

bU-'if-i'-ЬЯ''-'-M-' an : ...

30. Телеграмма помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцева от 18 сентября 1866 г. за № 954 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с запросом о ходе освобождения крестьян в Кабарде j

Великий Князь спрашивает, нет ли известий из Кабарды? Кажется, озабочен. Успокоил его. Не откажите чаще сообщать.

Карцов

31. Телеграмма помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карпова от 19 сентября 1866 г. за № 1029 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с просьбой информировать о ходе освобождения крестьян в Кабарде

Главнокомандующий вчера выехал в Крым. Телеграмма озаботила его, не откажите телеграфировать о Нальчикских совещаниях. На днях буду писать Вам.

Карцов

32. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 16 сентября 1866 г. за № 161 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцову
* *с просьбой дать распоряжение приступить к освобождению крестьян в Кабарде*

Кабардинцы собраны в Нальчике по холопскому и податному вопросам. Нурид испрашивает разрешения. Можно ли объявить, что просьба принята и предоставляется освободить по народному обычаю, не позже одного или двух лет? Ожидает ответа с нарочным; сбора не распускает; решение считает необходимым для устранения ложно распущенных слухов прибывшими из Кубанской области и Тифлиса кабардинцами, будто бы холопский вопрос приказано отложить на несколько лет. Ответную депешу Вашу отправлю в Нальчик. Холопский вопрос в Кабарде зашел далеко, отложить его, даже медлить, невозможно.

•••• •'•. " • ">;.' •лт'-гл-: 'Т!г;-л--;Ч!Гп-^'«-- :*-г v-;v- Лорис-Меликов

33. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 20 сентября 1866 г. за JV? 209 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцову
:•,*• *о разногласиях среди кабардинских феодалов по вопросу об освобождении крестьян*

Разногласие владельцев еще продолжается, мелкие обвиняют представителей за то, что кабардинцы должны первыми начать освобождение, требуют от них присяги, дабы всем проситься в Турцию. Если заявят эту просьбу, то объявляю, что в Турцию не пойдут. Подстрекатели будут наказаны и могут лишиться холопов без всякого выкупа. Отъезд свой в Нальчик нахожу еще несвоевременным.

Лорис-Меликов

34. Письмо начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 17 сентября 1866 г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о настроении кабардинцев по вопросу об освобождении зависимых сословий

С воскресенья 11-го числа кабардинцы в общем сборе в Нальчике обсуждают холопский вопрос и ни к какому результату до сих пор прийти не могут. Сегодня решили, чтобы выбрать по 5 почетных стариков из каждой фамилии и Малой Кабарды, уполномочить их решить этот вопрос совместно с членами Окружного суда и решение это сделать окончательным и обязательным для всего населения. Завтра же по выборе этих депутатов сбор будет распущен по домам. Выборные от холопов по этому же делу завтра прибудут в Нальчик. Хотя много различных толков, недоразумения и недоверия масс к главным действующим в деле этом лицам и заявлений о желании уйти в Турцию, дело устроится хорошо. О ходе дела я буду иметь честь доложить Вашему Превосходительству возможно чаще. Так как разговоры выборных до решения дела продлятся несколько дней, я спешу донести о настоящем положении дела.

Без всякого с моей стороны предложения весь народ принял присягу оставить воровство и вора, если он будет пойман, выдать начальству.

По холопскому же делу приняли присягу доверять друг другу и действовать единодушно на пользу общую.

По роспуску сбора я не замедлю донести Вашему Превосходительству более подробно.

С чувством глубокого уважения и преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

-..,;:_ »"•••: I'VVK - -."И/ • -,..;,•*. Александр Нурид

35. Письмо начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 21 сентября 1866г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о ходе освобождения зависимых сословий в Кабарде

Холопский вопрос в Кабарде окончательно решен. Владельцы, собранные по делу этому в Нальчике, сегодня окончательно разъехались, оставив уполномоченных представителей и 25 выборных стариков. Последние совместно с выборными от холопов и членами Окружного суда составляют Комитет для определения обязательных правил, на которых должны состояться соглашения. Как владельцы, так и холопы вполне уполномочили состав этого Комитета сделать постановление и обязать принять его к исполнению безоговорочно. По определении Комитетом правил будут выбраны от всех сословий мировые посредники в каждом участке, которые, находясь постоянно при участковом начальнике, обязаны будут следить за точным исполнением этих правил и разрешать возникшие недоразумения или несогласия между владельцами и холопами при освобождении последних и исполнении ими обязательных условий.

По совету представителей, я после объявления об освобождении холопов не входил в объяснения по этому предмету с народом, уверенный обещаниями этих представителей, что без моего вмешательства они успеют склонить народ к окончанию этого вопроса добровольно. В продолжение 9 дней, совещаясь с народом, они довели его до того, что все единогласно стали требовать от них переселения в Турцию. Владельцы не только не умели склонить их к соглашению, но, соединившись с народом и членами депутации от народа, явились ко мне с просьбою разрешить им отправить к Вам депутацию с просьбой об отпуске их в Турцию. Я строго принял эту депутацию и вошел в сбор, склонив их выбрать уполномоченных и безотлагательно и беспрекословно исполнить царскую волю, приняв за обязательное правило разрешение Великого Князя освободить холопов по обычаям, обещав при этом, что когда все холопы будут освобождены, им я испрошу позволение Ваше прислать к Вам депутацию от народа, которая была бы вправе заявить все нужды и желания народа. Если Вы, Ваше Превосходительство, найдете возможным, не откажите ей представиться Его Высочеству и лично заявить, если у них остается еще желание переселиться в Турцию. До тех же пор, пока хоть один холоп останется в зависимости, ни одна народная просьба не будет доведена до Вас. Народ и члены Комитета согласились на все мои предложения, и завтра Комитет откроет свои действия. Холопы также согласны на все.

Копия условия и правила, какие будут постановлены Комитетом, я не замедлю донести официально Вашему Превосходительству. Кроме того, подробно донесу о всем ходе этого дела со дня сбора и обо всех заявлениях, сделанных мне кабардинским народом.

Необходимую сумму денег для ведения этого дела я позаимствовал из Кабардинской общественной суммы и часть из этой суммы выдал начальникам участков на этот же предмет.

Подать будет взыскана своевременно после октябрьской ярмарки. Горцы уже доставляют ее.

С чувством глубокого уважения и полной преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

Александр Нурид

36. Выписка из письма ген. Карцова от 21 сентября 1866 г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об утверждении проекта освобождения крестьян в Кабарде и перспективах проведения в жизнь этого проекта

Проект освобождения холопов, Вами представленный, был доложен мною Его Высочеству; Великий Князь вполне его одобрил, и теперь предстоит труд, во-первых, обработать его в подробности и привести в форму положения, которые молено было бы представить на Высочайшее утверждение, а во-вторых, привести его в исполнение с соблюдением экономических условий и общего спокойствия в крае. Эта последняя половина задачи, конечно, самая важная и уже будет вполне зависеть от Вас и лежать на Вас всею своей тяжестью. Первую часть труда, т. е. составление положения, необходимо привести теперь же к окончанию, чтобы отправить в Петербург во время присутствия там Его Высочества.

С подлинным верно:

поручик (подпись)

37. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 23 сентября 1866 г. помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцеву о ходе освобождения крестьян в Кабарде и об организации местного комитета

21 сентября все предварительные меры к предстоящему освобождению холопей в Кабарде окончены. Владельцы и холопы избрали 25 депутатов, которые совместно с членами Окружного суда составляют местный Комитет для определения правил освобождения, сегодня должно открыться первое заседание. Народный сбор распущен по домам. Подробное письмо начальника округа представляю почтою.

.>•.:,'. • • •:!,>'".:•;•*•> •f.-'n^^Li .."•"• и'ч5'"д''"'Лорис-Меликов

38. Письмо помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцева от 28 сентября 1866 г. за №4378 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о желании правительства, чтобы кабардинские феодалы сами приступили к разрешению крестьянского вопроса путем заключения добровольных с холопами соглашений

В дополнение к посланной уже мною Вашему Превосходительству телеграмме, считаю долгом сим известить РАС, что представление Вашего Превосходительства от 8 сентября № 2323, касающееся разрешения крестьянского вопроса в Кабарде, в общих основаниях вполне одобрено Его Императорским Высочеством Главнокомандующим, которому угодно было разрешить Вам теперь же приступить к началу правительственных действий по настоящему предмету объявлением кабардинскому народу о желании правительства, чтобы владельцы крестьян сами приступили к разрешению вопроса путем взаимных добровольных соглашений с своими холопами.

Проект официального предписания Его Высочества по этому предмету с более подробным развитием утверждаемых Его Высочеством оснований будет вслед за сим отправлен к Его Высочеству и по возвращении в Тифлис немедленно препровожден к Вашему Превосходительству. В настоящее время я поручил капитану Смекалову доложить Вашему Превосходительству лично о том, в каком виде разрешение предварительно одобрено Государем Великим Князем и по обсуждении в Комитете под моим председательством представляется на окончательное утверждение Его Императорского Высочества.

Примите уверения в истинном моем почтении и преданности

Карцов

39. Письмо начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 24 сентября 1866 г. за № 2985 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцеву о ходе крестьянской реформы в Кабарде

В дополнение сведений, сообщенных Вашему Превосходительству по телеграфу, представляю при сем копии с трех писем начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 14, 17 и 21 сентября по холопскому вопросу в Кабарде. Толки и колебания, возникшие в среде владельцев, были неизбежны; сложность самого вопроса и инстинктивно сознаваемое убеждение, что с окончанием предпринимаемой реформы изменится неминуемо и весь строй общественной жизни Кабарды, тесно связано с ныне существующим крепостным правом. Все это не могло не вызвать опасений со стороны владельцев и весьма понятного желания по возможности отсрочить освобождение зависимых сословий.

В настоящее время вопрос поставлен ясно; население знает, что холопы будут освобождены, и ему притом официально объявлено, что заявления владельцев относительно самого способа освобождения и в главных основаниях уже одобрены Его Императорским Высочеством. Избрание депутатов с целью составления правил для выкупных сделок составляет первый приступ к делу и служит лучшим доказательством того, что население вполне убедилось в том, что правительство не отступит уже от предложенной цели и потому всякое дальнейшее колебание со стороны администрации может только повредить успеху дела и повести к большим осложнениям вопроса.

С своей стороны не могу не заявить Вашему Превосходительству, что, по моему мнению, представленное кабардинскими владельцами заявление, не затрагивающее многих частных сторон предстоящего вопроса, не может еще служить основанием для составления в Главном Комитете в Тифлисе точных и вполне обязательных правил для освобождения зависимых сословий, и полагаю, что установлению и окончательному утверждению таковых правил должна неминуемо предшествовать подробная разработка в местном Комитете, составленном из лиц местной администрации и выборных от обеих заинтересованных сторон, всех вопросов по размеру выкупных платежей, по имуществу обрядных холопов, обеспечению быта бесправных холопов и установлению порядка приведения выкупных сделок в исполнение с тем, чтобы постановления местного Комитета до приведения их в действие были представлены на рассмотрение Главного Комитета в Тифлисе. Близкое знакомство Вашего Превосходительства с Терским краем делает уже излишним подробное развитие вопроса об освобождении холопов в остальных частях области, и только что обозначится правильный исход этого дела в Кабарде, то освобождение зависимых сословий в прочих округах не встретит уже, по моему мнению, никаких затруднений.

В заключение считаю нужным присовокупить, что в тесной связи с освобождением холопов в Кабарде стоят еще два вопроса: разбор личных прав и образование частных собственников: первое - из лиц высшего сословия и второе — из всех владельцев, которые, не принадлежа к этому сословию, пользовались, однако, правом владения путем владения аулом, проистекающим из права владения узденями, и третье — лиц, приобретших право на вознаграждение землею или долговременной службой, или оказанными правительству услугами.

Поэтому при настоящем положении дела я считаю своевременным и необходимым разрешение означенных вопросов с тем, чтобы весною будущего года можно было приступить к выделу участков, предназначенных в частную собственность.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в чувствах глубокого уважения и совершенной преданности покорного слуги

М. Лорис-Меликова

Верно: поручик (подпись)

40. ЗАВИСИМЫЕ СОСЛОВИЯ В КАБАРДЕ, ЛИЧНЫЕ И ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ИХ И ПОВИННОСТИ

Название зависимых сословий	Права личные вообще и семейные в особенности, как выражение зависимости	Права по имуществу вообще и поземельные в особенности	В чем заключается служба и повинности	Число душ лиц зав.сословия	Примечание
1. Ог - крепостной (логанаут), приобретший это новое звание, а равно и права и преимущества меньшей против прежнего зависимости от владельца, только по собственной воле последнего, за особые заслуги. Если ог не исполняет своих обязанностей, то может быть вновь обращен в логанаута.	Может быть продан не иначе, как в составе всей семьи, причем ему предоставляется отыскать или выбрать покупщика. Выкупиться он может только, когда согласен владелец. При выкупе все имущество ога и семейства его, без исключения, должно быть передано владельцу и только затем уже назначается последним выкупная плата. Она бывает за взрослого 200-500 руб., за детей от 10 до 120 руб., а за стариков по усмотрению, но менее 200 руб. Выкупы могут быть и одиночные, кроме женщин. При продаже цены менее: для взрослых не свыше 200 руб., для детей муж. пола от 10 до 120 руб; за девушек же уплачивают только часть калыма; при выходе ее впоследствии в замужество покупщик обязан дать покупаемому семейству в пользование такую же часть хозяйства, какою оно пользовалось у прежнего хозяина. Выдачею замуж дочерей и женитьбою сыновей распоряжается сам ог и только платит в первом случае владельцу двух быков и двух коров.	Лицо, сделавшееся огом, приобретает право производить запашку на общественных землях, причем обязан пахать не менее, как двумя парами быков (плуг). Может иметь собственность как в скоте, так и в имуществе, но собственность эту сохраняет только при продаже; при желании же выкупиться теряет ее.	1) Платит своему владельцу ежегодно с каждой пары быков, которыми пашет, арбу проса, а как обязан пахать двумя парами, то менее 2 арб платить не может. 2) 10 арб дров владельцу. 3) 5 дней косит своему владельцу сено на своем продовольствии. 4) Караулит за владельца, когда нужно 1/2 года по ночам в общественном табуне. 5) С пчел, если имеет, дает 3 сапетки меду. 6) В год одного барана. 7) Когда зарежет быка, дает определенную часть. 8) При женитьбе господина или сына его дает двух быков. 9) Если владелец строит дом, обязан работать при постройке.	Число зависимых неизвестно положительно. По приблизительным сведениям их там всего до 2 тыс. семейств, или 10 тыс. душ обоего пола. Число владельцев неизвестно.	Огами делают обыкновенно тех, которые могут собственными средствами пахать на 2 парах быков. Возведение в это состояние выгодно для владельцев, ибо, кроме того, что он при этом отбирает у возводимого часть имущества, владелец уже не обязан ни кормить, ни помогать ему каким-либо иным способом.
2. Логанаут - крепостной, живущий особым домом и семейством.	Может быть продан на тех же условиях, как ог. Кроме того, у логанаутов, принадлежащих князьям и тлакотлешам, владельцы при выдаче замуж своих дочерей могут взять девушку и отдать в приданое за своею дочерью, в унаутки. Жену логанауту покупает владелец; он же берет калым за дочерей логанаута, выдавая из калыма 10 руб. отцу. Условия	Имущество логанаута состоит из двух частей: одна - данная ему владельцем для существования и устройства хозяйства; другая - образовавшаяся из разных подарков и приношений по случаю выхода в замужество членов семьи и т. п. И тою и другою он пользуется во время пребывания у владельца. При выкупе же отдает все владельцу, а при продаже сохраняет	Обязан исполнять во всякое время все требования владельца по сельскохозяйственным работам. Если при этом не будет иметь времени для обеспечения себя и семьи, то получает от владельца и пищу, и одежду.		

41. *Письмо начальника Терской области ген Лорис-Меликова от 25 сентября 186Ь г. за № 2981 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду* [32]

Милостивый государь Александр Александрович!

Препровождая к Вам для личного сведения выписку из письма ко мне г-на помощника Главнокомандующего Кавказской армией от 21-го сего сентября и копию с моего.письма к генерал-адъютанту Карпову от 24-го этого месяца за № 2985 присовокупляю при этом, что ответ, имеющий последовать от Его Превосходительства Александра Петровича на мое письмо, будет сообщен Вам.

Примите уверения в полной преданности и уважения к Вам.

42 Письмо полковника Старосельского от 30 сентября 1866 г. за № 4495 Смекалову о порядке проведения крестьянской реформы в Кабарс/е [33]

Согласно желанию Вашему, препровождаю при этом к Вам, милостивый государь, копию с заготовленного предписания Главнокомандующего Кавказской армией на имя начальника Терской области, вызванного представлением Его Превосходительства Михаила Тариеловича касательно порядка разрешения крестьянского вопроса в Кабарде.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Дм. Старосельскии

43. Письмо полковника Старосельского от 9 октября 1866 г. за № 4673 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с резолюцией ген. Карцева

В дополнение к телеграмме помощника Главнокомандующего армией, последовавшей вследствие депеши Вашего Превосходительства от 16-го минувшего сентября относительно ложных слухов, распущенных в Кабарде по крестьянскому вопросу, и о кабардинцах, собравшихся в то время в Нальчике и ожидавших решения по просьбе их о дозволении им освободить холопов по народным обычаям, генерал-адъютант Карцов поручил мне сообщить Вам следующую резолюцию Его Императорского Высочества: «Вполне полагаюсь на умение генерал-адъютанта Лорис-Меликова и полковника Нурида, чтобы противодейство-

вать распущенным ложным слухам и не допустить беспорядков или возмущения в Кабарде».

Во исполнение возложенного на меня поручения, уведомляю об этом Ваше Превосходительство. С истинным почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

1я Дм. Старосельский

44. Записка полковника Черкесова от 22 сентября 1866 г. по поводу доклада начальника Кабардинского округа полковника Нурида об освобождении зависимых сословий в Кабарде

Начальник Кабардинского округа представил на усмотрение начальника области докладную записку кабардинских рабовладельцев и при ней оставленный владельцами и ими подписанный проект правил для обязательного освобождения холопов в том случае, ежели добровольных соглашений не последует.

Представляя записку и проект правил, начальник округа просит об утверждении проекта правил теперь же и о сообщении ему таковых для объявления их кабардинскому народу, причем он словесно заявил: 1) что холопские депутаты, коим условия обязательного освобождения были предъявлены, изъявили на них свое согласие, за исключением условия о разделе имущества; 2) что утверждение этих правил теперь же и объявление их народу до истечения 6-месячного срока, дарованного на совершение добровольных соглашений, он считает необходимым для успешного хода добровольных соглашений по следующим причинам: обнародование этих правил убедит холопов в том, что при обязательном их освобождении по распоряжению правительства они ни в коем случае не будут освобождены безвозмездно, на что они еще надеются; с другой стороны, объявление это успокоит и владельцев, которые получат теперь же гарантию того, что с наступлением срока обязательного освобождения по распоряжению правительства они, владельцы, не подвергнутся более тягостным для них условиям.

При этом начальник округа заявил, что хотя правила эти и должны быть теперь же утверждены и объявлены, но что обязательную силу они должны приобрести только по истечении срока, назначенного для добровольных соглашений.

Так как по смыслу предписания Главнокомандующего на добровольные соглашения дается срок 1,5-годичный в случае, ежели бы с самого начала этого срока добровольные соглашения пошли успешно, и только шестимесячный в случае, если бы по ходу этого дела было замечено, что кабардинцы желают только тянуть дело, то первым вопросом становится следующий: нужно ли теперь же утверждать правила обязательного освобождения, которые во всяком случае должны начать свое действие не ранее 1,5 лет или 6 месяцев, или же, приступая теперь же к составлению таковых правил, принять для этого в соображение как настоящие по сему предмету заявления владельца, так и последующие указания опыта первых добровольных соглашений, а равно и заявления по сему предмету холопских депутатов, или утвердить и объявить эти правила только тогда, когда наступит срок обязательного их действия.

Не говоря уже о том, что по точному смыслу предписания Главнокомандующего от 1 (13) октября 1866 г. за № 4779, которое должно быть объявлено кабардинцам, таковое утверждение теперь л-те обязательных правил, долженствующих приобресть силу закона, без предварительного рассмотрения этих правил в Главном Комитете, превосходит власть начальника области, можно, как мне кажется, сделать некоторые возражения и против выставляемой начальником округа пользы и необходимости безотлагательного утверждения представленного им проекта правил обязательного освобождения.

Нельзя, конечно, отрицать того, что заблаговременное обнародование (до истечения срока добровольных соглашений) правил обязательного освобождения может содействовать успешному ходу добровольных сделок, но это будет справедливо только в том случае, если правила будут составлены таким образом, что при обязательном выкупе будет материально терять та сторона, которая будет умышленно уклоняться от добровольных соглашений.

Утверждение же и обнародование правил обязательного освобождения, составленных владельцами, может, конечно, отчасти побудить холопов ко вступлению в добровольные соглашения с владельцами, так как обнародование правил разрушит их надежды на безвозмездное освобояедение, но цель эта могла бы быть достигнута и простым объявлением последнего предписания Главнокомандующего и надлежащими разъяснениями начальника округа; что же касается владельцев, то утверждение теперь *ж.е* правил обязательного освобождения, ими составленных и гарантирующих их интересы, может только побудить их уклоняться от добровольных соглашений до наступления срока обязательного освобождения.

Нельзя не заметить и того, что, если предлагаемые ныне владельцами или даже несколько измененные правила должны впоследствии приобрести силу закона, то необходимо не только не изменять их впоследствии, но и самое утверждение их обставить некоторыми формальностями, т. е. чтобы они были утверждены Главнокомандующим или его помощником, иначе холопы будут видеть в этих правилах только временное административное

распоряжение местной власти и по объявлении им предписания Главнокомандующего, в котором упоминается о том, что по истечении льготного срока в случае неуспеха добровольных соглашений последует освобождение по распоряжению правительства, они будут надеяться на более льготные для них условия, и, естественно, будут уклоняться от всяких добровольных сделок.

Не следует, наконец, упускать из виду и того обстоятельства, что, утверждая и объявляя теперь же правила обязательного выкупа в тех видах, чтобы способствовать успешному ходу добровольных соглашений, правительство тем самым лишает себя возможности в том случае, ежели бы надежды на добровольные соглашения не состоялись, постановлять впоследствии другие правила даже и в том случае, ежели бы настоящие правила оказались на опыте отяготительными для холопов.

По всем вышеприведенным причинам правильнее и осторожнее было бы: не утверждая представленного владельцами проекта правил обязательного освобождения, ограничиться предписанием начальнику округа, в коем пояснить, что настоящие заявления владельцев будут приняты в соображение при составлении правил обязательного освобождения, которые по утверждении Главнокомандующим получат законную силу по истечении 1,5-годичного или 6-месячного срока, даруемого (смотря по успешности хода добровольных сделок) для добровольных соглашений, и вместе с сим предписать начальнику округа доставить заявления депутатов со стороны холопов относительно удобоприменимости предлагаемых владельцами оснований. Переходя к разбору главнейших оснований проекта правил обязательного выкупа, составленного владельцами, нельзя не заметить того, что они составлены без всякого участия депутатов со стороны холопов и что начальнику области не было представлено никаких официальных заявлений о том, в какой мере выборные от холопов считают предложения владельцев удобоприменимыми. При полном доверии к заявлению начальника округа, в деле такой важности нельзя, как мне кажется, основываясь на одном словесном объяснении начальника округа, устранить выборных со стороны холопов от участия в составлении правил обязательного выкупа, когда по смыслу предписания Главнокомандующего, которое должно быть объявлено всему народу, выборные от холопов должны быть допущены к предварительной разработке в местном Комитете условий обязательного выкупа.

Оставляя в стороне то соображение, что несоблюдение важной в этом случае обрядности может впоследствии подать повод к справедливым жалобам со стороны холопов, нельзя не остановиться на том, что правительство, не выслушав заявлений одной из заинтересованных сторон, не может взять на себя [полномочия] придать обязательную силу закона правилам, составленным другой стороной и вполне гарантирующим интересы этой стороны,- другими словами, правительство не должно и не может действовать под диктовку кабардинских рабовладельцев.

Главнейшие основания предложенных владельцами правил - это размер выкупной паты и оценки годичного труда холопа по обычаю; размер первой для совершеннолетнего мужчины или женщины определен кабардинцами в 200 руб., а годичный труд работника или работницы оценен в 30 руб. В установлении выкупной платы кабардинцы не сделали никакой уступки, так как по заявлению лиц, знакомых с бытом Кабарды, это есть, действительно, существующая продажная плата, что засвидетельствовал и начальник округа, говоря, что кабардинские владельцы сделали уступку в том, что выставили не цены, существующие при выкупе по обычаю, значительно высшие, а обыкновенные продажные цены. Так как, по словам начальника округа и других лиц, знакомых с Кабардою, около $^{2}/_{3}$ холопов не в состоянии внести выкупной платы по рассрочке или разом и так как имущество (рабочий скот, средняя общая стоимость всего холопского имущества от 100 до 130 руб.), достающееся холопу, необходимо для его существования и не может быть обращено в счет выкупа, то для большей части холопов при вышеозначенных размерах выкупной платы и годичной оценки труда рабочего вопрос сводится на 7-летний период обязательных отношений. Не говоря уже о том, что столь продолжительный срок обязательных отношений, при малой успешности обязательного труда, не может не отразиться весьма вредно на общем экономическом быте Кабарды и что он потребует семилетней напряженной деятельности администрации по разбору нескончаемых взаимных жалоб, нельзя не обратить внимания на то, что установление 7-летнего срока будет новой уступкой кабардинским владельцам, которые в первоначально поданной ими начальнику области в Кисловодске просьбе ходатайствовали о четырехлетнем сроке. Семилетний срок не будет к тому же согласовываться и со смыслом предписания Главнокомандующего, в котором только для унаутов определен, и то не 7-летний, а 6-летний срок. Для унауток столь продолжительный срок допущен не в смысле возмещения продолжительной службой стоимости их, а единственно вследствие ходатайства начальника области о том, чтобы резким переворотом не поставить кабардинцев в безвыходное положение по невозможности при теперешнем строе кабардинского быта иметь вольнонаемную, в особенности женскую, прислугу. По моему мнению, 4-летний срок должен быть принят за предельный для обязательных отношений всех обрядных холопов, и потому следовало бы или уменьшить выкупную плату до 120 руб. за душу (для взрослых), оставив оценку годичной платы в 30 руб., или же, оставив выкупную плату в 200 руб., возвысить оценку годичного труда (по обычаю) работника до 50 руб.

Для малолетних (обрядных холопов) установить оценку, только начиная с 8 лет (малолетних ниже 8 лет оценке не подвергать), определив однообразную выкупную плату по расчету четырехлетних обязательных отношений и приблизительной оценки годичной платы. Так как по неимению метрик точное определение лет невозможно, то установить общую среднюю оценку для всех возрастов от 8 до 15 лет как годичной, так и выкупной платы, например, выкупную плату принять за 80, а годичную плату за труд 20 руб.

г- По имущественному вопросу можно было бы заявить, что так как имущество это было средством, которое давало холопу возможность как поддерживать себя, так и отбывать повинности в пользу владельца, то правильнее всего было бы все имущество, не исключая дидовос-белыма, оставить безраздельно за холопами; в подтверждение справедливости этой меры можно было бы привести то соображение, что только оставлением всего имущества за холопами может быть справедливо установление выкупной платы (и притом весьма высокой) за личность. Во всяком случае, если будет установлен и половинный раздел имущества, необходимо, чтобы оговорка, сделанная относительно наименьшего размера имущества (пары быков), была бы распространена и на унаутов, чего в проекте правил не сказано.

Ограждение некоторых личных и имущественных прав должно быть изъято из обязательных правил и объявлено одновременно с объявлением предписания Главнокомандующего; уничтожение права владельца на взимание калыма при выходе в замужество, а равно ограничение права владельца распоряжаться имуществом холопа и, быть может, отмена некоторых тягостных поборов должны получить законную силу со дня объявления предписания Главнокомандующего, иначе к истечению срока добровольных соглашений владельцы могут распродать весь дидовос-белым своих холопов.

В заключение считаю необходимым присовокупить, что так как с объявлением предписания Главнокомандующего наступит период, определенный для добровольных соглашений, то совершенно необходимо безотлагательно установить и опубликовать точные правила относительно порядка совершения, свидетельства и утверждения добровольных сделок (необходимо установить нечто вроде уставных грамот на печатных бланках, в которые заносить имена владельцев, холопов, лета, пол, условия относительно выкупной платы, сроков, имущества и т. п.), а равно приведение таковых сделок в действие; причем должны быть точно оговорены и те случаи, хотя бы и добровольных соглашений, в которых сделки эти утверждены быть не могут.

Полковник Черкесов

22 сентября 1866 г. "/'-А • •. • • '• - '-'Щ,^

45. Предписание начальника Терской области от 29 октября 1866 г. за № 61 начальнику Кабардинского округа с требованием списков освобожденных холопов в Кабардинском округе

Предлагаю Вашему Высокоблагородию теперь же представить мне подробные списки холопов, освобожденных во вверенном Вам округе с 1 августа по 1 ноября настоящего года по добровольным соглашениям с владельцами. В списках этих должны заключаться следующие сведения: 1) имена выкупившихся с приблизительным обозначением их лет; 2) размер выкупной платы, денежной или вещественной; 3) условия срока уплаты с отметкою имени и поручителя, если таковой был взят владельцем за несостоятельностью холопа, и 4) когда и за каким номером было выдано освобожденному холопу увольнительное свидетельство из Окружного управления.

46. Возражения начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 3 ноября 1866 г. на критические замечания полковника Черкесова по вопросу об освобождении зависимых сословий в Кабарде

По поводу представленного Его Превосходительству начальнику Терской области кабардинскими рабовладельцами проекта правил обязательного освобождения холопов в том случае, если вопрос этот не разрешится путем добровольных соглашений, ходатайства моего о немедленном утверждении этого проекта для объявления народу и некоторых заявлений, сделанных мною в собранном Его Превосходительством Комитете для обсуждения холопского вопроса, член Комитета, г-н полковник Черкесов [м], сделал свои возражения, по поводу которых я нахожу необходимым доложить Комитету следующее [34л]:

Исчислив мои заявления и упомянув о сроках, дарованных Его Высочеством для добровольных соглашений, г-н полковник Черкесов поставил на первый план вопрос о том, следует ли теперь же утвердить и объявить народу правила обязательного освобождения или сделать это тогда, когда наступит время действия их, т. е. по истечении сроков, дарованных для добровольных соглашений.

Первое препятствие к утверждению немедленно обязательных правил г-н полковник Черкесов находит в том, что такое действие без предварительного рассмотрения правил в Главном Комитете превышает власть начальника области. Это правда, но нет сомнения от того, кем она будет приведена в действие, а потому прежде всего следует обратить особенное внимание - в какой степени полезно и необходимо предлагаемое мною немедленное утверждение и обнародование правил и в какой степени

правила эти пригодны для предстоящего дела, а кем они будут утверждены и сегодня же или в тот незначительный срок, который необходим для испрошения [342] через Главный Комитет утверждения Его Высочества — все равно, лишь бы мера была признана полезной. В этом отношении г-н полковник Черкесов допускает, что утверждение и обнародование правил обязательного освобождения может содействовать успешному ходу добровольных соглашений, но находит это действие справедливым в таком только случае, если правила будут составлены так, чтобы при обязательном освобождении потеряла непременно сторона, уклонившаяся умышленно от соглашения. Это уже будут не правила, а уложение о наказаниях за уклонение от добровольного соглашения [343]. Таких правил, которые одинаково были бы выгодны и для владельцев, и для холопов, несмотря на то, кто из них окажется виновным в уклонении от сделки, составить невозможно, и чтобы они удовлетворяли требуемой полковником Черкесовым справедливости, в них следует сказать: если будет доказано, что владелец виноват в том, что не состоялось добровольное соглашение, то он должен освободить холопа за такую-то плату, сравнительно ничтожную цену, если же будет виновен в этом холоп, то он внесет владельцу значительно больший против принятого за норму выкуп. Следовательно - волей или неволей, а приходи к соглашению, теряй много, лишь бы не потерять больше [34A].

При заключении добровольных сделок владелец будет придерживаться обычая, а холоп - надежды освободиться даром или на условиях далеко выгоднейших обычая, по распоряжению правительства. Соглашение не состоится, и надо будет разобрать, которая из двух сторон виновата в этом [345].

При неимении утвержденной правительством нормы обязательного выкупа (о чем я особенно ходатайствую), как определить, кто из соглашавшихся был неумерен в своих требованиях и кого из них подвергнуть материальному лишению при обязательном освобождении.

Владелец, основавший свои требования на обычае [34-6] и сделавший некоторые незначительные уступки, по справедливости должен быть признан правым, а холоп, требующий многого без всяких прав и оснований, остается виновным и, следовательно, потерпит в материальном отношении. Короче, я не могу допустить правил, при существовании которых полковник Черкесов находит справедливым и полезным делу немедленное утверждение и обнародование нормы обязательного выкупа [3i7], и полагаю, что и без них это может состояться и принести ожидаемую пользу.

Далее полковник Черкесов находит, что объявление правил обязательного освобождения, составленных владельцами, могло бы побудить отчасти холопов к добровольным сделкам, лишив их надежды на безвозмездное освобождение, но что этой цели

можно достигнуть и простым объявлением последнего предписания Главнокомандующего, а потом он находит, что то же самое предписание, если утверждение обязательных правил выкупа не будет обосновано некоторыми формальностями, т. е. утверждение Главнокомандующего помощника его, заставит холопов уклоняться от всяких добровольных сделок, потому что они будут надеяться по истечении добровольных для сделок сроков получить освобождение на более выгодных условиях по распоряжению правительства. Интересно знать - почему в первом случае холопы не будут основывать своих надежд на предписании, а оно побудит их к заключению добровольных сделок [348], полковник Черкесов этого не объяснил.

При настоящем положении дела в настроении умов в Кабарде я полагаю необходимым представить Комитету для немедленного обсуждения и решения следующие вопросы:

1) Будет ли объявление народу последнего предписания Его Высочества без утверждения норм выкупной цены содействовать ходу добровольных соглашений и не замедлит ли оно их, оставляя холопам надежду по истечении льготных сроков получить освобождение на более выгодных условиях по распоряжению правительства?

При безвозмездном освобождении холопов, принадлежавших туземцам, зачисленным в казачье сословие, родилась смутная надежда и у холопов кабардинских освободиться от рабства таким же путем [349]. Как и везде случалось при решении этого вопроса, явились злонамеренные люди, которые обнадеживали народ в возможности получить свободу без выкупа и распустили даже слух, что свобода эта давно дарована холопам Государем, но не объявляется начальством по просьбе владельцев, которые желают выиграть время и заставить их откупиться, прежде чем последует объявление. Такие толки произвели волнение в зависимых сословиях, довели холопов до прекращения работ, общественных сборов и неповиновения владельцам. Нужны были довольно энергичные меры, чтобы поколебать в них надежду на безвозмездное освобождение и привести к исполнению своих обязанностей. Хотя надежда эта и поколебалась сильно, но осталось в холопах недоверие к владельцам, которые до настоящего времени на основании народных обычаев обирали их при выкупе донага, нисколько не заботясь об их выгодах. Недоверие это победило в холопах побуждение, несколько раз мне высказанное, что гораздо выгоднее отдать свою участь на волю начальства, которое примет в соображение интересы обеих сторон, а не на волю владельцев, которым их личные интересы дороже чужих. При таком настроении умов в зависимых сословиях, если будет объявлено о предписании Его Высочества, оставляющем холопам возможность по истечении известного срока отдать свою участь на волю правительства, не объясняющем теперь же, как оно поступит при обязательном освобождении,

смело можно сказать, что дело добровольных соглашений, так необходимое для сохранения добрых отношений между сословиями, не пойдет успешно. Если же владельцы и холопы будут знать, как поступит правительство в том случае, когда вопрос не разрешится путем добровольных соглашений, то, кроме возможности выговорить себе какие-нибудь ничтожные выгоды против установленной нормы, они согласятся даже определить будущие свои отношения на точном основании самой нормы, но сделают это добровольно, лишь бы сохранить добрые отношения. Словом, я останавливаю свое внимание на том, что последнее предписание Его Высочества должно быть обнародовано вместе с утвержденной нормой обязательного выкупа, и это будет содействовать успешному ходу добровольных соглашений. Сущность дела выразится так [34л0]: через полтора года правительство освободит холопов на таких-то условиях; если народ найдет возможность в продолжение этого срока окончить дело на условиях более выгодных для обеих сторон, то пусть кончает путем добровольных соглашений.

По решении первого вопроса неизбежно выступит на очередь следующий:

2) Удобоприменимы ли и обеспечивают ли по возможности выгоды обеих сторон правила обязательного выкупа [34л1], представленные кабардинскими рабовладельцами начальнику области при докладной их записке?

Прежде чем было приступлено к решению холопского вопроса, высшее сословие Кабарды, имевшее в среде своей землевладельцев-собственников, сделало огромную услугу и правительству и народу, признав земли общественной собственностью, так что освобождение зависимых сословий не ставит правительство в необходимость наделять их землями [мл2]; а каждый освобожденный холоп будет иметь одинаковые права на землю с бывшим его владельцем. Отрицать важность этой услуги нельзя. Для людей, знакомых с делом, очевидно, что веками сложившийся строй быта кабардинского народа при освобождении зависимых сословий должен претерпеть огромный переворот, что рабовладельцы, основавшие свое материальное благосостояние на рабовладении, должны будут сильно пострадать при этом [34л3] вследствие непривычки к труду и неумения исполнить самые простые домашние и полевые работы; между тем в правилах, составленных ими для обязательного освобождения, они определили выкупную плату для совершеннолетних мужчин и женщин в 200 руб., т. е. такую, какая существовала при продаже [34л4]. Надо заметить, что рабовладение считалось, да и было всегда в Кабарде, главным обеспечением материального благосостояния, и продажа [34л6] холопа вызывалась только крайней нуждой владельца, причем он и продавал его за 200 руб. Вот эту-то крайне низкую цену рабовладельцы и определили для обязательного выкупа [34л6]. Деньги эти холоп может внести немедленно или с

рассрочкой, по условию с владельцем, и получает полную свободу если же не в состоянии этого сделать, то обязан отработать выкупную плату, оставаясь в обязательном труде около 7 лет [34л7], так как годовая работа, определенная обычаем, ценится в 35 руб. [34л8] При этом владелец должен кормить и одевать холопа и позволить два раза в год, в ярмарочное время, вывезти для продажи в его пользу лес на своих и владельческих подводах. Следовательно, работа, которую отбывал холоп даром, по своей обязанности, получает со дня заключения условий цену и приведет его через известный срок к свободе, а владелец, оставаясь при прежних своих обязанностях в отношении к холопу, т. е. кормя его и одевая во время обязательного труда, по истечении того же срока придет к потере его. На чьей стороне выгода - ясно [3419]. Определение выкупной платы за малолетних, больных, стариков и калек рабовладельцы предоставляют посредническому суду, составленному из равного числа депутатов с обеих сторон, следовательно, ни в каком случае не гарантирует [342°] только личных их интересов, в ущерб интересам холопов, как находит это г-н полковник Черкесов. При выделе владельцем частей из имущества холопа определено наблюдать, чтобы у каждого рабочего оставалось не менее пары волов и двух коров. Собственность холопа делится пополам, а из дидовос-белыма он получает '/$_g$; сакля и домашняя утварь остаются за ним, между тем как по обычаям все это безраздельно принадлеяшт владельцу [34-21] в случае выкупа холопа на волю. И в этом случае владельцы уступают, а холопы выигрывают.

На основании вышеизложенных данных, я нахожу, что рабовладельцы для достижения освобождения холопов путем добровольных соглашений сделали все [я4-22], что только по справедливости можно было от них требовать, и дальнейшие требования уступчивости с их стороны будут похожи на пристрастные действия начальства в пользу холопов [3423]; между тем никакие виды, ни экономические, ни политические, не могут оправдать пристрастных действий в пользу холопов, сословия малочисленнейшего, получающего значительные выгоды при освобождении и имеющего задатки хорошего будущего в своей привычке к труду и во вред владельцев, составляющих большинство, подвергающихся значительным потерям в материальном отношении при освобождении зависимых сословий и доведенных, может быть, уже слишком сильными убеждениями с моей стороны до тех уступок [3!,24] против существующего обычая, которые они сделают в подписанных ими правилах обязательного выкупа холопов. Смело могу сказать, что правила эти признаны рабовладельцами за норму только вследствие настояния ближайшего начальства и невозможности дать другой исход делу. Следовательно, утверждая эти правила, признанные полезными людьми, близко знакомыми с условиями экономического быта обоих сословий, правительство не будет действо-

вать под диктовку кабардинских рабовладельцев, как предполагает полковник Черкесов.

Вследствие назначения выкупной платы в 200 руб. для тех холопов, которые не могут внести ее, предстоит 7-летний обязательный труд, определенный до мельчайших подробностей народным обычаем. Господин полковник Черкесов находит, что столь продолжительный срок обязательных отношений при малоуспешное™ обязательного труда не может не отразиться весьма вредно на общем экономическом быте Кабарды и потребует 7-летней напряженной деятельности администрации по разбору нескончаемых взаимных жалоб. Приняв к сведению, что обязательный труд лично свободного холопа остается на основании народного обычая тем же самым, каким он был до настоящего времени, и что за выполнением работ владельцу, оставляющих холопу достаточно свободного времени, которое он постарается употребить для приобретения трудом денег, чтобы скорее избавиться от обязательных отношений, так как ему предоставляется во всякое время (за оставшиеся годы обязательного труда) внести выкупную плату и получить полную свободу, я не думаю, что допущение 7-летнего срока могло отразиться вредно на экономическом быте Кабарды [3425]. Что же касается до предполагаемой напряженной деятельности администрации по разбору нескончаемых взаимных претензий, то при существовании точного определения обязательного труда я не думаю, чтобы этих претензий было больше, чем сколько разбирается их теперь без особых затруднений, а если бы и случилось противное, то нельзя же из-за того, чтобы не обеспокоить слишком администраторов, обязанных трудиться, жертвовать чужим интересом. Далее г-н полковник Черкесов видит в допущении 7-летнего срока обязательных отношений уступку кабардинским владельцам, которые в первоначально поданном ими начальнику области прошении ходатайствовали только о 4-летнем сроке. Раз принесенная просьба не исключает права просить в другой раз, тем более, что вопрос еще обсуждается и мнения могут изменяться, но если бы этого и не было, то почему же не сделать уступки в видах той пользы, которую она принесет делу.

Почему допущение 7-летнего срока для обязательного труда, по мнению г-на полковника Черкесова, не будет согласоваться со смыслом предписания Главнокомандующего, в котором определен 6-летний срок для зависимых уиаутов, и какое отношение между обязательным трудом лично свободного холопа и остающимся в 7-летнем рабстве унаутом, я не понимаю и возражать на это не могу. Приняв во внимание 4-летний срок, о котором ходатайствовали кабардинцы в первом своем прошении, г-н полковник Черкесов, высказав только что разъясненные невыгоды допущения 7-летнего срока обязательных отношений, полагает сократить их до 4 лет и для этого назначает такие цены выкупа и годичного труда, которые делились бы одна на

другую без остатка на 4, но о том, почему именно 4, а не 3 и не 5 лет и почему этот срок лучше всякого другого, не сказал ничего. На произвольное определение срока, играющего такую важную роль в решении вопроса, возражать нельзя. Правда, если взять за основание при обязательном освобождении холопов цены, предлагаемые г-ном полковником Черкесовым, то насилием можно решить вопрос в 4 года, даже, если угодно, и раньше, но будет ли это справедливо - это вопрос другой. Я полагаю, что дело не во времени, торопиться не к чему, а в спокойном решении вопроса, с одинаковым уважением к интересам той и другой стороны, что, конечно, будет вполне соответствовать и желаниям правительства.

Далее г-н полковник Черкесов, не объясняя своих соображений, находит, что до 8-летнего возраста не следует подвергать холопов оценке, а освобождать их без выкупа [34p2fi]. Почему это? Кабардинцы, желая получить выкуп, имеют, по крайней мере, то основание, что многие заплатили за них деньги, и я думаю, что они правы.

По неимению метрик и по невозможности определить верно возраст, полковник Черкесов предлагает назначить общую выкупную плату для холопов от 8 до 15-летнего возраста в 80 руб., а годичную плату за труд их - в 20 руб. Нельзя сказать, чтобы владелец, у которого останутся в обязательном труде 8-, 9- и 10-летнего возраста холопы, не могущие почти ничего работать, остался доволен оценкой их годичного труда в 20 руб. и не заявил бы, что, например, 8-летиий мальчик или девочка, которых он в продолжение 4 лет должен одевать и кормить, отойдут от него даром,- не покрыв своим незначительным трудом даже тех издержек, которые будут употреблены на их одежду и прокормление, и я полагаю, что такое заявление будет справедливо.

Рассуждая об имуществе холопа и дидовос-белыме, полковник Черкесов находит справедливым заявить, что так как то и другое было средством, доставлявшим холопу возможность содержать себя и отбывать повинности владельцу, то правильнее всего было бы все имущество оставить безраздельно за холопом и эта мера оправдала бы установление выкупной платы за личность. Я не допускаю, чтобы из того, что холоп работал на скотине владельца для собственной своей и его пользы, могло выработаться право его на приобретение в собственность этого скота, и желал бы знать, на каких выводах основал это право г-н полковник Черкесов, тогда как все имущество холопа, по обычаю, по освобождении его на волю принадлежало владельцу. Приняв в соображение, что владельцы сделали огромную уступку против существующего обычая, соглашаясь отдать холопам половину их имущества и $^1/_3$ дидовос-белыма, я остаюсь в этом случае на стороне их мнения и против мнения полковника Черкесова. Что лее касается до оправдания назначения вы-

купа за личность, то если оно [34лч] и не будет оправдано, то дело ничего от этого не потеряет.

В этом случае, если будет установлен половинный раздел имущества между холопом и владельцем, г-н полковник Черкесов желает, чтобы и унауты, по прошествии 6-летнего срока, получили в надел от владельца пару быков. Унауты не имеют никакого имущества и, следовательно, владельцы должны наделить их своею собственностью, а из них есть такие, которые сами имеют только по одной паре быков и должны будут отдать их унауту, а сами остаются без средств к существованию. Я полагаю, что обеспечение участи унаутов, которые по прошествии 6 лет отойдут от владельцев и останутся без крова и средств к существованию, должно взять на себя правительство, а не владельцы, которым это крайне невыгодно, да и уменьшит значение дарованной им Его Высочеством милости оставлением у них в работе унаутов на 6 лет безвозмездно, не заботясь о наделе их имуществом [34-28].

Заявление полковника Черкесова о принятии мер к ограждению некоторых личных и имущественных прав я нахожу совершенно основательным. Меры эти создавались силою обстоятельств: например, ни один владелец не женит своих холопов, чтобы не платить калыма, а о запрещении продавать холопов, имущество их и дидовос-белым объявлено в приказе по округу давно, и нарушение этого приказа строго преследуется.

Изложив мои возражения на заявление полковника Черкесова, я нахожу необходимым доложить Комитету для обсуждения и решения 3-й важный вопрос: должны ли депутаты холопов иметь голос при определении нормы выкупной платы или нет? [34-29]

Я полагаю, что при решении этого вопроса можно было бы руководствоваться примером освобождения крестьян в Грузии, где, сколько мне известно, они голоса не имели, и к этому предложению привели меня следующие соображения:

При существовании вышеизложенных слухов о возможности освободиться даром и при надежде, что правительство освободит холопов на гораздо выгоднейших условиях, чем те, которые им предлагаются, депутаты холопов умышленно тянут дело и переменяют с этой целью свои заявления, не объясняя причин. Так, например, они соглашались на все условия, предложенные им в правилах обязательного выкупа, кроме раздела имущества, как я и докладывал Комитету, а теперь, не объясняя почему, желают, чтобы выкупная плата была установлена для всех возрастов одинаковая - 100 руб.- с тем, чтобы имущество осталось за ними безраздельно, или отдают все имущество с тем, чтобы не было выкупной платы. Есть очень много холопов, которые имеют малолетних детей и они на этом слишком потеряют, и есть очень много таких, которые не имеют никакого имущества, и на этом потеряют владельцы. Нет надежды, чтобы холопы делали более умные заявления [343°], а потому я полагаю, что будет совершенно справедливо, если из представленных владельцами правил обязательного выкупа будет усмотрено, что холопам предложены удобоисполнимые условия и будущность их обеспечена наделом имущества, которое дает средства для первоначального обзаведения хозяйством, решить вопрос, не обращая внимания на их заявления. Это тем более будет справедливо, что холоп, который на основании народного обычая отходил от своего владельца с сравнительно огромной выкупной платой без ничего, должен быть доволен, если ему дают теперь вместо прежнего «ничего» весьма многое.

В заключение считаю долгом присовокупить, что если предложенные мною вопросы будут решены по возможности скоро и сообразно с сделанными мною заявлениями, то я ручаюсь, что освобождение холопов в Кабарде совершится спокойно и в дарованный Его Высочеством полуторагодовой срок [34,31].

Начальник Кабардинского округа

полковник Нурид

47. Докладная записка полковника Черкесова от 15 ноября 1866 г., содержащая точку зрения автора по вопросу об освобождении зависимых сословий в Кабарде [35]

Начальник Кабардинского округа не мог не сделать возражений против оснований, изложенных мною в записке по вопросу об утверждении проекта правил для обязательного освобождения, составленного кабардинскими рабовладельцами. Неизбежность возражений со стороны начальника округа обусловливается: 1) коренным различием взглядов на начала, которые должны лечь в основание правил, составляемых для обязательного освобождения, 2) различием взглядов на значение факта немедленного утверждения правил, представленных кабардинскими рабовладельцами, 3) сжатостью составленной мною записки, в коей не развиты основания некоторых возражений, помещенных на полях записки начальника округа против заявлений, сделанных начальником округа по частным вопросам, затронутым в моей записке, считаю необходимым изложить вкратце таковые причины разногласия.

Различие взглядов на начала, которые должны лечь в основание обязательного освобождения, заключаются в следующем: начальник округа берет за исходную точку существовавший в Кабарде обычай и, отправляясь с такового задания, допускает выкуп за личность совершеннолетних и малолетних обоего пола, считает заявленные владельцами выкупные цены (200 руб. за совершеннолетних и от 10 до 150 руб. за малолетних) умеренными, уступку холопам $^{1}/_{я}$ имущества весьма выгодной для холо-

пов, так как прежде владельцы освобождали их без всякого имущества, и, наконец, заявляет, конечно, не без основания, что нельзя уже надеяться, чтобы владельцы соглашались бы на дальнейшие уступки; имея в виду тот же обычай, он находит справедливым придать обязательную силу закона правилам, составленным владельцами, и находит несправедливым обязать владельцев большими уступками в пользу холопов; с своей стороны, я не вижу никаких оснований к тому, чтобы при составлении правил обязательного освобождения для кабардинских холопов (обрядных) руководствоваться обычаем и существенно уклоняться от начал, принятых в основание при определении правил при освобождении крестьян в России; принимая таковое положение за исходную точку, я нахожу, что выкупная плата за личность не может быть допущена в принципе, как она не допущена Положением 1861 г., и что единственным основанием для определения вознаграждения владельцев за потерю права на обязательный труд их холопов должна служить оценка тех повинностей, которые холопы отбывали до настоящего времени, а также и оценка имущества, считающегося владельческим и переходящего к холопу. Ежели в Грузии было назначено владельцам вознаграждение за личность по 250 руб. за душу мужского пола, то это было не что иное, как особая милость правительства, которую правительство вправе оказать владельцам, раз как потребная для сего сумма относится на счет Государственного казначейства, но раз так уже решено (журнал Комитета № 1), что правительство не примет на себя никаких издержек по вознаграждению за обрядных холопов, то правительство не вправе оказывать такой милости, относя потребные издержки на счет освобождаемых холопов. Наконец, раз как правительство сочло себя вправе безвозмездно отменить калым и перепродажу холопов, то не может быть и речи о выкупной плате за личность и о вознаграждении владельцев за затраченные ими при покупке холопов суммы, а остается только решить вопрос об определении размера вознаграждения владельцев за обязательный труд их холопов и за ту часть имущества, которая может быть признана бесспорно принадлежащей владельцам.

Переходя к оценке этого труда, нет никакого основания принимать для Кабарды оценку эту выше той, которая по Положению 1861 г. принята, например, для крестьян Ставропольской губернии, тем более, что, по имеющимся сведениям, повинности, отбываемые кабардинскими обрядными холопами, логанаутами и в особенности огами, значительно легче повинностей, которые лежали на крестьянах до их освобождения.

Для крестьян Ставропольской губернии, не говоря уже о безвозмездной отмене сгонных дней, караулов при стадах и лесах, права посылки подвод вне имения владельца и всяких сборов, издольная повинность ревизской души мужского пола (за указанный душевой надел от 3 до 12 десятин) определена в 40 мужских и 30 женских рабочих дней, а собственный этой повинности оброк определен в 9 руб. с ревизской души мужского пола; ежели принять во внимание, что по существующему в Кабарде обычаю повинности были сравнительно легче и что владельцы обязаны были, сверх того, давать холопу средства для продовольствия и одежды, чего не существовало в России, то нельзя не прийти к тому заключению, что оценка годичной повинности с мужской души в Кабарде должна быть во всяком случае принята ниже 9 руб., по всей вероятности - не более 6 или 7 руб. Для огов она должна быть не более 4 или 5 руб. Сравнив в подробностях размер и род повинностей, существовавших в России до отмены крепостного права, с теми повинностями, которые отбывались в пользу владельцев их обрядными холопами, можно с достоверной точностью определить размер душевого оброка, который может быть установлен для различных видов зависимости. Принимая в соображение другое основное начало Положения 1861 г., а именно то, что по уставным грамотам ни в каком случае крестьяне не могли быть облагаемы повинностями большими, чем каковые они отбывали до объявления Положения, нельзя не согласиться с тем, что невозможно определить оценку годичной повинности с души высшею против приведенной нормы.

Основные начала, указанные в Положении 1861 г., для прекращения обязательных отношений крестьян к помещикам, заключаются в следующем: годовая повинность с ревизской души мужского пола, определенная, например, для Ставропольской губернии в 9 руб., капитализируется из 6 % (т. е. умножается на $16\,^{2}/_{3}$), что для Ставропольской губернии составит 150 руб.; со взносом помещику этой выкупной суммы по числу ревизских душ мужского пола не только прекращаются всякие обязательные отношения крестьян к помещику, но крестьяне получают в полную собственность из помещичьей земли всю землю, которая придется на них по расчету от 3 до 12 десятин на ревизскую душу мужского пола; крестьянам притом предоставлено право внести помещику только $^{1}/$ выкупной суммы, а остальные V_5 выдает помещику само правительство, которое раскладывает эту ссуду на крестьян на 49-летний период. Раскладка на столь продолжительный срок принята с той целью, чтобы соблюсти общее основное правило Положения 1861 г.: чтобы крестьяне не были поставлены в необходимость отбывать более тягостные повинности, чем каковые лежали на них до обнародования Положения. По-видимому, не представляется никаких причин, почему эта система капитализации ежегодной повинности не могла бы быть в главном основании применима и для определения того вознаграждения, которое кабардинские владельцы должны получить за потерю права на обязательный труд холопов.

По имущественному вопросу начальник округа, принимая за исходную точку, что при освобождении холопа по обычаю все имущество его оставалось у владельца, а что при продаже обрядного холопа новый владелец вносил прежнему стоимость имущества, признает, что весь дидовос-белым есть полная собственность владельца. Относительно огов это положение не может уже ни в коем случае быть принято, так как они теряли свое имущество только при выкупе на волю и сохраняли его в случае перепродажи в форме полной собственности, на которую новый владелец не имел права (журнал Главного комитета № 1), и потому безвозмездную уступку V_3 имущества в пользу холопов он признает для них весьма выгодною. По смыслу Положения 1861 г. вся домашняя утварь и рабочий скот были признаны неотъемлемой собственностью крестьян, как средства, необходимые для существования и отбывания повинностей; дидовос-белым (стоимость его в большей части случаев не превышает 120 руб.), состоящий преимущественно из скота, должен бы быть также, по моему мнению, отнесен к категории имущества, за которое владелец не должен получать никакого вознаграждения, тем более, что и самое право полной собственности владельца на означенное имущество может быть оспариваемо. С этой точки зрения я нахожу, что только ввиду уступки в пользу владельцев можно согласиться на половинный раздел имущества, т. е. так, чтобы холопы получили безвозмездно одну половину дидовос-белыма, а за другую половину внести ее стоимость.

Для большей наглядности привожу при сем оценку вознаграждения владельца, исчисленную по правилам, предложенным кабардинскими рабовладельцами, и оценку того вознаграждения, исчисленного по капитализации стоимости годичной повинности. Возьмем для примера семью холопа из 6 душ:

Отец - 40 лет
Жена - 34 года
Сын - 14 лет
Дочь - 13 лет
Сын - 9 лет
Дочь - 5 лет

Принимая оценку годичной повинности с души мужского пола, как выше сказано, в 7 руб., то годичная повинность со всего семейства составит 21 руб., а выкупная сумма по капитализации из 5 % (по Положению 1861 г. - 6 %) обращается на покрытие издержек правительства; т. е. умноженная на 20 составит 420 руб. Ежели же для того же семейства принять основанием[4] для выкупа правила, предложенные кабардинскими владельцами, выкупная сумма составит 825 руб. (200+200+200+130+90+5).

Ежели к цифре выкупной платы в 420 руб. за семейство добавить ценность половины (другую половину дидовос-белыма

он получает даром) дидовос-белыма (приблизительно 60 руб.), то все вознаграждение владельца за обязательный труд и отходящее имущество дойдет до цифры в 480 руб., тогда как выкупная цена по правилам, предложенным рабовладельцами, составит 825, причем холопы получают не весь, а только $^1/_3$ дидовос-белыма.

По способу же выкупа, на который, по-видимому, согласны холопы (по **100** руб. с души без различия возраста и пола и с оставлением за холопами всего имущества), то выкупная сумма составит **600** руб.

Сопоставление основных взглядов на вопрос и частных из них выводов объясняет, почему выкупные цены, признаваемые начальником округа за умеренные, я нахожу высокими, а уступку $^1/$ дидовос-белыма, признаваемую им выгодною для холопов, я считаю недостаточной.

Начальник округа, имея в виду существовавший обычай, находит несправедливым уменьшать вознаграждение владельца против нормы, ими определенной, и вполне справедливым сделать эту норму обязательною и для холопов; я же с своей стороны не вижу оснований к тому, чтобы за относительно меньшие, чем в России, повинности обязывать холопов сравнительно большим выкупом, чем каковой, по основательной разработке вопроса, признан справедливым и возможным возложить на крестьян по смыслу Положения 1861 г.

Если начальник округа находит несправедливым требовать каких-либо дальнейших уступок со стороны владельцев, то я не вижу никаких причин, по которым интересы кабардинских рабовладельцев должны были быть в большей мере обеспечены, чем это было сделано относительно русских помещиков; русские помещики, в силу Положения 1861 г., не только лишились права на обязательный труд своих крестьян, но лишились и всей земли, отошедшей в надел крестьян, и взамен этой земли по большей части получили только $^4/_{\_}$ ее стоимости и то свидетельствами, ходящими на 15 % ниже их нарицательной цены.

Требования больших уступок со стороны владельцев начальник округа признает за пристрастные действия в пользу холопов; я же считаю пристрастным действием в пользу владельцев обременение холопов более тягостными повинностями, чем каковые лежали на них до настоящего времени.

В заключение считаю необходимым присовокупить, что владельцы, предлагая составленные ими правила, не делают никакой другой уступки, как только предоставление в пользу холопов безвозмездно V_3 дидовос-белыма, т. е. около 30 или 40 руб., потому выкупные цены, ими предложенные, те же, какие существовали и прежде при продаже холопа от одного владельца другому.

Различие взглядов на значение немедленного утверждения проекта правил обязательного освобождения, представленного

кабардинскими рабовладельцами, состоит в следующем: начальник Кабардинского округа настаивает на немедленном утверждении этих правил в тех видах, чтобы лишить холопей надежды на более выгоднейший для них способ обязательного освобождения и тем содействовать успешному ходу добровольных соглашений, но вместе с тем не отвергает возможности, как он лично высказал, применять эти правила обязательно для обеих сторон ранее истечения полуторагодичного срока в тех случаях, когда добровольных соглашений не последует. Не отвергая вовсе в принципе ни возможности, ни даже в некоторых случаях необходимости не только обязательного, но даже принудительного освобождения (с явным ущербом для одной из сторон), я считаю, что раз как идет речь о добровольных соглашениях, то необходимо строго разграничивать как самое понятие добровольного и обязательного освобождения, так и обусловливаемые ими меры администрации. Раз так идет вопрос о том, чтобы даровать известный срок для добровольных соглашений и как срок этот уже дарован, то на обязанности администрации может лежать только точное указание (как это и сделано в Положении 1861 г.) тех случаев, в которых сделки эти правительством утверждаемы быть не могут по явной невозможности выполнения добровольно заключаемых сделок или из опасения, что результатом таковых будет освобождение людей без необходимых средств для существования, и затем администрация не вправе принимать каких-либо принудительных мер до наступления времени действия обязательных правил и вместе с тем обязана приступить к собранию всех необходимых статистических данных и постепенной выработки на основании их таких правил обязательного освобождения, которые, давая вознаграждение владельцу, не возлагали бы на холопов более того, что с них взять можно, не разоряя их вконец.

В этих-то видах я и считал немедленное утверждение правил, надлежащим образом не разработанных, выражавших при этом желания только одной из заинтересованных сторон, не только излишним, но даже и рискованным. Считаю нелишним добавить, что начало добровольных соглашений, нашедшее широкое применение в Положении 1861 г., имело то огромное значение, что давало средства к миролюбивому и безобидному разрешению тех подробностей и частных случаев, которые не были и не могли быть предусмотрены в Положении, но для достижения этой цели необходимо было строгое соблюдение того условия, чтобы добровольные сделки были таковыми не по одному названию; во избежание всякого внешнего влияния, признано было даже необходимым образовать независимые от местной администрации мировые учреждения; я не говорю, чтобы соблюдение последнего условия было возможно в настоящем случае, но полагаю, что чем меньше администрация будет вмешиваться в добровольные сделки (за исключением вышеупомянутых случаев), то тем лучше, и потому преподание местной администрации каких бы то ни было норм для добровольных соглашений считаю излишним; обязательное же применение недостаточно разработанных правил считаю рискованным.

Возвращаясь к различию способов обязательного и принудительного освобождения, из коих первый может быть применен только по истечении льготного времени для добровольных соглашений, а второй - в каждый данный момент, я считаю не излишним привести, что при составлении обязательных правил, вошедших в Положение 1861 г., были приняты в расчет интересы обеих сторон и притом имелось в виду обеспечить настолько положение крестьян, чтобы дать им возможность выполнить те обязательства, которые возлагались на них законом в случае неуспеха добровольных сделок. Соблюдение вышеназванных условий не становится, конечно, необходимостью при составлении правил принудительного освобождения, обуславливаемого исключительно политическими соображениями (как это было сделано в Северо-Западном крае), но зато при составлении подобных правил необходимо предварительно обсудить вопрос, в ущерб которой из сторон должно быть, сообразно с видами правительства, направлено действие таковых правил. В настоящем случае вопрос этот, сколько мне известно, обсуждаем не был, между тем как составленные кабардинскими владельцами правила по общему характеру выраженных в них положений в случае придания им силы закона должны были быть отнесены к категории правил принудительных в пользу владельцев и в ущерб холопов.

Обращаясь, наконец, к той мысли, что многие из возражений, сделанных начальником округа, вызваны сжатостью моей записки, я считаю необходимым пояснить, что во второй половине моей первой записки я должен был бы развить ту мысль, что ни одно из высказанных в ней положений, как то: что все имущество должно остаться за холопами, что выкупная цена в 120 руб. правильнее, нежели цена в 200 руб., что четырехлетний срок должен быть предпочтен семилетнему, что малолетки до 8 лет не должны подлежать выкупу, что для всех возрастов от 8 до 15 лет следует принять общую стоимость около 20 руб. и т. п., не может быть безусловно доказано, но что они имеют только значение поправок, по принятии которых я еще допускал возможность (в случае настоятельной надобности) немедленного утверждения проекта правил, с основаниями которого я не был согласен; поправки эти имели бы только значение облегчения по возможности для холопов тягости предложенных рабовладельцами правил, в том случае, ежели бы представилась настоятельная надобность безотлагательного утверждения этих правил и придания им силы закона. Что же касается до первой половины записки, то все доводы, изложенные в ней, клонились только к тому, чтобы отклонить поспешное утверждение правил,

представленных кабардинскими рабовладельцами, без должной проверки их.

Полковник Черкесов

48. Основания, на которых Комитет предполагал приступить к освобождению крестьян в Кабардинском округе

1. В период взаимного соглашения рабовладельцев с их холопами по предмету освобождения сих последних предоставить полную свободу обеим сторонам, не подвергая кассации принятые ими условия, если только время, потребное для выполнения таковых условий не продолжится более 7 лет.

2. По прошествии периода взаимных соглашений, когда факты достаточно выяснят, что невозможно будет надеяться на окончание всего дела освобождения крестьян в течение последующего года, правительство окончание этого дела принимает на себя.

3. Для чего назначает от себя в каждый участок по одному чиновнику в качестве мирового посредника, действующего самостоятельно, но согласно с данной ему инструкцией, и в своих действиях отдает отчет начальнику Кабардинского округа.

4. Инструкция должна быть составлена в общих чертах на том основании, что опыт укажет и позволит круг действий мирового посредника и средства, которые ему понадобятся для окончательного достижения цели правительства.

Вышеозначенная инструкция должна быть следующего содержания:

А. Мировой посредник по вступлении в должность обязуется удостовериться, кто из двух сторон виновен в несостоявшемся соглашении, и затем, если окажется виновным владелец, то он лишает его права на получение какого-либо вознаграждения; если же виновным будет холоп, то он с своим семейством ссылается навсегда вовнутрь империи.

Б. Если соглашение не последовало от нерадения обеих сторон, а не от грубого упрямства, то мировой посредник сам постановляет условия взноса вознаграждения, руководствуясь следующими правилами:

Взрослые крепостные: мужчины, замужние женщины, вдовы и девицы - обязаны платить по 200 руб. за душу, малолетние обоего пола от 1 до 15 лет за каждый год возраста по 10 руб.

Старики, старухи, неизлечимо больные и калеки оцениваются мировым посредником с участием посторонних лиц, не заинтересованных в деле освобождения холопов.

В. Имущество холопов - накях и десериг - остается у холопов, а из дидовос-белыма две части получает владелец, а часть остается у холопов.

Г. По разделе имущества, если холоп пожелает немедленно заплатить чистыми деньгами или скотом по оценке за себя и за свое семейство, то мировой посредник обязывается наблюсти, чтобы уплата была произведена в его присутствии, и дело этим заканчивается; причем акт этот записывается подробно в шнуровую книгу.

Д. Если освобождаемый пожелает внести не всю сумму, а только часть ее деньгами или скотом по оценке, то мировой посредник обязан принять таковую уплату с внесением в книгу.

Е. В противном случае мировой посредник определяет срок работы и самый вид ее, как вольнонаемного, и сделанное определение записывает в книгу, после чего наблюдает за исполнением в ней прописанного. Годовая плата взрослого работника от 30 до 35 руб., а малолетнего от 12 до 15 лет - 15 руб.

Ж. Дозволяется при этом освобождаемому холопу поступить в работники не к бывшему своему хозяину, а и к постороннему лицу, для отыскания которого назначается 15-дневный срок, но с тем, чтобы это лицо дало обязательство мировому посреднику в том, что заработанные деньги в установленный срок будут переданы ему для передачи по принадлежности.

З. В случае несогласия холопа по предметам, изложенным в двух предшествующих параграфах, мировой посредник обязывает его остаться на известный срок в работниках у его бывшего хозяина.

И. Малолетние, имеющие родителей, остаются при них с тем, что следуемую с них плату владельцам уплатят родители по той цене, которая падает на взрослых детей при их освобождении.

К. Сироты проживаю г у владельцев на их одежде и пропитании до 12-летнего возраста. Мировой же посредник теперь уже определяет их возраст и вычисляет, сколько за ними будет долга до 12 лет, платя, кроме выкупной цены, по 5 руб. за каждый год содержания. Все это записывается в книгу. По достижении 12 лет мальчики и девочки считающийся за ними долг выплачивают хозяину обязательными работами по ценам вышеизложенным.

Л. Взрослые унауты и унаутки остаются в обязательных отношениях к своему хозяину в продолжение 6 лет, малолетние же дети унауток должны быть по оценке теперь же выкуплены правительством на том основании, что матери этих детей никаких средств не имеют. Таковому выкупу подлежат дети до 8-летнего возраста.

М. Смерть холопа или холопки прекращает всякие лежащие на них обязанности.

49. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 18 ноября 1866 г. Главнокомандующему Кавказской армией о том, что в Кабарде уже приступлено к освобождению крестьян

Сегодня объявлено кабардинцам предписание Вашего Императорского Высочества и приступлено к освобождению рабов и обрядных холопей. На официальном обеде представители Кабарды, вслед за тостом за здоровье Государя Императора, просили разрешения отправить телеграмму, которую имею счастье повергнуть на воззрение Вашего Высочества.

Укр. Нальчик. С подлинным верно:

За старшего адъютанта поручик Никольский

50. Телеграмма кабардинских феодалов от 18 ноября 1866 г. Главнокомандующему Кавказской армией с выражением преданности и признательности

Повеление Вашего Императорского Высочества об освобождении холопов объявлено нам сегодня командующим войсками. Приносим чувства глубочайшей признательности за то, что, указав путь к выполнению священной для нас воли Государя Императора, Вы предоставили нам возможность стать в ряды людей, сочувствующих сему благому делу. Сегодня же приступаем к освобождению. Нетерпеливо ожидаем возвращения Вашего в край, чтобы успешным ходом дела освобождения оправдать лестные для кабардинского народа отзывы Вашего Высочества.

Укр. Нальчик. 18 ноября 1866 г.

Подписали и именные печати приложили: 1) полковник князь Атажукин, 2) подполковник Анзоров, 3) подполковник князь Касаев, 4) майор Астемиров, 5) капитан Адиль-Гирей Анзоров, 6) поручик Эльбуздыко Булатов, 7) поручик Исламов, 8) поручик Шу Кармов, 9) подпоручик князь Наурузов, 10) поручик Измаил Хату Анзоров, 11) подпоручик Жогишев, 12) уздень Исмаил Джоноков, 13) уздень Жамбот Мирзаев, 14) уздень Кайсын Эристаов, 15) уздень Пак Тыжев, 16) уздень Асхад Бабугов, 17) поручик Бекмурза Шарданов, 18) юнкер Кургоко Куденетов, 19) народный кади Мусса Жегоков, 20) уздень Якуб Шанибов, 21) поручик Заракуш Тамбиев, 22) штабс-капитан Куденетов.

51. Телеграмма начальника Терской области Главнокомандующего ген. Лорис-Меликова от 19 ноября 1866 г. пом. Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцеву об обнародавании предписания Кавказского наместника об освобождении зависимых сословий в Кабарде

Вчера обнародовано мною предписание Великого Князя и приступлено к освобождению холопов. Копию телеграммы владельцев Главнокомандующему представлю почтою.

Лорис-Меликов

52. Повинности зависимых крестьян в Горских обществах Кабардинского округа

Повинности каракишей, отбываемые в Урусбиевском обществе своим владельцам:

1. Когда каракиши отдает дочь свою замуж, то владельцу своему платит корову и быка.
2. Когда у каракишей котятся бараны, то дают владельцу одного барашка в лето.
3. Когда начинается сенокос, то с каждого двора каракиши дают владельцу одного хорошего барана.
4. Когда братья-каракиши, живущие вместе, делят свое имущество, то владельцу своему, смотря по состоянию, дают от 50 до 500 руб. серебром.
5. Если каракиши убьет тура или оленя, то обязан прислать владельцу $^1/_3$ часть мяса, голову и рога, что называется *уча.*
6. Если каракиши убьет из ружья волка, лисицу, медведя, порешню, то кожу отдает владельцу, если же эти звери будут пойманы капканом, то остаются в пользу поимщика.
7. Во время покоса высылается с каждого двора каракишей владельцу один косец на один день, что называется *изев.*
8. Во время уборки хлеба с каждого двора каракишей высылается женщина-мать владельцу на один день, и это тоже называется *изев.*
9. При начале пахоты каждый двор каракишей обязан прислать владельцу один бадак пива или браги, смотря по состоянию, вареного мяса целое блюдо и такое же блюдо пирожков, масла, яиц и сыру, это называется *сабан-джиклов.*
10. Когда владелец женится или женит сына, то с каждого двора каракиши платят по одной корове, стоящей не менее 10 руб. серебром, это называется *берне.*
11. Если умрет кто из семейства владельца или сам владелец, то каждый двор каракишей платит владельцу кусок материи или ситцу стоимостью от 5 до 10 руб. Повинность эта называется *кебин.*

12. Если дочь владельца или сестра его выйдет замуж и через два года приедет к родным в гости, где прогостит с год и более, то каждый двор каракишей должен сделать ей подарок от 5 до 20 руб., штуку материи или же подарить корову. Это называется *баш. байларго.*

13. *Цигиза.* Когда привозят жену к владельцу или сыну его, то с нею приезжает аталычка или из дома ее женщина, которая проживает несколько времени, т. е. год или два; она перед выездом своей госпожи варит пиво и угощает общество. Каждый из двора каракишей платит ей при выезде от 5 до 10 руб. серебром.

14. *Улов.* Каждый двор каракишей владельцу должен дать три раза в год под вьюки лошадь, куда он поедет.

15. Если бы владелец, имея с кем-либо вражду, пожелал поехать мстить своему врагу, то из каждого двора каракишей один человек обязан с владельцем ехать безотлагательно.

16. Если владелец куда пожелает поехать или пойдет пешком, то из каракишей он имеет право брать по одному человеку очередному с двора, если же ему понадобится, смотря по делу, пять или больше человек, то каракиши его отказаться не могут.

17. Если кто из семейства каракишей умрет и когда родственниками делаются ему поминки, то из дома этого отдают владельцу котел большой пива и еще некоторое блюдо, приготовленное для поминок, что называется *уча.*

18. Если кто из каракишей будет пойман в сакле владельца на половине женской в воровстве, то виновный за то обращается в холопа, если же воровство будет сделано из кунацкой, то каракиш платит штраф владельцу - 6 четвертей мальчика или 300 руб., если будет сделано воровство лошади из конюшни, то владелец от виновного взыскивает штраф — 5 четвертей мальчика или 200 руб. Если каракиш из коша, табуна или из кутана, принадлежащего владельцу, украдет барана или рогатую скотину, то виновный платит штраф — 4 четвертей мальчика или 150 руб. серебром. Если каракиш учинит воровство у кого воспитывался сын или дочь владельца, то каракиш платит тот же штраф, как и за кражу у самого владельца.

19. Если братья владельца, живущие вместе, делятся между собой, то подвластные их разделяются поровну между братьями. Из каракишей, уже отделившихся друг от друга порознь к своим владельцам, если после смерти по себе не оставит наследника, то имущество его поступает владельцу, а не брату его, доставшемуся другому владельцу при разделе; если же братья из каракишей, неразделенные или разделенные, находятся у одного владельца, то наследство поступает родному брату во владение. Если каракиш имеет хорошее состояние, то родственник, получивши наследство, должен из имущества умершего уплатить владельцу своему, смотря по состоянию, от 100 до 600 руб. серебром.

20. Если владелец женится, женит сына или выдает дочь и приедет к нему много гостей, он имеет право гостей своих разместить по дворам своих каракишей, которые обязаны кормить как гостей своего владельца, так равно и их лошадей.

21. Если владелец поедет за женою, то каракиши из каждого двора обязаны с ним послать по одному человеку.

22. Если владелец строит себе дом, то каракиши из каждого двора берут по одной паре быков для перевозки материалов, пока не кончится постройка.

Примечание. Чагары в Урусбиевском об-ве отбывают повинности своим владельцам одинаковые. В Чегемском об-ве чагары отбывают повинности своим владельцам разные, с некоторыми изменениями, так как в этом обществе все сословия делятся на три фамилии, а именно: Балкаровы, Кучуковы и Келеметовы. Казаки или унауты этих обществ несут повинности владельцам наравне с холопьями бесправными в Кабарде.

53. Предписание Главнокомандующего Кавказской армией Великого Князя Михаила от 1 октября 1866 г. за № 4779 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об основных принципах освобождения крестьян в Кабарде

Получив представление Вашего Превосходительства от 8 сентября за № 2823 с копией с докладной записки, поданной Вам представителями рабовладельческого сословия в Кабардинском округе, я признал совершенно возможным, в порядке решения крестьянского вопроса в этой части края, сообразоваться с заявленными самим населением желаниями и, обсудив эти заявления совместно с мнением по оным Вашего Превосходительства, предлагаю Вам принять к исполнению следующее:

1. Объявить всем владельцам крестьян в Кабардинском округе, что правительство предварительно всяких обязательных мер по решению крестьянского вопроса приглашает их владельцев, самих к освобождению своих подвластных путем добровольных с ними соглашений.

2. На совершение таковых добровольных сделок между обеими сторонами и по окончательном заключении условий дать владельцам 1,5-годичный срок со дня объявления им настоящего разрешения; но при этом однако же предупредить их, что срок этот будет иметь силу в том только случае, если правительство будет видеть, что владельцы, прося дать им время для добровольных соглашений, имеют в виду действительно воспользоваться этим временем для означенной цели, а не видят в этом только средство замедлить обязательное освобождение их холопов. Если же в течение $^1/_2$ года со дня объявления настоящей меры правительство убедилось в невозможности рассчитывать на успешное разрешение крестьянского вопроса этим путем, то предоставляет

себе право тогда же приступить к определению по своему усмотрению обязательных условий прекращения личной зависимости.

3. Для содействия обеим сторонам успеху соглашений, для преподания им нужных разъяснений относительно того, какого рода условия могут быть допущены и утверждены правительством, а равно для руководства при составлении самих условий назначить в помощь местной окружной администрации по Вашему усмотрению 2~3 лиц, преимущественно из знакомых уже с бытом населения и по качествам своим заслуживающих полного доверия правительства и способных внушить доверие народу. По числу этих лиц округ разделяется на особые районы с тем, чтобы каждое лицо назначалось для деятельности в своем особом участке. При этом в пособие такому лицу для разъяснения ему подробностей отношений владельцев и их зависимых, а равно и для самого соглашения обеих сторон назначить по одному из депутатов Окружного словесного суда, заменив их на это время кандидатами, и по одному выборному от владельческого и крестьянского сословий района.

4. Заключаемые на основании состоявшихся соглашений условия лица, командируемые по крестьянскому делу в качестве посредников, представляют в Окружное управление, где все эти условия в известные сроки рассматриваются в особых заседаниях Окружного суда, под председательством окружного начальника. В предупреждение большого числа исков в будущем, разбор коих мог бы обременить администрацию, из числа условий одобряются только такие, в которых нет обязательств слишком тягостных и невыполнимых для освобождаемых. Одобренные условия представляются Вашему Превосходительству, а Вы некоторое число первых из них препровождаете через Кавказское Горское Управление для рассмотрения в учрежденном под председательством генерал-адъютанта Карцова Комитете и представляете мне. Когда таким образом Вашему Превосходительству выяснится взгляд мой на то, какого рода соглашения могут быть допускаемы правительством, то дальнейшее затем утверждение условий и выдача актов на освобождение зависимых лиц будут предоставлены усмотрению Вашего Превосходительства.

5. Повторением подобных полюбовных соглашений уже сами собою приблизительно определяются нормы тех обязательств, которые могут быть возложены на освобождаемых крестьян при переходе от добровольных сделок к обязательному, по воле правительства, прекращению крепостной зависимости. Тем не менее ближайшее обсуждение этого предмета и установление подобных нормальных обстоятельств я, согласно предположению Вашему, считаю полезным возложить на особый местный Комитет, о составе и порядке действий которого буду в свое время ожидать представления Ваших соображений, одновременно с

подробным развитием тех начал и того порядка, на основании которых должно будет состояться обязательное освобождение крестьян.

6. В отношении освобождения бесправных рабов (унаутов, казаков и каракишей) полагаю нужным, по высказанным представителями кабардинских владельцев причинам, принять просимый ими порядок. Срок оставления унаутов в зависимости от владельцев я определяю шестилетний со времени объявления настоящего распоряжения. Прошу Ваше Превосходительство, руководствуясь основаниями, изложенными в Вашем представлении, по возможности в непродолжительном времени представить мне подробное положение об освобождении бесправных рабов в Кабарде для представления этого положения на утверждение в законодательном порядке.

7. При утверждении условий по добровольным соглашениям между владельцами и крестьянами в горских обществах Кабарды надлежит иметь в виду, чтобы освобождаемые крестьяне не остались без обеспечения поземельного надела. Ваше Превосходительство равным образом представите мне соображения свои по этому предмету.

8. Признаю возможным ассигновать сумму для вспомоществования беднейшим из холопов для устройства их хозяйства, а равно для обеспечения участи сирот, стариков и вообще бездомных людей. Когда вопрос этот разъяснится и потребует разрешения, Ваше Превосходительство не оставите войти ко мне с надлежащим представлением; впрочем, и ныне на случай необходимости в безотлагательной выдаче пособия разрешаю Вам израсходовать на этот предмет, по усмотрению Вашему, некоторое количество денег взаимообразно из находящихся в ведении Вашем податных сборов с населения области.

9. Продажа холопа от одного владельца к другому, а равно и всякая другая передача и уступка лиц зависимых сословий помимо собственного их желания должны быть отныне безусловно запрещены.

Сообщая Вашему Превосходительству к руководству вышеизложенные основания для решения вопроса об освобождении зависимых сословий в Кабарде, я предоставляю Вам решить по местным обстоятельствам и представить мне соображения Ваши о том, в какой степени и когда именно основания эти могут быть применены к решению того же вопроса в других округах области.

Вполне одобряя Ваше предположение о поручении Терской сословно-поземельной комиссии приступить к определению личных и сословных прав населения в Кабарде, а равно и к составлению соображений о наделе разных лиц из кабардинцев, во внимание к заслугам и к происхождению их, участками земли в частную собственность, предоставляю Вашему Превосходительству избрать по своему усмотрению упомянутых выше лиц

для занятий по крестьянскому делу и войти с представлением о назначении их в Ваше распоряжение, а равно и об определении им содержания.

В заключение поставляю себе в особенное удовлетворение выразить Вашему Превосходительству душевную мою признательность за данное Вами в успешном начале разрешения крестьянского вопроса в горских поселениях новое доказательство Вашей энергичной и искусной административной деятельности и прошу Вас также отблагодарить от меня кабардинцев за то, что они и в настоящем случае показали опять, что по своему развитию достойны считаться передовым народом между горскими племенами Кавказа и что они понимают, что не в бессильном и легкомысленном сопротивлении правительственным видам, а в сочувствии и содействии им лежит залог их общественного развития и благосостояния.

Главнокомандующий Кавказской армией
генерал-фельдцейхмейстер Михаил
Начальник Управления полковник Старосельский

54. Рапорт начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 27 ноября 1866г. за № 3675 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцеву о ходе освобождения зависимых сословий в Кабарде

18-го числа ноября сего 1866 г. мною было объявлено как владельцам, так и холопам Кабардинского округа содержание предписания Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армией от 1/13 октября за № 4779 и дано предложение окружному начальнику теперь же приступить к освобождению холопов посредством полюбовных между ними и владельцами соглашений.

Для более успешного хода этого дела, для преподания обеим сторонам нужных разъяснений при составлении условий и для необходимого усиления средств администрации командированы в Нальчик особые лица из числа офицеров, состоящих в моем распоряжении, которые, будучи снабжены инструкцией, при содействии выборных от владельцев и холопов, начнут действовать в указанных им районах. О результатах, достигнутых этими новыми учреждениями, я буду своевременно доносить Вашему Превосходительству.

При рассмотрении на месте состоявшихся по день объявления предписания Его Высочества добровольных сделок нельзя было не прийти к заключению о необходимости установления какой-либо нормы, гарантирующей интересы холопов, которые до сих пор, как надо полагать, из желания приобрести свободу соглашались на условия нередко для них обременительные.

Нормою этого будут служить правила, составленные владельцами и принятые холопами. При этом считаю нужным присовокупить, что постепенные уступки, сделанные владельцами, настолько значительны, сравнительно с первоначальными их требованиями и обычаями, что холопы при подробном разъяснении им каждого из параграфов правил охотно согласились на принятие их к руководству при заключении добровольных сделок.

Вышеупомянутые правила относятся до логанаутов, составляющих почти исключительный вид зависимых сословий в Кабарде; что же касается до огов (15 семейств), чагар, ясакчи и каракишей в Горских обществах, .то права их и отношения к владельцам подробно разбираются теперь в Народном суде и затем будет приступлено к составлению правил о способах прекращения их зависимых отношений к владельцам.

Рабам бесправным - унаутам обоего пола - объявлено, что они с 18 ноября текущего года остаются в течение 6 лет в обязательных отношениях к своим владельцам, сохраняя право в продолжение этого переходного времени получать полную свободу посредством взноса определенной посредниками выкупной платы.

Вслед за сим я представляю Вашему Превосходительству подробное положение об освобождении рабов бесправных и правила об освобождении по добровольным соглашениям с владельцами сословий: огов в Кабарде и тех чагар, ясакчи и каракишей в Горских обществах, которые еще остались в зависимых отношениях.

Относительно малолетков мужского пола, рожденных унаутами, число которых Простирается до 410 душ, я прошу разрешения Вашего Превосходительства, согласно данному мною кабардинцам обещанию, отчислить из суммы, ассигнуемой на ведение холопского дела во вверенной мне области, 15 000 руб. и выдать таковые по заранее составленному расчету владельцам помянутых малолетков. Подобный расход необходим для того, чтобы по миновании шестилетнего переходного состояния совершенно прекратились всякие обязательные отношения к владельцам как самих унаутов, так и детей их. Что же касается до девочек, то они освобождаются наравне с детьми женского пола обрядных холопов, внеся выкупную плату из калыма только в случае выхода замуж.

Представляя прилагаемую при сем копию с проектами правил, составленных владельцами и холопами, считаю нужным присовокупить, что правила эти значительно облегчены в пользу холопов со времени личного доклада моего Вашему Превосходительству во Владикавказе.

Изготавливаемые списки лиц, освободившихся по добровольным соглашениям с владельцами, еще до обнародования предписания Государя Великого Князя, равно как и копии с заклю-

ченных обеими сторонами условий будут препровождены мною в Кавказское горское управление для доклада Вашему Превосходительству.

Вопрос обеспечения землею освободившихся в горских обществах, если это окажется нужным, может разрешиться весьма удовлетворительно при проведении границы между Кабардою и Горскими обществами; тогда соразмерно потребности будет отделен особый участок из числа проектированных к прирезке от 35 тыс. до 40 тыс. десятин собственно для водворения безземельных холопов, о коих в настоящее время собираются необходимые сведения.

Терской сословно-поземельной комиссии от 31 октября за № 3436 дано мною предписание приступить к рассмотрению личных и сословных прав населения Кабардинского округа.

О времени открытия действий по освобождению холопов в округах Осетинском и Кумыкском буду иметь честь донести Вашему Превосходительству.

Вместе с сим я признал удобным для личного доклада подробностей, сопровождающих объявление предписания Его Императорского Высочества, командировать в Тифлис и. д. правителя канцелярии моей капитана Смекалова.

Верно: За старшего адъютанта поручик Никольский

55. Предписание начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 26 ноября 1866 г. за № 3689 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду с руководящими указаниями для проведения крестьянской реформы в Кабарде

Объявив 18-го числа этого месяца кабардинским владельцам и их холопам содержание предписания Его Императорского Высочества, в копии при сем прилагаемой, прошу Ваше Высокоблагородие принять к исполнению следующее:

1. Предположить теперь же самим владельцам приступить к освобождению своих холопов путем добровольных с ними соглашений и для ограждения взаимных интересов обеих договаривающихся сторон иметь руководством правила, составленные владельцами и принятые холопами. При этом Вашему Высокоблагородию необходимо возложить на обязанность лиц, назначенных в качестве посредников при заключении условий, не допускать увеличения выкупной платы против той, какая назначена в правилах, и даже стараться склонять владельцев к возможно большим уступкам в пользу холопей.

2. Для содействия обеим сторонам к успеху соглашений, для преподания им нужных разъяснений при составлении самих условий, а также для усиления средств местной администрации мною вместе с сим командируются в Ваше распоряжение состоящий по армейской пехоте штабс-капитан Эллизен и Кавказского линейного № 10 батальона штабс-капитан Боков.

3. Лиц, назначенных в качестве посредников, Ваше Высокоблагородие снабдите особой инструкцией, в которой должны быть подробно разъяснены их обязанности при соглашении владельцев с холопами и проект которой Вы имеете представить ко мне на рассмотрение и утверждение. В помощь каждому из посредников назначается один депутат Народного суда, замененный на это время кандидатом, и, кроме того, согласно лично Вами заявленной мне просьбе, по два выборных от владельцев и холопов того района, где имеет действовать посредник. О размере содержания всем вышеназванным лицам прошу Вас немедленно войти ко мне с подробным представлением.

4. При имеющем состояться освобождении холопов, путем добровольных соглашений с владельцами, необходимо теперь же приступить к составлению форм самих условий и увольнительных свидетельств холопам, получающим свободу, и формы эти представить на мое утверждение. При этом прошу Ваше Высокоблагородие обратить особенное Ваше внимание на необходимость подробного изложения в условиях тех обязательств, какие принимают на себя договаривающиеся стороны.

5. Так как Его Императорское Высочество изволил изъявить согласие на просьбу кабардинцев относительно бесплатного освобождения унаутов, казаков и каравашей по окончании 6-летней обязательной их службы в доме владельца,— я предлагаю Вашему Высокоблагородию теперь же приступить к составлению подробного положения об освобождении рабов бесправных и началом их срочной обязательной службы считать день объявления предписания Государя Великого Князя. Для составления же такового положения, имеющего быть представленным на мое рассмотрение, могут служить основанием некоторые данные из представления моего за № 2823, докладной записки представителей кабардинских рабовладельцев и предложенных для руководства при соглашениях правил.

6. Прошу Ваше Высокоблагородие обратить Ваше внимание на то, чтобы все мною объявленное было в подробности известно всем - как обрядным, так и бесправным холопам.

7. О ходе же добровольных сделок между владельцами и холопами Ваше Высокоблагородие имеете сообщить мне через каждые 15 дней особою подробною ведомостью.

56. Телеграмма Главнокомандующего Кавказской армией Великого Князя Михаила от 28 ноября 1866 г. с выражением благодарности от имени царя кабардинскому народу

Искренне благодарю всех депутатов за радостную депешу. Государь Император поручил мне передать свое удовольствие

кабардинскому народу за готовность, которую он выразил для содействия благим намерениям Императорского Правительства. Его Величество надеется, что начатые преобразования пойдут успешно для упрочения благосостояния верных кабардинцев.

Михаил

С подлинным верно: поручик Никольский

57. Телеграмма Главнокомандующего Кавказской армией Великого Князя Михаила начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову

Депешу кабардинцев докладывали Государю. Его Величество весьма доволен успешным приступом к делу и надеется на благие от оного последствия. Всех благодарит.

Михаил

58. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова капитану Смекалову

Ответная депеша на имя депутатов получена. Государь особенно доволен кабардинцами и благодарит.

Лорис-Меликов

59. Письмо начальника Кубанской области от 29 ноября 1866 г. за № 113 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об обмене опытом в разрешении крестьянского вопроса в горских областях Кавказа

Из личных объяснений наших в Кисловодске осенью настоящего года Вашему Превосходительству известны причины, по которым крестьянский вопрос в горских округах Кубанской области оставался еще на очереди. Считаю не менее того необходимым повторить главные и существенные обстоятельства, которые более обращают на себя внимание: 1) недавнее покорение сих народов, 2) нищета большей части семейств, совершенно разоренных войной, 3) обещанный, но еще не выполненный надел поземельный, 4) объявление от имени Государя Великого Князя, что к крестьянскому вопросу будет приступлено лишь по наделе горцев землей и устройстве их хозяйства, 5) отсутствие всяких сведений о народонаселении сем и о сословных различиях и 6) едва введенная новая правильная администрация, к которой народ не успел еще ни применить себя, ни восчувствовать доверия.

Несмотря однако же на это, в течение настоящего года обложение податью совершилось и таковая собрана без недоимки, составлены самые подробные статистические сведения, в которых не на последнем плане все данные, относящиеся до крестьянского дела, как то: условия крепостной зависимости, имущественные обязательства к владельцам и проч., так что я надеюсь по рассмотрении всех данных составить соображение о прекращении крепостного права и в течение февраля месяца послать оное с полковником Дукмасовым в Тифлис для представления моего проекта на утверждение Его Императорскому Высочеству.

Тесная связь, существующая между черкесским населением вверенной мне области и Кабардою, заставляет желать, по возможности, единообразного решения существенных вопросов крестьянского дела - размера выкупов и распределения крестьянского имущества между владельцами и их холопами, а потому, имея в виду, что в настоящее время крестьянский вопрос в Кабарде обсужден Вами в главнейших подробностях, было бы полезно согласовать не только общий порядок, но, по возможности, даже и размер выкупа, и Ваше Превосходительство признаете, вероятно, не лишним, сообщить мне как об общем положении этого вопроса в Терской области, так и о тех подробностях выкупа, которые уже успели в настоящее время выясниться до известной степени. С своей стороны я буду своевременно сообщать Вам все, что будет сделано по данному вопросу во вверенной мне области.

В настоящее же время мне кажется, что главная задача заключается в уменьшении, по возможности, размера выкупной платы, что будет иметь прямым последствием освобождение крестьян не на бумаге, а на самом деле; я уже поручил полковнику Дукмасову принять некоторые меры, способные содействовать как уменьшению теперь же выкупной платы, так и подготовлению населения к могущему последовать в скором времени разрешению крестьянского вопроса, и могу указать на тот факт, что в некоторых округах уже были случаи освобождения крестьян за выкуп меньший, чем установлено адатом.

Примите уверения в моем искреннем почтении и преданности.

(Подпись)

60. Предписание Главнокомандующего Кавказской армией от 12 декабря 1866 г. за № 15 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о пореформенном устройстве освобожденных крестьян

Имея в виду заявленную Вашим Превосходительством в донесении от 27 ноября № 3675 необходимость установить теперь же общие нормы для руководства при допущении в Кабарде добровольных между владельцами и их холопами соглашений о выкупе, дабы, предупредив несоразмерно большие требо-

вания владельцев, облегчить возможность заключения условий и устранить могущие возникнуть столкновения, я, по рассмотрении представленного доверенными обеих сторон проекта подобной нормы в отношении главнейшего вида обрядных холопов - логанаутов, признал возможным утвердить основания, в нем изложенные, и теперь же принять их в руководство. Но как, в то же время, этим проектом не определены некоторые условия будущих отношений крестьян к владельцам в переходный период, что может породить недоразумения как при окончательном составлении выкупных условий, так и при приведении их впоследствии в исполнение, то я признаю необходимым:

1. Теперь же уяснить следующий вопрос: в том случае, когда за неимением средств к уплате выкупа даже с рассрочкою логанаут останется для заработка выкупа в доме своего владельца, должен ли раздел имущества временнообязанного быть произведен при самом заключении условия или же по прекращении срока обязательных работ? С своей стороны, в видах предоставления таким временнообязанным больших средств к окончательному расчету с владельцами до истечения переходного периода, я полагал бы удобнейшим, в случае желания самих временнообязанных, предоставить в полную их собственность все имущество, находящееся в их пользовании при заключении условий, с тем, чтобы та часть оного, которая, на основании пункта 2 утверждаемого проекта, подлежит выделу владельцу, была оценена посредниками и приобщена к общей сумме выкупа. Впрочем, если бы к выполнению такового предположения моего встречены были Вами затруднения, то предоставляю Вам, соображаясь с нуждами и желаниями обеих сторон, установить иное, по усмотрению Вашему, определенное в этом отношении правило.

2. Выяснить теперь же, на каком именно расчете должен быть основан упомянутый в 11-м пункте проекта выдел из собственного зерна годовой пропорции для гостей владельца. Должно ли это количество составлять определенную часть частного положения владельца? Имея в виду, что на этот предмет, вероятно, существуют правила, выработанные народным обычаем, я считаю необходимым, дабы эти правила были преподаны в руководство посредникам.

3. Установить правилом, дабы за определением в посредническом суде на основании пункта 10 проекта годовой платы за труд каждого временнообязанного работника или работницы им было бы засчитываемо в счет выкупа полное количество этой платы ежегодно, даже и в тех случаях, когда работник или работница, вследствие каких-либо случайных обстоятельств, от них не зависящих (болезни, пожара, падежа скота и т. п.), не выполняют в течение года всех падающих на них по пункту 9 проекта работ.

Установление этого правила естественно вытекает из самого характера срочнообязательных отношений.

Независимо от вышеизложенного, в видах достижения по возможности равноправных отношений всех временнообязанных к их хозяевам, было бы желательно заменить представляемый работникам пунктом 12 проекта условный срок свободных дней, по окончании покоса для их хозяев,- положительным и одинаковым для всех 15-дневным сроком.

Обращаясь затем к общим основаниям порядка освобождения в Кабарде бесправных рабов (унаутов), я разрешаю Вам: для соответственного вознаграждения тех из владельцев, от коих, на основании заявленного ими самими желания, освобождаются все малолетние (до 15-летнего возраста включительно) унауты мужского пола, отчислить из податных сборов текущего года 15 тыс. руб., распределив эти деньги тем порядком, какой признан будет Вами наиболее удобным, с тем чтобы, по выдаче их, представлен был список владельцев, получивших вознаграждение, с обозначением размера оного и со списком освобожденных малолетков.

Имея при этом в виду, что ни в проекте, составленном представителями Кабарды, ни в представлении Вашего Превосходительства не выяснены те основания, на которых малолетним этим предоставлено будет право проживать у прежних владельцев при своих родителях, я нахожу необходимым, дабы по сему предмету представлены были Вами подробные разъяснения.

Что же касается до малолетних унауток, то, усматривая из пункта 14 лит. Б означенйого проекта, что освобождение их предполагается лишь одновременно с их родителями и что, следовательно, если последние останутся в течение определенного срока в обязательных отношениях к владельцам, то относительно детей их женского пола могут возникнуть притязания со стороны владельцев, хотя бы по исполнению самых легких работ, и что в то же время в пункте 5 означенных правил и в представлении Вашем за № 3675 полное освобождение этих малолетних предполагается на тех же основаниях, как и обрядных, т. е. немедленное, считаю нужным просить особого разъяснения Вашего по этому предмету вместе с представлением подробных правил о порядке освобождения совершеннолетних рабов.

В заключение прошу Ваше Превосходительство теперь же войти в рассмотрение порядка пользования землей, который долл<ен быть установлен для тех из временнообязанных, кои будут переходить, на определенных соглашениях, к владельцам других аулов, а равно и для получивших окончательное освобождение, в случае желания их выселиться из аула бывшего своего владельца.

Соображения Ваши по сему предмету вместе с предположениями Вашими об установлении определенного порядка для

разбора споров, могущих возникнуть между владельцами и временнообязанными крестьянами их, имеют быть представлены Вами на усмотрение Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией.

За отсутствием Главнокомандующего
I Кавказской армией генерал-адъютант Карцов
Начальник Управления генерал-майор Старосельский

61. Рапорт начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 20 января 1867 г. за М° 180 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцеву об организации для проведения крестьянской реформы посреднических судов в Кабарде

Во исполнение предписания Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией от 1/18 октября прошлого, 1866 г. за № 4779 и для более успешного хода освобождения в Кабарде зависимых сословий мною учреждены в этом округе посреднические суды, председателями которых я наглел возможным назначить начальников участков, как более знакомых с бытом населения и способных внушить доверие народу, определив усиленное содержание лицам, составляющим эти суды, со дня открытия оных в следующем размере:

1) Начальникам Баксанского, Черекского, Малокабардинского и Горского участков на экстраординарные расходы по **400** руб. серебром в год каждому.

2) Им же на наем писарей по **180** руб. серебром и на канцелярские расходы по 50 руб. серебром в год каждому.

3) Четырем депутатам окружного Народного суда, назначенным членами посреднических судов, и восьми депутатам от владельцев - по 360 руб. серебром в год, а также восьми выборным депутатам от зависимых сословий по **180** руб. серебром в год каждому.

4) На наем писарей для усиления средств Окружного управления на все время до окончательного решения в Кабарде крестьянского вопроса 500 руб. серебром и на канцелярские расходы по этому же делу единовременно 150 руб. серебром.

Разрешая такой размер содержания названным выше лицам, я предложил в то же время начальнику Кабардинского округа принять все меры к тому, чтобы расход этот, смотря по ходу самого дела, постепенно сокращался как через уменьптение числа членов в некоторых посреднических судах, так и через соединение некоторых таких судов в один.

Вместе с тем, в видах усиления средств окружной администрации, я нашел нужным назначить в распоряжение начальника Кабардинского округа для особых поручений по освобождению

зависимых сословий и для ведения письмоводства по крестьянским делам жителя того же округа подполковника Али Тамбиева и состоявшего при канцелярии моей для письменных занятий в числе шести офицеров подпоручика Кавказского линейного № 8 баталиона Старцева с производством им содержания по настоящему назначению их первому **300** руб. серебром, а последнему 400 руб. серебром в год. В случае же, если бы для более успешного хода крестьянского дела в Кабарде потребовалось увеличить число таких лиц при Кабардинском окружном управлении, то я не замедлю войти об этом с представлением к Вашему Превосходительству.

Донося о вышеизложенном Вашему Превосходительству и предполагая отнести все означенные расходы на сумму, ассигнованную для ведения холопского дела во вверенной мне области, я прошу исходатайствовать утверждение Его Императорским Высочеством сделанных мною распоряжений как относительно назначения в Кабардинском округе названных лиц, так равно и расходов на усиление средств Окружного управления.

генерал-адъютант (подпись)
И. д. правителя канцелярии капитан (подпись)

62. Инструкция для мировых посреднических судов, учрежденных в Кабардинском округе при освобождении крестьян

1. Посреднический суд действует по освобождению рабов от зависимости путем добровольных соглашений.

2. Суд ни в каком случае не вправе предпринимать какие-либо насильственные меры в этом деле.

3. При составлении условий суд руководствуется правилами, принятыми выборными депутатами от рабовладельческого и зависимого сословий, как высшею нормою выкупной платы, раздела имущества и обязательных отношений в будущем, при этом обязывается, сколько возможно, склонять владельцев к уступкам против нормы в пользу рабов и ни в каком случае не допускать условия, слишком для рабов тяжелые или невыполнимые вовсе.

4. При назначении выкупной платы по летам определение своих лет предоставляется рабам (в случае споров под присягой), при этом как взрослым, так и малолетним свыше 8 месяцев принимать за год, ниже - месяцы в расчет не входят.

5. Раздел имущества делается в присутствии посредников, и выбор имущества, т. е. рогатого скота, лошадей, овец, пчел и земель, предоставляется рабам.

6. В уплату выкупной суммы дозволяется рабам отдавать весь скот, исключая пару быков и одну корову, а ценное имущество - исключая дом и домашнюю утварь; излишняя земля

может тоже идти в уплату долга, но не иначе, как оставив необходимую часть для прокормления семейства.

7. По заключении условий освобожденные имеют право во всякое время отойти от владельца; те же, кои остаются в обязательной работе, имеют право отойти в таком только случае, если представят поручителя, что они всю имеющуюся на них долговую сумму денег, с рассрочкой или годовой заработной платой, будут вносить аккуратно.

8. Всем остающимся в обязательной работе должна быть теперь же определена судом цена годового заработка - каждого работника отдельно.

9. По окончании освобождения обрядных рабов посреднический суд обязан приступить к оценке унаутов и определению, в строгой точности, лет всем несовершеннолетним мужского пола унаутам вообще и обрядным сиротам.

10. По совершении условий добровольных соглашений суд выдает увольняемому акт на русском языке и на обороте вкратце перевод на арабском согласно данной уже форме, а другой экземпляр акта представляется в окружное Управление для выдачи установленного увольнительного свидетельства. Акты эти должны быть подписаны двумя посторонними свидетелями, при заключении условий бывшими, всеми членами мирового суда и мировым посредником, с приложением казенной печати.

11. Во избежание каких-либо недоразумений в будущем и справок все условия, заключенные актами при освобождении рабов, вносить в имеющиеся в судах для этого шнуровые книги в указанном порядке.

Приложение: форма ведения шнуровых книг, составления актов.

Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

v-

«rf

64. Форма шнуровой книги внесения условий, на которых освобождались холопы

№	Имена и фамилии владельцев и освобождаемых ими рабов	От роду лет холопам	Какое имущество в настоящее время имеется у холопов	Сколько из того числа отделено владельцу
	Такого-то общества и аула		Дом Лошадей	АJ Раздел: Все отданное имущество подробно, как то: лошадей, быков, коров, баранов и т. д.
1	Владелец		Быков	Б) Выкуп: Объяснить, какую сумму назначено платить за каждого выкупного отдельно и сумму писать подробно.
1	Холоп		Коров Телков	
	Жена его дети их:		Баранов	
i	Сыновья		Ослов Буйволов	В) Условие: Писать подробно, уплачена ли вся выкупная сумма при самом разделе или будет уплачиваться с рассрочкой и в какой срок кансдый член отдельно и т. д., или сколько лет обязательной работы и какая годовая заработная плата каждому работнику.
i	Дочери		Пчел	

65. Форма акта, который вместо уставных грамот выдавался освобожденным холопам

1866 г. такого-то месяца и числа.

Я, нижеподписавшийся, освободил на волю такого-то ... лет, за ... руб., жену его, имя ... лет, за ... руб., дочь его, имя ... лет, за ... руб. и т. д. Срок уплаты следующий: ... числу месяца ... года обязаны уплатить такой-то ... руб., такая-то ... рублей и т. д. Итого ... руб. К числу ... месяца ... года взнос выкупной платы тот же и т. д. Годовая заработная плата каждому ... По разделе у холопа такого-то осталось имущество: 2 быка, 4 коровы, 1 телка, 2 сапетки меду и т. д.

Посторонние свидетели:

Депутаты от рабов:

Депутаты от владельцев: <

Депутаты Окружного Народного Суда:
Мировой посредник:
Казенная печать.

Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

66. Письмо начальника Терской области ген. Лорис-Меликова начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду о беспорядках в Кабарде и о насаждении частного землевладения [36]

Прекратившееся с 15-го числа сообщение в горах препятствует, к сожалению, выезду моему в Тифлис.

Для своевременного сношения Главнокомандующего с Военным министром прошу Вас поспешить донесением о тех лицах, которые будут высланы в Новочеркасск, с обозначением сроков или условий их ссылки и кратким описанием степени участия ссылаемого в прошедшем беспорядке.

Везу с собой в Тифлис письменное ходатайство об ассигновании в распоряжение мое 40 000 руб. для вспомоществования тем из беднейших владельцев, которые с освобождением своих холопов подверглись слишком резким лишениям. Не знаю, согласятся ли на отпуск просимой мной суммы; буду, впрочем, доволен, если успею получить разрешение и на 30 000 руб. Второе ходатайство мое заключается в ассигновке 10 000 руб. для будущего водворения унаутов, которые, не имея почти никакого имущества, потребуют для первоначального обзаведения отпуска пособия от казны в размерах до 30 руб. на семью. Надеюсь, что просьбы мои будут уважены Великим Князем; до получения же уведомления моего Вы можете, как передавал я Вам и в Нальчике, производить некоторые пособия, особенно теряющим владельцам, в размере от 100 до 150 руб. Мера эта, оказывая помощь нуждающимся, будет вместе с тем влиять полезно и на благомыслящую часть населения, которая убедится, что правительство, с своей стороны, желает оказать посильную и возможную помощь в трудном для Кабарды деле освобождения холопов. Имейте только в виду, чтобы всякая выдача пособия, будет ли она произведена посредниками или членами Окружного суда, сопровождалась всеми условиями личного Вашего контроля и письменных обрядностей.

В Тифлисе буду докладывать также об образовании частных собственников. Прошу вас готовиться к разрешению и этого вопроса. Если Вы пришли уже к какому-либо окончательному выводу относительно способа выполнения этого дела, то сообщите мне Ваши соображения. Во всяком случае, не мешает прислушиваться к говору как лиц, заинтересованных в этом деле, так и остальных их местных узденей: масса населения, близко

знакомая с экономическими нуждами и условиями края, нередко сама вырабатывает способы к разрешению самых сложных вопросов. В настоящее время, с своей стороны, я могу предпослать два условия, которые, по моему мнению, должны быть положены в основание при образовании частных собственников в Кабарде:

1) имея в виду наклонность к шалостям и воровству, существующую еще в молодом поколении высшего кабардинского сословия, необходимо будет воспретить, на первые 5 лет, селиться собственникам одиночными хуторами на отведенных им участках и, следовательно, нужно, будет временно удержать за ними в аулах право оседлости и пользования одним паем - наравне с прочими жителями;

2) обилие кабардинской территории и преимущественно пастушеское хозяйство не дают верных ручательств, чтобы все лица, коим будет отведена земля, поняли на первых же порах всю цену и преимущество частной собственности; при неокончательно же установившемся еще строе гражданственности в Кабардинском крае едва ли найдутся в самом начале частные предприниматели не из кабардинских уроженцев, которые решились бы приобрести там покупкою землю. Поэтому легко может случиться, что многие из владельцев поспешат продать свои участки за бесценок своим же вольноотпущенникам, и мы, не достигнув требуемого правительством обеспечения высшего сословия, будем носить на руках тех же голышей, громко именующихся князьями и тлакотлешами [37]. Следует также воспретить продажу участков в первые 5 лет после отвода, пока собственники не усвоят начал правильного земледелия или даже скотоводства.

О ходе холопского освобождения прошу Вас сообщать мне возможно чаще. Письма Ваши будут пересылаться ко мне в Тифлис. Уведомьте также о сроке окончания освобождения по участкам и численности холопов во всем округе, если успели уже собрать точные и новые об этом деле сведения.

Кроме того, для доклада Его Высочеству прошу доставить список, хотя бы приблизительно, о тех кабардинцах, которые, не подвергаясь высылке из края, подлежат более или менее строгому наказанию.

Примите уверение и прочее Лорис-Меликов

67. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 23 февраля 1867 г. за №145 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об экономическом устройстве освобожденных в Кабарде зависимых крестьян

На предписание от 30 декабря прошлого года № 4082 доношу Вашему Превосходительству:

1. До сих пор при самом заключении соглашения между владельцами и их холопами по делу освобождения последних

на волю производился и раздел имущества пополам под надзором членов посреднического суда.

Более двух третей из крепостных сословий в Кабарде уже освобождено с соблюдением означенного условия, которое, следовательно, вошло уже в силу и получило значение общего правила. Изменение его, кроме земледелия, дальнейших действий посреднических судов, переписки тысячи выданных уже актов, возбуждения неблагоприятных для дела толков недовольными новой переменой и мысли о шаткости и несостоятельности раз принятых правил и т. п. обстоятельств, неминуемо повлечет за собой весьма убыточные затруднения и для самих временнообязанных крестьян. При данном им праве с соблюдением известных условий свободного перехода от прежних владельцев к новым всякий временнообязанный работник в случае споров его с хозяином при разделе имущества должен будет обратиться в посреднический суд для решения возникших недоразумений, а так как подобных случаев в каждом ауле одновременно может быть несколько, не говоря о том, что посредники будут лишены возможности удовлетворять с успехом и вовремя всем жалобы, то эти неизбежные случаи поставят в невыгодное положение и самого работника, который вынужден будет в ожидании решения посреднического суда терять время, может быть, самое рабочее и прибыльное, раздел же имущества при заключении условий освобождения даст конец предварительным действиям преобразования.

Временнообязанный крестьянин, получив от владельца половинную часть имущества, делается полным ее хозяином и бережет ее, как лично принадлежащую ему собственность, от развития которой зависит его благосостояние; оставаясь же в имущественном отношении неразделенным с своим владельцем и, следовательно, не вполне самостоятельным хозяином, он будет лишен возможности, часто в ущерб себе, свободно распоряжаться своей собственностью, которая, находясь в общем владении, поставит его в весьма значительную и невыгодную зависимость от владельца. Такого рода затруднения вынудят администрацию делать новые соображения для устранения создавшихся ею неудобств и писать новые правила. Наконец, независимо от всего вышесказанного, принимая во внимание § 8 правил, предоставляющий временнообязанному работнику право перехода от прежнего владельца к новому, должно сказать, что определенного срока обязательных работ в строгом значении слова быть не может, что еще более подтверждается мыслью, выраженною в конце означенного параграфа. Словом, временнообязанный крестьянин связан не сроком работ, а единственно внесением сполна выкупной платы своему прежнему владельцу, какими бы законными путями он ни добыл ее.

Относительно же предоставления временнообязанным крестьянам в полную собственность всего имущества, без раздела

с отнесением стоимости причитающейся из него части владельцу к общей сумме выкупа, я, при всей очевидной выгоде подобной меры для освобождающихся на волю, считаю ее крайне затруднительной, так как ни один из владельцев, имея право на половину имущества, заключающегося большей частью в скоте, и, следовательно, на приращение его, не согласится на убыточные условия. Самое же главное, подобная мера, лишив рабочих средств мало привычных к труду владельцев, быстро разовьет между ними нищету со всеми ее вредными последствиями.

2. Пропорция зерна, выделяемая владельцем для своих гостей, единственно зависит от размера посева и от урожая, или, одним словом, от количества всего собранного хлеба. Выделив из него потребные, на основании хозяйственных соображений прошлого года, части для будущего посева и продовольствия рабочих во время полевых работ, все остальное количество зерна, выработанное крестьянскими семействами, владелец делит на равные части по числу своих унаутов (мужчин, женщин и детей), членов крестьянских семейств (считая за члена и грудного ребенка) и своей собственной семьи, считая в ней одним членом больше против имеющихся в действительности. Количество зерна, выделяемого крестьянскими семействами на долю за лишнего члена против имеющихся в действительности душ в семье владельца, и есть та пропорция хлеба, которая назначается для гостей хозяина. Правило это вошло в народный обычай и неизменно как для богатых, так. и небогатых людей, влиятельных и невлиятельных, знатных и незнатных. Зажиточный владелец, которому требовалось больше хлеба, и сеет больше, но обстоятельство это не имело никакого влияния на положение работника в смысле его продовольствия; в случае неурожая или недостатка хлеба, потребного для работника, владелец обязан был или покупать хлеб для крестьянина, если нуждался в его работах, или отпускал его на заработки, пользуясь половинного частью чистого дохода, выработанного крестьянином. При настоящих же отношениях крестьян к владельцам, когда последние обязаны одевать и кормить своих временнообязанных работников, большее или меньшее количество зерна, выделяемое по обычаю для гостей владельца, не имеет ни малейшего значения для материального быта туземного крестьянина.

3. И при установлении правила, означенного в третьем пункте предписания Вашего Превосходительства, весьма полезен раздел имущества между владельцем и временнообязанным крестьянином при самом заключении условий. Работник, получив следуемую ему часть скота в полную свою собственность и распоряжение, бесспорно, имеет и неотъемлемое право употребить его исключительно для своих собственных нужд; все же работы для своего хозяина он производит на хозяйском скоте. Отсюда прямое заключение, что ни пожар, ни барантовка имущества владельца за долги и преступления, ни падеж скота, ни другие

какие-либо, не зависящие от воли владельца, обстоятельства не могут иметь ни малейшего значения на уменьшение годовой задельной платы, определенной посредниками временнообязанному крестьянину, или на продолжение ему условного срока работ.

4. При заключении условий между владельцами и их крестьянами посреднические суды в Большой и Малой Кабарде, всякий раз выясняя подробности новых отношений, прав и обязанностей договаривающихся сторон, объявляют им о предоставленном на основании § 12 правил временнообязанным работникам праве двухнедельного срока свободных дней для их собственных хозяйственных нужд по окончании покоса их владельцев. Означенное право сделалось общим и однообразным для всех временнообязанных крестьян.

5. Относительно устройства быта малолетних унаутов мужского пола я полагаю следующие главные правила:

А. Малолетним унаутам теперь же должна быть произведена посредническим судом надлежащая оценка и определена каждому из них выкупная плата сообразно возрасту и телосложению.

Б. Малолетние унауты, кои при помощи правительства внесут за себя выкупную плату, немедленно получают полную свободу.

В. Малолетние унауты, получившие свободу, могут перейти на жительство к своим родственникам свободного состояния или к временнообязанным крестьянам, на собственное иждивение последних; при неимении же родственников имеют право проживать у прежних владельцев, при своих родителях до достижения рабочего совершеннолетия (15-летнего возраста включительно).

Г. Малолетние унауты, получившие свободу, но проживающие при своих родителях у своих прежних владельцев, пользуются от последних продовольствием и одеждой; но в возмездие за это малолетние обязаны исполнять в домах своих хозяев легкие работы, соответствующие их возрасту и силам.

Д. Малолетние унауты, лишенные средств к уплате своим владельцам определенного посредниками выкупа, получают полную свободу вместе с своими родителями по истечении 6-летнего срока, во время общего освобождения всех бесправных крестьян.

Е. Малолетние унауты, на коих будет числиться определенная посредническим судом выкупная плата, имеют право во всякое время в период вышеозначенного 6-летнего срока перейти на жительство в семейства, кои пожелают взять их к себе; по достижении же совершеннолетия обязаны внести выкупную плату своим владельцам по частям, в определенные сроки по мере возможности, или отработать ее сполна с соблюдением условий, изложенных в § 7 правил.

Ж. Малолетние унауты, лишенные средств к уплате определенного выкупа, оставаясь на жительстве у своих родителей в домах владельцев, пользуются от последних продовольствием и одеждой, исполняя работы, соответствующие возрасту малолетних.

З. Малолетние унауты, оставаясь в домах владельцев при своих родителях, помогают последним по мере своих сил в исправлении их обязанностей и услуг в дворах и саклях владельцев; по преимуществу же служат компаньонами при малолетних сыновьях владельцев, точно так же, как малолетние унаутки, помогая своим матерям в их домашних занятиях, служат компаньонками при дочерях владельцев.

6. Все вышеозначенные правила, касающиеся малолетних мужского пола, можно применить и к малолетним унауткам, с предоставлением им права выплачивать определенную посредническим судом выкупную сумму по выходе замуж из калыма.

Присовокупляю, что малолетние унаутки, проживая с своими родителями у своих владельцев и получая от последних продовольствие и одежду, должны исполнять в дворах своих господ легкие и незначительные работы, соответствующие силам малолетнего возраста.

Освобождение же малолетних унауток от всяких занятий приучит их к лени и праздности и лишит их возможности ознакомиться с хозяйством и домашней бережливостью, как с необходимыми средствами для их будущего благосостояния.

Всякие же излишние требования и принуждение со стороны владельцев в отношении работ, исполняемых малолетними унаутками и унаутами, должны считаться злоупотреблением, подлежащим строгому преследованию местной полицейской власти.

Малолетние унаутки, при неимении средств к освобождению их тотчас по назначении им посредническим судом выкупной платы или в известный срок, с распределением уплаты выкупной суммы по частям, получая свободу одновременно с своими родителями до истечении шестилетнего периода общего освобождения, обязаны выплачивать своим владельцам определенную посредниками выкупную сумму по выходе замуж из калыма.

7. Относительно порядка освобождения совершеннолетних бесправных крестьян представляю следующие соображения:

А. По окончании дела о переходе обрядных холопов от прежней их зависимости от владельцев к отношениям временнообязанных крестьян, произвести при участии посреднического суда оценку всем унаутам и унауткам и назначить им выкупную плату, соответствующую их возрасту и работе.

Б. Размер выкупной платы за унаутку и унаута ни в каком случае не должен превышать той суммы, которая уплачена их последним владельцем.

В. Как унаут, так и унаутка имеют право во всякое время до истечения срока 6-летней обязательной службы внести выкупную плату своему владельцу с зачетом в число оной прослуженного времени и получить полную свободу.

Г. Если кто-либо из унаутов или унауток, при помощи родственников или какими-либо иными средствами, внесет за себя выкупную плату полностью или по частям в сроки, назначенные по добровольному соглашению с владельцем, тот немедленно получает полную свободу.

Д. Унаут, представивший своему владельцу надежного поручителя в исправном внесении назначенной выкупной платы в сроки, определенные по добровольному соглашению с владельцем, имеет право идти на заработки или перейти к новому хозяину, если последний поручится за него прежнему владельцу.

Е. Унаутка, если найдет себе мужа, который внесет за нее определенную выкупную плату полностью, или за поручительством, в определенные по соглашению с владельцам сроки, немедленно получает свободу.

Ж. Унаут, достигший 21-летнего возраста, на основании народного обычая имеет право жениться. Если совершеннолетний унаут будет иметь средства найти себе жену, то, получив право логанаута, он вступает к своему владельцу в отношения временнообязанного крестьянина и пользуется всеми правами, предоставленными последнему.

З. Унаутка, получившая свободу или отошедшая от своего господина по добровольному его соглашению, как временнообязанная, обязанная числящимся на ней долгом, может избрать себе то семейство, которое она пожелает и где ее захотят принять, или поселиться у родственников, если таковые у нее имеются.

К, Имущество, имеющееся у унаутов и унауток, одежда, деньги и скот, подаренные владельцем или женою его, равно и все вновь приобретенное, остается в полной их собственности, которой они могут распоряжаться по своему произволу.

Л. Освободившиеся на волю унауты в отношении поземельной собственности пользуются всеми правами, предоставленными обрядным, временнообязанным крестьянам и вообще всем свободным кабардинцам, о чем будет сказано ниже.

8. Так как в Кабарде никакой зависимости между сословиями не существует и кабардинская территория составляет нераздельное достояние целого общества, поземельное довольствие временнообязанных крестьян, как равно логанаутов и унаутов, получивших окончательное освобождение, не представляет ни малейшего затруднения тем более, что при решении поземельного вопроса в Кабарде крестьяне вошли в расчет при разверстании земель между аулами. Таким образом, все временнообязанные крестьяне, получившие полную свободу, пользуются землей на правах, предоставленных всем свободным кабардинцам, и на общих обычных основаниях, изъясненных в донесении Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области на предписание Вашего Превосходительства от 9 января 1865 г. за № 126.

Относительно же порядка пользования землей, какой должен быть установлен для временнообязанных крестьян, переходящих на работы к владельцам других аулов, а равно и для получивших окончательное освобождение, если они пожелают выселиться в другой аул, я полагаю:

а) имея в виду, что при наделе аульных обществ поземельными участками была принята во внимание численность населения в каждом ауле, как главное основание для определения размеров означенных участков, я считаю необходимым, для избежания значительных затруднений в поземельном отношении и пересечения передвижения сотен семейств, что всегда связано с большими ущербами для переселенцев и тем более для людей бедных и озабоченных устройством своего нового быта,— воспретить всякое переселение из аула в аул тем семействам, кои получат окончательное освобождение. Исключение можно сделать для тех только холостых людей, получивших свободу, кои будут иметь в других аулах родственников, изъявивших желание взять их в свою семью;

б) те же из временнообязанных крестьян, которые перейдут на работы к владельцам, живущим в других аулах, могут пользоваться землей в тех аулах временно, как временно в них проживающие, по окончательном же освобождении или по истечении периода обязательных работ они должны водвориться в своих прежних аулах.

9. Все споры между владельцами и их временнообязанными крестьянами подлежат ведению посреднических судов, кои при разборе означенных тяжб должны руководствоваться правилами, принятыми за основание при освобождении крестьян, и строго придерживаться условий, изъясненных в актах освобождения, выданных временнообязанным работникам. При неудовольствии же какой-либо из тяжущихся сторон на решение посреднического суда или в случае, если спорное дело потребует судебного разбирательства на основании народных обычаев, оно переходит на рассмотрение и решение Кабардинского окружного народного суда.

Начальник округа полковник Нурид

•'• •"'"*"','.'"'..; •'.'.: Заведующий отделением подпоручик Старцев

m

68. Письмо начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову от 14 марта 1867 г. за № 41, с приложением выписки из проекта правил, на основании которых должны были освободить унаутов в Кубанской области

" Согласно с желанием Вашим препровождаю при сем проект правил, предположенных мною в основание решения вопроса об освобождении унаутов в Кубанской области.

Примите уверения в почтении и преданности

(подпись)

Выписка из проекта правил, долженствующих служить основанием при освобождении зависимых сословий в горском населении Кубанской области

Об унаутах

Унауты для владельцев были всегда важнее и необходимее пшитлей: они не только исполняли все работы, относящиеся к домашнему хозяйству их владельцев, но мужчины нередко занимались полевыми работами, скотоводством, пчеловодством и другими отраслями сельского хозяйства; женщины же унаутки, кроме прислуг владельцам и их гостям, совершенно избавляли своих владельцев от труда и забот по домашнему хозяйству. Из этого видно, что каждый владелец с освобождением унаутов несет сравнительно гораздо более материальных потерь и стеснений, нежели с освобождением пшитлей, и если бы унауты при освобождении крестьян получили право немедленно оставить своих владельцев с обязательством лишь уплатить им выкупную сумму, то домашнее хозяйство их помещиков пришло бы в совершенное расстройство (по заявлению горцев, им особенно тяжело лишиться женской прислуги, так как женщины высших сословий не только не привыкли ни к какой работе, но и сочтут работу унизительным для себя занятием; кроме того, и найти-то женскую прислугу между горским населением в первое время будет невозможно), и они подверглись бы самым тягостным (для них) лишениям.

На основании этих соображений и дабы смягчить последствия крестьянской реформы, Комитет пришел к заключению, что: 1) унауты должны быть на определенное время оставлены в обязательных отношениях к владельцам и 2) выкуп за них назначить в несколько большем размере, нежели за пшитлей.

Вследствие этого Комитет полагает: по объявлении Положения об освобождении горских крестьян оставить унаутов у прежних их владельцев во временно обязанных отношениях на два года и по истечении уже этого срока предоставить им войти в сделки с владельцем относительно способа уплаты остальной части выкупа. Из этого правила допускается исключение для

девушек и женщин, которые в течение одного года не имеют права отойти от владельца даже и по вступлении в брак, но на второй год могут отойти от помещиков с обязательством вносить выкуп или в один раз или же по рассрочке.

Норма выкупа для унаутов

Комитет полагает: малолетних унаутов обоего пола до 7-летнего возраста освободить бесплатно, а старших, выше 45 лет,- по истечении года; унаутов же остальных возрастов освободить по окончании обязательного двухлетнего срока за половинный выкуп против прилагаемой оценочной нормы, так как каждый год обязательного труда унаутов всех возрастов равняется одной четверти выкупной платы, объясненной в прилагаемой таблице:

Для обоих полов:

7 лет - 20 руб.
8 « - 30 «
9 « - 40 «
10 « - 55 «
11 « - 70 «
12 « - 95 «
13 « - 120 «
»' 14 лет - 160 руб
от 15 до 30 лет 200
35 до 38 « - 150 «
38 до 41 « - 100 «
41 до 45 « - 50 «
45 до 50 « и выше 0

Примечание: По собранным в округах сведениям о работах унаутов в доме владельца годовой труд взрослого раба оценен в 50 руб.

Об устройстве быта малолетних и стариков из сословия унаутов

Малолетки, имеющие родителей, должны оставаться при них; сироты же отдаются или посторонним лицам, или же остаются у владельца с тем, что от 15 до 16 лет (смотря по возрасту, в котором будут отданы на воспитание) они обязаны работать сообразно с их силами за свое воспитание, а с 16 лет они совершенно свободно могут отойти на заработки.

Сироты, отходя от владельцев, получают приличную по времени года одежду. Старики 45 и свыше лет обязательно должны работать год на бывших владельцев и потом отпускаются с одеждой по времени года. Ежели же владельцы не пожелают

их оставить у себя, то должны снабдить их одеждой и безвозмездно отпустить на волю.

, ,, Верно: (подпись)

69. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 2 декабря 1866 г. за № 724 начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову с приложением статистических данных о количестве логанаутов и тридцати актов, заключенных между владельцами и освобожденными холопами до официального объявления распоряжения правительства об отмене крепостного права

Представляю при этом Вашему Превосходительству краткие сведения о числе душ посемеино логанаутов, состоящих в вверенном мне округе по участкам, с показанием приблизительной цифры освобожденных из них по день открытия действий посреднических судов и принятия в руководство утвержденных высшей нормой обязательных условий, для разъяснения таковых в случае каких-либо несоглашений с той или с другой стороны, а также 30 экземпляров копий с актов, выражающих состоявшиеся сделки между владельцами и освобожденными в прежнее время, до объявления предписания начальства о даровании свободы людям крепостного состояния, с подразделением этих сделок на три разряда, а именно: на высшие, средние и более умеренные условия. При этом докладываю, что за верность цифры освобожденных в прежнее время ручаться нельзя, потому что из полученных мною ныне сведений оказывается, что до открытия действий посреднических судов к освобождению зависимых сословий путем добровольных соглашений многие из владельцев уже совершили миролюбивые сделки с своими холопами и дали им свободу; и что подробные списки холопам, освобожденным с 1 августа по 1 ноября настоящего года, согласно требованию Вашего Превосходительства от 29 октября за № 60, будут представлены вслед за сим, по получении некоторых дополнительных сведений от участковых начальников.

Начальник округа полковник Нурид

V f.4 >:'

., , „ „ . , , г. д-kva*m(&>'••'>•>Я*

СВЕДЕНИЯ,
показывающие краткую численность душ логанаутов в Кабардинском округе, с объяснением цифры освобожденных уже из них от крепостной зависимости до объявления распоряжения начальства о даровании им свободы

Название участков	Число семейств	Число душ обоего пола, за исключением каравашей и унауток
1) В Ваксанском	599	6056
2) В Черекском	350	3132
3) В Мало-Кабардинском	279	1592
4) В Горском	288	4020
Итого:	1516	14 800

Из того числа освобождено в прежнее время:

а) В Ваксанском участке	-	36
б) В Черекском	-	89
в) В Мало-Кабардинском	-	39
г) В Горском	-	1721
Итого:		1885

' Начальник Кабардинского округа полковник Нурид

Копии с условий, заключенных кабардинскими владельцами со своими холопами, при освобождении их от зависимого состояния [38]

Перевод с арабского

1866/1283 гг. Рабиа авваля 4-го дня полковник Атажука Атажукин, получив от сыновей Батырбека: Курмана и Эльмурзы - 260 овец, 70 штук рогатого скота и 10 лошадей, оставил им только домашнюю утварь и оружие, освободил на волю Курмана, Эльмурзу и дочь Курмана по имени Едикия; первого - во спасение души отца его, второго - во спасение души матери его, а третью - во спасение души своей и долголетней жизни, так что они все трое считаются от этого дня вольноотпущенниками и пользуются правами наравне с другими вольноотпущенниками его, Атажуки Атажукина. Освободил также жену Курмана Фа-

тимат и жену Эльмурзы Куку, наложил на каждую выкуп по **100** руб. Освободил сына Курмана Исмаила и дочь его Сайли, сыновей Эльмурзы: Магомета, Атабая, Ибрая и дочерей его Нульмахан, Чачли и Халу, наложил на каждого из них по **150** руб., а всего выкупа с 10 душ 1400 руб. серебром. Все вышепоименованные лица таковым назначением выкупа остались довольны, в чем свидетели аульный мулла эфенди Чагав, Герандуко Шогенов, Сафар Шогенов, Магомет Гукетлов, Магомет-Гирей Шидов и Магомет Сижажев. Подлинный перевел помощник начальника Баксанского участка хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

1866 г. **21** июля действительно Якуб Дыкинов получил от холопа своего Сулеймана Теувежева все холопское имущество, а именно: 46 баранов, 15 штук рогатого скота, одну лошадь, 34 руб. деньгами, 22 тулупа, две веревки, две арбы, три сапетки меду и один плуг и отпустил его, Сулеймана, с женою его Купимыкою на волю, с обязательством получить с них еще деньгами **150** руб., так равно отпустил сына их Закирея за сумму 200 руб. и дочь их Хажу за **100** руб. деньги эти он должен будет получить из числа калыма при выходе ее в замужество. Условие это заключено с тем, однакоже, что они от владельца Дыкинова не могут отойти куда-либо до тех пор, пока не заплатят условленную выше сумму. Свидетели по сему князь Атал^ука Атажукин, Алий Эфендий, Исмаил Кучуков, Урус Кельды, Измаил Апшев, Сафар Шогенов, Магомет Гукетлов, Матгирей Шилов, Усман Багов, Барак Коков, Магомет Сижажев и Магомет Казаншев; означенные свидетели на подлинном приложили именные печати и чугунные знаки. Подлинное переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
, полковник Нурид

Перевод с арабского

1866/1883 г. Рабиа авваля 30-го дня полковник Атажука Атажукин освободил на волю своих холопов Киши Кибиша, У мара Аружа и Гафака, наложив на каждого из них выкуп по 200 руб. серебром, за исключением последнего - Гафака, на которого выкуп наложил в 100 руб. серебром, и таким образом с этого дня они считаются вольноотпущенниками и пользоваться должны правами, одинаковыми с другими вольноотпущенниками князя Атажуки Атажукина. Наложенным выкупом обе стороны остались довольны, в чем были свидетели: Барак Коков, Сафар Шогенов, Герандуко Шогенов, Магомет Гукетлов, Осман, Маил Дыкинов, Магомет Сижажев. Писал аульный мулла

эфенди Гаг Камуков. Переводил помощник начальника Баксанского участка хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

fr

Перевод с арабского

1866 г. 25 июля действительно Герандуко Шогенов отпустил на волю своего холопа Пшихобра за 400 руб. серебром, равно отпустил и дочь его Насипхан ценою за 200 руб. серебром. Деньги эти должен получить при выходе ее в замужество. Свидетели по сему: Исхак Маршанкулов, Матгирей Шидов, Хажели Гукетлов, Маил Дыкинов, Кара Хадекиев, Магомет-Гирей Гукетлов, Жанхот Лизажов и Аслан-Гирей Шогенов и Атажука Атажукин на подлинном приложили свои именные печати и чернильные знаки своими перстами. Перевел поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Темроко Атажукин отпустил холопа своего Эсавана Саинова за 500 руб. серебром, срок уплаты назначен три года с тем, чтобы он платил ежегодно по 166 руб. 66 коп., заплатит в этот срок означенные деньги, тогда получит совершенную свободу; если же не уплатит, то остается в рабстве. Холоп Эсаван на это изъявил полное согласие. Свидетели по сему: князья Атажука Атажукин, Бек-Мурза Атажукин, Измаил Атажукин, уздени Али Апшев, Сулейман Муилов, Магомет Озроков, Ибрагим Курашинов, Магомет Абаев и Мет Афашагов. Мая 4-го дня **1866** г. писал аула Атажукина Магомет Валий. Перевел поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Бек-Мурза Хаджи Мисостов сын Атажукин отпустил на волю холопа своего Салима Маремова за 400 руб. серебром и поручились за него уплатить по 200 руб. Али Хажбов и Шухаиб Хацуков. Свидетели по сему Измаил Атажукин, Даут Хаджи Трамов, Али Апшев, Юсуп Бесленеев, Темрюко Афашагов, Казн

Шебзухов, Томаш Шурдумов, Ислам Карашаев и Эсаван Апшев. 1866 г. июня 12-го дня. Переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
J,t" , полковник Нурид

Перевод с арабского

•1 Измаил Хаджи Мисостов сын Атажукин отпустил на волю холопа своего Нура Метова за 300 руб. серебром и получил на уплату 200 руб., а остальные 100 руб. остались за ним. Свидетели по сему Шора Казаншев, Батгирей Зеков, Матгирей Вабугоев, Хаджи Али Сижажев, Эдык Шебзухов, Якуб Маремов. 1866 г. Писал аула Атажукина эфендий Магомет. Переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Бек-Мурза Хаджи Мисостов сын Атажукин отпустил на волю шесть душ крестьян обоего пола, а именно: Марема Аличукова, жену его Пагу, сына Сагида, дочь Хабибат и внучку Азызат за 900 руб. серебром. Срок уплаты денег назначается трехгодичный с тем, чтобы платить ежегодно по 300 руб.; означенный Марем с семейством своим изъявили на это полное согласие на тех условиях, что, когда он уплатит условленную сумму денег, получит совершенную свободу, без чего не могут быть свободными; кроме этого, если из семейства отпущенных кто-либо умрет до уплаты отпускной суммы, то за умершего также должны платить те, которые останутся в живых. Февраля 13-го дня 1866 г. Свидетели по сему Темрюка Атажукин, Шора Казаншев, Батгирей Зеков, Умар Тембеков, Хачимахо Хакяшев, Шухаиб Шогенов, Хаджи Али Сижажев, Али Апшев, Сулейман Хасанов, Ибрагим Курашинов и Мисост Напцев. Переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
|У полковник Нурид

Перевод с арабского

Давлетгирей и Хангирей Сунжевы отпустили на волю Урусхана с братьями за 400 руб., а маленький брат его отпущен за 70 руб., а сестра за 30 руб., с условием при выходе ее замуж

платить из калыма эти деньги; семейство их числом четыре души, у. них 150 баранов, 10 штук рогатого скота, один ишак, одно пахотное место, 2 покосных места, один котел, 3 ружья — имущество это будет разделено наравне других; срок работы 4 года. При свидетелях Кайсыне Сунжеве и Иссе Шакманове и Магомете Али Эфенди. Переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Холопов у Захмиша три брата сыновья Малкандуевы, старший из них по имени Куат 50 лет, у него три сына, старший Абрек 20 лет, второй Шишти 10 лет и третий Улак - 3 лет, жена его Калопаган 40 лет; второй брат Якуб 40 лет и третий брат Сока 35 лет. Имущество их 30 овец, 6 штук рогатого скота и 4 лошади. Жене Якуба 20 лет, дочери его 5 лет; жене Соки 20 лет; у него две дочери, старшей 3 года, младшей 2 года. Наложил выкуп на Куата 100 руб. серебром, а жену его освободил без наложения выкупа; на Соку с женой 400 руб., на Якуба 200 руб., на Абрека 200 руб., на Шишти 100 руб., на Улака 30 руб., на жену Якуба 200 руб., а дочь его и младшего сына освободил без наложения выкупа, а на старшего сына Соки наложил выкуп 30 руб. и имущество разделено пополам. Перевел 24 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Бек-Мурза Ахметов освободил казака Алмаза с семейством, получил 330 овец и 15 штук рогатого скота. Освободил Сирма без наложения выкупа во спасение души матери его, а также и Макана во спасение души Татильхана; на каждого сына Алмаза наложил выкуп по 170 руб., на дочь его 170 руб., на жену кунака 170 руб., на дочь кунака 50 руб. и на сына его 30 руб. Срок уплаты по оценке скотом через 4 года. Если кто пожелает, может прослужить за следуемый выкуп у Ахметова 4 года. Ахметов оставил на обзаведение хозяйством 5 штук рогатого скота с арбою и лошадь, осла, 30 овец и саклю с домашней утварью. Переводил 23 октября 1866 г. хорунжий Крюков. m/

,,,··, ,v „, % ,
-и г, ,,, , -г v _. Начальник Кабардинского округа
и * г > полковник Нурид

С подлинным верно:

- s *Перевод с арабского*

Хусейн Жануев освободил Керека с семейством; на Керека выкупа не наложил, а на остальных наложил 650 руб.; срок платы через 5 лет; оставил на обзаведение хозяйством 2 коровы, лошадь, быка и саклю с домашней утварью. Получил 9 коров, 2 лошади, осла и 30 овец. Перевел 24 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

;ащш «з

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Магомет, Адильгирей и Тавсултан Чепаловы освободили казака Далая с семейством, наложили выкуп на Далая 200 руб., на Якуба 200 руб., на Магомета 150 руб., на Тубая 120 руб., на Фатиму 150 руб. Срок уплаты 5 лет или же они обязаны прослужить у Чепаловых работниками 5 лет. Оставили на обзаведение хозяйством 5 коров, лошадь, ишака и саклю с домашнею утварью. Перевел 23 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Тука Талов освободил казака Сулеймана с семейством, наложив выкуп на Сулеймана 100 руб., на жену его 100 руб., на старшего брата 250 руб., на второго сына 200 руб., на третьего 90 руб., на четвертого 50 руб. Срок уплаты деньгами через 5 лет. На обзаведение хозяйством оставил одну лошадь. Перевел 23 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Бекмурза Ахметов освободил сыновей Кавсара, наложив выкуп на старшего сына 200 руб., на второго 200 руб., на третьего 100 руб., на четвертого 80 руб., самого Кавсара оставил при себе. Подобно другим девушкам, так точно же оставил и жену Аисы. Срок уплаты денег через 5 лет, если кто пожелает, может за следуемый с него выкуп прослужить Ахметову 5 лет. Переводил 23 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

t ...%, J. д-м' > •*.'. •->, <

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Магомет, Адильгирей, Тавсултан Чепаловы освободили казака Давлет-Гирея с семейством; на три души из этого семейства выкупа наложили: на Давлет-Гирея, жену его и старшего сына наложили выкуп 600 руб., на каждого по 200 руб., на дочь его 120 руб. Срок уплаты 4 года или должны прослужить Чепаловым 5 лет. Чепаловы получили 11 лошадей, 10 штук рогатого скота, 60 овец. Оставили на обзаведение хозяйством 2 коровы, лошадь, 10 овец и саклю с домашней утварью. Перевел 23 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Исмаил, Хамурза и Магомет Урусбиевы освободили чагара аталыка Хасана Качкарова с семейством, получив 4 лошади, 3 осла, 250 овец, 13 штук рогатого скота, притом наложили выкуп на Хасана и Хусина по 150 руб. на каждого, на Каралука и жену Хусина по 100 руб. - 200 руб., а Качару во имя Бога простили. Срок к уплате 4 года, если пожелают, то могут заслужить эти деньги четырехлетнею службой. Оставлено на обзаведение хозяйством 2 быка, корова, лошадь, ружье, осел, 11 овец и сакля с домашней утварью. Свидетели были Бекмурза Шар данов, Лукман Ибрагимов и мулла Эфендий; если кто украдет что и будет уличен, с того 50 руб. штрафу. Перевел 22 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Кушасаха, дочь Дудова, освободила Каракиз, дочь Жабуева, без наложения выкупа, а на Жабуя и его сыновей Аслана, Киля и Хусина наложила выкупа 500 руб. серебром, на младшую дочь его 100 руб. серебром, за эти деньги обязаны они прослужить Кушасахе 5 лет. Переводил 24 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
:/ ^.>-tbiW.'"- .5<№>8<Й5--; Ж'Ч :ЛД::\ Д'^ЙК;^: ПОЛКОВНИК НурИД

40 Заказ J* 106

Перевод с арабского

Мусса Батов отпустил на волю холопа овоего Дуку Ортобаева за 200 руб. серебром. Срок работы 5 лет. 7 ноября 1866 г. переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
ПОЛКОВНИК НурИД

Перевод с арабского

Исмаил, Хамурза и Магомет Урусбиевы освободили Улака Чупанова с семейством, наложив выкуп на двух дочерей его 200 руб., на каждую по 100 руб. серебром. Перевел 22 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Исмаил, Хамурза и Магомет Урусбиевы освободили холопа Кара Будаева с семейством, получив от него 290 овец, 46 штук рогатого скота, 7 лошадей и несколько ослов; следуемую по обычаю выкупную плату они, Урусбиевы, во имя Всевышнего Бога простили Будаеву; притом на обзаведение хозяйством оставили ему 2 коровы, 1 лошадь, осла; 1 ружье, 30 овец и сакли с домашнею утварью. Переводил 21 октября 1866 г. помощник Баксанского участка хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Якуб Хаджиев освободил казака Койчу без наложения на него выкупа во спасение души своей; причем свидетели были Мусса Кулиев, Исмаил и Хамурза Урусбиевы, Кукиз Этезов. Акт этот писал эфенди Лукман Ибрагимов. Переводил 23 октября 1866 г. хорунжий Крюков.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Кубай Шаваев отпустил на волю холопа Сарамурзу Уянова и брата его Базби за 90 руб. серебром. Срок работы для этого

господину своему 5 лет. 7 ноября 1866 г. переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Действительно, Саорилах Малухов отпустил на волю трех душ крестьян, а именно: Хатеора, Хачимахо и мать их Саго по 250 руб. серебром, и для уплаты сих денег назначен десятигодичный срок. Свидетели по сему Хажимет Малухов, князья Магомет и Бекмурза Наурузовы, Кургоко Бжехоков, Эльжеруко Жамбеков, Уважуко, Сулейман, Закирей Сабсуговы; Хажи Сулейман Кардов 1866 г. На подлинном по неумению грамоты приложили печати и чернильные знаки своими перстами. Переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Перевод с арабского

Действительно, князь Бек-Мурза Наурузов получил от холопей своих Сайда, Нагоя и Ибрагима Доновых все холопское имущество и отпустил их на волю, т. е. означенных Сайда с женой Ханифой, а Ибрагима с женою Кулою и дочерью Зарумхан, так равно и Нагоя — всего шесть душ, с обязательством получить от них 500 руб. серебром, и для уплаты этих денег назначил четырехгодичный срок 1866 г. Свидетели по сему Хажимет Малухов, Саорилах Малухов, Ибрагим Туков, Магомет Агоев и Уважуко Заруков; писал Исхак Шагаров. Если из них кто умрет до уплаты сих денег, то за умершего не будут отвечать другие. На подлинном приложена именная печать князя Бек-Мурзы Наурузова, а вольноотпущенники Сайд, Нагой и Ибрагим приложили перстами своими чернильные знаки. Переводил поручик Шарданов.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

* * *

Из представленного при рапорте начальника Черекского участка от 15 ноября № 571 сведения видно, что князь Жамбот Докшукин освободил своих холопов, а именно: Индриса Кир-

жинова 35 лет, брата его Мамсыра 25 лет и Исмаила 20 лет, сестру их Даус 8 лет, мать их Куну 35 лет, наложил выкуп на первых двух 600 руб., на третьего 200 руб., а на последних двух 150 руб. серебром.

С подлинным верно:
£? Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

'У"

« Из представленного при рапорте начальника Черекского участка от 15 ноября № 571 сведения видно, что узденъ Нахо Шогенов освободил холопа своего Теуважуко Тхокохова с семейством, а именно: жену его Хуару 30 лет, сына Хабату 8 лет, дочь Гошерох 5 лет, брата его Ахмета 25 лет, и наложил на них на всех выкупную сумму 800 руб. серебром.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Из представленного сведения при рапорте начальника Малокабардинского участка от 14 ноября за № 1088 видно: Абдуразак Метежев отпустил на волю своих холопов Гуллу 25 лет, жену его Дау 22 лет, братьев: Хаирли 20 лет, Жаиба 15 лет, и наложил на них выкуп 950 руб. серебром с уплатой ежегодно по 100 руб. серебром.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Из представленного сведения при рапорте начальника Малокабардинского участка от 14 ноября сего года за № 1088 видно: узденъ Жамбот Кудашев освободил холопов Хумыша 30 лет, Хазиля 26 лет, Макао 5 лет и Таусер 3 лет. Наложил выкуп на всех них 650 руб. серебром.

С подлинным верно:
Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

Из представленного при рапорте сведения начальника Малокабардинского участка от 14 ноября сего года за № 1088 видно: узденъ Герандука Шогенов отпустил на волю своих холопей с наложением на них выкупа 650 руб. серебром, а именно: Ильяса 30 лет, жену его Бабиш 26 лет, сына Якуба 5 лет, брата Ильяса 26 лет с условием, чтобы они при увольнении уплатили по 100 руб., а остальные каждый год по 100 руб. и в последний срок 50 руб. серебром.

С подлинным верно:
, ,,,, Начальник Кабардинского округа
полковник Нурид

70. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 14 марта 1867 г. за № 359 начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову об окончании освобождения зависимых сословий в Кабарде с приложением ведомости о количестве освобожденных

Освобождение холопов во вверенном мне округе окончено. *Приложение:* Ведомость о числе освобожденных. (См. ведомость между С. 773, 774.)

Подписал полковник Нурид
С подлинным верно: штабс-капитан (подпись)

71. Письмо генерала Старосельского от 24 апреля 1867 г. за М 1861 начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову с приложением копии с приказа наместника Кавказа по Кавказскому военному округу от 23 апреля 1867 г. за № 49

Препровождаю при этом к Вашему Превосходительству для сведения Вашего копии с приказа, отданного Его Императорским Высочеством Главнокомандующим армией по Кавказскому военному округу.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

Старосельский

ПРИКАЗ
по Кавказскому военному округу
№ 49
Апреля 23-го дня 1867 г. в г. Тифлисе

С высочайшего Государя Императора разрешения, в ноябре месяце истекшего года мною предложено было начальнику Терской области приступить к прекращению в Кабарде доселе существующих крепостных отношений между различными сословиями — на началах особо мной преподанных.

f Ныне получил я донесение о повсеместном освобождении в Кабарде всех крепостных, в числе более 21 тысячи душ.

Относя столь успешное выполнение предпринятой реформы к той энергии, заботливости и знанию края, с которыми начальник Терской области руководил ходом освобождения, предупреждая и устраняя все возникавшие среди населения недоразумения, неизбежные в таком многосложном деле, мне приятно выразить генерал-адъютанту Лорис-Меликову душевную мою признательность.

Благодарю также начальника Кабардинского округа полковника Нурида, правителя Канцелярии начальника Терской области капитана Смекалова и всех других сотрудников генерал-адъютанта Лорис-Меликова по этому делу.

Подлинный подписал: Главнокомандующий Кавказскою армией генерал-фельдцейхмейстер Михаил

С подлинным верно:
За начальника отделения (подпись)

72. Письмо помощника главнокомандующего Кавказской армией генерала Карцева от 16/24 апреля 1867г. за № 1852 начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову с объявлением благодарности по случаю благополучного завершения освобождения зависимых сословий в Кабарде административным лицам, принимавшим участие в проведении крестьянской реформы

По докладе Его Императорскому Высочеству донесения Вашего Превосходительства об окончании в Кабарде освобождения зависимых сословий, Государь Великий Князь, независимо приказа по армии, отданного по этому случаю сего числа, изволил поручить мне объявить благодарность Его Высочества начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду, правителю Канцелярии Вашей капитану Смекалову и начальникам участков и председателям посреднических судов: капитану Мазараки, штабс-капитану Эллизену, штабс-капитану Ладыженскому, подпоручику Цемирову, Кабардинского пехотного полка штабс-капитану Коленко и Кавказского линейного № 8 баталиона подпоручику Старцеву.

О таковом милостивом внимании Его Императорского Высочества к трудам и усердию названных лиц сообщаю Вашему Превосходительству для объявления им.....

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

А. Карцов

73. Приказ начальника Терской области генерала Лорис-Меликова от 15 мая 1867г. за №58 по войскам и управлениям Терской области с выражением благодарности чинам областной администрации, принимавшим участие в проведении крестьянской реформы в Кабарде

Помощник главнокомандующего Кавказской Армией уведомил меня, что по докладе Его Императорскому Высочеству Начальника Кавказского военного округа об окончании в Кабарде освобождения зависимых сословий Государь Великий Князь независимо особого приказа по армии, отданного по этому случаю 23-го прошлого апреля № 49, изволил поручить генерал-адъютанту Карцеву объявить благодарность Его Высочества начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду, правителю Канцелярии моей капитану Смекалову и начальникам участков и председателям посреднических судов: капитану Мазараки, штабс-капитану Эллизену, штабс-капитану Ладыженскому, подпоручику Цемирову, Кабардинского пехотного полка штабс-капитану Коленко и Кавказского линейного № 8 баталиона подпоручику Старцеву.

О таковом милостивом внимании Его Императорского Высочества к трудам и усердию лиц названных делаю известным по войскам и Управлениям вверенной мне области.

74. Предписание канцелярии начальника Терской области от 31 мая 1867г. за № 1465 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду с требованием дополнительных сведений об освобожденных холопах в Кабарде

Начальник области поручает мне просить Вас, по встретившейся надобности, представить Его Превосходительству в возможно кратчайший срок сведение: 1) сколько из числа освобожденных крестьян во вверенном Вам округе (с подразделением их на виды зависимых сословий) отошли от своих владельцев, представив за себя поручителей в уплате следуемой с них выкупной суммы, 2) сколько затем осталось лиц зависимых сословий в домах своих владельцев в срочнообязательных отношениях и 3) точный список отошедших бесплатно, по преклонным летам и т. п.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в искреннем уважении и совершенной преданности.

75. Письмо генерала Старосельского от 30 мая 1867г. за № 2594 капитану Смекалову об ассигновании средств на содержание чинов посреднических судов и компенсацию владельцев

В ответ на письмо Ваше от 21 марта за № 710, в котором Вы просите разъяснить недоразумение, встречаемое вследствие предписания Главнокомандующего Армиею от 2/6 марта за № 944, коим разрешается расход, необходимый на содержание посреднических судов в Кабарде, относить на 15 тыс. руб., тогда как деньги эти предписанием от 12 декабря 1866 г. за № 15 отчислены для вознаграждения кабардинских рабовладельцев за освобождение малолетних унаутов, уведомляю Вас, милостивый государь, что так как ныне последовало уже разрешение Его Императорского Высочества главнокомандующего армией от 6 мая за № 2125 об отчислении 152 тыс. руб. из податных сборов для ведения холопского дела в Терской области, в число каковой суммы вошли и расходы, необходимые на посреднические суды, то потому и не представляется необходимостью испрашивать нового разрешения, в отмену № 944, который, следовательно, тем самым должен считаться оставленным без последствий.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном почтении и преданности.

Дм. Старосельский

76. Предписание начальника Терской области от 14/17 июня 1867 г. за № 1706 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду о приравнении в земельном отношении освобожденных холопов к свободному населению Кабарды и о предполагаемых для освобождаемых холопов льготах

Его императорское Высочество главнокомандующий Кавказской армией в предписании от 17 мая за № 2208, приказать изволил: 1) всем освобожденным в Кабарде зависимым сословиям теперь же предоставить однообразные права со всем остальным свободным населением Кабарды в отношении поземельного пользования и 2) доставить заключение о том, какие именно льготы от податей и повинностей предполагается предоставить этим освобождаемым.

Поставляя об этом в известность Ваше Высокородие для надлежащего исполнения приказания Государя Великого Князя, изложенного в первом пункте, предлагаю Вам по 2-му пункту представить мне свое заключение.

Верно: есаул (подпись)

77. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 2 июля 1867 г. за № 1015 начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову с приложением ведомости о количестве и условиях освобождения рабов в Кабардинском округе (См. ведомость стр. 778).

Согласно письму правителя Канцелярии Вашего Превосходительства от 31 мая за № 1465 представляю при этом ведомость о числе крепостных вверенного мне округа, освобожденных по выкупу с поручительством, с оставлением в обязательной работе и бесплатно, и список рабовладельцам, освободившим своих крепостных бесплатно с показанием числа освобожденных.

Начальник округа полковник Нурид
Заведующий отделением подпоручик Старцев

78. Рапорт канцелярии начальника Терской области от 10 августа 1867г. за М 2490 Кавказскому горскому управлению с приложением свободной ведомости о количестве зависимых сословий в Терской области, (см. ведомость между с. 773, 774.)

По поручению г-на начальника области, Канцелярия представляет при этом ведомость о численности зависимых сословий в области, освобожденных из рабства у туземных владельцев; число лиц, получивших свободу на условиях, обозначенных в ведомости, взято из донесений окружных начальников к 1 июля этого года.

Верно: за старшего адъютанта штабс-капитан (подпись)

79. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 5 октября 1867 г. за № 1764 начальнику Терской области с приложением цифровых данных о бесплатно освобожденных в Кабарде холопах

Представляя при этом список крестьянам, отошедшим от своих владельцев бесплатно, считаю необходимым доложить Вашему Превосходительству, что в списке этом помещены все без исключения лица, освобожденные владельцами бесплатно, без различия причин освобождения по одному желанию владельцев облегчить как можно более положение своих холопов при освобождении, так как по правилам, составленным предва-

рительно кабардинцами и утвержденным потом начальством, никто не имеет права рассчитывать непременно на бесплатное освобождение и даже увечные и дряхлые старики подлежали при назначении за них выкупа оценке мировых посредническихъ судов сообразно способностям каждого к работам.

Начальник округа полковник Нурид
Председатель мирового суда подпоручик Старцев

СПИСОК
крестьян, вышедшим из крепостной зависимости бесплатно

Л°	Имена и фамилии крестьян	Обрядных		Безобрядных	
		м.	ж.	м.	ж.
·	Всего	543	629	26	41

Начальник округа полковник Нурид

н-

80. Письмо полковника Павлова
ч *от 19/20 сентября 1867 г. за № 4693*
капитану Смекалову о предоставлении фамилий кабарди рабовладельцев, бесплатно освободивших своих рабов, для опубликования в газете «Кавказ»

Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему армией по случаю совершившегося в Терской области освобождения зависимых сословий угодно было приказать: сверх объявленной уже через местную власть благодарности Его Высочества сделать известными посредством газеты «Кавказ» фамилии всех владельцев, которые, сочувствуя совершающейся реформе, освободили крепостных людей своих бесплатно.

Поэтому покорнейше прошу Вас, милостивый государь, не оставить уведомить меня: были ли в Кабарде случаи безвозмездного освобождения холопов из сочувствия к правительственным распоряжениям, подобно тому, как это было в остальных округах области, и в утвердительном случае, кто именно из кабардинских владельцев освободил своих холопов бесплатно. Сведения эти необходимо иметь по возможности в непродолжительном времени, так как напечатание объявления в газете «Кавказ» приостановлено впредь до получения просимых сведений по Кабардинскому округу о бесплатном освобождении холопов, в котором есть только краткое указание в ведомости, приложенной к рапорту за № 2490.

Покорнейше прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

-т **Павлов**

81. Отношение начальника Терской области от 25/27 сентября 1867 г. за № 3152 начальнику Кавказского Горского управления с просьбой объявить благодарность кабардинским рабовладельцам, освободившим своих рабов безвозмездно

Начальник Кабардинского округа рапортом от 5-го сего октября за № 1764 донес, что многие из кабардинских рабовладельцев, побуждаемые желанием облегчить как можно более положение своих холопов как обрядных, так и безобрядных, освободили их безвозмездно.

О таковом похвальном поступке рабовладельцев, поименованных в прилагаемом при этом списке с показанием и освобожденных ими холопов, за отсутствием и по поручению генерал-адъютанта Лорис-Меликова, сообщая Вашему Превосходительству, прошу ходатайства об объявлении таким рабовладельцам благодарности Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией.

При этом присовокупляю, что в списке помещены все вообще освобожденные по добровольному желанию владельцев, бесплатно, без различия причин освобождения.

82. Предписание Кавказского горского управления от 14/20 октября 1867 г. за № 4692 и. д. правителя канцелярии начальника Терской области о высылке сведений по вопросу об освобождении зависимых сословий у горских народов

Генерал-адъютант Карпов, за отсутствием Главнокомандующего армией, предписанием от 12 декабря 1866 г. за № 12 разрешив начальнику Терской области отчислить из податных сборов 15 тыс. руб. для раздачи беднейшим кабардинским владельцам, малолетние рабы которых на основании правил освобождены без выкупа, просил доставить список владельцам, получившим вознаграждение из этих денег, с обозначением в этом списке размера вознаграждения и освобожденных малолетков, а также в том отзыве просилось выяснить, на каком именно расчете должен быть основан в Кабарде выдел из собранного зерна, годовой пропорции для гостей владельцев, т. е. должно ли это количество составлять определенную часть урожая или оно находится в зависимости от совершенно частного положения владельца.

Независимо от этого, Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией, предписанием от 10 мая за № 2208 предоставляя всем освобожденным в Кумыкском и Осетинском округах те же поземельные права, какими пользуется все остальное свободное население округов, просил начальника области тогда же войти к Его Высочеству с представлением о тех льготах от податей и повинностей, которые он, начальник области, полагает нужным оказать освобождаемым.

Не получая ни по одному из вышеприведенных предметов уведомления, а между тем имея в виду, что в Терской области уже совершилось освобождение зависимых сословий и что, следовательно, необходимо точнее и окончательно определить положение освобождающихся, покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие ускорить доставлением требовавшихся в предписаниях за № 12 и 2208 сведений, если к этому не представляется в настоящее время особых препятствий.

За отсутствием начальника Управления
подполковник Павлов
За начальника отделения (подпись)

83. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 11 июля 1867г. за № 1017 начальнику Терской области об освобождении зависимых сословий в Кабарде от государственных повинностей на 6 лет, т. е. за время их состояния во временных обязанностях к своим бывшим владельцам

Принимая во внимание 6-летний срок обязательных отношений, в которых остались отпущенники у своих прежних владельцев, а равно и уплату выкупной суммы, которая ранее этого срока не может быть также внесена, и вообще затруднительное положение освобожденных крестьян, понесших с освобождением большие потери в своих хозяйствах, я полагаю необходимым дать им 6 лет на устройство своего быта и в продолжение этого срока освободить от всех государственных повинностей.

Начальник округа полковник Нурид
Заведующий отделением подпоручик Старцев

84. Рапорт начальника Терской области от 20 ноября 1867 г. за М 4057 Главнокомандующему Кавказской армией об освобождении временнообязанных крестьян от государственных

податей и повинностей сроком на 8 лет со дня объявления правительственного распоряжения об освобождении
, зависимых сословий ,,,,,,.,,.. т-^ глн'г-ж'В-'дЦи

Предписанием от 17 мая этого года за № 2208 Ваше Императорское Высочество, предоставив всем временнообязанным в Кабарде, Осетии и на Кумыкской плоскости однообразные с остальным свободным населением этих округов права в отношении поземельного пользования, изволили разрешить мне войти с представлением о тех льготах от податей и повинностей, какие могут быть даны лицам зависимых сословий, освобожденным из рабства туземных владельцев в Терской области.

Затребованные мною мнения тех начальников округов, где совершилось прекращение сословной зависимости, почти единогласно указывают на 8-летний период освобождения временнообязанных от государственных податей и повинностей. Находя основание для такого времени льгот лицам, освобожденным из рабства, во-первых, в 6-летнем сроке обязательных отношений, в которых остались многие из отпущенников у своих бывших владельцев, во-вторых, в уплате семействами временнообязанных выкупной суммы, которую они могут окончательно внести своему владельцу или заработать не ранее б лет, и, в-третьих, наконец, в желании образовать из освобожденных рабов полезных членов общества, приняв во внимание, что с прекращением переходного состояния временнообязанному необходим некоторый срок, для того чтобы поставить свое новое хозяйство на прочных основаниях, прошу разрешения Вашего Императорского Высочества: всех вообще лиц зависимых сословий - в Кабарде, Осетии, Чечне, а равно и Кумыкского и Нагорного округов, кои находятся ныне во временнообязательных отношениях к своим бывшим владельцам, освободить от взноса государственных податей и повинностей в продолжение 8 лет, считая срок этот со дня объявления распоряжения Вашего Императорского Высочества о прекращении зависимых отношений холопов с их бывшими владельцами.

Что же касается поземельного надела временнообязанных, то права их в этом отношении, согласно приказанию Вашего Высочества, уравнены в каждом из названных выше округов с правами остального свободного населения, впредь до окончательного разрешения поземельного вопроса в Терской области. При этом считаю долгом донести Вашему Императорскому Высочеству, что, по мере уяснения поземельного вопроса во вверенной мне области Комиссией по правам личным и поземельным туземного населения, я буду входить с особыми представлениями о более целесообразном пользовании землею жителями как плоскостных, так и горных округов Терской области.

. - - '•»"«*" • \ н * Штабс-капитан (подпись)

;- 85. Рапорт Кавказского Горского управления '
от 4/5 октября 1867 г. за № 5122 ;"
начальнику Терской области с объявлением от имени Кавказского наместника Великого Князя Михаила благодарности кабардинским феодалам за бесплатное освобождение своих холопов

Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией изволил приказать: благодарить от имени Его Высочества кабардинских рабовладельцев, означенных в списке, приложенном к отзыву генерал-майора князя Туманова от 25/27 сентября за № 3152, за безвозмездное освобождение ими некоторых из своих холопов.

Уведомляя об этом Ваше Превосходительство, считаю долгом присовокупить, что Его Высочеству, независимо от вышеизложенного, угодно было выразить, чтобы Ваше Превосходительство снабдили каждого из означенных владельцев особым письменным свидетельством, в котором выражалась бы благодарность Его Высочества.

За отсутствием начальника Управления
полковник Павлов
За начальника отделения (подпись)

56. Приказ начальника Терской области*
по войскам и управлениям Терской области
от 30 ноября 1867г. за М 145 с выражением благодарности кабардинским князьям за бесплатное освобождение своих рабов

Его Императорское Высочество Главнокомандующий Кавказской армией изволил приказать: благодарить от имени Его Высочества кабардинских рабовладельцев, поименованных в прилагаемом при этом списке, кои, сочувствуя стремлению правительства к прекращению/Сословной зависимости, освободили безвозмездно некоторых из своих холопов, означенных в том же списке.

Делаю об этом известным войскам и управлениям вверенной мне области.

87. Письмо правителя канцелярии начальника
Терской области от 15 декабря 1867г. за № 4916
.";. начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду дать сведения о повинностях каракишей

Для доклада Комитету по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа начальник области поручил мне просить Вас доставить с нарочным в Канцелярию подробные сведения о повинностях, какие отбывали своим бывшим владельцам кабардинские каракиши, а равно и об условиях освобождения этого вида зависимых, преподанных Вами в руко-

водство мировым посредническим судам, действовавшим во вверенном Вам округе.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть (подпись)

88. Отношение начальника Кабардинского округа от 18 декабря 1867 г. за № 2051 канцелярии начальника Терской области с приложением перечня повинностей каракишей

Так как зависимость каракишей в горских обществах была чисто административной, совсем не то, что зависимость других зависимых сословий, то при освобождении крепостных я отложил освобождение каракишей, и когда в горских обществах были освобождены все зависимые, то я освободил их без всяких условий, в чем и выдал тогда же установленные свидетельства.

Сведения о повинностях, которые каракиши отбывали своим владельцам, при этом прилагается; оно заимствовано из условий, заключенных балкарскими каракишами с своими владельцами при разборе в народном суде жалобы последних в 1864 г., так как повинности балкарских каракишей почти тождественны с повинностями каракишей других горских обществ.

Начальник округа полковник Нурид
Заведующий отделением подпоручик Старцев

Копия

1864 г. июня 11-го дня. Мы, нижеподписавшиеся, выборные от общества таубиев и подвластных каракишей, по взаимному соглашению в присутствии начальника Кабардинского округа и Черекского участкового начальника объясняем [39] нижеследующие повинности, отбываемые доныне каракишами своим таубиям:

§1-

За ослушание и неповиновение каракишей своему таубию жалоба последнего передается в суд.

§2.

Если каракиши умрет и после него не остается прямого наследника, ни брата, ни родственника, то имение переходит таубию, которому принадлежал умерший.

§3.

Если из двух братьев-каракишей, живущих раздельно, один умер, не оставив сына, то имение переходит к оставшемуся в

живых брату; таубий же получает 1 часть из земель, или пахотную, или сенокосную, по выбору, но при посредниках и членах суда. Когда же остается жена или дочь, то решение о выделе части предоставляется суду и шариату.

§4.

По смерти вольноотпущенного каракиши, когда после него не остается наследников, ни братьев, ни родственников, имение переходит к таубию.

§5.

Если захочет таубий сделать каракиши пастухом овец или табунщиком, то по согласию каракиши может, но за известную плату; кроме одной фамилии Биевых, у которых каракиши обязательно должен быть известный срок пастухом овец, тоже за известную плату.

§6.

Во время сенокоса каракиши с каждого двора должны дать таубию одного косца на один день; косца в этот день кормит таубий.

§7.

Для сборки сена и поставки копен каракиши с каждого двора обязаны дать одного человека на один день; работника в этот день кормит таубий.

§8.

Для перевозки сена каракиши с каждого двора обязаны своему таубию дать одного человека с парой быков на один день. Работника в этот день кормит таубий.

§9.

Для продовольствия косцов каракиши обязаны дать своему таубию с каждого двора, у кого имеется не менее 60 баранов, одного барана.

§10.

Для распашки пашен каракиши с каждого двора обязаны дать своему таубию на один день одного человека с парой быков и земледельческим инструментом. Работника в этот день кормит таубий.

Каракиши обязаны выслать одного человека на один день полоть просо. Повинность эта отбывается в двух фамилиях - у Мисаковых и Абаевых.

§ 12.

Для жатвы хлеба каракиши с каждого двора должны дать своему таубию одного человека на один день. Работника в этот день кормит таубий.

§13.

Для перевозки хлеба на гумна каракиши должны дать своему таубию с каждого двора одного человека с парой быков на один день. Работника в этот день кормит таубий.

§14.

Для удобрения навозом полей каракиши должны дать своему таубию с каждого двора одного человека с парою быков на один день. Работника в этот день кормит таубий.

§15.

Каракиши с каждого двора один раз в год обязаны дать по одной лошади или осла для доставки какой бы то ни было тяжести с плоскости.

§ 16.

Для доставки сосновых лучин на освещение каракиши с каждого двора один раз в год обязаны дать лошадь или осла своему таубию.

§17.

Лес для постройки своего дома таубий должны сами заготовлять, но для перевозки всего леса, совместно с его холопьями, каракиши с каждого двора должны дать одного работника с парой быков.

§ 18.

Зимой, в продолжение двух месяцев, каждый двор каракишей обязан кормить одну скотину, принадлежащую таубию, и если таковая падет от дурного присмотра или корма, то каракиши платит за нее; если же скотина падет от болезни, то за это не ответственен.

§19.

Если к таубию приедут несколько гостей, то состоятельные каракиши обязаны кормить по одной лошади, покуда гости не уедут.

§20.

Если таубий едет куда-либо и пригласит с собой каракиша, он может ехать, но только по желанию или согласию последнего.

§21.

Если у таубия в доме нет служанки (унаутки, караваши) или безобрядного холопа (казака), и он пожелает приобресть ту или ДРУ'УН>, но по бедности не может купить, то каракиши с каждого двора для этой надобности дают по одной скотине.

§22.

По смерти таубия каракиши с каждого двора дают для поминок 3-летнюю скотину, и то когда таубий совершеннолетний, когда же умрет женщина или малолетний, то ничего не дают.

§23.

Во время поминок, делаемых каракишами, они обязаны доставить своему таубию, когда поминки большие, одного барана, а когда малые, то смотря по количеству приготовленного.

§24.

Каракиши свое недвижимое имущество, если не имеет нужды, продавать не может; в нужде же продающий землю долн-сен предложить своему таубию купить ее, и если тот откажется, то предлагает ее подвластным. Затем продавший землю свыше, чем на 30 руб. серебром, дает своему таубию 10 руб. серебром.

§ 25. ....*

Если делятся два брата из каракишей, то дают своему таубию: если состоятельные, то землю в 300 руб., кто беднее, то, смотря по состоянию, от 100 до 10 руб. скотиной или чем бы то ни было, причем непременно должны быть посредники.

§26.

в Если каракиши получают за кровь, то обязаны из полученных денег дать своему таубию 250 руб. серебром или стоящего этой суммы холопа или землю, а равно если таубий получит за кровь, то тоже дает своим каракишам такую же сумму.

§27.

Если таубий убьет кого-либо и должен заплатить за кровь, то каракиши должны дать ему с каждого двора, смотря по состоянию, от 250 руб. до 10 руб. и обратно: если каракиши платит за кровь, то таубий помогает ему той же суммой.

§28.

Когда каракиши режет для себя большую кормленую скотину, то обязан прислать своему таубию 5 ребер снизу.

§29.

Когда каракиши варят для себя пиво, то обязаны прислать своему таубию один кувшин такового.

§30.

Во время уразы каракиши должны дать с каждого двора своему таубию 9 лепешек из пшеничной муки и бурдюк бузы.

§31.

Каракиши при выдаче своих дочерей замуж должны дать таубию две скотины. Повинность эту несут не все каракиши, но кто несет ее, то таубий обязан делать подарок невесте.

§32.

Когда таубий взял к себе в дом жену, то холопы тестя берут у кого бы то ни было из каракишей зятя одну 3-летнюю корову или бычка и угоняют к себе на зарез.

§33.

Каракиши Джанхотовской фамилии дают по паре быков своему таубию для заготовки на зиму дров.

§34.

5 Если таубий нанесет побои каракишу, то первый обязан подарить за это последнему лошадь или ружье, причем когда таубий делает этот подарок, то каракиши делает мировой стол и принимает таубия.

§35.

На новый год таубий должен угощать своих каракишей.

§36.

Если каракиши отдает дочь свою в замужество, то таубий дает ей подарок.

§37.

Если каракиши имеет дело, то таубий должен быть его ходатаем, где бы то ни было.

§38.

За грабеж, сделанный каракишами в доме своего таубия или на его коше, по приговору суда определяется наказание и штраф.

§39.

Если таубий пошлет кого-либо из холопов для понуждения каракиши в исполнении повинности, а каракиши при этом ударит холопа, то жалоба эта разбирается в местном суде, по приговору которого виновный наказывается.

§40.

Если кто из каракишей, не повинуясь своему таубию и не слушая своих родственников, оставит дом свой и сбежит, то об нем объявляют начальству, а при поимке его судят в народном суде по обычаю.

•-*•

' *

С подлинным верно:
Завед. крестьянским отделением
подпоручик Старцев

ШВ

89. Рапорт начальника Кабардинского округа от 18 декабря 1867 г. за № 2053 начальнику Терской области с изложением порядка компенсации владельцам за холопок, выходящих замуж до истечения срока временных обязательных отношений

В правилах, служивших руководством при освобождении зависимых сословий в вверенном мне округе, § 5 дочерям и сестрам холопов было предоставлено право вносить самим за себя выкуп при выходе замуж из калыма. Но теперь, по освобождении их, встретилось следующее обстоятельство: многие из отпущенников, сами бедные и обязанные платить выкуп за себя, женятся на отпущенницах, по обычаю, таким образом, будучи не в состоянии внести вскоре после женитьбы выкупа за свою жену ее бывшему владельцу, который таким образом уже не может получить за нее выкуп тотчас же по выходе ее замуж.

По поводу этого обстоятельства я предписал участковым начальникам к исполнению следующее правило:

Если отпущенник в состоянии заплатить за свою невесту калым, то он платит прежде выкуп ее владельцу и потом уже остальное родным ее; если же он не может сделать этого при женитьбе и если владелец его согласен принять и жену его в обязательную работу к себе, то он, т. е. владелец, платит за нее и выкуп; в противном же случае отпущенник сам вносит выкуп за свою жену, но не прежде, как окончит срок обязательных отношений к своему владельцу.

Начальник округа полковник Нурид
Заведующий отделением подпоручик Старцев

90. Письмо генерала Старосельского от 4/5 февраля 1868 г. за № 754 начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову об объявлении имен и фамилий рабовладельцев, -о освободивших некоторых своих холопов безвозмездно, в газете «Терские ведомости»

Правителю Канцелярии Вашего Превосходительства письмом от 10/20 сентября 1867 г. за № 4393 было сообщено, что Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему армией, сверх объявленной уже благодарности Его Высочества через местную власть, угодно сделать известными посредством газеты «Кавказ» фамилии всех владельцев, которые, сочувствуя совершившейся крестьянской реформе в Терской области, освободили безвозмездно некоторых из крепостных людей своих. Вследствие этого был заготовлен прилагаемый к сему в копии проект объявления благодарности, одобренный Его Высочеством и вместе с сим отправленный для напечатания в газете «Кавказ».

По многочисленности имен владельцев, удостоившихся объявления благодарности, Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией не признал удобным помещение имен и фамилий их в газете «Кавказ», но в то же время, имея в виду издающиеся с нынешнего года «Терские ведомости», изволил поручить мне сообщить о вышеизложенном Вашему Превосходительству с тем, что не признаете ли возможным, независимо статьи, имеющей быть в газете «Кавказ», напечатать в «Терских ведомостях» фамилии упомянутых владельцев.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности

* Дм. Старосельский

91. Текст благодарности Кавказского наместника кабардинским рабовладельцам, бесплатно освободившим своих рабов

Совершившееся ныне и увенчавшееся полным успехом освобождение зависимых сословий Терской области не может быть не приписано, между прочим, и тому сочувствию, с которым владельческий класс населения встретил распоряжения правительства касательно уничтожения крепостных отношений.

Сочувствие это подтверждается многими примерами добровольного бесплатного освобождения крепостных людей. Таким образом, освобождены бесплатно в округах:

Кабардинском	582	владельцами	1243	души
Осетинском	155	«	268	«
Кумыкском	62	«	**101**	«
В прочих	30	«	67	«

Всего же в области 829 владельцами освобождено 1679 душ обоего пола холопов.

Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией, получив по сему предмету донесение начальника области, изволил приказать: объявить всем владельцам, освободившим своих холопов безвозмездно, благодарность Его Высочества.

С подлинным верно:

За начальнкиа 3-го отделения Кавказского горского управления (подпись)

92. Предписание Кавказского наместника от 25 апреля 1868 г. за № 2359 начальнику Терской области об освобождении временнообязанных крестьян от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет начиная от 18 ноября 1866 г.

По рассмотрении рапорта Вашего Превосходительства от 20 ноября 1867 г. за № 4057 о даровании всем вообще лицам

Терской области, освободившимся от обязательных отношений к бывшим своим владельцам, льгот от взноса государственных податей и повинностей сроком на 8 лет, я, согласно заключению Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, выраженного в журнале заседаний от 8 марта 1868 г. за № 7, как в видах облегчения освободившимся выкупных сделок их с владельцами, так и в видах доставления им возможности прочного на будущее время устройства их хозяйства, а также, принимая во внимание, что испрашиваемая Вашим Превосходительством мера не влечет за собой ущерба государственной казне, ибо освободившиеся лица и до освобождения их не входили в податной оклад,- разрешаю Вам даровать всем вновь освободившимся от своих владельцев горцам Терской области льготы от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет, считая со дня начала освобождения, т. е. с 18 ноября 1866 г.

Главнокомандующий армией
генерал-фельдцейхмейстер Михаил
Начальник Управления
генерал-майор Старосельский

93. Предписание начальника Терской области от 1 мая 1868 г. за № 1267 начальнику Кабардинского округа об освобождении временнообязанных крестьян от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет начиная от 18 ноября 1866 г.

Его Императорское Высочество Главнокомандующий Кавказской армией, по рассмотрении представления моего о даровании льгот от взноса государственных податей и повинностей всем вообще туземцам Терской области, освободившимся от крепостной зависимости к своим бывшим владельцам, согласно заключению Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа как в видах облегчения выполнения освободившимися выкупных сделок их с владельцами, так и в видах доставления им возможности прочного на будущее время устройства их хозяйства, а также принимая во внимание, что испрашиваемая мною мера не влечет за собой никакого ущерба государственной казне, ибо временнообязанные и до освобождения их от зависимости не входили в податной оклад, изволил разрешить: даровать всем освобожденным от крепостной зависимости горцам Терской области льготы от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет, считая этот срок со дня начала освобождения рабов, т. е. от 18 ноября 1866 г.

О таковом приказании Государя Великого Князя сообщаю Вашему Высокоблагородию для сведения и надлежащего исполнения.

Генерал-адъютант Лорис-Меликов
Правитель Канцелярии подполковник Смекалов

94. Рапорт начальника Кабардинского округа от 19 сентября 1868 г. за № 769 в начальнику Терской области с приложением журнального постановления мирового посреднического суда от 10 сентября 1868г. за № 62 о том, что жалобы временнообязанных, о неправильном их порабощении в прошлом будут приниматься, к разбирательству только до 1 января 1869 г.

Представляя при этом копию журнального постановления мирового посреднического суда, состоявшегося в 10-й день сего сентября за № 62, испрашиваю разрешения Вашего Превосходительства об утверждении оного.

Начальник округа полковник Нурид
За заведующего крестьянским отделением
подпоручик (подпись)

Содержание журнала

Со времени объявления свободы крестьянам в мировой посреднический суд часто поступают от временнообязанных крестьян заявления о свободном происхождении. По рассмотрении оказывается большей частью, что деды, отцы и сами истцы, иногда до достижения тридцатилетнего и более возраста, не заявляли нигде прежде жалоб на неправильное порабощение.

Настоящее же заявление основывается большею частью на темных слухах о свободном их происхождении, переданных им людьми, не заслуживавшими доверия, не подтверждаемых впоследствии никакими доказательствами, и на том ложном убеждении, будто бы правительство, даровав им раз свободу, готово и на другие для них уступки в ущерб интересам их бывших владельцев. Подобные жалобы, как не имеющие прочной основы, оставаясь без важных последствий, отвлекают между тем суд от более важных дел и так как они, не имея определенного срока к окончанию, могут тянуться бесконечное время, определил:

Объявить временнообязанным, что жалобы их будут приниматься к разбирательству на неправильное порабощение только до первого января будущего 1869 г.; все жалобы, заявленные с этого времени, не считать действительными и не прини-

мать к разбирательству, и настоящее постановление представить на утверждение начальнику Терской области.

Подлинное подписали члены суда Картул Уначев, Коншао Хаймашев, Кургоко Куденетов, Джамбот Мирзаев, полковник Анзоров и председательствующий штабс-капитан Коленка

95. Отношение начальника Терской области от 25 ноября 1868 г. за № 3573 начальнику Кавказского горского управления с просьбой разрешить рассматривать заявления временнообязанных крестьян о неправильном их порабощении только до 1 января 1869 г.

Со времени объявления свободы лицам зависимых сословий между туземным населением вверенной мне области весьма часто поступают по начальству заявления временнообязанных о свободном их происхождении. По рассмотрении этих заявлений в народных, окружных и мировых посреднических кабардинских судах оказывается большею частью, что как предки истцов, так равно и они сами нигде не заявляли прежде жалоб на неправильное их порабощение; настоящие же иски основывают на темных слухах о своем свободном происхождении, не подтверждаемых никакими доказательствами, и переданных истцам людьми, не заслуживающими доверия. К этому еще присоединяется неосновательное убеждение между временнообязанными, что будто бы правительство, даровав им свободу, готово при этом и на оказание им большей милости в ущерб их бывшим владельцам.

Подобные просьбы временнообязанных, как не имеющие прочных оснований, но предъявляемые беспрестанно, отвлекают окружные народные суды от своевременного разбора более важных дел, а потому я прошу Ваше Превосходительство походатайствовать у Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией разрешения на объявление по вверенной мне области, что заявления временнообязанных о неправильном их порабощении будут приниматься к разбирательству в окружные, народные и Кабардинский мировой посреднический суды только до 1 января будущего 1869 г. Все же поданные иски, предъявленные позже этого срока, будут оставляемы без всяких последствий.

96. Рапорт Кавказского горского управления от 20 января 1869 г. за № 262 начальнику Терской области о том, что предельным сроком для подачи в посреднический суд заявления временнообязанными о неправильном их порабощении назначено 1 марта 1869 г.

По докладе представления Вашего Превосходительства от 25 ноября 1868 г. за № 3573 о разрешении объявить по Терской области срок, до которого будут приниматься к разбирательству в окружные, народные и Кабардинский мировой посреднический суды заявления временнообязанных о неправильном их порабощении, по истечении которого все подобные иски должны быть оставлены без всяких последствий, Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией, согласно заключению Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, и принимая во внимание, что испрашиваемая Вами мера оказывается необходимою в тех именно видах, что означенные претензии временнообязанных, будучи основаны, по большей части, на темных слухах, не подтверждаемых никакими доказательствами, только отвлекают окружные, народные и Кабардинский мировой посреднический суды от своевременного разбора более важных дел, а главное - отвлекают освобождаемых от выполнения принятых на себя обязательств к бывшим их владельцам и нарушают добрые между членами обоих сословий отношения,- соизволил окончательным сроком для принятия к разбирательству в суды заявлений временнообязанных о неправильном их порабощении назначить 1 марта сего 1869 г., после какового срока все предъявленные к разбирательству подобные иски должны будут оставаться без всяких последствий с тем, чтобы мера эта объявлена была всенародно сельским обществам Терской области не позже как за месяц до 1 марта сего 1869 г.

О таковом приказании Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией имею честь сообщить Вашему Превосходительству для зависящего распоряжения.

Начальник Управления генерал-майор Старосельский
Зам. начальника отделения Воронов

97. Предписание начальника Терской области от 31/3 января-февраля 1869 г. за Л? 304 начальнику Кабардинского округа о том, что окончательным сроком для подачи заявлений в посреднический суд о неправильном порабощении временнообязанных устанавливается 1 марта 1869 г.

Начальник Кавказского горского управления рапортом от 20-го числа сего января за № 262 сообщил мне, что по докладе Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему армией предписания моего от 25 ноября прошлого 1868 г. за № 3573,

о разрешении объявить по Терской области срок, до какого будут приниматься к разбирательству в окружные народные и Кабардинский мировой посреднический суды заявления временнообязанных о неправильном их порабощении и по истечении которого все подобные иски должны быть оставлены без последствий. Государь Великий Князь, согласно заключению Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, и принимая во внимание, что испрашиваемая мною мера оказывается необходимою в тех именно видах, что означенные претензии временнообязанных, будучи основанными на темных слухах, не подтверждаемых никакими доказательствами, только отвлекают окружные народные и Кабардинский посреднический суды от своевременного разбора более важных дел, а главное удерживают освобожденных от выполнения принятых ими на себя обязательств к бывшим владельцам и нарушают добрые между членами обоих сословий отношения, соизволил разрешить мне объявить *по* вверенной мне области, что окончательным сроком для принятия к разбирательству в суды заявлений временнообязанных о неправильном их порабощении назначается 1 марта сего 1869 г., после какового срока все предъявляемые к разбирательству подобные иски должны будут оставаться без всяких последствий, с тем чтобы мера эта объявлена была всенародно сельским обществам Терской области не позже как за месяц до 1 марта сего 1869 г.

О таковом приказании Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией, сообщая Вашему Высокоблагородию, прошу объявить всем обществам вверенного вам округа, что после 1 марта настоящего года не будут приниматься иски временнообязанных о неправильном порабощении их, а равно и просьбы об освобождении их от платежа выкупной платы.

Верно: старший адъютант штабс-капитан (подпись)

98. Предписание Канцелярии начальника Терской области от 4 октября 1869г. за № 3562 начальнику Кабардинского округа представить сведения об освобожденных холопах

Начальник области поручил Канцелярии просить Ваше Высокородие представить Его Превосходительству не позже 20-го числа настоящего месяца подробные статистические данные о положении крестьянского дела во вверенном Вам округе с приложением сведений 1) о числе временнообязанных мужского и женского пола с подробным подразделением их на виды зависимости, освободившихся к настоящему времени окончательно от своих бывших владельцев, 2) о числе крестьян, остающихся во временнообязанных отношениях, с подробным объяснением, сколько из них (и каких видов зависимости) внесли следуемую с них к настоящему времени выкупную плату и 3) сколько из зависимых остается еще в домах бывших своих владельцев для отработки выкупа.

99. Рапорт начальника Кабардинского округа от 19 октября 1869 г. за № 2324 начальнику Терской области с приложением сведений о количестве холопов, освобожденных в Кабардинском округе. (См. таблицу между с. 797, 798.)

Представляю при сем сведения о числе временнообязанных мужского и женского пола, освобожденных от зависимости их владельцев Кабардинского округа, с подразделением на виды зависимости.

За отсутствием управляющего Кабардинским округом помощник его майор (подпись)
И. д. делопроизводителя подпоручик (подпись)

100. Отчет о деятельности Комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области с 1 октября 1863 г. по 1 января 1869 г. [40]

До покорения Восточного Кавказа [41] правильного, точно определенного землевладения, этого, так сказать, краеугольного камня гражданственности народов на всем пространстве нынешней Терской области, и в особенности на плоскостной ее части, не существовало. При первом появлении русских на Кавказе [42] обладание пространными и плодородными равнинами нынешней области исключительно принадлежало кабардинскому народу, чеченцам и кумыкам, у которых в более или менее тяжелой зависимости находились все прочие племена, обитавшие в глубине гор. В то время международные сношения туземцев постоянно были враждебны, внутреннее же устройство каждого их племени основано было на праве сильного и кровомщении, от которого нередко погибали целые роды. Только война и разбои считались приличными средствами к жизни, а потому, естественно, что в царстве захвата, грабежа и насилия земледелию не было места [4S].

С покорением кабардинского народа и Кумыкской плоскости существовавший порядок заметно изменился к лучшему; так, например, слабые, совершенно угнетенные до этого времени осетины, вступив под русское владычество, впервые вздохнули свободнее; они же первыми, по приглашению начальства, вышли из гор и под защитою наших укреплений начали селиться на плоскости *[4], отнятой у кабардинского народа. «/**«! v

im

Примеру осетин вскоре последовали другие горские племена и, таким образом, обширные равнины, с прибытием русского войска брошенные своими владельцами и на первых порах занятые лишь непрерывной линией наших укреплений, мало-помалу покрылись туземными селениями. Однако же обстоятельства края еще не были таковы, чтобы вновь застроенные аулы могли считаться вполне оседлыми. Земля предоставлялась туземцам во временное пользование, и нередко случалось, что многолюдные аулы после нескольких десятков лет своего существования насиженное ими место уступали казачьим станицам[46]. По этой причине долгое время в понятиях туземцев не существовало слово «родной аул», так как частые перекочевки не могли, конечно, создать прочной связи человека с прирожденною ему землей, той связи, сила которой кроется в воспоминаниях детства, в первых впечатлениях молодости и родных могилах. Нет сомнения, что это обстоятелство, а также и война, со времен Кази-Муллы принявшая религиозно-фанатический характер, были причиной того равнодушия, с каким оставлялись родные места не только отдельными личностями, но и целыми аулами, зачастую уходившими к неприятелю за Кубань и Сунжу.

Долгий период насилия, грабежа и убийства, пережитый туземцами Терской области, наложил до того своеобразный и тяжелый отпечаток на их характер, что протекших десяти лет мира далеко недостаточно для уничтожения тех болезненных наростов и шероховатостей, которые стоят в прямом противоречии с прогрессивной жизнью мирного гражданина. И теперь еще отец, пестующий в кружке односельцев своих детей,- между туземцами явление весьма и весьма редкое; муж-христианин, не говоря уже о мусульманах, и ныне публично не является в обществе своей жены и все это не почему-либо другому, как только вследствие продолжительной боевой жизни, требовавшей от каждого мужчины известного закала, главным видом которого была холодность ко всему окружающему. Понятно, что при таких условиях быта земля, сельское хозяйство и сопряженные с ними промышленные предприятия не могли быть источниками зажиточности, и большинство туземцев, живущих на плоскости, почти не обращало внимания на отношения свои к земле, довольствуясь издавна существовавшим порядком по этому предмету. Тем не менее среди всеобщего равнодушия были заметные исключения, и из старых архивных дел видно, что то в той, то в другой части Терской области отдельные личности, почему-либо выдающиеся из толпы, деятельно старались о закреплении за собой земель, основывая права свои или на древних обычаях, или на документах, добытых ими от правительства в самое смутное время господства нашего на Кавказе. Впоследствии потребность обстоятельно выясненных отношений к земле начала пробуждаться и в народных массах,

чему почин, без сомнения, принадлежит осетинам, которые, часто подвергаясь по воле начальства неудобствам переселения целыми аулами с одного места на другое и при каждом переселении получая новые заверения, что отводимая земля отобрана не будет,- вынуждены были, наконец, осаждать высшее кавказское начальство многочисленными просьбами о формальном определении поземельных их прав и закреплении за ними земель, находящихся в их пользовании. Начало таковых просьб преимущественно относится ко времени наместничества князя Воронцова, который, сочувствуя делу просителей и желая оказать им законное удовлетворение, учредил в некоторых местностях теперешнего Осетинского округа следственные комиссии (в Дигории), а в некоторых (бывший Владикавказский военный округ) - комитеты для рассмотрения принесенных ему жалоб и окончательного их удовлетворения. Но время князя Воронцова оказалось неудобным для занятия гражданскими делами туземцев Терской области. Война поглощала все внимание местных начальников, между которыми более чистосердечные прямо доносили Главнокомандующему, что за военным недосугом приказания его неудобоисполнимы. Между тем настоятельная нужда туземцев в определении поземельных прав их вырастала все более и более; таким образом, к просьбам осетин присоединились просьбы назрановцев, жителей Кумыкского округа, и, наконец, всплыли наружу многочисленные претензии со стороны отдельных личностей, объявивших, что земли, на которых они живут, составляют родовую их собственность; при этом оказалось, что таковые участки (из них некоторые были весьма крупных размеров, например, 100 тысяч дес. князей Бековичей-Черкасских, находящихся у них на поместном праве) издавна состояли в бесплатном пользовании совершенно свободного и притом густого населения.

Среди такого хаотического состояния землевладения у туземцев Терской области наступило 25 августа 1859 г., день покорения Восточного Кавказа, положивший конец упорной 60-летней войне и начало новой жизни покоренных племен,- жизни гражданской, основанием которой должны служить земледелие, торговля и промышленность.

К числу первых мер, принятых наместником Кавказа к направлению кавказских горцев на путь гражданского развития, относится учреждение частных комитетов в Кабардинском, Осетинском и Кумыкском округах, обязанность которых состояла в определении личных и поземельных прав туземцев и в указании средств и способов к прочному устройству поземельного их быта, дабы они, будучи материально обеспечены, в отношении общих государственных повинностей могли принять участие по примеру прочего населения империи.

Что порученная комитетам работа по своей сложности далеко оказалась не так проста, чтобы занимавшиеся ею лица мог-

ли действовать без предварительной практической подготовки, достаточно видно из комитетских дел, поступивших в настоящую Комиссию.

Не отрицая полезности некоторых трудов бывших комитетов, в особенности тех, кои относятся к разработке архивов и народной переписи, невозможно умолчать о том, что все комитеты помимо своего желания, вследствие новизны самого дела и общей неопытности, впали хотя в невольную, но тем не менее крупную ошибку, заключающуюся в том, что прямым интересам туземцев, т. е. обеспечению их землей, предпочли интерес косвенный - разбор личных прав, в существе своем гораздо менее нужный туземному населению. Таким образом, бывшие комитеты второй шаг сделали прежде первого. Кроме того, они страдали отсутствием единства в действиях. Недуг этот, сам по себе опасный для учреждений, имеющих одинаковую цель, при дальнейшем своем существовании мог повредить задуманному правительством делу.

Вследствие этого обстоятельства в мае 1863 г. частные комитеты были закрыты и взамен их сформировалась настоящая Комиссия, которая, получив в августе того же года полную организацию, немедленно открыла свои действия.

С этого времени Комиссия имеет честь представить Вашему Превосходительству нижеследующий подробный отчет о своих занятиях, для удобства изложения разделенный по округам, в которых производились работы комиссии, при этом она считает нужным присовокупить, что в настоящий отчет введены ею только одни главные работы, касающиеся поземельного благоустройства целых племен, множество же других, побочных, каким-нибудь образом способствовавших достижению главной цели,- опущены потому именно, что даже краткое изложение их испестрило бы цифрами и увеличило бы объем представляемого отчета, не прибавив ему никакого существенного достоинства.

КАБАРДИНСКИЙ ОКРУГ
Большая Кабарда и горские общества

Первый шаг Комиссии в Кабардинском округе ознаменовался актом от 20 августа 1863 г., составленным выборными депутатами от всего кабардинского народа, относительно введения в Большой и Малой Кабарде общинного права пользования землей.

Важность этого акта лучше всего выражается следующими благими его результатами: во-первых, составление его принадлежит исключительно народу, без всякого вмешательства со стороны начальства, что раз и навсегда избавило правительство от каких бы то ни было нареканий; во-вторых, акт этот в самом корне уничтожал всякие домогательства со стороны отдельных личностей, имевших претензии на право обширной частной поземельной собственности, и в-третьих, донельзя упростил поземельный кабардинский вопрос, дал правительству возможность ускорить введение подати и освобождение крепостного сословия с наделом его землей и, в-четвертых, предоставил правительству возможность введенный порядок землевладения, при благоприятном случае, изменить по своему усмотрению.

Для вящей оценки этого акта остается сказать, что без его создания решение поземельного кабардинского вопроса, вследствие исторически сложившихся особенностей жизни кабардинцев, сословных их отношений и при существовавшем до и после акта переселении туземцев в Турцию, было бы не в пример труднее решения кумыкского поземельного вопроса, который, вследствие сложной своей запутанности, после многолетних, но тщетных усилий разрешить его юридическим образом, по необходимости разрешен безапелляционным, т. е. почти административным порядком.

Прямым последствием кабардинского акта было проектирование внешних границ Большой Кабарды, прилежащих к Пяти горским обществам: Балкарскому, Хуламскому, Безенгиевскому, Чегемскому и Урусбиевскому; проект этот, изображенный в докладе Комиссии от 24 октября 1863 г. за № 53, имел двоякую цель: во-первых, достоверно определить принадлежащую Большой Кабарде землю и, во-вторых, обеспечить вышесказанные горские общества плоскостными пастбищами во время весны и осени; тем же докладом Комиссия ходатайствовала о возвращении кабардинскому народу всего пространства земли, известной под именем кордонной линии, начиная от Кичмалки до карачаевской границы, утвержденной в 1859 г. (приказ по Кавказской армии 28 ноября 1859 г. № 466), и о закреплении навсегда за кабардинцами тех земель на Золке и Этоке, которые по Высочайшему повелению, состоявшемуся в 1844 г., предоставлены были во временное их пользование.

Полное предоставление кабардинцам названных земель (по мнению Комиссии) необходимо было в том отношении, что оно, вселяя в них доверие к правительству, в то же время уничтожало вредную со стороны их неуверенность в своих поземельных правах, в продолжение многих лет заставлявшую их считать себя как бы временными хозяевами своей родины.

Имея в виду, что утверждение высшим начальством акта 22 августа, одобрение проекта внешних границ Большой Кабарды и принятие ходатайства Комиссии относительно кордонных, зольских и этокских земель упрочат оседлую жизнь кабардинцев и укажут им новое направление, основанное на экономических началах и правильных отношениях к государству, Комиссия остаток 1863 г. и большую часть 1864 г. употребила на собирание подробных сведений относительно сельского быта

51 Заказ № 106

кабардинцев, их нужд, существующих препятствий к развитию между ними сельскохозяйственной промышленности и мер к спокойному и рациональному пользованию всеми принадлежащими им угодьями. В составленный по сему предмету сборник сведений между прочим вошла народная перепись Малой Кабарды, а также числовые данные о величине крепостного сословия, численности скотоводства, о количестве плугов и степени развития пчеловодства. (Подобные занятия повторялись во всех округах Терской области, в которых производились работы Комиссии. Занятия эти тем особенно были полезны, что через их посредство ближайшие народные правители, как то: окружные и участковые начальники - имели случай обстоятельно познакомиться с внутренней жизнью подчиненных им племен, т. е. с теми, по-видимому, мелочными условиями их жизни, вследствие которых известным образом слагается народный характер. И, действительно, без этого знания местные власти не могли бы способствовать нравственному совершенствованию туземцев.)

В продолжение того же времени средствами Комиссии пройдены межевым порядком смежные с Кабардою казачьи границы, согласно Высочайше утвержденного Положения 1845 г. о линейном казачьем войске, причем устранено было несколько спорных вопросов, существовавших между кабардинцами и казаками 1-го Владикавказского казачьего полка; по спорной же земле между кабардинцами и казаками Солдатской и Зольской станиц представлены были начальнику области заключения Комиссии.

8 января 1865 г. начальником Терской области лично открыты были действия Комиссии, долженствовавшие клониться к исполнению предписания Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армией (17/12 ноября 1864 г. за № 1816), причем для руководства Комиссии начальником области дано ей предписание от 10 января 1865 г. за № 126, основанное в частях, касающихся кабардинского народного хозяйства, на сведениях, собранных Комиссией в предшествовавшем году. Предписание это, развивая способы к успешному исполнению воли августейшего наместника, не стесняло Комиссию никакой особенной инструкцией и тем предоставило ей средства действовать быстро, без соблюдения формальностей, способных одной оттяжкою времени испортить самое прекрасное дело.

Сущность порученных Комиссии работ состояла в разработке лучших оснований прочного водворения и благоустройства кабардинцев, такого благоустройства, которое облегчило бы им тяжесть предстоящей государственной подати, сделало бы их способными к принятию крестьянской реформы и во всех прочих туземных племенах Терской области вселило бы доверие к правительству.

В частных подробностях работа Комиссии заключалась в следующем: 1) в составлении проекта пограничной черты между Горскими обществами и Кабардою; 2) в точном определении как в натуре, так и на плане окружной межи и всего количества земли, подлежащего закреплению за кабардинцами, включая в это число возвращенные им по заключению Комиссии кордонные земли и участки по Золке и Этоке; 3) в определении, на основании существующих положений и действительной потребности количества земли, долженствующего быть отведенным укр. Нальчик с его форштадтом и колонией, близ Нальчика водворенною; 4) в приведении в полную ясность всех разновременно состоявшихся распоряжений о конфискации кабардинских земель для окончательных по этому предмету распоряжений и устранения могущих впоследствии возникнуть недоразумений; 5) в составлении полного предположения о распределении населения в более многолюдные аулы (не менее 100 дворов), сообразно местным удобствам, хозяйственным выгодам и существующим в Кабарде фамильным отношениям; 6) в уяснении во всей подробности условий и порядка общинного владения землею в Кабарде, существующих как на плоскости, так и в нагорных частях ее; 7) в составлении предположения о распределении земли между аулами и 8) в исчислении государственных податей, имеющих быть наложенными на кабардинское население.

Большую часть столь важной работы Комиссия выполнила в течение 1865 г., а именно:

В январе и феврале, с участием местных начальников и 14 выборных народных депутатов, составлены ею пять следующих главных положений, непосредственно касающихся интересов кабардинского народа: 1) об образовании 33 аулов из бывших 97; 2) о порядке общинного владения пахотными, покосными, выгонными и хуторными угодьями; 3) о порядке пользования общественными пастбищами; 4) о порядке пользования общественными лесами и 5) об исчислении государственных податей, причем указан приблизительно верный порядок их взимания. Кроме сего, составлен проект наделения землей укр. Нальчика, его форштадта и еврейского поселка.

В марте того же года Комиссия, получив от начальника Терской области утверждение представленных ею в феврале предположений, приступила к расселению жителей Большой Кабарды в 33 аулах, а затем и к указанию в натуре временными признаками аульных наделов; вместе с тем распорядилась формальным обмежеванием участка в 900 десятин, Высочайше пожалованных полковнику Фице Абдрахманову, и возобновила прерванный в прошлом году обход внешних границ, отделяющих Кабарду от казачьих земель, а также занялась указанием в натуре (временными же признаками) и на плане границ, отделяющих Кабарду от пяти смежных с нею Горских обществ.

Таким образом, весенние, летние и осенние месяцы 1865 г. посвящены были практическому применению утвержденных предположений Комиссии, так что в ноябре главные работы Комиссии по Кабардинскому округу совершенно были окончены (доклад Комиссии от 31 ноября за № 837).

В продолжение остатка 1865 г. и первой трети следующего в чертежной Комиссии изготовлялись беловые планы произведенных межевых работ, в присутствии же Комиссии составлены заключения по вопросу, возбужденному помощником начальника Терской области по управлению Терским казачьим войском относительно обмена земель между казаками Зольской станицы и кабардинцами (6 апреля 1866 г. № 180); относительно 1000 десятин земли, предназначенных правительством семейству умершего кабардинского узденя Шоры Ногмова (25 апреля № 212) и по поводу памятной записки полковника (ныне генерал-майора) Старосельского, относительно проекта наделения землею укр. Нальчика (5 сентября № 627).

В том же 1866 г. из запасной земли укр. Нальчик отмежевано 50 десятин, пожалованных отставному подполковнику Белоновичу, и межеванным порядком выделены из общей кабардинской земли запасные участки.

Малая Кабарда

При учреждении настоящей Комиссии вопросы о поземельном довольствии малокабардинцев и вообще живших в Малой Кабарде инородцев, а также о землевладельческих правах князей Бековичей-Черкасских по важности своего значения в развязке поземельного дела всей Терской области поставлены были Комиссией на первом плане ее действий. Для лучшего уразумения необходимости поспешного благоустройства Малокабардинского участка достаточно упомянуть, что он, вследствие военных обстоятельств прежнего времени, неопределенности характера прав собственности и характера пользования землей между малокабардинцами, подвергся разнообразным и часто противоречивым распоряжениям со стороны начальства, имевшим последствие для этого участка то, что он в 1863 и 1864 гг. составлял самое беспокойное и враждующее друг с другом население из всех племен Северного Кавказа.

Такому неутешительному явлению способствовали многие причины, но больше всего, сколько разнородность самого населения, составленного из различных кавказских туземных племен, чуждых друг другу по языку, религии, историческому прошлому, разнящихся между собой образом жизни и несогласных в хозяйственных нуждах, столько же и общее недоразумение в правах владения землей. В последнем отношении существовал какой-то невообразимый хаос, в котором поочередно фигурировали все жители Малокабардинского участка, основывая поземельные права свои на самых разнообразных началах: так, коренные жители, известные под именем гелахстанцев [46], доказывали, что земля принадлежит им по древнему обычаю кабардинского народа; князья Бековичи-Черкасские [47] в подтверждение своей претензии представили журнал Комитета Министров, удостоенный Высочайшего утверждения в 1825 г. Карабулаки, ингуши и осетины права на владение занятой ими землей основывали на том, что правительство указало им таковые взамен родовых их земель, взятых под казачьи станицы; молчали только кумыки Бековича аула и пседахские чеченцы, сознававшие, что земля, которой они пользовались, принадлежит не им, а Бековичам-Черкасским; но и эти пришельцы, числом более 600 семейств, вполне заслуживали внимания начальства и подобно прочим туземцам Терской области имели право требовать обеспечение землей.

Единственное средство к благоустройству Малокабардинского участка прежде всего заключалось в подробном рассмотрении поземельных прав князей Бековичей-Черкасских и, в случае нужды, медиатизирования (ликвидирования) их тем или другим способом, а затем в правильном распределении земли между жителями. Посему 24 октября 1863 г. председателем Комиссии представлена была начальнику области записка о поземельных правах Бековичей-Черкасских с изложением мнения о необходимости и способе выкупа принадлежащей им земли. Вследствие записки 14 января 1864 г. получено было предписание начальника области от 4 января за № 20, в котором значилось, что Его Императорское Высочество изволил согласиться землю князей Бековичей-Черкасских передать в народное пользование и для заключения с ними необходимых по сему предмету условий приказал командировать председателя Комиссии.

Таким образом, возможность благоустройства малокабардинских жителей с тех пор могла считаться гарантированною, и весь спор заключался только во времени, потребном, во-первых, на заключение договора и, во-вторых, на испрошение соизволения Его Императорского Высочества.

В ожидании же того и другого Комиссия немедленно озаботилась исполнением приготовительных работ, касающихся этого предмета: 1) производством топографической съемки до 100 тыс. десятин земли, заключающейся между Тереком, левым берегом Курпа и Малокабардинским хребтом, и 2) народной переписью Малокабардинского участка.

16 мая того же года председатель Комиссии заключил с доверенным князей Бековичей-Черкасских, отставным майором Артемьевым, условие на счет покупки у них всей земли, за исключением 3 тыс. десятин, по 1 руб. 50 коп. за десятину.

С окончанием производства вышесказанной топографической съемки Комиссия представила на благоусмотрение на-

чальнику области свои предположения относительно поселения всех коренных жителей Малой Кабарды между левым берегом Курпа и Тереком и притом не иначе, как многолюдными аулами, которых, по мнению Комиссии, достаточно было 7 и не более 8; а как с этим действием малокабардинцы лишались права бесплатного пользования землею Бековичей (юридического права они и прежде не имели, но фактически пользовались им беспрепятственно) и, как с закреплением кордонных земель за Большой Кабардой, на всем этом пространстве они также лишались права безвозмездного пользования летними пастбищами и как эти обстоятельства могли нанести значительный ущерб главной промышленности малокабардинцев - скотоводству, то Комиссия сочла своей обязанностью ходатайствовать о даровании им горных пастбищ, лежащих между Эшкоконом и Кумой, с тем, чтобы эти последние с горскими пастбищами Большой Кабарды составляли одно целое, нераздельное достояние. Что же касается инородцев, то Комиссия испрашивала дозволения: кубанских осетин переселить в Куртатинское общество, а кумыкам Бековича аула предложить первым возвратиться на родину, а вторым поселиться на запасных участках в Надтеречном наибстве; аул же Пседахи, населенный чеченцами, и Кескем, населенный ингушами, передать в ведение начальника Ингушевского округа с отрезкою им из имеющей поступить в казну земли князей Бековичей-Черкасских количества земли, равного по наделу Назрановского общества (доклад Комиссии 27 октября 1865 г. за № 633).

Покупка земли у князей Бековичей состоялась 12 января 1866 г., почему, не теряя времени, 27-го числа того же месяца в присутствии Комиссии приглашены были: начальник Кабардинского округа подполковник (ныне полковник) Нурид, малокабардинский участковый начальник и 9 человек избранных народом депутатов для совместного обсуждения вопроса относительно устройства аульных оседлостей малокабардинцев. В акте, состоявшемся по этому предмету, признано было за полезное из бывших 19 аулов образовать 9 с указанием им ранней весной места под постройку домов и на текущий год - временных аульных наделов. Тем же актом сроком к началу переселения назначено окончание весенней пахоты, которая должна быть произведена во вновь указанных аульных дачах.

Вслед за тем Комиссия представила начальнику области проектную карту на отрезку князьям Бековичам-Черкасским, согласно заключенному с ними условию, 3 тыс. десятин и предположение свое относительно обеспечения землею жителей аула Бековича (рапорты Комиссии 22 апреля № 209 и 210).

Впоследствии времени окончательные заключения по сему предмету и вообще относительно обеспечения поземельным наделом оставшихся на казенной земле жителей изложены были Комиссией в докладе ее начальнику области от 20 декабря за № 890.

Для обмежевания участка в 3 тыс. десятин 27 апреля Комиссия командировала состоявшего в ее ведении старшего землемера есаула Ярова, а 11 мая распорядилась производством топографической съемки купленной земли в масштабе в 250 саж. в дюйме.

К осени того же года водворение малокабардинцев в девяти аулах и производство временного разверстания между ними земли соединенными усилиями Комиссии, местных начальников и малокабардинских депутатов совершенно было окончено.

Таким образом, к концу 1866 г. Кабардинский округ в поземельном отношении, основанном на принципе общинного права владения землею, получил окончательное устройство, с помощью которого правительство, нисколько не затрудняясь, приступило к взиманию за этот год и государственной подати и получило возможность приступить к освобождению крепостного сословия с наделом его землею. По последнему обстоятельству Комиссия приняла самое деятельное участие в начертании общих правил об освобождении крепостного сословия во всей Терской области.

Поземельное устройство, дарованное Кабардинскому округу, как вполне соответственное народному характеру и обычаю, без малейшего сомнения и к общему удовольствию всего населения, или, по крайней мере, значительного большинства его, могло бы просуществовать несколько десятилетий, в продолжение которых, с введением известного рода правил или постановлений, без всякой натяжки, так сказать само собою, могли выработаться начала частной поземельной собственности.

Во всяком случае в конце 1866 г. Комиссия вправе была считать возложенную на нее обязанность по обеспечению землею Кабардинского округа вполне исполненной и притом с желательным успехом. Но так как правительству по высшим соображениям угодно было ускорить образование в Большой Кабарде частной поземельной собственности, то г-н начальник области дал по этому предмету соответствующие предписания Комиссии: одно от 21/30 декабря 1866 г. за № 4067, а другое от 19/22 мая 1867 г. за № 1322. Таковыми предписаниями Комиссия обязывалась исполнить: 1) определить, сколько именно в Большой и Малой Кабарде находится земли, могущей поступить в надел кабардинским частным собственникам, и в каких местах окажется наиболее удобным произвести выдел этой земли; 2) привести в полную известность количество земли в Горских обществах, находящейся во владении частных собственников, и общественной, а также числа семейств, не имеющих надела по случаю ли состоявшегося освобождения холопов или по другим каким-либо причинам; 3) уяснить и обсудить вопрос о праве владения некоторыми лицами Горских обществ земля-

ми в Большой Кабарде; 4) окончательно обсудить вопрос о проведении границы между Кабардою и Горскими обществами, причем приказано иметь в виду, чтобы в районе Горских обществ заключалось достаточное количество земли для наделения безземельных горцев; 5) определить, сколько считается в Кабарде княжеских и первостепенных узденских родов и сколько в них отдельных семей и душ мужского пола; 6) определить число таких семей, кои, не принадлежа к первостепенным узденским фамилиям, имели право владения аулами; 7) определить, сколько окажется в наличности семей, кои заслугами своих отцов или собственными правительству или обществу окажутся достойными наделения участками земли в частную собственность и 8) сделать подробное соображение о межевых средствах, необходимых для исполнения воли Его Императорского Высочества.

Новая работа, порученная Комиссии, по сложности затрагиваемых ею частных и общественных интересов и по множеству мелких подробностей, подлежащих подробному изучению, требовала производства своего в самом Кабардинском округе, почему начальник области приказал составить Кабардинский отдел Комиссии, председательство в котором возложено на начальника Кабардинского округа. Действия этого отдела, по не зависящим от него обстоятельствам, могли быть открыты не раньше 20 июля того же года. В этот день журнальным постановлением определена была по возможности подробная программа предстоящих занятий, которая и была окончательно выполнена в начале 1866 г. (доклад Кабардинского отдела Комиссии от 29 января 1868 г. за № 7); в феврале того же года по поводу этого доклада состоялось несколько заседаний в общем присутствии Комиссии под личным председательством начальника области, последствием которых было изменение некоторых положений доклада о них, составление еще двух списков будущих кабардинских землевладельцев; из этих двух списков один принадлежит г-ну начальнику области, а другой - председателю Комиссии статскому советнику Кодзокову.

По поводу того же доклада в июле поступила в Комиссию памятная записка, составленная начальником Главного Управления кавказскими горцами генерал-майором Старосельским, относительно горских границ и внешних границ Большой Кабарды; по этой памятной записке Комиссия представила свои заключения в докладе от 17 августа 1868 г. за № 467.

На этом остановились работы Комиссии по образованию в Кабарде частной поземельной собственности.

Председатель Комиссии
статский советник Кодзоков
Старший член майор Масловский
Делопроизводитель барон (подпись)

101. Рапорт начальника Георгиевского округа от 8 мая 1873 г. за № 1342 начальнику Терской области о том, что временнообязанные сел. Коново не могут быть освобождены от уплаты выкупа владельцам

Вследствие надписи Канцелярии Вашего Превосходительства от 24/25 апреля сего года за № 1546, при сем представленной, на прошении бывших временнообязанных жителей сел. Коново вверенного мне округа, имею честь донести, что при освобождении зависимых сословий в Кабарде, на основании распоряжения Вашего Превосходительства, владельцам и их временнообязанным предоставлялось право определить количество выкупа по обоюдному соглашению, вследствие чего поименованные в прошении бывшие временнообязанные по добровольному соглашению с владельцами определили уплатить выкуп в 250 руб. с души, что и утверждено мировым посредническим судом; а потому такое определение количества выкупа в настоящее время не может быть отменено и тем более потому, что таковых добровольных соглашений в Кабарде было до половины численности временнообязанных.

Что же касается просьбы о выдаче им мусульманского акта на получение в ауле известной части проса, то, действительно, подобные акты выдавались до общего освобождения зависимых сословий в Кабарде добровольно владельцами; не имея же поэтому руководства в положении, составленном об освобождении зависимых сословий в Кабарде, не считаю себя вправе принудить владельцев к выдаче таковых актов в настоящее время.

Подполковник (подпись)
Письменно-военный переводчик
и делопроизводитель есаул Крюков

102. Прошение временнообязанных крестьян сел. Коново от 27 марта 1873 г. начальнику Терской области об уменьшении причитающейся с них выкупной платы в пользу их бывших владельцев

Жителей сел. Коново временнообязанных: Ахмеда Афаунова, Пешемахо Генардуко, Тагамета Абазекова; Хачимахо, Бекир-Увжуко Аликова, Орашуко Хатамшикова, Пшихов Хаджи Умара Кочесокова, Пшемахо Абдула Обезеванова, Мазана Хаджибекира Пшукова, Асланбека Джанбота Афаунова, Хабату Даут Дахпачева, Марема Илсуко, Орталова Мамуко, Тока Хуранова Хатыра

ПРОШЕНИЕ

При объявлении свободы у нас в Кабарде наши владельцы объявили нам, что освобожденные добровольно, но согласно со своим владельцем могут получить в ауле известную часть проса и все то, что будет раздаваемо бедным, и что владельцы выдадут на это право мусульманский акт, и мы согласились со своими владельцами на добровольное окончание дела между нами, и на нас наложили как на мужской, так и на женский пол по 250 руб. выкупа с тем, чтобы уплата этих денег была рассрочена гораздо более, чем на 6 лет, но до настоящего времени ни одному из нас не выдан мусульманский акт, и владельцы теперь требуют с нас окончательный выкуп наравне с освобожденными правительством. А поэтому мы прибегаем под покровительство Вашего Превосходительства, покорнейше просим подвести нас под общее правило и обложение холопов в Кабарде, т. е. платить не более как по 200 руб. или же приказать владельцам выдать нам мусульманский акт, который они предложили выдать на право независимости никаким обществам, но в случае^если они не будут в состоянии этого сделать, тогда разрешить нам произвести уплату выкупной суммы в количестве не более 200 руб. с души, и то рассрочить срок платежа на несколько лет, так как мы по крайней бедности лишены всякой возможности уплатить эту сумму в один раз, и о распоряжении, какое Вашим Превосходительством будет сделано по настоящей просьбе нашей, приказать объявить нам через Пятигорское уездное полицейское управление.

Подписали временнообязанные (подписи)

Настоящее прошение препровождая к начальнику Георгиевского округа, Канцелярия начальника Терской области имеет честь просить Его Высокоблагородие представить генерал-адъютанту Лорис-Меликову, с возвращением прошения, подробное свое по изложенному в оном предмету заключение.

Правитель Канцелярии (подпись)
№ 1546 24/25 апреля 1873 г.
г. Владикавказ.
Младший помощник (подпись)

^

103. Предписание начальника Терской области от 12 мая 1873 г. за № 1782 .1, начальнику Георгиевского округа объявить временнообязанным крестьянам сел. Коново, что их прошение об уменьшении размера выкупной платы оставлено без последствий

Предлагаю Вашему Высокородию объявить бывшим временнообязанным жителям сел. Коново вверенного Вам округа в ответ на переданное ими мне прошение от 27 марта сего года об уменьшении количества выкупной платы, определенной к ним бывшим Кабардинским посредническим судом по добровольному соглашению их с бывшими своими владельцами, о выдаче последним им, просителям, мусульманского акта на получение в ауле известной части проса, что прошение это по обстоятельствам, изложенным в рапорте Вашем от 8-го сего мая за № 1342, оставлено мною без последствий.

Верно: младший помощник
правителя канцелярии (подпись)

104. Прошение жительницы сел. Жанхотово Ааши Киноевой-Чантиевой от 7 мая 1874 г. начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову об освобождении ее дочерей от обязанностей в отношении наследника ее бывшего владельца и разрешении ей переселиться в сел. Пседах

35 лет тому назад, когда мне было еще только 10 лет от роду, в сел. Бохно-Юрт Грозненского округа меня украли неизвестные хищники. В то время я была круглою сиротою; происходила из свободного сословия. Хищники мои на пути следования своего тогда же продали меня бывшему в то время мулле сел. Жанхотова Сайду Кумыкову, умершему почти 20 лет тому назад, но за какую цену - мне неизвестно. По достижении мною 16 или 17-летнего возраста, по воле моего владетеля, я вышла замуж за его же холопа Индриса Кумыкова, с которым я живу и в настоящее время. Еще в бытность нашу в зависимости я прижила с мужем моим двух сыновей: Магомуда и Марзабека и двух дочерей: Наусыр и Настей, которым будет теперь от роду: первому 25 лет; второму 23 года, третьей 15 и четвертой 12 лет. Еще до последования Высочайшей милости об освобождении от зависимости владелец мой мулла Сайд Кумыков однажды сильно заболел и, теряя надежду на свое выздоровление, он, в ожидании от Бога лучших благ в будущей его жизни, дал мне обещание непременно освободить на волю бесплатно млад-

шего сына моего Марзабека. Но мулла этот благодаря Богу выздоровел и в знак радости тогда же освободил моего сына бесплатно. Затем в шестидесятых годах последовало Высочайшее повеление об окончательном освобождении от зависимости всех вообще невольников. Но для сохранения интересов рабовладельцев, не изъявлявших желания освободить своих рабов бесплатно, правительством постановлено: или чтобы каждый холоп уплатил за себя хозяину известную сумму денег, или же, за неимением денег, отслужил ему определенный срок. Вследствие такого радостного известия и не желая быть в дальнейшей зависимости, муж мой и старший сын наш Магомуд уплатили за свое освобождение наследнику умершего муллы, его сыну Пааше Кумыкову, каждый по 200 руб. серебром, всего 400 руб., а я сим же последним была освобождена бесплатно. В настоящее время дочери мои, которых уже многие сватают, достигли совершеннолетия. Наследник же умершего муллы, его сын Пааша Кумыков и сестра его Пиле, узнав об этом и считая меня и моих дочерей как бы еще им обязанными нашею зависимостью, хотят теперь воспользоваться от меня тем калымом, какой должны уплатить мне женихи моих дочерей, и таким образом претенденты мои стесняют меня в свободной выдаче их в замужество. Но так как я попала в зависимость посредством тайного похищения меня неизвестными лицами, и я происхожу из совершенно свободного сословия, а не из холопов, что удостоверяется прилагаемым при этом свидетельством на арабском языке, выданным мне от общества сел. Мартан Грозненского округа, а следовательно, и дети мои должны принадлежать к свободному сословию,- а потому осмеливаюсь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства об освобождении меня от всякой личной и материальной зависимости кому бы то ни было и вместе с этим прошу разрешения о переселении меня с семейством моим из настоящего моего местожительства в сел. Пседах 5-го участка Владикавказского округа для совместного жительства с родственником моим, старшиной того селения Саадом Батыжевым.

За неграмотностью просительницы, по личной ее просьбе расписался мулла сел. Пседах Заарма Асланукиев.

к *17 мая 1874 года. Сел. Пседах.*

ПРИМЕЧАНИЯ

-ао я

[1] К моменту проведения крестьянской реформы Терская область состояла из следующих округов с горским населением, доходившим до 300 000 душ обоего пола: Кабардинского, Осетинского, Ингушского, Чеченского, Ичкерийского, Аргунского, Нагорного и Кумыкского. В состав Кабардинского округа входили: Большая Кабарда (по левому берегу р.Терека), Малая Кабарда (по правому берегу р.Терека) и 5 горских обществ: Балкарское, Хуламское, Безенгиевское, Чегемское и Урусбиевское. Кабарда была населена кабардинцами, говорящими на кабардинском языке, а Пять горских обществ были населены народом, говорящим на особом тюркском языке, известным под названием балкарского языка. Пять горских обществ были известны под одним общим названием Балкарии. В настоящее время территория, которая называлась Кабардинским округом, составляет Кабардинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику с главным городом Нальчиком, являющимся культурно-политическим центром республики.

Вместо Осетинского округа в настоящее время мы имеем Северо-Осетинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику; что касается Кумыкского округа, то он отошел к Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республике. Центром Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики является город Дзауджикау, бывший центр всей бывшей Терской области при царском строе.

[2] Это циркулярное распоряжение начальника Терской области является копией с предложения Главного штаба Кавказской армии, канцелярии его по управлению кавказскими горцами от 4 июня 1864 г. № 873. Начальник Терской области разослал бумагу от своего имени всем начальникам округов.

[3] Подполковник Александр Александрович Нурид - начальник Кабардинского округа, был ближайшим помощником ген. Лорис-Меликова, начальника Терской области, в деле освобождения зависимых сословий Кабарды. Нурид был, как это видно из документов, горячим сторонником кабардинского феодального дворянства и настаивал перед Лорис-Меликовым на максимальных льготах и уступках в пользу этих феодалов.

А. А. Нурид (1832-1880) был уроженцем Дагестана. В 1839 г. при взятии сел. Ахульго Нурид семилетним мальчиком был взят царским командованием в плен.

Командир Навагинского пехотного полка полковник Бибиков взял мальчика к себе, а в 1847 г. определил его на военную службу в Навагинский полк. В 1850 г. Нурид был произведен в офицерский чин. Он служил адъютантом при управлении начальника Владикавказского округа, а потом при начальнике Лезгинской военной линии и при начальнике Дагестанской области.

В 1862 г. Нурид был назначен начальником Назрановского округа, а в 1865 г. - начальником Кабардинского округа, где под его непосредственным руководством была подготовлена и проведена крестьянская реформа.

За активное участие в подавлении крестьянских восстаний горских народов и борьбу с так называемым абречеством в 1877 г. Нурид был произведен в генерал-майоры. Нурид умер в декабре 1880 г. в должности командира 2-й пехотной дивизии (Терские ведомости. 1881. № 2).

[4] Вольноотпущенник иначе называется азат; это - раб, отпускавшийся на свободу, в большинстве случаев и главным образом рабовладельцами на основании правил мусульманской религии «для спасения души» своей или покойных родителей. Раб мог и выкупиться на свободу, и тогда он становился тоже азатом. О правах и обязанностях вольноотпущенников см. в докладной записке.

[6] Ог - это крепостной крестьянин, отбывающий определенные повинности но отношению к рабовладельцу; живет своим собственным хозяйством.

'••в'Л- в Логанаут - раб, крестьянин, живущий при дворе рабовладельца.

' Унаут - домашний раб без всяких прав. Логанаут и унаут в документах иначе называются холопами. Это официальное название этих двух категорий в устах кавказской администрации.

[8] Кабардинская земля до утверждения русского владычества была в общем владении кабардинского народа. Однако такое утверждение нуждается в существенной оговорке: землей распоряжались главным образом, если не исключительно, кабардинские феодалы; что касается холопов, то они на землю не имели никаких прав, если на то не было согласия феодала. Это необходимо иметь в виду при рассмотрении земельного вопроса в Кабарде.

[9] Каменный мост на реке Малке под названием Абдурахманова.

[10] В Горских обществах были следующие зависимые сословия: каракиши, что в переводе означает «черная кость»; ясакча, чагар, казак (караваш).

[11] Ясакчи - в переводе значит «податные», лично-свободные, отбывают определенные повинности.

[12] Чагар - раб, крестьянин лично зависимый, живущий на земле рабовладельца.

[13] Казак (или караваш) - раб, рабыня, не имеющие никаких прав.

[м] Таубий в переводе значит «горский князь»; так назывались представители высших сословий в Пяти горских обществах.

О взаимоотношениях между высшими и низшими сословиями в Горских обществах см. в настоящей докладной записке.

[15] Безобрядный - значит бесправный.

[16] Для управления всеми горскими племенами Кавказа в составе наместничества Кавказа было создано Кавказское горское управление, через которое проходили все мероприятия по устройству жизни горцев. По вопросу об освобождении зависимых сословий среди горцев Кавказа специально был создан Особый комитет под председательством помощника Главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта Карцова в составе следующих лиц: помощника начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Богуславского, управляющего канцелярией по делам устройства крестьян в Закавказском крае кн. Туманова, начальника Кавказского горского управления полковника Старосельского, полковника Черкесова и подполковника Павлова в качестве члена-делопроизводителя.

[17] Сухумский военный отдел состоял из территории, известной под названием Абхазии. Сухумский военный отдел входил в состав Кутаисского генерал-губернаторства. В настоящее время Абхазия составляет Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе Грузинской Советской Социалистической Республики. Главный город Абхазской республики - Сухуми. Настоящая инструкция имеется в нескольких копиях.

[18] Цебельда и Самурзакань - особые части территории Абхазии.

[19] Княжеская фамилия Шервашидзе владела Абхазией до утверждения русского владычества на Кавказе.

[20] Лорис-Меликов Михаил Тариелович (родился в 1825 г., умер в 1888 г.) был одним из крупных военных деятелей царской России. Он родился в Тифлисе в семье состоятельного армянина; учился сначала в Лазаревском институте восточных языков, а потом в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. С 1843 г. начинается военная карьера Лорис-Меликова; деятельность его протекает главным образом на Кавказе с 1847-го по 1878 г. В 1847 г. Лорис-Меликов принимал участие в делах против горцев; в 1853-1856 гг. принимал участие в Восточной войне, в действиях против Карса. В 1863 г. Лорис-Меликов был назначен начальником Терской области и командующим войсками Терской области, которая была населена многочисленными горскими племенами. Терской областью Лорис-Меликов управлял около десяти лет. На свое назначение и на состояние Терской области, по его собственным словам, смотрел так: «Четыре месяца тому назад я принял управление областью, признаваемою всеми, кто только знаком с ее делами, самой сложной из отделов Кавказа. Счастливый выпавшим на меня выбором, я не могу оставаться равнодушным к неестественному положению Чечни, парализующему труды и заботы наши в остальных частях области. Управлять народом и из опасения заискивать у него невозможно. Приступить же теперь к крутым мерам, когда мы еще не готовы, значило бы вызвать преждевременное восстание». (Переселение горцев в Турцию. Ростов-на-Дону, 1925. С. 14, 15.)

Все важнейшие мероприятия по устройству быта горцев, только незадолго перед этим подчинившихся силе оружия царской России, были проведены в его правление (землепользование, определение сословных прав, освобождение холопов, переселение в Турцию и т. д.). В начале русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Лорис-Меликов был назначен командующим отдельным корпусом; взял штурмом Каре и блокировал Эрзерум. За свои действия в этой войне Лорис-Меликов был награжден после заключения мира титулом графа (1878). В 1879 г. Лорис-Меликов был назначен временно (для ликвидации чумы) астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором с неограниченными полномочиями. Возвращение Лорис-Меликова в Петербург (в апреле 1879 г.) совпало с периодом учреждения генерал-губернаторств для борьбы с развивающимся революционным движением; генерал-губернаторам предоставлялись почти безграничные полномочия. Лорис-Меликов был назначен в качестве временного генерал-губернатора над шестью губерниями в Харьков, где незадолго перед этим был убит генерал-губернатор кн. Кропоткин. 12 февраля 1880 г. Лорис-Меликов был назначен главным начальником Верховной Распорядительной Комиссии, задача которой сводилась к борьбе с революционным движением и к выработке мероприятий по укреплению царской власти. После упразднения Верховной Комиссии (6 августа 1880 г.) Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел. На этой должности ему удалось пробыть недолго, так как после убийства Александра II он принужден был (7 мая 1881 г.) уйти в отставку. Последние годы своей жизни он провел за границей; умер в Ницце 12 декабря 1888 г.

В печати известны следующие труды Лорис-Меликова: «О кавказских правителях с 1776 г. до конца XVIII столетия по делам Ставропольского архива» (Русский архив. 1873.); «Записка о Хаджи-Мурате» (Русская старина. 1881. Т. 30); «Записка о состоянии Терской области» (Русская старина. 1989. № 8) и др.

Следует отметить, что Лорис-Меликов был одним из образованных деятелей старой России, энергичным проводником царской политики на Кавказе, главным образом в б. Терской области, населенной горцами: кабардинцами, осетинами, кумыками, казаками. Все мероприятия, проводимые Лорис-Меликовым, разрешались не с точки зрения интересов горских народов, а с точки зрения интересов царского правительства,

[21] Кодзоков происходил из мелкопоместных кабардинских дворян, известных под именем беслан-уорков. Происходил он из аула Тамбиер.о. Еще в детстве Кодзоков был взят одним русским офицером, служившим на Кавказе, в Россию, где принял православие и получил университетское образование. Отрывочные сведения из биографии Кодзокова говорят, что он в 1854 г. в чине титулярного советника служил секретарем VI отделения корпуса жандармов. По представлению шефа жандармов в том же 1.854 г. Кодзоков за выслугу лет был произведен в коллежские асессоры. {*Кудашев.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 168.). Умный и хитрый Лорис-Меликов сразу понял, что при умелом

использовании Кодзоков может быть незаменимым человеком для проведения среди горцев колониальных мероприятий. Лорис-Меликов приблизил Кодзокова к себе. Мотивы, которые лежали в основе сближения образованного и не менее умного Кодзокова с Лорис-Меликовым, были объяснены самим Кодзоковым накануне своей смерти в 80-х гг. XIX в.: «Стремясь быть полезным для государства,- говорил он,- а в частности и главным образом для своего народа, но попав на ложную дорогу, я сделал много дурного, и это меня мучает. Но ничего теперь не могу исправить. Так, например, принимая все чистые и нечистые меры к тому, чтобы заставить кабардинских князей и дворян добровольно отказаться от права собственности на некоторые родовые их земли, я думал, что все земли перейдут в собственность всего кабардинского народа. И Лорис-Меликов убеждал меня, что он преследует исключительно эту цель. Но я ошибся. Значительная часть земли роздана офицерам и чиновникам в собственность».(Мусульманин. Париж, 1911. № 14-17. С. 621, 622). Таким образом, Кодзоков перед смертью выдал политические махинации Лорис-Меликова, путем обмана и демагогии добившегося отчуждения кабардинских земель и концентрации их в руках царского правительства. И в этом деле, как мы видим, огромную роль сыграл Кодзоков, пользовавшийся среди своих сородичей большой популярностью. Кодзоков, основываясь на обещании Лорис-Меликова, убедил кабардинских князей, что они от подачи заявления об отсутствии у них частной поземельной собственности не только ничего не потеряют, а, напротив, выиграют, так как правительством будут закреплены за ними права частной поземельной собственности и распространены на них политические права русских дворян. Актом от 20 августа 1863 г. доверенные кабардинского дворянства засвидетельствовали, что «земля кабардинского народа составляет общее его достояние» и что «кабардинцы желают ею пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при каких издревле жили кабардинцы по своим народным обычаям» *(Кудашев.* Цит. соч. С. 192, 193). Получив подписанный представителями кабардинских дворян акт 20 августа 1863 г., ген. Лорис-Меликов объявил кабардинские земли казенными, а потом и роздал их царским офицерам и чиновникам.

Заявление кабардинских князей, полученное при активном содействии Кодзокова, имело очень большое значение в разрешении вопроса о признании за кабардинским дворянством политических прав русского дворянства. Кавказская администрация в качестве основного возражения против распространения на кабардинских князей прав русского дворянства приводила именно то обстоятельство, будто бы в Кабарде не существовало частной поземельной собственности, ссылаясь при этом на акт 1863 г., подписанный доверенными кабардинского дворянства.

Кодзоков состоял в должности председателя Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области. Эта Комиссия была учреждена в мае 1863 г., взамен сосуществовавших отдельных комитетов, которые были организованы кавказской администрацией в отдельных округах: в Осетинском, Кабардинском, Кумыкском и т.д. после окончания войны на Восточном Кавказе, т. е. после пленения Шамиля в августе 1859 г. Попытки определения личных и поземельных прав горцев делались и до 1859 г., еще в эпоху Воронцова, но они никаких положительных результатов не дали.

[22] Пшитль соответствует логанауту в Кабарде. См.примечание 6-е.

[23] Кайтаго-Табасаранский округ составлял часть Дагестана и в настоящее время входит в состав Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

[24] Шамхал Тарковский - владетель части Дагестана, известной под названием шамхальства Тарковского. Тарковские шамхалы были проводниками царской политики, конечно, на известных условиях (чины, деньги и т. д.). Шамхал Тарковский, как и остальные владетели: каны, уцмии и т. д. нужен был царскому правительству только до своего окончательного утверждения, т. е. до 1859 г. После этого все владетели, раньше боровшиеся против горцев рядом с царскими войсками, оказались помехой царизму в деле укрепления своих позиций и один за другим под разными предлогами были устранены; управление было заменено военным. Разумеется, материальные интересы бывших владетелей не пострадали: они все, как правило, были щедро вознаграждены царским правительством.

[25] Хан Мехтулинский - также бывший владетель части Дагестана; был лишен своих ханских прав после 1859 г.

[26] Настоящая докладная записка кабардинских феодалов-рабовладельцев в деле хранится в подлиннике. Она представляет огромный интерес, так как раскрывает классовую психологию кабардинских феодалов, которые всячески старались, идя на освобождение холопов из-под палки, сохранить свои экономические привилегии. Рабовладельцы других округов, населенных другими народностями, держали равнение на эту докладную записку кабардинских феодалов.

[27] Настоящая докладная записка является продолжением первой (см. докум. № 20), о которой говорится в примечании 26-м. С этой докладной запиской связан «Проект правил для освобождения зависимых сословий в Кабардинском округе», выработанный кабардинскими феодалами. Документ подписан и представителями зависимых сословий. В деле хранится в подлиннике.

[28] Рапорт начальника Терской области Лорис-Меликова на имя помощника Главнокомандующего Кавказской армией интересен тем, что он раскрывает перед нами позицию кавказской администрации в деле освобождения холопов: администрация стала целиком на точку зрения кабардинских рабовладельцев.

[251] Обрядный холоп, т. е. холоп, имеющий кое-какие права.

[30] При чтении этой докладной записки Лорис-Меликовым на полях сделаны следующие примечания против соответствующих мест, указанных римской нумерацией.

Примечания: 1. Сколько мне известно, большая часть холопов в Кабарде принадлежит узденям 3-й степени и вольноотпущенникам, а не высшему сословию.

2. Такая же наклонность к праздности и тщеславию существовала и в русском дворянстве, но крестьяне все-таки освобождены.

3. Непонятно, почему может быть вреден вывод народа из мертвенного застоя?

4. Старые помещики говорили то же самое.

5. Это доказывает только малодушие г-на Мисостова и воплощенную его леность.

6. Опираться на подобные выводы значило бы обречь себя к вечной неподвижности. Разве крестьяне в России не составляли собственности, и законы наши не говорят ли о неприкосновенности прав собственности; поэтому не следовало бы освобождать крестьян и в империи, потому что оно было правом помещиков!

7. Уступило ли оно или Комиссия поземельная доказала, что земля кабардинская всегда составляла общее народное достояние?

8. Какие повинности? Они мне, по крайней мере, не известны. - '-"•"•••

9. Несправедливо. Первый даже журнал Комитета говорит о вознаграждении за бесправных холопов.

10. Толкователи эти появились не в настоящее время, а со дня первого объявления об освобождении крестьян в империи; удивляться этому нечего: оно составляет естественный порядок вещей и никакая администрация не в силах пресечь это стремление.

11. Почему бы это так; холопы будут освобождены и нравственная возможность явится сама собою.

12. С освобождением не десятка, а сотен неимущих унауток, поверьте, явится возможность найма прислуги.

13. Посоветовать им наняться.

14. Об этом никто не спорит, что освобождение должно состояться на иных началах; до сих пор записка эта говорит о невозможности и несправедливости освобождения.

15. Способ освобождения, изложенный в прошении кабардинцев, указан самим председателем; значит, он найден, изыскивать его нечего и торопливости не видно.

16. От обычая уклоняться совершенно не следует, но нельзя придерживаться его безусловно, потому что выкуп до настоящего времени холопа обуславливался в Кабарде только личною свободой, и несколько освобожденных единиц легко могли приобретать себе в дар скотину для устройства своей домашности; нельзя ожидать добровольных пожертвований для всех 10 тысяч освобождаемых, и потому необходимо обставить выкуп в таком виде, чтобы холоп отходил от своего владельца, по крайней мере, с парою быков и коровою. Обычай выйдет новый, но весьма человечный.

17. По докладу председателя, личные права высшего сословия в Кабарде могут быть разработаны нынешнею зимою, а следовательно, права эти получат утверждение далеко ранее срока фактического отхода холопов при просимом кабардинцами переходном состоянии.

18. Общий вид поземельного вопроса уже решен и окружная граница утверждена, значит и жалоба на некачественность поземельного пользования едва ли может иметь место. Постепенная нее выработка поземельного права совершается и у просвещенных народов столько времени, сколько племя жить может. Было бы слишком самонадеянно допускать, что все нами сделанное не потребует уже разъяснения или улучшения. Что касается образования собственников в Кабарде из 10-й части надела, запасных участков и пастбищных земель, то, по докладу же председателя, на это потребуется 4 летних месяца - срок опять-таки недолгий сравнительно с полным освобождением зависимых сословий.

19. Поставленный вопрос - может ли население отбывать наложенную на него подать, размер которой был указан председателем,- разъясняется статистическими данными, доставленными председателем же: в Кабарде насчитывают 30 тысяч голов лошадей и 150 тысяч овец; достаток, которому позавидуют уезды в России и Закавказье, вчетверо более населенные и вдвое более платящие!

20. Поэтому, вероятно, не следовало давать такого распоряжения.

21. Карабулаки и чеченцы холопов не имели, за исключением одного семейства, со стороны же кабардинцев и осетин жалоб не поступало.

22. Отчаяние на первых порах - дело неизбежное; оно было повсюду, но время брало свое и впечатление изглаживалось; так будет и в Кабарде.

23. И слава Богу!

24. Председатель и депутаты заявили мне в Кисловодске положительно, что выселение 10 или 20 семей подстрекателей, в Ставропольскую

губернию поставит в необходимость остальных холопов входить в соглашения с владельцами.

25. Записка эта не разъясняет одного весьма верного вопроса, именно - имущественного, разработка которого должна бы составить существенную нашу заботу. При заключении владельцами с холопами условия о выкупе, по добровольному ли соглашению или же по определению выборных,- необходимо постановить правилом, чтобы неимущий холоп отпускался не иначе, как имея при себе, по крайней мере, пару быков; в крайнем случае, можно допустить даже, чтобы стоимость этих быков вносилась в общую сумму выкупа, подлежащую к уплате по срокам. Окружного же начальника можно будет снабдить секретною инструкцией, чтобы выдавалось пособие от казны взаимообразно с рассрочкою на приобретение быков тем холопам, владельцы которых сами ничего не имеют. Число таковых ни в коем случае не может быть в Кабарде значительно.

[31] Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, брат Александра II, сын Николая I.

[32] Письмо написано Лорис-Меликовым, начальником Терской области, полковнику Нуриду, состоявшему тогда начальником Кабардинского округа.

[33] Дм. Старосельский, полковник, состоял в это время начальником Кавказского горского управления и входил, как было уже сказано выше, в состав Комитета по освобождению зависимых сословий.

[34] Полковник Черкесов состоял членом Комитета по освобождению зависимых сословий; он представил в Комитет 22 сентября 1866 г. свои соображения по докладу начальника Кабардинского округа полковника Нурида; в ответ на это полковник Нурид представил свои возражения, прилагаемые в настоящей докладной записке. На полях этой записки рукой полковника Черкесова имеются примечания, которые приводятся в порядке, указанном цифрами; эти цифры поставлены в тех местах, против которых имеются пометки, а именно:

Примечания: 1. Кроме заметок, сделанных на полях настоящей записки, я составил особую записку, которую по переписке ее набело буду иметь честь представить сегодня вечером или завтра утром. В заметке я изложил вкратце те основные положения 61-го года, которые могли бы быть, по моему мнению, применены к настоящему вопросу и, сверх того, пояснил главные причины, почему начальник округа не может согласиться со сделанными мною заключениями на проекте правил обязательного освобождения, составленном кабардинскими рабовладельцами. За исходную точку своих выводов начальник округа берет кабардинский обычай, а не начала, которые легли в основание Положения о крестьянах в России. Против сообщения как записки, так и заключений начальника округа я ничего не имею.

2. Что Главный Комитет не утвердил бы этих правил в том виде, в каком они были представлены, то в этом, я полагаю, нет сомнения.

3. Положение 61-го года об освобождении крестьян от крепостной зависимости не может быть, конечно, названо уложением о наказаниях, а между тем изложенная мною мысль о том, чтобы сторона, умышленно уклоняющаяся от добровольных соглашений, подвергалась некоторому материальному ущербу, при применении обязательных правил, нашла в нем широкое применение; чтобы убедиться в этом, стоит только просмотреть статьи, касающиеся обязательного переноса крестьянских усадеб по требованию помещика, и статьи об обязательном выкупе усадебной земли и полевых угодий, по требованию помещика или крестьян.

4. Конечно, так при добровольных соглашениях каждая из договаривающихся сторон делает некоторые уступки в случае применения обяза-

тельных правил. Сколько я мог понять из заявлений начальника округа, кабардинские владельцы сделали в предложенных им правилах некоторые (по-моему, незначительные) уступки, именно из того опасения, чтобы правительство не поставило менее для них выгодных условий.

5. Я вовсе не отвергаю пользы утвержденной правительством нормы, но заявляю, что нельзя придавать силы закона тем правилам, которые были представлены и которые, гарантируя интересы только владельцев, слишком тягостны для холопов.

6. Если будут составлены и объявлены правила обязательного выкупа (причем будут приняты во внимание интересы не одной из сторон, а обеих), то ввиду этих правил владелец перестанет ссылаться на существовавший обычай, а холопы - на безвозмездное освобождение.

7. Я нахожу полезным составить и обнародовать возможно скорее точные правила обязательного освобождения, но полагаю, что для составления их нужно иметь в виду не одно положение владельцев, а положительные данные относительно видов и размеров повинностей, лежавших на холопах, так как я полагаю, что нет основания возлагать на холопов более тягостные обязательства, чем каковые лежали на них до настоящего времени.

8. Я полагаю, что в глазах населения отмена распоряжения начальника области представляет более шансов, нежели отмена распоряжения Главнокомандующего.

9. Пойдут ли добровольные сделки успешно после обнародования правил обязательного выкупа или нет - это вопрос совершенно гадательный. В России, несмотря на определенность составленных правил и основательную разработку их, в некоторых местностях одной и той же губернии добровольные сделки шли весьма успешно, а в других местностях пришлось применять обязательные правила. Это, конечно, будет иметь место только при том предположении, что обязательные правила не будут применяемы в смысле закона ранее истечения льготного срока, если же это условие соблюдаемо не будет, то и сделки не могут быть признаны за добровольные.

10. Это то именно и желательно: т. е. чтобы обязательные правила начали свое действие только по истечении добровольного срока, но только не те обязательные правила, которые предложены кабардинскими рабовладельцами и начальником округа, а более справедливые и менее тягостные для холопов.

11. При представлении проекта правил не было представлено никаких положительных данных ни о численности различных видов зависимых сословий, ни о различных степенях зависимости, ни о размерах повинностей, ни о количестве имущества, и потому на настоящий вопрос нельзя ответить положительно. По имеющимся же данным, не приведенным еще в систематический порядок, можно, однако, с некоторым вероятием сказать, что представленные правила выгодны для владельцев и невыгодны для холопов.

12. В России было освобождено 10 V, миллионов душ мужчин от крепостной зависимости, и правительство не дало для наделения их ни одного клочка земли, а взяло для этого потребное количество из помещичьих земель. Ежели бы в Кабарде к моменту освобождения зависимых сословий существовало частное землевладение, то можно было наделить холопов землею точно так же, как это было сделано в России, и вопрос освобождения не представил бы никаких затруднений. Что же касается до того, существовала ли в Кабарде частная поземельная собственность или нет, то как за, так и против этого мнения столько было говорено и писано, и притом небезосновательно, что вопрос этот нельзя считать безусловно решенным.

13. Как поступили все русские помещики.

14. В определении выкупной цены они не сделали никаких уступок, а определили ту цену, которая существовала.

15. Точно так же, как в России, крепостной труд был главным обеспечением материального благосостояния большей части помещиков.

16. Никаких данных не приведено в подтверждение того, что цены эти крайне низки. Ежели сравнить их с выкупными ценами, исчисленными по капитализации (из 5 %) стоимости годичной повинности, то цены эти окажутся очень высокими.

17. По моему расчету, семья холопов из 6 душ (отец - 45 л., мать - 36 л., сын - 17л., дочь - 13 л., сын - 9 л., дочь - 5 л.) должна бы внести (принимая годичную повинность с души мужского пола в 7 руб.) только 420 руб., а по расчету начальника округа - 825 руб.- разница значительная.

18. Эта цифра совершенно произвольная.

19. Признать, выгодно ли это для владельцев или для холопов,- это совершенно зависит от личного взгляда.

20. Гарантировать свои интересы в самом важном, а именно в назначении высокой выкупной платы за совершеннолетних годных работников, они, конечно, без особого для себя ущерба могли представить суду посредников оценку больных, стариков и калек; что же касается до определения цены малолеток, то рабовладельцы не представляют этого вопроса решению суда посредников, а представили особую норму.

21. Для правительства важно не то, чтобы был соблюден обычай, а то, чтобы освобождаемые не были обращены в толпу бездомных нищих.

22. Кроме уступки '/, имущества, т. е. около 40 руб., рабовладельцы не сделали никаких уступок против существовавшего до сих пор порядка.

23. Ежели сравнить размер того вознаграяедения, которое русские помещики получили за потерю нрава на обязательный труд своих крестьян и за отчуждение крестьянского надела, с размером того вознаграждения, которое желают получить кабардинские рабовладельцы за потерю только права на труд, то окажется, что русские помещики понесли громадные потери, но тем нее менее, вероятно, никто не скажет, что положение 61-го года составлено пристрастно в пользу крестьян.

24. Какие же это уступки?

25. Доказать цифрами, насколько семилетний срок обязательных отношений принесет более ущерба экономическому быту страны, нежели четырехлетний, конечно, невозможно, но нельзя не согласиться с тем, что короткие сроки лучше продолжительных.

26. Так как я не допускаю выкупа за личность, а допускаю только выкуп повинностей, то и не считаю возможным назначить выкуп за тех, которые не могут нести повинностей, в особенности если выкупная цена за совершеннолетних назначена значительно выше той, которая выйдет по капитализации стоимости годичной повинности.

27. Выкуп за личность после безвозмездной отмены права не может быть допущен. Правительство может, конечно, в виде особой милости дать какое-либо вознаграждение за душу, как,например, в Грузии оно дало по 25 руб. за каждую душу мужского пола, но таковую милость, во всяком случае, оно может оказать, приняв расходы на свой счет, а не относя их на счет холопов.

28. Ежели этого и не сказано в предписании, которое притом касается только главных оснований, а не подробностей, то на начальнике области лежит обязанность позаботиться о судьбе унаутов.

29. Это совершенно зависит от усмотрения начальства, но в настоящем случае не следовало бы возбуждать этого вопроса после того, что сами владельцы в первой своей записке говорили о том, чтобы условия выкупа были установлены выборными от владельцев и холопов, после того, что начальник области упомянул об участии депутатов от холопов в своем предписании Главнокомандующему и после того, что в предписании Глав-

нокомандующего на участие холопских депутатов в работах местного комитета. Затем, ежели бы по каким-либо соображениям признано было участие депутатов от холопов излишним в разработке правил обязательного выкупа, то на администрации еще в большей мере должна лежать заботливость об ограждении интересов холопов.

30. Сделанные ими заявления вовсе не глупы: по их предложению семья из шести душ (отец - 45 л., жена - 34 л., сын - 17л., дочь - 13 л., сын - 9 л. и дочь - 5 л.) внесет 600 руб. и получит все имущество, а по предложению владельцев та же семья внесет владельцу 825 руб. и получит только V_3 имущества.

31. Пойдут ли добровольные сделки успешно или нет, а также вызовет ли применение обязательных правил до истечения $'/_2$ -годичного срока какие-либо беспорядки или нет, то полагаю, что это вопрос гадательный; что же касается до того вопроса, не будут ли холопы вследствие применения к ним обязательных правил, составленных рабовладельцами и предлагаемых начальником округа, поставлены в безвыходное положение, то по этому вопросу правительство имеет право требовать и обязано иметь другого рода гарантию.

14 ноября 1866 г. Полковник Черкесов

г. Владикавказ.

[35] Как было указано в примечании 34-м, полковник Черкесов обещал представить, кроме пометок, сделанных им на полях доклада полковника Нурида, особую докладную записку с изложением своей точки зрения на дело освобождения зависимых сословий в Кабарде. Настоящая докладная записка и является обещанной; она, как видно из документа, составлена 15 ноября 1866 г., т. е. в течение одного дня.

[36] Настоящее письмо Лорис-Меликова на имя начальнкиа Кабардинского округа важно в двух отношениях: во-первых, в нем упоминается о каких-то беспорядках, происшедших в связи с освобождением холопов и, во-вторых, намечается путь к образованию из кабардинских феодалов помещиков, частновладельцев.

[37] Тлакотлеш - высшее после князей (пши) сословие в Кабарде и в Адыгее; в переводе означает - «рожденный от могущественного».

[38] Копии с условий, заключенных кабардинскими владельцами со своими холопами при освобождении их от зависимого состояния, представляют чрезвычайно большой интерес как материал, определяющий социально-экономические взаимоотношения сословий в Кабарде.

[39] Настоящие правила, определяющие повинности каракиши по отношению к своим таубиям, выработаны по взаимному соглашению сторон, как сказано в бумаге 11 июня 1864 г. Они являются дополнением к тем, которые напечатаны в документе № 52 настоящего издания.

[40] Настоящий отчет опубликован полностью в одной из наших работ (*Кокиев Г.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940. С. 171-199). Здесь мы публикуем часть отчета, касающуюся только Кабарды.

[41] Официальной датой завоевания Северо-Восточного Кавказа принято считать 25 августа 1859 г., т. е. дату взятия генералом Барятинским Шамиля в плен. Но с фактом сдачи Шамиля в плен борьба горских народов за независимость не была закончена. Вслед за ликвидацией имамата Шамиля на Северном Кавказе широко развернулись крестьянские восстания, которые являлись продолжением освободительной борьбы горских народов. Наиболее крупными из этих восстаний были восстания 1861г., 1876 и 1877 гг. Несмотря на это, подавление борьбы горских народов под руководством Шамиля для царской России имело большое значение. Царизм получил возможность перебросить действовавшую против Шамиля армию на Западный Кавказ, завоеванный в 1864 г., и приступить к экономическому завоеванию Кавказа в целом.

[42] Точную дату появления первых русских людей на Северном Кавказе невозможно установить. Несомненно, однако, что первыми русскими, вступившими на северокавказскую почву, были гребенские казаки, появление которых в этих местах многие авторы приурочивают ко времени не позже начала XVI в. Гребенские казаки были выходцами из Новгородского и Рязанского княжеств и, по-видимому, были крепостными крестьянами, бежавшими от своих крепостников на Северный Кавказ.

Гребенские казаки первоначально жили на правом берегу реки Терека, именно между Тереком и нижним течением реки Сунжи. Здесь они образовали станицы: Новогладковскую, Старогладковскую, Щедринскую, Червленую и Курдюковскую. До начала XVIII в. гребенские казаки были независимы от Московского государства. Но в 1711 г. они после длительной борьбы за свою независимость были вовлечены в орбиту колониальной политики царской России. Гребенские казаки потеряли свою вольность.

Северокавказская равнина не только до появления первых русских людей на Северном Кавказе, но до конца XVIII в. принадлежала не кабардинскому народу, а кабардинским крупным феодалам: Гиляксановым, Бековичам-Черкасским, Атажукиным, Канчокиным и др. Первые осетинские поселения на этой равнине стали появляться не раньше начала XIX в.

[43] В условиях острого малоземелия основным занятием населения нагорной полосы не могло быть земледелие. Основным его занятием было скотоводство. Но ничего ошибочнее не может быть, как объяснять отсутствие земледелия у горцев пренебрежительным отношением к столь насущному занятию или прирожденной их склонностью к разбоям и грабежам. Напротив, грабежи и разбои были результатом бедственного положения народных масс, загнанных в голодные горные трущобы, результатом полной их необеспеченности землей, захваченной местными феодалами и на этой основе бесчеловечно эксплуатировавшими полунищих горцев. В земельной необеспеченности - основная причина бедственного положения горских масс.

[14] Осетинские крестьяне до царского завоевания подвергались очень жестокой эксплуатации со стороны местных феодалов и тем не менее неосновательно думать, будто «осетины, вступив под русское владычество, впервые вздохнули свободнее». Царизм не принес осетинским крестьянам никакого облегчения; напротив, положение крестьянства значительно ухудшилось. К прежнему феодальному гнету прибавился новый - колониальный гнет царизма, обложивший крестьян бесконечными податями и повинностями. Большую помощь от царского правительства получили местные феодалы, экономические и политические интересы которых действительно были защищены царизмом. По вызову царского правительства осетинские феодалы постепенно начали выселяться с гор на равнину и наделяться значительными участками земли. Поэтому под осетинами, по приглашению царского правительства выселившимися на равнину и поселившимися здесь под защитой царских войск и военных крепостей, следует разуметь не крестьянские массы, а местных феодалов, действительно пользовавшихся всяческим вниманием и поддержкой правительства. Осетинские феодалы выселялись на плоскость со своими крепостными крестьянами, которые, не получая земельных наделов, служили объектом двойной, более жестокой, чем в нагорной полосе, эксплуатации.

[45] Это место настоящего документа искажает историческую действительность. Получается, что царизм предоставлял горцам во временное пользование земли, которые потом передавались казачьим станицам. На Северном Кавказе царизм никаких земель не имел. Предгорную Северокавказскую равнину с древних времен занимали кабардинские феодалы. Равнину от нынешнего гор. Дзауджикау до нижнего течения реки Терека еще задолго до царского завоевания занимали предки горцев Северо-Восточного Кавказа. Спрашивается, какие же земли в таком случае царизм

предоставлял во временное пользование горцам? По-видимому, речь идет о землях, которые с давних пор принадлежали самим же горцам. Таким образом, выходит, что царизм давал горцам их же земли на временное пользование. В действительности же положение было таково, что царизм отнимал горские земли и заселял их казачьими и горскими эксплуататорскими элементами. Завоеватель Западного Кавказа ген. Евдокимов откровенно заявлял, что основная цель политики царизма заключалась в том, чтобы «нещадно и безостановочно теснить горцев к морю и в то же время усиленно двигать русское население на места, только что освобождаемые бегущими горцами». В результате этой политики «вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорий в горы, с гор к морскому берегу миллионное население горцев перенесло все ужасы, страшные лишения, голод, повальные болезни и, очутившись на берегу, должно было искать спасения в переселении в Турцию». *(Зиссерман.* Фельдмаршал Барятинский. М., 1890. Т. 2. С. 372, 396). Отнятые у горских народов земли царское правительство предоставляло не крестьянам, а русским и горским колонизаторским элементам.

[46] До Великой Октябрьской социалистической революции Кабарда делилась на Большую и Малую Кабарду. Территория, расположенная по левому берегу реки Терека, называлась Большой Кабардой, в по правому берегу - Малой Кабардой. Гиляксановская фамилия в Малой Кабарде являлась весьма крупной феодальной фамилией, владевшей лучшими землями и большим количеством крепостных крестьян. В XVIII в. наиболее крупными владетелями из рода Гиляксанова были три брата: Адильгирей, Кончок и Али - сыновья Гиляксана Келеметова. До конца XVIII в. дигорские феодалы находились в вассальной зависимости от Адильгирея Гиляксанова. С приходом царской власти потомки древнего феодального рода Гиляксанова стали претендовать на земли, которыми владели их предки. Потомков рода Гиляксановых называли гиляксанцами.

[47] Бековичи-Черкасские - древний княжеский род в Большой Кабарде. До начала XVIII в. Бековичи-Черкасские известны были под фамилией Бекмурзиных. Из восьми братьев Бекмурзиных наибольшей известностью пользовался Девлет-Гирей, после принятия христианства и подданства России названный Александром Бековичем-Черкасским. Александр Бекович-Черкасский служил на военной службе и при Петре I играл крупную роль в сношениях России с восточными странами. В 1714 г. Александр по поручению Петра I возглавлял хивинскую экспедицию, ставившую своей задачей проникнуть в Индию. Экспедиция Черкасского успеха не имела. Участники экспедиции в количестве свыше 6 тысяч человек были вырезаны хивинцами, а сам Александр повешен в резиденции хивинского хана. Младший брат Александра Бековича-Черкасского, Эльмурза, также служил на военной службе. Он не имел никакого образования, тем не менее в 1744 г. был произведен в чин генерал-майора и долгое время являлся командующим терско-кизлярским войском. Эльмурза умер в 1765 г. в Кизляре. У Эльмурзы осталось семь сыновей: Девлет-Гирей, Темирбулат, Касбулат, Инал, Аамаз, Урусхан и Бекмурза. Все они также были военными. Девлет-Гирей был «незаконным», прижитым от холопки, сыном Эльмурзы. Девлет-Гирей среди «законных» сыновей Эльмурзы занимал положение тума. Девлет-Гирей отличался жестоким характером. Заподозрив свою родную мать в недостойном поведении, Девлет-Гирей вырезал ей груди, отчего она умерла в Кизляре. Род Бековичей-Черкасских всегда пользовался большим вниманием со стороны царской России. Потомки Александра и Эльмурзы Бековичей-Черкасских царским правительством были наделены значительными участками земли, награждались военными чинами и получали пожизненные пенсии.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ *V.* ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Абживский округ 646, 647
Абхазия 641-643, 646, 655, 657, 813
Адыгея 821
Аргунский округ 672, 811
Астемиров - аул 672
Атажукин - аул 766, 672
Ах лов - аул 672
Ашабов - аул 672

Б

Баксанский участок 748, 763
Балкарское об-во 800, 812
Безенгиевское об-во 800, 812
Бекович - аул 803, 804
Бзыбский округ 643, 646
Большая Кабарда 617, 628, 632, 662, 674, 678, 680, 685, 701, 756, 799, 806, 812,823
Бороков - аул 671

В

Владикавказ - город 617, 741, 821
Владикавказский воен. окр. 798, 811, 812

Г

Георгиевский округ 808-810
Горский участок 748, 763
Грозненский округ 810, 811
Грузия 694,726, 813
Гукежев - аул 672

Д

Дагестан 657, 658, 815
Дагестанская АССР 812, 815
Дагестанская обл. 654, 812
Джанхотов - аул 671
Дзауджикау - столица Сев.-Осетин. АССР. 812, 823
Докшукин - аул 672
Жаноков - аул 672
Жанхотов - аул 672, 810

З

Закавказский край 616, 652, 813
Закавказье 624, 673, 817
Золка - река 800, 802
Зольская ст-ца 801, 803

И

Иналов - аул 672
Ичкерийский окр. 672, 811
Ингушский округ 672, 805, 811

К

Кабарда 610-619
Кабардинский округ 616, 617, 619, 621, 622, 624, 627, 628 и т. д.
Кавказ 609,620,650,652 и т. д.
Кайтаго-Табасаранский округ 657, 658,815
Каширокoв - аул 672
Кескем - аул 805
Кисловодск 674, 715, 744
Коголкин - аул 672
Кожоков - аул 671
Коново - аул 808, 810
Кубанская обл. 654, 656, 701, 702, 744, 760
Кубань 698, 797
Куденетов - аул 672
Кумыкский округ 657, 672, 700, 742, 790,811
Курдюковская - станица 822
Курп - река 804
Кучмазукин - аул 672

Л

Лафишев - аул 671
Лудгун - сел. 657

;'

* Неполный, относится только сборнику документов «Крестьянская реформа в Кабарде».

М

Малая Кабарда 612, 617, 628, 632, 657, 662, 678, 697, 703, 756, 799, 801, 803,806,812.823
Малка - река 632, 813
Малокабардинский участок 748, 763, 772, 803, 804
Малокабардинский хребет 804
Мартан - сел. 811
Мингрелия 652
Мисостов - аул 672
Муртазов - аул 671

Н

Нагорный округ 672, 781, 811
Назрановский округ 812
Нальчик 617, 662, 671, 672, 698, 702, 703, 704, 734, 740,812
Нальчикский - аул 672
Наурузов - аул 672
Новогладковская ст-ца 822

О

Орджоникидзе - город 821
Осетинский округ 672, 700, 742, 790
Осетия 657, 659, 781

П

Петербург 618, 692, 705
Порта 647
Пседах - аул 805, 810, 811

Р

Россия 614, 615, 624, 664, 673, 694
Ростов-Дон 814
Рязанское княжество 822

С

Самурзакань в Абхазии 643, 646, 647, 813
Самурский округ 657, 658
Сев. Кавказ 609, 615, 616, 673, 803
Северо-Кавказ. равнина 822, 823
Сев.-Осет. АССР 614, 612
Солдатская - ст-ца 801
Ставропольская губ. 677, 726, 817
Сунжа - река 797, 822
Сухум 643, 666, 813
Сухумский воен.отд. 642, 643, 646, 813
Сухумский отдел 646

Т

Тамбиев аул 672, 814
Терек - река 804, 822, 823
Терская область 609, 614, 619, 620 и т. д.
Тифлис 641, 647, 653, 697, 701, 702, 706, 752 и т. д.
Тлостаналиев - аул 672
Турция 613,617,647, 648, 696, 703, 704,800
Тыжев - аул 671

У

Урусбиевское об-во 735, 800, 812

Х

Хуламское общество 800, 812

Ц

Цебельда - район в Абхазии 643

Ч

Чегемское об-во 737, 800, 812
Червленая - ст-ца 822
Черекский участок 748, 763, 771
Чечня 781,814

Щ

Щедринская - ст-ца 822

Э

Этока - река 800, 802
Эрзерум - крепость 814

Я

Ялаг - селение 657

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

А

Абаев - юнкер 639, 665, 765
Абазеков 808
Абдрахманов 632, 802
Абидов Х. 671
Абреков П. 672
Авалиани С. Л. 614,626
Агоев М. 771
Аликов Б. У. 808
Аличюков М. 766
Анзоров - подполковник 639, 647, 648, 665, 667, 671, 734, 793
Анзоров Адиль-Гирей-капитан 665, 667,671, 734
Анзоров И.-поручик 665, 671, 734
Аншев Ш.- корнет 665
Апшев А. 765, 766
Апшев Изм. 764, 765
Асланукиев 3.— мулла 811
Астемиров-майор 665, 667, 671, 734
Астемиров-подпоручик 667
Атажукин - князь 647, 648, 665, 667, 671,734, 763-765
Атажукин Т. 765, 766
Афаунов А. 808
Афашагов М. 765
Ахметов Б. М. 767, 768

Б

Бабугов А. 665, 671, 734
Бабугоев М. 766
Багов Усман 764
Баратов - князь 646
Балкаровы 737
Барсбиев С. 665
Барятинский
Барсбиев М. 665
Батов М. 770
Батыжев С- старшина 811
Бахамов 672
Бекмурзины 823
Бековичи-Черкасские-князья 798, 803, 804, 805, 822, 823, 824
Белонович 803
Бесленеев Ю. 765
Бжеников Ц. 671
Бжехоков К. 771
Бибиков 812
Бижов К. 672
Боготов Э. 672
Богуславский- ген.-майор 653, 654, 659,813
Боков - штабс-капитан 743
Борсов Б. Ж. 672
Будаев К. 770
Булатов Э.- поручик 665, 667, 671, 734

В

Воронов - нач. отд. Кавк. воен. округа 794
Воронцов - князь 798, 815

Г

Гафак 764
Гедгесров Т. 672
Генардуко 808
Гиляксанов, кн. 822, 823
Грабовский Н. 626
Гукетлов И. 764, 765

Д

Далай 768
Даутов Х. 672
Даутоков П. 665
Дахпачев Х. 808
Дерев Ж.- подпоручик 667
Джанхотовы 787
Джоноков - уздень 734
Дигов У. 672
Дишеков М. 639, 665, 667, 672
Докшукин 665, 772
Донов И. 771
Дудова К. 769
Дукмасов - полк. 745
Дыкинов 764

Е

Евдокимов-генерал 823
Ермолов А. П.-генерал 613, 663, 698

Жабуева К. 769
Жамбеков Э. 771
Жануев Х. 768
Жатанбаев К. 672
Жегоков М.- нарсудья 734
Жендаров К. 672

Женоков 667, 671 ,(;;;,!
Жилохожев 665
Жогишев - подпоручик 734

З

Заруков У. 771
Захмиш 767
Зеков Б.- холоп 766
Зиссерман — генерал 823

И

Ибрагимов Л. 769, 770
Исламов-поручик 665, 667, 671, 734

К

Кавсар 768
Кагкаров Х.- аталык 769
Кажанов А. 671
Кажаров М. 672
Казаншев М. 764, 766
Кази-Мулла 797
Карашаев И. 765
Кардов 771
Кармов III.- подпоручик 671, 734
Карцов-ген.ад-т 619, 640, 641, 642, 649, 652, 654, 659, 701, 702 и др.
Карту лов К. 672
Касаев - князь ббб, 667, 671, 734
Келеметов - князь 823
Кельды У. 764
Керек 768
Кертов Б. 671
Кинязев Э. 672
Киржинов И. 772
Коголкин - прапорщик 665, 667
Кодзоков - статский советник 647, 650,651,807,814,815
Кожоков - корнет 639
Койчу - холоп 770
Кокиев Г. А.- проф. 626, 821
Коков Б. 764
Коленко - шт.-капитан, пред. посред. суда 774, 793
Колов - подпоручик 665
Кониар - полк. 643
Кончокин - князь 822
Кочесоков У. 808
Кропоткин - губернатор 814
Крюков - хорунжий 764, 765, 767, 768, 808
Кубалов Х. 672
Кудашев Ж.- уздень 772
Куденетов-штабс-капитан 639, 665, 667,671,734,793
Кулиев М. 770
Кумуков Г.-мулла 765
Кумыков И. 810
Кумыков С- мулла 810
Куныжев А. 665
Курашинов И. 765, 766
Кучмазукин-штабс-капитан 665
Кучуков — князь 764

Л

Ладыженский-штабс-капитан 774
Лампежев Э. 665
Ленин В. И. 625, 626
Лизажов Ж. 765
Лорис-Меликов М. Т. - ген.-ад.-т. 619,647, 650, 661, 665, 666, 701-704 и др.

М

Мазараки - капитан 774
Максимов Е. 613, 626
Малкондуев - холоп 767
Малухов С. 771
Мамхегов Ш. 665
Маремов С- холоп 765
Маремов Я. 766
Маркс К. 614, 626
Маршанкулов 765
Масловский - майор 807
Мафетов 672
Машхегов Г. 672
Меремуков И. 672
Метежев А. 772
Метов Н.- холоп 766
Мехтулинский - дагест. хан 659, 816
Мечелукев М. 672
Мирзаев Ж.- член посреди, суда 665, 667, 671, 734, 793
Мисаковы 635
Мисостов А.- князь 618, 692, 816
Мисостов И. Х. 766
Мисостов Т. 665
Мисостов Б. 765, 766
Михаил - великий князь 616, 652, 665, 692, 737, 740, 743, 744, 774, 782, 791
Момошев И. 665
Муилов С. 765
Муртазов - корнет 665

Н

Напцев М. 766
Наурузов - князь 665, 667, 671, 734, 771
Нижамоков Ч. 672
Никольский-поручик 649, 651,742, 744
Нурид А. А.- полковник 617, 619, 622, 628, 639, 650, 661, 662, 672, 700 и др.

О

Обезеванов А. 808
Озроков М. 765
Ортобаев Д. 770

П

Павлов - полковник 652, 653,654, 659, 778, 780, 782
Петр I 823
Пирхичев 3. 665
Пшехохов Б. 672
Пшихоор Х. 765
Пшуков М. Х. 808

С

Сабсуговы У. 771
Саинов Э. 765
Сибеков 672
Сидаков - корнет 639
Сижажев М. 764, 766
Смекалов - капитан 701, 706, 711, 742, 744, 774, 778, 792
Старосельский- полковник 642, 653, 654, 659, 660, 674, 711, 740, 748, 773, 790,803, 807
Старцев - подпоручик 759, 774, 780, 783
Суншев К. 665, 767

Т

Тавкешев Ц. 667
Талов Т. 768
Тамбиев - полковник 665
Тамбиев А.- подполковник 665
Тамбиев 3.- поручик 665, 734
Тарковский - шамхал 659, 816
Таукешев Ц.- уздень 665
Таусултанов - князь 667, 671
Тембеков У. 766
Темирканов И. 672
Тенов - подпоручик 639
Теуважев Ш. 672
Теувежев С. 764
Тлостаналиев - князь 665
Тлыжуков О. 671
Тохов И. 665, 667
Тохтамышев М. М. 665
Трамов Д. Х. 765
Туков И. 771
Туманов - князь 653, 654, 659, 782, 813
Тхокохов Т. 772
Тыжев П. 665, 667, 671, 734
Тяжгов-майор 665

У

Уважуков Г. 672
Укев М. 672
Унажоков Х. 672
Унароков Э. 665
Уначев К.- член посреди, суда 671, 793
Урусбиев М. 769, 770
Урусхан 766
Ухов М. 672

Уянов С. 770

Х

Хабжов А. 765
Хадекиев К. 765
Хаджиев Я. 770
Хаймашев К.- член посреди, суда 793
Хакулов Х. 672
Хакяшев Х. 766
Хапцев К.- прапорщик 665
Хапцев А.- уздень 667
Хасанов С. 766
Хатамшиков О. 808
Хатыра 808
Хацуков Ш. 765
Хашев М. 672
Хетагуров В. 672
Хуранов Х. 808
Хогундоков 3.- юнкер 665

Цемиров - подпоручик 774

Ч

Чагав - аульный мулла 764
Чархов Ш. 672

Чепалов А. 768, 769
Черепов 642
Черкасский Е. Б. 823
Черкесов - полковник 620, 623, 627, 653, 654, 659, 712, 716, 717, 725 и др.
Чеченов Д. 672
Чуланов У. 770

Ш

Шаваев К. 770
Шагаров И. 771
Шакманов И. 767
Шамиль 822
Шамборов Х.- юнкер 665, 667
Шанибов Я. 734
Шарданов Б. 672, 734. 764, 765, 766, 769
ШебзуховК. 765, 766
Шенибов Я. 665
Шервашидзе Д.- князь 646, 813
Шерсужев У.- юнкер 665
Шидов М. 764, 765
Шипшев - майор 665, 671
Шмидт 666
Шогенов Г. 667, 764, 765, 772
Шогенов Н. 772
Шогенов С. 764
Шогенов У. 665
Шогенов Х. 665
Шогенов Ш. 665, 766
Шурдумов Т. 765

Э

Эллизен-штабс-капитан 743, 774
Энгельс 614, 615, 626 и др.
ЭристаовК. 665, 667, 671, 734
Этезов К. 770
ЭфендийА. 764, 767, 769

Я

Яров - землемер 806

ПЕРЕЧЕНЬДОКУМЕНТОВ

1. Рапорт канцелярии по Управлению кавказскими горцами от 4 июня 1864 г. за № 873 начальнику Терской области о сборе сведений о горских сословиях вообще и несвободных преимущественно.

2. Циркуляр начальника Терской области от 17/21 февраля 1866 г. за № 528 начальнику Кабардинского округа с требованием сведений о зависимых сословиях в Кабарде.

3. Рапорт Кабардинского окружного народного суда от 29 июня 1866 г. за № 353 начальнику Терской области с приложением сведений о зависимых сословиях в Кабардинском округе и их повинностях.

4. Рапорт канцелярии начальника Терской области от 9 июля 1866 г. за № 2217 Кавказскому горскому управлению со сведениями о зависимых сословиях в Кабардинском округе.

5. Рапорт Кавказского горского управления от 8 июля 1866 г. за № 3292 начальнику Терской области о сборе дополнительных сведений о зависимых сословиях и их повинностях.

6. Инструкция от 28 июня 1866 г. за № 3157, данная начальнику Кавказского горского управления титулярному советнику Черепову о сборе сведений о зависимых сословиях в Абхазии.

7. Письмо начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 20 июля 1866 г. за № 22 председателю Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области коллежскому советнику Кодзокову о нежелательности отправить кабардинскую депутацию в Турцию для выяснения положения горских переселенцев.

8. Циркуляр канцелярии начальника Терской области от 23 июля 1866 г. за № 27 начальнику Кабардинского округа о сборе дополнительных сведений о зависимых сословиях в Кабарде.

9. Предписание канцелярии начальника Терской области от 23 июля 1866 г. за № 28 председателю Комиссии по правам личным и поземельным горского населения Терской области Кодзокову о сборе сведений о зависимых сословиях в Кабарде.

10. Предписание канцелярии начальника Терской области от 23 июля за 1866 г. № 29 начальнику Кабардинского округа об оказании возможной помощи председателю сословной комиссии Кодзокову при сборе сведений о зависимых сословиях в Кабарде.

11. Предписание канцелярии начальника Терской области от 23 июля 1866 г. за № 30 начальнику Кабардинского округа с приложением протокола первого заседания комитета по освобождению зависимых сословий в горских областях Кавказа.

12. Отношение комитета по освобождению зависимых сословий у горских народов от 2 июля 1866 г. за № 4 начальнику Терской области об организации комитета с приложением протокола первого заседания его.

13. Предписание Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила от 16/17 апреля 1866 г. за № 1759 генералу Карцеву об организации при наместнике особого комитета по крестьянским делам и его личном составе.

14. Журнал главного комитета по освобождению зависимых сословий у горских народов от 4 июня 1866 г. за № 1.

15. Рапорт Кавказского горского управления от 11 июля 1866г. за № 3332 начальнику Терской области о запрещении продажи крепостных крестьян и их перехода из одного места на другое.

16. Циркуляр канцелярии начальника Терской области от 24 июля 1866 г. за № 35 начальнику Кабардинского округа о прекращении прода-

жи зависимых сословий и передвижения их из одного места на другое без ведома местной администрации.

17. Приказ начальника Терской области по войскам и управлениям Терской области от 31 июля 1866 г. за № 100 о запрещении продажи холопов.

18. Предписание канцелярии начальника Терской области от 24 июля 1866 г. за № 32 начальнику Кабардинского округа с требованием дать сведения о лицах, находящихся в административно-полицеской зависимости от туземных владетелей.

19. Письмо начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 2 августа 1866 г. за № 1600 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с просьбой принять депутацию от кабардинского народа по вопросу освобождения холопов в Кабарде.

20. Докладная записка выборных Большой и Малой Кабарды и Горских обществ от 8 августа 1866 г. начальнику Терской области об освобождении зависимых сословий в Кабарде за выкуп на основании взаимных между феодалами и зависимыми крестьянами соглашений.

21. Телеграмма начальника Терской области от 9 августа 1866 г. Главнокомандующему Кавказской армией об одобрении принципов, выдвинутых кабардинскими феодалами для освобождения зависимых сословий.

22. Телеграмма наместника Кавказского Великого князя Михаила от 10 августа 1866 г. за № 56 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с выражением благодарности кабардинским феодалам за содействие правительству в проведении освобождения крестьян.

23. Докладная записка представителей и уполномоченных кабардинского народа начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об освобождении зависимых сословий в Кабарде.

24. Проект правил для освобождения зависимых сословий в Кабарде, представленный начальнику Терской области представителями владельческого и зависимого сословий.

25. Рапорт начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. за № 2823 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией с изложением принципов, на основании которых могут быть освобождены зависимые сословия в Кабарде.

26. Докладная записка о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев, приложенная к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. за № 2823 на имя помощника Главнокомандующего Кавказской армией.

27. Письмо полковника Нурида от 14 сентября 1866 г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с просьбой дать распоряжение для объявления кабардинским владельцам, собравшимся в Нальчике, о приступлении к освобождению зависимых сословий в Кабарде по народным обычаям.

28. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 15 сентября 1866 г. капитану Смекалову.

29. Телеграмма помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карпова от 16 сентября 1866 г. за № 846 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о разрешении кабардинским феодалам приступить к освобождению зависимых сословий на основе местных обычаев.

30. Телеграмма помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцова от 18 сентября 1866 г. за № 954 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с запросом о ходе освобождения крестьян в Кабарде.

31. Телеграмма помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцова от 19 сентября 1866 г. за № 1029 начальнику Терской

области ген. Лорис-Меликову с просьбой информировать о ходе освобождения крестьян в Кабарде.

32. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 16 сентября 1866 г. за № 161 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцову с просьбой дать распоряжение приступить к освобождению крестьян в Кабарде.

33. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 20 сентября 1866 г. за № 209 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцову о разногласиях среди кабардинских феодалов по вопросу об освобождении крестьян.

34. Письмо начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 17 сентября 1866г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о настроении кабардинцев по вопросу об освобождении зависимых сословий.

35. Письмо начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 21 сентября 1866г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о ходе освобождения зависимых сословий в Кабарде.

36. Выписка из письма ген. Карцова от 21 сентября 1866 г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об утверждении проекта освобождения крестьян в Кабарде и перспективах проведения в жизнь этого проекта.

37. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 23 сентября 1866 г. помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцову о ходе освобождения крестьян в Кабарде и об организации местного комитета.

38. Письмо помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцова от 28 сентября 1866 г. за № 4378 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о желании правительства, чтобы кабардинские феодалы сами приступили к разрешению крестьянского вопроса путем заключения добровольных с холопами соглашений.

39. Письмо начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 24 сентября 1866г. за № 2985 помощнику Главнокомандующего армией ген. Карцову о ходе крестьянской реформы в Кабарде.

40. Письмо начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 25 сентября 1866 г. за № 2981 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду.

41. Письмо полковника Старосельского от 30 сентября 1866 г. за № 4495 Смекалову о порядке проведения крестьянской реформы в Кабарде.

42. Письмо полковника Старосельского от 9 октября 1866 г. за № 4673 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с резолюцией ген. Карцова.

43. Зависимые сословия в Кабарде, личные и имущественные права и их повинности.

44. Записка полковника Черкесова от 22 сентября 1866 г. по поводу доклада начальника Кабардинского округа полковника Нурида об освобождении зависимых сословий в Кабарде.

45. Предписание начальника Терской области от 29 октября 1866 г. за № 61 начальнику Кабардинского округа с требованием списков освобожденных холопов в Кабардинском округе.

46. Возражения начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 3 ноября 1866 г. на критические замечания полковника Черкесова по вопросу об освобождении зависимых сословий в Кабарде.

47. Докладная записка полковника Черкесова от 15 ноября 1866 г., содержащая точку зрения автора по вопросу об освобождении зависимых сословий в Кабарде.

48. Основания, на которых комитет предполагал приступить к освобождению крестьян в Кабардинском округе.

49. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 18 ноября 1866 г. Главнокомандующему Кавказской армией о том, что в Кабарде уже приступлено к освобождению крестьян.

50. Телеграмма кабардинских феодалов от 18 ноября 1866 г. Главнокомандующему Кавказской армией с выражением преданности и признательности.

51. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 19 ноября 1866 г. помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцеву об обнародовании предписания кавказского наместника об освобождении зависимых сословий в Кабарде.

52. Повинности зависимых крестьян в Горских обществах Кабардинского округа.

53. Предписание Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила от 1 октября 1866 г. за № 4779 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об основных принципах освобождения крестьян в Кабарде.

54. Рапорт начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 27 ноября 1866 г. за № 3675 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцову о ходе освобождения зависимых сословий в Кабарде.

55. Предписание начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 26 ноября 1866 г. за № 3689 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду с руководящими указаниями для проведения крестьянской реформы в Кабарде.

56. Телеграмма Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила от 28 ноября 1866 г. с выражением благодарности от имени царя кабардинскому народу.

57. Телеграмма Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову.

58. Телеграмма начальника Терской области ген. Лорис-Меликова капитану Смекалову.

59. Письмо начальника Кубанской области от 29 ноября 1866 г. за № 113 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об обмене опытом в разрешении крестьянского вопроса в горских областях Кавказа.

60. Предписание главнокомандующего Кавказской армией от 12 декабря 1866 г. за № 15 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову о пореформенном устройстве освобожденных крестьян.

61. Рапорт начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 20 января 1867 г. за № 180 помощнику Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцову об организации для проведения крестьянской реформы посреднических судов в Кабарде.

62. Инструкция для мировых посреднических судов, учрежденных в Кабардинском округе при освобождении крестьян.

63. Форма шнуровой книги для внесения условий, на которых освобождались холопы.

64. Форма акта, который вместо уставных грамот выдавался освобожденным холопам.

65. Сводная ведомость о количестве зависимых крестьян, освобожденных из рабства, в горских областях Терской области.

66. Письмо начальника Терской области ген. Лорис-Меликова начальнику Кабардинского округа полковника Нуриду о беспорядках в Кабарде и о насаждении частного землевладения.

67. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 23 февраля 1867 г. за № 145 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об экономическом устройстве освобожденных в Кабарде зависимых крестьян.

68. Письмо начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову от 14 марта 1867 г. за № 41 с приложением выписки из проекта правил, на основании которых должны были освободить унаутов в Кубанской области.

69. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 2 декабря 1866 г. за № 724 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с приложением статистических данных о количестве логанаутов и тридцати актов, заключенных между владельцами и освобожденными холопами до официального объявления распоряжения правительства об отмене крепостного права.

70. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 14 марта 1867 г. за № 359 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об окончании освобождения зависимых сословий в Кабарде с приложением ведомости о количестве освобожденных.

71. Письмо ген. Старосельского от 24 апреля 1867 г. за № 1861 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с приложением копии с приказа наместника Кавказа по Кавказскому военному округу от 23 апреля 1867 г. за № 49.

72. Письмо помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген. Карцова от 16/24 апреля 1867 г. за № 1852 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с объявлением благодарности по случаю благополучного завершения освобождения зависимых сословий в Кабарде административным лицам, принимавшим участие в проведении крестьянской реформы.

73. Приказ начальника Терской области ген. Лорис-Меликова от 15 мая 1867г. за № 58 по войскам и управлениям Терской области с выражением благодарности чинам областной администрации, принимавшим участие в проведении крестьянской реформы в Кабарде.

74. Предписание канцелярии начальника Терской области от 31 мая 1867 г. за № 1465 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду с требованием дополнительных сведений об освобожденных холопах в Кабарде.

75. Письмо ген. Старосельского от 30 мая 1867 г. за № 2594 капитану Смекалову об ассигновании средств на содержание чинов посреднических судов и компенсацию владельцев.

76. Предписание начальника Терской области от 14/17 июня 1867 г. за № 1706 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду о приравнении в земельном отношении освобожденных холопов к свободному населению Кабарды и о предполагаемых для освобождаемых холопов льготах.

77. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 2 июля 1867 г. за № 1015 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову с приложением ведомости о количестве и условиях освобождения рабов в Кабардинском округе.

78. Рапорт канцелярии начальника Терской области от 10 августа 1867 г. № 2490 Кавказскому горскому управлению с приложением сводной ведомости о количестве зависимых сословий в Терской области.

79. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 5 октября 1867 г. за № 1764 начальнику Терской области с приложением цифровых данных о бесплатно освобожденных в Кабарде холопах.

80. Письмо полковника Павлова от 19/20 сентября 1867 г. за № 4693 капитану Смекалову о предоставлении фамилий кабардинских рабовладельцев, бесплатно освободивших своих рабов, для опубликования в газете «Кавказ».

81. Отношение начальника Терской области от 25/27 сентября 1867 г. за № 3152 начальнику Кавказского Горского управления с просьбой объявить благодарность кабардинским рабовладельцам, освободившим своих рабов безвозмездно.

82. Предписание Кавказского Горского управления от 14/20 октября 1867 г. за № 4692 и. д. правителя канцелярии начальника Терской, области о высылке сведений по вопросу об освобождении зависимых сословий у горских народов.

83. Рапорт начальника Кабардинского округа полковника Нурида от 11 июля 1867 г.'за № 1017 начальнику Терской области об освобождении зависимых сословий в Кабарде от государственных повинностей на 6 лет, т. е. на время их состояния во временных обязанностях к своим бывшим владельцам.

84. Рапорт начальника Терской области от 20 ноября 1867 г. за № 4057 Главнокомандующему Кавказской армией об освобождении временнообязанных крестьян от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет со дня объявления правительственного распоряжения об освобождении зависимых сословий.

85. Рапорт Кавказского горского управления от 4/5 октября 1867 г. за № 5122 начальнику Терской области с объявлением от имени кавказского наместника Великого князя Михаила благодарности кабардинским феодалам за бесплатное освобождение своих холопов.

86. Приказ начальника Терской области по войскам и управлениям Терской области от 30 ноября 1867 г. за № 145 с выражением благодарности кабардинским князьям за безвозмездное освобождение своих рабов.

87. Письмо правителя канцелярии и начальника Терской области от 15 декабря 1867 г. за № 4916 начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду дать сведения о повинностях каракишей.

88. Отношение начальника Кабардинского округа от 18 декабря 1867 г. за № 3051 канцелярии начальника Терской области с приложением перечня повинностей каракишей.

89. Рапорт начальника Кабардинского округа от 18 декабря 1867 г. за № 2053 начальнику Терской области с изложением порядка компенсации владельцам за холопок, выходящих замуж до истечения срока временных обязательных отношений.

90. Письмо ген. Старосельского от 4/5 февраля 1868 г. за № 754 начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об объявлении имен и фамилий рабовладельцев, освободивших некоторых своих холопов безвозмездно, в газете «Терские ведомости».

91. Текст благодарности Кавказского наместника кабардинским рабовладельцам, бесплатно освободившим своих рабов.

92. Предписание Кавказского наместника от 25 апреля 1868 г. № 2359 начальнику Терской области об освобождении временнообязанных крестьян от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет начиная от 18 ноября 1866 г.

93. Предписание начальника Терской области от 1 мая 1868 г. за № 1287 начальнику Кабардинского округа об освобождении временнообязанных крестьян от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет начиная от 18 ноября 1866 г.

94. Рапорт начальника Кабардинского округа от 19 сентября 1868 г. № 769 начальнику Терской области с приложением журнального постановления мирового посреднического суда от 10 сентября 1868 г. за № 62 о том, что жалобы временнообязанных о неправильном их порабощении в прошлом будут приниматься к разбирательству только до 1 января 1869 г.

95. Отношение начальника Терской области от 25 ноября 1868 г. за № 3573 начальнику Кавказского горского управления с просьбой разрешить рассматривать заявления временнообязанных крестьян о неправильном их порабощении только до 1 января 1869 г.

96. Рапорт Кавказского горского управления от 20 января 1869 г. за № 262 начальнику Терской области о том, что предельным сроком для подачи в посреднический суд заявлений временнообязанными о неправильном их порабощении назначено 1 марта 1869 г.

97. Предписание начальника Терской области от 31/3 января-февраля 1869 г. за № 304 начальнику Кабардинского округа о том, что окончательным сроком для подачи заявлений в посреднический суд о неправильном порабощении временнообязанных устанавливается 1 марта 1869 г.

98. Предписание канцелярии начальника Терской области от 4 октября 1869 г. за М> 3562 начальнику Кабардинского округа представить сведения об освобождаемых холопах.

99. Рапорт начальника Кабардинского округа от 19 октября 1869 г. за № 2324 начальнику Терской области с приложением сведений о количестве холопов, освобождаемых в Кабардинском округе.

100. Отчет о деятельности Комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области с 1 октября 1863 г. по 1 января 1869 г.

101. Рапорт начальника Георгиевского округа от 8 мая 1873 г. за № 1342 начальнику Терской области о том, что временнообязанные села Коново не могут быть освобождены от уплаты выкупа владельцам.

102. Прошение временнообязанных крестьян сел. Копово от 27 марта 1873 г. начальнику Терской области об уменьшении причитающейся с них выкупной платы в пользу их бывших владельцев.

103. Предписание начальника Терской области от 12 мая 1873 г. за № 1782 начальнику Георгиевского округа объявить временнообязанным крестьянам сел. Коново, чтб их прошение об уменьшении размера выкупной платы оставлено без последствий.

104. Прошение жительницы сел. Жанхотово Ааши Киноевой-Чантиевой от 7 мая 1874 г. начальнику Терской области ген. Лорис-Меликову об освобождении ее дочерей от обязанностей в отношении наследника ее бывшего владельца и разрешении ей переселиться в сел. Пседах.

,3 **КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В КАБАРДЕ В 1867 г.**

ВВЕДЕНИЕ

Один дореволюционный исследователь истории горских народов Северного Кавказа в статье, посвященной двадцатилетию освобождения крепостных крестьян в Терской области, в 1892 г. писал следующее: «В первых числах июля настоящего года оканчивается 25 лет со времени освобождения зависимых сословий у туземцев Терской области. Событие это, еще не отмеченное нашей периодической печатью, заслуживает особого внимания как по тем полным чрезвычайной важности последствиям, которые принесло оно в экономическую жизнь туземного населения, так и по связи своей с неразрешенным еще здесь основным вопросом. Освобождение крестьян от крепостной зависимости в России до сих пор продолжает вызывать не только ученые исследования, но и популярные очерки. Аналогичный же факт на Кавказе, к сожалению, почти не привлекает внимания ни органов периодической прессы, ни ученых деятелей»[1].

Спустя свыше 20 лет после того, как были написаны приведенные строки, в 1914 г. другой исследователь также вынужден был констатировать, что «вопрос о положении зависимых сословий на Северном Кавказе мало привлекал внимание ученых исследователей»[2].

Первого из приведенных авторов отделяет от нас время свыше 60 лет, а второго - свыше 40 лет. И тем не менее, если не считать единственной моей работы, посвященной освобождению зависимых сословий у осетин [3], то мы и сейчас с сожалением должны сказать, что вопрос об освобождении зависимых сословий у горских народов Северного Кавказа все еще продолжает оставаться в том же запущенном состоянии, в каком он и находился 60 и 40 лет тому назад. Это, однако, не значит, что в дореволюционной историографии не появились отдельные очерки и статьи, посвященные интересующему нас вопросу. Появлялись в дореволюционной историографии посвященные освобождению зависящих сословий у горских народов статьи и очерки, но ни одна из этих работ ни по своей полноте, ни по широте использованного материала не может быть признана сколько-нибудь удовлетворительной. Среди этих статей и очерков имеются также и такие, которые, изобилуя ошибками фактического характера, искажают социально-экономическую обстановку, в которой была осуществлена крестьянская реформа 1867 г. у горских народов Северного Кавказа. ...,-, , £ .....

Первая по времени статья, посвященная крестьянской реформе в Кабарде и подписанная «С», была составлена, как можно полагать, на основании личных наблюдений автора и напечатана в год освобождения крестьян в газете «Кавказ»[4]. В этой статье автор, говоря о крепостном праве у кабардинцев, правильно отмечает, что «кто будет судить о нем по крепостному праву, существовавшему в России, ошибается», так как крепостное право в Кабарде имело свои специфические черты. К этим специфическим чертам автор не без основания относит то, что «кабардинский крепостной, отбывающий известные повинности своему господину, имеет, в свою очередь, нередко своих крепостных».

К специфическим особенностям крепостного права в Кабарде автор относит также наличие в Кабарде будто бы только натуральной и отсутствие отработочной и денежной рент. «Здесь,- пишет автор,- нет денежной повинности, а есть одна только натуральная, заключающаяся в известного рода услугах и работах и в поставке известных предметов, но эта повинность до такой степени разнообразна, что с первого раза не знакомому с нею покажется непонятной».

Нетрудно заметить, в какое противоречие впадает автор в своем утверждении. Он отрицает наличие денежной ренты и утверждает, что в Кабарде «есть одна только натуральная» рента, которая, однако, как вытекает из дальнейшего пояснения автора, включает в себя и отработочную (услуги и работы), и натуральную (поставка известных предметов) ренты.

Можно сомневаться в наличии денежной ренты, но нет никаких оснований сомневаться в наличии в Кабарде накануне крестьянской реформы отработочной и натуральной рент. Симпатии автора статьи явно были на стороне рабовладельцев, «гуманность» которых по отношению к своим крепостным крестьянам приводит его в умиление. «Нельзя не удивляться той гуманности,- пишет он,- с которой относились кабардинские владельцы к своим крепостным при освобождении». А далее оказывается, что «гуманность» кабардинских рабовладельцев заключалась в том, что по составленным ими самими предварительным правилам, утвержденным потом начальством, выкупная плата за здорового, физически способного работника (от 15 до 45 лет) была назначена в 200 руб., которую освобождаемый крестьянин уплачивал своим 6-летним рабочим трудом в хозяйстве своего прежнего феодала.

Тем не менее автор правильно осветил точку зрения царского правительства на вопрос об освобождении зависимых сословий у горских народов и оппозиционное вначале отношение кабардинских рабовладельцев к освобождению крепостных крестьян. Царская администрация категорически заявила кабардинским рабовладельцам, что «правительство, освободив миллионы рабов, не может в этом случае сделать для них ис-

ключение» и что «как Баксан не может обратиться течением своим назад в горы, так и дело освобонедения рабов не может остановиться». После такого категорического заявления кабардинские владельцы призадумались над тем, как они будут жить без крепостных, но потом пришлось «подчиниться воле администрации, убедившей их, что в предстоящей крестьянской реформе классовые интересы рабовладельцев максимально будут защищены».

Вторая по времени статья, относящаяся к вопросу об освобождении крепостных крестьян в Кабарде, принадлежит Е. С-ву[6] и датируется годом окончания крестьянской реформы в Кабарде. Автор статьи попытался дать обзор зависимых сословий в Кабарде и охарактеризовать их повинности по отношению к феодалам. Но, к сожалению, поставленные вопросы не получили в статье сколько-нибудь удовлетворительного разрешения. Все зависимые сословия в Кабарде автор сводит к трем категориям: а) унауты - холопы безобрядные, или беззащитные, для которых местный обычай не устанавливает никаких • ограждающих их личность правовых норм, а полностью представляет их произволу рабовладельцев; б) логанауты, или холопы обрядные, адатные, которые хотя и находились в личной зависимости от феодалов, но отношения их к владельцам устанавливались и регулировались местным обычным правом; в) оги — лично-зависимые крестьяне, несшие повинности, виды и размеры которых были строго регламентированы местным обычным правом.

Таким образом, изложенная в статье Е. С-ва схема феодальной структуры Кабарды, совершенно не касаясь привилегированных феодальных сословий, учитывает только три категории зависимых крестьян - логанаутов, унаутов и огов. Что касается других зависимых категорий: азатов, льхава, хабзанша и михифатц,- то они вовсе выпали из социальной структуры феодальной Кабарды. Повинности крепостных крестьян в статье изложены крайне схематично, без какой-либо классификации, а потому невозможно составить о них сколько-нибудь полного представления.

Статья неизвестного автора под названием «Некоторые сведения о Кабарде и об освобождении в ней зависимых сословий»[6] посвящена 25-летию освобождения крестьян в Кабарде. В первой части статьи изложены краткие исторические и географические сведения о Кабарде.

Во второй части дана характеристика зависимых сословий в Кабарде накануне их освобонедения, а также приводятся статистические данные о населении Кабарды в этот период. Статья в части, касающейся освобождения зависимых сословий в Кабарде, ничего нового не дает. Но приводимые статистические данные о количестве населения в Кабарде, позаимствованные из разных источников, имеют некоторый интерес, тем более, что

по этому вопросу другими данными мы не располагаем. Из этих статистических данных выясняется следующая картина населения Кабарды.

Годы	Где	Количество населения обоего пола	Всего
1835	в Большой Кабарде	24 000	30 000
1835	в Малой Кабарде	6 000	-
1858	в Большой Кабарде	. 24 000	37 088
1858	в Малой Кабарде	12 756	-
1868	во всей Кабарде	54 224	54 224
1876	во всей Кабарде	78 807	78 807
1890	в Большой Кабарде	56 004	70 183
1890	в Малой Кабарде	14 179	-

Обращает на себя внимание ничтожный количественный рост населения в Большой Кабарде и, наоборот, громадный рост его в Малой Кабарде в 1858 г. по отношению с 1835 г. За 23 года население Большой Кабарды увеличилось всего на 282 человека, а население Малой Кабарды за это же время увеличилось на 6757 человек.

Объясняется это, быть может, как неполнотой и отрывочностью имеющихся в нашем распоряжении статистических данных, так и другими причинами, связанными с эпидемиями и крайними мерами, применявшимися некоторыми царскими генералами в отношении кабардинцев при завоевании Кабарды. Важно в этой связи свидетельство непосредственного участника завоевания Кабарды князя Шаховского, который в 1834 г. писал, что «кабардинцы до XIX в. были одним из сильнейших народов северной части Кавказа, но свирепствовавшая в продолжении 12 лет чума истребила более $^5/_6$ населения, а поход генерала Ермолова в 1822 г. истребил и выгнал не менее половины, так что в настоящее время осталось не более 10 тыс. душ мужского пола»[7].

Вызывают недоумение и статистические данные 1890 г. Они говорят об уменьшении населения Кабарды по сравнению с 1875 г. на 8624 человека. Такое резкое уменьшение населения Кабарды объясняется, быть может, не только и не столько неудовлетворительным состоянием тогдашней статистики, сколько, мне кажется, переселением кабардинцев в Турцию.

О кабардинских переселенцах нет также исчерпывающих данных, но имеющиеся отрывочные данные, которыми мы пользуемся, говорят о том, что в 1860-1861 гг. кабардинцев переселилось в Турцию 881 семейство[8]. Известно также, что в период от 1871-го по 1884 г. из Кабарды переселилось в Турцию еще 2007 человек[9]. Таким образом, при уточнении количества населения Кабарды нельзя не учитывать статистические данные о кабардинских переселенцах в Турцию.

В том же 1892 г. в газете «Кавказ» была напечатана статья Е. Максимова под названием «Двадцатипятилетие освобождения зависимых сословий в Терской области»[10]. Статья Максимова хотя и посвящена всей Терской области, но в ней центральное место отводится Кабарде. Впрочем, это и понятно. Из общего числа зависимых сословий Терской области, количество которых доходило до 23 976 обоего пола, на долю Кабарды приходилось свыше 88,5 %. При изучении истории освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе Кабарда является наиболее показательной.

В своей статье Е. Максимов дает краткую характеристику зависимых крестьянских категорий, условия их освобождения и частичного разрешения земельного вопроса в Кабарде в пореформенный период. Указом от 28 декабря 1869 г. кабардинские земли подлежали распределению между аульными, общественными и частными землевладельцами. На основании этого указа из общего количества 745 876 десятин в надел аульных обществ поступило 323 907 десятин, частным лицарм из числа высших сословий Кабарды была роздана 91 501 десятина, на разные другие надобности было выделено 15 085 десятин. Остальные 315 383 десятины составили так называемые запасные кабардинские земли, право пользования которыми признавалось за всеми сословиями Кабарды.

В статье Е. Максимова подмечена между прочим одна любопытная деталь, объясняющая происхождение зависимости огов от феодалов не на земельной почве, а на основе коммендации. Земля, которую обрабатывали оги, не составляла собственность феодала, а считалась принадлежащей общине, а поэтому зависимость огов обуславливалась не правом пользования землей князя, а покровительством и защитой ога князем от врагов и перед судом.

Чтобы закончить краткий обзор литературы, относящейся к крестьянской реформе у горских народов Северного Кавказа, упомянем еще о работе С. А. Авалиани[11] под названием «Зависимые сословия на Северном Кавказе». Работа С. А. Авалиани построена на архивных материалах. Она носит схематический характер. Автор использовал слишком ограниченный круг материалов, а поэтому поставленная проблема осталась нераскрытой.

Мы исчерпали почти всю литературу по вопросу об освобождении зависимых сословий в Кабарде. Эта литература, как можно видеть, не дает сколько-нибудь полной картины интересующего нас вопроса. Поэтому мы и сочли необходимым опубликовать в свое время архивные документы о крестьянской реформе в Кабарде[12], на основании которых и написана настоящая работа.

Сборник документов, который лег в основу настоящей монографии, хотя не исчерпывает всего вопроса, но более-менее полно дает картину раскрепощения крестьян в Кабарде.

П. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ КАБАРДЫ

Классовая структура кабардинского феодального общества характеризуется сложной системой господства высших социальных слоев над подвластной им крестьянской массой Кабарды.

Социальный строй Кабарды имеет свои специфические особенности, среди которых наиболее характерной является его многостепенность как по линии социальной верхушки, так и по линии зависимых крестьянских категорий.

Накануне крестьянской реформы социальная верхушка Кабарды состояла из следующих феодальных категорий: пши, тума, тлакотлеш, кодз, деженуго, беслан-уорк и уорк-шаутлухус, которые держали в своей зависимости всю массу крепостного населения Кабарды.

Удельные князья в кабардинском феодальном обществе были известны под названием *пши,* имели свои собственные уделы, своих многочисленных вассалов и крепостных крестьян. В пределах своего удела пши пользовались неограниченными над крестьянством правами. Действительно, «в лице одного помещика были сосредоточены судебная и исполнительная власть и в своем поместье он был совершенно неограниченным властелином»[13]. Пши имели значительное количество вассалов, зависимость которых от сюзерена не обязательно была связана с земельным пожалованием; часто она зарождалась на основе коммендации. Говоря о генезисе вассальных отношений в истории прусского крестьянства, Ф. Энгельс указывал, что «служивый человек попадал в зависимость от господина, как только получал от него какую-нибудь ценность в один санид; это лишний раз подтверждает, что вассальные отношения не были обязательно связаны в то время с земельным пожалованием»[14].

История возникновения вассальных отношений между кабардинскими пши и другими дворянскими категориями дает яркие примеры, которые подтверждают бесспорность тезиса Ф. Энгельса о том, что вассальные отношения не обязательно

были связаны с земельным пожалованием. Мелкопоместный дворянин, экономически слабый, в награду за какую-нибудь важную услугу получал от удельного князя ценный подарок. С этого момента дворянин становился вассалом пши, защитой и покровительством которого неизменно пользовался не только он, но и весь его род. За оказанные услуги пши мог наградить дворянским званием зависимого крестьянина из любой категории с зачислением его в число своих вассалов.

Следует отметить, что кабардинские удельные князья старались по возможности увеличивать количество своих вассалов и вообще подданных. Это, собственно, и понятно, поскольку могущество феодальных господ и всяких вообще сюзеренов определялось не размерами их ренты, а числом их подданных [15]. В результате такого стремления кабардинских феодалов мы наблюдаем в Кабарде значительное количество дворянских категорий, связанных между собой подчиненными и соподчиненными формами отношений.

По кабардинским народным преданиям, пши ведут свое происхождение от некоего Шамбока, бывшего якобы выходцем из Крыма. Удельные князья пользовались в народе большим почетом. На народных собраниях они всегда занимали почетное место. Исключительное право объявления войны и заключения мира, равно как суд и расправа над зависимыми крестьянскими категориями, находилось в руках пши, который во время войны командовал всеми вооруженными силами своего удела. Личность пши была неприкосновенна даже на войне.

«При сражениях,- говорится в одном документе,- владелец узденей и подданных бьет и рубит, а уздени и на противного им владельца, по древним их обычаям, и рук своих поднять не могут и только сами от него ретируются и спасают живот свой и тако, на которой стороне владельцев больше, та сторона и сильней бывает»[16]. Зависимые от пши категории обязаны были жертвовать ради своего господина не только имуществом, но даже и собственной жизнью. Размер платы за кровь убитого пши не мог быть исчислен. «Кровь убитого пши,- говорит древнее кабардинское предание,- наполняет собой всю глубину ущелья, в мрачную бездну которой со страхом падает взор могильного ворона»[17]. Достаточно сказать, что за кровь пши, убитого беслан-уорком или уорком-шаутлухусом, убийца и все его взрослые родственники мужского пола поголовно предавались смерти, а женщины и дети поступали к наследнику убитого в пожизненное рабство. Все движимое и недвижимое имущество убийцы и его родственников - убитых и отданных в рабство к наследникам убитого - подвергалось полному расхищению.

Вне дома пши постоянно был окружен вниманием, заботой своих уорков, составлявших его почетную свиту. Уорки, окружавшие пши, обязаны были присматривать за лошадьми пши, седлать, подводить и принимать их, подавать начищенное оружие, везти бурку и прочий принадлежащий ему багаж и также приготовлять ему закуску в пути. Всякий происходивший из низших сословий при встрече пши обязан был по обычаю вернуться назад, даже с нагруженной арбой, и сопровождать его до тех пор, пока не получит разрешения от пши вернуться обратно. Если пши шел пешком, повстречавшиеся ему верховые люди из низших категорий обязаны были спешиться.

Когда по той или иной причине пши лишался своих холопов и впадал в бедность, уорки оказывали ему и его семейству существенную материальную помощь, распределяя между собой все расходы, связанные с обеспечением пши и его семьи.

К категории пши в Кабарде принадлежали всего лишь четыре фамилии: Атажукины, Мисостовы, Кайтукины и Бекмурзины, между которыми на правах феодального владения была поделена вся Кабарда. К категории пши были приравнены также происходившие из Кабарды русские князья Кудашевы, Мансуровы, Алеуковы, Черкасские и Бековичи-Черкасские.

Тума - дети пши от неравного брака, не имели тех прав, какими пользовались дети пши от «законного брака». Для перехода в категорию своего отца тума должен был жениться на «чистокровной» пши или ближайшие родственники по отцу и дети пши от «законного брака» должны были признать его единогласно своим родным братом.

Тума имел свои феодальные владения и своих крепостных крестьян, над которыми он в свою очередь имел неограниченные права.

К *пглакогплешам* принадлежали в «Кабарде привилегированные фамилии: Тамбиёвы, жившие в уделе пши Мисостовых, Куденетовы, жившие в уделе пши Атажукиных, и Анзоровы, жившие в уделе пши Кайтукиных. В буквальном переводе «тлакотлеш» означает «рожденный от могущественного». По народным преданиям кабардинцев, до установления власти удельных князей вся власть принадлежала тлакотлешам, которые владели кабардинской территорией, равно как и всеми категориями уорков. В дальнейшем, по тем же народным преданиям, в Кабарде возвысилась категория удельных князей - пши, и тлакотлеши вынуждены были признать над собою власть удельных князей.

Тлакотлеши жили на своих собственных землях, имели свои так называемые кабаки, т. е. феодальные поместья, население которых состояло из зависимых от них уорков и крепостных крестьян. Тлакотлеши имели право свободного перехода со своими крестьянами с одного места на другое. Через своего выборного представителя они принимали совместное с удельным князем участие в управлении страной и в решении внешних и внутренних вопросов, касавшихся всей Кабарды. Тлакотлеши в брачные союзы вступали с равными себе по происхождению высшими социальными категориями.

За убийство тлакотлеша следовала кровная месть и взималась большая плата. Убийца должен был отдать три семьи крестьян, каждая из которых должна была иметь не менее 9 душ, причем 2 семьи поступали в полное и потомственное владение наследников убитого князя, а 1 семью брал себе шли. Если убийца тлакотлеша отказывался платить цену крови по обычаю, удельный князь обязан был выступить в качестве кровомстителя за своего вассала. Оскорбление тлакотлеша также считалось тягчайшим преступлением: виновные в этом случае со всеми родственниками выселялись из пределов Кабарды и отдавались под покровительство влиятельного иноплеменника, при посредстве которого устраивалось примирение с взысканием с виновного известной платы за оскорбление в пользу тлакотлеша. В гостях и в пути тлакотлеш пользовался почти таким же, как удельный князь, почетом. Тлакотлеш ездил в сопровождении своей свиты, состоящей из подвластных ему уорков. В кунацких тлакотлешу предоставлялось первое место даже в присутствии удельного князя, если последний по возрасту был моложе его.

Категория *кодз* отпочковалась от категории тлакотлешей. С установлением политической власти удельных князей в Кабарде права тлакотлешей были в значительной степени ограничены. Тлакотлеши признавали над собою политическую власть удельных князей, но сохраняли за собою некоторую независимость: жили на своих землях, владели своими слугами, своими крепостными крестьянами и пользовались правом свободного переселения со своими крестьянами с одного места на другое. Тлакотлеши принимали участие в управлении страной и в решении внешних и внутренних вопросов, касавшихся всей Кабарды. Но во всех этих делах тлакотлеши принимали участие через своего выборного представителя, известного под названием кодз. Должность кодза с течением времени сделалась наследственной, а сородичи кодза выделились в особую привилегированную категорию, существовавшую в Кабарде по присоединении последней к России, ликвидировавшей данную категорию.

Цеженуго в буквальном переводе означает «позолоченное серебро». Уже само народное название этой категории указывает на «низкопробность» деженуго. В представлении народа между пши и даже между тлакотлешами и деженуго примерно такая же разница, какая существует между чистым золотом и позолоченным серебром. Внешним своим лоском деженуго мог походить на пши или тлакотлеша, но по своему происхождению он не мог с ними равняться. Непременным условием принадлежности к категории деженуго было владение хотя бы несколькими уорками-шаутлухусами, т. е. дворянин этой категории обязан был иметь своих вассалов из числа мелкопоместных дворян. А вообще говоря, дворянин, не имевший в зависимости уорков, т. е. своих вассалов, не мог принадлежать ни к категории тлакотлешей, ни к категории деженуго. Обычно в категорию деженуго попадали дворяне низкого происхождения, но выделявшиеся среди других своим богатством и боевыми качествами. После присоединения Кабарды к России в 1822 г. тлакотлеши и деженуго были уравнены в политических правах и были сильно ограничены в привилегиях. К категории деженуго принадлежали в Кабарде фамилии Пагирсовых, Пшеуковых, Боровых, Мангушевых и Кандуровых.

Беслан-уорки, или княжеские дворяне, происходили от уорков-шаутлухусов. Звание беслан-уорка мог заслужить всякий уорк-шаутлухус за личную храбрость на войне или набегах, за умные советы, поданные пши на народных собраниях. Уорк-шаутлухус, получивший от удельного князя за храбрость или важную услугу какой-нибудь ценный подарок (участок земли, оружие, серебряную вещь), становился беслан-уорком и вассалом удельного князя. Беслан-уорки находились в зависимости от удельного князя. Они обязаны были жить в одном с ним ауле или в крайнем случае на его земле, сопровождать князя в походах и поездках, принимать непосредственное участие в делах, касавшихся чести и достоинства князя. Беслан-уорки обязаны были делать подарки княжеским гостям и принимать непосредственное участие в кровомщении за своего князя. Убийство беслан-уорка считалось таким же тяжким преступлением, как убийство тлакотлеша или деженуго. Поэтому цена крови беслан-уорка была такой же высокой, как за убийство тлакотлеша или деженуго.

Уорки-шаутлухусы произошли от беслан-пшитлей, т. е. княжеских холопов, освободившихся от крестьянской зависимости. Категория уорков-шаутлухусов по своему положению, которое она занимала в кабардинском обществе, сильно напоминала сословие беслан-уорков. Категория уорков-шаутлухусов количественно была незначительна и составляла военную мощь страны. Средства к существованию уорки-шаутлухусы добывали в войне, грабежах и эксплуатации рабов, находившихся от них в зависимости. Сами же уорки-шаутлухусы находились в вассальной зависимости от удельных князей и тлакотлешей. Уорки-шаутлухусы обязаны были мстить за кровь своего сюзерена, за обиды, нанесенные ему кем-нибудь, сопровождать своего князя в набегах, походах, свадебных и других поездках. Во время приема князем гостей уорк-шаутлухус также обязан был присутствовать в кунацкой, услуживать гостям, делать им подарки, ухаживать за лошадьми гостей и следить за исправностью оружия князя. Размер цены крови за убийство уорка-шаутлухуса был такой же, как за убийство тлакотлеша и деженуго. Уорки-шаутлухусы вступали в брак только с равными по происхождению сословиями. Детей своих они сами не воспитывали, а отдавали на воспитание зависимым крестьянам из

сословия азатов, или вольноотпущенников. Уорки-шаутлухусы могли перейти в категорию беслан-уорков в том случае, когда они получали от своего князя какой-нибудь подарок в виде оружия, участка земли или дорогой серебряной вещи. Уорки-шаутлухусы имели в своей зависимости холопов и домашних рабов.

Все перечисленные категории относились к верхушечному феодальному классу и жили за счет зависимых крепостных крестьян, которые по степени зависимости в свою очередь делились на ряд категорий.

Наиболее свободными и менее обремененными феодальными повинностями, а поэтому относившиеся к высшей категории крестьян были так называемые *вольноотпущенники,* или *азаты.* Азатами, или вольноотпущенниками, назывались зависимые крестьяне, выпущенные владельцами на волю «ради спасения души» или получившие волю за выкуп, размер которого предусматривается местным обычным правом.

Азатом мог стать крестьянин любой категории. Обязанности азатов, которые считались лично свободными, заключались в том, что они брали к себе на воспитание детей своих прежних феодалов. По свидетельству документа, и вольноотпущенники очень охотно берут к себе на воспитание детей прежних своих господ, делаясь через это близкими к ним людьми[18]. Это обстоятельство, что вольноотпущенник, или азат, связав себя древним, весьма распространенным среди горцев, обычаем аталычества, за воспитание ребенка феодала получал от родителей воспитанника, или емчега, богатые подарки скотом и землею, а кроме того, он неизменно пользовался защитой и покровительством со стороны рода своего воспитанника. На основе аталычества между вольноотпущенником - воспитателем ребенка феодала - и родом воспитанника устанавливались весьма тесные, как бы кровно-родственные нерушимые связи, благодаря которым азат становился экономически сильным и влиятельным в обществе.

Следующая обязанность азата в отношении прежнего феодала заключается в предоставлении приюта вступившему в брак сыну феодала у себя дома. По обычаю кабардинских феодалов, новобрачная чета жила в доме азата и находилась на его полном иждивении в продолжении года, после чего новобрачные переходили в дом жениха.

Азат, связанный аталычеством с родом феодала, постепенно отрывался от своей прежней категории и сращивался с родом феодала, покровительством и всемерной поддержкой которого он постоянно пользовался.

Следующая зависимость категории крестьян известна под названием *ог.* Крестьяне этой категории происходили из категории логанаутов, считавшихся обрядными холопами. Логанаут переводился в категорию огов «по особенному расположению владельца», который при переводе своего холопа из низшей категории в высшую присваивал значительную часть его имущества. Перевод холопов из категории логанаутов в категорию огов был связан с материальной несостоятельностью владельца. Дело в том, что обрядные холопы из категории логанаутов находились на содержании феодала. Когда их обеспечение для владельца становилось невыгодным, он, чтобы избавиться от их содержания, переводил логанаутов в оги, а часть имущества переводимых крестьян присваивал. Чтобы логанаут мог быть переведен в разряд огов, он непременно должен был иметь пару быков, плуг, а также выполнять известные обязанности в отношении своего владельца. За невыполнение предусмотренных обычаем обязанностей в отношении феодалов ог в наказание переводился обратно в разряд логанаутов.

Оги отбывали своим феодалам барщинные и продуктовые повинности. С 6-летнего возраста оги обязаны были отбывать барщину. Каждый ог обязан был косить сено три дня на феодала и два дня убирать скошенное сено. От барщины освобождались баранщики и пчеловоды, последние из которых вместо барщины ежегодно платили феодалу три сапеткв меда. Собранное сено оги свозили во двор владельца, где скирдовали его. Во время полевых работ оги находились на довольствии владельца. Натуральные повинности ога были довольно разнообразны. Каждое семейство огов с каждой пары быков платило владельцу от 10 до 15 тулуков, т. е. от 40 до 60 мер проса; от 2 до 4 арб проса ежегодно по 30 мер; от 7 до 10 возов дров; доставка строительных лесных материалов в нужном количестве; 100 руб. или 100 шт. баранов при дележе имущества ога; 30 руб. деньгами или на эту сумму скота из калыма выдаваемой замуж дочери или сестры ога; спинную часть и три ребра от каждой зарезанной огом скотины; богатый ужин во время Рамазана и, наконец, поминальный стол по случаю смерти владельца или члена его семьи, на который приглашались родственники владельца. Далее ог обязан был принимать у себя и кормить гостей феодала и их лошадей. При женитьбе владельца или его сына ог так же, как и азат, обязан был давать помещение в своем доме новобрачным, продовольствовать и одевать их в продолжении года. За такую услугу феодал, по обычаю, одаривал ога, а иногда кого-нибудь из членов его семьи отпускал на волю. Жена и дочери ога были свободны от барщинных феодалу повинностей.

Феодал в отношении своего ога также имел некоторые обязанности. Он предоставлял огу землю под пашню, покос и пастбища, защищал его интересы на суде, платил за него штрафы и ручался за него при платежах и других сделках.

Дворовые обрядные холопы в Кабарде были известны под названием *логанаутов.* Крестьяне этой категории имели свои сакли и семьи и жили при дворе феодала. Логанауты, как дворо-

54 Заказ № 106

вые люди, все свое время отдавали феодалу, выполняя за него самые разнообразные полевые и домашние работы. Они возили дрова, рубили и складывали их, косили и убирали сено и хлеб, ухаживали за пчелами, за домашним скотом, лошадьми, баранами, вывозили из лесу строительный материал и строили жилые дома и службы для владетеля.

Для женщин-логанауток существовали особые работы. Логанаутки обязаны были снабжать весь дом феодала водой, готовить пшено на ручных мельницах в нужном количестве, доить коров, два раза в год стирать белье на всю семью феодала, мазать глиной и белить известковым раствором жилые дома феодала, разводить огороды и ухаживать за ними, валять бурки и войлоки для потников ружейных чехлов, ткать сукно и, наконец, ухаживать во время болезни за женой феодала.

В свою очередь феодал обязан был платить за убытки, причиненные кому-нибудь логанаутом, обеспечить ему лечение и выкупить его из плена. Когда логанауту удавалось бежать из плена, он, по обычаю, становился свободным человеком. В случае невыполнения своих обязательств в отношении холопа, феодал решением народного суда терял свои владельческие над холопом права, а холоп получал свободу. Владелец обязан был одевать, обувать и кормить логанаута. Из собранного феодалом хлеба часть выделялась на мечеть, часть - на семена и часть - на прокормление рабочих, занятых на полевых работах. Оставшийся хлеб делился между членами семей логанаута, унаута и владельца поровну. Из зарезанной скотины владелец отдавал логанауту внутренности, глею, голову и ноги, а от барана - только внутренности. На верхнюю одежду логанаут получал от феодала семь овчин, из которых он шил себе шубу на 3 года. На обувь холоп получал надбрюшинную часть кожи зарезанной феодалом скотины. Холоп получал также известную часть остриженной феодалом шерсти. Если у феодала было более 1000 голов баранов, логанаут получал от владельца от 25 до 30 рун шерсти. Для покупки бумажных тканей логанауту разрешалось в продолжение года от 2 до 4 раз продавать для личных надобностей строевой лес, вся выручка от которого составляла собственность холопа. Логанауты на полевые работы выходили с 12 лет, а на сенокос - с 16 лет. Холопы старше 50 лет освобождались от полевых работ. По достижении совершеннолетнего возраста логанаут имел право требовать от своего владельца купить ему жену, за которую владелец обязан был заплатить калым в размере 200 руб. Из этой суммы 190 руб. поступали в пользу владельца девушки, а на 10 руб. справляли ей свадебные платья. Овдовевший логанаут также имел право требовать от феодала купить ему другую жену. С разрешения феодала логанаут мог учиться на муллу или уходить на заработки. Часть заработанных денег логанаут обязан был отдавать своему феодалу, который, будучи экономически заинтересован,

охотно отпускал своих холопов на заработки. Часть заработанных денег логанаут обязан был отдавать своему феодалу. Логанаут имел право купить для себя обрядного или безобрядного холопа и посылать его вместо себя на барщину.

Оги и логанауты владели двоякого рода собственностью: лично им принадлежавшей, на которую феодал не имел никаких прав, и собственность, на известную часть которой претендовал владелец.

Личная собственность состояла из накяха, или венчального подарка. Когда ог или логанаут женился, феодал делал ему подарок стоимостью от 3 до 5 руб. Обычно в качестве свадебного подарка давали телушку, приплод от которой составлял неприкосновенную собственность жены ога или логанаута.

Второй вид собственности огов и логанаутов назывался десериг, т. е. подарок от родных жены ога или логанаута. В качестве десерига давали корову, приплод от которой составлял также собственность жены крестьянина. По смерти жены десериг находился в собственности детей и мужа, а если у нее никого не было, десериг поступал в собственность феодала.

Следующий вид собственности ога или логанаута известен под названием *дидовос-белым,* состоящий из скота, приобретенного огом или логанаутом на собственные заработки. Этим видом собственности ни ог, ни логанаут не имели права распоряжаться. Только с разрешения феодала крестьянин имел право менять или продавать составлявший дидовос-белым скот. Крестьянин имел право зарезать свой скот без разрешения феодала. Половину зарезанной скотины и ее кожу кретьянин обязан был отдавать феодалу.

Весь скот, составлявший накях, десериг и дидовос-белым, крестьянин обязан был кормить сам в том только случае, когда он ходил на барщину не более 5 дней. Скот, составлявший накях, десериг и дидовос-белым и принадлежавщий логанауту, отбывавшему барщину без ограничения времени, продовольствовался за счет феодала, который имел право продать дидовос-белым без согласия на это крестьянина. Из вырученной от продажи дидовос-белыма суммы феодал брал себе $^2/_3$, а V_3 отдавал крестьянину. Доля, полученная огом или логанаутом от продажи дидовос-белыма, превращалась в десериг, т. е. в неприкосновенную собственность жены ога или логанаута. При продаже крестьянина вместе с ним продается и дидовос-белым.

Безобрядные, или бесправные, холопы известны были в Кабарде под названием *унаутов,* т. е. домашних рабов. Унауты безотлучно находились при доме феодала и по приказанию феодала и его жены выполняли самые разнообразные по дому работы. В категории унаутов подавляющую массу составляли девушки и женщины, на которых лежала вся работа по двору и дому. Кухня и все продовольственные запасы находились в распоряжении унауток. ' „ ,>

Однако основная обязанность унауток заключалась в уборке комнат и оказании самых разнообразных услуг своей госпоже. Унаутки в быту кабардинских княгинь играли исключительную роль. Нередко кабардинские княгини «разводились со своими мужьями, покидали детей и жили в крайности у своих родных почти работницами из-за того, что, лишившись служанки, мужья не в состоянии были купить другой. Ни одна замужняя женщина и даже вдова из порядочных семейств не примет к себе постороннее лицо, если нет при них служанки, и по самым крайним делам не выйдут они из дома, если не имеют служанки для сопровождения»[19].

Унауты и унаутки не имели никакой собственности, а потому они находились на содержании своих владетелей. Совершеннолетний унаут имел право требовать от феодала купить ему жену. Если унаут женился на логанаутке, то дети их считались логанаутами, т. е. поступали в разряд своей матери.

Феодал над своими унаутами имел неограниченное право. Он имел право продать их, но вместе со всей семьей. На унаутов, и в особенности на унауток, в Кабарде существовали самые высокие цены. Продажные цены на унауток и унаутов колебались от 100 до **500** руб., средняя цена — от **200** до **400** руб. В зависимости от возраста, работоспособности и физических данных, наиболее высокие цены существовали на девушек и женщин этой категории.

Унауты не имели никакой собственности, кроме подарков, которые они получали от своего феодала и его гостей.

Перечисленные четыре категории крепостных крестьян: азаты, оги, логанауты и унауты - были известны в существующей исторической литературе о Кабарде. Однако из материалов, собранных Главным комитетом по крестьянским делам о зависимых сословиях у горцев Терской области, выясняется, что этот перечень может быть дополнен еще тремя, до сих пор неизвестными в литературе категориями: хабзанша, льгава и михифатц.

Кратко о каждой из этих категорий.

Хабзанша — сложное кабардинское слово, состоящее из «хабза» - обычай, адат и «нша» - нарушать, а в целом «хабза-нша»- нарушитель. Категория хабзанша отпочковалась от категории логанаутов. Крестьянин категории хабзанша представляет собой холопа, лишенного «права в том, что он может быть разлучен со своими родными по воле своего господина. Такому наказанию подвергался логанаут, причинивший сильное оскорбление своему господину»[20].

Льгава - тоже сложное кабардинское слово, состоящее из «ль» - мясо и «гава» - варить, т. е. «мясовар» или повар. Эта категория тоже отпочковалась от категории логанаутов. Исключительное право владения крестьянином категории льгава принадлежало в Кабарде только удельным князьям. «Если

князь в числе своих логанаутов находил семейство из нескольких взрослых парней, способных к домашней службе, то он мог взять одного их них в свой дом для прислуги. Подобная прислуга получает название льгава, но жена и дети льгава остаются при своем доме в звании логанаут»[21].

Михифатц - зависимая категория, состоящая исключительно из женщин и девушек. Значение термина «михифатц» никто не мог объяснить мне в Кабарде. Можно думать, что данный термин сильно исковеркан в русских документах. Произношение категории михифатц в докладной записке начальника Терской области генерала Лорис-Меликова объясняется следующим образом: «В старые времена бывало, что если Куденетовы и Ашабовы выдавали свою дочь замуж и не имели возможности дать ей в приданое унаутов, то брали для нее от своего логанаута дочь в прислуги с тем, что госпожа обязана была ее выдать замуж за того из обрядных холопов своего мужа, за кого пожелает эта девушка, и по женитьбе оба они обращаются в дворовых - михифатц. Когда от такого брака много детей, то михифатц снова делается логанаутом и поселяется отдельно и только одну из девиц такого семейства дозволяется обратить в домашнюю прислужницу »[22].

Таким образом, михифатц отпочковалась от логанаутов. В данную категорию входили исключительно обрядные девушки и женщины, которые эксплуатировались в доме феодала в качестве домашней прислуги. Вот, пожалуй, все категории крепостных крестьян, которые были в Кабарде накануне крепостной реформы 1867 г. ,

Анализ крепостнических повинностей в Кабарде говорит о том, что накануне крестьянской реформы были в наличии отработочная и натуральная ренты и отсутствовала денежная рента. Валено при этом отметить, что ведущей формой ренты в описываемый период в Кабарде была отработочная рента.

Говоря об исторической последовательности рент, В. И. Ленин не раз отмечал, что первоначальной формой экономической зависимости крестьянина от помещика является при докапиталистических способах производства отработочная рента, т. е. барщина, затем продуктами, или натуральная рента, наконец, денежная рента»[23].

Отсюда ведущее положение, какое занимала в Кабарде отработочная рента, по-видимому, говорит о незавершенности и примитивности феодальных отношений накануне крестьянской реформы. «Барщинный труд,- писал К. Маркс,- покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда»[24]. Господство отработочной ренты предполагает личную зависимость непосредственных производителей и прикрепление их к земле в качестве придатка. Для максимального выжимания с крес-

тьян отработочной ренты «необходимы отношение личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней»[25]. И действительно, в Кабарде среди крестьянских категорий мы не видим ни одной лично-свободной категории, за исключением, быть может, категории вольноотпущенников, или азатов, обязанности которых в отношении прежних феодалов заключались, как уже указывалось, в воспитании детей феодала и в предоставлении приюта новобрачной чете феодала или его сына у себя дома в продолжении года. Вольноотпущенников, или азатов, вышедших на волю за выкуп или выпущенных феодалами на волю «ради спасения души», по отношению ко всей лично-зависимой крестьянской массе было настолько незначительно, что они общей картины не меняют. Достаточно сказать, что по всей Кабарде вольноотпущенников насчитывалось всего 200 дворов, в настоящее время живущих около города Нальчика в сел. Вольный Аул. Все же остальные крестьянские категории находились в личной зависимости от кабардинских феодалов, считавшихся номинальными собственниками земель, но выжимавших из непосредственных производителей внеэкономическим принуждением весь их прибавочный труд.

Значительное место в феодальной Кабарде занимала и продуктовая рента, исторически возникшая за отработочной рентой. Отсюда, поскольку «рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»[28], постольку самый факт наличия в Кабарде продуктовой ренты говорит о более высоком: культурном уровне крестьянства и кабардинского общества вообще.

Денежной ренты как таковой в Кабарде еще не было. «Превращение ренты продуктами в денежную ренту,- говорит К. Маркс,- предполагает сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем - и денежного обращения»[27]. Но о сколько-нибудь развитой торговле городской промышленности, товарном производстве и денежном обращении в Кабарде накануне крестьянской реформы не приходится говорить. Однако некоторые симптомы к зарождению денежной ренты уже были в наличии. К этим симптомам следует отнести прежде всего очень робкие попытки к замене барщины оброком. Мы уже указывали, что логанауты по обычаю кабардинцев имели право уходить на заработки, а феодал, будучи экономически заинтересован в этом, охотно отпускает, а нередко даже и сам их посылает. Таким образом, как полагал я, в Кабарде накануне крестьянской реформы начался процесс перевода барщинных логанаутов в оброчных крестьян, что свидетельствует о зарождении денежной ренты.

В связи с этим, по-видимому, следует рассматривать и платеж некоторых натуральных повинностей деньгами. Так, по обычаю, ог при дележе имущества между членами семьи обязан был отдавать своему феодалу 100 баранов или взамен 100 руб. деньгами. Он обязан был также из полученного за дочь или сестру калыма отдать феодалу 30 руб. деньгами или скота на эту сумму.

Дальнейший анализ феодальных повинностей крепостных крестьян и их отношений к феодалам показывает не только наличие в Кабарде отработочной ренты, но и процесс ее перехода в продуктовую и денежную ренты.

Неопровержимым доказательством наличия в Кабарде отработочной ренты является положение крестьян из категории огов, которые, работая на земле феодала, создавали своим личным трудом прибавочный продукт. Таким же неопровержимым доказательством перехода отработочной ренты в продуктовую является положение и отношение к феодалам азатов, которые, работая на своих землях, производили прибавочный продукт, присваивавшийся феодалом в силу «внеэкономического принуждения». Наконец, доказательством наличия некоторых элементов денежной ренты служит уплата огом причитавшихся с него повинностей при дележе имущества и при выдаче замуж своей дочери деньгами, а также частичный перевод феодалом обрядных логанаутов на оброк.

Таким образом, анализ феодальных отношений в Кабарде приводит к выводу, что накануне крестьянской реформы отработочная, натуральная и денежная ренты переплетаются самым причудливым образом, но ведущей формой ренты продолжала оставаться отработочная.

Особый интерес в кабардинской феодальной системе представляют собой крестьяне категории унаутов, хабзанша, льгава и михифатц. Это были безобрядные крестьяне и крестьянки, не имевшие ни личных, ни имущественных прав. Все продовольственные запасы и кухня феодала находились в полном распоряжении унауток. По существу, это были домашние рабы, которые, не составляя основы производства, косвенным образом входили в состав семьи феодала. Характеризуя домашнее рабство на Востоке, Ф. Энгельс писал, что «здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»[28].

Положение, которое занимали унауты и унаутки в семье кабардинских феодалов, является лишним подтверждением правильности приведенного тезиса Ф. Энгельса.

Все перечисленные крестьянские категории, за исключением вольноотпущенников, или азатов, находились в зависимости от местных феодалов. Зависимость кабардинских крестьян от феодалов была поземельная и личная. Поземельная зависимость заключалась в том, что крестьяне категории огов за

пользование землей, принадлежавшей феодалам, обязаны были отбывать хозяину земли барщину и платить натуральную ренту. Каждый свободный человек в кабардинском обществе получал известный земельный пай для прокормления своей семьи и принадлежавших ему огов, логанаутов и унаутов. Они, кроме того, еще имели право на дополнительный пай для пахоты, покоса и кутана.

Что касается крестьян остальных зависимых сословий, то они, не имея своих земельных участков, обрабатывали земли владельцев и за эту свою работу получали часть из полученного феодалом урожая хлеба и сена.

Личная зависимость заключалась в том, что крестьяне категории логанаутов и унаутов и три ответвления от них: хабзанша, льгава и михифатц, лишенные каких-либо прав,— находились в полном распоряжении феодалов, имевших над ними неограниченные права.

В категорию лично-зависимых попадали крестьяне, купленные феодалами за наличный расчет, захваченные в плен во время военных набегов и, наконец, переведенные за неуплату феодальных повинностей в низшие крестьянские категории. Отметим, кстати, что кабардинские феодалы считали себя вправе переводить крестьян любой зависимой категории в разряд лично-зависимых безобрядных рабов.

Кабардинский феодал распоряжался лично-зависимыми крестьянами по своему усмотрению. Они имели право отпустить крестьянина на волю, имели право и продать его. До крестьянской реформы в Кабарде лично-зависимый крестьянин мог выйти на волю только в том случае, если он уплачивал феодалу выкуп, или если феодал освобождал его «ради спасения души». Для лично-зависимых кабардинских крестьян других путей к свободе не было. Но оба пути к свободе для крестьянина были одинаково разорительны. Крепостные крестьяне без согласия феодала не имели права выкупиться на волю. Выкупная плата колебалась от 150 до 500 руб. за мужчину. На женщин существовали более низкие цены, а на несовершеннолетних цены были еще ниже. Вообще выкупные цены были неустойчивы. Размер не был обусловлен обоюдным между феодалом и крепостным крестьянином соглашением. Очень разорительно было для крепостного крестьянина «освобождение» его по инициативе самого феодала. Однако это случалось тогда, когда крестьянин был зажиточный, имел много скота и денег. Феодал присваивал все его имущество, а его самого, обобранного до ниточки, отпускал «на волю» без каких-либо средств к существованию. Феодал имел право продать лично-зависимого крестьянина по своему усмотрению в любое время.

На крестьян существовали следующие продажные цены: от 10 до 45 лет крестьянин стоил 200 руб., а женщина таких же лет - 180 руб. Крестьяне и крестьянки старше 45 лет продавались по договорной между феодалом и покупателем цене. Дети обоего пола до 10 лет продавалась по цене из расчета по 10 руб. за каждый год возраста. Таким образом, 200 руб. для мужчин и 180 руб. для женщин можно считать более или менее постоянными продажными ценами крестьян. Если феодал продавал своего крестьянина дороже указанной цены, крестьянин мог опротестовать сделку. Суд всегда решал дело в пользу крепостного, для которого невыгодно было быть проданным дороже общепринятой цены, так как обрядный холоп, переходя из рук в руки и повышаясь в цене, в конце концов превращался из обрядного в безобрядного холопа, размер продажной цены на которого колебался от 100 до 500 руб.

Так как размер покупной платы холопа был обусловлен размером его продажной цены, то при очень низкой оплате труда нужны были десятки лет, чтобы он мог уплатить свой выкуп и выйти на волю. Отсюда чем дешевле стоил холоп, тем скорее он мог уплатить выкуп и выйти на волю. Кабардинский феодал имел право продать своего крепостного в пределах Кабарды. Феодал о своем решении продажи крестьянина объявлял последнему за месяц. В продолжение этого времени крестьянин должен был найти себе покупателя по своему желанию. Если же крестьянин не находил покупателя, феодал имел право продать его кому хотел, но не разбивая семьи. При разделе имущества феодала между его наследниками семьи крепостных крестьян также разбивались. Но когда в семье крестьянина было двое или больше братьев, которые должны были быть поделены между несколькими наследниками феодала, крестьянину для сохранения семьи предоставлялось право найти себе покупателя или же откупиться на волю со всей своей семьей. Если крестьянин не мог воспользоваться своим правом выкупиться или найти себе покупателя, феодал мог разрознить семью крестьянина.

Все крепостные крестьяне Кабарды делились на свободных, обрядных и безобрядных. Категорию свободных крестьян составляли вольноотпущенники, безобрядных - унауты и унаутки и совсем мелкие подразделения - хабзанша, льгава и михифатц. Совершенно свободных, не зависимых от феодала крестьян в Кабарде не было. Все без исключения крестьянские категории в той или иной степени были зависимы от феодала. Вольноотпущенники, или азаты, формально считавшиеся свободными, фактически таковыми не были. Азат обязан был кормить, одевать и обувать детей феодала, которых он брал себе на воспитание в грудном возрасте, а возвращал их родителям по достижении совершеннолетия. Далее он обязан был оказывать приют новобрачному князю с его женой, которые, по обычаю, должны были жить у него год. В продолжение этого времени новобрачные находились на полном иждивении у азата.

Гости, которые приезжали к феодалу довольно часто и в большом количестве, со своими конями также размещались по домам азатов и довольствовались за их счет.

Оги и логанауты были обрядными крестьянами, отбывающими своему феодалу барщину и платившими продуктовую ренту.

Наконец, унауты и унаутки были безобрядными, личнозависимыми домашними рабами, выполнявшими по дому самые разнообразные работы без ограничения времени.

Повинности огов, а в особенности логанаутов, составляющих основную массу крепостного населения Кабарды, служили основой существования кабардинского феодального общества. Обрядные крепостные оги и логанауты составляли 85,03 %, а безобрядные крестьяне-унауты - 14,97 %. Безобрядные унауты, эксплуатировавшиеся в качестве домашней прислуги, никаких материальных ценностей не производили. Напротив, обязательный барщинный труд и продуктовые повинности обрядных крестьян - огов и логанаутов - составляли экономическую основу кабардинского феодального общества.

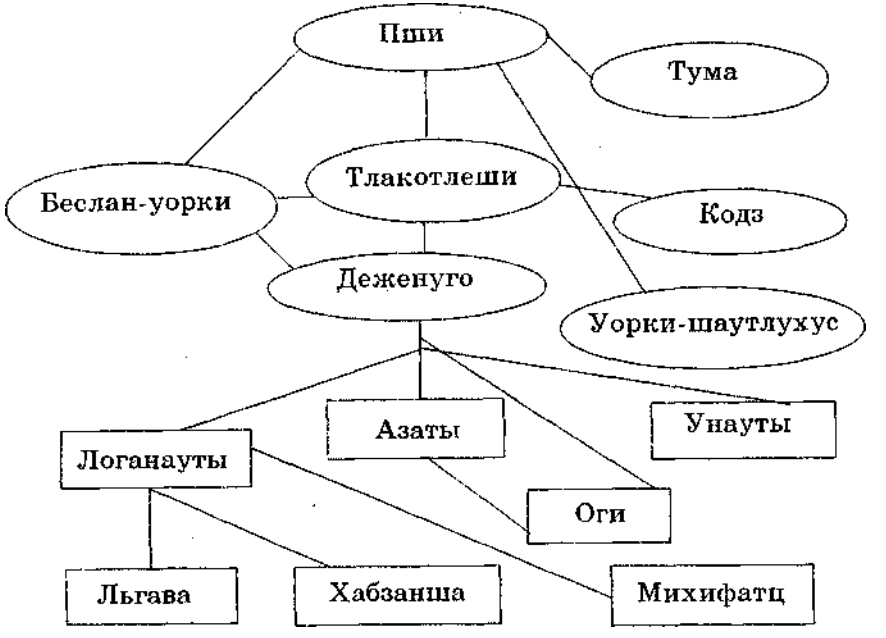
Кабардинский феодал от своих крепостных крестьян — огов и логанаутов - получал все жизненно необходимое.

Крестьяне для него выполняли все работы: пахали землю, сеяли и убирали хлеб, привозили лес и строили для него дома и подсобные хозяйственные постройки, снабжали водой и топливом, ухаживали за скотом, стригли овец, доили коров, готовили пищу, а женщины-унаутки держали в порядке и чистоте жилище феодала, ткали для него сукна, валяли бурки и войлоки для ружейных чехлов и потников, разводили огороды, домашнюю птицу и ухаживали за ними. Короче говоря, как в образцовом феодальном хозяйстве Средневековья, кабардинский феодал «получал от своих крепостных все, что ему было нужно: или в форме труда, или в виде готового продукта»[29].

Хозяйство кабардинского феодала было натуральным. Оно не знало пока денег и не имело никаких связей с внешним миром. Кабардинский феодал наделял своих огов и логанаутов землей, так как «для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом»[30]. Но для максимальной эксплуатации огов, логанаутов и унаутов необходима была личная зависимость крестьян от феодала, иначе они, обладая скотом, хозяйственным инвентарем и землей, фактически служившей натуральной заработанной платой, не пошли бы на барскую работу. Отсюда, как указывал Ленин, «феодальная система хозяйства порождает здесь внеэкономическое принуждение, крепостничество, зависимость, юридическую неполноправность и т. д.»[31] «Внеэкономическое принуждение,- указывал И. В. Сталин,- играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю» .

Таковы были социально-экономические условия в Кабарде, и в этих условиях царское правительство приступило к проведению крестьянской реформы, переключившей страну на новый путь исторического развития.

Структура феодального строя Кабарды графически может быть представлена в следующем виде[33].



III. ПРЕДПОСЫЛКИ И ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Крестьянская реформа 1861 г. была реформой крепостнической. Она не могла быть иной, поскольку ее проводили сами крепостники. Говоря о причинах крестьянской реформы в России, В. И. Ленин указывал, что русских крепостников заставила взяться за реформу сила экономического развития, втягивавшего Россию в эпоху капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крес-

тьянские «бунты», возрастало каждым десятилетием, перед освобождением заставили первого помещика - Александра II - признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу[34].

Таким образом, крестьянская реформа 1861 г. с логической неизбежностью вытекала из основных фактов русской исторической действительности XIX в. - развития капитализма на русской почве и разворота крестьянских восстаний, из года в год поднимавшихся как в центре, так и на окраинах царской России. В середине XIX в. освобождение крестьян отвечало правильно понятым интересам самих помещиков, пользовавшихся крепостным трудом. Барщинное хозяйство становилось явно невыгодным, а потому его необходимо было заменить более прогрессивным типом хозяйства. В русском дворянстве заговорило чувство самосохранения, которое потребовало крестьянской реформы. При создавшихся условиях только реформа могла гарантировать дворянству сохранение своего классового превосходства еще одно или два поколения. Отсрочка реформы грозила экономической и социальной катастрофой, которая могла ликвидировать феодальные порядки снизу[36].

Таковы были основные причины, заставившие русских дворян и помещиков освободить своих крепостных крестьян.

Предпосылки крестьянской реформы в России только частично могут быть приложены к предреформенной кабардинской действительности. О развитии капитализма в Кабарде, разумеется, не приходится говорить, но крестьянские возмущения, как увидим дальше, имели широкое развитие. И тем не менее освобождение зависимых сословий в Кабарде нельзя рассматривать вне связи с общим историческим развитием России. Отмена крепостного права в Кабарде органически была связана с капиталистическим развитием России, в состав которой она вошла еще в конце первой четверти XIX в. Крестьянская реформа 1861 г., переключившая крепостническую Россию на путь капиталистического развития, не могла не коснуться колониальных и полуколониальных окраин царской России, основная задача которой заключалась в экономическом завоевании этих окраин. Экономическое завоевание Кабарды возможно было после ее социально-экономического преобразования по типу метрополии, ибо, как указывал еще Ф. Энгельс, «исторически невозможно, чтобы общество, стоящее на более низкой ступени экономического развития, разрешило загадки и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на несравненно более высокой ступени развития»[36]. Отсталая феодально-крепостническая Кабарда не могла разрешить задачи ставшей на путь капиталистического развития России. Еще Ф. Энгельс указывал, что «каждая данная экономическая формация должна разрешить свои собственные, из нее самой возникающие задачи, браться за разрешение задач, стоящих перед другой, совершенно чуждой формацией, было бы полнейшей бессмыслицей»[37].

Царская Россия, после крестьянской реформы **1861** г. ставшая на путь капиталистического развития, не могла больше терпеть в завоеванной Кабарде прежних феодально-крепостнических порядков и политической власти местных феодалов. О необходимости ликвидации политической власти местных феодалов Комитет но освобождению зависимых сословий запротоколировал, что «дальнейшее ее существование не соответствует настоящему порядку вещей, при котором не может уже терпеть какой-либо власти, не им поставляемой»[38].

Освобождение зависимых сословий в Кабарде не было связано с внутренним капиталистическим развитием кабардинского общества. Крестьянская реформа 1867 г. была навязана дореформенной Кабарде царской Россией, экономические и политические интересы которой требовали установления в покоренной стране своего собственного способа производства. Говоря о предпосылках крестьянской реформы в Кабарде, следует иметь в виду, что угроза самоосвобождения крепостных крестьян на основе разгоравшейся классовой борьбы в Кабарде была совершенно реальной. Перед лицом крестьянских волнений перепуганная кавказская администрация вынуждена была констатировать, что «в глубине гор тлеет горючий материал и от времени до времени вспыхивает в виде насильственного отбирания общинниками земель частных владельцев»[39]. Отношения между крепостными крестьянами и их владельцами обострились настолько, что царская администрация забила тревогу о немедленном освобождении зависимых сословий у горских народов. Главнокомандующий Кавказской армией Великий князь Михаил в ноябре 1866 г. писал военному министру, что «вопрос об освобождении зависимых сословий горцев стал в такое положение, что было бы неблагоразумно и неосторожно откладывать его разрешение. Дух времени и слухи об освобождении крестьян России в Закавказском крае произвели свое действие, и случаи столкновений горских холопов с их владельцами и взаимные жалобы их становились все чаще, делая отношения между ними все более и более натянутыми»[40].

Накануне освобождения зависимых сословий в Кабарде атмосфера была предельно накалена. Из России доходили слухи, что там крестьянам уже дали свободу. Такие же слухи доходили в Кабарду и из Грузии, где крестьянская реформа была проведена еще в 1864 г. Все эти слухи не могли не волновать крестьянские массы, все чаще нарушавшие свои обязательства перед помещиками. Начальник Терской области генерал Лорис-Меликов, рапортуя о положении дел во вверенной ему области, вынужден был констатировать, что «холопы не могли оставаться равнодушными и, подстрекаемые доходившими до них вестями о даровании крестьянам свободы, глухо волнова-

лись, протестуя против существующего порядка вещей учащенными случаями неповиновения владельцам. Окружные управления едва ли не исключительно занялись разбором взаимных между владельцами и холопами споров, и нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения. Подобное ненормальное положение общества требовало какого-либо исхода, и сами рабовладельцы очень хорошо понимали, что владение холопами при настоящем их настроении не только не выгодно, но даже опасно»[41]. Крестьяне, не будучи знакомы с основыми принципами предстоящей реформы, чутко прислушивались ко всякого рода крайне противоречивым слухам о свободе, нередко сбивавшим их с толку. Не будучи знакомы с основными принципами предстоящей реформы, толки и слухи о свободе были крайне противоречивы. А когда в Кабарде было объявлено о проведении реформы, то крепостные крестьяне и вовсе отказались выполнять повинности своим прежним владельцам. «Состоявшиеся объявления о предстоящей перемене равносильны фактическому освобождению,- докладывал начальник Терской области генерал Лорис-Меликов помощнику Главнокомандующего Кавказской армией генералу Карцеву, — холопы, по естественному чувству жажды свободы, отказываются от исполнения своих обязанностей, и было бы бесполезной жестокостью строго взыскивать за такое извинительное их нетерпение»[42]. В данном случае трудно поверить в доброту и либерализм генерала Лорис-Меликова в отношении вышедших из повиновения своих владельцев кабардинских крепостных крестьян. Либерализм генерала Лорис-Меликова, по-видимому, объясняется чрезвычайной, напряженной, имевшей место в Кабарде накануне и в период проведения крестьянской реформы обстановкой, готовой вылиться в открытое выступление крестьян, которого сильно опасалась кавказская администрация. Высшая кавказская администрация в деле подавления крестьянских волнений в Кабарде полагалась на начальника Терской области генерала Лорис-Меликова и начальника Кабардинского округа полковника Нурида. «Вполне полагаюсь на умение генерал-адъютанта Лорис-Меликова и полковника Нурида,- писал наместник Кавказа,- чтобы противодействовать распущенным ложным слухам и не допустить беспорядков или возмущения в Кабарде»[43]. И они прикладывали немало усилий, чтобы предупредить возможные выступления крепостных крестьян, среди которых циркулировали упорные слухи, которые «обнадеживали народ в возможности получить свободу без выкупа» и будто бы «свобода давно дарована холопам государем, но не объявляется начальством по просьбе владельцев, которые желают выиграть время и заставить их откупиться, прежде чем последует объявление». Результатом этих слухов, распространившихся среди крестьян,

было то, что они «произвели волнение в зависимых сословиях, довели холопов до прекращения работ, общественных сборов и неповиновения владельцам»[44]. И в этот напряженный момент требовались от местной администрации чрезвычайные меры, чтобы удержать крестьян от выступлений. Все воинские части, находившиеся в распоряжении начальника Терской области, были приведены в боевую готовность, а кроме того, были приняты меры к удовлетворению экономических интересов как владельцев, так и унаутов, путем оказания им материальной помощи от государственной казны. Начальник Терской области генерал Лорис-Меликов по этому поводу писал начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду следующее: «Везу с собой в Тифлис письменное ходатайство об ассигновании 40 000 руб. для вспомоществования тем из беднейших владельцев, которые с освобождением своих холопов подверглись слишком резким лишениям. Второе ходатайство мое заключается в ассигновании 10 000 руб. для будущего водворения унаутов, которые, не имея почти никакого имущества, потребуют для первоначального обзаведения отпуска пособия от казны в размере до 30 руб. на семью. Для получения уведомления производить некоторые пособия особенно теряющим владельцам в размере от 100 до 150 руб. Мера эта будет влиять полезно на благомыслящую часть населения, которая убедится, что правительство со своей стороны желает оказать посильную и возможную помощь в трудном для Кабарды деле освобождения холопов»[46].

Все это делалось не из чувства сострадания к несчастным унаутам, о которых сама терская администрация вынуждена была констатировать, что «они лишены возможности просуществовать день без посторонней помощи», а исключительно затем, чтобы как-нибудь удержать крестьянские массы от вооруженных выступлений. Однако никакими мерами, никакими подачками терская администрация не могла удержать кабардинских холопов от выступлений. Как и всюду в России, крестьянская реформа не обошлась без возмущения крестьян. Какие именно были выступления крестьян в Кабарде, их размах и результаты, к сожалению, в документах не нашло должного отражения, но некоторые отголоски об этих выступлениях все-таки дошли до нас.

Так, начальник Терской области генерал Лорис-Меликов предписывал начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду: «Для своевременного сношения Главнокомандующего с военным министром прошу Вас поспешить с донесением о тех лицах, которые будут высланы в Новочеркасск с обозначением сроков или условий их ссылки и кратким описанием участия ссылаемого в происшедшем беспорядке»[46].

Из приведенной выдержки и предписания начальника Терской области ясно видно, что в Кабарде в период проведения крестьянской реформы происходили крестьянские выступления, за участие в которых люди были наказаны и сосланы в

Новочеркасск. Следует отметить, что в кабардинских беспорядках активное участие принимали и перепуганные крестьянской реформой местные рабовладельцы, которые, стремясь сохранить свои классовые привилегии, примкнули к общему движению крестьян. Феодалы хотели использовать массовое движение крестьян в своих классовых целях.

Объявление царской администрации об освобождении зависимых сословий кабардинские феодалы восприняли весьма враждебно. В конце января 1866 г. недовольство кабардинских рабовладельцев вылилось в известное Шалушкинское выступление, направленное против предстоящей крестьянской реформы. Осенью того же года кабардинские феодалы, убедившись что правительство бесповоротно решило осуществить освобождение холопов, поставили вопрос об отмене решения освободить зависимые сословия или, если правительство не отменит своего решения, разрешить им вместе с холопами в виде протеста переселиться в Турцию. В феврале 1867 г. группа недовольных феодалов насчитывала в Кабарде свыше 400 человек. Назревал вооруженный конфликт между феодалами и правительственными войсками. Однако стянутые в Кабарду войска успокоили недовольных дворян, которые разошлись по домам и подчинились необходимости освобождения рабов и остаться на жительство в Кабарде. Результатом этой вспышки было удаление из Кабарды во внутренние губернии России нескольких наиболее активных подстрекателей и наложение на кабардинский народ тяжелой денежной контрибуции для возмещения расходов по передвижению и довольствованию вызванных в Кабарду правительственных войск[47].

Причина враждебного отношения кабардинских феодалов к крестьянской реформе объясняется социально-экономической отсталостью Кабарды. Трудно было склонить кабардинского рабовладельца на освобождение холопов, составлявших его богатство. Правильно было подмечено кавказской администрацией, что «жизнь кабардинца, сложившаяся веками и по местным условиям мало подвинувшаяся от привычек предков, представляет столько особенностей, что человеку, не знающему этой странной, причудливой и пустой жизни, трудно и даже нельзя понять, почему то, что кажется полезно и применимо к одной и даже нескольким народностям, вредно и неприменимо к нашему туземцу»[48]. А потому «лишить туземца, и в особенности кабардинца, холопа одно и то же, что лишить его собственности, а жену его и дочерей - всех средств к существованию, и надо очень многое предоставить кабардинцу, чтобы вознаградить ему лишение холопов, ибо, по его понятиям, привычкам, и складу жизни, никакое вознаграждение не может быть равносильно такой потере»[49]. Совершенно правильно констатировала кавказская администрация, что «холоп составляет самый ценный и необходимый предмет в благосостоянии туземца кавказского,

вся жизнь которого и скромное довольство основаны на обязательном труде дорого купленного холопа и еще более дорогой холопки»[60].

Таково было значение холопов в экономическом быту кабардинского дворянства. Труд холопа составляет почти единственный источник благополучия и даже физического существования паразитического класса кабардинских феодалов. Отсюда и резко отрицательное отношение кабардинских феодалов к крестьянской реформе. Они прилагали все усилия к тому, чтобы избежать крестьянской реформы и сохранить прежний порядок жизни, дававший им полную возможность максимальной эксплуатации крепостного крестьянства Кабарды.

Крепостные массы Кабарды, естественно, не разделяли точки зрения феодалов на крестьянскую реформу. Они, напротив, с нетерпением ждали дня, когда сбросят с себя позорные и ненавистные цепи рабства.

Классовая борьба между кабардинскими феодалами и крепостными крестьянами разгоралась вокруг вопроса о том, по какому пути должно пойти дальнейшее историческое развитие капитализма в сельском хозяйстве - по прусскому или американскому пути. Феодалы отстаивали прусский, а крестьянские массы — американский путь развития.

О двух путях капиталистического развития сельского хозяйства в период проведения крестьянской реформы в России В. И. Ленин в 1907 г. писал: «Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но впервые такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые - интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще на данном уровне культуры, размеров благосостояния крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»[61]. «Борьба крестьянских и помещичьих интересов была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития»[52].

Царской администрации удалось довести до сознания кабардинских владельцев неизбелсность крестьянской реформы и опасность владения холопами, готовыми к восстанию и расправе с ненавистными рабовладельцами. И действительно, перед кабардинскими рабовладельцами тогда стояла дилемма: или не подчиниться распоряжению правительства об освобождении зависимых сословий, но оказаться перед лицом грозных восстаний холопов, или, приняв предложение правительства, избе-

55 Заказ № 106

жать восстаний рабов, но потерять даровой их труд. Они хорошо понимали, что им своими собственными силами не справиться с крестьянскими восстаниями, полагаться же на помощь правительства, распоряжение которого ими же отвергалось, для них было весьма рискованно. Поэтому они были вынуждены принять предложение правительства о проведении в Кабарде крестьянской реформы.

В результате крестьянской реформы русский крестьянин, хотя и перестал быть крепостным, но не сделался свободным мелким собственником. Действительно, «из белого негра он превратился в батрака с наделом»[53]. Крестьянская реформа 1861 г., как справедливо указывал В. И. Ленин,- «это первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии» .

Крестьянская реформа не ликвидировала сословной неполноправности. Напротив, она «оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»[55]. В этом и заключалась одна из реакционных черт крестьянской реформы как в центре, так и на окраинах.

Такой же реакционной чертой реформы следует признать и выкупные платежи с крестьян в пользу помещиков за землю и крепостное право. По существу, «выкупные платежи были прямым ограблением крестьян помещиками, что они платились не только за крестьянскую землю, но и за крепостное право»[58].

В самом деле, зависимые сословия Кабарды за свою ничтожную свободу должны были заплатить в среднем 42 млн руб. или взамен этой суммы находиться в зависимых отношениях к своему прежнему феодалу в продолжение 6 лет.

Такой же реакционной чертой крестьянской реформы следует считать и сохранение отработок, сущность которых заключалась в том, что «помещичья земля обрабатывается не помещичьим инвентарем, не наймом рабочих, а инвентарем крестьянина, закабаленного соседним помещиком. Отработочное хозяйство - это то же самое подновленное, подкрашенное, перелицованное крепостническое хозяйство»[57]. Отработки предполагают наличие внеэкономического принуждения и неполноправности отработчика.

Реакционной чертой реформы следует считать и то важное обстоятельство, что крестьян освободили с голодным земельным наделом. Как правильно констатировал Ф. Энгельс, «того, что у него оставалось, было слишком много, чтоб умереть с голоду и слишком мало, чтобы существовать»[58]. А между тем «чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству»[59].

Несмотря на реакционные черты крестьянской реформы, она тем не менее имела большое положительное значение, заключающееся в том, что в результате ее как в России, так и на окраинах «произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общественного строя другой - замена крепостничества капитализмом»[60]. Капитализм же по сравнению с крепостничеством является более прогрессивной общественной формацией. Еще В. И. Ленин указывал, что «основная идея (мысль) К. Маркса во всех его сочинениях, мысль, подтвержденная после Маркса опытом всех стран, есть мысль о прогрессивности капитализма по сравнению с крепостничеством»[61].

Освобождение зависимых сословий в Кабарде имело для ее внутренней и внешней истории такое же важное значение, какое имела для России крестьянская реформа 1861 г. Освобождение зависимых сословий переключало отсталую феодально-раздробленную Кабарду на путь капиталистического развития, ломало феодально-крепостническую замкнутость и толкало ее на культурно-экономическое сближение с Россией, находившейся на более высокой стзшени культурно-политического развития.

Крестьянской реформе 1861 г. для внешней и внутренней истории России К. Маркс придавал большое значение. В письме к Ф. Энгельсу от 29 апреля 1858 г. К. Маркс писал: «Движение в пользу освобождения крепостных в России кажется мне важным, потому что оно знаменует собою начало в стране внутренней истории, которая может стать поперек дороги ее традиционной внешней политике»[62]. Значение крестьянской реформы 1861 г. для внутренней истории России заключалось в том, что реформа, отменяя крепостничество и переключая Россию на путь капиталистического буржуазного развития, способствовала дальнейшему, более быстрому развитию русского рабочего класса и его революционного движения в стране. Международное значение крестьянской реформы 1861 г. заключалось в том, что русский рабочий класс и его революционное движение не могли не встать поперек дороги внешней политики царизма, игравшего в то время роль «жандарма Европы» и душителя международного революционного движения.

Важно далее отметить, что реформа для крестьянских масс имела революционизирующее значение. То обстоятельство, что в результате реформы 1861 г. крестьянские массы были ограблены помещиками и посажены на нищенский земельный надел, делало их положение весьма шатким и неустойчивым. Интересна в этой связи оценка положения русских крестьян в пореформенный период Ф. Энгельсом, который писал: «Положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым и вовсе шатким и что уже по одному этому в России нужно ожидать революции - это несомненно»[63].

Подтверждением правильности положения Ф. Энгельса служат развернувшиеся в пореформенный период 54 крестьянских восстания, содействовавшие углублению революционной ситуации в России. На историческую арену выступал не прежний забитый, приросший к своей деревне, веривший духовенству и боявшийся начальства крепостной крестьянин, а крестьянин нового типа, побывавший в отхожих промыслах в городах и научившийся кое-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы[м]. Это были крестьяне, которые не в состоянии были прокормить себя и свою семью с оставшихся у них после реформы клочков земли, а потому вынужденные броситься на сторону за заработками. Широкой волной они устремились на фабрики и заводы, на стройки железных дорог и других фабрично-заводских зданий. Много крестьян на дому было занято работой, которую получали от купцов и фабрикантов. Крупные изменения произошли в пореформенный период и в земледелии. Помещики, перераставшие в капиталистических предпринимателей, стали производить хлеб на продажу. Для производства товарного хлеба требовались наемные рабочие, и массы ограбленных реформой крестьян, забрасывая свои крохотные участки земли, пошли в батраки к капиталистическим предпринимателям, производили хлеб на продажу. Крестьянские массы окончательно отрывались от сельского хозяйства и уходили в города и фабрично-заводские центры, образуя особый класс людей, не имевших никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живших продажей своей рабочей силы.

Сельских пролетариев следует рассматривать как важную революционную силу и как верных союзников промышленных пролетариев в революционной борьбе. Быстрый рост рабочего класса в России и не менее быстрый рост сельских пролетариев и полупролетариев, рекрутировавшихся из числа ограбленных в 1861 г. помещиками с правительством крестьян, действительно давали основание ожидать в России революции. В этом заключается один из важнейших итогов крестьянской реформы 1861 г.

#

IV. УЧРЕЖДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Крестьянская реформа среди горцев Северного Кавказа была проведена в 1867 г. Задержалась она, по-видимому, вследствие затянувшейся Кавказской войны. На Восточном Кавказе, как известно, война закончилась в 1850 г., на Западном Кавказе - в 1864 г. Само собой разумеется, что в огне продолжавшейся войны вплотную заняться вопросами крестьянской реформы среди непокоренных пока горцев было невозможно. И тем не

менее кавказская администрация после освобождения крестьян России поняла, что среди горских народов также придется им заняться этим вопросом. Не случаен поэтому факт, что еще задолго до окончания Кавказской войны администрация уже приступила к некоторым предварительным мероприятиям, связанным с проведением крестьянской реформы среди горцев Северного Кавказа.

Одним из первых мероприятий, связанных с предстоящей крестьянской реформой, надо считать учреждение так называемых частных комитетов в 1859 г., после окончания войны на Восточном Кавказе. Частные комитеты были организованы в Кабардинском, Осетинском и Кумыкском округах. Обязанность комитетов заключалась «в определении личных и поземельных прав туземцев и в указании средств и способов к прочному устройству поземельного их быта, дабы они, будучи материально обеспечены, в отношении государственных повинностей могли принять участие по примеру прочего населения империи»[65].

Частные комитеты в своей практической работе допустили крупную с точки зрения правительства ошибку, заключающуюся в том, что «прямым интересам туземцев, т. е. обеспечению их землею, предпочли интерес косвенный - разбор личных прав, в существе своем гораздо менее нужный туземному населению». Таким образом, частные комитеты «второй шаг сделали прежде первого», а «кроме того, они страдали отсутствием единства в действиях»[68].

Вследствие изложенных причин в мае 1863 г. частные комитеты были закрыты и заменены Комиссией по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области, которая в августе того же 1863 г. приступила к работе. Председателем Сословной комиссии был назначен действительный статский советник Кодзоков, происходивший из мелкопоместных кабардинских дворян, но получивший университетское образование в России. Кодзоков пользовался большим доверием царской администрации и широкой популярностью среди кабардинских дворян.

По словам самого Кодзокова, «сущность порученных Комиссии работ состояла в разработке лучших оснований прочного водворения и благоустройства, которые облегчили бы горцам тяжесть предстоящей государственной подати, сделали бы их способными к принятию крестьянской реформы и во всех прочих туземных племенах Терской области вселили бы доверие к правительству»[67]. Таким образом, задача Комиссии заключалась в том, чтобы подготовить горцев к предстоящим платежам государственных податей, вселить в них доверие к правительству и его административным мероприятиям.

Первым мероприятием Комиссии следует считать акт от 20 августа 1863 г., составленный и подписанный выборными

депутатами кабардинского народа об общинном праве пользования землей.

Земельный вопрос в Кабарде является одним из самых запущенных вопросов во всей истории кабардинского народа. Актовый материал, начиная со времени царствования Петра I, последовательно свидетельствует о том, что наиболее крупные кабардинские князья за службу или оказанные важные услуги России награждались крупными земельными участками, которыми они владели на основании дарственных грамот, как своими вотчинами. Крупными вотчинниками в Кабарде в царствование Петра I и Екатерины II были, в частности, приближенные Петра I князь Александр Бекович-Черкасский и известный генерал русской службы времен Екатерины II князь Эльмурза Бекович-Черкасский со своими сыновьями. Несмотря на это, в дореволюционной исторической литературе о Кабарде утверждалась несостоятельная точка зрения, будто в Кабарде не было частной собственности на землю, но что, напротив, земля являлась общественной собственностью и ею пользовались на общинном праве. Даже материалы, собранные на месте Кабардинским окружным народным судом и представленные накануне крестьянской реформы Терской областной администрации, говорят о том, что в Кабарде земля считалась общественной и ею пользовались на общинном праве, которое заключалось в том, что каждый свободный человек получал известный пай земли для прокормления своей семьи и принадлежащих ему унаутов, логанаутов и огов, последние из которых, кроме огов, еще пользовались особыми участками для пахоты, покоса и кутана. Зависимые же сословия, за исключением вольноотпущенников, обрабатывали земли своих феодалов, и за эту свою работу они получали известную часть собранного владельцем урожая хлеба и сена. Никаких земельных участков зависимые сословия в Кабарде не получали.

Такова была точка зрения на земельный вопрос в Кабарде накануне крестьянской реформы.

Ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что в Кабарде с давних времен существовал феодальный строй со свойственными этой общественной формации типичными чертами, и в то же время отрицалось наличие феодальной собственности на землю. А между тем феодализм непременно предполагает наличие феодальной собственности населения, и только она является, с точки зрения марксистской науки, основой феодализма.

Несостоятельная точка зрения об отсутствии в Кабарде феодальных земельных собственников возникла накануне крестьянской реформы при активном содействии тогдашнего начальника Терской области генерала Лорис-Меликова, принудившего кабардинских князей отказаться от своих феодальных прав на землю. Вот что рассказал на смертном одре действительный статский советник Кодзоков, сыгравший в деле отказа кабардинских князей от своих феодальных прав на землю решающую роль. «Стремясь быть полезным для государства,- сказал Кодзоков,— в частности, и главным образом, для своего народа, но попав на ложную дорогу, я сделал много дурного и это меня мучает. Но ничего теперь не могу исправить. Так, например, принимая все чистые и нечистые меры к тому, чтобы заставить кабардинских князей и дворян добровольно отказаться от права собственности на некоторые родовые их земли, я думал, что все земли перейдут в собственность всего кабардинского народа. И Лорис-Меликов убеждал меня, что он преследует исключительно эту цель. Но я ошибся. Часть земель роздана офицерам и чиновникам в собственность»[68].

Показание Кодзокова, по-видимому, не подлежит сомнению. Начальник Кабардинского округа полковник Нурид писал по этому вопросу, что «прежде чем было приступлено к решению холопского вопроса, высшее сословие Кабарды, имевшее в среде своей землевладельцев, собственников, сделало огромную услугу и правительству, и народу, признав земли общественной собственностью, так что освобождение зависимых сословий не ставит правительство в необходимость наделять их землями, а каждый освобожденный холоп будет иметь одинаковые права на землю с бывшим его владельцем»[69].

Таким образом, начальник Терской области генерал Лорис-Меликов при содействии Кодзокова, пользовавшегося среди кабардинских феодалов большой популярностью, обманным путем добился отчуждения кабардинских феодальных земель и их концентрации в руках царского правительства, которое и раздало их по своему усмотрению офицерам и чиновникам в собственность. Актом от 20 августа 1863 г. доверенные от кабардинских феодалов, подготовленные Сословной комиссией Кодзокова, засвидетельствовали, что «земля кабардинского народа составляет общее его достояние и что кабардинцы желают ею пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при каких издревле жили кабардинцы по своим народным обычаям»™.

Для царского правительства акт 20 августа 1863 г. имел двоякое значение. На основании этого акта правительство, во-первых, получило возможность решить земельный вопрос при проведении крестьянской реформы в Кабарде и, во-вторых, отвести претензии кабардинских князей о распространении на них прав и привилегий русского дворянства.

Основным мотивом отказа о предоставлении им прав и привилегий русских дворян правительство выдвигало то обстоятельство, будто бы в Кабарде не существовало частной поземельной собственности, ссылаясь при этом на акт 20 августа, подписанный доверенными кабардинских князей.

Таким образом, не подлежит сомнению, что кабардинские феодалы были частными собственниками земли, которой они владели на правах вотчинников. Феодальная зависимость на землю и составляла основу кабардинского феодализма.

За год крестьянской реформы в Кабарде был организован Кабардинский окружной комитет, в состав которого входили выборные от феодалов в количестве 25 человек, выборные от холопов и члены Кабардинского окружного суда. Окружной комитет, приступивший к работе осенью 1866 г., обязан был заниматься разработкой «всех вопросов по размеру выкупных платежей по имуществу обрядных холопов, обеспечения быта бесправных холопов и установления порядка приведения выкупа сделок Комитета по приведению их в действие, представления их на рассмотрение Главного Комитета в Тифлисе»[71].

Одновременно с Окружным комитетом были организованы участковые посреднические суды, которые находились постоянно при участковом начальнике, обязаны были следить за точным исполнением правил и разрешать возникшие недоразумения или несогласия между владельцами и холопами при освобождении последних и исполнении обязательных ими условий»[72]. В Кабарде было организовано четыре посреднических суда: Баксанский, Черекский, Мало-Кабардинский и Горский. В состав каждого суда входили: начальник участка, который являлся председателем суда, один депутат Окружного народного суда, два депутата от феодалов и два депутата от зависимых сословий - всего шесть человек. Мировой посредник имел довольно широкие полномочия по примирению феодала и холопа. При переговорах между ними посредник обязан был выяснить, кто из двух сторон виновен в несостоявшемся соглашении, и потом, если виновным оказывается феодал, то посредник лишает его права на получение какого-либо вознаграждения за освобождаемого холопа. Если же виновным оказывается холоп, то последний со своей семьей ссылается навсегда в глубь России.

В тех случаях, когда соглашение между феодалом и холопом не достигнуто по вине обоих договаривающихся сторон, мировой посредник по своему усмотрению решает вопрос об условиях взноса холопом выкупной платы. При разделе имущества, когда холоп желал немедленно заплатить за себя и за членов своей семьи выкуп наличными деньгами, мировой посредник обязан был следить за тем, чтобы уплата была произведена в его присутствии, и дело этим заканчивалось.

Мировые посреднические суды руководствовались инструкцией, разработанной и утвержденной Главным Комитетом по крестьянским делам. Инструкция подчеркивала, что в основе деятельности посреднических судов при заключении между феодалом и холопом соглашения лежал принцип добровольности. В инструкции говорилось, что «суд ни в коем случае не

вправе принимать насильственные меры» в деле освобождения зависимых сословий, причем суд обязан был, «сколько возможно, склонить владельцев к уступкам против нормы в пользу рабов и ни в коем случае не допускать условия слишком для рабов тяжелые или невыполнимые вовсе».

Предписывалось посредническим судам производить раздел имущества в присутствии посредников и выбор из равных долей имущества - рогатого скота, лошадей, овец, пчел и участков земли - предоставлялся холопам. Освобожденным холопам позволялось отдавать в уплату выкупа скот и даже землю при том, однако, условии, чтобы у холопа оставалась пара быков, одна корова и участок земли, достаточный для прокормления семьи. Всем оставшимся у феодалов в обязательной работе крестьянам посреднический суд обязан был определить размер годового заработка для каждого работника отдельно, а также возраст несовершеннолетних унаутов мужского пола и обрядных сирот. Каждому освобожденному крестьянину посреднический суд обязан был вручить акт об освобождении на русском языке определенной формы, который заменял собой уставную грамоту.

Над всеми учреждениями, созданными для проведения крестьянской реформы на Кавказе, главенствовал Особый комитет по крестьянским делам, проект организации которого был утвержден наместником Кавказа 16 мая 1866 г. Особый комитет находился при наместнике Кавказа. Председателем Особого комитета был назначен помощник Главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютант Карцов, а постоянными членами Комитета - помощник начальника штаба Кавказского военного округа Генерального штаба генерал-майор Богуславский, управляющий Канцелярией по делам устройства крестьян з Закавказском крае, действительный статский советник князь Туманов, начальник Кавказского горского управления полковник Старосельский, состоявший для особых поручений при Главнокомандующем Кавказской армией Великом князе Михаиле, Генерального штаба полковник Черкесов и член-делопроизводитель, пом("-цник начальника Кавказского горского управления Генерал ,-гого штаба полковник Павлов.

Кроме перечисленных официальных членов Особого комитета, к работе последнего, в случае надобности, привлекались начальник областной и начальники военно-парадных управлений и в необходимых случаях - начальники округов и заслуживавшие доверяя туземцы из владельческого класса в качестве экспертов.

Задачи Особого комитета были сформулированы наместником Кавказа Великим князем Михаилом, который предписывал председателю Комитета генералу Карцову, что Особый комитет по крестьянским делам организуется для выяснения и обсуждения всех данных относительно настоящего положения

и быта лиц зависимых сословий и их владельцев и составлении правил и положения, на основании которых должно быть осуществлено уничтожение крепостной зависимости в горских племенах Кавказа, и этой задачи необходимо «достигнуть без потрясения общественного порядка и без расстройства хозяйственных интересов владельческих классов»[73].

Все перечисленные комиссии и комитеты, которые были организованы для проведения крестьянской реформы среди горцев Северного Кавказа, носили строго классовый характер. Правда, в некоторых учреждениях, как, например, в Окружном комитете и в посреднических судах, хотя формально и были представители от зависимых сословий, их было меньшинство, а главное - в качестве представителей зависимых сословий владельческий класс обычно проводил своих представителей. Таким образом, ни в Окружном комитете, ни в посреднических судах зависимые сословия фактически не были представлены. Что касается Сословной комиссии Кодзокова и Особого комитета при наместнике Кавказа, то в них даже формально не были представлены депутаты зависимых сословий. И это не случайно. Среди тогдашних кавказских администраторов были такие, которые открыто выступали против участия представителей холопов в работах комиссий и комитетов. К числу противников участия холопов в деле освобождения крестьян между прочим был начальник Кабардинского округа полковник Нурид, который писал, что «нет надежды, чтобы холопы делали более умные заявления, а потому, по его мнению, будет совершенно справедливо если из представленных владельцами правил обязательного выкупа будет усмотрено, что холопам предложены удобоисполнимые условия и будущность их обеспечена наделом имущества, который даст средство для первоначального обзаведения хозяйством, решить вопрос, не обращая внимания на их заявления. Это тем более будет справедливо, что холоп на основании народного обычая отходил от своего владельца с сравнительно огромной выкупной платой без ничего, должен был быть доволен, если ему дадут теперь вместо прежнего ничего - весьма многое»[74].

Официальное решение о лишении представителей холопов права участвовать в созданных для проведения крестьянской реформы учреждениях вынесено не было. Напротив, в окружных комитетах и посреднических судах холопы формально имели равное с владельческим классом количество депутатов, но уже, как отмечалось, эти депутаты намечались самими феодалами из числа лиц, верных интересам правящего класса. Отсюда нетрудно понять, что вся работа перечисленных учреждений была направлена к тому, чтобы максимально защитить при проведении крестьянской реформы интересы не зависимых сословии, а царского правительства и владельческого класса. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно познакомиться с содержанием инструкций комиссий и комитетов. В этих инструкциях перед всеми учреждениями ставились одни и те же задачи, сводившиеся к подготовке горского населения к обложению государственными податями и налогами, к вселению в горцах доверия к правительству и ко всем его мероприятиям и, наконец, к защите экономических интересов владельческого класса.

Вся подготовительная работа к крестьянской реформе была проведена перечисленными выше учреждениями, которые своей практической работой оказывали царскому правительству громадные услуги. Уже отмечалось, что Сословная комиссия во главе с действительным статским советником Кодзоковым добилась от кабардинских феодалов акта от 20 августа 1863 г., в силу которого владельческий класс добровольно отказывался от своих вотчинных прав на родовые земли, признав их общенародными. Накануне крестьянской реформы, в условиях Кабарды это была очень важная услуга правительству, получившему свободу действий в отношении кабардинских частновладельческих земель и разрешившему денежный вопрос по своему усмотрению.

При помощи той же Сословной комиссии Кодзокова осенью 1865 г. в Малой Кабарде было проведено важное мероприятие по укреплению малокабардинских сел. Население 19 кабардинских сел было размещено в 9 селах, жители которых при непосредственном участии комиссии местных начальников и кабардинских депутатов были временно наделены землею. Для царского правительства это было важным мероприятием, так как оно после этого приступило к взиманию за этот год государственной подати и получило возможность приступить к освобождению крепостного сословия с наделом его землею[75].

Укрупнение сел Сословной комиссией было проведено и в Большой Кабарде, где из 97 сел было организовано 33 села.

Важным мероприятием следует отметить проведенное Комиссией исчисление государственных податей с указанием путей их взимания с населения.

Сословная комиссия занималась также возложенным на нее правительственным вопросом образования в Кабарде частных земельных собственников, которые, по мнению правительства, должны были служить для него социальной опорой внутри кабардинского народа. При решении этого вопроса начальник Терской области генерал Лорис-Меликов выдвинул 2 условия, которые должны были лечь в основу образования земельных собственников в Кабарде. Эти условия сводились к следующему:

1. «Имея в виду наклонность к шалостям и воровству, существующую еще в молодом поколении кабардинского сосло-

вия, необходимо воспретить на первые 5 лет селиться собственникам одиночными хуторами на отведенных им участках и, следовательно, нужно будет, временно удержать за ними в аулах право оседлости и пользования одним паем, наравне с прочими жителями;

2. Легко может случиться, что многие из владельцев поспешат продать свои земли за бесценок своим же вольноотпущенникам, и мы, не достигнув требуемого для правительства обеспечения высшего сословия, будем носить на руках тех же голышей, громко именуемых князьями и тлакотлешами, пока собственники не усвоят начал правильного земледелия или даже скотоводства»[76].

Работа Сословной комиссии была разносторонней , и весьма нужной для царского правительства. Сословная комиссия занималась сбором подробных сведений относительно сельского быта кабардинцев, их нужд, существующих препятствий к развитию между ними сельскохозяйственной промышленности и мер к спокойному и рациональному использованию всех принадлежащих им угодий, а также статистических данных о величине крепостного сословия, численности скотоводства, о количестве плугов и степени развития пчеловодства[77].

Учреждения, созданные для сбора по возможности исчерпывающих материалов по социально-экономическому быту горских народов и для проведения среди них крестьянской реформы, с возложенными на них правительством задачами справились неплохо. В результате работы этих учреждений, главным же образом благодаря собранным Сословной комиссией материалам, царская администрация имела о социально-экономической жизни горских народов и каждом из них в отдельности довольно ясное представление.

Перечисленные выше учреждения принимали самое активное участие в разработке условий освобождения зависимых сословий у горских народов.

V. УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В КАБАРДЕ

Слухи о предстоящей крестьянской реформе стали доходить в горскую среду за несколько лет до фактического ее осуществления. Они доходили из России, а главным образом из Грузии, где реформа была закончена в 1864 г. Доносившиеся до Кабарды слухи о скором освобождении зависимых сословий сильно переполошили местных рабовладельцев, среди которых на крестьянскую реформу существовали 2 точки зрения - за реформу и против реформы. Первой точки зрения придерживалось более прогрессивное меньшинство, а второй - реакционное большинство кабардинских рабовладельцев. Во главе кабардинских рабовладельцев, понявших неизбежность крестьянской реформы, а потому не возражавших против нее, были князь Атажукин и подполковник царской службы князь Анзоров. Реакционное большинство кабардинских дворян крестьянскую реформу встретило враждебно. И тогда начальник Терской области Лорис-Меликов писал помощнику Главнокомандующего Кавказской армией генералу Карцову, что ему хорошо известно, как принято было распоряжение об освобождении крестьян «в других населениях области, имеющих холопов, что население Кабардинского округа приведено было в полное отчаяние»[78]. Несомненно, он имел в виду оппозиционное большинство кабардинских феодалов. Не желая подчиниться решению правительства об освобождении зависимых сословий, противники реформы ультимативно поставили перед Россией вопрос об отмене этого решения, а иначе они угрожали поголовным, со своими холопами, переселением в Турцию. Упомянутые кабардинские князья Атажукин и Анзоров, будучи уверены, что Турция откажется принять кабардинских переселенцев, посоветовали России разрешить кабардинским феодалам послать делегатов в Турцию «для последующего убеждения желания Кабарды о том, что Порта не соглашается больше принимать горцев и что жизнь переселенцев там незавидна». Однако это предложение Россией не было принято ввиду того, что вслед за официальным объявлением Портой желания не принимать переселенцев, «нельзя себе представить той роли, в которую будут поставлены кабардинские депутаты, входившие, как бы с разрешения нашего, в переговоры с константинопольскими властями о принятии их в Турцию. Допущение подобной меры послужит как бы признанием нашего бессилия в управляемой стране»[79].

Сломить переселение кабардинских феодалов и заставить их примириться с крестьянской реформой было нелегко. В первые дни, когда обсуждался вопрос об освобождении зависимых сословий на многолюдном собрании кабардинских дворян в Нальчике, настроение рабовладельцев было весьма агрессивное. Они бряцали оружием и угрожали России поголовным выселением в Турцию, если она не отменит реформу или будет принуждать их к освобождению холопов.

Царская администрация хорошо была осведомлена о настроении дворянской оппозиции. Она относилась к ней с большой осторожностью. Помощник Главнокомандующего Кавказской армией генерал Карцов писал начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову, что осуществление крестьянской реформы с сохранением общего спокойствия в крае является важнейшей задачей. «Эта последняя задача, конечно, самая важная и уже будет вполне зависеть от Вас и лежать на Вас всей своей тяжестью»[80].

В основе отрицательного отношения кабардинских феодалов к освобождению зависимых сословий лежала социально-

экономическая отсталость Кабарды. Поэтому кабардинские рабовладельцы были заинтересованы не в найме свободных рабочих, а наоборот, в труде крепостного, лично-зависимого холопа. Отсюда безусловно был прав генерал Лорис-Меликов, докладывавший помощнику Главнокомандующего Кавказской армией, что «лишить туземца, и в особенности кабардинца, холопа - одно и то же, что лишить его собственности и надо очень много предоставить кабардинцу, чтобы вознаградить ему лишение холопов, ибо по его понятиям и привычкам, складу жизни, никакое вознаграждение не может быть равносильно такой потере»[81].

Вот свидетельство самих кабардинских феодалов о причинах отрицательного отношения к крестьянской реформе, лишавшей их дарового труда лично-зависимых холопов: «Лишить нас внезапно услуг холопов, а в особенности домашних прислужниц,- писали они,- значит повергнуть нас в крайнее положение и непременную нищету, ибо вследствие наших же нравов, ни одна свободная женщина ни за какую плату не согласится взять на себя обязанность унаутов, считая ее не свойственной свободной женщине. Мужчину-работника нанять между нами еще можно, но работницу-женщину нельзя найти ни за какую цену, ибо понятия о плате за женский труд у нас не существует»[82].

Терской администрации, однако, удалось довести до сознания кабардинских феодалов, что крестьянская реформа совершенно неизбежна и сопротивляться ей не только бесполезно, но даже опасно, так как крепостные крестьянские массы Кабарды, по примеру России и Грузии, с нетерпением ждут объявления им воли. Отсюда не только отмена реформы, но даже оттяжка ведет к вооруженному выступлению крестьян, которое может кончиться самоосвобождением их и кровавой расправой с рабовладельцами. Эти доводы Терской администрации оказались для кабардинских рабовладельцев достаточно убедительными, и в начале августа 1866 г. феодалы Большой и Малой Кабарды поспешили отправить своих делегатов к начальнику Терской области с докладной запиской, в которой они изложили основные принципы, на основе которых они просили осуществить у них крепостную реформу. «Как ни труден должен казаться нам такой неизбежный переворот в нашем быту,- писали они,- уповаем, что он совершится с возможно меньшими для нас невыгодами»[83].

Таким образом, если кабардинские феодалы бряцали оружием и угрожали России поголовным переселением в Турцию, то теперь они, убедившись в неизбежности реформы, начали просить о проведении ее с наименьшими для них невыгодами.

Царское правительство как в России, так и на Кавказе при освобождении крестьян полностью защитило интересы помещиков. Достаточно сказать, что все дело освобождения крестьян было поручено самим крепостникам, которые крестьян-

скую реформу провели так, что они за счет ограбленных крестьян получили от реформы максимальные выгоды. Кабардинские феодалы фактически сами продиктовали царской администрации условия освобождения зависимых сословий. В этих условиях, выставленных кабардинскими феодалами и утвержденных Особым комитетом Кавказа, интересы кабардинских рабовладельцев действительно были защищены: кабардинские рабовладельцы устанавливали за здорового совершеннолетнего крестьянина в возрасте от 15 до 45 лет откупную плату в 200 руб. серебром, за крестьян старше 45 лет, больных, калек размер выкупной платы определялся посредническим судом. За детей обоего пола до 15 лет устанавливался выкуп в размере 10 руб. за каждый год возраста.

Кабардинские феодалы предлагали накях и десериг делить пополам между владельцем и холопом. Однако Главный комитет, не согласившись с условием рабовладельцев, накях и десериг признал неделимой собственностью. В то же время Комитет признал за владельцами право на $^{2}/_{3}$ дидовос-белыма, а за холопами - на $^{1}/$. Сакля и домашняя утварь холопа составляли неделимую собственность крестьянина.

Б]сли освобожденный холоп не имел средств для уплаты выкупа, он обязан был остаться у своего владельца в продолжение 6 лет в качестве временнообязанного и выполнять все обязанности, которые он выполнял до реформы: пахать землю, сеять, жать, косить, вывозить лес для построек и дрова для отопления и варки пищи; плести плетни, огораживать дворы и огороды, доставлять хлеб и сено, строить зимовники для скота, ухаживать за рогатым скотом, лошадьми и баранами.

В условиях точно были регламентированы и обязанности унауток в период выполнения ими временных обязанностей. Обязанности унауток сводились к носке воды, приготовлению пасты на всю семью феодала и его гостей, дойке коров, носке молока в дом владельца, к стирке белья на всю семью феодала два раза в год, к мазке глиной сакли, разведению огородов и уходе за ними, приготовлению для старшего члена семьи владельца бурки и полости для потников и ружейных чехлов, производстве сукна и уходе за женою владельца во время болезни.

Таким образом, в период выполнения крестьянами временных обязанностей в их быту ничего не изменилось. Крестьянин продолжал оставаться прежним лично-зависимым холопом в продолжение 6 лет, и в период этого времени он обязан был погасить своим трудом причитавшуюся с него выкупную плату.

Посреднические суды для здорового совершеннолетнего холопа устанавливали годовую плату от 35 до 70 руб., а для женщин - от 25 до 40 руб.

Холопам разрешалось наниматься и к постороннему лицу. В продолжение 15 дней холоп обязан был наняться к новому хозяину, в противном случае он оставался у своего прежнего владельца на положении временнообязанного.

Безобрядные холопы освобождались в общем порядке. Унауты и унаутки по уплате владельцу выкупа в размере 200 руб. освобождались немедленно.

Если же безобрядный холоп не имел средств заплатить выкуп, он обязан был отработать его в течение 6 лет в хозяйстве владельца.

Вдовы-холопки, не имевшие средств выкупиться, имели право оставить своего владельца и поселиться у родственника, который в течение 3 месяцев обязан был представить феодалу двух надежных поручителей в том, что выкупная плата за вдову будет внесена в срок, определенный по взаимному соглашению с владельцем.

Малолетние дети отдавались ближайшим родственникам, которые вносили за них установленный выкуп. Круглые сироты оставались в доме владельца, который обязан был кормить, одевать и обувать их до совершеннолетнего возраста.

Дети в доме владельца выполняли посильные работы. Труд детей оценивался крайне низко. Труд мальчика оценивался в 10 руб., а девочки - в 3 руб. в год. Оставшуюся часть выкупной платы мальчики обязаны были отработать по достижении совершеннолетия, а девочки уплачивали ее из своего калыма при выходе замуж. Относительно малолетних унаутов кабардинские феодалы просили царскую администрацию об уплате им выкупа за них в размере 15 руб. из государственной казны.

Таковы были в основном выставленные кабардинскими феодалами условия освобождения зависимых сословий в Кабарде, которые были прочтены и разъяснены владельческому классу и крепостным крестьянам всех категорий.

Представив свои условия для освобождения холопов в Главный Комитет, кабардинские феодалы одновременно стали добиваться, чтобы им была предоставлена возможность договариваться и заключать соглашения с холопами на добровольных началах, но исходя из норм обычного права. «Предоставьте нам время,- просили они,- от 1 до 2 лет для освобождения зависимых сословий и обрядных холопов по временному соглашению владельцев с людьми тех сословий и с тем, что, согласившись в цене выкупа... зависимое лицо получает свободу и до окончания своего расчета исполняет в отношении своего прежнего владельца лишь те обязательства, которые войдут во взаимные условия, долженствующие совершаться с ведома местной у нас власти»[84].

Царская администрация к предложению кабардинских рабовладельцев о проведении крестьянской реформы в Кабарде путем добровольных соглашений отнеслась весьма скептически. Тем не менее, идя навстречу пожеланию феодалов, правительство разрешило осуществить освобождение холопов на основе добровольных соглашений с тем, однако, чтобы в случае неудачи сосредоточить вопрос в специально созданных для

проведения крестьянской реформы органах. «Допуская, что общего добровольного соглашения при настоящем настроении холопов последовать не может,- докладывал начальник Терской области генерал Лорис-Меликов наместнику Кавказа,- полагаю, что после первых 2 или 3 месяцев выяснится, насколько осуществимо предположение владельцев относительно возможности добровольных с холопами соглашений и что затем можно будет немедленно приступить к разработке Особым местным комитетом вопроса об определении нормы обязательной выкупной платы с значительным уменьшением сравнительно с той, которая полагается по обычаю»[86].

Представление генерала Лорис-Меликова по вопросу о добровольных соглашениях было санкционировано наместником Кавказа, который предписал начальнику Терской области «объявить всем владельцам крестьян в Кабардинском округе, что правительство предварительно всяких обязательных мер по решению крестьянского вопроса приглашает их, владельцев, самих к освобождению своих подвластных путем добровольных с ними соглашений». При этом на совершение таковых добровольных сделок между обеими сторонами и по окончательном заключении условий дать владельцам 1 $^{1}/$ -годичный срок со дня объявления им настоящего разрешения, но при этом однако же предупредить их, что срок этот будет иметь силу в том только случае, если правительство будет видеть, что владельцы, прося дать им время для добровольных соглашений, имеют в виду действительно воспользоваться этим временем для означенной цели, а не видят в этом только средство замедлить обязательное освобождение их холопов. Если же в течение V_2 года со дня объявления настоящей меры правительство убедилось в невозможности рассчитывать на успешное разрешение крестьянского вопроса этим путем, то оставляет за собой право тогда же приступить к определению по своему усмотрению обязательных условий прекращения личной зависимости[86].

На основании этой директивы наместника Кавказа начальник Терской области генерал Лорис-Меликов предписал начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду «предложить теперь же самим владельцам приступить к освобождению своих холопов путем добровольных с ними соглашений».

Таким образом, кабардинские феодалы добились разрешения наместника Кавказа освобождать своих холопов по обычаю путем добровольных соглашений. Кабардинские рабовладельцы разрешение этого вопроса в духе пожеланий феодалов приняли как проявление особого к ним внимания. «Разрешение... Главнокомандующим армии просьбы об освобождении зависимых сословий в Кабарде на основании наших обычаев путем добровольных соглашений,- писали они начальнику Терской

56 Заказ № 106

области,- мы принимаем как особенную милость и благоволение его высочества к кабардинскому народу».

Кабардинские рабовладельцы освобождению своих крепостных крестьян по «Правилам» предпочитали провести крестьянскую реформу на основе обычного права, которое, будучи превращено в монополию феодального класса, отражало с возможной полнотой интересы рабовладельцев. Обычное право, за которое так уцепились кабардинские рабовладельцы в отсталых и примитивных социальных условиях Кабарды, должно было играть важную роль. Как отмечалось еще К. Марксом, «при том принципиальном и неразвитом состоянии, на котором покоится это общественное отношение производства и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть преобладающую роль. Ясно далее, что здесь, как и всюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы санкционировать существующее как закон, и те ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения»[87].

Кабардинские рабовладельцы настойчиво добивались от правительства разрешения провести им крестьянскую реформу по обычаю народа затем, что освобождение зависимых сословий по обычаю путем заключения добровольных с холопами соглашений, для феодалов было экономически значительно выгоднее, чем по -«Правилам», разработанным самими же феодалами и утвержденным правительством. Если правила устанавливали для освобождаемых крестьян выкупную плату в 200 руб., то по взаимным между феодалами и холопами добровольным соглашениям рабовладельцы при определении размера выкупной платы исходили из предусмотренных обычаем продажных цен холопов и, таким образом, они вместо 200 руб. взимали выкуп в размере от 200 до 500 руб.

Так выглядели разработанные самими кабардинскими феодалами правила освобождения зависимых сословий. В основном эти условия сводились к тому, что, если холоп освобождался на основании «Правил», он обязан уплатить феодалу за свою личную свободу 200 руб. выкупной платы и $^2/_3$ из дидовос-белыма. Если же он освобождался путем добровольных соглашений, обязан был заплатить за себя и за членов семьи выкуп в размере, предусмотренном обычаем, продажной цены холопа от 200 до 500 руб. и, кроме того, он обязан был отдать феодалу все свое движимое имущество. Если же, наконец, холоп не имел средств для уплаты выкупа, он обязан был остаться у своего владельца на правах временнообязанного сроком на 6 лет.

В продолжение обусловленных 6 лет холоп обязан был выполнять решительно все работы и повинности, которые лежали на его обязанности до реформы. Правда, временнообязанный крестьянин имел возможность освободиться и раньше указанного срока, но при условии досрочной уплаты обязательного выкупа. За отсутствием средств для досрочной уплаты выкупа это «право» для холопов не имело почти никакого практического значения.

В составлении правил, на основании которых должны были освобождаться кабардинские холопы, зависимые категории не принимали никакого участия. На это ненормальное положение обратил внимание член Главного комитета полковник Черкесов, который писал: «Переходя к разбору главнейших оснований проекта обязательного выкупа, составленного владельцами, нельзя не заметить того, что она составлена без всякого участия депутатов со стороны холопов и что начальнику области не было представлено никаких принципиальных заявлений о том, в какой мере выборные от холопов считают предложения владельцев удобоприемлемыми. Нельзя, как мне кажется, основываясь на одном словесном объяснении начальника округа, устранить выборных со стороны холопов от участия в составлении правил обязательного выкупа, когда по смыслу предписания Главнокомандующего выборные от холопов должны быть допустимы к предварительной разработке в Местном комитете условий обязательного выкупа». «Оставляя в стороне это соображение, что несоблюдение важной в этом случае обрядности может впоследствии подать повод к справедливым жалобам со стороны холопов, нельзя не остановиться на том, что правительство, не выслушав одну из заинтересованных сторон, не может взять на себя право придать обязательную силу закона правилам, составленным другою стороною и вполне гарантирующим интересы этой стороны, другими словами - правительство не должно и не может действовать под диктовку кабардинских рабовладельцев»[88].

Однако кавказские администраторы в вопросе об освобождении зависимых сословий в Кабарде оказались на поводу у местных рабовладельцев, отстранивших представителей холопов от участия в вопросе, непосредственно их касавшимся, и продиктовавших правительству свои условия освобождения холопов. Кабардинские рабовладельцы были против крестьянской реформы. Они настаивали на том, чтобы правительство сохранило в Кабарде прежние феодально-крепостнические отношения. Но правительство, отменив крепостничество в центре, не могло его сохранить на окраинах. Учитывая отрицательное отношение кабардинских рабовладельцев к крестьянской реформе, правительство предоставило им полную возможность оградить в реформе свои классовые интересы. Рабовладельцам была предоставлена возможность максимально защищать свои классовые интересы в условиях, составленных самими феодалами для проведения крестьянской реформы. И несмотря на это, кабардинские феодалы считали себя

весьма «обиженными» правительством, принудившим их к освобождению холопов.

Зависимые сословия хотя и были отстранены от решения крестьянского вопроса в Кабарде, тем не менее имели свою точку зрения на предстоящую реформу и далее, в противовес феодальным «Правилам», выставили свои условия для решения холопского вопроса. Эти условия сводились к тому, чтобы «выкупная плата была установлена для всех возрастов одинаковая в 100 руб. с тем, чтобы имущество осталось за ними безраздельно или отдают все имущество с тем, чтобы не было выкупной платы »[89].

Итак, по условиям холопов, рабовладелец получал выкуп в размере 100 руб. за каждую освобожденную душу независимо от возраста или лее холоп отдавал владельцу все свое имущество и освобождался без выкупа. Начальник Кабардинского округа полковник Нурид, не придав должного внимания выдвинутым холопами условиям освобождения, заметил, что «нет надежды, чтобы холопы делали более умные заявления». Однако член Главного комитета полковник Черкесов, возражая Нуриду, заметил резонно, что заявления не так уж глупы, как кажутся Нуриду. Полковник Черкесов разъяснил Нуриду, что «сделанные ими заявления вовсе не глупы: по их предложению, семья из шести душ - отец 45 лет, жена 34 года, сын 17 лет, дочь 13 лет, сын 9 лет, дочь 5 лет, внесет 600 руб. и получит все имущество, а по предложению владельцев та же семья внесет владельцу 825 руб. и получит только '/ имущества».

«Правила», составленные кабардинскими феодалами для освобождения зависимых сословий и утвержденные наместником Кавказа, подверглись резкой критике со стороны члена Главного комитета полковника Черкесова, открыто заявившего, что «нельзя придавать силы закона тем правилам, которые, гарантируя интересы только владельцев, слишком тягостны для холопов». Полковник Черкесов выступал с критикой основных положений «Правил» феодалов. Он был не согласен с размером выкупа, с решением вопроса об имуществе холопов и, наконец, с освобождением холопов по обычаю путем добровольных между феодалами и холопами соглашений.

Размер выкупной платы, предусмотренный правилами феодалов, некоторые администраторы сами считали непомерно высоким, а потому они не раз предлагали начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду добиться у феодалов снижения. Феодалы, не желая идти ни на какие холопам уступки и, напротив, желая сохранить за собой свободу грабежа своих холопов, выдвинули завуалированный обычаем народа принцип добровольных соглашений, являвшийся еще более тяжелой формой грабежа холопов. Полковник Черкесов был против выкупа вообще. Он писал, что «выкуп за личность не может

быть допущен». Он указывал, что «в установлении выкупной платы кабардинцы не сделали никакой уступки, так как по заявлению лиц, знакомых с бытом Кабарды, это есть действительно существующая продажная плата, что засвидетельствовал и начальник округа, говоря, что кабардинские владельцы сделали уступку в том, что выставили не цены, существующие при выкупе по обычаю значительно высшие, а обыкновенные продажные цены», размер которых, как указывалось, колебался от 200 до 500 руб. Полковник Черкесов не без основания констатировал, что кабардинские феодалы в определении выкупной цены не сделали никаких уступок, а определили ту пену, которая существовала в Кабарде.

Имущество холопов, составлявшее источник их существования и экономическую основу феодальных повинностей, по мнению полковника Черкесова, должно было составить неделимую собственность холопов, допуская при этом возможность сохранения и выкупной платы в размере, предусмотренном в «Правилах». Выступая в защиту этой точки зрения, полковник Черкесов указывал, что «так как имущество было предметом, который давал холопу возможность как поддерживать себя, так и отбывать повинность в пользу владельца, то правильнее всего было бы все имущество, не исключая дидовосбелым, оставить безраздельно за холопами. Только оставлением всего имущества за холопами может быть справедливо установление выкупной платы (и при этом весьма высокой) за личность».

Таким образом, полковник Черкесов в основном разделил точку зрения холопов, определявших размер выкупной платы в 100 руб. за душу, независимо от возраста, при условии, однако, признания за холопами прав неделимой собственности на все имущество.

Добровольные между феодалами и холопами соглашения заключались на основе народных обычаев, под прикрытием которых кабардинские рабовладельцы грабили и раздевали своих холопов.

В подтверждение господствовавшего среди кабардинских рабовладельцев мнения о необходимости строгого соблюдения при заключении добровольных соглашений народных обычаев, которые давали феодалам неограниченные возможности самого беззастенчивого грабежа холопов, полковник Черкесов справедливо заметил, что «для правительства валено не то, чтобы был соблюден обычай, а то, чтобы освобождаемые не были обращены в толпу бездомных нищих».

Свою точку зрения о принципах проведения крестьянской реформы в Кабарде полковник Черкесов кратко сформулировал так, «что все имущество должно остаться за холопами, что выкупная плата 120 руб. правильнее, нежели цена 200 руб., что 4-летний срок должен быть предпочтен 7-летнему, что малолет-

ки до 8 лет не должны подлежать выкупу, что для всех возрастов от 8 до 15 лет следует принять общую стоимость около 20 руб.»[90]

По поводу предоставленных кабардинскими феодалами и утвержденных помощником наместника Кавказа «Правил» освобождения зависимых сословий в Кабарде полковник Черкесов писал, что «представленные правила выгодны для владельцев и невыгодны для холопов».

Точка зрения полковника Черкесова, последовательно выступавшего в защиту интересов освобождаемых холопов, встретила сильного противника в лице начальника Кабардинского округа полковника Нурида, защищавшего, напротив, интересы кабардинских рабовладельцев. Полковник Нурид требования полковника Черкесова о необходимости дальнейших со стороны владельцев уступок в пользу холопов находил несправедливыми в отношении феодалов.

Полковник Нурид против очевидности писал, будто «кабардинские рабовладельцы для достижения освобождения холопов путем добровольных соглашений сделали все, что только по справедливости можно было от них требовать и дальнейшие требования уступчивости с их стороны будут похожи на пристрастные действия начальника в пользу холопов»[91].

Полковник Черкесов вполне справедливо возразил полковнику Нуриду, что «требования больших уступок со стороны владельцев начальник округа признает за пристрастные действия в пользу холопов; я же считаю пристрастными действия в пользу владельцев, обременение холопов более тягостными повинностями, чем каковые лежали на них до настоящего времени. Если начальник округа находит несправедливым требование каких-либо дальнейших уступок со стороны владельцев, то я не вижу никаких причин, по которым интересы кабардинских рабовладельцев должны быть в большей мере обеспечены, чем это было сделано относительно русских помещиков»[92].

Хорошо знавший условия освобождения крепостных крестьян в России полковник Черкесов не без основания находил, что русские помещики по сравнению с кабардинскими рабовладельцами понесли от крестьянской реформы 1861 г. громадный материальный ущерб, но тем не менее никто не скажет, что положение 19 февраля 1861 г. было составлено в пользу крепостных крестьян, а не помещиков. «Ежели сравнить размер того вознаграждения,- писал Черкесов, - которое русские помещики получили за потерю права на обязательный труд своих крестьян и за отчуждение крестьянского надела с размером того вознаграждения, которое желают получить кабардинские рабовладельцы за потерю только права на труд, то окажется, что русские помещики понесли громадные потери и тем не менее, вероятно, никто не скажет, что положение 1861 г. составлено пристрастно в пользу крестьян»[93].

Голос полковника Черкесова, защищавшего интересы холопов остался одиноким. Он не получил поддержки ни со стороны Терской областной администрации, ни со стороны членов Главного комитета, и в итоге зависимые сословия Кабарды были предоставлены на произвол местных рабовладельцев, которые осуществили крестьянскую реформу в Кабарде на основании представленных ими «Правил» или путем заключения добровольных с холопами заключений. Оба способа освобождения холопов были крайне разорительны для последних и весьма выгодны для рабовладельцев. Оба способа освобождения крестьян предусматривали чрезмерно высокий выкуп, являвшийся прикрытым законными формами и обычаями народа ограблением зависимых сословий рабовладельцами.

Добившись утверждения представленных «Правил», максимально защищавших интересы рабовладельцев, кабардинские феодалы поставили вопрос о выплате им из государственной казны 15 тыс. руб. за освобождение малолетних детей-сирот. На этот раз кабардинские феодалы не получили поддержки со стороны начальника Терской области генерала Лорис-Меликова, который писал, что «несмотря на все лишения, которым подвергается с потерей холопов рабовладельческое сословие, нет никакого юридического основания допустить, чтобы правительство, освободив на известных началах крестьян во всей империи, сделало исключение для кавказских горцев и пришло к решимости пожертвовать значительные суммы для выкупа зависимых сословий от владельцев»[94].

Вопрос о выплате компенсации кабардинским феодалам за освобождение холопов из государственной казны подвергся обсуждению Кавказского горского управления и Главного комитета. Кавказское горское управление отказало в удовлетворении претензий кабардинских феодалов по тем мотивам, что «при составлении предложений о вознаграждении владельцев невозможно рассчитывать на пособие от казны, которая если и найдет возможным ассигновать какие-либо средства, то разве вознаграждение за бесправных холопов, живших в домах владельцев и не имевших собственного хозяйства, а равно и земли в своем пользовании, собственно в том уважении, что подобные лица, которым необходимо еще устроиться и обзавестись домами и хозяйством, в течение еще долгого времени едва ли имели возможность внести за себя даже ограниченный выкуп владельцам»[95].

Что касается Главного комитета, то и он отверг претензии кабардинских феодалов. На первом своем заседании 4 июня 1866 г. Комитет постановил, чтобы он «при обсуждении предстоящего вопроса о порядке выкупа зависимых сословий имел в виду, что из средств государственного казначейства не может быть отделена никакая сумма в пособие на этот предмет тем из освобожденных, кои, живя отдельным от вла-

дельцев хозяйством, принадлежат к классу совершенно бесправных рабов и что только последние могут рассчитывать на денежное участие правительства в их выкупе»[96].

В это решение важную коррективу внес член Комитета полковник Черкесов, который заявил, что «правительство может, конечно, в виде особой милости дать какое-либо вознаграждение за душу, как например, в Грузии. Оно дало по 25 руб. за каждую душу мужского пола, но таковую милость, во всяком случае, оно может оказать, приняв расходы на свой счет, а не отнеся их на счет холопов»[97].

Ознакомившись с мнением Кавказского горского управления и Главного комитета, наместник Кавказа вопрос о выдаче компенсации все-таки решил в пользу кабардинских рабовладельцев. Он предписал начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову следующее: «Признаю возможным ассигновать сумму для вспомоществования беднейшим из холопов для устройства их хозяйства, а равно обеспечения участия сирот, стариков и вообще бездомных людей. Разрешаю Вам израсходовать на этот предмет по усмотрению Вашему некоторое количество денег взаимообразно из податных сборов от населения области».

В декабре 1866 г. наместник Кавказа другим своим предписанием начальнику Терской области разрешил ассигновать 15 тыс. руб. для выдачи кабардинским феодалам за освобождение их малолетних холопов. «Я разрешаю Вам,- писал наместник Кавказа,— для соответственного вознаграждения тех владельцев, от коих освобождаются все малолетние (до 15-летнего возраста) унауты мужского пола, отчислить из податных сборов текущего года 15 тыс. руб.»[98]

На изложенных выше условиях кабардинские рабовладельцы вместе с Терской администрацией приступили к освобождению своих холопов.

VI. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ СОСЛОВИЙ В КАБАРДЕ

Подготовленная работа к проведению крестьянской реформы в Кабарде протекала по двум основным линиям: по линии выработки основных условий для системы крестьянского права и по линии сбора по возможности исчерпывающих данных о зависимых сословиях. Кабардинские феодалы разработали и представили Терской администрации свои «Правила», на основании которых они хотели осуществить у себя освобождение зависимых сословий. Депутаты от феодалов в августе 1866 г. собрались у начальника Терской области генерала Лорис-Меликова, которого познакомили со своими условиями. По поводу основных принципов, лежавших в основе представленных феодалами «Правил», начальник Терской области телеграфировал наместнику Кавказа: «Документы всей Кабарды в сборе у меня по холопскому вопросу. Сегодня представлена ими просьба об освобождении холопов на следующих основаниях: объявление личной свободы, срочное переходное состояние для выкупа обязательным трудом или взносом денег. Заявления эти нахожу вполне удобоисполнимыми»[99].

В ответ на эту телеграмму генерал Лорис-Меликов на следующий же день получил от наместника Кавказа ответную телеграмму, в которой благодарил кабардинских князей за содействие правительству в проведении крестьянской реформы в Кабарде. Через короткое время генерал Лорис-Меликов представил наместнику Кавказа составленные кабардинскими рабовладельцами «Правила» для освобождения холопов, после ознакомления с которыми наместник Кавказа писал генералу Лорис-Меликову: «Дабы предупредить несоразмеримо большие требования владельцев, облегчить возможность заключения условий и устранить могущие возникнуть столкновения, я, по рассмотрению представленного доверенным обеих сторон проекта подобной нормы в отношении главнейшего вида обрядных холопов - логанаутов, признал возможным утвердить основания, в нем изложенные, и теперь же принять их в руководство»[100]. Наместник Кавказа приказал начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову «в порядке решения крестьянского вопроса в той части края сообразоваться с выставленными самим населением желаниями».

Таким образом, после апробации наместником Кавказа «Правила» кабардинских владельцев приняли силу закона. Они были приняты к руководству всеми учреждениями, созданными для проведения крестьянской реформы в Кабарде.

Другим не менее важным вопросом в процессе подготовки к предстоящей крестьянской реформе был сбор по возможности исчерпывающих материалов о крестьянских категориях и о степени их зависимости от феодалов. Сбором необходимых материалов занимались: начальник Кабардинского округа, Кабардинский окружной народный суд, Окружной комитет, а главным образом Сословная комиссия во главе с лучшими знатоками обычаев кабардинского народа и действительным статским советником Кодзоковым. Сведения собирались по заранее составленному администрацией на местах вопроснику по определенной форме. В подавляющем большинстве случаев к даче нужных сведений привлекались главным образом рабовладельцы. Отсюда толкование народных обычаев рабовладельцами не всегда было объективным и беспристрастным. Этим, быть может, отчасти объясняется тот факт, что представленные в июне 1866 г. Кабардинским окружным народным судом сведения Кавказское горское управление нашло недостаточными, хотя и были собраны в строгом соответствии с инструкцией. Гор-

ское управление затребовало от начальника Терской области дополнительные материалы по крестьянскому делу в Кабарде.

Для того чтобы процесс сбора необходимых сведений о зависимых сословиях в Кабарде шел без затруднений, наместник Кавказа «для предупреждения затруднений, могущих встретиться при сборе сведений о зависимых сословиях и принадлежности лиц этих сословий известному владельцу, изволил воспретить продажу, дар, всякого рода отчуждения и переход из одного места жительства на другое лиц всех видов зависимых сословий не только из пределов одних областей и округов в пределы других, но и внутри округов, переход из одной общины в другую»'"[1].

Несмотря на то что были организованы учреждения для проведения крестьянской реформы, разработаны и утверждены «Правила», которыми должны были руководствоваться при освобождении крестьян, и собраны почти исчерпывающие сведения о зависимых сословиях, высшие руководящие учреждения не осмеливались приступить к освобождению холопов. Крестьянская реформа затягивалась. В связи с этим среди рабовладельцев, и в особенности среди холопов, пошли различные слухи и, в частности, о том, будто «холопский вопрос отложен еще на 20 лет». Начальник Кабардинского округа в связи с этими слухами, будоражившими кабардинское общество, заверил высшее начальство «уладить все, окончить это дело без всякого нарушения порядка в округе», но в то же время он предупреждал, что «дело об освобождении в Кабарде холопов зашло так далеко, что не только нет отступления, но всякое замедление затрудняет его».

Точка зрения полковника Нурида была поддержана начальником Терской области генералом Лорис-Меликовым, и 16 сентября 1866 г. последовало телеграфное распоряжение помощника Главнокомандующего Кавказской армией генерала Карцева, который сообщил, что наместник Кавказа одобрил представленные основания освобождения холопов, благодарит кабардинцев и принимает их просьбу. Разрешает произвести освобождение обрядных по обычаю, согласно их просьбе, в течение 5 или 6 лет. Слухам пусть не верят»[102].

В ноябре 1866 г. начальник Терской области генерал Лорис-Меликов вызвал к себе представителей кабардинских рабовладельцев и объявил им предписание наместника Кавказа об освобождении зависимых сословий в Кабарде. Начальник Терской области генерал Лорис-Меликов устроил для рабовладельцев официальный обед, на котором растроганные приемом и вниманием со стороны правительства рабовладельцы просили генерала Лорис-Меликова разрешить им отправить наместнику благодарственную телеграмму. Просьба их была удовлетворена. В своей телеграмме кабардинские рабовладельцы писали: «Повеление об освобождении холопов объявлено нам сегодня. Приносим чувства глубокой признательности за то, что, указав путь к выполнению священной для нас воли государя императора, вы предоставили нам возможность стать в ряды людей, сочувствующих сему благодеянию»[103]. Телеграмму подписали депутаты кабардинских феодалов в количестве 21 человека.

Наместник Кавказа в ответной телеграмме от 28 ноября 1866 г. писал кабардинским депутатам следующее: «Искренне благодарю всех депутатов за радостную депешу. Государь император поручил мне передать свое довольствие кабардинскому народу за готовность, которую он выразил для содействия благим намерениям императорского правительства. Его величество надеется, что начатые преобразования пойдут успешно для упрочения благосостояния верных кабардинцев»[104]. Одновременно наместник Кавказа писал начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову: «Прошу Вас благодарить от меня кабардинцев за то, что они в настоящем случае показали опять, что по своему развитию достойны считаться первым народом между горскими племенами Кавказа и что они понимают, что не в бессильном и легкомысленном сопротивлении правительственным видам, а в сочувствии и содействии им лежит залог их общественного развития и благосостояния»[105].

Несмотря на то что с кабардинскими феодалами был найден общий язык по вопросу об освобождении сословий, несмотря на то что почти все условия, выставленные рабовладельцами, были безоговорочно приняты правительством, кавказская администрация тем не менее была очень обеспокоена исходом крестьянской реформы в Кабарде. Правительство боялось главным образом выступлений холопов, которые освобождались путем заключения добровольных соглашений. Добровольные соглашения для холопов представляли собой грабеж: вместо предусмотренного «Правилами» выкупа в 200 руб. феодал взимал с холопа его продажную цену, колебавшуюся от 200 до 500 руб., а сверх этого выкупа он присваивал еще $^2/_3$ его имущества. Чтобы не быть голословным, я позволю себе привести несколько фактов, свидетельствующих о том, что освобождение холопов путем добровольных соглашений для холопов было именно двойным грабежом. Полковник Атажукин по добровольному соглашению освободил своего холопа Эсевана Саинова, взыскав с него выкуп в размере 500 руб. Другой рабовладелец - Бекмурза Мисостов - освободил своего холопа Селима Маремова за выкуп в 400 руб. Исмаил-Хаджи Мисостов освободил своего холопа Нура Метова за выкуп в 300 руб.

Аналогичных фактов можно привести множество, но и приведенных достаточно, чтобы понять разорительный характер освобождения холопов путем добровольных соглашений.

Еще разорительнее был для них этот путь освобождения тем, что он предусматривал присвоение феодалом почти всего имущества крестьянина.

Из актов, заменявших собой уставные грамоты, ясно видно, что рабовладельцы на имуществе освобожденных холопов наживали большие богатства. Так, упомянутый выше полковник Атажукин при освобождении своих холопов Курмана и Эльмурзы присвоил их имущество, состоявшее из 260 овец, 70 голов крупного рогатого скота и 10 лошадей. Князь Дикинов при освобождении своего холопа Сулеймана Теуважева присвоил его имущество, состоявшее из 46 баранов, 15 голов крупного рогатого скота, одной лошади, 22 тулупов, 2 веревок, 2 арб, 3 сапеток меда, 1 плуга и 34 руб. денег. Рабовладелец Ахметов при освобождении холопа Алшази присвоил из его имущества 330 баранов и 15 голов крупного рогатого скота. Владельцы Чепеловы из имущества холопа Девлет-Гирея присвоили 11 лошадей, 10 голов крупного рогатого скота и 60 овец. Владельцы Урусбиевы из имущества Хасана Кагкаева присвоили 4 лошадей, 3 ослов, 250 овец, 13 голов крупного рогатого скота, а из имущества холопа Кара Будаева - 290 овец, 46 голов крупного рогатого скота, 7 лошадей и значительное число ослов.

Холопы, желая скорее выйти на волю, нередко соглашались на явно разорительные для них условия освобождения. Даже начальник Терской области генерал Лорис-Меликов вынужден был констатировать, что «при рассмотрении добровольных сделок нельзя было прийти к заключению о необходимости установления какой-либо нормы, гарантирующей интересы холопов, которые до сих пор при желании приобрести свободу соглашались на условия, нередко для них обременительные».

Во избежание массовых возмущений обираемых холопов правительство наконец решило несколько умерить хищнический аппетит кабардинских рабовладельцев. С этой целью начальник Терской области генерал Лорис-Меликов предписал начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду, что «необходимо возложить на обязанность лиц, назначенных в составе посредников при заключении условий, не допускать увеличения выкупной платы против той, какая назначена в «Правилах» и даже стараться склонить владельцев к возможно большим уступкам в пользу холопов».

Кабардинские рабовладельцы на уступки холопам шли очень туго. Под давлением правительства, побоявшись выступления крестьян, рабовладельцы в своих «Правилах* сделали тем не менее некоторые весьма незначительные уступки. Но на эти уступки они пошли не из чувства сострадания к холопам, а из боязни, что правительство само, вопреки желанию, могло выставить для них менее выгодное условие для освобождения холопов.

Член Главного комитета полковник Черкесов подметил правильно, что «кабардинские рабовладельцы сделали в предложенных ими «Правилах» некоторые (по-моему, незначительные) уступки именно из того опасения, чтобы правительство не поставило менее для них выгодных условий»[106].

Начальник Кабардинского округа полковник Нурид, последовательно защищавший интересы кабардинских рабовладельцев, на указание правительства «старается склонить владельцев к возможно большим уступкам в пользу холопов», но не проявляет никакого интереса к просьбам освобожденных холопов, а напротив, предоставляет их на ограбление феодалам.

Спустя два дня после того, как было дано распоряжение приступить к освобождению зависимых сословий в Кабарде, председатель Главного комитета генерал Карцов писал начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову о том, что наместник Кавказа крайне интересуется известиями из Кабарды, что он очень озабочен ходом освобождения зависимых сословий и поэтому просил Лорис-Меликова почаще давать сведения о крестьянской реформе и тем самым успокоить наместника.

Начальник Кабардинского округа полковник Нурид 14 марта 1867 г. рапортовал начальнику Терской области генералу Лорис-Меликову, что освобождение зависимых сословий в Кабардинском округе закончено. На этом основании Главнокомандующий Кавказской армией Великий князь Михаил 23 марта того же 1867 г. дал приказ по Кавказскому военному округу, в котором писал: «В ноябре месяце истекшего года мною предложено начальнику Терской области приступить к прекращению в Кабарде доселе существующих крепостных отношений между различными сословиями. Ныне получил я донесение о повсеместном освобождении в Кабарде всех крепостных в числе более 21 тыс. душ»[107].

Из данных, собранных различными учреждениями, специально созданными для содействия правительству при проведении крестьянской реформы, выяснилось, что наибольшее количество зависимых сословий на всем Северном Кавказе оказалось в Кабарде. По статистическим данным накануне крестьянской реформы в Кабарде свободного населения насчитывалось 38 800 человек. На это количество свободного населения крестьян крепостного состояния приходилось 16 499 человек, подлежащих освобождению.

Крепостные крестьяне, подлежавшие освобождению, состояли из обрядных и безобрядных крестьян. Основная масса зависимых сословий в Кабарде состояла из обрядных крестьян, которых накануне крестьянской реформы насчитывалось 14 030 душ, т. е. 85,04 %. Безобрядных всего было 2469 душ, т. е. 14,96 %. За выкуп обрядных крестьян обоего

пола освобождено в Кабарде 14 630 человек, т. е. 85,04 %; за выкуп безобрядных обоего пола освобождено 2469 человек, т. е. 14,96 %. Незначительная часть обрядных и безобрядных крестьян была освобождена бесплатно. Всего бесплатно было освобождено обрядных крестьян **1171** человек, т. е. 7,1 %, а безобрядных крестьян - 67 человек, т. е. 0,41 %.

В обязательных отношениях у прежних своих феодалов оставлено сроком на 6 лет всего 3446 человек, т. е. 20,69 %, в том числе обрядных 1176 человек, т. е. 7,13 %, и безобрядных 2270 человек, или 13,76 % .

Заслуживает быть отмеченным тот факт, что основная масса крестьян, оставленных в обязательных отношениях к прежним владельцам, состояла из безобрядных крестьян, т. е. домашних рабов, за обладание которыми и боролись накануне крестьянской реформы кабардинские феодалы. Они боролись за то, чтобы безобрядных крестьян во что бы то ни стало сохранить за собою, так как считали бесплатный труд унаутов невозможной для себя утратой. И действительно, труд унаутов в быту кабардинского феодала играл исключительную роль. Трудно себе представить кабардинских феодалов без унаутов, трудом которых они существовали. Каждый кабардинский дворянин, и не только дворянин, но и всякий состоятельный крепостной крестьянин старался купить себе безобрядного холопа, которого за питание и одежду заставлял работать на себя без какого-либо ограничения времени. «Понятие о возможности безбедной и спокойной жизни,- констатировал начальник Терской области генерал Лорис-Меликов,- только при условии владения холопами, сделалось в Кабарде не только достоянием высших сословий, но и распространилось во всей народной массе и выработало исключительное право - право холопа владеть холопом». Обеднение высших сословий, происшедшее вследствие развивавшейся роскоши и отсутствия всякой предприимчивости, привело к тому, что в настоящее время люди низших классов общества и бывшие холопы, выкупившиеся на волю, сделались едва ли не самыми значительными рабовладельцами. Также роскошь и желание высших сословий удовлетворить ее путем наиболее легким, а именно: отпускать холопов на волю, породили многочисленные слухи об освобождении, вследствие чего возникло исключительное числовое отношение свободных к зависимым и дробность владения холопами[108].

Рабовладение в Кабарде имело свои специфические особенности, к числу которых следует отнести право холопа владеть холопом. В силу этого права, освященного народным обычаем, крепостной крестьянин любой категории имел право купить себе холопа, выполнявшего вместо хозяина обязанности перед феодалом, т. е. ходил на барщину, отходные промыслы и оказывал ему предусмотренные народным обычаем услуги.

Этим правом нередко пользовались в Кабарде состоятельные крепостные крестьяне. Каждый крепостной крестьянин, имевший средства, стремился купить себе холопа, рабочим трудом которого обеспечивал свое существование.

Право холопа владеть холопом породило, по-видимому, другую специфическую черту рабовладения в Кабарде. Она заключалась в том, что в Кабарде крупных рабовладельцев, имевших сотни рабов, почти не было. В подавляющем большинстве случаев здесь рабовладельцы имели единицы, в лучшем случае десятки холопов, эксплуатацией которых жили. Эту специфическую черту рабовладения в Кабарде правильно подметил и начальник Терской области генерал Лорис-Меликов, который констатировал, что в Кабарде «нередко встречается, что свободная семья из 15 душ имеет не более 2 холопов».

Нетрудно себе представить, до каких бесчеловечных размеров доходила эксплуатация несчастных холопов, кормящих своим рабским трудом полтора десятка паразитов, считавших для себя физический и вообще всякий труд ниже своего дворянского достоинства. «Для верной оценки значения холопа в жизни кабардинца,- говорится в документе,- необходимо обратить внимание на быт людей высшего сословия в Кабардинском округе, наиболее владевших зависимыми личностями. Религия и нравы женского пола, обреченного на затворничество, тщеславие, отсутствие всякого образования, навык с детства к воинственности, воровству и совершенной праздности феодалов причинили то, что большинство не только князей и таубиев, но и мелких узденей считают всякую работу и занятия для себя унизительными и проводят свою жизнь в разъездах по знакомым или по делам своих клиентов. Трудно поверить, но, к сожалению, есть сотни людей между кабардинцами, которые всю свою жизнь проводят по кунацким, ездят на чужих лошадях, носят чужое платье, и, к удивлению, им не наскучает такая жизнь и они смотрятся всегда исправными наездниками или пользуются всегда приемом».

Таким образом, холоп, и в особенности безобрядный холоп, составлял самый ценный и жизненно необходимый предмет в экономическом быту кабардинского дворянина, вся жизнь которого основывалась на обязательном труде купленного им за дорогую цену холопа и еще более дорогой холопки.

Исключительно важная роль, какую играли безобрядные унауты и унаутки в домашнем быту кабардинского феодала, обусловила существующую на них высокую выкупную плату, по собственному признанию самих феодалов, «в тех, собственно, видах, чтобы значительная плата за их выкуп затрудняла приобретение ими свободы и обеспечивала нам их услуги».

От крестьянской реформы в Кабарде пострадали зависимые категории крестьян, но особенно от нее пострадала самая мно-

гочисленная категория безобрядных логанаутов и категория безобрядкых рабов - унаутов.

Многочисленная категория логанаутов, являвшаяся основным объектом феодальной эксплуатации в Кабарде, была ограблена феодалами вдвойне: ее заставили заплатить за свободу высокий выкуп и отобрали у нее $^2/_3$ имущества.

Таким образом, логанаут вышел на волю почти с голыми руками. Кабардинские феодалы в своих «Правилах» записали, чтобы при освобождении «у каждого работника оставалось не менее пары быков и 2 коров, но на самом деле крестьянские категории ничего этого не получили. Кабардинские рабовладельцы самым беззастенчивым образом обманули своими «Правилами» освобожденных крестьян. Царское правительство, которое, кстати, боялось возмущения крестьян, старалось сократить разыгравшиеся аппетиты кабардинских рабовладельцев и не допустить превращения освобождаемых крестьян в толпу бездомных нищих. Но из этого ничего не могло получиться, т. к. дело освобождения крестьян всецело находилось в руках самих рабовладельцев, которые так повели дело, что освобожденные логанауты вышли из рук своих владетелей обобранными до ниточки, без каких-либо средств к существованию.

Что касается безобрядных унаутов, не имевших вообще никакого имущества, а потому не могущих заплатить за себя выкуп, то они вынуждены были остаться в обязательных отношениях к своим феодалам сроком на 6 лет.

Этим бесправным домашним рабам - унаутам обоего пола - было объявлено, «что* они с 18 ноября 1866 г. остаются в течение 6 лет в обязательных отношениях к своим владельцам, сохраняя право в продолжение этого переходного времени получить полную свободу посредством взноса определенной посредниками выкупной платы»[109].

Это были самые обездоленные крепостные крестьяне, которые, за неимением каких-либо средств для уплаты выкупа, почти все вынуждены были остаться у прежних своих владетелей в качестве временнообязанных. Именно об этой категории крепостных крестьян областная администрация вынуждена была констатировать, что в Кабарде безобрядные холопы не имеют у себя ничего и даже лишены они возможности просуществовать день без посторонней помощи, а потому, «не зная никакого чуждого языка и никакого ремесла», что они будут делать в первое время свободы, значения которой они не понимают и пользоваться которой большая часть не сумеет».

«Что делать с этими несчастными? - задавалась вопросом терская администрация. - Будет ли их положение лучше, если они получат свободу без средств ею пользоваться»[110]. Но из этого затруднительного положения правительство было выведено кабардинскими рабовладельцами, выдвинувшими в своих «Правилах» обязательную работу унаутов на феодалов в течение

6 лет. Таким образом, вопрос о том, куда девать унаутов, этих действительно бездомных нищих, по крайней мере на 6 лет был решен.

Другой вопрос - об обложении государственными налогами причисленных в разряд временнообязанных - в отношении унаутов выражался проще, потому что его разрешение не задевало интересов рабовладельцев. Правительство решило не облагать пока освобождаемых крестьян государственными налогами.

Вопрос об освобождении временнообязанных от государственных повинностей впервые поставлен начальником Кабардинского округа полковником Нуридом. «Принимая во внимание 6-летний срок обязательных отношений, в которых остались отпущенники у своих прежних владельцев,- мотивировал свое ходатайство полковник Нурид,- а равно и уплату выкупной суммы, категорией ранее этого срока не может быть также внесена, и вообще затруднительное положение освобожденных крестьян, понесших с освобождением большие потери в самих хозяйствах, которым, я полагаю, необходимо дать 6 лет на устройство своего быта и в продолжение этого срока освободить от всех государственных повинностей»[111].

По окончании крестьянской реформы многие из временнообязанных крестьян начали подавать заявления в местные посреднические суды о своем свободном происхождении и неправильном их закрепощении местными феодалами. По мнению местных администраторов, подобные заявления временнообязанных крестьян будто бы основывались большей частью на «темных слухах о свободном их происхождении, переданных им людьми, не заслуживающими доверия, не подтвержденные впоследствии никакими доказательствами и на этом ложном убеждении будто бы правительство, даровав им раз свободу, готово и на другие для них уступки в ущерб интересам их бывших владельцев». Исходя из сказанного, Кавказское горское управление распорядилось, что «окончательным сроком для принятия к разбирательству в суде заявлений временнообязанных о неправильном их порабощении, назначается 1 марта сего 1869 г., после какового срока все предъявленные к разбирательству надобные иски должны будут оставаться без всяких последствий»[112].

По окончании крестьянской реформы последовало распоряжение наместника Кавказа о том, «чтобы всем предоставить однообразные права со всем остальным свободным населением Кабарды в отношении поземельного пользования».

Во исполнение этой директивы наместника Кавказа, терской администрацией были приняты меры к изысканию земель для наделения освобожденных кабардинских холопов. Но решить эту задачу в конкретных условиях трудно за отсутствием в Кабарде свободных земель.

57 Заказ № 106

До укрепления власти России на Северном Кавказе всеми предгорными равнинами Центрального Кавказа владели кабардинские феодалы, в полной или частичной зависимости от которых находились почти все горцы, занимавшие бесплодные горные ущелья. Кабардинские феодалы на предгорной равнине занимались преимущественно скотоводством, которое они вели силами своих крепостных крестьян. Тем не менее среди кабардинских феодалов еще в старые времена были такие люди, которые «старались о закреплении за собою земель, основывая права свои или на древних обычаях, или на документах, добытых ими от правительства».

Крупными земельными собственниками в Кабарде были князья Бековичи-Черкасские, имевшие 100 тыс. десятин земли, которыми они владели еще со времен Петра I, на поместном праве.

Для удовлетворения освобожденных кабардинских холопов землею правительство добилось актом от 20 августа 1869 г. отчуждения в Кабарде частновладельческих земель. Кабардинские феодалы, признав свои земли общественными, оказали правительству огромную услугу, заключавшуюся в том, что правительство получило возможность ускорить освобождение в Кабарде зависимых сословий с наделом их землею.

В результате акта от 20 августа 1869 г. были уточнены внешние границы Большой Кабарды, примыкавшей к Пяти горским обществам, возвращены кабардинцам земли по кордонной линии от Кичмалки до Карачая и, наконец, за кабардинцами были навсегда закреплены зольские и этокские земли.

Для удовлетворения освобождаемых холопов в Малой Кабарде необходимо было медиатизировать 100 тыс. десятин, принадлежавших князьям Бековичам-Черкасским. На ходатайство начальника Терской области о покупке земель у Бековичей-Черкасских за счет государственной казны и о наделении ими освобожденных в Малой Кабарде холопов последовало согласие высших властей. Весь участок Бековичей-Черкасских, находившийся между Тереком, левым берегом Курпа и Малокабардинским хребтом, в количестве 100 тыс. десятин был куплен государственной казной по цене 1 руб. 50 коп. за десятину. Тогда же за малокабардинцами были закреплены и горные пастбища между Эшкаконом и Кумой.

Покупка земель Бековичей-Черкасских была оформлена 12 января 1866 г. в присутствии членов кодзоковской комиссии, начальника Кабардинского округа полковника Нурида, начальника Малокабардинского участка и 9 депутатов от кабардинского народа.

На этом совещании было принято решение об укрупнении малокабардинских сел и наделении их земельными угодьями. Из 19 малокабардинских сел было образовано 9, которые были наделены землей.

Таким образом, к концу 1866 г. вся Кабарда в поземельном отношении, основанном на принципе общинного права владения землей, получила окончательное землеустройство, после чего царское правительство приобрело возможность приступить к освобождению зависимых сословий с наделом их землею.

Крестьянская реформа в Кабарде осуществлялась в довольно сложной обстановке. Запутанность отношений зависимых сословий и феодалов усугубляла сложность обстановки, в которой проводилась реформа. Терская администрация не без основания считала, что если обозначится правильный исход дела в Кабарде, то освобождение зависимых сословий в прочих округах не встретит уже затруднений.

В результате крестьянской реформы 1867 г. зависимые сословия Кабарды свободы не получили. Как указывал В. И. Ленин в отношении русских помещиков, и кабардинские рабовладельцы, «взявши выкуп за личное освобождение крестьян, все же не сделали свободными людей, их оставили временнообязанными, их оставили низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распоряжаться своей землей, свободно поселяться в любой местности государства»[114].

Крестьянская реформа, проведенная в России в 1861 г. и одновременно осуществленная на окраинах, по справедливой оценке В. И. Ленина, «является величайшим историческим примером того, до какой степени искаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства»[115].

Крестьянские массы Кабарды тем не менее извлекли из реформы 1867 г. великий для себя урок: они поняли, что рабовладельцы добровольно им свободы не дадут, а потому ее надо брать вооруженной рукой. И трудящиеся массы Кабарды попытались это сделать в революции 1905 г. и в вооруженном против царизма и помещиков восстании 1913 г., которое хотя и было разгромлено царизмом, но для трудящихся масс Кабарды имело большое революционизирующее значение.

Уроки революционной борьбы были учтены трудящимися массами Кабарды в Октябрьской революции 1917 г., в которой они под руководством великой партии Ленина-Сталина, вместе со всеми народами Советского Союза, завоевали себе настоящую свободу.

Март, 1953 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Максимов Е.* 20-летие освобождения зависимых сословий Терской области // Кавказ. 1892. № 178.

[2] *Авалиани С. А.* Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914.

[3] *Кокиев Г. А.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.

[4] Кавказ/1867. № 27.

[8] *Е. Св.* Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах. 1868. Вып. 1. Отд. 8.

[6] Терские ведомости. № 16 и 29 за 1892 г.

[7] Моск. центр, историч. архив, д. № 19247, л. 25.

[8] Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 9. С. 211.

[9] Известие Кав. отд. Импер. русск. географ, об-ва. Т. 8. Кн. 2. С. 372.

[10] Кавказ. 1892. №178-180.

[11] *Авалиани С. А.* Указ. соч.

[12] *Кокиев Г. А.* Крестьянская реформа в Кабарде (документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г.). Нальчик, 1947.

[13] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 243.

[14] Там же. С. 405.

[15] Там же. Т. 27. С. 785.

[16] *Кокиев Г. А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // Ученые записки Ин-та нар. Востока. М., 1930. Т. 2. С. 78.

[17] О правах высших горских сословий. Тифлис, 1885. С. 5.

[18] *Кокиев Г. А.* Крестьянская реформа в Кабарде (в дальнейшем Материалы»). 1947. С. 91.

[19] Материалы. С. 100.

[20] Там же. С. 84.

[21] Там же. С. 84.

[22] Там же. С. 84.

[23] *Ленин В. И.* Соч. Т. 11, (10), изд. 2; ср.: С. 126, 127; ср.: Т. 5. С. 93; ср.: К. Маркс. Капитал. Т. 3. С. 697 (изд.1936 г.).

[24] *Маркс К.* Капитал. Т. 3. С. 698, 699 (изд. 1936).

[25] Там же. Т. 3. С. 696.

[26] Там же. М., 1936. Т. 3. С. 699.

[27] Там же. С. 702.

[28] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. М., 1931. Т. 14. С. 451.

[29] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. М., 1937. Т. 26. Ч. 1. С. 41.

[30] *Ленин В. И.* Соч. М., 1923. Т. 18. С. 631.

[31] *Ленин В. И.* Соч. М., 1923. Т. 9. С. 632.

[32] *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР // Правда. № 277 1952. 3 окт.

[33] В кружках показаны сословия феодального класса, а в квадратиках - зависимые крестьянские категории.

[34] *Ленин В. И.* Соч. Т. 15. С.143.

[36] *Покровский М. Н.* Крестьянская реформа. Харьков, 1926. С. 7.

[3с] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. Ч. 2. С. 393.

[37] Там же.

[38] Материалы. С. 60.

[39] Материалы о дигорском феодализме. Орджоникидзе, 1933. С. 36.

[40] Ленинградский исторический архив. 1867. д. № 138, л. 3 и об.

[41] Материалы. С. 77.

[42] Там же. С. 101.

[43] Там же. С. 118.

[44] Там же. С. 127.

[46] Там же. С. 166.

Ц: [4в] Там же. С. 163.

[47] *Грабовскии Н.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1867. Вып. 9. С. 211.

[48] Материалы. 1947. С. 99.

[49] Там же.

[50] Там нее.

[51] *Ленин В. И.* Соч. Т. 11. С. 349 (изд. 3).

[52] Там же. С. 350.

[63] *Покровский М. Н.* Соч. С. 27.

[54] *Ленин В. И.* Соч. Т. 11. С. 378.

[56] *Ленин В. И.* Соч. Т. 15. С. 142.

[66] *Ленин В. И.* Соч. Т. 2. С. 529.

[57] *Ленин В. И.* Соч. Т. 2. С. 98.

[68] *Маркс К,* и *Энгельс Ф,* Соч. М., 1936. Т. 26. Ч. 2. С. 30

[59] *Ленин В. И.* Соч. Т. 3. С. 494; ср.: Т. 15, С. 466.

[60] *Ленин В. И.* Соч. Т. 29. С. 439.

[6'] *Ленин В. И.* Соч. Т. 7. С. 514.

[62] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. М., 1929. Т. 22. С. 337.

[63] *Энгельс Ф.* О социальном развитии России.

[64] *Ленин В. И.* Соч. Т. 15. С. 109.

[65] Материалы. С. 217.

[86] Там же. С. 216.

[67] Там же. С. 220, 221.

[88] Мусульманин. Париж, 1911. № 14-17, С. 621, 622

[69] Материалы. С. 128.

[70] *Кудашев.* Цит. соч. С. 192, 193.

[71] Материалы. СПб.

[72] Там же. С. 112.

[73] Там же. С. 53.

[74] Там же. С. 134.

[75] Там же. С. 226.

[76] Там же. С. 167.

[77] Там же. С. 219, 220.

[78] Там же. С. 104.

[79] Там же. С. 47.

[80] Там же. С. 114.

[81] Там же. С. 99.

[82] Там же. С. 75.

[83] Там же. С. 64.

[84] Там же. С. 66.

[86] Там же. С. 79.

[86] Там же. С. 149.

[87] *Маркс К.* Капитал. 1936. Т. 3. С. 698.

[88] Материалы. С.122.

[89] Там же. С. 248. Прим. 30.

[90] Там же. С. 142.

[91] Там же. С. 130.

[92] Там же. С. 139.

[93] Там же. С. 247. Прим. 2, 3.

[94] Там же. С. 79.

[95] Там же. С. 40.

[96] Там же. С. 54.

[97] Там же. С. 248. Прим. 27.

[98] Там же. С. 166.

[99] Там же. С. 68.

[100] Там же. С. 153.

[101] Там же. С.61.

[102] Там же. С. 109.

[103] Материалы. С. 145.
[104] Там же. С. 150.
[105] Там же. С.152.
[106] Там же. С. 245. Прим. 4.
[107] Там же. С. 189.
[108] Там же. С. 76.
[109] Там же. С. 153.
[110] Там же. С. 101.
[111] Там же. С. 197.
[112] Там же. С. 212.
[114] *Ленин В. И.* Соч Т. 4. С. 100.
[115] Там же

;C -aii

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Т. Мамбетов. Г. А. Кокиев - выдающийся исследователь истории Кабарды . . . 3
К вопросу об аталычестве . . . 19
Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе . . . 24
К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) . . . 44
Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата . . . 49
К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. . . . 62
Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. . . . 75
Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. . . . 122
Русско-кабардинские отношения в IX-XIII вв. . . . 178
Русско-кабардинские, отношения в XV-XVII вв. . . . 184
Кабарда под гнетом султанской Турции и ее вассала — Крымского ханства . . . 194
Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами . . . 198
Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX в. . . . 207
К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории . . . 216
Переселение кабардинских холопов в Моздок в XVIII в. . . . 224
Англо-турецкие агенты среди черкесов в первой половине XIX в. . . . 232
Геологическая экспедиция Московского государства в Кабарде в 1628 г. . . . 238
Выдающийся ученый и просветитель кабардинского народа . . . 244
Шора Бекмурзович Ногмов - выдающийся кабардинский ученый и просветитель. К столетию со дня смерти (1844-1944) . . . 253
Историк кабардинского народа (К 100-летию со дня смерти Шоры Бекмурзовича Ногмова) . . . 280
Введение к книге Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа» (Нальчик, 1947) . . . 283
Примечания - комментарии к книге Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа» (Нальчик, 1947) . . . 290
Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. . . . 305
Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917-1921) . . . 318
Товарищ Сталин - создатель Горской Автономной ССР . . . 363
Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. . . . 367
Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев) . . . 389
Краткий исторический очерк Кабарды . . . 411
Военное воспитание у кабардинцев в прошлом . . . 470
Роль Темрюка в сближении Кабарды с Московским государством . . . 532
Малокабардинские поселения в XVI-XVIH вв. на Северном Кавказе . . . 536
Русско-кабардинские отношения в XVI в. . . . 563
Кабардинский временный суд . . . 602
Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. . . . 609
Крестьянская реформа в Кабарде в 1867 г. . . . 838

'i.

Научное издание

ИСТОРИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В ТРУДАХ Г. А. КОКИЕВА

Сборник статей и документов

Зав. редакцией *Л. О. Тамазова*
Редакторы: *В. М. Аталиков*, *Ф. А. Мугутдинова*
Художник *В. И. Мартынова*
Технический редактор *Т. В. Демьяненко*
Корректор *Н. В. Римская*
Компьютерная верстка *Н. Т. Расторгуевой*

ISBN 58819567I-0

785881 "956714

Рег. № 1020700753952 от 06.02. 2004.
Сдано в набор 18.02.04. Подписано в печать 25.02.2005.
Формат 84x108 1/ . Печать офсетная
Гарнитура School Book. Бумага офсетная
Усл. п. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,02
Тираж 500 экз. Заказ № 36

Издательский центр «Эль-Фа»
ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.»
Министерства печати и информации КБР
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.